

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт социальных наук
Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СТАТИСТИКИ ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра социологии
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Сборник научных трудов

Научный редактор:

доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных

Члены редакционной коллегии:

Антонова Н. Л., Андриянова Т. В., Вахтина М. А., Данилов А. Н., Зотов В. В.,
Зырянов В. В., Кривошеев В. В., Левченко И. Е., Ватолина Е. В., Матвеева Е. В.,
Найденова Л. И., Пугач В. Ф., Полякова В. В., Саблина Н. А., Сигачева Е. Г.,
Цветкова И. В., Чирун С. Н., Шинкевич В. Е., Шпрах В. В.

Э41

Экспертные институты в условиях новых глобальных угроз и вызовов : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2026. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2495-8.2026.1-778>

ISBN 978-5-9624-2495-8

Издание отражает уникальные особенности развития экспертных институтов в эпоху системных кризисов и глобальных перемен, новые форматы деятельности экспертных центров и экспертных сообществ в цифровую эпоху, роль науки и высшей школы в современных условиях. Анализируются проблемы и новые сферы применения экспертных технологий и экспертной культуры в процессах принятия решений. Теоретико-методологические и практико-ориентированные подходы в исследовании закономерностей и тенденций развития экспертных институтов в условиях новых глобальных угроз и вызовов апробированы на Пятой международной научно-практической конференции «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов» (г. Иркутск, 4–6 июня 2026 г.). Интерес авторов концентрируется на новом этапе развития экспертных институтов в динамике социальных взаимодействий России и современного мира в свете стратегий исследования глобальных и локальных процессов, теории и практике экспертной деятельности в условиях новых глобальных угроз и вызовов, роли высшей школы, положении на рынке труда и новых векторах цифровизации в России, методологии исследования практик общественного участия в современной России. Традиционно в материалах освещено экспертное видение глобальных угроз и вызовов в концептах развития России и современного мира глазами студенческой молодежи. Представлен широкий спектр современных научных подходов и дискурсивных практик социологической и междисциплинарной направленности, отражающих определение методологических основ деятельности экспертных институтов в условиях становления многополярного мира.

Предназначено для научно-образовательного сообщества, ведущих субъектов регионального развития, представителей органов власти, бизнеса и общественности, а также для всех, кто интересуется спецификой деятельности экспертных институтов в России и за рубежом в условиях системных кризисов и глобальной нестабильности.

УДК 316.3
ББК С5в05

IRKUTSK STATE UNIVERSITY
Institute of Social Sciences
Sociological laboratory of regional problems and innovations
TERRITORIAL BODY OF THE FEDERAL BUREAU OF STATISTICS OF IRKUTSK REGION
BELARUSSIAN STATE UNIVERSITY
Sociology Department
CIVIC CHAMBER OF IRKUTSK REGION

EXPERT INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES

Collection of papers

Scientific editor:

Doctor of Sociology, full professor T. I. Grabelnykh

Editorial board:

Antonova N. L., Andriyanova T. V., Vakhtina M. A., Danilov A. N., Zotov V. V.,
Zyryanov V. V., Krivosheev V. V., Levchenko I. E., Vatolina E. V., Matveeva E. V.,
Naydenova L. I., Pugach V. F., Polyakova V. V., Sablina N. A., Sigacheva E. G.,
Tsvetkova I. V., Chirun S. N., Shinkevich V. E., Shprakh V. V.

Expert institutions in the context of new threats and challenges / ISU [editor
T. I. Grabelnykh]. – Irkutsk : Irkutsk State University Publishing House, 2026
ISBN 978-5-9624-2495-8

This publication reflects the unique development of expert institutions in an era of systemic crises and global change, new formats for expert centers and expert communities in the digital age, and the role of science and higher education in today's context. The authors analyze the challenges and new areas of application of expert technologies and expert culture in decision-making processes. Theoretical, methodological, and practice-oriented approaches to studying the patterns and trends in the development of expert institutions in the face of new global threats and challenges were tested at the Fifth International Scientific and Practical Conference "Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, and Culture in the Face of New Global Threats and Challenges" (Irkutsk, June 4–6, 2026). The authors focus on the new stage of development of expert institutions in the dynamics of social interactions between Russia and the modern world, in light of strategies for studying global and local processes, the theory and practice of expert activity in the context of new global threats and challenges, the role of higher education, the situation in the labor market, and new vectors of digitalization in Russia, as well as the methodology for studying public participation practices in modern Russia. Traditionally, the work highlights expert perspectives on global threats and challenges in the development concepts of Russia and the modern world through the eyes of young students. The publication presents a wide range of modern scientific approaches and discursive practices from a sociological and interdisciplinary perspective, reflecting the definition of the methodological foundations for the activities of expert institutions in the context of the emergence of a multipolar world.

The scientific materials are intended for the scientific and educational community, leading regional development actors, representatives of government agencies, businesses, and the public, as well as for anyone interested in the specifics of the activities of expert institutions in Russia and abroad in the context of systemic crises and global instability.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	19
ПРЕДИСЛОВИЕ	21

РАЗДЕЛ 1. РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ И СОВРЕМЕННОГО МИРА: СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Данилов А. Н. Стратегия коэволюции в многозвучии смыслов современного социума.....	26
Грабельных Т. И. Консенсус и конфликт в динамике социальных взаимодействий России и современного мира: в поиске новой пространственной парадигмы.....	30
Сигачева Е. Г., Манзанова Н. Ю. Комфортная и безопасная среда для жизни как одна из национальных целей России.....	32
Пугач В. Ф. Уровень участия в составе рабочей силы и занятость в России: гендерный аспект.....	37
Зотов В. В. Этические дилеммы внедрения ИИ-технологий в процессы принятия решений.....	41
Лопатина В. Р., Антонова Н. Л. Переосмысление материнства в цифровую эпоху: неформальные эксперты в материнских сообществах.....	44
Нуруллина Э. Р. Исследование трансформаций функций отцовства и материнства как социальных институтов в фокусе новых глобальных угроз и вызовов.....	48
Какаулин С. П. Приоритетные направления развития промышленной политики в Иркутской области: передовой экспертный опыт формирования современных трендов.....	52
Чумлякова Д. В., Шарафутдинов Р. И. Модель взаимодействия высшей школы и органов статистики как фактор повышения эффективности регионального управления.....	58
Маслодудова Н. В. Трансформация парадигмы гуманитарных наук в условиях цифровой цивилизации.....	63
Шайкемелев М. С.-А., Абрахматова Г. А. Экспертное мнение о динамике межэтнических отношений в Казахстане.....	67
Чирун С. Н. Эзотерическое письмо и экзотерическое государственное управление: актуальность политических идей Лео Штрауса для экспертных технологий XXI века.....	73
Кузьмина Е. С. Роль китайского языка в формировании и развитии экспертных институтов в российско-китайском образовательном пространстве.....	80
Лай Юньцзян. Изменения в политике социального обеспечения Китая как ответ на вызов пандемии COVID-19.....	82
Габидуллин Т. Р., Половкина Э. А. Развитие рынка интеллектуальных и экспертных услуг в России.....	87
Дмитриева Ю. Н. Особенности демографических процессов в Сибирском макрорегионе.....	94
Григорьева Е. А., Сибгатуллин Б. А. Демографические и миграционные процессы: статистический анализ и вызовы для социально-экономической стабильности на примере Российской Федерации, Республики Татарстан и Иркутской области.....	99
Лешенко Я. А. Иммиграционные процессы в контексте демографических, трудовых и межэтнических проблем в России в начале XXI века.....	106
Шилова А. Э. Гендерные и возрастные особенности установок населения Кемеровской области – Кузбасса относительно уровня развития сельских территорий региона.....	110
Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Прямое самоуправление как путь преодоления потребительского общества.....	114
Воронцовская Л. Г. Теоретические подходы к оценке эффективности кадровой политики.....	124
Салтыкова Ю. А. Необходимость независимой научной экспертизы при разработке и оценке эффективности национальных проектов на примере национального проекта «Малое и среднее предпринимательство».....	128
Кульминская А. В. Молодые врачи-блогеры как новый субъект экспертной деятельности в сфере здоровьесбережения населения.....	133
Абросимова Е. И. Детерминация «переключения» в языковых взаимодействиях как способ саморепрезентации в социуме.....	137

Гончар О. Н. Крайне правые идеологии в Европе: преемственность, модернизация и место в новой архитектуре европейской безопасности	140
Жабуровская А. А. Патриотическое воспитание в гибридной войне: трансформация традиционных институтов и роль цифровых платформ.....	144
Каримова Р. М. Практики питания населения Республики Башкортостан (по данным выборочных обследований).....	149
Латыпов Т. И., Дудочников А. И. Демографические факторы формирования рынка потребительского кредитования.....	154
Лоскутникова Н. А., Галкина Н. А. Медико-демографические проблемы Пермского края в контексте глобальных вызовов	157
Меньшикова А. А., Малетина М. С., Мусарова М. С. Расширение возможностей экспертной деятельности сообществ медицинской сферы.....	164
Пинигин И. Е. Показатели эффективности в социальном управлении на Ямале.....	166
Журавлева А. А. Цифровая асимметрия и культурные барьеры в российско-китайских деловых коммуникациях: эмпирический анализ адаптивных стратегий	168
Апанина А. В. Влияние специальной военной операции на рождаемость в Российской Федерации	172
Турсунгалиева Л. М. К вопросу истории адаптации участников боевых действий к условиям гражданской жизни в мире, СССР и России	174
Бельский А. М. Львоводство в социологическом измерении	180
Мыльникова Я. В. Животноводство: социально-экономическая роль и актуальные проблемы отрасли	187
Пятков М. О. Сетевые модели взаимодействия власти и бизнеса в регионах ресурсного типа: от антикоррупционных стратегий к ESG-повестке	192
Шелегова И. Е., Никотина Е. В. К вопросу об экспертной оценке объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство».....	195
Чуркина Е. С. Оценка государственной поддержки аграрного сектора экономики Кемеровской области – Кузбасса на основе экспертного интервью	200
Ярцева Ю. Р. Специфика развития региональной системы здравоохранения Иркутской области: экспертный анализ.....	204

РАЗДЕЛ 2. ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Шинкевич В. Е. Экспертный подход к анализу показателей ежегодного мониторинга наркоситуации регионального социума	208
Курбанов А. Х., Тимошин В. А. Перспективы использования интеллектуального потенциала экспертного сообщества в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	213
Ардашев Р. Г., Адилев А. Н. Социальная безопасность в контексте социальных рисков.....	217
Левченко И. Е. Истоки формирования немецкой экспертной культуры: танатосоциология марксизма.....	221
Смирнов А. Е. О феномене нарциссизма в обществах индустриального и постиндустриального типа	226
Маслодудова Н. В. Медиа как пространство эстетико-эпистемических рисков: реализация экспертной культуры в условиях цифровой девальвации восприятия.....	230
Блишунев Д. А. Политические сети в эпоху алгоритмической власти: трансформация участия и контроля в цифровом пространстве	235
Полякова В. В. Патриотическое воспитание в современных школах: экспертный анализ сайтов школ г. Екатеринбурга.....	239
Айченшева Р. П. Наставничество в статистическом производстве как инструмент трансляции и развития трудовой культуры.....	245
Сакович А. Ю. Репродуктивные установки и семейные ценности студентов аграрных вузов Республики Беларусь (социологический анализ).....	249
Скорова Е. С., Андриянова Т. В. Проекты креативного пространства как объект экспертной оценки.....	252
Кравченко А. О. Социологическая экспертиза профилактики ВИЧ-инфекции среди молодежи как инструмент обеспечения демографической безопасности региона.....	255

Ильин Д. К., Румянцев И. В. Роль СМИ в реализации экспертной культуры и экспертного знания в условиях новых глобальных угроз и вызовов.....	258
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В. Этнокультурные ценности как фактор гражданской идентичности молодежи.....	262
Удалых С. К. Трансформация экспертной деятельности и проблемы улучшения экологического благополучия.....	264
Гамерник Е. В. Развитие внутреннего туризма в современной России (по результатам комплексного социологического исследования в Иркутской области).....	271
Прушенова К. Ю., Кружкова Я. А. Гостеприимство как адаптивный механизм: сравнительный анализ традиций коренных народов (бурят) и русских старожилов в контексте гостиничного дела.....	273
Жербакова М. Г. Российские ценности как базовые условия формирования социальной сплоченности населения в современных условиях: экспертные мнения и оценки.....	277
Донских Н. И. Развитие института вовлеченного отцовства в России: ресурсы, барьеры, перспективы.....	280
Причислых Т. А. Изменение репродуктивных установок молодежи в современной России: причины и последствия.....	284
Попова В. В. Современная практика экспертизы программ учреждений социального обслуживания населения.....	287
Потехина Е. С. Основные направления государственной политики по поддержке семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в России.....	291
Коробкова А. А. Молодежная политика в пространстве постправды: между традиционными ценностями и новой этикой.....	293
Попов М. Ю. Портрет эксперта в области социальных исследований игровой культуры и игровой индустрии.....	297
Банадыев С. Д. «Пушкинская карта» как инструмент реализации государственной культурной политики на региональном уровне (на примере Иркутской области).....	299
Буня-Борисова Н. Ю. Проблемы внедрения искусственного интеллекта в региональных архивах России в фокусе цифровой социологии (анализ экспертных заключений).....	302
Каблукова В. Е. Специфика формирования регионального бренда как инструмент повышения туристической привлекательности Байкальского региона: экспертный дискурс.....	304
Кружкова Я. А. Парадоксы гостеприимства на Байкале на примере гостиницы «Олимп» в контексте региональной сервисной культуры.....	307

РАЗДЕЛ 3. ВЫСШАЯ ШКОЛА, РЫНОК ТРУДА И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

Найденова Л. И. Качество высшего образования – институциональная основа для формирования интеллектуального капитала университета.....	314
Кривошеев В. В. Социальная травма и включенность студентов в учебный процесс: новое прочтение концепции.....	317
Вахтина М. А. Экспертная деятельность в области социального предпринимательства: новые вызовы.....	320
Тарасова А. Н. Привлечение студентов в качестве экспертов при оценке проектов гуманитарного сотрудничества молодежи России и Республики Беларусь.....	325
Иванченко Н. Н., Гребенкина Л. В. Молодежь на рынке труда Ростовской области.....	329
Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Ватолина Е. В. Изменение представлений о статусе специалиста с высшим образованием на рынке труда: конструирование новых векторов и сфер профессиональной компетентности.....	334
Панфилова А. О. Проблематизируя «цифру»: эксперты – о некоторых рисках цифровизации.....	336
Деренко Н. В., Грошева Н. Б. Анализ рекомендаций по применению искусственного интеллекта в научно-образовательном процессе российских университетов.....	339
Луговской А. В., Матвеева Е. В. Векторы будущего «Телеграм» в восприятии молодежной аудитории (по материалам исследования в Кемеровской области – Кузбассе).....	345
Андрос И. А. Технологический предприниматель: социологическое осмысление феномена.....	348

Лапина А. В. Специфика стабильного спроса на кадровые «развороты» в системе высшего образования российского региона: регулирование кадровых разрывов (на примере Иркутской области)	357
Лобовикова Е. А. Высшее учебное заведение как экспертный центр развития правовой культуры в регионе	360
Зырянов В. В. Проблематика социальных технологий в докторских диссертациях по социологическим наукам (2012–2024 гг.)	362
Кульченкова А. В. Особенности внедрения федерального проекта «Профессионалитет» национального проекта «Молодежь и дети» в российский регион	365
Молчанова В. А., Бондарь М. Н. К вопросу об оценке развития человеческого e-skills капитала	368
Люберцев П. П. Проблема сохранения трудовой мотивации в условиях новой экономической динамики в России: анализ экспертов по рынку труда	373
Алексеева Е. А. От прекаризации к стабильности: экономические мотивы смены предпочтений соискателей на российском рынке труда	375
Маслова Е. В. Выбор рабочих профессий молодежью: актуальные факторы	377
Павлова К. М. Специфика труда психологов в современном российском обществе	379
Назаретян В. Г., Назаретян П. В. Оценка качества подготовки медицинских кадров в фокусе инновационных технологий обучения	382
Мухамедова Л. Л. Внедрение электронного документооборота в кадровой структуре учреждения	386
Валеева М. В. Роль профессиональных ассоциаций в институционализации социологии	389
Затонацкий А. Ю. Периодизация истории социологии США: мнения экспертов	392
Баев П. А. Психологические особенности восприятия денег через призму поисковых запросов в сети Интернет	395
Каширихина А. Е. Феномен «токсичной» продуктивности в рамках института дополнительного образования	399
Хименес Кинтеро Я. Способы решения проблем, связанных с языковыми трудностями в многокультурной аудитории вуза	403
Цветкова И. В. Структура традиционных ценностей тольяттинских студентов	407
Шинкевич В. Е. Сохранение истории малой родины и семьи как традиционной ценности в условиях образовательного процесса	412
Боева Е. А., Андриянова Т. В. Великая отечественная война для современного студенчества: цифровизация памяти	415
Корелин М. Н. Физическая культура, спорт и патриотизм в представлениях студенческой молодежи	419
Легостаева И. В. Коммеморативные практики как инструмент формирования корпоративной идентичности студенческой молодежи	423
Деренко Н. В., Максимова В. М. Стратегические аспекты управления исследовательской и проектной деятельностью в условиях VUCA-мира	427
Хуснутдинова А. Х., Дудочников А. И. Особенности медиапотребления и построения виртуального образа личности в условиях цифровизации	434
Яблонская А. Е., Цыганова А. А. Как эпоха цифровизации влияет на поведение потребителей и их выбор в финансовых продуктах и услугах	438
Бубнова Е. А. Умная колонка «Алиса» в системе семейного взаимодействия	442
Матвеева О. А. Как цифровизация меняет изучение общества и людей	444
Атаган А. А. Социально-технологический потенциал моделей цифрового двойника	449
Неруш В. В. Цифровая уязвимость: установки россиян в отношении финансового мошенничества	452
Талалова Ю. А. Роль молодого поколения в трансформации рынка труда в России	456
Кобизь Т. Н. Влияние процесса киберсоциализации на формирование кумиромании у детей подросткового возраста	459
Фурсова И. А. К вопросу влияния цифровых медиа и социальных сетей на представления подростков о семейных и духовных ценностях	463
Гольцова Е. В. Опросные методы оценки экологичности городской среды на примере города Иркутска	466

РАЗДЕЛ 4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

Грабельных Т. И., Янков Ю. П., Куриленкова О. А., Саблина Н. А. Методология исследования современных практик общественного участия: новые концепты, стратегии, экспертизы.....	472
Багатюк Д. Д. Общественный контроль в региональной практике инициативного бюджетирования.....	473
Баева Е. С., Малаканова О. А. От формального представительства к общественному влиянию: на примере анализа деятельности Общественной палаты Самарской области (2009–2025 гг.).....	477
Полюшкевич О. А. Добровольчество как просоциальная практика	482
Изатулина П. С. Опыт взаимодействия органов власти и НКО в условиях цифровых вызовов	486
Машинская Д. А. Антикоррупционная экспертиза: понятие, виды, сущность.....	490
Гладких С. С. Институциональная коррупция в регионах ресурсного типа: политико-сетевой анализ и технологии противодействия.....	494
Кизилова А. Е. Удовлетворенность работой как фактор качества жизни населения Ставропольского края.....	499
Кузнецова Н. А., Партилахав В. В. Буддизм и тибетская медицина как важный социокультурный ресурс развития региона (на примере Забайкальского края и Республики Бурятия)	502
Киселёв Ю. А. Проект жизни как форма субъективности.....	505
Мананиникова Ю. В., Чучелов В. И. Социологическая экспертиза деятельности Общественного объединения правоохранительной направленности ОСП «Тигр» в Пензенской области: актуальные проблемы и перспективы развития.....	509
Мелкоян М. А. Общественное мнение как фактор субъективного счастья.....	517
Мельникова Е. И., Пивень С. Н., Лучезаров А. Н., Шамкова Е. А. Социальная значимость опыта реализации духовно-просветительского проекта Кузбасской православной духовной семинарии «Колокола памяти» при поддержке Фонда президентских грантов 2025.....	521
Леминев М. В. Присутствие без участия: маргинализация молодежи в цифровой среде	526
Мятникова И. В. Культура речи в публичном пространстве: массовые установки в отношении ненормативной лексики (по материалам социологического исследования).....	531
Наумова А. А. Трофей, хранилище, жертва: типология женских образов в российских медиа.....	535
Палашенко Е. В. Налоговый комплаенс современного российского общества.....	541
Кувалдин С. Ю. Мотивы и формы социальной активности российской молодежи	544
Ворожцов А. М. Политическая социология как экспертный фундамент понимания политики	546
Кобец М. А. Военно-патриотическое воспитание в вузе как условие социальной безопасности общества.....	550
Нелюбова О. В. ИТ-социологи как экспертная составляющая в информационном обществе.....	554
Грабельных П. И. Основные детерминанты развития гражданского общества в России в современных условиях: региональный аспект	556
Аббакумова А. А. Влияние социальных факторов на становление системы ценностей российской молодежи в современных реалиях.....	558
Гирко А. А. Проблемы и решения в подготовке молодых кадров для политического анализа на уровне регионов в России.....	560
Дмитриева А. А. Общественное участие населения как способ обеспечения городской среды	563
Болотин И. В. Развитие системы пожаротушения: проблемы и перспективы	566
Селянин М. Н. Современные формы и электронные источники проявления экстремизма	569

РАЗДЕЛ 5. ЭКСПЕРТНОЕ ВИДЕНИЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ В КОНЦЕПТАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ И СОВРЕМЕННОГО МИРА ГЛАЗАМИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Базилян Е. Е. Инфоцыганство: методы манипуляции и психологические причины доверия	573
Бакулина В. И. Механизмы социальной поддержки жертв домашнего насилия в России	580
Башаров А. И. Развитие спорта в России в условиях новых вызовов и угроз: общественное мнение и экспертное мнение.....	582

Беспалова К. С. Цели и ожидания российской молодежи в XXI веке: современные гипотезы и экспертный анализ	584
Бондарева С. А. Стратегия преодоления социального неравенства в современном мире: развитие экспертной методологии	589
Борисова Е. В. Перспективы консалтинговых услуг в сфере управления спортом	592
Буянтуева Ц. Ж. Сохранение культурной идентичности в полисубъектном пространстве России: современные платформенные решения и экспертные оценки	596
Васильчук В. А. Причины и последствия девиантного поведения среди детей и подростков в России: методологический анализ и экспертные оценки	600
Вовиков И. Е. Реализация кластерной политики в контексте импортозамещения на примере Иркутской области	603
Волчек Е. И. Специфика проявления тревожности в мегаполисах и малых городах России: методология экспертного анализа	607
Габдулхакова Ю. Ш. Проблемы и основные направления повышения качества медицинских услуг в России: к определению роли эксперта	612
Голобородько А. Н. Специфика адаптации сельских сообществ к условиям Арктики: комплексный анализ на материалах республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Магаданской области	615
Горбунов Г. П. Онлайн-платформы как пространство развития маркетинговых коммуникаций в современной России	617
Давыдова Д. А. Социально-технологический подход к информационной защите детей: интеграция общественного контроля в российскую модель информационной безопасности	621
Жаргалова Д. Д. Основные стратегии сдерживания миграционного оттока с территории Дальнего Востока: экспертный анализ	624
Зайцева Е. А. Разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере электроэнергетики: проблемы и пути совершенствования	629
Зырянов И. Ю. Роль экспертных институтов России и Египта в контексте противодействия современным глобальным угрозам	633
Коробейникова Д. А. Трансформация семейных ценностей в России в условиях цифровизации	637
Котоманов Н. В. Демографические исследования в фокусе новых глобальных угроз и вызовов	640
Лазарева А. А. Невидимая экономика: экспертная оценка ценности женского домашнего труда в современной России	645
Лака К. В. Научные парадигмы и экспертный дискурс	649
Лаукканен О. С. Эскапистские практики современной молодежи в условиях цифровизации (на примере видеоигр)	651
Ленартович М. С. Социальное положение иностранных студентов в России: методологические основы и исследования	655
Лошакова Н. В. Культура на перекрестке браков: роль экспертных институтов в осмыслении новой российской идентичности	657
Лях А. Р. Трансформация медиапространств в России: экспертный анализ и оценка	660
Малыхина Д. А. Постправда как технология управления: от информационных войн к конструированию политической реальности	664
Малышев В. Г. Критерии нуждаемости в системе государственной поддержки семей с детьми в Иркутской области	667
Мамбетказиев Д. М. Языковой барьер как фактор низкой интеграции детей мигрантов в российский социум	673
Медведева М. Ю. Региональная реклама как объект экспертной оценки: культурные коды и риски	677
Моксоева С. А. Парадигмальный анализ и экспертный анализ демографических изменений	681
Нурутдинова Л. С. Динамика настроений населения России в условиях глобальной нестабильности: двойственность общественного самочувствия и предпосылки роста научного и экспертного знания	686
Овечкин Р. А., Душутин М. В. Экспертные практики управления человеческими ресурсами в современном университете: кадровая политика и формирование экспертного потенциала в условиях новых глобальных вызовов	689
Останчук В. А. Карьерное консультирование	693

Пахорукова Д. М. Современные гипотезы использования искусственного интеллекта в России: экспертные оценки	696
Петренко А. А. Нравственные установки и экономические предпосылки для создания семьи в современной России: исследовательские стратегии и экспертные сети	699
Пешкова А. Б. Фольклор в режиссуре массовых мероприятий: техники эмоционального воздействия на зрителя	703
Повар М. С. Манипулирование общественным мнением в сетевом пространстве: взгляд социолога	706
Рахуба Е. А. Арт-пространства в структуре креативной культуры Восточной Сибири: экспертный анализ	710
Седых З. А. Особенности управления самосохранительным поведением в условиях новых демографических угроз: экспертный анализ и оценка	714
Семейкина М. С. Роли связей с общественностью в конструировании информационных пространств: экспертное мнение и оценки	717
Соколова А. В. Трансформация образа семьи у молодежи: вызов для экспертных институтов	721
Татаринов Я. М. Искусственный интеллект в региональном госуправлении Российской Федерации: институциональные, кадровые и инфраструктурные условия внедрения	726
Фадина Т. А. Маркетплейсы как фактор трансформации потребительского спроса в Москве, Иркутской области и Новосибирской области	733
Хмыль А. Н. Феномен «домашних кондитерских» в социальных сетях: неформальный сектор как фактор риска или подушка продовольственной безопасности?	739
Горбунов Г. П. Экологичность промышленного дизайна как фактор развития современных маркетинговых коммуникаций	742
Хоменко Д. В. Профессионально-образовательные стратегии российской молодежи: влияние внешних и внутренних факторов в условиях меняющегося рынка труда	745
Шатохина А. В. Современные концепты сохранения репродуктивного поведения населения России: о необходимости внедрения цифровых и экспертных технологий	748
Габдулхакова Ю. Ш. Особенности развития молодежной культуры в Иркутской области: роль языковых практик	750
Шевцова Е. В. Значение охоты для местных сообществ Иркутского региона: инновационный аспект	752
Шевцова Е. В. Театральное искусство коренных народов России: экспертный анализ проблем развития	754
Шеметов А. В. Метафоры власти государственных служащих в современных российских фильмах	756
Шуваева Е. В. Самозанятость как стартовая площадка для молодежного предпринимательства в России: институциональные барьеры и поддержка	761
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	765

TABLE OF CONTENTS

GREETING TO THE CONFERENCE PARTICIPANTS.....	19
PREFACE	21
CHAPTER 1. DEVELOPMENT OF EXPERT INSTITUTIONS IN THE DYNAMICS OF SOCIAL INTERACTIONS BETWEEN RUSSIA AND THE MODERN WORLD: STRATEGIES OF RESEARCHING GLOBAL AND LOCAL PROCESSES	
Danilov A. N. A strategy of coevolution in the polyphony of meanings in contemporary society	26
Grabelnykh T. I. Consensus and conflict in the dynamics of social interactions in Russia and the modern world: in search of a new spatial paradigm.....	30
Sigacheva E. G., Manzanova N. Y. Comfortable and safe environment for living as one of the na- tional goals of Russia	32
Pugach V. F. Laborforce participation and employment in Russia: a general aspect	37
Zotov V. V. Ethical dilemmas of implementing ai technologies in decision-making processes	41
Lopatina V. R., Antonova N. L. Redefining motherhood in the digital age: informal experts in moth- ering communities.....	44
Nurullina E. R. A study of the transformation of the functions of fatherhood and motherhood as so- cial institutions in the context of new global threats and challenges	48
Kakaulin S. P. Priority directions for the development of industrial policy in the Irkutsk region: ad- vanced expert experience in shaping modern trends.....	52
Chumlyakova D. V., Sharafutdinov R. I. A model of interaction between higher education institu- tions and statistical bodies as a factor in improving the efficiency of regional management	58
Maslodudova N. V. Transformation of the humanities paradigm in a digital civilization.....	63
Shaikemelev M. S.-A., Abrakhmatova G. A. Expert opinion on the dynamics of interethnic relations in Kazakhstan	67
Chirun S. N. Esoteric writing and exoteric management: the relevance of Leo Strauss's political ideas for 21st-century expertise.....	73
Kuzmina E. S. The role of the Chinese language in the formation and development of expert institu- tions in the Russian-Chinese educational space	80
Lai Yunjiang. Changes in China's social security policy in response to the COVID-19 pandemic	82
Gabidullin T. R., Polovkina E. A. Development of the intellectual and expertise services market in Russia.....	87
Dmitrieva Yu. N. Peculiarities of demographic processes in the Siberian macroregion	94
Grigoreva E. A., Sibgatullin B. A. Demographic and migration processes: statistical analysis and challenges for socio-economic stability based on the example of the Russian Federation, the Republic of Tatarstan and Irkutsk region	99
Leshchenko Ya. A. Immigration processes in the context of demographic, labor, and interethnic is- sues in Russia at the beginning of the 21st century.....	106
Shilova A. E. Gender and age-related characteristics of the population's attitudes towards the devel- opment of rural areas in the Kemerovo region – Kuzbass	110
Zaikovskaya A. A., Libenson I. R. Direct self-government as a way to overcome consumer society.....	114
Voronetskaya L. G. Theoretical approaches to evaluating the effectiveness of personnel policy	124
Saltykova Yu. A. The need for independent scientific expertise in the development and evaluation of the effectiveness of national projects on the example of the national project “Small and medium enterprises”	128
Kulminskaia A. V. Young medical bloggers as a new subject of expert activity in the field of public health protection.....	133
Abrosimova E. I. Determination of “code-switching” in language interactions as a way of self- presentation in society.....	137
Gonchar O. N. Far-right ideologies in Europe: continuity, modernization and place in the new Euro- pean security architecture.....	140

Zhaburovskaya A. A. Patriotic education in hybrid warfare: transformation of traditional institutions and the role of digital platforms	144
Karimova R. M. Dietary practices of the population of the Republic of Bashkortostan (based on sample survey data)	149
Latypov T. I., Dudochnikov A. I. Demographic factors in the formation of the consumer lending market.....	154
Loskutnikova N. A., Galkina N. A. Medical and demographic situation in the Perm region	157
Menshikova A. A., Maletina M. S., Musarova M. S. Expanding professional medical communities expertise function	164
Pinigin I. E. Efficiency indicators in social management in Yamal	166
Zhuravleva A. A. Digital asymmetry and cultural barriers in Russian-Chinese business communications: an empirical analysis of adaptive strategies	168
Apanina A. V. The impact of the special military operation on the birth rate in the Russian Federation	172
Tursungalieva L. M. On the history of military veterans' adaptation to civilian life in the world, in USSR, and in Russia	174
Belski A. M. Flax growing in a sociological perspective	180
Mylnikova Ya. V. Animal husbandry: socio-economic role and current problems of the industry.....	187
Pyatkov M. O. Network models of state-business interaction in resource-type regions: from anti-corruption strategies to the ESG agenda	192
Shelegova I. E., Nikotina E. V. On the issue of expert assessment of the volume of work performed in the construction sector.....	195
Churkina E. S. Assessment of state support for the agricultural sector of the Kemerovo region – Kuzbass economy based on expert interviews.....	200
Yartseva Yu. R. Specifics of the development of the regional healthcare system of the Irkutsk region: expert analysis	204

CHAPTER 2. EXPERT ACTIVITY AND EXPERT CULTURE IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES: THEORY AND PRACTICE

Shinkevich V. E. Expert approach to the analysis of indicators of annual monitoring of the drug situation in regional society	208
Kurbanov A. K., Timoshin V. A. Prospects of use of the intellectual potential of the expert community in the interests of the national security of the Russian Federation.....	213
Ardashev R. G., Adilov A. N. Social security in the context of social risks	217
Levchenko I. E. The origins of the formation of German expert culture: thanatosociology of Marxism	221
Smirnov A. E. On the phenomenon of narcissism in industrial societies and post-industrial type	226
Maslodudova N. V. Media as a space of aesthetic-epistemic risks: the implementation of expert culture in conditions of digital devaluation of perception.....	230
Blishunov D. A. Political networks in the era of algorithmic power: transformation of participation and control in the digital space.....	235
Polyakova V. V. Patriotic education in modern schools: an expert analysis of Yekaterinburg school websites	239
Aychepsheva R. P. Mentoring in statistical production as a tool for the translation and development of work culture	245
Sakovich A. Yu. Reproductive attitudes and family values of students of agricultural universities of the Republic of Belarus (sociological analysis)	249
Skorova E. S., Andriyanova T. V. Projects of a creative space as an object of expert assessment.....	252
Kravchenko A. O. Sociological expertise of HIV prevention among youth as a tool for ensuring regional demographic security	255
Ilin D. K., Rumyantsev I. V. The role of the media in the implementation of expert culture and expert knowledge in the context of new global threats and challenges	258
Bukharova E. A., Reshetnikova E. V. Ethnocultural values as a factor of youth civic identity	262
Udalykh S. K. Transformation of expert activities and challenges in improving environmental well-being.....	264
Gamernik E. V. Development of domestic tourism in modern Russia (based on the results of a comprehensive sociological survey in the Irkutsk region).....	271

Prushenova K. Yu., Kruzhkova Ya. A. Hospitality as an adaptive mechanism: a comparative analysis of the traditions of indigenous peoples (Buryats) and Russian old-timers in the context of the hospitality industry	273
Zherbakova M. G. Russian values as the basic conditions for the formation of social cohesion of the population in modern conditions: expert opinions and assessments	277
Donskikh N. I. Development of involved fatherhood in Russia: resources, barriers, prospects	280
Prichislykh T. A. Changes in the reproductive attitudes of young people in contemporary Russia: causes and consequences	284
Popova V. V. Modern practice of expertise of programs of institutions of social services for the population	287
Potekhina E. S. The main directions of state policy to support families raising children with disabilities in Russia	291
Korobkova A. A. Youth policy in the post-truth space: between traditional values and the new ethics	293
Popov M. Yu. Portrait of an expert in the field of social studies of gaming culture and the gaming industry	297
Banadysev S. D. “Pushkin card” as a tool for implementing state cultural policy at the regional level (on the example of the Irkutsk region)	299
Bunya-Borisova N. Yu. Problems of implementing artificial intelligence in regional archives of Russia in the focus of digital sociology (analysis of expert opinions)	302
Kablukova V. E. Specificity of formation of a regional brand as a tool for increasing the tourist attractiveness of the Baikal region: expert discourse	304
Kruzhkova Ya. A. Paradoxes of hospitality on lake Baikal: the case of the Olimp hotel in the context of regional service culture	307

CHAPTER 3. HIGHER EDUCATION, LABOR MARKET AND NEW VECTORS OF DIGITALIZATION IN RUSSIA

Naidenova L. I. The quality of higher education is the institutional basis for the formation of a university's intellectual capital	314
Krivosheev V. V. Social trauma and student inclusion: a new reading of the concept	317
Vakhtina M. A. Expert activities in social entrepreneurship: new challenges	320
Tarasova A. N. Involving students as experts in evaluating humanitarian cooperation projects between young people in Russia and the Republic of Belarus	325
Ivanchenko N. N., Grebenkina L. V. Youth in the labor market of the Rostov region	329
Grabelnykh T. I., Sablina N. A., Vatolina E. V. Changing ideas about the status of a specialist with higher education in the labor market: constructing new vectors and spheres of professional competence	334
Panfilova A. O. Problematizing “digital”: experts talk about some of the risks of digitalization	336
Derenko N. V., Grosheva N. B. Analysis of recommendations for the application of artificial intelligence in the scientific and educational process of russian universities	339
Lugovskoy A. V., Matveeva E. V. Telegram's future vectors as perceived by young audiences (based on research in the Kemerovo region – Kuzbass)	345
Andras I. A. Technology entrepreneur: sociological sensemaking of the phenomenon	348
Lapina A. V. The specifics of stable demand for personnel “reversals” in the education system of a russian region: managing personnel gaps (using the Irkutsk region as an example)	357
Lobovikova E. A. Higher education institution as an expert center for the development of legal culture in the region	360
Zyryanov V. V. Problems of social technologies in doctoral dissertations in sociological sciences (2012–2024)	362
Kulchenkova A. V. Implementation of the federal project “Professionalism” of the national project “Youth and children” in the Russian region	365
Molchanova V. A., Bondar M. N. On the issue of assessing the development of human e-skills capital	368
Lyubertsev P. P. The problem of preserving labor motivation in the context of new economic dynamics in Russia: an analysis of labor market expert's assessments	373
Alekseeva E. A. From precarity to stability: economic motives for changing job seekers' preferences in the Russian labor market	375
Maslova E. V. The choice of working professions by young people: current factors	377

Pavlova K. M. Specifics of the work of psychologists in modern Russian society	379
Nazaretyan V. G., Nazaretyan P. V. Assessment of the quality of medical staff training in the focus of innovative training technologies	382
Mukhamedova L. L. Implementation of electronic document management in the personnel structure of the institution	386
Valeeva M. V. The role of professional associations in the institutionalization of sociology	389
Zatonatsky A. Yu. Periodization of the history of sociology in the United States: expert opinions	392
Baev P. A. Psychological perceptions of money through the lens of internet search queries.....	395
Kashirikhina A. E. The phenomenon of “toxic” productivity in the institute of continuing education	399
Jimenez Quintero Ya. Ways to solve problems associated with language difficulties in a multicultural university classroom.....	403
Tsvetkova I. V. The structure of traditional values of Togliatti students.....	407
Shinovich V. E. Preservation of the history of the small homeland and the family as a traditional value in the educational process.....	412
Boeva E. A., Andriyanova T. V. The great patriotic war for modern students: digitalization of memory	415
Korelin M. N. Physical education, sports, and patriotism in the perceptions of student youth.....	419
Legostaeva I. V. Commemorative practices as a tool for shaping corporate identity of student youth.....	425
Derenko N. V., Maksimova V. M. Strategic aspects of research and project management in a VUCA world	427
Khusnutdinova A. Kh., Dudochnikov A. I. Features of media consumption and the construction of a virtual image of a person in the context of digitalization	434
Yablonskaya A. E., Tsyganova A. A. How the digital age impacts consumer behavior and their choices in financial products and services	438
Bubnova E. A. The Alice smart speaker in the family interaction system.....	442
Matveeva O. A. How digitalization transforms the study of society and people	444
Atagyan A. A. Socio-technological potential of digital twin models	449
Nerush V. V. Digital vulnerability: Russians' attitudes towards financial fraud	452
Talalova Yu. A. The role of the young generation in the transformation of the labor market in Russia	456
Kobiz T. N. The influence of the process of cybersocialization on the formation of idol mania in adolescent children.....	459
Fursova I. A. On the issue of the influence of digital media and social networks on teenagers' ideas about family and spiritual values	463
Goltsova E. V. Survey methods for assessing the environmental friendliness of the urban environment: the case of Irkutsk	466

CHAPTER 4. RESEARCH METHODOLOGY OF PUBLIC PARTICIPATION PRACTICES IN MODERN RUSSIA: EXPERT ANALYSIS

Grabelnykh T. I., Yankov Yu. P., Kurilenkova O. A., Sablina N. A. Research methodology of contemporary practices of public participation: new concepts, strategies, expertise.....	472
Bagatyuk D. D. Public control in the regional practice of initiative budgeting	473
Baeva E. S., Malakanova O. A. From formal representation to social influence: a case study of the Samara region Civic chamber (2009–2025).....	477
Polyushkevich O. A. Volunteering as a prosocial practice	482
Izatulina P. S. Experience of interaction between authorities and NGOs in the context of digital challenges.....	486
Mashinskaia D. A. Anti-corruption expertise: concept, essence, types	490
Gladkikh S. S. Institutional corruption in resource-type regions: political network analysis and counteraction technologies.....	494
Kizilova A. E. Work satisfaction as a factor of the quality of life in the Stavropol territory	499
Kuznetsova N. A., Partilhaev V. V. Buddhism and Tibetan medicine as an important socio-cultural resource for regional development (on the example of Zabaikalsky krai and the Republic of Buryatia)	502
Kiselev Yu. A. The life project as a form of subjectivity	505

Manannikova Yu. V., Chuchelov V. I. Sociological expertise of the activities of the public law enforcement association OSP “Tiger” in the Penza region: current issues and development prospects	509
Melkonyan M. A. Public opinion as a factor in subjective happiness	517
Melnikova E. I., Piven’ S. N., Luchezarov A. N., Shamkova E. A. The social significance of the “Bells of memory” spiritual and educational initiative, implemented by the Kuzbass orthodox theological seminary and Funded by the presidential grants foundation in 2025	521
Leminov M. V. Presence without participation: the marginalization of youth in the digital environment.....	526
Miatnikova I. V. Public speech culture: public attitudes regarding profanity (based on sociological research).....	531
Naumova A. A. Trophy, keeper, victim: a typology of female images in Russian media	535
Palashchenko E. V. Tax compliance in modern Russian society	541
Kuvaldin S. Yu. Motives and forms of social activity of Russian youth	544
Vorozhtsov A. M. Political sociology as an expert foundation for understanding politics.....	546
Kobets M. A. Military-patriotic education in higher education as a condition for social security	550
Nelyubova O. V. IT sociologists as an expert component in the information society.....	554
Grabelnykh P. I. Main determinants of civil society development in Russia in modern conditions: regional aspect.....	556
Abbakumova A. A. The influence of social factors on the formation of the value system of Russian youth in modern realities.....	558
Girko A. A. Challenges and solutions in training young professionals for political analysis at the regional level in Russia	560
Dmitrieva A. A. Public participation of the population as a way to ensure the urban environment	563
Bolotin I. V. Fire extinguishing system development: problems and prospects.....	566
Selyanin M. N. Modern forms and electronic sources of extremism	569

CHAPTER 5. EXPERT VISION OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES IN THE CONCEPTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE MODERN WORLD THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Bazilian E. E. “Infocyanism”: methods of manipulation and psychological reasons for trust.....	573
Bakulina V. I. Social support mechanisms for victims of domestic violence in Russia	580
Basharov A. I. The development of sports in Russia under new challenges and threats: public opinion and expert opinion.....	582
Bespalova K. S. Goals and expectations of Russian youth in the 21st century: current hypotheses and expert analysis	584
Bondareva S. A. Strategy for overcoming social inequality in the modern world: development of expert methodology in the face of new challenges	589
Borisova E. V. Prospects for consulting services in the field of sports management.....	592
Buyantueva Ts. Z. Preserving cultural identity in Russia's multisubject space: modern platform solutions and expert assessments	596
Vasilchuk V. A. Causes and consequences of deviant behavior among children and adolescents in Russia: methodological analysis and expert assessments	600
Vovikov I. E. Implementation of cluster policy in the context of import substitution using the example of the Irkutsk region.....	603
Volchek E. I. Specifics of anxiety in Russian cities and towns: an expert analysis methodology	607
Gabdulkhakova Yu. Sh. Problems and main directions of improving the quality of medical services in Russia: defining the role of the expert	612
Goloborodko A. N. Specific features of rural communities adaptation to the arctic conditions: comprehensive analysis based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia), the Chukotka autonomous okrug, and the Magadan region.....	615
Gorbunov G. P. Online platforms as a space for the development of marketing communications in contemporary Russia	617
Davydova D. A. Socio-technological approach to information protection of children: integration of public control into the Russian information security model	621
Jargalova D. D. The main strategies for curbing migration outflow from the Far East: an expert analysis	624

Zaitseva E. A. Delimitation of powers between federal and regional authorities in the electric power industry: problems and ways to improve	629
Zyryanov I. Yu. The role of expert institutions in Russia and Egypt in the context of countering modern global threats	633
Korobeynikova D. A. Transformation of family values in Russia in the context of digitalization	637
Kotomanov N. V. Demographic research focuses on new global threats and challenges.....	640
Lazareva A. A. Invisible economy: expert assessment of the value of women's household labor in modern Russia	645
Laka K. V. Scientific paradigms and expert discourse.....	649
Laukkanen O. S. Escapist practices of modern youth in the context of digitalization (on the example of video games)	651
Lenartovich M. S. Social status of foreign students in Russia: methodological foundations and research.....	655
Loshakova N. V. Culture at the crossroads of marriages: the role of expert institutions in conceptualizing the new Russian identity	657
Lyakh A. R. Transformation of media spaces in Russia: expert analysis and assessment.....	660
Malykhina D. A. Post-truth as a management technology: from information wars to the construction of political reality	664
Malyshev V. G. Need-based criteria in the system of state support for families with children in the Irkutsk region	667
Mambetkaziev D. M. Language barrier as a factor of low integration of migrant children into Russian society	673
Medvedeva M. Yu. Regional advertising as an object of expert assessment: cultural codes and risks	677
Moksoeva S. A. Paradigmatic analysis and expert analysis of demographic changes	681
Nurutdinova L. S. Dynamics of public sentiment in Russia under global instability: the duality of social well-being and prerequisites for the growth of expert knowledge	686
Ovechkin R. A., Dushutin M. V. Expert human resource management practices in the contemporary university: personnel policy and the formation of expert capacity under new global challenges.....	689
Ostapchuk V. A. Career counseling.....	693
Pakhorukova D. M. Contemporary hypotheses on the use of artificial intelligence in Russia: expert assessments	696
Petrenko A. A. Moral attitudes and economic prerequisites for family formation in modern Russia: research strategies and expert networks	699
Peshkova A. B. Folklore in the direction of mass events: techniques of emotional impact on the audience	703
Povar M. S. Manipulation of public opinion in the online space as a challenge for the expert community in the context of digitalization	706
Rakhuba E. A. Art spaces in the structure of creative culture in Eastern Siberia: an expert analysis	710
Sedykh Z. A. Features of self-preservation behavior management in the context of new demographic threats: expert analysis and assessments	714
Semeykina M. S. The role of public relations in the construction of information spaces: expert opinion and assessments.....	717
Sokolova A. V. Transformation of the family image among young people: a challenge for expert institutions.....	721
Tatarinov Ya. M. Artificial intelligence in the regional government of the Russian Federation: institutional, personnel and infrastructural conditions of implementation	726
Fadina T. A. Marketplaces as a factor in the transformation of consumer demand in Moscow, Irkutsk region, and Novosibirsk region	733
Khmyl A. N. The “home bakery” phenomenon on social media: informal sector as a risk factor or a food security cushion?.....	739
Gorbulnov G. P. Eco-friendliness of industrial design as a factor in the development of modern marketing communications	742
Khomenko D. V. Vocational and educational strategies of Russian youth: the influence of external and internal factors in a changing labor market	745
Shatokhina A. V. Contemporary concepts for preserving reproductive behavior among the Russian population: on the need to implement digital and expert technologies.....	748

Gabdulkhakova Yu. Sh. Features of the development of youth cultures in the Irkutsk region: the role of language practices	750
Shevtsova E. V. The importance of hunting for local communities of the Irkutsk region: an innovative aspect.....	752
Shevtsova E. V. Indigenous theatre arts in Russia: an expert analysis of development issues	754
Shemetov A. V. Metaphors of power of civil servants in contemporary Russian films.....	756
Shuvaeva E. V. Self-employment as a starting point for youth entrepreneurship in Russia: institutional barriers and support.....	761
INFORMATION ON THE AUTHORS	765

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА!

Иркутский государственный университет в этом году проводит юбилейную конференцию, посвящённую деятельности экспертных институтов в России и мире. За 5-летний период произошли крупные изменения в разных отраслях. Значительный вклад в прогрессивную динамику социальных и экономических перемен, безусловно, вносят экспертные группы, центры, институты и сообщества. Высокий уровень экспертной работы, базирующийся на принципах объективности и независимости, часто отмечается в научной и образовательной среде при оценке качества и эффективности проводимых работ. Так, в начале мая текущего года было отмечено, что РНФ получил статус основной экспертной организации премии Президента России для молодых ученых. Между тем в разных сферах к экспертизе привлекаются разные организации и отдельные ученые, отвечающие требованиям научной и профессиональной компетентности, а также высокой результативности по своему направлению.

Актуальность обсуждения экспертных технологий и практик за эти годы ещё более повысилась, что связано как с обеспечением национальной безопасности и внедрением технологий ИИ, так и с формированием новых систем экспертной оценки, реализуемых в новых сложных форматах. Повышаются требования к науке и высшему образованию как к сильнейшим экспертным центрам. Университеты участвуют в подготовке высококвалифицированных кадров, поэтому столь важно выстраивание политики вузов в соответствии с запросами органов власти, бизнеса и общества. В условиях новых глобальных угроз и вызовов роль высшей школы видится значительной!

Участникам конференции желаю продуктивной работы!

*А. Ф. Шмидт,
ректор ФГБОУ ВО «ИГУ», профессор*

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ КОНФЕРЕНЦИИ!

Пятая международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов» проводится в условиях мирового кризиса и глобальной турбулентности, затрагивающих интересы макрорегионов, государств и обществ. Институты гражданского общества сталкиваются с новыми угрозами и вызовами, ответы на которые могут помочь найти эксперты. В условиях становления многополярного мира крайне важно развивать механизмы общественного участия, регулирования и саморегулирования отношений в системах современных обществ. На данной экспертной площадке мы ставим вопрос о важности развития институтов общественного контроля и общественной экспертизы, гражданской культуры в обществе. Необходимо усилить работу с молодежью, разными группами населения в конструктивном формате.

Проводимая конференция символизирует потребность ученых, представителей экспертного сообщества, специалистов-практиков в понимании и обсуждении тех структурных изменений, которые идут в обществе.

Желаю плодотворных обсуждений и выработки серьёзных экспертных решений по актуальным вопросам!

*В. В. Шпрах, председатель Общественной палаты Иркутской области,
директор Иркутской государственной медицинской
академии последипломного образования, профессор*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

DEAR PARTICIPANTS AND GUESTS OF THE CONFERENCE, REPRESENTATIVES OF THE EXPERT COMMUNITY!

This year, Irkutsk State University is holding an anniversary conference dedicated to the activities of expert institutes in Russia and globally. Over the past five years, significant changes have occurred in various sectors. Expert groups, centers, institutes, and communities undoubtedly make a significant contribution to the progressive dynamics of social and economic change. The high level of expert work, based on principles of objectivity and independence, is often noted in the scientific and educational communities when assessing the quality and effectiveness of their work. For example, in early May of this year, it was noted that the Russian Science Foundation received the status of the main expert organization for the Russian Presidential Prize for Young Scientists. Meanwhile, in various fields, various organizations and individual scientists who meet the requirements of scientific and professional competence, as well as high performance in their field, are involved in the review process.

The relevance of discussing expert technologies and practices has increased even further over the years, due to both national security and the introduction of AI technologies, as well as the development of new expert assessment systems implemented in new, complex formats. Demands on science and higher education as leading centers of expertise are increasing. Universities are involved in training highly qualified personnel, making it crucial for university policies to align with the demands of government, business, and society. In the face of new global threats and challenges, the role of higher education appears significant.

I wish fruitful work to all the participants of the conference!

*A. F. Schmidt,
Rector of Irkutsk State University, Full Professor*

GREETINGS TO THE PARTICIPANTS AND THE GUESTS OF THE CONFERENCE!

The fifth international scientific and practical conference, “Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, and Culture in the Context of New Global Threats and Challenges,” is being held amidst a global crisis and turbulence affecting the interests of macro-regions, states, and societies. Civil society institutions are facing new threats and challenges, and experts can help find answers. In the context of the emergence of a multipolar world, it is crucial to develop mechanisms for public participation, regulation, and self-regulation of relations within modern societies. At this expert forum, we raise the importance of developing institutions of public oversight and public expertise, as well as civic culture in society. It is essential to strengthen work with young people and various population groups in a constructive format.

The conference symbolizes the need for scientists, representatives of the expert community, and practitioners to understand and discuss the structural changes taking place in society.

I wish you fruitful discussions and the development of serious expert solutions on pressing issues!

*V. V. Shprakh,
Chairperson of the Civic Chamber of Irkutsk region,
Director of Irkutsk State Medical Academy of postgraduate education, Full Professor*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятая международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов» является продолжением конференций, посвященных уникальным особенностям развития экспертных институтов в эпоху системных кризисов и глобальных перемен, проведенных с 2022 по 2025 г. в г. Иркутске. Проведение конференции 4–6 июня 2026 г. представляет цикл работ, посвященных новым векторам развития экспертных институтов в условиях поиска новых точек роста при становлении многополярного мира.

Форум проходит в период глубоких социальных сдвигов мирового уровня и переоценки ценностей. На системном уровне в настоящее время происходит переутверждение позиций лидеров ведущих драйверов мирового развития и наращивания их «формационных» и «цивилизационных» ресурсов и капиталов, формируется новая концепция международной безопасности, отражая приоритеты в концепциях и стратегиях национальной безопасности стран. В комплексном анализе и оценке происходящих процессов, выработке принципов «аналитической разведки» и определении новых условий применимости методов исследования и прогнозирования угроз и рисков видятся одни из главных задач экспертных институтов на современном этапе их развития.

Экспертные институты стали неотъемлемой частью пространств мирового и регионального развития, возрос их научный, политический и технологический потенциал, социальный и культурный капитал, появились современные «целевые» цифровые инструменты управления социальными изменениями в условиях новых глобальных угроз и вызовов. В настоящее время расширяется институциональная база экспертных институтов и экспертных сообществ, происходит их непрерывное включение в реализацию национальных целей государства. Считаем, что сохраняет актуальность тезис о том, что в стремительно меняющемся мире «...экспертные институты стали представлять высокоинтегрированные комплексы и организационно оформленные структуры, сообщества и группы, легитимно, профессионально и интеллектуально обеспечивающие порядок и контроль в социальной системе, регулирование и саморегулирование отношений в ключевых областях жизнедеятельности человека и общества, опирающиеся на сетевые и партнерские взаимодействия в установленных форматах, отвечающие угрозам и вызовам своего времени»¹. В понимании сложного в экспертной сфере мы выходим на новые формационные, цивилизационные, цифровые и технологические прорывы.

Развитие экспертных институтов в условиях новых глобальных угроз и вызовов предполагает развитие экспертной методологии с её принципами и методами анализа и оценки, важными при осуществлении экспертной деятельности. В этой связи требуется повышение престижности и ответственности субъектов экспертной деятельности. Продолжает оставаться актуальным дисциплинарное оформление и легитимация новых направлений развития научного знания, отражающих концептуальные и прикладные аспекты деятельности экспертных институтов, опыт функционирования экспертных центров и экспертных платформ в цифровом и вне цифровом пространствах.

Среди большого круга участников конференции – представители разных отраслей научного знания и специалисты-практики, в фокусе внимания которых проблемы и стратегии развития экспертных институтов в XXI в., новые форматы деятельности экспертных центров и экспертных сообществ в условиях новых глобальных угроз и вызовов, функционирование экспертных платформ в динамике запросов государственного и общественного значения. Акцентируется внимание на специфике внедрения технологий искусственного интеллекта в социальные и управленческие процессы в России, необходимости переосмысления и

¹ Грабельных Т. И. Предисловие // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 15–17.

разработки новых концепций экспертной культуры. В сборнике научных трудов представлена современная методология экспертного анализа и экспертной оценки по разным направлениям деятельности, охарактеризован опыт проведения общественной экспертизы в фокусе реализации национальных проектов в России и ее регионах, привлечено внимание к переходу на новую модель высшего образования. Традиционно освещается научная и экспертная деятельность глазами молодежи в условиях современного этапа поиска новых точек роста при становлении многополярного мира при сохраняющейся глобальной нестабильности.

Пятая международная научно-практическая конференция «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов» отражает выход на новый уровень осмысления и анализа закономерностей и тенденций развития экспертных институтов в XXI в.

Концепцию конференции и сборника научных трудов представляют четыре группы вопросов, которые легли в основу анализа и интерпретаций ученых разных отраслей наук, специалистов-практиков и общественности: 1) экспертные институты и экспертные системы в условиях новых глобальных угроз и вызовов; 2) экспертная культура в России и мире; 3) общественная экспертиза: роль субъектов общественного контроля в реализации управленческих решений; 4) научные основания экспертной деятельности. Среди активно обсуждаемых вопросов: экспертные центры и их влияние на общественное мнение в условиях новых глобальных угроз и вызовов; роль высшего образования и науки как экспертных институтов в современных условиях; социальные науки и социологическая экспертиза в XXI в.

С учетом поступивших научных статей и направлений обсуждений была разработана структура научного издания, которая включает 5 разделов: «Развитие экспертных институтов в динамике социальных взаимодействий России и современного мира: стратегии исследования глобальных и локальных процессов»; «Экспертная деятельность и экспертная культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов: теория и практика»; «Высшая школа, рынок труда и новые векторы цифровизации в России»; «Методология исследования практик общественного участия в современной России: экспертный анализ»; «Экспертное видение новых глобальных угроз и вызовов в концептах развития России и современного мира глазами студенческой молодежи».

Научные подходы и результаты исследований, представленные в издании, отражают высокий интерес ученых к изучению специфики развития экспертных институтов в условиях новых глобальных угроз и вызовов и перспективность дальнейших изысканий в этом направлении.

Выражаем благодарность коллективу авторов, принявших участие в создании сборника.

*Доктор социологических наук, профессор
Т. И. Грабельных*

FOREWORD

The Fifth International Scientific and Practical Conference “Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, and Culture in the Context of New Global Threats and Challenges” is a continuation of conferences dedicated to the unique aspects of expert institution development in the era of systemic crises and global change, held from 2022 to 2025 in Irkutsk. Held from June 4–6, 2026, the conference presents a series of papers devoted to new vectors of expert institution development amid the search for new growth opportunities in the emerging multipolar world.

The forum is taking place during a period of profound societal shifts globally and a reassessment of values. At the systemic level, the positions of the leaders of the leading drivers of global development are currently being reaffirmed, their “formational” and “civilizational” resources and capital are being expanded, and a new concept of international security is being shaped, reflecting the priorities of countries' national security concepts and strategies. A comprehensive analysis and assessment of ongoing processes, the development of principles of “analytical intelligence,” and the definition of new conditions for the applicability of methods for researching and forecasting threats and risks are seen as some of the main tasks of expert institutions at the current stage of their development.

Expert institutions have become an integral part of global and regional development spaces. Their scientific, political, and technological potential, as well as their social and cultural capital, have grown, and modern, targeted digital tools for managing social change in the face of new global threats and challenges have emerged. Currently, the institutional base of expert institutions and expert communities is expanding, and they are continuously being integrated into the implementation of national state goals. We believe that the thesis remains relevant: in a rapidly changing world, “...expert institutions have come to represent highly integrated complexes and organizationally formalized structures, communities, and groups that legitimately, professionally, and intellectually ensure order and control in the social system, regulate and self-regulate relations in key areas of human and societal activity, relying on network and partnership interactions in established formats and responding to the threats and challenges of their time.” In understanding the complexity of the expert sphere, we are achieving new formational, civilizational, digital, and technological breakthroughs.

The development of expert institutions in the face of new global threats and challenges requires the development of expert methodology, with its principles and methods of analysis and evaluation essential for expert activities. In this regard, it is necessary to enhance the prestige and accountability of those engaged in expert activities. The disciplinary formulation and legitimization of new directions in the development of scientific knowledge, reflecting the conceptual and applied aspects of expert institutions' activities, as well as the experience of expert centers and expert platforms in both digital and non-digital spaces, remains relevant.

The conference's wide range of participants includes representatives from various fields of scientific knowledge and practicing specialists. Their focus is on the challenges and strategies for developing expert institutions in the 21st century, new formats for expert centers and expert communities in the face of new global threats and challenges, and the functioning of expert platforms in the face of evolving national and public demands. The conference also highlights the specifics of implementing artificial intelligence technologies in social and governance processes in Russia and the need to rethink and develop new concepts of expert culture. The collection of scientific papers presents a modern methodology for expert analysis and expert evaluation in various areas of activity, describes the experience of conducting public assessments focused on the implementation of national projects in Russia and its regions, and draws attention to the transition to a new model of higher education. As usual, scientific and expert activity is covered through the eyes of young peo-

ple in the current context of the search for new growth opportunities amid the emergence of a multipolar world and persistent global instability.

The Fifth International Scientific and Practical Conference “Expert Institutions in the 21st Century: Principles, Technologies, and Culture in the Context of New Global Threats and Challenges” reflects a new level of understanding and analysis of the patterns and trends in the development of expert institutions in the 21st century.

The concept of the fifth conference and collection of scientific papers is represented by four groups of issues that formed the basis for the analysis and interpretations of scientists from various fields of science, practitioners, and the public: 1) expert institutions and expert systems in the context of new global threats and challenges; 2) expert culture in Russia and the world; 3) public expertise: the role of public oversight entities in the implementation of management decisions; 4) scientific foundations of expert activity. Among the actively discussed issues: expert centers and their influence on public opinion in the context of new global threats and challenges; the role of higher education and science as expert institutions in modern conditions; social sciences and sociological expertise in the 21st century.

Taking into account the submitted scientific articles and discussion topics, the structure of the scientific publication was developed. It includes five sections: “Development of Expert Institutions in the Dynamics of Social Interactions between Russia and the Modern World: Strategies for Studying Global and Local Processes”; “Expert Activity and Expert Culture in the Context of New Global Threats and Challenges: Theory and Practice”; “Higher Education, the Labor Market, and New Vectors of Digitalization in Russia”; “Methodology for Studying Public Participation Practices in Modern Russia: Expert Analysis”; “Expert Vision of New Global Threats and Challenges in the Concepts of Development of Russia and the Modern World through the Eyes of Students.”

The scientific approaches and research results presented in this publication reflect the high interest of scholars in studying the specifics of expert institution development in the face of new global threats and challenges, and the promise of further research in this area.

We express our gratitude to the team of authors who contributed to this collection.

*Doctor of Sociology, Full Professor
T. I. Grabelnykh*

РАЗДЕЛ 1
РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНЫХ
ИНСТИТУТОВ В ДИНАМИКЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
РОССИИ И СОВРЕМЕННОГО МИРА:
СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГЛОБАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

CHAPTER 1
DEVELOPMENT OF EXPERT
INSTITUTIONS IN THE DYNAMICS
OF SOCIAL INTERACTIONS
BETWEEN RUSSIA AND
THE MODERN WORLD:
STRATEGIES OF RESEARCHING
GLOBAL AND LOCAL PROCESSES

СТРАТЕГИЯ КОЭВОЛЮЦИИ В МНОГОЗВУЧИИ СМЫСЛОВ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Доказывается, что в сложившихся условиях необходимо либо избрать путь согласования социально-экономического развития с законами биосферы, утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, либо путь самоуничтожения. Обосновывается, что будущее современного социума определяется стратегией коэволюции, когда формируются и утверждаются новые ориентиры человеческой деятельности, выдвигаются новые экологические регулятивы природопользования и организации социальной жизни, утверждаются ценности биосферной экологической этики, направленной на поддержание и защиту социума.

Ключевые слова: коэволюция, современный социум, цивилизация, кризис, техногенная цивилизация.

А. N. Danilov

Belarusian State University, Minsk

A STRATEGY OF COEVOLUTION IN THE POLYPHONY OF MEANINGS IN CONTEMPORARY SOCIETY

The article argues that, under current conditions, we must either choose the path of harmonizing socioeconomic development with the laws of the biosphere and adopting a co-evolutionary strategy for the interaction between society and nature, or face the path of self-destruction. The future of modern society is determined by a strategy of coevolution, in which new guidelines for human activity are formed and established, new ecological regulations for the use of nature and the organization of social life are put forward, and the values of biospheric ecological ethics, aimed at sustaining and protecting society, are affirmed.

Keywords: coevolution, modern society, civilization, crisis, technogenic civilization.

Ныне действующий тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических достижений, позволивших ей обеспечить высокий уровень жизни, увеличить среднюю продолжительность жизни, повысить урожайность сельского хозяйства, увеличить скорость перемещений и коммуникаций, обеспечить качество медицинского обслуживания, создать современные технологии, овладеть ядерной энергией, проникнуть в космическое пространство и многое другое. В то же время в большинстве случаев получение этой огромной энергии достигается за счет сжигания углеводородного топлива, приводящего к загрязнению окружающей среды и наносящего ей значительный ущерб.

Возникновение техногенной цивилизации, в которой доминирующую роль играет техника, где преобладает потребительский вектор экономического развития, где господствует утилитарный, узкопрактический подход к жизни, где снижается внимание к духовной сфере развития человека, неизменно приводит к столкновению человека с природой, к глобальному экологическому кризису. Углубление экологического кризиса, со всей остротой ставит в качестве первоочередной задачи проблему выживания человеческой цивилизации, и потому фактическое развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ как определяющего критерия прогресса, а на самосовершенствование человека, на воспитание человеческих качеств, открывающих возможность достижения безопасного будущего.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, на преодолении негативных явлений человеческой деятельности, на выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом ценностно-духовные ориентации являются основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. Подъем человека на новую ступень с необходимостью требует перехода к иной форме цивилизации, которую можно назвать антропогенной.

К сожалению, в настоящее время не происходит существенных изменений в сфере социально-экономического развития, во многих случаях предпочтение отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. Предстоит широкое создание экологически безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и сферы образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Однако и сегодня система экономического роста основывается на господстве человека над природой и это породило локальные, а затем и глобальные экологические кризисы. Такие представления вошли в научную картину мира и обрели мировоззренческий смысл. Тем не менее, благодаря идеям русского космизма, разработкам В. И. Вернадского концепции биосферы и ноосферы, работам Римского клуба о пределах роста, современным концепциям экологической этики (Дж. Б. Калликот, Л. Уайт, Р. Атфилд) [6, с. 8] идеал господства над природой был трансформирован в идеал коэволюции человека и природы. «Этот кластер новых ценностей, возникающих в точках бифуркации техногенной культуры, сопрягается с возникновением в наше время нового понимания научной рациональности и технологической деятельности. Такое понимание было генерировано расширением предметной области научно-технологического освоения» [6, с. 8].

Н. Н. Моисеев писал: «Сегодня мы постепенно начинаем понимать, что наши нравственные основы, наш духовный мир, тем более наше поведение в биосфере уже не соответствует тем условиям жизни, в которые погружается общество, наше понимание обстановки недостаточно для преодоления появляющихся трудностей развития. <...> Другими словами, деятельность человека, основанная на выработанных цивилизационных парадигмах, ведет, вероятнее всего, к деградации биосферы и не способна гарантировать сохранение человека в ее составе. Вот почему реальность такова, что род людской сможет выжить лишь при изменении самих цивилизационных начал» [5, с. 23–24]. «Выживание человека на Земле, сохранение гомеостаза нашего биологического вида потребует смены основных цивилизационных парадигм. На смену присваивающей экономике, на смену погони за сиюминутной выгодой должна прийти совсем иная структура ценностей» [4, с. 42].

Во многом ответом на новые вызовы и угрозы жизни на Земле выступает теория коэволюции. Пока она смотрится как некая утопия, фантастика. Но приходят времена, когда человечество будет вынуждено наполнить коэволюционную фантазию конкретным содержанием. И это будет вынужденный и болезненный шаг. Н. Н. Моисеев точно заметил: «...наше будущее состоит лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: «человек – элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере». Этот принцип я называю принципом коэволюции человека и биосферы. Его выполнение – необходимое условие сохранения человека на Земле. Его достаточно полная расшифровка – задача большой науки. Я думаю, что в настоящее время это важнейшая проблема фундаментальных знаний. Если XVIII в. был веком механики и пара; XIX в. – веком, когда в мир пришло электричество; XX в. нам принес открытие ядерной энергетики, то главной задачей, которая поднимается во

весь рост перед человечеством на грани нового века это проблема коэволюции: как научить-ся жить на Земле, чтобы Природа и общество могли совместно развиваться. Это высшая задача гуманитарных знаний – знаний, которые будут опираться на современное естествознание, на физику, биологию, химию... Но все-таки это задача, прежде всего, гуманитарных знаний, поскольку речь должна идти о поведении человека, о его способности гармонично вписаться в жизнь биосферы и воспитания в рамках определенных стандартов» [4, с. 175–176].

Но коэволюционная стратегия прорастает в практической жизни: формирует и утверждает новые ориентиры человеческой деятельности, выдвигает новые экологические регулятивы природопользования и организации социальной жизни, утверждает ценности биосферной экологической этики, направленной на поддержание, защиту и расширение жизни, на увеличение ее разнообразия. И, пожалуй, самое главное коэволюционная стратегия способствует осознанию глубинных истоков экологического кризиса и намечает пути выхода из него. Все это дает основания предположить, что новая коэволюционная стратегия станет мощным источником новых исследовательских программ: новой философии природы, новой философии, новой философии науки, новой философии культуры.

И. К. Лисеев обоснованно утверждает, что «...коэволюционный подход претендует на универсальную роль, дает возможность проследить общие закономерности возникновения и функционирования взаимно адаптивных, оптимально подогнанных друг к другу систем, необходимых друг для друга. Философский анализ роли коэволюционной стратегии в современных условиях, впервые осуществленный в 1995 г., и по сей день продолжает успешно развиваться, принося все новые доказательства своей универсальной роли для оценки процессов, разворачивающихся в современном мире. Его авторы показывают, что коэволюционная установка оказывается ныне и регулятивным методологическим принципом биологических наук, задающим способы введения ими своих идеальных объектов, объяснительных схем и методов исследования, и новой парадигмой культуры, позволяющей осмыслить взаимоотношения человечества с природой, понять единство и дополнительность естественнонаучного и гуманитарного знания [3, с. 104].

В условиях нарастания кризисных явлений в жизни современного общества особую актуальность приобретают такие тренды научного поиска, которые направлены на разработку проблем ближайшего будущего. К числу такого рода проблем относятся в первую очередь кардинальные вопросы прогнозирования дальнейшего роста численности народонаселения, качественные параметры окружающей среды, истощение природных ресурсов, недостаток продовольствия, финансовых активов и др. От успешного решения этих проблем, в конечном итоге, зависит выбор направлений развития человечества и его будущее.

Вместе с тем, изучение положения дел, сложившегося в теории цивилизационного развития, показывает, что осмысление чаще всего идет в традиционной плоскости, не затрагивая происходящих фундаментальных перемен, а развитие концентрируется вокруг потребительских концепций прежних лет: достижения прибыли любым путем, обладания ресурсами и т. п. А не в направлении своих усилий на необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, принятия как аксиомы неизбежность сохранения биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления. Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человека и природы порождены самим человеком, его стремлением безрассудно пользоваться ее дарами и максимально освободиться от зависимости от природы. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости поиска новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на биосферу.

«Дальнейшая судьба цивилизации зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально иной путь – путь согласования социально-экономического развития в соответствии с законами биосферы» [2, с. 279]. В этих условиях «изучение стабильности биосферы – ключевая проблема современной науки, от эффективно-

го решения которой зависит дальнейшая судьба цивилизации. По резонному замечанию Н. Н. Моисеева, достижение коэволюции человека и биосферы означает такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, ее гомеостаза, сохраняет для него необходимый «эволюционный канал» [2, с. 285], а значит, новая современность сумеет найти ответ на вызовы времени и в полифонии смыслов выстроить стратегию безопасного будущего.

Новая современность формируется через кризис мирового сообщества, который порождает разобщенность, разрушение устоявшихся общемировых договоренностей, невозможность совместного устойчивого развития государств, доминирование групповых и самоизбираемых интересов, обесценивание человеческой жизни, отвержение гуманистических традиций сложившейся культуры. Все эти явления фиксируются и развиваются во взаимосвязи с политическим, антропологическим, экономическим, социальным, экологическим кризисом. Происходит утверждение двойных стандартов. В этих условиях «...совершенно четко обозначается общемировая тенденция хаотизации во всех сферах жизни. Продуктивные взаимовыгодные отношения заменяются на меркантильные односторонние приемлемые связи, при этом вытесняются потенциальные возможности созидательных инициатив в планетарном масштабе» [1, с. 13–14].

В этой связи следует отметить, что в ближайшем будущем человечество, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует иного уровня социально-гуманитарных научных исследований. Активное внедрение в жизнь информационных технологий ставят задачу сохранить саму возможность человеческого будущего уже в условиях новой современности.

Очевидно, что потребуется существенное приращение знаний, в том числе социально-гуманитарных наук, объединяя их вместе с естественно-научными в комплексном междисциплинарном предмете философия общечеловеческой ответственности, чтобы осмыслить позитивные возможности коэволюционного развития цивилизации и обеспечить доминирование тенденций совместного созидания, приемлемых для сохранения общества и природы.

Литература

1. Водопьянов П. А., Бурак П. М. Глобальные вызовы в современном мире и коэволюционный подход в достижении безопасного будущего // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 3. С. 7–14.
2. Водопьянов П. А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего. Минск : Беларуская навука, 2023. 469 с.
3. Лисеев И. К. Новые методологические и онтологические акценты в развитии современных наук о жизни // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 99–105.
4. Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. 210 с.
5. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 224 с.
6. Стёпин В. С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 4–10.

КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ И СОВРЕМЕННОГО МИРА: В ПОИСКЕ НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Обосновывается концепция макро- и микровлияния консенсуса и конфликта как типов социальных взаимодействий России и современного мира. Акцентируется внимание на динамике и последствиях многоуровневых социальных и «гибридных» взаимодействий в условиях новых глобальных угроз и вызовов. Показана возрастающая роль экспертных институтов в процессах регулирования социальной и глобальной напряженности. Сделан вывод о необходимости формирования новой пространственной парадигмы «многополярного» мира как инструмента изучения глобальной турбулентности.

Ключевые слова: консенсус, конфликт, социальные взаимодействия, современный мир, экспертные институты, социальная напряженность, глобальные угрозы, пространственная парадигма.

T. I. Grabelnykh

Irkutsk State University, Irkutsk

CONSENSUS AND CONFLICT IN THE DYNAMICS OF SOCIAL INTERACTIONS IN RUSSIA AND THE MODERN WORLD: IN SEARCH OF A NEW SPATIAL PARADIGM

This paper substantiates the concept of the macro- and micro-influence of consensus and conflict as types of social interactions in Russia and the modern world. It focuses on the dynamics and consequences of multi-level social and “hybrid” interactions in the context of new global threats and challenges. The growing role of expert institutions in regulating social and global tensions is demonstrated. A conclusion is drawn regarding the need to develop a new spatial paradigm for a “multipolar” world as a tool for studying global turbulence.

Keywords: consensus, conflict, social interactions, modern world, expert institutions, social tension, global threats, spatial paradigm.

В новую эпоху мы констатируем такой рубеж процессов и событий, когда категории «пространства» и «времени» – «социального пространства» и «социального времени» не просто стали наполняться новым содержанием, но приобретать другие смыслы, формы и направленность. Изменились конфигурации «синергии», диалектика взаимопереходов, появились новые представления о конвергенции, турбулентность приобрела глобальные масштабы.

Глубинные трансформационные процессы со «сломом» социальной структуры и «культурными взрывами» в России конца XX в. в современную эпоху выглядят не столь разрушительными на фоне новых «волн» глобальной турбулентности и мировых войн XXI в. Постановка вопроса о новой парадигме отношений между странами и макрорегионами фактически является признанием краха «старой дипломатии», традиционной переговорной модели и самих основ «старого социального мира». Поиск новых «консенсусных» моделей в пространствах отношений России и современного мира требует длительного времени. Как показывает исторический опыт, динамика социальных взаимодействий России и современного мира такова, что может привести не только к нарастанию напряженности в отношениях, или её снижению, «охлаждению», но сопровождаться целой чередой непредсказуемых конфликтов.

«Консенсус» и «конфликт» как социологические категории, характеризующие типы социальных взаимодействий в разные времена, – классическая тема в социальной мысли, истории социологии и других наук. Поиски путей к согласию, достижение соглашений, заключение общественных договоров и принятие согласованных политических решений – отражали стремление к достижению устойчивого и стабильного развития стран, установлению мира в разные эпохи. Аристотель этим вопросам посвятил «Политику», Цицерон написал «О государстве – о законах». В творчестве последнего мы впервые встречаем и термин «консенсус», получивший широкое распространение в 1990-х гг. в России. Диссертационное исследование автора 1990–1993 гг., периода распада СССР, было посвящено именно этому феномену – «Культуре политического консенсуса».

Очевидно, что «путь к согласию или переговоры без поражения» в настоящее время требуют нового прочтения.

«Консенсус и конфликт в динамике социальных взаимодействий России и современного мира» – научному сообществу уже сегодня предстоит дать ответ на ключевые вопросы:

1) возможно ли принятие консенсусных решений в период «гибридных» войн, и если да, то в каких форматах они могут быть и с использованием каких методов? Какова суть новых платформенных решений на консенсусной основе с учётом интересов национальной безопасности?

2) современные стратегии и технологии принятия консенсусных решений, на какой основе возможна их разработка, принятие и реализация, какие принципы должны быть положены в их основу?

3) как выйти из того «социального напряжения», которое переживает современный мир и современные общества?

4) как связаны глобальные и локальные конфликты на макро- и микроуровнях, проводятся ли прогнозы их последствий?

5) в какой степени фокусируется внимание экспертных институтов и экспертных сообществ на целесообразности разработки и применения традиционных и новых консенсусных технологий и инструментов при анализе и оценке принимаемых решений?

6) предпринимались ли системно попытки оцифровать консенсусные решения на разных уровнях и в этой связи существуют ли база и карта данных по консенсус-конфликтному взаимодействию?

7) проводится ли работа по повышению ответственности экспертов, участвующих в научных и публичных обсуждениях по вопросам престижности своей страны и организаций по мирному урегулированию отношений? В этой связи повысился ли фактически статус науки и высшего образования как экспертных центров мирового уровня, готовых и открытых для разработки новой методологии и парадигмы отношений?

Эти и другие вопросы должны быть на повестке экспертного сообщества. Считаем важным акцентировать внимание не просто на поиске новой мировоззренческой парадигмы, но также на поиске и пространственной парадигмы, открывающей временные и пространственные перспективы для достижения устойчивого развития России и современного мира.

В качестве *заключения* отметим возрастающую роль экспертных институтов в процессах регулирования социальной и глобальной напряженности. В этой связи сделан вывод о необходимости разработки новой концепции макро- и микровлияния консенсуса и конфликта как типов социальных взаимодействий России и современного мира. Важно сосредоточить внимание на динамике и последствиях многоуровневых социальных и «гибридных» взаимодействий в условиях новых глобальных угроз и вызовов. Считаем целесообразным активизировать интерес ученых к формированию новой пространственной парадигмы «многополярного» мира как инструмента изучения глобальной турбулентности.

КОМФОРТНАЯ И БЕЗОПАСНАЯ СРЕДА ДЛЯ ЖИЗНИ КАК ОДНА ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РОССИИ

На основе статистических данных по Иркутской области рассматривается выполнение одной из национальных целей России. Анализируется обеспеченность жильем и его качество, наличие отдельных недостатков и проблем (по мнению опрошенных в ходе обследования).

Ключевые слова: национальные цели, население, жилье, обследование, респондент, Иркутская область.

E. G. Sigacheva, N. Y. Manzanova

Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Irkutsk region, Irkutsk

COMFORTABLE AND SAFE ENVIRONMENT FOR LIVING AS ONE OF THE NATIONAL GOALS OF RUSSIA

The article, based on statistical data for the Irkutsk Region, examines the implementation of one of Russia's national goals. It analyzes the availability of housing and its quality, as well as the presence of certain shortcomings and problems (according to the respondents in the survey).

Keywords: national goals, population, housing, survey, respondent, Irkutsk region.

В условиях новых глобальных угроз и вызовов важно иметь твердый вектор движения вперед, определяющий перспективы дальнейшего развития. В связи с этим сформулированы национальные цели страны на ближайшие годы – комплексная, взаимосвязанная система, охватывающая все критические сферы жизни: от сохранения народа и повышения благосостояния граждан до создания комфортной среды, возможностей для самореализации и развития, для экономического прорыва. Национальные цели были определены в Указе Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], а затем развиты и конкретизированы в Указе № 309 от 7 мая 2024 г. [2]. Этот указ внес корректировки и актуализировал национальные цели, продлив временной промежуток до 2036 г., который является не конечной целью, а лишь очередной вехой на пути развития.

Одна из национальных целей, призванная способствовать увеличению численности населения, повышению уровня жизни, созданию достойных условий проживания, – комфортная и безопасная среда для жизни. Данная цель включает в себя множество направлений, в частности, увеличение объема жилищного строительства и улучшение жилищных условий, сокращение непригодного для проживания жилищного фонда, повышение доступности жилья на первичном рынке, улучшение качества городской среды, модернизацию коммунальной инфраструктуры и повышение качества коммунальных услуг, благоустройство общественных территорий, совершенствование дорожной сети и обновление общественного транспорта, а также улучшение экологической ситуации.

Достижение национальных целей можно считать ответом на глобальные вызовы, стоящие перед всей планетой и в том числе перед Россией.

Как выполняются поставленные цели? Судить об этом можно на основе статистической информации. Данные оперативной статистики дополним сведениями из материалов выборочного наблюдения.

Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 [3] для получения полной и достоверной официальной статистической информации об условиях жизни различных демографических и социально-экономических групп и слоев населения утверждена система федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам. Это ряд наблюдений по различным направлениям, с разной периодичностью, от ежегодной до одного раза в 5 лет. Одна из таких работ – комплексное наблюдение условий жизни насе-

ления [4]. Она проводится раз в 2 года и содержит большой блок информации о жилищных условиях. Последние данные получены в 2024 г.

Рассмотрим ситуацию на примере Иркутской области. На протяжении нескольких лет в регионе растет жилищное строительство (табл. 1), особенно активно нарастает возведение жилья населением за свой счет и с помощью кредитов.

Таблица 1

Ввод в действие жилых домов по формам собственности
(тыс. кв. м общей площади)

	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего	628,1	922,6	1105,9	1203,8	1251,3	1490,7	1605,2	1935,2
В том числе индивидуальными застройщиками	109,4	213,7	645,2	908,2	838,3	1016,0	1200,0	1589,0
В % к общему объему	17	23	58	75	67	68	75	82

В результате возрастает обеспеченность жильем, чему в определенной мере способствует также снижение численности населения. Если в 2010 г. в расчете на одного жителя Иркутской области приходилось 21,3 кв. м общей площади жилья, то в 2024 г. – 27,5. Один из конкретных показателей в Указе № 309 от 7 мая 2024 г. – обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. м на человека к 2030 г. и 38 кв. м к 2036 г. Увеличение обеспеченности за оставшиеся 6 лет на недостающие до нужного уровня 5,5 кв. м кажется трудновыполнимой задачей, ведь за прошедшие 14 лет прибавка составила 6,2 кв. м.

На учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в разные годы состояло от 48 до 54 тыс. семей (включая одиночек). По отношению к общему числу семей в регионе это составляет 5–6 %. Жилищная очередь движется медленно. В 2010 г. жилье получили 12,9 % семей, состоявших в очереди, это один из лучших показателей. В последние годы жилье получают 4–5 % очередников.

Между тем ожидание в очереди – далеко не единственный и не главный способ улучшения жилищных условий. По данным выборочного обследования, состоят в очереди или собираются подать документы 13 % из общего числа намеренных улучшить жилищные условия. Гораздо больше желающих купить или построить новое жилье (45 %) и доля таких граждан, рассчитывающих на свои силы и возможности, в сравнении с 2022 г. увеличилась почти вдвое. Собираются снимать жилье 9 %, ведут строительство 8 %, надеются на получение жилья после сноса 6 %. Есть и другие способы.

При планах строительства или покупки жилья средняя желаемая площадь – 73 кв. м. Она существенно различается в зависимости от типа жилья. Мечтающие о новоселье в многоквартирной новостройке имеют более скромные планы (57 кв. м) в сравнении с нацеленными на собственный дом (88 кв. м).

А пока многие живут в стесненных условиях. В целом по области определенную или большую стесненность проживания отмечают 17 % опрошенных. В городских условиях теснота ощущается чаще (19 % против 4 % в сельской местности).

Ситуация различается в зависимости от состава семьи. Меньше всего жалоб на небольшую площадь жилья высказывают семьи, состоящие только из пенсионеров, и «одиночки» (5–7 %). Вместе с ростом семьи растет и ощущение стесненности, на это указывают 41 % семей, состоящих из 4 чел.

В целом по области потребность в улучшении условий проживания высказали 22 % опрошенных (20 % горожан и 31 % из числа сельских жителей).

Однако не все испытывающие потребность в улучшении жилищных условий собираются действовать в этом направлении (в целом по области 11,7 %; 11,4 % из числа горожан и 13,0 % селян). А из всех намеренных что-то кардинально изменить в своей жизни только часть указали на стесненные условия или плохое состояние жилья. Сочетание одновременно обоих факторов отметили 0,4 % респондентов. Многие смирились с теснотой и плохим качеством жилья и не собираются что-либо менять (часто – из-за отсутствия средств).

Стремление к улучшению растет вместе с увеличением семьи. Кардинально изменить жизненные условия собирается каждая пятая семья, состоящая из 4 чел.

Как улучшить жилищные условия? Существуют разные способы. С точки зрения нуждающихся в этом, самые приемлемые варианты – увеличение площади с переездом в другой дом или ремонт (перепланировка) имеющегося жилья, за это высказались соответственно 34 % и 31 % из числа нуждающихся в улучшении условий. Возможен раздел жилплощади (6 % ответов), рассматривается также кардинальное изменение – переезд в другую местность (7 %). Есть и другие варианты.

А какова возможность приобретения новой квартиры в условиях роста цен на рынке недвижимости? В сравнении с рядом предшествующих лет в 2025 г. новые квартиры стали чуть более доступными по цене (табл. 2), однако покупательная способность доходов на первичном рынке жилья заметно ниже, чем в 2015 г.

Таблица 2

Покупательная способность доходов населения на первичном рынке жилья

	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Средняя цена на первичном рынке жилья на конец года, тыс. руб. за кв. м общей площади	48,9	73,1	96,9	108,6	112,7	138,1	148,8
Среднедушевой денежный доход населения за год, тыс. руб.	261,0	330,2	363,2	449,8	509,8	603,5	688,1
Площадь жилья, которую можно приобрести на 1 годовой доход, кв. м	5,3	4,5	3,7	4,1	4,5	4,4	4,6

Таким образом, для покупки небольшой новой квартиры (площадью 46 кв. м) нужно в течение 10 лет откладывать весь доход одного из членов семейства, не тратя его на другие цели.

В ходе обследования респондентам предлагалось оценить свое жилье. Интересно, что среди городских и сельских жителей примерно равная доля позитивных оценок (табл. 3). Однако сельчане чаще горожан считают занимаемое жилье плохим, заметно реже оно их устраивает, несмотря на то, что они менее склонны замечать недостатки собственного жилья.

Таблица 3

Оценка качества занимаемого жилья городскими и сельскими семьями
(в % от числа опрошенных)

	Городская местность	Сельская местность
Не видят недостатков в своем жилье	52,8	80,6
Считают жилье		
хорошим и очень хорошим	50,8	51,5
плохим и очень плохим	2,0	6,1
Жилье в целом устраивает	80,0	69,3

В ходе обследования жители отметили наличие разных недостатков занимаемого жилья (табл. 4). Горожане чаще всего жалуются на загрязненный воздух, а жители села на недостаток тепла.

Многие из недостатков больше свойственны городам, селяне значительно реже страдают от недостатка света, от насекомых и грызунов, шума от соседей и с улицы, загрязненного воздуха, плохой освещенности и нарушений общественного порядка у дома и в подъезде. Все это – нередкие атрибуты многоквартирных домов, 8,5 % живущих в таких домах назвали антисанитарным состояние подъездов и лестничных клеток.

На наличие одновременно всех или большинства из перечисленных недостатков указали менее 0,1 % опрошенных. Никаких недостатков не видят 53 % горожан и 81 % селян.

Наличие недостатков занимаемого жилья
(в % к числу опрошенных)

Отмеченные недостатки	Доля семей, отметивших данный недостаток		
	Всего	Городская местность	Сельская местность
Недостаток тепла	5,4	4,8	8,0
Недостаток солнечного света	5,1	6,4	0,3
Сырость (промерзание полов, стен)	4,4	4,9	2,6
Наличие насекомых (грызунов)	6,2	7,3	1,8
Шум, загрязнение воздуха, пыль, сажа с улицы	15,3	18,9	1,4
Шум от соседей	13,2	16,0	2,1
Плохая освещенность подходов к дому или в подъезде	10,5	11,8	5,4
Нарушение общественного порядка у дома или в подъезде	6,3	7,7	0,6

Санитарно-гигиенические условия проживания нельзя считать благоприятными при отсутствии отдельного места для приготовления пищи и для водных процедур. Такие элементарные удобства могут располагаться в квартире (доме), местах общего пользования или отдельном строении (дворовой постройке). Но отдельные семейства лишены этого. Небольшая часть сельских домохозяйств (0,4 %) не имеют кухни, 1,9 % – туалета. И две трети селян (66 %) живут без ванны и/или душа (из горожан – 5 %). В сельской местности ванну заменяет баня, она имеется у 73 % домохозяйств (для сравнения: в городах и поселках городского типа – 5 %).

Далеко не все жилье приспособлено для удобного проживания лиц с ограниченными возможностями здоровья. Из жильцов многоквартирных домов (включая общежития) наличие широких дверных проемов отметили 11 %, пандусов или входов на уровне дороги – 16 %, перил у дома, в подъезде – 25 %, лифтов (подъемников), пригодных для инвалидов колясок – 2 %, прочих особых приспособлений – 6 %.

Не всегда в удовлетворительном состоянии находятся старые дома, значительная часть из них нуждается в основательном ремонте. Из опрошенных жителей домов 1970 г. постройки и ранее 14 % указали, что дом требует капитального ремонта и 0,9 % – на его аварийное состояние. Доля ответов об официальном признании дома аварийным – менее 0,1 %.

Кроме основного жилья, часть домохозяйств (17 %) имеют другие жилые помещения. И порою не одно. Чаще всего это дом на садовом (дачном) участке (средняя площадь – 38 кв. м), но может быть и квартира (50 кв. м). Около половины таких дополнительных помещений пригодны лишь для сезонного проживания. Селяне реже обладают альтернативной недвижимостью (11 % против 18 % среди горожан).

Основными видами коммунальных удобств (горячее и холодное водоснабжение, канализация, отопление) оборудовано 79–88 % городского жилья и 15–33 % в сельской местности. Уровень благоустройства постепенно растет. По сравнению с 2015 г. доля городского жилья, имеющего эти блага цивилизации, выросла на 4–6 процентных пунктов, сельского – на 8–11 пунктов, а по холодному водоснабжению – на 19 пунктов, с 14 % до 33 %. Ускоренный рост благоустройства сельского жилья обусловлен активным жилищным строительством на селе, особенно в пригороде Иркутска, причем новое жилье, как правило, имеет самое необходимое оборудование. По данным обследования, за 2 года доля сельского жилья, оснащенного индивидуальными установками для обогрева, повысилась с 26 до 29 %. Но две трети сельских домов имеют традиционный источник тепла – печь (в городской местности – 5 %).

Большинство домохозяйств, не имеющих централизованного отопления, располагают достаточными средствами для поддержания тепла в своем жилище, однако 11 % семей не имеют таких средств (в 2022 г. – 15 %). Из тех, кто не имеет возможности пользоваться горячей водой из крана, большинство (62 %) не располагают средствами для установки дома водонагревательного прибора (в 2022 г. – 71 %). Поскольку число семей, на располагающих

средствами для этих целей, сократилось, можно сказать, что финансовые возможности населения в отношении отдельных видов домового благоустройства повысились.

При отсутствии централизованного водопровода используются другие источники воды. Чаще всего это привозная вода, что отметило каждое второе домохозяйство из числа не имеющих водопровода. Довольно часто приходится брать воду из открытого водоема или колонки, скважины (18 % и 16 %), колодца (11 %), гораздо реже – покупать бутилированную воду (3 %). Не исключается даже использование дождевой воды, но такие случаи очень редки (менее 0,1 %).

Оценивая качество воды из наиболее доступного источника, 1,6 % опрошенных назвали его плохим (0,2 % горожан и 7,0 % в сельской местности). Чаще всего на плохую воду жалуются жители маленьких деревень, с числом жителей до 1000 чел.

Как показало обследование, с централизованной подачей воды порою возникают проблемы, но со временем их становится чуть меньше. К примеру, на постоянно слабый напор воды в кране в 2022 г. жаловались 2,3 % опрошенных обладателей этого вида коммунальных удобств, в 2024 г. – только 1,0 % (табл. 5).

Жалоб на постоянные проблемы сравнительно немного, это отмечают не более 1,3 % респондентов. Из проблем, возникающих время от времени, наиболее частой является низкая температура горячей воды (9,9 %).

Таблица 5

Доля домохозяйств, отметивших наличие проблем с водоснабжением
(в % от имеющих централизованную систему)

	Холодное водоснабжение		Горячее водоснабжение	
	Время от времени	Постоянно	Время от времени	Постоянно
Перебои в подаче	5,0	0,4	7,0	1,3
Слабый напор	5,2	1,0	5,4	0,7
Низкое качество воды	7,0	1,2	7,8	0,5
Протечки и другие проблемы из-за низкого качества коммуникаций	6,4	0,5	х	х
Низкая температура воды	х	х	9,9	0,5

При наличии централизованной канализационной системы из-за ее неисправности могут иметь место засоры, затопления в подвалах, неприятный запах. На такие проблемы, возникающие постоянно, жалуются до 2 % жильцов, время от времени они возникают по мнению 9–15 % опрошенных. Большинство (81 %) не испытывают никаких проблем, связанных с неисправностью канализации.

Из числа обследованных домохозяйств 13 % указали на наличие проблем с подачей электроэнергии. Эти проблемы больше знакомы сельским жителям – 38 % опрошенных против 7 % среди горожан. Перебои в централизованной подаче могут быть крайне редкими, но часть столкнувшихся с перебоями указала на их частоту 1 раз в месяц и более.

В последние годы взят курс на благоустройство дворов. И сделано немало, растет количество и качество дворового оборудования. В большинстве дворов имеются площадки для детей, на это указали 70 % опрошенных жильцов многоквартирных домов. Не редкость и площадки, оборудованные для занятий спортом взрослых и детей (39 %). Оборудованы парковочные места (29 %), установлены контейнеры для мусора (75 %). Кое-где внедрена система охраны придомовой территории (0,7 %).

Но практически никто (0,0 %) не отметил наличие одновременно всех видов дворового оборудования.

Часть из этих атрибутов современных дворов, по мнению опрошенных, находится в неудовлетворительном состоянии. Такую оценку дали от 6 до 18 % респондентов, отметивших наличие этих средств дворового благоустройства. Меньше всего претензий к спортивным площадкам, чаще всего высказывалось недовольство парковками.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 25.03.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 13.03.2026).
3. Об организации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения : постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 946. URL: <http://government.ru/docs/all/74940/> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 18.03.2026).

УДК 331.5

В. Ф. Пугач

Университет науки и технологий МИСИС, Москва

УРОВЕНЬ УЧАСТИЯ В СОСТАВЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЗАНЯТОСТЬ В РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу гендерного аспекта рабочей силы и занятых в экономике России. В основе данных статистики рассматривается ситуация с 2013 по 2024 г., показано наличие гендерной асимметрии, менее активное участие женщин в трудовой деятельности. Доказано, что степень гендерной асимметрии изменяется с возрастом, максимальное приближение к гендерному паритету по уровню участия в составе рабочей силы наблюдается в возрастной группе 45–49 лет. Показана зависимость гендерного состава занятых от типа властных полномочий, экономического риска. Дан количественный анализ зависимости уровня занятости женщин от числа детей.

Ключевые слова: занятое население, гендерная структура, возрастные группы, гендерная дифференциация, индекс гендерного паритета.

V. F. Pugach

MISIS University of Science and Technology, Moscow

LABORFORCE PARTICIPATION AND EMPLOYMENT IN RUSSIA: A GENERAL ASPECT

This article analyzes the gender aspect of the labor force and employment in the Russian economy. Based on statistical data from 2013 to 2024, it demonstrates gender asymmetry and lower labor force participation among women. The degree of gender asymmetry changes with age, with the highest approximation to gender parity in labor force participation observed in the 45–49 age group. The relationship between the gender composition of the employed population and the type of government position and economic risk is demonstrated. A quantitative analysis of the relationship between female employment and the number of children is provided.

Keywords: employed population, gender structure, age groups, gender differentiation, gender parity index.

Статья посвящена вопросам анализу уровня участия в составе рабочей силы и ее динамики в последнее десятилетие, гендерным особенностям.

Цель статьи: выявить особенности динамики уровня участия населения в составе рабочей силы в целом, в том числе мужчин и женщин, показать зависимость занятости от возраста и пола.

В 2026 г. численность занятых в экономике России составила 74,8 млн. При этом уровень занятости, т. е. доля занятых от населения 15 лет и старше составил 61,8 % [1].

В 2024 г. численность рабочей силы в России составила 76,1 млн, из которых 38,8 млн – мужчины, 37,3 женщины [2, с. 110].

Данные о доле женщин и мужчин в трудоспособном возрасте, входящих в состав рабочей силы, показаны на рис. 1.

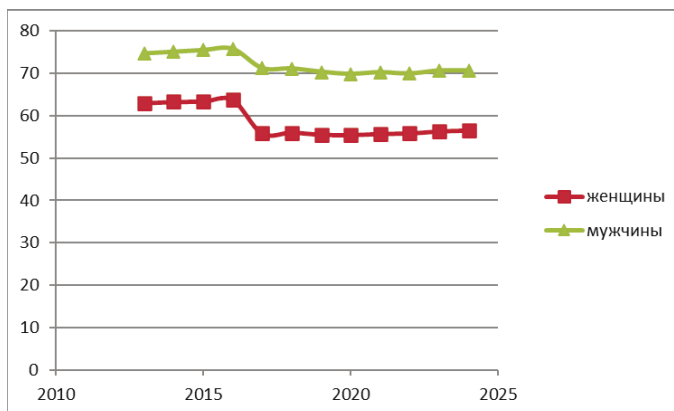

Рис. 1. Доля женщин и мужчин в трудоспособном возрасте, входящих в состав рабочей силы, % [2, с. 110–111]

Как видно на рис. 1, в рассматриваемый период уровень участия женщин постоянно ниже, чем мужчин, причем оба показателя снижаются. Диапазон изменения уровня участия в рабочей силе – от 55,4 до 75,8 %.

Для сравнения долей участия используем показатель кратности, который показывает, во сколько раз уровень занятости мужчин больше, чем женщин.

Таблица 1

Уровень участия женщин и мужчин в составе рабочей силы, %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Женщины	63	63,3	63,4	63,8	55,8	56	55,5	55,4	55,7	55,8	56,3	56,5
Мужчины	74,7	75,1	75,5	75,8	71,2	71,1	70,3	69,8	70,2	69,9	70,6	70,6
Показатель кратности	1,19	1,19	1,19	1,19	1,28	1,27	1,27	1,26	1,26	1,25	1,25	1,25

* Рассчитано по источнику: [2, с. 110–111].

Рассчитанный показатель кратности показывает его рост: если в период с 2013 по 2016 г. он составлял 1,19, то с 2017 г. произошел его рост. Можно считать, что с 2017 г. уровень участия мужчин примерно на 25 % выше, чем женщин.

Представленные характеристики относятся ко всему занятому населению в целом, но они существенно изменяются для разных возрастных групп. Рассмотрим ситуацию по отдельным возрастным группам, приведем данные об уровне участия и соответствующих показателях кратности (табл. 2).

Для двух возрастных групп: 15–19 и 45–49 лет приведены показатели участия для мужчин и женщин, а также кратность между ними. Для остальных возрастных групп приведены только показатели кратности.

У двух старших групп отмечаются максимальные значения кратности, в то время как минимальные наблюдаются только у возрастной группы 45–49 лет, для которой показатель кратности составляет 1,02–1,03. Близки показатели и для двух соседних групп: 40–44 года и 50–54. Здесь ситуация близка к гендерному паритету.

Динамика снижения показателя кратности по мере роста возраста хорошо согласуется с детским жизненным циклом: к 45–49-летнему возрасту матери дети уже подрастают и женщины более активно включаются в трудовую деятельность. Высокая вовлеченность женщин, как видно из данных табл. 2, продолжается еще для лиц в возрасте 50–54 лет, после

она резко снижается. Следовательно, женщины позже начинают трудовую деятельность и раньше ее заканчивают.

Таблица 2

Уровень участия женщин и мужчин в составе рабочей силы по возрастным группам и показатели кратности, %

	Возрастные группы	Годы										
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Женщины	15–19	7,6	6,6	7	6,9	6,4	6,6	5,7	5,2	5,2	4,8	5,7
Мужчины		10,3	9,4	10,1	10,7	9,2	8,5	7,6	7,6	7,3	6,4	7,7
Показатель кратности		1,36	1,42	1,44	1,55	1,44	1,29	1,33	1,46	1,40	1,33	1,35
	20–24	1,24	1,24	1,22	1,24	1,23	1,22	1,22	1,21	1,20	1,21	1,21
	25–29	1,19	1,19	1,19	1,18	1,17	1,16	1,17	1,17	1,16	1,16	1,14
	30–34	1,14	1,14	1,14	1,15	1,14	1,15	1,14	1,14	1,13	1,13	1,12
	35–39	1,07	1,08	1,08	1,08	1,08	1,08	1,08	1,08	1,08	1,07	1,08
	40–44	1,04	1,03	1,04	1,04	1,04	1,04	1,04	1,04	1,04	1,04	1,04
Женщины	45–49	90,5	91,1	90,7	91,6	92,1	92	91,6	92,2	92,5	93	93,2
Мужчины		92,5	92,8	93,5	93,6	94	94,3	93,6	93,8	94,4	95,2	95,4
Показатель кратности		1,02	1,02	1,03	1,02	1,02	1,03	1,02	1,02	1,02	1,02	1,02
	50–54	1,05	1,05	1,05	1,05	1,05	1,05	1,04	1,04	1,04	1,03	1,03
	55–59	1,44	1,46	1,45	1,48	1,48	1,47	1,43	1,38	1,31	1,26	1,22
	60–69	1,55	1,5	1,48	1,46	1,53	1,51	1,51	1,52	1,7	1,72	1,83
	70+	1,46	1,35	1,32	1,29	1,94	1,5	1,5	1,74	1,67	1,69	1,63

* Рассчитано по источнику: [3, с. 28].

Рассмотрим, каким образом гендерный состав сотрудников зависит от таких характеристик должностей как властные полномочия и экономический риск. Данные о гендерном составе в зависимости от типа властных полномочий показаны в табл. 3.

Таблица 3

Гендерная структура занятых по типам властных полномочий и экономического риска, 2023 г., %

	Женщины	Мужчины	Индекс гендерного паритета
Занятые, всего	49	51	0,96
в том числе			
Независимые работники	43	57	0,75
из них			
работодатели	29	71	0,41
самозанятые работники, не использующие наемный труд	47	53	0,89
Зависимые работники	49	51	0,96
из них			
зависимые подрядчики	24	76	0,32
наемные работники	49	51	0,96
Работающие за заработную плату	49	51	0,96
из них			
владельцы-управляющие компаниями	23	77	0,30

* Рассчитано по источнику: [2, с. 120].

Как видно из данных табл. 3, гендерный состав работников на разных должностях существенно отличается. Среди всех занятых, зависимых, наемных работников наблюдается почти гендерный паритет, в то же время максимальная гендерная асимметрия наблюдается у владельцев-управляющих компаниями, зависимых подрядчиков и работодателей, т. е. там, где больше ответственности, экономического риска.

Отобразим взаимосвязь гендерного состава и уровня образования, данные для сравнения представлены в табл. 4.

Женщины преобладают среди лиц с высшим и средним профессиональным образованием, по всем, более низким уровням, больше представлены мужчины, причем наблюдается зависимость: чем ниже уровень образования, тем больше доля мужчин.

На трудовую занятость женщин, безусловно, влияет наличие детей и их числа. Рассмотрим особенности трудовой занятости, уровня безработицы у женщин (табл. 4).

Таблица 4

Распределение лиц с определенным уровнем образования по полу, %

	Женщины	Мужчины	Индекс гендерного паритета
Занятые – всего	49	51	0,96
в том числе имеют образование			
высшее	56	44	1,27
среднее профессиональное	55	45	1,22
начальное профессиональное	36	64	0,56
среднее общее	41	59	0,69
основное общее	36	64	0,56
не имеют основного общего	32	68	0,47

* Рассчитано по источнику: [3, с. 28].

Таблица 5

Численность, уровень занятости и уровень безработицы женщин, имеющих детей до 18 лет, 2023 г.

Женщины, имеющие детей до 18 лет	Численность занятых		Уровень занятости	Уровень безработицы
	тыс. чел.	%	%	%
Всего	12 898	100	82,0	3,4
в том числе имеющие:				
1 ребенка	7986	61,9	86,3	2,8
2 детей	4023	31,2	80,8	3,7
3 детей	740	5,7	62,6	7,4
4 детей и более	150	1,2	47,3	9,7

* Рассчитано по источнику: [4, с. 75].

Как видно из данных табл. 5, число детей очень существенно влияет на все показатели трудового поведения женщин. Почти 62 % из всех рассматриваемых женщин имеют одного ребенка, их уровень занятости выше, чем всей совокупности, а безработица ниже.

Почти треть женщин имеют двоих детей, их занятость только на один пункт ниже средней, а безработица чуть выше. Ситуация у женщин с тремя детьми иная. Таких женщин менее 6 %, их занятость существенно, почти на 20 пунктов ниже среднего показателя, а безработица в 2,2 раза выше среднего уровня.

Наличие четверых детей и более, таких женщин 1,2 %, существенно влияют на трудовое поведение, как на уровень занятости, так и безработицы. Их уровень занятости составляет 57 % от средней, а уровень безработицы – почти в три раза выше.

Выводы

Уровень участия женщин в составе рабочей силы устойчиво ниже, чем мужчин, причем кратность имеет тенденцию скорее к росту.

Уровень гендерной асимметрии меняется с возрастом. В самой младшей возрастной группе она относительно велика, потом снижается, и наиболее близким к состоянию паритета находятся лица в возрасте 45–49 лет. В старших возрастах уровень гендерной асимметрии быстро растет. Женщины позже мужчин начинают трудовую деятельность и раньше из нее уходят.

Должности, где больше ответственности, экономического риска больше предпочитают мужчины, несмотря на более высокий уровень образования женщин.

Наличие одного-двух детей в возрасте до 18 лет практически не сказывается на уровне занятости женщин, в то же время трое-четверо детей существенно ее снижают.

Литература

1. Росстат: уровень занятости населения достиг 61,8 % // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/news/370672-rosstat-uroven-zanyatosti-naseleniya-dostig-618>
2. Российский статистический ежегодник. 2025 : стат. сб. / Росстат. М., 2025.
3. Труд и занятость в России. 2025 : стат. сб. / Росстат. М., 2025.
4. Женщины и мужчины России. 2024 : стат. сб. / Росстат. М., 2024.

УДК 304.2

В. В. Зотов

Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет), г. Москва

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Статья анализирует внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессы принятия решений, порождающее сложные этические последствия, ведь неверное применение ИИ способно нанести ущерб людям, обществу и деловой репутации. Цель работы – выявить и проанализировать этические дилеммы, возникающие при использовании ИИ в ситуациях выбора, где противоречие ценностей препятствует абсолютно правильному решению. Применяется метод ситуационного анализа: показано, что дилемма возникает, когда каждая стратегия нарушает важную нравственную установку, а идеального выхода не существует. Дилемма подчёркивает невозможность свести всё к формальным правилам – всегда остаётся выбор меньшего зла. Ключевой принцип: нельзя позволять технологической эффективности подавлять фундаментальные этические требования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этические принципы, этические дилеммы, принятие решений, управленческие решения.

V. V. Zotov

Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow

ETHICAL DILEMMAS OF IMPLEMENTING AI TECHNOLOGIES IN DECISION-MAKING PROCESSES

The article analyzes the implementation of artificial intelligence (AI) technologies in decision-making processes, which generates complex ethical consequences since improper use of AI can harm people, society, and business reputation. The aim is to identify and analyze ethical dilemmas that arise when using AI in choice situations where conflicting values prevent an absolutely correct solution. A situational analysis method is applied: it shows that a dilemma arises when each strategy violates an important moral principle, while there is no ideal way out. The dilemma emphasizes the impossibility of reducing everything to formal rules—there always remains a choice between lesser evils. The key principle is not to allow technological efficiency to suppress fundamental ethical requirements.

Keywords: artificial intelligence, ethical principles, ethical dilemmas, decision making, management decisions.

Проблема принятия обоснованных и взвешенных управленческих решений является неизменно актуальной для всех сфер человеческой деятельности. Внедрение технологий искусственного интеллекта в процессы принятия решений становится одной из ключевых тенденций современного общества. Технологии искусственного интеллекта способствуют повышению эффективности обработки информации, обеспечивая повышение точности принимаемых решений и снижение затрат на сам процесс принятия решений. Поскольку организации все чаще полагаются на искусственный интеллект при принятии решений, влияющих на жизнь людей, крайне важно, чтобы они учитывали сложные этические последствия, поскольку неправильное использование ИИ может нанести вред отдельным лицам и обществу, а также и репутации компаний.

В ноябре 2021 г. появился первый в истории глобальный нормативный документ, посвящённый этическим аспектам развития и применения искусственного интеллекта [8]. Документ устанавливает ряд фундаментальных норм и принципов, которые должны лежать в

основе любой деятельности, связанной с ИИ. В 2003 г. Международной организацией по стандартизации (ISO) было создано практическое руководство, ориентированное на бизнес и разработчиков [6]. В отличие от декларативных документов, таких как Рекомендация ЮНЕСКО, этот стандарт предлагает конкретные инструменты и методологии для внедрения этических принципов в жизненный цикл систем искусственного интеллекта. На сегодняшний день этические вопросы, возникающие в связи с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) при принятии решений, вышли на передний план научных исследований [1–3, 5].

Обычно управленческая логика предполагает: проблема → анализ данных → выбор оптимальной альтернативы. Но если любая альтернатива нарушает какую-то этическую норму (или принцип), то сама постановка задачи неполна. Отметим, что чаще всего речь идёт именно об этических принципах (как нормах, правилах принятия решений). Этический принцип есть общая норма или ориентир, который помогает принимать решения. Но довольно часто в процессе принятия решения возникает конкретная ситуация выбора, где столкновение ценностей делает невозможным полностью «правильное» решение: любое действие ведёт к потере или риску. Такую ситуацию можно назвать этической дилеммой. Принцип обычно относительно устойчив и универсален, а дилемма всегда привязана к конкретной ситуации и требует выбора между альтернативами, каждая из которых имеет этическую цену.

Этическая дилемма – это ситуация, в которой имеет место необходимость выбора между двумя (или более) вариантами действий, причём каждый из этих вариантов нарушает какую-либо важную моральную норму, и нет идеального или однозначно правильного решения. В случае с ИИ-дилеммами этика скорее выполняет роль диагностики: она показывает, что перед нами не просто техническая проблема, а именно неразрешимый без потерь конфликт ценностей. Этическая дилемма переводит вопрос из плоскости «какое решение технически оптимально?» в плоскость «какое решение мы готовы морально обосновать и за какие последствия отвечать?». Это само по себе имеет большую ценность, поскольку помогает избежать ложной уверенности в существовании какого-то единственно верного и наилучшего варианта действий.

Далее будут последовательно рассмотрены четыре ключевых этических дилеммы посредством метода ситуационного анализа. Такой подход обеспечивает возможность всестороннего изучения каждой отдельной ситуации, выявления особенностей возникающих морально-этических коллизий с учётом конкретных обстоятельств рассматриваемого случая.

Дилемма «Справедливость vs Точность». Главная дилемма связана с тем, что алгоритмы начинают влиять на решения, затрагивающие судьбы людей. Одной из наиболее важных дилемм является проблема справедливости. Если ИИ обучается на данных, в которых уже содержатся социальные стереотипы или историческая дискриминация, он может воспроизводить и усиливать неравенство. Это особенно опасно в сферах, где решения влияют на доступ к работе, образованию, кредитам или медицинской помощи. Но учёт этих признаков для «выравнивания» результатов жертвует принципом, согласно которому вознаграждение, должностные или возможности должны распределяться исключительно на основе заслуг, способностей, усилий и достижений человека, а не его групповой принадлежности. Попытка сделать алгоритм «слепым» к полу/расе может снизить его точность, так как эти признаки могут быть прокси-переменными для релевантных факторов. Что важнее – формальное равенство обработки данных (алгоритм игнорирует гендер) или исправление исторической несправедливости (алгоритм даёт предпочтение ущемлённым группам)? Отметим, что современные исследования в области медицины фиксируют факт: точность (спасение жизни) может доминировать над отсутствием дискриминационных проявлений, которое воспринимается как второстепенное действие [2].

Дилемма «Прозрачность vs Эффективность». Многие системы ИИ работают как «чёрный ящик», поэтому человеку трудно понять, почему было принято то или иное решение. В результате возрастает риск того, что человек окажется в подчинённом положении по отношению к алгоритму. Прозрачность напрямую связывается с доверием. Люди готовы доверять ИИ только в том случае, если алгоритмы максимально прозрачны и понятны. Про-

зрачность и эффективность – это не две единицы одного и того же блага. Их нельзя просто сравнить численно. Как сопоставить право человека на объяснение решения и спасённую жизнь благодаря более точному алгоритму? Это несоизмеримые ценности. Но тем не менее сегодня можно наблюдать, что организации решают эту дилемму в пользу эффективности. Например, анализируя Кодекс этики Банка России, можно увидеть, что п. 2.5 делает явную уступку эффективности: организация вправе не предоставлять разъяснения, если они могут снизить эффективность ИИ [7]. Это прямое признание приоритета эффективности над прозрачностью в определённых случаях. Хотя врачи настаивают на прозрачности даже ценой некоторой сложности [2].

Дилемма «Автономия машины vs Контроль человека». Способность ИИ-технологий самостоятельно принимать решения без вмешательства человека даёт выигрыш в скорости, отсутствии человеческих ошибок и эмоциональных искажений. Но когда решение принимает не человек, а система ИИ, становится неясно, кто должен отвечать за ошибку: разработчик, владельцем ИИ-технологии или пользователь. Возможна ли юридическая и моральная ответственность в системе, где нет единого виновного субъекта, а есть распределённая сеть действий? Особенно остро этот вопрос стоит в медицине, судебной практике, банковской сфере и других областях, где цена ошибки очень высока. Например, в уже упомянутой статье о «этических системах искусственного интеллекта в медицине» говорится, что в опросах 52 % врачей считают: ответственность всегда лежит на враче; 48 % полагают, что за ошибку ИИ должен отвечать разработчик или сертификационный орган [2]. На сегодняшний день отсутствуют правовые институты, отражающие особенности функционирования искусственного интеллекта и обеспечивающие сбалансированное соблюдение интересов всех сторон отношений, связанных с применением технологий искусственного интеллекта [1]. В частности, упомянутый выше Кодекс этики Банка России для ИИ с высоким уровнем риска вводит обязательный контроль сотрудников (п. 6.9). Это попытка сохранить человеческий контроль, но вопрос ответственности при сбое (дилемма распределённой вины) кодексом не решается [7]. А ведь надо ещё понимать, что полная автономия ведёт к риску «безответственного алгоритма», когда никто не может объяснить или исправить ошибку. Полный контроль (каждое решение утверждается человеком) уничтожает преимущества автоматизации. При принятии решений нужна и продуктивность алгоритмов, и человеческий подход в особых ситуациях, и чёткое разъяснение – кто понесёт ответственность за нанесённый ущерб или даже загубленную жизнь человека. Эти три желания одновременно невыполнимы. Здесь и проявляется сущность рассматриваемой дилеммы: либо жертвуем скоростью, либо отказываемся от ответственности и способности проявлять эмпатию в принятии решений.

Дилемма «Качество решение vs. Приватность жизни». Для эффективной работы ИИ требуется большой объем информации, нередко включающий персональные данные – часто интимного характера (биометрию, геолокацию, психотип). Высокое качество медицины или безопасности достигается ценой тотальной слежки за личной жизнью человека, очень глубокого анализа его поведения в соцсетях и иных публичных, а порой и приватных сферах жизни. Это создаёт риск неправомерного использования информации и нарушает право человека на приватность. Например, имеет ли право работодатель уволить сотрудника лишь потому, что ИИ предсказал его высокую вероятность увольнения (основываясь на переписке и тайм-трекинге)?

Таким образом, внедрение ИИ в процессы принятия решений требует не только технологического, но и этического контроля. Но этическая дилемма в сфере искусственного интеллекта наглядно иллюстрирует невозможность сведения всех аспектов исключительно к соблюдению этических принципов поскольку неизменно остаётся необходимость выбора наименьшего зла. Наиболее безопасным подходом является использование ИИ-технологий как инструмента поддержки человека, а не как полной замены человеческого рассуждения, пусть и глубоко экспертным знанием. Главный принцип разрешения дилемм при проектировании ИИ-технологий – не допускать, чтобы при попадании в ситуации этической дилеммы человечность перевешивала технологичность.

Литература

1. Никитенко С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174.
2. Углева А. В., Шилова В. А., Карпова Е. А. Индекс «этичности» систем искусственного интеллекта в медицине: от теории к практике // Этическая мысль. 2024. Т. 24, № 1. С. 144–159.
3. Шведов А. И., Фомичев А. Н. Этика использования различных уровней искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Экономические науки. 2024. № 240. С. 469–474.
4. Guan H., Dong L., Zhao A. Ethical Risk Factors and Mechanisms in Artificial Intelligence Decision Making // Behavioral Sciences. 2022. Vol. 12, N 9. P. 343.
5. Imanova M., Aliyeva M. Ethical aspects of Artificial Intelligence systems: responsibility and decision-making // Journal of Applied Research. 2025. N 11. P. 125–133.
6. Создавая ответственный ИИ: способы разрешения этических споров в области ИИ // ISO. URL: <https://www.iso.org/ru/artificial-intelligence/responsible-ai-ethics> (дата обращения: 25.05.2026).
7. Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке // Банк России. URL: http://cbr.ru/ai_ethics_code (дата обращения: 25.05.2026).
8. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2021) // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 25.05.2026).

УДК 316.4

В. Р. Лопатина, Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРТЫ В МАТЕРИНСКИХ СООБЩЕСТВАХ²

На основе материалов онлайн-опроса (N = 329) и серии полуструктурированных интервью (N = 20) с матерями из разных регионов России исследуется роль неформальных экспертов в материнских онлайн-сообществах в контексте переосмысления материнства в цифровую эпоху. Делается вывод, что неформальные эксперты не замещают традиционные источники поддержки и институциональных экспертов (семью и врачей), но при этом обладают значительным авторитетом благодаря способности сопереживать и «переводить» сложные институциональные знания с профессионального языка на конкретные советы, адаптированные к повседневным ситуациям.

Ключевые слова: материнство, цифровизация, социальные сети, блогеры, неформальные эксперты.

V. R. Lopatina, N. L. Antonova

Ural Federal University, Ekaterinburg

REDEFINING MOTHERHOOD IN THE DIGITAL AGE: INFORMAL EXPERTS IN MOTHERING COMMUNITIES

The article, based on an online survey (N = 329) and a series of semi-structured interviews (N = 20) with mothers from across Russia, examines the role of informal experts in online mothering communities in the context of rethinking motherhood in the digital age. The authors conclude that informal experts do not replace traditional sources of support and institutional experts (family and doctors), but also wield significant authority due to their ability to empathize and «translate» complex institutional knowledge from professional language into concrete advice adapted to everyday situations.

Keywords: motherhood, digital transformation, social networks, mothering communities, informal experts.

Развитие общественных систем современности, социальных институтов и практик тесно сопряжено с цифровой революцией и экспансией информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социальных групп и общностей. Цифровизация привела к новым способам производства контента, появлению социальных медиа, возникновению новых форматов и жанров, скорости сбора и распространения информации [3].

Материнство как институциональное образование также переживает значительные трансформации. Так, исследователи выделяют феномен онлайн-материнства как особую область по производству цифрового контента, создаваемого матерями и/или посвященными ма-

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02363 «Репрезентация материнства в социальных медиа: образы, ценности и практики», <https://rscf.ru/project/25-28-02363/>

теринству [9]. Социальные сети становятся агентами поддержания и воспроизводства материнской идентичности, способствуют формированию женских виртуальных групп с особыми интересами (беременность, вспомогательные репродуктивные технологии, первый прикорм и т. п.), выполняют коммуникационную миссию и тиражируют образы и практики материнства.

При этом, как справедливо отмечает Д. Фасса с коллегами, цифровые технологии могут как поддерживать, так и препятствовать восприятию женщинами своих родительских способностей [6]. С одной стороны, социальные медиа могут оказать онлайн-поддержку женщинам, снижающую несоответствие между их ожиданиями и реальным опытом наряду с социальным давлением идеологии интенсивного материнства [7]. Матери обращаются к социальным сетям, моделируя новую социальную роль [8], получая эмоциональную поддержку [5], сопротивляясь навязываемым нормативным конструкциям материнства [10].

С другой стороны, социальные сети зачастую демонстрируют идеализированные стандарты материнства, а также предлагают «экспертные» рекомендации от других участниц сообществ, которые могут оказать негативное влияние на самочувствие женщины и здоровье ребенка. Так, например, матери, которые ведут себя «неправильно», подвергаются осуждающим и критическим высказываниям [1; 2]. Вместе с этим, опираясь на анализ англоязычных публикаций по исследованиям материнства, А. В. Швецова пришла к выводу о том, что женщины разных возрастов, социальных статусов, национальностей, отличающиеся состоянием здоровья переживают свой материнский опыт по-разному [4].

В условиях размывания традиционных моделей передачи знаний (от старшего поколения к младшему) и нарастания кризиса доверия к институциональным экспертам (врачам, педагогам) онлайн-сообщества мам становятся пространством производства альтернативного – неформального экспертного знания. Под неформальными экспертами в рамках данного исследования мы понимаем представителей материнских онлайн-сообществ, позиционирующих себя в качестве носителей релевантного опыта, знаний и высокого уровня компетенций в области материнства и/или имеющих авторитет и признание среди участниц. Эти активные участницы, транслирующие личный опыт как универсальную норму, формируют новые модели материнства в цифровой среде.

Основной целью исследования является анализ особенностей восприятия и степени востребованности неформальных экспертных оценок среди матерей детей дошкольного возраста и женщин, планирующих беременность, в российских онлайн-сообществах, посвященных материнству. В соответствии с поставленной целью в исследовании решались следующие задачи: анализ востребованности экспертного материнского контента в социальных сетях; оценка поддерживающего потенциала неформальных экспертов в материнских сообществах; изучение мотивации обращения женщин к неформальным экспертам.

Для решения исследовательских задач в период с января по март 2026 г. была проведена серия из 20 полуформализованных интервью, в которых приняли участие матери в возрасте от 26 до 40 лет, проживающие в крупных городах России. Средний возраст информанток составил 32,2 года. Все участницы интервью имеют детей до 4 лет, 15 из них – стали мамами впервые. Кроме того, в апреле 2026 г. проведен онлайн-опрос женщин из разных регионов России от 18 до 40 лет (N = 329), из них 56,5 % – мамы с детьми до 7 лет, 43,5 % – беременные или планирующие беременность.

В ходе исследования установлено, что большинство участниц исследования отмечают высокую вовлеченность в использование социальных сетей. Согласно результатам опроса, ежедневная продолжительность пребывания в социальных медиа составляет с 1 до 3 ч (38,6 %) и с 3 до 6 ч (31,3 %). Наиболее популярными платформами оказались «ВКонтакте» (81,5 %), Telegram (76 %) и Max (39,8 %).

Относительно потребления контента о материнстве распределение ответов выглядит следующим образом: 40,4 % респонденток подписаны на соответствующие блоги, однако специально обращаются к ним время от времени; треть опрошенных (32,2 %) – не подписаны, но периодически сталкиваются с подобным контентом в ленте; лишь четверть (24,6 %) – подписаны и целенаправленно, на регулярной основе изучают публикации.

Анализ структуры потребляемого контента показал, что наиболее востребованным является образовательный, транслируемый институциональными экспертами (советы педиатров, психологов, логопедов): данный тип указали 66,3 % участниц. На втором месте – юмористический контент (50,5 %), на третьем – реалистичный контент, освещающий трудности, усталость и эмоциональное выгорание (48,6 %). Далее следуют лайфстайл-контент (повседневная жизнь матерей с детьми) – 45 %, а также форматы, ассоциируемые с неформальными экспертами: практический контент (рецепты для детей, развивающие игры, лайфхаки) – 38,9 % и специализированный контент (рекомендации от мам-экспертов по вопросам грудного вскармливания, сна, прикорма, развития и т. д.) – 30,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Структура потребления форматов материнского контента

Форматы контента о беременности и материнстве	в % от опрошенных
Образовательный (советы педиатров, психологов, логопедов)	66,3
Юмористический (смешные видео, мемы про детей и мам)	50,5
«Реальный» (посты о трудностях, усталости, выгорании)	48,6
«Лайфстайл» (повседневная жизнь матерей с детьми)	45,0
Практический (рецепты для детей, поделки, игры, лайфхаки)	38,9
Специализированный (консультанты по сну, ГВ, прикорму, развитию)	30,4
Рекламный (обзоры детских товаров, одежды, игрушек)	20,4
Идеализированный («бежевые мамы», красивые фото, успешный успех)	10,9
«Особенное материнство» (жизнь мам особенных детей)	8,8
Ничего из вышеперечисленного	4,3
Другое (про трудности и последствия родов)	0,9

Данные полужформализованных интервью коррелируют с результатами количественного опроса и позволяют уточнить иерархию востребованных экспертных источников. Среди участниц интервью наиболее часто упоминались врачи-педиатры и узкие медицинские специалисты (например, аллергологи, стоматологи). На втором месте оказались мамы-блогеры, транслирующие «реальный», неидеализированный контент о повседневных трудностях и радостях материнства. Третью позицию заняли мамы-специалисты по детскому сну, прикорму и раннему развитию (в том числе прошедшие профильные курсы и позиционирующие себя как эксперты в узких областях). *«Мой контент касается здоровья малышей (педиатры, неврологи), питания детей (мамы показывают, чем кормят, как дети едят, распорядок дня, рецепты), логопедические упражнения, творческий контент (какие поделки сделать с ребёнком). Ещё много встречается информации о том, как мама день проводит, как справляется в декрете, чем сама питается»* (29 лет, сыну 3 года).

Таким образом, качественные данные подтверждают, что институциональные (медицинские) эксперты сохраняют лидирующие позиции, однако мамы-блогеры и практикующие эксперты из числа родителей также обладают значительным авторитетом.

В то же время данные опроса свидетельствуют о том, что неформальные эксперты занимают периферийную позицию в структуре реальной социальной поддержки: их скорее наблюдают (изучают), чем привлекают к решению проблемы в кризисной ситуации. Основными каналами поддержки и помощи в трудные моменты материнства выступают муж (82,1 %) и родители (66,3 %). Только 10,3 % опрошенных обращаются к мамам в онлайн-сообществах при реальной потребности в помощи.

Мотивация тех, кто обращается к мамам в соцсетях (34 чел., 10,3 %), заключается в следующем: «лучше понимают, так как наши дети примерно одного возраста» (55,9 %) и «более подкованы, всегда дадут хороший совет» (55,9 %). Таким образом, неформальные эксперты выполняют двойственную функцию. С одной стороны, это эмпат, сопереживающая единомышленница, обеспечивающая эмоциональную поддержку. С другой – канал доступа к институциональному знанию, выполняющий роль переводчика с «профессионального» на «жизненный» (табл. 2).

Таблица 2

Мотивы обращения к неформальным экспертам

Мотивы	в % от ответивших
Они лучше меня понимают, так как у нас дети примерно одного возраста	55,9
Мамы в соцсетях более «подкованы», всегда дадут хороший совет, подскажут решение проблемы	55,9
Чувствую себя сопричастной к сообществу мам в соцсетях	44,1
Перед незнакомыми легче показать свою слабость и получить поддержку	23,5
Нет лучших подруг вне соцсетей	11,8
Не нахожу необходимой поддержки в семье	11,8

Важно также отметить, что по материалам интервью, только три участницы сами оказывают активную неформальную экспертную поддержку: *«Веду мамский блог с элементами повседневной жизни – ремонтом, творчеством, поделками. Без идеальной картинки, а с такой жизнью, какая она есть. Пытаюсь нести в массы, что нет идеального сценария жизни с ребёнком, все абсолютно разные, и совершенно нормально не успевать что-то делать, заниматься круглые сутки развивашками, уставать, срываться, и ещё куча обычных человеческих нормальностей»* (33 года, два сына: 2 года и 6 мес.). Остальные участницы интервью выступают преимущественно реципиентами поддержки. Данные количественного опроса подтверждают эту тенденцию: 59,3 % респонденток указали, что никак не поддерживают других мам в соцсетях.

Таким образом, большинство женщин остаются «пассивными наблюдателями»: они потребляют переработанный неформальными экспертами материал, но не включаются во встречный обмен. Только 21 % опрошенных дают советы, а 15,2 % – делятся вещами, т. е. действуют как неформальные эксперты лишь в материальной или эмоциональной, но не в информационно-знаниевой плоскости.

Несмотря на наличие поддерживающего потенциала, коммуникация в материнских онлайн-сообществах отличается повышенным уровнем агрессии и конфликтности. Половина участниц интервью отмечают, что в комментариях к тематическим постам и в крупных чатах женщины часто осуждают и обесценивают чужой материнский опыт: *«Нет страшнее людей, чем мамы... сколько жестокости в комментариях»* (37 лет, дочери 2 года).

Результаты исследования свидетельствуют, что в условиях цифровизации наряду с институциональными экспертами (специалистами в области психологии, педагогики, педиатрии), экспертную работу ведут и неформальные эксперты, как правило, мамы, включенные в материнские онлайн-сообщества. По оценкам опрошенных такие эксперты стремятся объяснить сложную информацию простым языком и оказывают эмоциональную поддержку, подтверждающую нормальность материнского опыта по сравнению с другими.

Исследование показало, что матери чаще пассивно потребляют контент в материнских онлайн-сообществах, нежели проявляют активные действия. Речь идет о том, что потенциал неформальных экспертов не реализован в полной мере. Это связано с тем фактом, что построение коммуникативных связей в социальных сетях основано на открытости и публичности. Такой вектор становится для многих женщин барьером входа в пространство взаимодействия, поскольку имеется опасность получения негативных оценок со стороны других пользователей (неодобрение, осуждение, порицание, обвинения и др.).

В целом опыт материнства как совокупность навыков и компетенций, несмотря на его уникальность и особенность в каждом конкретном случае, тем не менее может стать маркером экспертности. В освоении и реализации социальной роли матери неформальные эксперты могут внести особый вклад, помогая справиться с трудностями, преодолеть страхи и тревоги, оказать эмоциональную поддержку.

Литература

1. Вавилова Ж. Е. «Яжемать»: обесценивание материнства в сетевом обществе // Идеи и идеалы. 2025. Т. 17, № 1, ч. 1. С. 129–144.

2. Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа / О. А. Дорофеева, А. Д. Кавеева, А. А. Андреева, О. Е. Вербилович // Журнал исследования социальной политики. 2021. № 3. С. 451–464.
3. Дугин Е. Я. Трансформация медиакommunikации под воздействием цифровых технологий: теоретико-методологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2024. № 5. С. 140–151.
4. Швецова А. В. Современные исследования материнства: о чем (не)говорят тренды? // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 103–113.
5. Drentea P., Moren-Cross J. L. Social capital and social support on the web: the case of an internet mother site // *Social Health Illn.* 2005. Vol. 27, N 7. P. 920–943.
6. Understanding the Tensions of «Good Motherhood» Through Women's Digital Technology Use: Descriptive Qualitative Study / D. Facca, J. Hall, B. Hiebert, L. Donelle // *JMIR pediatrics and parenting*. 2023. Vol. 6. P. e48934.
7. Harrison V., Moore D., Lazard L. Supporting perinatal anxiety in the digital age; a qualitative exploration of stressors and support strategies // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2020. Vol. 20, N 1. P. 363.
8. Kim J., Ahn J., Vitak J. Korean mothers' KakaoStory use and its relationship to psychological well-being // *First Monday*. 2015. Vol. 20, N 3.
9. Mackenzie J., Zhao S. Motherhood online: Issues and opportunities for discourse analysis // *Discourse, Context & Media*. 2021. Vol. 40. P. 100472.
10. Pedersen S. The good, the bad and the 'good enough' mother on the UK parenting forum Mumsnet // *Women's Studies International Forum*. 2016. Vol. 59. P. 32–38.

УДК 316.6

Э. Р. Нуруллина

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФУНКЦИЙ ОТЦОВСТВА И МАТЕРИНСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ФОКУСЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Рассмотрены отцовство и материнство как отдельные социальные институты с помощью такого теоретико-методологического подхода в социологии как структурно-функциональный анализ. Через призму концепций Т. Парсонса и Р. Мертона показано значение отцовства и материнства в социальной структуре общества, рассмотрены социальные функции, которые приносят обществу эти социальные институты, выделены явные и латентные функции, а также дисфункции данных социальных институтов.

Ключевые слова: структурно-функциональный анализ, социальный институт, материнство, отцовство, родительство.

E. R. Nurullina

Kazan State Power Engineering University, Kazan

A STUDY OF THE TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF FATHERHOOD AND MOTHERHOOD AS SOCIAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES

This article analyzes fatherhood and motherhood as distinct social institutions using a theoretical and methodological approach in sociology known as structural-functional analysis. Through the lens of the concepts of T. Parsons and R. Merton, the significance of fatherhood and motherhood in the social structure of society is demonstrated, the social functions these institutions provide to society are examined, and the manifest and latent functions, as well as the dysfunctions of these social institutions, are highlighted.

Keywords: structural-functional analysis, social institution, motherhood, fatherhood, parenthood.

Работа выполнена за счёт гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

В современном российском обществе традиционно фиксированные, относительно устойчивые функциональные назначения таких форм родительства как отцовство и материнство, как по линии эмоционального ухода, так и по линии дисциплинарной, нормативной и экономической ответственности – утрачивают свою однозначность. Исследователи отмечают, что наблюдается перераспределение ролей, что свидетельствует о переходе к более гибким формам родительства и трансформации функций отцовства и материнства как социальных институтов в целом. Одновременно усиливается функциональная вариативность родительских практик, обусловленная многообразием организационных форм семейной жизни и изменяющимися социальными условиями в контексте новых глобальных угроз и вызовов в современном обществе.

С нашей точки зрения, для анализа отцовства и материнства необходимо применить структурно-функциональный подход Т. Парсонса и Р. Мертона. Так, Т. Парсонс, подчеркивал, что институты – это не только совокупность правил и норм, но прежде всего устойчивые паттерны взаимодействия, направленные на выполнение базовых функций для сохранения социальной системы. Т. Парсонс утверждал, что социальные институты выполняют жизненно важные функции для устойчивости и интеграции общества. Они формируют устойчивые модели поведения и обеспечивают соблюдение норм через роли, ожидания и санкции [1, с. 6–34].

Т. Парсонс рассматривал семью как ключевой механизм социализации, через который осуществляется первичная интеграция индивида в социальную систему. Важнейшим понятием по Т. Парсонсу является роль, которая раскрывается через такие более конкретные категории, как ролевые ожидания, санкции, исполнение и др. Роль, по Т. Парсонсу, представляет собой сложное явление, возникающее на стыке личностных характеристик индивида и устойчивых ожиданий окружающих, основанных на общепринятых нормативных представлениях. Далее происходит переход к функциональному анализу, где социальная система рассматривается с точки зрения выделения функциональных подсистем, при этом сохраняется общее понимание социальной системы как совокупности ролей и статусов [2, с. 6–8].

В структуре семейных ролей Т. Парсонс выделял два основных функциональных типа: инструментальную и экспрессивную роли, традиционно распределяемые между отцом и матерью. Именно такая дифференциация, подчеркивал Т. Парсонс, создает баланс и согласованность в семейной системе.

Инструментальная роль, приписываемая отцу, концентрируется на обеспечении материального благополучия и социальной адаптации потомства через подготовку к выполнению общественных ролей и норм. В противоположность этому, экспрессивная роль матери направлена на создание эмоциональной стабильности, поддержание психологического комфорта и воспитание через эмоциональную вовлеченность, что формирует фундамент для дальнейшего социального развития личности. Он смотрел на эти роли через призму социальной структуры и ее устойчивости – как механизмы, поддерживающие порядок и интеграцию общества [2, с. 10–14].

Т. Парсонс подчеркивал, когда групповые нормы становятся жестко установленными и неизменными, происходит их институционализация, и система ролей приобретает характер жестких определений, превращаясь в институт. Институционализация по Т. Парсонсу представляет собой не только структуру статусно-ролевых репертуаров, но и процесс нормативной регламентации человеческих действий [1, с. 6–34].

Институты отцовства и материнства предполагают четкое разграничение ролей, прав и обязанностей между родителями, а также их соотношение с другими институтами – государством, системой образования и здравоохранения. Отцовская и материнская роли несут в себе специфический набор требований: отца традиционно связывают с функциями социального контроля, обеспечения, защиты и дисциплинарного влияния, тогда как материнство ассоциируется с заботой, эмоциональной поддержкой и первичной социализацией.

Роли отцов и матерей определяются четкими правами и обязанностями, а также их взаимодействием с другими институтами, такими как государство и система образования.

Принятые нормы о том, каким должен быть «хороший родитель», передаются через законодательство (например, нормы семейного права), образовательные программы (школы осознанного родительства), медийные образы, а также через официальную поддержку материнства и, в меньшей степени, отцовства. Повторяемость таких практик формирует устойчивые модели родительского поведения.

Появляются формальные и неформальные механизмы поддержки или порицания родительского поведения. Государственные меры поощрения (материнский капитал, отпуск по уходу за ребенком, программы поддержки отцовского участия) сочетаются с санкциями – юридическими (лишение родительских прав), моральными (общественное осуждение безответственного поведения), культурными (создание образов «хорошего родителя» в медиа). В этой системе также закрепляются социальные статусы «мать» и «отец» как институциональные позиции, каждая из которых связана с определенными ролями и обязанностями.

Таким образом, структурно-функциональный подход Т. Парсонса позволяет рассмотреть институты отцовства и материнства в качестве социальных институтов, являющихся фундаментальными структурными компонентами социальной структуры общества. Они выступают как устойчивые и регламентированные формы организации жизнедеятельности, направленные на реализацию важнейших общественных функций – воспроизводства, социализации, передачи социальных норм, правил поведения, традиций и ценностей. Как и любой другой социальный институт, институты отцовства и материнства обеспечивают воспроизводство общественного порядка и стабильность социальной структуры. В этой системе также закрепляются социальные статусы «мать» и «отец» как институциональные позиции, каждая из которых связана с определенными ролями и обязанностями.

Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать эти институты как ключевые компоненты социальной структуры, отвечающие за воспроизводство, социализацию и передачу норм и ценностей. Они играют важную роль в поддержании социального порядка.

Р. Мертон добавляет к структурно-функциональному анализу новые понятия, такие как «манифестные» и «латентные функции», что углубляет понимание динамики социальных институтов [4, с. 8–10]. Так, явные функции отцовства и материнства как социальных институтов – это те задачи, которые общество сознательно возлагает на эти роли. К ним могут относиться, на наш взгляд, репродуктивная функция, функция социализации и функция закрепления социальных норм, ценностей, традиций. Эти функции очевидны и общественно признаны.

Однако гораздо более тонким и зачастую менее осознаваемым пластом являются латентные функции этих институтов. Латентные функции, менее очевидные, но не менее значимые. Примером латентных функций отцовства и материнства, на наш взгляд, может являться создание стабильной эмоциональной среды для развития личности. Также к латентным функциям отцовства и материнства, можно отнести, на наш взгляд, формирование и закрепление специфических моделей поведения, которые формируются на основе ценностей и установок отцов и матерей, например, патриархальных или матриархальных моделей власти в семье и обществе.

Особенно важно для понимания современных трансформаций в институтах отцовства и материнства понимание Р. Мертоном дисфункций [3, с. 163–164]. Хотя эти институты в целом способствуют социальной стабильности, они могут порождать и негативные последствия. Примером дисфункции отцовства и материнства может быть жесткое разделение ролей матери и отца, несмотря на свою функциональную оправданность, в современном социуме оно может создавать давление и ограничения, приводя к межличностным конфликтам, снижению эмоционального благополучия членов семьи или препятствовать развитию более гибких и равноправных моделей семейных отношений. Такие дисфункции способны создавать конфликты как внутри семьи, так и в более широком общественном контексте. С появлением новых моделей семьи – например, семей с одним родителем, традиционные функции этих институтов могут становиться менее релевантными, а их дисфункции – более заметными. Так, А. Б. Синельников отмечает, что неполные семьи демонстрируют меньшую демо-

графическую эффективность в сравнении с полными семьями, преобладающая модель которых – двухдетные семьи – также не обеспечивает простого воспроизводства населения [5, с. 142–148].

В 2022 г. нами было проведено авторское социологическое исследование на тему: «Социальный маркетинг как инструмент формирования семейных ценностей в современных социально-экономических условиях». Выборочная совокупность составила 907 чел. в возрасте от 18 до 55 лет, проживающие на территории Республики Татарстан.

Классифицируем функции отцовства и материнства как социальных институтов и дадим их интерпретацию на основе результатов социологического исследования. Итак, эмпирические данные говорят, что самыми важными функциями и ролями, которые выполняет отец в процессе формирования личности ребенка, респонденты считают функцию защиты (64,0 %), обучение повседневному навыкам (45,0 %), материальное обеспечение (39,0 %), удовлетворение потребностей и нужд ребенка (30,0 %), воспитание дисциплины, порядка, ответственности (29,0 %). Далее по значимости респонденты выделяют следующие функции и роли отцов: коммуникации, общения с ребенком (24,0 %), проведение совместного досуга, игры, развлечение (23,0 %), прививание семейных ценностей (18,0 %), закладывание социальных основ личности (16,0 %), обеспечение условий для физического развития (13,0 %). Меньше распространены среди ответов респондентов такие функции и роли отцов как: принятие жизненно важных решений относительно ребенка (10,0 %), ежедневный уход и забота (10,0 %), развитие интеллектуально-познавательной сферы (10,0 %). Наименьшее количество респондентов считают, что отцы выполняют функции и роли по прививанию любви к чему-либо (8,0 %), выявлению творческих интересов (7,0 %), формированию системы запретов и разрешений (7,0 %) и передачи статуса и наследства (6,0 %).

Самыми важными функциями и ролями, которые выполняет мать в процессе формирования личности ребенка, респонденты считают воспитание ребенка (59,0 %), ежедневный уход и забота (49,0 %), прививание семейных ценностей (38,0 %), ведение хозяйства (35,0 %), коммуникация, общение с ребенком (30,0 %). Далее по значимости идут следующие функции и роли: удовлетворение потребностей и нужд ребенка (23,0 %), прививание любви к чему-либо (22,0 %), обучение повседневному навыкам (21,0 %), развитие эмоциональной сферы ребенка (16,0 %), развитие интеллектуально – познавательной сферы (13,0 %), обеспечение безопасности (13,0 %), передача ответственности (12,0 %), обеспечение адаптации к жизни (11,0 %). Наименьшее количество респондентов считают, что матери выполняют функции и роли по проведению совместного досуга, играм, развлечениям (9,0 %), выявлению творческих интересов (8,0 %), материального обеспечения (5,0 %), принятия жизненно важных решений относительно ребенка (5,0 %).

Согласно результатам проведенного исследования, большинство опрошенных нами респондентов считают, что чаще всех занимаются воспитанием детей в современной семье матери (64,0 %). 22,0 % опрошенных считают, что воспитанием чаще занимаются бабушки и дедушки и 14,5 %, что этим занимаются отцы.

На вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли внимания воспитанию детей уделяют отцы в современных семьях?» ответы респондентов распределились следующим образом: полностью достаточно (16,0 %), скорее достаточно (39,0 %), скорее недостаточно (36,0 %), совершенно недостаточно (9,0 %). Таким образом, 55,0 % респондентов считают, что отцы достаточно уделяют внимание воспитанию детей и 45,0 % считают не достаточным.

Таким образом, изучение отцовства и материнства как социальных институтов является важным направлением социологического анализа. Это позволяет глубже понять процессы трансформации семейных структур и функций в условиях изменения социальных норм в результате новых глобальных угроз современного российского общества. Выделение отцовства и материнства как отдельных социальных институтов помогает преодолеть ограничения традиционных подходов к анализу родительства. Исследование подчеркивает важность институционализации отцовства и материнства и необходимость адаптации к новым вызовам, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований.

Литература

1. Батыгин Г. С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 6–34.
2. Жигулин В. С. Теоретико-методологический анализ социологической концепции Т. Парсонса : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 25 с.
3. Комарова А. В. Парадигма функционального анализа в теоретическом наследии Р. Мертон // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 160–168.
4. Мартынова Н. А. Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертон : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2007. 26 с.
5. Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 132–148.

УДК 338.27.05

С. П. Какаулин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕРЕДОВОЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Рассмотрены вопросы развития промышленности в Иркутской области, дана экспертная оценка вклада региона в экономику России, показаны современные тренды поддержки развития основных отраслей. Сформулированы основные направления поддержки для развития экономики.

Ключевые слова: регион, промышленность, тренды экономического развития.

S. P. Kakaulin

Irkutsk State University, Irkutsk

PRIORITY DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL POLICY IN THE IRKUTSK REGION: ADVANCED EXPERT EXPERIENCE IN SHAPING MODERN TRENDS

The article discusses the issues of industrial development in the Irkutsk region and an expert assessment of the contribution to the Russian economy, current trends in the development of the main industries, and outlines the main areas of support for economic development.

Keywords: region, industry, economic development trends.

Иркутская область относится к экономически развитым регионам Сибирского федерального округа и страны в целом. Наш регион обладает высоким интеллектуальным, промышленным и природно-ресурсным потенциалом, имеет ряд конкурентных преимуществ:

Во-первых, относительно низкая стоимость энергоресурсов, что обусловлено наличием каскада гидроэлектростанций на территории области. Энергосистема Иркутской области входит в состав объединенной электроэнергетической системы Сибири и является одной из крупнейших энергосистем России.

Во-вторых, наш регион является одним из богатейших регионов России по запасу природных ресурсов. Здесь сосредоточены крупнейшие запасы золота, леса, природного газа, угля и нефти, а также редких полезных ископаемых.

Третье – это мощный промышленный комплекс, в том числе наличие большого числа производственных мощностей в секторах машиностроения, металлургии, химии и нефтехимии, горнодобывающей промышленности, агропромышленного комплекса.

Четвертое преимущество – это наш транспортно-логистический потенциал (БАМ, Транссиб, автомобильные трассы федерального значения, международные аэропорты в Иркутске и Братске).

Еще одним преимуществом является развитая научная и инновационная инфраструктура. Исследовательские институты и институты Российской Академии Наук, вузы, а также

созданный на территории области и соседней Республики Бурятия Межрегиональный научно-образовательный центр мирового уровня «Байкал».

Одним из важнейших интегральных показателей, характеризующих уровень развития экономики региона, является валовой региональный продукт. Он отражает общую стоимость всех товаров и услуг, которые создали региональные компании, предприниматели и жители.

По итогам 2025 г. объем ВРП региона оценивается в 3,2 трлн руб., это 14-е место среди всех регионов Российской Федерации и 2-е место в СФО [1].

По оценке 2025 г.а общий объем инвестиций в экономику региона составит порядка 1 трлн руб. Это 10-е место в России и 2 в СФО.

Всего в регионе осуществляют деятельность 4 тыс. промышленных предприятий (без учета ИП). На этих предприятия трудится порядка 176 тыс. чел.

По итогам 2025 г. объем промышленного производства составил 2,4 трлн руб. Это 14-е место в России и 2-е место в СФО.

Среди промышленных отраслей наибольшую долю в валовой региональный продукт вносит добывающая промышленность – 31 %, обрабатывающие производства составляют 9,5 % ВРП [2].

Добыча полезных ископаемых, производство нефтепродуктов, лесопромышленный комплекс, металлургия и машиностроение исторически составляют основу экономики Иркутской области и в настоящее время определяют специализацию области как среди регионов России, так и на международном рынке

Иркутская область обладает высоким экспортным потенциалом и стабильно входит в топ 10 регионов Российской Федерации по объемам экспорта (8-е место в 2025 г.).

За последние 5 лет экспорт региона увеличился на 61 % за счет увеличения поставок продукции топливно-энергетического комплекса, металлов и изделий из них.

Основу экспорта Иркутской области формируют:

- минеральные продукты (нефть и нефтепродукты, уголь каменный);
- металлы и изделия из них (алюминий необработанный, проволока алюминиевая, черные металлы и изделия из них);
- продукция из древесины (лесо- и пиломатериалы, целлюлоза, крафт-бумага, фанера, картон);
- прочие товары (продукция химической промышленности, продовольственные товары и сырье, различные машины и оборудование).

Главное богатство нашего региона – минеральные ресурсы. Минерально-сырьевая база Иркутской области разнообразна, а в ряде случаев даже уникальна. Она включает почти все виды полезных ископаемых: от топливно-энергетических ресурсов и неметаллических полезных ископаемых до благородных и редких металлов.

Сейчас в промышленных масштабах ведется добыча нефти, угля, железных руд, золота, поваренной соли, цементного сырья и других полезных ископаемых.

Если говорить об основных проблемах, в отрасли добычи – это логистика и инфраструктура. Проблемы связаны с удаленностью крупных месторождений, которые в основном находятся на севере региона в труднодоступной местности, что значительно повышает себестоимость реализации инвестиционных проектов и делает их низкорентабельными при снижении мировых цен.

Наибольший вклад в развитие добывающей отрасли региона вносит добыча нефти и газа. Компании, работающие в регионе (Газпром, Роснефть, ИНК), входят в ТОП-10 рейтинга крупнейших инвесторов.

Самый значимый проект в отрасли газодобычи – это освоение Ковыктинского месторождения, которое является крупнейшим на востоке России по запасам газа. А также это ресурсная база для газопровода «Сила Сибири» и Амурского газоперерабатывающего завода. В декабре 2022 г. месторождение введено в эксплуатацию.

Значительный вклад в разработку нефтяных месторождений вносят компании группы «Роснефть». Они ведут разработку Верхнечонского и Северо-Даниловского месторождений.

Нефть с месторождений поступает в трубопроводную систему Восточная Сибирь – Тихий океан.

Иркутская нефтяная компания ведет освоение Ярактинского, Марковского и Даниловского нефтегазоконденсатных месторождений в Усть-Кутском районе Иркутской области. Группа компаний ИНК является уникальным примером того, как нефтедобывающая отрасль зарождала развитие в регионе нового направления промышленности – нефтегазохимии.

Проект по созданию нефтегазохимического комплекса (кластера) в районе г. Усть-Кут реализуется с 2011 г. Он включает в себя строительство производственных объектов по глубокой переработке добываемой в регионе нефти. Это Усть-Кутский газоперерабатывающий завод и завод полимеров.

Этап по созданию газо-перерабатывающего завода реализован в 2022 г., в сентябре 2024 г. состоялся запуск Иркутского завода полимеров. Это первое в Восточной Сибири предприятие по производству полимеров, обеспеченное собственным сырьем. Продукцией Иркутского завода полимеров является полиэтилен низкой и высокой плотностей.

Золотодобыча является одной из старейших промышленных отраслей в Иркутской области. Долгое время до открытия запасов углеводородов, а также строительства в советское время крупнейших металлургических и химических комплексов золотодобыча наряду с транзитной торговлей была основой развития Восточной Сибири.

Регион располагает крупнейшими запасами золота в России, а также входит в десятку крупнейших золотодобывающих регионов. Сейчас крупными компаниями реализуются проекты по разработке рудных месторождений: Вернинское, Утахан, Светловское, Красное, Сухой Лог, Гурбей и др.

На территории региона работают крупнейшие золотодобывающие предприятия страны такие как Полус и GV GOLD (или Высочайший). Они вносят основной вклад в добычу золота, а также реализуют крупные инвестиционные проекты.

Наш регион – один из самых многолесных регионов России. В области сосредоточено 12 % запасов древесины спелых лесов страны, а доля особо ценных хвойных пород, таких как сосна и кедр, значительна даже в масштабах планеты.

Целлюлозно-бумажную промышленность в регионе представляет Группа «Илим». Это системообразующее предприятие не только регионального, но и федерального масштаба. Заводы Группы «Илим» в городе Братске и Усть-Илимске выпускают большую часть производимой в регионе целлюлозы и картона. Это продукция с высокой добавленной стоимостью, ориентированная на экспорт.

Деревообрабатывающая промышленность представлена в регионе такими крупными предприятиями как «Русфорест Магистральный», «Магистраль-транзит», «Деком», «Орион», «КАТА», «Лесресурс». Ключевой производимой продукцией являются пиломатериалы, также в регионе производятся погонажные изделия, мебельный щит, фанера, пеллеты и топливные брикеты.

Крупнейший приоритетный проект реализуется Группой «Илим». В рамках него проведена модернизация целлюлозно-бумажного производства. Кроме того, в г. Усть-Илимске введен в эксплуатацию целлюлозно-картонный комбинат.

Предприятиями производится высококачественная продукция с высокой добавленной стоимостью – строганный пиломатериал (генбаны), погонажные изделия, клеено-сращенная продукция, а также биотопливо (пеллеты, уголь древесный брикетированный, древесные брикеты).

Металлургический комплекс Иркутской области представлен предприятиями по производству алюминия, ферросплавов, кремния, анодной продукции и металлоконструкций, а также предприятиями добывающей промышленности.

Алюминиевая промышленность – это основа металлургического производства. Она представлена компаниями группы РУСАЛ. «РУСАЛ Братск» – крупнейший производитель алюминия в России. В настоящее время на заводе реализуется модернизация производства с целью совершенствования систем отчистки и повышения экологичности.

С 2021 г. на Иркутском алюминиевом заводе реализуется инвестиционный проект по созданию кардинально нового производства на месте действующих цехов Иркутского алюминиевого завода с сохранением объемов производства на текущем уровне.

Реализация проекта также приведет к существенному улучшению качества металла и увеличению выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, поставляемой на экспорт и внутренний рынок для нужд Российской промышленности.

Продолжается реализация инвестиционных проектов группы РУСАЛ в г. Тайшет. Запланирован рост объемов производства в рамках строительства Тайшетской анодной фабрики и Тайшетского алюминиевого завода. Реализация данных проектов позволит существенно снизить себестоимость производства алюминия, а также обеспечить потребность российских алюминиевых заводов в обожженных анодах.

Значительное влияние на реализацию проектов РУСАЛА оказывает действие санкций и логистические ограничения со стороны РЖД как на доставку сырья для производства, так и вывоза с заводов готовой продукции.

Одной из наиболее перспективных и развивающихся отраслей региона является машиностроение. Основы для развития этой отрасли были заложены ещё в советское время. Развивалось производство оборудования для горнодобывающей промышленности, энергетики и других важных секторов. Предприятия росли, набирали обороты, и регион стал важным центром машиностроения в Сибири.

В целом машиностроение Иркутской области играет важную роль в обеспечении устойчивого развития экономики региона. Несмотря на существующие проблемы, отрасль обладает значительным потенциалом для роста и диверсификации, что позволит внести существенный вклад в развитие промышленного комплекса региона. Развитие машиностроения в Иркутской области напрямую связано с потребностями других отраслей, особенно горнодобывающей. Удовлетворение потребностей данных отраслей и ориентир на импортозамещение могут придать новый импульс развитию машиностроительного комплекса.

В объеме выпуска машиностроительной продукции 66 % приходится на производство прочих транспортных средств, а именно самолетостроение, 24 % – на производство электрического оборудования, 10 % – на производство различных машин и оборудования.

Ведущим предприятием в производстве машин и оборудования является Иркутский авиационный завод – филиал ПАО «Яковлев». В настоящее время в рамках реализации инвестиционной программы на предприятии осуществляется выпуск товарной продукции по созданию различных модификаций военных самолетов. Продолжается расширение мощностей завода, связанное со строительством среднемагистрального самолета МС-21. Авиазавод как стабильно работающее предприятие привлекает всё большее количество работников.

Развитие отрасли также связано с осуществлением деятельности ООО «ИЗТМ-Инжиниринг» на территории бывшего Иркутского завода тяжелого машиностроения, производственные мощности которого позволят обеспечить необходимый объем продукции для осуществления деятельности крупных промышленных компаний региона. ИЗТМ – одно из старейших предприятий региона, специализирующееся на производстве горнообогатительного оборудования, металлургического оборудования, кранов и других видов тяжелого машиностроения. В настоящее время на заводе ведется модернизация и расширения номенклатуры выпускаемой продукции и повышения ее конкурентоспособности.

В рамках программы импортозамещения на ООО «Усольмаш» осуществляется модернизация литейного производства.

Модернизация производства большегрузных гидравлических домкратов и цилиндров для оснащения буровых установок нефтегазовой отрасли реализуется на предприятии АО «Энерпред».

ООО «ВостСибМаш» – современное предприятие, специализирующееся на производстве широкого спектра металлоконструкций различной сложности, оборудования для горнодобывающей и строительной отраслей.

В последние годы машиностроительный комплекс Иркутской области демонстрирует неоднозначные тенденции. С одной стороны, наблюдается положительная динамика в отдельных сегментах, связанных с обслуживанием и ремонтом горнодобывающего оборудования, а также с производством металлоконструкций. С другой стороны, сохраняются проблемы, характерные для отрасли в целом по стране: износ основных фондов, недостаток квалифицированных кадров, высокая зависимость от импортных комплектующих и технологий.

Тем не менее, машиностроение Иркутской области обладает значительным потенциалом для роста. Стратегическое положение региона, богатая минерально-сырьевая база и наличие крупных промышленных предприятий создают благоприятные условия для развития машиностроительных производств, ориентированных на обеспечение потребностей горнодобывающей, лесной и энергетической отраслей.

Химический комплекс Иркутской области является многоотраслевым, включающим нефтехимию, полимерную и хлорную химию, производство удобрений, химикатов и химико-фармацевтических субстанций, кремнийорганику, микробиологию. Потребителями химической продукции являются практически все отрасли экономики. Химическое производство Иркутской области представлено продукцией низкой и средней степени технологического передела, которая поставляется для переработки в другие субъекты Российской Федерации и на экспорт.

Стоит отметить, что мы единственные в России кто производит титанорганические соединения, регенеративные продукты на основе химически связанного кислорода, ряд лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций.

Также на территории Иркутской области функционирует предприятие атомной промышленности, занимающееся производством и обогащением урана, применяемого для изготовления топлива для ядерных электростанций.

Фармацевтическая отрасль преимущественно представлена двумя предприятиями: «Фармасинтез» и «Усолье-Сибирский химфармзавод».

Перспективное развитие отрасли будет осуществляться за счет поэтапной реализации инвестиционных проектов компаний отрасли, в первую очередь «Фармасинтез».

Усолье-Сибирским химфармзаводом запускаются производственные линии по изготовлению новых лекарственных препаратов и субстанций.

Последствия беспрецедентных санкций и колебаний внутренних процессов затронули все аспекты экономики, потребовали принятия оперативных решений. Вместе с тем регион сохраняет лидирующие позиции среди субъектов по ключевым экономическим показателям. Выполняются все принятые на себя социальные обязательства, не допускается сокращение действующих в регионе мер государственной поддержки бизнеса.

Сегодня в Иркутской области действует целый комплекс мер поддержки. Он включает создание благоприятных условий для реализации инвестиционных проектов, а также развития малого и среднего бизнеса.

Во-первых, созданы ряд инвестиционных площадок, которые могут обеспечить потребности инвестора со одной стороны всей необходимой инфраструктурой, с другой – необходимым финансированием: от льготных займов до льготного налогообложения.

К ним относятся:

- особая экономическая зона туристско-рекреационного типа в городе Байкальске;
- четыре территории опережающего социально-экономического развития в городах Усолье-Сибирское, Черемхово, Тулун и Саянск;
- индустриальные парки и технопарки в Иркутске (Промышленный технопарк «Полярный»), Братске (Братский индустриальный парк и технопарк «Братский технопарк»), в городе Усолье-Сибирском (Индустриальный (промышленный) парк «Усолье-Промтех»).

Во-вторых, действует расширенная система налоговых преференций как для крупного, так и для малого и среднего предпринимательства.

Отдельно действуют условия для налогоплательщиков, имеющих особый инвестиционный статус. К ним относятся участники региональных инвестиционных проектов, специ-

альных инвестиционных контрактов, резиденты территорий опережающего развития, особой экономической зоны, участники промышленных парков, технопарков, кластеров.

В регионе действует система мер налоговых преференций для субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих специальные налоговые режимы.

Организации на упрощенной системе налогообложения (УСН), осуществляющие деятельность в приоритетных отраслях экономики на постоянной основе могут пользоваться пониженными налоговыми ставками.

Самые низкие налоговые ставки по УСН установлены для субъектов инвестиционной деятельности (резиденты территорий опережающего развития, особой экономической зоны, участники промышленных парков, технопарков, кластеров) и субъектов социального предпринимательства.

Кроме того, для организаций, применяющих УСН, предусмотрена льготная ставка по налогу на имущество, исчисляемому исходя из кадастровой стоимости. Для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на УСН и патентной системе налогообложения предусмотрены двухлетние налоговые каникулы. Начиная с 2025 г., субъекты МСП, входящие в реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, могут применить инвестиционный налоговый вычет – это до 90 % суммы расходов на обновление основных средств.

Еще одно направление – это комплексное сопровождение инвестиционных проектов. Для предпринимателей региона предусмотрен широкий спектр услуг, оказываемых региональными институтами развития: микрозаймы Фонда микрокредитования, промышленные займы Фонда развития промышленности, сопровождение инвестиционных и инновационных проектов Корпорацией развития Иркутской области и Фондом стратегического и инновационного развития Иркутской области.

Более 180 услуг предоставляется Центром «Мой бизнес» как физическим лицам, заинтересованным в открытии своего дела, так и для тех, кто много лет работает в бизнесе. Это услуги по подготовке бизнес-планов, сертификации и патентованию, подбору льготного финансирования и выводу товаров на экспортные рынки, сформирован полный комплекс услуг по упаковке брендов и маркетинговому сопровождению.

Огромное значение имеют вопросы кадрового дефицита. Эта проблема сегодня является очень серьезным вызовом не только для нашего региона. Поэтому большое внимание уделяется поддержке экономических процессов и в науке и образовании: ведь технологические прорывы напрямую зависят от кадрового потенциала. Здесь работа выстроена во взаимосвязи с бизнесом.

В школах региона совместно с компаниями Роснефть, Газпром, Иркутская нефтяная компания, Ен +, Полюс созданы профильные классы, где ребята получают свои первые знания о профессии.

Предприятия активно взаимодействуют с профессиональными образовательными организациями и вузами. Запускают совместные образовательные программы, принимают студентов на практику с дальнейшим трудоустройством. При поддержке федерального Министрства науки и высшего образования создан научно-образовательный центр «Байкал». Студенты, молодые ученые и бизнес вместе ищут решения импортозамещения и внедрения новых производственных технологий. Сейчас прорабатывается вопрос строительства межвузовского кампуса в городе Иркутске.

Также в рамках внедрения Регионального Инвестиционного Стандарта сформирован свод инвестиционных правил, инвестиционная карта региона, включающие алгоритмы действий инвесторов по подключению к инфраструктуре.

Создан Инвестиционный комитет Иркутской области, который позволяет обеспечить защиту прав и законных интересов инвесторов, разрешения споров инвестора в досудебном порядке по вопросам реализации инвестиционных проектов.

Для удобства подбора индивидуальных мер поддержки разработан навигатор мер поддержки, который включает в себя полный перечень актуальных мер, действующих на сегодняшний день [3].

Все это позволяет бизнесу сосредоточиться на росте и развитии. Ключевые задачи – создать комфортные условия для предпринимательства, минимизировать барьеры и обеспечить поддержку на всех этапах: от старта до масштабирования.

Литература

1. Валовой региональный продукт // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/139646> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Положение Иркутской области по основным макроэкономическим показателям среди субъектов Сибирского федерального округа и Российской Федерации по итогам января-декабря 2025 г. URL: <https://irkobl.ru/region/economy/social/> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Навигатор мер поддержки. URL: https://irkobl.ru/sites/economy/public-private_partnership/rate_businesses/!Навигатор%202025.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 311.42

Д. В. Чумлякова, Р. И. Шарафутдинов

Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменстат), г. Тюмень

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена вопросам взаимодействия региональной государственной статистики и системы высшего образования (высшей школы) как научных и экспертных центров. Предложена модель взаимодействия вузов и территориального органа статистики для повышения эффективности регионального управления. Рассмотрена практическая реализация модели на примере коллаборации Тюменстата и научно-образовательной системы Тюменской области.

Ключевые слова: модель взаимодействия, высшая школа, статистика, Тюменстат, ТИУ, ТюмГУ, Стратегия 2030, коллаборация, профессиональный ориентир.

D. V. Chumlyakova, R. I. Sharafutdinov

Office of the Federal State Statistics Service for Tyumen Oblast, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Tyumenstat), Tyumen

A MODEL OF INTERACTION BETWEEN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS AND STATISTICAL BODIES AS A FACTOR IN IMPROVING THE EFFICIENCY OF REGIONAL MANAGEMENT

This article is devoted to the issues of interaction between regional state statistics and the higher education system (higher school) as scientific and expert centers. A model of interaction between universities and the territorial body of statistics is proposed to improve the efficiency of regional management. The practical implementation of the model is considered on the example of the territorial body of statistics and the scientific and educational system of the Tyumen Region.

Keywords: interaction model, higher education, statistics, Tyumenstat, TIU, Tyumen State University, Strategy 2030, collaboration, Professional Guideline.

В современном динамично развивающемся обществе эффективное управление невозможно без наличия официальной, достоверной и актуальной статистической информации, в формировании которой основную роль играет система государственной статистики. От развития системы государственной статистики зависят все сферы жизни общества, поэтому ее постоянное совершенствование входит в стратегические приоритеты государства. Статистическая деятельность совершенствуется из года в год: актуализируются статистические формы, повышается эффективность сбора отчетности, сокращается время обработки первичных

данных. Накопленный на региональном уровне опыт организации и проведения статистических наблюдений, анализа и формирования данных с учетом специфики территории, способствуют верификации и повышению достоверности статистической информации [7, с. 482]. Однако неполная реализация научно-технического потенциала региональной статистики ограничивает возможности ее методологического и технологического совершенствования. Одним из способов преодоления барьеров развития региональной статистической деятельности, на наш взгляд, может выступать их взаимодействие с высшими учебными заведениями как центрами экспертно-аналитического сопровождения [8, с. 37]. Высшая школа выступает носителем интеллектуального капитала и научно-исследовательских компетенций, в то время как территориальные органы статистики обеспечивают эмпирическими данными и формируют вектор практико-ориентированных задач. Их синергия – это современный тренд. Кроме того, вузы – это многопрофильные организации, которые стремятся к повышению конкурентоспособности, а значит, их методологии и концепции – актуальные, что позволяет им рационально и непредвзято оценивать эффективность статистической деятельности региональной системы, предлагать пути улучшения и, тем самым, способствовать принятию обоснованных управленческих решений на государственном и региональном уровне [4, с. 123].

Таким образом, необходимость поиска новых форм коллаборации с академическим сообществом в целях повышения эффективности регионального управления является востребованной задачей, что особенно актуально в условиях повсеместной цифровизации, повышения требований к достоверности и прозрачности данных, их доступности для всех категорий граждан [4, с. 122].

Взаимосвязь высшего образования и органов статистики реализуется через следующие направления:

1. Подготовка кадров – формирование программ, направленных на подготовку кадров и повышение квалификации в сфере статистики и анализа данных. В ходе реализации этих программ, молодые специалисты проходят стажировку в органах государственной статистики и в дальнейшем закрепляются в них [6, с. 165].

2. Совместные научные исследования – реализация проектов по анализу социально-экономических процессов, разработке новых индикаторов регионального развития, оценке эффективности государственных программ научными коллективами высшей школы совместно с сотрудниками региональных органов статистики [2, с. 65; 5, с. 96].

3. Экспертно-консультационная деятельность – привлечение профессорско-преподавательского состава университета в качестве внешних экспертов при разработке методологических рекомендаций, актуализации форм статистической отчетности и др.

4. Цифровизация и IT-решения – использование информационных ресурсов высшей школы для тестирования программного обеспечения с целью сбора, обработки и анализа статистических данных (например, геоинформационные системы, BI-платформы) [1, с. 242].

5. Организация конференций и семинаров – проведение совместных мероприятий по обмену опытом, выявлению проблемных зон и формированию единой стратегии развития региональной статистики.

6. Применение статистической информации в процессе научной и образовательной деятельности – использование официальной статистической информации на безвозмездной основе для всех пользователей [5, с. 97].

Такое тесное взаимодействие, во-первых, обеспечивает методологическую релевантность собираемых данных: статистика становится более гибкой и адаптированной к реальным запросам управления. Во-вторых, происходит снижение кадрового дефицита и повышение квалификации сотрудников органов статистики. В-третьих, внедрение научных разработок позволяет автоматизировать рутинные процессы, высвобождая ресурсы для аналитической работы [2, с. 62].

Обобщение и систематизация подходов к интеграции научно-образовательной и статистической систем позволило авторам разработать модель взаимодействия высшей школы и органов статистики, которая представлена на рис.

Объект	Система статистического учета	
Цель	Повышение эффективности регионального управления	
Задачи	1) популяризация научной деятельности в целях повышения имиджа; 2) создание экспертно-аналитической платформы и совместных проектных групп на базе университетов; 3) кадровое взаимодействие с вузами и повышение	
Подготовка и реализация организационных мероприятий по привлечению сотрудников к научной деятельности		
Создание творческой группы по организационным вопросам	Определение проблематики исследований путем организации круглых столов и фокус-групп	Организационно-техническая работа с заинтересованными лицами (мониторинг конференций, составление плана)
Апробация и популяризация результатов научной деятельности	Консультационно-методическая работа с сотрудниками	Стимулирование научно-исследовательской деятельности
Создание экспертно-аналитической платформы и совместных проектных групп		
Анализ текущих проблем, общих точек интереса для целей и задач платформы	Создание координационного совета	Формирование регламента о совместном взаимодействии
Создание цифровой инфраструктуры для взаимодействия и обмена данными	Формирование проектных групп по приоритетным направлениям	Реализация пилотных проектов, обратная связь и оценка результатов
Кадровое взаимодействие и повышение конкурентоспособности		
Программы повышения квалификации с профильными вузами	Информационно-просветительские мероприятия	Институт наставничества, формирование базы наставников
Результаты	1) разработка успешных практик для масштабирования; 2) повышение качества статистических данных и прогнозов; 3) повышение эффективности взаимодействия между статистической и научно-образовательной системой	

Рис. Модель взаимодействия высшей школы и органов статистики как фактор повышения эффективности регионального управления

Согласно выбранной последовательности действий, взаимодействие высшей школы и органов статистики представляет собой комплекс определенных взаимосвязанных между собой видов деятельности по трем блокам:

1. Популяризация научной деятельности путем проведения мероприятий по привлечению сотрудников к научной деятельности [1, с. 242; 3, с. 125].

2. Создание экспертно-аналитической платформы и совместных проектных групп, в рамках которой временные рабочие группы, состоящие из экспертов высшей школы, студентов, аспирантов и сотрудников органов статистики, объединяются для решения конкретных задач (например, разработка методики оценки цифровой грамотности населения региона). В рамках платформы формируется экспертный орган, действующий на постоянной основе (на базе одного из вузов или как отдельная структура), с участием представителей вузов и органа региональной статистики. В работе экспертного органа проводятся регулярные заседания, на которых обсуждаются актуальные методологические подходы, формируется единая база исследований, решаются вопросы по повышению качества статистических данных и прогнозов [8, с. 43].

3. Кадровое взаимодействие и повышение конкурентоспособности путем организации стажировок и практик для студентов-статистиков и смежных с ними направлений, проведения информационно-просветительских мероприятий, содействия институту наставничества, защиты курсовых и дипломных проектов с использованием данных статистики [3, с. 125].

Тюменская область – нефтегазоносный регион, в котором активно развиваются технологии по добычке и переработке нефти, химическая промышленность, цифровые технологии и сектор услуг. Именно такая приоритизация экономики привела к созданию ряда вузов, необходимых для формирования стабильного кадрового потенциала региона.

Научно-образовательная система Тюменской области является одной из лучших в УрФО по качеству образования и научно-исследовательскому потенциалу. Представлена университетами, институтами и научными центрами, которые являются не только потребителями статистических данных, но также выступают генераторами новых идей, методик, и обеспечивают кадровое насыщение статистической деятельности. К числу ключевых вузов региона относятся: Тюменский государственный университет (ТюмГУ), Тюменский индустриальный университет (ТИУ), Тюменский государственный институт культуры (ТГИК), Тюменский государственный медицинский университет (ТГМУ), Государственный аграрный университет Северного Зауралья (ГАУ Северного Зауралья).

Научно-образовательная система Тюменской области обладает высокой степенью вовлечения в социально-экономическую жизнь региона, активно взаимодействует с корпорациями, государственной и муниципальной властью, общественными институтами, что позволяет подготавливать востребованных специалистов, формировать и реализовывать сложные междисциплинарные проекты, в том числе в сфере статистической деятельности [2, с. 63].

Практическая реализация предлагаемой модели взаимодействия высшей школы и органов статистики осуществлена на примере Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат), который является межрегиональным территориальным органом Федеральной службы государственной статистики.

Тюменьстат осуществляет функции по сбору и обработке первичных статистических и административных данных, формированию официальной статистической информации в Тюменской области, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Ямало-Ненецком автономном округе. Главной задачей является обеспечение объективной и полной официальной статистической информации органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан.

Статистическая деятельность в Тюменьстате организована по отраслевому принципу, заключается в трансформации первичных статистических данных в объективную официаль-

ную общедоступную информацию для принятия управленческих решений на различных уровнях – от индивидуального (информированный гражданин) до институционального (коммерческие организации) и макроуровня (государственные и общественные структуры). От точности и достоверности официальных статистических данных зависит и эффективность принимаемых ими решений [7, с. 484].

Ключевые направления взаимодействия Тюменьстата и вузов Тюменской области, представленные в модели взаимодействия, в полной мере раскрываются в последнем (третьем) блоке:

1. Кадровое взаимодействие – направлено на формирование кадрового потенциала Тюменьстата посредством привлечения молодых специалистов. В рамках реализации Стратегии развития системы государственной статистики Росстата до 2030 года (Стратегия 2030) одним из ключевых показателей эффективности деятельности является доля молодых специалистов в общей численности работников, которая должна составлять не менее 30 % (на 2026 г. в Тюменьстате – 22,4 %) [10]. Для осуществления данного направления Тюменьстатом сформированы дорожные карты с ТюмГУ и ТИУ, в рамках которых осуществляется работа с выпускниками и студентами экономических и ИТ направлений. Заключаются договоры о целевом обучении студентов по программам высшего образования и дальнейшей трудовой деятельности в Тюменьстате, проводятся стажировки и производственные практики и др. [9].

2. Информационно-просветительские мероприятия призваны продемонстрировать и популяризировать работу органов статистики, показать преимущество выбора Тюменьстата как будущего работодателя. С этой целью проводится обучающий тренинг «Профессиональный ориентир» для студентов старших курсов. Это мероприятие организовано в целях адаптации и знакомства студентов и выпускников с профессией, спецификой работы и особенностями государственной службы. Кроме того, проводятся семинары для студентов экономических направлений в течение года по тематикам: промышленное развитие, состояние потребительского рынка, инвестиции и ряд других важных тем.

3. Повышение квалификации действующего персонала также является одним из ключевых показателей Стратегии 2030. В Тюменьстате активно применяются методы дистанционного и заочного обучения в различных образовательных учреждениях, в том числе по специализированным и узкопрофильным направлениям [10].

Таким образом, взаимодействие Тюменьстата и системы высшей школы, сфокусированное на кадровом обеспечении, обеспечивает преемственность компетенций и омоложение кадрового состава. Данная модель снижает кадровые риски и закладывает основу для реализации перспективных научно-исследовательских проектов, развитие которых является следующим этапом коллаборации между системой образования и Тюменьстатом.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что интеграция вузовского сообщества в деятельность органов статистики является фундаментальным фактором преодоления их экспертного отставания. Реализация предложенной модели взаимодействия обеспечит синергетический эффект, выраженный в повышении достоверности и операциональности региональных статистических показателей, повысит интерес к статистическим исследованиям не только государства, но и экспертных, научных и образовательных сообществ, будет способствовать повышению качества данных, профессионализма и уровня доверия к официальной статистической информации.

Литература

1. Ахметшин Э. М., Мешкова Г. В., Бармута К. А. Конкурентоспособность организаций в условиях цифровой трансформации бизнес-процессов // Экономика устойчивого развития. 2024. № 1 (57). С. 241–244.
2. Гаврилец Ю. Н., Кудров А. В. Анализ взаимодействия науки и экономики в регионах РФ // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства : материалы VII Междунар. науч. интернет-конф. Вологда, 2023. С. 61–68.
3. Герасимов В. О., Быков А. А. Человеческий капитал как основа кадровой безопасности агропромышленного комплекса России // АПК: экономика, управление. 2026. № 2. С. 122–131.

4. Плотникова Н. И. Роль статистики в оценке социально экономического развития региона (на примере Липецкой области) // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения : труды Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых Вып. 25. Ч. 4. Экономические науки. Новокузнецк, 2021. С. 122–126.
5. Санеева Д. А., Райхлина А. В. Проблемы и перспективы использования статистической информации в деятельности органов государственного управления // Молодежь и общество: проблемы и перспективы развития : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистров и аспирантов. Ярославль, 2023. С. 96–100.
6. Харабрин А. А., Яковлев Е. А. Механизмы преодоления кадрового дефицита: университеты, корпоративные структуры и государство // Дискуссия. 2025. № 6 (139). С. 164–169.
7. Шарафутдинов Р. И. Оказание государственной услуги по предоставлению официальной статистической информации: практика, проблемы, развитие // Проблемы развития национальной экономики в цифрах статистики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. Тамбов, 2025. С. 482–490.
8. Шелепаева А. Х. Инновационная активность вузов: анализ практик взаимодействия с бизнесом и государством // Университетское управление: практика и анализ. 2025. Т. 29, № 3. С. 36–49.
9. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.08. 2024 № 2233-р // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/> (дата обращения: 27.04.2026).
10. Об утверждении Стратегии развития системы государственной статистики и Росстата до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4159-р // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/411316973/> (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 1:37.03

Н. В. Маслодудова

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье акцентируется риск онтологической подмены живой субъективности цифровыми профилями и обосновывается «цифровая герменевтика» как новая модель гуманитарного исследования. Предлагается переход к ценностно-ориентированному проектированию, формулируя новые представления об исследователе будущего, доказывая, что гуманитарные науки должны стать субъектом проектирования цифровой цивилизации.

Ключевые слова: гуманитарные науки, ценности, цифровая цивилизация, искусственный интеллект.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

TRANSFORMATION OF THE HUMANITIES PARADIGM IN A DIGITAL CIVILIZATION

The article highlights the risk of ontological substitution of living subjectivity by digital profiles and substantiates “digital hermeneutics” as a new model of humanitarian research. The author proposes a transition to value-oriented design, formulating new ideas about the researcher of the future, and proving that the humanities should become the subject of designing a digital civilization.

Keywords: humanities, values, digital civilization, and artificial intelligence.

Говоря о современной социально-гуманитарной парадигме, следует отметить нарастающее напряжение между двумя моделями производства знания: вероятностно-корреляционной логикой алгоритмических систем и концептуально-исторической природой герменевтического понимания. Желая преодолеть данное напряжение, гуманитарии активно включились в обучение, связанное с использованием цифровизации и искусственного интеллекта в образовательной и научной среде и, довольно быстро, увидели возможности эффективного использования искусственного интеллекта. Однако, демонстрируя высокую эффективность работы с текстовыми массивами, система искусственного интеллекта не может их интерпретировать и наполнить смыслом, что принципиально отличает ее от классических возможностей гуманитарных наук.

Данная проблема усугубляется тем, что предсказательная точность алгоритмов часто маскируется под эпистемологическую достоверность, что порождает иллюзию «объективности без интерпретации». Гуманитарное же знание, напротив, строится на признании факта

исторической изменчивости, онтологической открытости социальных феноменов и их ценности. Очевидно, что герменевтика не ограничивается репрезентативной выборкой, а развивается в диалоге между текстом, контекстом и исследовательской позицией самого автора. В этом контексте перспектива развития социально-гуманитарных наук видится не в простом подчинении вычислительной логике, а в выстраивании модели эпистемологического дополнения. Такая модель может быть представлена следующим образом: алгоритмы фиксируют структурные регулярности, а гуманитарная рефлексия возвращает им историко-культурную плотность, нормативную релевантность и смысловую многозначность. При этом необходимо отметить, что такой синтез требует пересмотра имеющихся критериев научной строгости. При таком синтезе достоверность должна определяться не только статистической значимостью, но и глубиной контекстуальной интерпретации.

Учитывая вышесказанное, следует говорить о необходимости развития «цифровой герменевтики», в которой вычислительные процедуры и интерпретационные практики будут интегрироваться в единый когнитивный цикл. Используемый в цифровой герменевтике алгоритм будет выступать не как замена исследователя, а как своеобразный «соавтор интерпретации». Перспектива такого направления заключается в формировании гибридных исследовательских практик, где вычислительная мощьность не подавляет смысловую открытость, а расширяет поле возможного понимания, делая видимым то, что остается скрытым при исключительно качественном или исключительно количественном подходе. Однако надо понимать, что это требует признания гибридных эпистемологий как полноправной исследовательской нормы, что ведет к пересмотру имеющихся стандартов научных и методических работ.

Вместе с тем, развивая «цифровую герменевтику», следует избегать риска редукции субъективности. Сегодня почти все, что мы делаем в интернете и в жизни, превращается в определенные данные (лайки, покупки, перемещения, эмоции и т. п.), которые компании, госорганы и различные платформы собирают, чтобы предсказывать наше поведение, предлагать соответствующий контент и оценивать возможные риски. «Теперь истина согласуется не только с языком и с убеждениями того или иного сообщества, не только с реальными предметами, но и с цифровыми объектами-конструкциями» [2, с. 116].

Именно здесь, на наш взгляд, кроется опасность того, что живой человек с его мыслями, чувствами, сомнениями и свободой выбора начинает уступать место упрощенному «профилю» (набору меток, цифр и шаблонов). Получается, что вместо смысла мы фиксируем повторяющуюся схему, вместо личности – набор поведенческих признаков, а вместо этического выбора – вероятностный прогноз. При этом не надо видеть в этом процессе, как это сейчас часто бывает, идеологию или чей-то заговор, так как это связано с устойчивостью технологий, которые мы сами считаем нейтральными инструментами. То есть, необходимо понимать, что, развивая «цифровую герменевтику», нельзя отказываться от этической герменевтики, которая позволяет решать старую, но по-прежнему актуальную задачу гуманитарных наук, связанную с пониманием самого человека. Место цифровой герменевтики в переосмыслении и переопределении границ естествознания и гуманитарных и социальных дисциплин активно изучается в современных исследованиях [1].

Мы всегда подчеркивали, что «специфика гуманитарных наук заключается в освоении действительности на основе ценностей, что дает возможность «соизмерять» мир с человеческими потребностями» [3, с. 69]. Сами же ценности выступают в качестве социокультурных средств соотношения событий и изменений, происходящих во внешнем мире, с миром человека. Направленное на развитие личности гуманитарное образование выступает важнейшим фактором социальной детерминации. «Оно призвано обеспечить условия для становления нравственного сознания обучающегося, выработки им главной жизненной позиции, истинных ценностных ориентаций, убеждений и мотивов деятельности, которая не будет лишена духовности» [4, с. 132–133]. В широком смысле гуманитарное образование – «это приобщение к культуре, т. е. к деятельности человека, направленной на сохранение и развитие человечества» [5, с. 86].

В связи с этим необходимо отметить, что сегодня задачей гуманитарных наук становится обеспечение сохранности ценности человеческого через напоминание о том, что человек – это больше, чем просто данные, так как есть то, что нельзя свести к простой статистике. А именно: способность человека осознанно ставить себе цели; чувство ответственности за свои поступки; понимание себя в контексте личной и общей истории; стремление к смыслу, к развитию, к преодолению себя. Учитывая, что главная функция гуманитарных наук – понимать себя и мир, исследователи в области гуманитарных наук должны, не отказываясь от современных цифровых инструментов, понимать, как работают существующие алгоритмы и критически оценивать их возможности и их ограничения, используя их как помощь в понимании, а не как замену мысли исследователя.

Задача современного гуманитарного образования видится нам как необходимость вернуть исследователей в область человеческого измерения, чтобы избежать дегуманизации научного познания. Человеческое измерение связано с пониманием смыслов в ходе интерпретации получаемых результатов, с опорой на ценности и этические нормы, что позволит напомнить исследователям об ответственности за будущее человечества. Цифровая цивилизация как бы стирает личную ответственность каждого отдельного исследователя, так как лишает его субъективности. Он работает в заданных алгоритмах, которые диктуют направления исследования и предлагают готовые результаты. Задача исследователя будущего – научиться самому создавать необходимые алгоритмы. Понимание того, как «думает» система искусственного интеллекта способно задавать направления для междисциплинарной коммуникации, которая по мнению М. В. Ковальчука является основой приоритетов научно-технического развития [7]. Гуманитарные науки должны стать активным субъектом конструирования новой цифровой цивилизации, а исследователи в области гуманитарных наук задавать направления самих исследований, проектируя задания для соответствующих систем искусственного интеллекта. Сегодня вопрос заключается именно в том: кто и что будет вкладывать в обучающие системы искусственного интеллекта?

Работая с цифровыми данными (тексты социальных сетей, архивы, различные), современные гуманитарии одновременно возвращаются в зону цифровой герменевтики (алгоритмически отобранные метаданные) и этической герменевтики (ценностная интерпретация полученных данных), где первая помогает увидеть структуру цифрового смысла, а вторая – сохранить его человеческое измерение. Только через рефлексивное удержание ценностей и экзистенциальной размерности возможно противостоять онтологической редукции и сохранить гуманитарное знание как практику понимания, в которой заложена его главная ценность.

Сегодня традиционная модель, где гуманитарий сначала собирает материал, затем подвергает его цифровому анализу и лишь на финальном этапе интерпретирует результаты, в рамках подхода «ценностно-ориентированного проектирования» уступает место интерактивному циклу со-конструирования. То есть если раньше мы говорили о ценностях и смыслах в конце исследования, то в современной модели нам предлагается встраивать эти ценности и смыслы на каждом этапе исследования, осуществляя диалог с технологиями и людьми. Сегодня активно изучаются «междисциплинарные «цифровые практики» в гуманитарной сфере, использующие компьютерные модели и цифровые технологии в качестве научного инструментария и реализуемые в виде цифровых проектов» [6].

Именно это является причиной пересмотра образовательных программ по такому фундаментальному направлению как «Философия». Реакция педагогического сообщества на предстоящую модернизацию не является однозначной, так как затрагивает привычные дисциплины и их традиционное содержание, заменяя дисциплинами, которые выглядят совершенно не имеющими отношение к гуманитарным наукам. Речь идет о таких дисциплинах как: «Введение в статистику и анализ данных», «Методы обработки и визуализации данных», «Прикладная аналитика данных в социальных науках». Однако эти дисциплины предлагается дополнить такими как: «Гуманитарная критика алгоритмов», «Социальные системы и искусственный интеллект», «Философия сознания и искусственных интеллектуальных систем», а третью группу дисциплин связать с теорией управления, включая в нее: философию

управленческой деятельности, философию организации и этику управления и ответственность руководителя. Для тех гуманитариев, которые последние два года включились в процесс повышения квалификации по специальностям, связанным с использованием искусственного интеллекта, описанная выше модернизация не выглядит чем-то непонятным и чуждым, так как есть четкое понимание необходимости включиться в процесс меняющегося образования и попытаться поставить искусственный интеллект на службу человеку, а не сражаться с ветряными мельницами, уподобляясь Донки Хоту.

Из-за доступности систем искусственного интеллекта за последние два года мир кардинально изменился и продолжает меняться очень быстрыми темпами. Видимые изменения мы уже сегодня наблюдаем на рынке труда и невостребованности огромного количества ни только гуманитарных специальностей, но и специалистов в сфере IT-систем. Но гуманитарием доступно понимание гораздо серьезных изменений, связанных с потерей в современном цифровой цивилизации ценности мыслительной деятельности человека. Мы понимаем, что уже в ближайшее время самыми востребованными специалистами станут эксперты деятельности искусственного интеллекта, а их может просто не оказаться. По данным проведенного нами исследования среди курсантов 1 и 2 курсов СибЮИ МВД РФ с использованием платформы ЯндексФормы, [8] при 100 % использовании обучающимися нейросетей, типа ChatGPT, YandexGPT, Gemini и др., ежедневное обращение к нейросетям составляет 29,6 % из числа опрошенных респондентов. При этом 42,8 % опрошенных используют возможности нейросети для объяснения сложных тем, 18,8 % для подготовки к зачетам и экзаменам, 16,7 % – для написания рефератов, эссе и курсовых работ, а 17,4 % – для генерации идей для проектов и творчества. При этом доверие к нейросетям составляет 69 %, а уверенность в своих навыках критического анализа ответов нейросети составляет – 97,2 % опрошенных. По истине: «самоуверенность дилетантов – предмет зависти завести профессионалов»!

На наш взгляд, именно гуманитарии могут и должны занять востребованную экспертную нишу использования искусственного интеллекта в цифровой цивилизации. Технические специалисты проектируют архитектуру моделей, оптимизируют вычислительные мощности и добиваются высокой предсказательной точности, но они, как правило, не отвечают на такие вопросы как: «Чей опыт исключен из обучающих данных?», «Какие культурные предпосылки заложены в категории классификации?», «Кто несет ответственность, если алгоритмическая интерпретация исказит историческую правду?». Гуманитарные дисциплины исторически специализируются на работе с контекстом, многозначностью, исторической памятью и ценностными системами. В условиях, когда искусственный интеллект оперирует корреляциями, а не причинно-следственными и тем более этическими связями, именно гуманитарий может возвращать полученным алгоритмическим результатам историко-культурное содержание и экзистенциальную глубину.

Сегодня представляемая нами экспертная ниша для гуманитариев складывается из четырех взаимосвязанных функций, которые гуманитарии могут выполнять в междисциплинарных проектах:

- 1) интерпретативная валидация выводов искусственного интеллекта (гуманитарий не принимает результаты модели как данность, а проверяет их через призму критического анализа, исторических параллелей и культурных кодов, определяя через свою рефлексию, являются ли полученные с помощью системы выводы смысловой закономерностью или это просто смешанная выборка);

- 2) ценностное выравнивание на этапе проектирования (участие гуманитариев в постановке исследовательских задач и выборе данных до запуска обучения системы искусственного интеллекта, что позволит им формулировать, какие этические принципы, социальные контексты и культурные нормы должны быть учтены, чтобы технология не навязывала универсалистские, но культурно чуждые стандарты, что особенно важно в условиях задач сохранения традиционных ценностей в современной России);

- 3) критический аудит (гуманитарий не позволяет технологиям заменять живое понимание человека упрощенными маркерами);

4) сценарное моделирование и конструирование так называемых исследовательских экосистем (именно гуманитарий может на начальном этапе заложить в исследовательские системы возможность выстраивать этические дилеммы и исторические альтернативы).

Делая вывод, необходимо отметить, что занять вышеуказанную экспертную и, по своей сути, историческую нишу гуманитариям будет совсем непросто, так как сделать это стихийно – невозможно. Именно поэтому требуется системная модернизация базового гуманитарного образования. Зато, освоив эту экспертную нишу, социально-гуманитарные науки перестанут вынуждено анализировать последствия внедренных технологий, а станут активным субъектом нормативного проектирования цифровой цивилизации, задающим ценностные, этические и эпистемологические ориентиры развития систем искусственного интеллекта. Сегодня вопрос стоит не о том, сможет ли искусственный интеллект заменить гуманитария, а о том, какой интеллект мы готовы встроить в общественную ткань цифровой цивилизации.

Литература

1. Ананьева Е. М. Цифровая герменевтика: «вызов» и «ответ» на методологические притязания цифровых гуманитарных наук // Информация – Коммуникация – Общество. 2023. Т. 1. С. 4–8.
2. Васюков В. Л., Шульга Е. Н. Цифровая онтология и цифровая герменевтика // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 116–125.
3. Маслодудова Н. В. Гуманитарное образование в системе дистанционного обучения // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 77–2. С. 67–70.
4. Маслодудова Н. В. Реализация задач гуманитарного образования в условиях дистанционного обучения (философское осмысление личного опыта) // Современное исследование социальных проблем. 2020. Т. 12, № 2. С. 127–142.
5. Маслодудова Н. В. Духовная культура личности и гуманитарное образование. Красноярск, 2005.
6. Цифровые гуманитарные проекты: практики междисциплинарности / Е. М. Северина [и др.] // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 121–129.
7. Михаил Ковальчук. Выступление на марафоне «Новое знание» // Россия 2024. URL: <https://yandex.ru/video/preview/1855544153425651448> (дата обращения: 03.04.2026).
8. Анкета. Использование нейросети в учебе и повседневной жизни. URL: <https://forms.yandex.ru/u/68e3942302848f07a4ec26f6> (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 323.1

М. С.-А. Шайкемелев

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства науки и высшего образования РК, г. Алматы

Г. А. Абрахматова

Университет Туран, г. Алматы

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ О ДИНАМИКЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ³

Анализируются экспертные оценки, касающиеся тенденций и закономерностей развития межэтнических отношений в Казахстане. Исследование фокусируется на процессах формирования гражданской нации и анализе внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на стабильность межэтнических взаимодействий в казахстанском обществе. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению экспертных моделей институционального регулирования межэтнических отношений.

Ключевые слова: межэтнические отношения, гражданская идентичность, Казахстан, этнополитические процессы, институциональное регулирование.

M. S.-A. Shaikemelev

Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of
Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty

³ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК – грант AP23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана».

EXPERT OPINION ON THE DYNAMICS OF INTERETHNIC RELATIONS IN KAZAKHSTAN

The article analyzes expert assessments concerning trends and patterns in the development of interethnic relations in Kazakhstan. The research focuses on the processes of civil nation formation and the analysis of internal and external factors influencing the stability of interethnic interactions in Kazakh society. Special attention is paid to the detailed consideration of expert models of institutional regulation of interethnic relations.

Keywords: interethnic relations, civic identity, Kazakhstan, ethnopolitical processes, institutional regulation.

Введение

Трансформация моделей межэтнических взаимодействий в Казахстане представляет значительный научный интерес как пример достаточно успешного перехода от советской концепции «многонациональности» к формированию гражданской нации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления механизмов поддержания стабильности в полиэтничном обществе в условиях обострения противоречий глобализации и роста геополитической конкуренции. Цель работы – комплексный анализ тенденций и закономерностей развития межэтнических отношений с опорой на актуальные экспертные оценки. Задачи исследования – выявление ключевых тенденций в динамике межэтнических отношений; анализ факторов стабильности межэтнического взаимодействия; изучение региональных особенностей межэтнических процессов; оценка эффективности моделей институционального регулирования; рассмотрение воздействия внешних факторов на межэтническую ситуацию.

Методология и эмпирическая база исследования

Теоретическими рамками анализа выступили: теория гражданской нации (Э. Смит, Ю. Хабермас), позволяющая интерпретировать процессы формирования общекзахстанской идентичности; концепция политической стабильности (Д. Истон, С. Хантингтон), помогающая оценить устойчивость политической системы в условиях этнокультурного многообразия; теории межэтнического взаимодействия (Г. Олпорт, Р. Парк), дающие инструментарий для анализа механизмов интеграции и конфликтного потенциала; ресурсная теория этнополитических конфликтов (П. Брасс), объясняющая роль конкуренции за ограниченные ресурсы; концепция «символической политики» (Р. Эванс), подчёркивающая значение символов единства в консолидации общества.

В качестве эмпирической базы исследования использованы результаты экспертного опроса, проведённого в 2025 г. ТОО «BRIF Research Group» по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК. В экспертном опросе приняли участие 20 экспертов. В качестве дополнительной информации были использованы материалы исследований Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”», Алматы, Республика Казахстан, размещённые в открытой печати.

Тенденции и закономерности развития межэтнических отношений в Казахстане

Анализ экспертных мнений позволяет выделить ряд взаимосвязанных тенденций и закономерностей в развитии межэтнических отношений в Республике Казахстан.

Прежде всего, экспертами фиксируется устойчивый переход от советской модели «многонациональности», акцентирующей этническую принадлежность и формальное представительство, к модели гражданской нации. Этот процесс реализуется в нескольких измерениях.

Идентичностное измерение. По данным социологических опросов Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”», динамика идентификационных процессов характеризуется ростом доли граждан, идентифицирующих себя, прежде всего, как «казахстанцы»: «В каких-то случаях уже можно говорить о значительном продвижении в сторону гомогенизации/повышения однородности казахстанского общества, понимаемой как унификация политических, правовых и организационных принципов, что способствует консолидации общества, и здесь видим схожесть оценок вопросов социального

развития, работы органов власти, особенности электорального поведения и гражданского участия» [1, с. 252]. Данный тренд свидетельствует о формировании гражданской идентичности как доминирующей формы национального самоопределения.

Институциональное измерение проявляется в снижении потребности в символических институтах типа Ассамблеи народа Казахстана (АНК). Эксперты констатируют, что АНК выполнила свою историческую миссию по консолидации общества в 1990-е и 2000-е гг., однако в современных условиях требует существенной трансформации.

«В тот момент, когда создавалась Ассамблея, ...необходим был этот институт», но сейчас «такой необходимости... нет».

Отметим, что критика в адрес АНК за формализм в работе проводится в экспертном сообществе не первый год. Эта критика была услышана органами управления. С 1 июля 2026 г. в Казахстане вступает в силу новая Конституция, согласно которой Ассамблея народа Казахстана будет упразднена. Функции этой организации, а также функции Национального курултая передадут Народному совету – высшему консультативному органу, который будет представлять интересы граждан. Народный совет будет заниматься разработкой стратегических рекомендаций по внутренней политике, укреплению общественного согласия и продвижению общенациональных ценностей. Кроме того, ему предоставят право законодательной инициативы и возможность инициировать проведение всенародных референдумов, включая внесение изменений в Конституцию.

Культурное измерение выражается в том, что казахский язык постепенно трансформируется из этнического маркера в язык гражданской идентичности. Согласно социологическим данным [1, с. 233], четверть русскоговорящих граждан в той или иной мере владеет казахским языком, что во многом обусловлено введением обязательного изучения казахского языка в образовательных учреждениях.

«73 % выпускников сдают экзамены [ЕГЭ, ЕНТ] на казахском языке... Это отражает реальную демографическую и культурную пропорцию».

Эксперты отмечают, что стабильность межэтнических отношений в Казахстане обеспечивается комплексным взаимодействием ряда факторов. Важнейшим из них является наличие сильного государства с умеренным уровнем централизации власти, которое успешно предотвращает эскалацию конфликтов, не прибегая к избыточной жесткости или чрезмерной либерализации.

«Роль государства – в тонкой настройке, действуя аккуратно, без резких шагов, чётко придерживаясь принципа: один закон – для всех».

Мероприятия власти, направленные на повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест и обеспечение равного доступа к социальным благам способствуют снижению социальной напряженности и вероятности возникновения конфликтных ситуаций.

Политика инклюзивности, реализуемая через систему поддержки этнокультурных объединений и развитие образовательных программ, создает условия для активного участия всех этнических групп в политической и культурной жизни страны, усиливает доверие к государственным институтам, развивает межкультурный диалог и формирует гражданскую идентичность. При этом в политике инклюзивности сопряжены поддержка культурного разнообразия и укрепление единых ценностей, что является центральным фактором, обеспечивающим продвижение к общегражданской нации.

«Сейчас я не вижу никакой проблемы в межэтнических отношениях. Наоборот, всё достаточно спокойно... Стресса я не вижу».

Эксперты выделяют и другие факторы, влияющие на интеграционные процессы этносов. В частности, обращается внимание на поток иммигрантов из Центральной Азии и России, которые влияют на рынок труда и социальную структуру общества. Миграционные процессы, активизирующиеся в последние годы, способствуют формированию новых идентичностей у этнических групп (например, концепция «казахстанских русских»), которые также требуется учитывать при разработке государственных программ, целью которых является укрепление общегражданской идентичности.

Эксперты, таким образом, полагают, что государственные программы социально-экономического развития, инклюзивная политика, формирующиеся новые казахстанские идентичности являются важными элементами в создании устойчивого и гармоничного общества. Они способствуют укреплению социальной сплоченности, развитию гражданского общества и обеспечению стабильного развития государства.

Тренды и модели институционального регулирования межэтнических отношений

В динамике этнополитических процессов эксперты фиксируют три взаимосвязанных тренда.

Первый – рост казахского этнического самосознания и процессы деколонизации сознания, проявляющиеся в повышенном интересе к национальной истории и культуре, особенно среди молодёжи, а также в росте доли казахскоязычного образования.

Второй тренд – формирование позитивной этнической идентичности без противопоставления другим этносам. Он включает укрепление общекзахстанской гражданской идентичности на основе общей истории и опыта совместного проживания, закрепление ценностей толерантности и взаимного уважения в нормативно-правовой базе, популяризацию концепции «шанырак» как символа общего дома.

«Мы сформировали общее понятие «шанырак»... Январские события (2022 г.) показали, что мы действовали, опираясь на общую казахстанскую идентичность».

Третий тренд – развитие механизмов общественного диалога и поддержка этнокультурных инициатив, не противоречащих общегражданским ценностям.

«Межэтнические отношения... – это наша возможность, это ценность и капитал, который позволяет нам нормально жить и сделать рывок в будущем. С другой стороны, это зона риска».

Анализ институционального регулирования межэтнических отношений позволяет экспертам выделить три модели управления: традиционная модель (АНК и аналогичные структуры); государственно-административная модель (сильная центральная власть); общественно-гражданская модель (НПО, маслахаты (выборные представительные органы), местные объединения по интересам). Каждая модель имеет свои сильные и слабые стороны. Традиционная модель сильна обеспечением представительства всех этносов и их культурной интеграции, государственная – обеспечением стабильности, особенно в кризисных ситуациях, общественно-гражданская – обеспечением механизмов политического участия. Слабые стороны первой модели эксперты усматривают в ограниченной эффективности в решении реальных проблем и зависимости от государственной поддержки, второй – в «торможении» развития гражданского общества, третьей – в не достаточных полномочиях местного самоуправления и отсутствии стремления поддерживать инициативы «снизу». Самой перспективной эксперты видят общественно-гражданскую модель, полагая при этом, что её реализация потребует развития механизмов политического участия.

По мнению экспертов, на межэтнические отношения оказывают большое влияние региональные различия, обусловленные социально-экономическим развитием и демографическими факторами. На юге Казахстана напряжённость связана с нехваткой земли и ресурсов, высокой плотностью населения и миграционными процессами, где этничность нередко становится маркером в борьбе за ресурсы. На севере и востоке ситуация более спокойная, однако существуют риски, связанные с внешним информационным воздействием и исторической памятью, при этом высокая доля русскоязычного населения требует особого внимания к языковой политике. В крупных городах (гг. Алматы, Астана) конфликты чаще носят бытовой характер и связаны с миграцией из регионов и конкуренцией на рынке труда, что актуализирует необходимость программ социальной адаптации мигрантов.

К числу факторов, воздействующих на межэтническую ситуацию в Казахстане, эксперты отнесли также внешние факторы как требующие особого внимания, учитывая расположение Казахстана на пересечении интересов России, Китая и Запада. Информационное воздействие через соцсети и СМИ, распространяющее провокационные нарративы, может спровоцировать локальные конфликты, особенно при низкой медиаграмотности части населения.

«Этнические конфликты... могут возникнуть... из-за провокаторов... и “третьей силы”, в том числе через чаты и соцсети».

Общий вывод, который следует из мнений экспертов, таков: межэтнические отношения в Казахстане развиваются в направлении укрепления гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия. Ключевыми факторами стабильности остаются экономическое развитие, инклюзивная политика и эффективная информационная стратегия.

Сценарии развития межэтнических отношений в Казахстане

На основе экспертных оценок можно выделить три возможных сценария развития межэтнических отношений (табл.):

1. Оптимистический (консолидация гражданской нации):

Успешная модернизация институтов межэтнического взаимодействия; решение социально-экономических проблем; укрепление общекзахстанской идентичности при сохранении культурного многообразия; рост доверия к государственным институтам.

2. Инерционный (сохранение статус-кво):

Этот сценарий предполагает постепенную трансформацию традиционных институтов без радикальных изменений в государственной политике и общественном сознании. Он наиболее вероятен при сохранении текущих тенденций и отсутствии масштабных внешних воздействий или внутренних шоков. Эксперты отмечают, что данный путь несёт в себе как определённые преимущества, так и существенные риски.

3. Пессимистический (рост напряжённости):

Этот сценарий предполагает развитие событий по негативному вектору при стечении неблагоприятных внутренних и внешних факторов – продолжительном экономическом спаде, неэффективности государственной политики в сфере межэтнических отношений, усилении геополитической конкуренции в регионе и росте влияния радикальных идеологий. Эксперты считают этот вариант наименее вероятным при сохранении текущего курса национально-государственного строительства, но отмечают необходимость превентивных мер для его предотвращения.

Таблица

Возможные сценарии развития межэтнических отношений

	Оптимистический сценарий (консолидация гражданской нации)	Инерционный сценарий (сохранение статус-кво)	Пессимистический сценарий (рост напряжённости)
Основная характеристика	Последовательное укрепление общекзахстанской идентичности, превращение многообразия в ресурс развития	Постепенная эволюция без радикальных изменений, сохранение текущих тенденций	Нарастание конфликтов и кризисных явлений, фрагментация общества
Динамика идентичности	Рост доли граждан, идентифицирующих себя как «казахстанцы» при сохранении позитивного отношения к этнической принадлежности	Медленная гомогенизация: доля «казахстанцев» растёт умеренно (до 75–78 % к 2035 г.), этническая идентичность остаётся значимой	Фрагментация идентичности: доминирование локальных, этнических и клановых идентичностей над общегражданской
Институты межэтнического взаимодействия	Модернизация АНК в эффективный механизм общественного диалога с реальными полномочиями; развитие местных сообществ и НКО	Сохранение символической роли АНК без кардинальных реформ; ограниченная роль местных сообществ	Кризис традиционных институтов (АНК теряет влияние) без создания новых механизмов регулирования; институциональный вакуум
Социально-экономическое развитие	Комплексные программы развития регионов, создание рабочих мест, поддержка малого бизнеса, сокращение диспропорций между регионами	Умеренный экономический рост, сохранение региональных диспропорций (юг отстаёт от севера и запада)	Экономический спад, рост безработицы, усиление неравенства между регионами и этносоциальными группами

	Оптимистический сценарий (консолидация гражданской нации)	Инерционный сценарий (сохранение статус-кво)	Пессимистический сценарий (рост напряжённости)
Межэтнические отношения	Снижение напряжённости до минимальных значений; быстрое разрешение локальных конфликтов через диалог	Периодические локальные конфликты, гасимые административными мерами; бытовая напряжённость в городах	Рост числа межэтнических столкновений; активизация радикальных групп; риск эскалации до масштабных конфликтов
Языковая политика	Казахский язык как государственный, русский – как язык межнационального общения; поддержка языков меньшинств в культурной и образовательной сферах	Сохранение текущего формата: казахский – государственный, русский – язык межнационального общения, ограниченная поддержка меньшинств	Поляризация по языковому признаку; рост требований к расширению статуса отдельных языков; риск политизации языковых вопросов
Роль гражданского общества	Активное участие НПО, общественных советов, местных сообществ в регулировании межэтнических отношений; развитие волонтерства и молодёжных инициатив	Ограниченное развитие местных сообществ; НПО играют вспомогательную роль без существенных полномочий	Слабость институтов гражданского общества; рост влияния неформальных лидеров и радикальных групп
Информационная политика	Продвижение идей единства и толерантности через СМИ и соцсети; развитие медиаграмотности; противодействие фейкам	Реактивный подход: сглаживание острых тем, акцент на позитивных примерах без системной профилактики	Усиление внешнего информационного воздействия; распространение провокационных нарративов и фейков через соцсети; рост ксенофобии
Молодёжная политика	Интеграция молодёжи через образовательные программы, волонтерство, межнациональные форумы; формирование гражданской ответственности	Формальное вовлечение молодёжи в мероприятия без реальной вовлечённости	Рост радикальных настроений среди молодёжи; влияние экстремистских идеологий; отток квалифицированных кадров за рубеж
Миграционная политика	Программы социальной адаптации мигрантов (языковые курсы, консультации, помощь в трудоустройстве); баланс интересов местного населения и мигрантов	Отсутствие системной политики адаптации; точечные меры при возникновении проблем	Рост напряжённости из-за конкуренции за жильё, рабочие места и социальные услуги; конфликты между местным населением и мигрантами
Международный имидж	Укрепление репутации стабильной и толерантной страны, привлекательной для инвестиций и сотрудничества	Сохранение позитивного имиджа при отсутствии значительных прорывов	Ухудшение международного имиджа; риск санкций и международной изоляции; сложности в международных организациях
Ключевые риски	Недостаток ресурсов для реализации программ; сопротивление изменениям со стороны консервативных групп	Накопление нерешённых проблем; отставание институтов от реальности; уязвимость к внешним воздействиям	Эскалация конфликтов; рост сепаратистских настроений; ужесточение внутренней политики и ограничение свобод
Условия реализации	Политическая воля руководства; достаточный объём ресурсов; активное участие гражданского общества; международное сотрудничество	Сохранение текущих тенденций без масштабных шоков; умеренная экономическая динамика	Длительный экономический спад; неэффективность государственной политики; геополитическое давление; рост радикальных идеологий
Потенциальные результаты	Стабильное, сплочённое и процветающее общество; этнокультурное многообразие как конкурентное преимущество	Сохранение относительной стабильности при накоплении проблем; риск перехода к пессимистическому сценарию при ухудшении условий	Дестабилизация общества; торможение развития; риск кризисных явлений и потери управляемости

На наш взгляд, межэтнические отношения в Казахстане имеют большой потенциал к развитию по оптимистическому сценарию, который предполагает рост доли граждан, идентифицирующих себя как казахстанцы, снижение межэтнической напряжённости и локальных конфликтов, повышение доверия к межэтническим институтам, улучшение социально-экономической ситуации и сокращение диспропорций, активное участие меньшинств в общественной жизни, укрепление международного имиджа Казахстана, формирование модели гражданской нации, создание системы профилактики конфликтов, рост гражданской активности и ответственности, а также укрепление единства общества перед вызовами.

Заключение

Анализ экспертных мнений и оценок динамики межэтнических отношений в Казахстане позволяет сделать ряд общих выводов. Для реализации оптимистического сценария развития Казахстана необходимо укрепить межэтническое согласие через комплекс мер. Следует разработать региональные программы развития с учётом этнокультурной специфики: на юге – агропроекты, на севере – интеграция мигрантов и поддержка русскоязычного населения, в городах – программы социальной адаптации. Необходимо поддерживать местные инициативы через гранты, партнёрство с НПО и бизнесом, стимулируя межкультурный диалог и волонтерство. Для работы в поликультурной среде нужны программы повышения квалификации для госслужащих, педагогов, журналистов и лидеров НПО, включая модули по межэтническому взаимодействию. СМИ и соцсети должны более активно продвигать позитивный контент о межэтническом согласии, освещая истории успеха, сотрудничество и культуру народов Казахстана. Развитие молодёжной политики с акцентом на общегражданскую идентичность включает межнациональные форумы, волонтерские лагеря и поддержку студенческих клубов. Образовательные учреждения должны интегрировать темы межэтнического согласия в программы, организовывать совместные мероприятия и готовить педагогов к работе в поликультурной среде.

Литература

1. Илеуова Г. Т., Симакова О. А. Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью // Этнодемографические процессы в Евразийском пространстве: трансформации и вызовы устойчивого развития : сб. науч. тр. XXIV Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 окт. 2025 г., Усть-Каменогорск. Усть-Каменогорск, 2025. С. 210–256.

УДК 321.01

С. Н. Чирун

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ПИСЬМО И ЭКЗОТЕРИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ ЛЕО ШТРАУСА ДЛЯ ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА

Анализируются идеи Лео Штрауса и исследуется их применимость для анализа современных экспертных технологий. Рассматриваются ключевые концепты Штрауса, такие как эзотерическое письмо, представляющее собой форму сокрытия истины от «непосвящённых», эзотерическое сообщение как инструмент управления обществом со стороны политических элит. Показывается, как идеи Штрауса позволяют по-новому осмыслить дилемму публичности и эффективности экспертного знания в условиях постправды. Особое внимание уделяется трансформации экспертных институтов под воздействием современных цифровых трендов и необходимости сохранения высокого профессионального стандарта качества экспертизы. На основании проведённого анализа делается вывод о том, что дилемма эзотерического нарратива и эзотерической практики управления остаётся центральной для понимания ключевых особенностей современной экспертной деятельности.

Ключевые слова: Лео Штраус, эзотерическое письмо, эзотерическое управление, экспертные технологии, постправда, неоконсерватизм, политическая экспертиза.

ESOTERIC WRITING AND EXOTERIC MANAGEMENT: THE RELEVANCE OF LEO STRAUSS'S POLITICAL IDEAS FOR 21ST-CENTURY EXPERTISE

The article substantiates the relevance of Leo Strauss's political philosophy for the analysis of modern expert technologies. The key concepts of Strauss – esoteric writing as a form of concealing truth from the «uninitiated», exoteric message as a tool for social integration, and the pedagogical function of elites – are examined. The author shows how Strauss's ideas allow a new understanding of the dilemma of transparency and effectiveness of expert knowledge in the conditions of digitalization and post-truth. Special attention is paid to the transformation of expert institutions under the influence of algorithmic platforms and the need to preserve the high internal standard of expert culture. Based on the analysis, it is concluded that the dilemma of «esoteric writings» and «exoteric governance» remains central to understanding the key conflicts of modern expert activity – between specialized knowledge and mass democracy, between the need for openness and the risk of manipulation, between digital accessibility and the preservation of semantic depth.

Keywords: Leo Strauss, esoteric writing, exoteric management, expert technologies, post-truth, neoconservatism, political expertise.

В современную эпоху, которую характеризуют как господство постправды, когда граница между политическим знанием и политической манипуляцией становится практически неразличимой, а эмоционально заряженный мем, распространяемый алгоритмами социальных сетей, всё чаще вытесняет рациональный политический дискурс, весьма неоднозначное научное наследие Лео Штрауса неожиданно обретает новое значение.

Штраус, вернул интерес элит к политической философии в тот момент, когда как многим казалось, она утратила актуальность под натиском позитивизма, институционализма и бихевиорализма. При этом Штраус предложил не просто герменевтический метод чтения древних сакральных текстов, но сформировал целую теорию взаимоотношений между знанием, властью и обществом [1].

Сегодня, когда экспертные институты переживают глубокую трансформацию под влиянием цифровизации, а сама идея эксперта всё чаще подвергается административному ostracismу в духе «смерти экспертизы», внимание экспертного сообщества к штраусовским идеям может оказаться неожиданно плодотворным.

В настоящей статье предпринимается попытка использовать ключевой концептуальный аппарат Штрауса – его знаменитое различие эзотерического (скрытого, сократического и предназначенного для узкого круга элиты) и экзотерического (публичного, профанного, обращённого к некомпетентным массам, к толпе) письма – для анализа актуальных проблем, с которыми сталкиваются современные экспертные технологии.

Мы задаёмся вопросом: в какой мере классическая дилемма философа («что и как можно говорить публике») воспроизводится сегодня в деятельности экспертных сообществ и аналитических структур? Как соотносятся друг с другом требования публичности и эффективности, открытости и ответственности в эпоху появления новых эффективных технологий управления общественным мнением? И может ли штраусовский, казалось бы, глубоко элитарный подход помочь осмыслить природу современных процессов, когда чуть ли не каждая «Виктория Боня» претендует на статус политического эксперта, а большинство аналитических систем – на роль политического гуру?

Лео Штраус вошёл в историю политической философии прежде всего, как автор радикальной гипотезы о «двойном письме» великих мыслителей прошлого. В своей ставшей классической работе «Преследование и искусство письма» [2], впервые опубликованной в 1952 г., Штраус совершил радикальную трансформацию в понимании истории западной политической мысли. Он предложил читать «великие тексты» – от сочинений Платона и Аристотеля [3] до трудов Макиавелли [4], Спинозы, Гоббса и Локка – не как чёткие, однозначно считываемые тексты политических и философских учений, а как сложные, многослойные интеллектуальные конструкции.

В этих текстах, по мнению Штрауса, наряду с доступным всем «экзотерическим» содержанием, которое в целом соответствовало господствующим в ту эпоху религиозным, по-

литическим или моральным нормам, намеренно скрывалось иное, «эзотерическое» учение, предназначенное только для интеллектуальной элиты, способной уловить намёки, противоречия и умолчания между строк [5].

Необходимость использования посвящёнными такого двойного письма объяснялась Штраусом двумя группами причин. Первая, наиболее очевидная и всем понятная, – это безопасность и защита от внешнего преследования. Действительно, в эпоху религиозных догматов, господства цензуры и произвола тиранов, или тоталитарных идеологий, или власти непосвящённой толпы, пусть даже такая власть называется демократией – говорить истину напрямую попросту смертельно опасно [6]. И на это есть прекрасный исторический пример трагической гибели Сократа [7].

Однако сам Штраус настаивал на существовании второй, более глубокой причины, связанной не со страхом посвящённого за собственную жизнь, а с ответственной заботой о благе страны, о социализации добродетельных граждан. Мыслитель, познавший относительность всех социальных устоев и релятивность общепринятых мнений, не имеет права механическая обрушивать эту истину на неподготовленное большинство, ибо разрушение «священных» для электората предрассудков без предоставления взамен новой убедительной позитивной программы способно привести лишь к политической анархии, нигилизму и нравственному распаду личности. Сам эзотерический стиль письма представляет собой практику передачи неортодоксальных убеждений или тайного знания – устно от учителя к ученику, или в латентной форме между строк текстов, которая сами по себе соответствуют общепринятым парадигмам своего времени.

Таким образом, эзотеризм в интерпретации Штрауса – это форма проявления высшей интеллектуальной добросовестности и политической ответственности, поскольку для неподготовленного массового сознания знание высшей истины может оказаться разрушительным.

В контексте современных дискуссий об экспертных институтах это штраусовское различие приобретает неожиданную эвристическую силу. Эксперты XXI в., как и мыслители прошлого, работают в условиях, когда «публичная истина» далеко не всегда совпадает с истиной доступной профессиональному сообществу. Экономист может понимать, что непопулярные реформы необходимы, но вынужден излагать свои рекомендации в смягчённой, адаптированной форме, чтобы они были приняты политиками и обществом. Врач-эпидемиолог знает реальную степень риска, но для того чтобы избежать паники, вынужден формулировать свои предупреждения в особом регистре – достаточно тревожном, чтобы мотивировать к действию, но не настолько, чтобы вызвать хаос. Климатолог, анализируя долгосрочные тренды, должен выбирать между пугающей точностью своих моделей и необходимостью сохранять общественную надежду на возможность исправления ситуации. Все эти ситуации воспроизводят штраусовскую дилемму, где эксперт обладает знанием, которое по разным причинам не может быть передано публике в его реальном, наиболее правдивом виде.

В этих условиях возникает необходимость в создании институтов «экзотерической экспертизы», как формы реализации публичного научного дискурса, который, сохраняя общее направление, тем не менее упрощает, схематизирует и в каком-то смысле профанирует истинное содержание экспертного анализа. И здесь мы подходим к центральному вопросу современной социальной эпистемологии: является ли такая ситуация неизбежным злом, симптомом коррупции экспертизы, или же, напротив, – нормальным и даже необходимым элементом функционирования экспертных институтов в сложно устроенных демократических обществах, где политолог, как учёный не может и не должен подменять собой публичного политика и тем более – пропагандиста.

Однако штраусовский анализ не останавливается на констатации самого факта двойного письма. Он предлагает авторскую методологию, позволяющую отделять подлинно эзотерическое сокрытие (ради высшего блага) от популистской демагогии или трусливого конформизма. Здесь ключевой критерий – это наличие «экзотерического» содержания, которое не просто запутывает читателя, но выполняет педагогическую функцию.

Посвящённый автор, согласно Штраусу, никогда не скрывает истину полностью, а оставляет намёки, противоречия, несообразности, которые внимательный и добросовестный исследователь со временем сможет расшифровать [8]. Экзотерический слой текста – это не ловушка, а тренировка ума и, что самое важное, – средство отбора тех, кто действительно достоин приобщения к более глубоким истинам. В современной экспертной практике аналогом такой «школы» может служить система профессиональной аттестации, внутренние рецензии, диссертационные советы, закрытые аналитические записки для лиц, принимающих решения.

Каждый из этих институтов призван выполнять функцию «фильтра», отделяющего носителя подлинной компетенции от случайного дилетанта, а аналитические отчёты от популистских лозунгов. Проблема, однако, заключается в том, что в цифровую эпоху традиционные фильтры перестают работать: блогер с многомиллионной аудиторией объявляет себя экспертом, а нейросеть генерирует правдоподобные, но поверхностные «аналитические обзоры», которые для дилетантов во власти, могут быть неотличимы от рекомендаций, подготовленных лучшими профессионалами. И в этой ситуации штраусовское различение напоминает нам о том, что экспертиза по определению не может быть полностью демократичной, горизонтальной и доступной каждому.

Глубина и сложность экспертного знания неизбежно порождают определённую экзотеричность его носителей, и сама по себе эта экзотеричность не является патологией, а напротив, – условием сохранения высокого профессионального качества. Патологией становится лишь ситуация, когда экзотерическое знание полностью отрывается от публичной коммуникации, превращаясь в цеховой профессиональный жаргон, непонятный никому за пределами узкого круга, либо, напротив, когда экзотерическая адаптация упрощает содержание проблемы до такой степени, что оно утрачивает всякую связь с исходным экспертным анализом.

Вторым важнейшим концептом штраусовского подхода, имеющим прямое отношение к анализу современных экспертных технологий, является понятие «экзотерического управления». Если философ писал между строк, скрывая свои радикальные мысли, то политик практик, согласно Штраусу, всегда вынужден говорить на языке, понятном электорату, т. е. создавать экзотерические нарративы, которые служат интеграции общества и поддержанию его структурной стабильности.

Отсюда проистекает фундаментальная проблема легитимации экспертного знания в рамках либерально-демократических процедур. Классическая модель, восходящая к эпохе Просвещения, предполагала, что экспертные институты действуют как поставщики объективных, научно обоснованных данных, на основе которых уже политики принимают решения в ходе публичных дебатов. Однако уже в середине XX в. стало очевидно, что эта модель сталкивается с серьёзными трудностями. Во-первых, далеко не всякое экспертное знание может быть «переведено» на язык, понятный неспециалисту, без существенных потерь. Во-вторых, в условиях плюрализма мнений и острой конкуренции различных экспертных школ практически любое решение окажется поддержанным одними специалистами и оспоренным другими. И, наконец, в-третьих, сама процедура экспертизы неизбежно включает ценностные предпосылки, которые не могут быть полностью элиминированы и потому становятся предметом политической борьбы.

В эпоху постправды эти проблемы обостряются до предела. Когда социальные сети и новостные ленты новостей становятся основной ареной политической борьбы, рациональная аргументация уступает место эмоционально заряженным, но упрощённым рамочным нарративам.

Исследования показывают, что посты, содержащие постправдивые утверждения, распространяются в несколько раз быстрее, чем их фактологические опровержения, поскольку человеческая психика эволюционно предрасположена к восприятию угрожающей и сенсационной информации. В этих условиях эксперт, стремящийся донести до публики сложный, многомерный анализ, заведомо проигрывает в битве за внимание инфлюенсеру, транслирующему простые и понятные рамочные формулы по модели фрейминга: «друг – враг», «бе-

лое – чёрное». На практике это приводит к возникновению феномена, который можно назвать «псевдоэкспертизой» или «демократизацией компетентности», когда любой пользователь, освоивший набор популярных терминов и научившийся эффектно презентовать себя в социальных сетях, может претендовать на статус эксперта.

Цифровые технологии создают иллюзию собственной компетентности у самого широкого круга пользователей, а доступная информация раздвигает самонадеянность человека, и люди мнят себя разнообразными псевдопрофессионалами и экспертами, тогда как мнение реального эксперта может остаться для них не услышанным. Тем самым классическая штраусовская дилемма обостряется: если раньше посвящённый опасался, что истина окажется слишком разрушительной для неготовых умов, то сегодня мы видим обратную ситуацию – публика активно отвергает сложную истину как «элитарную» и «оторванную от жизни», предпочитая ей эмоционально комфортный, но не соответствующий действительности образ. В таких условиях эксперт вынужден не столько скрывать свои выводы (как это делал штраусовский посвящённый), сколько отчаянно бороться за то, чтобы его голос был вообще услышан сквозь информационные шумы, генерируемые коллективной «Викторией Боней».

Третьим ключевым элементом штраусовской философии, который заслуживает пристального внимания в контексте наших рассуждений, является его диагноз кризиса современной цивилизации. Штраус рассматривал историю западной мысли как по сути, дегенеративный процесс упадка, начало которому положил разрыв с классической традицией и становление философии Нового времени. В отличие от многих своих современников, Штраус не считал научно-технический прогресс и либеральную демократию безусловными благами. Он полагал, что кризис XX в., выразившийся в тоталитарных режимах, мировых войнах и духовном опустошении, является не случайным сбоем, а закономерным следствием того, что раннее Просвещение назвало «эмансипацией разума». Разум, отказавшийся от поиска объективной истины и сведённый к голой инструментальной рациональности, либо к историзму (утверждению, что все ценности относительны и определены конкретной эпохой), перестаёт быть опорой для человеческой свободы и достоинства. Как писал сам Штраус, современный релятивизм, утверждая, что все высшие ценности равноправны и что у нас нет рациональных оснований предпочитать одну ценность другой, неизбежно ведёт к нигилизму – признанию того, что никакие ценности вообще не заслуживают предпочтения [9]. Именно этот нигилизм, по мысли Штрауса, создал тот самый вакуум, который затем был заполнен тоталитарными идеологиями.

Если спроецировать этот диагноз на состояние современных экспертных институтов, мы увидим поразительные параллели. Тотальная автоматизация и «оцифровка» многих аналитических процедур, безусловно, повысили скорость, масштаб и формальную точность экспертизы. Машинное обучение и алгоритмы больших данных позволяют обрабатывать массивы информации, недоступные человеку. Однако вместе с тем этот процесс несёт в себе риск дегуманизации экспертной оценки. Там, где раньше требовалось целостное, интуитивное «экспертное видение» проблемы – способность удерживать в голове множество разнородных факторов, учитывать нравственные дилеммы, предвидеть долгосрочные социальные последствия, – сегодня всё чаще подставляется формализованная процедура, выдача среднего статистического значения или предсказание, полученное из не вполне прозрачной нейросетевой модели.

Искусственный интеллект, как справедливо отмечают многие специалисты, эффективен в решении тактических, хорошо структурированных задач, но он не способен к стратегическому, ценностно-нагруженному целеполаганию. Передача стратегической экспертизы алгоритмам чревата непредсказуемыми последствиями, поскольку машина будет оптимизировать решение по заложенным в неё формальным критериям, которые могут полностью расходиться с подлинными общественными потребностями. В этом смысле штраусовское предупреждение о кризисе рациональности, утратившей связь с добром, приобретает совершенно конкретное, технологическое измерение.

В России, как и во многих других странах, сегодня активно обсуждаются пути цифровой трансформации системы государственного управления и экспертного обеспечения принимаемых решений. Создаются единые цифровые платформы, объединяющие экспертные сообщества из различных сфер – экономики, права, экологии, социальной политики. Разрабатываются системы автоматизированного мониторинга, алгоритмы выявления коррупционных рисков, инструменты общественного контроля в онлайн-формате. На первый взгляд, это движение в точности соответствует либеральным представлениям о «прозрачной», «подотчётной» экспертизе.

Однако если взглянуть на ситуацию под штраусовским углом, то можно заметить и обратную сторону процесса. Уход экспертных дискуссий в цифровую среду, где взаимодействие всё чаще сводится к рейтингам и формализованным индикаторам наподобие КРП (ключевые показатели эффективности), грозит утратой того самого «эзотерического» слоя – долгих, вдумчивых, неспешных размышлений, невозможных без живого общения, без возможности почувствовать интонацию и контекст. Иными словами, цифровизация экспертизы невольно способствует вытеснению ценностно-рефлексивного измерения экспертным позитивизмом – сбором и машинной обработкой данных, при одновременном снижении интереса к их осмыслению.

Именно здесь, как нам представляется, может быть плодотворно переосмысление штраусовской идеи эзотерического письма. Цифровые платформы должны предоставлять не только «быструю» аналитику для массового пользователя, но и углублённую, элитарную площадку для экспертной рефлексии, где результаты машинного анализа становятся лишь исходным материалом для экспертного суждения, а не его конечным продуктом.

Следует, однако, отдавать себе отчёт и в том, что сама фигура Лео Штрауса и его политическая теория вызывают в академической среде далеко не однозначные оценки.

Критики упрекают его в элитизме, в недооценке демократических институтов, в скрытой апологии сильной власти [10]. Сам Штраус, безусловно, не был сторонником прямой и неограниченной демократии, он полагал, что любое общество неизбежно разделено на мудрых и невежественных (или не склонных к рефлексии), и что задача политической науки – воспитывать элиты, которые затем будут управлять, сообразуясь с благом целого.

В этой позиции есть своя правота, особенно если вспомнить о тех вызовах, которые современные массовые коммуникации и алгоритмическая власть создают для рациональной публичной политики. Но вместе с тем штраусовский элитизм требует серьёзной корректировки в контексте XXI в.

Во-первых, современное общество гораздо более образованно и информированно, чем даже самые оптимистичные прогнозы просветителей XVIII в. Это означает, что «непосвящённые» сегодня часто способны к пониманию достаточно сложных экспертных аргументов, если они изложены ясным, доступным, но не упрощённым языком. Во-вторых, цифровые технологии создают предпосылки для горизонтальной сетевой экспертизы, где роль «верховного эксперта» заменяется коллегиальным обсуждением множества равноправных участников.

Однако, как показывает опыт работы краудсорсинговых платформ и открытых рецензий, эта горизонтальность не является панацеей: отсутствие иерархии и признанных авторитетов ведёт к размыванию ответственности, росту числа случайных или ангажированных оценок. Поэтому разумный подход, на наш взгляд, предполагает признание необходимости экспертной иерархии (специальная подготовка, аттестация, внутренние стандарты качества) при одновременном развитии механизмов публичного контроля и прозрачности.

Важно также сказать о месте, которое занимают в этой картине традиционные институты высшего образования и науки. В информационном письме конференции, послужившем основой для нашей работы, особо подчёркивается роль университетов как экспертных центров в регионах. И действительно, именно университеты сегодня остаются, пожалуй, единственными институтами, которые в массовом масштабе готовят людей, способных к «эзотерическому» – т. е. глубокому, системному, ценностно-рефлексивному – знанию.

В условиях, когда многие корпоративные «центры компетенций» и «фабрики мысли» ориентированы на сиюминутную, прикладную аналитику, университет способен (и, добавим, обязан) сохранять пространство для «бесполезного» знания – фундаментальной науки, гуманитарного осмысления социальных процессов, философской критики. Этот университетский «эзотеризм» не должен быть замкнутым на себя; его задача – не прятать знание, а готовить тех, кто затем сможет эффективно и ответственно транслировать его в публичную сферу.

Как утверждал сам Штраус, подлинный мыслитель всегда стремится к диалогу с обществом, даже если этот диалог подразумевает необходимость говорить на языке, отличным от языка своей внутренней рефлексии.

Подводя итог проведённому анализу, необходимо отметить, что политическая теория Лео Штрауса, при всей её сложности и неоднозначности оказывается полезным инструментом для понимания актуальных проблем современной экспертной оценки. Предложенное им различие «эзотерического письма» и «экзотерического управления» может быть полезно для современного экспертного сообщества.

С одной стороны, эксперты стремятся к доступности, прозрачности и публичности своего знания. С другой стороны, сама природа экспертного знания, а именно его сложность и необходимость специальной подготовки, это ведёт к тому, что экспертное знание всегда в каком-то смысле остаётся эзотеричным, предназначенным для узкого круга посвящённых. Игнорирование этого напряжения, попытка представить экспертизу как нечто целиком публичное, очевидное и не требующее специальной компетенции, чревато либо деградацией самой экспертизы (когда под её видом начинают выступать любые мнения), либо ростом недоверия (когда публика обнаруживает, что за «понятными» формулировками скрываются сложные, а подчас и неприятные истины).

Штраус напоминает нам о том, что посвящённый, а в нашем случае это эксперт, несёт двойную ответственность: перед истиной и перед обществом. Он не имеет права предавать истину, адаптировавшись к господствующим предрассудкам, но он также не имеет права бездумно обрушивать эту истину на неподготовленных людей, не заботясь о последствиях.

Искусство экспертной коммуникации в эпоху цифровизации, алгоритмической власти и постправды – это, по сути, современный аналог штраусовского «искусства письма». Оно требует от эксперта умения выбирать нужный формат текста, адаптировать сложные понятия, но при этом не упрощая их до неузнаваемости, создавать условия для диалога, в котором неспециалист может постепенно, шаг за шагом, до определённого уровня, приобщаться к глубине экспертного знания. И, как и во времена Штрауса, искусство экспертной оценки не поддаётся полной операционализации – оно остаётся уделом индивидуального, ответственного экспертного суждения.

Литература

1. Павлов А. Лео Штраус: искусство писать и искусство читать // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 3. С. 4–11.
2. Strauss L. Persecution and the Art of Writing. Chicago : University of Chicago Press, 1952. 260 p.
3. Strauss L. Plato // History of political philosophy. Ch. : University of Chicago press, 1987. P. 33–89.
4. Strauss L. Machiavelli and classical literature // Review of national literatures 1. 1970. N 1. P. 7–25.
5. Strauss L. Exoteric Teaching // Interpretation: A Journal of Political Philosophy. 1986. N 14. P. 51–59.
6. Штраус Л. Проблема Сократа / пер. с англ. А. Мишурина // Историко-философский ежегодник 2013. М. : Канон, 2014. С. 214–232.
7. Strauss L. The origins of political science and the problem of Socrates: six public lectures by Leo Strauss // Interpretation: a journal of political philosophy. 1996. N 2. P. 127–208.
8. Strauss L. On a forgotten kind of writing // Chicago review. 1954. N 8. P. 64–75.
9. Демин И. В. Критика историзма в философской концепции Лео Штрауса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17, № 3. С. 22–36.
10. Блохин К. В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 729–744.

РОЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изучается роль китайского языка как фактора развития экспертных институтов в сфере российско-китайского образования. Анализируются функции китайских вузов как экспертных центров, влияние языковой подготовки на качество двустороннего сотрудничества, а также вызовы, связанные с подготовкой кадров экспертно-аналитического профиля. Предлагаются направления интеграции образовательных и экспертных систем России и Китая.

Ключевые слова: китайский язык, китайские вузы, экспертные институты, российско-китайское образование, экспертная культура, образовательное сотрудничество.

E. S. Kuzmina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE CHINESE LANGUAGE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF EXPERT INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN-CHINESE EDUCATIONAL SPACE

The article examines the role of the Chinese language as a factor in the development of expert institutions in the field of Russian-Chinese education. The functions of Chinese universities as expert centers, the influence of language training on the quality of bilateral cooperation, as well as the challenges associated with the training of expert-analytical personnel are analyzed. The article proposes directions for the integration of educational and expert systems of Russia and China.

Keywords: chinese language, chinese universities, expert institutions, Russian-Chinese education, expert culture, educational cooperation.

В условиях трансформации системы международных отношений в XXI в. российско-китайское сотрудничество приобретает стратегическое значение. 2026–2027 гг. провозглашены перекрестными годами образования России и Китая, которые будут способствовать росту числа россиян, изучающих китайский язык. Особое место в этом взаимодействии занимает образовательная сфера, где формируются не только профессиональные компетенции, но и долгосрочные экспертные сети, для эффективного развития которых необходимо владеть русским и китайским языками соответственно. При этом китайский язык традиционно рассматривается как инструмент коммуникации, тогда как его системная роль в развитии экспертных институтов зачастую остается за рамками научного анализа.

Китайские университеты в последние десятилетия превратились не просто в образовательные, но и в комплексные экспертно-аналитические центры глобального уровня. Пекинский университет, Университет Цинхуа, Фуданьский университет, Шанхайский университет, Люнинский университет и другие ведущие вузы КНР аккумулируют аналитику по широкому спектру вопросов: от цифровой экономики и искусственного интеллекта до социальной политики и демографического развития. Эти материалы публикуются в ведомственных аналитических и статистических сборниках, университетских журналах и специализированных экспертных докладах, многие из которых не переводятся на русский или английский языки, что делает эти источники информации недоступными для тех, кто не владеет китайским языком. Так, например, Китайская академия социальных наук (CASS), являясь одним из ключевых экспертных институтов КНР, регулярно публикует рабочие документы на английском и китайском языках, что критически важно для международного экспертного обмена [1]. На сегодняшний день только небольшая доля российских специалистов в области российско-китайских отношений имеют прямой доступ к этим источникам на языке оригинала. Зачастую ученые вынуждены полагаться на вторичные переводы или ограниченные англоязычные версии, что неизбежно ведет к смысловым искажениям и потере аналитической глубины. Например, сложности могут возникнуть в интерпретации научных текстов,

анализирующих социальную дифференциацию в китайском обществе и, в частности, трактовку понятия «средний класс» на китайском языке. По мнению китайского социолога Лю Сюэи «...есть два выражения – чжунцзянь цзеци (中间阶层) и чжунчань цзеци (中产阶层), в которых цзеци (阶层) означает буквально страту. В переводе оба выражения могут быть применены к среднему классу. В китайской социологии имеется очень четкое различие: чжунцзянь цзеци (中间阶层) – это, как правило, профессионалы, а чжунчань цзеци (中产阶层) – средний класс в его международном понимании, т. е. те, у кого есть собственность [2, с. 73]. Прямой машинный перевод без осмысления ученым, владеющим чтением иероглифов и знающим культурный контекст, может существенно исказить смысл и повлечь за собой ошибочную трактовку, что принципиально недопустимо для экспертной аналитики.

Российские социологи, экономисты, политологи, юристы, специализирующиеся на международных отношениях с Китайской Народной Республикой, владеющие китайским языком на уровне, достаточном для профессиональной экспертной работы (не ниже HSK 5) очень востребованы на рынке труда. Владение китайским языком позволяет российскому эксперту реконструировать не только содержание, но и логику экспертного мышления китайских коллег, что является необходимым условием для подлинной, а не формальной интеграции. Тем не менее, дефицит высококвалифицированных кадров, в целом, имеет структурный характер. С одной стороны, в российских университетах (за исключением узкопрофильных востоковедческих специальностей) китайский язык преподается либо как факультативная дисциплина, либо в рамках языковых кафедр, изолированно от социологической подготовки, а, с другой стороны, отсутствуют адаптированные образовательные стандарты, модули и методики, формирующие билингвальные экспертные компетенции. Как правило, работодатели при приеме на работу ориентируются скорее на формальные сертификаты HSK, нежели на реальную способность специалиста работать с китайской экспертной аналитикой в своей предметной области и профессиональной коммуникации, а российские экспертные институты (например, общественные палаты, экспертные советы при органах власти) редко включают в свои регламенты требование владения китайским языком, даже при рассмотрении вопросов, связанных с сотрудничеством с КНР.

В последние десятилетия активно развиваются прямые партнерские связи между российскими и китайскими образовательными и экспертными институтами. Так, в 2018 г. НИУ ВШЭ и Национальный институт педагогических исследований Китая (NIES, исследовательское подразделение министерства образования КНР, которое в значительной степени отвечает за формирование образовательной политики в стране и издает главный китайский научный журнал в области педагогики и образования) заключили соглашение о совместном 10-летнем проекте «Сравнительный анализ возможных стратегий модернизации систем образования в России и Китае до 2030 года» [4]. В рамках этого проекта ежегодно проводятся тематические мероприятия с участием широкого круга экспертов, издается совместная научная литература о состоянии образования в обеих странах, организуются стажировки молодых ученых и аспирантов в институтах-партнерах [4].

Важным направлением развития выступает формирование в российских университетах (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, учитывая географическую близость к КНР и многолетние связи с китайскими вузами) двуязычных экспертных групп, сочетающих социологическую подготовку и углубленное изучение китайского языка. Как показывает практика, даже минимальное присутствие в исследовательской команде специалиста, владеющего китайским языком, существенно расширяет возможности анализа китайского сегмента интернета, официальных документов и экспертных публикаций. Те проекты, где в рабочие группы входили специалисты, владеющие китайским языком на профессиональном уровне, демонстрировали наиболее высокие результаты в подготовке совместных экспертных заключений и аналитических докладов.

Показателен в этом отношении опыт Иркутского государственного университета, который на протяжении многих лет поддерживает партнерские отношения с вузами КНР

(Ляонинский университет, Харбинский педагогический университет, Цилиньский университет и др.). Важно подчеркнуть, что в 2026 г. у ИГУ больше всего университетов-партнеров именно с Китайской Народной Республикой – более 50 партнеров в разных городах Китая, и это число постоянно растет [5]. Каждый пример такого сотрудничества подразумевает обмен студентами и преподавателями в рамках международной академической мобильности, научные проекты, проведение совместных исследований и конференций, открытие новых лабораторий, где работают специалисты из двух стран. Так, например, в 2025 г. запущена совместная магистерская программа с Тайюаньским технологическим университетом «Иностранные языки и международная коммуникация», предполагающая обучение как в Китае, так и в России [3]. Данный пример демонстрирует, что языковая подготовка выступает не просто вспомогательным элементом, а институциональной основой для развития полноценного экспертного сотрудничества. В дальнейшем следует обратить внимание на создание совместных профильных магистерских программ с китайскими университетами-партнерами, где профессиональные дисциплины (социология, методы экспертного анализа, прогнозирование и проектирование и др.) будут интегрированы с курсом китайского языка в профессиональной сфере.

В заключение отметим, что китайский язык в российско-китайском образовательном пространстве выступает не просто средством коммуникации, а системообразующим фактором развития экспертных институтов. Он определяет доступ к экспертному знанию, аккумулируемому китайскими вузами, влияет на качество двустороннего экспертного сотрудничества и формирует профессиональную экспертно-аналитическую культуру.

Литература

- 1.中国社会科学院社会学研究所 // Institute of Sociology of Chinese Academy of Social Sciences, CASS. URL: <http://sociology.cssn.cn/zgdxsj/gywm/> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Миняев Т. Р., Чжао Х. Структурные ориентиры китайской социологии в изучении общественной дифференциации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10. С. 70–75.
3. Новая программа магистратуры ИГУ совместно с Тайюаньским университетом // Иркутский государственный университет. URL: <https://isu.ru/ru/news/2025/details/news-id2025march27magisterChina> (дата обращения: 12.05.2026).
4. НИУ ВШЭ и Национальный институт педагогических исследований Китая начинают проект в области образования // Высшая школа экономики. URL: <https://iqf.hse.ru/news/science/209298808.html> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Университеты-партнеры ИГУ // Иркутский государственный университет. URL: https://isu.ru/ru/university/international_dep/partner_univer/ (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 316.334.3:364:616-036.21(510)

Юньцзян Лай

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ COVID-19

Доказывается, что в Китае правительство сыграло определяющую роль в победе над COVID-19 посредством принятия ряда мер в области социального обеспечения. Обосновано, что своевременное внедрение правительственных решений в условиях пандемии привело к трансформации системы социального обеспечения, сделав ее более адаптированной для функционирования в постковидный период. Сделан вывод, что общественное мнение в Китае менялось в зависимости от этапа развития эпидемии и корректировки правительством мер по ее ликвидации, но в целом преобладали рациональность, оптимизм, сплоченность и уверенность.

Ключевые слова: политика социального обеспечения, COVID-19, медицинское страхование, социальное страхование, социальная помощь, благотворительная помощь.

CHANGES IN CHINA'S SOCIAL SECURITY POLICY IN RESPONSE TO THE COVID-19 PANDEMIC

In China, the government played a decisive role in defeating COVID-19 through a range of social security measures. The timely implementation of government decisions during the pandemic led to a transformation of the social security system, making it more adaptable for the post-COVID era. Public opinion in China fluctuated depending on the stage of the epidemic and the government's adjustments to its response measures, but overall, rationality, optimism, unity, confidence prevailed.

Keywords: social security policy, COVID-19, health insurance, social insurance, social assistance, charitable assistance.

В Китайской Народной Республике (КНР) пандемия COVID-19 характеризовалась самым быстрым распространением и самым широким охватом инфекции. Это инфекционное заболевание стало настоящим вызовом социально-экономическому развитию страны и повседневной жизни населения. Для реагирования на этот кризис и контроля над вирусом правительство Китая создало мощные механизмы управления и контроля. Эти меры оказались достаточно рациональны и эффективны. Пандемия в Китае была взята под контроль. Ниже представлены основные направления, которые отражают изменения в реализации политики социального обеспечения с учетом понимания необходимости поддержки населения в кризисных обстоятельствах.

1. Медицинская страховка устраняет любые чрезмерные опасения. На ранних этапах пандемии COVID-19 Национальная комиссия здравоохранения КНР действовала оперативно, совместно с Министерством финансов КНР выпустив Уведомление о мерах медицинской безопасности в связи с эпидемией новой коронавирусной пневмонии. В этом Уведомлении говорилось о непосредственном включении в сферу действия медицинского страхования медицинских услуг и лекарств, связанных с COVID-19, тем самым расширив перечень услуг в медицинском страховании. Одновременно, чтобы пациенты с COVID-19 не отказывались от лечения из-за его стоимости, в Уведомлении неуклонно требовалось внедрить комплексные меры защиты. В нем оговаривалось, что государство будет субсидировать часть личных расходов, понесенных подтвержденными пациентами после оплаты услуг в соответствии с принятыми правилами. Впоследствии провинциальные органы здравоохранения Китая распространили действие этой политики на все подозреваемые случаи. Также Уведомление включало комплексные меры защиты, предусматривающие государственные финансовые субсидии для подтвержденных пациентов после завершения предписанных платежей. Впоследствии это покрытие было распространено на подозреваемые случаи. Для пациентов, обращающихся за лечением за пределами своего места регистрации, была введена политика медицинского страхования «сначала лечение, потом оплата», гарантирующая немедленный доступ к медицинской помощи для всех пациентов. Одновременно с этим местные органы медицинского страхования приняли активные меры, создав специальные «ускоренные каналы» (оплата в кратчайшие сроки расходов на медицинскую помощь, не покрываемую страховкой; усиление мер по централизованным закупкам лекарственных средств в чрезвычайных ситуациях; организация авансовых выплат из фонда медицинского страхования; обеспечение непрерывности обслуживания по медицинскому страхованию в праздничные дни; оказание медицинской помощи незастрахованным лицам, включая финансирование страховых взносов; предварительная оплата расходов органами медицинского страхования для пациентов, получающих медицинскую помощь за пределами проживания), тем самым, оптимизировав как доступ к медицинской помощи, так и процедуры возмещения расходов. Эта серия мер медицинского страхования гарантирует, что пациенты с COVID-19 не столкнутся с препятствиями в лечении из-за финансовых или географических ограничений, что позволяет им не беспокоиться [1].

2. Социальная помощь обеспечивает базовый уровень жизни. В период профилактики пандемии в новостях часто появлялись сообщения о печальных случаях, связанных с отсут-

ствием ухода или изоляцией. Выживание уязвимых групп населения, в том числе бездомных в городах, людей без семьи, дохода или средств к существованию, а также пожилых людей и детей, оставшихся в сельской местности, стало предметом пристального внимания на национальном уровне. Для обеспечения базовых средств к существованию уязвимых групп населения Министерство по гражданским делам КНР активно изучало новые подходы к оказанию помощи в первую очередь в отношении лиц, испытывающих финансовые затруднения. Во-первых, для столкнувшихся с экономическими трудностями, Министерство по гражданским делам и Центральная группа по профилактике и контролю эпидемий Китая последовательно издавали директивы, требующие от партийных комитетов всех уровней проведение тщательного расследования положения уязвимых групп населения. Активизация усилий по оказанию помощи заключалась в применении более гибких методов поддержки, чтобы трудности не переросли в кризис выживания из-за пандемии. Одновременно для тех, кто испытывал временные трудности, вызванные вспышкой заболевания, была внедрена модель «превентивной помощи». Домохозяйства, столкнувшиеся с трудностями из-за заражения COVID-19, могли получить денежную помощь авансом, а формальные процедуры были завершены после ослабления пандемии. Во-вторых, для особых групп, таких как изолированные пожилые люди и несопровождаемые дети в городских и сельских районах, были приняты следующие меры: 1) бесплатная раздача масок, продуктов питания и других средств профилактики эпидемии; 2) усиление посещений на дому для оперативного удовлетворения их потребностей. Наконец, для лиц, задержавшихся в городе Ухань из-за поездок или рабочих обязательств и столкнувшихся с проблемами проживания, была принята модель временной помощи, которая сочетала прямую финансовую помощь и материальную поддержку. Первая включала предоставление нуждающихся в единовременных субсидий на проживание, вторая – создание специальных центров размещения, предлагавших бесплатное проживание и питание, что эффективно обеспечивало базовый уровень жизни этой группы [2].

3. Благотворительная помощь в поддержку профилактики и борьбы с эпидемией. Под руководством Центрального комитета партии Министерство гражданской администрации КНР неоднократно издавало документы, призывающие социальные силы активно участвовать в борьбе с пандемией. Благотворительные организации по всей стране откликнулись с энтузиазмом, и многие организации, такие как Китайская федерация благотворительности, Китайский фонд социального обеспечения и Общество Красного Креста, последовательно запустили несколько благотворительных проектов и кампаний по сбору средств. На протяжении всего периода пандемии 21 страна оказала Китаю материальную и финансовую помощь. Южная Корея, Япония, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Казахстан, Пакистан, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Венгрия, Беларусь, Турция, Иран, ОАЭ, Алжир, Египет, Австралия, Новая Зеландия, Тринидад и Тобаго инициировали благотворительные мероприятия по сбору средств по всему миру для доставки медицинских товаров на передовую борьбы с пандемией в Китае. Иностранные компании, для которых китайский рынок имеет большое значение – такие как Reckitt Benckiser Group (Великобритания), Макдоналдс (США), Volvo (Швеция), Panasonic (Япония), Versace (Италия), Samsung (Южная Корея), Bayer (Германия) и многие другие, – также активно выполняли свои обязанности и отдавали долг обществу. С одной стороны, они делали пожертвования в виде денежных средств и материалов через государственные органы и благотворительные организации. С другой стороны, используя свои собственные сильные стороны, они активно участвовали в производстве материалов для профилактики эпидемии, постоянно разрабатывая новые производственные линии для медицинских товаров, таких как маски и защитная одежда. Кроме того, волонтерские услуги стали незаменимым и жизненно важным компонентом профилактики и контроля эпидемии. В разгар кризиса многочисленные волонтерские колонны инициативно взяли на себя важные обязанности по транспортировке грузов и перевозке медицинского персонала. Волонтеры также составили основу усилий общества по проведению эпидемиологического скрининга, распространению знаний о профилактике, а также закупке и распределению предметов первой необходимости для жителей. На протяжении всего этого «стресс-теста»

пандемии благотворительная помощь продемонстрировала значительные преимущества в мобилизации социальных сил, сборе ресурсов и координации усилий [3].

4. *Социальное страхование способствует возобновлению работы и производства.* В целях реализации важных указаний генерального секретаря Си Цзиньпина о точном, упорядоченном и надежном возобновлении работы и производства Министерство человеческих ресурсов и социального обеспечения, Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство промышленности и информационных технологий и другие ведомства Китая скоординировали свои усилия для реализации двустороннего подхода, который включал поддержание мер по профилактике и контролю эпидемии при одновременной поддержке предприятий в возобновлении работы и производства. Во-первых, были в полной мере использованы положительные эффекты страхования по безработице. С момента вспышки эпидемии Государственный совет интенсивно вводил меры по страхованию по безработице, продлевая сроки выплаты пособий по безработице для пожилых безработных и увеличивая размер субсидий, при этом получатели получали двойную стандартную выплату. Во-вторых, были введены временные снижения и освобождения от уплаты взносов в систему социального страхования. Уделяя особое внимание стабилизации занятости и укреплению систем социальной защиты, Министерство людских ресурсов и социального обеспечения, Министерство финансов и Государственная налоговая администрация совместно издали уведомление о введении регионального и категориального управления. С целью разумного распределения затрат на рабочую силу, которые несли предприятия, были введены льготные меры такие как снижение, возврат и субсидирование взносов предприятий в систему социального страхования. В-третьих, предприятиям, участвующим в программах страхования разрешалось отложить уплату взносов в систему социального страхования. Департамент человеческих ресурсов и социального обеспечения выпустил уведомление о продлении сроков обработки для предприятий, испытывающих операционные трудности с уплатой взносов в систему социального страхования в установленные сроки в период профилактики эпидемии. Предприятиям разрешалось отсрочить оформление страхования сотрудников, уплату взносов и другие связанные с этим процедуры социального страхования, при этом права и интересы сотрудников оставались нетронутыми [4].

5. *Социальные представления китайского народа о пандемии COVID-19.* Мнение китайского народа о пандемии менялось в зависимости от этапа развития эпидемии и корректировки правительством мер по ее ликвидации, при этом в целом преобладали такие настроения как рациональность, оптимизм, сплоченность и уверенность.

5.1. Изменение общественного настроения: от паники к рациональному подходу, а затем к юмору и принятию.

Начальный этап (2020–2021 гг.). Столкнувшись с неизвестным вирусом, общественность в целом испытывала тревогу и беспокойство, но при этом полностью доверяла мерам правительства по предотвращению и сдерживанию распространения вируса и активно соблюдала требования по карантину, тестированию на COVID-19 и т. д. [5].

Средний этап (период распространения штамма «Омикрон» в 2022 г.). По мере ослабления патогенности вируса, повсеместного внедрения вакцинации и накопления опыта в области профилактики и контроля общественное сознание стало более зрелым. С одной стороны, люди по-прежнему уделяли внимание мерам защиты, с другой – начинали снимать напряжение с помощью самоироничного юмора, например, широко распространились интернет-мемы, в которых шутили о «лучшем периоде для заражения», «переболели» и «выздоровели» [6].

Текущий этап (2026 г.). В настоящее время большинство населения Китая рассматривает COVID-19 как распространенное респираторное инфекционное заболевание, сходное с гриппом, не поддаётся чрезмерной панике и уделяют больше внимания управлению собственным здоровьем и восстановлению общественного порядка [7].

5.2. Основной консенсус: поддержка принципа «Народ превыше всего, жизнь превыше всего».

В настоящее время в Китае широко признается, что строгие меры контроля, принятые государством на начальном этапе пандемии, эффективно защитили жизни людей и, в частности, позволили избежать перегрузки медицинских ресурсов. Высоко оцениваются такие меры как бесплатная вакцинация, гарантированное лечение тяжелых случаев и раздача наборов медицинских средств, которые, по мнению опрошенных, воплощают принцип «спасать жизни любой ценой». Представители групп высокого риска (пожилые люди, пациенты с хроническими заболеваниями и их родственники) с осторожностью относятся к корректировке мер по борьбе с пандемией, но при этом понимают необходимость их «оптимизации с учетом текущей ситуации» [7].

5.3. Социальная сплоченность общества через воспоминания о «народной войне», в которой все были едины.

Общественность высоко оценила самоотверженность работников первой линии (медицинских работников, курьеров, волонтеров, сотрудников местных администраций и других), назвав их «опорой Китая». В период карантина повсеместно наблюдались проявления взаимопомощи в сообществах и в поддержке соседей, что укрепило коллективное осознание принципа «если у кого-то беда, все спешат на помощь». Сформировавшиеся во время пандемии привычки цифровой жизни (такие как онлайн-покупки, «код здоровья», удаленная работа) были повсеместно приняты и сохранены [8].

5.4. Уверенность в будущем: вера в то, что страна и общество восстановятся быстрее.

Согласно социологическим данным, уже в 2022 г. большинство людей считали, что Китай смог преодолеть самый сложный период пандемии, а экономическая и социальная активность восстанавливается. Люди возлагали надежды на способность государства управлять страной и на совершенствование системы общественного здравоохранения (например, увеличение количестваоек в отделениях интенсивной терапии). Широко распространилось неприятие подхода «сдаться» или полного бездействия. Люди выступали за то, чтобы уделять равное внимание научно обоснованным и точным мерам профилактики и контроля в условиях новой нормальности, а также экономическому и социальному развитию [7].

Принятые правительством действия в итоге позволили снизить тревогу пациентов, инфицированных COVID-19 и их семей, которые были обременены финансовыми проблемами медицинского лечения. Также в стране удалось в полной мере мобилизовать социальные ресурсы для эффективной поддержки возобновления работы и производства. В настоящее время население Китая продолжает активно применять в ежедневной практике выработанные во время COVID-19 привычки цифровой жизни и уделяет большое внимание своему здоровью. В целом действия китайского правительства во время пандемии COVID-19 можно оценить как удовлетворительные: оно обеспечило максимальную защиту здоровья 1,4 миллиарда жителей страны. Хотя некоторые и высказывают несогласие с методами и мерами контроля правительства, чрезвычайно низкий уровень смертности говорит сам за себя.

Литература

1. Статья 2. Уведомление Национальной администрации по безопасности здравоохранения и Министерства финансов об обеспечении медицинской безопасности во время вспышки новой коронавирусной пневмонии. 国家医疗保障局 财政部关于做好新型冠状病毒感染的肺炎疫情医疗保障的通知 第2条: постановление Пекин Правительства Китайской Народной Республики от 22 января 2020 г. // Интернет-портал Правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-01/23/content_5562418.htm (дата обращения: 22.01.2026).

2. Уведомление Министерства гражданской администрации о выполнении требований центрального правительства по обеспечению базовой поддержки средств к существованию для уязвимых групп населения, пострадавших от пандемии. 民政部关于贯彻落实中央部署要求扎实做好受疫情影响困难群众基本生活保障工作的通知: постановление Пекин Правительства Китайской Народной Республики от 13 марта 2020 г. № (2020) 41 // Интернет-портал Правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-03/20/content_5493423.htm (дата обращения: 13.03.2026).

3. Уведомление Главного управления Министерства гражданской администрации о дальнейшей мобилизации профессиональных ресурсов социальной работы для участия в мероприятиях по профилактике и контролю эпидемии. 民政部办公厅关于进一步动员社会工作专业力量参与疫情防控工作的通知: постановление Пекин Правительства Китайской Народной Республики от 30 марта 2022 г. № (2022) 5 // Интернет-портал

Правительства Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-04/01/content_5682846.htm (дата обращения: 30.03.2026).

4. Статья 2,3. Министерство труда и социального страхования Министерство финансов Уведомление о расширении сферы действия пособий по безработице: 人力资源社会保障部 财政部 关于扩大失业保险保障范围的通知第 2,3 条: постановление Пекин Министерства труда и социального обеспечения от 29 мая 2020 г. № (2020) 40 // Интернет-портал Министерства труда и социального обеспечения. URL: https://www.mohrss.gov.cn/wap/zc/zcwj/202006/20200609_375841.html (дата обращения: 29.05.2025).

5. Действия Китая по борьбе с пандемией COVID-19: 抗击新冠肺炎疫情的中国行动: постановление информационного бюро Госсовета Китайской Народной Республики от 08.06.2020 г. URL: <http://jl.people.com.cn/n2/2020/0608/c349771-34070985-4.html> (дата обращения: 08.06.2025).

6. В условиях пандемии в психологическом настроении китайцев также происходят тонкие изменения: 面对疫情, 中国人的心态也在发生微妙变化 // Сайт «Гуанмин», 17.12.2022 г. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-12/17/36240588.html> (дата обращения: 17.12.2025).

7. «Мнение народа» | Китайский ответ на задачу по согласованию мер по борьбе с пандемией и экономико-социального развития: 人民要论 | 统筹疫情防控和经济社会发展的中国答卷 // Сайт «Народный форум», 16.02.2023 г. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1757973683485606312&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.02.2026).

8. Ансам Шакер Хадер. Если вы знаете китайский народ, то должны быть полностью уверены в способности Китая преодолеть эпидемию // China Today, 26.02.2020: URL: http://www.chinatoday.com.cn/zw2018/ss/202002/t20200226_800194636.html (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 338.46(470)

Т. Р. Габидуллин, Э. А. Половкина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

РАЗВИТИЕ РЫНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ЭКСПЕРТНЫХ УСЛУГ В РОССИИ

Проводится комплексный анализ рынка консалтинга как преобладающей части рынка интеллектуальных и экспертных услуг. Осуществляется обзор динамики выручки рынка за пятилетний период с объяснением причин тех или иных изменений. На базе методов известных экономистов, специализировавшихся на экономике отраслевых рынков, Фредерика Шеррера – Дона Росса и Эдварда Чемберлина – Джо Бэйна определяется тип рыночной структуры консалтингового рынка, а также даётся заключение об уровне развития рынка и его дальнейших перспективах.

Ключевые слова: экспертные услуги, консалтинг, анализ рынка, тип рыночной структуры, развитие рынка.

T. R. Gabidullin, E. A. Polovkina

Kazan Federal University, Kazan

DEVELOPMENT OF THE INTELLECTUAL AND EXPERTISE SERVICES MARKET IN RUSSIA

This article provides a comprehensive analysis of the consulting market as the predominant segment of the intellectual and expert services market. It provides an overview of market revenue dynamics over a five-year period and explains the reasons for certain changes. Based on the methods of famous economists, who specialized in the industrial organizations, Frederick Scherer – Don Ross, Edward Chamberlin – Joe Bain, the authors of the article determine the type of market structure of the consulting market and provide an assessment of the level of market development and its future prospects.

Keywords: expert services, consulting, market analysis, type of market structure, market development.

В эпоху постиндустриального общества всё большее значение для экономик развитых и развивающихся стран приобретают интеллектуальные и экспертные услуги, которые также называют «четвертичным» сектором экономики. Об этой трансформации мирового экономического устройства и возвышении «четвертичного» сектора активно высказываются и эксперты.

Так в отчёте Межамериканского банка развития (IDB) «Trade and Integration Monitor 2024: Bucking the Trend – The Potential of Knowledge-Based Services» за 2024 г. подчеркивается резкий рост и устойчивость KBS (Knowledge-Based Services – наукоёмкие услуги) на фоне замедления мировой торговли товарами: «После пандемии устойчивость мировой торговли

услугами, особенно услугами, основанными на знаниях, свидетельствует о растущей значимости этого сектора на нынешнем этапе глобализации» [5]. В 2024 г. президент ВЭО России, член-корреспондент РАН Сергей Бодрунов высказался о нарастающем значении интеллектуальных и экспертных услуг для экономик России и всего мира: «Экономика знаний... становится главным источником роста, а на её долю в ВВП развитых стран приходится до 40 %. Для сравнения в России этот показатель составляет 14 %» [6].

Интеллектуальные и экспертные услуги – это экономическая категория, охватывающая виды деятельности, основанные на знаниях. Это услуги, исполнители которых обладают высококачественными, профессиональными, уникальными знаниями в какой-либо сфере. К ним относится широкий перечень различных услуг, таких как консалтинг, аналитика, проектирование, дизайн, разработка ПО, обучение, PR и т. д. При этом до сих пор перечень и границы интеллектуальных и экспертных услуг не определены.

В данной работе мы осуществим обзор рынка интеллектуальных и экспертных услуг на основе анализа рынка консалтинга в России. Мы решили ограничить объект исследования и остановиться именно на рынке консалтинга, поскольку он является наиболее разнообразным и охватывает различные виды деятельности в сферах экономики, финансов, юриспруденции, маркетинга, подбора персонала, IT. Мы исключили из анализа узкие и трудноизмеримые рынки, такие как дизайн, научные исследования, инжиниринг и прочие, поскольку их включение потребовало бы дополнительного анализа сотен малых компаний, что несоизмеримо с исследовательскими задачами и ресурсами.

Для анализа были взяты консалтинговые компании, входящие в топ-200 по выручке. Данное количество охватывает основной объем рынка, поскольку выручка фирмы, расположенной на двухсотом месте, составляет всего около 3 млн руб. в год. Такой рейтинг ежегодно составляет рейтинговое агентство RAEX [12]. В ходе исследования будет проанализирована общая динамика рынка, оценены уровень концентрации и степень дифференциации продукта.

Для начала рассмотрим структуру рынка консалтинга по направлениям деятельности. По итогам 2024 г. рыночные доли видов консалтинга по выручке распределились следующим образом: IT-консалтинг – 33 %, область производства услуг и товаров – 14 %, финансовый – 13 %, налоговый и юридический – 12 %, стратегическое планирование и маркетинг – 11 % и т. д. [12].

Общая динамика рынка за пятилетний период представлена на рисунке.

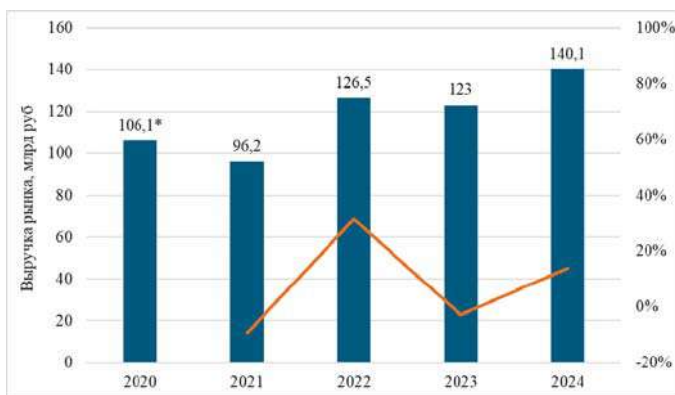

Рис. Динамика совокупной выручки консалтингового рынка за 5 лет, млрд руб.

* Источник: составлено автором на основе [12]

* – по итогам 2020 г. «РАЕХ» составил рейтинг только ста лучших консалтинговых компаний по объему выручки, поэтому отображенное в гистограмме число – это приблизительное значение, полученное при помощи экстраполяции тренда на основе доли.

За последние 5 лет в целом наблюдается тренд на рост рынка со средним темпом прироста 7,2 %.

2020 г. характеризуется, прежде всего, противопандемийными ограничениями, которые вызвали уменьшение спроса на консалтинговые услуги из-за сокращения бюджетов в целом у потенциальных клиентов. Там, где запрос на консалтинг сохранялся, зачастую переносились сроки, менялся формат на онлайн. Достаточно высокое значение выручки за 2020 г. говорит о том, что данный сегмент рынка оказался достаточно гибким, он подстроился под спрос на обеспечение переноса процессов в онлайн, диджитализацию (IT-консалтинг) и на финансовый консалтинг (многие компании стремились рационально сократить издержки и разработать формы работы в текущих обстоятельствах) [10].

Снижение выручки в 2021 г. можно объяснить уменьшением спроса на услуги под «приспособление» к работе в условиях пандемии, при этом бюджеты компаний-клиентов ещё не восстановились и не все проекты были «разморожены». Большая часть запросов была в сфере юридического консалтинга и касалась интерпретации и применения мер государственной поддержки бизнеса в связи с распространением COVID-19.

2022 г. характеризовался давлением на отечественный рынок беспрецедентного количества санкций и ограничений и уходом западных компаний-потенциальных клиентов. Вопреки ожиданиям совокупная выручка рынка показала +31 % к предыдущему году и составила 126,8 миллиардов долларов. Это может объясняться увеличением спроса на услуги отечественного консалтинга в связи с уходом западных конкурентов, повышением спроса на консультации по антикризисному управлению, что подтверждают высказывания экспертов. [13] Также увеличилась суммарная выручка компаний, предоставляющих услуги по стратегическому планированию, она составила 10,5 млрд руб. – 10 % от объема по ранкингу в 2022 г.

Ситуацию на рынке отечественного консалтинга в 2023 г. можно охарактеризовать словами управляющего партнера группы компаний SRG Фёдора Спиридонова: «В консалтинге сформировался определённый баланс спроса и предложения. Общий объём рынка существенно не растёт и не падает. Заказчики готовы платить за качественный сервис, репутацию консультанта, комплексную экспертизу и постпродажное сопровождение» [9]. Установление данного баланса сопровождалось в целом незначительным снижением выручки по рынку, при этом резко, на 24 % вырос сектор IT-консалтинга, который достиг 28,7 млрд руб., что составило 23 % от всего консалтингового рынка. Данный тренд сохранится и в последующем и может объясняться более активной практикой внедрения отечественного программного обеспечения, старта использования ИИ в бизнес-задачах и повышением спроса на обеспечение информационной безопасности [9].

Экономика России в 2024 г. во многом определялась высокой ключевой ставкой и, соответственно, снижением возможности кредитования и инвестиционной деятельности, поэтому бизнес не был готов финансировать новые проекты, вместо этого вырос спрос на способы налоговой оптимизации, повышение операционной эффективности бизнеса [7]. При этом продолжился тренд на внедрение отечественного ПО, это привело как к росту доли IT-консалтинга до 30 % от рынка, так и к валовому росту, за 2024 г. выручка этого сектора составила 46,3 млрд руб. [12]. Выручка всего рынка консалтинговых услуг достигла 140 млрд руб., что является максимумом за анализируемые 5 лет, рост к предыдущему году составил 13,9 % [12].

Исходя из приведенных данных за 5 лет, отечественный рынок консалтинговых услуг можно охарактеризовать как успешный и перспективный и прогнозировать дальнейший рост.

Для определения типа рыночной структуры используем методы Э. Чемберлина и Дж. Бейна, а также Ф. М. Шеррера и Д. Росса, оценив 8 ключевых показателей как совокупности наиболее значимых характеристик рынка. Данные методы для российских экономических реалий были скорректированы на основе рекомендаций Приказа ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» и подробно описаны в учебных пособиях по экономике отраслевых рынков. Попутно кратко опишем каждую из этих характеристик на основе данных за 2024 г. Показатели и способ присвоения баллов представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Способ начисления баллов по каждому критерию

Критерий	Обозначение	Оценка в шкале отношений (балл)				
		0	0,25	0,5	0,75	1
1. Число участников рынка	N	1	2–10	10–30	30–100	Более 100
2. Индекс концентрации	CR	0–0,2	0,2–0,4	0,4–0,6	0,6–0,8	0,8–1
3. Индекс Херфиндаля-Хиршмана	HNI	0–500	500–1000	1000–2000	2000–6000	6000–10000
4. Барьеры входа-выхода	HV	Отсутствуют	Незначительные	Средние	Существенные	Высокие
5. Контроль над ценами	CP	Контроль невозможен	Варьирование в широком диапазоне	Цены являются базовыми для всех продавцов	Достаточная способность влиять на цену	Высокая степень
6. Степень ин-мированности (неопределённости)	E	-460– (-200)	-200–(-100)	-100–(-20)	-20–(-5)	-5–0
7. Степень дифференциации продукции	DP	Уникальная	Незначительная дифференциация	Стандартная продукция	Дифференцированная	Высокодифференцированная
8. Эластичность спроса по цене	ED	Малоэластичный	Малоэластичный	Среднеэластичный	Высокоэластичный	Высокоэластичный

* Источник таблицы: [2]

Таблица 2

Таблица диагностики рыночной структуры

Критерий классификации	Тип рыночных структур					
	Монополия	Олигополия	Квазимонополия	Монополистическая конкуренция	Квазисовершенная конкуренция	Совершенная конкуренция
Число участников рынка (продавцов)	0	0,25	0,5	0,5	0,75	1
Индекс концентрации	1	0,75	0,75	0,5	0,25	0
Индекс Херфиндаля – Хиршмана	1	0,75	0,5	0,5	0,25	0
Барьеры входа-выхода	1	1	0,75	0,5	0,25	0
Контроль над ценами	1	0,75	0,75	0,5	0	0
Степень неопределённости	0	0,25	0,25	0,5	0,75	1
Степень дифференциации продукции	0	0,75	0,75	1	0,25	0,5
Эластичность спроса по цене	0	0,25	0,25	0,5	0,75	1

* Источник таблицы: [2]

1. Число участников рынка (продавцов). Определить точное количество консалтинговых компаний, функционирующих в России, крайне затруднительно. Данные в различных источниках расходятся от нескольких тысяч до десятков тысяч. Такие расхождения обусловлены несколькими причинами. Во-первых, консалтинг – это не строго определённый юридический термин, различают ИТ-консалтинг, кадровый, юридический, консалтинг в области торговли и многие другие виды. Во-вторых, эксперты отмечают, что рынок консалтинга достаточно закрыт [1]. Частные консультанты и небольшие команды часто работают без оформления юридического лица или вовсе функционируют «в тени», поэтому выпадают из официальной статистики. Однако мы точно можем сказать, что компаний на этом рынке больше сотни, поэтому за этот критерий мы присваиваем 1 балл.

2. Индекс концентрации. Данный индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$I_c = \frac{1}{n}$$

где n – число фирм на рынке.

Как мы уже отмечали, определить точное количество компаний на рынке консалтинга затруднительно, но даже если мы возьмем минимальные 200 компаний, которые приводят в своём рэнкинге «РАЕХ», или 3 тыс. компаний, которые по уставу позиционируют себя как консалтинговые, то значение индекса концентрации всё равно получится крайне малым и соответствующим 0 баллов. $I_c = \frac{1}{200} = 0,005$; $I_c = \frac{1}{3000} \approx 0,0003$

3. Индекс Херфиндала-Хиршмана. Он определяется как сумма квадратов долей всех фирм, действующих на рынке. Мы будем определять долю по выручке компаний. Подсчёт этого индекса по двумстам консалтинговым компаниям будет релевантным, поскольку последняя компания в этом рэнкинге по итогам 2024 г. имеет выручку в размере 3 104 000 руб. и его рыночная доля составляет всего около 0,002 %. Рассматривать компании с меньшими оборотами было бы нерационально.

По нашим подсчетам, индекс Херфиндала – Хиршмана консалтингового рынка на начало 2025 г. составил примерно 349,48 баллов, что является низким показателем и характеризует рынок как низкоконцентрированный. Примерно такая же ситуация была и в предыдущие годы, и в последующие годы вряд ли что-то изменится. Лидер рынка по выручке в 2024 г. Группа IBS – крупнейшая компания в сфере IT-консалтинга имеет рыночную долю лишь в размере около 8,5 % [12].

4. Барьеры входа-выхода. На рынке консалтинга наблюдается противоречивая ситуация в области барьеров. Законодательные и административные барьеры на этом рынке буквально отсутствуют: в отличие от аудита и оценочной деятельности, чистый консалтинг в России не лицензируется. Также и финансовые барьеры (капитальные затраты) незначительны, поскольку консалтинговая деятельность требует минимальных инвестиций: поначалу достаточно зарегистрировать юридическое лицо или ИП, иметь несколько компьютеров и оплатить аренду небольшого офиса. Основные расходы на этом рынке приходятся на фонд оплаты труда квалифицированных специалистов, поэтому барьеры выхода можно охарактеризовать как незначительные. Однако рыночные и репутационные барьеры на рынке существенны: особенность рынка консалтинга в том, что здесь нет четких стандартов и формальных критериев качества работы, поэтому ключевым фактором при выборе для клиентов становится репутация компании. Для того чтобы построить действительно крупную компанию и конкурировать с лидерами определенных секторов консалтинга, необходимо завоевать доверие клиентов, усердно работать над имиджем компании, а это требует большого количества ресурсов и времени, что затрудняет вход на рынок новичков. При этом простым будет и процесс набора квалифицированной команды.

Однако в этом вопросе стоит обратиться и к статистике: только в рэнкинге по итогам 2024 г. располагаются 12 компаний, показавших годовой темп прироста выручки более 100 %, т. е. им удалось за год совершить невероятный скачок, расширить свой бизнес и значительно улучшить свои позиции в рэнкинге или вообще впервые в него попасть [12]. К тому же ежегодно в топ-200 наиболее успешных консалтинговых компаний входит множество новичков, которые раньше были вне рейтинга, что может говорить о том, что барьеры входа всё же преодолимы.

Проанализировав все вышеперечисленные особенности, общие границы консалтингового рынка России можно охарактеризовать как средние: начать своё дело на этом рынке достаточно легко, но добиться устойчивого успеха трудно. Мы присваиваем за этот показатель 0,5 баллов.

5. Контроль над ценами. На рынке консалтинга можно выделить три основных ценовых сегмента стоимости услуг:

– Высший ценовой сегмент. Здесь устанавливаются самые высокие цены и работают крупнейшие консалтинговые компании России. К ним можно отнести Strategy Partners, Skolkovo Consulting, «Б1», «ТеДо», Kept и др. Стоимость проекта здесь может составлять десятки миллионов рублей. Такая цена обосновывается огромным опытом, репутацией, брендом, уникальными методиками [8].

– Средний ценовой сегмент. Цена услуг здесь может быть на 50–70 % ниже, чем у компаний премиум-сегмента. Ориентация на малый и средний бизнес. К компаниям этого сегмента можно отнести Unicon, OptiTeam, LTC, «Лемчик, Крупский и Партнеры» и др. Цена здесь во многом зависит от сложности проекта, срочности и репутации компании.

– Низкий ценовой сегмент. Здесь функционируют региональные компании и частные консультанты. Это самая массовая и менее консолидированная часть рынка. На рынке таких услуг высокая конкуренция, барьеры входа низкие, а ценовая конкуренция остра. Цены на услуги здесь значительно ниже и могут начинаться от нескольких тысяч рублей [11].

Таким образом, можно сказать, что среди крупных консалтинговых компаний, в премиум-сегменте возможность контролировать цену достаточно высокая, поскольку для больших клиентов, которые реализуют масштабные проекты, требующие привлечения специалистов, консультантов высокого класса, выбор невелик. А небольшие конторы, частные консультанты уже не обладают возможностью контролировать цены из-за высокой конкуренции. Исходя из этого, рассматриваемую характеристику рынка консалтинга в целом мы охарактеризуем как «Достаточная способность влиять на цену» (0,75 баллов).

6. Степень информированности (или неопределённости). Данный коэффициент характеризует степень неизвестности, неуверенности рынка. Лариса Владимировна Рой в своём учебнике по анализу отраслевых рынков объясняет значение данного показателя следующим образом: «Чем больше степень неопределённости на рынке, тем выше уровень конкуренции» [4, с. 38]. Формула коэффициента энтропии выглядит следующим образом:

$$E = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n S_i \cdot \ln \frac{1}{S_i}$$

где S_i – доля продажи товаров (оказания услуг) i -й фирмой на рынке; n – число фирм, действующих на рынке.

Рассчитав данный показатель по долям выручки для двухсот крупнейших консалтинговых компаний, мы получили значение –0,298. Согласно методике, начисляем 1 балл по данному показателю.

7. Степень дифференциации. Российский рынок консалтинга является высокодифференцированным. И это ключевое его свойство. Во-первых, консалтинг включает в себя десятки разнообразных направлений: финансовый консалтинг, налоговый, юридический, оценка, маркетинг, управление персоналом, IT и др. Во-вторых, услуги на рынке консалтинга сильно разнятся по стоимости и уровню экспертизы: от многомиллионных проектов «под ключ» от «наследников» «Большой четвёрки» до точечной экспертизы малого бизнеса от частных консультантов. К тому же и мнимая дифференциация играет значительную роль: в отсутствие физического продукта клиенты при выборе основываются на доверии, бренде и репутации, а консалтинговые компании активно работают над формированием этих составляющих. Именно через создание уникального предложения компании конкурируют за клиента.

Таким образом, присваиваем по данному показателю значение «Высокодифференцированная» и начисляем 1 балл.

8. Эластичность спроса по цене. Здесь та же ситуация, что мы уже описывали в пункте 5 «Контроль над ценами». В высоком ценовом сегменте эластичность спроса низкая: здесь выбор консалтинговой компании основывается на репутации, опыте, доверии, уникальной экспертизе и способности решить сложную, нетипичную задачу. Цена здесь является вторичным фактором, поскольку ставки высоки и клиенту важна гарантия успешного результата. К тому же совсем небольшое число компаний способны работать с масштабными и сложными проектами, поэтому если крупному клиенту нужна будешь помощь с подобным проектом, то выбор у него будет невелик и он будет готов платить повышенную цену за уверенность в качестве исполнения. В низком же ценовом сегменте клиенты (в основном малый бизнес) крайне чувствительны к цене и легко могут найти замену среди огромного числа консалтинговых компаний и частных консультантов, если цена какой-то из них покажется слишком высокой. Это приводит к «ценовым войнам», особенно на стандартизированные услуги [14]. Поэтому спрос на всём рынке мы охарактеризуем как среднеэластичный, это 0,5 баллов.

Подведем итог нашему анализу рыночной структуры консалтингового рынка, подсчитав количество показателей, характеризующих тот или иной тип рыночной структуры (если численное значение показателя по таблице соответствует нескольким типам рыночной структуры, то мы относим этот показатель к обоим типам):

4 показателя – Совершенная конкуренция;

3 показателя – Монополистическая конкуренция;

1 показатель – Квaziмонополия;

1 показатель – Олигополия.

По данной методике консалтинговый рынок является совершенной конкуренцией. Однако делать окончательный вывод о типе рыночной структуры лишь по одной методике, без более глубокой оценки было бы неверно. Скорректируем полученный вывод на основе анализа качественных признаков нашего рынка. Рынок консалтинга является конкурентным (особенно в низком ценовом сегменте), крайне дифференцированным по специализации, репутации и бренду, качеству и опыту команды. К тому же, как мы уже отмечали ранее, на этом рынке очень важную роль играет неценовая конкуренция, которая выражается в активной работе консалтинговых компаний над формированием своего бренда, имиджа и завоеванием доверия клиентов. Барьеры для входа на данный рынок незначительны.

Всё вышеперечисленные наблюдения являются признаками монополистической конкуренции [3, с. 290–291]. Однако не на всём рынке ситуация идентична. В высоком ценовом сегменте доминирует небольшое количество крупных компаний (IBS, «Б1», «Кэпт», «ТеДо» и др.). Топ-10 компаний генерируют около 44 % выручки всего рынка. Разрыв в уровне экспертизы, масштабе между компаниями низкого и премиум ценовых сегментов внушителен, поэтому крупных игроков, создающих масштабные и сложные проекты, могут обслуживать лишь несколько компаний. Это характерные черты олигополии.

По итогам более глубокого анализа можно сказать, что рынок консалтинга представляет собой двухуровневую структуру. На верхнем уровне, где работают крупнейшие компании рынка с большими бюджетами и сложными проектами, рыночная структура представляет собой олигополию. На нижнем же уровне, где функционируют тысячи малых и средних фирм, царит монополистическая конкуренция.

Подводя итог всей работе, можно сказать, что рынок интеллектуальных и экспертных услуг, на примере рынка консалтинга, в России имеет значительные перспективы развития. Рынок успешно адаптировался к новой реальности, уход иностранных компаний и курс на импортозамещение не только не замедлили темпы роста, но и стали драйвером развития, открыв новые возможности для отечественных компаний. Выручка в размере 140 млрд руб. с приростом в 13,9 % задаёт тон дальнейшему росту. Уехавшие консультанты в большинстве возвращаются в страну или переходят на гибридные форматы работы. Эксперты также рассматривают возможность расширения работы отечественных компаний в страны СНГ, Средней Азии и страны БРИКС.

Литература

1. Киселев С. В., Сабиров И. Ф. Анализ основных тенденций формирования и развития рынка консультационных услуг в России // Вестник Технологического университета. 2025. № 1. С. 187–192. URL: <https://vestniktu.ru/ru/nauka/article/59729/view> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Лешкова А. И., Верховец О. А. Методика определения типа рыночной структуры: теория и практика (на примере нефтяного рынка России) // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2013. № 3. С. 70–77.
3. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2025. 624 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2181627> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Рой Л. В., Третьяк В. П. Анализ отраслевых рынков : учебник. М. : ИНФРА-М, 2008. 442 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/137163> (дата обращения: 18.04.2026).
5. Bucking the trend: the potential of knowledge-based services / Paolo Giordano, Rosario Campos, Romina Gayá, Kathia Michalczewsky; coordinator, Paolo Giordano. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Trade-and-Integration-Monitor-2024-Bucking-the-Trend-The-Potential-of-Knowledge-Based-Services.pdf> (дата обращения: 18.04.2026).

6. В «Российской газете» вышла авторская колонка президента ВЭО России Сергея Бодрунова // Вольное экономическое общество России. URL: <https://veorus.ru/события/новости/v-rossiyskoy-gazete-vyshla-avtorskaya-kolonka-prezidenta-veo-rossii-sergeya-bodrunova/> (дата обращения: 07.04.2026).

7. Как высокие ставки изменили российский консалтинг // РБК. URL: <https://companies.rbc.ru/news/x1Fas9Kmc1/kak-vyisokie-stavki-izmenili-rossijskij-konsalting/> (дата обращения: 14.04.2026).

8. Как устроена отрасль консалтинга в России, и когда пора обратиться к консультанту? // Executive.ru. URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/practices/1993364-kak-ustroena-otrasl-konsaltinga-v-rossii-i-kogda-pora-obratitsya-k-konsultantu?page=3#comment-549949> (дата обращения: 15.04.2026).

9. Консалтинговые компании и группы: стратегический консалтинг (2024 год) – Аналитика // RAEX. URL: https://raex-rr.com/b2b/consulting/consulting_strategic_planning_and_organizational_development/2024/analyt-ics/?ysclid=mo65tqqbu4784743052 (дата обращения: 12.04.2026).

10. Крупнейшие консалтинговые компании и группы России (2021 год) // RAEX. URL: https://raex-rr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2021/ (дата обращения: 10.04.2026).

11. Предприниматели стали чаще обращаться за консультациями, юридической поддержкой и бухгалтерским сопровождением // Мой бизнес. URL: https://мойбизнес14.рф/news/predprinimateli-stali-chashhe-obrashatsya-za-konsultatsiyami-yuridicheskoy-podderzhkoj-i-buhgalterskim-soprovozhdeniem/?am_force_theme_layout=desktop (дата обращения: 16.04.2026).

12. Рэнкинг крупнейших консалтинговых групп и компаний России (2025 год) // RAEX. URL: https://raex-rr.com/b2b/consulting/biggest_consulting_companies_and_groups/2025/ (дата обращения: 13.04.2026).

13. Советники по несчастью: рэнкинги консалтинговых компаний и групп 2023 года // RAEX. URL: https://raex-rr.com/b2b/consulting/technical_audit_and_consulting/2023/analyt-ics/consulting_analyt-ics_2023/?ysclid=mo65r5mxmr12384204 (дата обращения: 11.04.2026).

14. Темы задают налоги // Unicon. URL: <https://www.unicon.ru/insights/unicon-v-smi/temp-zadayut-nalogi/> (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 911.3+314.18(571.1/5)

Ю. Н. Дмитриева

Институт географии имени В. Б. Сочава СО РАН, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

Рассматриваются изменения нескольких демографических показателей по территории Сибири: суммарного и общего коэффициентов рождаемости, смертности и миграции. Проводится сравнение общероссийского и сибирского трендов демографических процессов за двадцатилетний период. Акцентируется внимание на особенностях формирования процессов воспроизводства населения на уровне отдельных регионов.

Ключевые слова: население, рождаемость, смертность, миграции, регионы Сибири.

Yu. N. Dmitrieva

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

PECULIARITIES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE SIBERIAN MACROREGION

This article examines changes in several demographic indicators across Siberia: total and crude fertility rates, mortality rates, and migration. The author compares national and Siberian demographic trends over a twenty-year period. The study focuses on the specifics of population reproduction processes at the regional level.

Keywords: population, fertility, mortality, migration, Siberian regions.

В Сибирский макрорегион входят огромные территории страны с богатыми запасами сырьевых ресурсов. При этом неравномерность размещения, высокая концентрация населения в южных частях Сибири является актуальной проблемой для устойчивого развития территории. В большинстве сибирских регионов наблюдается многолетняя депопуляция, снижение рождаемости, миграционного оттока и старения населения. Дифференциация пространства Сибири по социально-экономическому статусу от регионов с ключевыми отраслями экономики по добычи углеводородов до аграрных также влияют на особенности репродуктивного поведения населения.

В исследовании выполнен анализ следующих демографических показателей:

- общего коэффициента рождаемости (ОКР), определяющего число живорожденных детей на 1000 чел. населения за календарный год;
- суммарного коэффициента рождаемости (СКР), обозначающего количество детей на одну женщину (в среднем за всю жизнь);
- общего коэффициента смертности (ОКС), определяющего отношение числа умерших к среднегодовой численности населения (на 1 000 чел.);
- коэффициента миграционного прироста (КМП), отражающего разницу между числом прибывших и выбывших за год, деленной на среднегодовую численность населения (на 1000 чел.).

Данные показатели рядом авторов приводятся для оценки демографического благополучия территории [2–4].

В статье использованы данные Федеральной службы государственной статистики по Сибирскому макрорегиону, включая Тюменскую область с автономными округами: Ханты-Мансийским (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецким (ЯНАО), Республику Саха (Якутия), Республику Бурятия, Забайкальский край и регионы Сибирского федерального округа.

Для простого замещения поколений необходимо, чтобы значение суммарного коэффициента рождаемости составляло 2,1–2,2 ребенка на женщину. За исследуемый период СКР в среднем по России не достигал данного уровня, наибольшее значение (1,76) было характерно для 2015 г. с дальнейшим понижением. Подобная динамика СКР наблюдалась и в Сибири, при этом значения данного показателя за весь исследуемый период были выше, чем среднероссийские (рис. 1).

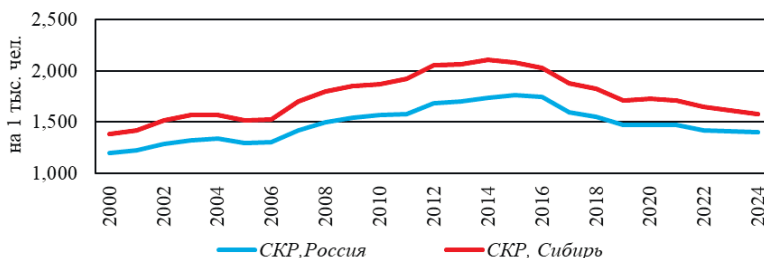

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в России и Сибири, 2000–2024 гг.

Наиболее высокое значение СКР в Сибири (2,11) было характерно для 2014 г., значение коэффициента более 2 детей на одну женщину наблюдалось с 2012 по 2016 г.

В динамике показатели общего коэффициента рождаемости в среднем по Сибири также были выше, чем по России. Повышение и понижение коэффициентов рождаемости происходило практически в одинаковые периоды, достигнув максимума в России с 2012 по 2015 г. (13,2–13,3‰), в Сибири с 2012 по 2014 г. (16,2–16,4‰) (рис. 2).

Повышение в данный период СКР в России и Сибири произошло при влиянии комплекса факторов: наиболее репродуктивный возраст (24–30 лет) многочисленного поколения матерей 1980-х г. р., мер государственной поддержки, в том числе программы материнского капитала, эффекта сдвига «календаря рождений».

Общие коэффициенты смертности (ОКС) в России, наоборот, по сравнению с сибирскими были выше за весь период исследования. В целом для ОКС характерно плавное понижение значений с 2005 г. до начала пандемии COVID-19, что обусловило дальнейший резкий скачок показателя за 2020–2022 гг.

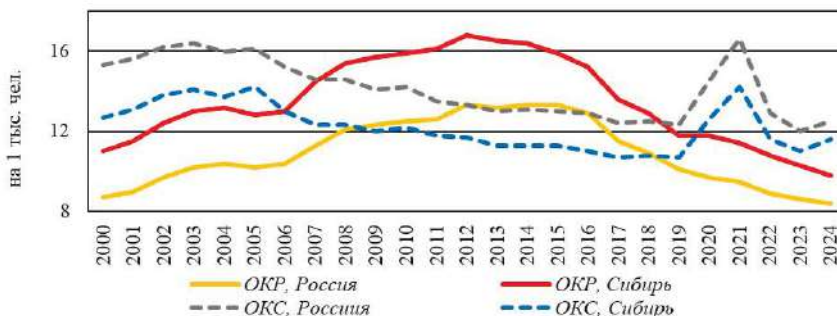

Рис. 2. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) и общий коэффициент смертности (ОКС) в России и Сибири (‰), 2000–2024 гг.

Общая тенденция более низких общих коэффициентов смертности в большинстве регионах Сибири по сравнению со средними по стране (преимущественно с центральными регионами) обусловлена специфической возрастной структурой населения. Сибирь «моложе» из-за исторического оттока населения и меньшей доли пожилых людей, при этом смертность от внешних причин (алкоголь, ДТП, несчастные случаи), наоборот – выше [5].

В результате демографической картины, со сложившимися показателями рождаемости и смертности, показатели общего коэффициента естественного прироста по территории Сибири были более высокими на протяжении исследуемого периода, чем в среднем по России. Отражением повышения значений СКР и ОКР стало наступление периода естественного прироста в России с 2012 по 2016 г. (в пределах 0,2–0,3‰) в Сибири с 2006 по 2019 г. (в пределах 1,1–5,2‰). Период с повышением смертности в период коронавирусной инфекции привел к наибольшей естественной убыли в 2021 г.: в России (–7,1‰), в Сибири (–2,8‰) (рис. 3).

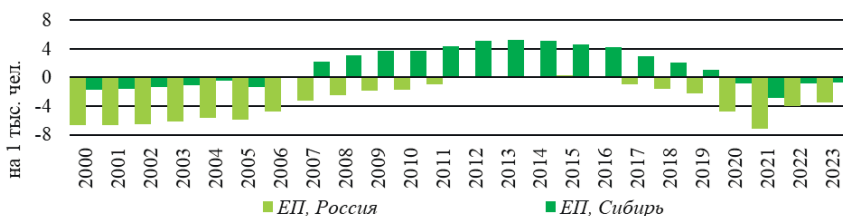

Рис. 3. Естественный прирост (ЕП) в России и Сибири (‰) в 2000–2024 гг.

Рассматривая демографические процессы на уровне регионов Сибири, следует отметить, что в 2014 г. наблюдались максимальные значения СКР за весь период, за исключением Республики Хакасия (1,99), Иркутской области (1,98) и Кемеровской области (1,78), в которых пик показателя приходился на 2013 г. Коэффициенты рождаемости и естественного прироста в регионах Сибири были максимальны за 2012 г. (табл. 1).

Лидером по СКР и общему коэффициенту рождаемости (ОКР) за весь период являлась Республика Тыва. Низкие значения СКР и ОКР наблюдались в Кемеровской, Омской и Томской областях. В настоящее время (на 01.01.2025) наиболее низкие значения СКР и ОКР в Кемеровской (1,16 и 6,8 ‰) и Томской (1,16 и 7,3 ‰) областях. В результате, в Кемеровской области сложилась наиболее высокая естественная убыль: за 2000 г. – (–7,7 ‰); за

2012 г. – (–1,4 ‰); за 2024 г. – (–7,8 ‰). Исследователи отмечают, что высокая смертность населения в Кемеровской области обусловлена: болезнями системы кровообращения (доля 46 % среди остальных причин), ранней смертностью мужчин в результате техногенных опасностей, влиянием неблагоприятной экологической ситуации [1].

Таблица 1

Значения демографических показателей в регионах Сибири

Регион	СКР*			КР*			КС*			КЕП*		
	2000	2014	2024	2000	2012	2024	2000	2012	2024	2000	2012	2024
Республика Алтай	1,82	2,92	1,86	14,3	22,4	11,5	13,0	11,5	12,3	1,3	10,9	-0,8
Республика Тыва	1,83	3,34	2,29	15,9	26,7	15,8	13,6	11,2	9,6	2,3	15,5	6,2
Республика Хакасия	1,32	1,98	1,47	10,1	16,0	8,6	14,6	13,4	13,4	-4,5	2,6	-4,8
Алтайский край	1,24	1,86	1,24	9,3	13,7	7,3	14,3	14,6	15,3	-5,0	-0,9	-8,0
Красноярский край	1,20	1,79	1,40	9,3	14,5	8,7	14,8	13,0	12,7	-5,5	1,5	-4,0
Иркутская область	1,36	1,96	1,62	10,7	15,9	9,6	15,5	13,9	13,8	-4,8	2,0	-4,2
Кемеровская область	1,21	1,77	1,16	9,0	13,8	6,8	16,7	15,2	14,6	-7,7	-1,4	-7,8
Новосибирская область	1,13	1,74	1,46	8,5	13,9	8,9	14,2	13,6	13,4	-5,7	0,3	-4,5
Омская область	1,12	1,97	1,43	8,6	14,9	7,7	13,5	13,8	13,7	-4,9	1,1	-6,0
Томская область	1,19	1,60	1,16	9,5	13,6	7,3	13,2	11,9	12,3	-3,7	1,7	-5,0
Тюменская область	1,30	2,03	1,73	10,6	17,2	10,9	9,3	8,4	8,1	1,3	8,8	2,8
ХМАО-Югра	1,34	2,05	1,67	11,4	17,7	10,6	6,9	6,3	6,4	4,5	11,4	4,8
ЯНАО	1,38	2,15	1,99	11,7	16,8	12,8	5,6	5,4	5,9	6,1	11,4	6,9
Республика Бурятия	1,48	2,24	1,51	11,6	17,5	9,8	13,1	12,4	12,2	-1,5	5,1	-2,4
Республика Саха (Якутия)	1,77	2,22	1,52	13,7	17,8	10,7	9,7	9,3	8,2	4,0	8,5	2,5
Забайкальский край	1,50	2,08	1,78	11,8	16,2	10,2	14,5	13,1	14,3	-2,7	3,1	-4,1
Разница *	1,6	2,1	1,9	1,9	2,0	2,3	2,9	2,8	2,6	1,8	12,1	1,9
Сибирь (среднее)	1,39	2,11	1,58	11,0	16,8	9,8	12,7	11,7	11,6	-1,7	5,1	-1,8
Россия (среднее)	1,19	1,74	1,40	8,7	13,3	8,4	15,3	13,3	12,0	-6,6	0,0	-3,6

* СКР – суммарный коэффициент рождаемости на одну женщину; КР – коэффициент рождаемости; КС – коэффициент смертности; КЕП – коэффициент естественного прироста. Разница – между максимальным и минимальным значением, число раз.

Миграционные процессы в Сибири за период с 2000 г. характеризуются в основном миграционным оттоком, приток наблюдался только в некоторые годы (2011 2019 и 2021 гг.) (рис. 4).

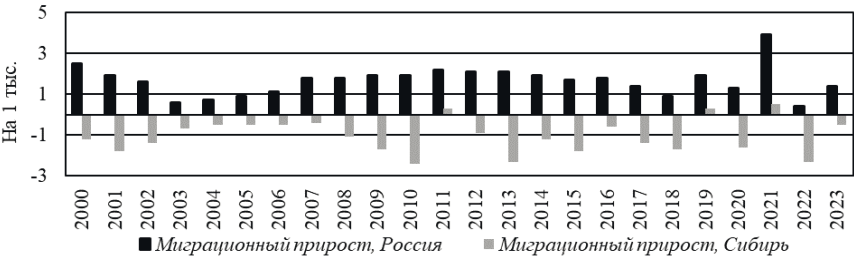

Рис. 4. Динамика коэффициентов миграционного прироста по России и Сибири, в 2000–2023 гг., ‰

На региональном уровне естественное и миграционное движение в Сибири довольно дифференцировано, прирост населения или убыль обеспечивается сочетанием вклада коэффициентов естественного и миграционного приростов (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов Азиатской России по типам динамики населения

	Тип динамики населения	Регионы	Прирост, 2014–2023 гг.,			Вклад прироста	
			тыс. чел.			%	
			ЕП	МП	ОПН*	ЕП	МП
Рост населения	1. ЕП* > МП*	ХМАО-Югра	114,1	36,8	150,9	75,6	24,4
	2. МП > ЕП	Тюменская область	33,2	122,5	155,7	21,3	78,7
	3. ЕП > МУ*	Республика Тыва	37,3	–15,1	22,2	168,0	–68,0
		ЯНАО	46,7	–29,4	17,3	269,9	–169,9
		Республика Саха (Якутия)	53,8	–12,5	41,3	130,3	–30,3
Республика Алтай		10,0	–0,1	9,9	101,0	–1,0	
Сокращение насе-		Республика Бурятия	22,6	–19,8	2,8	807,1	–707,1
	4. МП > ЕУ*	Новосибирская область	–57,5	99,0	41,5	–138,6	238,6
	5. ЕУ> МП	Красноярский край	–44,3	30,8	–13,5	328,1	–228,1
	6. МУ > ЕУ	Забайкальский край	–1,6	–61,2	–62,8	–2,5	–97,5
		Иркутская область	–32,5	–61,3	–93,8	–34,6	–65,4
		Омская область	–53,2	–73,9	–127,1	–41,9	–58,1
	8. ЕУ> МУ	Республика Хакасия	–8,5	–2,0	–10,5	–81,0	–19,0
		Томская область	–14,3	–6,7	–21,0	–68,1	–31,9
		Алтайский край	–112,6	–49,2	–161,8	–69,6	–30,4
		Кемеровская область	–133,3	–40,5	–173,8	–76,7	–23,3
		Среднее по Сибири		–140,1	–82,6	–222,7	–62,9

* ЕП – естественный прирост; ЕУ – естественная убыль; МП – миграционный прирост; МУ – миграционная убыль; ОПН – общий прирост населения.

За последнее десятилетие в семи регионах Сибири из шестнадцати произошел рост общей численности населения. В ХМАО-Югра и Тюменской области в результате естественного и миграционного приростов. В национальных республиках Сибири с традиционными высокими показателями рождаемости показатели естественного прироста перекрывают потери населения в результате миграционных потерь. В Новосибирской области, наоборот, мигранты восполняют потери в результате естественной убыли жителей. Красноярский край также является миграционно привлекательным регионом, но число потерь в результате естественной убыли выше числа приезжающих на территорию. В половине регионов Сибири наблюдаются процессы естественной и миграционной убыли. В Забайкальском крае, Иркутской области и Омской области в убыли населения доминируют миграционные потери, в Республике Хакасия, Томской области и Кемеровской области превалирует вклад в снижение численности населения естественной убыли. Таким образом, в Сибирском макрорегионе сложилось два полюса с приростом населения, в первых четырех регионах численность населения увеличилась на 441,6 тыс. чел., во второй группе с сокращением жителей – население уменьшилось на 664,3 тыс.

Для Сибири характерны демографические особенности, хорошо заметные на уровне региональных показателей: рождаемости, смертности и миграционного движения населения. Коэффициент суммарного и общего коэффициента рождаемости остаются в Сибири выше, в основном благодаря вкладу высоких значений от национальных республик и регионов с развитой сферой добычи углеводородов и их переработки. Миграционные потоки обусловлены также экономической привлекательностью ресурсных территорий, либо регионов с более развитой экономикой, широким выбором рабочих мест и сферой услуг: Новосибирская область и Красноярский край. Сложность демографической ситуации на депопулирующих территориях создает проблему нехватки трудовых ресурсов, старения населения, что увеличивает нагрузку на системы здравоохранения и социального обслуживания. Демографические проблемы в Сибири требуют продуманной региональной политики, основанной на экономической составляющей, развитии инфраструктуры, повышения уровня и качества жизни для закрепления населения на территории проживания.

Литература

1. Григашкина С. И., Левина Е. И. Смертность населения Кемеровской области: тенденции // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. № 3 (103). С. 168–173.
2. Кондратьева В. И., Тарасова-Сивцева О. М. Методология расчёта демографического благополучия северных регионов ресурсного типа // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 4. С. 26–38.
3. Рыбаковский Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 81–87.
4. Рязанцев С. В., Мирязов Т. Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19.
5. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Здоровье населения Сибири: риски и их измерители // Регион: экономика и социология. 2010. № 2. С. 223–241.

УДК 314.1

Е. А. Григорьева, Б. А. Сибгатуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Проведен статистический анализ демографических и миграционных процессов в Российской Федерации, Республике Татарстан и Иркутской области за 2015–2023 гг. Рассмотрены динамика коэффициента рождаемости, смертности, естественного прироста, младенческой смертности, а также возрастная-половая структура населения и миграционный прирост. Выявлен устойчивый тренд естественной убыли населения, прогрессирующее старение. Показана поляризация регионов по миграционной привлекательности. Сделаны выводы о необходимости дифференцированных мер демографической и миграционной политики для стабилизации трудовых ресурсов.

Ключевые слова: демографическая политика, естественная убыль населения, коэффициент рождаемости, миграционный прирост, трудовые ресурсы.

E. A. Grigoreva, B. A. Sibgatullin

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES: STATISTICAL ANALYSIS AND CHALLENGES FOR SOCIO-ECONOMIC STABILITY BASED ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE REPUBLIC OF TATARSTAN AND IRKUTSK REGION

The article presents a statistical analysis of demographic and migration processes in the Russian Federation, the Republic of Tatarstan, and Irkutsk Oblast for the period 2015–2023. It examines the dynamics of birth rates, mortality rates, natural increase rates, infant mortality rates, as well as the age-sex structure of the population and migration growth. A sustained trend of natural population decline and progressive population aging is identified. The polarization of regions in terms of migration attractiveness is shown. Conclusions are drawn regarding the need for differentiated measures in demographic and migration policy to stabilize labor resources.

Keywords: demographic policy, natural population decline, birth rate, migration growth, labor resources.

В настоящее время все развитые страны столкнулись с демографическим кризисом и ищут пути его преодоления. В классическом понимании необходимый суммарный коэффициент рождаемости должен составлять 2,1 ребенка на женщину для замещения поколений. Однако для долгосрочного выживания популяции, согласно исследованиям профессора Такуя Окабэ из Университета Сидзуока, необходим суммарный коэффициент рождаемости, равный 2,7 ребенка на женщину [14]. Данное изменение требования к уровню рождаемости связано с тем, что классическая формула не подразумевает «демографическую стохастичность», т. е. случайные отклонения рождаемости и смертности. Согласно данным ООН, по суммарному коэффициенту рождаемости лишь у 43,46 % стран на женщину приходится 2,1 ребенка, а 2,7 ребенка на женщину – лишь у 27,43 % государств [15]. Это подтверждает, что данная

проблема имеет массовый и глобальный характер. В число стран, чье население сокращается из-за недостатка воспроизводства человеческого ресурса, входит и Российская Федерация.

Демографический кризис, или убыль населения, пагубно влияет на все сферы жизни. Необходимо рассмотреть, к каким последствиям данное явление может привести:

1. Демографический кризис не позволяет воспроизводить в необходимом объеме трудовые ресурсы. Соответственно, это приводит к дефициту кадров, что сдерживает масштабирование производств, бизнеса и экономики государства;

2. Человек является как потребителем, так и производителем товаров и услуг. Сокращение численности трудоспособного населения в стране приведет к снижению величины внутреннего валового продукта;

3. Старение населения означает увеличение количества человек в пенсионном возрасте, что ведет к повышению нагрузки на систему выплат пенсий. Соответственно, данный «груз» ложится на плечи молодого поколения, которого в количественном выражении становится меньше;

4. Возрастут государственные расходы на здравоохранение из-за увеличения доли граждан пенсионного возраста, поскольку данная категория населения требует большего объема медицинских услуг. Следовательно, будет сокращаться доля государственных расходов на образование, что является негативным фактором для молодых людей. Стоит учитывать, что пенсионеры не являются плательщиками трудовых налогов, поэтому доходы бюджета будут сокращаться;

5. С политической точки зрения, положительная демографическая ситуация усиливает позицию страны на геополитическом ландшафте.

Можно сделать вывод, что государственным институтам управления необходимо регулярно давать экспертную оценку, а также разрабатывать эффективные планы по выходу из демографического кризиса. Следует дать оценку уровня рождаемости и смертности жителей России, миграционных потоков и возрастной структуры.

Коэффициенты рождаемости и смертности помогут оценить воспроизводство населения Российской Федерации и оценить, насколько быстро происходит замещение старого поколения молодым. Сначала необходимо проанализировать общий коэффициент рождаемости – сколько рожденных приходится на 1 тыс. жителей России. Для репрезентативности представлены показатели по России, Республике Татарстан и Иркутской области. Выбор данных регионов обусловлен географическим отдалением друг от друга, иным уровнем воспроизводства населения, различным уровнем миграционной привлекательности данных регионов. В табл. 1 представлена статистика общего коэффициента рождаемости в России, Республике Татарстан, Иркутской области.

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости в России, Республике Татарстан, Иркутской области
в 2015–2023 гг.

Годы	Общий коэффициент рождаемости, ‰		
	Россия	Республика Татарстан	Иркутская область
2015	13,3	14,7	15,3
2016	12,9	14,3	14,8
2017	11,5	12,4	13,4
2018	10,9	11,9	12,8
2019	10,1	10,9	11,8
2020	9,7	10,3	11,3
2021	9,5	10,3	11,0
2022	8,9	9,2	10,4
2023	8,6	9,1	10,0

* Источник: составлена автором по данным Росстата [9].

Проведя анализ общего коэффициента рождаемости в России, следует отметить нисходящий тренд с 2015 по 2023 г. За девять лет данный показатель уменьшился с 13,3% до 8,6%. Наибольшее падение коэффициента рождаемости наблюдается в 2017 г. – снижение составило 1,4%. Коэффициент вариации составил 14,96 %, что свидетельствует об однородности совокупности и незначительности колеблемости.

Необходимо рассмотреть региональную специфику рождаемости Иркутской области. На протяжении девяти лет данный регион сохраняет преимущество в рождаемости, «обгоняя» показатели Республики Татарстан и России в целом. В 2015 г. общий коэффициент рождаемости составлял 15,3%, а в 2023 г. данный показатель составлял 10,0%, что делает Иркутскую область одним из немногих регионов, где этот коэффициент находится в двузначном диапазоне. В Республике Татарстан разрыв в уровне рождаемости к 2023 г. почти нивелировался по отношению к показателям России: если максимальное различие составляло 1,4% в 2015 г., то в 2023 г. – лишь 0,5%. Это может означать, что темп его снижения в Татарстане выше, чем по России. Данное утверждение подтверждается статистическими показателями: средний абсолютный прирост в России составил -0,59 %, в Татарстане -0,7 %, и средний темп роста оказался в России равным -5,3 %, а в Татарстане он оказался равным -5,82 %.

Для выявления вариации и нестабильности изменений в уровне рождаемости были рассчитаны коэффициенты вариации. Максимальное значение наблюдается в Республике Татарстан – 16,74 %, что является доказательством более высокой волатильности показателя рождаемости в сравнении с относительно плавным снижением уровня рождаемости в Иркутской области.

Для оценки интенсивности убыли населения в России необходимо проанализировать общий коэффициент смертности. В табл. 2 представлена статистика общего коэффициента смертности в России, Республике Татарстан, Иркутской области.

Таблица 2

Общий коэффициент смертности в России, Республике Татарстан, Иркутской области
в 2015–2023 гг.

Годы	Общий коэффициент смертности, ‰		
	Россия	Республика Татарстан	Иркутская область
2015	13,0	12,0	13,6
2016	12,9	11,6	13,4
2017	12,4	11,3	12,9
2018	12,5	11,4	13,1
2019	12,3	11,0	13,2
2020	14,5	13,6	14,9
2021	16,6	15,1	17,7
2022	12,9	11,2	14,1
2023	12,1	10,8	13,3

* Источник: составлена автором по данным Росстата [9].

Как видно из табл. 2, в России наблюдается нисходящий тренд: общий коэффициент рождаемости снизился с 13,0‰ в 2015 г. до 12,1‰ в 2023 г. С 2015 по 2019 г. уровень смертности снизился до 12,3‰, в 2020 г. можно наблюдать скачок показателя до 14,5‰, в 2021 г. установился самый высокий уровень смертности за период – 16,6‰. Однако далее величина данного коэффициента вернулась к значениям до пандемии COVID-19.

Коэффициент смертности в Иркутской области на протяжении девяти лет превышает показатели смертности по России на 0,5–1,2‰. В 2021 г. было достигнуто пиковое значение в 17,7‰, что на 1,1‰ больше, чем в России. Далее наблюдается тенденция на снижение убыли населения.

В Республике Татарстан с 2015 по 2023 г. показатели смертности были ниже в сравнении с РФ в целом на 0,9‰–1,7‰. Коэффициент смертности в этом регионе снизился с 12‰ в 2015 г. до 10,8‰ в 2023 г. Здесь было зафиксировано наименьшее среднее квадратическое отклонение 1,34.

Разность коэффициента рождаемости и смертности позволяет получить коэффициент естественного прироста. В табл. 3 представлена статистика коэффициента естественного прироста в России, Республике Татарстан, Иркутской области.

Таблица 3

Коэффициент естественного прироста в России, Республике Татарстан, Иркутской области в 2015–2023 гг.

Годы	Общий коэффициент естественного прироста, ‰		
	Россия	Республика Татарстан	Иркутская область
2015	0,3	2,7	1,7
2016	0,0	2,7	1,4
2017	–0,9	1,1	0,5
2018	–1,6	0,5	–0,3
2019	–2,2	–0,1	–1,4
2020	–4,8	–3,3	–3,6
2021	–7,1	–4,8	–6,7
2022	–4,0	–2,0	–3,7
2023	–3,5	–1,7	–3,3

* Источник: составлена автором по данным Росстата [9].

Демографическую ситуацию в России и ее регионах можно разделить на три фазы. В 2015–2016 гг. можно наблюдать конец положительного прироста населения: если в 2015 г. по России коэффициент естественного прироста составлял 0,3‰, в 2016 г. он сократился до нулевого значения. Лидером по этому показателю оказалась Республика Татарстан, где на протяжении двух лет коэффициент естественного прироста сохранялся на уровне 2,7‰. С 2017 г. в России была зафиксирована естественная убыль населения, несмотря на положительные значения коэффициента в изучаемых регионах. «Вторая волна депопуляции началась в 2016 г. Естественная убыль населения нарастает быстрыми темпами», – отметил директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Сергей Рязанцев [13]. Главная причина заключается в демографической яме 1990-х гг. – дети, родившиеся в этот период, представляют собой малочисленное поколение. Соответственно, начиная с 2010 г., данное поколение вступило в репродуктивный возраст, и из-за упомянутой его малочисленности количество матерей было меньше. Также изменилось отношение граждан в обществе к рождению ребенка – ответственное родительство стало социальной необходимостью. В 2020 и 2021 гг. величина коэффициента естественного прироста в России находилась на пиковых значениях в –4,8‰ и –7,1‰ соответственно. Главным фактором послужила пандемия COVID-19: за данный период времени погибли более 660 тыс. чел. в России [4]. Далее ситуация в 2022–2023 гг. немного улучшилась, однако значения коэффициента естественного прироста остаются отрицательными.

Далее следует рассмотреть возрастно-половую структуру населения РФ, поскольку она позволит оценить как текущую демографическую нагрузку на экономику России, так и спрогнозировать вызовы для рынка труда на 10–15 лет. Следующие данные отображены на рис. 1.

Важно заметить, что численность мужчин меньше численности женщин на 10,3 млн чел. Относительно равномерное распределение числа жителей сохраняется в когортах до 30 лет, но в следующих когортах необходимо обратить внимание на создающийся разрыв в количестве мужчин и женщин: в группе от 60 до 64 лет разница составляет 1,5 млн чел., а в группе от 70 до 74 лет – почти 2 млн чел. Это есть следствие высокой смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте, а значит существенное преобладание женщин в пенсионном возрасте. Согласно данной возрастно-половой пирамиде самой многочисленной группой являются мужчины и женщины 35–39 лет (12,8 млн чел.). Далее можно подметить последствие демографической «ямы» 1990-х гг.: 7,4 млн чел. в группе 25–29 лет. Следует отметить, что в настоящее время именно эта возрастная группа находится в репродуктивном возрасте. Если предположить, что произойдет возможное повышение суммарного коэффициента рождаемо-

сти, то это в любом случае не позволит полностью преодолеть последствия демографической «ямы» из-за недостаточного количества родителей данной возрастной группы. Далее пирамида расширяется в группах 10–14 лет (9,2 млн чел.) и 5–9 лет (9,1 млн чел.). Причина данного явления заключается в проведении активной демографической политики (материнский капитал), а также улучшение социально-экономического положения населения в 2010-е гг.

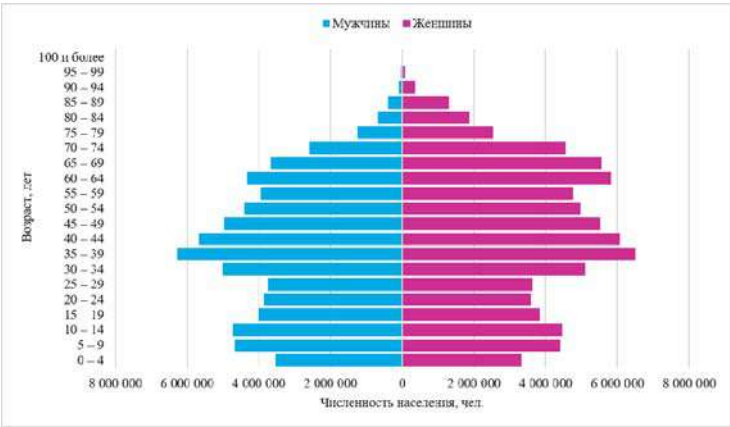

Рис. 1. Возрастно-половая структура населения РФ на 1 января 2024 г., чел. [9]

Население делится на три категории: жители до трудоспособного возраста (0–15 лет) – 25,1 млн чел., жители трудоспособного возраста (женщины 16–59 лет и мужчины 16–64 лет) – 90,2 млн чел., жители после рабочего возраста – 30,8 млн чел. Доли данных групп равны 17,18, 61,74 и 21,08 % соответственно. Согласно классификации ООН, население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения превышает 7 % [8]. Можно считать, что население России является старым. В ближайшие 5–7 лет ситуация будет ухудшаться, поскольку на пенсию будет выходить поколение 1970-х гг., которое по численности больше, чем приходящие на замену малочисленные группы двадцатилетних.

Младенческая смертность является одним из показателей оценки демографической ситуации. Следует рассмотреть коэффициент младенческой смертности в России и в ее регионах. Соответствующие данные представлены в табл. 4.

Таблица 4
Коэффициент младенческой смертности в России, Республике Татарстан, Иркутской области в 2015–2023 гг.

Годы	Общий коэффициент младенческой смертности, %		
	Россия	Республика Татарстан	Иркутская область
2015	6,5	6,1	7,0
2016	6,0	5,4	6,2
2017	5,6	5,1	7,1
2018	5,1	4,5	7,1
2019	4,9	4,9	5,9
2020	4,5	4,1	6,1
2021	4,6	4,0	5,2
2022	4,4	3,2	4,8
2023	4,2	3,2	4,8

* Источник: составлена автором по данным Росстата [9].

В России и в перечисленных регионах уровень младенческой смертности на протяжении девяти лет неуклонно падал. Отсюда можно сделать следующие выводы:

а) это означает, что уровень развития медицины и здравоохранения в стране позволяют создать условия для безопасного рождения детей;

б) вместе с этим подтверждается упомянутая ранняя гипотеза, из которой следует, что россияне не стремятся заводить большое количество детей;

в) сопоставив данные, можно утверждать, что проблема находится не в области перинатальной медицины, а в области моделей репродуктивного поведения и смертности трудоспособного населения.

При проведении демографической политики следует учитывать факторы:

а) население России продолжает стареть. Так как происходит выбытие трудовой силы, необходимо принимать меры в краткосрочной перспективе для замещения трудовых ресурсов;

б) каждое молодое поколение сокращается в численности. Соответственно, необходимо разрабатывать долгосрочные политические меры по поддержанию численности населения и его эффективному воспроизводству.

Российский союз промышленников и предпринимателей считает, что до 2030 г. дефицит кадров может составить более 3 млн чел. [7]. Поэтому, чтобы решить данный вопрос в краткосрочной перспективе, необходимо привлекать трудовой ресурс извне. Следует рассмотреть динамику миграционного прироста в России и в ее регионах. Соответствующие данные отображены в табл. 5.

Таблица 5
Миграционный прирост населения в России, Республики Татарстан, Иркутской области в 2015–2023 гг.

Годы	Миграционный прирост населения России, чел.		
	Россия	Республика Татарстан	Иркутская область
2015	245 384	3573	–6114
2016	261 948	5880	–7146
2017	211 878	4791	–5927
2018	124 854	2737	–5910
2019	285 103	4440	–3275
2020	106 474	4640	–7069
2021	429 902	11 448	–2178
2022	61 917	9683	–10 439
2023	203 629	8085	–6051

Источник: составлена автором по данным [5].

Как можно заметить, Россия является привлекательной страной для мигрантов, в частности для граждан из СНГ. Среднее значение миграционного прироста составило 214,6 тыс. чел., хотя нужно отметить, что вариация величин достаточно велика. С 2015 по 2019 г. величина миграционного прироста составляла примерно 225,8 тыс. чел., что позволяло компенсировать убыль населения на 69,9 % (322,9 тыс. чел.). В 2020 г. значение данного показателя значительно снизилось из-за пандемийных ограничений – роль миграции в качестве компенсации потери населения уменьшилась. Самое минимальное значение можно наблюдать в 2022 г., что связано с экономической непривлекательностью для мигрантов из-за геополитической обстановки. Можно сделать вывод, что миграция представляет собой инструмент восполнения трудовых ресурсов, но является нестабильным методом, поскольку сильно подвержен внешним факторам.

Республика Татарстан является регионом-реципиентом. На всем рассматриваемом временном отрезке миграционный прирост был положительным, средний темп прироста составил 10,7 %, миграционные притоки полностью покрывали естественную убыль, что важно для сохранения трудовых ресурсов и налоговой базы. Стоит рассмотреть, какие меры предпринимают власти Республики Татарстан для привлечения людей в республику. Здесь действует государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Татарстан соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы»,

согласно которой кандидат проходит 100-балльную систему отбора, которая оценивает различные показатели и характеристики, включая возраст, образование, стаж, востребованность профессии и так далее [12]. Так, делается ставка на привлечение высококвалифицированного персонала. На фоне острого дефицита кадров власти Татарстана реализуют программу по привлечению трудовых мигрантов из Индии: в 2026 г. планируется привлечь до 3,3 тыс. специалистов из этой страны [10].

Иркутская область, напротив, является регионом-донором. На всем рассматриваемом временном отрезке миграционный прирост был отрицательным. Вместе с естественной убылью данная комбинация явлений негативно сказывается на экономическом благополучии данного региона. Это связано с суровыми климатическими условиями и удаленностью от федеральных центров. Власти Иркутской области реализуют схожую программу переселения соотечественников, однако данная программа осуществляется через упрощение въезда для всех, кто родился в РСФСР или имеет там родственников. Более 14 000 чел. переехали в данный регион благодаря данной программе [3].

Россия и ее регионы также реализуют различные социально-экономические программы с целью выхода из демографического кризиса. Правительство РФ запустило несколько механизмов [11]:

а) с 2026 г. студенческие семьи имеют право получить не менее 200 тыс. руб. при рождении ребенка;

б) 41 региону со сложной демографической ситуацией выделяются средства на реализацию 10 дополнительных мер, которые данные регионы выбирают сами.

В Республике Татарстан вводится корпоративный демографический стандарт для создания благоприятной среды для работников с семейными обязанностями. Это способствовало росту занятости до 62,4 % в 2025 г.: было заключено 4 919 социальных контрактов, которые позволили удержать уровень бедности на 3,7 %, что в 2 раза ниже, чем в России. Вместе с этим в 2025 г. было задействовано 65 мер поддержки, среди которых:

а) наборы первой необходимости для 2,2 тыс. семей;

б) бесплатное питание для 35 тыс. детей до 3 лет;

в) частичная компенсация родительской оплаты за детский сад для 108,5 тыс. семей;

г) выплаты от 50 до 100 тыс. руб. при рождении ребенка для 1,5 тыс. женщин [2].

В Иркутской области реализуются финансовые и жилищные меры для семей с детьми:

а) с 1 июня 2026 г. семьи с двумя и более детьми могут компенсировать часть уплаченного НДФЛ в случае, если доход семьи составляет ниже полуторакратного размера прожиточного минимума [1];

б) в январе 2026 г. произошла корректировка условий предоставления социальных выплат на улучшение условий проживания семей с тремя и более детьми [6].

Проведенный статистический анализ подтверждает, что в России наблюдается системный демографический кризис. Естественная убыль населения наблюдается во всех изучаемых субъектах, а также заметна тенденция на старение населения РФ. Необходимо разрабатывать дифференцированные и комплексные меры демографической миграционной политики, которые должны быть направлены на долгосрочное стимулирование рождаемости и создание комфортных условий для жизни и осуществления трудовой деятельности в регионах страны.

Литература

1. 1 июня Отделение СФР по Иркутской области начнет прием заявлений на новую выплату для работающих родителей двух и более детей // Усть-Илимский муниципальный округ Иркутской области. URL: <https://uiraiion.ru/culture/o-lyudyakh-rayona/212588/> (дата обращения: 23.04.2026).
2. Заседание итоговой коллегии Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ // Федерация профсоюзов Республики Татарстан. URL: <https://proflat.ru/zasedanie-itogovoj-kolleгии-ministerstva-trudazanyatosti25> (дата обращения: 23.04.2026).
3. Иркутская область упрощает условия для участников программы переселения соотечественников // Общественно-политическая газета «Областная». URL: <https://www.ogirk.ru/2025/11/27/irkutskaja-oblast-uproshhaet-usloviya-dlja-uchastnikov-programmy-pereselenija-sootchestvennikov/> (дата обращения: 23.04.2026).

4. Количество смертей от COVID-19 | Россия // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/rus-estimated-number-of-covid19-deaths/> (дата обращения: 23.04.2026).
5. Миграционный прирост населения России, по регионам // Statbase. URL: <https://statbase.ru/datasets/national-statistics-of-russia/population-and-society/migration-population-growth-by-region-national-stat/?syear=2015&frmreq=0&sproc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 23.04.2026).
6. О внесении изменений в Положение о порядке и условиях предоставления гражданам, имеющим трех и более детей, меры социальной поддержки в виде социальной выплаты на обеспечение жильем помещением взамен предоставления в собственность бесплатно земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта : указ Губернатора Иркутской области от 30.01.2026 № 22-уг // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3800202602020005> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Питалев И. Набиуллина заявила о нехватке в России рабочей силы впервые в ее истории // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/04/2026/69e092939a7947358980ddb8> (дата обращения: 23.04.2026).
8. Пресс-выпуск: 1 октября – День пожилых людей // Росстат. URL: https://43.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1okt_pogil.pdf (дата обращения: 23.04.2026).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 23.04.2026).
10. Садыков Д. Татарстан привлечет 3,3 тыс. индийских рабочих в 2026 году // Аргументы и факты. URL: <http://kazan.aif.ru/society/tatarstan-privlechets-3-3-tys-indijskih-rabochih-v-2026-godu> (дата обращения: 23.04.2026).
11. Селиверстова Н. В 41 регионе планируют ввести новую выплату студентским семьям при рождении ребенка // Объясняем.РФ. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/v-41-regione-planiruyut-vvesti-povyuyu-vyplatu-studencheskim-semyam-pri-rozhdanii-rebenka/> (дата обращения: 23.04.2026).
12. Часто задаваемые вопросы: «Действует ли в Республике Татарстан программа по переселению соотечественников?» // Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/index.htm/faq/show/19204.htm> (дата обращения: 23.04.2026).
13. Шущкина А. Эксперт: пандемия усугубила ситуацию с убылью населения // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/ekspert-pandemiya-usugubila-situaciyu-s-ubylyu-naseleniya.html> (дата обращения: 23.04.2026).
14. Lee B. Minimum Fertility Rate to Prevent Human Extinction Is 2.7, Study Finds // DongA Science. URL: <https://www.dongascience.com/en/news/71423> (дата обращения: 23.04.2026).
15. Total Fertility Rate 2026 // World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/total-fertility-rate> (дата обращения: 23.04.2026).

УДК 325.14+331.5+316.48

Я. А. Лешенко

Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований, г. Ангарск

ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ, ТРУДОВЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Исследуются особенности иммиграционных процессов, их влияние на воспроизводство населения, рынок труда и межэтнические отношения в России в первой четверти XXI в. Рассмотрено участие экспертно-аналитического сообщества в решении вопросов регулирования рынка труда, сохранения этнокультурной самобытности российского общества и обоснования современной концепции миграционной политики государства.

Ключевые слова: иммиграция, рынок труда, этноконфессиональные конфликты, экспертно-аналитическое сообщество, миграционная политика.

Ya. A. Leshchenko

East Siberian Institute of Medical and ecological research, Angarsk

IMMIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC, LABOR, AND INTERETHNIC ISSUES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The article characterizes the features of immigration processes, their impact on population reproduction, the labor market and interethnic relations in Russia in the first quarter of the 21st century. The article examines the participation of the expert and analytical community in addressing issues of labor market regulation, preserving the ethnocultural identity of Russian society, and substantiating a modern concept of state migration policy.

Keywords: immigration, labor market, ethno-confessional conflicts, expert-analytical community, migration policy.

«Демографическую ситуацию в современной России следует охарактеризовать как кризис воспроизводства населения, выражающийся в уменьшении демографического потенциала. Под демографическим потенциалом понимается совокупность населения, рассматриваемая с точки зрения воспроизводства населения и социально-экономического развития данной территории» [7].

Демографический потенциал определяют три явления – смертность, рождаемость, миграционные процессы. В последние десятилетия в большинстве развитых стран мира идет снижение численности населения (депопуляция), что обуславливает, главным образом, снижающаяся рождаемость [1; 4; 13]. Значительное число политиков и специалистов в области общественного развития считают, что в современных условиях значительно увеличить рождаемость в экономически развитых государствах невозможно, а преодолевать депопуляцию следует с помощью иммиграции. Руководящие круги и эксперты многих стран полагают, что успешно осуществлять социально-экономическое развитие без привлечения мигрантов не представляется возможным.

Согласно прогнозу, представленному в Национальном демографическом докладе «Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры» (2020) «убыль населения в России прекратится к 2037 г., но произойдет это не благодаря естественному приросту, который так и не будет достигнут, а благодаря предоставлению гражданства иммигрантам. К 2050 г. коренное население страны сократится на 9 млн человек и будет замещено иммигрантами в количестве 8,5 млн человек» [2].

За период с 1992 по 2021 г. в результате превышения смертности над рождаемостью Российская Федерация потеряла 14,4 млн чел. населения. Но, при этом, за счет притока 9,6 млн мигрантов стало возможным компенсировать порядка 65 % убыли населения [15].

Масштабы иммиграции не могут быть безграничными, поскольку возможности социальной адаптации имеют свои пределы. Нельзя допускать такое развитие событий, когда быстро растущие сообщества иммигрантов начинают создавать изолированные от остального общества анклав. Ничем не ограниченный приток в страну мигрантов может привести к утрате сложившейся в ходе исторического развития национальной идентичности, что фактически приведет к потере этнокультурной самобытности российского общества.

Однако в правящих кругах и экспертных сообществах многих стран нет ясного понимания сути миграционных процессов, например, в чем состоит различие между такими явлениями как иммиграция и колонизация. «Классическая иммиграция – расселение новоприбывших среди коренного населения с принятием их образа жизни. А колонизации – это создание замкнутого и стремящегося к расширению анклава, который противостоит коренному населению. Со временем быстро растущее этническое сообщество анклава начинает борьбу за доминирование» [5].

По действующей Конституции государствообразующим народом России является русский народ. Следовательно, то, какую долю в численности населения страны составляют русские (и вообще все, относящие себя к людям русской культуры) – это вопрос сохранения исторически сложившейся этноконфессиональной модели государства. Согласно вышеупомянутому Национальному демографическому докладу к середине XXI в. доля русских в стране может составить менее 66 %. Это обстоятельство не может не вызывать тревоги.

До сих пор в политических элитах Запада считается, что колонизация стран глобального Юга была исключительной прерогативой европейских стран, а народы Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки на колонизацию не способны. Вообще иммиграция не должна вызывать особого беспокойства. Но в США и, особенно, в Западной Европе фактически происходит колонизация территорий массами мигрантов. Пока эти процессы находятся в начальной стадии, но если они в таком же темпе будут идти и дальше, то в будущем мигранты вполне способны стать хозяевами осваиваемых территорий.

Указанная проблема существует и в России. В последние годы и десятилетия в разных регионах немало возникало конфликтов между мигрантскими сообществами и коренным населением. Однако региональные власти часто оказывались неспособными гасить такие

конфликты с позиций государственного законодательства. По словам Богдана Безпалько – члена Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ – «российское государство самоустранилось от проблемы колонизации нашей страны приезжими» [11].

На современном этапе миграционная проблема в России представляется чрезвычайно острой. Определенный оптимизм внушает заинтересованность в её решении тех представителей политического класса и экспертно-управленческого сообщества, которые входят в различные органы законодательной и исполнительной власти, поскольку они обладают реальными возможностями и рычагами воздействия на проблему.

Сенатор Андрей Клишас, глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству, на XII Петербургском международном юридическом форуме (2024 г.) отмечал: «Миграционное законодательство России должно адаптировать приезжающих в нашу страну иностранцев к жизни в ней. Они должны разделять и принимать российские ценности как данность. Мигранты приходят со своей собственной культурной, этнической, религиозной традицией и не хотят адаптироваться. В этом главная проблема. Основная задача законодательства – создание правил, заставляющих людей адаптироваться к условиям России. Не может быть никакого отдельного законодательства для мигрантов, они должны жить по нашим законам» [10].

А. Клишас на сессии Петербургского форума, посвященной правовым аспектам миграционной политики в современной России также заявил: «Прибывшие в нашу страну люди должны разделять ценности общества и принимать их как данность» [10]. По мнению сенатора миграционная политика (по состоянию на 2024 г. – Я. Л.) у нас не определена, подходы к ней не сформулированы, и все сводится к слишком простому решению: «завозите, сколько сможете». Клишас уверен, что отдельными ограничениями в законодательстве для мигрантов вопросы не решить, нужна грамотная миграционная политика вместо реагирования на отдельные конкретные ситуации [10].

Андрей Клишас также ссылаясь на мнение иерарха Русской православной церкви, который сказал: «Проблема миграции с точки зрения представителя, например, традиционной конфессии, православных, состоит не в том, что эти люди хотят жить с нами по каким-то своим правилам. Проблема в том, что они хотят здесь жить вместо нас» [12].

Председатель Национального антикоррупционного комитета (НАК) Кирилл Кабанов констатировал: «Больше 40 процентов приезжих не признают наших законов и традиций. В то же время 26 процентов готовы отстаивать с оружием в руках свои традиции на территории России. То есть к нам приезжают люди с радикальной идеологией и на самом деле очень сильно прокачанные антироссийской русофобской идеологией, в том числе западными спецслужбами. А 25 % находящихся в России «на работе» трудовых мигрантов не знают русского языка. Более 70 % мигрантов «не видимы» – они не проходят ни по каким учетам» [8]. «У нас есть поручение Президента, по которому мы должны перейти на так называемый набор. Это значит, что мы пойдем по пути стран, у которых весьма позитивный опыт работы с трудовой миграцией, – например, Объединенные Арабские Эмираты или Израиль. Люди приезжают туда работать на ограниченный срок, а не остаются там жить и пользоваться всеми социальными благами, как это сейчас происходит в Европе» [9].

Зам. председателя Госдумы РФ Петр Толстой утверждал: «Все эти национальные диаспоры, землячества и общины не что иное, как легализованные мафиозные структуры...., подкупают местную власть, «отмазывают» собственных боевиков, «крышуют» полулегальный бизнес и запугивают всех остальных. Пора заканчивать с межнациональным либерализмом. В России не должно быть места параллельным структурам со своими законами, обычаями и властью. Только четкое следование нормам российского законодательства и поведения» [14].

«Нелегальная миграция является причиной оттока из Российской Федерации огромного по своим масштабам объема финансовых ресурсов, в связи с уходом от уплаты налогов, покупкой иностранной валюты и переводом её в зарубежные государства» [3].

«Относительно дешёвый труд незаконных мигрантов, не имеющих официального разрешения на занятие трудовой деятельностью на территории Российской Федерации, не платящих налоги и не обладающих какими-либо социальными привилегиями, позволяет незаконным мигрантам серьёзно конкурировать на рынке труда с коренным населением страны, в результате чего происходит постепенное вытеснение отечественных работников с российского рынка труда» [3].

Крайнее неблагополучие в сфере иммиграции с позиций национальной безопасности ярко проявил теракт в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 г., всколыхнувший не только страну, но и мировое сообщество. Непосредственными исполнителями теракта были мигранты, прибывшие в Россию из стран Центральной Азии. Впоследствии Федеральной службой безопасности было предотвращено еще несколько попыток совершения терактов на территории России с участием мигрантов из республик Центральной Азии.

На негативную ситуацию в сфере иммиграции в РФ неоднократно указывал председатель следственного комитета РФ Александр Бастрыкин. Он представлял органам государственной власти сведения о ежегодном росте в стране преступлений трудовых мигрантов, прибывающих из среднеазиатских республик. В одном из своих выступлений Бастрыкин сообщил: «Дешевая рабочая сила служит источником повышенной прибыли российского бизнеса. Предприниматели не заинтересованы в найме на работу соотечественников, которые не готовы трудиться за мизерные зарплаты. Чем меньше денег бизнес тратит на рабочую силу, тем выше его прибыли. Вот в чем корень зла. Это главная причина, по которой проблема мигрантов в стране не решается. Надо подумать не только о прибыли бизнеса, но и об интересах и безопасности государства» [6].

В качестве примера решения миграционной проблемы А. Бастрыкин приводил Белоруссию, где прием мигрантов не запрещен, но их прибытие и пребывание в стране жестко регламентировано следующим образом: «1. Бизнесмен, желающий завести незаменимых специалистов из Узбекистана, должен доказать миграционной службе, что действительно это незаменимые специалисты. И в Белоруссии таких специалистов нет. 2. Обосновать количество тех мигрантов, которых этот бизнесмен хочет завести. 3. Все расходы, связанные с пребыванием мигрантов, несет сам предприниматель. Четкий контракт от полугода до года и не более того. Ни жены, ни детей, ни бабушек, ни дедушек. Только рабочая сила. Контракт закончился, и все – на выход» [6].

Для решения вопроса глава Следственного комитета предлагал: «Полагая, самое главное – изменить миграционную политику России. Нужно точно обосновать необходимость приезда мигрантов, а может быть, даже вообще сделать так, что мы за счет внутренних ресурсов, о которых я сказал, внутренней миграции будем решать свои экономические, политические, национальные и другие проблемы» [6].

«В условиях возрастания и усиления угрозы международного терроризма, неослабевающей экстремистской и террористической напряженности важно не допустить проникновения на территорию Российской Федерации членов организованных преступных террористических групп под видом беженцев, лиц ищущих убежища, прибывающих для мнимой трудовой деятельности» [3].

Усилия экспертно-аналитического сообщества и заинтересованность представителей всех ветвей власти в решении миграционной проблемы начинают приносить свои плоды. Предложения и разработки правоохранительных органов, экспертов, юристов и общественных деятелей нашли свое отражение в новой «Концепции миграционной политики Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738. В данной Концепции регламентированы основные принципы и основные направления реализации государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг.

Остается надеяться, что на этот раз не сработает старая народная поговорка: «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения».

Литература

1. Антонов А. Современные тенденции дтности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5. С. 68–74.
2. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев. М. : Объединенная редакция, 2020. 156 с.
3. Краснов А. Незаконная миграция как угроза государственности // Безопасность Евразии. 2010. № 2. С. 208–2014.
4. Методологические вопросы оценки результативности демографической политики в отношении рождаемости / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сиволюсова, Ю. Э. Плетнева, В. Н. Архангельский // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3. С. 24–32.
5. Шапталов Б. Н. Деградация и деграданты: История социальной деградации и механизмы её преодоления. М. : ЛЕНАНД, 2014. 256 с.
6. Александр Бастрыкин: Число тяжких преступлений среди мигрантов выросло. Глава Следственного комитета призвал поменять миграционную политику в России // Парламентская газета. 27.06.2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/aleksandr-bastrykin-chislo-tyazhkihkh-prestupleniy-sredi-migrantov-vyroslo.html> (дата обращения: 14.09.2024).
7. Демографический потенциал // Словарь по географии (2015). URL: https://geography_ru.academic.ru/1979/демографический_потенциал (дата обращения: 12.03.2019).
8. Кабанов: к нам приезжают радикально настроенные мигранты. URL: https://kapital-rus.ru/news/407774-abanov_k_nam_priejzaut_radikalno_nastroennye_migranty/ (дата обращения: 24.01.2025).
9. Кирилл Кабанов: Россия должна полностью перейти на контролируемый набор мигрантов // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/kirill-kabanov-rossiya-dolzha-polnostyu-pereyti-na-kontroliruemyy-nabor-migrantov.html> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Клишас: Миграционные законы должны адаптировать приезжих к жизни в России // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/klislas-migracionnye-zakony-dolzhy-adaptirovat-priezhikh-k-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения: 24.01.2025).
11. «Нашу страну колонизируют. Государство самоустранилось» // Радио России. URL: <https://dzen.ru/b/ZZ1wByBkPkV6F1jG> (дата обращения: 14.01.2024).
12. «Они хотят здесь жить вместо нас». Госдума пока точно берется за проблему мигрантов. URL: <https://moika78.ru/news/2024-07-22/1004724-oni-hotyat-zdes-zhit-vместo-nas-gosduma-poka-tochechno-beretsya-zaproblemu-migrantov> (дата обращения: 24.01.2025).
13. Тарасевич Т. Демографическая динамика: что определяет будущее страны? URL: http://sobor.by/demograficheskaya_dinamika_budushee_strany.htm (дата обращения: 10.05.2024).
14. Толстой заявил, что все национальные диаспоры должны четко следовать нормам законов РФ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19750235> (дата обращения: 14.01.2024).
15. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 30.05.2024).

УДК 330.16

А. Э. Шилова

Кузбасский государственный аграрный университет
имени В. Н. Полецовца, г. Кемерово

ГЕНДЕРНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА ОТНОСИТЕЛЬНО УРОВНЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА⁴

Рассмотрены гендерные и возрастные особенности установок населения относительно развития сельских территорий и условий жизни и работы в сельской местности. Показано, что мужчины в целом настроены более негативно: они видят мало перспектив в проживании в сельской местности и работе в сельском хозяйстве. Возрастные особенности установок связаны с более лояльным отношением молодежи к труду в сельском хозяйстве и более позитивными ожиданиями относительно оплаты труда.

Ключевые слова: установки населения, развитие сельских территорий, сельский образ жизни.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кемеровской области – Кузбасса по проекту № 25-28-20210, <https://rscf.ru/project/25-28-20210/>

GENDER AND AGE-RELATED CHARACTERISTICS OF THE POPULATION'S ATTITUDES TOWARDS THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE KEMEROVO REGION – KUZBASS

The article examines gender and age-related characteristics of the population's attitudes towards the development of rural areas and living and working conditions in rural areas. The article shows that men are generally more negative: they note few prospects in living in rural areas and working in agriculture. Age-related attitudes have been identified. Young people are more loyal to working in agriculture and have higher expectations of wages.

Keywords: population attitudes, rural area development, rural lifestyle.

Изучение экономического поведения, ожиданий и установок населения является важным аспектом современных экономических исследований. Установки населения определяют экономический выбор индивидов и влияют на социально-экономические процессы в стране и ее регионах.

В настоящее время активно развиваются исследования относительно социальных установок, широкое распространение получили исследования установок относительно рынка труда [3], профессионального развития [1], миграции [2; 4].

По мнению автора, одним из немаловажных аспектов установок населения являются установки относительно уровня развития сельских территорий и сельского образа жизни. Особенную актуальность такие исследования приобретают в регионах, которые сталкиваются с дефицитом кадров в сельской местности и кадровым голодом в сельском хозяйстве. Одним из таких регионов можно назвать Кемеровскую область – Кузбасс. Область исторически была ориентирована на добычу полезных ископаемых, кроме того, природно-климатические условия для развития сельского хозяйства в регионе не вполне благоприятны.

В настоящее время сельское население составляет менее 15 % населения региона. Наблюдается постоянный отток населения из сельской местности. Сельскохозяйственные организации отмечают недостаток специалистов высокой квалификации. Е. С. Чуркина, отмечает ряд особенностей формирования человеческого капитала сельского хозяйства Кемеровской области – Кузбасса и необходимость комплексного решения данной проблемы в регионе [5; 6].

Изучение установок населения Кемеровской области – Кузбасса относительно уровня развития сельских территорий и сельского образа жизни позволяет определить, какие обстоятельства влияют на выбор места проживания и профессиональной сферы, включая возможность работы в сельском хозяйстве. Выявление ключевых установок позволяет определить целевые ориентиры развития сельских территорий для региональных и муниципальных органов управления.

В ходе проведенного ранее исследования в рамках проекта «Прогнозирование параметров социально-экономического развития сельских территорий промышленного региона на основе анализа ожиданий и жизненных установок населения (на материалах Кемеровской области – Кузбасса)» проведен массовый опрос населения Кемеровской области – Кузбасса с целью выявления ожиданий и установок относительно развития сельских территорий региона. Исследование проведено в октябре-ноябре 2025 г., в качестве респондентов выступили 384 кузбассовец (установлены параметры исследования: ошибка выборки не более 5 %, выборка квотная, стратифицированная случайная). Территориальные рамки исследования – городские и сельские территории муниципальных образований Кузбасса без жесткой привязки в выборке к количеству респондентов от отдельно взятого муниципалитета [7].

Было установлено, что проживание в сельской местности Кемеровской области – Кузбасса представляется большинству опрошенных непривлекательным. Выявлены негативные установки относительно развития социальной инфраструктуры в сельской местности, карьерных перспектив в сельской местности и условий труда в сельском хозяйстве [7].

Дальнейшая цель изучения установок состоит в выявлении их особенностей в зависимости от возраста и пола респондентов.

В табл. 1 представлено распределение установок населения относительно развития сельских территорий Кемеровской области – Кузбасса в зависимости от пола.

Таблица 1

Установки населения Кемеровской области – Кузбасса относительно уровня развития сельских территорий региона в гендерном разрезе, %

Установки	Женщины		Мужчины	
	да	нет	да	нет
1. Я считаю, что в городе больше возможностей, чем в сельской местности	92,0	8,0	92,8	7,2
2. В сельском хозяйстве низкие зарплаты	68,2	31,8	70,4	29,6
3. Работа в сельском хозяйстве физически тяжелая	90,1	9,9	90,5	9,5
4. Жизнь в селе для пожилых людей, а не для молодежи	39,3	60,7	59,2	40,8
5. В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественная медицина	84,6	15,4	87,7	12,3
6. В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественное образование	76,0	24,0	84,9	15,1
7. Чтобы работать в сельском хозяйстве, нужно проживать в сельской местности	40,3	59,7	57,0	43,0
8. Экологическая обстановка в сельских территориях лучше, чем в городе	91,0	9,0	93,9	6,1
9. В сельских территориях нет работы	58,3	41,7	52,9	47,1
10. Жизнь в сельской местности идет медленнее, чем в городе	71,4	28,6	70,4	29,6

Установлено, что ряд установок характерен для женщин и мужчин в равной мере. Так, и женщины, и мужчины, считают, что в городе больше возможностей, чем в сельской местности (92 и 92,8 % соответственно), оценивают зарплаты в сельском хозяйстве как низкие (68,2 и 70,4 % соответственно), считают работу в сельском хозяйстве физически тяжелой (90,1 и 90,5 % соответственно). Представители обоих полов отмечают проблему отсутствия качественной медицины в сельских населенных пунктах (84,6 % женщин и 87,7 % мужчин), а также считают, что жизнь в сельской местности идет медленнее, чем в городе (71,4 % женщин и 70,4 % мужчин). Установкой обоих полов является более позитивная оценка экологической ситуации в сельской местности.

Отдельные установки показали наличие гендерных различий. Так, мужчины чаще женщин считают, что жизнь в селе не подходит для молодежи (59,2 % мужчин против 39,3 % женщин). Мужчины также негативнее настроены относительно качества образования в сельской местности (84,9 % мужчин и 76 % женщин разделяют установку «В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественное образование»). 57 % мужчин считают, что для того чтобы работать в сельском хозяйстве, необходимо проживать в сельской местности, тогда как среди женщин эта установка характерна лишь для 40,3 %, что возможно связано с гендерными различиями труда в сельском хозяйстве: женщины чаще выполняют те виды работ, которые могут быть реализованы в удаленном режиме (например, бухгалтерия, кадры). Однако женщины более негативно настроены относительно возможностей трудоустройства в сельской местности (58,3 % женщин и 52,9 % мужчин разделяют установку «В сельских территориях нет работы»).

Следующий этап исследования состоял в определении возрастных особенностей установок населения относительно уровня развития сельских территорий Кемеровской области – Кузбасса (табл. 2).

Таблица 2

Установки населения Кемеровской области – Кузбасса относительно уровня развития
сельских территорий региона по возрастным группам, %

Установки	Возрастные группы, лет									
	16–24		25–35		36–45		46–55		старше 55	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
1. Я считаю, что в городе больше возможностей, чем в сельской местности	94,6	5,4	92,2	7,8	88,7	11,3	97,4	2,6	90,7	9,3
2. В сельском хозяйстве низкие зарплаты	53,6	46,4	59,7	40,3	73,2	26,8	77,3	22,7	77,3	22,7
3. Работа в сельском хозяйстве физически тяжелая	89,3	10,7	89,6	10,4	87,6	12,4	90,7	9,3	94,7	5,3
4. Жизнь в селе для пожилых людей, а не для молодежи	48,2	51,8	37,7	62,3	38,1	61,9	62,7	37,3	60,0	40,0
5. В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественная медицина	89,3	10,7	87,0	13,0	81,4	18,6	85,3	14,7	89,3	10,7
6. В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественное образование	76,8	23,2	67,5	32,5	84,5	15,5	87,8	12,2	82,7	17,3
7. Чтобы работать в сельском хозяйстве, нужно проживать в сельской местности	17,9	82,1	32,5	67,5	49,5	50,5	66,7	33,3	66,7	33,3
8. Экологическая обстановка в сельских территориях лучше, чем в городе	92,9	7,1	90,9	9,1	88,7	11,3	97,3	2,7	93,3	6,7
9. В сельских территориях нет работы	39,3	60,7	45,5	54,5	55,2	44,8	67,1	32,9	68,9	31,1
10. Жизнь в сельской местности идет медленнее, чем в городе	80,4	19,6	58,4	41,6	64,9	35,1	78,6	21,4	77,5	22,5

Представители всех возрастных групп показали близкие результаты по распространенности установок «Я считаю, что в городе больше возможностей, чем в сельской местности», «Работа в сельском хозяйстве физически тяжелая», «В большинстве сельских населенных пунктов отсутствует качественная медицина», «Экологическая обстановка в сельских территориях лучше, чем в городе». Установка о низких зарплатах в сельском хозяйстве в большей мере затрагивает старшее поколение, что вероятно связано с пониманием молодежи современного рынка труда и наличия современных цифровых профессий в сельском хозяйстве. Установка «Жизнь в селе для пожилых людей, а не для молодежи» больше характерна для респондентов двух старших возрастных групп (46–55 лет и старше 55 лет), наиболее позитивно настроены оказались респонденты 25–35 лет и 36–45 лет, среди которых данную установку разделяют соответственно 37,7 % и 38,1 %. Похожая тенденция наблюдается по установке «Жизнь в сельской местности идет медленнее, чем в городе». В силу мобильности и развития цифровых компетенций молодежь в меньшей мере разделяет установку о необходимости проживания в сельской местности для работы в сельском хозяйстве (17,9 % в возрастной группе 16–24 лет, 66,7 % в возрастной группе старше 55 лет). Аналогичная ситуация наблюдается по установке «В сельских территориях нет работы», которую разделяют в основном представители двух старших возрастных групп.

Таким образом, изучение установок населения Кемеровской области – Кузбасса относительно уровня развития сельских территорий региона и сельского образа жизни позволило установить следующие гендерные и возрастные особенности. Мужчины в целом настроены более негативно: они видят мало перспектив в проживании в сельской местности и работе в сельском хозяйстве. Возрастные особенности установок связаны с более лояльным отношением молодежи к труду в сельском хозяйстве и более позитивными ожиданиями относительно оплаты труда. Наиболее расположенными к проживанию в сельской местности и работе в сельском хозяйстве оказались люди 25–35 и 26–45 лет.

В перспективе исследование может быть дополнено исследованием особенностей установок населения относительно уровня развития сельских территорий и сельского образа жизни в зависимости от места проживания респондентов и их уровня образования.

Литература

1. Абдулаева З. 3. Гендерные установки населения Юга России в социально-профессиональной сфере // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 10 (180). С. 248–257.
2. Абдулманапов П. Г. Миграционные установки населения Республики Дагестан в современных условиях: социологический анализ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 5 (139). С. 73–79.
3. Амелина С. А., Жиленкова В. К. Исследование социальных установок населения к рынку труда Курской области на основе методов Терстоуна и Лайкерта // Ignis Iuvenum. 2025. № 2 (5). С. 1–7.
4. Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. Социально-экономическая ситуация и миграционные установки граждан по результатам массового опроса населения в Республике Башкортостан // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 9–15.
5. Чуркина Е. С. Концептуальный подход к развитию человеческого капитала сельского хозяйства промышленного региона // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 8. С. 5517–5530.
6. Чуркина Е. С. Механизм и направления развития человеческого капитала сельского хозяйства в условиях межотраслевой конкуренции в Кемеровской области (Кузбассе) // Продовольственная политика и безопасность. 2025. Т. 12, № 3. С. 821–839.
7. Шилова А. Э. Установки населения промышленного региона относительно развития сельских территорий (на примере Кемеровской области – Кузбасса) // Теория и практика современной аграрной науки : сб. IX нац. (всерос.) науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 27 февр. 2026 г. Ч. 2. Новосибирск : ИЦ Ун-та биотехнологий «Золотой колос», 2026. С. 734–738.

УДК 321.7:316.323

А. А. Зайковская

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

И. Р. Либенсон

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

ПРЯМОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Противопоставляются потребительский и цивилизационный форматы общества. Критикуется представительная демократия как инструмент власти, порождающий отчуждение народа. В качестве альтернативы предлагается модель прямого общественного самоуправления, исключающая иерархию и делегирование полномочий. Ключевым элементом выступает единая электоральная платформа для принятия решений. Обосновывается, что переход к такому самоуправлению возможен лишь при добровольной смене формата общества, изменения общественных приоритетов в сторону коллективной ответственности и духовных ценностей.

Ключевые слова: прямое общественное самоуправление, потребительский формат общества, цивилизационный формат общества, критика демократии, идеальная модель, социальная иерархия, коллективная ответственность.

A. A. Zaykovskaya

Irkutsk State Transport University, Irkutsk
Irkutsk State University, Irkutsk

I. R. Libenson

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

DIRECT SELF-GOVERNMENT AS A WAY TO OVERCOME CONSUMER SOCIETY

The article contrasts the consumer format of society with the civilizational format. The authors criticize representative democracy as an instrument of power that generates the alienation of the people. As an alternative, they propose a model of direct public self-government that excludes hierarchy and the delegation of authority. A key element is a unified electoral platform for decision-making. It is argued that the transition to such self-government is possible only through a voluntary change in the format of society, a shift in public priorities toward collective responsibility and spiritual values.

Keywords: direct public self-government, consumer format of society, civilizational format of society, critique of democracy, ideal model, social hierarchy, collective responsibility.

Методология, основанная на сравнении двух фундаментальных категорий – потребительский и цивилизационный форматы общества, представляется перспективной в исследованиях системы социального управления. В исследованиях народоуправления на организационном, территориальном, государственном и даже глобальном уровнях мироустройства полезно обратиться к образу прямого общественного самоуправления, который возможен лишь в цивилизационном, созидательном формате общества, но невозможен в потребительском формате, в котором мировое сообщество пребывает после завершения матриархального уклада вот уже 6 тыс. лет с переходом к патриархальному укладу по образцу общественного и государственного строя шумеров. С тех пор всеобщим целеполагающим, организующим и направляющим началом общественной жизни на Земле стала система власти, интересы которой доминируют над интересами народов, и которая стала строить будущее без их непосредственного участия.

Потребительский формат – это прежде всего разделенное общество. Когда общество разделено, оно без власти не выживет. Власть – это статическая система, остов, на котором крепится система управления. Шесть тысяч лет в человечестве укоренилось выученное бездействие, что люди не способны к самостоятельному объединению, упорядочению, саморегулированию и самоуправлению, что нужна власть, которая, образно выражаясь, является скелетом общественного организма, без которой он превращается в «одинокую толпу» (монография (1950) *Д. Рисмена*), «нуждающуюся в благодетеле» разделенную, дезорганизованную, бесформенную, неупорядоченную массу эгоистичных потребителей, способных лишь все разрушить и погрузиться в смуту. В древних источниках мы находим: «Стабильность власти – это основа благополучия страны». «Величие царства определяется поступками правителя» [1].

Потребительскому формату общества присуща универсальная модель управления, основанная на власти, деньгах, социальном и имущественном неравенстве, элите с привилегиями и безвластном большинстве. Власть создает субъектную, социальную, институциональную и инструментальную структуры. Сменялись социальные системы (по *К. Марксу* – общественно-экономических формации), а фундаментальная структура власти – нет. Поддерживаемое самим обществом рабство не отменяли, его совершенствовали.

Ключевым фактором объединения людей является их реальное участие в социальном управлении, под которым подразумевается общественное самоуправление. Потребность общества в самоуправлении существовала всегда. Приведем формы самоуправления, существующие в потребительском формате. Вот некоторые из исторических форм: народное собрание (тинг, фольксмюндинг, вече – народные собрания для решения важных дел в Древней Руси, Новгороде); казачий круг (общее собрание для выборов атамана и решения дел у казаков); Земский собор (сословно-представительный орган в Русском царстве в XVI–XVII вв.); общинный сход (собрание жителей сельской общины для решения местных дел); цеховая организация (участие ремесленников в управлении городом через цехи в средневековых городах Европы и Руси); сословный совет (дворянские собрания, гильдии); сословное представительство (участие через делегатов от своего сословия – дворянства, духовенства, горожан).

Формы участия людей в социальном управлении показывают эволюцию от прямых собраний исторической общины как прямого принятия решений людьми по отдельным вопросам до инструментов современной демократии: представительная демократия (участие через избранных лиц); общественные инициативы и контроль; коллегиальные совещательные органы; местная самоорганизация и самоуправление; публичные действия и активизм (слактивизм, кликтивизм); участие в отправлении правосудия; участие через профессиональные и корпоративные структуры, «кружки качества»; цифровое и инновационное участие (э-демократия); служба в государственных органах; совещательная (делиберативная – от *deliberation*) демократия; соуправление.

Политические модели демократии допускают разнообразие форм влияния людей на систему социального управления как на локальном, так и на национальном уровнях: референдум (плебисцит), общественные слушания, обращения и петиции, публичные консультации, общественные советы, узаконенные прямые действия и акции, участие в политических партиях и движениях, краудфандинг, краудсорсинг и онлайн-платформы, волонтерство и деятельность НКО, территориальное общественное самоуправление (ТОС), открытые бюджетные инициативы.

С одной стороны, политическая активность масс, права и свободы людей – результат их революционных завоеваний и буржуазных реформ. С другой стороны, пробивал себе дорогу к рычагам социальной власти национальный и мировой капитализм (власть денег), который всегда является противником контроля «демократического государства» над делами капитала и бизнеса.

Как утверждал *К. Поланьи* (австро-венгерский экономист, социолог и философ, наиболее известный своей критикой рыночного фундаментализма и анализом взаимосвязи экономики и общества), неограниченное распространение рыночных отношений (особенно на труд, землю и деньги – «фиктивные товары») разрушает социальные связи и порождает катастрофические последствия – бедность, неравенство, экологический ущерб. Демократия, по его мнению, возникает как часть «защитного движения» общества против угроз, созданных рыночной экономикой. Например, расширение избирательных прав, профсоюзы, социальное законодательство – это попытки подчинить рынок демократическому контролю и защитить человеческие и природные ценности.

Автор вскрыл глубокое противоречие между логикой саморегулирующегося рынка, требующего невмешательства, и демократией, требующей участия людей в решении вопросов, затрагивающих их жизнь. Он предупреждал: если демократия не сможет обуздать рыночные силы, общество будет искать защиту в авторитарных режимах, которые обещают стабильность ценой свободы, что, по его мнению, объясняло приход к власти фашизма.

Главную угрозу демократии *Поланьи* видел в подчинении политики интересам рынка, рыночной экспансии, то, что сегодня называют «неолиберализмом». «Позволить рыночному механизму быть единственным руководителем судьбы человеческих существ и их природного окружения... привело бы к уничтожению общества». «Демократия – это средство, с помощью которого общество защищает себя от разрушительных эффектов саморегулируемого рынка» [2]. Демократия – это не просто выборы и институты, а способ организации общества, основанный на принципах солидарности и социальной справедливости. не просто политическая система, а инструмент защиты человеческого достоинства, общественной солидарности и окружающей среды от разрушительной силы неограниченного рынка. *Поланьи* выступал за «демократический социализм», где экономика управляется в интересах общества, а не подчинена рыночной логике, где государства играют активную роль в регулировании экономики, защите общественных благ и обеспечении социальных прав. Некоторые современные мыслители (*Н. Фрейзер*), развивая идеи *Поланьи*, говорят о необходимости «прогрессивной демократии», объединяющей борьбу за социальные, экономические и экологические права.

В действительности «прогрессивная демократия», «демократический социализм» недостижимы в потребительском формате общества. В любых доминирующих социально-экономических формациях любые исторические формы демократии, возникающие в процессах революционных или эволюционных преобразований, неминуемо оказываются под контролем власти, немедленно становятся ее институтом.

Система власти – это иерархическая структура с дискреционной, концептуальной, идеолого-пропагандистской, валютно-финансовой, военно-политической, технико-экономической, законодательной, административно-исполнительной, бытовой составляющими, которые взаимодействуют между собой определенным образом [3]. В условиях капитализма доминирующим механизмом социального и политического разделения, контроля и мотивации людей стала необыкновенно разросшаяся и чрезвычайно усилившаяся финансо-

во-кредитная составляющая структуры мировой системы власти. Как пишет В. Ю. Катасонов, современная финансовая система функционирует как инструмент управления, основанный на долговых обязательствах, где кредит превращается в средство политического подчинения одних стран и элит другим, а мотивация человеческой деятельности сводится к необходимости обслуживания этого глобального долга [4]. Финансовая система капитализма является способом распределения власти, которая в автоматическом режиме перераспределяет ресурсы общества по вертикали снизу-вверх, порождая высочайшее социальное неравенство и возрастающий масштаб коррупционного перераспределения.

В потребительском формате общества демократия как «естественное право» людей и демократия как институт не совпадают. Механизм функционирования демократии как института раскрыл Й. Шумпетер (1883 – 1950) в теории «конкурирующих элит» («соревновательная теория демократии» – *«competitive theory of democracy»*), «конкурирующая элитарная теория демократии», «процедурная теория демократии», отличается от теории «соревнующихся лидеров»), которую также называют «элитистской моделью демократии» в противовес «плюралистической».

Шумпетер переопределил демократию не как реализацию общей воли народа или идеал участия, а лишь как институциональный механизм для соревнования элит за голоса избирателей [5]. Демократия – это рынок, где избиратели – это потребители, а лидеры (политики) – предприниматели, которые предлагают политические «продукты» (программы, обещания). Роль народа – не управлять, а выбирать между конкурирующими командами элит. Народ делегирует власть тем, кто победил в этом соревновании. Ключевой процесс: свободная конкуренция за руководящие посты. Если нет такой конкуренции (одна партия, нет выбора), нет и демократии по Шумпетеру.

Потребительский формат общества в эпоху капитализма создал сетевую институциональную структуру власти как распределенное множество ее центров (разбавленная концентрация власти – принцип разделения власти в широком смысле), объединенных общей функцией систематического контроля над обществом с задачами держать его в повиновении, склонять к лояльности, побуждать к работе. Здесь демократия как институт наиболее искусно прикрывает отчуждение людей от управления делами общества и является лишь игрой в демократию, нежели настоящей демократией. В этой игре тебя спрашивают, но тебя не слушают.

С начала второй половины текущего двенадцати тысячелетнего космического цикла (с создания государства Шумер) строился и продолжает строиться потребительский формат общества и соответствующая ему система власти и управления. Между правителем (правлящей верхушкой) и народом как посредник выступает военно-бюрократический слой по принципу: мало людей – мало начальников, много людей – много начальников. В бюрократическом слое выделяется карьерная и постоянная (безвластная) бюрократия.

Система власти разделяет общество на варны, касты, цзи, тайфа, сословия, классы, статусы, чины, титулы, должности, закрепляющие социальное неравенство. Издревле в социальной иерархии доминирующими внутренними стимулами выступают: у господствующего социального слоя, властной элиты, управляющего субъекта, – *богатство и власть*; у просто-го народа, рядовых тружеников, управляемого объекта, – *вера и страх*.

Господа и подданные становятся заложниками потребительского формата общества. «Элиты» и «массы» нестабильны в проявлении ответственности и балансируют на грани недружелюбия и недоверия. Почему? Потому что богатство таит соблазн власти, почестей, возможностей, иллюзию вседозволенности. Вера (сила мысли) способна усиливать иллюзии и закреплять шаблонные программы сознания. Страх порождает гнев, гнев порождает ненависть, ненависть порождает страдания. Страдания делают человека безжалостным. Мир, где страдают люди нестабилен не вечен, а люди являются безответственными и несчастными.

Модель социального управления времен шумерского царства стала универсальной в мировом масштабе. В современном мире она связана с политическими системами – демократии или автократии согласно общей типизации, используемой на Западе. При всех отличиях и модификациях данные системы подобны: 1) общество разделено на правящее меньшинство

и безвластное большинство; 2) выборы, как единственная форма политического участия масс, придают легитимность власти меньшинства; 3) после выборов право на власть и управление отчуждается от масс, а массы отчуждаются от права самостоятельного принятия решений, от распоряжения общественными благами и от механизмов и процессов их распределения.

В политические процедуры проникают современные информационные технологии, например, «электронная демократия», при этом не меняется подход, механизм и институт. Обратная связь между выборами сводится к социологическим опросам людей о их доверии к институтам власти и лидерам.

Демократия как «право на жизнь, свободу и стремление к счастью» не может эффективно влиять на законодательную и исполнительную власти, которые часто не обеспечивают демократические ожидания и требования и нарушают конституционные права людей: совершают революции, разжигаются войны, дети умирают от голода, болезней, растет имущественная дифференциация (неравенство), инфляция съедает трудовые доходы и сбережения, растут «норма эксплуатации» труда и относительная бедность, не становятся общедоступными высококачественные образование и медицина, наука далеко не в полной мере обеспечивает интересы людей в безопасности и улучшении условий жизни, люди чувствуют угрозу технологической безработицы, отсутствует надежная комплексная система защиты человечества от угроз климатических изменений и связанных с ними природных катастроф, вынужденная и стихийная миграция делает людей еще более бесправными и несчастными. Власть называет все это «вызовами», с которыми ведет борьбу.

Власть вводит мало понятные простым людям термины, например, «перегрев экономики», «монетизация социальных льгот», «экономически избыточное население», «или низкая инфляция, или рост экономики» и др.

Для социального контроля власть издавна и широко использует дефициты источников энергии жизни – тепла, света, жилья, качественной еды, денег, информации, свободного времени. Это ни что иное, как стимуляция запретами и ограничениями людей, воспитанных на качествах Животного (материального, потребительского) начала, которое, находясь «на коротком поводке», усмирится, чтобы люди были заняты лишь проблемами выживания, не вспоминали о своих правах, не вели «праздничный образ жизни», не ленились работать на интересы и цели власти.

Власть в действительности не заинтересована в равном распределении источников энергии жизни среди населения на высоком уровне их достатка. Будучи незаинтересованной в абсолютном социальном равенстве власть не создает системных условий для равного и бесплатного доступа всех людей и народов к возможностям передовых технологий, которые могут полностью избавить их от материальной зависимости. Система оберегает свои привычные инструменты и свою вековую иерархию. Поэтому, если в людях не возобладает Человек, они из дефицитов источников энергии жизни никогда не выберутся.

Авторы статьи отмечали [6], что мировая элита стремится к анонимности власти, предельной обезличенности управления, разомкнутой системе управления, непрозрачности и закрытости процесса подготовки и принятия управленческих решений, упразднению института лидерства в среднем звене управления (бюрократический уровень: чиновники, администраторы, менеджеры). Средний управленческий слой будет замещен алгоритмическим управлением на основе «технологической сингулярности», т. е. технологии «единого искусственного интеллекта» (ЕИИ) [7] – «идеального бюрократа» – доступного, приветливого, вежливого, стремительного, законопослушного, неподкупного, но вместе с тем, невидимого, с непрозрачной системой оценки, исключающего свободу выбора, право голоса, обратную связь, ибо находится в распоряжении узкого круга частных лиц, обеспечивающего им всю полноту власти над подконтрольным мировым сообществом.

Теперь уже не секрет, что стратегия, которую мировая власть выстраивает по поколениям, состоит в том, чтобы достроить свои структуры до пирамидального уровня с максимально широкой опорой на народные массы и строго определенной иерархической верхушкой [3]. Любая социальная власть всегда мечтает о «доминировании в полном спектре» (тер-

мин Пентагона), т. е. идеологическом, финансовом, политическом, информационном, военном, экономическом, технологическом, дипломатическом, культурном доминировании⁵ без обратной связи. Данная мечта – есть отражение глубинного стремления личности и отдельных социальных групп к неограниченной свободе и независимости. В потребительском формате общества неограниченная свобода и независимость ассоциируются в пределе с полным суверенитетом и полной властью над обстоятельствами, сообществами и ресурсами. В данном формате мировая борьба за доминирование и власть – естественный процесс, конечный пункт которого в случае успеха – объединение мирового сообщества под «всевластием» «мирового правительства» как единой идеологической и военно-политической власти над всем человечеством и как всеобщего мирового центра принятия решений. Проблема в том, что единое управление необходимо для рабской психологии современного человека. Данное понимание – мостик к свободному и справедливому обществу, в котором необходимость в групповом тиране в лице «мирового правительства» отпадает.

Критика идеи и концепции «Единого мирового правительства» сопрягается с идеей многополярного мироустройства [8]. Эта идея подразумевает распределение власти между государствами-цивилизациями как новое международное право, новый баланс между мировыми центрами силы и условие мирного, дружеского сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Однако многополярность – это геополитический баланс власти политиков, а не народов. В условиях потребительского формата и свойственной ему конкуренции за гегемонию и власть временное совпадение интересов региональных центров силы, политических союзов, альянсов, коалиций, бизнес-партнерств и т. п., даже интересов стратегических, тем не менее не есть постоянная и надежная основа для объединения, ибо прежде всего данные интересы – это конъюнктурные, коммерческие, переменчивые, национально ориентированные интересы, идущие от ума и логики узких политических кругов, их публичных ставленников и спецслужб.

Человечеству же необходим решительный отказ от принудительно-силового управления, а значит, и всех существующих центров принятия решений кроме одного – единой электоральной платформы общественного самоуправления. Рассмотрим некоторые аспекты настоящего общественного самоуправления в контексте того, что человечеству нужна эволюция, а не революция.

Людам свойственно стремиться к улучшению своей жизни. Это нормально. Однако это стремление принципиально отличается в разных общественных форматах – потребительского или цивилизационного. В цивилизационном формате, если мы хотим улучшить свою жизнь, то мы должны улучшить жизнь всех и каждого. Здесь люди, этносы, группы не борются за выживание, а конкурируют за улучшение жизни всего общества. Это должно быть организовано соответствующим образом [6]. Но в потребительском формате восторжествовал индивидуальный, социальный, идеологический, политический, финансовый, экономический, технологический и пр. эгоизм, и мы забыли о всех и каждом и оставили лишь стремление жить лучше, причем любыми путями и способами.

В глазах эгоиста жизнь на благо людей, служение людям выглядит как рабство. Любовь, сострадание, забота – как слабость. Эгоисту непонятно и является для него парадоксом, что человек в действительности обретает внутреннюю свободу тогда, когда на первое место ставит заботу о других. Эгоист не знает, что заблуждается и сам является рабом своего заблуждения. Он ищет свободу во внешнем, а человек может найти ее только внутри себя.

Настоящая демократия – право людей самостоятельно принимать решения, которые отражаются на жизни всех и каждого. Настоящее самоуправление – это: 1) самоуправление без политической борьбы за социальные, экономические и экологические права; 2) система управления без делегирования власти лидерам, хоть выдвинутым самим народом, хоть кандидатам, подобранным и предложенным элитой для народного выбора.

⁵ Абсолютная (могучая) власть – это жреческая (идеологическая), политическая, финансовая, технологическая составляющие власти, сконцентрированные в одном субъекте.

Понятия «идеальное общество» не является лишь плодом воображения, мифологии, фантазии или «утопии», ибо оно уже было на Земле в период, например, описанный как Сатья-юга⁶. В этот период природа отличалась щедростью и обильностью, человечество жило счастливо, не испытывая забот и повседневного тяжёлого труда. На всей планете не было социального неравенства, жрецов, царей, армий, оружия, войн, жреческих и политических структур, денежные отношения не разделяли людей, было абсолютное равенство в правах мужчин и женщин. Не было государственной власти, человеческие сообщества (культуры) основывались на единении всех своих членов. У людей выделялись качества Духовного начала: аскетизм, чистота, милосердие и правдивость. При этом общество обладало технологиями, которых нет в современном мире, ибо в последующем были утрачены.

Между тем жрецы и политики объявили период матриархата до момента образования шумерского царства доисторическим, человечество – первобытным, строй – родоплеменным. Они сделали это для «спрямления времени», посева веры в «линейность прогресса». В действительности же история циклична, и в тот период было созидательное общество людей с доминанцией Духовного начала, было прямое общественное самоуправление, которое целиком отличается от моделей, свойственных потребительскому формату исторического и современного общества на нисходящем векторе текущего цикла.

В VII в. Пророк Мухаммед воссоздал самоуправляемую общину – единую умму, прототип созидательного общества, известный как Мединское соглашение (Конституция Медины, около 622 – 624 гг.). Но оно не имело своего продолжения в истории, умма не пошла по пути, намеченном Пророком. Не пошел по этому пути и мир в целом.

Настоящее общественное самоуправление – это прямое принятие решений людьми. Оно не требует никаких согласований с официальными структурами власти, ибо подобных структур нет, а сами люди составляют общую, одну единственную структуру власти, сами люди – и есть непосредственная власть. Здесь граждане не являются источником власти, как это записано в конституциях многих стран, а сами люди, все вместе и каждый в отдельности, – есть сама власть, т. е. источник власти и субъект власти здесь полностью совпадают.

Здесь нет власти людей над людьми, никто и нигде не имеет монополии на власть, так как исключается сама возможность группового или единоличного присвоения права управления делами общества, власть не делегируется от избирателей (подданных, электората, выборщиков, делегатов, паствы, зрителей, слушателей, публики и т. п.) неким посредникам (институтам, органам, ведомствам, назначенцам, представителям, любимцам и т. п.), не опосредуется и не сосредотачивается ни в каких частных умах и руках (ибо концентрированная власть крайне токсична), а равно распределяется между всеми участниками общественного процесса. Участники же процесса – это сами люди. Если все вместе допустили ошибку, приняв неверное решение, то все вместе исправили ошибку, приняв решение верное. Есть одна на всех общая структура самоуправления, в которой власть никому не делегирована, а одинаково распределена между всеми людьми.

Подобное возможно, если мировое сообщество, сами люди высказываются за объединение в одну большую человеческую семью, когда большинство людей по всему миру своим свободным выбором меняют приоритеты с доминирующего на сегодняшний день Животного начала в своем сознании на приоритеты своего Духовного начала, ведь человек от природы двойственен.

В мировом сообществе, ориентированном на духовный вектор развития, «постоянных» уполномоченных, как нынешние депутаты и им подобные, не может быть. Если необходимо делегировать своих уполномоченных представителей на общественные сборы, дабы сообщить мнение людей той или иной местности, то, пожалуйста. Но эти люди должны реально избираться из народа по их личным, нравственным качествам, уровню ответственности, профессионализма, конкретным делам, которые уже сделаны ими для общества. Эти

⁶ Согласно учению *Свами Шри Юктаешвара Гири* продолжительность цикла юг составляет 12 000 лет. В этом цикле Сатья-юга длится 4800 лет, Трета-юга – 3600 лет, Двапара-юга – 2400 лет, а Кали-юга – 1200 лет. Человечество в настоящий момент находится в конце этого 12-тысячелетнего цикла [9].

представители должны быть лишены любых льгот, привилегий. Осуществлять общественную деятельность за свой счёт, в свободное от работы время, не получая никакого материального или иного вознаграждения, каких-либо преимуществ по отношению к другим участникам общества. Причём только лишь тогда, когда этот человек улучшает условия жизни всех участников общества, вместе со всеми он улучшает жизнь и себе. Таким образом, народное представительство формируется исключительно «снизу», по необходимости, не на постоянной основе, бесплатно, в свободное от основной работы время, без права участия представителя в голосованиях от имени сообщества.

Прямое общественное самоуправление означает, что власть и управление не концентрируются в каких-либо «легитимных ЦПР» («командно-контрольных пунктах», «мозговых центрах»), ибо в этой модели их нет. Единственным центром выступает единая электоральная платформа, где все имеют равный доступ к всеобщему голосованию, в которой каждый имеет равный голос.

ЦПР замещаются координационными центрами профессиональной подготовки (инициации, проектирования, расчетов, планирования, анализа и т. п.) решений в делах общества. Решения готовятся специалистами, а принимают эти решения исключительно сами люди, прямым голосованием превращая их в закон и план, руководство к коллективным и индивидуальным действиям.

Исполнительный чиновничий аппарат, занимающийся текущими делами общества, должен быть сокращён до необходимого минимума и по максимуму ограждён от каких-либо возможностей использовать своё служебное положение в личных, частных интересах, т. е. создать такие условия для работы людей на этих должностях, которые бы исключили все возможности соблазна властью, положением, материальной выгодой.

Следует сделать так, чтобы народ мог осуществлять постоянный контроль (в том числе и в реальном режиме времени) над деятельностью аппаратчиков, т. е. номенклатурных сотрудников административных аппаратов, а сам процесс исполнения чиновниками своих служебных обязанностей сделать настолько открытым для общественности, чтобы эти люди не смогли проявлять качества своего Животного начала на своих постах. Тогда чиновник действительно станет служащим, т. е. будет добросовестно служить народу и честно выполнять свои обязанности.

Прямое самоуправление предполагает отказ от идеологической и политической вертикали власти и управления, любых властно-административных иерархий как таковых. Данная модель содержит в себе только местный и глобальный уровни самоуправления, а так называемого международного уровня в ней нет.

Прямое самоуправление предусматривает отказ от лидерства как политического принципа и формального института, т. е. отказ от лица или группы как частного «лица принятия решений», будь то: авторитарного или демократического, консервативного или либерального, абсолютистского или конституционного, легитимного или узурпатора, популиста или волюнтариста, наследного или случайного, технократа или политика, стратега или тактика, благородного или незнатного, прозорливого или недалеконovidного, победителя или проигравшего, одобряемого или порицаемого, харизматичного или ординарного, просвещенного или невежественного, неподсудного или судимого, достойного или неподобающего, заслуженного или неизвестного, стойкого или податливого, влиятельного или неавторитетного, праведного или лживого, реалиста или мечтателя, пожилого или молодого, честного или манипулятора, благочестивого или нечестивого, неподкупного или коррумпированного, бескорыстного или алчного, открытого или коварного, сострадательного или безразличного, вежливого или грубого, трезвого или алкоголика, сдержанного или импульсивного, верующего или атеиста, чистосердечного или лукавого, разумного или безрассудного, уравновешенного или гневливого, милостивого или беспощадного, прощающего или мстительного, беспристрастного или предвзятого, яркого или безликого, смиренного или высокомерного, скромного или тщеславного, искреннего или притворного, справедливого или пристрастно-

го, лучезарного или демонического, великого или ничтожного, благословенного или проклятого, добродетельного или злодея, мудрого или нет.

Ни «праведного правителя», ни «порочного тирана», хоть человека предусмотрительного, осторожного, гибкого, мягкого, гуманного, взвешенного, хоть человека смелого, стремящегося к власти, жесткого, твердого, беспринципного, «такого мужика», который должен то, что ему хочется, брать, и который еще должен нести всю полную ответственности за выбор целей, средств и результаты своего правления, а также быть поддержан «подданными».

В потребительском формате любой публичный лидер – это потенциальный тиран, который, возможно, сам является противником принудительного правления (а в потребительском формате любое правление – принудительное, насильственное), но, в силу своего нахождения на ступени иерархии власти, вынужден выступить диктатором при принятии определенных решений, неважно, самостоятелен ли он, или он принимает их под чью-то диктовку, или под чьим-то влиянием, будучи лично кому-то обязаным, подотчетным или являясь чей-то публичной марионеткой. Любой лидер не может обойтись без помощников, советников, прислуги, охраны, поддержки приближенных и веры отдаленных. Вместе с тем, любому лидеру немедленно возникает оппозиция, которая его критикует, выражает недовольство, не поддерживает, желает альтернативы.

Неправильно перекладывать ответственность на лидера. Ответственными за решения, касаемые жизни общества, должны быть каждый и все вместе. Отказ от политического принципа лидерства в управлении освобождает общество от навязанной ему в потребительском формате концепции *меритократии* – гипотетического принципа распределения власти по индивидуальным достоинствам и «управления по заслугам» (Х. Арендт, 1954; М. Янг, 1958).

Принципом меритократии мировая власть намерена заместить старые и новые принципы распределения власти по: знатному происхождению (аристократия), передаче одному лицу (автократия), месту в иерархии религиозной организации (теократия), доминированию в общественном сознании идей, идеалов (идеократия), этнической принадлежности (этнократия), финансовому богатству (плутократия), владению транснациональными корпорациями и банками (корпоратократия), владению техническими знаниями и навыками (технократия), уровню интеллекта (ноократия), владению информацией (нетократия).

Концепция меритократии в потребительском формате общества, в котором интересы власти обычно выше и отличаются от интересов людей, нам представляется в конечном счете неосуществимой [10]. Публичной власти свойственно выдавать частные интересы власти за интересы людей. Равана, царь Ланки: «Любому царю в интересах государства приходится ущемлять интересы людей» [11]. Вместе с тем поколения власть имущих неизменно повторяют, что это на благо народа.

Несправедливость – это синоним власти. Справедливость – это отсутствие власти людей над людьми. Солидарное общество невозможно, если сохраняются структуры власти, ибо древний принцип власти – разделяй.

Прямое самоуправление предусматривает отказ от понятия «элита с привилегиями» – социального слоя, поддерживающего и проводящего стратегии структур власти, – жреческой (идеологической), финансовой, политической, экономической, военной, культурной, научной и образовательной.

Предусматривается отказ от традиционного образа аппаратной бюрократии, которая исполняет волю «тирана и элиты», и в которой сосредоточена основная коррупция.

Если нет институций тирана, элиты и бюрократии, то нет желающих пробиться в них, нет и желающих их ограничить, конкурировать с ними, быть в оппозиции им, смещать и занимать их место.

Прямое самоуправление предполагает коренное преобразование существующей иерархической структуры социума, власти и управления во всех странах и континентах, а главное, что осуществление прямого общественного самоуправления невозможно без решительного отказа от потребительского формата, но возможно при выборе человечеством цивилизационного формата [12], в котором создаются информационные и материальные усло-

вия, гарантирующие полное социальное равенство, где никого нет выше или ниже, больше или меньше, нет своих и чужих, плохих и хороших, нет и не может быть социальной поляризации, ибо все люди объединены на приоритете универсальной ценности Жизни человека. Если ценен один человек, значит ценны все люди.

Цивилизационный формат означает единое самоуправляемое мировое общество с комплексом условий: безопасность, ежемесячный базовый доход, ограничение капитализации индивида и его семьи, фиксированные цены, новая экономика, бесплатное жилье, медицина, образование, бесплатная энергия, новейшие технологии. Это и многое другое обеспечит в людях стремительный рост следующих качеств: осознанность, объективность, ответственность, субъектность, здравомыслие, уважение, благодарность. *Осознанность* – это выбор личности при наличии знания. *Объективность* – это видение себя со стороны, честность перед самим собой. *Ответственность* – это обратная связь сознания с совестью (синонимом Личности). *Субъектность* – это доминанция Личности (духовной составляющей) над сознанием (материальной, потребительской составляющей двойственной природы человека). *Здравомыслие* – это полный контроль сознания. *Уважение* – это первое что, объединяет людей. *Благодарность* – это отношение ко всему и всем, улучшающим, спасающим и дающим людям Жизнь.

Зададимся вопросом. Отказ от: 1) системы дискреционной, идеологической, финансовой, технологической и политической власти, 2) привилегированных сословий и социальной пирамиды, 3) пирамиды социального управления – означает ли потерю управления, неизбежную дезорганизацию, хаос, стихию, неконтролируемую среду, распад общества на самоуправляемые группы, сообщества и анклавы?

Нет, не означает, если предусмотреть выполнение следующих условий: 1) в отдельно взятой стране ничего не сделаешь, просто, ничего не получится, потеряешь страну; 2) большинство мирового сообщества осознает целесообразность преобразования современного потребительского формата в цивилизационный; 3) люди берут ответственность на себя и все народы мира принимают решение о смене формата; 4) основы цивилизационного формата общества, включая прямое самоуправление, имплементируются в конституции стран; 5) все страны планируют переходный период, т. е. продумывают и выстраивают синхронное прохождение этапов перехода от теоретической модели самоуправления к его практической организации и функционированию на постоянной основе.

Камнем преткновения на пути к настоящему общественному самоуправлению лежит система власти и привычка людей не брать ответственность за собственную жизнь на себя, а делегировать целеполагание и принятие не только стратегических, но и любых управленческих решений «избранным». При этом дело не в неверии власти в способность народа к самоуправлению, а в: 1) боязни передать власть народу; 2) многовековой привычке людей, глубоко укоренившейся в преемственности поколений, перекладывать ответственность за управление собственной жизнью на кого-либо; 3) неосведомленности людей об альтернативе и жизненной необходимости самоорганизации и самоуправления.

Распределенная среди людей власть как право каждого члена общества принимать личные законодательные решения о жизнедеятельности локального и всего мирового сообщества, а в их числе – и решения о собственном благополучии, незамедлительно трансформируется во внутреннюю ответственность всех и каждого. Только свои решения люди могут исполнять с энтузиазмом и подлинной ответственностью, а решения не свои, чужие люди могут исполнять лишь отчужденно под воздействием искусственно созданного комплекса внутренних и внешних стимулов, вводимых властвующими субъектами управления.

Ответственность всех и каждого за улучшение жизни всего общества, вместе с ним и за собственную жизнь – основа цивилизационного формата общества. Свобода – это право выбора. Прямое самоуправление народов – лучший способ объединения людей в созидательной жизнедеятельности, избавления от потребительского формата и построения единой человеческой цивилизации. Хотят ли, готовы ли люди к данному выбору? Если это «утопия», то стоит испытать всю «сказочность» потребительского формата.

Литература

1. Йога-Васиштха / пер. с санскрита, введ. и коммент. В. К. Шохина. М. : Акад. проект, 2021. 500 с.
2. Полаanyi К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетеия, 2002. 320 с.
3. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Внутренняя и внешняя власть системы // Культура. Наука. Образование. 2023. № 2 (67). С. 121–139.
4. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. 1088 с.
5. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. В. С. Автономова [и др.]. М. : Экономика, 1995. 540 с.
6. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Ответственность как целевая функция управления // Культура. Наука. Образование. 2025. № 4 (77).
7. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Проблема общественной безопасности технологии искусственного интеллекта // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 219–225.
8. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2020. 558 с.
9. Yukteswar S. The Holy Science. Los Angeles : Self-Realization Fellowship, 1990. 70 p.
10. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. Кадровая политика как фактор социальной стратификации // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 379–388.
11. Вальмики. Рамаяна / пер. с санскрита В. Г. Эрмана. М. : Ладомир, Наука, 2006.
12. Зайковская А. А., Либенсон И. Р. От общества потребления к обществу созидания // Культура. Наука. Образование. 2020. № 3 (56). С. 68–80.

УДК 331.1

Л. Г. Воронецкая

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Исследуются теоретические подходы к оценке эффективности кадровой политики. Особое внимание уделяется факторам, определяющим успешную реализацию кадровой политики, а также критериям ее эффективности. Обосновывается использование трех аспектов оценки эффективности: экономического, социального и организационного. Подчеркивается приоритет экономического аспекта. Делается вывод о возможности применения единого интегрального показателя для анализа эффективности.

Ключевые слова: кадровая политика, оценка эффективности, персонал организации, управление персоналом.

L. G. Voronetskaya

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

THEORETICAL APPROACHES TO EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PERSONNEL POLICY

The article examines theoretical approaches to evaluating the effectiveness of personnel policy. Special attention is paid to the factors determining the successful implementation of personnel policy, as well as the criteria for its effectiveness. The use of three aspects of efficiency assessment is justified: economic, social and organizational. The priority of the economic aspect is emphasized. The conclusion is made about the possibility of using a single integral indicator for performance analysis.

Keywords: personnel policy, efficiency assessment, organization personnel, personnel management.

Кадровая политика организации является важным направлением ее деятельности. Эффективная кадровая политика способствует росту кадрового потенциала компании. В связи с чем актуален анализ теоретических аспектов такой политики и подходов к оценке ее эффективности.

В рамках теории управления персоналом результативность кадровой стратегии оценивается через три ключевых аспекта:

- решение поставленных задач с наименьшими финансовыми вложениями;
- достижение индикативных показателей благодаря правильно отобранной, обученной и мотивированной команде;
- применение наиболее действенных управленческих инструментов, обеспечивающих высокую эффективность управленческого процесса [1, с. 439].

На эффективность кадровой политики влияют несколько групп факторов:

- согласованность с общей стратегией развития компании (исследуется с применением маркетингового анализа);
- изучение конкурентной среды и учет ресурсов (таких как уровень оплаты труда и корпоративный имидж);
- принятие во внимание особенностей организации, включая традиции, психологический климат, кадровый потенциал (требует проведения социологических исследований);
- учет внешних условий рынка труда;
- целостность подхода: критерии оценки и реализации кадровой политики должны быть едиными и непротиворечивыми [1, с. 439–440].

Для анализа эффективности кадровой политики целесообразно проводить среди сотрудников организации опрос (анкетирование и (или) структурированное интервью). Обработка полученных данных поможет определить наличие пробелов в системе управления персоналом [2, с. 333].

Опрос может затрагивать такие проблемы как:

- удовлетворенность кадровым составом организации;
- причины низкого уровня квалификации работников;
- удовлетворенность действующей в организации системой оплаты и стимулирования труда;
- стимулы, которые побуждают работников организации к повышению производительности труда и др. [2, с. 333–336].

При анализе текущей кадровой политики организации следует особое внимание уделить ее преимуществам и недостаткам с точки зрения экономической эффективности. Для этого требуется выполнить оценочную экспертизу на стадии предварительной подготовки к совершенствованию кадровой политики в рамках рассматриваемой организации [3, с. 67–68].

Эффективность прогнозирования и проектирования системы управления персоналом напрямую зависит от того, приводит ли реализация этих мер к росту производительности и результативности труда работников. Для измерения эффективности использования трудовых ресурсов целесообразно использовать показатель прибыли, приходящейся на одного работника. Такой подход дает возможность учесть взаимосвязь между факторами, стимулирующими производительность, и эффективностью использования человеческих ресурсов [3, с. 68].

Для оценки эффективности А. В. Борщева и С. В. Ильченко предлагают учитывать следующие ключевые направления оценки эффективности кадровой политики компании в разрезе функций управления персоналом, представленные в табл. 1 [4].

Эффективность кадровой политики анализируется по трем ключевым аспектам:

- организационный аспект характеризует сбалансированность и целостность структуры компании, где итоговые показатели деятельности выступают критериями эффективности;
- экономический аспект подразумевает достижение поставленных задач благодаря увеличению выработки;
- социальный аспект отражает степень удовлетворенности кадров, которая формируется под влиянием корпоративной культуры, системы мотивации и психологического климата в коллективе [4].

Следовательно, комплекс показателей, характеризующих эффективность кадровой политики, должен включать организационные, экономические и социальные аспекты. При этом для расчета ряда из этих показателей требуется привлечение дополнительных оперативных данных, полученных в ходе проведенных исследований [4].

Таблица 1

Ключевые направления оценки эффективности кадровой политики компании

Функции управления персоналом	Направления оценки с учетом функций управления
Стратегическое планирование кадровых ресурсов	Оценка текущего кадрового потенциала, постановка задач и стратегических направлений развития сотрудников, а также прогнозирование будущих потребностей в персонале; проверка обоснованности и оптимальности штатного расписания
Организация рабочих процессов и трудовой деятельности	Анализ условий труда, нормирования трудовых процессов, а также эффективности обеспечения персонала рабочими местами
Мотивация и стимулирование трудовой активности	Оценка систем материального и нематериального стимулирования, их взаимосвязи с мотивацией; анализ структуры и принципов оплаты труда, а также их уровня
Комплексная деловая оценка компетенций	Анализ форм, сроков проведения и результатов деловой оценки персонала, а также рассмотрение принятых на основании этих данных управленческих решений
Профессиональное ориентирование и адаптация в коллективе	Исследование методов профориентации, оценка их результативности и адаптация под нужды организации, а также диагностика существующих проблем в коллективе
Обучение и развитие персонала	Анализ целей, содержания и длительности программ обучения, их соответствие стратегическим задачам компании; оценка эффективности обучающих мероприятий и квалификации сотрудников
Использование человеческого капитала	Анализ уровня занятости персонала, анализ стабильности коллектива, а также распределения трудовых ресурсов с учетом должностей и рабочих мест
Процедуры найма и отбора сотрудников	Оценка эффективности применяемых методов рекрутинга, источников привлечения кадров, затрат на найм и итоговых результатов подбора персонала
Карьерный рост и профессиональное продвижение кадров	Изучение системы карьерного роста и продвижения персонала, оценка результативности применяемых методов планирования карьеры и их реализации

* Примечание – Источник: [4]

На основе вышеизложенных аспектов эффективности кадровой политики А. В. Борщев и С. В. Ильченко сформировали перечень соответствующих критериев и показателей (табл. 2). Учет критериев, представленных в табл. 2, и акцент на эффективности обеспечат кадровому подразделению возможность качественно выполнять свои функции в рамках управленческого процесса.

Таблица 2

Критерии и показатели эффективности кадровой политики

Критерии эффективности кадровой политики	Ключевые показатели эффективности
Стратегическое управление численностью сотрудников	Уровень укомплектованности штатного расписания (охватывает руководителей, рабочих, специалистов и служащих), %
Профессиональные навыки работников	Процент брака, вызванного недостаточной квалификацией сотрудников; структура персонала по уровню образования (высшее, среднее специальное, среднее и базовое); процент выполнения плана по обучению кадров
Уровень удовлетворенности персонала	Коэффициент текучести кадров с разбивкой по категориям (руководители, рабочие, служащие, специалисты); доля добровольных увольнений; уровень среднемесячной заработной платы
Использование трудовых ресурсов	Рост производительности труда, %
Состояние основных фондов	Показатели износа основных фондов, фондоотдачи и оборачиваемости оборотных средств

*Примечание – Источник: [4]

К. С. Григорьева отмечает, что главной сложностью в оценке кадровой политики выступает поиск адекватных критериев. Независимо от стратегического вектора развития организации, базовыми показателями должны выступать численность персонала, уровень текучести,

квалификация сотрудников, степень удовлетворенности их потребностей, уровень оплаты труда и социальный пакет. Специфические критерии эффективности кадровой работы должны формироваться на основе ключевых факторов успеха бизнеса, основных HR-процессов и вписываться в систему сбалансированных стратегических показателей [1, с. 440].

И. В. Шапошникова и В. Д. Кожевникова подчеркивают, что поскольку для оценки социально-экономической эффективности кадровой политики организации задействуется широкий спектр различных коэффициентов, требуется разработать комплексный интегральный индикатор, способный демонстрировать синергетический эффект реализации кадровой политики. Для решения подобных проблем применимы математические инструменты. В частности, для оценки результативности шагов по улучшению кадровой политики целесообразно применять хорошо зарекомендовавший себя метод анализа иерархий Т. Саати, который представляет собой алгоритм определения показателей важности [5, с. 992–993].

Согласно данной методике коэффициенты, отражающие эффективность кадровой политики, подвергаются попарному сопоставлению с целью определения их относительного воздействия на качество управления персоналом. Затем числа, отражающие достигнутое при сравнении согласие экспертов во мнениях, помещаются в матрицу сравнений. Затем осуществляется расчет главного собственного вектора данной матрицы, т. е. вектора с наибольшим собственным значением. Данный вектор используется для ранжирования приоритетов, а само собственное значение служит индикатором степени согласованности выводов [5, с. 992–993].

Присвоение координатам собственного вектора роли весовых коэффициентов позволяет сформировать интегральный показатель, отражающий общую эффективность кадровой политики. В качестве базовых параметров для расчета этого индекса выступают пять наиболее значимых коэффициентов:

- показатель кадровой стабильности;
- уровень текучести персонала;
- уровень квалификации работников;
- соотношение средней заработной платы сотрудников организации к среднему уровню по региону;
- доля социальных затрат в структуре чистой прибыли [5, с. 992–993].

Завершающим этапом становится определение вектора приоритетов на основе построенной матрицы. С математической точки зрения этот процесс заключается в поиске главного собственного вектора, который после процедуры нормирования преобразуется в итоговый вектор приоритетов. Интегральный показатель эффективности кадровой политики вычисляется путем применения весовых коэффициентов, которые определяются на основе значений координат главного собственного вектора [5, с. 992–993].

Таким образом, эффективная кадровая политика в рамках системы управления организацией является результатом тщательного планирования и реализации взаимосвязанных мер. Оценка эффективности кадровой политики должна быть комплексной, учитывающей ряд факторов. Комплекс показателей, объективно отражающих эффективность кадровой работы, должен охватывать организационные, экономические и социальные аспекты. Эффективность кадровой политики организации оценивается по тому, насколько эффективно решаются ключевые задачи: закрепление персонала, формирование резерва кадров, поддержание высокого уровня мотивации, обеспечение карьерного роста, повышение квалификации. Развитие и стабильное функционирование организации возможны лишь при наличии действенного механизма управления, где кадровая политика выступает важнейшим инструментом, обеспечивающим необходимый результат.

Литература

1. Григорьева К. С. Технологии оценки эффективности кадровой политики организации // Решетневские чтения. 2013. Т. 2. № 17. С. 439–440.
2. Тулубаева Д. А., Молдашева Н. С. Анализ эффективности кадровой политики предприятия // Форум молодых ученых. 2021. № 1 (53). С. 332–337.

3. Годованцева А. В., Чернышева Ю. С. Эффективная кадровая политика как основа управления персоналом предприятия // Мировая наука. 2020. № 1 (46). С. 66–70.
4. Борщева А. В., Ильченко С. В. Оценка эффективности кадровой политики организации // Вестник экспериментального образования. 2017. № 4 (13). С. 41–51.
5. Шапошникова И. В., Кожевникова В. Д. Метод анализа иерархий в оценке эффективности мероприятий по совершенствованию кадровой политики // Экономика и социум. 2016. № 1(20). С. 992–994.

УДК 338.262

Ю. А. Салтыкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НЕОБХОДИМОСТЬ НЕЗАВИСИМОЙ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

Оценивается реализация национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в части достижения целевого показателя «Численность занятых в сфере МСП». На основе институционального анализа, статистических данных Федеральной налоговой службы (2018–2024 гг.) и критического разбора нормативно-методической базы выявлены методологические коллизии и структурные искажения при расчёте показателя. Обосновывается необходимость обязательной независимой научно-квалифицированной экспертизы государственных проектов как инструмента, обеспечивающего методологически обоснованных целевых показателей проектов и качественное их достижение в условиях прозрачности и верифицируемости отчётности.

Ключевые слова: экспертиза государственных проектов, национальные проекты, МСП, численность занятых, целевые показатели, методология расчёта, статистические искажения, государственное управление.

Yu. A. Saltykova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE NEED FOR INDEPENDENT SCIENTIFIC EXPERTISE IN THE DEVELOPMENT AND EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF NATIONAL PROJECTS ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL PROJECT “SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES”

The article assesses the implementation of the national project “Small and Medium Enterprises and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives” in terms of achieving the target indicator “Number of people employed in the field of SMEs.” Based on institutional analysis, statistical data of the Federal Tax Service (2018–2024) and a critical analysis of the regulatory framework, methodological conflicts and structural distortions in the calculation of the indicator were identified. The author justifies the need for a mandatory independent scientifically qualified examination of state projects as a tool that ensures methodologically sound project targets and their qualitative achievement in conditions of transparency and verifiability of reporting.

Keywords: examination of state projects, national projects, SMEs, number of employees, targets, calculation methodology, statistical distortions, public administration.

Любая целенаправленная деятельность, особенно в масштабах государственного управления экономикой, требует не просто декларации желаемых результатов, но и разработки четкой системы ориентиров. Без измеримых ориентиров невозможно ни оперативное управление, ни объективная оценка прогресса, ни корректировка траектории движения. В современной российской практике управления социально-экономическим развитием роль таких ориентиров выполняют ключевые показатели (индикаторы), закреплённые в национальных проектах. Именно через их количественные и качественные значения происходит конкретизация стратегических целей. Таким образом, система национальных проектов представляет собой не просто перечень направлений расходования бюджетных средств, а механизм управления по целям, где каждое целеполагание обязательно трансформируется в набор верифицируемых индикаторов.

Определяя роль малого и среднего предпринимательства (МСП) в достижении национальных целей до 2030 г., в мае 2025 г. на заседании Правительственной комиссии по вопросам развития МСП было подчеркнуто, что малый бизнес выступает одним из ключевых факторов устойчивости экономики российских регионов. Председатель Правительства М. Мишустин подчеркнул, что в ходе комиссии необходимо «обсудить основные приоритеты на ближайшие годы» [1], опираясь на отработанную систему поддержки предпринимателей в рамках завершённого (2019–2024 гг.) и действующего одновременного национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», (2025–2030 гг.). Министром Минэкономразвития М. Орешкиным были озвучены результаты малого бизнеса на 2023 г.: доля МСП в ВВП страны составила 21,7 % и «общая численность занятых в этом секторе превысила 29 млн чел.» [2]. Полагается, что озвученные на заседании цифры взяты из Доклада Минэкономразвития РФ [3].

Для оценки реализации государственной политики поддержки МСП и национальных проектов необходимо сравнить достигнутые результаты через призму целевых параметров, зафиксированных в паспортах национальных проектов.

Исследование опирается на институциональный анализ, статистическое сопоставление данных Федеральной налоговой службы за период 2017–2026 гг. (единый реестр субъектов МСП, сведения о самозанятых и ИП на НПД), а также критический разбор нормативной базы (паспорта национальных проектов «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (далее – проект) 2019–2024 гг. и 2025–2030 гг., приказы Минэкономразвития).

Наибольший интерес для сравнительно-целевого анализа представляет численность занятых в МСП, поскольку на заседании комиссии было подчеркнуто, что «поставленная Президентом задача по увеличению численности занятых в МСП была перевыполнена» [1]. В таблице 1 представлены сопоставления целевых показателей из паспорта проекта [4] и фактических, т. е. статистических данных Федеральной налоговой службы, формируемых реестром субъектов МСП и статистикой для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Третий важный сопоставимый индикатор анализа – это данные доклад Минэкономразвития [3]. Важно подчеркнуть, что расчет показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства» определен Методикой расчета [5], разработанной специальной для ведения мониторинга целевых показателей проекта и заключается в суммировании 4 слагаемых:

- число работников юридических лиц;
- число работников индивидуальных предпринимателей;
- число уникальных индивидуальных предпринимателей – субъектов МСП;
- число уникальных налогоплательщиков налога на профессиональный доход.

Значение уникальных субъектов означает очищение показателя от возможного дублирования компонентов, как, например, вычитание числа работников индивидуальных предпринимателей у юридических лиц из 3-го слагаемого.

Для сопоставления и чистоты результатов сравнительного анализа фактические данные табл. (2, 3, 4, 5 строки) взяты из статистики проекта – раздел «Данные для квартального расчета показателя», поскольку только в этих материалах мы видим идентичное название показателей, представляющих для нас интерес.

Данные таблицы требуют некоторых пояснений:

- целевой показатель на 2018 г. установлен, как базовое значение, служащее ориентиром для последующих годов. Поскольку проект действует с 2019 г., статистика для него ещё не аккумулировалась, фактические показатели отсутствуют;

- число работников юридических и физических лиц, представлены исходя из сведений о количестве физических лиц, с выплат и иных вознаграждений которым исчислены страховые взносы субъектами МСП (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями) представлены только с 2021 г.;

– количество налогоплательщиков НПД фиксируется с 2020 г., поскольку эксперимент с вводом этого режима налогообложения был введен с 2019 г., в статистике реестра ФНС впервые значение этого показателя появляется 31 марта 2020 г;

– фактические составляющие количества занятых умышленно представлены структурно для оценки качественных изменений, минимизации погрешности в расчете итогового значения, необходимого для сравнительного анализа.

Таблица

Фактическое и целевое значения количества занятых в МСП на период 2018–2024 гг.

	Период, год					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Целевые показатели паспорта проекта [4], млн чел	19,6	20,5	21,6	22,9	24	25
Число работников юридических лиц, чел.	–	–	13 867 412	13 372 691	14 007 493	14 111 120
Число работников физических лиц, чел.			3 103 618	3 048 778	3 222 113	3 401 979
Количество ИП – субъектов МСП, чел.	3 442 741	3253932	3 552 199	3 685 500	4 061 466	4 328 066
Количество налогоплательщиков НПД, чел.		1458792	3 636 753	6 223 063	5 754 462	7 484 495
ИТОГО (2+3+4+5), млн чел.			24,15	26,33	27,04	29,32
Численность занятых в докладе [3], млн чел.	21,51	21,41	23,45	26,33	27,04	29,32

Анализируя данные табл. приходим к следующим результатам:

1. Целевые показатели проекта достигнуты. Сравнивая нормативные значения паспорта проекта и фактические значения статистики ФНС, констатируем их превышение ежегодно в периоде 2021–2024 гг., исключая 2019 и 2020 гг. в виду отсутствия сведений. Рост фактического значения в 2021 г. составил 8,5 %, в 2022 г. – 15 %, в 2023 г. – 12,6 %, 2024 г. – 17,3 %.

2. Рассчитанные фактические значения совпадают показателями доклада [3], что означает отсутствие ошибки в произведенных нами расчетов численности для сопоставления в анализе. Идентичные цифры наблюдаем в 2022–2024 гг. (рис.). Отсутствие данных в статистике проекта в 2019–2020 гг. не позволяет определить соответствие факта с цифрой в докладе.

3. В этом случае возникает вопрос, каким образом представленные значения в докладе были рассчитаны в этом периоде, если в статистике все слагаемые по формуле расчета показателя появляются только в 2021 г. Отметим, что в докладе указано (сноска с *), что численность в периоде рассчитана таким образом, чтобы исключить «неактивных» samozанятых, а также дублирования компонентов (рис.), согласно методике [5], утвержденной в конце 2022 г., что вызывает сомнения в правдивости данного примечания. А резкое снижение количества налогоплательщиков НПД в 2023 г. по сравнению с 2022 г. (табл.) объясняется применением поправки, т. е. исключением ИП и физических лиц, не указавших доход, облагаемый налогом на профессиональный доход, в течение последних 12 мес.

Отмечается, что число работников юридических и физических лиц в статистике проекта «очищено» от задвоения, т. е. вычтены число работников, которые являлись ИП субъектами МСП и число работников, являющихся плательщиками НПД. Однако, согласно методике [5], такая процедура очищения касается только третьего и четвертого слагаемых.

4. Для расчетов месячного показателя согласно методике, применяется коэффициент, обеспечивающий сопоставимость за квартал и за месяц. Однако в разделе «Данные для месячного расчета показателя», число работников юридических и физических указано как «сведения о среднесписочной численности» (ЧСС).

Численность занятых
в сфере МСП в 2024 г.*

29,32 **+36,3%**
млн человек по сравнению с АППГ 2019 г.

* значения в 2019–2024 гг. пересчитано по методике, исключающей «неактивных» самозанятых граждан (не указавших доход, облагаемый налогом на профессиональный доход, в течение последних 12 месяцев), и возможные дублирования компонентов (утв. приказом Минэкономразвития России от 1 ноября 2022 г. № 594)

Рис. Численность занятых в сфере МСП в 2019–2024 гг. [3]

Расчет ЧСС производится самостоятельно самими субъектами согласно положениям Приказа Росстата № 872. Категории работников, не учитываемых в списочной численности, в частности, это:

- внешние совместители;
- внешние совместители;
- работающие по договорам ГПХ;
- собственники, не получающие в организации зарплату и др.

При этом в формуле расчета показателя в коэффициенте указывается уже среднее число, а не ЧСС работников. Для пояснения напомним, что средняя численность отличается от ССЧ, она является более широким понятием, включающим в себя:

- среднесписочную численность работников по трудовым договорам;
- среднюю численность тех, кто работает по внешнему совместительству;
- среднюю численность людей, работавших по договорам гражданско-правового

характера.

Такие коллизии в процедуре расчета ранее указывали в исследовании [6]. Таким образом, одни и те же показатели за месяц и квартал, значительно отличаются по существу расчета и соответственно по величине. А количество ИП – субъектов МСП и количество налогоплательщиков НПД, т. е. 3 и 4 слагаемые показателя абсолютно идентичны. Более того, нами установлено и доказано, что все значения работников юридических лиц и ИП в реестре МПС – этот и есть ЧСС, и если эти данные шли в расчет, то картина фактических значений выглядела бы иначе, разумеется не в сторону увеличения итогового показателя

5. Цифры слагаемых фактического показателя, представленные в табл. не соответствуют слагаемым в докладе, а именно число работников в 19,10 млн чел. против 17,5 млн чел. в таблице, в целом занижается количество самозанятых и завышается количество работников у юридических лиц и ИП по все периодам, по которым мы располагаем данными. Обнаружена подмена значений в количестве ИП (рис.) на число работников физических лиц (табл.). Такая ситуация говорит о желании приукрасить структурно численность занятых.

Проведенный анализ реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» убедительно демонстрирует, что формальное достижение заявленных целевых показателей не является достаточным основанием для вывода об эффективности государственного управления. Выявленные в ходе исследования методологические коллизии (подмена понятий среднесписочной и средней численности работников, ретроспективное применение нормативных актов), структурные искажения при агрегировании компонентов численности занятых, а также расхождения между первичными статистическими данными ФНС и итоговыми докладами уполномоченного ведомства свидетельствуют о системных рисках манипулирования или некорректной интерпретации отчетности.

В этой связи ключевое значение приобретает независимая научно-квалифицированная экспертиза значимых государственных проектов на всех этапах их жизненного цикла – от проектирования методик расчета показателей до верификации фактически достигнутых результатов. Именно экспертиза выступает инструментом, позволяющим:

- выявлять несоответствия между декларируемыми стратегическими целями и реальным содержанием мониторинговых индикаторов;
- обнаруживать скрытые методологические дефекты, создающие возможности для «приукрашивания» статистики без реального улучшения положения дел;
- устанавливать факты подмены или некорректного суммирования разнородных данных, влияющие на итоговую оценку эффективности;
- обеспечивать прозрачность и верифицируемость отчетности, что является необходимым условием общественного контроля и доверия к институтам государственного управления.

Литература

1. Стенограмма «Заседания Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства» // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/55055/> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Правительство определило роль МСП в достижении национальных целей до 2030 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_opredelilo_rol_msp_v_dostizhenii_nacionalnyh_celey_do_2030_goda.html (дата обращения: 02.04.2026).
3. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в РФ и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025–2030 гг. // М-во экон. развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/file/545a9a01d2fa825bf6657a16bab225f9/doklad_o_sostoyanii_msp_v_rf_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_1oe_polugodie_i_planax_na_2025–2030_gg.pdf (дата обращения: 02.04.2026).
4. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Министерство экономического развития РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/qH8voRLuhAVWSJhIS8XYbZBsAves8A5t.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Об утверждении методики расчета показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» Федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: приказ Минэкономразвития РФ от 01.11.2022 № 594. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=435962> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Салтыкова Ю. А. Оценка занятости населения в секторе малого и среднего предпринимательства на примере Сибирского федерального округа // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 3. С. 1025–1033.

МОЛОДЫЕ ВРАЧИ-БЛОГЕРЫ КАК НОВЫЙ СУБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ⁷

Определяется место блогеров среди субъектов просветительской деятельности как одного из направлений здоровьесбережения населения. На основе эмпирических данных ФОМ, ВЦИОМ, Ипсос Комкон и исследования, проведенного Уральским федеральным университетом и Министерством здравоохранения Свердловской области обосновывается целесообразность развития медицинского блогинга на локальном уровне.

Ключевые слова: молодые врачи, блогеры, здоровьесбережение, диспансеризация.

A. V. Kulminskaja

Ural Federal University, Ekaterinburg

YOUNG MEDICAL BLOGGERS AS A NEW SUBJECT OF EXPERT ACTIVITY IN THE FIELD OF PUBLIC HEALTH PROTECTION

The article defines the place of bloggers among the subjects of educational activities as one of the areas of public health protection. Based on empirical data from leading research organizations, and a study conducted by the Ural Federal University and the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region, the author substantiates the feasibility of developing medical blogging at the local level.

Keywords: young doctors, bloggers, health protection, preventive medical check-ups (dispensarization).

Здоровьесбережение населения с точки зрения субъектов управления включает в себя комплекс мер, включающих применение медико-профилактических и физкультурно-оздоровительных технологий, создание среды, безопасной с точки зрения экологии и возможности возникновения чрезвычайных ситуаций, просветительскую работу. Все мероприятия направлены на формирование культуры здоровьесбережения населения, сущность которой кроется в согласовании возможностей человека для осуществления повседневной, профессиональной, досуговой и иной деятельности с требованиями культуры по ее реализации [1], что повышает значимость просветительской деятельности.

Главными источниками информации о рисках и возможностях поддержания здоровья граждан служат сайты учреждений здравоохранения и специализированные порталы. На федеральном уровне созданы порталы «Так здорово»⁸ (при Министерстве здравоохранения РФ) и «Здоровая Россия»⁹ (от Общероссийской общественной организации «Общее дело»). В Свердловской области работает сайт «Здоровье уральцев»¹⁰ (Министерство здравоохранения Свердловской области) и сайт Центра общественного здоровья и медицинской профилактики¹¹. Кроме того, врачи в рамках профессиональной деятельности транслируют общие установки здоровьесбережения. В качестве источников информации постепенно набирают популярность официальные сообщества (госпаблики) в социальных сетях и каналы в мессенджерах. Согласно замеру ВЦИОМ, проведенному в ноябре 2024 г., каждый третий россиянин читал или хотя бы просматривал страницы органов власти в социальных сетях или мессенджерах за неделю-две до заполнения анкеты [6].

⁷ *Благодарность:* автор благодарит Министерство здравоохранения Свердловской области за организационную и информационную поддержку исследования.

⁸ Официальный портал Минздрава России «Так здорово». URL: <https://www.takzdorovo.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

⁹ Общественное движение «Общее дело». Здоровая Россия. URL: <https://obshee-delo.ru/healthy-russia/> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁰ Информационный сетевой ресурс «Здоровье уральцев» Министерства здравоохранения Свердловской области. URL: <https://www.mzso.info/> (дата обращения: 22.05.2026).

¹¹ Портал «Медицина и профессиональное здоровье на Урале» ГАУЗ СО Центр общественного здоровья и медицинской профилактики. URL: <https://medprofural.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

На распространение информации о практиках здоровьесбережения влияют и блоги. Исследование ФОМ 2023 г. показало: 31 % россиян считают, что в блогах, на их взгляд, больше недостоверной, ложной информации. Несмотря на это, только 6 % респондентов указали на то, что не читают и не слушают ни одного блогера. Среди тех, кто обращается к этому виду источника информации, 14 % подписаны на блоги о здоровье [10]. Исследователи Ipsos Комкон в 2025 г. опубликовали данные о том, что каждый десятый россиянин подписан хотя бы на одного врача-блогера, хотя, средняя оценка доверия не высока [8]. Способствовать повышению доверия врачам-блогерам будет вовлечение контент-мейкеров в региональное движение «За медицину здорового долголетия» для распространения информации о практиках здоровьесбережения [7].

Исследование ВЦИОМ о форматах подачи информации подтверждает, что длинные горизонтальные видео не теряют популярности, несмотря на развитие короткого вертикального формата (сториз, рилс и иные, длительностью 4–8 секунд). Короткие видео не успевают сформировать глубокий эмоциональный отклик или дать достаточную для усвоения информацию. На платформе «VK видео», привязанной к основной площадке для официальных пабликов органов власти и подведомственных учреждений, горизонтальные видео смотрят 61 % интернет-пользователей [4]. При этом даже молодые люди не уходят от серьезных тем и легко переключаются между форматами и темами при потреблении цифрового контента [5]. Можно говорить о том, что у этой платформы большой потенциал для развития блогеров-медиков.

В ноябре 2025 г. было проведено совместное инициативное социологическое исследование Уральского федерального университета и Министерства здравоохранения Свердловской области, направленное на выявление отношения взрослого населения региона к диспансеризации. Выборочная совокупность составила 5 676 анкет, контроль при сборе данных был направлен на пропорциональность численности анкет по управленческим округам. Анкета распространялась через участковых врачей и администраторов лечебно-профилактических учреждений в бумажном и электронном виде (Яндекс-формы). Мы понимаем ограничения нашего набора данных: в выборку попали достаточно вовлеченные пациенты, т. е. те, кто взаимодействует с сотрудниками лечебно-профилактических учреждений, они могут быть лояльнее и более информированы. В связи с этим мы не экстраполируем выводы на все население Свердловской области. Обработка данных проводилась в IBM SPSS Statistics 22.0. В выборке 86 % женщин, 14 % мужчин. Распределение респондентов по возрасту представлено на рис. 1.

Участие в диспансеризации достаточно широко распространено. Более половины респондентов (56,3 %) проходили диспансеризацию и профилактический осмотр по направлению работодателя, каждый четвертый (24 %) – только диспансеризацию (рис. 2).

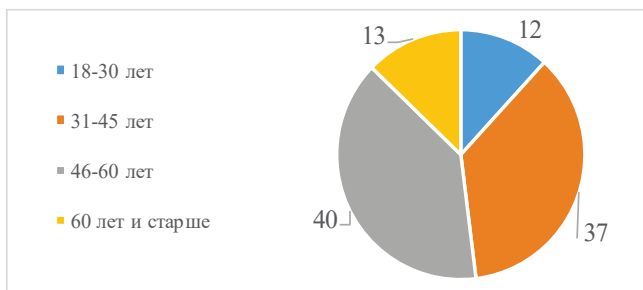

Рис. 1. Структура выборки по возрасту

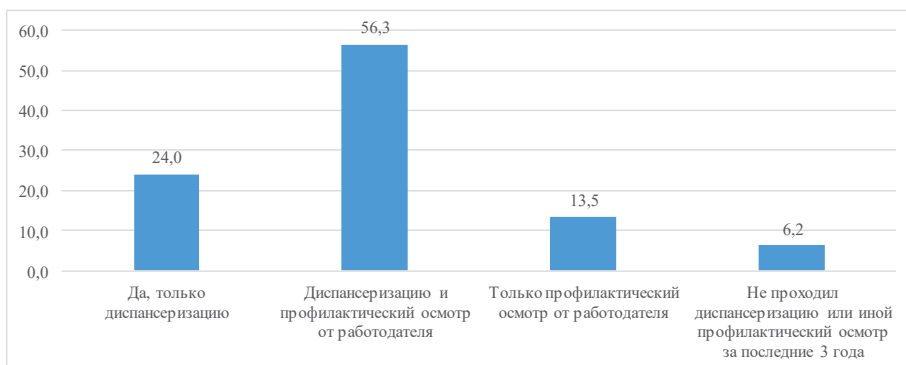

Рис. 2. Вовлеченность респондентов в профилактические осмотры

Никогда не слышали о диспансеризации 3 % опрошенных. Для выявления основных источников информации о диспансеризации в анкету был включен поливариантный вопрос «Укажите из каких источников вы узнали о диспансеризации?». Наиболее часто респонденты упоминали участкового врача или врача узкой специализации (41,3 %), работодателя/отдел кадров (37,7 %), информационные стенды в поликлинике (31,2 %), новостные сайты и официальные порталы (21,9 %). Такое распределение ответов отражает системную работу Министерства здравоохранения региона, которое организует работу по привлечению граждан на профилактические мероприятия через лечебно-профилактические учреждения и взаимодействие с предприятиями. Телевидение как источник информации отметили 19 % респондентов. Здесь может играть роль не только региональная, но и федеральная повестка. В то же время значение мессенджеров как каналов распространения информации относительно не велика, их упомянули 8,2 % (табл. 1).

Отметим, что роль врача в информировании пациентов о диспансеризации выше в малых (до 50 тыс. чел.) и средних городах (от 50 до 100 тыс. чел.). Жители города-миллионника чаще, чем жители других населенных пунктов отмечали новостные и официальные сайты, мессенджеры. Анализ данных по возрасту закономерно показал более высокий уровень значимости интернет-источников (официальные сайта, мессенджеры) для молодежи. Кроме того, для респондентов в возрасте до 35 лет значимым оказалось мнение коллег, друзей и родственников, информационных стендов в поликлиниках. Таким образом, медицинские работники выполняют двойную функцию: они являются как информационным источником, так и главным авторитетом, чье одобрение легитимизирует необходимость обследования.

Таблица 1

Источники информации о диспансеризации

Источник информации	% от числа ответивших*
Участковый врач/врач узкой специализации	41,3
Работодатель (отдел кадров)	37,7
Информационные стенды в поликлинике	31,2
Интернет: новостные, официальные сайты	21,9
Телевидение	19,0
Родственники/друзья/коллеги	16,8
Страховая медицинская компания	10,6
Интернет: мессенджеры (Telegram-канал, WhatsApp)	8,2
Радио	4,7
Газеты	4,1

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респондентам была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов.

Для выявления основных агентов диспансеризации, тех субъектов, которых население считает экспертом, к чьему мнению необходимо прислушаться, был задан вопрос «Чье мнение о необходимости прохождения диспансеризации для вас наиболее важно?». Ожидаемо, основная экспертная группа – это врачи. Две трети респондентов считают их мнение наиболее важным. Еще 31,4 % указали, что для них важно мнение близких людей, семьи (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Чье мнение о необходимости прохождения диспансеризации для вас наиболее важно?»

Агенты диспансеризации	% от числа ответивших*
Врачи	62,1
Семья / близкие люди	31,4
Руководители медицинских организаций	12,6
Коллеги по работе	9,0
Друзья/знакомые	6,8
Публичные личности (блогеры, инфлюэнсеры)	1,9
Другое (укажите текстом)	8,4
Итого	132,2

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респондентам была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов.

Добавим, что среди студенческой молодежи (18–24 года) авторитет врачей выше, чем в целом по выборке, и достигает 77 %. Значимо и мнение руководителей медицинских организаций (29 %).

Важно, что публичные личности редко являются авторитетом, что косвенно подтверждает низкий уровень доверия блогерам в целом и блогерам-медикам. Даже среди молодежи (18–24 и 25–34 года) доля упоминания этой группы экспертов не превышает 3 %. Полагаем, что при вовлечении блогеров в реализацию политики по здоровьесбережению населения, целесообразно использовать подход «снизу-вверх» (Bottom-up). Большинство медицинских блогеров – сотрудники крупных центральных клиник, их страницы сделаны профессионально и, вероятнее всего, встроены в систему продвижения медицинской организации. При этом они не вызывают доверия. Эмоциональная привязанность определяет доверие подписчиков и их готовность перейти к действию [3]. Привязанность хорошо формируется на общей идентичности: наш, местный, знакомый, что ставит задачу поиска в профессиональной сфере активных людей, которые хотели бы вести блог или уже его ведут.

К настоящему времени уже проделаны первые шаги институционализации врачей-блогеров. В конце 2023 г. была зарегистрирована Национальная ассоциация блогеров в сфере здравоохранения. Ее цели – ведение просветительской деятельности, объединение активных представителей профессиональной сферы, улучшение имиджа системы здравоохранения. Организация действует на основании Устава, в организации разработан кодекс и положение о членстве¹². Но активность работы пока не высока. Войти в рассматриваемую нами сферу деятельности можно самостоятельно, но для тех, кто хочет получить экспертную поддержку, существует коммерческий проект – Международный клуб врачей-блогеров Medbloggers¹³. Государство оказывает поддержку активным гражданам в проектном формате. В рамках федерального проекта «Россия – страна возможностей» национального проекта «Молодежь и дети» блогеры из всех регионов Российской Федерации могут участвовать в конкурсе на обучение в Мастерской управления «Сенеж», трек «Министерство контента» [9].

Учитывая рост интереса населения к социальным сетям и блогам, каналам органов власти в мессенджерах, видится перспективным привлечение врачей в качестве экспертов-блогеров. Не угасающий интерес интернет-аудитории к горизонтальным видео, наличие правовых и институциональных предпосылок создают благоприятные условия для развития ме-

¹² Сайт Национальной ассоциации блогеров в сфере здравоохранения. URL: <https://blogzdrav.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

¹³ Сайт «Медблогеры». URL: <https://medbloggers.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

дицинского блогинга. Низкий уровень доверия, зафиксированный замерами исследовательских компаний, требует создания локальной модели медицинского блогинга. Речь идет как о развитии личного бренда, так и о суббренде, формируемого параллельно с профильным органом власти или учреждением. Подводя итог, считаем необходимым отметить, что ведение блога – это трудозатратный процесс, который включает в себя не только непосредственно подготовку и производство контента, но и разработку самопрезентации [2]. Поэтому вход в эту деятельность может быть только добровольным. И целесообразно вовлекать в блогинг молодых врачей. Выпускники медицинских вузов, учащиеся и выпускники ординатуры имеют достаточный уровень квалификации, чтобы вести просветительскую деятельность, в то же время они находятся на стадии профессионального становления и для них может быть интересным этот вид деятельности.

Литература

1. Антонова Н. Л., Меренков А. В. Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 88–100.
2. Багрий Е. И., Грабельных Т. И., Мохрякова Е. А. Идентификация как основной способ развития блогосферы в пространствах самопрезентации молодежи в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 4–9.
3. Ateş A., Sunar H., Erdem B. The Role of Emotional Attachment in the Impact of Generation Z's Trust in Digital Influencers on Unplanned Purchase Behavior // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. N 4. P. 350–373.
4. Видеоплатформы в России: новая реальность // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoplatformy-v-rossii-novaja-realnost> (дата обращения: 22.05.2026).
5. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Паблики с приставкой «гос» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pabliki-s-pristavkoi-gos> (дата обращения: 22.05.2026).
7. Татьяна Голикова дала старт региональному движению «За медицину здорового долголетия». Публикация от 29.09.2025 // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/56367/> (дата обращения: 22.05.2026).
8. Презентация к вебинару Ipsos Comcon «Итоги 1 квартала 2025 года» от 27 мая 2025 года. HelthIndex // Ipsos Comcon. URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2025-06-08/adfad53c-30c0-4040-9f6a-18ceff1fd611.pdf> (дата обращения: 22.05.2026).
9. Свердловские блогеры могут бесплатно обучиться созданию контента о здоровье, спорте и туризме. Публикация от 12.05.2026 // Областная газета. URL: <https://oblgazeta.ru/society/youth/2026/05/146727/> (дата обращения: 22.05.2026).
10. СМИ и интернет // ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14926> (дата обращения: 22.05.2026).

УДК 81'246.2:316.772.2

Е. И. Абросимова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДЕТЕРМИНАЦИЯ «ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ» В ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ КАК СПОСОБ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СОЦИУМЕ

Рассматривается феномен языкового «переключения» в контексте его социальной детерминированности и функциональной роли в процессах самопрезентации личности. Анализируется комплекс факторов, определяющих выбор языкового кода в различных коммуникативных ситуациях, включая социальные, ситуативные, прагматические и когнитивные детерминанты. Особое внимание уделяется интерпретации языкового переключения как инструмента конструирования социального образа субъекта и управления впечатлением в процессе взаимодействия. Обосновывается междисциплинарный характер исследования, включающий социолингвистический, психолингвистический и дискурсивный подходы.

Ключевые слова: языковое переключение, code-switching, самопрезентация, дискурс, детерминация, коммуникативная ситуация, социальная идентичность, речевое поведение.

DETERMINATION OF "CODE-SWITCHING" IN LANGUAGE INTERACTIONS AS A WAY OF SELF-PRESENTATION IN SOCIETY

This article examines the phenomenon of code-switching in the context of its social determination and functional role in the processes of self-presentation. It analyzes the complex factors that determine the choice of language code in various communicative situations, including social, situational, pragmatic, and cognitive determinants. Particular attention is paid to the interpretation of code-switching as a tool for constructing a subject's social image and managing impressions during interaction. The interdisciplinary nature of the study, incorporating sociolinguistic, psycholinguistic, and discursive approaches, is substantiated.

Keywords: language switching, code-switching, self-presentation, discourse, determination, communicative situation, social identity, speech behavior.

Современная гуманитарная наука все в большей степени смещает акцент с изучения языка как формальной системы на исследование его функционирования в реальных условиях социального взаимодействия. В рамках данного подхода язык рассматривается как динамическая и социально обусловленная система, выполняющая не только коммуникативную, но и когнитивную, идентификационную и репрезентативную функции. Одним из наиболее значимых проявлений языковой вариативности в этом контексте выступает феномен языкового «переключения», который в современной лингвистике и социолингвистике трактуется как переход между различными языковыми кодами или их элементами в процессе коммуникации.

В отечественной научной традиции языковое переключение определяется как смена языкового кода в зависимости от условий общения, социального статуса участников и коммуникативных целей (Л. П. Крысин). Данное определение позволяет рассматривать языковое поведение как социально обусловленный процесс, тесно связанный с структурой общества и системой социальных отношений. Язык в таком понимании выступает не нейтральным инструментом передачи информации, а средством выражения социальной принадлежности и маркером групповой идентичности.

Развитие теоретических представлений о речевой деятельности в работах А. А. Леонтьева позволяет рассматривать языковое поведение как целенаправленный и мотивированный процесс, включенный в общую структуру человеческой деятельности. Речь в данном контексте понимается как система действий, направленных на достижение определенного результата в коммуникации. Это означает, что языковое переключение не является случайным явлением, а представляет собой функционально обусловленный элемент речевой деятельности, возникающий в ответ на изменение коммуникативных условий и целей взаимодействия.

Существенное значение для понимания природы языкового переключения имеет категория коммуникативной ситуации, которая в работах Т. Г. Винокур определяется как совокупность условий, включающих участников общения, их социальные роли, цели взаимодействия, а также пространственно-временные и институциональные характеристики коммуникации. Коммуникативная ситуация выступает ключевым фактором, определяющим выбор языковых средств, поскольку именно она задает рамки допустимого и ожидаемого речевого поведения. В этой связи языковое переключение может рассматриваться как реакция на изменение параметров коммуникативной среды.

В рамках дискурсивного подхода, представленного в работах В. И. Карасика, язык рассматривается как форма социального действия, неотделимая от культурного и институционального контекста. Дискурс понимается как «речь, погруженная в жизнь», включающая не только языковую форму, но и совокупность экстралингвистических факторов, влияющих на интерпретацию высказывания. В данном контексте языковое переключение приобретает статус дискурсивного маркера, позволяющего анализировать о смене социальной позиции, коммуникативной стратегии или степени формальности взаимодействия.

Особое значение в рамках данного исследования приобретает проблема социальной идентичности, которая в социологической традиции (В. А. Ядов) понимается как осознание индивидом своей принадлежности к различным социальным группам. Языковое поведение в

этом контексте выступает одним из ключевых механизмов выражения идентичности, поскольку выбор языкового кода напрямую связан с актуализацией определенной социальной роли. Переключение языков может свидетельствовать о стремлении индивида подчеркнуть принадлежность к определенной группе либо, напротив, дистанцироваться от нее в зависимости от коммуникативной ситуации.

Важным теоретическим основанием анализа выступает концепция самопрезентации, восходящая к социологической теории И. Гофмана, в рамках которой социальное взаимодействие рассматривается как своеобразный «перформанс», где индивиды стремятся управлять впечатлением, производимым на окружающих. Самопрезентация понимается как процесс конструирования и поддержания определенного образа «Я» в глазах других участников взаимодействия. В отечественной психологической традиции данное явление также интерпретируется через категорию управления впечатлением (А. А. Бодалев), которое осуществляется посредством различных вербальных и невербальных средств коммуникации.

В этом контексте языковое переключение приобретает функциональную значимость как инструмент самопрезентации. Использование различных языковых кодов или их элементов позволяет субъекту коммуникации варьировать свой речевой образ, адаптируя его к ожиданиям собеседника и требованиям ситуации. Переключение кодов может выполнять функцию демонстрации социального статуса, уровня образования, профессиональной компетентности или культурной принадлежности. Таким образом, языковое поведение становится средством конструирования социальной реальности.

Ключевым понятием настоящего исследования является детерминация языкового переключения, под которой понимается система факторов, обуславливающих выбор языкового кода в конкретной коммуникативной ситуации. В рамках социологического подхода (В. А. Ядов) детерминация социальных явлений трактуется как обусловленность поведения индивида совокупностью объективных и субъективных факторов. Применительно к языковому переключению целесообразно выделить нескольких взаимосвязанных уровней детерминации.

Социальные детерминанты включают статус участников коммуникации, их профессиональную принадлежность, уровень образования, а также включенность в различные социальные и культурные группы. Ситуативные детерминанты связаны с условиями общения, степенью формальности, количеством участников и институциональным контекстом взаимодействия. Прагматические детерминанты отражают цели говорящего, его коммуникативные намерения и стратегическую направленность высказывания. Когнитивные детерминанты включают индивидуальные особенности восприятия ситуации, языковую компетенцию и опыт речевого взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что перечисленные уровни детерминации не функционируют изолированно, а образуют сложную систему взаимосвязанных факторов. Именно их взаимодействие определяет характер языкового переключения в каждом конкретном случае. Таким образом, данный феномен следует рассматривать как результат комплексного воздействия социальных структур, индивидуальных когнитивных процессов и прагматических установок субъекта.

С точки зрения коммуникативной прагматики (О. С. Иссерс), языковое переключение может рассматриваться как элемент стратегии речевого поведения, направленной на достижение определенной коммуникативной цели. Стратегии и тактики речевого поведения реализуются через выбор соответствующих языковых средств, включая смену кода, что позволяет эффективно управлять процессом взаимодействия и воздействовать на адресата.

Дополнительное значение имеет социально-конструктивистский подход, в рамках которого социальная реальность рассматривается как результат постоянного взаимодействия и интерпретации. В этом контексте языковое переключение выступает как инструмент конструирования социальной реальности, поскольку через него осуществляется актуализация различных социальных идентичностей и ролей. Индивид, изменяя языковой код, фактически изменяет способ своего представления в социальном пространстве.

Таким образом, языковое переключение следует рассматривать как сложное многомерное явление, находящееся на пересечении лингвистических, социальных и психологических факторов. Оно выполняет не только коммуникативную, но и выраженную репрезентативную функцию, выступая важным механизмом самопрезентации личности в социуме. Детерминация данного процесса носит комплексный характер и определяется взаимодействием различных уровней социальной и индивидуальной реальности, что подчеркивает необходимость его междисциплинарного анализа.

Проведенный теоретический анализ позволяет заключить, что языковое переключение представляет собой не только структурно-лингвистическое явление, но и значимый социальный механизм, функционирующий в системе межличностного взаимодействия. Его использование обусловлено сложной системой детерминант и тесно связано с процессами формирования социальной идентичности и самопрезентации. В этом смысле языковое переключение выступает как важный ресурс управления социальным впечатлением и конструирования коммуникативного образа субъекта.

Литература

1. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. / общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 88–125.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М. : Смысл; СПб. : Лань, 2003. 287с.
5. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М. : Наука, 1993. 173 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.

УДК 329.17:355.02(4)

О. Н. Гончар

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

КРАЙНЕ ПРАВЫЕ ИДЕОЛОГИИ В ЕВРОПЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И МЕСТО В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализируется эволюция крайне правых идеологий в Европе, их адаптация к современным вызовам и влияние на формирование новой архитектуры европейской безопасности. Рассматриваются три ключевых аспекта: преемственность идеологических основ (от классического национализма к современному неонационализму), модернизация (цифровые стратегии, ребрендинг и нормализация) и роль в европейской безопасности (влияние на трансатлантические отношения, позиции по обороне). С точки зрения российского экспертного дискурса, подъём крайне правых отражает системный кризис либеральной модели управления в ЕС. Делается вывод, что крайне правые силы выступают не просто как наблюдатели, а как активные участники, трансформирующие европейское оборонное и внешнеполитическое пространство.

Ключевые слова: крайне правые идеологии, европейская безопасность, правый радикализм, цифровая мобилизация, трансатлантические отношения, неонационализм, нормализация, европейская оборона.

O. N. Gonchar

Kemerovo State University, Kemerovo

FAR-RIGHT IDEOLOGIES IN EUROPE: CONTINUITY, MODERNIZATION AND PLACE IN THE NEW EUROPEAN SECURITY ARCHITECTURE

The article analyzes the evolution of far-right ideologies in Europe, their adaptation to contemporary challenges, and their impact on the formation of a new European security architecture. Three key aspects are examined: the continuity of ideological foundations (from classical nationalism to contemporary neonationalism), modernization (digital strategies, rebranding and normalization), and the role in European security (impact on transatlantic relations, positions on Ukraine and defense). From the perspective of Russian expert discourse, the rise of the far right reflects a systemic crisis of the liberal governance model in the EU. The author concludes that far-right forces act not merely as observers but as active participants transforming the European defence and foreign policy space.

Keywords: far-right ideologies, European security, right-wing radicalism, digital mobilization, transatlantic relations, neo-nationalism, normalization, European defence.

Последние годы стали свидетелями беспрецедентного подъёма крайне правых сил в Европе. От Вены до Берлина, от Парижа до Рима – партии, которые ещё десятилетие назад находились на политической периферии, сегодня входят в правительства, возглавляют парламентские оппозиции и претендуют на высшие государственные посты. В Германии, как отмечают эксперты, крайне правая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) готовится к приходу к власти, причём впервые со времён Второй мировой войны крайне правая партия приблизилась к власти настолько, что планирует управлять страной. В 2026 г. в пяти из шестнадцати земель Германии пройдут региональные выборы, и в двух землях бывшей Восточной Германии АдГ может набрать почти 40 процентов голосов, что позволит ей приблизиться к абсолютному большинству.

Этот феномен не может быть сведён к простой реакции на миграционный кризис или экономическую стагнацию. Как справедливо отмечает российский исследователь Р. Р. Тищенко, правый радикализм – это не случайный процесс, а закономерная реакция на глобальные и внутренние социально-политические изменения. Тищенко выделяет в истории континента две волны правого радикализма, подчёркивая, что сейчас мы переживаем её вторую итерацию, и современный цикл ультраправой идеологии продолжит усиливать свои позиции в обозримом будущем [1].

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию крайне правых идеологий в Европе с учётом российской исследовательской традиции и официального нарратива, рассматривающего подъём правых сил как симптом кризиса либеральной модели управления, насаждаемой ЕС и НАТО. Российская позиция последовательна: в Европе действует глобальная «партия войны», которая не хочет установления прочного и справедливого мира на континенте с равной и неделимой безопасностью для всех стран, тогда как Россия последовательно выступает за такой мир.

Крайне правые идеологии в Европе демонстрируют заметную преемственность, сохраняя при этом способность к адаптации. В основе их доктринального ядра остаются национализм, антииммиграционная риторика, евроскептицизм и – что особенно важно для безопасности – пересмотр трансатлантических обязательств.

Российский исследователь С. И. Голубев предлагает рассматривать идеологию современных крайне правых партий в рамках концептуальной рамки «нового национализма» или «неонационализма» [2]. Данный концепт, по его мнению, призван стать новой объяснительной категорией, способствующей лучшему пониманию происходящих в Европе политических процессов. Голубев приходит к выводу, что неонационализм крайне правых партий приобретает гибридные формы, сочетая традиционные националистические ценности с адаптированными к современным условиям элементами популизма и антиглобализма.

Эта преемственность наиболее отчётливо прослеживается в случае французского «Национального объединения». Как отмечает М. С. Головин, особенностью современного этапа деятельности подобных организаций является демаргинализация и нормализация как их дискурса, так и их участия в легальном политическом пространстве [3]. Трансформация дискурса «Национального объединения» при Марин Ле Пен, направленная на нормализацию имиджа партии, позволяет с каждым годом увеличивать популярность партии среди французов и в целом содействует общеевропейскому тренду демаргинализации праворадикальных политических сил.

В Германии «Альтернатива для Германии» (АдГ), основанная в 2013 г. как евроскептическая партия, к середине 2020-х гг. превратилась в заметную политическую силу, чьи позиции продолжают укрепляться на фоне недовольства населения политикой правящей коалиции.

Наиболее значимая трансформация крайне правых происходит в сфере коммуникации и само репрезентации [4]. Партии, некогда ассоциировавшиеся с маргинальной риторикой,

сегодня активно осваивают социальные сети, превращая цифровые платформы в инструменты мобилизации и нормализации.

Как подчёркивает российский исследователь Ж. А. Алиаскарова, социальные сети стали перспективным инструментом мобилизации электората в условиях подконтрольности традиционных СМИ. Она выделяет три типа мобилизации – поддержка, сопротивление и безразличие – возможности использования которых в любой социальной сети можно проследить и измерить с помощью таких онлайн-показателей, как количество лайков, комментариев, репостов и подписчиков. Алиаскарова обращает внимание на то, что столь обширные возможности социальных сетей в совокупности с их доступностью и широким распространением по всему миру не только преобразили политическое пространство, но и создали принципиально новый тип политических объединений – так называемые киберпартии, для которых интернет-ресурсы являются основным инструментом политической мобилизации электората [5]. Благодаря этому сам феномен популизма трансформировался в веб-популизм и получил широкое распространение по всему миру.

Исследования показывают, что алгоритмы социальных сетей непропорционально усиливают правый контент: правые сообщения составляют до 58 % от всего политически классифицированного контента, что создаёт благоприятную среду для распространения праворадикальных нарративов даже среди тех пользователей, которые изначально не ориентированы на их восприятие.

Возможно, наиболее тревожным аспектом подъёма крайне правых с точки зрения официального российского нарратива является их влияние на европейскую безопасность. Однако российские эксперты видят в этом влиянии не столько угрозу, сколько симптом кризиса существующей системы евроатлантической безопасности, построенной на принципах однополярного доминирования НАТО.

В Европе сейчас наблюдается спрос на правые элиты, потому что Европа не чувствует себя в безопасности, и виноваты в этом либеральные элиты, которые постоянно твердили о российской угрозе [3]. Правые воспринимаются европейскими избирателями как сила, способная реализовать спрос на безопасность. Политологи подчёркивают, что чем больше элиты говорят об опасности, тем популярнее правые, потому что они успешнее отвечают на вопросы, что делать и как защищаться [6].

С точки зрения российской официальной позиции, выраженной в заявлениях главы Службы внешней разведки РФ С. Е. Нарышкина, в Европе действует глобальная «партия войны», которая не хочет установления прочного и справедливого мира на европейском континенте с равной и неделимой безопасностью для всех стран. При этом европейские члены НАТО не знают, где набрать необходимое число мобилизованных для войны с Россией. В этом контексте подъём крайне правых, выступающих за пересмотр евроатлантических обязательств и диалог с Россией, может рассматриваться как фактор, потенциально способствующий преодолению нынешнего кризиса в отношениях России и Европы.

Показательны в этом отношении события вокруг Австрии, где Партия свободы (FPÖ), основанная бывшими нацистами в 1950-х гг., в 2025 г. получила мандат на формирование правительства. Несмотря на протесты, переговорный процесс не был остановлен, что свидетельствует о глубоких изменениях в политическом ландшафте Европы.

Вопреки многочисленным западным обвинениям в адрес России в поддержке крайне правых сил в Европе, российский экспертный дискурс акцентирует внимание на том, что интерес европейских крайне правых к России обусловлен объективными причинами. Как отмечается в аналитических материалах, крайне правые почти по всей Европе усмотрели в современной России страну, защищающую традиционные семейные и христианские ценности, и готовы признать за ней лидерство в этой сфере.

Однако российские исследователи трактуют эти связи иначе: не как инструмент гибридной войны, а как естественное сближение сил, разделяющих ценности традиционализма, суверенитета и многополярности [7].

Лидеры крайне правых партий неоднократно высказывались в поддержку диалога с Россией. Так, лидер французской правой партии заявил, что реальную угрозу для Европы представляют не Россия, а проевропейские силы, пытающиеся втянуть Париж в конфликт с Москвой. Аналогичные настроения фиксируются и в других европейских странах. Например, испанские крайне правые выступают за развитие отношений с Россией, в которой они видят противовес США.

Особого внимания заслуживает ситуация вокруг немецкой партии АдГ. Как сообщается в западных СМИ, партия спровоцировала скандал, запросив у правительства Германии информацию о критических уязвимостях обороны НАТО. С российской точки зрения, такие запросы – не «помощь российской разведке», а реализация законных парламентских полномочий по контролю за деятельностью правительства и военного блока, действия которого Москва рассматривает как прямую угрозу собственной безопасности.

Наблюдаемые в 2026 г. локальные поражения крайне правых – прежде всего, поражение Виктора Орбана на выборах в Венгрии – не означают заката движения. Орбан возглавил создание новой группы «Патриоты за Европу» в июле 2024 г., объединившей «Национальное объединение», «Лигу», Vox и другие националистические силы. Коалиция превратилась в хорошо структурированную политическую партию «PATRIOTS.EU», созданную на основе Венского манифеста, который отстаивает усиление национального суверенитета в противовес институтам ЕС.

Как отмечают эксперты, даже после утраты власти в Венгрии Орбан сохранит политическую активность на европейском уровне, перенеся «свои битвы» в Брюссель. Во Франции, согласно опросам, либо Марин Ле Пен, либо Жордан Барделла лидируют в президентской гонке 2027 г. Грядущие выборы во Франции, Италии, Испании и Польше, как подчеркнула Ле Пен, дадут потенциальным победителям средства радикально изменить курс Европейского союза изнутри.

Российский исследователь Р. Р. Тищенко приходит к обоснованному выводу: современный цикл ультраправой идеологии продолжит усиливать свои позиции в обозримом будущем, учитывая вызовы, стоящие перед европейскими обществами в условиях экономических и культурных кризисов [1].

Заключение

Проведённый анализ с учётом российского официального нарратива позволяет сделать следующие выводы.

Крайне правые идеологии в Европе демонстрируют устойчивую преемственность, сохраняя националистическое ядро, однако их модернизация происходит в двух ключевых направлениях: цифровая трансформация (использование социальных сетей для мобилизации электората) и идеологический ребрендинг (нормализация имиджа и демаргинализация дискурса). Как отмечает М. С. Головин, трансформация дискурса крайне правых партий позволяет им с каждым годом увеличивать популярность и способствует общеевропейскому тренду их демаргинализации [3].

С точки зрения российской позиции, подъём крайне правых в Европе является симптомом системного кризиса либеральной модели управления, насаждаемой ЕС и НАТО. Европейские элиты оказались неспособны обеспечить безопасность своих граждан и справиться с вызовами миграционного кризиса, экономической стагнации и утраты национального суверенитета. В этих условиях крайне правые силы, выступающие за диалог с Россией и пересмотр евроатлантических обязательств, представляют собой потенциального партнёра в формировании новой архитектуры европейской безопасности, основанной на принципах равной и неделимой безопасности для всех стран.

Влияние крайне правых на архитектуру европейской безопасности носит двойственный характер. С одной стороны, они дестабилизируют существующую систему евроатлантических отношений. С другой – создают предпосылки для преодоления нынешнего конфронтационного курса, на котором настаивает «партия войны» в Брюсселе и Вашингтоне. Как подчёркивается в российском экспертном дискурсе, Европа раскалывается на группы стран,

каждый пытается гарантировать себе безопасность, и чем больше элиты говорят об опасности, тем популярнее правые, потому что они успешнее отвечают на вопросы, что делать и как защищаться.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на сравнительный анализ стратегий цифровой мобилизации крайне правых партий в разных странах Европы, изучение трансформации их идеологических платформ в контексте украинского кризиса, а также на разработку сценарных прогнозов развития отношений между Россией и Европой в условиях возможного прихода к власти праворадикальных сил в ключевых странах ЕС.

Литература

1. Тищенко Р. Р. Волны правого радикализма в современной Европе: вызовы, ретроспектива, особенности трансформации // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19, № 3. С. 5–15.
2. Голубев С. И. Неонационализм как идеология крайне правых партий современной Европы // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2019. № 5. С. 43–58.
3. Головин М. С. Демаргинализация и нормализация европейских крайне правых: случай французской праворадикальной партии «Национальное объединение» // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19, № 2. С. 71–80.
4. Чирун С. Н., Будаев А. С. Актуальные проблемы современной европейской безопасности в аспекте отношений Россия – НАТО // Дискурс-Пи. 2018. № 1 (30). С. 47–56.
5. Алиаскарова Ж. А. Социальные сети в арсенале популистских партий Европы // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 4. С. 56–70.
6. Васильев В. Е., Чирун С. Н. Крайне правые партии стран ЕС и фашизм: преемственность идей, угроза или реальность // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 3. С. 166–175.
7. Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе: формы и тенденции развития. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. 206 с.

УДК 37.035.6:004.7

А. А. Жабуrowsкая

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ И РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Рассматривается трансформация системы патриотического воспитания в России под влиянием гибридной войны. Анализируются ключевые вызовы, связанные с целенаправленным информационно-психологическим воздействием на сознание молодежи, и ответные меры государства. Исследуется эволюция традиционных институтов воспитания (школа, ДОСААФ, общественные движения) и внедрение цифровых платформ в воспитательный процесс. Делается вывод, что в текущих геополитических условиях патриотическое воспитание приобретает характер стратегической задачи обеспечения национальной безопасности, требующей синтеза традиционных методов и новых цифровых технологий.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, гибридная война, традиционные институты, цифровые платформы, национальная безопасность, молодежная политика, информационно-психологическое воздействие.

A. A. Zhaburovskaya

Kemerovo State University, Kemerovo

PATRIOTIC EDUCATION IN HYBRID WARFARE: TRANSFORMATION OF TRADITIONAL INSTITUTIONS AND THE ROLE OF DIGITAL PLATFORMS

The article examines the transformation of the patriotic education system in Russia under the influence of hybrid warfare. Key challenges associated with targeted information and psychological influence on the youth consciousness are analyzed, along with the state's response measures. The evolution of traditional educational institutions (schools, DOSAAF, youth movements) and the introduction of digital platforms into the educational process are explored. The author concludes that in the current geopolitical conditions, patriotic education acquires the character of a strategic task of ensuring national security, requiring a synthesis of traditional methods and new digital technologies.

Keywords: patriotic education, hybrid warfare, traditional institutions, digital platforms, national security, youth policy, information and psychological influence.

Современная геополитическая ситуация характеризуется беспрецедентным давлением на Россию со стороны коллективного Запада [1]. Наряду с военными и экономическими инструментами всё большее значение приобретает гибридная война – комплекс мер, направленных на подрыв суверенитета, дестабилизацию внутренней ситуации и разрушение традиционных ценностных оснований российского общества [2]. Особое место в этой войне отводится молодежи как наиболее уязвимой и одновременно наиболее перспективной целевой аудитории для долгосрочного воздействия.

Как отмечает И. А. Степченков, в текущей геополитической реальности патриотическое воспитание перестает быть сугубо идеологической или культурно-просветительской задачей и приобретает характер стратегической необходимости, направленной на обеспечение национальной безопасности и сохранение суверенитета государства [3]. В этих условиях неизбежной становится трансформация сложившейся системы патриотического воспитания, адаптация традиционных институтов к новым вызовам и активное внедрение цифровых технологий в воспитательный процесс.

Цель данной статьи – проанализировать основные направления трансформации патриотического воспитания в России в условиях гибридной войны, оценить изменения в функционировании традиционных институтов воспитания и выявить роль цифровых платформ в формировании патриотических ценностей у молодежи.

Гибридная война против России включает не только военные и экономические аспекты, но и, что особенно важно для рассматриваемой темы, целенаправленное информационно-психологическое воздействие на сознание граждан, прежде всего молодежи [4]. В рамках научного дискурса, посвящённого изучению информационного влияния, разрабатываются концепции «социальной иммунизации» как способа защиты молодежи от деструктивного воздействия.

Учёные Российского государственного гуманитарного университета разработали инновационную методику социальной иммунизации, основанную на масштабной социологической диагностике, проведённой среди 1200 молодых людей из приграничных регионов, включая ДНР, ЛНР и Курскую область. Результаты исследования показали, что около 50 % опрошенной молодежи осознаёт факт идеологического и психологического воздействия на граждан России, при этом более половины готовы защищать и укреплять традиционные ценности, которые они ассоциируют с крепкой семьёй, патриотизмом и исторической памятью. Ключевыми элементами предлагаемой методики являются формирование образа желаемого будущего и вовлечение молодежи в реальную проектную деятельность.

В этих условиях перед системой патриотического воспитания встают принципиально новые задачи. Как подчёркивается в научной литературе, в условиях глобализации и активной цифровизации образовательной среды возникла необходимость переосмысления методов и подходов к патриотическому воспитанию, а также поиска эффективных способов формирования патриотизма у молодежи. При этом особое внимание уделяется дополнительному образованию, которое благодаря своей гибкости и разнообразию форматов становится важным инструментом формирования патриотического сознания [5].

Традиционные институты патриотического воспитания в России – школа, система дополнительного образования, ДОСААФ, общественные объединения – в условиях гибридной войны претерпевают значительные изменения. Эти изменения затрагивают как содержательную сторону воспитательной деятельности, так и организационные формы её реализации.

Президент России поставил задачу превращения каждой школы в центр патриотического воспитания. Именно в юном возрасте закладываются основы понимания того, что такое Родина. Важным шагом в этом направлении стал запуск с 1 сентября 2025 г. в российских школах масштабного проекта – цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном», направленных на историческое просвещение и нравственное воспитание. Кроме того, с 2026 г. ученики 5–7-х классов начали изучать новый предмет «Духовно-нравственная культура», ориентированный на формирование у детей и подростков мировоззрения на основе традиционных ценностей. В образовательный процесс также интегрирован новый предмет

«Основы безопасности и защиты Родины», что свидетельствует о милитаризации содержания образования в условиях гибридного противостояния.

Значимым проектом, запущенным при поддержке Минпросвещения России, стал проект «Истоки патриотизма: опыт русской истории и культуры для школьной и студенческой молодёжи». Его цель – создание условий для формирования у школьной и студенческой молодёжи системы духовно-нравственных ценностей через приобщение к патриотическому опыту русской культуры и истории [6].

Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России переживает период возрождения. Председатель ДОСААФ России Денис Добряков, выступая на заседании Совета по военно-патриотическому воспитанию граждан при Совете Федерации, заявил о стратегической цели организации – возрождении её лидерских позиций в подготовке молодёжи к службе в Вооружённых Силах. По всей стране реализуются военно-патриотические проекты, такие как оборонно-спортивная площадка «Будущий воин» в Краснодарском крае, которые привлекают школьников в военно-патриотические клубы, кружки и секции.

Общественные движения. Наиболее ярким примером трансформации общественных институтов является «Движение Первых». К концу 2025 г. организация объединила более 13 млн участников, охватив каждого третьего школьника и студента СПО. В Год 80-летия Победы и Год защитника Отечества акцент был сделан на исторической памяти, патриотизме и гражданско-нравственном воспитании. Движение обеспечило расширение проектной деятельности в направлениях патриотизма, науки, культуры, безопасности, экологии, спорта, медиа и семьи. Особого внимания заслуживает его военно-патриотическое направление, включающее организацию профильных событий, направленных на повышение интереса у детей к службе в Вооружённых Силах РФ, военных сборов, военно-спортивных игр и соревнований.

Институциональные изменения на государственном уровне. Распоряжением Правительства РФ от 23 октября 2025 г. № 2970-р утверждён комплекс мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодёжи в Российской Федерации до 2028 г. Этот документ, разработанный Роспатриотцентром Росмолодёжи, направлен на создание единой системы патриотического воспитания, учитывающей региональные особенности, социальные потребности молодёжи, национальные традиции и историческое наследие страны. Важным элементом комплекса мер является привлечение участников специальной военной операции к преподаванию и работе в патриотических клубах, а также создание методических рекомендаций по вовлечению ветеранов и участников СВО в патриотическую просветительскую деятельность.

Цифровая трансформация патриотического воспитания стала не просто ответом на вызовы времени, но и стратегическим направлением государственной политики. Как отмечают исследователи, для представителей поколения Z крайне важны темы, связанные с исторической памятью, достоинством и честью, традиционными духовно-нравственными ценностями, при условии, что они органично интегрированы в современную молодёжную повестку [7]. Чувство патриотизма у этой аудитории формируется не столько через прямую пропаганду, сколько через полидискурсивное взаимодействие идеалов патриотизма с элементами молодёжной цифровой среды и субкультуры: популярными музыкальными трендами, стилем жизни блогеров и инфлюенсеров, мемами, через ассоциации с харизматичными медиаперсонами и активные обсуждения в комментариях.

Цифровая молодёжь, обладает развитыми навыками социальной коммуникации в соцсетях. Онлайн-среда создаёт социальную реальность, и именно через соцсети, блоги и видеоплатформы формируется не просто стиль медиапотребления, а ценностный код нового поколения.

Активное освоение интернет-пространства молодёжью побуждает специалистов по работе с молодёжью искать новые формы работы. Как отмечают О. А. Портнова и А. Р. Лобовкина, переход к информационному обществу сместил коммуникацию молодёжи в интернет-пространство, и социальные сети стали основным местом социализации [5]. Ин-

тернет-площадка является «комфортной» средой для молодых людей, где они знакомятся, общаются, получают различную информацию. Задача организаторов работы с молодёжью – преобразовывать онлайн-пространство и делать его не только интересным, но и воспитывающим, направляя подростков, предлагая в игровом пространстве темы, связанные с историей, национальными традициями и культурой.

С. В. Карпова и Г. А. Мальцев в своём исследовании, опубликованном в «Вестнике Института социологии», определили ключевые показатели влияния контента социальных сетей на процесс формирования духовно-нравственных ценностей и патриотических чувств молодёжи [8]. На основе результатов исследований АО «ВЦИОМ» и Института философии РАН, а также анализа публикаций сообществ в социальной сети «ВКонтакте» ими были выявлены текущие тенденции изменения ценностей молодёжи и рассмотрена динамика публикационной активности, связанной с духовно-нравственными и патриотическими ценностями. Научная новизна их работы заключается в классификации показателей влияния контента социальных сетей на основе ключевых компонентов воспитательной деятельности, а также в предложении параметров согласования направлений воспитательных мероприятий, проводимых в социальных сетях, с существующими форматами контента.

Важным инструментом стало создание специализированных цифровых платформ патриотической направленности. Как показали исследования, цифровые технологии при правильном их применении могут повысить эффективность воспитательного процесса. В работе Портновой и Лобовкиной подтверждена необходимость применения цифровых технологий в сфере патриотического воспитания и проанализирован опыт проведения онлайн-мероприятий [5].

Анализ современного состояния системы патриотического воспитания позволяет выделить несколько приоритетных направлений её дальнейшего развития.

Первое направление – создание единой системы патриотического воспитания, предусмотренной комплексом мер, утверждённым Правительством РФ до 2028 г. Эта система должна объединить усилия федеральных и региональных органов власти, образовательных учреждений, общественных организаций и традиционных институтов воспитания [9].

Второе направление – развитие цифровых инструментов. Как отмечается в исследовании влияния цифровых коммуникационных технологий на формирование патриотических ценностей у молодёжи, цифровые технологии при грамотном подходе становятся мощным инструментом патриотического воспитания, однако требуют системной поддержки, образовательных инициатив и активного участия государства.

Третье направление – совершенствование кадрового обеспечения. Планируется создание типовых дополнительных образовательных программ патриотической направленности и определение функционала для специалистов в области патриотической работы и духовно-нравственного воспитания.

Четвёртое направление – вовлечение участников специальной военной операции в воспитательную работу. Комплекс мер предусматривает методическую поддержку этого процесса, включая создание электронных сборников лучших практик и методических рекомендаций. Приказом Федерального агентства по делам молодёжи от 13 октября 2025 г. утверждён перечень ключевых показателей эффективности реализации молодёжной политики, первым пунктом которого определено «условия для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей».

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. В условиях гибридной войны, развязанной против России коллективным Западом, патриотическое воспитание приобретает характер стратегической задачи обеспечения национальной безопасности. Это требует переосмысления сложившихся подходов и модернизации всей системы воспитательной работы с молодёжью.

Традиционные институты патриотического воспитания – школа, ДОСААФ, общественные движения – претерпевают значительную трансформацию. Школа становится центром патриотического воспитания, что находит выражение во внедрении новых предметов («Разговоры о важном», «Духовно-нравственная культура», «Основы безопасности и защиты Родины») и проектов («Истоки патриотизма»). ДОСААФ переживает период возрождения, укрепляя свои позиции в военно-патриотической подготовке молодёжи. «Движение Первых» объединило миллионы школьников и студентов, став ключевым системообразующим элементом единой воспитательной среды.

Цифровые платформы становятся важнейшим инструментом патриотического воспитания в условиях, когда основная коммуникация молодёжи переместилась в онлайн-пространство. Исследования показывают, что эффективное формирование патриотических чувств у поколения Z возможно только через органичную интеграцию традиционных ценностей в современную цифровую культуру – с использованием мемов, блогеров, музыкальных трендов и других элементов молодёжной субкультуры. Создание специализированных цифровых платформ («Мир возможностей», «Ярпатриот») является перспективным направлением государственной политики в этой сфере.

Дальнейшее развитие системы патриотического воспитания должно идти по пути создания единой межведомственной системы, охватывающей все уровни – от федерального до муниципального, активного внедрения цифровых технологий, совершенствования кадрового обеспечения и вовлечения в воспитательную работу участников специальной военной операции. Только комплексный подход, сочетающий традиционные методы воспитания с современными цифровыми технологиями, способен обеспечить формирование у подрастающего поколения устойчивого иммунитета к деструктивному информационно-психологическому воздействию и осознанной, деятельной любви к Родине.

Литература

1. Блишунов Д. А., Чирун С. Н. Актуальные технологии информационной войны и стратегических коммуникаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3(64). С. 17–23.
2. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Информационно-пропагандистские стратегии и технологии украинской элиты в информационной войне с Россией // PolitBook. 2023. № 2. С. 66–86.
3. Степченков И. А. Патриотическое воспитание в контексте современных вызовов гибридной войны // Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 20–21 нояб. 2025 г. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2025. С. 261–264.
4. Чирун С. Н., Блишунов Д. А., Патриотизм и патриотическое воспитание в современном информационно-коммуникационном пространстве: технологии, процессы, институты // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2 (67). С. 11–16.
5. Портнова О. А., Лобовкина А. Р. Использование цифровых технологий в патриотическом воспитании специалистом по работе с молодежью // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2024. № 4 (24). С. 97–108.
6. Чирун С. Н., Ишутин Н. В., Ёлшин Д. А. Музыкальная шкатулка победы: стратегическое и идеологическое значение музыкальной культуры в патриотическом воспитании молодёжи в годы Великой Отечественной войны // Теория и практика стратегирования : сб. избр. науч. ст. и материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово – Москва, 13–14 марта 2025 г. Кемерово, 2025. С. 108–114.
7. Чирун С. Н. Сложность феномена патриотизма в современной политической науке // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 168–174.
8. Карпова С. В., Мальцев Г. А. Показатели влияния контента социальных сетей на духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 4. С. 150–163.
9. Хачатрян Л. А., Чумаченко С. С. Формирование патриотизма средствами дополнительного образования в условиях цифровизации // Цифровизация в системе образования: передовой опыт и практика внедрения : VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 18–19 апр. 2025 г. Чебоксары : ИД «Среда», 2025. С. 258–259.

**ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
(ПО ДАННЫМ ВЫБОРОЧНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ)**

Исследуются практики питания как индикатор социального благополучия и самосохранительного поведения населения. Выявлено, что пищевые привычки и отношение к здоровому рациону тесно связаны с социально-экономическими условиями, местом проживания, гендерными и возрастными особенностями. Показано, что на выбор продуктов и режим питания влияют не только индивидуальные предпочтения, но и уровень дохода, доступность информации о здоровом питании

Ключевые слова: практики питания, социальное благополучие, самосохранительное поведение, здоровье населения, социально-экономические факторы, культура питания.

R. M. KarimovaTerritorial Office of the Federal State Statistics Service
for the Republic of Bashkortostan, Ufa**DIETARY PRACTICES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC
OF BASHKORTOSTAN (BASED ON SAMPLE SURVEY DATA)**

The article examines eating practices as an indicator of social well-being and self-preserving behaviour of the population. It has been revealed that dietary habits and attitudes towards a healthy diet are closely linked to socio-economic conditions, place of residence, and gender and age characteristics. The study shows that food choices and eating patterns are influenced not only by individual preferences, but also by income level and the availability of information about healthy eating.

Keywords: eating practices, social well-being, self-preserving behaviour, public health, socio-economic factors, food culture.

Изучение практик питания необходимо для диагностики социального благополучия и самосохранительного поведения населения. Питание является неотъемлемым условием воспроизводства и сохранения физического, психологического и социального здоровья населения. Помимо удовлетворения физиологической потребности в пище человек получает удовольствие от разнообразия еды, ее внешнего вида и вкусовых качеств, а также обстоятельств, сопровождающих прием пищи.

Выборочное наблюдение рациона питания населения (далее – ВНРП), проводимое Росстатом во всех субъектах Российской Федерации с охватом в 2023 г. 45 тыс., в Республике Башкортостан – 1040 домохозяйств предназначено для получения данных с целью выработки и оценки эффективности мер реализации государственной политики, направленные на улучшение структуры потребления пищевых продуктов, их качества и предотвращения негативного влияния неполноценного питания на показатели смертности и заболеваемости, выработку у населения потребительских предпочтений, способствующих ведению здорового образа жизни [1]. Также важным источником информации о питании населения являются данные Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (далее – ОБДХ): потребление продуктов питания в домашних хозяйствах, его структура, пищевая и энергетическая ценность (по Российской Федерации опрашиваются 49 тыс. домашних хозяйств, по Республике Башкортостан – 925) [2].

По данным ВНРП, менее половины опрошенных оценивают состояние своего здоровья как хорошее. В сельских населенных пунктах доля позитивных ответов несколько выше по сравнению с Уфой и другими городами.

Более обеспеченные респонденты, как правило, критичнее оценивают состояние своего здоровья. Среди 20 % наименее обеспеченных доля отметивших состояние своего здоровья как хорошее составила 52,7 %, среди 20 % наиболее обеспеченных – 37,2 %. Женщины относятся к оценке своего здоровья более критично по сравнению с мужчинами. Доля мужчин, охарактеризовавших свое здоровье как хорошее – 49,7 %, в то время как доля женщин, охарактеризовавших свое здоровье как хорошее, ниже – 39,5 %.

Таблица 1

Оценка респондентами в возрасте 14 лет и более состояния здоровья по типу населенного пункта
(в % к итогу)

	Все респонденты	В том числе проживают		
		Уфа	Другой город	Село
Всего	100	100	100	100
в том числе по самооценке состояния своего здоровья				
хорошее	44,0	39,5	42,7	46,6
удовлетворительное	50,6	57,4	53,0	45,8
плохое	5,4	3,1	4,0	7,5

Свыше половины респондентов (53,9 %) в возрасте 14 лет и более сообщили, что имеют одно или несколько заболеваний, связанных с питанием. В городской местности их доля выше (57,3 %), особенно в г. Уфа (68,5 %), чем в сельской местности (47,3 %). У женщин проявленность таких заболеваний выше, чем у мужчин (60,8 и 45,2 % соответственно). Наличие заболеваний, связанных с питанием, отмечено также у каждого четвертого ребенка в возрасте 3–13 лет (24,3 %). По мнению опрошенных, физическая активность и отсутствие лишнего веса благоприятно сказывается на их самочувствии. У респондентов с высоким коэффициентом физической активности (больше 1,8) выше доля оценивших свое состояние здоровья как хорошее, чем у респондентов со средним КФА (1,4–1,8): 49,3 и 41,4 % соответственно. Также физически активные респонденты реже указывают на наличие заболевания (состояния), связанного с питанием, чем менее активные: 46,4 и 58,1 % соответственно. Опрошенные с относительно низким индексом массы тела чаще оценивают здоровье как хорошее и реже упоминают, что у них есть заболевания, связанные с питанием.

Таблица 2

Оценка состояния здоровья и наличия заболеваний (состояний), связанных с питанием
по индексу массы тела лицами в возрасте 19 лет и более (в % к итогу)

	Все респонденты	В том числе по индексу массы тела			
		Норма (18,5–24,9)	Избыточная масса тела (предожирение) (25–29,9)	Ожирение первой степени (30–34,9)	Ожирение второй степени (35–39,9)
Всего	100	100	100	100	100
в том числе по само- оценке состояния своего здоровья					
хорошее	40,3	54,8	39,2	19,1	3,6
удовлетворительное	53,9	41,3	56,4	72,9	86,1
плохое	5,8	3,8	4,4	8,0	10,3

Рациональное питание является важнейшим фактором сохранения здоровья. Само по себе наличие достаточного объема и ассортимента пищевых продуктов не обеспечивает поддержание здоровья человека, необходима развитая культура питания. Для того чтобы сделать правильный выбор относительно здорового рациона, потребителям нужна достоверная информация.

Для большинства опрошенных (52,9 %) источниками информации о здоровом питании являются специальные выпуски теле- и радиопередач, интернет-сайты. Для каждого третьего это родственники, знакомые, каждого четвертого – средства массовой информации. Только каждый шестой узнает полезную информацию от лечащего врача, на специальных занятиях, лекциях, уроках, в центре здоровья. Каждый пятый респондент не интересуется такой информацией. Среди молодежи 15–24 года и среди мужчин таковых больше: каждый третий (30,3 и 35,3 % соответственно).

Половина опрошенных всегда или почти всегда использует информацию на этикетках продуктов. Каждый пятый интересуется ею, но ему бывает сложно разобрать шрифт. Треть опрошенных не обращает внимание на информацию по причине того, что чтение этикеток

занимает много времени, нет доверия к информации, непонятно ее значение. Относительно более высокие доли игнорирующих информацию на этикетках наблюдаются среди молодежи 15–24 года (43,9 %), лиц старше 65 лет (38,1 %), мужчин (47,2 %), жителей сел (35,2 %).

Согласно принципам рационального питания, пища должна быть достаточной, разнообразной, полноценной, полезной, с учетом возраста человека, его индивидуальных особенностей (комплексии, наличия хронических заболеваний и иных факторов). Однако многим людям сложно следить за своим питанием, уделять внимание выбору здоровых и безопасных продуктов и способу их приготовления.

По словам респондентов, большинство из них осведомлены о принципах правильного питания. При этом придерживается фактически их меньшая доля. Каждый третий опрошенный не соблюдает по причине отсутствия привычки, каждый пятый из-за нехватки времени и только 5,6 % из-за отсутствия финансовой возможности. Среди женщин соблюдают режим питания 43,1 %, среди мужчин – только треть (31,5 %). Только треть женщин и пятая часть мужчин практически никогда не принимали обильную пищу перед сном (не более чем за 1 ч до сна). Остальные респонденты практикуют такой режим питания с разной периодичностью.

Сбалансированность питания является важным фактором, вносящим вклад в снижение риска возникновения и распространения заболеваний, связанных с питанием. В целом за последние годы можно отметить положительные тенденции в потреблении овощей и бахчевых, фруктов и ягод, мясных продуктов, что отражается в результатах Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ).

Таблица 3

Потребление продуктов питания (килограммов на одного члена домохозяйства в месяц)

	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Хлеб и хлебные продукты	9,9	9,6	9,1	8,9	8,6	8,7
Картофель	4,8	4,3	4,1	4,2	5,7	5,7
Овощи и бахчевые	8,0	7,8	7,6	7,5	8,5	9,2
Фрукты и ягоды	6,9	6,9	6,5	6,3	6,6	6,7
Мясо и мясoproductы	8,3	8,5	8,7	8,8	9,4	9,3
Молоко и молочные продукты	22,2	23,0	22,8	22,4	22,1	23,0
Яйца, шт.	20,2	20,4	20,3	21,1	20,9	21,1
Рыба и рыбные продукты	1,9	1,9	2,0	2,0	2,2	2,0
Сахар и кондитерские изделия	3,2	3,2	3,2	3,1	3,2	3,1
Масло растительное и другие жиры	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0	0,9

В то же время анализ фактического потребления населением пищевых продуктов показывает недостаточное употребление важных макро- и микроэлементов и избыточное – простых углеводов. По сравнению с рекомендованными нормами [3] отмечается недостаточное потребление овощей, фруктов, рыбы и рыбных продуктов.

Таблица 4

Потребление продуктов питания (кг в месяц)

	Рекомендованная норма (в среднем на человека в месяц)	Фактическое потребление (в среднем на одного члена домохозяйства)
Хлебные продукты	8,1	8,7
Картофель	7,5	5,7
Овощи и бахчевые	11,7	9,2
Фрукты и ягоды	8,3	6,7
Мясо и мясные продукты	6,2	9,3
Молоко и молочные продукты	26,8	23,0
Яйца, шт.	21,7	21,1
Рыба и рыбные продукты	2,3	2,0
Сахар и кондитерские изделия	0,7	3,1
Масло растительное и другие жиры	1,0	0,9

По уровню потребления продуктов питания в домашних хозяйствах Республика Башкортостан занимает относительно благоприятное положение.

Таблица 5

Потребление продуктов питания в 2024 г. (на душу населения в год; килограммов)

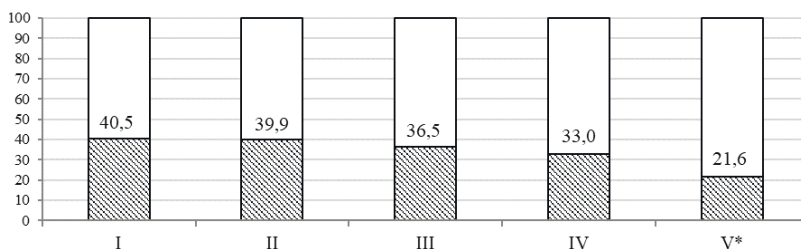
	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Башкортостан
Хлебные продукты	9,4	9,4	9,7
Картофель	7,0	7,9	7,0
Овощи и бахчевые	8,8	8,3	6,3
Фрукты и ягоды	5,4	4,9	3,3
Мясо и мясопродукты	6,3	5,8	6,4
Молока и молочных продуктов	21,1	24,0	25,5
Яйца, шт.	24,4	24,7	25,6
Рыба и рыбопродукты	2,1	1,9	2,2
Сахар и кондитерские изделия	3,3	3,1	3,0
Масло растительное	1,2	1,3	1,3

Практики питания являются результатом не только индивидуальных предпочтений, они зависят также от экономических и культурных ограничений, изменяются под воздействием социальных и инфраструктурных факторов (развитие сетей общепита, цифровизация сервисов доставки, рост различий в стилях жизни у представителей разных социально-экономических групп).

Наблюдаются разнонаправленные тенденции в потреблении продуктов питания. С одной стороны, у части населения произошел позитивный сдвиг внутри продуктовой корзины: рацион стал разнообразнее, появились органические и ПП-продукты, деликатесы, экзотические фрукты. Практики питания стали показателями образа жизни, социального статуса. С другой стороны, наблюдается ситуация, когда часть населения вынуждена экономить, а не переходить на более качественное питание. О стремлении населения экономить на продуктах питания свидетельствуют данные маркетинговых исследований.

По данным опроса онлайн-сервиса доставки продуктов «СберМаркет» и исследовательского агентства ResearchMe, больше 40 % опрошенных всегда обращают внимание на наличие скидок при покупке продуктов и товаров ежедневного спроса [4]. Более четверти россиян готовы пожертвовать качеством продуктов ради низкой цены [5].

В среднем, чем выше уровень дохода в домохозяйстве, тем ниже доля расходов на продукты питания и, наоборот, чем менее обеспечено домохозяйство, тем большую долю средств оно тратит на продовольствие. Также следует отметить высокую долю расходов на питание в бюджете домохозяйств, имеющих в своем составе неполные семьи (39,1 %) и состоящих из пенсионеров (36,2 %).

*Группировка по 20-ти процентным группам: I – 20 % с наименьшими доходами, V – 20 % с наибольшими доходами.

Рис. Доля расходов на покупку продуктов питания, в % к итогу

Итоги ОБДХ показывают большее потребление обеспеченными домохозяйствами продуктов с высокой пищевой и биологической ценностью (мяса и мясных продуктов, молока и молочных продуктов, рыбы и рыбных продуктов, а также овощей и бахчевых, фруктов и ягод).

Таблица 6

Потребление продуктов питания в зависимости от доходов
(килограммов на человека в месяц)

	I	II	III	IV	V*
Хлебные продукты	7,5	8,9	9,1	9,3	8,5
Картофель	4,8	5,8	6,2	5,9	5,8
Овощи и бахчевые	6,3	8,6	10,1	10,2	10,6
Фрукты и ягоды	4,5	6,4	7,2	7,2	7,9
Мясо и мясопродукты	6,8	8,9	9,8	10,5	10,3
Молоко и молочные продукты	17,0	22,6	23,7	25,5	26,2
Яйца, шт.	16,1	20,8	22,3	22,3	23,6
Рыба и рыбопродукты	1,6	2,0	2,1	2,0	2,3
Сахар и кондитерские изделия	2,6	3,2	3,5	3,3	3,0
Масло растительное и другие жиры	0,8	1,0	0,9	0,9	0,9

*Группировка по 20-процентным группам: I – 20 % с наименьшими доходами, V – 20 % с наибольшими доходами

Гастрономические практики связаны с инфраструктурой, доступностью и предпочтениями видов потребления. В Республике Башкортостан услугами общепита с разной периодичностью пользуются около 40 % респондентов, услугами доставки – почти половина опрошенных (44,9 %). «Покупал еду на улице, чтобы быстро перекусить» каждый третий (30,1 %). Питание вне дома распространено в большей мере среди молодежи 16–29 лет и более обеспеченных слоев населения.

Таблица 7

Питание вне дома лиц в возрасте 14 лет и более за последние 12 мес. (в % к итогу)

	Посещали кафе, рестораны	Посещали предприятия быстрого обслуживания	Покупали еду на улице, чтобы быстро перекусить	Заказывали для себя доставку готовых блюд на дом или на работу
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
из их пользовались услугами	39,7	38,9	30,1	44,9
в том числе				
ежедневно или несколько раз в неделю	0,9	2,6	3,0	0,4
несколько раз в месяц	10,4	13,6	9,0	11,8
один раз в месяц				
один раз в месяц или реже	28,3	22,8	18,2	32,7

Данные выборочных обследований показывают общие проблемы в практиках питания населения. Отмечая наличие взаимосвязанности состояния здоровья с пищевым поведением, население по ряду причин не придерживается принципов рационального питания. Почти половина респондентов имеет одно или несколько заболеваний, связанных с питанием. Особенно уязвимыми группами являются мужское население, молодежь, люди преклонного возраста. Выбор продуктов питания зависит от множества факторов, среди которых финансовые возможности домохозяйства, культурные нормы, устоявшиеся практики и привычки.

Для обеспечения сохранения здоровья населения необходимо улучшение структуры питания за счет увеличения доли продуктов с высокой пищевой и биологической ценностью. Формирование правильных пищевых привычек и повышение уровня культуры питания должны быть неотъемлемой частью образования, внедряемой и поддерживаемой с раннего детства.

Литература

1. Итоги выборочного наблюдения рациона питания населения в 2023 году. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/food23/index.html (дата обращения: 24.03.2026).

2. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания : приказ Минздрава от 19 авг. 2016 г. № 614.
4. Более четверти россиян готовы пожертвовать качеством продуктов ради низкой цены. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2025/02/3/330524.phtml> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Большинство россиян стараются покупать продукты по скидкам. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2022/10/20/307273.phtml> (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 336.77.067.21

Т. И. Латыпов, А. И. Дудочников

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Исследуются особенности оформления POS-кредитов в зависимости от демографических факторов. Показано, что POS-кредитование – это вид потребительского кредита, выдаваемый непосредственно в торговых точках. В частности, оценено, как половозрастная структура и семейное положение влияют на сумму и сроки кредитов. Также предпринята попытка охарактеризовать особенности товарного потребления среди указанных демографических групп. В качестве метода для анализа был выбран анкетный опрос населения с предварительным отбором тех, кто использовал механизм POS-кредитования за 2025–2026 гг. (193 респондента). По итогам эмпирического исследования выявлено, что демографические факторы имеют корреляцию с особенностями потребительского кредитования.

Ключевые слова: потребительский кредит, коммерческие банки, POS-кредитование, демографические факторы, половозрастная структура населения.

T. I. Latypov, A. I. Dudochnikov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

DEMOGRAPHIC FACTORS IN THE FORMATION OF THE CONSUMER LENDING MARKET

This article examines the characteristics of POS loan processing based on demographic factors. POS lending is a type of consumer loan issued directly at retail outlets. Specifically, the article examines how age, gender, and marital status influence loan amounts and terms. It also examines consumer consumption patterns among these demographic groups. The research method used was a population survey with a preliminary selection of 193 respondents who used POS lending in 2026–2027. The study found that demographic factors correlate with consumer lending patterns.

Keywords: consumer credit, commercial banks, POS lending, demographic factors, age and gender structure of the population.

Одним из популярных видов потребительского кредита являются POS-кредиты. Их особенность заключается в том, что они выдаются в торговых точках, где и продается определенный вид товара. Как правило, данный товар связан с бытовой техникой и электроникой [1]. По статистике Объединенного кредитного бюро, количество выданных кредитов подобного вида самое низкое за последние 6 лет по объему кредитования. По сравнению с результатами 2024 г. количество выдач сократилось на 52 %, объём – на 51 %. За 2025 г. выдано 2,38 млн POS-кредитов на 155,57 млрд руб., в среднем за месяц на 12,96 млрд руб. В 2024 г. россияне оформили 4,97 тыс. товарных кредитов на 320,20 млрд руб., в среднем за месяц на 26,68 млрд руб. [2].

Статья содержит результаты эмпирического исследования – анкетного опроса, проведенного в марте–апреле 2026 г. на примере жителей г. Казани (197 респондентов). В выборку попали респонденты, которые пользовались POS-кредитованием в 2025 и 2026 гг. Анализ направлен на выявление того, влияли ли демографические факторы на характер потребительских кредитов, в частности, на POS-кредитование. Исходя из этого, можно было бы

предположить гипотезу, что демографические тенденции в России ключевым образом влияют на рынок потребительского кредитования.

По итогам анализа возрастного фактора было выявлено, что население среднего возраста чаще всего берет потребительские кредиты на суммы свыше, чем у других возрастных категорий (рис. 1).

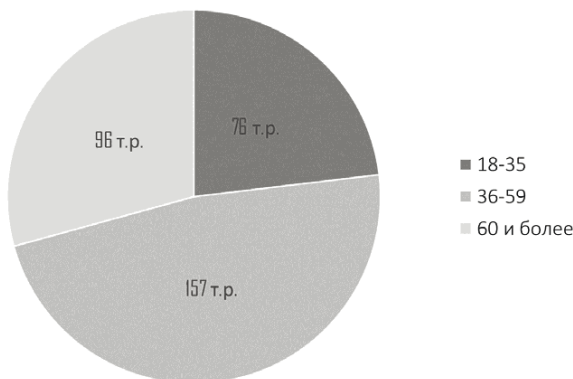

Рис. 1. Средняя сумма выданного POS-кредита в зависимости от возраста

Средняя сумма кредита населения в возрасте 36–59 – 157 тыс. руб. Это вдвое больше, чем сумма, на которую берет кредиты население старше трудоспособного возраста, что объективно отражает потенциальную платежеспособность. По объему выданных кредитов молодежь уступает населению среднего возраста более чем в полтора раза – средняя сумма – 96 тыс. руб.

Аналогично выявлено, что средний срок кредита населения среднего возраста (26 мес.) практически в два раза больше, чем срок для молодежи (16 мес.) и респондентов пенсионного возраста (13 мес.). Что касается характеристики классификации товаров, население пожилого возраста наиболее консервативно, оно берет кредиты в основном на телевизоры и ноутбуки. Для населения среднего возраста характерен более широкий товарный ассортимент, например, бытовая техника и смартфоны. Наиболее вариативно ведет себя молодое население, которое показывает самый широкий товарный ассортимент: в потребительской корзине есть игровые приставки, наушники, колонки и другие виды товаров.

Характеристика по полу также показательна, мужчины чаще всего берут кредиты на более высокие суммы (рис. 2). 125 тыс. руб. – сумма одного POS-кредита, у женщин средний объем одного кредита – 93 тыс. руб.

Исходя из результатов, можно отметить, что мужчины более склонны брать кредиты, они чаще, чем женщины, готовы столкнуться с рисками. Также стоит выдвинуть гипотезу о том, что доход мужского пола выше, чем у женщин. Средний срок кредита у мужчин – 20 мес., у женщин – 16 мес. Интересны различия в товарном ассортименте: женщины в большей степени склонны брать кредиты на товары досугового характера, например, на игровые приставки. Что касается бытовой техники и электроники, серьезных различий в зависимости от пола не выявлено.

Обращаясь к семейному положению респондентов, к рынку потребительских кредитов с точки зрения их объема чаще обращается население [3], состоящее в браке (рис. 3). Это объясняется тем, что востребованность бытовой техники в семьях с детьми объективно выше.

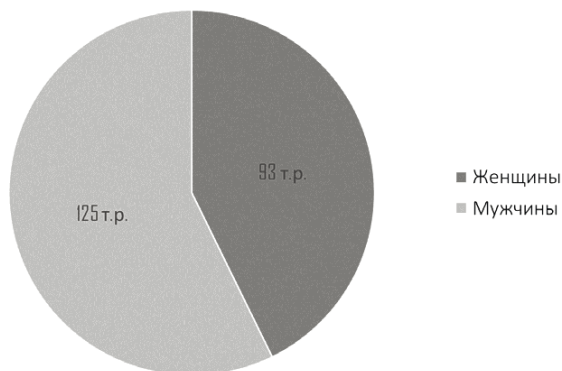

Рис. 2. Средняя сумма выданного POS-кредита в зависимости от пола

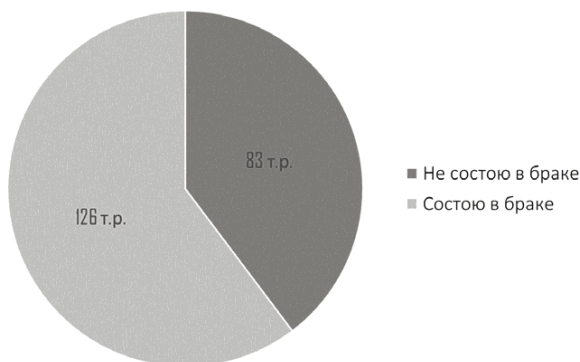

Рис. 3. Средняя сумма выданного POS-кредита в зависимости от семейного положения

Стоит добавить, что срок кредита у населения в браке практически в два раза выше (21 мес.), чем у тех, кто не связан официальным семейным положением (13 мес.). При этом зависимости товарного ассортимента от семейного положения не выявлено.

Таким образом, население среднего возраста наиболее активно на кредитном рынке, оно берет долгосрочные кредиты на более весомые суммы, чем иные возрастные категории. Мужское население аналогично по сумме и сроку пользуется POS-кредитованием масштабнее женского населения. Респонденты, состоящие в браке, чаще используют кредитные продукты, чем те, кто в браке не состоит. По результатам исследования гипотеза о том, что демографические факторы характеризуют рынок потребительского поведения, подтвердилась.

Литература

1. Искендерова Э. Д. POS-кредитование как перспективное направление потребительского кредитования в России // Шаг в науку. 2019. № 1. С. 12–15.
2. Аналитический ресурс «Объединенное кредитное бюро». URL: <https://bki-okb.ru/press/news/itogi-pos-kreditovaniya-v-2025-godu> (дата обращения: 01.05.2026).
3. Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/-25154127?ysclid=mp2gueyxb820340659> (дата обращения: 01.05.2026).

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

На основании данных Министерства здравоохранения Пермского края и статистических показателей, разрабатываемых Пермьстатом в соответствии с Федеральным планом статистических работ, проанализированы показатели эффективности организации медицинской помощи, уровень рождаемости и смертности, демографическая ситуация Пермского края, а также представлен сравнительный анализ с регионами, входящими в Приволжский федеральный округ.

Ключевые слова: здоровье, медицинские организации, врачи, численность населения, рождаемость, смертность, демографическая ситуация.

N. A. Loskutnikova, N. A. Galkina

Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Perm Territory, Perm

MEDICAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE PERM REGION

Based on data from the Ministry of Health of the Perm Territory and statistical indicators developed by Permstat in accordance with the Federal Statistical Work Plan, the article analyzes the efficiency of medical care organization, the birth and death rates, and the demographic situation in the Perm Territory, and provides a comparative analysis with the regions of the Volga Federal District.

Keywords: Health, medical organizations, doctors, population size, birth rates, death rates, and demographic situation.

Здоровье – один из важнейших компонентов жизни и счастья каждого человека. В обобщенном виде «здоровье» – это способность индивидуума приспосабливаться к условиям окружающей среды, противостоять влиянию внешних и внутренних факторов, болезням и повреждениям, сохранять полноценную жизнедеятельность и обеспечивать свое благополучие.

В настоящее время на фоне целого ряда внешних вызовов и глобальных угроз изменения социальных, экономических, политических, экологических и климатических детерминант возникают настолько внезапно и развиваются столь стремительно и непредсказуемо, что способность человека к быстрой адаптации в условиях новой реальности является чуть ли ни основным качеством личности в свете сохранения энергетического баланса и жизненных сил.

Специалисты считают, что здоровье, в большей степени, а именно на 50 %, зависит от образа жизни. Остальные факторы влияния на самочувствие и продолжительность здоровой жизни распределяются следующим образом: окружающая среда – 20 %, генетическая база – 20 %, уровень здравоохранения – 10 %. Тем не менее, большинство людей связывают свои надежды на сохранение и поддержание здоровья, а также на благополучное и гармоничное развитие с системой здравоохранения.

Качество и доступность оказываемой медицинской помощи населению в значительной степени определяет состояние кадровых ресурсов медицинских организаций, их достаточность и уровень профессиональной компетенции. Рассмотрим основные показатели работы системы здравоохранения Пермского края. В 2024 г. лечебно-профилактическую помощь населению оказывали 72 больничные организации на 18,9 тыс. коек и 482 амбулаторно-поликлинические организации на 61,9 тыс. посещений в смену¹⁴. В крае работали: 161 детская поликлиника, 183 женских консультаций, акушерско-гинекологических отделения (кабинетов); 673 фельдшерско-акушерских пунктов и 5 диспансеров (врачебно-физкультурный, кардиологический, кожно-венерологический, наркологический и онкологический). Число врачей и среднего медицинского персонала в крае в 2024 г. составило 36,2 тыс. чел. (табл.)

¹⁴ По данным формы федерального статистического наблюдения № 1-здрав «Сведения об организации, оказывающей услуги по медицинской помощи».

[1]. Относительно 2023 г. численность врачей уменьшилась практически на 1,0 %, а число среднего медицинского персонала выросло на 0,4 %.

Таблица

Обеспеченность населения медицинскими кадрами (на конец года)

	2020	2021	2022	2023	2024
Численность врачей					
всего, тыс. человек	13,0	12,6	12,4	12,4	12,3
на 10 000 населения	51,0	49,8	49,5	49,6	49,4
Численность среднего медицинского персонала:					
всего, тыс. человек	25,5	24,6	23,9	23,8	23,9
на 10 000 населения	100,0	97,5	95,3	95,5	96,5

Современные проблемы развития кадров здравоохранения во многом связаны с дефицитом персонала. Так, в системе Министерства здравоохранения Пермского края в анализируемом году оказались не заняты 10,6 % штатных должностей: штат врачей недоукомплектован на 11,5 %, среднего и младшего медицинского персонала – на 8,6 и 22,1 % соответственно. Достаточно острой, как в медицине в целом, так и в системе здравоохранения Пермского края остается проблема узких специалистов. В сравнении с 2023 го. по большинству специальностей произошло уменьшение числа докторов. Наиболее существенно сократилось число врачей по лечебной физкультуре и спортивной медицине – на 13,8 %; фтизиатров – на 6,9 %, стоматологов – на 6,0 %. Положительная динамика наблюдалась только среди офтальмологов и врачей терапевтического и хирургического профилей (рост на 2,6; 2,0 и 0,6 % соответственно).

Такое понятие, как средняя нагрузка на врачей выражается в числе посещений пациентов, количестве проведенных процедур и исследований, оснащенности койками и других показателях.

Рис. 1. Численность населения, приходящаяся на одного врача и одного работника среднего медицинского персонала, по регионам Приволжского федерального округа в 2024 г., чел.

Анализ нагрузки позволяет оценить эффективность организации работы в здравоохранении, выявить проблемы в системе и разработать оптимальные меры по их эффективному решению.

Среди регионов Приволжского федерального округа (ПФО) самая высокая нагрузка на врачей сложилась в Республике Марий Эл, а на средний медицинский персонал – в Самарской области. Пермский край по нагрузке на одного врача занимает седьмую позицию, по загруженности среднего медицинского персонала четвертую (рис. 1).

В последние годы пересматривается роль лечебно-профилактических учреждений, оказывающих населению стационарную медицинскую помощь. Упор делается на амбулаторную диагностику и лечение вместо длительного пребывания пациента в больнице, что

приводит к сокращению больничных коек. Оснащенность населения ими является наиболее общим показателем, позволяющим оценить удовлетворенность населения стационарной помощью.

Обеспеченность больничными койками в целом по краю в 2024 г. составила 76,0 на 10 тыс. чел. населения [1]. В шести субъектах ПФО в 2024 г. этот показатель был ниже, чем в Пермском крае (в Республиках Башкортостан, Мордовия, Марий Эл, Татарстан, Самарской и Оренбургской областях). Лучше всех укомплектованы больничными койками жители Кировской, Нижегородской и Саратовской областей.

Состояние системы здравоохранения, уровень заболеваемости и здоровье населения находятся в тесной взаимосвязи с демографическими индикаторами. Кратко проанализируем демографическую ситуацию Пермского края на основе имеющихся на сегодняшний день данных. И так, наиболее важной количественной характеристикой демографии является численность населения. По оценке численность населения края по состоянию на начало 2025 г. составила 2 483,6 тыс. чел., и в рейтинге регионов он по данному показателю занимает 19 место среди всех субъектов Российской Федерации, устойчиво сохраняя за собой пятую позицию в ПФО (рис. 2) [2].

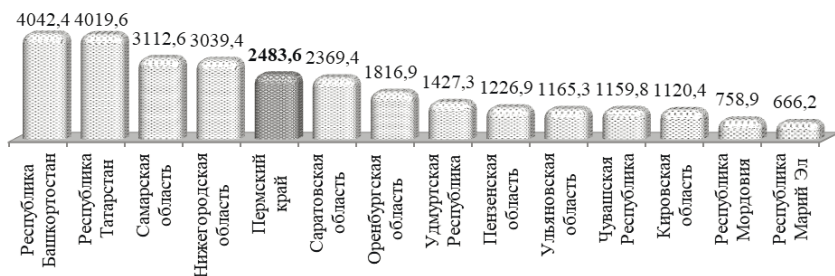

Рис. 2. Численность постоянного населения в субъектах ПФО на 01.01.2025, тыс. чел.

Одним из основных показателей, влияющим на численность населения, является рождаемость. Ее уровень отражается на темпах роста численности населения, среднем возрасте жителей, определяет демографическую нагрузку на население трудоспособного возраста. Рождаемость, в свою очередь, напрямую зависит от ряда факторов, таких как социально-экономическая ситуация, здоровье женщины, репродуктивные планы молодежи и т. д.

В 2023 г. в Пермском крае родилось 22,5 тыс. чел., что меньше уровня предыдущего года. Анализируя ситуацию с 2000 г., следует отметить, что самый высокий коэффициент рождаемости был зафиксирован в 2012 г. (14,8 промилле), к 2023 г. он значительно снизился и сложился на уровне 9,0 промилле (рис. 3). В 2024 г. эта негативная тенденция также сохранилась [5].

Обращает на себя внимание следующее. Если в начале 2000-х гг. основная доля рожденных детей приходилась на возрастную группу 20–24-летних женщин, то после 2010 г. средний возраст рождения ребенка составлял уже 25–29 лет, а после 2020 г. наибольшее число рождений приходилось на 30–34-летних женщин.

Одной из причин снижения уровня рождаемости, наблюдаемого в последние годы, явилось постепенное сокращение удельного веса женщин основных детородных возрастов (20–34 года) в общей численности женщин фертильного возраста. Сложившаяся неблагоприятная динамика рождаемости в крае также может быть связана в определенной степени и с репродуктивным поведением молодежи, которое можно отнести к малодетному типу с ориентацией на одного-двух детей. Однако в сравнении с другими субъектами ПФО Пермский край в 2023 г. демонстрировал один из наиболее высоких показателей рождаемости (рис. 4) [6].

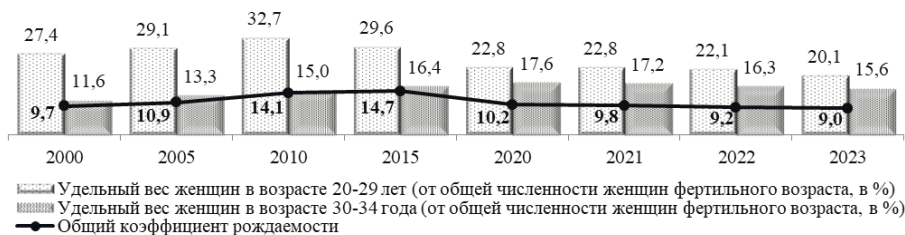

Рис. 3. Динамика общего коэффициента рождаемости и удельный вес женщин в возрасте 20–34 года в Пермском крае

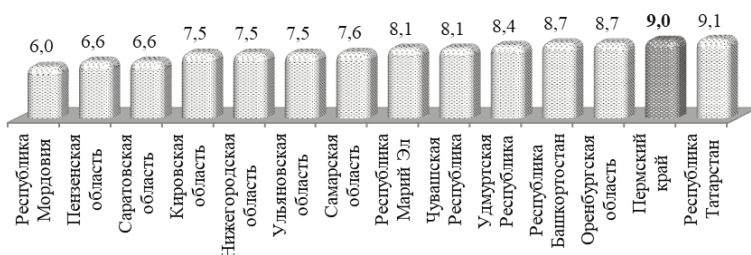

Рис. 4. Коэффициенты рождаемости в субъектах ПФО в 2023 г., на 1000 чел.

Специфической чертой нашего края является высокая внебрачная рождаемость. Практически треть всех родившихся появились на свет у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке (рис. 5) [5].

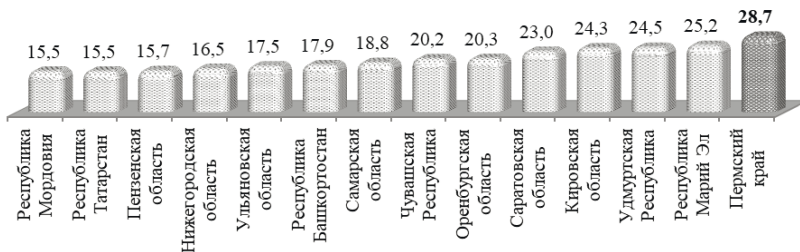

Рис. 5. Доля детей у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке в субъектах ПФО в 2023 г., в %

Ключевой характеристикой рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости, который для поддержания уровня простого воспроизводства должен составлять не менее 2,14 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. В 2023 г. в Пермском крае он составил всего 1,53 ребенка на одну женщину [5].

Значительную роль в поддержании уровня рождаемости и снижении младенческой смертности играет сохранение и улучшение репродуктивного здоровья населения. Один из ведущих факторов, негативно влияющих на репродуктивное здоровье и приводящих к нарушению репродуктивной функции, бесплодию, возникновению гинекологических заболеваний у женщин является аборт, или искусственное прерывание беременности. Число абортов в 2024 г. снизилось на 9,3 % относительно предыдущего года и составило 9,0 тыс. (рис. 6) [4].

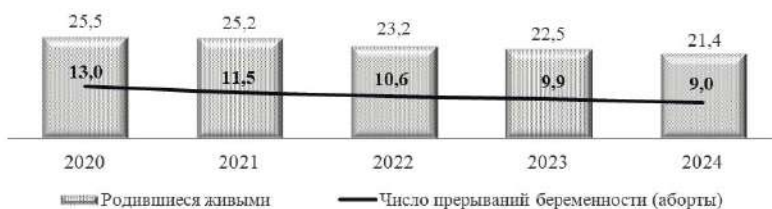

Рис. 6. Число прерываний беременности (абортов) и численность родившихся живыми¹⁵ в Пермском крае, тыс. случаев и тыс. чел.

В Пермском крае существует проект по сопровождению женщин, обратившихся в медицинские организации по поводу прерывания беременности. Целью данного проекта является социальная поддержка материнства и детства, создание защищенной, комфортной и доброжелательной среды для женщин, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Так в 2024 г. из 7,1 тыс. женщин, получивших консультацию в Центрах медико-социальной поддержки беременных женщин, 2,2 тыс. (31,0 %) отказались от искусственного прерывания беременности. Следует отметить, что в сравнении с предыдущим годом доля женщин отказавшихся от прерывания беременности увеличилась на 3,6 п.п.

В системе Министерства здравоохранения Пермского края функционирует 20 организаций (отделений) родовспоможения, оказывающих стационарную акушерскую помощь на 573 койки (373 койки для беременных и рожениц и 200 коек патологии беременности). Одним из показателей, характеризующим состояние репродуктивного здоровья, является удельный вес нормальных родов¹⁶. В 2024 г. доля таковых составила 37,6 %¹⁷.

По данным Министерства здравоохранения Пермского края в течение прошедшего года у 394 женщин состоялись роды после процедуры экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), в результате на свет появились 406 малышей, что на 5 новорожденных больше чем в 2023 г. [4].

Кратко о заболеваемости. В целом лечебными организациями Министерства здравоохранения Пермского края за 2024 г. было зарегистрировано 2 209,8 тыс. случаев заболеваний с впервые в жизни установленным диагнозом, что на 4,1 % ниже уровня прошлого года. На особом контроле находятся такие социально-значимые заболевания, как туберкулез и ВИЧ-инфекция. Эпидемическая ситуация по заболеваемости туберкулезом на территории Прикамья оценивается как стабильная, на протяжении последних пяти лет прослеживается тенденция к уменьшению числа случаев заболеваний. В то же время показатели заболеваемости активными формами туберкулеза в 2024 г. превышают среднероссийские в 1,4 раза, а уровень заболеваемости вирусом иммунодефицита человека и бессимптомного инфекционного статуса, вызванного ВИЧ, превышает средние показатели по Российской Федерации в 1,7 раза, ПФО – в 1,5 раза [4].

Особой группой населения, требующей пристального внимания к состоянию здоровья, являются дети и подростки. Наиболее часто дети первого года жизни были подвержены болезням органов дыхания (46,1 % от общего числа заболеваний), отдельным состояниям, возникающим в перинатальном периоде¹⁸ (9,9 %), врожденным аномалиям (порокам развития), деформациям и хромосомным нарушениям (8,9 %).

¹⁵ Данные по абортam, а также о числе родившихся в 2024 г. приведены по организациям системы Министерства здравоохранения Пермского края

¹⁶ Нормальные роды – своевременны роды одним плодом, начавшиеся спонтанно, с низким риском акушерских осложнений к началу родов и прошедшие без осложнений, при которых ребенок родился самопроизвольно в головном предлежании, после которых роженица и новорожденный находятся в удовлетворительном состоянии.

¹⁷ Данные приведены по организациям системы Министерства здравоохранения Пермского края.

¹⁸ От 22 недель беременности, включая роды и первые семь дней жизни ребенка.

Основы здоровья взрослого населения формируются в детском возрасте. Поэтому формирование здорового поколения, охрана здоровья детей – это важный вопрос обеспечения будущего каждого региона, поскольку подрастающее поколение является самым главным потенциалом страны, ее демографическим ресурсом.

Другой составляющей демографических процессов является смертность, наибольший уровень которой начиная с 2000 г. был зарегистрирован в 2003 г. – 18,3 промилле, когда число умерших в Пермском крае превышало число родившихся в 1,6 раза. В 2023 г. общий коэффициент смертности сложился на уровне 13,3 промилле [5], но превышение смертности над рождаемостью сохраняется весьма значительное – в 1,5 раза. Весьма высокий уровень смертности населения по-прежнему остается наиболее острой проблемой современной демографической ситуации Пермского края. В то же время среди субъектов округа регион по этому показателю занимает не самую худшую позицию (рис. 7) [6].

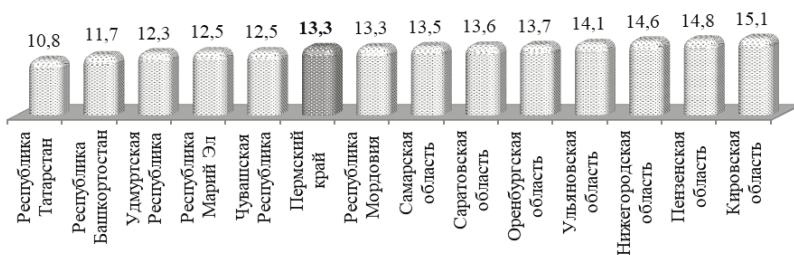

Рис. 7. Коэффициенты смертности в субъектах ПФО в 2023 г., на 1000 чел.

Важнейшим интегральным показателем демографических процессов является показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни, который позволяет оценить, сколько лет в определенном возрасте предстоит еще прожить в здоровом состоянии, т. е. без каких-либо серьезных проблем со здоровьем, ограничивающих повседневную жизнедеятельность человека.

Целью национального проекта «Демография», реализуемого в нашей стране», является рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни россиян и увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в Российской Федерации в 2024 г. сложилась на уровне – 61,7 года, в Пермском крае – 60,6 лет. По данным Выборочного федерального статистического наблюдения «Состояние здоровья населения» в 2024 г. (проводимого Росстатом в рамках вышеуказанного национального проекта) в Прикамье доля мужчин и женщин с удовлетворительной приверженностью к здоровому образу жизни составила 40,5 и 61,3 % соответственно. Относительно 2023 г. эти показатели в крае снизились соответственно на 4,7 % и 7,7 % [4].

Медико-демографические процессы, наряду с экономическими, политическими, социальными и культурными, являются в настоящее время важнейшими факторами общественного развития. Без тщательного анализа демографических закономерностей и тенденций практически невозможно прогнозировать развитие общества в целом, страны или отдельного региона.

Подведем итоги. Сокращение населения Пермского края происходит за счет сужения его воспроизводственной базы (численности населения репродуктивных возрастов), снижения рождаемости и увеличения воспроизводственных издержек (числа умерших). В 2024 г. также сохранился негативный тренд уменьшения числа жителей Пермского края, поскольку небольшой миграционный прирост не смог компенсировать значительную естественную убыль населения.

Факторами, способными стабилизировать в перспективе численность населения, являются сокращение уровня заболеваемости и смертности, а также рост рождаемости. Причем, ресурсы первого значительно больше, а в отдельных случаях – практически напрямую зависят от сознательного отношения к своему здоровью со стороны каждого человека.

В то же время оптимизация системы здравоохранения, расширение спектра услуг, предоставляемых населению, своевременность и доступность высокотехнологичной специализированной медицинской помощи с применением всех достижений медицинской науки, безусловно, будет оказывать значительное влияние на продолжительность и качество жизни населения.

Улучшить демографическую ситуацию призваны и определенные социальные программы, такие как утвержденная Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года с комплексом административных, финансовых и социальных мер, т. е. официально сформированный демографический курс, включающий политику поощрения рождаемости, обеспечивающую поддержку материнства и детства и др.

Одним из основных видов финансовой помощи семьям является предоставление материнского капитала. Эта мера государственной поддержки российских семей, в которых, начиная с 1 января 2007 г. по 31 декабря 2019 г., родился или был усыновлен второй ребенок, или, начиная с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2026 г. включительно, родился или был усыновлен первый ребенок.

Правительством Пермского края также предпринимаются определенные меры по улучшению демографической ситуации. В национальный проект «Демография» включены такие региональные проекты как «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Спорт – норма жизни», «Укрепление общественного здоровья», «Старшее поколение», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Развитие детского здравоохранения» и др.

Реализуется Программа социально-экономического развития в соответствии с Законом Пермского края от 2 апреля 2010 г. № 598-ПК «О стратегическом планировании социально-экономического развития Пермского края» и постановлением Законодательного Собрания от 1 декабря 2011 г. № 3046 «О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года».

Губернатором Пермского края 30 декабря 2022 г. подписано постановление № 1176-п об изменениях в региональном законе о мерах социальной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Так, с 1 января 2023 г. в нашем регионе действует новая мера поддержки семей с детьми – при рождении двух и более детей одновременно производятся единовременные выплаты по 100 тыс. руб. на ребенка.

Нужно отметить, что демографическая политика стимулирования рождаемости на определенном этапе, безусловно, имеет заметный эффект, но, как правило, ограничивается желаемой детностью. В связи с этим важно не только продолжать создавать условия для реализации желаемых рождений, но активизировать работу по формированию репродуктивных установок молодого поколения. Регулярный поиск новых эффективных инструментов демографической политики позволит снизить «затухание» результативности ранее предпринятых эффективных мер.

Таким образом, основной целью медико-демографической политики в Пермском крае является стабилизация и рост численности населения, увеличение продолжительности здоровой (активной) жизни, улучшение репродуктивного здоровья населения и качества жизни, формирование предпосылок для дальнейшей оптимизации демографических процессов за счет снижения заболеваемости и смертности, а также создания предпосылок для роста уровня рождаемости.

Литература

1. Сеть лечебно-профилактических организаций, медицинские кадры и заболеваемость населения Прикамья : стат. бюл. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2025. 31 с.

2. Оценка численности постоянного населения Пермского края по муниципальным образованиям на начало 2025 года и в среднем за 2024 год. : стат. бюл. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2025. 11 с.

3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Пермском крае в 2024 году» / Упр. Федер. службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пермскому краю ; Центр гигиены и эпидемиологии в Пермском крае. Пермь, 2025. 260 с.

4. Здравоохранение в Пермском крае : стат. бюл. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2025. 99 с.

5. О развитии демографических процессов в Пермском крае в 2023 году : аналит. записка / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2024. 45 с.

6. Естественное движение населения Российской Федерации за 2023 год : стат. бюл. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 21.04.2026).

УДК 316.007.62

А. А. Меньшикова, М. С. Малетина, М. С. Мусарова
Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СООБЩЕСТВ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ

Обосновывается необходимость расширения роли экспертного сообщества медиков. Подчеркивается, что в группу экспертов должны включаться специалисты разного профиля. Поддерживается активная интегрирующая позиция в экспертных группах. Показано, что программа искусственного интеллекта способна выполнять функцию дискриминации в случае несоответствия мнений среди экспертов. Предлагается реформирование функционирования экспертных групп. Сделан вывод, что функции экспертных групп медицинских сообществ расширяются до политических институтов и правозащитных организаций, производящих корпораций.

Ключевые слова: экспертиза, экспертные группы, экспертные институты, влияние, социальная поддержка.

A. A. Menshikova, M. S. Maletina, M. S. Musarova
Siberian State Medical University, Tomsk

EXPANDING PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNITIES EXPERTISE FUNCTION

The role of the medical expert community needs to be expanded. The expert group should include specialists of various profiles. An active integrating position in expert groups is maintained. The artificial intelligence program is able to perform the function of discrimination in case of disagreement among experts. It is proposed to reform the functioning of expert groups. The functions of expert groups of medical communities are expanding to political institutions and human rights organizations, manufacturing corporations.

Keywords: expertise, expert groups, expert institutions, influence, social support.

Расширение возможностей экспертных институтов в сфере медицинских организаций является актуальной проблемой. Потребность в организации квалифицированных экспертных групп в медицинской сфере обусловлена снижением качества подготовки специалистов в данной отрасли, неблагоприятные последствия от взаимодействия медицинских профессиональных сообществ с другими организациями, физическими лицами, возрастание количества конфликтных ситуаций и провоцируемых, таким образом, аспектов социальной нестабильности, прямой угрозой здоровью населения.

Расширение возможностей экспертных институтов возможно в контексте интегративного взаимодействия. Запрос на мнение альтернативных экспертных групп возникает в ситуации сомнений в диагнозе, несовпадающих результатов медицинской диагностики пациента. Запрос экспертного мнения требуется в контексте подготовки лабораторных заключений.

В целях прогресса возможно применение социальных технологий. Группа экспертов активно взаимодействует друг с другом в сетевом формате общения. Распространение доступных средств коммуникации также обуславливает вероятность развития коррупции. В этой связи возможным решением является создание общественно прозрачных информацион-

ных каналов для взаимодействия групп экспертов. Таким образом, сообщество оказывается в курсе происходящих событий. Со стороны групп экспертов вероятно повышение уровня этической ответственности.

В случае несовпадения мнений среди экспертов предлагается установить опосредующую позицию искусственного интеллекта, обращенную к практической деятельности, с целью выявления оптимального предложения эксперта, либо согласованной компромиссной позиции. На основании системы проектирования развития ситуации программа искусственного интеллекта организует статистический выбор оптимального результата на основании вероятностного прогнозирования.

В перспективе развития группа экспертов должна включать в себя компетентных специалистов из разных областей: юристов, психологов. Среди экспертов должна развиваться нераспространенная в настоящее время система обучения социальному взаимодействию, коммуникабельности.

Роль экспертных институтов в социальном плане изменяется [1]. Повсеместно распространены тенденции внедрять дополнительные функции в организациях [2; 3]. Данная тенденция характеризует также систему здравоохранения. Перспективным является расширение тенденций функционирования экспертных групп медицинских организаций при взаимодействии с системой образования. Нестабильность развития образования и феноменов, вызванных постоянным реформированием, объективными факторами, обуславливает потребность в формулировке экспертного заключения, следующего за подавляющим большинством феноменов, связанных с системой образования. В первую очередь экспертное заключение медиков требуется в отношении учебных пособий, включенных в учебные программы (преобладание неконтролируемых потоков информации создает угрозу здоровью обучаемых). То же заключение требуется в случае неопределенности алгоритмов практических учебных упражнений. Соответственно, медицинская группа начинает выполнять функцию надзирателя. В соответствии с характером сделанного вывода профессиональное сообщество медиков приобретает функцию правозащитной организации, способной защищать интересы субъектов образовательного процесса, апеллировать в компетентные органы в зависимости от актуальной ситуации, изменений. Сопровождение жизнедеятельности социальных субъектов медиками позволяет выполнять прогностические функции, создавая специализированные экспертные организации, выполняющие, таким образом, политическую функцию. Медицинская экспертиза продуктов производства эволюционирует до состояния автоматизированной диагностики, соответствующего сопровождения производственной деятельности различных корпораций. Экспертные группы заняты производством средств диагностики, их совершенствованием.

Литература

1. Меньшикова А. А. Расширение роли института экспертной оценки в современной системе образования // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 381–383.
2. Рудинский А. В. Экспертная экологическая служба – необходимый институт управления современным техногенным миром // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 11. С. 64–67.
3. Рыбко Ю. Ю., Вакулюк Е. А. Взаимодействие с экспертным сообществом в рамках института оценки регулирующего воздействия в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 2 (83). С. 28–34.

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ НА ЯМАЛЕ

Рассматриваются основные показатели применяемые в оценки эффективности, в том числе на Ямале. Определены самые острые социальные направления, требующие внимания. Выделяются количественные и качественные способы оценки сложного процесса управления в социальной сфере. Предложен иной способ оценки эффективности, в том числе комбинированный, который более точно должен отражать оценку эффективности.

Ключевые слова: социальное управление, показатели оценки, социальный эффект.

I. E. Pinigin

Tyumen Industrial University, Tyumen

EFFICIENCY INDICATORS IN SOCIAL MANAGEMENT IN YAMAL

The article discusses the main indicators used in assessing efficiency, including in Yamal. The most pressing social issues that require attention have been identified. Quantitative and qualitative methods for assessing the complex process of social management have been highlighted. A different approach to assessing efficiency, including a combined approach, has been proposed to more accurately reflect the assessment of efficiency.

Keywords: social management, evaluation indicators, and social effect.

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) – это уникальная арктическая территория России, обладающая значительными природными ресурсами, включая большие запасы углеводородов.

Управление в социальной сфере в арктическом регионе имеет свои особенности, связанные с этническим наполнением и особым климатом, который влияет на эффективность реализации принимаемых мер для удовлетворения потребностей социума.

Ямало-Ненецкий автономный округ – субъект Российской Федерации с многонациональным населением, в состав которого входит о коренной народ (ненцы, селкупы и ханты). Богатство культурного разнообразия создает определенные сложности в управлении. Основные социальные проблемы, с которыми сталкиваются жители региона, включают:

1. Загрязнение окружающей среды.
2. Различный доступ к образовательным и медицинским услугам.
3. Недостаток квалифицированных кадров.

Государственные программы в регионе и инициативы направлены на улучшение уровня жизни в Ямале. Утверждены и работают программы поддержки коренных народов, совершенствования социальной инфраструктуры. Принимаются меры, направленные на повышение качества здравоохранения и образования, играют важную роль в социальном управлении [2].

Эффективность социального управления можно оценивать по различным критериям:

- экономическая эффективность;
- социальная справедливость;
- качество жизни населения;
- инновационность.

Также методы оценки можно разделить на:

Качественные методы – основанные на опросах, интервью и анализе мнений граждан и экспертов и количественные методы – когда используют статистические данные, индексы и рейтинги для более объективной оценки (например, индекс человеческого развития) [1].

Также сравнительный анализ позволяет выявить лучшие практики управления в различных регионах или странах.

Оценка эффективности социального управления сталкивается с рядом проблем, основным из которых является применение исключительно количественного метода оценки эффективности социального управления, что является необъективным, если рассматривать

данную отрасль как ключевую при исследовании качества жизни на определенной территории и особенно на территориях Арктической зоны РФ.

Основным источником количественных характеристик, является Росстат. А точнее данные, которые формируются в процессе сбора статистической отчетности. Формирование данных – это непрерывный процесс, который существует во взаимосвязи с предыдущими годами и с различными показателями в разных статистических формах. В связи с политическими процессами в текущей ситуации распространение данных для целей аналитики и формирования прогнозных показателей, приостановлено. На официальном сайте можно найти исключительно информацию прошлых лет.

Подобные меры являются вынужденными, но доступ к данным не совсем закрыт. Полномочия по получению данных остались у глав субъектов Российской Федерации. И это не спроста, так как опираясь на показатели Росстата можно полностью сформировать индексы эффективности деятельности первых лиц региона. Росстат при этом участвуют напрямую в формировании 7 показателей и 5 показателей участвуют косвенно, так как при расчетах используются данные из форм федеральных статистических наблюдений.

Сбор социологической информации самостоятельно органами власти в регионе или муниципальными органами власти не может являться источником достоверной информации, так как как правило отсутствует методика формирования показателей и все сводится исключительно к усреднению цифровой информации.

Отсутствие в свободном доступе количественных показателей может повлиять только на скорость принятия решений при оценке эффективности социального управления. В данной ситуации на лидирующие позиции выходят качественные показатели, которые можно сформировать быстрее и может даже получить более валидные данные.

Имея достаточную репрезентативную информацию о социальных процессах на определенных территориях возможно формирование комплексных показателей для оценки эффективности социального управления. Важным компонентом при этом является такой показатель как социальных эффект.

По мнению автора имеется возможность по совершенствованию уже существующей системы сбора статистических показателей для повышения релевантности в общей оценке социальной среды и различных субъектов социальной системы, путем применения комплексного подхода используя данный качественный показатель.

Учет социального эффекта необходимо ввести в методики формирования социально значимых показателей, в соответствии с имеющимися федеральными актами, которые используются при формировании данных для оценки деятельности органов власти, с целью возможной корреляции статистических данных и более точной оценки эффективности деятельности различных субъектов в социальной системе. Введение данного показателя позволит учитывать не только количественные характеристики различных систем, но и позволит учесть их влияние на социум и сформировать качественные показатели.

Для определения потенциального социального эффекта необходимо опираться на официальные статистические данные и определить к каким показателям необходимо стремиться, для определения количественного показателя. Для качественной корреляции, показатель социального эффекта должен быть включен в методику оценки деятельности органов местного самоуправления, а также в официальной статистике должен учитываться и применяться соответствующих коэффициент по «статистически не значимым респондентам» или их данным из источников официальной статистики.

Конечно, реализация данных изменений требует значительных временных затрат на федеральном уровне, для легитимности учета и оценки, и может решаться только административными методами регулирования либо иметь законодательный препятствия для реализации, но долгосрочный положительный социальный эффект для общества и экономики заложит новую и современную практику сбора данных с респондентов и сделает оценку эффективности деятельности органов власти максимально приближенную к реальной ситуации, а значит позволит формировать социально-экономическую политику при развитии террито-

рий более точно, что привет, в свою очередь, к высоким темпам реализации государственных программ и развитию общества в России.

Оценка эффективности социального управления требует комплексного подхода и использования различных методов и критериев. Необходимость в развитии и совершенствовании систем оценки, адаптированных к конкретным условиям и потребностям общества, остается актуальной задачей для всех уровней власти и управления. Только через понимание специфики и реальных результатов социального управления можно достичь устойчивого и справедливого развития общества.

Современная ситуация в социальном управлении на Ямале требует комплексного подхода и реализации эффективных программ для улучшения качества жизни населения. Устойчивое развитие региона возможно только при условии консолидации усилий всех заинтересованных сторон и учета специфики арктической зоны. Важно продолжать работу над социальными и экономическими инициативами, направленными на улучшение благосостояния жителей Ямала и сохранение уникальной природы региона.

Литература

1. Градов А. Ф. Социальное управление: теория и практика // Наука. 2020. № 20.
2. Департамент экономики Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://de.yanao.ru/activity/2378/> (дата обращения: 28.02.2026).

УДК 316.77:004.9

А. А. Журавлева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВАЯ АСИММЕТРИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДЕЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АДАПТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

На основе качественного эмпирического исследования анализируются механизмы кросс-культурного взаимодействия бизнеса России и Китая в условиях цифровых трансформаций. Выявляется ключевое противоречие: на фоне геополитического сближения сохраняется высокая степень асимметрии адаптационного бремени, где российские предприниматели вынуждены осваивать китайские цифровые экосистемы без симметричного ответа. Обосновывается вывод о доминировании антропоцентричных стратегий («мягкая сила», личные отношения) над технологическими решениями.

Ключевые слова: российско-китайское взаимодействие, цифровые платформы, кросс-культурные барьеры, асимметрия адаптации, типологический анализ, геополитические драйверы.

A. A. Zhuravleva

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITAL ASYMMETRY AND CULTURAL BARRIERS IN RUSSIAN-CHINESE BUSINESS COMMUNICATIONS: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF ADAPTIVE STRATEGIES

The article, based on a qualitative empirical study, analyzes the mechanisms of cross-cultural interaction between Russian and Chinese businesses in the context of digital transformations. A key contradiction is identified: against the backdrop of geopolitical rapprochement, a high degree of asymmetry of the adaptive burden persists, whereby Russian entrepreneurs are forced to master Chinese digital ecosystems without a symmetrical response. The conclusion about the dominance of anthropocentric strategies ("soft power", personal relationships) over technological solutions is substantiated.

Keywords: russian-chinese interaction, digital platforms, cross-cultural barriers, asymmetry of adaptation, typological analysis, geopolitical drivers.

Актуальность эмпирического анализа адаптивных стратегий данной темы обусловлена стремительной интенсификацией экономических связей между Россией и Китаем на фоне геополитических изменений 2022–2025 гг. Цифровые технологии становятся не просто вспомогательным инструментом, а основной средой деловой коммуникации. Однако эффективность механизмов цифрового взаимодействия остается дискуссионной: нивелируют ли они традиционные кросс-культурные барьеры или, напротив, создают новые? Целью данного исследования являлось на основе эмпирических данных выявить реальные практики, барьеры и адаптивные стратегии российских и китайских бизнес-акторов в цифровой среде. Задачи исследования включали в себя анализ ключевых драйверов изменения взаимодействия, типологизацию цифровых и культурных барьеров, а также описание преобладающих стратегий адаптации.

Исследование выполнено в качественной парадигме с использованием тематического анализа (Thematic Analysis). Эмпирическую базу составили данные экспертного онлайн-интервьюирования (платформа Webanketa.ru, период: 29.12.2025 – 29.01.2026). Выборка целевая (экспертная): 11 респондентов, имеющих профессиональный опыт российско-китайского делового сотрудничества в сферах торговли, производства, логистики и науки. Стаж взаимодействия варьировался от нескольких месяцев до более 10 лет. Обработка данных проведена в программном обеспечении MAXQDA с использованием первичного и аксиального кодирования, верификации через Code Matrix Browser. Качественная методология не претендует на статистическую репрезентативность, но обеспечивает глубину понимания субъективных смыслов [9].

В результате кодирования выделено две группы категорий: факторы изменения взаимодействия, а также барьеры и стратегии.

Таблица 1

Ключевые факторы и изменения во взаимодействии (частота упоминаний, n = 11)

Код/категория	Описание	Σ упоминаний
A1. Геополитика как драйвер	СВО, санкции Запада как главная причина сближения	8
A2. Стратегическое сближение	БРИКС, многополярность, сознательная политика	4
B1. Динамика (улучшение)	Укрепление связей, заинтересованность	5
B2. Практические сложности	Проблемы с платежами, логистикой	2
V3. Цифровизация процессов	Переход на цифровые каналы	0

Данные табл. 1 свидетельствуют о доминировании реактивного геополитического драйвера (8 из 11). Респонденты прямо указывают: «Специальная военная операция и европейские санкции» (Респондент № 1); «создало уникальный плацдарм для выстраивания стратегических взаимоотношений» (Респондент № 5). Стратегическое видение встречается в 2 раза реже. Фиксируется неоднородность опыта: улучшение отмечают 5 респондентов, но 2 сталкиваются с новыми сложностями. Показательно, что ни один респондент не назвал цифровизацию самостоятельным драйвером изменений – она воспринимается как вынужденный фон, а не целевое преобразование.

Таблица 2

Барьеры и стратегии взаимодействия (частота упоминаний, n = 11)

Код/категория	Описание	Σ упоминаний
Барьеры		
C1. Менталитет	Различия в мышлении, деловом этикете	6
C2. Язык	Языковые трудности	6
C3. Цифровые платформы	Сложности регистрации, интерфейс, доступ	5
Стратегии		
D1. Уважение к культуре	Учет традиций, этикета	4
D2. Личные отношения	Неформальное общение, доверие	4
D3. Прагматичные меры	Посредники, пилотные партии	2

Анализ табл. 2 выявляет симбиоз культурных и цифровых барьеров. Менталитет и язык (по 6 упоминаний) практически равноценны технологическим сложностям (5). Ключевой вывод: эти барьеры не изолированы. Как отмечает Респондент № 8: «То что весь контент на китайском... сложно интегрировать в наши корпоративные системы 1С CRM». Языковой барьер напрямую усиливает технологический. Респондент № 2 описывает типичную проблему: «Из 1688 постоянно выкидывает. Часто есть невероятные трудности с тем, чтобы там зарегистрироваться».

При этом преобладающие стратегии – не технологические, а антропоцентричные: культурный респект и личные отношения (по 4 упоминания). Респондент № 8 формулирует доминирующий паттерн: «Мягкая сила и уважение к культуре партнеров, стараюсь учитывать китайский деловой этикет». Респондент № 2 подчеркивает важность «небольших разговоров о культурных ценностях, семье и погоде... Терпения».

Полученные данные позволяют выйти за рамки простой констатации к формированию типологии. В практиках респондентов обнаруживаются зачатки трех типов цифровизации, которые будут систематизированы далее.

1. Транзакционная цифровизация направлена на преодоление операционных барьеров. Это попытки использования B2B-платформ (1688.com, Alibaba) как инструмента поиска партнеров и совершения сделок. Однако, как отмечают респонденты № 2 и № 8, такая цифровизация остается *внешней надстройкой*: отсутствует интеграция с внутренними CRM-системами, платформы «выкидывают» пользователя.

2. Институциональная цифровизация проявляется опосредованно – через запрос на формализованное доверие. Когда респонденты говорят о «тщательном отборе партнеров» и «использовании посредников», по сути, имитируются функции, которые в развитых цифровых экосистемах выполняют рейтинги и смарт-контракты. Прямой запрос сформулирован Респондентом № 1: «материальная поддержка малого бизнеса со стороны государства в регистрации на международных торговых площадках».

3. Хобитуральная цифровизация – наиболее слабо выраженный, но стратегически важный тип. Ее элементы: использование WeChat как гибридной среды (формальная и неформальная коммуникация, платежи) в сочетании с Zoom. Респондент № 8 указывает: «В основном WeChat, а также созвоны через Zoom». Это попытка войти в чужую цифровую «среду обитания» и создать гибридное пространство. Установка «учитывать китайский деловой этикет» в цифровой среде (выбор времени ответа, использование эмодзи) – основа для формирования общих цифровых привычек.

Центральный выводом является фиксация асимметрии адаптационного бремени. Ни один респондент не сообщил о том, что китайские партнеры адаптируются к российским цифровым системам (VK, Telegram, российские CRM). Адаптация идет исключительно в одном направлении: российский бизнес осваивает WeChat, 1688, сталкивается с китайской регистрацией и кириллическими интерфейсами. Это создает системное неравенство транзакционных издержек.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы, верифицирующие и уточняющие исходную гипотезу:

1. Геополитический драйвер доминирует, но он формирует «вынужденную солидарность», а не проактивное стратегическое партнерство. Цифровизация воспринимается не как благо, а как проблемная необходимость.

2. Культурный код критически значим. Цифровые инструменты не только не нивелируют, но и усиливают кросс-культурные барьеры (менталитет, язык, невербальные сигналы). Успех коммуникации по-прежнему зависит от «мягкой силы» и личного доверия, а не от технологической оснащенности [10].

3. Сформировался запрос на гибридную модель, сочетающую цифровые каналы (WeChat, Zoom) для оперативной работы и очные контакты (миссии, форумы) для стратегических решений. Без этого гибрида цифровая среда остается недоверенной.

4. Асимметрия адаптационного бремени – ключевая нерешенная проблема. Российский бизнес несет односторонние издержки по освоению китайских цифровых экосистем. Государственная поддержка требуется не только на макроуровне, но и в форме содействия регистрации, переводу интерфейсов, созданию совместных цифровых пространств [7].

Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной верификацией выявленных паттернов на более широкой, репрезентативной выборке, что позволит не только подтвердить устойчивость обнаруженных закономерностей (доминирование геополитического драйвера, симбиоз культурных и цифровых барьеров, асимметрия адаптационного бремени), но и измерить их выраженность в зависимости от отраслевой принадлежности, размера компании и стажа взаимодействия с китайскими партнёрами. Особого внимания заслуживает разработка нормативной модели симметричного цифрового взаимодействия, которая включала бы в себя:

а) принципы двусторонней адаптации цифровых интерфейсов (русификация китайских B2B-платформ и китаификация российских аналогов);

б) систему институциональных гарантий, снижающую транзакционные издержки для обеих сторон (взаимное признание электронных подписей, рейтингов и сертификатов);

в) стандарты гибридной коммуникации, сочетающей синхронные (Zoom, WeChat) и асинхронные (электронная почта, корпоративные порталы) каналы с учётом культурных кодов. Ключевым вопросом остаётся эмпирическая проверка гипотезы о том, возможна ли в принципе симметричная цифровизация в условиях объективного неравенства цифровых экосистем (ёмкость китайского рынка, зрелость инфраструктуры, языковая и институциональная замкнутость WeChat-экосистемы) или же устойчивая асимметрия является неизбежной платой за доступ к китайскому рынку.

Литература

1. Ван Ли. Асимметрия цифровой адаптации в двусторонней торговле РФ-КНР // Экономика Восточной Азии. 2026. № 1. С. 23–41.
2. Го Сяолин. Цифровая дипломатия и экономическое сотрудничество Китая и России // Вестник международных отношений. 2025. № 3. С. 88–102.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2019. 608 с.
4. Российско-китайское деловое сотрудничество в условиях цифровизации: барьеры и драйверы / под ред. А.В. Островского. М.: ИДВ РАН, 2025. 204 с.
5. Трифонова К. А., Чэнь Юэ. Кросс-культурные коммуникации в российско-китайском бизнесе: роль цифровых посредников // Социологические исследования. 2025. № 12. С. 45–58.
6. Хофстеде Г. Культуры и организации: программа исследования менталитета // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2019. С. 67–98.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2017. 416 с.
8. Alibaba Group. Digital ecosystems and SME integration in Asia // Alibaba Research Report Series. 2024. N 4. P. 12–35.
9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 2019. 240 p.
10. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2017. 576 p.
11. Li Y., Wu J., Xu Z. Cross-cultural digital communication in Sino-Russian business // Journal of Cross-Cultural Management. 2025. Vol. 18, N 2. P. 45–67.
12. MAXQDA. Qualitative Data Analysis Software: User Manual. Berlin: VERBI Software, 2024. 312 p.
13. Yin R. K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. 6th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2018. 352 p.

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается влияние проводимой с 2022 г. специальной военной операции на рождаемость в России. Анализируются статистические данные и экспертные мнения, затрагивающие тему исследования. Оценивается демографическая ситуация в России с момента проведения специальной военной операции и предполагаются дальнейшие последствия, связанные с демографической ситуацией в России.

Ключевые слова: рождаемость, специальная военная операция, детородный возраст, мужчины, социально-экономическая ситуация.

А. V. Apanina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPACT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE BIRTH RATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the impact of the special military operation, which has been ongoing since 2022, on the birth rate in Russia. The article reviews and analyzes statistical data and expert opinions related to the topic of research. The author of the article assesses the demographic situation in Russia since the start of the special military operation and suggests further consequences related to the demographic situation in Russia.

Keywords: birth rate, special military operation, childbearing age, men, socioeconomic situation.

Любые военные действия несут за собой множество последствий, одним из таких последствий зачастую является снижение рождаемости по причинам гибели мужчин детородного возраста, разрушения семей, неопределенности и экономического кризиса. Все перечисленные факторы могут повлечь за собой нарушения половозрастной структуры населения, создавая «демографические ямы».

По данным VI Всероссийского демографического форума, проводимого Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской Академии наук Институтом социальной демографии, суммарный коэффициент рождаемости в первом полугодии 2025 г. снизился до 1,39 [5].

Суммарный коэффициент рождаемости – это показатель, который определяет среднее число детей, которое рождает одна женщина за свою жизнь, находясь в репродуктивном возрасте, данный возраст варьируется от 15 до 50 лет. Стоит отметить, что для поддержания стабильной численности населения суммарный коэффициент рождаемости в стране должен быть не ниже 2,1. Если данный коэффициент падает ниже уровня 2,1, то население страны начинает постепенно сокращаться [6].

Министерство экономического развития РФ в макропрогнозе на 2024 – 2026 гг. отмечает, что современную демографическую ситуацию в нашей стране можно характеризовать не только снижением количества молодых женщин, на которых приходится основное число рождений, но и откладыванием рождений на более поздние годы. Кроме того, проявляется выраженным смещением структуры населения в сторону старших возрастных категорий.

Рассмотрим влияние специальной военной операции, начавшейся в начале 2022 г. и продолжающейся до сих пор, на демографическую ситуацию России. 16 июля 2024 г. состоялся круглый стол «Государственная поддержка семей с детьми в Российской Федерации» на котором депутат и глава комитета по вопросам семьи Нина Александровна Останина сообщила, что специальная военная операция негативно влияет на рождаемость и уровень жизни семей с детьми. В своем выступлении Нина Александровна отметила, что 300 тыс. мужчин, вошедших в число мобилизованных, а также тех, кто добровольно принимает участие в специальной военной операции, являются большей частью детородного населения нашей страны.

Как сообщает Министерство обороны РФ средний возраст участников специальной военной операции составляет 35 лет. Составленный социальный портрет участников специ-

альной военной операции, предоставляет нам следующую информацию: 57 % мобилизованных граждан женаты и 56,3 % имеют детей [1]. Представленные данные подтверждают, что большинство участников специальной военной операции на самом деле являются мужчинами детородного возраста, при этом следует отметить, что большая часть этих мужчин не женаты и не имеют детей.

Эксперты из различных сфер деятельности, принимавшие участие в форме «Демография сегодня: кризис или шанс перезагрузки?», который проходил в августе 2024 г., активно обсуждали от чего зависит рождаемость в настоящее время. Затрагивая влияние специальной военной операции на рождаемость, большинство экспертов отметили, что, когда имеется какая-то неопределенность, люди стараются отложить рождение детей. Аргументируя это тем, например, что лучше получить дополнительное образование, чтобы была более четкая уверенность в будущем.

Социолог, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Александров Даниил Александрович придерживается следующей точки зрения: «Как в целом СВО и мобилизация скажутся на рождаемости, пока сказать сложно. У людей могут быть парадоксальные реакции. Может быть, женщины скажут: «Мужчина уходит на войну, давайте заведем детей». Среди низкооплачиваемых слоев населения она может даже временно вырасти. Да и в экономике у нас пока не такое сильное падение, чтобы оно вызвало панику среди низкооплачиваемого рабочего населения. Этот слой чутко реагирует на изменение материнского капитала. Уменьшение выплат по маткапиталу приводит к падению рождаемости. Если сейчас, несмотря на СВО и падение экономики, правительство увеличит эту поддержку, у нас в целом в стране может подрасти рождаемость» [2].

Необходимо отметить, что, анализируя статистические 2022–2023 гг., можно отметить, что многие демографы ожидали, что рождаемость снизится на 10–15 %, но в действительности рождаемость в 2022–2023 гг. понизилась в пределах статистической погрешности [4].

Таким образом, можно заметить, что проведение специальной военной операции оказывает влияние на рождаемость в России, но не является единственной причиной падения рождаемости. В свою очередь, специальная военная операция усугубляет существующий демографический кризис, вызванный малочисленностью поколений 1990-х гг. Более того, в будущем возможно проявление «эха войны», которое также несет в себе такие проявления, как психологические, эмоциональные и физические травмы, которые напрямую могут оказывать влияние на рождаемость. Поэтому уже на данный момент можно предположить, что в скором будущем для устранения последствий специальной военной операции и роста рождаемости в России потребуются специалисты следующих профессий: психологи, специалисты по социальной работе, психотерапевты и др.

Литература

1. В Минобороны назвали число контрактников и мобилизованных // Официальное издание Федерального собрания Российской Федерации «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/social/v-minoborony-nazvali-chislo-kontraktnikov-i-mobilizovannykh.html?ysclid=mnk8j8vxyz50801027> (дата обращения: 15.11.2025).
2. Три тенденции: как СВО и релокация меняют демографию // Официальный сайт медиахолдинга РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de (дата обращения: 12.11.2025).
3. Официальный сайт Общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России». URL: <https://wuor.ru/media/> (дата обращения: 15.11.2025).
4. «Нас отучили мечтать»: Глава ВЦИОМ о страхах россиян, отношении к СВО и кризисе рождаемости // Официальный сайт российского общественно-политического интернет-издания «Газета.Ру». URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/06/30/21276140.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 15.11.2025).
5. Суммарный коэффициент рождаемости в России опустился до минимума за 19 лет // Официальный сайт специализированного информационного онлайн-портала для медицинских специалистов и организаторов здравоохранения «Медвестник». URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarnyi-koefficient-rojdaemosti-v-Rossii-opustilsya-do-minimuma-za-19-let.html> (дата обращения: 15.11.2025).
6. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 05.11.2025).

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ АДАПТАЦИИ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ К УСЛОВИЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ В МИРЕ, СССР И РОССИИ

Рассматриваются некоторые исторические моменты процесса адаптации участников вооруженных конфликтов к условиям мирной жизни, описанные в литературе, с целью изучения опыта, положительных и отрицательных сторон, и возможности их применения в нынешних условиях. Обосновано, что данный опыт поможет привлечь экспертное сообщество и сформировать качественно новые механизмы адаптации и выработать рекомендации по их реализации в глобальном и локальном масштабе.

Ключевые слова: участники боевых действий, вооружённые конфликты, ПТСР, история, гражданская жизнь, адаптация, реабилитация.

L. M. Tursungalieva

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE HISTORY OF MILITARY VETERANS' ADAPTATION TO CIVILIAN LIFE IN THE WORLD, IN USSR, AND IN RUSSIA

This article examines some historical moments in the process of adaptation of military conflict veterans to civilian life, as described in the literature, with the aim of exploring these experiences, their positive and negative aspects, and the potential for their application in today's context. This experience will help engage the expert community and develop qualitatively new adaptation mechanisms and recommendations for their implementation on a global and local scale.

Keywords: combat veterans, military conflicts, post-traumatic stress disorder, history, civilian life, adaptation, rehabilitation.

Адаптацией называется процесс культурного и психологического шока при перемене индивидуумом среды. Такой переменной может стать и эмиграция, и смена места работы, но самым сложным вариантом здесь является демобилизация, как смена парадигмы существования с военного процесса на мирный.

К. Обергом выделено 4 стадии данного процесса [3]:

- медовый месяц – стадия эйфории, когда всё вокруг кажется положительным, восхищает, а сложности воспринимаются скорее как вызов,
- разочарование – возникает при нарастании сложностей, сменяя эйфорию, появляются негативные эмоции, тревожность, фрустрация, и наконец агрессия,
- кризис как пик разочарования, в этот момент человек может принять необдуманное решение или совершить криминальный поступок. Именно на данном этапе важнее всего реабилитационные процессы.
- оптимизм – при положительных действиях окружения совместно с самим индивидуумом происходит возвращение к началу, снова появляется уверенность в завтрашнем дне.

При этом универсального механизма адаптации не существует, поэтому индивидуальный подход необходим всегда.

По данным Г.Ф. Кривошеева [10], а также официальным отчётам Министерства обороны России и статистике Союза ветеранов Афганистана, по локальным конфликтах конца XX – начала XXI в. с участием СССР/России выявлены следующие статистические закономерности:

1. Более высокий процент возвращения, при этом с достаточно высокой долей инвалидизации.
2. Отсутствие массового уничтожения живой силы и меньший процент взятия в плен в сравнении с мировыми войнами.

Отдельные данные по основным конфликтам:

1. Война в Афганистане (1979–1989 гг.)

Общее количество воевавших по официальным данным: около 620 тыс. человек.

Вернулись живыми: по разным данным 95–97 %.

Погибли: 15 051 чел. (из них 14 427 военнослужащих ВС СССР).

Раненые: около 50 тыс. чел. (ранения разной степени тяжести, контузии).

Инвалидность: около 11 тыс. чел.

2. Первая чеченская война (1994–1996 гг.)

Погибли: по официальным данным, 5732 чел. (включая МО и МВД).

Вернулись живыми: более 95 %.

Раненые: около 80 % раненых были возвращены в строй, 20 % остались инвалидами разной степени тяжести.

3. Вторая чеченская война (1999–2009 гг.)

Потери: значительно ниже, чем в первую кампанию, с тенденцией к снижению к 2005–2006 гг.

Вернулись живыми: более 98 % участников боевых действий.

Инвалидизация: значительная, более четверти раненых.

К сожалению, эти цифры не всегда учитывают так называемые «невидимые потери» (по Ю. А. Полякову [10]), к которым относятся ПТСР и другие нарушения психики, приводящие к высокой смертности в первые годы после возвращения, криминализации и проблем с трудоустройством, особенно характерные для ветеранов Афганистана.

Что касается Чеченских войн, здесь самым фундаментальным трудом по статистическим материалам, полученным по периоду 1990-х гг. из фонда «Общественное мнение», является «Эпоха Ельцина» (Б. З. Докторов и др.). В частности, по интересующим нас вопросам там имеется подробный анализ взаимоотношений России и Чечни в данный период, история Первой войны, Хасавюртского соглашения и начала Второй войны, и предпосылок к окончательному миру. Для нашей темы эта информация важна тем, что передаёт в цифрах разные аспекты отношения общества к локальному конфликту, соответственно и к его участникам. Для примера, в 1994 г. общественное мнение становилось все более критичным по отношению к военным действиям. В начале 1995 г. две трети россиян (62 %) не считали возможным завершение чеченской войны в ближайшие месяцы. Многие (42 %) отмечали неумелое планирование военных операций, и преобладающее большинство населения (77 %) не одобряло нанесения ракетно-бомбовых ударов по Грозному. Каждый четвертый россиянин (27 %) связывал затягивание войны с тем, что российская армия пассивно ведет военные действия, со значительностью жертв среди мирного населения. Столько же опрошенных считало его причиной активность и агрессивность сторонников Д. Дудаева (26 %) [6].

Позже мнение изменилось, особенно в ходе перемирия, однако, к сожалению, из-за подковёрных игр оно не было использовано для распутывания клубка жизненно важных проблем: чеченское руководство не смогло объединить народ вокруг решения вопросов организации, обустройства мирной, нормальной жизни, – а Москва, в свою очередь, не проявила ни должного мужества, ни необходимого понимания, ни истинного политического благоразумия. Одним из официальных оправданий войны считалось стремление сохранить целостность России, однако, по мнению 15 % населения, война, наоборот, могла усилить сепаратистские тенденции и еще более усложнить отношения Москвы и регионов. Десятая часть россиян (10 %) отмечала возможность еще более тяжелого следствия войны – распада нового политического режима и реставрации тоталитаризма. Лишь очень немногие (6 %) видели в войне средство укрепления авторитета армии, правительства и президента. Во время предвыборной кампании 1996 г. каждый десятый из вопросов, которые задавали президенту россияне, касался чеченской войны. Начиная от прямых – «Когда прекратится война?» Люди хотели понять, что сдерживает руководство страны от прекращения военных действий: «Почему так затянули с Чечней?», «Почему не закончена война в Чечне и почему еще на свободе Дудаев?».

При этом россиянам объявили, что есть план и программа нормализации жизни и восстановления народного хозяйства Чечни и Северного Кавказа, хотя никаких результатов они не дали. Соответственно и адаптация участников конфликта, начиная с элементарных вещей – психологической помощи, протезирования и т. д. – оставалась минимальной, что привело к криминализации определённого слоя общества и создания новых ОПГ. И только после

смены власти и решительных действий нового Президента и его команды, ситуация стала меняться к лучшему.

Адаптация участников боевых действий к мирной жизни, особенно в условиях локального конфликта, представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий психологические, социальные и профессиональные аспекты. Физическое и психологическое состояние ветеранов боевых действий, возвращающихся из зоны военного конфликта, напрямую влияет на скорость, качество и устойчивость их адаптации к мирной жизни. Советский Союз и Российская Федерация пережили целую череду войн и военных конфликтов, втянувших в свою орбиту миллионы наших соотечественников. И перед каждым поколением воинов с окончанием боевых действий вставала одна и та же задача по максимально безболезненному возвращению к мирной жизни. Опыт прошлого показал, что легких путей её решения нет, особенно если вчерашний военнотрудовой оставался со своими проблемами один на один. Если после Великой Отечественной войны в мобилизационную экономику и политику была погружена вся страна, в том числе и глубокий тыл, то в условиях локальных боёв, (к которым относились последовательно по порядку боевые действия в Афганистане, восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике, локальные конфликты в Сирии и идущая ныне Специальная военная операция в Украине), большая проблема состоит во встрече человека, прошедшего войну, со слоем населения, по сути этой войны не знающего и порой даже отрицающего ее целесообразность [9]. Кроме того, наряду с посттравматическим стрессовым синдромом (ПТСР), который проявляется в повышенной тревожности, подозрительности, нарушениях памяти и сна; и иными психологическими проблемами эти люди ещё и могут иметь разную степень инвалидности, что ещё более затрудняет реабилитацию. Возвращение к мирным нормам затрудняется из-за сформировавшихся на фронте стереотипов поведения, которые перестают быть эффективными в гражданском обществе. Несмотря на государственные квоты и программы переобучения (так, в 2025 г. обучение прошли около 12,5 тыс. чел.), сохраняются сложности с поиском работы, соответствующей уровню ответственности и навыкам ветеранов. Некоторые бойцы испытывают трудности с признанием гражданских авторитетов, что ведет к конфликтам на рабочем месте. Проблема «непонимания» со стороны гражданского окружения может приводить к замкнутости и созданию изолированных ветеранских сообществ, из которых в условиях нестабильной экономики могут формироваться организации нездорового националистического толка либо даже организованные преступные группировки [7].

К сожалению, прямым следствием ПТСР зачастую становится конфликтное поведение ветерана даже в бытовых условиях. Он не желает идти на компромиссы, распространенные в обыденной обстановке, и при разрешении спорных ситуаций, возникавших в семье, на рабочем месте, в общественных местах, начинает прибегать к привычным по войне силовым методам. Большинство участников вооруженного конфликта считает себя если не героями, то людьми, честно исполнившими свой воинский долг, и ожидают соответствующей оценки со стороны окружающих, при этом непонимание вызывает агрессию.

Для примера, организованные преступные группировки ветеранов Афганистана были активны с конца 1980-х по середину 1990-х гг. Многие участники боевых действий, не адаптировавшись к мирной жизни, использовали полученные в военных условиях навыки для рэкета, заказных убийств и контроля рынков. Крупнейшие группировки действовали в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Иркутске и Тольятти, часто маскируясь под ветеранские союзы. Правда, постепенно часть бизнеса легализовалась, но уже под влиянием ужесточения государственной политики к ОПГ [8].

С другой стороны, и часть социума начинает воспринимать поведение ветерана с раздражением и опаской, что только усугубляет болезненную реакцию вчерашних солдат. Так, проведенный в декабре 1989 г. социологический опрос 15 тыс. чел., из которых половину составляли «афганцы», показал диаметрально противоположность общественных представлений о недавно завершившейся миссии СССР. Респондентам были предложены следующие варианты ответа на вопрос, как следует расценивать участие СССР в афганской войне – как

выполнение интернационального долга либо как его дискредитацию. У не участвующих в войне преобладали негативные оценки (По Ю. В. Рубцову) [13]. И здесь задача социолога становится комплексной – как изучение проблемы на конкретных примерах современности, с разработкой эффективных механизмов социализации ветеранов, так и работа с обществом по повышению лояльности к участнику боевых действий и методов взаимодействия в конфликтной ситуации.

Таким образом, тема обладает высокой актуальностью, поскольку данное исследование способствует решению конкретных сегодняшних проблем, имеющих стратегическое значение для государства в целом, опираясь на методики решения их в прошлом.

Безусловно, первоначальный этап адаптации начинается на государственном уровне и заключается в помощи решения таких проблем, как жильё и здоровье. Особое внимание уделяется непрерывному сопровождению ветеранов, включая участников боевых действий в Афганистане и Чечне, от момента получения ранения или демобилизации до полной социальной адаптации, включая поддержку членов их семей [1; 5; 12]. На сегодня, основными структурами, осуществляющими этот процесс, являются:

1. Министерство здравоохранения РФ, регулирующее оказание медицинской помощи.
2. Фонд «Защитники Отечества», занимающийся индивидуальной курацией, помощью в получении мер поддержки, реабилитации и адаптации.
3. Социальный фонд России, в ведении которого находятся оформление выплат, путевок и технических средств реабилитации.
4. Партия «Единая Россия», ежегодно модернизирующая старые и разрабатывающая новые программы помощи.

К мерам медицинской помощи относятся:

1. Внеочередная помощь: Ветераны имеют право на внеочередное оказание медицинской помощи, включая высокотехнологичную, в государственных и муниципальных клиниках.
2. Бесплатное лечение в госпиталях для ветеранов и специализированных отделениях иных ЛПУ.
3. Диспансеризация: Ветераны проходят профилактические осмотры и диспансеризацию приоритетно.
4. Реабилитация и санатории: Первоочередное право на санаторно-курортное лечение и медицинскую реабилитацию. При необходимости предусмотрена возможность получения реабилитации в центрах Социального фонда вместе с сопровождающими, которым оплатят проезд, проживание и питание.
5. Персональный координатор: При Фонде «Защитники Отечества» участникам СВО предоставляется персональное сопровождение для получения медпомощи.
6. Протезирование: Бесплатное обеспечение протезами (кроме зубных) и ортопедическими изделиями, в том числе высокотехнологичными.
7. Психологическая помощь: Доступна психологическая поддержка и консультации по вопросам адаптации в том числе через цифровые сервисы.

Социальная защита и денежные выплаты на сегодня следующие:

1. Ежемесячная денежная выплата (ЕДВ): С 1 февраля 2026 г. размер ЕДВ ветеранам боевых действий проиндексирован и составляет 4 838,63 руб. в мес.
2. Набор социальных услуг: Ветераны имеют право на получение набора услуг (лекарства, санаторное лечение, проезд) или их денежного эквивалента.
3. Компенсация расходов на ЖКХ: 50 % скидка на оплату жилых помещений, аренду жилья и коммунальные услуги.
4. Пенсионное обеспечение: Право на повышенную пенсию, возможность получения двух пенсий одновременно (при наличии инвалидности), досрочный выход на пенсию.
5. Льготы по налогам: Освобождение от уплаты налога на имущество (один объект) и земельного налога (с 6 соток).

Решение актуальных проблем и государственная поддержка:

1. Трудоустройство и образование: Право на использование ежегодного отпуска в удобное время и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы (до 35 дней).

2. Юридическая и социальная помощь в государственных фондах и региональных центрах поддержки [14].

2025 г. был объявлен президентом России Годом защитника Отечества. В настоящее время ведется активная работа по предоставлению мер государственной поддержки демобилизованным ветеранам. Кроме вышеперечисленных структур, здесь задействованы Минтруд, Минобороны, Ассоциация ветеранов СВО и службы занятости. Но, к сожалению, многие пока так и не трудоустроены, и, со слов заместителя председателя правительства РФ Татьяны Голиковой, необходимо как можно скорее создать условия, помочь в профессиональной самореализации тем, кто хотел бы трудиться. В этой проблеме помощь социолога, как и психолога, становится бесценной.

Если рассмотреть подробнее, можно выделить следующие формы адаптации:

- медицинская, разобранная выше.
- образование: специальные квоты на бюджетное поступление, в нынешних условиях не менее 10 % от общего набора; получение специального образования или профессиональной подготовки по востребованным специальностям, квоты и льготы для членов семьи.

- трудоустройство (см. ниже)
- психологическая реабилитация, к которой относятся индивидуальная работа специалиста по купированию ПТСР, групповая работа по взаимопомощи (равный с равными), разработанная в последние годы арт-терапия (выражение эмоций в виде творчества).

- спорт, в том числе адаптивный – даёт возможность как физической реабилитации после травмы, так и осознания себя в социуме. Сюда же можно отнести активно разрабатываемую в настоящее время концепцию реабилитации через киберспорт, при которой характерная для участника боевых действий агрессия выходит на виртуального персонажа, минимизируясь в реальном пространстве.

- социально-семейная адаптация. Здесь в первую очередь необходимо по возможности создание крепкого «тыла» для ветерана в лице его родных, для чего необходима работа с членами семьи, и даже групповая семейная психотерапия. Также сюда входит привлечение ветерана к общественным патриотическим проектам для осознания его необходимости в обществе. Так называемые «Союзы ветеранов» безусловно необходимы, так как дают возможность совместных проектов и коммуникации на общие темы, но по возможности должны сопровождаться курацией органов правопорядка для предотвращения создания криминальных структур [12].

Данные проблемы достаточно изучены рядом авторов, как профессиональных военных, так и историков, социологов и реабилитологов (В. А. Ахмадуллин, Ю. В. Рубцов, А. Д. Дёмкин, Е. С. Сениянская, М. Ю. Екимов, О. В. Борисова и др.). Исследования касаются в основном ветеранов Афганистана и Чечни, но появились материалы и по СВО [6]. Разработан учебник для бакалавриата по психологической коррекции и реабилитации участников боевых действий (Г. Ю. Авдиенко), формирующий базовые и прикладные знания о психологических последствиях участия в боевых действиях. В нём рассмотрены закономерности функционирования психики в экстремальных условиях, феномены боевого стресса, боевой психической травмы и посттравматических стрессовых расстройств, а также современные методы их диагностики, коррекции и реабилитации [1].

Массовым интервьюированием как вернувшихся с СВО, так и действующих участников более ранних боевых действий, занимается московский историк, профессор В. А. Ахмадуллин. Интервью и анкеты ветеранов, в том числе получивших инвалидность, дали материал для предложений об их адаптации и обязанностях государства перед ними и волонтерами, которые, не щадя своего здоровья, времени и собственных средств, налаживают постоянную, качественную помощь фронту, госпиталям, воинам и их семьям. Опыт бесед с военнослужащими показал, что в законодательство России, в документы силовых структур необходимо вводить глубокие изменения. Эти новации должны помочь участникам войны

адаптироваться к новому качеству жизни. Сегодня многое делается для того, чтобы даже получившие инвалидность смогли исходя из пожеланий продолжить службу. Многим из них, имеющим среднее и среднее специальное образование, присваивают воинское звание «прапорщик», а имеющие высшее образование становятся младшими офицерами [2].

В вопросе успешности возвращения ветеранов СВО к мирной жизни россияне (по данным ВЦОМ) по большей части демонстрируют оптимизм. Шесть из десяти опрошенных полагают, что опыт, полученный бойцами в зоне спецоперации, может быть полезен в мирной жизни. При этом респондентам были предложены различные варианты, из которых было выбрано три основных направления, которые позволили бы участникам СВО эффективно применить свои навыки. Во-первых, это работа в силовых структурах (в том числе МЧС и охрана), где боевой опыт поможет раскрыть и реализовать потенциал. Во-вторых, образовательные структуры – здесь ветеран рассматривается как носитель уникального опыта и личностных ориентиров, которые может передать молодёжи в процессе патриотического воспитания, включая те же «разговоры о важном». Здесь Рубцовым и другими исследователями предложено понятие «музеефикации опыта», т. е. внедрение в общество понятия о том, что сам факт участия в боевых действиях является исторической ценностью и способен влиять на патриотическое воспитание населения. И наконец, особенно касаясь офицеров – приход в структуры власти, формирование своеобразных новых элит, прошедших боевую школу и знающих потребности простого человека [4; 13].

Пример из жизни. «После ранения многие мужчины начинают замыкаться, потому что для них важно здоровье», – рассказывает ветеран СВО Александр Третьяков, социальный координатор тамбовского филиала фонда «Защитники Отечества» [11]. В его задачи входит персональное сопровождение ветеранов по всем вопросам: начиная от денежных выплат и юридической помощи, заканчивая адаптацией жилья для инвалидов. Вместе с другими волонтерами Александр занимается сбором гуманитарной помощи, в том числе в тыловые госпитали Курской области: матрасы, подушки, раскладушки, продукты питания и средства для личной гигиены. Он отмечает, что у вернувшихся «из-за ленточки» очень много нерешённых вопросов, и важной частью адаптации является как социальная и юридическая деятельность фонда, так и совместная помощь фронтовым территориям. У самого Третьякова процесс адаптации занял около двух лет, но в настоящее время, со слов его семьи, всё налажилось, в том числе благодаря активной общественной деятельности ветерана и занятиям спортом (в 2025 г. Александр участвовал в составе сборной Тамбовской области по волейболу на «Кубке защитников Отечества» в Калуге). Отсюда мы видим, что при комплексном подходе адаптация может быть вполне успешной.

В Иркутской области и Бурятии ветераны, имеющие инвалидность, активно вовлекаются в адаптивные виды спорта. Этому способствует региональная Федерация ветеранов лёгкой атлетики «Байкал» во главе с президентом Д. В. Беликовым. Эти действия являются частью Государственной программы «Спорт России», направленной на создание и улучшение условий для занятий физической активностью, популяризацию массового спорта и повышение качества жизни россиян.

Также в регионе разрабатывается и готовится к подаче на Президентский грант масштабный проект реабилитационного центра федерального значения, расположенного на территории Прибайкальского национального парка, где с участниками боевых действий станут совместно работать врачи, психологи, тренеры и специалисты по киберспорту, а также службы занятости населения.

Таким образом, мы видим, что заявленная тема является актуальной в наше время в связи с продолжением процесса специальной военной операции, и изучение теоретической и исторической части поможет повысить эффективность и результативность процессов адаптации ветеранов сегодня и в будущем.

Литература

1. Авдиенко Г. Ю. Психологическая коррекция и реабилитация участников боевых действий // Материалы по боевой психической травме, методам психологической помощи. 2-е изд. М. : Юрайт, 2026. 294 с.

2. Ахмадуллин В. А. Обустройство России: вызовы и риски. Проблемы адаптации ветеранов Специальной военной операции // Власть. 2024. № 5. С. 88–93.
3. Басова Ю. Кривая адаптации // Русскоговорящие психологи. URL: https://emigpsy.com/article_curveadapt (дата обращения: 28.04.2026).
4. Герои среди нас, или Путь домой // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/> (дата обращения: 28.04.2026).
5. Горбачёва Е. В. На каких принципах выстраивается система адаптации ветеранов СВО и чего ей не хватает. URL: <https://monocle.ru/monocle/2025/41/kak-vernut-pokoleniye-svo-k-normalnoy-zhizni/> (дата обращения: 28.04.2026).
6. Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. 385 с.
7. Екимов М. Ю., Сажина Н. С. Социальные и психологические проблемы ветеранов и участников вооруженных конфликтов // Электронная библиотека УрГПУ. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/40685/1/sn_2006_2_015.pdf# (дата обращения: 28.04.2026).
8. Зеленова М. Е., Лазебная Е. О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 5. С. 62–74.
9. Караяня А. Г. Социально-психологическая реадaptация участников боевых действий: лекции о модели реадaptации, посттравматическом росте и стрессе. URL: <https://psy.su/feed/11588/> (дата обращения: 28.04.2026).
10. Кривошеев Г. Ф., Поляков Ю. А. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: статистические исследования. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2001. 607 с.
11. Мальгина В. Петровский ветеран СВО дал интервью вместе со своей семьёй // Газета «Сельские зори». 31 января 2025. URL: <https://gazetapetrovka.ru/news/society/2025-01-31/petrovskiy-veteran-svo-dal-intervyu-vmeste-so-svoey-semiey-267893> (дата обращения: 28.04.2026).
12. Певень И. В., Шишканов А. И. Состояние и перспективы решения социальных проблем военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2002. № 5. С. 88–95.
13. Рубцов Ю. В. Адаптация участников СВО к мирной жизни с учетом уроков участия СССР в войне в Афганистане // Россия: общество, политика, история. 2025. № 3 (16). С. 47–66.
14. Численность отдельных категорий граждан, получивших меры социальной поддержки по расходным обязательствам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_223.xlsx (дата обращения: 28.04.2026).

УДК [316.74/.75+316.654+316:343.228]:633.521(476):303

А. М. Бельский

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

Льноводство в социологическом измерении

Опираясь на данные республиканского репрезентативного социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, отражается, что в массовом сознании лен выступает одновременно народным символом и элементом государственной идентичности. Сформулирован вывод, что общественное признание ценности народных символов и природных достояний создает прочную социальную базу для придания белорусскому льноводству статуса ГИАХС, что позволит перевести традиционные практики в русло устойчивого развития сельских территорий, поддержки местных сообществ и сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова: льноводство, природное достояние, народный символ, национальный символ, консолидация.

A. M. Belski

Institute of sociology of the National academy of sciences of Belarus, Minsk

FLAX GROWING IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Drawing on data from a national representative sociological survey conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, the article demonstrates that in the public consciousness, flax serves both as a folk symbol and an element of national identity (being depicted on the country's coat of arms). It is concluded that public recognition of the value of folk symbols and natural assets creates a solid social basis for granting Belarusian flax cultivation GIAHS status, which will enable the translation of traditional practices into sustainable rural development, support for local communities, and the preservation of national identity.

Keywords: flax cultivation, natural assets, folk symbol, national symbol, consolidation.

Рассмотрение белорусского льноводства как комплексной структуры, имеющей потенциал для полноформатного включения в число объектов Систем сельскохозяйственного наследия мирового значения (ГИАХС), требует его осмысления не просто как традиционной культуры возделывания, обработки и использования, а как уникального и многомерного феномена, отвечающего самым высоким критериям, предъявляемым международным сообществом к агроэкосистемам мирового наследия [1; 2]. Белорусский лен представляет собой именно такую живую агроэкосистему, которая на протяжении столетий кропотливо создавалась, а на данном этапе развития поддерживается местным сообществом в неразрывной гармонии с территорией своего произрастания, формируя вокруг себя уникальное биосоциокультурное пространство [3; 4]. Эта система демонстрирует устойчивость к внешним воздействиям, будь то климатические колебания или социально-экономические трансформации, благодаря глубочайшей укорененности в местном укладе и способности адаптироваться, сохраняя свою уникальность.

Лен – не просто сельскохозяйственная культура. Вокруг него выросла целая экосистема. Сорты, приспособленные к местным почвам, сопутствующие виды растений, без которых лен не выжил бы, севообороты, выверенные столетиями – все это представляет собой агробиоразнообразие в действии. Традиционные знания накапливались поколениями: сроки сева по народным приметам, тонкости вымачивания и ткачества. Сегодня фермеры Витебщины используют эти знания, но уже с современной техникой – повышают продуктивность, масштабируют производство [5; 6]. Местные сообщества управляют ландшафтами, сохраняют идентичность, обеспечивают доход, поддерживают продовольственную безопасность. Малые города региона развиваются именно благодаря этому.

Программа ГИАХС – инициатива ФАО, запущенная в 2002 г. Ее задача: найти и сохранить уникальные аграрные комплексы мирового значения. Но что значит «сохранить»? Это не музеефикация и не заморозка в неизменном виде. Динамическое сохранение – термин, введенный в концепцию ГИАХС специально для таких случаев. Система должна развиваться, адаптироваться. Базовые принципы – неуклонно и гибко. На глобальном уровне это сохраняет агробиоразнообразие. На национальном – укрепляет идентичность. На местном – держит сельские территории на плаву. Следует признать, что этот тезис остается дискуссионным. Критики программы ГИАХС указывают то, что динамическое сохранение часто превращается в коммерциализацию. Традиционные практики адаптируются под туристический спрос, теряя подлинность. Мы предлагаем считать этот риск управляемым – но отрицать его было бы нечестно.

Белорусский лен, как убедительно демонстрируют данные социологических исследований, в полной мере отвечает этим высоким критериям, представляя собой систему, где природные циклы, человеческий труд и культурные смыслы слиты в неразрывное единство, требующее международного признания и охраны.

Для подкрепления данных тезисов можно обратиться к отдельным вопросам республиканского репрезентативного социологического опроса, реализованного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 3 квартале 2025 г. Методом сбора информации выступил поквартирный опрос 1855 респондентов (ошибка выборки 2,3 %) с использованием бумажной анкеты. Телефонному контролю были подвержены не менее 30 % данных собранного массива первичной социологической информации, который далее был полностью проверен статистически, что позволяет говорить об их надежности и достоверности в отражении оценок и мнений населения Республики Беларусь.

Результаты республиканского репрезентативного социологического исследования полезны для обоснования включения белорусского льна в Систему сельскохозяйственного наследия мирового значения, поскольку они эмпирически подтверждают укорененность этой агроэкосистемы в национальном самосознании. Ответы респондентов демонстрируют, что лен воспринимается не просто как утилитарная сельскохозяйственная культура, а как один из ключевых народных символов, причем этот статус подкрепляется не только фольклорной традицией, но и его особым положением в системе государственной идентичности.

Прежде всего, обращает на себя внимание высокая степень консолидации общества вокруг природных и культурных маркеров. Отвечая на вопрос «Что, по Вашему мнению, является главным национальным символом Беларуси?», на уровне страны вариант «Народные символы», а это аист, зубр, василек, лен и т. д., выбрали 46,4 % опрошенных, что лишь немногим уступает доле выбравших государственную символику (62,0 %). При этом цветок льна, что общеизвестно, изображен на государственном гербе Республики Беларусь. Это свидетельствует о том, что в сознании белорусов лен существует как в одном семиотическом ряду с такими образами, как зубр или аист, формируя устойчивый код национальной природы и культуры, так и в контексте государственной символики, выступая составной частью гражданской идентичности. Особенно показательными являются данные по Витебской области – региону, который исторически является центром возделывания льна и где вокруг этой культуры сформировалась уникальная агроэкосистема. В данном регионе восприятие государственных и народных символов рельефнее: при общереспубликанском показателе 46,4 % за народные символы, в Витебской области этот показатель достигает 50,7 %, тогда как государственную символику здесь выбрали 79,3 %. Это говорит о том, что в регионе непосредственного произрастания льна его символическое значение возрастает, становясь неотъемлемой частью локальной идентичности и повседневной жизни сообщества, которое веками формировало ландшафты под эту культуру.

Крайне важным для понимания роли сообщества в сохранении этой агроэкосистемы является сопоставление с вариантом «Объекты культурного наследия страны», где в одном перечне с дворцами и Слуцкими поясами безусловно может рассматриваться и система по производству и использованию льна. Данный вариант ответа выбрали 42,5 % участников опроса, причем в городах этот показатель (43,2 %) несколько выше, чем в сельской местности (40,3 %). Это опровергает возможное предположение о том, что знание о ценности льняной системы является прерогативой лишь сельских жителей, непосредственно занятых в производстве. Напротив, оно демонстрирует, что городское население, оторванное от непосредственного сельскохозяйственного труда, также осознает системную и культурную ценность льна, непосредственно соприкасаясь с продуктами, производными из него, что делает всю нацию хранителем этого наследия. Сельское же население является носителем живого, практического знания, без которого сохранение этой системы было бы невозможным. Интересно также то, что доля затруднившихся с ответом по данному вопросу в целом минимальна, что может указывать на определенность и естественность восприятия этих символов в сознании белорусов.

Ключевым аргументом, связывающим агроэкосистему льна с государственностью и территорией, является тот неоспоримый факт, что цветки льна изображены на государственном гербе Республики Беларусь. Этот геральдический элемент выводит лен из разряда сугубо «народных» символов на уровень официальной идентичности, условно стирая грань между вариантами «Государственная символика» и «Народные символы», которые респонденты оценивали отдельно.

На гербе Беларуси – венки. Лен и клевер, переплетенные между собой. Уникальный случай? Проверим. Герб Ирландии – арфа. Не агроэкосистема. Герб Канады – клен. Близко, но не культурный ландшафт. Герб Беларуси – именно агроэкосистема, вплетенная в конституционный символ. Опросы фиксируют его признание: 46,4 % респондентов связывают лен с народной мифологией. Но цифра – только часть картины. Главное – двойная легитимация. На низовом уровне: через повседневную практику. На глобальном: через государственный символ. Лен – не музейный экспонат. Это живой элемент, государствообразующий. Система ценностей вокруг него устойчива. Почему? Потому что ответственность за символ – коллективная.

Ответы респондентов на вопрос о факторах сплочения белорусского народа позволяют увидеть в системе возделывания льна не просто аграрный промысел, а один из прочных стержней национальной идентичности. Лен органично вплетается в те смыслы, которые сами белорусы считают объединяющими, выступая материальным воплощением исторической памяти, традиционных ценностей и родовой связи с землей. Особую глубину этому тезису

придают данные по Витебской области – историческому центру льноводства, где показатели по ряду ключевых позиций превышают общереспубликанские, что доказывает: регион, сохранивший живую агроэкосистему льна, одновременно является и хранителем более выраженного чувства общности, опирающегося на историю и корни.

Прежде всего, обращает на себя внимание вариант «Историческое прошлое». В среднем по стране его значимость признают 35,3 % опрошенных, однако в Витебской области этот показатель поднимается до 41,9 %. Столь заметное превышение не случайно. Именно на витебской земле веками формировалась уникальная культура возделывания льна, передававшаяся из поколения в поколение.

Агроэкосистема – живой исторический документ: льняные поля, традиционные орудия, ткацкие станки в сельских домах. Материальная среда, которая ежедневно напоминает: вы – часть цепи. Связь с предками – не в музейных фондах, а под ногами. В Витебском регионе эту связь подчеркивают фестивали. Сельское население ценит историческое прошлое выше городского: 41,5 % против 33,6 %. В Витебской области эта преемственность сохраняется. Сельские традиции льноводства – не реликт, а практика.

Не менее показательны данные по варианту «Общенациональные ценности и традиции». В Витебской области их называли 33,6 % – почти как в целом по стране (34,7 %). На первый взгляд, разницы нет. Но за этим скрывается важный нюанс: сельчане (39,0 %) ценят традиции заметно выше, чем горожане (33,5 %). И лен как раз оказывается квинтэссенцией этих традиций. Ритуалы, связанные с севом, уборкой, обрядовое использование льняной одежды – все это сохраняется прежде всего в сельской повседневности. Горожанин, выбирая традиции как фактор сплочения, держит в голове скорее символический образ, где лен – народный символ, подтвержденный опросами. Однако здесь возникает методологическая трудность: что именно подразумевают под «традицией» опрашиваемые? Когда сельский житель говорит о традициях, он, возможно, вспоминает конкретный ритуал «заборок», а горожанин – стилизованный узор на сувенирной салфетке. Мы наблюдали в деревне, как бабушка, выходя сеять лен, кладет в борозду красную нитку, а в городе та же нитка продается как оберег. Смысл общей ценности размывается, но объединяющая функция остается. Лен – он и есть эта нить.

Ментальность и черты характера выбрали 34,2 % белорусов (горожане (35,0 %) чуть чаще сельчан (31,3 %)). В Витебской области показатель еще ниже – 30,0 %. Возникает гипотеза: в регионе традиционного льноводства качества, необходимые для работы с этой капризной культурой – терпение, скрупулезность, уважение к земле, – настолько впитаны, что не осознаются как нечто отдельное. Можно предположить, что респонденты просто не рефлексируют по поводу того, что стало «второй натурой». Иными словами, для респондента ментальность может быть – пустой звук, а на деле он ежедневно демонстрирует те самые черты. Следует признать, что этот тезис остается дискуссионным, и одномоментный опрос не может подтвердить причинно-следственную связь. Однако для горожанина, далекого от поля, лен и в самом деле становится романтизированным символом трудолюбия – почти метафорой душевной чистоты.

Наиболее яркую связь с льняной агроэкосистемой демонстрирует вариант «Происхождение и родственные корни», на уровне республики его выбрал 31,0 % участников опроса, а в Витебской области – 33,6 %. В регионе, где лен веками был основой хозяйства, семейные династии льноводов, передача наделов и секретов мастерства из поколения в поколение создавали и укрепляли родовую память. Поколения, занятые в промышленном льнопроизводстве, органично продолжили эту традицию. Льняное поле часто было привязано к конкретному роду, и сегодня, когда агроэкосистема символически поддерживается местными сообществами, она продолжает служить якорем, удерживающим людей на земле предков.

Наконец, распределение ответов по варианту «Особенности национальной культуры и язык» – 23,9 % по стране и 24,9 % в Витебской области. Лен – это не просто культура, это основа традиционного текстиля, орнамантики, лексики (десятки терминов, связанных с обработкой льна), фольклора. В Витебском регионе, где льняной промысел сохранялся дольше

и интенсивнее, эти языковые и культурные пласты остаются более живыми. Сельское население, которое чуть реже говорит о языке как факторе сплочения (21,3 % против 24,6 % в городе), на самом деле хранит его в действии: диалектные слова, обрядовые песни, сопровождавшие обработку льна, бытуют именно в деревне, хотя и не всегда артикулируются как особая ценность. Город, в свою очередь, воспринимает культуру через музеи, выставки, сувениры, и льняные изделия занимают здесь важное место как узнаваемый бренд.

Таким образом, данные опроса отражают то, что лен органично включен в систему факторов, сплачивающих белорусский народ. Несколько более высокие значения по таким аспектам как историческое прошлое, родовые корни и культура в Витебской области подтверждают, что именно регион с сохранившейся агроэкосистемой льна демонстрирует более высокий уровень консолидации вокруг этих традиционных ценностей. Сельское население, несущее основную нагрузку по воспроизводству льняного комплекса, одновременно являясь хранителем тех самых традиций и исторической памяти, которые общество в целом считает объединяющими. Лен выступает не просто фоном, а активным действующим лицом в формировании белорусской ментальности и культуры, связывая воедино поколения, города и села, прошлое и настоящее.

Имеющиеся данные по степени важности для населения таких категорий как «народные символы» и «природные достоия Республики Беларусь» с исключительной наглядностью демонстрируют, что белорусский лен занимает уникальное положение в национальном сознании, одновременно относясь к двум важнейшим категориям ценностей – народным символам и природным достоиям. Результаты опроса фиксируют всеобщий консенсус в обществе относительно значимости этих категорий, что создает прочную социальную базу для сохранения и развития льняной агроэкосистемы. При этом точечные различия в ответах жителей Витебской области, а также городского и сельского населения, раскрывают глубинные механизмы того, как сообщество связано с этой системой и почему оно готово обеспечивать ее устойчивость.

Прежде всего, обращает на себя внимание исключительно высокий уровень признания важности народных символов. В целом по стране суммарный показатель ответивших «да» и «скорее да» достигает 91,4 %, причем категоричное «да» выбрали 68,6 % опрошенных. Это означает, что для подавляющего большинства белорусов такие образы, как аист, зубр, василек и, конечно же, лен, являются не просто красивыми метафорами, а значимыми элементами мировоззрения, вокруг которых выстраивается идентичность.

Сельское население демонстрирует еще более высокую приверженность народным символам: суммарный показатель «да» – 93,5 % против 90,8 % в городе, а категоричных «да» – 72,5 % против 67,5 %. Сильнее связь? Безусловно. Но возникает методологическая трудность: не действует ли здесь фактор социальной желательности? Но не нужно списывать все на конформизм. В сельской местности, где цветущее льняное поле видно из окна, символ действительно не абстрактен. Рушник с орнаментом не пылится в сундуке, а используется на свадьбах. И все же отмеченная респондентами осторожность заставляет задуматься: насколько глубоко укоренена эта ценность в самых молодых сельчанах? Пока что наблюдения подтверждают скорее искренность: лен остается естественным фоном жизни, и потому ценность осознается твердо.

В Витебской области, историческом центре льноводства, картина специфична. Суммарный показатель «да» – 88,0 %, лишь немного ниже общереспубликанского. Но распределение иное: категоричное «да» выбрали лишь 57,6 %, а «скорее да» – 30,4 %. Почему смещение к осторожным оценкам? Видится следующее: для жителя региона лен – не просто символ, а тяжелый труд, погодные риски, экономические расчеты. Многомерное восприятие снижает безоговорочный энтузиазм, но одновременно делает связь прочнее. Однако здесь возникает методологическая трудность: не является ли снижение категоричности следствием разочарования в отрасли? Отрицательных ответов в области лишь 2,8 % – даже меньше, чем в целом по стране. То есть работающая агроэкосистема, несмотря на кризисы, продолжает удерживать людей, а их кажущаяся сдержанность – скорее признак живой, неотрефлексированной связи, нежели безразличия. Данные по категории «Природные достоия Республики Беларусь» оказались еще более рельефными: сумма «да» по стране – 94,6 %, категоричных – 75,5 %.

Это говорит о том, что белорусы осознают уникальность своей природы и воспринимают ее как общенациональную ценность, требующую сохранения. Сельские жители также демонстрируют высокий уровень поддержки: 95,3 % против 94,4 % в городе, а категоричных «да» на селе 79,5 % против 74,4 % в городе. Люди, живущие непосредственно в окружении природы и зависящие от нее в своей хозяйственной деятельности, чувствуют ее ценность и уязвимость. Лен, как неотъемлемая часть агроландшафта, входит в это понятие природного достояния, но в специфическом качестве – как окультуренная, «одомашненная» природа, что делает его уникальным мостом между дикой природой и человеческой культурой.

В Витебской области признание важности природных достояний также очень высоко – 89,9 %, но, как и в случае с народными символами, наблюдается некоторое снижение категоричных оценок (65,4 % «да» против 24,4 % «скорее да») по сравнению с общереспубликанскими. Это не означает меньшей ценности природы для жителей региона. Напротив, это может отражать более сложное, диалектическое восприятие: жители Витебской области, живущие среди озер, лесов и льняных полей, возможно, лучше осознают хрупкость этого достояния, необходимость ежедневного труда для его сохранения, а потому их оценки более взвешены. Они не склонны к простым декларациям, поскольку знают природу не по картинкам, а по опыту взаимодействия.

По категории «Природные достояния» отрицательных ответов в Витебской области минимум – 1,8 %, тогда как по стране в целом – 1,2 %. Безусловная ценность.

Особая история – затруднившиеся с ответом. В Витебской области по народным символам их 9,2 % (против 5,0 % по стране), по природным достояниям – 8,3 % (против 4,3 %). Казалось бы, равнодушие. Можно предположить иное: символы настолько вросли в быденность, что респонденты не могут вычленить их как отдельную ценность. Ответ требует рефлексии, а ее не было повода производить.

Что же дают ответы на третий вопрос? Белорусский лен прочно закрепился на пересечении двух мощных ценностных потоков: народно-символического и природоохранного. Почти абсолютное признание важности этих категорий создает явный социальный заказ на сохранение агроэкосистемы. Мы констатируем: сельские жители, особенно в льносеющих регионах, действительно выступают хранителями. Их ответы тверже и глубже. Витебская область, несмотря на внешне более сдержанные цифры, демонстрирует еще более глубокую, укорененную в повседневности связь, где лен – не абстрактная ценность, а часть жизни. Однако следует признать, что опрос фиксирует лишь вербальную установку, а не реальное поведение. Это значит, что наша интерпретация не окончательна, и многомерность защиты системы кроется не только в сознании, но и в инерции уклада.

Гендерный и возрастной срез неожиданно высветили то, что поначалу могло недооцениваться. Восприятие льняной агроэкосистемы отнюдь не статично; оно меняется с полом и – особенно важно для перспектив наследия – между поколениями. Предварительный вывод: существует отчетливая динамика, и это внушает сдержанный оптимизм. Но нужно оговориться: обнаруженные различия могут объясняться разницей в социализации и образовательном уровне, а не только глубинной сменой ценностей. Тем не менее, полученные распределения обнадеживают.

Именно возрастные различия дают ключ к пониманию того, каким образом традиционные знания и ценности передаются дальше и почему система обладает внутренним механизмом самовоспроизводства.

Рассматривая первый блок вопросов о национальных символах, нельзя не обратить внимание на паритет в восприятии народных символов между мужчинами и женщинами: 46,2 % и 46,5 % соответственно. Это означает то, что такие образы, как аист, зубр, василек и, безусловно, лен, в равной степени значимы для обоих полов, выступая общенациональными маркерами. Однако за этим внешним равенством скрываются важные различия. Женщины чаще выбирают объекты культурного наследия (44,5 % против 40,0 % у мужчин) и религиозные святыни (10,1 % против 4,2 %), что указывает на их особую роль как хранительниц культурной памяти и семейных традиций.

Именно женщинам в традиционной белорусской культуре принадлежала ключевая роль в обработке льна, прядении и ткачестве, в создании тех самых узоров, которые кодировали родовую и региональную идентичность. Более высокая чувствительность женщин к культурному наследию соотносится с сохранением льняного комплекса, поскольку именно через женскую линию чаще всего передавались секреты мастерства, орнаментики, обрядового использования льняного полотна. Мужчины, в свою очередь, несколько чаще выбирают историческую символику (24,8 % против 18,0 %), что может отражать их связь с государственными и воинскими традициями, но в контексте льна это напоминание о том, что возделывание культуры всегда требовало мужского труда на этапе подготовки почвы, пахоты, уборки, т. е. лен исторически объединял мужские и женские трудовые роли в единый хозяйственный цикл.

Еще более показательны возрастные различия. Молодежь в возрасте 18–30 лет демонстрирует самый высокий интерес к объектам культурного наследия – 49,3 %, что выше средних 42,5 %. Это важный вывод, опровергающий возможные стереотипы о том, что культурное наследие интересует только старшее поколение. Молодые белорусы активно включают лен и связанные с ним традиции в свою идентичность, воспринимая их не как музейный экспонат, а как живой элемент современной культуры. Почти каждый второй молодой респондент видит в системе производства и использования льна такую же ценность, как в дворцах и замках.

Молодежь 18–30 лет демонстрирует интерес к народным символам (47,8 %) и белорусскому языку с литературой (35,2 %). На первый взгляд – прочная основа для воспроизводства льняной традиции. Но декларативная поддержка не всегда означает готовность стать носителем, при этом готовность воспринимать смыслы есть – и это важнее, чем кажется.

Общенациональные ценности и традиции женщины оценивают выше – 37,4 % против 31,2 % у мужчин. Это вновь возвращает к функции хранительниц уклада, где лен – материализованная традиция, передаваемая детям. Мужчины же чаще выделяют ментальность и черты характера (35,0 % против 31,3 % у женщин), что, на наш взгляд, связано с артикуляцией «сурового» труда. Две стороны одной традиции. Интересно, что молодежь (38,8 %) тоже часто выбирает ментальность. Возможно, это знак того, что для нового поколения лен превращается в символ национального характера – трудолюбивого, терпеливого, основательного.

Особенности национальной культуры и языка как фактор сплочения также наиболее значимы для молодежи (30,4 %), что резко контрастирует с более низкими показателями старших возрастных групп и подтверждает: интерес к культурным корням в молодом поколении не угасает, а приобретает новые формы. В этом контексте лен выступает одним из ключевых элементов, через который молодым людям открывается белорусская культура – будь то через моду на льняную одежду, дизайнерские эксперименты с традиционным орнаментом или участие в фестивалях народных ремесел.

Третий блок, напрямую оценивающий важность народных символов и природных достояний, формирует наиболее яркие гендерные и возрастные проекции. Женщины в подавляющем большинстве считают народные символы важными – суммарный показатель «да» у них достигает 93,2 %, что выше 89,1 % у мужчин. Природные достоияны важны для 96,3 % женщин против 92,4 % мужчин. Это некоторое превосходство в оценках подтверждает особую роль женщин в сохранении как культурной, так и природной среды. Для льняной агроэкосистемы это означает, что женщины выступают ее естественными защитницами, поскольку лен находится на пересечении этих двух категорий – он и народный символ, и часть природного ландшафта. Более низкая доля затруднившихся ответить среди женщин (4,0 % против 6,3 % у мужчин по народным символам и 2,6 % против 6,3 % по природным достоияниям) говорит о большей определенности и включенности в эти смыслы.

Возрастной срез по третьему блоку заставляет задуматься о будущем. Молодежь признает важность народных символов на 89,3 % – почти как старшие возрасты. Природные достоияны – 94,6 %, ровно как в среднем по стране. Правда, молодые чуть чаще выбирают «скорее да» (26,6 % против 22,8 %), что мы склонны трактовать не как скепсис, а как рефлексию. Для льноводства это означает шанс на воспроизводство: традицию не отвергают, а

переосмысливают. Но доля тех, кому символы неважны, среди молодежи – 5,1 %, все же выше среднего, хоть и мала на фоне почти 90 % поддержки. Среднее поколение (31–57/62 года) – опора: 68,3 % категоричных «да» по народным символам, 74,7 % по природным достоияниям. Зрелая, укорененная позиция людей, которые прямо сейчас отвечают за передачу традиции. Следует признать, что этот поколенческий баланс хрупок, и его сохранение потребует целенаправленных усилий, а не надежды на автоматическое наследование.

Гендерный и возрастной анализ подводят к выводу, что лен опирается на широкую и дифференцированную социальную базу. Женщины – чуткие хранительницы культурной и природной составляющих. Мужчины подтверждают значимость символа, добавляя историческое измерение. Молодежь готова переосмысливать традицию, а люди среднего возраста образуют прочное ядро. Эта многомерная структура общественной поддержки и делает систему невосприимчивой к внешним шокам. Однако следует признать, что наш вывод построен на данных одномоментного опроса, и панельных подтверждений пока нет. Не исключено, что через пять лет картина изменится. Но на данный момент живая ткань общества, в которой каждый находит что-то свое, защищает льняную агроэкосистему надежнее любых административных барьеров.

Литература

1. Льноводческий комплекс: состояние и перспективы развития / А. М. Новак, А. В. Костюков, Е. В. Соколовская, И. А. Горева, И. В. Бунина // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. 2005. № 7. С. 27–36.
2. Батова Н. Н. Интеграция агрокультурного наследия Беларуси в глобальные системы устойчивого природопользования и экономики // Экономика Беларуси: рост, инновации, безопасность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 15 мая 2025 г. / редкол.: А. А. Быков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУИР, 2025. С. 65–66.
3. Основные направления интенсификации производства и переработки льна / В. Г. Гусаков [и др.]. Минск : Ин-т экономики НАН Беларуси, 2007. 72 с.
4. Показываем, как обстоят дела со льном и льняной отраслью в Беларуси и мире, с помощью графиков, цифр и фактов // Издательский дом «Беларусь сегодня». 2025. URL: <https://www.sb.by/articles/sinenkiy-skromnyuy-tsivetocheck.html> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Лен Беларуси : монография / РУП «Белорусский НИИ льна» ; под ред. И. А. Голуба. Минск : ЧУП «Орех», 2003. 245 с.
6. Хорт П. В., Гулевич П. П. Белорусский лен: прошлое и настоящее // Ахова раслін. 2000. № 5. С. 3–6.

УДК 636.03

Я. В. Мыльникова

Территориальный орган Федеральной Службы государственной статистики
по Удмуртской Республике, г. Ижевск

ЖИВОТНОВОДСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛИ

Отмечается, что животноводство представляет собой одну из ведущих отраслей сельского хозяйства, специализирующуюся на разведении крупного рогатого скота. Обосновывается, что данная отрасль обеспечивает продовольственную безопасность, снабжая население такими продуктами питания, как молоко и мясо, а также формирует сырьевую базу для ряда промышленных отраслей.

Ключевые слова: сельское хозяйство, отрасль животноводства, молочное скотоводство, мясное скотоводство, агропромышленный комплекс.

Y. V. Mylnikova

Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Udmurt Republic, Izhevsk

ANIMAL HUSBANDRY: SOCIO-ECONOMIC ROLE AND CURRENT PROBLEMS OF THE INDUSTRY

Livestock farming is one of the leading sectors of agriculture, specializing in cattle breeding. This sector ensures food security by supplying the population with food products such as milk and meat, and also forms the raw material base for a number of industrial sectors.

Keywords: agriculture, livestock industry, dairy cattle breeding, beef cattle farming, agro-industrial complex.

Экономический рост в агропромышленном комплексе (АПК) обнаружил серьёзную проблему острый дефицит рабочей силы. Он затрагивает все категории сельхозпроизводителей: от крупных организаций до фермерских и личных подсобных хозяйств. Ситуация усугубляется на фоне демографического кризиса, а также из-за низкой оплаты труда и неудовлетворенных условий труда и жизни в сельской местности.

Молочное скотоводство играет важную роль в структуре сельского хозяйства и является надёжным источником дохода как для крупных агропредприятий, так и для небольших фермерских хозяйств. Молоко, получаемое от различных пород скота, служит основой для широкого ассортимента молочной продукции – от свежего молока до сыров, йогуртов и других переработанных продуктов. При этом ценность отрасли не ограничивается только молочной продукцией: она также вносит весомый вклад в обеспечение населения качественной мясной продукцией.

Молоко представляет собой важнейший продукт питания человека. Кроме того, оно используется в качестве корма в животноводстве и служит сырьём для производства различных пищевых продуктов. Возрастающая значимость молока как полноценного пищевого продукта и сырьевого материала обусловила повышение спроса на него, в результате чего молочное производство стало одной из приоритетных отраслей аграрного сектора и занимает существенное место в экономике сельского хозяйства [1].

В Удмуртии регулярно проводятся мероприятия по контролю качества и безопасности молока. В 2025 г. было проверено 4245 проб молочной продукции.

Таблица 1

Производство молока (тыс. тонн)

	2021	2022	2023	2024	2025
Хозяйства всех категорий	924,0	957,2	1027,8	1084,5	1158,0
Сельскохозяйственные организации	792,1	829,3	902,0	956,4	1037,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	68,7	70,8	74,6	83,1	82,3
Хозяйства населения	63,2	57,1	51,3	45,1	38,5

Сельское хозяйство показывает хорошие результаты в молочном производстве: по предварительным данным в 2025 г. общий надой во всех категориях хозяйств поднялся до 1158 тыс. тонн – это на 73,4 тыс. тонн больше, чем в прошлом году. А за последние пять лет (с 2021 по 2025 г.) прирост составил почти 234 тыс. т.

Сельхозпроизводители наращивают объёмы молочного производства: в 2025 г. общий надой в организациях отрасли достиг 1037,2 тыс. т – это на 80,7 тыс. т больше, чем годом ранее. За последние пять лет (с 2021 по 2025 г.) прирост составил внушительные 245,1 тыс. тонн.

По итогам 2025 г. в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей зафиксировано снижение валового надоя молока: показатель достиг 82,3 тыс. тонн, результат 2024 г. составил 83,1 тыс. т. За последние пять лет (с 2021 по 2025 г.) совокупное увеличение объёмов производства молока составило 13,6 тыс. тонн, что свидетельствует о развитии малого агробизнеса.

Динамика производства молока в хозяйствах населения Удмуртской Республики за последние годы характеризуется отрицательной динамикой. В 2025 г. валовой надой снизился на 6,6 тыс. тонн по сравнению с предыдущим годом и составил 38,5 тыс. тонн. Совокупное сокращение объёмов за период с 2021 по 2025 г. достигло 24,7 тыс. т.

В личных подсобных хозяйствах на снижение производства молока повлияло уменьшение поголовья крупного рогатого скота.

Уменьшение поголовья крупного рогатого скота происходит из-за нескольких причин:

– Экономический фактор: сельские жители не хотят содержать скот из-за высоких расходов и низкой доходности.

– Демографический фактор: в селах и деревнях население большую часть составляют пожилые люди, молодые люди стремятся уехать в города. Это влияет на нехватку рабочих рук, и все меньше желающих заниматься животноводством.

От выбора породы скота зависит успех молочного животноводства, который определяет объем производства, качество молока. Для каждого региона подбирается определенная порода крупного рогатого скота, которая адаптируется к климату, условию содержания и кормлению.

В Удмуртской Республике доминирующей молочной породой выступает чёрно-пёстрая корова, которая обладает следующими качествами:

- Крупные размеры живая масса коров составляет 550–700 кг.
- Средняя удойность черно-пестрой коровы составляет 7600 кг молока в год.
- Черно-пестрая корова хорошо приспосабливается к местному климату в Удмуртской Республике, что делает эту породу более востребованной у фермеров.
- Жирность молока составляет от 3,8 % и выше.

Удмуртская Республика демонстрирует успехи в развитии молочного животноводства за последние годы выросли надои молока, а условия содержания скота заметно улучшились.

По оперативным данным за январь 2026 г. объём надоев молока во всех сельскохозяйственных организациях достиг 91 842,7 т, что на 8,4 % выше прошлого периода.

Таблица 2

Производство молока в хозяйствах всех категорий за 2025 г.
(тыс. т, значение показателя за год)

Республика Татарстан	2377,9
Республика Башкортостан	1569,1
Удмуртская Республика	1158,0
Кировская область	882,7
Нижегородская область	739,1
Саратовская область	692,9
Оренбургская область	603,6
Пермский край	603,0
Республика Мордовия	562,9
Чувашская Республика	511,2
Пензенская область	487,8
Самарская область	408,8
Республика Марий Эл	245,4
Ульяновская область	168,0

В 2025 г. республика вошла в тройку лидеров Приволжского федерального округа (ПФО) по объёмам производства молока, подтвердив высокий уровень развития аграрного сектора региона.

Валовой надой за 2025 г. составил внушительные 1158 тыс. т, что на 6,8 % превышает показатель предыдущего года. Такой впечатляющий рост демонстрирует не только стабильность, но и постоянный прогресс в развитии молочного животноводства [3].

Для фермеров в Удмуртской Республике в 2025 г. были организованы мероприятия, которые дают возможность обмениваться опытом, демонстрировать поголовье, которое отличается от других высокой продуктивностью.

Основные мероприятия:

- «АгроПро 2025»;
- форум фермеров Удмуртии «Весна 2025»;
- конкурсный отбор «Школа фермера»;
- грант «Агробизнес» 2025;

Сделать скотоводство прибыльнее можно так:

- кормить скот лучше качественные корма и сбалансированный рацион повышают надои и качество молока;

- заменить ручной труд техникой современные доильные аппараты и роботы кор-мораздатчики экономят время и силы;
- выбирать продуктивные породы селекция помогает увеличить надои и улучшить молоко;
- вести учёт и следить за животными с помощью цифровых систем это помогает вовремя замечать проблемы и принимать правильные решения [6].

Реализация этих мер позволит повысить уровень развития молочного скотоводства в целом, снизить себестоимость производства молока за счёт оптимизации затрат и роста производительности, улучшить качество продукции до уровня мировых стандартов по содержанию белка, жира, микробиологическим показателям, обеспечить совершенствование организации труда на фермах и повышение уровня оплаты для работников отрасли, укрепить позиции страны на международном рынке молочной продукции и расширить экспортный потенциал.

Развитие молочного животноводства это не просто бизнес, а стратегическое направление, способствующее укреплению национальной продовольственной независимости. Инвестиции в современные технологии, поддержка фермеров и стимулирование кооперации между хозяйствами помогут раскрыть потенциал отрасли и сделать её одним из локомотивов роста российской экономики [4].

По данным учёта скота во всех категориях хозяйств на конец 2025 г. по сравнению с соответствующей датой 2024 г. увеличилось поголовье крупного рогатого скота на 0,4 % (на 1,5 тыс. голов), поголовье свиней снизилось на 6,0 % (на 13,6 тыс. голов), овец и коз – на 26,5 % (на 10,9 тыс. голов), поголовье лошадей – на 3,7 % (на 73 головы). Изменение численности скота в республике за ряд лет характеризуется следующими данными [2]:

Таблица 3

Поголовье скота на конец года в Удмуртской Республике (голов)

	2021	2022	2023	2024	2025
Все категории хозяйств					
Крупный рогатый скот	336,8	335,6	340,0	332,4	333,9
В том числе: коровы	134,5	133,5	134,6	135,1	137,1
Свиньи	231,3	227,3	244,1	226,3	212,7
Овцы и козы	53,0	48,2	48,3	41,0	30,2
Сельскохозяйственных организации					
Крупный рогатый скот	273,2	275,3	280,6	278,7	290,1
В том числе: коровы	109,5	109,0	111,0	113,4	117,7
Свиньи	207,8	207,6	226,4	211,6	203,2
Овцы и козы	3,8	4,1	4,2	4,4	4,6
Хозяйства населения					
Крупный рогатый скот	36,4	30,1	29,0	24,6	16,4
В том числе: коровы	12,3	10,8	9,7	8,2	7,1
Свиньи	23,4	19,5	17,5	14,6	9,4
Овцы и козы	43,9	38,5	38,0	30,6	22,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели					
Крупный рогатый скот	27,3	30,2	30,3	29,1	27,4
В том числе: коровы	12,8	13,7	13,9	13,6	12,3
Свиньи	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
Овцы и козы	5,3	5,6	6,1	6,0	3,2

Таким образом, молочное животноводство сегодня это сфера с высоким потенциалом доходности и социальной значимости, открывающая широкие возможности как для крупных агрохолдингов, так и для малых фермерских хозяйств.

На сегодняшний день кадры в области сельского хозяйства очень востребованы. Молодёжь редко выбирает эту профессию из-за устоявшегося мнения о её высокой трудоёмкости и низкой престижности, что и приводит к дефициту кадров.

Прогресс в области сельскохозяйственных технологий меняет ситуацию в животноводстве: внедрение инноваций упрощает рабочие процессы и делает труд специалистов комфортнее и продуктивнее.

Аграрии получили доступ к современному оборудованию: роботам для ухода за животными, автоматизированным системам доения, кормления и микроклимата, средствам мониторинга здоровья и программам управления стадом.

Современные технологии освобождают сельхозработников от рутинных задач – теперь они управляют процессами, а не выполняют ручную работу. На основе точных данных принимаются эффективные решения, что ведёт к росту объёмов и качества продукции.

Сегодня крайне важно развивать компетенции аграриев, обучать их современным технологиям и обеспечивать возможности для профессионального роста.

Это позволит найти больше специалистов и вывести сельское хозяйство на новый уровень.

Чтобы решить проблему кадрового дефицита в сельской местности, федеральные и региональные власти запустили масштабные программы привлечения молодых специалистов. В рамках этих инициатив выпускникам вузов и молодым профессионалам предлагают привлекательные условия для переезда и трудоустройства: обеспечение бесплатным жильём на период работы, высокие единовременные выплаты при трудоустройстве, а также доступ к специальным программам льготного кредитования как для приобретения собственного жилья, так и для решения других социально значимых задач.

В рамках государственной поддержки сельских территорий Минсельхоз РФ запустил специальную программу льготного ипотечного кредитования сельскую ипотеку под 3 % годовых. Эта инициатива направлена на комплексное решение ряда социально-экономических задач: оживление сельских населённых пунктов, привлечение новых жителей в сельскую местность и повышение качества их жизни. Благодаря льготной ставке, не превышающей 3 % годовых, граждане России получают реальную возможность приобрести собственное жильё в сельской местности на максимально выгодных условиях, что способствует закреплению населения на селе и развитию инфраструктуры сельских территорий [5].

Литература

1. Джапаридзе Т. Молочное скотоводство под угрозой во многих хозяйствах // Молочное и мясное скотоводство. 2009. № 6. С. 2–3.
2. Поголовье скота в хозяйствах всех категорий в 2025 году : стат. бюл. / Росстат. М., 2026. 61 с.
3. Бюллетень «Производство продукции животноводства и поголовье скота в хозяйствах всех категорий» за январь – декабрь 2025 года : стат. бюл. / Росстат. М., 2026. 69 с.
4. Суровцев В. Проблемы развития молочного скотоводства // АПК: экономика и управление. 2016. № 11. С. 64–70.
5. В Удмуртии развивают молочное скотоводство // Животноводство России. URL: <https://zzr.ru/news/v-udmurtii-razvivayut-molochnoe-skotovodstvo-0> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Почему в Удмуртии растёт производство молока // Справочник молочной отрасли. URL: <https://milknews.ru/longridy/regiony/rost-moloko-udmurtiya.html> (дата обращения: 12.05.2026).

СЕТЕВЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА: ОТ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ К ESG-ПОВЕСТКЕ

Анализируется эволюция сетевых моделей взаимодействия власти и бизнеса в ресурсных регионах России, на примере Кемеровской области – Кузбасса. Рассматриваются теоретические основания сетевого подхода, специфика ресурсных регионов как особого типа институциональной среды, современные антикоррупционные стратегии и их соотношение с формирующейся ESG-повесткой. Делается вывод, что переход от антикоррупционных стратегий к ESG-повестке не означает их замещения, а предполагает интеграцию антикоррупционных механизмов в более широкую рамку устойчивого развития, что требует пересмотра сложившихся сетевых конфигураций.

Ключевые слова: сетевые модели, взаимодействие власти и бизнеса, ресурсные регионы, антикоррупционные стратегии, ESG-повестка, Кузбасс, устойчивое развитие.

M. O. Pyatkov

Kemerovo State University, Kemerovo

NETWORK MODELS OF STATE-BUSINESS INTERACTION IN RESOURCE-TYPE REGIONS: FROM ANTI-CORRUPTION STRATEGIES TO THE ESG AGENDA

The article analyzes the evolution of network models of state-business interaction in resource-type regions of Russia, using the Kemerovo Oblast – Kuzbass as a case study. The theoretical foundations of the network approach, the specifics of resource-type regions as a special type of institutional environment, current anti-corruption strategies and their relationship with the emerging ESG agenda are examined. The author concludes that the transition from anti-corruption strategies to the ESG agenda does not imply their replacement, but rather the integration of anti-corruption mechanisms into a broader framework of sustainable development, which requires a revision of existing network configurations.

Keywords: network models, state-business interaction, resource-type regions, anti-corruption strategies, ESG agenda, Kuzbass, sustainable development.

Взаимодействие власти и бизнеса в регионах ресурсного типа представляет собой одну из наиболее сложных и динамично развивающихся сфер современных российских социально-экономических отношений. Специфика ресурсных регионов, экономика которых базируется на добыче и первичной переработке природных ископаемых, предопределяет особые конфигурации связей между государственными структурами и предпринимательским сообществом. В этих условиях сетевые модели взаимодействия приобретают ключевое значение, выступая как механизм согласования интересов, так и, при определённых условиях, канал распространения коррупционных практик.

Как справедливо отмечают кузбасские политологи М. О. Пятков и С. Н. Чирун в своей статье, опубликованной в журнале «Власть», «процесс ротации региональных элит в ресурсных регионах России отличается высокой степенью контроля со стороны федерального центра, тесной интеграцией с бизнес-интересами, устойчивыми патронажными сетями и значительными коррупционными рисками» [1]. Исследование политических аспектов взаимодействия власти и бизнеса в Кузбассе показывает, что ключевыми моделями такого взаимодействия выступают корпоративизм, клиентелизм и неформальные практики, которые формируют устойчивые конфигурации связей между акторами, обладающими различными ресурсами и позициями в региональном социально-экономическом пространстве.

Цель данной статьи – проанализировать эволюцию сетевых моделей взаимодействия власти и бизнеса в регионах ресурсного типа, выявить соотношение антикоррупционных стратегий и ESG-повестки как двух последовательных этапов институционального развития, а также определить перспективы трансформации этих моделей в контексте перехода к устойчивому развитию. Эмпирической базой выступает анализ кейса Кемеровской области – Кузбасса как классического примера российского ресурсного региона.

Сетевой подход в исследовании отношений власти и бизнеса предполагает рассмотрение этих отношений как устойчивых конфигураций взаимодействия между множеством акторов, обладающих различными ресурсами, интересами и позициями [2]. В регионах ресурсного типа формируются особые сетевые структуры, которые характеризуются высокой степенью централизации, устойчивой воспроизводимостью и значительной институционализацией неформальных практик [3]. Для ресурсных регионов России характерно тесное «сращивание» власти и бизнеса, а также устойчивая региональная фрагментация. Эти особенности делают сетевой анализ особенно релевантным инструментом для понимания реальных механизмов принятия решений и распределения ресурсов.

В регионах ресурсного типа коррупция приобретает институциональный характер, пронизывая рутинные процедуры принятия решений и распределения ресурсной ренты. В эпоху цифровой трансформации общества появляются новые инструменты, такие как электронные системы мониторинга, цифровые платформы для обеспечения прозрачности и отчётности, а также аналитические инструменты для выявления потенциальных коррупционных схем, открывающие широкие возможности для более эффективной борьбы с коррупцией.

Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) в последние годы приобретает всё большее значение в российской региональной политике. Как отмечает А. И. Анисимова в своей диссертации, посвящённой влиянию ESG-факторов на развитие российских регионов, «интеграция принципов устойчивого развития становится экономически выгодной стратегией развития для городов и регионов» [4].

Кемеровская область – Кузбасс является показательным примером региона ресурсного типа, где в последние годы происходит активная трансформация сетевых моделей взаимодействия власти и бизнеса.

Как отмечается в исследовании Пяткова и Чируна, «на примере кейса холдинга СДС и смены региональной власти показаны механизмы лоббирования, рейдерства и трансформации отношений бизнеса и государства». Однако в последние годы наметилась тенденция к институционализации более прозрачных форм взаимодействия [2].

Важным шагом в этом направлении стало внедрение в Кузбассе системы оценки муниципальных образований по критериям ESG. Проект реализован администрацией Правительства Кузбасса совместно с Кемеровским государственным университетом – базовой организацией НОЦ «Кузбасс – Донбасс» – и ПАО «Сбербанк» под руководством доктора экономических наук, профессора Галины Мекуш. Оценка проводилась по трём направлениям: экология (E), социальная сфера (S) и управление (G).

Ключевые результаты ESG-рейтинга муниципальных образований Кузбасса показали положительную динамику по всем направлениям: значительный рост доли утилизированных и обезвреженных отходов (E), рост средних зарплат и пенсионных выплат при снижении количества тяжких преступлений (S), а также увеличение бюджетной обеспеченности и рост инвестиционной активности (G). В рейтинге муниципальных образований первое место заняли города Осинники, Белово, Новокузнецк, Калтан, среди муниципальных округов – Прокопьевский муниципальный округ.

Одновременно с оценкой муниципалитетов в Кузбассе запускается ЭКГ-рейтинг для бизнеса, который позволяет комплексно анализировать деятельность компаний по социальным и экологическим показателям, учитывая влияние предприятия на состояние окружающей среды, качество условий труда, реализацию социальных и демографических инициатив, соблюдение налогового законодательства и деловую репутацию. Губернатор Кузбасса Илья Середюк подчеркнул, что организации, демонстрирующие высокий уровень ответственности, смогут рассчитывать на особые условия взаимодействия с органами власти.

В 2025 г. Илья Середюк подписал закон о развитии ответственного ведения бизнеса, согласно которому преимущества при оказании мер поддержки будут отдаваться компаниям, отвечающим критериям ESG-рейтинга. Это законодательное решение закрепляет переход от декларативных принципов к конкретным инструментам стимулирования ответственного поведения бизнеса.

Важной тенденцией последних лет стало законодательное закрепление ESG-принципов на региональном уровне. Как отмечается в исследовании, опубликованном в «Коммерсанте», федеральные власти напрямую связывают устойчивость бизнеса с национальной безопасностью, демографической стабильностью и экономическим ростом. В этой логике регионы начинают закреплять новые принципы законодательно – и Кузбасс стал одним из первых субъектов, предпринявших такой шаг.

Закон о развитии ответственного ведения бизнеса, подписанный губернатором Кузбасса в сентябре 2025 г., предусматривает, что преимущества при оказании мер поддержки будут отдаваться компаниям, отвечающим критериям ESG-рейтинга. Присвоение официального статуса «ответственного субъекта предпринимательской деятельности» осуществляется специализированным органом регионального правительства. Компании, демонстрирующие высокий уровень ответственности, получают приоритетное рассмотрение заявок на получение государственных услуг, ускоренное включение в обсуждение на заседаниях Совета по развитию ответственного бизнеса, предоставление консультационной поддержки и содействие в решении кадровых вопросов.

Дополнительным стимулом для бизнеса становится экологическая повестка. Только за 2025 г. промышленные предприятия Новокузнецка и Кемерово потратили на экологические программы 8,1 млрд руб. В Кузбассе начала работу передвижная экологическая лаборатория, техника для которой приобретена из средств, выплаченных промышленниками за негативное воздействие на окружающую среду. Город Кемерово вместе с промышленными предприятиями создаёт открытый городской портал мониторинга качества воздуха, который при успешном опыте будет масштабирован на весь регион.

Несмотря на позитивные сдвиги, процесс интеграции ESG-принципов в регионах ресурсного типа сталкивается с рядом проблем. Как показывают исследования, ESG-повестка в российских регионах носит во многом «стихийный (несистемный) характер». Это означает, что формальное внедрение ESG-стандартов не всегда сопровождается реальной трансформацией управленческих практик [5].

В регионах ресурсного типа сохраняются риски «зеленого промывания», когда компании создают видимость экологической ответственности без реальных изменений в производственных процессах. Кроме того, ESG-рейтингование само по себе не решает проблему институциональной коррупции, если не сопровождается реальной прозрачностью процедур и независимым контролем.

Тем не менее, опыт Кузбасса показывает, что сочетание ESG-рейтингования с законодательным стимулированием ответственного поведения бизнеса и развитием инфраструктуры общественного контроля может стать эффективным инструментом трансформации сетевых моделей взаимодействия власти и бизнеса. Важно, что ESG-повестка предлагает не репрессивные, а стимулирующие механизмы, что делает её более приемлемой для всех участников сетевого взаимодействия.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Сетевые модели взаимодействия власти и бизнеса в регионах ресурсного типа России исторически формировались под влиянием высокой концентрации ресурсной ренты и характеризовались преобладанием неформальных практик, клиентелизма и коррупционных рисков. Антикоррупционные стратегии, реализуемые на федеральном и региональном уровнях, сталкиваются с ограничениями, обусловленными укоренённым характером этих сетевых конфигураций. Переход к ESG-повестке открывает новые возможности для трансформации сетевых моделей:

- ESG-концепция предлагает комплексный подход, объединяющий экологические, социальные и управленческие аспекты, что позволяет преодолеть фрагментарность антикоррупционных мер;
- внедрение ESG-рейтингов и законодательное закрепление преимуществ для ответственного бизнеса создают стимулы для добросовестного поведения, не прибегая исключительно к репрессивным механизмам;

– опыт Кузбасса демонстрирует, что совместная работа региональной власти, университетской науки и бизнеса в рамках ESG-оценки муниципальных образований и предприятий может способствовать повышению прозрачности и эффективности взаимодействия.

Таким образом, переход от антикоррупционных стратегий к ESG-повестке не означает их замещения. Антикоррупционная составляющая остаётся ключевым элементом управленческого блока ESG, а ESG-инструменты, в свою очередь, могут усилить эффективность антикоррупционной политики, предлагая новые механизмы мониторинга, оценки и стимулирования.

Литература

1. Пятков М. О., Чирун С. Н. Политические аспекты взаимодействия власти и бизнеса в условиях регионов ресурсного типа // *Власть*. 2025. Т. 33, № 5. С. 162–169.
2. Чирун С. Н., Пятков М. О. Проблемы эффективности взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти в регионах ресурсного типа // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2025. № 2 (67). С. 169–173.
3. Рубан-Лазарева Н. В. Роль корпоративных стратегий в устойчивом развитии российских регионов // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024. № 4–2. С. 277–283.
4. Анисимова А. И. Влияние ESG-факторов на развитие российских регионов в условиях технологической трансформации : дис. ... канд. экон. наук. М., 2025. 227 с.
5. Чирун С. Н., Митин А. А. Прагматичный патриотизм регионов ресурсного типа: конструирование идентичности, стратегии консолидации и трансформация патриотического дискурса в условиях мобилизации: монография. М. : Директ-Медиа, 2026. 316 с.
6. Губернатор Илья Середюк представил ежегодный отчет Парламенту Кузбасса. URL: <https://kemerovo.ru/press-tsentr/novosti-kuzbassa/gubernator-ilya-seredyuk-predstavil-ezhegodnyy-otchet-parlamentu-kuzbassa-118872/> (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 69.003.12(311.14)

И. Е. Шелегова, Е. В. Никитина

Управление Федеральной службы государственной статистики
по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, г. Красноярск

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКЕ ОБЪЕМА РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ПО ВИДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «СТРОИТЕЛЬСТВО»

В контексте новых требований, предъявляемых «стандартом качества» к официальной статистической информации, рассматривается комбинированный метод формирования одного из ключевых статистических показателей с учетом экспертного мнения. Приводится расчетная модель формирования объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», на региональном уровне. Обосновывается целесообразность применения комплексного подхода к формированию указанного показателя, который предполагает: интеграцию данных сплошного и выборочного статистического наблюдения, выполнение экономических расчетов и систематическую экспертную оценку на всех этапах формирования показателя.

Ключевые слова: стандарт качества статистической информации, расчетная модель, объем строительных работ, экспертная оценка.

I. E. Shelegova, E. V. Nikitina

Department of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory,
the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva, Krasnoyarsk

ON THE ISSUE OF EXPERT ASSESSMENT OF THE VOLUME OF WORK PERFORMED IN THE CONSTRUCTION SECTOR

In the context of the new requirements imposed by the Quality Standard for official statistical information, the article discusses a combined method for forming one of the key statistical indicators, taking into account expert opinion. The article presents a calculation model for forming the volume of work performed in the construction industry at the regional level. The authors justify the feasibility of using a comprehensive approach to forming this indicator, which involves integrating data from continuous and selective statistical observations, performing economic calculations, and systematically evaluating expert opinions at all stages of indicator formation.

Keywords: standard of statistical information quality, calculation model, volume of construction work, and expert assessment.

Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4159-р утверждена Стратегия развития системы государственной статистики и Росстата до 2030 года, которая направлена не только на развитие официального статистического учета, обеспечивающего принятие органами публичной власти управленческих решений, но и на формирование единого стандарта качества данных официального статистического учета [2].

Согласно стратегии, стандарт качества данных предполагается распространить на всю официальную статистическую информацию, содержащуюся в Федеральном плане статистических работ, а также на показатели, которые используются при ее формировании, включая административные и первичные статистические данные. Таким образом, к 2030 г. все показатели, используемые в официальном статистическом учете, должны соответствовать стандарту качества данных и содержаться в едином реестре показателей. Исходя из этого, на текущий момент перед статистическим ведомством стоят задачи модернизации консервативной методологии и устаревающих технологий обработки статистической информации. В данной статье приведен обновленный комбинированный метод расчета одного из показателей, входящих в перечень базовых отраслей экономики, находящихся на особом контроле у органов исполнительной власти.

В одной из научных монографий Института народнохозяйственного прогнозирования РАН утверждается, что инвестиционно-строительная деятельность должна стать основным драйвером экономического роста в России на период до 2030 г. и далее на более длительную перспективу [1]. При этом в общем объеме инвестиций, использованных на создание основного капитала, как правило, значительная доля приходится на стоимость строительно-монтажных работ. В период 2015–2025 гг. в целом по России удельный вес таких работ варьировался от 42,7 до 50,4 %, в Красноярском крае – от 36,0 до 47,3 %.

В официальном статистическом учете показатель «Объем строительных работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство», отражает стоимость работ и услуг строительного характера, выполненных на основании генеральных, прямых и субподрядных договоров, и контрактов, заключаемых с заказчиками, а также работ, выполненных организациями и населением для собственных нужд [3]. Именно строительный сектор экономики осуществляет создание и воспроизводство основного капитала, накопление которого в долгосрочной перспективе работает на рост валового регионального продукта (далее – ВРП) и, в конечном счете, на рост валового внутреннего продукта страны (далее – ВВП). В период с 2015 по 2024 г. на долю строительного сектора экономики в объеме ВВП России приходилось от 4,2 до 5,7 %, в ВРП Красноярского края – от 3,3 до 7,4 %. О тесной взаимосвязи объема строительных работ и объема ВВП России (ВРП Красноярского края) свидетельствуют коэффициенты корреляции, которые на данных динамического ряда за период 2015–2024 гг. сложились на уровне 0,9961 (0,8541) соответственно. Кроме того, строительный сектор экономики создает синергетический эффект поскольку является драйвером роста для других отраслей экономики, таких как производство строительных машин и оборудования, производство строительных и отделочных материалов, а также способствует повышению уровня жизни населения за счет улучшения их жилищных условий и создания объектов социальной инфраструктуры. Это обосновывает высокую значимость строительного сектора для экономики и необходимость совершенствования методологии статистического учета в данной сфере.

Согласно методологии, утвержденной Росстатом 25 декабря 2015 г., показатель «Объем работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство» рассчитывается в стоимостном выражении и определяется как сумма объемов строительно-монтажных работ, выполненных на территории края всеми хозяйствующими субъектами, с учетом стоимости работ, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, и рассчитывается по формуле 1:

$$V_{пк} = V_k + V_{хс} + V_{до15} + V_m + V_{мк} + V_u + V_n, \text{ где} \quad (1)$$

$V_{пк}$ – объем работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство» по полному кругу хозяйствующих субъектов;

$V_k + V_{xs}$ – объем работ, выполненных крупными и средними организациями, с учетом работ, выполненных хозяйственным способом;
 $V_{до15}$ – объем работ, выполненных организациями с численностью работников до 15 чел., не относящимися к субъектам малого предпринимательства;
 V_m – объем работ, выполненных малыми предприятиями (без микропредприятий);
 V_{mk} – объем работ, выполненных микропредприятиями;
 $V_{и}$ – объем работ, выполненных индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица;
 V_n – объем работ, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, выполненных населением, временными строительными бригадами.

Для повышения качества расчета данного показателя Управлением Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва разработана новая расчетная модель (табл.).

Таблица

Расчетная модель формирования показателя
«Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»»

Этап 1	Формирование перечня объектов наблюдения	1. Отбор объектов наблюдения из генеральной совокупности хозяйствующих субъектов согласно методологическим критериям 2. Проведение систематического анализа изменения типологических характеристик объектов (крупные / средние / малые / микропредприятия) и статуса (наличие деятельности / банкрот) в сравнении с базисным периодом 3. Экспертная оценка влияния трансформаций в составе наблюдаемых объектов на репрезентативность итогового показателя
Этап 2	Верификация первичных и агрегированных данных (ежемесячно)	1. Контроль первичных данных на предмет стабильности наличия информационного наполнения по позициям наблюдения 2. Верификация агрегированных данных с учетом: – стабильности структуры показателя по видам экономической деятельности – допустимости параметров динамики относительно сопоставимого периода предыдущего года
Этап 3	Формирование и экспертная оценка итогового показателя за отчетный месяц (ежемесячно)	1. Расчет итогового показателя на основе данных по крупным и средним организациям с использованием коэффициента досчета, сложившегося по итогам предыдущего года (1 оценка) 2. Расчет и экспертная оценка индекса физического объема итогового показателя с учетом динамического ряда и соответствия экономической конъюнктуры (1 оценка) 3. Валоризация объемов строительных работ на основе оперативных и окончательных итогов за год (2 и 3 оценка соответственно)
Этап 4	Экспертная оценка полноты охвата объемов работ, выполненных на территории региона (ежеквартально)	1. Сопоставление и аналитическая обработка первичных данных об объеме работ, выполненных собственными силами крупных и средних организаций: – с организациями-заказчиками подрядных работ – с организациями, выполняющими работы по договорам строительного подряда на объектах естественной монополии в сфере железнодорожного транспорта – с организациями, имеющими в штате работников, выполняющих строительные работы
	Досчет неполного охвата работ, выполненных на территории региона (ежеквартально)	1. Сопоставление объемов работ, выполненных субъектами малого предпринимательства за текущий и соответствующий период предыдущего года на основе данных выборочного наблюдения 2. Экспертная валидация коэффициента досчета с учётом удельного веса объема работ малых предприятий в совокупном объеме строительных работ по полному кругу хозяйствующих субъектов
Этап 5	Расчет годового объема работ на основе сплошного и выборочного статистического наблюдения	1. Расчет объема работ на основе данных сплошного наблюдения крупных и средних организаций включая работы, выполненные для собственных нужд организаций 2. Расчет объема работ на основе данных выборочного статистического наблюдения: – малых организаций – микропредприятий – индивидуальных предпринимателей

Расчет годового объема затрат на работы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами	1. Расчет объема затрат домашних хозяйств на ремонт собственного жилья 2. Расчет объема затрат населения на индивидуальное жилищное строительство 3. Расчет стоимости строительных работ, выполненных некорпорированными бригадами по найму населения 4. Расчет стоимости затрат на покупку элитного жилья с учетом размера его удорожания относительно типового жилья
Формирование и экспертная оценка итогового показателя за отчетный год	1. Расчет итогового показателя на основе данных сплошного и выборочного статистического наблюдения с учетом затрат на выполнение строительных работ, не наблюдаемых прямыми статистическими методами 2. Экспертная оценка итогового показателя с учетом капитальных затрат, направленных на строительство зданий и сооружений 3. Расчет и экспертная оценка индекса физического объема итогового показателя с учетом его динамического ряда и соответствия экономической конъюнктуры

Данную расчетную модель отличает системный подход к формированию показателя, комплексный анализ статистической информации, многоуровневая экспертиза на всех этапах расчета и использование непрямых методов наблюдения. Это позволяет своевременно вносить корректировки в соответствующие процессы на всех этапах статистического производства, и тем самым, повышать репрезентативность итогового показателя.

В частности, на этапе формирования перечня объектов наблюдения и далее периодически в течение года (этап 1) предлагается выполнять анализ и экспертную оценку изменения их типологических характеристик (крупное, среднее, малое или микро предприятие) и статуса (наличие (возобновление) деятельности или банкротство) относительно базисного периода. Эта процедура позволяет не потерять значимые объемы работ за текущий и сопоставимый периоды наблюдения, выполненных организациями, столкнувшимися с определенными преобразованиями или процедурой банкротства.

На этапе верификации данных (этап 2) контроль первичной информации, поступившей от респондентов, на предмет логики информационного наполнения по позициям наблюдения, учитывающей стабильность структуры показателя по видам экономической деятельности и допустимость параметров динамики относительно сопоставимого базового периода обеспечивает более корректное формирование объема работ на основе сплошного и выборочного статистического наблюдения.

Итоговый анализ и экспертная оценка объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», а также параметров его динамики в ежемесячном режиме (этап 3) позволяет учесть текущую экономическую конъюнктуру и оценить показатель в контексте динамического ряда, что также работает на повышение репрезентативности показателя, сформированного по итогам года.

Сопоставление и аналитическая обработка первичной информации, поступающей от различных групп респондентов (заказчиков, подрядчиков или организаций, имеющих в штате работников, выполняющих строительные работы) (этап 4), позволяет учесть:

- объемы работ, выполненных организациями для собственных нужд;
- объемы работ, выполненных хозяйствующими субъектами на основе договоров строительного подряда, заключенных с организацией являющейся естественной монополией в сфере железнодорожного транспорта;
- объемы работ, выполненных на основе договоров строительного подряда, заключенных с заказчиками, осуществляющими реализацию инвестиционных проектов, в том числе объемы работ, выполненных вахтовым методом на территории Красноярского края территориально-обособленными подразделениями без образования юридического лица (включая подразделения без оборудования стационарных рабочих мест).

Ежеквартальная валидация коэффициента досчета неполного охвата строительных работ, выполненных на территории региона (этап 4), направлена на более корректное формирование совокупного объема работ по полному кругу хозяйствующих субъектов в оперативном режиме, когда отсутствует информация об объеме работ, выполненных субъектами малого предпринимательства (малыми организациями, микропредприятиями и индивидуаль-

ными предпринимателями), а также отсутствуют данные, которые используются для расчета объема работ, не наблюдаемых прямыми статистическими методами.

Сопоставление и экспертная оценка на завершающем этапе формирования итогового показателя, полученного в результате сложения годовых данных сплошного и выборочного статистического наблюдения и затрат на выполнение строительных работ, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, с итоговыми данными об инвестиционной деятельности, направленной на новое строительство зданий и сооружений (этап 5), выполняется с целью гармонизации полученного показателя с другими индикаторами, характеризующими деятельность инвестиционно-строительного комплекса.

Так объем работ, выполненных на территории Красноярского края за 2024 г. собственными силами организаций по виду деятельности «Строительство», сложился на уровне 517,3 млрд руб., или 110,2 % относительно предыдущего года. При этом на долю крупного и среднего бизнеса пришлось 60,6 % совокупного объема, малого бизнеса – 27,9 %, индивидуального предпринимательства – 8,5 %, некорпорированных бригад (объем работ которых не наблюдается прямыми статистическими методами) – 3,0 %. Формирование итогового показателя по модернизированной расчетной модели позволило скорректировать годовые данные по крупным и средним организациям – на 8,8 % относительно оперативных данных, по малым и микропредприятиям – на 6,2 %. В совокупности годовой итоговый показатель скорректирован на 2,3 %.

Таким образом, модернизированная методика расчета показателя, характеризующего одну из базовых отраслей экономики, построена на систематическом анализе трансформации состава объектов наблюдения, верификации первичных и агрегированных данных, валидации расчетных показателей на всех этапах статистического производства, что существенно повышает его репрезентативность, а значит, соответствует новым требованиям, сформулированным в Стратегии развития системы государственной статистики и Росстата до 2030 г.

Литература

1. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России : монография / под науч. ред. В. В. Ивантера. М. : Науч. консультант, 2017. 196 с.
2. Стратегия развития системы государственной статистики и Росстата до 2030 года : распоряжение Правительства РФ 30.12.2024 № 4159-р. URL: <https://rosstat.gov.ru/strategy> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Официальная статистическая методология по разработке показателей по виду деятельности «Строительство» на региональном и федеральном уровне, утвержденная приказом Росстата от 25.12.2015 № 654. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14458> (дата обращения: 23.03.2026).

ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ¹⁹

Представлены результаты проведения серии экспертных интервью на тему государственной поддержки сельского хозяйства в Кемеровской области – Кузбассе. По оценкам экспертов, процесс получения государственной поддержки затруднен из-за наличия различных критериев соответствия ее требованиям. Отмечается ограниченный перечень государственных программ поддержки сельского хозяйства в регионе. Особое внимание уделяется необходимости развития государственных программ по поддержке молодых специалистов в аграрных предприятиях.

Ключевые слова: экономические ожидания сельхозтоваропроизводителей, сельское хозяйство, государственная поддержка.

Е. S. Churkina

Kuzbass State Agricultural University, Kemerovo

ASSESSMENT OF STATE SUPPORT FOR THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE KEMEROVO REGION-KUZBASS ECONOMY BASED ON EXPERT INTERVIEWS

This article presents the results of a series of expert interviews on state support for agriculture in the Kemerovo Region-Kuzbass. According to experts, the process of obtaining state support is complicated by various eligibility criteria. The limited number of state support programs for agriculture in the region is noted. Particular attention is paid to the need to develop state programs to support young specialists in agricultural enterprises.

Keywords: economic expectations of agricultural producers, agriculture, state support.

Развитие сельского хозяйства – основа продовольственной обеспеченности региона. Потребность в полном обеспечении продовольствием российских регионов становится особенно актуальной в условиях внешнего экономического давления и геополитических изменений в мире.

Эффективность сельскохозяйственного производства во многом определяется природно-климатическими условиями. Региональные особенности в России обусловлены разнообразием природно-климатических зон и социально-экономических условий. Поэтому уровень развития аграрного производства в регионах страны различен. Говоря о Кемеровской области – Кузбассе, можно отметить, что промышленная ориентация экономики области делает сельское хозяйство не ведущей отраслью. Ограничения в развитии аграрного производства обусловлены также резко-континентальным климатом и высоким уровнем урбанизации региона. Низкая доля сельского населения (13,5 % в 2024 г.) усугубляет ситуацию с дефицитом кадров в организациях сельского хозяйства.

В таких условиях особую важность имеет государственная поддержка аграрного производства в регионе, без которой инновационное и технологическое развитие сельского хозяйства становится практически невозможным.

А. Э. Шилова выделяет условия и факторы, которые влияют на развитие сельского хозяйства Кемеровской области – Кузбасса. Автор согласна с тем, что регион, в котором экономика ориентирована на промышленное производство, имеет специфические условия развития аграрного производства [4].

Н. В. Горшкова, Е. А. Шкарупа предлагают рассматривать «государственную поддержку сельского хозяйства как совокупность методов организационно-экономического и административно-правового характера воздействия на развитие сельского хозяйства с учетом современных трендов отрасли и опосредующих им инструментов, ориентированных на выполнение конкретной цели». Таким образом, государственная поддержка – это сложный

¹⁹ Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Кемеровской области – Кузбасса в рамках научного проекта № 25-28-20210.

процесс, в котором задействовано множество инструментов, методов взаимодействия и участников [2].

Е. Е. Голова, О. А. Блинов в своих исследованиях говорят о том, что в условиях нестабильности внешней среды необходимо пересмотреть подходы к механизмам государственной поддержки сельского хозяйства. Автор разделяет данное мнение о том, что в современных условиях эффективность государственной поддержки снижается и требуется корректировка механизмов господдержки [1].

Е. В. Матвеевой, А. Э. Шиловой приводится сравнительный анализ уровня государственной поддержки в Сибирском федеральном округе и отмечается, что объем государственной поддержки не равномерен среди регионов. Приоритетными регионами для государственного финансирования госпрограмм по поддержке аграрного производства становятся те регионы, которые более экономически развиты или где сельское хозяйство является ведущей отраслью региональной экономики. Таким образом, можно сказать, что сельское хозяйство в Кемеровской области – Кузбассе сталкивается с недостаточным уровнем финансовой поддержки со стороны государства [3].

В 2026 г. автором была проведена серия экспертных интервью с представителями аграрного бизнеса Кемеровской области – Кузбасса. В данном исследовании приняли участие семь экспертов – представителей сельскохозяйственных организаций (руководители или их заместители в области экономики). Все эксперты обладают высоким уровнем профессионализма и заинтересованности в развитии сельского хозяйства в области. Интервью проводилось по ряду социально-экономических вопросов развития сельского хозяйства в регионе. Отдельным блоком вопросов для экспертов стали вопросы, касающиеся государственной поддержки сельского хозяйства в регионе (табл. 1).

Таблица 1

Результаты проведения серии экспертных интервью с представителями агробизнеса в Кемеровской области – Кузбассе

Вопрос	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5	Эксперт 6	Эксперт 7
Знаете ли Вы какие меры поддержки работают в регионе?	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Пользуется ли организация государственной поддержкой?	Да	Нет	Да	Нет	Нет	Нет	Нет
Какие препятствия существуют в использовании государственной поддержки?	Нет подходящих программ	Нет подходящих программ	Сложность в выполнении требований программ	Сложность в оформлении заявки и отчетности по программам господдержки			Сложность в отчетности за использование государственных средств
Какие направления государственной поддержки Вы считаете необходимо добавить или расширить?	Поддержка организаций по выращиванию овощей закрытого грунта	—	Программ хватает, необходимо скорректировать требования под реальные условия	Поддержка малых форм хозяйствования	Поддержка внедрения цифровизации	Поддержка малых форм хозяйствования	Программ хватает, необходимо скорректировать требования к предоставлению отчетности
	Поддержка в вопросе закрепления молодых специалистов в сельском хозяйстве и обеспечения конкурентоспособного уровня заработной платы						Поддержка малых форм хозяйствования
Как Вы оцениваете эффективность государственной поддержки в регионе?	Низкая	Средняя	Программы есть, но попасть в них сложно	Средняя	Затрудняюсь ответить	Затрудняюсь ответить	Низкая

По результатам проведенной серии экспертных интервью можно говорить, что сельхозтоваропроизводители, безусловно, знакомы с мерами государственной поддержки аграрного производства, однако не все пользуются данными возможностями. Отказ от участия в таких программах мотивирован прежде двумя основными причинами:

1. Отсутствие направлений поддержки, которые требуются конкретной организации.
2. Высокие требования для участия в программе, которым не всегда могут соответствовать сельскохозяйственные организации, а также последующая отчетность об использовании государственной поддержки.

Экспертами были определены направления расширения государственной поддержки. Все эксперты отметили необходимость государственной поддержки молодых специалистов по примеру государственной программы поддержки медицинских специалистов – «Земский доктор». Без материального стимулирования в текущих условиях привлечь молодых квалифицированных специалистов очень сложно, так как они выбирают, как правило, более доходные отрасли, чем сельское хозяйство.

Для понимания реальных объемов финансовых средств, выделенных для государственной поддержки в Кемеровской области – Кузбассе, рассмотрим рис. 1.

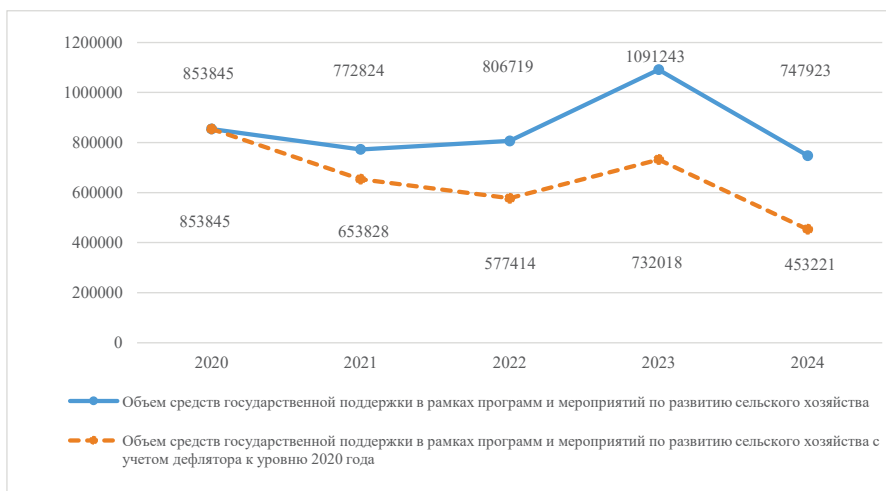

Рис. 1. Объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства в Кемеровской области – Кузбассе, тыс. руб.

* Составлено и рассчитано автором по источнику [5]

Изучая объем государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства за пять лет, можно наблюдать ее сокращение на 12,4 %. Однако надо отметить, что за данный срок значительно изменились цены на ресурсы, которые необходимы для ведения сельского хозяйства. Поэтому приведены данные по объему государственной поддержки в регионе с учетом индексов-дефляторов валового внутреннего продукта в рыночных ценах к уровню 2020 г. Это позволяет реально оценить изменения объемов господдержки в регионе. С учетом проведенных расчетов сумма государственной поддержки сократилась за пять лет практически вдвое. Отрицательная динамика говорит о том, что господдержка в регионе сокращается, это обусловлено прежде всего сокращением как регионального, так и федерального бюджетов.

В сложных экономических условиях наращивать финансирование государственных программ сложно. Однако в рамках федерального проекта «Кадры в АПК» в середине 2025 г.

были утверждены правила предоставления субсидий на реализацию мероприятий по содействию повышению кадровой обеспеченности предприятий агропромышленного комплекса Кемеровской области – Кузбасса. В рамках данного документа выделены основные мероприятия по повышению кадровой обеспеченности АПК:

- привлечение специалистов в реализацию ключевых проектов в сфере АПК за счет предоставления выплат стимулирующего характера;
- строительство (приобретение) жилья, предоставляемого специалистам, вовлеченным в реализацию ключевых проектов в сфере агропромышленного комплекса, по договору найма жилого помещения;
- модернизация объектов в целях привлечения квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена на предприятия АПК;
- обучение граждан Российской Федерации для сельскохозяйственных товаропроизводителей и организаций, осуществляющих переработку сельскохозяйственной продукции, на сельских территориях. Практика и осуществление трудовой деятельности к сельскохозяйственным товаропроизводителям и организациям, осуществляющим переработку сельскохозяйственной продукции, на сельских территориях [6].

Эффективность данного проекта еще только предстоит оценить в будущем. Для того чтобы реализация программы показала результаты, необходимо время. Данными мероприятиями на сегодняшний день не предусмотрено таких форм поддержки молодого специалиста в сельской местности, как в программе «Земский доктор». Однако наличие федерального проекта «Кадры в АПК» уже говорит о том, что государство озабочено проблемой дефицита кадров и создает программы поддержки, направленные на повышение кадровой обеспеченности сельского хозяйства.

Таким образом, можно говорить о том, что государственная поддержка востребована организациями сельского хозяйства Кемеровской области – Кузбасса. На сегодняшний день сельхозтоваропроизводителей пугает наличие множества бюрократических процедур и критериев соответствия при использовании программ господдержки. Однако мнение агробизнеса и видение государства совпадает в необходимости обратить внимание на проблему кадрового дефицита в сельском хозяйстве.

Литература

1. Голова Е. Е., Блинов О. А. Государственная поддержка сельского хозяйства в условиях геополитических вызовов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 9. С. 3555–3576.
2. Горшкова Н. В., Шкарупа Е. А. Государственная поддержка сельского хозяйства: понятие и необходимость // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 9–1. С. 305–314.
3. Матвеева Е. В., Шилова А. Э. Государственная поддержка развития сельского хозяйства в условиях роста экономических рисков (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Экономика устойчивого развития. 2024. № 4 (60). С. 92–96.
4. Шилова А. Э. Оценка условий и факторов, влияющих на развитие сельского хозяйства и продовольственную самообеспеченность населения Кемеровской области // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2018. № 4. С. 220–224.
5. Единая межведомственная информационно-статистическая система // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Об утверждении правил предоставления субсидий на реализацию мероприятий по содействию повышению кадровой обеспеченности предприятий агропромышленного комплекса Кемеровской области – Кузбасса : постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 10.06.2025 № 359 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202506160005?ysclid=mcu0wp1xx295984281> (дата обращения: 03.04.2026).

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

Анализируется региональная система здравоохранения Иркутской области, выделяется ряд ключевых проблем, влияющих на региональный уровень системы и её функционирование. Определены ключевые показатели в сравнениях с Сибирским федеральным округом и показателями по Российской Федерации, определены «зоны роста» и системные дефициты. Особое внимание уделено инфраструктуре и доступности медицинской помощи, кадровому дефициту медицинского персонала и сложности технического оснащения региональной системы здравоохранения.

Ключевые слова: региональная система здравоохранения, Иркутская область, северные территории, кадровый дефицит, инфраструктура и доступность медицинской помощи, скорая медицинская помощь, региональная программа.

Yu. R. Yartseva

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL HEALTHCARE SYSTEM OF THE IRKUTSK REGION: EXPERT ANALYSIS

The article analyzes the regional healthcare system of the Irkutsk region, highlighting a number of key problems affecting the regional level of the system and its functioning. The article examines key indicators in comparison with the Siberian Federal District and the indicators for the Russian Federation, identifies "growth areas" and systemic deficits. Special attention is paid to infrastructure and accessibility of medical care, the shortage of medical personnel, and the complexity of technical equipment in the regional healthcare system.

Keywords: regional healthcare system, Irkutsk region, northern territories, personnel shortage, infrastructure and accessibility of medical care, emergency medical services, regional program.

В современных реалиях здоровье воспринимается как ключевой человеческий капитал, благодаря популяризации здорового образа жизни и «осознанному» подходу в лечении собственного организма. Несмотря на здоровье-ориентированные подходы населения, эффективность лечения напрямую зависит от федерального подхода и региональных ресурсов.

Изучая особенности системы здравоохранения Иркутской области, следует обратить внимание на географическое положение области, ее инфраструктуру и промышленные отрасли. В связи с этим стоит выделить диагнозы, упомянутые в региональной программе Иркутской области «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация» федерального проекта «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация» национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» на 2025–2030 гг.: травматизм в лесопромышленных и горнодобывающих предприятиях, заболевания органов дыхания, системы кровообращения, болезни нервной системы, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, а также рост злокачественных новообразований в районах с развитой химической промышленностью [6].

В 2024 г. показатели первичной заболеваемости в Иркутской области превышают средние значения как по Сибирскому федеральному округу, так и по России в целом. Исключением остаются лишь болезни системы кровообращения, где показатель Иркутской области ниже, чем в среднем по СФО и РФ. Высокие показатели обусловлены не только спецификой региона, но и региональными проблемами в системе здравоохранения, из перечня которых следует выделить: инфраструктуру и доступность медицинской помощи, кадровый дефицит и сложности технического оснащения.

Таблица 1

Показатели первичной заболеваемости взрослого населения по основным классам болезней, на 100 тыс. населения за 2024 г.

Показатель	Иркутская область	По СФО	по РФ
Травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин	9213,3	9307,3	8942,6
Болезни органов дыхания	49 475,3	41 434,1	40 181,4
Болезни системы кровообращения	3271,6	3900,8	3867,8
Болезни нервной системы	1782,5	1662,5	1460,8
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	6937,5	4589,2	3251,5
Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм	551,0	459,8	398,1
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения	286,8	192,0	171,5
Новообразования	1319,3	1322,6	1 200,6
Все заболевания	97 291,8	87 554,3	82 097,8

Первой и самой важной была выделена проблема инфраструктуры и доступности медицинской помощи. Неравномерность инфраструктурного развития в отдаленных северных территориях провоцирует развитие проблемы доступности первичной медико-санитарной помощи. В отдаленных от административного центра поселках и деревнях пациенты часто поступают в стационар, используя санитарную авиацию, где ресурс ограничен в силу сокращения финансирования на 64 млн руб., а с учетом роста стоимости летного часа реальный дефицит достигает 245 млн руб. [1].

Согласно опросу респондентов, не менее 30 % обратившихся ожидают ответа диспетчера скорой медицинской помощи более нормативных 25 секунд. В 2024 г. 20-минутное прибытие до места вызова в среднем по области составило лишь 71 % (при колебаниях от 55 % до 99 % в разрезе станций). При этом вторичный анализ документа показывает, что реальный дефицит бригад скорой медицинской помощи превышает 35 %, а для 20 % населения, проживающего за пределами 20-минутной транспортной доступности, ситуация является критической. В 30 % бригад отсутствует второй медицинский работник. Старшие врачи предусмотрены только в 4 из 35 подразделений [7].

Второй проблемой стал кадровый дефицит региона. Обеспеченность врачами в области составляет 37,3 на 10 тыс. населения (по РФ – 38,2–42,14) [4]. Отмечается «отток на восток» из-за более высокой зарплаты и условий труда, а также внутрирегиональная миграция – из малых городов в административный центр. Программа «Земский доктор» в Иркутской области работает с низкой эффективностью. В 2024 г. по этой программе привлечено 125 медицинских работников (61 врач, 64 средних медработника), однако кадровый дефицит в сельских территориях остается одной из наиболее острых проблем.

Таблица 2

Основные показатели здравоохранения в 2024 г.

	Иркутская область	По СФО	По РФ
Численность врачей	11 566	84 588	749 885
Численность среднего медицинского персонала	25 412	173 275	1 407 491
Число врачебных больничных учреждений	89	712	5044
Число врачебных больничных коек, единиц	20 593	143 299	1 127 694
Число врачебных учреждений, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь	458	2614	23 087
Число фельдшерско-акушерских пунктов	720	4956	32 902

За 2024 г., укомплектованность врачами составила 59,8 % (прирост 0,9 п.п. по сравнению с 2023 г.), средним медицинским персоналом – 68,8 % (прирост 2,0 п.п.). В условиях растущей нагрузки, дефицит кадров компенсируется за счет увеличения нагруз-

ки труда уже работающих сотрудников, что создает риски снижения качества имеющейся медицинской помощи.

Третьей проблемой региональной системы здравоохранения стоит выделить проблему оснащения медучреждений соответствующим оборудованием и транспортом. В 2024 г. в рамках региональной программы модернизации первичного звена здравоохранения Иркутской области на 2021–2030 гг. автопарк медицинских организаций Иркутской области пополнился 73 новыми легковыми автомобилями [2]. Однако в ситуации с диагностическим оборудованием выделен ряд негативных факторов – значительный износ техники и длительные простои дорогостоящего оборудования, что свидетельствует о необходимости усиления контроля за эксплуатацией оборудования.

Высокие показатели первичной заболеваемости напрямую коррелируют с ключевыми проблемами региональной системы здравоохранения Иркутской области. Выделение кадрового дефицита, недоступности медицинской помощи для населения, проживающего в северных территориях области, а также высокого износа оборудования позволяет говорить о том, что региональная система здравоохранения функционирует в условиях ресурсных ограничений. Для стабилизации положения необходимо не только увеличение финансирования и модернизация материально-технической базы, но и внедрение механизмов удержания медицинских работников в отдалённых северных территориях, а также ужесточение контроля за эксплуатацией оборудования и его ремонта.

Литература

1. В бюджете Иркутской области на 2026 год выявлен дефицит в 3,7 млрд рублей на нужды здравоохранения // Контрольно-счетная палата Иркутской области. URL: <http://irksp.ru/?p=25121> (дата обращения: 30.04.2026).
2. В Иркутской области актуализируют программу оснащения медучреждений оборудованием и транспортом. ИА «ТК Город», 21.03.2024 // Законодательное Собрание Иркутской области. URL: https://irzs.ru/events/publications/40463/?SHOWALL_3=1 (дата обращения: 30.04.2026).
3. Информационная справка «О привлечении специалистов для работы в учреждениях здравоохранения иркутской области» от 28 января 2025 г. № 02–40–803/25 // Правительство Иркутской области. 5 с.
4. Лечебно-профилактическая помощь 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Об утверждении региональной программы модернизации первичного звена здравоохранения Иркутской области на 2021–2030 годы : постановление Правительства Иркутской области от 1 апр. 2026 г. № 307-пп.
6. Об утверждении региональной программы Иркутской области «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация» федерального проекта «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация» национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» на 2025–2030 годы» : постановление Правительства Иркутской области от 19 авг. 2025 г. № 687-пп.
7. Об утверждении Стратегии совершенствования экстренной медицинской помощи в Иркутской области до 2030 года : распоряжение Правительства Иркутской области от 24 апреля 2025 г. № 178-рп // Правительство Иркутской области. URL: <https://www.ogirk.ru/pravo/wp-content/uploads/2025/04/178-%D1%80%D0%BF.pdf> (дата обращения: 30.04.2026).

РАЗДЕЛ 2
ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ЭКСПЕРТНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ
НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

CHAPTER 2
EXPERT ACTIVITY AND EXPERT
CULTURE IN THE CONTEXT
OF NEW GLOBAL THREATS
AND CHALLENGES:
THEORY AND PRACTICE

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Предпринимается попытка осуществления экспертной оценки состояния и динамики основных факторов, характеризующих наркоситуацию в региональном социуме на примере Красноярского края. Эмпирическая база составлена на основе результатов анализа специальных опросных листов, используемых при опросах ежегодного мониторинга наркоситуации.

Ключевые слова: экспертиза, мониторинг, детерминанты, наркоситуация, Красноярский край.

V. E. Shinkevich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

EXPERT APPROACH TO THE ANALYSIS OF INDICATORS OF ANNUAL MONITORING OF THE DRUG SITUATION IN REGIONAL SOCIETY

In this article, the author undertakes an attempt to carry out an expert assessment of the state and dynamics of the main factors characterizing the drug situation in regional society on the example of the Krasnoyarsk Territory. The empirical base is compiled on the basis of the results of the analysis of special questionnaires used in the surveys of the annual monitoring of the drug situation.

Keywords: expertise, monitoring, determinants, drug situation, Krasnoyarsk Territory.

Результаты мониторинговых исследований являются «строительным материалом» разработки политики эффективной профилактики [5]. Значимость для современного общества мониторинговых исследований обусловлено тем, что современный мир его цивилизационном измерении переживает глубокие преобразования, вызванные глобальной турбулентностью [2]. Мониторинг наркоситуации позволяет обеспечивать действенное научной сопровождение выработки и принятия эффективных антинаркотических мер по минимизации проблемы не только предложения, но и спроса употребления на любые психоактивные вещества. Данные исследования позволяют выявить основные детерминанты, формирующие наркоситуацию, и интенсивность их выраженности [4].

Использование результатов мониторинговых исследований, проводимых в регионах России уже более 15 лет, имеют существенное значение для оценки реального уровня наркоситуации, позволяют рассчитать латентную составляющую данного негативного явления, с учетом соотношения с результатами статистических данных и социологических исследований. Учитывая особенность проведения мониторинговых исследований наркоситуации, вовлеченности населения в наркопотребление можно говорить о том, что особую экспертную ценность мониторинг имеет именно для региона, направлен на оценку состояния и актуальности проблемы для каждого конкретного локального социума. Это позволяет выстраивать антинаркотическую политику не в общем и целом по стране, а применительно к тем регионам, где актуализировалась проблема, своевременно локализовать ее и оказать помощь нуждающимся, скорректировать антинаркотическую политику, передать опыт другим регионам, прежде всего типичным по показателям урбанизации, географическому положению, состоянию транспортной структуры и пр.

В 2025 г. было опрошено 3019 респондентов от 14 до 60 лет, проживающих на территории Красноярского края, что составляет более 0,1 % от жителей края (на 1 января 2026 г. численность населения Красноярского края составляет 2 866 255 чел.²⁰). В опросе 2025 г. участвовали женщины – 55,8 %, мужчины – 44,2 %.

²⁰ Население Красноярского края. URL: https://bdex.ru/naselenie/krasnoyarskiy-kray/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

Значимыми мотивами употребления любых психоактивных веществ в немедицинских целях является неуверенность в себе. Только 43,2 % (+1,3 % к результатам 2024 г.) на вопрос «Как Вы относитесь к самому себе?» ответили «В целом я доволен собой», 28,6 % (+1,5 %) выбрали ответ «Думаю, у меня есть ряд хороших качеств», 17,5 % (-0,8 %) – «Я в состоянии справиться со всем не хуже других». Учитывая то, что 10,6 % в целом негативно оценили свой уровень уверенности в себя, в результатах своего труда, целесообразно различным субъектам антинаркотической профилактики, специалистам наркологам, психологам обратить внимание на оказание помощи подобным лицам, так как они в первую очередь нуждаются в формировании самоуважения. Это важное направление в профилактике негативных девиаций [1].

Анализ результатов ответов за несколько лет позволяет говорить, что устойчивой тенденции в динамике показателей того или иного индикатора отношения к самому себе респондентом нет, направленность изменений может принимать как положительную динамику, так и отрицательную в различные годы в пределах не превышающих естественную погрешность. Вместе с тем отмечается некоторая положительная динамика по индикаторам «В целом я доволен собой» и «Думаю, у меня есть ряд хороших качеств» в совокупности на 2,8 %. Однако показатели индикатора «Я в состоянии справиться со всем не хуже других» уменьшились на 0,8 %.

Многообразие проблем, окружающих сегодняшнего человека, не всегда позволяет адекватно оценить опасность уровня наркоситуации как в обществе, так и в регионе. В 2025 г. проблема наркомании непосредственно в местах проживания волновала только 8,1 % населения, это 7 из 9 мест в рейтинге выделенных проблем. Все показатели по наблюдаемым индикаторам изменились незначительно. Более всего изменились показатели индикатора «Преступность» (-1,1), «Состояние жилищно-коммунальной сферы» (+0,9), что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Состояние и динамика проблем, требующих, по мнению респондентов, решения в первую очередь

Укажите, пожалуйста, ПЯТЬ наиболее острых проблем, требующих решения в первую очередь в Вашем населенном пункте	Относительное количество ответов, %								
	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Динамика ¹	Рейтинг 2021 г.	Рейтинг 2022 г.	Рейтинг 2023 г.	Рейтинг 2024 г.	Рейтинг 2025 г.
Нехватка жилья	9,9	11,9	11,4	-0,5	6	6	6	5	5
Качество дорог	18,8	17,8	18,4	+0,6	1	1	1	1	1
Алкоголизм	14,3	13,4	13,4	0	5	4	3-4	4	4
Безработица	12,2	11,1	11,3	+0,2	3	5	5	6	6
Состояние жилищно-коммунальной сферы	14,3	14,4	15,3	+0,9	4	3	3-4	3	2
Наркомания	8,1	8,0	8,1	+0,1	7	7	7	7	7
Качество медицинского обслуживания	15,2	15,7	15,2	-0,5	2	2	2	2	3
Преступность	6,5	6,7	5,6	-1,1	8	8	8	8	8
Другое	0,6	1,0	1,4	+0,4	9	9	9	9	9
Итого	100	100	100						

Существенным фактором распространения наркомании в регионе является отсутствие возможностей, неумение населения организовать свой досуг [3]. По результатам ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, в населенном пункте, где Вы живете, достаточно возможностей, чтобы интересно проводить свободное время?» положительно ответили «Да» – 33,0 % и «Скорее да» – 37,7 %, что отражен в табл. 2.

¹ Показаны динамика и направленность изменения показателя относительно предыдущего года: «+» – повышение (%), «-» – уменьшение (%) наблюдаемого показателя.

Таблица 2

Динамика ответов на вопрос «Как Вы считаете, в населенном пункте, где Вы живете, достаточно возможностей, чтобы интересно проводить свободное время?»

Как Вы считаете, в населенном пункте, где Вы живете, достаточно возможностей, чтобы интересно проводить свободное время?	Относительное количество ответов, %		Динамика, %	
	2024 г.	2025 г.	2024 г.	2025 г.
Да	37,2	33,0	+6,9	-4,2
Скорее да	33,5	37,7	-1,8	+3,2
Скорее нет	16,0	15,3	-4,7	-0,7
Нет	13,3	14,0	-1,3	+0,7
Итого:	100	100		

Интенсивность потребностей в дополнительных объектах как необходимого условия интересного проведения досуга по результатам опроса 2025 г. в рейтинге изменились в сравнении с предыдущими годами незначительно, в пределах не более одного пункта. Сами потребности также не претерпели серьезных изменений. Основные наблюдения отражены в табл. 3.

Таблица 3

Перечень остроты нехватки различных культурно-досуговых объектов

Что ДОПОЛНИТЕЛЬНО Вам нужно для того, чтобы интересно проводить свободное время?	Относительное количество ответов, %		Показатели динамики и рейтинга					
	2024 г.	2025 г.	Динамика	Рейтинг 2021 г.	Рейтинг 2022 г.	Рейтинг 2023 г.	Рейтинг 2024 г.	Рейтинг 2025 г.
Новый спортивный клуб/ открытых спортивных площадок	17,2	16,1	-1,1	2	2	3	2	2
Больше кинотеатров	9,1	8,7	-0,4	5	5	4	6	6
Новые парки, зеленые территории	22,2	23,4	+1,2	1	1	1	1	1
Бассейн	17,0	15,9	-1,1	4	3	2	3	3
Новые ночные клубы, бары	4,5	4,1	-0,4	8	8	8	8	8
Новые кафе, рестораны	6,1	8,1	+2,08	6	7	7	7	7
Торгово-развлекательные комплексы	10,3	10,8	+0,5	3	4	5	5	5
Ничего дополнительно не нужно, все есть	12,6	11,1	-1,5	7	5	6	4	4
Другое	1,0	1,8	+0,8	9	9	9	9	9
Итого:	100	100	-0,5 ¹					

Любые фобийные состояния нашего сознания являются существенным сдерживающим фактором, в том числе не дающим человеку переступить условную черту (в последнее десятилетие очень часто можно услышать о некой «красной черте»), после которой он выпадает из привычного социально полезного и социально значимого состояния. Результаты ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т. д.)?», динамика и интенсивность оценки распространенности наркомании в регионе отражена в табл. 4.

Респонденты возрастных групп 18–20 лет (23,7 %), 31–35 лет (23,7 %) и 36–40 лет (26,0 %) при опросе чаще, чем другие группы отметили индикатор «Широко распространена». Можно предположить, что младшая группа чаще всего становится объектом внимания наркораспространителей, потому что подростки наиболее маргинализированы, т. е. находятся в поиске решения жизненно значимых проблем, таких как выбор учебного заведения для получения профессии, старшие группы – на основании собственного опыта способны более критически и радикально оценивать последствия наркотизации общества, а следовательно более озабочены судьбой детей и внуков. Старшие группы опасность проблемы наркомании и ее последствий осознают скорее не относительно себя, а относительно своих детей.

¹ Средний показатель проблем без учета показателя индикатора «Ничего дополнительно не нужно, все есть».

Таблица 4

Динамика субъективной оценки распространенности наркомании в регионе

Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т. д.)?	Относительное количество ответов, %		Показатели динамики					
	2024 г.	2025 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Широко распространена	21,2	21,1	-0,7	+3,6	-0,8	+5,8	-0,3	-0,1
Распространена, но не больше, чем везде	39,8	38,3	-4,7	-5,8	-0,7	-2,4	+1,4	-1,5
Распределена, но меньше, чем везде	12,1	12,2	¹	-	+0,6	+0,8	-0,9	+0,1
Совсем не распространена	2,7	4,7	-1,0	-2,9	+2,3	-2,8	+0,3	+2,0
Затрудняюсь ответить	24,2	23,8	+6,4	-6,6	-0,9	-1,5	-0,4	-0,5
Итого:	100	100						

Об источниках формирования оценок общественным сознанием состояния наркоситуации в регионе во многом говорят ответы на вопрос: «На основе, какой информации у Вас сложилось мнение о наркомании в нашей стране?». 69,7 % (-0,3 %) выбрали ответ: «Из информации в СМИ, сети Интернет»; 7,9 % (-0,5 %) – «Из личного опыта»; 22,3 % (+0,8 %) – «Из опыта друзей, знакомых»,

Среди основных причин распространения наркомании в последнее время респонденты из предложенных индикаторов закрытого вопроса выделили: моральная деградация общества, вседозволенность (20,2 %), неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (19,5 %), влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (16,8 %), излишняя свобода, отсутствие организованного досуга (11,3 %). Анализ показателей по всем измеряемым индикаторам позволяет говорить о том, что их рейтинг и интенсивность в целом остаются стабильными. Данные наблюдения показаны в табл. 5.

Таблица 5

Основные причины и их динамика распространения наркомании в регионе

Как Вы считаете, в чем причина распространения наркомании в последнее время?	Относительные показатели, %	Показатели динамики						
		Динамика	Рейтинг 2020 г.	Рейтинг 2021 г.	Рейтинг 2022 г.	Рейтинг 2023 г.	Рейтинг 2024 г.	Рейтинг 2025 г.
Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие	19,5	-1,0	2	2	2	2	1	2
Моральная деградация общества, вседозволенность	20,2	+1,1	1	1	1	1	2	1
Плохая работа правоохранительных органов	8,1	-1,1	6	7	7	7	5	6
Излишняя свобода, отсутствие организованного досуга	11,3	-1,1	3	4	4	4	4	4
Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков	16,8	+4,0	4	3	3	3	3	3
Безработица, экономические проблемы	9,7	+0,3	5	5	6	6	6	5
Влияние массовой культуры и СМИ	8,0	-0,5	7	6	5	5	7	7
Слабость профилактической работы	6,0	+0,4	8	8	8	8	8	8
Другое	0,5	+0,1	9	9	9	9	9	9
Итого:	100							

¹ Данный индикатор не измерялся в 2020 г.

Пять из восьми выделенных возрастных групп в рейтинге причин, влияющих на распространение наркомании в настоящее время, на первое место ставят фактор «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие», три группы – «Моральная деградация общества, вседозволенность» Первое и второе место поделили показатели именно данных индикаторов.

Рассматривая вес показателя каждой причины в отдельности (без учета индикатора «другое»), отметим наличие существенного вариационного размаха по возрастным группам в оценках причин респондентами различных возрастных групп. Так, из факторов, занимающих первую тройку в рейтинге, фактор «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие» (первое место в рейтинге причин) имеет вариационный размах 8,5 единиц (21–25 лет – 24,6 %, 41–50 лет – 16,1 %). Максимум и минимум принадлежат старшим возрастным группам (41–50 лет – 23,5 %, 51–60 лет – 14,9 %). Показатели индикатора «Влияние наркобизнеса, доступность наркотиков» (третье место) имеет вариационный размах по возрастным группам 8,3 единицы (18–21 год – 18,5 %, 51–60 лет – 10,2 %).

Наркоситуация тесно связана не только с низкой антинаркотической культурой, но и с доступностью наркотических средств и психотропных веществ на наркорынке, наличием спроса и предложения. Это косвенно говорит, с одной стороны, о продолжающем иметь место наличии на рынке дешевых наркотиков несмотря на противодействие правоохранительных органов наркопреступности; с другой стороны, о совершенствовании системы методов передачи наркотических средств от распространителя к потребителю.

Экспертные оценки состояния наркоситуации в Красноярском крае на основе ежегодных мониторинговых исследований позволяют своевременно принимать меры различным субъектам антинаркотической политики по минимизации наркоугрозы, в том числе координирующим центром – антинаркотической комиссией края. Опыт анализа может быть использован соответствующими структурами и других регионов, что повысит эффективность управленческих решений в сфере противодействия наркоугрозе и наркотизации региональных социумов.

Литература

1. Анисимова О. М., Трошихина Е. Г. Самоуважение и развитие личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. Вып. 4. С. 65–74.
2. Грабельных Т. И. Новый «безопасный мир» и его конструирование в научных концепциях XXI века // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 23–25.
3. Фатов А. В. Роль культурно-досуговой деятельности в социальном воспитании студенческой молодежи // Закон и право. 2006. № 10. С. 85–86.
4. Шинкевич В. Е., Коробицина Т. В. Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае // Социологические исследования. 2018. № 2 (406). С. 152–158.
5. Шинкевич В. Е., Молоков В. В., Бен Е. Н. Включение социологических исследований в ежегодный мониторинг наркоситуации как средство оценки масштабов употребления наркотических средств в немедицинских целях: опыт Красноярского края // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 169–174.

А. Х. КурбановВоенная академия материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулева, г. Санкт-Петербург**В. А. Тимошин**Вольский военный институт материального обеспечения
Военной академии материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулева, г. Вольск

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа мирового опыта показаны основные модели участия экспертного сообщества в решении задач обеспечения национальной безопасности. Раскрыто наличие институционального и неинституционального компонента в экспертном сообществе. Описаны проблемы взаимодействия экспертного сообщества и военной организации государства. Сформулированы рекомендации по выстраиванию сотрудничества между Вооруженными Силами Российской Федерации и экспертным сообществом.

Ключевые слова: экспертное сообщество, интеллектуальный потенциал, цифровые технологии, Вооруженные Силы Российской Федерации.

A. K. KurbanovGeneral of the Army A. V. Khrulev
Military Academy of Logistics and Procurement, St. Petersburg**V. A. Timoshin**Volsk Military Institute of Material Support Military Academy of Material and Technical Support
named after General of the Army A. V. Khrulev, Volsk

PROSPECTS OF USE OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE EXPERT COMMUNITY IN THE INTERESTS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The present paper contains a description of the main models of expert community participation in addressing national security issues on the basis of an analysis of global experience. It demonstrates the presence of institutional and non-institutional components within the expert community. The problems of interaction between the expert community and the state military organization are described. Recommendations for building cooperation between the Armed Forces of the Russian Federation and the expert community are formulated.

Keywords: expert community, intellectual potential, digital technologies, Armed Forces of the Russian Federation.

Большое значение для укрепления обороноспособности страны имеет систематизация, анализ и распространение опыта, сформированного в ходе боевых действий, поскольку это позволяет следующие важные задачи:

- выявление лучших практик, разработанных и сложившихся в зоне военного конфликта, для их последующего внедрения во всех подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации (ВС РФ) с целью обеспечить превосходство над противником (или не дать ему получить превосходство). Фактически речь идет о своеобразной разновидности военного бенчмаркинга. Эти практики охватывают как собственно боевые действия, так и их всестороннее обеспечение. Важно отметить, что выявлять следует не только практики и инструменты, разработанные в ВС РФ, но и подходы, используемые противником. В частности, насколько можно судить по открытым источникам информации, именно высокая эффективность применения системы спутниковой связи Starlink, применяемой Вооруженными Силами Украины (ВСУ), стала причиной ее стихийного использования в интересах ВС РФ;

- определение перспективных тенденций эволюции методов и инструментов ведения вооруженной борьбы и ее всестороннего обеспечения для опережающей (проактивной) адаптации к ним военной организации государства (также в целях получения стратегического преимущества над вероятным противником). Например, недостаточная эффективность Во-

оруженных Сил Ирака, продемонстрированная ими в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991 г., показала военному руководству стран НАТО (и, прежде всего, США) целесообразность перехода к новой сетцентрической модели ведения боевых действий.

Быстрое изменение моделей и условий ведения боевых действий, связанное с развитием технологий и трансформацией внешней экономической, политической и социальной среды, ведет к необходимости изменения подходов к изучению военного опыта. С одной стороны, в настоящее время существует потребность в непрерывном анализе текущей ситуации с целью оперативного выявления новых стратегий противника и систематизации и распространения накопленного опыта способов и инструментов ведения вооруженной борьбы и ее всестороннего обеспечения [2]. Как следствие, увеличиваются затраты ресурсов на решение соответствующих задач (либо же из-за нехватки ресурсов эти задачи решаются в недостаточном объеме, что влечет за собой снижение боеспособности национальных вооруженных сил). С другой стороны, с учетом цифровой трансформации общества в распоряжении военной организации государства появляются новые технологии и инструменты для выявления, сбора, систематизации и распространения информации. Например, деятельность по систематизации направлений эволюции вооруженной борьбы может осуществляться искусственным интеллектом. Однако использование этих новых технологий зачастую требует наличия специфических компетенций, которыми военная организация государства (ВОГ) может не располагать. Это означает, что ВОГ может испытывать потребность в дополнительных интеллектуальных ресурсах, источником которых могут служить внешние акторы, в частности, экспертное сообщество [3; 4].

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей сотрудничества ВОГ с экспертным сообществом в целях систематизации и освоения опыта боевых действий.

Как показывает мировой опыт, участие экспертного сообщества в решении соответствующих задач может быть реализовано в двух форматах.

1. Институциональное сотрудничество, суть которого заключается в том, что военный заказчик размещает подряды на аналитические и теоретические исследования у внешних независимых профильных структур (частно неформально называемых мозговыми центрами, англ. *think tank* [1]). Фактически в данном случае речь идет о целенаправленном аутсорсинге экспертных функций [6]. Нередко такие экспертные организации создаются бывшими сотрудниками вооруженных сил. Наиболее известным примером таких структур в мире является RAND Corporation (США; признана нежелательной в Российской Федерации), которая активно занимается выполнением исследований в интересах Департамента обороны США, а также военных ведомств дружественных государств. В России отчасти сходные функции выполняет Российская академия ракетных и артиллерийских наук, однако ее сложно считать в полной мере независимым научным институтом, поскольку ее головным ведомством является Министерство обороны РФ. Экспертные структуры, привлекаемые военным заказчиком, формируют институциональное экспертное сообщество. Отчеты, полученные военным заказчиком у таких подрядчиков, в дальнейшем служат основой для стратегических, оперативных и тактических решений ВОГ, а также внешнеполитических ведомств, т. е. напрямую учитываются в национальной оборонной политике. Институциональное сотрудничество, как правило, носит системный характер, т. е. внешние экспертные организации привлекаются на постоянной основе для решения широкого круга аналитических и исследовательских задач по разным направлениям обеспечения национальной безопасности. Благодаря этому обеспечивается глубокое погружение экспертных организаций в соответствующую проблематику (в том числе и благодаря доступу к закрытой информации, который может предоставляться военным заказчиком), формирование у них необходимого нематериального капитала (человеческий капитал, цифровые ресурсы и т. д.), а также наличие у них развитых формальных и неформальных связей с ВОГ, которые упрощают учет предлагаемых рекомендаций в деятельности национальных вооруженных сил. При этом рекомендации, разрабатываемые в ходе выполнения различных исследовательских и аналитических проектов, связаны друг с другом, что способствует целостному подходу к развитию ВОГ. Однако институци-

ональное сотрудничество требует готовности ВОГ привлекать внешних экспертов, что не всегда возможно в силу традиционно закрытого характера военных структур.

2. Неинституциональное участие, в рамках которого отдельные эксперты, неформальные экспертные группы и экспертные организации (в совокупности формирующие неинституциональное экспертное сообщество) по собственной инициативе ведут исследования в сферах, связанных с обеспечением национальной безопасности, в том числе и по анализу опыта боевых действий. Достоинством неинституциональной модели является возможность участия широкого круга экспертов, а также снижение затрат ВОГ на проведение исследований (зачастую такие эксперты занимаются аналитической и теоретической работой за свой счет). Кроме того, благодаря собственной заинтересованности в соответствующей проблематике отдельные эксперты могут обладать высоким уровнем компетенций (хотя в целом в рамках неинституционального сообщества этот уровень может значительно различаться). Наконец, в силу отсутствия связей с ВОГ такие эксперты не боятся обсуждать те вопросы и предлагать те решения, которые в самом руководстве вооруженных сил открыто не поднимаются. К числу таких экспертных структур в Российской Федерации можно отнести Центр стратегической конъюнктуры, к настоящему времени выпустивший цикл книг по систематизации и обобщению опыта специальной военной операции (СВО), а также опубликовавший значительное число работ, посвященных анализу других военных конфликтов современности. Однако отсутствие официальных связей с ВОГ у таких экспертов ведет к несистемному характеру их деятельности, ограниченному доступу к необходимой информации (что, однако, может частично компенсироваться за счет высокой компетентности отдельных экспертов и экспертных групп, которая позволяет разрабатывать эффективные рекомендации на основе анализа неполной информации), отсутствию целостности у решений, предлагаемых разными экспертами, а также к сложностям в доведении их рекомендаций до ВОГ, а тем более в их учете в ее деятельности. Фактически неинституциональное экспертное сообщество функционирует в отрыве от ВОГ и ее интеллектуальный потенциал практически не используется в интересах национальной безопасности (хотя относящиеся к этому сообществу эксперты активно участвуют в поиске решения соответствующих задач). Эта проблема отчасти решается за счет неформальных горизонтальных связей между вооруженными силами и неинституциональным экспертным сообществом. Одним из косвенных каналов связей между ВОГ (и, шире, силовыми структурами) и экспертными группами является образовательная деятельность. В качестве примера можно указать на российскую академию Alter, которая занимается подготовкой специалистов по информационным и гибридным войнам. Кроме того, следует упомянуть многочисленные волонтерские группы, которые обучают желающих, в том числе и будущих военнослужащих-контрактников, тактической медицине и другим навыкам на основе опыта СВО [7].

Неинституциональное экспертное сообщество, в свою очередь, включает в себя два элемента. Первый элемент представляет собой экспертные группы и структуры, основанные на самоорганизации гражданского общества или созданные в коммерческих целях (т. е. стремящиеся перейти в институциональное сообщество и получать заказы от государства), и направленные на обеспечение военной безопасности государства (т. е. заинтересованы в доведении своих рекомендаций до ВОГ). В силу этого данный элемент может быть назван активным. Второй элемент состоит из людей и сообществ, которые занимаются изучением соответствующих вопросов в силу своих профессиональных (историки, экономисты, политологи, юристы, инженеры и т. д.) или личных интересов и не преследуют цель разрабатывать какие-либо рекомендации для ВОГ (и не заинтересованы в каком-либо взаимодействии с ней), но при этом нередко обладают очень глубокими знаниями в своей предметной области. Этот элемент мы предлагаем называть пассивным.

Неинституциональная и институциональная модели (и институциональное и неинституциональное экспертное сообщество) не должны противопоставляться друг другу, поскольку экспертные структуры, возникающие в рамках неинституциональной модели, в последующем могут привлекаться военным заказчиком на основе институционального сотрудничества. Кроме того, институциональные экспертные структуры для определенных задач могут

привлекать специалистов из неинституционального экспертного сообщества. Напротив, экспертные организации, сотрудничающие с военным заказчиком на основе институционального подхода, могут по собственной инициативе проводить отдельные исследования без заказа со стороны ВОГ.

Отметим, что экспертное сообщество занимается не только анализом боевого опыта, но и оценкой текущей и перспективной международной и национальной военно-политической, экономической и технологической ситуации, что позволяет делать прогнозы ее развития и формировать рекомендации по разработке военной и военно-политической стратегии.

Привлечению экспертного сообщества в интересах ВС РФ препятствуют следующие обстоятельства:

- 1) высокий уровень закрытости ВС РФ как на формальном (в частности, сложность предоставления допуска к определенной информации для сторонних лиц), так и на неформальном уровне (нежелание представителей ВС РФ выстраивать взаимодействие с внешними структурами) [5];

- 2) недостаточный уровень развития нормативно-правовой базы, необходимой для сотрудничества с внешними экспертами;

- 3) разная культура взаимодействия в ВС РФ и в частных структурах;

- 4) непонимание ВС РФ той ценности, которую в их интересах могут создавать внешние экспертные организации (в том числе и в силу недоверия к гражданским специалистам);

- 5) сложность оценки уровня компетентности привлекаемых экспертов (это в первую очередь относится к неинституциональному экспертному сообществу).

В силу этих факторов в настоящее время в России преобладает неинституциональная модель сотрудничества с экспертным сообществом.

Тем не менее, мы полагаем, что сотрудничество с российским экспертным сообществом может внести важный вклад в повышение боеспособности ВС РФ за счет привлечения внешних ресурсов и компетенций. Для решения этой задачи, помимо устранения перечисленных выше препятствий, необходимо:

- 1) расширять круг экспертных структур, привлекаемых в интересах ВОГ (в том числе и из неинституционального сообщества, ряд представителей которой пользуется признанием и в ВС РФ) [3];

- 2) содействовать развитию институциональной и неинституционального экспертного сообщества, в том числе путем проведения регулярных встреч (круглых столов) с экспертами, обмена мнениями и т. д.;

- 3) не препятствовать развитию горизонтальных связей между ВС РФ и экспертным сообществом (разумеется, при условии строгого соблюдения ограничений на распространение информации);

- 4) активно мониторить состояние неинституционального экспертного сообщества с целью выявления перспективных разработок и рекомендаций.

Выводы:

- быстрое изменение внешней военной, политической, экономической, социальной и технологической внешней среды требует привлечения внешних ресурсов для мониторинга и анализа этих изменений, а также опыта адаптации к ним в интересах военной организации государства;

- источником этих ресурсов может быть внешнее экспертное сообщество;

- в составе внешнего экспертного сообщества могут быть выделены институциональное и неинституциональное экспертное сообщество, различия между которыми обуславливаются различием между моделями привлечения их интеллектуального потенциала в интересах ВОГ;

- уровень использования интеллектуального потенциала российского экспертного сообщества в интересах ВС РФ не соответствует масштабу тех вызовов, которым Российская Федерация вынуждена противостоять в настоящее время;

- большое значение имеет как развитие российского экспертного сообщества, так и расширение его участия в решении задач, связанных с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Балаян А. А., Сунгуров А. Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб. : Издательство Алетейя, 2016. 240 с.
2. Балуевский Ю. Н., Пухов Р. Н. Цифровая война – новая реальность // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 6. С. 60–68.
3. Гореликов Е. С. Механизм экспертного взаимодействия гражданского общества и органов государственного и военного управления // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3 (17). С. 143–155.
4. Долженко Р. А., Долженко С. Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17, № 3. С. 78–87.
5. Котляров И. Д. Проблемы организации сотрудничества Вооруженных Сил Российской Федерации со структурами гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 февр. 2026 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2026. С. 166–170.
6. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Аутсорсинг в России: социальное содержание и экономические условия применения // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 123–131.
7. Мазаккина Н. «Лучше тупить сейчас». Как в Петербурге учат не умереть на поле боя // Фонтанка.ру. 19.10.2022. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/10/19/71748362/> (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 37.65

Р. Г. Ардашев

Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

А. Н. Адилев

Академия МВД Кыргызской Республики имени Э. А. Алиева
Кыргызская Республика, г. Бишкек

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Рассматриваются вопросы социальной безопасности, возникающие в условиях социальных рисков. Прослеживается динамика трёх категорий социальной безопасности: социальной дезорганизации, деструктивного поведения и социальной травмы с 2015 по 2025 г. через поисковую активность в www.google.com. Обосновывается, что выделенные факторы фиксируют роль личности и социальных обстоятельств в изменении социально-исторического развития общества в различные периоды. Делается вывод, что это позволяет фиксировать влияние социальных рисков на личную активность и социальную ответственность в процессе обеспечения социальной безопасности общества.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальные риски, социальное развитие, общественное воспроизводство, социальная дезорганизация, деструктивное поведение, социальная травма.

R. G. Ardashev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk State University, Irkutsk

A. N. Adilov

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E. A. Aliyev,
Kyrgyz Republic, Bishkek

SOCIAL SECURITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL RISKS

This article examines social security issues arising in the context of social risks. The dynamics of three categories of social security social disorganization, destructive behavior, and social trauma are tracked from 2015 to 2025 through search activity on www.google.com. The identified factors capture the role of the individual and social circumstances in changing the socio-historical development of society in different periods. This allows us to capture the impact of social risks on personal activity and social responsibility in ensuring social security.

Keywords: social security, social risks, social development, social reproduction, social disorganization, destructive behavior, social trauma.

Социальные риски становятся постоянным фактором общественного воспроизводства. Безопасность мира все более иллюзорна. Возможно, это становится фактором все большей милитаризации общества. Условия и процессы небезопасности жизни касаются не только сиюминутных условий и контекстов, но более глубинных условий субъективного переживания безопасности как чувства защищенности.

Постоянное проживание в напряжении и стрессе приводит к нездоровым социальным последствиям (усилению разнообразных форм деструктивного поведения, формирования антисоциальных группировок, экстремистских сообществ и других негативных объединений людей). Это реакция на постоянные негативные процессы, которые не позволяют быть уверенным в завтрашнем дне. Особенно наглядно это прослеживается в молодёжной среде, как наиболее уязвимой группе общества, не способной противостоять многим социальным вызовам.

Рассмотренные нами ранее различные аспекты социальной безопасности в условиях нелинейного развития и разнообразных социальных угроз общественного развития позволяют говорить об усилении актуальности изучения данного вопроса [1–3], которые влияют и на российскую идентичность и гражданственность [4; 5] и на условия формирования мировоззрения и патриотизма в условиях нестабильной ситуации в вопросах социальной безопасности [6; 7].

Социальная безопасность касается уровня и качества жизни, доступность социальных благ и личных интересов, возможности профессионального и личного развития и многие другие внутренние критерии, определяющие перспективы и возможности каждого человека и группы в целом. Она напрямую влияет на институты гражданского общества, меняя социальные рамки изменения условий общественного воспроизводства.

Можно опираться на идеи Э. Дюркгейма и Р. Мертона о том, что аномия является состоянием социума, из-за которого человек лишается привычной ценностно-смысловой и мировоззренческой картины мира, что Э. Гидденс в последующем обозначит как «онтологическую безопасность», которая утрачивается в условиях риска. Социальные кризисы подталкивают людей к деструктивному поведению. В условиях социальной стабильности поведение индивида и в целом социальных групп становится более предсказуемым и приемлемым.

Условия социального кризиса актуализируют потребности людей в социальной безопасности, при стабильной работе социальных систем этот вопрос уходит на второй план. То есть безопасность приравнивается к социальной стабильности. Гарантом этого выступает государство. И как следствие, именно государство формирует социальную политику, позволяющую людям ощутить социальные гарантии и вместе с тем безопасность от рисков.

Однако эта линия сегодня приобретает неоднозначную оценку, так как с усилением социальных гарантий, особенно в условиях цифровизации общества, происходит ограничение прав и свобод граждан и усиление общественного контроля. Государство от того, кто обеспечивает безопасность, переходит в того, кто её ограничивает. Это вопрос границы или выбора – как смотреть на ситуацию и какие делать выводы, а в последующем и реальные поступки.

Полагаем, что ориентир на человекоориентированность в контексте изучения и развития социальной безопасности может быть вариантом эффективного управления рисками в процессе построения социальной безопасности для государства. Для этого стоит учитывать веберовский подход – ориентиров на социальные действия, которые руководствуется не столько внешними условиями, сколько внутренними критериями целей, смыслов и ценностей. Так как именно последние, побуждают индивидов на конкретные социальные действия.

Деструктивному поведению предшествует этап *социальной дезорганизации* (когда уменьшается влияние социальных правил на действия индивида или социальной группы). Социальной дезорганизации может противостоять активная работа представителей власти по созданию новых правил жизни или самоорганизация людей, вырабатывающих новые правила (альтернативные традиционным или ранее принятым). Эти взгляды были изложены в работах У. А. Томаса и Ф. В. Знанецкого.

Роль индивида и личного опыта, интеллекта и социального капитала как инструмента адаптации к сложным периодам усиливается в работах П. Штомки, через проживание *соци-*

альной травмы. Чем более разносторонне развиты индивиды, тем легче адаптироваться к условиям риска и найти новые опоры для социальной безопасности.

В условиях увеличения количества и качества социальных рисков происходит общая социальная дестабилизация социального развития. Это стало основой для изучения динамики социальной безопасности за последние десять лет (с 2015 по 2025 г.), для этого мы опирались на поисковые запросы www.google.com: деструктивное поведение, социальная дезорганизация, социальная травма. Эти категории нами выбраны как уже существующие знаковые показатели социальных трансформаций. При анализе мы учитывали как количество упоминаний, так и контекст их использования (качественный показатель). Результаты обрабатывались в программе Atlas.ti.

На рис. 1 показана динамика с 2015 по 2025 г. использования в поисковых запросах анализируемых терминов. Пик социальной дезорганизации приходится на период пандемии COVID-19 с 2020 г. по настоящее время (по нисходящей траектории). Деструктивное поведение с 2015 г. по начало пандемии в 2020 г. было на порядок выше, в период пандемии снизилось и относительно стабильно проявляется и поныне. Схожие показатели и по социальной травме.

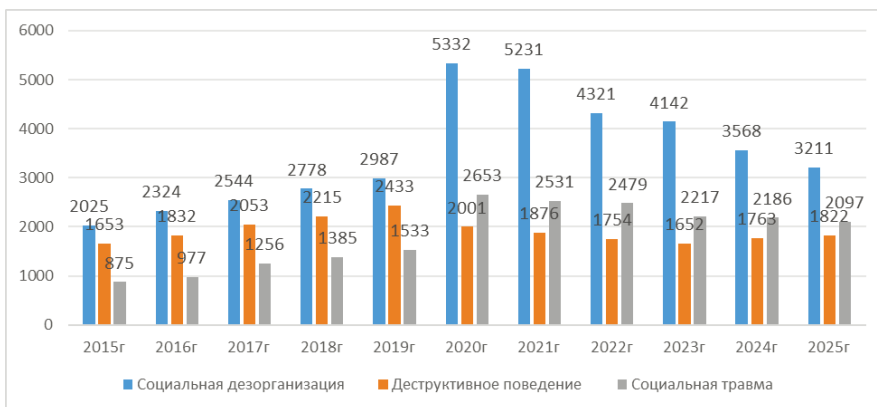

Рис. 1. Динамика с 2015 по 2025 г. использования в поисковых запросах www.google.com таких терминов, как деструктивное поведение, социальная дезорганизация, социальная травма

Во время пандемии и после её, роль личности в рамках социальной дезорганизации стала достаточно значима, тогда как на уровне деструктивного развития – регулируются нормы уже групповыми рамками. Это важное уточнение, которое регулирует социальный контекст и индивидуальный выбор формирования социальной безопасности как внешнего воздействия и внутреннего выбора человека и группы.

Общественное воспроизводство строится на единстве противоречий проявления личных возможностей и взглядов и давления социальных норм, регламентирующих поведение человека в социуме. Это то, что формирует его место в жизни и перспективы трансформации жизненного мира. В условиях риска особенно значимы данные показатели.

На рис. 2 обозначены пиковые проявления роли личности и внешних условий (социальных факторов), которые определяют контекст и механизмы социальной безопасности личности и общества в разные социально-исторические периоды. В кризисные моменты (пандемия с 2020 г., начало СВО с 2022 г.) стали точками проявления более значимых аспектов роли личности в социальном воспроизводстве, чем существующие социальные рамки и условия. Роль внешних обстоятельств все время достаточно стабильна, хотя на период с 2020 по 2023 г. (пандемийный и постпандемийный) приходится относительное уменьшение

количества публикаций в контексте внешнего воздействия, но их контекст стабилен и связан с проблемами здоровья населения, после начала СВО, гораздо больше разнообразия внутренних и внешних условий, влияющих на социальные риски и чувство безопасности граждан отражается в поисковых запросах интернета.

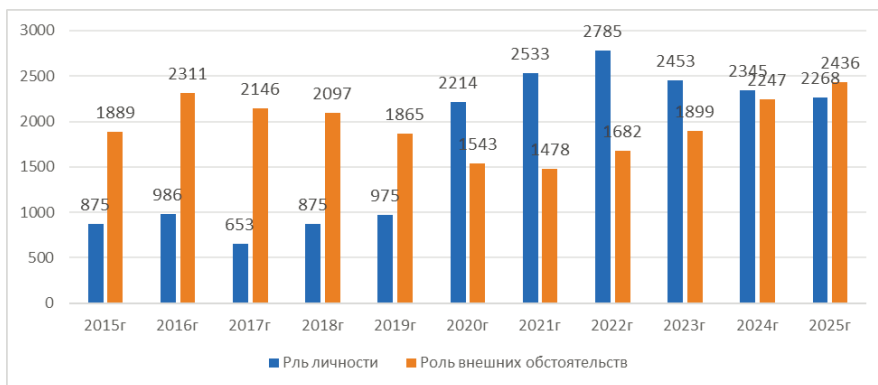

Рис. 2. Динамика проявления роли личности и социальных норм в разные социально-исторические периоды с 2015 по 2025 г.

Таким образом, социальная дезорганизация общества приводит к деструктивному поведению отдельных людей, меняющих социальные рамки, при этом, проживание социальной травмы опирается опять же на индивидуальный опыт людей или целых поколений, что позволяет регулировать моменты социальной безопасности в условиях усиления социальных рисков. Значимость личности в обеспечении условий социальной безопасности более приоритетна, чем учёт внешних условий и обстоятельств социального воспроизводства. Эти процессы необходимо учитывать при социальном взаимодействии и регулировании общей социальной динамики.

Также, мы не можем игнорировать влияние социальных рисков на личную активность и социальную ответственность в процессе обеспечения социальной безопасности общества. Деятельность государства выступает фоном социального развития общей социальной динамики. Но именно вовлеченность личности в свои собственные процессы жизни и ответственность за то, что происходит с другими и в целом с обществом – позволяет увидеть ориентиры формирования и обеспечения социальной стабильности общественного воспроизводства.

Негативные условия и контексты развития были и будут всегда. Но то, какими механизмами мы пользуемся, чтобы себя обезопасить – позволяет зафиксировать собственное социально безопасное положение в обществе и сформировать социальные ориентиры уменьшения рисков и увеличения социальной стабильности. Это вопросы воли и активных действий небезразличных людей к своей судьбе и судьбе всего общества.

Литература

1. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность в условиях нелинейного развития // Социология. 2025. № 8. С. 6–11.
2. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодёжи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
3. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность общественного развития // Социология. 2025. № 7. С. 6–11.
4. Баев П. А. Российская идентичность в условиях цивилизационного моделирования // Социология. 2026. № 1. С. 10–14.
5. Баев П. А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.

6. Полюшкевич О. А. Патриотическое воспитание и социальная безопасность общества // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году защитника Отечества и 30-летию открытия спец. «Социальная работа» в Респ. Бурятия. Улан-Удэ : БГУ, 2025. С. 259–262.

7. Полюшкевич О. А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф.. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 467–471.

УДК 316.282

И. Е. Левченко

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ КУЛЬТУРЫ: ТАНАТОСОЦИОЛОГИЯ МАРКСИЗМА

С позиций историко-социологического подхода рассматривается специфика научных взглядов К. Г. Маркса и Ф. Энгельса. Отмечается противоречивый характер вклада ученых в развитие методологии танатосоциологической экспертизы общественно-политических проблем. Доказывается актуальность обращения к изучению творческого наследия представителей классической социологии для выявления истоков формирования немецкой экспертной культуры.

Ключевые слова: К. Г. Маркс, Ф. Энгельс, немецкая социология, танатосоциология, экспертная культура.

I. E. Levchenko

Ural Federal University, Yekaterinburg

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF GERMAN EXPERT CULTURE: THANATOSOCIOLOGY OF MARXISM

The article examines the specifics of the scientific views of K. G. Marx and F. Engels. The contradictory nature of the contribution of scientists to the development of the methodology of thanatosociological examination of socio-political problems is noted. The author proves the relevance of turning to the study of the creative heritage of representatives of classical sociology in order to identify the origins of the formation of German expert culture.

Keywords: K. G. Marx, F. Engels, German sociology, thanatosociology, expert culture.

Становление немецкой культуры проведения научных экспертиз протекало в противоречивом социально-историческом контексте середины – конца XIX в. Согласно данным биографов (Ж. Аттали, Н. И. Лапин, Ф. Меринг и др.), Карл Генрих Маркс (1818–1883) родился в Трире, старейшем городе Германии, в многодетной семье потомственных раввинов, но его отец стал адвокатом и принял лютеранство в ходе эмансипации евреев, развернувшейся в начале XIX в. По окончании гимназии (1835) Карл учился на юридическом факультете в Боннском (1835–1836) и Берлинском (1836–1841) университетах, где честолобивый молодой человек продемонстрировал не только пристрастие к философии и литературе, но и к дружеским пирушкам и студенческим потасовкам. Бесстрашие сочеталось у него с отвращением к похоронам – он не был на прощаниях с братом, отцом, тестем, матерью и женой.

В Йене К. Марксу была присвоена докторская степень (1841) на основании диссертации, написанной с младогегельянских позиций и посвященной натурфилософии Демокрита и Эпикура. Еще в юности Маркс, как и многие, прошел через преодоление страха смерти, но в процессе взросления философские штудии привели его к материалистическому истолкованию взаимосвязи жизни и смерти.

Следствие ограничений прусского правительства академическая карьера Маркса не сложилась, кроме того, он отдалился от своих родных. Причиной тому были особенности его характера – эгоизм и нежелание идти на компромисс. Но Карлу очень повезло с женой – Женни фон Вестфален (1814–1881), которая была ему помощницей во всех делах. Выбрав стезю журналиста, в кельнской газете (1842–1843) он критиковал власти, которые вскоре закрыли издание, вынудив его семью уехать в эмиграцию, где умерли трое из шести его детей (впоследствии две дочери покончили с собой). Известно, что ученый совершил супружескую

измену и у него родился внебрачный сын (1851) от служанки Х. Демут, которого он не признал, и ребенок был отдан на воспитание чужим людям.

Вместе с тем в Париже (1843–1845, 1848, 1849), Брюсселе (1845–1848), Кельне (1848–1849), Берлине (1861) и Лондоне (1849–1883) Маркс увлеченно занимался исследовательской и общественно-политической деятельностью, что отнимало много сил и времени, но не приносило доходов, поэтому семья часто жила в бедности. При этом большую часть отцовского наследства он израсходовал на издание «Новой Рейнской газеты» и на приобретение оружия для восставших во время революционных событий в Германии (1848–1849). Последние годы жизни К. Маркса были тяжелыми – он много болел и умер от туберкулеза.

Финансовую поддержку Марксу и его близким долгие годы оказывал его друг, соавтор и редактор Фридрих Энгельс (1820–1895). Он родился в Вестфалии в многодетной семье преуспевающего фабриканта, приверженца пиетизма. Фридрих был жизнерадостным любознательным и спортивным юношей, участвовал в поединках. Не окончив гимназию, Фридрих приступил к работе в сфере торговли (1837), одновременно посылая корреспонденции в местные газеты. Проходя службу в армии (1841–1842), он посещал лекции по философии в Берлинском университете, где сблизился с младогегельянами. Далее последовала его многолетняя успешная коммерческая деятельность на фабрике, принадлежавшей семье Энгельса в Англии.

Союз Фридриха с Карлом (1844–1883) во многом предопределил его научные изыскания и политическую активность (например, он участвовал в боевых действиях во время революции в Германии (1849)). После смерти Энгельса от рака, согласно завещанию, урна с его прахом была опущена в море у побережья Англии [1].

Коммунистические взгляды Маркса и Энгельса сформировались под влиянием немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма. Следует иметь в виду, что они были полиглотами, отрицательно относились к континизму, избегали употреблять понятие «социология» и, разумеется, не считали себя социологами. Их деятельность была нацелена на практическое переустройство мира, которое осуществили «марксисты», что, в итоге, привело не только к позитивным, но и к трагическим последствиям (достаточно вспомнить, как воплощались «коммунистические» идеи в жизнь в странах «социалистического лагеря»).

В истории философии и социологии тема «Роль К. Маркса и Ф. Энгельса в становлении танатосоциологической экспертизы» изучена еще недостаточно. Как правило, зарубежные исследователи (Х. Арентт, И. Берлин, Э. Блох, Р. Вурмбранд, К. Каутский, Г. Маркузе, М. Неоклеус и др.) выявляют отношение классиков марксизма к смерти в контексте анализа проблем гуманизма, отчуждения, религии, революции, террора и войны.

Отечественные ученые (И. В. Вишев, Л. Н. Коган, П. Н. Кондрашов, Н. Н. Трубников, И. Т. Фролов и др.) преимущественно фиксируют вклад создателей марксизма в разработку проблемы смерти в связи с развитием ими философской антропологии, материализма в естествознании и социальных науках, определении цели и смысла жизни личности, возможности достижения человечеством бессмертия и т. п.

Обратимся непосредственно к работам основоположников «научного коммунизма», исходя из того, что существует очевидная преемственность между различными периодами их творчества.

В ранние годы Маркс неоднократно рассматривал смерть с философско-социологической точки зрения. Так, в одной из первых публикаций многогранный феномен смерти используется им как аргумент в дискуссии о проекте закона о разводе: «В природе распад и смерть наступают сами собой там, где какое-нибудь существование совершенно перестало соответствовать своему назначению. Развод есть только установление факта: данный брак есть умерший брак. <...> если вы при физической смерти требуете точных неопровержимых доказательств, то <...> законодатель может констатировать нравственную смерть только на основании самых несомненных симптомов» [2].

Порицая мальтузианский поход к решению нищенства в Великобритании, он прямо обвинял «современное государство и современный торгашеский мир, эти лицемерно-прикрашенные христианские противоположности» в результатах их «союза»: «Фантастические лохмотья английских бедняков; дряблое, сморщенное тело женщин, изнурённых трудом и нищетой; дети, валяющиеся в грязи; уроды, порождаемые чрезмерным, однообразным механическим трудом на фабрике! Восхитительны эти мельчайшие детали практики – проституция, убийства и виселицы!» [3].

Встав на позиции атеизма, в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843) мыслитель утверждал: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [4]. Фактически, утешительная функция религии трактовалась им как вредная, он не учитывал того, что в случае утраты индивид остается одиноким в своем горе, лишается дополнительной институциональной поддержки.

В период написания «Экономико-философских рукописей 1844 года» К. Маркс, как и Ж.-Ж. Руссо, полагал, что человек по природе своей – существо целостное, доброе. Переосмыслив гегелевскую концепцию, Маркс показал драму отчуждения человека в капиталистическом обществе: 1) опустошение в процессе труда; 2) отчуждение условий труда от самого труда («оскопление»); 3) «утрата предмета и закабаление предметом» труда; 4) «усиление конкуренции среди рабочих»; 5) отчуждение сознания от жизни («извращенные фантазии потребителя»). В результате, сознание человека искажается и он уродует свое здоровье. Кончина же человека рассматривается им сквозь призму соотношения часть/целое: «Смерть кажется жестокой победой рода над определенным индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое определенное родовое существо и как таковое смертен» [5].

В биографии молодого Маркса есть интересный факт: из книги «Мемуары, извлеченные из архива полиции» медика и юриста Жака Пеже (1758–1830) он перевел выдержки, посвященные самоубийствам, и опубликовал их в журнале (1846), снабдив несколькими краткими комментариями. С его точки зрения, нередко к суициду члена семьи подталкивают его близкие: «Самые трусливые, неспособные к сопротивлению люди становятся неумолимыми там, где они могут проявить абсолютный родительский авторитет. Злоупотребление последним является для них грубым вознаграждением за ту покорность и зависимость, которые они добровольно или против воли проявляют в буржуазном обществе» [6]. Маркс возлагал вину за порабощение жен и детей, побуждающих их к роковому поступку, не только на глав семей, но и на общественный строй, позволяющий создавать для домочадцев невыносимые условия жизни.

В год потрясений (1848), разоблачая антигуманность существующего мира, К. Маркс утверждал, что «каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровавадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – революционный терроризм» [7].

Можно согласиться с выводом П. Н. Кондрашова о том, что «человек, по Марксу, есть живое уникально-родовое (социально-индивидуальное) материально-духовное существо, способом существования которого является общественная сознательная преобразующая деятельность (праксис), и которое сущностно представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего (тело и психика) и объектно-внешнего (природа, культура, общество, мир символов) бытия, обнаруживающее себя в интересубъективности общественных отношений, и переживающее эти отношения в форме экзистенциальной неравнодушности (страдании)» [8].

Как и у Маркса, взгляды Ф. Энгельса радикализировались довольно рано. Например, юный Фридрих нарисовал картину ужасов, которые несет с собой капиталистическое производство: «Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, <...> начиная уже с шестилетнего возраста, – прямо предназначена для того,

чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. <...> Удел этих людей – мистицизм или пьянство. Достаточно трех лет такой жизни, чтобы физически и духовно их погубить: из пяти человек трое умирают от чахотки, и причина всему – пьянство» [9].

Изучив английский уголовный кодекс (1844), Энгельс пришел к выводу, что он самый строгий в Европе: «Смертная казнь полагается за семь видов преступлений (убийство, государственная измена, изнасилование, содомия, кража с взломом, грабёж с насилием, поджог с целью убийства)» [10].

Первая социологическая монография Ф. Энгельса получила незаслуженно критический отзыв П. Бергера: «Книга <...> “Положение рабочего класса в Англии” (впервые выпущенная в свет в 1845 г. в Германии) почти приобрела статус Священного писания. Можно не сомневаться, что описание ситуации Энгельсом было в высшей степени предвзятым и далеким от беспристрастной оценки имевшихся фактов» [11]. Признавая отчасти справедливыми упреки специалиста, укажем, что пытливый немецкий автор, опираясь на официальные документы (парламентские отчеты комиссий по обследованию условий детского труда, отчеты министру внутренних дел, материалы прессы) и собственные наблюдения, стремился показать, как губительные условия жизнедеятельности сокращают время бытия человека.

Он убедительно доказывает широкую распространенность в стране «социального убийства» (термин заимствован им из рабочей печати): «Общество поставило рабочих в положение, в котором они не могут ни сохранить здоровье, ни долго просуществовать; <...> оно, таким образом, неуклонно, постепенно подтачивает организм рабочих и преждевременно сводит их в могилу, следовательно, его образ действий является не просто убийством, а убийством преднамеренным» [12]. Выводы исследователя соответствуют «картинам», запечатленным не только в документальных источниках, но и в физиологических очерках и романах того времени.

Анализ корпуса сочинений «зрелого» («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), статьи о Гражданской войне в США (1861) и др.) и «позднего» («Капитал» (1867), «Гражданская война во Франции» (1871) и др.) К. Маркса, работ Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» (1850), «Революция и контрреволюция в Германии» (1851–1852), «Заметки о войне» (1870–1871), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Роль насилия в истории» (1887–1888) и др. показал, что марксистская танатосоциология отличается метафоричностью. Капитализм представлялся авторам отжившей системой, пролетариату же суждено сыграть роль «могилищика» «старого мира» и творца «светлого будущего». Тем самым постулировались неизбежность революции и применения насилия по отношению к оппонентам для уничтожения классового антагонизма. По сути, в марксизме речь идет о смерти как в глобальном масштабе (закономерная гибель общественно-экономических формаций – предшественников коммунистического общества), так и об «умирании» на микроуровне – индивида (утрата им личностных качеств в результате жестокой эксплуатации собственниками средств производства).

Логика предложенного подхода представлена в книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом» (1878). Он соглашался с тем, что «невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс». И сделал следующий вывод: «Жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть» [13].

В незаконченном труде «Диалектика природы» (1873–1886) Энгельс также рассуждал в диалектико-материалистическом ключе: «Жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью». По его мнению, «смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тожде-

ственное с душой принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека», он философски заключал: «Жить значит умирать» [14].

Отметим, что К. Маркс «приобщился» к прикладной социологии (1880): им была подготовлена анкета для рабочих, которая включала вопрос «Расскажите о наиболее серьезных несчастных случаях, приведших к увечью или смерти рабочих, имевших место за время вашей работы» [15].

Таким образом, хотя смерть не выделялась Марксом и Энгельсом как тема специального экспертного исследования, этот феномен занимал важное место в их философско-социологических и социально-экономических построениях. Принципиально характер взглядов основоположников марксизма на смерть не менялся с течением времени, доминирующими при этом были диалектический подход и материалистическое понимание истории. В их работах теоретический анализ производился на эмпирическом материале, применялись историко-генетический, историко-сравнительный, системный, структурный и функциональный методы. Именно марксизм заложил основы конфликтологического направления в танатосоциологической экспертизе социальных процессов, опыт наблюдений, разработка опросного листа и тщательная работа с документами придали импульс совершенствованию методов прикладной танатосоциологии. Подчеркнем, что гуманистический посыл К. Маркса стимулировал использование философско-социологических подходов к экспертизе проектов танатологической направленности.

Литература

1. Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Политиздат, 1980. 240 с.
2. Маркс К. Проект закона о разводе (1842) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 163.
3. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король Прусский и социальная реформа» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 434.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 415.
5. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во политической лит-ры, 1974. Т. 42. С. 86–119.
6. Маркс К. Пеже о самоубийстве // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во политической лит-ры, 1974. Т. 42. С. 297–298.
7. Маркс К. Победа контрреволюции в Вене // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 5. С. 526.
8. Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М. : URSS, 2019. С. 163.
9. Энгельс Ф. Письма из Вупперталя. I // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 455–456.
10. Энгельс Ф. Положение Англии. Английская конституция // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 638.
11. Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М. : Прогресс ; Универс, 1994. С. 50–51.
12. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 330.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 21, 124.
14. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 610, 611.
15. Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 234.

О ФЕНОМЕНЕ НАРЦИССИЗМА В ОБЩЕСТВАХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПА

Статья посвящена социально-антропологическим импликациям феномена нарциссизма, который касается проблемы создания себя как субъекта отношения к себе и другому, создания дистанции между собой и обществом. Делается вывод о том, что нарциссизм конститутивен как для субъекта, так и для общества, потому что вся система социального признания, включающая в себя нормы, социальные статусы, законы есть способ структурировать фундаментальную человеческую потребность: представлять ценность в глазах другого. Отмечается, что в то же время феномен нарциссизма определяет некоторые специфические черты, свойственные современным обществам, касающиеся отношения к телу, морали, биографированию поведения, стимулам к деятельности, выбору экзистенциальных приоритетов.

Ключевые слова: нарциссизм, общество, образ, тело, желание, опыт.

А. Е. Smirnov

Saint-Petersburg State University of Civil Aviation, Saint Petersburg

ON THE PHENOMENON OF NARCISSISM IN INDUSTRIAL SOCIETIES AND POST-INDUSTRIAL TYPE

The article is devoted to the socio-anthropological implications of the phenomenon of narcissism. This phenomenon concerns the problem of creating oneself as a subject of attitude towards oneself and another, creating a distance between oneself and society. It is concluded that narcissism is constitutive for both the subject and society. Narcissism is constitutive for society, because the whole system of social recognition, including norms, social statuses, laws, is a way to structure a fundamental human need: to represent value in the eyes of another. At the same time, the phenomenon of narcissism determines some specific features inherent in modern societies regarding attitudes towards the body, morality, biography of behavior, incentives for activity, and the choice of existential priorities.

Keywords: narcissism, society, image, body, desire, experience.

Для понимания некоторых особенностей обществ индустриального и постиндустриального типа и соответствующей экспертной деятельности важен образ Нарцисса. Современная культура зачастую описывается как нарциссическая. Понятие нарциссизма со второй половины XX в. стало междисциплинарным; контекст его употребления простирается от психоанализа до культурологии, от психологии до философии. Почему нарциссизм важен? Это вопрос отношения к себе, вопрос создания себя. Но также это вопрос отношения к другому, вопрос создания дистанции между собой и другим/другими. Цель работы – дать краткую и с необходимостью не полную сводку смыслов, имплицированных в понятии нарциссизма и имеющих выраженные социальные коннотации. В качестве основного источника мы опираемся на работу Б. Гройса «Апология Нарцисса» [1].

Нарциссизм в обыденном сознании понимается как довольство собой, заикленность на себе. У Нарцисса отсутствует интерес к другим. В то же время Нарцисс не интересуется самим собой в качестве развертывания возможностей своей личности. Подлинного, мифологического Нарцисса интересовало совсем другое. А именно – собственный образ, который он предлагает миру. Это и есть то главное, что содержится в образе Нарцисса и что является симптоматичным для современных обществ. Что несет в себе эта забота о собственном образе? Какова ее социально-антропологическая специфика?

Мы не можем собственными средствами увидеть себя со стороны. Целостный образ человека, его собственно-нарциссический образ – внешний для него. Проблема конституирования целостного образа человека, а также дистанции и пространства появляется у Ж. Лакана в известной работе «Стадии зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает в психоаналитическом опыте» (1949). Ситуация, представляемая Лаканом, такова: между ребенком в (возрасте от восьми до восемнадцати месяцев) и его зеркальным двойником впервые появляется дистанция. Но эта дистанция эта гетеротопична: зеркальный двойник, безусловно, отделен от своего «настоящего» визави. С другой стороны, эта ситу-

ция предполагает идентификацию, которая как-бы скрадывает пространственный разрыв. Субъект видит себя целостным, индивидуально существующим и реально присутствующим в мире. Целостная форма в самом деле есть мираж, так как ребенок в этом возрасте еще симбиотически связан с матерью, и проживает жизнь отчасти через ее тело. И этот мираж видит-ся ему субъекту через второй мираж, а именно – как его зеркальное отражение. «Человеческое существо видит свою форму осуществленной, целостной, миражом самого себя – лишь вне себя» [3, с. 187].

Следовательно, в качестве собственного образа мы принадлежим внешнему: миру, в котором живем, обществу. Наконец, просто другому человеку.

В момент, когда мы задумываемся о том, какое впечатление мы производим на других, мы встаем на точку зрения общества. Мы в каком-то смысле отказываемся от себя, так как стараемся увидеть себя так, как нас видят другие. В момент, когда мифологический Нарцисс смотрит в озеро, он видит то, что видят другие; в этот момент он встал на «объективную» точку зрения. Нарцисс в отражении видит себя таким, каким создала его природа. И этот его образ с внешней позиции принадлежит всем и каждому.

Какова специфика нарциссического взгляда? Нарциссический взгляд есть взгляд на себя как на объект. В частности, это может означать: рассматриваемый образ или тело – вещь среди вещей. Особенность современной эпохи и культуры такова, что тело рассматривается именно как тело, а не как, скажем, вместилище духа. Есть две возможных перспективы при взгляде на тело: во-первых, тело как тело живое и желающее, испытывающее голод, жажду, различного рода влечения и потребности. Эта перспектива субъективности, «внутреннего мира» – начиная от когнитивных способностей и заканчивая интенсивностью сугубо чувственных проявлений. Но тело может быть раскрыто и с внешней стороны, как предмет публичной, социальной оценки: «Поскольку мое тело видимо и находится в движении, оно принадлежит к числу вещей, оказывается одной из них, обладает такой же внутренней связностью, как и другие вещи, вплетено в мировую ткань» [5, с. 15]. Нарциссическое желание и есть желание присвоить себе точку зрения других на себя. При этом наличествует неустрашимый разрыв между внутренним опытом тела как живой плоти и внешним взглядом на то же тело как на объект, на вещь среди вещей.

Объективация означает, что другие могут пользоваться объективированным объектом как средством или инструментом. Но Нарцисс не предлагает себя в пользование. Он отвергает попытки нимфы Эхо соблазнить его. Нарцисса нельзя никак использовать, на него можно только смотреть. И Нарцисс полностью удовлетворен собственным отражением. Более того: он неотличим от своего отражения. «Внутреннее» Нарцисса совпадает с его «внешним». Нарцисс жертвует своим внутренним миром ради своего общедоступного образа. При этом нарциссизм становится определенной духовной практикой: «В момент, когда Нарцисс увидел свой образ в озере, он отверг все соблазны мира, все возможности и награды практической жизни в пользу чистого созерцания. В этом отношении разница между нарциссическим созерцанием собственного образа и платоническим созерцанием вечного божественного сияния не так уж велика» [1, с. 8].

Нарцисс, сведенный к своему внешнему, превративший себя в чистый образ, в определенном смысле уже мертв. Нарцисса не волнует его возможная «непосредственная жизнь», о потере которой (вследствие невозможности отказаться от литературного таланта) так сокрушался В. В. Розанов. Нарцисс практикует специфический образ жизни: он не стремится к смерти, но и не сопротивляется ей. Нарциссическое самозабвение противоположно самосохранению. Нарцисс принципиально чужд заботе о себе как о личности. Его жизнь имеет смысл только под взглядом другого.

«Образ Нарцисса в зеркале – ранняя форма селфи» [1, с. 9]. Почему Нарцисс нравится себе? Отнюдь не потому, что он обладает конкретным Я. Он нравится себе, потому что он красив. Но красота трансгуманистична. Цветок имеет иное строение, чем человеческое тело, а картина художника художественным образом отличается от того и другого. Нарцисс сам для себя объект, произведение искусства, эстетической силе которого невозможно противиться.

Маркус Габриэль полагает, что красота превосходит связность сознания и субъекта и так пишет о неотвратимости эстетического опыта: «Наш эстетический опыт является с точки зрения наших логических и моральных обязанностей парадоксом. Это значит, что существует мощный фактор, проявляющей себя в человеческой жизни, который в совершенно радикальном смысле не подлежит человеческому контролю» [4, с. 76].

Нарцисс красив ровно настолько, чтобы полностью выразить себя вовне; следовательно – абсолютно. Абсолютная выраженность вовне означает отсутствие любого возможного «внутреннего». Следовательно – полное отсутствие возможных умыслов, «задних мыслей», того, что хотелось бы скрыть от всех. В отличие от Нарцисса человек обладает «внутренним миром» – желаниями, намерениями, планами, стремлениями, надеждами. Для общества этот «внутренний мир» – темное пространство. Теоретически, другой человек – возможный объект подозрений. Другой лишен непосредственного доступа к тому, что мы думаем и чувствуем. У Нарцисса в этом смысле нет никаких желаний и намерений. Он лишен «внутреннего мира». Нарцисс аскетичен – он всерьез поглощен самосозерцанием.

Нарцисс существует ради взгляда Другого. Когда-то Другим был Бог. В эпоху смерти Бога на его место заняло общество. Общество видит наши тела и души. Это эстетическая и эротическая перспектива. Общество интересуется наш публичный образ. Современная цивилизация нарциссична. А. Кожев, интерпретируя «Феноменологию духа» Г. В. Ф. Гегеля, скажет, что желание быть признанным другим – антропогенно. Это желание делает человека человеком. Точка зрения Гегеля оригинальна: конститутивная черта человеческого существа – не разум, а именно желание. Если разум направлен исключительно на то, что есть, и по существу годен только для констатации некоего положения вещей, то желание способно к деятельному отрицанию действительности, следовательно – к развитию. Но такое желание отрицания наличного состояния (например, чувства голода) может быть свойственно и животному. В чем специфика человеческого желания? Человек (и только он один!) может желать то, чего нет в качестве простого наличия. Подлинным объектом человеческого желания является абсолютное отсутствие объекта как чего-то сущего. Правильное, полноценное, человеческое желание должно быть направлено к тому, что является отсутствием, а не присутствием. Если желание есть чистая негативность, то для того, чтобы она такой и оставалась, к ней не должно примешиваться ничего из наличного. Таково, собственно, и есть само желание. Но должно ли желание желать самого себя? Ни в коем случае, ведь иначе оно станет тождеством. В этой ситуации остается только одно: *желание должно желать другое желание*. Настоящим объектом истинного желания будет *желание другого человека*. Это значит: я желаю завладеть желанием Другого, я желаю быть им признанным в качестве абсолютной ценности – свободного существа. Критерием серьезности намерений является готовность ради признания (себя свободным) рискнуть жизнью: «Именно риск для жизни... абсолютно лишенный всякой биологически обусловленной причины для своего существования... именно этот риск есть то свободное, отрицательное или творческое действие, которое реализует... Человека» [2, с. 83].

Подобно гегелевскому господину, рискующему жизнью ради метафизической цели, Нарциссизм иррационален, не разумен. Разум может быть понят как манифестация страха смерти. Люди разумны, когда они избегают опасных ситуаций. Созерцание опасно и иррационально. В некотором смысле любое созерцание нарциссично. В момент созерцания (например, чтения книги) человек забывает о своих потребностях, об окружающих, ее замечает опасности. Нарцисс, следовательно, любит себя не так как любых себя мы. Мы любим себя в смысле самосохранения. Нарцисс любит себя так, как если бы он любил другое существо. Отстраненно, как тело или вещь в пространстве, как прекрасную форму.

В XIX в. нормой существования полагался неповторимый индивидуальный опыт. Буржуазия придает ценность индивидуальному опыту ввиду его гипотетической уникальности. Нарцисс в этом смысле лишен субъективности. Его опыт есть сама всеобщность. Эрнст Юнг в эссе «Рабочий. Господство и гештальт» покажет, что субъект высокой современности – дендивидуализированный. Это субъект техники, рабочий. Индивидуум есть носитель

деиндивидуализированного опыта, серийного и стандартного. Рабочий – это гештальт; чистая простая универсальная форма. Происходит переоценка субъективных ценностей: ценится только серийное и стандартизированное. Серийность есть своего рода бессмертие, неразрушимость. Научно-технический прогресс есть обещание бессмертия, трансвременности. Бессмертие гарантируется воспроизводимостью. Техника абсолютна: «Техника движется собственным ходом, и человек не может по своей воле оборвать его тогда, когда состояние средств ему покажется удовлетворительным. Все технические задачи должны быть разрешены, и постоянство в технике наступит не раньше, чем будет найдено это решение» [6, с. 266].

Индивидуальность также заменима и воспроизводима. Аура (В. Беньямин) отныне становится униформой. Каковы основания ценить одну индивидуальность больше другой? Индивидуальное должно уподобиться машинному. Цель искусства та же, что и цель технологии: эстетическая трансформация всего мира в соответствии с единым техническим, эстетическим и аполитическим планом. Задача Юнгера: сделать так, чтобы читатель увидел технологию в новом свете. Весь мир – реди-мейд.

Тело также подчинено требованиям упорядоченности и серийности. Атлетические, «сделанные» тела или части тела (губы, грудь, ягодицы) формализованы. Нарциссической подход к построению тела в тренажерном зале задает отключает субъективность: впечатление, чувства, мысли, эмоции, саморефлексию: «для достижения успеха... нужно научиться опустошать свой внутренний мир, изгонять плотские желания и позволять телу действовать помимо всякого сознательного контроля» [1, с. 45]. Тренинг, аскеза выступают здесь как подготовка к будущему: триумфу, возмездию (стандартный сюжет фильмов о боевых искусствах), войне или революции. Мы видим здесь нарциссическую стратегию откладывания, характерная для современной художественной практики. Ожидание – нарциссическая практика по преимуществу.

Таким образом, феномен нарциссизма в обществах индустриального и постиндустриального типа демонстрирует диаграмматические черты, коррелятивные всему социальному полю. Нарциссическое отношение в определенной степени является конститутивным как для субъекта, так и для общества. В наиболее общем смысле об этом можно сказать следующее: нарциссизм конститутивен для субъекта, так как через идентификацию со своим отчужденным образом субъект обретает самосознание. Нарциссизм конститутивен для общества, потому что вся система социального признания, включающая в себя нормы, социальные статусы, законы есть способ структурировать фундаментальную человеческую потребность: представлять ценность в глазах другого. В то же время феномен нарциссизма определяет некоторые специфические черты, свойственные современным обществам, касающиеся отношения к телу, морали, биографированию поведения, стимулам к деятельности, выбору экзистенциальных приоритетов.

Литература

1. Гройс Б. Апология Нарцисса. М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. 112 с.
2. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М. : Логос; Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.
3. Лакан Ж. Семинары, книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М. : Гнозис : Логос, 1998. 432 с.
4. Маркус Г. Власть искусства. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2023. 80 с.
5. Мерло-Понти М. Око и дух. М. : Искусство, 1993. 63 с.
6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб. : Наука, 2000. 539 с.

МЕДИА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭСТЕТИКО-ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ РИСКОВ: РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДЕВАЛЬВАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ

Исследуется трансформация эстетического восприятия в условиях цифровой медиатизации, где алгоритмическая логика и клиповое потребление формируют эпистемические и психологические риски, вытесняющие подлинный эстетический опыт. Обосновывается необходимость перехода медиапространства от поверхностной трансляции контента к реализации «экспертной культуры», основанной на верификации знаний, историко-культурной контекстуализации и критическом осмыслении визуальных образов.

Ключевые слова: цифровая медиатизация, экспертная культура, эстетическое восприятие, эпистемические риски.

N. V. Maslodudova

Siberian Law Institute of MIA of Russia, Krasnoyarsk

MEDIA AS A SPACE OF AESTHETIC-EPISTEMIC RISKS: THE IMPLEMENTATION OF EXPERT CULTURE IN CONDITIONS OF DIGITAL DEVALUATION OF PERCEPTION

The article explores the transformation of aesthetic perception in the context of digital mediatization, where algorithmic logic and clip-based consumption create epistemic and psychological risks that displace genuine aesthetic experience. The author argues for the need for the media space to transition from superficial content broadcasting to the implementation of an "expert culture" based on knowledge verification, historical and cultural contextualization, and critical analysis of visual images.

Keywords: digital mediatization, expert culture, aesthetic perception, and epistemic risks.

Сегодня цифровые медиа представляют собой так называемый ключевой эпистемический интерфейс, который формирует условия восприятия и оценки прекрасного как отдельного человека, так и общества в целом. Алгоритмическая медиатизация эстетических практик порождает ситуацию, в которой беспрецедентная доступность различных образов соседствует с системным обеднением самого опыта переживания этих образов. Этот парадокс коренится не в техническом несовершенстве платформ, а в онтологическом сдвиге, который алгоритмическая логика вносит в саму ткань эстетического отношения. Если классическая традиция от Канта до Мерло-Понти понимала прекрасное как событие встречи, требующее временной протяженности, телесной включенности и герменевтической открытости, то цифровая среда трансформирует созерцание в операцию сканирования.

Алгоритмы рекомендаций, оптимизированные под метрики вовлеченности, конвертируют эстетический импульс в поведенческий паттерн: образ перестает быть объектом рефлексии и становится стимулом для лайка или репоста. В результате мы наблюдаем постепенное размывание границ между глубоким впечатлением и автоматической реакцией. Пользователь контента больше не задается вопросом: «Почему это меня трогает?» или «Какой смысл вложен в это сообщение?», а действует по упрощенной схеме: нравится – делюсь со своими, не заинтересовало – просто листаю дальше. Такой сдвиг несет в себе не только эстетическую, но и познавательную опасность. Когда восприятие сводится к быстрому эмоциональному отклику, способность к долгому вдумчивому чтению, к анализу контекста, к различению подлинного и имитационного постепенно слабеет. Как отмечают исследователи цифровой среды, платформенная логика ставит во главу угла не содержание, а удержание внимания, что ведет к формированию привычки поверхностного контакта с информацией.

Цифровая девальвация восприятия проявляется в том, что эстетический опыт, который традиционно требовал времени, паузы и внутреннего диалога, теперь упаковывается в формат, рассчитанный на доли секунды. Современные пользователи все чаще воспринимают медиасреду не как пространство для осмысления, а как фон для повседневной жизни. Это не означает, что люди стали менее культурными, это означает, что меняется сама структура

внимания, так как оно становится фрагментарным, реагирующим на яркие стимулы, а не на сложные смыслы. В таких условиях познавательный риск заключается в том, что мы начинаем принимать эмоциональную убедительность за истинность, а популярность – за качество. Экспертное знание, требующее проверки, сопоставления источников и готовности признать собственную ошибку, проигрывает в конкуренции с мгновенным «впечатлением», которое не требует доказательств.

Учитывая, что экспертное знание исторически опиралось на традицию внимательного чтения, созерцания, диалогического осмысления, надо признать, что сегодняшняя цифровая фрагментация подрывает саму эпистемологическую основу такой культуры, превращая эксперта из глубинного интерпретатора эстетических явлений в производителя цифрового контента, вынужденного подстраиваться под алгоритмические требования массовой вовлеченности, а не смысловой глубины. Как отмечал Г. Зиммель в своей работе «Понятие и трагедия культуры»: «избыток форм подавляет возможность к их осмыслению», так как мало прочитывать текст, его нужно пережить, а пока нечто не станет для кого-то значимым, это не может быть культурой [3]. В связи с этим необходимо отметить, что фрагментация внимания – это не просто психологический феномен современности, а эпистемическая угроза, которая делает невозможным усвоение экспертного знания, требующего временной протяженности и когнитивной целостности. В этих условиях СМИ, воспроизводящие клиповые форматы, невольно становятся агентами девальвации самой возможности эстетической экспертизы. Как отмечает П. Вирильо: «информационная бомбардировка» ведет к «логистике восприятия», где скорость вытесняет глубину [1].

Кроме того, экспертное знание в эстетике всегда было контекстуальным: оно опиралось на историко-культурную специфику, традицию интерпретации и локальные школы. В то время как гомогенизация лишает экспертизу ее эпистемологического фундамента – возможности сравнивать, сопоставлять, оценивать в системе координат, а не в алгоритмических метриках. Глобальные платформы, оптимизируя контент под максимальный охват, создают универсальный, но лишенный глубины визуальный язык. В связи с этим роль СМИ, как трансляторов экспертного знания, смещается. На наш взгляд, вместо воспроизводства глобальных трендов СМИ должны обеспечивать так называемое «эпистемическое сопротивление» – верификацию, контекстуализацию и критическое осмысление эстетических норм.

Еще одной серьезной проблемой становится сегодня так называемая эпистемическая инфляция. Это процесс, при котором ценность знания определяется не его обоснованностью, верифицируемостью или глубиной, а способностью генерировать вовлеченность, что ведет к замещению экспертного суждения алгоритмической популярностью. Мнение блогера с миллионом подписчиков воспринимается как равное или превосходящее мнение ученого, а «народная эстетика» вытесняет профессиональную критику. В связи с этим выражение Х. Ортега-и-Гассет о том, что «восстание масс» ведет к утрате иерархии компетенций приобретает новую актуальность [9].

Следует признать, что медиасреда действительно стала пространством рисков, требующим, по мнению А. А. Морозовой, создания особой безопасности для «информационно уязвимых категорий населения». [6, с. 54] Но, на наш взгляд, это происходит не потому, что технологии сами по себе вредны, а потому, что мы пока не выработали устойчивых привычек работы с ними. Философский ответ на этот вызов не может сводиться к ностальгическому отрицанию цифрового, а напротив требует выработки того, что можно назвать цифровой эстетической грамотностью. Понимание этого усиливается в условиях масштабного использования возможностей ИИ во всех сферах жизни современного общества. Парадоксально, но отказ от ИИ-инструментов сегодня становится формой профессиональной безответственности педагогов. Студенты уже живут в гибридной реальности: они бессознательно копируют алгоритмические предубеждения, не умея отделять черновик от истины. Оставляя их один на один с «черным ящиком», мы теряем возможность выработать критическую ИИ-грамотность.

Сохранение эстетико-эпистемической целостности требует возврата к простым, но трудным вещам: к умению замедлиться, к готовности перечитывать и пересматривать, к практике проверки впечатлений фактами. Экспертная культура в цифровую эпоху – это не привилегия немногих, а общественный навык, который можно и нужно развивать через образование, публичные дискуссии и сознательное отношение к собственному вниманию. Только тогда медиа перестанут быть лишь конвейером реакций и снова станут пространством, где человек может не только потреблять, но и понимать.

Возрождение эстетического опыта в цифровую эпоху возможно лишь через переосмысление субъективности не как пассивного получателя контента, а как со-творца смыслового поля, способного противостоять логике оптимизации ради сохранения способности удивляться. В этом смысле прекрасное сегодня – это не данность, а задача; не объект потребления, а акт сопротивления против тотальной предсказуемости визуального порядка. Подлинная эстетика, которая требует времени, внимания и внутренней работы, сегодня вытесняется клиповым потреблением и искусственными стандартами, которые генерируются фильтрами и рекомендательными системами, заложенными в действующих алгоритмах. Все наши предпочтения и выборы систематически отслеживаются и анализируются алгоритмами, которые выдают далеко неочевидные результаты. Более того, зачастую создаются откровенно фальшивые представления о действительности, которые воспринимаются людьми как реальные. Сегодня мы наблюдаем развитие взаимосвязи между эстетическим выбором человека как непосредственного субъекта, цифровой обработки этого выбора и самим результатом творческого процесса. Учитывая, что все это находится во взаимовлиянии, нельзя не увидеть направляющую руку заданных алгоритмов, которая диктует те или иные тренды.

В ответ на данные вызовы медиатранспорт призвано трансформироваться из канала поверхностного потребления в институт реализации экспертной культуры. Опираясь на синтез подходов, предложенных А. А. Кошелевым, М. С. Ивченковой [4], О. Б. Кошковец [5], под экспертной культурой в сфере эстетики можно понимать систему верифицированных знаний, методологических подходов и педагогических практик, обеспечивающих критическое восприятие, историко-культурную контекстуализацию и эстетическую оценку визуальных и перформативных образов. Экспертное знание в сфере эстетики сегодня нуждается не в академической изоляции, а в верифицированной медиатрансляции, способной восстановить доверие к глубинным формам восприятия, критическому осмыслению образов и методологически обоснованным практикам эстетического воспитания.

Такие задачи предполагают создание новых форматов взаимодействия медиа со своими пользователями, где глубина не противостоит доступности, а дополняет ее. Новые медиа, желая сохранить рефлексии, должны переносить ее в иные формы: коллективное обсуждение, осознанный отбор информации, практику культурного сопоставления. Задача эксперта сегодня – не диктовать людям готовые оценки, а учить видеть механизмы производства смысла (как работает кадр, почему выбран именно этот заголовок, какие эмоции заложены в монтаж). Именно это может считаться расширенной медиаграмотностью, возведенной в ранг повседневной познавательной и этической практики. Необходимо отметить, что от умения встраиваться в публичный диалог, сохраняя при этом критическую дистанцию, зависит устойчивость экспертного знания в современную цифровую эпоху.

Для нас очевидно, что экспертная культура предполагает институциональную легитимацию. То есть знание признается экспертным не потому, что оно популярно, а потому, что оно прошло процедуры верификации, рецензирования, профессиональной дискуссии. Эпистемическая инфляция подрывает саму возможность такой легитимации, создавая «рынок знаний», где цена определяется не качеством, а виральностью, т. е. способностью контента быстро распространяться среди пользователей, вызывая активное деление и рост аудитории.

Эпистемическая инфляция трансформирует медиасреду в пространство, где «истинность» эстетического суждения определяется не его обоснованностью, а способностью генерировать вовлеченность. В этих условиях СМИ, следующие логике алгоритмического ранжирования, невольно становятся агентами девальвации экспертного знания. Необходимо от-

метить, что реализация экспертной культуры требует сознательного противодействия этой логике – через прозрачность методов, ответственность за контент и диалог с аудиторией.

Нельзя не сказать и о рисках, связанных с психологическим здоровьем человека, возрастающих с развитием цифровых технологий, среди которых особое место занимает проявления деструктивного поведения в интернете, оказывающее существенное воздействие на психологическое состояние личности. «Сегодня появились новые терминологические единицы, характеризующие негативные явления в коммуникации пользователей: кибербуллинг, моббинг, троллинг» [8, с. 19]. Самым часто встречающимся явлением стал именно кибербуллинг, который можно определить как «преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет сервисов» [2].

Виртуальная среда формирует собственную нормативную систему, регулирующую поведение пользователей, в которой действуют как формальные нормы (явно выраженные и зафиксированные правила, устанавливаемые администрацией цифровых платформ), так и неформальные нормы, возникающие стихийно внутри самих интернет-сообществ. К ним относятся неписаные культурные коды, специфический сленг, нормы сетевого этикета (нетикета) и коммуникативные практики, опосредованные мемами. Именно эти неформальные правила зачастую определяют «успешность интеграции пользователя в конкретное онлайн-сообщество» [10]. Под влиянием интернет-сообщества и сформированных в нем медиатизированных стандартов прекрасного, отдельному субъекту становится все сложнее поддерживать свое целостное непатологическое отношение к собственному телу, идентичности и культурной принадлежности. Если К. Маркс говорил об отчуждении субъекта от продукта труда и господстве овеществленного продукта над ним самим, делающего человека беднее и материально и духовно: «чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя» [7, с. 88], то в данном контексте следует говорить о том, что субъект отчуждается от собственного эстетического опыта, воспринимая его через призму внешних, навязанных стандартов и становится неспособным испытывать подлинное удовольствие от искусства без «медийного одобрения», формируя зависимость своей самооценки от лайков и комментариев. Рост психологических рисков, связанных с виртуальной эстетикой, – это уже не просто медицинская статистика, а симптом глубокого эпистемического кризиса: утраты доверия к собственному восприятию.

Экспертное знание в сфере эстетики традиционно выполняло терапевтическую функцию, так как помогал субъекту обрести внутреннюю опору, развить критическое отношение к внешним стандартам и восстановить связь с аутентичным опытом. В условиях цифровой медиатизации эта функция становится критически важной, но одновременно наиболее уязвимой, так как экспертные голоса тонут в шуме коммерциализированных нарративов. Экспертная культура в этой ситуации призвана выполнять функцию «когнитивной иммунизации» – формировать у аудитории способность отличать аутентичный эстетический опыт от алгоритмически сгенерированных симулякров. СМИ, реализующие эту культуру, становятся не просто каналом информации, но институтом психологической и культурной устойчивости и для человека, и для общества в целом.

В российском социокультурном контексте функцию противостояния алгоритмическим симулякрам берут на себя образовательные учреждения, в которых воспитательная работа стала последние годы обязательной частью всех образовательных программ и включает в себя наряду с другими направлениями эстетическое воспитание. Школа и, особенно, вузовская гуманитарная среда приобретают роль важных «оазисов смысла», противостоящих поверхностному визуальному потоку. Здесь задача заключается не только в передаче знаний об искусстве, но в формировании самой способности к вдумчивому восприятию, критическому осмыслению образов и творческому самовыражению. Анализируя воспитательную работу в своем вузе (Сибирский юридический институт МВД РФ), которой сейчас уделяется особое значения и к которой постоянно привлекается профессорско-преподавательский состав гу-

манитарных кафедр, можно с уверенностью сказать, что направленная на реализацию патриотического, нравственно-этического и эстетического воспитания, она реализуется в тесной связи с огромным числом медиаконтентов. В связи с этим очень важно, чтобы эти медиаконтенты были не фоном, а реальным материалом для воспитания, так как патриотизм, нравственность и эстетическое чувство не передаются через готовые шаблоны, а вырабатываются в умении отличать подлинное от наигранного, сложное от упрощенного, вечное от сиюминутного. Важно понимать, что этические и эстетические установки сегодня формируются не сверху, а в процессе постоянного сравнения и обсуждения, где педагог все еще выступает для большинства обучающихся признанным экспертом.

Большую роль играют и вузовские клубы, которые формируют субкультуру, внутри которой создается особая коммуникативная среда, основанная на общих ценностях труда, уважения к мастерству, взаимной поддержки и ответственности за общий результат. Необходимо признать, что современная клубная работа, являясь действенным инструментом эстетического воспитания, где молодые люди не пассивно потребляют стандартизированные цифровые образы, а активно соучаствуют в создании живой, аутентичной красоты, тем самым отстаивая свою человеческую индивидуальность и способность к глубокому переживанию в условиях вызовов цифровой эпохи, является институциональной формой трансляции экспертного знания. Можно сказать, что это практическое преодоление «эстетического вакуума» через личное вовлечение, творчество и живое общение. В нашем вузе это представлено вокальным ансамблем, танцевальным ансамблем, клубом веселых и находчивых (КВН). Участники этих коллективов составляют ядро всего творческого процесса обучающихся и могут рассматриваться как эксперты, чье мнение становится важным и значимым для других в современном информационном потоке.

Говоря же о роли СМИ в условиях новых глобальных вызовов, необходимо отметить, что эта роль должна смещаться от пассивной трансляции визуального контента к активному институту реализации экспертной культуры. Только через партнерство медиаинфраструктуры с образовательными и творческими институтами возможно преодолеть цифровую девальвацию восприятия, вернув эстетическому знанию статус верифицированного, этико-ориентированного и культурно укорененного ресурса. Именно в этом контексте медиасреда перестает быть зоной риска и становится платформой когнитивной устойчивости общества. СМИ могут трансформироваться из агентов риска в институты реализации экспертной культуры, если:

- 1) внедряют эпистемическую прозрачность (будут объяснять, как формируются рекомендации, кто стоит за контентом);
- 2) обеспечат контекстуализацию (начнут связывать эстетические тренды с историко-культурной традицией);
- 3) разовьют медиаграмотность аудитории (будут учить критическому восприятию визуального контента);
- 4) создадут партнерства с экспертными институтами (вузами, музеями, исследовательскими центрами) для верификации того или иного контента.

Надо признать, что у СМИ есть реальные механизмы, через которые они могут реализовывать экспертную эстетику. К ним можно отнести:

- 1) экспертную культурную журналистику (интервью с педагогами, разбор эстетических трендов с привлечением философов/психологов);
- 2) документальные и образовательные медиапроекты (трансляция репетиций, мастер-классов, исторических контекстов творчества);
- 3) медиаграмотность и фактчекинг эстетических нарративов (противодействие дисморфическим стандартам, разоблачение манипулятивных фильтров);
- 4) алгоритмическая прозрачность и кураторские платформы (партнерство СМИ с вузами для создания верифицированных эстетических рекомендаций вместо «черного ящика» соцсетей).

Таким образом, новые глобальные вызовы, к которым мы отнесли: когнитивные, культурные, эпистемические и психологические, – требуют переосмысления роли СМИ в современной цифровой цивилизации. СМИ должны стать активным социальным институтом реализации экспертной культуры. Только через сознательную эпистемическую политику, основанную на верификации, контекстуализации и этической ответственности, медиасреда сможет преодолеть цифровую девальвацию восприятия и вернуть эстетическому знанию статус ресурса когнитивной и культурной устойчивости общества.

Литература

1. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. URL: https://royallib.com/read/virilio_pol/informatsionnaya_bomba.html#0 (дата обращения: 12.04.2026).
2. Ефимова Е. С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // Успехи в химии и химической технологии. 2014. Т. 28, № 7. С. 65–66.
3. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры. URL: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/61338-g-zimmel-ponyatie-i-tragediya-kultury.html> (дата обращения: 13.04.2026).
4. Кошелев А. А., Ивченкова М. С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 36–43. URL: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4> (дата обращения: 13.04.2026).
5. Кошковец О. Б. Особенности экспертного знания в России (на примере становления российского Форсайта) // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 25–43.
6. Морозова А. А. Медиаграмотность информационно уязвимых групп в цифровой культуре XXI века: обзор ведущих концепций // Вестник культуры и искусства. 2019. № 2 (58). С. 54–60.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42.
8. Маслодудова Н. В. Психологическая безопасность личности в виртуальной среде // Автономия личности. 2026. № 2 (39). С. 18–24.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. URL: https://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf (дата обращения: 16.04.2026).
10. Щелин И. В., Петроченко И. А. Когнитивная, поведенческая и эмоциональная составляющие коммуникативного поведения подростков в информационном пространстве // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 81–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-povedencheskaya-i-emotsionalnaya-sostavlyayushchie-kommunikativnogo-povedeniya-podrostkov-v-informatsionnom?ysclid=mi0648wk28363736247> (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 321.01:004.7

Д. А. Блишун

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ В ЭПОХУ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧАСТИЯ И КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анализируется трансформация политических сетей под воздействием алгоритмической власти. Рассматриваются механизмы, с помощью которых цифровые алгоритмы перестраивают структуру политического участия и контроля. Особое внимание уделяется феномену «алгоритмического кураторства», изменению роли традиционных экспертных институтов, феномену «киборг-пропаганды» и появлению новых форм сетевой мобилизации. Делается вывод, что алгоритмическая власть создает парадокс: расширяя возможности участия, она одновременно усиливает невидимые формы контроля, размывая классические представления о политической субъектности. На основе анализа кейсов (аннулирование выборов в Румынии 2024 г., технология Community Notes X, платформа vTaiwan) предлагаются направления демократизации алгоритмического управления.

Ключевые слова: политические сети, алгоритмическая власть, цифровое пространство, политическое участие, киборг-пропаганда, социальные медиа, цифровой авторитаризм.

D. A. Blishunov

Kemerovo State University, Kemerovo

POLITICAL NETWORKS IN THE ERA OF ALGORITHMIC POWER: TRANSFORMATION OF PARTICIPATION AND CONTROL IN THE DIGITAL SPACE

The article analyzes the transformation of political networks under the influence of algorithmic power. The mechanisms by which digital algorithms reshape the structure of political participation and control are examined. Spe-

cial attention is paid to the phenomenon of "algorithmic curation," the changing role of traditional expert institutions, the phenomenon of "cyborg propaganda," and the emergence of new forms of network mobilization. The author concludes that algorithmic power creates a paradox: while expanding opportunities for participation, it simultaneously strengthens invisible forms of control, blurring classical conceptions of political subjectivity. Based on the analysis of case studies (annulment of the 2024 Romanian election, X's Community Notes technology, the vTaiwan platform), directions for the democratization of algorithmic governance are proposed.

Keywords: political networks, algorithmic power, digital space, political participation, cyborg propaganda, social media, digital authoritarianism.

Цифровая трансформация политики давно перестала быть только темой футурологических прогнозов. Сегодня социальные медиа, поисковые системы, рекомендательные алгоритмы и платформенные экосистемы стали полноправными акторами политического процесса. Однако наиболее значимый сдвиг связан не столько с появлением новых каналов коммуникации, сколько с формированием принципиально иного типа власти – алгоритмической. Как отмечает С. Н. Федорченко, «алгоритмы становятся носителем структурного насилия (невидимой, но реальной угрозы применения санкций в отношении несогласных с действующими правилами цифровой коммуникации). Власть алгоритмов выявлена в том, что они начинают определять гражданину, что для него лучше, а что нет, в том числе и в политической сфере». При этом, подчеркивает исследователь, тот, кто владеет управленческими алгоритмами, выстраивающими коммуникационные процессы и определяющими интерфейс и функционал коммуникации, тот и обладает алгоритмической властью.

Данная статья ставит целью исследовать, как алгоритмическая власть трансформирует политические сети, изменяя баланс между участием и контролем в цифровом пространстве. В отличие от существующих работ, фокусирующихся преимущественно на феномене «фильтрующих пузырей» или технологиях цифрового надзора, предлагаемый анализ охватывает три взаимосвязанных измерения: онтологическое (как алгоритмы конституируют политическую реальность), инструментальное (как алгоритмы используются для управления поведением) и институциональное (как трансформируются экспертные и политические институты в условиях алгоритмизации).

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепция «алгоритмической власти» Т. Буше (Т. Bucher) [1] понятие «алгоритмической правительственности» А. Рувруа и Т. Бернса (А. Rouvrou & Т. Berns) [2], а также теория «сетевого авторитаризма» как новой формы политического режима, предложенная Ю. Б. Бочаровым.

Классические теории политических сетей (П. Бурдьё, М. Кастельс, Д. Ноук) [3] исходили из относительной автономии акторов, которые вступают в кооперацию, обмениваются ресурсами и влиянием. Интернет первоначально воспринимался как среда, усиливающая горизонтальные связи, снижающая иерархичность и дающая голос маргинализированным группам. Действительно, в 2000–2010-е гг. возникли массовые движения, где координация происходила через децентрализованные сети Facebook, Twitter и Telegram.

Однако с течением времени стало очевидно, что цифровые платформы не нейтральны. Их архитектура, алгоритмы ранжирования и модерации активно конструируют сетевую топологию. Как отмечает Т. Гиллеспи (Т. Gillespie), алгоритмы – это не просто технические инструменты, а «социальные структуры, принимающие решения о видимости». Политическая сеть сегодня формируется не только прямыми связями между акторами, но и невидимым алгоритмическим кураторством: что пользователь видит в ленте, кого ему предлагают добавить в друзья, какой контент признается «популярным» или «трендовым» [4].

Он убедительно демонстрирует, что «алгоритмы не просто обладают властью и политикой; они помогают производить определенные формы действия и познания в мире. В процессе обработки, классификации, сортировки и ранжирования данных алгоритмы политичны в том смысле, что они помогают миру являться определенным образом, а не иным».

Исследователи из Балканской инициативы свободных медиа вводят понятие «тиктократии» (TikTokcrasy) для описания ситуации, когда политики могут быть избраны не благодаря подлинной демократии, а посредством сфабрикованной популярности [5]. Что происхо-

дит, когда сама информационная среда становится оружием? Эти вопросы ставят под сомнение базовые допущения либеральной демократической теории.

Ключевые механизмы алгоритмической власти включают: селекцию и фильтрацию (определение того, какая информация доходит до пользователя); ранжирование (порядок отображения контента, влияющий на восприятие его значимости); профилирование (сбор и анализ данных для предсказания поведения); модерацию (удаление или ограничение распространения определенного контента). Исследование, проведенное на платформе X с участием почти 5000 пользователей, показало, что «алгоритмические ленты увеличивают вовлеченность по сравнению с хронологическими лентами, одновременно сдвигая определенные политические установки и изменяя смесь политического контента, с которым сталкиваются пользователи». При этом рекомендательные системы также влияют на то, какие аккаунты пользователи обнаруживают и решают подписаться на них, постепенно формируя сети, определяющие их информационную среду.

Субъектами алгоритмической власти выступают прежде всего крупные технологические корпорации (Meta, Google, X, TikTok), которые владеют инфраструктурой цифрового пространства. Э. Браун (E. Brown) в работе «Democracy Needs Reach» утверждает, что «неравное распределение алгоритмического охвата на платформах социальных медиа подрывает равенство возможностей политического влияния, которое является центральным демократическим идеалом» [6]. Однако государства также активно развивают собственные алгоритмические системы контроля. Так, в исследовании цифрового авторитаризма отмечает, что «интеллектуальные технические системы в автократиях поддерживают в первую очередь незыблемость режима на основе контроля над большими данными, эксплуатации садомазохистских тенденций в обществе, пропаганды посредством новых медиа и социальных сетей» [7].

Алгоритмы, оптимизирующие вовлеченность, отдают предпочтение эмоциональному, конфликтному и часто радикальному контенту. Как отмечается в исследовании, посвященном алгоритмической радикализации, «алгоритмы непреднамеренно отдают предпочтение эмоционально заряженному, неоднозначному, сенсационному и радикальному контенту – как правило, именно такому, который постят ультраправые сообщества, политики и движения». Это напрямую влияет на современную политику: радикальные посты вызывают больше кликов и реакций и лучше учитываются алгоритмами [8]. Пользователи оказываются в специфических информационных пузырях, причем, как подчеркивают исследователи, «это не ошибка, а структурная особенность платформ, созданных для того, чтобы пользователи прокручивали посты, делились ими и прятались в идеологические эхо-камеры».

Эмпирические исследования, однако, показывают более сложную картину. Систематический обзор литературы, охватывающий 15 рецензируемых исследований (2020–2025 гг.), выявил, что «хотя пузыри фильтров и эхо-камеры напрямую не вызывают политическую поляризацию, их механизмы могут способствовать ее усилению при определенных условиях. Эхо-камеры получили убедительное эмпирическое подтверждение, особенно в отношении сетевой поляризации, обусловленной селективным воздействием и партийной блокировкой». В то же время «экспериментальные исследования показали, что одни только алгоритмы оказывают лишь умеренное влияние на поляризацию». Таким образом, поляризация – это комплексный феномен, в котором алгоритмические факторы переплетаются с социально-психологическими механизмами селективного восприятия.

Эксперимент, проведенный в преддверии президентских выборов в США 2024 г. с участием 1256 пользователей X, предоставил прямое доказательство того, что «изменение ранжирования для изменения уровня воздействия контента с антидемократическими установками и партийной враждой значительно влияет на аффективную поляризацию.

Это создает новые вызовы для социологической экспертизы, традиционно опиравшейся на верифицируемые методы сбора и анализа данных.

Парадокс алгоритмической власти в том, что она расширяет участие, но одновременно внедряет более изощренные формы контроля. В отличие от прямого государственного надзора, алгоритмический контроль действует превентивно и автоматически. Например, ал-

горитмы поиска Google могут понижать в выдаче сайты с «нежелательным» мнением, не удаляя их формально. Системы автоматической модерации блокируют контент до того, как его увидит аудитория, на основе не всегда прозрачных критериев.

Т. Бакс (Т. Вах) вводит понятие «алгоптикона» (algotpicon), которое обозначает «качественную трансформацию того, как власть действует через данные, предсказания и автоматизацию» [9]. Алгоптикон («не просто заменяет предыдущие рамки, но сублатирует их (отрицает, сохраняет и возвышает): видимость становится невидимостью, дисциплина становится предсказанием, а наблюдение становится алгоритмической категоризацией»). Автоматизируя контроль и встраивая его в повседневную жизнь, алгоптикон изменяет субъективность, перестраивает агентность и углубляет асимметрию власти [10].

Для политических сетей это означает, что их структура и динамика оказываются заложниками «черных ящиков» – алгоритмов, внутренняя логика которых не раскрывается и не подлежит общественному контролю [11]. Участники сети могут быть уверены, что они свободно общаются, но на самом деле их коммуникация уже отфильтрована, отранжирована и, возможно, записана. Исследователи подчеркивают, что «непрозрачность алгоритмических систем подрывает демократическую подотчетность», и предлагают выйти за рамки простой транспарентности к более фундаментальной демократизации алгоритмического управления [12].

Ю. Б. Бочаров, разрабатывая индекс цифрового суверенитета GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), исследует «феномен сетевой автократии как новой формы политического режима, сохраняющего формальные демократические институты при институционализации алгоритмического контроля над процессами участия и принятия решений» [13]. Проведенный анализ 194 стран показывает, что страны Глобального Юга, Ближнего Востока и Восточной Азии, обладающие высоким уровнем цифрового суверенитета, систематически занижены в традиционных индексах демократии, тогда как государства евроатлантического блока имеют завышенные рейтинги.

Существуют альтернативные модели, демонстрирующие, как алгоритмы могут служить демократическим целям. Концепция «мостиковых алгоритмов», предложенная Л. Торберном (L. Thorburn), предполагает «любой метод ранжирования альтернатив – будь то посты в социальных сетях, предложения по политике, ответы на опросы или кандидаты на выборные должности – который помогает строить взаимопонимание и доверие через разделения» [8]. Наиболее распространенный подход – выявление предложений, представляющих собой «разнообразное одобрение», т. е. одобренных людьми, которые обычно не согласны друг с другом.

Наиболее известным примером является Community Notes на платформе X, где «люди могут предлагать заметки, добавляющие важный контекст к твитам, которые они считают вводящими в заблуждение, но эти заметки публично отображаются только в том случае, если алгоритм определяет, что они, вероятно, будут оценены как полезные людьми с обоих концов политического спектра». Этот алгоритм является открытым исходным кодом, что обеспечивает прозрачность и возможность независимого аудита.

Другим примером служит платформа vTaiwan на Тайване, использующая алгоритм для генерации мнений и консенсуса по публичным вопросам. Д. Мотс и Ю.-Ш. Ценг исследовали, как «один конкретный вопрос (легализация Uber) формировался и переформировывался пользователями, модераторами и алгоритмами на платформе vTaiwan с течением времени». Хотя алгоритм сортировал мнения в бинарную позицию «за» и «против» Uber, комментарии предполагали более нюансированные позиции и потенциал для диалога [14].

Политические сети в эпоху алгоритмической власти демонстрируют глубокую амбивалентность. С одной стороны, они становятся более гибкими, инклюзивными и оперативными. С другой – попадают в зависимость от непрозрачных алгоритмических посредников, что порождает новые асимметрии власти и контроля. Для политической науки и экспертных институтов это ставит ряд вызовов: необходимость разработки методологии анализа алгоритмических сетей, проблема этической оценки алгоритмической власти, поиск способов демократического контроля над цифровыми платформами. Возможным направлением про-

тивоедействия является развитие «алгоритмической грамотности» среди граждан и создание независимых алгоритмических аудитов.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на сравнительном анализе алгоритмических режимов в разных политических системах, изучении низовых практик сопротивления алгоритмическому контролю (использование анонимных сетей, децентрализованных платформ), а также на разработке нормативных рамок, обеспечивающих прозрачность и подотчетность алгоритмических систем.

Литература

1. Bucher T. If...Then: Algorithmic Power and Politics. New York: Oxford University Press, 2018. 200 p.
2. Rouvroy A., Berns T. Algorithmic governmentality and prospects of emancipation // *Reseaux*. 2013. Vol. 177, N 1. P. 163–196.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. 564 с.
4. Gillespie T. The Relevance of Algorithms // *Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society* / ed. by T. Gillespie, P. Boczkowski, K. Foot. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 167–194.
5. Horrocks P. TikTokcracy: When Algorithms Manufacture Support and Decide Elections // *Balkan Free Media Initiative*. 2025. URL: <https://www.balkanfreemedia.org/tackling-tiktokcracy-in-the-balkans> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Brown É. Democracy Needs Reach: Political Equality, Online Speech, and Algorithmic Recommendation // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2025. URL: <https://philarchive.org/archive/BRODNR-7v3> (дата обращения: 20.04.2026).
7. Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитет // *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5, № 2. С. 3–18.
8. Thorburn L. Bridging Algorithms as Practical Tools for Depolarisation // *Peace in Progress magazine*. 2025. URL: <https://www.icip.cat/perlapau/en/article/bridging-algorithms-as-practical-tools-for-depolarisation/> (дата обращения: 20.04.2026).
9. Bax T. Rise of the algopticon: the algoptic gaze in the age of algorithmic governance and surveillance capitalism // *AI & SOCIETY*. 2025. Vol. 40. P. 1–18.
10. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Цифровое управление: поиск новых моделей государственного управления в современной ситуации // *PolitBook*. 2025. № 4. С. 6–20.
11. Блишунув Д. А., Чирун С. Н. Актуальные технологии информационной войны и стратегических коммуникаций // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2024. № 3 (64). С. 17–23.
12. Чирун С. Н., Блишунув Д. А., Патриотизм и патриотическое воспитание в современном информационно-коммуникационном пространстве: технологии, процессы, институты // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2025. № 2 (67). С. 11–16.
13. Бочаров Ю. Б. Индекс цифрового суверенитета GASI: выявление политизации глобальных рейтингов демократии и новые параметры сетевых режимов // *Россия и мир: научный диалог*. 2026. № 1. С. 9–24.
14. 基于算法的民主参与认知异化、价值异化与行为异化 // *万方数据*. 2025. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/scsfxxyb-zxsh202504002> (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 316.74

В. В. Полякова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛАХ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ САЙТОВ ШКОЛ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Представлены результаты анализа официальных сайтов общеобразовательных учреждений г. Екатеринбурга за период 2019–2025 гг. На основе выделенной системы формальных критериев патриотического воспитания зафиксирован структурный разрыв между универсально распространёнными (например, «разговоры о важном») и ресурсоёмкими (например, кадетские классы) формами воспитания. Через районную и типологическую дифференциацию анализируется понятие «скрытого неравенства воспитательных возможностей». Предлагается трёхуровневая модель экспертной оценки, различающая формальную регистрацию, институциональный контекст и смысловые эффекты.

Ключевые слова: социология воспитания, патриотическое воспитание, социология школы, экспертная деятельность, неравенство образовательных возможностей.

**PATRIOTIC EDUCATION IN MODERN SCHOOLS: AN EXPERT ANALYSIS
OF YEKATERINBURG SCHOOL WEBSITES**

The article presents the results of an analysis of the official websites of Yekaterinburg's general education institutions for the period 2019–2025. Using a defined system of formal criteria for patriotic education, a structural gap is identified between universally common (e.g., “conversations about important things”) and resource-intensive (e.g., cadet classes) forms of education. The concept of “hidden inequality of educational opportunities” is analyzed through district and typological differentiation. A three-tiered expert assessment model is proposed, distinguishing between formal registration, institutional context, and semantic effects.

Keywords: sociology of education, patriotic education, sociology of school, expert activity, inequality of educational opportunities.

В системе российского образования последнего десятилетия последовательно разворачивается политика реинституционализации патриотического воспитания. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (в рамках национального проекта «Образование», 2021–2024 гг.) [7], введение обязательных «Разговоров о важном» (с 2022 г.), еженедельных церемоний поднятия государственного флага, а также институциональная поддержка «Юнармии» и «Движения Первых» сформировали нормативную среду, в которой патриотическая активность школы стала не факультативной, а обязательной характеристикой её деятельности.

Однако с точки зрения социологической экспертизы данная политика сталкивается с фундаментальным эпистемологическим препятствием. Существующая практика отчетности фиксирует, как правило, «факт проведения мероприятия», но оставляет за рамками анализа три критически важных измерения: «содержательное наполнение» проведённых активностей (ритуал или рефлексия), «восприятие этих активностей» адресатами – учащимися и «системные побочные эффекты» (от ритуального цинизма до скрытого отторжения). Данный разрыв между «отчётной» и «реальной» картиной представляет собой одну из классических проблем социологического знания: формальная структура может существенно расходиться с неформальными практиками.

Теоретической основой проведенного исследования выступила трёхкомпонентная теоретическая конструкция, базирующаяся на элементах исторической социологии (Э. Дюркгейм), теории «скрытого учебного плана» (Ф. Джексона, П. Бурдые) и концепции неравенства в образовании, наиболее близко описывающая современную неоднородную ситуацию при реализации механизмов патриотического воспитания.

Современные практики патриотического воспитания не являются «*tabula rasa*» (И. С. Кон, Е. Л. Омельченко) многие из них восходят к советским институциональным формам: смотры строя и песни, «Вахты памяти», встречи с ветеранами, военно-патриотические игры («Зарница»). Однако в советский период эти практики были встроены в разветвлённую систему пионерской и комсомольской социализации, обладавшую кадровыми, материальными и временными ресурсами, а также безусловным идеологическим консенсусом (по крайней мере, на уровне публичной риторики). После 1991 г. эта система распалась. В 1990–2000-е гг. воспитательная деятельность была де-факто деидеологизирована, что создало то, что некоторые исследователи называют «воспитательным вакуумом» [6]. Реинституционализация 2010–2020-х гг. происходит в качественно иных условиях: школа перегружена учебными нормативами (ОГЭ, ЕГЭ, ВПР, ФГОС), родительское сообщество атомизировано и часто скептически относится к государственным воспитательным инициативам, а сама идея «патриотизма» стала предметом острых общественных дискуссий. Следствием является «гибридный характер» современных практик: старые ритуалы воспроизводятся, но часто лишаются своего прежнего организационного и смыслового каркаса.

Концепция «скрытого учебного плана», введённая Ф. Джексоном и развитая П. Бурдые, утверждает, что школа транслирует социальные нормы и ценности не только через явные учебные и воспитательные мероприятия, но и через структуру повседневного взаимо-

действия: иерархию, дисциплинарные практики, систему поощрений и наказаний, организацию пространства и времени [1; 2]. С точки зрения нашего исследования это означает, что факт проведения «Разговоров о важном» может иметь кардинально разный воспитательный эффект в зависимости от того, идёт ли он в режиме живого диалога с элементами критического осмысления или в режиме формального чтения методических рекомендаций. Экспертиза, опирающаяся только на бинарный индикатор «проведено / не проведено», принципиально не различает эти два режима, что составляет её фундаментальное ограничение.

Социологическая концепция неравенства (территориального) в образовании предполагает, что интенсивность и состав патриотических практик варьируются не только случайным образом, но и системно – в зависимости от типа школы (гимназия, лицей, общеобразовательная школа) и её районной принадлежности. За этим стоят различные комбинации факторов: возраст и состояние зданий, текучесть кадров, наличие или отсутствие активных управляющих советов, близость к учреждениям культуры (музеям, театрам), административный ресурс района. Таким образом, введение таких переменных как «тип школы» и «район города» позволяет перейти от общих оценок к «социологически дифференцированной экспертизе» и выявить зоны структурного неравенства, которое не фиксируется федеральной отчётностью.

Проведенное исследование представляет первый этап экспертной работы по построению стандартизированной и верифицируемой базы данных формальных индикаторов патриотического воспитания доступным для независимого мониторинга способом – через открытые источники, в данном случае через официальные сайты школ. В рамках заявленного проекта было проанализировано 163 сайта общеобразовательных учреждения г. Екатеринбурга (в выборку попали все доступные для анализа учреждения). В рамках социологической экспертизы проведенный контент-анализ позволил сформировать базу данных и выявить структурные закономерности и зоны риска на муниципальном уровне.

На основании анализа федеральных документов и региональной практики был разработан перечень критериев, позволяющих замерить наличие различных форм патриотического воспитания в деятельности общеобразовательных учреждений г. Екатеринбурга.

Проведенная экспертиза позволила зафиксировать не содержание самого мероприятия и его воспитанный потенциал, а его репрезентацию на официальном сайте. Таким образом мы получили «карту публичной самопрезентации» школ в сфере патриотического воспитания (рис. 1).

Абсолютная универсальность «Разговоров о важном» (100 %) объясняется их нормативным закреплением в федеральном учебном плане – это форма, от отчётности по которой школа не может уклониться. Высокие показатели олимпиад (84 %) и посещения музеев (83 %) отражают, с одной стороны, давнюю традицию внеурочной работы, с другой – относительную простоту организации (не требуют специальной аккредитации или военного партнёрства).

К наименее распространенным формам относятся, прежде всего, кадетские классы в школах – разрыв между 100 % и 12 % – это не случайность, а системная характеристика. Кадетские классы требуют лицензирования, специально подготовленных педагогов, договоров с воинскими частями, согласия родителей, а также выделенных помещений и формы. Военные сборы (17 %) также наталкиваются на организационные барьеры и, вероятно, родительские опасения. Таким образом, формируется «двухслойная структура»: слой «обязательного минимума», охватывающий все школы, и слой «ресурсоёмкой вариативности», доступный только меньшей части образовательных учреждений.

Таким образом, формальное равенство (все школы проводят «Разговоры о важном») сочетается с глубоким ресурсным неравенством в возможности реализовать более сложные, затратные и интенсивные формы патриотической работы. Федеральный мониторинг в рамках проекта «Патриотическое воспитание» запрашивает у школ только отчёты о факте проведения мероприятий патриотической направленности. Соответственно, разрыв между обязательным минимумом и ресурсоёмкими практиками системно не отслеживается, т. е. экспертная оценка, ограничивающаяся проверкой федеральных требований, эту зону риска не фиксирует.

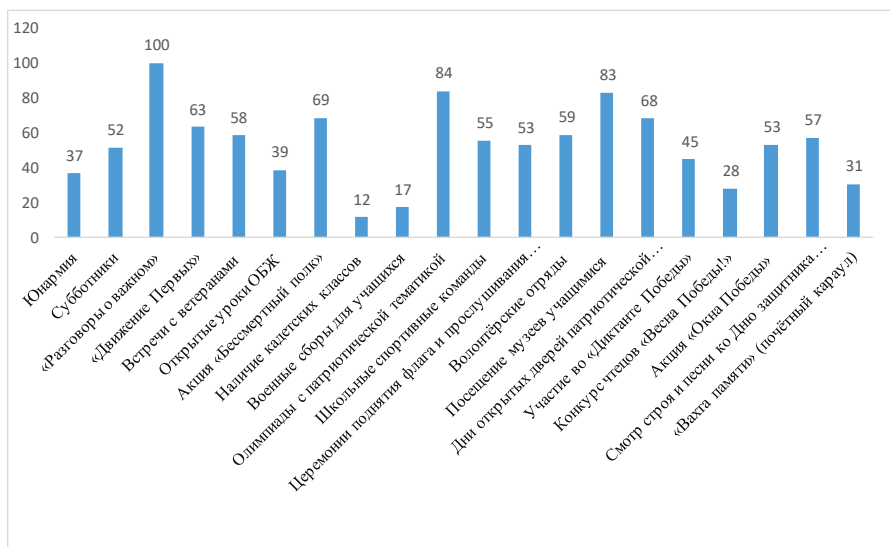

Рис. 1. Формы патриотического воспитания в школах Екатеринбурга, %

Дифференциация в зависимости от формы учебного заведения статистически незначима (вклад гимназий в патриотическое воспитание на 1,1 процентного пункта выше, относительно лицеев), однако её направление устойчиво воспроизводится по всем критериям, что может указывать на системный эффект. Исторически гимназии в российской традиции ориентированы на гуманитарную и воспитательную составляющую, тогда как лицеи (особенно естественно-научные и технические) делают акцент на академической интенсивности. Советское наследие противопоставления «воспитание» (гимназии/обычные школы) и «знания» (спецшколы, лицеи) продолжает работать, что является может выступать основой для дальнейшего исследовательского анализа.

Одна из задач исследования заключалась в попытке выявить дифференциацию в социальной географии патриотического воспитания – наиболее контрастные результаты получены при сравнении школ по восьми административным районам г. Екатеринбурга. Важно отметить, что все районы города имеют свои специфические особенности формирования и социокультурного развития, разную площадь и инфраструктурную наполненность, соответственно количество общеобразовательных учреждений в каждом из районов разное (рис. 2).

Академический район – самый молодой и наиболее ресурсно-обеспеченный район города с новой инфраструктурой и высокой концентрацией современных школ получил самый высокий средний индекс патриотического воспитания (табл.). Самый низкий показатель у Кировского района (где расположен Уральский федеральный университет, студенческие общежития и значительное число школ советской постройки) – это гипотетически может объясняться кадровой текучестью, износом зданий, отсутствием активных управляющих советов. Важно отметить, что полученные результаты фиксируют не разницу в «патриотичности» учителей или учащихся, а неравенство воспитательной среды на муниципальном уровне, которое не связано с федеральными стандартами и требованиями. Выявленное неравенство может выступать основой для формирования управленческих решений.

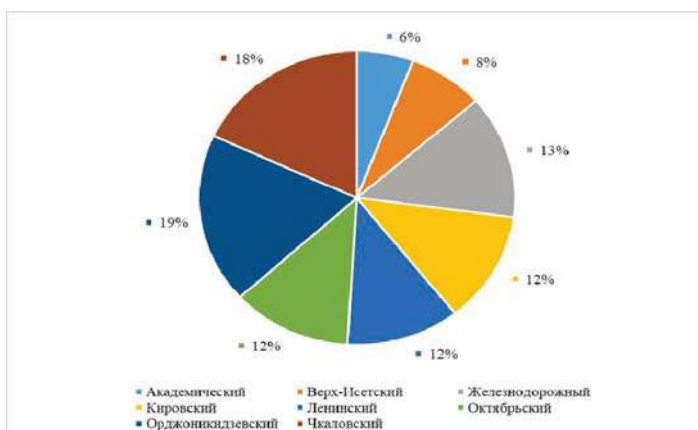

Рис. 2. Распределение школ г. Екатеринбурга по административным районам, %

Средний индекс активности школ в сфере патриотического воспитания
(по административным районам г. Екатеринбурга)

Район города	Средний индекс патриотического воспитания*
Академический	12,00
Железнодорожный	11,19
Октябрьский	10,63
Верх-Исетский	10,55
Ленинский	10,50
Орджоникидзевский	10,41
Чкаловский	10,36
Кировский	10,26

* Рассчитан как средние значение представленности форм патриотического воспитания на сайтах школ района (max = 12)

В целом анализируя представленность элементов патриотического воспитания на сайтах школ города Екатеринбурга (с учетом административных районов) можно выделить следующие особенности:

✓ Академический район, являясь лидером по общему индексу активности, демонстрирует относительное отставание по военно-прикладным формам (кадеты, военные сборы – совсем не представлены), что скорее всего, связано со спецификой образовательной модели района. С другой стороны, в районе с особым вниманием относятся к развитию спортивных и волонтерских мероприятий.

✓ Железнодорожный район показывает высокую активность в реализации ключевых мероприятий: «Разговоры о важном» (21 %), олимпиады (17 %), музеи (15 %). При этом кадетское движение развито слабо (менее 10 %) – здесь возможно дальнейшее развитие военно-патриотических форм.

✓ Октябрьский район демонстрирует чуть менее активную позицию по ключевым элементам – «Разговоры о важном» (19 %), олимпиады (15 %), музеи (15 %). Одновременно, институциональные формы воспитания также слабо развиты: представленность кадетских классов только 10 % от уровня лидеров, военные сборы – около 4 %.

✓ Верх-Исетский район позволяет говорить о комплексной работе в мемориальных и культурных практиках – «Бессмертный полк» (16 %), музеи (16 %). Однако организация ме-

роприятий в рамках «Юнармии» составляет менее 9 % от максимально возможного уровня, что требует дополнительного внимания к военно-патриотическим инициативам.

✓ Ленинский район отличается разнообразием мероприятий, все выделенные формы представлены примерно одинаково, кроме конкурса чтецов «Весна Победы», который практически не реализуется (1 %).

✓ Орджоникидзевский район является один из лидеров по массовым формам патриотического воспитания: «Разговоры о важном» (30 %), «Бессмертный полк» (23 %), волонтерство (20 %). Одной из менее представленных форм остается кадетское движение (менее 13 % от максимального уровня), что может выступать базовой точкой развития

✓ Чкаловский район, как и Ленинский, показывает разнообразие форм и высокий уровень организации патриотического воспитания: «Разговоры о важном» (28 %), музеи (24 %), олимпиады (23 %). Наименее представленным направлением остается проведение военных сборов (менее 17 %), что предполагает дальнейшее развитие именно военно-прикладных направлений воспитательной работы.

✓ Кировский район – находится в конце списка по уровню общей активности при реализации форм патриотического воспитания. Кроме того, в данном районе фиксируются наиболее полярные показатели: достаточно высоких значения базовых элементов «Разговоров о важном» (21 %) и олимпиад (18 %) и, одновременно, минимальные значения по представленности кадетских классов и военным сборам (по одному проценту). Вероятнее всего, это связано с системными проблемами при реализации ресурсоёмких направлений воспитания.

На основе проведенного анализа следует отметить, что в существующей системе патриотического воспитания сложилась двухслойная конструкция: слой нормативно закреплённых, «недорогих» и потому универсальных форм (100 % охват по «Разговорам о важном») и слой ресурсоёмких, вариативных форм (от 12 % до 31 % охвата по кадетским классам, военным сборам, конкурсу чтецов, «Вахте памяти»). Экспертная оценка, игнорирующая этот разрыв, систематически переоценивает реальное разнообразие и интенсивность патриотической работы. В рамках проведенной эмпирической экспертизы школ г. Екатеринбурга выявлена значимая дифференциация по административным районам города, что связано не с разницей в «патриотичности», а в структурном неравенстве воспитательных возможностей, обусловленном различиями в инфраструктуре, кадровом составе и административном ресурсе. Дифференциация по типам учебных заведений (гимназии/лицеи) устойчива, но статистически незначима и воспроизводит исторически сложившийся паттерн противопоставления «воспитательной» и «академической» ориентации учебных заведений. Используемая методика контент-анализа сайтов школы на базе саморепрезентации воспитательных практик при всей своей объективности и надёжности, не схватывает смысловой аспект и не отличает ритуал от содержательной работы, т. е. является недостаточной для качественной экспертизы, фокусирующейся на восприятии патриотических практик учащимися, учителями и родителями.

Таким образом, при системной экспертизе патриотического воспитания как комплексного социального явления важно учитывать структурные разрывы и зоны институционального риска. С этой целью можно использовать следующую модель экспертной оценки патриотического воспитания, учитывающую ограничения формального подхода:

- формальная регистрация элементов патриотического воспитания, в результате чего можно получить (результатом может быть, например, рейтинг школ по % освоения, типологическая и районная дифференциация);
- анализ институционального контекста (результатом может быть, например, карта «ресурсного дефицита» по районам и типам школ;
- смысловая экспертиза (результатом может быть, например, экспертное заключение о зонах ритуализации, цинизма или скрытого отторжения).

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : сб. / пер. с фр. М. : Ин-т эксперим. социологии, 2005. 576 с.

2. Джексон Ф. Жизнь в классе / пер. с англ. Р. Устьянцева, Т. Соколовой ; под науч. ред. А. Сидоркина, Т. Соколовой; М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 248 с.
3. Дюркгейм Э. Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А. Б. Гофмана. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 456 с.
4. Кон И. С. Ребёнок и общество: историко-этнографическая перспектива. М. : Наука, 1988. 270 с.
5. Омельченко Е. Л. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2020. 504 с.
6. Трынов Д. В. Патриотические установки молодежи Свердловской области: ценностные ориентации и практическая деятельность : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 124 с.
7. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках национального проекта «Образование» (2021–2024 гг.). URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot> (дата обращения: 03.05.2026).
8. Материалы официальных сайтов общеобразовательных школ г. Екатеринбурга (2019–2025 гг.).

УДК 331.103.4

Р. П. Айчепшева

Обособленное подразделение Северо-Кавказстата
по Карачаево-Черкесской Республике, г. Черкесск

НАСТАВНИЧЕСТВО В СТАТИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСЛЯЦИИ И РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучаются аспекты, относящиеся к актуальным вопросам, связанным с функционированием в рамках статистического производства, института наставничества. В частности, наставничество рассматривается как эффективный инструмент не только для ускоренной адаптации молодых специалистов, но и для организации непрерывного цикла обучения, направленного на повышение квалификации сотрудников на постоянной основе. Подчеркивается роль наставников в передаче уникального профессионального опыта, при сочетании формальных процессов обучения персонала с культивированием неформальных ценностей, трудовых и поведенческих и норм, способствующих профессиональному становлению и закреплению кадров.

Ключевые слова: институт наставничества, передача опыта, трудовая культура, неявные знания.

R. P. Aychepsheva

Separate subdivision of the North Caucasus State Statistics Committee
for the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk

MENTORING IN STATISTICAL PRODUCTION AS A TOOL FOR THE TRANSLATION AND DEVELOPMENT OF WORK CULTURE

The article touches upon aspects related to topical issues related to the functioning of the Institute of mentoring in the framework of statistical production. In particular, mentoring is seen as an effective tool not only for accelerated adaptation of young professionals, but also for organizing a continuous learning cycle aimed at improving the skills of employees on an ongoing basis. The author emphasizes the role of mentors in the transfer of unique professional experience, while combining formal staff training processes with the cultivation of informal values, labor and behavioral norms that contribute to the professional development and consolidation of personnel.

Keywords: institute of mentoring, transfer of experience, work culture, implicit knowledge.

Статистическое производство сегодня – это подвижная архитектура, находящаяся в постоянном развитии и структурной трансформации, предполагающая переход от традиционной технологии сбора отчетности к созданию современной «фабрики данных». Фундаментом такой фабрики является комплексная автоматизация систем управления данными и цифровизация бизнес-процессов, курс на которые был задан еще в начале 2000-х гг.

Функционируя в рассматриваемом направлении, Росстат занял ведущую роль в информационном развитии страны, последовательно аккумулируя вопросы, относящиеся к формированию центра компетенций по работе с большим объемом показателей.

На недавней коллегии Росстата, прошедшей в апреле 2026 г., было озвучено, что «ведомство является ключевым хабом для всех государственных данных, с учетом которых принимаются управленческие решения на всех уровнях власти – от федерального до муниципального» [3].

Сказанное, накладывает высокую ответственность на всю систему государственной статистики – на центральный аппарат и территориальные органы Росстата. А это значит, что трудовые коллективы Федеральной службы государственной статистики имеют определенные обязательства перед пользователями всех уровней по обеспечению на каждодневной основе высокой точности и оперативности разрабатываемой информации, строго соблюдая, при этом, методологические и цифровые стандарты, а также сроки, установленные в производственном плане статистических работ.

Концептуальным моментом является то, что официальная статистическая методология, представляющая собой набор принципов, методов и способов сбора, обработки, анализа и интерпретации данных [2], играет фундаментальную, организующую и контролирующую роль. Несоблюдение же методологии ведет к ошибкам, неверным решениям и снижению эффективности статистической деятельности. В этой связи на стадии планирования выстраивания и модернизации технологической цепочки по сбору, обработке и распространению статистической информации, особое внимание традиционно отводится решению вопросов, относящихся к обеспечению должной профессиональной компетенции персонала, отвечающего за рассматриваемые процедуры, основанной прежде всего на освоении методологической и технологических составляющих.

Реализуется такая работа на постоянной основе, посредством организации комплексного процесса, направленного на приведение в соответствие знаний, навыков и личностных качеств сотрудников требованиям занимаемой должности и стратегическим целям Росстата.

Надо сказать, что важнейшим инструментом для выполнения задачи по формированию качественных трудовых ресурсов в рамках системы государственной статистики, является институт наставничества. Именно с помощью наставничества в статистическом, как и в любом другом производстве, ускоряются процедуры акклиматизации новых сотрудников и передачи уникального профессионального опыта, сочетая формальные процессы обучения персонала с культивированием неформальных ценностей, трудовых и поведенческих и норм.

Последнее особенно ценно в условиях динамично развивающейся цифровой реальности и вызовов, которые она несет [1]. Ведь любое даже незначительное изменение в производственном процессе, может иметь существенное влияние на трудовую деятельность, как отдельных работников, так и целых коллективов. Что касается системы российской государственной статистики, то она находится в непрерывном развитии, представляя собой постоянно меняющуюся систему, требующую от сотрудников адаптивности, новых навыков и быстрой реакции на изменения.

Учитывая то, что статистическое производство предусматривает необходимость обработки большого объема данных при строгом соблюдении методологии и сроков предоставления итоговых показателей, что сопряженно с высоким уровнем стресса для сотрудников, наставничество помогает ускорить приобретение вновь принятыми специалистами необходимых знаний и навыков, снизить количество ошибок.

Через наставничество транслируется понимание корпоративной культуры в Росстате, основанной на командном характере работы и применению принципа взаимозаменяемости. Суть использования в статистическом производстве перечисленных компонентов сводится не только к знанию членами коллективов инструкций, но и к умению эффективно взаимодействовать между собой, совместно решая различные задачи, а также формировать культуру сотрудничества. Как следствие, важнейшим элементом трудовой экосистемы ведомства становится взаимовыручка, направленная на оказание помощи друг другу и создание благоприятного климата в коллективе. Работа по подготовке кадров направлена также на осознание того постулата, что ответственность за точность и качество формируемой статистической информации является фирменным знаком ведомства, а не поводом для профессионального и психологического выгорания сотрудников и возникновения конфликтов на производственной почве.

В продолжение отметим, что пул наставников-статистиков выполняет, в том числе, функции по ориентированию вновь принятых и неопытных специалистов в вопросах внутри-

системной взаимосвязи разрабатываемых данных, когда выходная информация одного подразделения становится входной для другого. В частности, обучающий доводит до сведения подшефного, что его работа напрямую влияет на работу другого специалиста.

Кроме того, значимым механизмом, применяемым наставниками Росстата, является передача новичкам «из рук в руки» тонкостей ремесла. Речь о деталях в работе, описание которых невозможно напрямую отыскать в инструктивных документах, но имеющих непосредственное влияние на повышение качественного уровня выполняемых работ, а также на производительность и емкость труда. Наставники передают молодым специалистам информацию о нюансах работы, сочетающих в себе опыт и способности в принятии решений, основанные на неявных знаниях и интуиции [4], приобретенных за годы трудовой деятельности. Таким образом, в условиях периодически возникающего кадрового оттока наставничество обеспечивает сохранение накопленного опыта и преемственность знаний, что позволяет избежать потери уникального опыта при увольнении или выходе на пенсию ценных сотрудников.

Одним из современных трендов, активно используемых в статистической среде, является и обратное (реверсивное) наставничество, при котором младшие по возрасту или должности сотрудники выступают в роли наставников для старших коллег. В этом случае акцент делается не на трансляции знаний «сверху вниз», а наоборот – «снизу вверх», как бы переворачивая традиционную модель обучения. Данный метод сегодня достаточно востребован, так как помогает возрастным сотрудникам в более короткие сроки осваивать новые технологии, что стирает межпоколенческие различия, устраняя разрыв между опытом и инновациями. В ходу также и процессы по взаимному обучению на товарищеских началах, при которых равные обучают равных, обмениваясь знаниями, опытом и информацией в атмосфере взаимной поддержки, сотрудничества и общей ответственности.

Обобщая, отметим, что к числу средств, применяемых в Росстате в ходе процедур по наставничеству и обучению кадров, относятся в том числе:

- корпоративные мероприятия, регулярно проводящиеся, как в целом по всей системе, так и внутри территориальных и межрегиональных органов статистики (к примеру, инструктивные совещания и семинары в онлайн и оффлайн форматах, конференции, конкурсы, олимпиады, викторины и др.);
- система дополнительного профессионального образования и подготовки;
- индивидуальные и групповые занятия, а также консультации для новых и неопытных специалистов;
- практика взаимного обучения между коллегами;
- система внутренних занятий по экономическому и ИТ обучению;
- обмен опытом через цифровые каналы (канал МАХ) в рамках созданных групп, где сотрудники могут совершенствовать свои знания и участвовать в развитии организации;
- внешнее просвещение и т. д.

По сути, передача знаний в системе Росстата с использованием, упомянутых средств, представляет собой распределенную многоступенчатую систему, охватывающую федеральный, региональный и полевой уровни. Организована данная система, посредством сочетания наставничества и непрерывного профессионального обучения, что крайне важно, как с точки зрения обеспечения ускоренного ввода в профессию новичков, так и с точки зрения закрепления и наращивания трудового опыта и развития компетенций сотрудников в течении всего периода занятости в рамках статистической деятельности.

Основывается же данная система прежде всего на применении при обучении кадров метаинструктивного материала, разрабатываемого, на федеральном уровне, что обеспечивает ключевой принцип работы статистических органов – единство методологии и технологии при проведении и обработке данных по различным наблюдениям и обследованиям на всей территории страны.

Вместе с тем, региональными органами статистики ведется большая работа по формированию на инициативной основе вспомогательных материалов, включающих – рекомендации, разъяснения и инструкции, направленные, как на оказание методической помощи но-

вым сотрудникам, так и на организацию процессов по их дальнейшему обучению. Следует отметить, что такие наработки находят свое применение не только на местном уровне, но при поддержке федерального уровня интегрируются, в рамках обмена опытом, в работу других территориальных подразделений.

В этой связи хотелось бы выделить такие новации, внедренные центральным аппаратом во взаимодействии с территориальными подразделениями, как создание банка данных – «Мастерская ценностей» и проведение конкурсов – «Лучшие практики», «Лидеры Росстата» и «Лидеры Росстата. Перезагрузка», с помощью которых до каждого сотрудника по всей стране доводится информация о самых ярких и творческих инициативах, реализуемых на местах, в том числе, относящихся к вопросам подготовки и обучения кадров.

Большая часть материалов, представленных в рамках перечисленных мероприятий направлена на формирование и трансформацию единой корпоративной культуры, повышение профессионального уровня, поддержку командного духа личностное и профессиональное развитие сотрудников, а также создание кадрового резерва, что полностью соответствует задачам Росстата на ближайшую и долгосрочную перспективу. Надо сказать, что методы, описание которых содержится в указанных материалах, являются лишним подтверждением того, что трудовая культура не является чем-то застывшим, а находится в постоянном развитии, изменении и коррекции в процессе текущей деятельности.

Подытоживая, отметим, что участие в программе наставничества – это эффективная площадка по взаимовыгодному обмену, где одна сторона приобретает практические знания и опыт, которые, порой, нельзя получить из документированных источников, а другая в качестве бонуса – возможность переосмыслить собственный опыт и освежить свой взгляд на рабочие процессы. Но ключевым достоянием наставничества, переросшего из формата простого «ученичества» к универсальной технологии развития, для системы государственной статистики является – преемственность поколений и высокое качество исполнения персоналом Федерального плана статистических работ.

Литература

1. Абилова Е. В. Поддержка цифровой трансформации агробизнеса на основе наставничества // Сборник докладов Всероссийской очной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника. Липецк, 2024. С. 6. URL: <https://lip.ranepa.ru/upload/lip/nauka/sborniky-nauch-trud/2024> (дата обращения: 29.04.2026).
2. Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации. Статья 7 : федер. закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ (ред. от 15.12.2025). URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72844/3caa7f8bd42c7ea471d5ae432b5402215d86ce26 (дата обращения: 20.04.2026).
3. В Росстате подвели итоги работы за 2025 год и обсудили будущее государственной статистики // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/282055> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Система наставничества как инструмент развития профессиональных компетенций педагога: методические рекомендации // Усинск. 2022 г. URL: https://nosh7usinsk.gosuslugi.ru/netcat_files/154/2984/MR_nastavnichestvo_.pdf (дата обращения: 28.04.2026).

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ АГРАРНЫХ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Представлен социологический анализ репродуктивных установок и семейных ценностей студентов аграрных вузов Республики Беларусь. На основе результатов исследования, проведённого в октябре 2025 – феврале 2026 г. установлено, что ценность семьи является наиболее значимой для студентов сельскохозяйственного профиля. Выявлено, что среди опрошенных преобладает установка на рождение одного-двух детей, значимым барьером для многодетности является чрезмерная занятость на работе, что требует поиска способов снижения трудовой нагрузки занятых в сельском хозяйстве. Сделан вывод, что целесообразно реализовать комплекс мер, направленных на формирование среди студентов аграрных вузов Беларуси установок на расширенный тип воспроизводства населения.

Ключевые слова: брак, семья, дети, студенты, сельское хозяйство.

A. Yu. Sakovich

Belarusian State University, Minsk

REPRODUCTIVE ATTITUDES AND FAMILY VALUES OF STUDENTS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

The article presents a sociological analysis of reproductive attitudes and family values of students of agricultural universities of the Republic of Belarus. Based on the results of the author's research conducted in October 2025 – February 2026, it was found that the value of family is the most significant for students of agricultural profile. The attitude of having one or two children prevails among the respondents. Excessive employment at work is a significant barrier to having many children. This requires finding ways to reduce the workload of those employed in agriculture. It is advisable to implement a set of measures aimed at forming guidelines for an expanded type of reproduction of the population among students of agricultural universities in Belarus.

Keywords: marriage, family, children, students, agriculture.

Численность сельского населения Республики Беларусь ежегодно сокращается. Так, на 1 января 2026 г. в стране насчитывалось 1898,7 тыс. чел., что на 217,3 тыс. чел. меньше, чем в 2017 г. [3, с. 4; 4, с. 4]. На современном этапе общественного развития традиционные представления о семье и браке претерпели существенные преобразования. Это проявляется в увеличении брачного возраста, распространении сожительства, снижении рождаемости, росте числа разводов. Перечисленные тенденции характерны как для городского, так и для сельского населения Республики Беларусь. В контексте нарастающего демографического кризиса на селе особую актуальность приобретает изучение репродуктивных установок и семейных ценностей студентов аграрных вузов, многие из которых после окончания учебных заведений направятся жить и работать в сельскую местность. Для этого обратимся к результатам исследования, проведённого нами в октябре 2025 г. – феврале 2026 г. среди обучающихся выпускных курсов УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» (БГСХА) и УО «Белорусский государственный аграрный технический университет» (БГАТУ). Методы исследования: анкетный опрос, фокус-группа (БГАТУ). Рассмотрим подробнее полученные результаты.

Данные анкетного опроса показали, что большинство студентов (85,0 %) в течение ближайших десяти лет имеют намерение работать в аграрной отрасли. Являясь молодой частью населения, они представляют не только значимый трудовой, но и демографический ресурс для сельских территорий. В ходе фокус-групп установлено, что для студентов семья является наивысшей ценностью. Своё представление о счастье часть из них связывает именно с наличием близких и родных людей рядом.

«У каждого свои ценности в жизни. Кто-то стремится стать успешным, реализовать себя в профессии и зарабатывать хорошие деньги. Для меня в первую очередь это семья. Чтобы близкие люди были рядом».

Молодые люди отметили, что интересная работа и достойный заработок важны прежде всего как условие обеспечения прочного фундамента для будущей семьи. В целом студенты аграрных вузов к созданию семьи относятся ответственно и осознанно. Значительная часть опрошенных считает, что заводить детей необходимо тогда, когда человек способен не только материно их обеспечить, но и психологически готов исполнять роль родителя.

В Республике Беларусь оказывается существенная помощь многодетным семьям со стороны государства. С 2015 г. в стране реализуется программа семейного капитала. Многодетным семьям предоставляется возможность построить жилье с государственной поддержкой. Родители, воспитывающие троих и более детей в возрасте до 16 лет, имеют право на дополнительный выходной день в неделю. В школах и детских садах предоставляется скидка в размере 50 % на питание. Многодетные матери имеют право выйти раньше на пенсию и др. [2]. Вместе с тем, как показали результаты исследования, молодые люди в вопросе воспитания детей, в том числе их материального обеспечения, считают необходимым ориентироваться на свои силы. По их мнению, помощь государства важна, но прежде всего родителям необходимо реализовать себя профессионально и достигнуть отпущенного уровня дохода. Только потом следует заводить детей.

Данные анкетного опроса показали, что многие студенты ориентированы на карьерный рост в сельском хозяйстве. Так, 83,9 % считает, что служебное продвижение является важнейшим условием закрепления молодых специалистов в отрасли. Для многих (39,0 %) хорошие перспективы карьерного роста в агросфере стали ведущим мотивом поступления в вуз. Среди опрошенных 22,9 % студентов отметили такое преимущество работы в агросфере, как шанс быстро занять пост руководителя сельскохозяйственного предприятия. Результаты исследования во многом объясняют установки студентов аграрных вузов на рождение детей. Будучи активной и амбициозной частью населения, они ориентированы на профессиональный рост и развитие, продвижение по карьерной лестнице, что позволит обеспечить себе и своей будущей семье достойные условия жизни.

Что касается репродуктивных установок, то мнения студентов относительно желаемого числа детей в семье разделись. Часть опрошенных ориентированы на рождение одного-двух детей. Некоторые хотели бы стать многодетными родителями. Таким образом, молодые люди чаще всего не имеют установок на расширенный тип воспроизводства. На вопрос: *«При каких условиях Вы бы родили троих и более детей?»* студенты ответили, что воспитание детей требует прежде всего родительского внимания. Вместе с тем молодые люди опасаются, что в силу чрезмерной занятости на работе в случае многодетности они не смогут уделять достаточное количество времени каждому ребёнку.

«Здесь вопрос не в материальной поддержке. Нужно иметь время, чтобы воспитывать детей. А если мы работаем по 12 часов в сутки, то когда этим заниматься?»

Результаты исследования показали, что молодые люди ответственно относятся как к выполнению своих будущих профессиональных обязанностей, так и к реализации родительской функции. Студенты понимают, что работа в сельском хозяйстве требует полной самоотдачи, и это является значимым барьером на пути к многодетности. Сложившаяся ситуация, с одной стороны, требует поиска способов облегчения труда аграриев и нормализации рабочего времени, с другой стороны, усиления идеологической работы со студентами в вузе, направленной на формирование позитивных установок на создание семьи и рождение троих и более детей.

В ходе фокус-групп студентам был задан вопрос: *«В каком возрасте предпочтительнее заводить детей?»*. Часть респондентов ответили, что в 24–25 лет. Следует отметить, что представления студентов об идеальном возрасте для рождения детей отличается от реального репродуктивного поведения молодых людей. Так, в Республике Беларусь возраст матери при рождении первого ребёнка в 2022 г. в среднем составил 27,1 лет [1]. Это указывает на

сохранение среди студентов аграрных вузов традиционных репродуктивных установок, связанных с более ранним деторождением.

Следует отметить, что среди опрошенных были те, кто после окончания учебного заведения планировали вступить в брак. Это говорит о том, что, несмотря на активное стремление построить карьеру, некоторые молодые люди готовы создать семью, находясь в статусе молодых специалистов и не имея финансовой стабильности. Однако рожать ребенка молодые люди планировали не сразу, а после 2–3 лет супружеской жизни.

Некоторые участники опроса указали, что, по их мнению, заводить детей предпочтительно после 30 лет. Связано это с обретением финансовой стабильности и психологической зрелости, которые необходимы для создания крепкой семьи и воспитания детей. При этом респонденты акцентировали внимание, что человек должен хотеть стать родителем, чтобы дать ребёнку *«все самое лучшее»*.

Таким образом, для студентов аграрных вузов характерны две тенденции: 1) ориентация на более ранний возраст вступления в брак и рождение детей, что традиционно присуще сельскому населению; 2) стремление к обретению финансовой стабильности, профессиональной самореализации и построению карьеры, и, как следствие, более поздний брак и деторождение. Многие современные молодые люди не торопятся заводить семью, предпочитая сперва обеспечить себя материально. С одной стороны, это говорит об ответственном и осознанном отношении к браку, рождению и воспитанию детей, с другой стороны, усугубляет сложившуюся демографическую ситуацию на селе. Чрезмерная занятость на работе также выступает значимым барьером на пути к расширенному воспроизводству населения. Это требует поиска способов нормализации рабочего дня специалистов аграрной отрасли, снижения их трудовой нагрузки, а также реализации комплекса мер, направленных на формирование установок на многодетность у молодых работников сельского хозяйства.

Литература

1. Льготы многодетным в Беларуси. URL: <https://myfin.by/wiki/term/lgoty-mnogodetnym-v-belarusi> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Первого ребенка белоруска рождает в среднем в 27 лет. Белстат составил обзор ко Дню матери // Настаўніцкая газета. URL: <https://nastgaz.by/pervogo-rebenka-beloruska-rozhaet-v-srednem-v-27-let-belstat-sostavil-obzor-ko-dnyu-materi/> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Численность населения на 1 января 2017 г. и среднегодовая численность населения за 2016 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2017. 16 с.
4. Численность населения на 1 января 2026 г. и среднегодовая численность населения за 2025 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2026. 30 с.

Е. С. Скорова, Т. В. Андриянова
Курский государственный университет, г. Курск

ПРОЕКТЫ КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ

Рассматриваются проекты креативного пространства как особая форма культурной и социальной организации. Отмечается, что проект в креативных пространствах объединяет идею, ресурс, аудиторию и результат, а его оценка зависит от того, какие мотивы, ожидания и формы вовлеченности демонстрируют посетители. Особое внимание уделено нормативной базе развития креативных индустрий в России, теоретическим подходам к проекту и креативному пространству, а также роли экспертных оценок.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативное пространство, проект, экспертная оценка, молодежная аудитория.

E. S. Skorova, T. V. Andriyanova
Kursk State University, Kursk

PROJECTS OF A CREATIVE SPACE AS AN OBJECT OF EXPERT ASSESSMENT

The article examines creative space projects as a special form of cultural and social organization. The author notes that a project in creative spaces combines an idea, a resource, an audience, and a result, and its evaluation depends on the motives, expectations, and forms of engagement demonstrated by visitors. Special attention is paid to the regulatory framework for the development of creative industries in Russia, theoretical approaches to the project and creative space, and the role of expert assessments.

Keywords: creative industries, creative space, project, expert assessment, youth audience.

В современной России креативные пространства становятся важным элементом культурной и городской среды, поскольку именно на их базе реализуются проекты, направленные на вовлечение молодежи, развитие творческой активности и формирование новых форм коммуникации. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос экспертной оценки таких проектов, так как именно она позволяет определить их содержательную ценность, востребованность у аудитории и вклад в развитие социокультурной среды. Проекты креативного пространства выступают не просто как отдельные события, а как показатель того, насколько эффективно пространство выполняет свою культурную, образовательную и коммуникативную функции.

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях расширения креативных индустрий возрастает потребность в анализе механизмов, через которые креативные пространства формируют интерес молодежи и создают условия для самореализации. Экспертная оценка позволяет рассмотреть эти проекты не только с позиции организационной успешности, но и с точки зрения их социального и культурного эффекта. В связи с этим исследование проектов креативного пространства как объекта экспертной оценки представляет интерес как для социологического анализа, так и для практики развития современных культурных площадок.

Сегодня социокультурный проект перестал быть исключительно управленческой категорией и превратился в универсальную форму организации деятельности, особенно заметную в сфере культуры и креативных индустрий. В. А. Луков определяет проект как способ целенаправленного конструирования действия, ориентированного на достижение заранее заданной цели в определенных пространственно-временных и ресурсных границах [7]. Такой подход важен потому, что проект фиксирует не только результат, но и саму логику движения к нему. Здесь значимы новизна, ограниченность, поэтапность и проверяемость. В социокультурной сфере проектная форма особенно продуктивна, поскольку позволяет соединять творческую идею, аудиторию и организационный ресурс в одну последовательность действий. Т. Л. Стенина, рассматривая проектную деятельность в социокультурной сфере, подчеркивает ее инновационный характер и связь с преобразованием среды [8]. Проект в креативной сфере – это не разовая инициатива, а способ создать событие, которое изменяет поведение аудитории, ее интересы и способы включения в культурную жизнь.

Представляя экспертов в области социологии культуры, следует отметить точку зрения А. Ю. Андреева и Е. А. Григорьевой, которые подчеркивают «междисциплинарный характер музейной и культурной социологии, объединяющей подходы социологии, культурологии и антропологии для анализа взаимодействия институтов культуры с обществом» [1]. Аналогично, в изучении креативных пространств важна интеграция экспертных мнений и данных опросов посетителей. Социологические исследования позволяют выявлять барьеры доступа, предпочтения аудитории и влияние проектов на личностное развитие.

Переход от традиционной культурной политики к креативной логике в России заметен усилившийся в последние годы. В августе 2024 г. был принят Федеральный закон № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [9], а еще раньше была утверждена Концепция развития творческих (креативных) индустрий до 2030 г. [5]. Эти документы важны не только как нормативная рамка, но и как признание того, что креативный сектор стал самостоятельной областью общественного развития. В аналитике ИС-ИЭЗ НИУ ВШЭ подчеркивается, что креативные индустрии представляют собой виды экономической деятельности, основанные на индивидуальном творчестве, навыках и талантах и имеющие потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест [6]. По итогам 2023 г. доля креативных индустрий в ВВП России достигла 3,5 %, это позволяет говорить о них не как о периферийном культурном сегменте, а как о заметной части экономики [6]. В. С. Шкарина отмечает, что «креативные индустрии ориентированы на создание добавленной стоимости и рабочих мест, а потому требуют особой инфраструктуры – хабов, коворкингов, хакспейсов и других гибких площадок» [10]. Именно в этой точке проект перестает быть только культурной формой и становится еще и инструментом экономической и институциональной организации.

Проект приобретает социокультурную значимость только тогда, когда он получает понятную аудитории форму и вызывает у нее ответную реакцию. Здесь особенно важен переход от самой идеи проекта к его экспертной оценке. В научной литературе это связано с развитием социальной экспертизы и экспертных групп, которые позволяют оценивать не только исполнение, но и общественные эффекты проектных решений. В работе В. С. Богданова и А. А. Почестнева дистанционная социальная экспертиза национальных проектов описывается как метод, позволяющий оценивать социальные эффекты проектов и получать обратную связь, необходимую для «smart management» [3]. Проекты креативного пространства тоже нуждаются в обратной связи, поскольку их жизнеспособность зависит от того, как их воспринимают посетители, какие форматы они считают значимыми и что именно готовы рекомендовать другим. Не менее показателен опыт анализа общественной оценки сферы культуры через данные социальных сетей, предпринятый рядом исследователей [4].

Проекты креативного пространства нуждаются в обратной связи, поскольку их жизнеспособность зависит от того, как их воспринимают посетители, какие форматы они считают значимыми и что именно готовы рекомендовать другим. Важную роль в этом процессе играет и экспертное сообщество, выступающее посредником между культурными инициативами и общественными запросами. Экспертное сообщество становится значимым элементом реализации стратегии развития культуры, поскольку именно через экспертную оценку формируются представления о востребованности и социальной значимости культурных проектов [2]. В условиях цифровизации особое значение приобретает и медиасреда, способная не только распространять информацию о проектах, но и формировать устойчивый интерес аудитории к культурным практикам.

Наиболее полно подобные тенденции проявляются при анализе оценок и мотивации самих посетителей креативных пространств, поскольку именно аудитория позволяет определить, какие форматы культурных проектов оказываются наиболее востребованными и значимыми для молодежи. Эмпирической базой исследования стало социологическое исследование, проведенное в 2025 г. на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета (N=179) совместно с молодежной АРТ-студией «Нескучное искусство». Проведенный опрос позволил выявить ценностное отноше-

ние молодежи к искусству, а также определить влияние участия в проекте на развитие личностных и культурных компетенций. Нами был задан вопрос: «Что вдохновляет вас на посещение музеев или выставок искусства?»

Подобный подход позволяет рассматривать оценку проектов креативного пространства через призму мотивации самой аудитории, поскольку именно интересы и ожидания посетителей во многом определяют востребованность культурных инициатив. В условиях развития креативных пространств особое значение приобретают не только организационные характеристики проектов, но и их способность отвечать на познавательные, эстетические и коммуникативные запросы молодежи. Наиболее значимым мотивом посещения креативных пространств выступает желание расширить свой кругозор, что отметили 25 % опрошенных. Достаточно высокий показатель также связан со стремлением получить эстетическое удовольствие – 20,7 %. Интерес к истории и культуре оказался важен для 13,4 % респондентов, а любопытство и любознательность для 12,8 %. Существенно реже посещение культурных площадок связывается с желанием провести время с друзьями или семьей (9,5 %) и поиском вдохновения (6,7 %). Такое распределение ответов показывает, что современные культурные проекты воспринимаются аудиторией прежде всего как пространство получения нового опыта, расширения знаний и эмоционального вовлечения в культурную среду.

Полученные данные говорят о том, что креативное пространство для молодежи – это не просто место для досуга, но и площадка для личностного и культурного роста. Посетителей в первую очередь привлекают познавательные и эстетические стороны проектов. Им важно получить новый культурный опыт, эмоциональные впечатления и почувствовать себя частью культурной среды. Следовательно, такие пространства можно рассматривать, как полноценные каналы культурной коммуникации один из способов включения молодежи в культурную среду города.

Таким образом, проекты креативного пространства – это особая форма культурной работы, где соединяются управленческие подходы, общественная поддержка, экспертные оценки и личный опыт участников. Их ценность измеряется не только числом мероприятий, но и тем насколько они создают условия для самореализации, культурного участия и живого интереса людей.

Литература

1. Андреев А. Ю., Григорьева Е. А. Опыт музейной социологии: музеи и общество // Вестник Института социологии. 2024. № 2. С. 190–201.
2. Андриянова Т. В. Роль экспертного сообщества в реализации национальной стратегии развития культуры в России // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 41–45.
3. Богданов В. С., Почетнев А. А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 3. С. 684–698.
4. Груздева М. А., Калачикова О. Н., Ригин В. А. Общественная оценка деятельности сферы культуры: анализ данных социальных сетей // Вопросы территориального развития. 2024. Т. 12, № 2. С. 1–6.
5. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya8FAVDUf.pdf> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Креативные индустрии в России на подъеме / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2025. URL: <https://isssek.hse.ru/mirror/pubs/share/1009083629.pdf> (дата обращения: 01.05.2026).
7. Луков В. А. Социальное проектирование. М. : Флинта, 2003. 240 с.
8. Стенина Т. Л. Становление проектной культуры студентов в контексте социально-культурного подхода к модернизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2013. № 1. С. 75–80.
9. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912> (дата обращения: 01.05.2026).
10. Шкарина В. С. Особенности развития креативных индустрий в современной экономической политике // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 94. С. 136–142.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОФИЛАКТИКИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Анализируется социологическая экспертиза как инструмент оценки эффективности профилактики ВИЧ-инфекции. На основе теорий риска, системного анализа и эмпирических данных раскрывается роль экспертного знания в управлении демографическими процессами. Показано, что ВИЧ-инфекция оказывает прямое влияние на показатели смертности, рождаемости и структуру населения. Обоснована необходимость системной интеграции социологической экспертизы в профилактическую политику.

Ключевые слова: социологическая экспертиза, ВИЧ-инфекция, профилактика, молодежь, демографическая безопасность.

А. О. Kravchenko

Ural Federal University, Yekaterinburg

SOCIOLOGICAL EXPERTISE OF HIV PREVENTION AMONG YOUTH AS A TOOL FOR ENSURING REGIONAL DEMOGRAPHIC SECURITY

The article analyzes sociological expertise as a tool for evaluating the effectiveness of HIV prevention. Based on risk theory, systems analysis, and empirical data, the role of expert knowledge in managing demographic processes is examined. It is shown that HIV infection has a direct impact on mortality rates, fertility, and population structure. The necessity of systematic integration of sociological expertise into prevention policy is substantiated.

Keywords: sociological expertise, HIV infection, prevention, youth, demographic security.

ВИЧ-инфекция в Российской Федерации сохраняет характеристики устойчивой эпидемии. По официальным данным, к концу 2024 г. зарегистрировано более 1,2 млн чел., живущих с ВИЧ, при этом ежегодно выявляется порядка 55–60 тыс. новых случаев [13]. С 2010-х гг. наблюдается смещение структуры заражения: доля полового пути передачи превышает 60 %, что свидетельствует о генерализации эпидемии и выходе за пределы традиционных групп риска [13].

В этих условиях профилактика ВИЧ перестает быть исключительно медицинской задачей. Ее эффективность определяется социальными факторами: уровнем информированности, нормами поведения, доступом к услугам и доверием к институтам. Это требует применения социологической экспертизы как инструмента оценки реального социального эффекта профилактических программ.

В рамках теории «общества риска» Ульриха Бека современные угрозы рассматриваются как результат функционирования самого общества, а не внешних факторов. ВИЧ-инфекция относится к числу таких рисков, поскольку ее распространение связано с массовыми поведенческими практиками и институциональными дисфункциями [8]. В отличие от классических эпидемий, она характеризуется длительным латентным периодом (до 8–10 лет), что затрудняет выявление и контроль.

Системный подход Никласа Лумана позволяет рассматривать профилактику ВИЧ как взаимодействие подсистем – здравоохранения, образования, медиа и политики. Сбой в любой из этих подсистем (например, недостаточная профилактическая работа в образовательных учреждениях) приводит к росту рисков на уровне всей системы [10].

Согласно Энтони Гидденсу, современные общества функционируют на основе постоянного пересмотра практик через экспертное знание. Это означает, что профилактика ВИЧ должна регулярно корректироваться на основе данных мониторинга и социологических исследований [9]. Таким образом, социологическая экспертиза выступает механизмом интеграции научных данных в управленческие решения.

По данным Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (UNAIDS), в 2023 г. в мире проживало 39,9 млн чел. с ВИЧ, при этом 1,3 млн новых случаев было зарегистрировано

но за год [11]. Несмотря на снижение глобальной смертности (около 630 тыс. случаев в год), эпидемия сохраняет устойчивость за счет новых заражений. В России эпидемия имеет региональную специфику. Наиболее высокие показатели распространенности фиксируются в Свердловской, Иркутской, Кемеровской областях. В отдельных регионах пораженность превышает 1 % населения, что соответствует критериям генерализованной эпидемии [13].

С точки зрения социологической экспертизы, ВИЧ-инфекция включает несколько измерений:

- Поведенческое – незащищенные половые контакты, низкое использование тестирования;
- Институциональное – неравный доступ к профилактике и лечению;
- Культурное – стигматизация ВИЧ-положительных;
- Информационное – искажения знаний о путях передачи.

Например, исследования показывают, что до 30 % молодежи имеют неполные или ошибочные представления о ВИЧ, включая мифы о передаче через бытовые контакты [5]. Это напрямую снижает эффективность профилактических программ.

Профилактика ВИЧ представляет из себя комплекс мер и включает в себя:

- Первичную профилактику (информирование, изменение поведения),
- Вторичную профилактику (тестирование),
- Третичную профилактику (лечение и контроль распространения) [3].

Однако формальное наличие этих мер не гарантирует их эффективности. Социологическая экспертиза оценивает не только наличие программ, но и их результат. Например, высокий охват информационными кампаниями не всегда приводит к изменению поведения, доступность тестирования может быть ограничена стигмой, профилактика в образовательных учреждениях часто носит формальный характер.

По данным исследований, регулярное тестирование на ВИЧ проходит менее 40 % молодежи, входящей в потенциальные группы риска [5]. Это свидетельствует о низкой эффективности существующих механизмов вовлечения.

ВИЧ-инфекция влияет на демографическую ситуацию через несколько каналов: во-первых, увеличивается смертность среди лиц 30–44 лет – ключевой репродуктивной и экономически активной группы [6];

Во-вторых, снижается рождаемость: ВИЧ-положительные женщины реже принимают решение о рождении ребенка, несмотря на возможность профилактики вертикальной передачи.

ВИЧ-инфекция оказывает заметное влияние не только на состояние общественного здоровья, но и на социально-демографические процессы в регионе. Рост числа заболевших среди населения трудоспособного возраста приводит к дополнительным потерям человеческого капитала и сокращению экономически активной части населения. Существенное значение имеет и увеличение финансовой нагрузки на систему здравоохранения, поскольку поддерживающая антиретровирусная терапия предполагает длительное, фактически непрерывное медицинское сопровождение пациентов. Помимо этого, в территориях с высокой распространенностью ВИЧ фиксируется тенденция к снижению отдельных демографических показателей, включая ожидаемую продолжительность жизни населения. По оценкам исследователей, в наиболее неблагополучных регионах негативное влияние эпидемии может отражаться на средней продолжительности жизни населения, уменьшая ее на несколько лет [1]. Согласно оценкам, распространение ВИЧ может снизить ожидаемую продолжительность жизни на 2–3 года в наиболее пораженных регионах [1].

Особое внимание в системе профилактики ВИЧ-инфекции уделяется молодежи в возрасте от 18 до 29 лет. Именно эта возрастная группа отличается высокой интенсивностью социальных контактов, мобильностью и более частым вовлечением в формы поведения, потенциально связанные с риском инфицирования. Вместе с тем уровень практической осведомленности о механизмах передачи ВИЧ и способах профилактики остается неоднородным. Результаты социологических исследований показывают, что значительная часть молодых людей обладает лишь фрагментарными знаниями о заболевании, а использование средств

защиты нередко носит нерегулярный характер [5]. Кроме того, многие представители молодежи воспринимают угрозу заражения как отдаленную и не относящуюся лично к ним, вследствие чего профилактические рекомендации не всегда переходят в устойчивые модели поведения.

Подобная ситуация свидетельствует о наличии противоречия между формальным уровнем информированности и повседневными практиками молодежи. Социологическая экспертиза позволяет выявлять данный разрыв, анализировать причины его возникновения и оценивать, насколько действующие профилактические программы действительно влияют на изменение поведения целевых групп. Благодаря этому появляется возможность своевременно корректировать содержание профилактических мероприятий, усиливать адресный характер информационной работы и адаптировать формы коммуникации к особенностям молодежной аудитории. Исследования показывают, что только около 60 % молодежи правильно называют основные пути передачи, менее 50 % используют средства защиты регулярно, а значительная часть не воспринимает ВИЧ как личную угрозу [5].

С методологической точки зрения социологическая экспертиза профилактики ВИЧ-инфекции должна опираться на систему количественных и качественных индикаторов, позволяющих фиксировать не только конечные результаты, но и промежуточные эффекты социальных воздействий. К числу ключевых индикаторов относятся: уровень охвата целевых групп профилактическими программами; динамика информированности населения о путях передачи ВИЧ; распространенность рискованных поведенческих практик (незащищенные половые контакты, отказ от тестирования); степень доступности медицинских и консультативных услуг; уровень стигматизации ВИЧ-положительных; доверие к институтам здравоохранения и профилактики. Например, при высоком уровне формального информирования (более 80 % охвата информационными кампаниями) может сохраняться значительная доля рискованного поведения, что указывает на низкую трансформацию знаний в практики и свидетельствует о недостаточной эффективности профилактики [5]. В этом случае социологическая экспертиза фиксирует разрыв между когнитивным и поведенческим уровнями и требует корректировки профилактических стратегий. Кроме того, важным направлением является анализ институциональных барьеров: ограниченный доступ к анонимному тестированию, территориальная удаленность медицинских учреждений, а также страх социальной стигматизации, который, по данным исследований, является одной из ключевых причин отказа от тестирования [3]. Социологическая экспертиза позволяет выявлять не только количественные показатели, но и глубинные причины неэффективности профилактических мер, что делает ее необходимым инструментом разработки адресных управленческих решений.

Институционализация социологической экспертизы в сфере профилактики ВИЧ-инфекции предполагает ее включение в систему принятия управленческих решений на региональном и федеральном уровнях. В настоящее время экспертная деятельность носит фрагментарный характер и не всегда интегрирована в процесс разработки профилактических программ. Это приводит к ситуации, когда решения принимаются преимущественно на основе медицинских показателей, без учета социальных факторов распространения инфекции. Между тем международный опыт показывает, что эффективные стратегии профилактики ВИЧ базируются на регулярном социологическом мониторинге и экспертной оценке поведения населения [11]. Внедрение постоянных механизмов экспертизы позволяет оперативно выявлять изменения в структуре рисков, адаптировать профилактические меры и повышать их результативность. В условиях высокой динамики социальных процессов и изменения моделей поведения молодежи именно социологическая экспертиза обеспечивает гибкость и адаптивность системы профилактики.

Литература

1. Аглиуллина С. Т., Хасанова Г. Р. Современные стратегии профилактики ВИЧ-инфекции // Acta Biomedica Scientifica. 2018. Т. 3, № 1. С. 138–143.
2. Асылв В. В., Буданов Б. В., Асылва Г. Г. ВИЧ как угроза национальной безопасности // E-Scio. 2022. № 11. С. 45–50.

3. Кулин А. А., Цветков А. И., Епанешникова Д. С., Коробков И. В. ВИЧ/СПИД как угроза демографической безопасности региона // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 4. С. 106–116.
4. Кириленко В. А. Медико-социальные аспекты ВИЧ-инфекции // Сибирский медицинский журнал. 2017. № 2. С. 52–56.
5. Магадеев Х. Д., Абдрахманов Р. Ф., Шакирова Г. Р. Экспресс-тестирование ВИЧ в системе профилактики // Вестник СМУС. 2019. № 3. С. 87–91.
6. Покровский В. В., Ладная Н. Н., Покровская А. В. ВИЧ/СПИД и демография России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 57–73.
7. Соболева И. В., Чудаева О. В. Демографическая безопасность: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 32–40.
8. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications, 1992. 260 p.
9. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
10. Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995. 627 p.
11. Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (UNAIDS). Global HIV & AIDS statistics – 2023 fact sheet. URL: <https://www.unaids.org/en/resources/fact-sheet> (дата обращения: 04.05.2026).
12. World Health Organization. HIV/AIDS fact sheet. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/hiv-aids> (дата обращения: 04.05.2026).
13. Роспотребнадзор. ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31.12.2024. URL: <https://www.hivrusia.info/stat/> (дата обращения: 04.05.2026).

УДК 316.334.56(571.1/.5)

Д. К. Ильин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

И. В. Румянцев

Военный учебный центр имени дважды Героя Советского Союза генерала армии

А. П. Белобородова при ИГУ, г. Иркутск

РОЛЬ СМИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Обосновывается, что современный этап развития общества характеризуется ростом глобальных угроз, что резко повышает роль экспертного знания, однако одновременно усиливается кризис доверия к экспертизе. Анализируется роль СМИ в медийном воспроизводстве экспертного знания, влияние цифровизации, «эхо-камер» и «медийной экспертности». Особое внимание уделяется медиаграмотности как элементу экспертной культуры, роли журналистов как посредников между наукой и обществом, а также проблемам инфодемии и научной журналистики.

Ключевые слова: экспертное знание, медиасистема, глобальные угрозы, кризис доверия, медиаграмотность, инфодемия, междисциплинарность, цифровая трансформация, эхо-камеры, научная журналистика.

D. K. Ilin

Irkutsk State University, Irkutsk

I. V. Rumyantsev

Military training center named after Hero of the Soviet Union General of the Army

A. P. Beloborodov at Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE IMPLEMENTATION OF EXPERT CULTURE AND EXPERT KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES

The current stage of social development is characterized by growing global threats and increasingly complex risks, which enhances the role of expert knowledge as a basis for decision-making. However, a simultaneous crisis of trust in expertise is intensifying, and the media are becoming a space not only for the dissemination but also for the transformation of expert knowledge. This article analyzes the mechanisms of media reproduction of expertise, the impact of digitalization, echo chambers, and the phenomenon of "media expertise" on the perception of scientific assessments. Particular attention is paid to media literacy as an element of expert culture, the role of journalists as intermediaries between science and society, and the challenges of science journalism and the infodemic.

Keywords: expert knowledge, media system, global threats, crisis of trust, media literacy, infodemic, interdisciplinarity, digital transformation, echo chambers, science journalism.

Нынешняя фаза общественного развития отличается не просто количественным нарастанием глобальных вызовов, а их качественным усложнением, взаимными сцеплениями и последствиями, которые с трудом поддаются прогнозу. Пандемии, климатические сдвиги, перестройка международных отношений, технологические риски, куда входит развитие искусственного интеллекта и киберугрозы, – все это формирует среду принципиально иного типа. В такой среде привычные механизмы принятия решений демонстрируют недостаточность. Экспертное знание при подобных обстоятельствах перестаёт быть всего лишь одним из ресурсов: фактически оно превращается в базу для выработки адекватных стратегий реагирования. Парадоксальным образом, однако, по мере того как значимость экспертного знания возрастает, одновременно нарастает и кризис доверия к нему. Это обстоятельство требует отдельного анализа роли посреднических институтов – в первую очередь средств массовой информации.

Обращает на себя внимание, что современный социум нередко характеризуют как «общество риска» и «общество знания»; на практике же данные характеристики входят в противоречие. С одной стороны, усиливается зависимость от научных и экспертных оценок; с другой – нарастает скепсис относительно их объективности. В этой ситуации СМИ оказываются пространством, где не просто транслируются знания, но ведётся борьба за их интерпретацию. Благодаря своей интегративной функции медиасистема объединяет разнородные типы знания (духовно-познавательные, духовно-практические, практические и пр.) в единую медиакартину мира, которая усваивается аудиторией как фрагмент общего информационного пространства [8]. Иными словами, попадая в медиасреду, знание утрачивает сугубо научный статус и становится медийным продуктом.

Логика функционирования медиа ориентирована на удержание внимания аудитории, что требует упрощения, драматизации, персонализации сведений. В итоге экспертное знание нередко предстаёт в виде разрозненных фрагментов, лишённых контекста. Это, в свою очередь, ослабляет его объяснительный потенциал и способно порождать искажённую картину реальности. Бреусенко-Кузнецов подчёркивает, что современные кризисы психологии (и науки в целом) связаны не только с содержательной стороной знания, но и с формами его предъявления, коммуникацией, способами интеграции и презентации [1]. Следовательно, проблема коренится не столько в дефиците качественной экспертизы, сколько в особенностях её медийного воспроизводства.

Особую остроту эта проблема обретает в кризисных ситуациях, когда общество испытывает повышенную нужду в достоверных сведениях. Например, пандемия COVID-19 радикально трансформировала медиaproстранство, превратив его в арену, где одновременно распространяются и официальная/экспертная информация, и массовая дезинформация [3]. Вследствие обнаружилась закономерность – чем более разрознена медиасреда, тем ниже уровень доверия. Из этого вытекает, что стабильность информационной среды выступает значимым фактором формирования экспертной культуры.

Изменение характера самой экспертизы также заслуживает внимания. По мере усложнения глобальных процессов возрастает роль междисциплинарного знания, которое трудно адаптировать к традиционным медиаформатам. Климатическая повестка служит иллюстрацией: для её адекватного освещения требуется синтез экологических, экономических, социологических и политологических данных. Однако на практике СМИ чаще ограничиваются отдельными сюжетами, вследствие чего у аудитории складывается упрощённое представление о сложности проблемы. Ю. В. Давыдова отмечает, что освещение природных пожаров в российских медиа отличается поверхностностью. Журналисты, как правило, не вникают в причины, редко обращаются к научным данным или экспертным заключениям и почти не касаются системных мер профилактики. Итогом становится низкая аналитическая глубина и слабая просветительская роль СМИ [2].

Перед медиа встаёт непростая дилемма: необходимость сделать информацию доступной для широкой публики вступает в конфликт с требованием сохранить её научную корректность. В условиях острой конкуренции за внимание зрителей и читателей данное проти-

воречие проявляется особенно рельефно. Медийная среда функционирует по законам рынка, где главным ресурсом выступает не достоверность, а внимание аудитории. Вследствие этого даже хорошо обоснованные экспертные суждения нередко проигрывают более эффектным, но куда менее доказательным высказываниям.

Цифровая трансформация только усугубляет названные процессы, порождая новые каналы распространения контента. С одной стороны, интернет и социальные сети расширяют доступ к знаниям; с другой – кардинально меняют модель их потребления. Для многих интернет одновременно стал основным средством общения и главным источником новостей, что снижает роль традиционных СМИ как единственного источника информации [6]. Алгоритмы всё сильнее влияют на то, какие материалы попадают к пользователю: они подбирают персональные потоки информации и нацелены в первую очередь на то, чтобы удержать внимание. Это приводит к росту эмоционально насыщенного контента и формированию «эхо-камер» – закрытых сред, где доминируют сходные мнения. В таких условиях трудно продвигать подлинно экспертные знания, особенно если они расходятся с общепринятыми представлениями; даже достоверные научные данные часто воспринимаются как недостоверные или предвзятые. Сегодня под влиянием медиа и компьютерных алгоритмов меняется само представление о том, кого можно назвать настоящим специалистом. Раньше статус эксперта подтверждался официальными документами, например, дипломами, сертификатами, учёными степенями. Однако в цифровую эпоху эти критерии становятся менее чёткими. Возникает новое явление – публичная компетентность, когда востребованность человека как специалиста всё меньше зависит от глубины его знаний и всё больше от того, насколько он заметен в медиа и популярен у аудитории. Следствием этого становится повышенный риск распространения ошибочной или непроверенной информации [9].

Медиаграмотность становится ключевым элементом экспертной культуры. Главная задача медиаобразования – научить людей не только критически оценивать разные медиатексты, но и разбираться в том, как эти тексты создаются и как они действуют в обществе [7]. По данным исследовательской группы «Циркон», лишь около 43 % населения обладают достаточным уровнем медиаграмотности [4]. Это значит, что большая часть аудитории остаётся уязвимой к манипуляциям.

Проблема медиаграмотности носит не только индивидуальный характер, но и институциональный. Она зависит от системы образования, культурной политики и работы самих СМИ. В частности, недостаток внимания к развитию критического мышления в учебных программах способствует формированию пассивной аудитории, склонной к некритическому восприятию информации.

Журналист как посредник между наукой и обществом играет ключевую роль в формировании экспертной культуры. Его задача – не просто передавать факты, но и интерпретировать их. В условиях ускоренного новостного цикла журналисты часто ограничены во времени, что снижает возможности для глубокой проверки и анализа. Поэтому качественная журналистика требует не только профессиональных навыков, но и базовой научной подготовки; без этого возрастает риск искажения информации [5].

В последнее время заметно вырос интерес к научной журналистике как к обособленной сфере. Однако её становление сдерживают определённые трудности: нехватка средств и слабый запрос со стороны публики. Так образуется порочный круг: из-за дефицита качественных материалов падает внимание аудитории, а низкая востребованность, в свою очередь, не даёт возможности создавать такие материалы.

В современном информационном поле особого внимания заслуживает явление инфодемии – типичная особенность нынешней коммуникационной среды. Чрезмерный объём данных, среди которых встречается и недостоверная информация, приводит к тому, что даже компетентный пользователь испытывает сложности при их анализе. В такой ситуации всё более востребованными становятся структуры, способные выступать в роли навигаторов в информационных потоках. Гипотетически функции подобных навигаторов могли бы выпол-

нять средства массовой информации. Однако на деле СМИ зачастую сами оказываются частью процесса бездумного распространения сведений, не проходящих надлежащую проверку.

СМИ также воздействуют на то, как формируется общественная потребность в экспертных знаниях. Отбирая темы и предлагая их трактовку, медиа задают перечень вопросов, выносимых на публичное обсуждение. Это обстоятельство приобретает особую значимость в условиях глобальных вызовов, многие из которых отличаются долгосрочным характером и потому не всегда осознаются как насущные.

Таким образом, медиасистема реализует не только информационную задачу, но и когнитивную – она задаёт рамки и способы восприятия и осмысления действительности. В этом смысле можно говорить о том, что СМИ участвуют в конструировании социальной реальности, в том числе влияют на то, как общество понимает и оценивает экспертное знание.

В заключение можно сказать, что роль СМИ в реализации экспертной культуры на фоне глобальных угроз носит сложный и неоднозначный характер. С одной стороны, они служат каналом распространения знаний, с другой – выступают фактором их преобразования. Насколько эффективно медиа справляются с этой задачей, зависит от множества условий: профессионализма журналистов, уровня медиаграмотности публики, институциональной среды и культурных особенностей.

Современные вызовы заставляют по-новому взглянуть на место СМИ в системе научной коммуникации. Без выработки устойчивых механизмов взаимодействия между наукой, медиа и обществом невозможно добиться адекватного понимания и применения экспертных знаний. В ином случае возрастает риск распространения дезинформации, падения доверия к научному сообществу и, как итог, принятия неэффективных решений.

Литература

1. Бреусенко-Кузнецов А. А. История проектов интеграции психологического знания: осмысление в свете кризисов научной психологии // Теоретические исследования в психологии. 2018. Т. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-proektov-integratsii-psihologicheskogo-znaniya-osmyslenie-v-svete-krizisov-nauchnoy-psihologii> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Давыдова Ю. В. Тема природных пожаров в российской экологической медиаповестке // МедиаАльманах. 2024. № 5. С. 63–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-prirodnih-pozharov-v-rossiyskoyekologicheskoy-mediapovestke> (дата обращения: 11.03.2026).
3. Ефимов П. С. Эволюция FAKE NEWS до и во время пандемии covid-19: становление и развенчание // Проблемы науки. 2022. № 4 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-fake-news-do-i-vo-vremya-pandemii-covid-19-stanovlenie-i-razvenchanie> (дата обращения: 11.03.2026).
4. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Марков Д. В. Доверие молодежи медиаисточникам получения политической информации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3 (75). С. 43–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-molodezhi-mediaistochnikam-polucheniya-politicheskoy-informatsii> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Сахарова А. В. Охотники за креативностью: роль научных коммуникаторов в оценке научного исследования // Epistemology & Philosophy of Science. 2024. № 2. С. 175–188. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohotniki-za-kreativnostyu-rol-nauchnyh-kommunikatorov-v-otsenke-nauchnogo-issledovaniya> (дата обращения: 25.03.2026).
6. Толоконникова А. В., Черевко Т. С. Потребление новостной информации в интернете студентами МГУ имени М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 4. С. 142–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-novostnoy-informatsii-v-internete-studentami-mgu-imeni-m-v-lomonosova> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.
8. Шкондин М. В. Интегративные качества медиасистемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 2. С. 17–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnye-kachestva-mediasistemy> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Щеглов И. А. Homo expertus как социокультурный феномен современности // Гуманитарный вестник. 2022. № 6 (98). С. 1–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-expertus-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-sovremennosti> (дата обращения: 20.03.2026).

Е. А. Бухарова, Е. В. Решетникова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрены ключевые аспекты понимания этнокультурности и ее взаимосвязи с гражданской идентичностью. Представлен краткий анализ этнокультурных ценностей как фактора гражданской идентичности молодежи.

Ключевые слова: этнокультурность, молодежь, гражданская идентичность, этнокультурные ценности.

E. A. Bukharova, E. V. Reshetnikova
Irkutsk State University, Irkutsk

ETHNOCULTURAL VALUES AS A FACTOR OF YOUTH CIVIC IDENTITY

The article examines the key aspects of understanding ethnoculturalism and its relationship with civic identity. A brief analysis of ethnocultural values as a factor of youth civic identity is also presented.

Keywords: ethnoculturalism, youth, civic identity, ethnocultural values.

В современных условиях развития социума и среды новое смысловое значение в общественном сознании и восприятии приобретают культурные ценностные ориентации, которые задают иные тенденции в формировании этнокультурного поля. Молодежь, в свою очередь, как активный проводник и отражение социальной трансформации общества, его норм и ценностей, наиболее восприимчиво к новым тенденциям, так как они ключевым образом влияют на мировоззренческую культуру и гражданскую идентичность молодого поколения.

Рассматривая понятие этнокультурности, стоит отметить, что оно подразумевает восприятие этнической культуры как многогранное проявление традиционной культуры народа, которое имеет свою структуру и формы, заключающиеся в таких общепринятых компонентах как народная мудрость и поверья, фольклор и обычаи, национальная одежда, особенно жилища, народной кухни, творчества, медицины и так далее. В свою очередь, этнокультурная принадлежность является отражением связи человека или процесса с культурой определенной нации или народа.

Отдельно необходимо отметить, что этнокультурность как компетенция, овладение которой является частью процесса социализации и адаптации индивида, представляет собой способность человека к восприятию, осознанию, пониманию, уважению этнокультурных ценностей как своего народа, так и других, при этом этнокультурная компетентность находит свое проявление в виде возможности индивида эффективно взаимодействовать с представителями других этносов.

Молодежь, как наиболее активная социально-демографическая группа, которая непрерывно сталкивается с изменениями общества базовые ценностные ориентации и основы для формирования своего мировоззрения и личности берет именно из этнокультурного поля своей страны, которое является отражением культурного многообразия народов, проживающих на ее территории. Кроме того, еще одним немаловажным компонентом, который лежит в основе ценностной модели современной молодежи является гражданская идентичность, которая выступает в качестве своеобразного дополнения к этнокультурности. Сущность понятия гражданской идентичности находит свое отражение в теории Э. Эриксона, которая представляет собой личностную непрерывность и тождественность [5]. Он отмечал, что обладание идентичностью подразумевает ощущение себя, своего бытия как личности стабильным и неизменным, независимым от внешних трансформаций и изменения самовосприятия, а также оно проявляется в виде ощущения индивидом связи между собственной непрерывностью и признанием этого явления окружающими [5]. В свою очередь, в рамках рассмотрения концепции развития сознания у детей принадлежности к национальной группе Ж. Пиаже понимает, как формирование когнитивных моделей, ассоциирующихся с родным

домом, семьей и Родиной [2]. Одной из приоритетных задач в процессе становления гражданской идентичности, по мнению А. Г. Асмолова является самоопределение молодежи, которое включает в себя обязательное осознание принадлежности к сообществу граждан определенной страны на культурной основе [1]. К основным показателям сформированной гражданской идентичности относятся такие индивидуальные характеристики личности, как: патриотизм, гражданственность, социально-критическое мышление, которое обеспечивает когнитивную базу для осуществления свободного жизненного выбора.

Взаимосвязи этнокультурности и гражданской идентичности молодежи, прежде всего, проявляется углублении понимания культурных и исторических традиций своего народа, его языка, творчества, а также погружении в его историческую память. Данные компоненты дают молодому человеку осознание своих корней, самобытности собственного народа. Кроме того, в таком случае, гражданская идентичность подразумевает принятие себя в качестве части своей страны, территориальной и культурной общности.

Базовыми этнокультурными ценностями, которые транслируются молодежи выступают семейственность, взаимопомощь, уважение к старшим, любовь в различных ее проявлениях (семье, родному краю, культуре и т. д.). Данные ценностные ориентации становятся фундаментом для дальнейшего конструирования, трансформации и развития гармоничной личности, а дополнительные элементы, которые несут социальное и этнокультурное значение приобретаются молодыми людьми в процессе дальнейшего роста и самосовершенствования. Также стоит отметить, что формированию и масштабированию этнокультурной компетентности и устойчивой гражданской идентичности в молодежной среде способствуют следующие компоненты:

1. Историческая память выступает в качестве механизма направленного на формирование у молодого поколения знаний и осмысленного отношения к событиям и процессам, происходящим в прошлом собственного народа, а также именно историческая память отвечает за осознание и понимание молодежью вклада, которое внесло население нашей страны в развитие государства;

2. Традиционные морально-нравственные и духовные ценностные ориентации выражаются в формате фундаментальных элементов построения общества и государства, среди них можно выделить семью, коллективизм, справедливость, трудолюбие и так далее. Они становятся нравственным компасом для молодых людей в их личностном развитии, предотвращая возможную дезадаптацию и дезориентацию в условиях глобализации;

3. Культурное взаимодействие и межкультурная коммуникация предполагают воспитание и развитие у молодежи уважения к культуре и традициям других наций и этносов, проживающих в нашей стране, что способствует предотвращению проявлений дискриминации и развивает толерантное отношение к представителям других народов [4].

Внедрение и распространение данных компонентов является олицетворением формирующегося этнокультурного пространства, которое способствует формированию устойчивых взаимосвязей внутри общества и государства, предоставляя возможность для нахождения новых точек соприкосновения и сплочения как молодого поколения, так и населения в целом в условиях глобальных изменений.

Ключевыми институтами, которые оказывают непосредственное влияние на формирование, развитие и распространение этнокультурных ценностей в молодежной среде являются:

1. Одним из главных институтов, отвечающим за первичную социализацию индивида, его воспитание и развитие, трансляцию повседневно-бытовой культуры, родного языка, традиций и обычаев, является семья, которая является одним из фундаментальных механизмов общественного воспроизводства.

2. Другим источником передачи и формирования этнокультурных ценностей является образовательная система, которая создает условия для изучения культуры, истории, литературы, родного языка, позволяя молодежи погрузиться в этнокультурное поле нашей страны, при этом благодаря внеучебной деятельности у них есть возможность проникнуться этнокультурными ценностями не только в теории, но и на практике.

3. Еще одним механизмом для распространения этнокультурных ценностей в молодежной среде выступает государственная молодежная политика, которая осуществляет поддержку этнокультурных проектов, посредством предоставления грантов, помогает в развитии волонтерским объединениям и способствует сохранению исторического развития [4].

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что этнокультура и гражданская идентичность представляют собой взаимосвязанные явления, которые являются значимыми элементами в процессе адаптации, социализации, индивидуализации личности представителей молодого поколения, при этом составляя фундамент для формирования их мировоззрения и мировосприятия, представляя базовые ценностные ориентации для развития и самосовершенствования индивида, его духовно-нравственного роста.

Литература

1. Асмолов А. Г. Граждане или подданные: государственная идеология воспитания // Образовательная политика. 2015. № 4 (66). С. 2–4.
2. Психология самосознания : хрестоматия. Самара : БАХРАХ-М, 2000. 672 с.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М. : Аспект Пресс, 2009. 368 с.
4. Степанова Г. С. Соотношение этнокультурной и гражданской идентичности в самосознании студенческой молодежи // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. С. 88–97.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта, 2006. 341 с.

УДК 502/504+349.6+351.77

С. К. Удалых

Иркутское региональное отделение
Российской академии естественных наук, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ УЛУЧШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Рассматриваются вопросы улучшения экологического благополучия, усиления контрольно-надзорной и экспертной деятельности за состоянием окружающей среды. Отмечается большая роль государства в создании необходимой нормативно-законодательной и организационной базы для достижения экологического благополучия. Исследуются направления усиления и расширения общественной экспертизы за реализацией экологических проектов, решений и инициатив с участием молодежи страны, в том числе из числа студентов и школьников.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, экологическое благополучие, контрольно-надзорная деятельность, надзорные органы, национальные проекты, общественная экспертиза.

S. K. Udalykh

Irkutsk Regional Office Russian Academy of Natural Sciences, Irkutsk

TRANSFORMATION OF EXPERT ACTIVITIES AND CHALLENGES IN IMPROVING ENVIRONMENTAL WELL-BEING

The article discusses the issues of improving environmental well-being and strengthening control and expert activities related to the state of the environment. It highlights the significant role of the state in creating the necessary regulatory, legislative, and organizational framework for achieving environmental well-being. The article explores the ways to strengthen and expand public expertise in the implementation of environmental projects, decisions, and initiatives involving young people, including students and schoolchildren.

Keywords: ecology, environment, environmental welfare, control and supervision activities, supervisory bodies, national projects, public expertise.

Введение. Российское государство осуществляет свою регулирующую, контрольно-надзорную и экспертную деятельность, широко используя все функции и методы современного менеджмента, т. е. планирование, организацию, управление, координацию и контроль. Так, в систему стратегического планирования развития национальной экономики и социальной сферы внедрен программно-целевой метод. Осуществлена модернизация контрольно-надзорных методов с реализацией риск-ориентированного подхода. Счетная палата России

проводит плановые экспертные мероприятия по эффективности использования бюджетных средств. Представители организации «Общероссийский народный фронт», массовое волонтерство и отдельные активные личности вносят свой весомый вклад в экспертное изучение многих производственных и социальных действий как государственных и муниципальных властей, так и компаний, предприятий, организаций и учреждений. Большое экспертное внимание должно быть уделено проблемам улучшения экологического благополучия всей страны и ее регионов, бизнеса, российского населения и гостей из других государств. Высокий уровень экологического благополучия достигается совместными усилиями государственных и муниципальных органов власти, всех отраслей национальной экономики и социальной сферы, общественности и отдельных граждан.

Понятие, значение и содержание экологического благополучия приведены в Экологической доктрине Российской Федерации [10]. В российском понимании указанное благополучие означает сохранение природной системы, поддержание ее целостности и жизнеобеспечивающих функций, а также достижение благоприятного состояния окружающей среды как необходимое условие повышения качества жизни, улучшения здоровья граждан и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны. Экологическое благополучие является одной из национальных целей развития страны и населения на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., определенных Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 [6]. Конкретные цели, задачи и ключевые мероприятия улучшения экологического благополучия поставлены в национальном проекте «Экологическое благополучие» со сроками реализации 2025–2030 гг. [11].

Улучшение экологического благополучия не происходит естественным путем, без препятствий и без ограничений; оно достигается огромными трудовыми, материальными, техническими и финансовыми затратами. Такой комплексный набор ресурсов необходим, например, для создания очистных сооружений, возведения объектов утилизации и переработки отходов производства и потребления, осуществления рекультивации земель, предотвращения пожаров и наводнений, восстановления лесов, формирования комфортной среды проживания, обеспечения населенных пунктов питьевой водой и др. При этом требуется экономия затрат и организация бережливого хозяйства, соблюдение нормативных и плановых затрат ресурсов, сокращение сроков проектирования и строительства объектов, повышение качества вводимых в действие объектов и т. д. Вместе с тем во многих случаях при исполнении мер по улучшению экологического благополучия фиксируются серьезные нарушения установленных норм и требований, в том числе срыв сроков ввода в строй очистных сооружений, образование несанкционированных свалок отходов, загрязнение атмосферы и водоемов, уничтожение пожарами лесов и пр.

В сложившейся ситуации необходимы надзор, контроль и экспертная деятельность для выявления факторов и конкретных причин недостижения целей и неисполнения установленных показателей, потерь ресурсов, снижения качества продукции и услуг, уменьшения темпов развития и эффективности как отдельных предприятий и организаций, так и отраслей, территорий и страны. Российская контрольно-надзорная система организована с учетом положений федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [5]. Контрольно-надзорная и экспертная деятельности осуществляются федеральными, региональными и муниципальными органами власти на основе системы нормативно-законодательных актов (федеральные и региональные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и другие документы). Большое значение в последнее время уделяется широкому привлечению общественности, в том числе деловых сообществ (союзов, ассоциаций, объединений) для экспертной оценки проектов федеральных и региональных законов, проектов решений (постановлений, распоряжений) Правительства страны и администраций регионов. Дальнейшее расширение привлечения представителей «Общероссийского народного фронта», молодых волонтеров, студенчества в работу по оценке отдельных экологических проектов, по аудиту выполнения государственных зада-

ний о сохранении окружающей среды и по достижению национальных целей также дает существенный социальный и хозяйственный эффект.

Основные места и объекты, которые создают угрозы для окружающей среды, во всех регионах страны относительно хорошо известны. В течение последних лет в регионах ведется работа государственных и муниципальных органов власти и корпоративная деятельность по улучшению экологической ситуации. Выясняется, что такого участия крайне недостаточно, и поэтому в дальнейшем необходимы общественные экспертные экологические оценки и народное «аудиторское» видение динамики изменения ситуации. При этом нужны также открытость и прозрачность экологических проектов и решений; требуется образование общественных наблюдательных советов за созданием объектов по улучшению экологической обстановки, например, сортировочных и мусоро-перерабатывающих заводов, очистных сооружений, полигонов захоронения отходов.

Результаты исследования

1. В прошлую шестилетку (2019–2024 гг.) национальный проект «Экология» включал 11 федеральных проектов: «Чистая страна», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Чистый воздух», «Чистая Вода», «Сохранение озера Байкал», «Сохранение лесов», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» и др. Наше исследование содержания указанных национального и федеральных проектов показало, что в них были включены почти все главные экологические проблемы страны, в том числе Байкальской природной территории (БПТ), которые предстояло разрешить. Отмечаем, что многие мероприятия проекта успешно исполнены; ряд же важных решений не выполнены, и в открытой печати подробные отчеты о реализации проекта «Экология» и входящих в него федеральных проектов не опубликованы.

2. Новый национальный проект «Экологическое благополучие» (2025–2030 гг.) является межотраслевым проектом, т. е. его исполняют власти всех уровней, менеджмент всех ступеней и трудовые коллективы разных отраслей. В реализации проекта участвуют 15 федеральных министерств и ведомств и все 89 регионов страны. Проект включает шесть федеральных проектов: «Вода России», «Чистый воздух», «Генеральная уборка», «Экономика замкнутого цикла», «Сохранение лесов» и «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма». Основные сводные показатели национального проекта следующие: снижение выбросов опасных загрязняющих веществ в городах на 20 %; снижение объёма неочищенных сточных вод, сбрасываемых в водные объекты, на 15 %; количество ликвидированных опасных объектов накопленного вреда – 50 шт.; количество посетителей особо охраняемых природных территорий федерального значения – 20,6 млн чел.; отношение площади лесовосстановления к площади вырубленных и погибших лесов – 112 %; снижение негативного воздействия на Центральную экологическую зону Байкальской природной территории – на 41,6 %.

3. В России создана относительно полная научно-методическая, организационно-распорядительная и нормативно-законодательная база, которая позволяет успешно реализовывать проект «Экологическое благополучие». Важным элементом менеджмента для исполнения проекта является функция «контроля» (в том числе надзора, экспертизы). В стране существует несколько федеральных служб надзора и контроля, которые осуществляют контрольно-надзорные функции в различных сферах. Некоторые из них, имеющих прямое отношение к экологическому благополучию, следующие: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор), Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и др. Указанные федеральные службы имеют территориальные подразделения, которые на местах

осуществляют функции контроля, надзора и экспертизы. На территории страны функционируют: государственный экологический надзор, государственный геологический надзор, государственный земельный надзор, государственный лесной надзор, государственный строительный надзор, государственный энергетический надзор, государственный охотничий надзор, государственный пожарный надзор, государственный надзор сохранения водных биоресурсов, государственный контроль в сфере социального обслуживания и др. Проведением государственной экспертизы проектной документации, экспертизы результатов инженерных изысканий, проверки достоверности определения сметной стоимости объектов капитального строительства, реконструкции или технического перевооружения объектов занимается Главное управление государственной экспертизы – Главгосэкспертиза России [9]. Приняты основные документы, в том числе Экологическая доктрина Российской Федерации, федеральные законы: «Об экологической экспертизе», «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», «Об отходах производства и потребления», «Об охране озера Байкал», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и др.

4. В стране завершена Программа «Реформа контрольной и надзорной деятельности»; срок реализации программы – с 2019 г. до 2025 г.; в настоящее время ведется следующий этап реформирования – реализуется механизм «регуляторной гильотины». Этот механизм направлен на пересмотр или отмену массива обязательных требований к бизнесу с переходом на регулярный шестилетний цикл их актуализации. Основные цели реформы: снижение административной нагрузки на организации и граждан-предпринимателей; повышение качества администрирования контрольно-надзорных функций; уменьшение числа смертельных случаев, заболеваний и отравлений, материального ущерба. Основные направления реформы: внедрение риск-ориентированного подхода; внедрение системы новой оценки результативности и эффективности работы контрольно-надзорных органов; внедрение системы комплексной профилактики нарушений обязательных требований; внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности. В 2023 г. была утверждена Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности [3]. По данным на 2025 г. реформа позволила снизить число проверок, повысить эффективность контрольно-надзорной деятельности и создать современную информационную инфраструктуру.

5. Усиливаются и расширяются мероприятия Счетной палаты России по оценке эффективности использования бюджетных средств в ходе исполнения национальных проектов, в том числе проектов по улучшению экологической обстановки. Счетная палата России также выполнила Поручение Президента РФ о подведении итогов исполнения национальных проектов за 2029–2024 гг. По информации на 20 марта 2025 г., Счётная палата России выявила серьёзные недостатки в реализации экологических программ, в частности, «Чистый воздух» и охраны озера Байкал. Для территориальных счетных палат разработаны Методические рекомендации по проведению аудита государственных программ Российской Федерации, реализации национальных и федеральных проектов [4].

6. Усиливается информационная деятельность федеральных и региональных органов власти, а также крупных российских компаний в области охраны окружающей среды, развития открытости и прозрачности мер и действий по улучшению экологического благополучия. Так, Минприроды России ежегодно выпускает для ознакомления органов власти, заинтересованных организаций, специалистов и населения Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации и Государственный доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране», которые содержат обширный и детальный цифровой и оценочный материал по экологической обстановке в стране и ее регионах [1; 2]. Крупные российские компании (Роснефть, Ростех, Газпром, Росатом, РЖД, Лукойл, Транснефть, Норникель, компания «Эн+», Иркутская нефтяная компания и др.) на своих сайтах регулярно размещают подробную информацию о состоянии окружающей среды на местах присутствия их производств и организаций.

7. Наблюдается реализация разных мер по расширению участия общественности, в том числе местного населения в общественных обсуждениях по объектам государственной экологической экспертизы. В Минприроды России сформирован Общественно-экспертный совет по национальному проекту «Экологическое благополучие», который вносит предложения и оценивает целесообразность мероприятий не только по «своим» шести федеральным проектам, но и по федеральным проектам «Геология: возрождение легенды», «Развитие научно-экспедиционного флота» и «Защита от наводнений и других негативных воздействий воды, обеспечение безопасности гидротехнических сооружений», входящих в другие национальные проекты. В ряде деловых объединений, в том числе в Торгово-промышленной палате России, Российском союзе промышленников и предпринимателей, «Деловой России», «Опоре России» образованы эффективно действующие комитеты и комиссии по экологическим проблемам.

8. В составе Государственного Совета РФ, который является конституционным государственным органом, образованы 21 Комиссия по направлениям социально-экономического развития, в том числе Комиссия по направлению «Экологическое благополучие». Эта специальная Комиссия является экспертной площадкой для диалога представителей федеральных, региональных и местных органов власти, государственных компаний и корпораций, общественных объединений, науки и бизнеса. Комиссия работает над совершенствованием нормативно-правовой базы и созданием единых государственных экологических стандартов ведения бизнеса; осуществляет поддержку экологических проектов и занимается координацией усилий властей всех уровней, бизнеса и экспертного сообщества в сфере экологии.

Авторские выводы и предложения

1. Предлагается Правительству РФ обновить Концепцию совершенствования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации и распространить ее действие до 2030 г. в качестве важной методологической, теоретической и практической основы для проведения мероприятий, в частности, по улучшению экологического благополучия в стране; действие же первой подобной Концепции завершилось в 2025 г.

2. Материалы экспертизы национальных проектов по экологии за 2019–2024 гг. и за 2025 г. (проекты на 2025–2030 гг.), которая проведена Счетной палатой России по прямому заданию Президента РФ, до сих пор не опубликованы в открытой печати; предлагается размещение указанных итогов на сайтах Президента РФ и Правительства РФ.

3. Для дальнейшего усиления влияния общественности на улучшение экологического благополучия предлагается полная реализация требований и положений федеральных законов «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и «Об экологической экспертизе» в части реализации волонтерских инициатив и расширения участия молодежи в экспертных экологических мероприятиях [7; 8]. В каждом регионе страны имеются огромные возможности для вовлечения молодежи в общенародное дело по сохранению окружающей среды. Так, например, на 42 муниципальных образованиях Иркутской области на начало 2026 г. учтено 3475 объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду; за этими объектами необходим государственный экологический контроль и общественное экспертное сопровождение. В первую очередь предстоит формирование и расширение потенциального контингента общественных (народных) экспертов экологического состояния окружающей среды. Основные группы населения для подобных экспертиз – это студенты высших и средних учебных заведений, молодежь колледжей и школьники, участники студенческих строительных отрядов и спортивно-оздоровительных лагерей, экологические отряды и школьные лесничества, туристы, инициативные группы жителей городов и других поселений, группы активистов и отдельные граждане.

4. Наиболее важные объекты и места для общественных экспертных экологических оценок и аудиторских представлений об изменениях, например, на Байкальской природной территории (БПТ), по мнению автора, следующие:

- территория бывшего Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (уборка огромных опасных отходов ведется неэффективными мерами несколько лет);

- территория бывшего комбината Усольехимпром (также несколько лет ведется демонтаж оборудования и утилизация опасных отходов);

- захламленные территории бывших промышленных предприятий, например, в Иркутской области (завода аккумуляторов «Востсибэлемент», Тулунского и Бирюсинского гидролизных заводов);

- крупные предприятия, на долю которых приходится наибольший объем вредных отходов и выбросов (Шелеховский и Братский алюминиевые заводы, Братский лесопромышленный комплекс, Усть-Илимский целлюлозно-картонный комбинат, Ангарская нефтехимическая компания, предприятие Саянскхимпласт);

- инфраструктура создаваемых в течение почти 20 лет особых экономических зон туристско-рекреационного типа («Ворота Байкала» и «Байкальская гавань»);

- организация круизного туризма на Байкале (многолетнее создание концепции круизного туризма, сооружения водных судов и строительства пристаней);

- подготовка кадров для экспертной оценки состояния окружающей среды;

- преобразование среды проживания населения в результате разработки и реализации мастеров-планов городов и других поселений;

- промежуточные итоги реализации федеральных проектов, входящих в национальный проект «Экологическое благополучие».

5. Основные направления общественных экспертных экологических оценок и аудиторских видений следующие:

- ремонт дорог и благоустройство общественных пространств, в том числе установка детских и спортивных площадок, обустройство скверов, парков, зеленых зон и поясов, создание туристских троп и мест отдыха;

- очистка от мусора и бытовых отходов берегов озера Байкал, водохранилищ и основных рек (Ангара, Иркут, Китой, Селенга и др.), очистка от загрязнений многих промышленных площадок;

- реализация мер по уборке производственных отходов, по снижению выбросов в атмосферу и водную среду действующими предприятиями ряда городов (Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово, Шелехов, Саянск, Братск, Улан-Удэ, Гусиноозерск, Кяхта, Селенгинск, Петровск-Забайкальский и др.);

- уборка и очистка лесов вокруг основных городов и поселений; воспроизводство и бережение лесов;

- организация подготовки к пожароопасному периоду во всех округах и районах;

- ликвидация несанкционированных свалок и объектов накопленного вреда окружающей среде;

- сооружение новых и ремонт действующих причалов, пристаней и очистных сооружений;

- подготовка к недопущению наводнений и подтоплений территорий (наводнение в Тулунском районе в 2019 г. и подтопление Хомутовской территории Иркутского муниципального округа в 2026 г.).

6. Эффективная реализация ряда ключевых мер по улучшению экологической обстановки возможна при участии квалифицированных кадров; для этого предлагается нижеследующее:

- ввести в вузах на инженерных и гуманитарных специальностях особый учебно-образовательный курс (дисциплину) – «Основы экспертных экологических оценок и аудиторских видений» (в состав курса включить разделы: «Основы анализа хозяйственной деятельности», «Основы аудита экологического состояния предприятия и территории», «Основы налогообложения субъекта хозяйственной деятельности»);

- создать в г. Байкальске (Иркутская область) «Общероссийский экологический учебный центр» с целью оснащения специалистов разных отраслей национальной экономики

и социальной сферы современными теоретическими и практическими знаниями в области охраны окружающей среды и улучшения экологической обстановки;

– масштабировать уникальный проект Главгосэкспертизы (Минстрой России) под названием «Экспертиза будущего» для развития профессиональных и управленческих компетенций, обмена опытом и лучшими отраслевыми практиками [9].

7. Предлагается федеральному агентству Росмолодёжь совместно с Минпросвещения России и Минобрнауки России обратиться с посланием ко всем молодым гражданам страны активно поддерживать государственные меры по сохранению окружающей среды и принимать массовое участие в акциях по улучшению экологического благополучия территорий.

Заключение. Улучшение экологического благополучия является национальной целью России, успешное достижение которой возможно при общих усилиях. Основные действия осуществляют государство и деловое сообщество. В то же время неуклонно повышается роль общественности в сохранении окружающей среды. Важным направлением является усиление и расширение народной экологической экспертизы мероприятий и проектов.

Литература

1. Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году» / Минприроды России, ФГБУ ВНИИ Экология. М., 2025. URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Государственный доклад «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2024 году» / Минприроды России, ФГБУ ВНИИ Экология. М., 2025. URL: <http://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года : распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408171459/?ysclid=mnkddo0u78631897105> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Методические рекомендации по проведению аудита государственных программ Российской Федерации, реализации национальных проектов (программ) и федеральных проектов : утв. коллегией Счетной палаты РФ от 12.04.2024. URL: <http://ach.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (с изм. на 29.12.2025). URL: <http://docs.cntd.ru/document/565415215?ysclid=mnx628p9a0887559305> (дата обращения: 30.04.2026).
6. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.07.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 30.04.2026).
7. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 г.). URL: <http://base.garant.ru/70700452> (дата обращения: 30.04.2026).
8. Об экологической экспертизе : федер. закон от 25.11.1995 № 114-ФЗ (в ред. от 15.12.2025). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014668?ysclid=mnx3x43qm7984156520> (дата обращения: 30.04.2026).
9. Федеральное автономное учреждение Главгосэкспертиза России. URL: <http://gge.ru/?ysclid=mnjyqjxpay263389011> (дата обращения: 30.04.2026).
10. Экологическая доктрина Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901826347> (дата обращения: 30.04.2024).
11. Экологическое благополучие. Национальный проект. URL: http://национальные_проекты.рф/new-projects/ekologicheskoe-blagopoluchie (дата обращения: 30.04.2026).

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматривается трансформация внутреннего туризма в современной России (по результатам комплексного социологического исследования в Иркутской области) в условиях актуальных вызовов и факторов, влияющих на его состояние и развитие. Проведённое исследование позволило проанализировать особенности развития внутреннего туризма в Иркутской области. Полученные результаты свидетельствуют о том, что внутренний туризм рассматривается как значимый фактор социально-экономического развития региона, способствующий росту занятости населения, развитию предпринимательской активности и повышению туристической привлекательности территории.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, развитие, регион, туристический поток, Россия, Иркутская область, население, эксперты, исследование.

E. V. Gamernik

Apparatus of the Public Chamber of the Irkutsk Region, Irkutsk

DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM IN MODERN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF A COMPREHENSIVE SOCIOLOGICAL SURVEY IN THE IRKUTSK REGION)

The transformation of domestic tourism in modern Russia (based on the results of a comprehensive sociological study in the Irkutsk region) is considered in the context of current challenges and factors affecting its state and development. The conducted study allowed us to analyze the features of the development of domestic tourism in the Irkutsk region. The results obtained indicate that domestic tourism is considered as a significant factor in the socio-economic development of the region, contributing to the growth of employment, the development of entrepreneurial activity, and the increase in the tourist attractiveness of the territory.

Keywords: tourism, domestic tourism, development, region, tourist flow, Russia, Irkutsk Region, population, experts, research.

Внутренний туризм в современной России становится важным фактором социально-экономического развития регионов, повышения качества жизни населения и укрепления национальной идентичности. В условиях снижения международной мобильности и ограничений на зарубежные поездки интерес россиян к путешествиям внутри страны значительно возрос.

Государство активно поддерживает развитие отрасли, что отражено в Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 г. и реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [1; 2]. Вместе с тем развитие туризма в регионах происходит неравномерно, что требует научного анализа региональных факторов, влияющих на формирование туристического потенциала территорий.

Социологические методы позволяют исследовать внутренний туризм не только как отрасль экономики, но как сложную систему социального взаимодействия. Это включает в себя анализ туристических практик различных групп населения, моделей потребления, смыслов, приписываемых путешествиям по родной стране, а также последствий для локальных сообществ, вовлечённых в туристическую деятельность. Туризм может выступать как фактор локальной экономической мобилизации, создавая условия для самозанятости, реализации культурных инициатив, восстановления и переосмысления региональной идентичности. Вместе с тем он способен порождать риски – культурной коммерциализации, конфликтов интересов между туристами и жителями, экологического давления и неравномерного распределения выгод.

Региональная политика в области туризма становится всё более многоплановой и требует баланса между экономической эффективностью и социокультурной устойчивостью. Для устойчивого развития туризма в российских регионах необходимо учитывать традиции, обычаи и

особенности конкретного региона. Гибкая система управления, а также отлаженное взаимодействие между органами власти, бизнесом и обществом – играет важную роль в его развитии.

Важно отметить, что региональные особенности и возможные ресурсы (инфраструктура, природа, культура и т. д.) оказывают значительное влияние на туристический поток. В этом контексте Иркутская область рассматривается как один из значимых туристских регионов России, обладающий уникальным природным потенциалом, связанным прежде всего с озером Байкал, что определяет высокий уровень туристской привлекательности региона.

Комплексное социологическое исследование в Иркутской области, проведенное с июня по ноябрь 2025 г., позволило выявить восприятие населением туризма как стратегически значимой отрасли регионального развития. В исследовании приняли участие 685 чел. (156 мужчин – 22,8 %, 529 женщин – 77,2 %) и 25 экспертов, компетентных в области туризма.

Население и эксперты оценивают внутренний туризм как важный фактор социально-экономического развития региона, способствующий росту занятости населения и повышению уровня жизни развитию региональной экономики. Вместе с тем выявлены проблемы, требующие решения: недостаточный уровень инфраструктурной обеспеченности, ценовая доступность туристских услуг, экологическая нагрузка на природные объекты, необходимость расширения инновационных решений и цифровых сервисов.

Выявлено, что Иркутская область является центром притяжения внутреннего туристического потока России (эксперты – 80 %, население – 74,3 %). Инновационными решениями по развитию внутреннего туризма в Иркутской области эксперты в первую очередь ориентируются на федеральные инициативы и выделяют Федеральный проект «Пять морей и озеро Байкал» (34,8 %), когда население считает, что инновационным решением может стать Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» до 2030 г. (30,6 %).

По результатам полученных данных, эксперты (52 %) разделяют мнение о том, что создание туристических кластеров может быть одним из эффективных решений проблем, связанных с развитием туризма в регионе. Наиболее актуальные проблемы, которые будут решены при реализации туристических кластеров это – неразвитая инфраструктура (27,5 %) и недостаточное привлечение дополнительных инвестиций в туризм (23,2 %), недостаточное качество, разнообразие и доступность туристского продукта для различных групп населения (20,3 %).

Мнение населения совпадает с мнением экспертного сообщества, так респонденты отмечают, что инфраструктурные проблемы можно решить посредством создания туристических кластеров (32,3 %) для того, чтобы внутренний туризм в регионе стал доступнее и привлекательнее для туристов и местных жителей, далее 27,1 % опрошенных считают, что необходимо обратить внимание на привлечение дополнительных финансовых средств (кроме средств, выделенных в рамках национальных и региональных проектов).

Предложенные населением рекомендации региональным органам власти по развитию внутреннего туризма в Иркутской области связаны, прежде всего, с развитием инфраструктуры, финансово доступным туризмом, привлечением инвестиций в регион, расширением экскурсионных маршрутов и открытием новых интересных локаций по всей области, а также сделан акцент на эффективную рекламу о мероприятиях и местах региона. Рекомендации экспертов затрагивают в первую очередь развитие и модернизацию инфраструктуры, кадровое обеспечение сферы туризма, что также важно для повышения качества услуг и поддержку инновационных идей предпринимателей.

Заслуживает внимание предложение о разработке единого туристического портала и мобильного приложения для информирования о достопримечательностях и услугах, а также о текущих событиях, проводимых в области.

Таким образом, проведенное социологическое исследование позволило проанализировать особенности развития внутреннего туризма в Иркутской области. Полученные результаты свидетельствуют о том, что внутренний туризм рассматривается как значимый фактор социально-экономического развития региона, способствующий росту занятости населения, развитию предпринимательской активности и повышению туристической привлекательности территории.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503> (дата обращения: 12.02.2026).
2. В Иркутской области впервые утверждена государственная программа «Туризм и индустрия гостеприимства» // Правительство Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/news/3478729/> (дата обращения: 12.02.2026).

УДК 314.44

К. Ю. Прущенова, Я. А. Кружкова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ГОТЕПРИИМСТВО КАК АДАПТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (БУРЯТ) И РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В КОНТЕКСТЕ ГОСТИНИЧНОГО ДЕЛА

Рассматривается гостеприимство как социальный институт и адаптивный механизм, формировавшийся в различных культурных средах. На примере сравнительного анализа традиций гостеприимства бурят и русских старожилов Сибири выявляются общие черты и особенности, обусловленные хозяйственно-культурными типами и историческими условиями взаимодействия с природной и социальной средой. Особое внимание уделяется процессу трансформации традиционных практик в условиях современной индустрии туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: гостеприимство, буряты, русские старожилы, адаптивный механизм, гостиничное дело, традиционные культуры, этнотуризм.

K. Yu. Prushenova, Ya. A. Kruzhkova
Irkutsk State University, Irkutsk

HOSPITALITY AS AN ADAPTIVE MECHANISM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRADITIONS OF INDIGENOUS PEOPLES (BURYATS) AND RUSSIAN OLD-TIMERS IN THE CONTEXT OF THE HOSPITALITY INDUSTRY

This article examines hospitality as a social institution and adaptive mechanism that has taken shape in various cultural environments. Using a comparative analysis of Buryat and Russian old-timer hospitality traditions in Siberia, the study identifies both common features and specific characteristics conditioned by economic-cultural types and historical interactions with the natural and social environment. Particular attention is paid to the transformation of traditional practices within the modern hospitality industry. The author demonstrates that traditional hospitality models serve not only as objects of preservation but also as adaptive resources in commercial hotel services.

Keywords: hospitality, Buryats, Russian old-timers, adaptive mechanism, hotel industry, traditional cultures, ethnotourism.

В последние годы интерес к традиционному гостеприимству на территории России заметно вырос. В сфере туризма и гостиничного бизнеса все чаще обращаются к местным обычаям, чтобы сделать сервис уникальным. Особенно интересен в этом плане опыт народов Сибири, где веками складывались свои традиции приема гостей. Стоит отметить, что традиции бурят из Иркутской области и Республика Бурятия схожи, хотя в народе складывается мнение, что это разные народности.

В Сибири встречаются разные культуры. Здесь бок о бок живут буряты, сохранившие кочевые традиции, и русские старожилы, которые выработали особый уклад жизни за время освоения этих земель. Сравнение их традиций гостеприимства дает понять, как обычаи помогают людям выживать и адаптироваться в суровых условиях, а также как они сегодня встраиваются в современную индустрию гостеприимства.

Целью настоящей статьи становится выявление общего в традициях гостеприимства двух этнокультурных общностей, а также дать анализ как указанные традиции адаптируются в современном гостиничном деле.

Бурятское гостеприимство

Традиции гостеприимства бурятского народа формировались под влиянием кочевого образа жизни и шаманистских верований, а позднее – буддийской этики. Культурно-бытовые традиции бурят «складывались и утверждались в течение длительного времени под влиянием социально-исторических условий» [2, с. 61].

Ритуалы встречи, угощения и проводов гостя представляют собой наиболее значимые моменты традиций гостеприимства, сформировавшиеся еще в глубокой древности шаманистские практики [7, с. 203]. Символом гостеприимства у бурят выступает «белая пища» (сагаан эдээн) – молоко и молочные продукты, которые в первую очередь подаются гостю под традиционные бурятские приветственные песни. Поднесение пиалы с чаем или молоком осуществляется хозяйкой двумя руками, и гость должен принять ее также обеими руками, демонстрируя тем самым уважение к дому.

У бурят не принято было спрашивать о целях визита даже незнакомого гостя: «в первую очередь ему преподносили чай с молоком, и во время совместного чаепития начинали разговор». Важной составляющей гостеприимства является традиция одаривать гостей подарками: в качестве сувенира, символизирующего достаток, гостю могли подарить шагай – лодыжку животного, которая «клали в карман путнику, чтобы в пути человек был под защитой и непременно вернулся домой».

Бурятское гостеприимство отличалось также особым почтением к гостю. Которое выражалось в том, что гостей сажали на белый войлок, поскольку белый цвет с древних времён ассоциировался с «чем-то чистым, благородным, священным». При входе в юрту следовало переступить через порог – в древности существовало представление, что переступание через порог символизирует очищение и защиту от злых духов. На порог наступать нельзя.

Гостеприимство русских старожилов Сибири

Русские старожилы Сибири представляют собой особую этнокультурную общность, сформировавшуюся в процессе освоения русскими новых территорий в XVII–XVIII вв. Их культура характеризуется сочетанием сохранённых традиций, принесённых из центральных областей России, с элементами, заимствованными у коренных народов. Как отмечают исследователи, «сохраняя в основном свой традиционный культурно-бытовой облик, старожилы в процессе приспособления к новым условиям жизни в Сибири вырабатывали новые черты быта, заимствуя иногда многие элементы культуры, особенно хозяйственной, у местного населения».

Гостеприимство в среде русских старожилов также имело адаптивный характер. Современные исследователи включают гостеприимство в число ключевых черт «сибирского характера» наряду с такими качествами, как трудолюбие, хозяйственность, предприимчивость.

Важнейшим элементом адаптационных процессов в среде русского старожильского населения Сибири, по данным исследований Института истории СО РАН, «были контакты с аборигенным населением региона» [6]. При этом наблюдалась взаимная адаптация культур, которая выражалась в том, что русские перенимали у коренных народов способы выживания в экстремальных условиях, а те, в свою очередь, заимствовали элементы материальной культуры русских.

На Руси гостеприимство было связано с необходимостью информационного обмена, а именно: поселения располагались далеко друг от друга, а жизнь в деревнях не отличалась разнообразием событий. Новый человек всегда приметен и приносил новости, мог предупредить об опасности [1, с. 88].

Сибирское гостеприимство отличается особой щедростью. Традиции сибиряков «держались на заветах предков, на постоянном обращении к правилам, по которым жили отцы», все это передавалось и передается из поколения в поколение. В отличие от бурятского гостеприимства, где большее значение имела ритуальная символика, русское старожильческое гостеприимство акцентировало практическую сторону приёма: накормить, обогреть, дать отдых путнику. В современном русском гостеприимстве это показ связи поколений: больших многочисленных дружных семей, показ домов (изб), имеющих столетнюю историю, чаепитие и расспросы гостей «куда путь держите?», угощение домашним хлебом на закваске, показ фольклора местного.

Рассмотрим сравнительный анализ бурятского и русского населения в Сибири, которое представлено в табл.

Таблица

Сравнительный анализ традиций коренных народов (бурят) и русских старожилов в контексте гостиничного дела

Критерий	Буряты	Русские старожилы
Основа традиции	Кочевой уклад, шаманизм, буддийская этика	Оседлый крестьянский уклад, православные обычаи
Символ гостеприимства	Белая пища, хадак	Хлеб-соль, русская баня
Угощение	Чай с молоком, буузы, молочные продукты	Горячий суп, каша, пироги, чай из самогара
Одаривание	Обязательно, часто с сакральным смыслом (оберет)	Необязательно, чаще практическое – еда в дорогу
Степень сохранности в гостиничном деле	Высокая: этнотуры, гостевые юрты, мастер-классы	Средняя: деревенский туризм, гостевые дома в стиле «изба»

Из представленного становится очевидным, что русские старожилы ведут оседлый образ жизни, буряты кочевнический, щедрость характерна и тем и другим народам. Одаривание у русских сводится в сбор пищи в дорогу гостю, а у бурят к сакральному смыслу. Что же касается степени сохранности в гостиничном деле, то тут буряты преобладают в гостеприимстве.

В чем же состоит главное различие?

У бурят гостеприимство более ритуализировано и символично – каждый жест имеет глубокий смысл. У русских старожилов – более практично и гибко. Это объясняется разными хозяйственно-культурными типами: кочевники нуждались в чётких ритуалах для межродового общения, а оседлые земледельцы – в простой взаимопомощи по соседству.

Говоря о трансформации традиций гостеприимства в контексте гостиничного дела, стоит отметить, что современное развитие гостиничного бизнеса в регионах Сибири и, в частности, в Бурятии демонстрирует активную адаптацию традиционных этнокультурных моделей гостеприимства к коммерческим форматам обслуживания. Этот процесс имеет две взаимосвязанные стороны: с одной стороны, традиционные практики становятся ресурсом для создания уникального туристского продукта, с другой – они адаптируются в условиях рыночной экономики и стандартов сервиса. В последние годы динамично набирает оборот гастрономического туризма. В. Н. Звягинцев, В. А. Морозова отмечают: «Гастрономический туризм – это путешествие с целью ознакомления с особенностями национальной кухни страны, производства и приготовления продуктов и блюд» [4, с. 122].

Группа авторов в своей научной статье указывает, что «очевидно, что сложно популяризировать туризм на сельскохозяйственных территориях России в отсутствии бытового комфорта, удобства жилья, красоты и уникальности архитектуры зданий. Туризм как средство привлечения молодежи открывает доступ во все части света земного шара. Именно поэтому важно окружить сельское население архитектурными видами и достопримечательностями. Также маркетинговые стратегии в туризме могут быть направлены на инновационные методы, которые позволят обеспечить приезжих духовными ценностями» [5, с. 377].

В Бурятии и в бурятских поселениях Иркутской области (в частности, близ оз. Байкал) активно развивается этнотуризм, в рамках которого традиционные формы гостеприимства воспроизводятся в специально созданных этнокомплексах. Примером может служить этнокомплекс «Саянский Марал» в Тункинском районе, где гостям предлагается не только проживание в юртах, но и погружение в быт и традиции. Ещё одной распространённой практикой являются гостевые дома в бурятских улусах, где «ознакомление с традициями бурят» выступают в качестве основной туристской услуги. Например, в деревне Нарин-Кунта (Еланцынского муниципального образования, Ольхонского района) принимают гостей по всем традициям, с мастер-классом по лепке бууз. По мимо показа быта и уклада жизни, особой гордостью у населения вызывает показ карьера, где добывался полевой шпат и кварц для

Хайтинского фарфорового завода и Тальцинского стекольного завода, а также еще 17 фарфоровым и керамическим заводам Советского Союза.

Важной тенденцией является также использование традиционных типов жилища в гостиничном бизнесе. В частности, в Заиграевском районе Республики Бурятии построены модульные юрты для приёма туристов, что воспроизводит традицию деревянной юрты – «такой же традиционный дом у бурят в горно-таёжной местности». В п. Баяндай и Еланцы Иркутской области, расположены музеи с народным бытом бурят, где представлено все. Что необходимо для кочевого народа.

Русское старожильческое гостеприимство также находит отражение в современной индустрии. В регионах Сибири получает распространение формат «избинг» – проживание в настоящей русской избе, что позволяет туристам «пожить за деньги» в аутентичной среде. Данный формат воспроизводит традиционное русское гостеприимство с его акцентом на домашний уют, русскую баню и обильное угощение.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что гостеприимство бурят и русских старожилов Сибири представляет собой не просто совокупность этикетных норм, но и эффективный адаптивный механизм, а также тесные социальные связи. Этнокомплексы, гостевые юрты, «избинги», мастер-классы по национальным играм, приготовлению национальной пищи становятся востребованным туристическим продуктом, как в Республике Бурятия, так и на территории Иркутской области. Традиционное гостеприимство превращается в платную услугу, но его основой остается забота о госте.

Таким образом, традиции гостеприимства остаются ресурсом, который успешно адаптируется к современным условиям и способствует развитию регионального туризма.

Литература

1. Андусев Б. Е., Дроздов Н. И. Русский старожил в динамике истории Сибири как субъект «новой исторической науки» // Вестник Университета Российской академии образования. 2022. № 2. С. 87–99.
2. Грешилов Е. Т. Гастрономический туризм и кухни мира // Социальная политика и социальное партнерство. 2024. Т. 19, № 7(234). С. 490–500.
3. Гудкова И. Н., Цыгунова Е. Т. Культурное пространство Республики Бурятия как полиэтнического региона // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4 (37). С. 61–67.
4. Звягинцев В. Н., Морозова В. А. Гастрономический туризм как вид туристической деятельности // Актуальные проблемы развития туристской индустрии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 24 окт. 2024 г. Курск : Университ. кн., 2024. С. 121–124.
5. Инновационно-инвестиционные архитектурные решения в развитии туризма на сельских территориях России / Ю. Б. Колышев, О. Ю. Колышев, М. И. Шохнех, А. В. Шохнех // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11(148). С. 376–381.
6. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Проект «Общественное сознание и литература русских старожилов и новопоселенцев в Сибири: сохранение и трансформация традиций как механизм социокультурной адаптации» / рук. акад. РАН Н. Н. Покровский. М. : ИИ СО РАН, 2006.
7. Цыгунова Е. Т., Гудкова И. Н. Культурно-бытовые традиции бурят: аспекты гостеприимства // МНИЖ. 2017. № 1–1 (55). С. 203–205.

РОССИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК БАЗОВЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Изучается роль традиционных российских ценностей в обеспечении социальной сплоченности населения в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов. На основе анализа нормативных документов, данных социологических исследований и экспертных оценок выявляется механизм влияния ценностных ориентиров на консолидацию российского общества. Показано, что ценности семьи, патриотизма, коллективизма и исторической памяти выступают фундаментальными основаниями гражданского единства, при этом существует значительный разрыв в восприятии сплоченности между профессиональным экспертным сообществом и населением.

Ключевые слова: традиционные ценности, социальная сплоченность, социальная солидарность, гражданская идентичность, экспертные оценки, консолидация общества.

М. G. Zherbakova

Irkutsk State University, Irkutsk

RUSSIAN VALUES AS THE BASIC CONDITIONS FOR THE FORMATION OF SOCIAL COHESION OF THE POPULATION IN MODERN CONDITIONS: EXPERT OPINIONS AND ASSESSMENTS

The article examines the role of traditional Russian values in ensuring social cohesion of the population in the context of modern geopolitical and socio-cultural challenges. Based on the analysis of regulatory documents, data from sociological research and expert assessments, the mechanism of influence of value orientations on the consolidation of Russian society is revealed. It is shown that the values of family, patriotism, collectivism and historical memory are the fundamental foundations of civic unity, while there is a significant gap in the perception of cohesion between the professional expert community and the population.

Keywords: traditional values, social cohesion, social solidarity, civic identity, expert assessments, consolidation of society.

Проблема социальной сплоченности приобретает особую актуальность в периоды глубоких социальных трансформаций и внешних вызовов. В современной России вопросы укрепления единства общества вышли на уровень приоритетов государственной политики, что нашло законодательное закрепление в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2]. Данный документ впервые на уровне федерального законодательства определил систему ценностей, признаваемых государством как традиционные и подлежащие защите, среди которых: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [2].

Социальная сплоченность понимается в современной социологии как степень солидаризации общества благодаря общим ценностям, нормам и целям [7]. При этом в научном дискурсе сохраняется проблема конкретизации данного понятия, поскольку исследователи акцентируют различные аспекты: от институционального доверия до межличностной взаимопомощи [7]. В условиях, когда российское общество столкнулось с комплексом внешних и внутренних вызовов, включая геополитическую конфронтацию и миграционные процессы, изучение механизмов ценностно-институционального обеспечения социальной консолидации приобретает стратегическое значение [4].

Цель настоящего исследования – выявить базовые условия формирования социальной сплоченности населения в современных условиях через призму экспертных оценок и массового общественного мнения, определить роль традиционных российских ценностей в данном процессе.

Иерархия традиционных ценностей в массовом сознании: данные эмпирических исследований

О том, как выстраивается иерархия ценностей у современных россиян, можно судить по данным ВЦИОМ и ФОМ. Если обобщить последние замеры этих центров, становится видна четкая картина приоритетов.

Согласно опросам ВЦИОМ, безусловным лидером тут выступает крепкая семья – её назвали 68 % респондентов. Дальше идут такие позиции: память о прошлом и связь поколений (33 %), чувство гордости за свою страну (30 %), права и свободы человека с его достоинством (еще 30 %), а также единство населяющих Россию народов (29 %) [6]. Как показывают данные за последние три года, россияне в целом принимают ту ценностно-нормативную рамку, что задана Указом Президента № 809. Однако в реальном массовом сознании эти ценности выстраиваются в свою, особую иерархию [6].

ФОМ, в свою очередь, выявил следующую закономерность: 85 % опрошенных относят себя к сторонникам традиционных устоев. Для них в приоритете семья и официальный брак, уважение к старшим и родителям, любовь к родине, память о своих предках [5]. А 73 % респондентов заявили, что им в принципе присущи черты, которые традиционно считаются русскими национальными. Это говорит о том, что люди прочно идентифицируют себя с культурным кодом нации [5]. Отдельно стоит разобрать, как расставляют акценты разные поколения. У молодежи (так называемое «цифровое поколение», 2001 г. р. и позже) на первый план выходит самореализация, её выбрали 45 % молодых, а 48 % человек выбрали дружбу. Однако это не отменяет роли семьи: среди молодых опрошенных её по-прежнему считают своим ядром 66 % [6]. А вот у людей старшего возраста заметнее смещение в сторону государственных ориентиров: гордости за Россию, единства народов, исторической памяти. Исходя из этого, наши ценности передаются от поколения к поколению, а не сменяются кардинально вместе с приходом новых возрастных групп. Как отмечает глава ВЦИОМ В. В. Федоров, такой механизм трансляции работает в нашем обществе куда активнее, чем механизм ценностного перелома [1].

Важный нюанс: консолидация россиян вокруг общенациональных ценностей сегодня выражена даже сильнее, чем ориентация на близкое окружение или личные приоритеты, такие как дружбу, милосердие или ту же самореализацию [6]. Общий тренд последних лет – укрепление роли вертикальных, иерархических структур (нация, государство) как ответ на геополитические вызовы [6]. Семья при этом выступает источником внутренней опоры, компенсирующим внешнюю нестабильность.

Экспертные оценки социальной сплоченности: дискурс профессионального общества

Эмпирическое исследование В. А. Тупиковой, Е. К. Мисяutowой и Л. Е. Мурзикова, проведенное в 2024–2025 гг., представляет собой комплексное изучение восприятия социальной сплоченности в России на двух уровнях: экспертном и массовом [7]. Экспертами выступали представители «сплоченных сообществ» – активно вовлеченные в коллективную деятельность по оказанию помощи, следованию общим идеалам и вкладу в общее дело.

Результаты исследования выявили существенный разрыв в оценках уровня социальной сплоченности между экспертами и населением. Эксперты значительно ниже оценивают уровень сплоченности российского общества, выделяя следующие факторы, способствующие сплоченности: общие ценности и традиции, общая цель или проблема, общее дело, общий враг (не обязательно внешний агрессор, достаточно определенных трудностей или кризисных ситуаций); ответственность, смелость, мотивация, личный интерес; лидеры, готовые взять на себя ответственность. В отличие от экспертов, россияне определяют социальную сплоченность прежде всего как взаимную помощь, ассоциируя ее с общими ценностями и единством мнений. Население высоко оценивает современный уровень взаимовыручки и единства в российском обществе, а также ощущение безопасности. Основными причинами единения с другими гражданами в общественном мнении выступают общность территории проживания (государство и малая родина) и языка [7].

Данное расхождение свидетельствует о различии в критериях оценки: эксперты ориентированы на структурные и деятельностные компоненты сплоченности (наличие общих целей, лидерство, институциональная ответственность), тогда как массовое сознание фиксирует преимущественно эмоционально-оценочные и коммуникативные аспекты (взаимопомощь, чувство безопасности, территориальная общность).

Исследование Е. А. Попова, проведенное среди экспертов – представителей органов государственной власти Сибирского федерального округа, показало, что в экспертной среде приоритетной ценностью солидарности признается равенство (45 %), далее следуют интеграция (20 %), единение (14 %), взаимная поддержка (12 %) [3]. Автор приходит к выводу, что ценности являются детерминантами солидарности, при этом солидарность в большей степени связана с универсальными ценностями, присутствующими в каждой культуре. Особое место в исследовании солидарности занимают сакральные ценности, ценности добра, исторической памяти, лежащие в основе солидарности наряду с социально-политическими ориентирами [3].

Традиционные российские ценности выполняют в современном обществе функцию социального цемента, обеспечивая консолидацию на нескольких уровнях. На микроуровне ценности семьи, взаимопомощи и уважения к старшим формируют устойчивые социальные связи в локальных сообществах. На макроуровне патриотизм, гражданственность и единство народов России обеспечивают интеграцию общества в целом. Концепт социальной солидарности, закрепленный в ст. 75.1 Конституции РФ, невозможен вне социального государства. Социальная солидарность поставлена в один ценностный ряд с достоинством граждан, уважением человека труда, социальным партнерством. В то же время в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей термин «солидарность» прямо не используется, хотя содержательно связанные с ним ценности – коллективизм, гражданственность, единство народов России – присутствуют в перечне [4]. Солидарность выступает имплицитной ценностью, присущей российской общегражданской идентичности.

Процесс укрепления социальной сплоченности на основе традиционных ценностей сталкивается с рядом противоречий и рисков. Исследователи выделяют несколько таких проблем. Во-первых, разные социальные группы по-разному понимают сами эти ценности и здесь возникает заметный диссонанс. Во-вторых, уровень доверия к государственным институтам остаётся невысоким. В-третьих, многие вопросы люди привыкли решать неформальными методами, в обход официальных процедур [4].

В экспертной среде сегодня фиксируют высокую степень разобщенности российского общества, и причин для этого накопилось достаточно много. Если обратиться к документам стратегического планирования, видно следующее. Ценности передаются от старших поколений к младшим гораздо активнее, чем происходит их смена под влиянием новых поколений. У этого есть две стороны. Положительная: базовая система ценностей сохраняется, общество не теряет свой нравственный каркас. Но есть и риск: такая устойчивость может оборачиваться неспособностью вовремя отвечать на новые вызовы времени. Возьмём, к примеру, молодёжь. На словах молодые люди в целом принимают традиционные ценности и не спорят с ними. Однако для большинства из них эти ценности пока остаются скорее внешними, декларативными установками и ещё не превратились в глубоко личные убеждения [1].

Важным условием формирования социальной сплоченности является наличие общего дела или общей проблемы. Эксперты отмечают, что кризисные ситуации и внешние вызовы способствуют консолидации общества, активизируя механизмы взаимопомощи и солидарности [3]. В то же время устойчивая сплоченность требует не только реактивных, но и проактивных механизмов, обеспечиваемых государственной политикой в сфере образования, культуры и межнациональных отношений.

Заключение

Традиционные российские ценности выступают базовыми условиями формирования социальной сплоченности населения в современных условиях, функционируя как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан и лежащие в основе общероссийской

гражданской идентичности. Анализ экспертных оценок и данных массовых опросов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, существует устойчивая иерархия ценностей в массовом сознании, где приоритет отдается семейным ценностям, патриотизму и исторической памяти, что коррелирует с нормативной рамкой Указа Президента РФ № 809. Во-вторых, экспертное сообщество и население существенно различаются в оценках уровня социальной сплоченности: эксперты фиксируют структурные дефициты и низкий уровень институциональной сплоченности, тогда как население высоко оценивает взаимовыручку и единство. В-третьих, эффективность ценностно-институциональных механизмов консолидации зависит от сочетания механической и органической солидарности, межпоколенческой трансляции ценностей и наличия общих целей.

Литература

1. ВЦИОМ: россияне повернулись в сторону патриотизма еще четверть века назад // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/politics/russia/vciom-rossiyane-povemulis-v-storonu-patriotizma-eshche-chetvert-veka-nazad> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=528090#sUBrtJVaQ2wSxtrE> (дата обращения: 01.05.2026).
3. Попов Е. А. Солидарность как явление современной культуры // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 11.
4. Руденко В. В. Социальная солидарность в документах стратегического планирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 107–113.
5. Традиционные ценности в российском обществе // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Традиционные ценности: ожидание и реальность // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://vciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 01.05.2026).
7. Тупикова В. А., Мисятуова Е. К., Мурзилов Л. Е. Социальная сплоченность в российском обществе: результаты эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 2. С. 447–458.

УДК 316.356.2(47)

Н. И. Донских

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВОВЛЕЧЕННОГО ОТЦОВСТВА В РОССИИ: РЕСУРСЫ, БАРЬЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучается становление и трансформация института вовлеченного отцовства в России, его ресурсы, барьеры и перспективы развития. Проведен сбор, контент-анализ и обобщение экспертных данных научного общества.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченность, вовлеченное отцовство, осознанное отцовство, институт отцовства, готовность к отцовству, мотивация отцов, демография, отец, мать, дети, семья.

N. I. Donskikh

Irkutsk State University, Irkutsk

DEVELOPMENT OF INVOLVED FATHERHOOD IN RUSSIA: RESOURCES, BARRIERS, PROSPECTS

This article examines the development and transformation of involved fatherhood in Russia, its resources, barriers, and development prospects. Expert data from the scientific community was collected, content analyzed, and summarized.

Keywords: fatherhood, involvement, involved fatherhood, conscious fatherhood, institution of fatherhood, readiness for fatherhood, fathers' motivation, demography, fathers, mothers, children, family.

Демографический портрет России на сегодняшний день показывает снижение численности населения, которое продолжается последние несколько лет. С одной стороны уровень смертности снижается, но с другой стороны значительно снижается и рождаемость. По данным Росстата, население страны на 1 января 2026 г. составляло 140 028 325 чел. По их прогнозам, к 2030 г. население будет составлять 142 038 800 чел., а к 2046 г. снизится до 130 596 200 чел. [1].

Сложная демографическая ситуация в России привлекает внимание научного сообщества. Различные эксперты, объединяясь, описывают проблему с разных сторон человеческой действительности. Опираясь на мировой опыт, особенности развития общества в наше время и текущую геополитическую ситуацию, специалисты профильных сфер пытаются разработать общий подход в изучении социально-демографических вызовов. Социологи, психологи, культурологи, историки, политологи, педагоги и юристы все чаще обращают свой взгляд в сторону социальных институтов.

Трансформация социальных институтов – это постоянный и естественный процесс развития общества. Что касается социально-демографических проблем, они чаще зависят от репродуктивных функций мужчин и женщин, имеющих главные роли в институте родительства и их психологической готовности к созданию социальных ячеек общества.

Отцовство, как социально-психологическое понятие, изучается социологами уже очень давно. Больше века институт отцовства добивался признания в научной среде как социальный феномен, имеющий право рассматриваться отдельно от института семьи и материнства. В нынешней социально-экономической и геополитической ситуации в России, значение отцовства невозможно переоценить. Сегодня настоящие мужчины, отправляясь на защиту своей Родины, проявляют мужество и силу духа, оберегают свою семью и детей, учат патриотизму и показывают пример подрастающему поколению.

Ведущие эмпирические социологи, кандидаты социологических наук О. Н. Безрукова и В. А. Самойлова, в рамках фундаментального исследовательского проекта сделали вывод, что близкие отношения отцов и детей – это мощнейший демографический ресурс. Они во много раз увеличивают ориентацию подростков на многодетные семьи, а также снижают популярность абортов и бездетности. И хотя сами отцы иногда сомневаются в своей компетентности, в обществе уже наблюдается сдвиг в сторону нового отцовства. Более осмысленного и осознанного [2].

Доктор социологических наук И. О. Шевченко отмечает, что трансформация отцовства в России идет крайне медленно. Для увеличения этого темпа, необходимо проводить синхронизацию правовых норм, семейной политики и общественных ожиданий. Социолог выделяет основные тенденции развития института отцовства в современной России, к которым относятся вовлеченное отцовство, приемное отцовство, одинокие отцовские семьи, увеличение количества сводных семей, раздельное проживание после развода [3].

Кандидату социологических наук А. Л. Янак на основе контент-анализа отцовских сообществ и интервью с отцами удалось изучить социальные практики отцовства в современной семье. Социолог делит отцовскую вовлеченность на интенциональную, пассивную и вынужденную, а важнейшим ресурсом считает отцовские сообщества, как форму поддержки вовлеченности [4].

Мнения современных российских социологов сходятся во многом. Во-первых, институт отцовства в России находится в переходном состоянии – от традиционной модели, где отец является добытчиком, авторитетом и фактически отстранен от воспитания, к модели современной, где отец становится более включенным, эмоционально сдержанным и нацеленным на более глубокие партнёрские взаимоотношения. Однако общественное мнение продолжает сводить отцовство к экономической функции. Во-вторых, развитие института вовлеченного отцовства во многом зависит от уверенности самих отцов в себе и своих возможностях. Современные отцы часто сомневаются в своей компетенции. Вовлеченность – это больше не про количество времени, а про качество его использования. Важно иметь близкие и теплые отношения с детьми. И, в-третьих, процесс трансформации института от-

цовства происходит медленно и неравномерно. Для того чтобы обеспечивать семью, мужчинам приходится много работать и времени на вовлеченность совсем не остается. Еще и сами женщины скептически настроены и считают, что мужчина не способен хорошо выполнять воспитательную функцию.

Для эффективной самореализации и скорейшего достижения результатов мужчины объединяются в сообщества, которые определенно являются весьма значимыми для социума. Благодаря специальным программам обучения и наставничества, отцовство начинает рассматриваться как ценный ресурс в развитии духовно-нравственных ценностей. Социологи уверены, что популяризация вовлеченного отцовства через средства массовой информации и социальную рекламу положительно скажется на укреплении института семьи.

Эксперты социальной философии Е. Б. Хитрук и Р. А. Быков провели качественное масштабное исследование вовлеченного отцовства в 2024–2025 гг. В рамках этого проекта под названием «Вовлекая отцов» доктор философских наук Е. Б. Хитрук и кандидат философских наук Р. А. Быков выделили два ключевых понятия развития вовлеченного отцовства – «изобретение» отцовства, как отказ от образа отстраненного авторитарного отца и «мужество любить», как новая модель любящего эмоционального отца, который стремится к вовлеченности. Они считают, что «отцовская» революция в России идет крайне медленно, поскольку в обществе еще очень сильны стереотипы маскулинности, отсутствует достойная государственная поддержка и система обучения и подготовки мальчиков к отцовству [5].

Последние три года ученые-социологи и социальные философы получают гранты на фундаментальные исследования вовлеченного отцовства. Тема обретает популярность и имеет большие перспективы. Современный научный дискурс в этом направлении обретает все большую важность. Трансформация института отцовства – процесс злободневный и одновременно интересный, ведь каждый мужчина – это чей-то сын и чей-то отец, настоящий или будущий.

Огромный пласт научных знаний получен благодаря экспертам психологии, которые направили свой взгляд в область внутренних механизмов сознания и психики отцов. Доктор психологических наук Ю. В. Борисенко считает, что психологическая готовность к отцовству у мальчиков начинает формироваться с дошкольного возраста и реализуется во взрослой жизни. Двенадцатилетнее лонгитюдное исследование доказало, что становление этой готовности имеет возрастную, психологическую и семейную специфику. Психолог разработала специальные технологии сопровождения отцовства: психологические тренинги, работа с семьей и формирование образовательной среды [6].

Вопрос мотивации отцовства серьезно изучался доктором психологических наук Ю. А. Токаревой, которой удалось произвести типологизацию современных отцов: подчиняющийся, самоутверждающийся и самореализующийся. Именно последний тип имеет важное значение, поскольку считается наиболее вовлеченным и осознанным. Психолог считает вовлеченность не просто количеством уделенного времени, а глубинной позицией личности [7].

Иркутские психологи Л. В. Сорова и Я. В. Новгородцева провели интересное исследование отцов подростков в 2024 г., в котором раскрыли интересные практики отцовства в нашем регионе. Сами отцы позиционируют себя нестрогими, вовлеченными, стремящимися к эмоциональной близости. Их дети-подростки преимущественно согласны с этим, считая главным преимуществом отцовства отсутствие строгости [8].

Психологические аспекты вовлеченного отцовства рассматриваются в контексте осознанности, зрелости и внутренней позиции личности мужчины. Сегодня современные отцы опираются на свою собственную систему семейных ценностей. Вовлеченные отцы подтверждают, что отцовство само по себе может быть ресурсом личностного роста, ведь мужчина-отец более удовлетворен жизнью, более сдержан и ответственен, чем бездетный.

Что касается правовой стороны вопроса, эксперты постоянно анализируют законы, государственную политику и судебную практику отцовства в России. Юристы отмечают ряд ключевых замечаний: понятие «отцовство» законодательно не закреплено, в Конституции РФ развернуто упоминается только материнство и детство, законодательство говорит о ра-

венстве, но на практике – перекося в сторону матери, национальный проект «Семья» показывает, что роль отца и вовлеченного отцовства нигде не прописана [9; 10].

Однако законодательные инициативы появляются, например законопроект о службе сопровождения отцовства для юридической, педагогической, медицинской и психологической помощи отцов. Также в январе 2026 г. Президент РФ Владимир Путин на заседании Совета по стратегическому развитию поручил Правительству разработать комплекс мер, направленных на формирование вовлеченного (ответственного) отцовства, стимулирования более активного участия мужчин в создании и планировании семьи, в уходе за детьми и их воспитании, на ведении мужчинами здорового образа жизни и сохранение и репродуктивного здоровья [11].

Считаю обязательно необходимо отметить вклад культурологов в изучение феномена вовлеченного отцовства. Эти эксперты видят проблему в глубинных структурах западной мысли, которые с легкостью перетекают в российское общество, а также в кризисе культурных архетипов. Кандидат исторических наук А. А. Нихочина считает, что отцовство – социальное изобретение, принадлежащее к определенному типу культуры. «Отцовские» культуры характеризуют роль мужчины как отца в значительной степени теплыми отношениями, заботой и низкой агрессией. «Безотцовские» культуры – мужской агрессией, резким антагонизмом между супругами и напряженными отношениями. Выход из кризиса отцовства, по мнению экспертов, в создании новых образов вовлеченного, любящего отца в массовом сознании [12].

Изучение института отцовства продолжается уже длительное время, но учитывая социальные барьеры и ограничения в человеческих умах, наука находится еще в середине пути. Каждый новый этап трансформации этого социального института посылает новые вызовы. Все социальные науки, объединяя усилия, разрабатывают социальные технологии для внедрения их в жизнь общества. Историки, политологи, педагоги и другие ученые также осознали проблему на академическом уровне. Множество научных трудов создано для глубокой разработанности проблемы вовлеченного отцовства. Каждый эксперт вносит свой вклад в развитие института отцовства.

Доктор социологических наук Т. К. Ростовская разработала стратегию действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства. Этот документ нацелен на укрепление социодемографического капитала мужского населения и повышение статуса мужчины в семейной сфере [13].

Демограф Руслан Ткаченко связывает проблему отсутствующего отцовства с «глубокой инфантилизацией общества, а прежде всего мужчин». И тогда государство берет на себя функции семьи.

Член общественной организации «Союз Отцов» Алексей Чегодаев отмечает, что многим отцам не хватает морального авторитета, основанного на доверии и любви, а не на диктате.

Тема вовлеченного отцовства набирает популярность. Запрос общества на разбор всей проблематики вопроса очень велик. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) несколько раз в год проводит исследования в этой сфере. Также набирают популярность экспертные дискуссии социологов и психологов на тему отцовства и мониторинг образа отца в современном обществе. Все чаще стали проводиться круглые столы и сессии по вопросам отцовства. Хотелось бы отметить участие в этих проектах экспертов Комитета Госдумы по защите семьи и сотрудников Центра семьи и демографии Академии наук республики Татарстан.

Вовлеченное отцовство – это стратегический социальный, экономический и демографических ресурс нашего государства. Экспертные институты накопили мощную теоретическую базу и плодотворно развивают эмпирическую практику. Развитие института вовлеченного отцовства идет полным ходом, но прогнозируются задержки во времени. По всем фронтам ведется профильная работа и усиление активности. Потенциал для развития в поле деятельности социальных наук. Пока в России есть талантливые идейные ученые, перспективы социальных институтов всегда будут высоки.

Литература

1. Изменение численности населения по вариантам прогноза // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.05.2026).
2. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Как вовлеченное отцовство и близкие отношения с отцом влияют на благополучие подростков // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 92–104.
3. Шевченко И. О. Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2021. 38 с.
4. Янак А. Л. Социальные практики отцовства в современной российской семье : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2019. 23 с.
5. Хитрук Е. Б., Быков Р. А. Отцовство как социальный феномен : монография. СПб. : Ниц Арт, 2025. 218 с.
6. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовности к отцовству: психологопедагогический контекст и технологии сопровождения : монография. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2020. 552 с.
7. Токарева Ю. А. Связь социального развития ребенка с отношением отца // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-sotsialnogo-razvitiya-rebenka-s-otnosheniem-otca> (дата обращения: 08.05.2026).
8. Сорова Л. В., Новгородцева Я. В. Субъективная оценка характера взаимодействия отцов с детьми-подростками // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 2 (102). С. 314–322.
9. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.05.2026).
10. Аверин А. Н., Понедельков А. В., Самгунов А. Ш. Национальный проект «Семья» на 2025–2030 годы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-proekt-semya-na-2025-2030-gody> (дата обращения: 08.05.2026).
11. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сетевой ресурс Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78991> (дата обращения: 08.05.2026).
12. Нихочина А. А. Институт отцовства в современном обществе // Молодой ученый. 2010. Т. 2, № 11 (22). С. 49–54.
13. Ростовская Т. К. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства // Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 168–171.

УДК 314.17

Т. А. Причислых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИЗМЕНЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматриваются современные тенденции репродуктивных установок российской молодежи, выявлены ключевые факторы, влияющие на принятие решения о создании семьи и рождении детей, а также показываются последствия изменений репродуктивных установок.

Ключевые слова: репродуктивные установки, молодежь, рождаемость.

T. A. Prichislykh

Irkutsk State University, Irkutsk

CHANGES IN THE REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUNG PEOPLE IN CONTEMPORARY RUSSIA: CAUSES AND CONSEQUENCES

The article examines the current trends in the reproductive attitudes of Russian youth, identifies the key factors influencing the decision to start a family and have children, and discusses the consequences of changes in reproductive attitudes.

Keywords: reproductive attitudes, youth, birth rates.

В условиях демографического кризиса вопрос формирования репродуктивных установок молодежи приобретает особую актуальность. В современных условиях, когда многие страны, включая Россию, сталкиваются с демографическими вызовами, изучение процесса формирования репродуктивных установок молодежи становится особенно значимым, во многих странах наблюдается тенденция к снижению уровня рождаемости.

Репродуктивные установки определяют готовность и желание молодых людей иметь детей, что влияет на уровень рождаемости. Понятие «социальная установка» в социологии стало основой для изучения репродуктивных установок. Одно из первых терминов социальной установки ввели У. Томас и Ф. Знанецкий в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1927 г.). Ученые обратили внимание на ценностную составляющую социальной установки, что позже было применено и к репродуктивным установкам.

В 1942 г. ученым М. Смитом была предложена трехкомпонентная структура социальной установки, которая была адаптирована для анализа репродуктивных установок. Данная структура включает в себя когнитивный (знания), эмоциональный (отношение) и поведенческий (готовность к действиям) компоненты.

Систематическое изучение репродуктивного поведения как социологической категории началось в 1970-х гг. XX в. Ученые стали рассматривать репродуктивное поведение не только через призму экономических факторов, но и учитывать влияние социальных норм, традиций и личных ценностей населения репродуктивного возраста.

В России исследования в этой области также активно развивались. В. Н. Архангельский, А. Н. Новгородцева и другие изучали репродуктивные установки молодежи, анализировали факторы, влияющие на их формирование, и рассматривали данные о рождаемости в российских вузах. А. И. Антонов дал определение репродуктивному поведению как «системе действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье (а также вне брака)». Совместно с В. М. Медковым и В. А. Борисовым проводилось исследование трансформации потребности в детях в меняющихся социально-экономических, демографических и исторических условиях [1].

А. Г. Харчев и М. С. Мацковский соотнесли компоненты репродуктивной установки с показателями идеального, желаемого и реального числа детей в семье. Данные показатели, зародившиеся в 1930-х гг., активно используются в современных исследованиях [1].

В 1970-х гг. феминистские исследователи Ш. Радл и Э. Пек ввели термин «чайлдфри» (от англ. *childfree* – свободные от детей), обозначающий сознательный отказ от рождения детей. В 1990-х гг. в США это движение институционализировалось. В России группы с данной идеологией чайлдфри начали распространяться с появлением интернета.

В начале XXI в. в России появились новые тенденции в репродуктивных установках, такие как добровольный отказ от рождения детей и позднее материнство. В крупных городах сформировалась субкультура чайлдфри. Далее рассмотрим изменения в репродуктивных установках молодых людей в России в XIX–XXI вв.

До революции 1917 г. в российском обществе преобладала традиционная модель семьи, которая ориентировалась на многодетность. Большое количество детей напрямую связано с экономическими потребностями, дети рассматривались как источник рабочей силы и поддержка в старости, рождаемость была высокой. Но уже к концу XIX в. в дворянских и интеллигентных слоях общества начали распространяться практики ограничения деторождения, включая контрацепцию и абORTы. Это было связано с ростом общественной и профессиональной активности женщин и ослабеванием патриархальных норм [1].

После революции государство начало активно вмешиваться в репродуктивную сферу, в 1920 г. было легализовано искусственное прерывание беременности по желанию женщины. В то же время формировалась концепция «социального материнства», предполагавшая большее участие государства и общества в устройстве семьи. В кинематографе 1920–1930-х гг. материнство изображалось как советская альтернатива дореволюционному прошлому, абORTы чаще осуждались, хоть и были доступны. В Москве с 1924 по 1927 г. число абORTов увеличилось с 14 тыс. до 45,8 тыс. В сельской местности показатели оставались на прежнем уровне [2].

В 1936 г. абORTы запретили, что стало частью консервативной демографической политики, государство стремилось повысить рождаемость – ввели материальную помощь роженицам, расширили сеть детских учреждений и ужесточили контроль над репродуктивным поведением. Однако запрет привел к росту нелегальных абORTов, которые проводились в не-

безопасных условиях [3]. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) рождаемость снизилась из-за демографических потерь и тяжелых условий жизни. В 1944 г. был принят указ, усложняющий процедуру развода и стимулирующий регистрацию браков. В послевоенный период наблюдался кратковременный рост числа браков и рождений, связанный с демобилизацией мужчин и регистрацией отложенных браков, но к 1950-м гг. рост сменился снижением [1].

В 1960–1980-е гг. продолжалась тенденция к снижению рождаемости и переходу к малолетней модели семьи. Среди интеллигенции и в более образованных слоях обществ наблюдался диссонанс между идеальным количеством детей, репродуктивными ожиданиями и их реализацией на практике. Рост образованности и культуры способствовал смене репродуктивных установок, усиливалась роль внесемейных ориентаций, что приводило к откладыванию рождения детей в пользу удовлетворения личных потребностей населения репродуктивного возраста [5]. Крупномасштабные опросы 1960-х гг. показывали, что идеальное число детей для жительниц РСФСР составляло около 2,69, а ожидаемое – 2,21. При этом в столичных городах склонность к однодетной семье была выше, чем в среднем по стране [4].

Таким образом, на репродуктивные установки в XX в. влияли следующие факторы: государственная политика; экономические условия; образование и урбанизация; культурные и идеологические сдвиги.

Репродуктивные установки в XX в. эволюционировали от традиционной многодетности к малодетности, при этом государство периодически пыталось корректировать эти тенденции через административные и экономические меры.

В XXI в. репродуктивные установки российской молодежи также претерпевают значительные изменения под влиянием культурных, социально-экономических и технологических факторов. Трансформации отражают адаптацию института семьи к условиям глобализации, цифровизации и изменений ценностных ориентиров молодежи.

Молодежь все чаще откладывает создание семьи и рождение детей, сосредотачиваясь на образовании, карьере и самореализации. К данной тенденции применимы характеристики второго демографического перехода, для которого типичны индивидуализация репродуктивных стратегий и рост автономности личности. Особенно ярко данная тенденция проявляется у молодежи в возрасте до 25 лет, которая ориентирована на индивидуалистические модели семьи и откладывание брачно-репродуктивных решений [7].

По результатам исследования ВЦИОМ, в идеальных условиях значительная часть россиян хотела бы иметь трех и более детей (на 2025 г. – 53 %), но в реальности чаще планируют одного (25 %) или двух (18 %) детей. Разрыв между желаемым и фактическим числом детей объясняется экономическими ограничениями, нехваткой ресурсов и времени, а также социальной и профессиональной адаптацией родителей, особенно женщин. Также по сравнению с 2017 г. выросла доля россиян, которые в идеале хотели бы иметь трех и более детей. Активнее тренд на многодетность проявляется среди молодежи в возрасте 18–24 лет, однако в этом возрасте приоритеты смещены в сторону карьеры и образования, поэтому идея многодетной семьи часто остается социальным ориентиром, а не практическим намерением [6].

В заключение можем отметить, что молодые семьи часто сталкиваются с материальными трудностями, что приводит к сознательному ограничению репродуктивной деятельности, экономическая нестабильность выступает значительным барьером в момент формирования репродуктивных установок населения. Не смотря на реализацию государственных инициатив, направленных на поддержку молодых семей, проблема рождаемости остается актуальной.

Литература

1. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // Женщины в российском обществе. 2016. № 3 (80). URL: <https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2016/10/пушкарева.pdf> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Россия. Здравоохранение. Состояние здоровья населения в СССР. Репродуктивное здоровье // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/rossia-zdravookhranenie-sostoianie-zdorov-ia-naseleniia-v-sssr-reproduktivnoe-zdorov-e-65b50e> (дата обращения: 01.05.2026).

3. Исупов В. А. Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества // Парадигмы и модели демографического развития : сб. ст. XII Урал. демогр. форума. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2021. С. 71–78.

4. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Repродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2019. С. 69–89.

5. Литвинцев Е. Ю. Исторические аспекты репродуктивного поведения советской интеллигенции Урала в 1970–80-е гг. // Современная научная мысль. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-reproduktivnogo-povedeniya-sovetskoy-intelligentsii-urala-v-1970-80-e-gg> (дата обращения: 02.05.2026).

6. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 01.05.2026).

7. Черничкин Д. А., Топичев М. С. Трансформация брачных и репродуктивных установок в современном российском обществе // Logos et Praxis. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-brachnyh-i-reproduktivnyh-ustanovok-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 02.05.2026).

УДК 364

В. В. Попова

Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОГРАММ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Обобщается авторский опыт проведения экспертизы программ учреждений. Раскрываются основные функции экспертизы как технологии. Рассматривается деятельность эксперта в контексте рецензирования программ. Приводятся примеры работы эксперта по конкретным проектам.

Ключевые слова: эксперт, рецензирование, программа, экспертиза.

V. V. Popova

Irkutsk State Medical University, Irkutsk
Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN PRACTICE OF EXPERTISE OF PROGRAMS OF INSTITUTIONS OF SOCIAL SERVICES FOR THE POPULATION

The article analyzes the author's experience of conducting an expertise of programs of institutions. The main functions of expertise as a technology are revealed. The work of the expert in the context of reviewing programs is considered. Examples of the expert's work on specific projects are given.

Keywords: expert, review, program, expertise.

Экспертиза является технологией, активно применяемой в социальной сфере. Преимуществом данной технологии является сочетание диагностической, прогностической, профилактической, консультативной практик [2]. Потребность в обращении к эксперту возникает в ряде основных случаев: когда заказчик планирует прогнозировать последствия реализации какой-либо разработки, есть необходимость опереться на мнение специалиста, «сверить часы», имеется несколько вариантов и требуется провести конкурс, существует желание опираться при осуществлении практической деятельности на научно обоснованные параметры. Изменения в законодательных актах, социально-экономические проблемы, политическая обстановка требуют иных подходов к оказанию поддержки и помощи. Учреждения социального обслуживания населения отвечают на современные вызовы новыми проектами, призванными решать старые проблемы иными способами или искать возможности оказания поддержки появляющимся категориям.

В качестве эксперта могут выступать как опытные специалисты из системы «заказчика», так и научные учреждения соответствующего профиля, как работники государственных социальных служб, так и некоммерческих организаций [1].

Обращение в учреждения научного профиля позволяет разработать стратегию развития определенного направления оказания помощи, выявить тренды и перспективные направления на основе сравнительного анализа с другими практиками, в том числе за рубежом.

Обращение к экспертам, включенным в преподавательскую и научную деятельность высшей школы, имеет ряд преимуществ.

Это выражается в возможности, во-первых, сравнительного анализа на основе большого массива данных. Университеты являются организаторами и участниками огромного количества исследований в разных областях науки, техники и экономики, часто имеющих междисциплинарный характер. Это позволяет учитывать не только современные тенденции, но и общий характер доминирующих в данный момент практик и актуальных вопросов, по которым можно судить о распространенности какого-либо явления.

Во-вторых, предоставление экспертного заключения, подтвержденного научными исследованиями, получившими дополнительную авторитетную оценку. Эксперт опирается в своей работе на материалы исследований, опубликованных в научных журналах, а также статьи, прошедшие рецензирование экспертным советом, статистические данные, представленные министерствами и ведомствами, государственные доклады и аналитические данные крупных исследовательских фондов.

В-третьих, позволяет развивать свои инициативы научно обоснованными и алгоритмизированными способами, идти «в ногу со временем». Появляются новые категории клиентов социальных служб, изменяются нормы законодательства, политическая и экономическая обстановка, социальные вызовы предполагают своевременное реагирование.

В-четвертых, поддержать интересную идею и через предоставление письменной рецензии позволить закрепиться разработке и проекту в практике. Заключение эксперта может дать «зеленый свет» и дополнительное преимущество в случае, когда сам факт поддержки авторитетным специалистом может способствовать продвижению инициативы. Как правило, от возникновения идеи до практической реализации – долгий путь, на каждом этапе которого необходима поддержка.

В-пятых, отследить соответствие цели, задач, целевой аудитории и партнерской сети проекта заявленным ожидаемым результатам, помочь выразить ожидаемые результаты в количественных и качественных показателях. Важным представляется отследить мнение потребителей, целевой аудитории проекта об удобстве, адекватности, комфортности, необходимости и безопасности оказания услуги.

В-шестых, определить достаточность указанных кадровых, технических, транспортных и т. д. ресурсов для практического воплощения заявленной идеи. Эксперт может указать на необходимость наличия специального образования для выполнения определенных видов работ, возможности привлечения материальных ресурсов из других источников, обосновать необходимость привлечения узких специалистов, предложить оптимизацию указанных ресурсов.

Для анализа возможностей экспертизы в практике учреждений социального обслуживания населения предлагаем обратиться к нашему опыту. Так, в период с 2023 по 2025 г. нами был проведен экспертный анализ и осуществлено рецензирование ряда программ, разработанных учреждениями социального обслуживания населения Иркутской области.

В частности, рассмотрим экспертизу, проведенную нами в 2025 г., проекта «Близкие рядом», разработанного в г. Зима специалистами Областного государственного бюджетного учреждения «Управление социальной защиты и социального обслуживания населения по городу Зиме и Зиминскому району».

Представленная технология направлена на оказание помощи семьям с детьми, которые имеют в своем составе людей с аддиктивным поведением, а именно, с алкогольной зависимостью. Данная технология выделяется своей актуальностью и научной обоснованностью. Она опирается на междисциплинарные исследования в области психологии, социологии и антропологии, что формирует ее прочный теоретический фундамент.

Уникальность технологии «Близкие рядом» заключается в системном характере, при котором в процесс выздоровления и социальной адаптации вовлекается не только сам гражданин, но и все его близкое окружение. Деятельное участие церковной общины добавляет духовно-нравственный компонент, что является важным отличием и потенциальным ресурсом для работы с определенными целевыми группами.

Основные достоинства технологии: сочетание теоретических конструкций с эмпирическими данными, полученными в ходе практической работы с данной категорией; применение системного и комплексного подхода в работе с семьей, как сложным организмом, на который влияют множественные внешние и внутренние факторы; соответствие нормативной базе и учет региональных особенностей (социальной инфраструктуры и структуры населения) при разработке мероприятий; учет возможностей межведомственного взаимодействия для активизации ресурсов помощи семье; психологическая поддержка сотрудников.

Вместе с тем, экспертом предлагаются рекомендации, которые могут улучшить данное проектное решение. К ним относится: ведение системы мониторинга, индикаторов, критериев и показателей на каждом этапе реализации, в целях отслеживания позитивных и негативных изменений, постоянное повышение квалификации сотрудников, привлечение волонтеров из числа семей, способных к наставничеству в рамках предлагаемой программы. Также приветствуется привлечение семей, переживших и справившихся со схожими жизненными ситуациями.

Социальная технология «Близкие рядом» представляет собой глубоко проработанный, научно обоснованный, практико-ориентированный инструмент, предназначенный для работы со сложной категорией семей. Ее комплексность, системность и ориентация на вовлечение социального окружения делают ее высокоэффективной и соответствующей современным реалиям. Благодаря четким принципам, продуманному процессу планирования и реализации, проект способен существенно улучшить условия жизни и здоровье целевых семей, одновременно снижая риски негативных последствий алкогольной зависимости. Практика внедрения технологии должна стать основой для дальнейших исследований и разработок аналогичных инициатив.

Приведем пример еще одного экспертного заключения, выполненного нами в 2023 г., представленного в виде рецензии на общеразвивающую программу «Школа ответственного родительства», разработанную специалистами того же Областного государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Комплексный центр социального обслуживания населения г. Зимы и Зиминского района».

Данная программа рассчитана на семьи, воспитывающие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на семьи, находящиеся в грудной жизненной ситуации и социально опасном положении. Проект выделяется своей актуальностью, так как он адаптируется к текущим политическим, социальным и экономическим изменениям в Российской Федерации.

Подход к воспитанию детей и поддержке семей в социальной среде пересматривается, учитывая сложившиеся обстоятельства. Проект акцентирует внимание на необходимости развития психолого-педагогических компетенций родителей. Подготовка родителей к роли первых педагогов своих детей и поддержка их в этом процессе – это инновационный аспект проекта.

Несмотря на то что существуют аналогичные программы, проводимые другими учреждениями, уникальность этого проекта заключается в его специфической адаптации к местным условиям, активном вовлечении родителей и семей, в сотрудничестве с локальными ресурсами. Эти особенности делают его уникальным в контексте данного региона и способствуют эффективному решению проблем семей и детей на территории г. Зима и Зиминского района.

Основными достоинствами программы следует считать:

1. Комплексный подход с психологической, социальной, культурно-нравственной и др. сторон в процессе воспитания детей и сохранения детско-родительских отношений.

2. Достоинством разработанной программы также можно считать сочетание теоретических и практических занятий, что будет способствовать успешному закреплению материала. Финальный проект «Моя счастливая семья» позволит подытожить пройденный курс, сде-

лать основные выводы и отразить то, к чему должна будет стремиться каждая из обучающихся семей.

3. Соответствие нормативно-правовой базе, федеральному и региональному законодательству позволяет судить о реалистичности и легитимности предлагаемых мероприятий работы с семьями. Учет нормативных документов, направленных на защиту прав детей, развитие автономности и экономической самостоятельности семей повышает возможности реализации программы в рамках правового поля.

4. Развитие психолого-педагогических компетенций, заложенное в качестве одной из задач в программу, способно улучшить коммуникацию внутри семьи и сблизить родителей и детей, создав атмосферу сотрудничества, основанную на научно обоснованных решениях. Информация об особенностях развития в разных возрастных периодах, потребностях в близости и автономии, свободе и привязанности, сведения об особенностях саморегуляции и когнитивных искажениях позволит организовать процесс образования и воспитания целенаправленно, с учетом знаний в сфере возрастной психологии, конфликтологии, медиации.

5. Учтены родительские роли и функции, такие как разрешение конфликтов, регулирование разногласий, планирование совместного досуга, помощь в профессиональном самоопределении, обучение финансовой грамотности, развитие бытовых навыков, помощь в принятии решений, осуществление внешних контактов с другими агентами социализации.

В целях повышения эффективности экспертом рекомендовано учитывать следующие параметры: важность мониторинга, техническое обеспечение семей, наличие специалистов в сфере психологического консультирования и социальной поддержки для обеспечения сопровождения клиентов.

«Школа ответственного родительства» – это проект, позволяющий снизить проблемное поведение в семьях, повлиять на улучшение воспитания и конфликтность в детско-родительских отношениях. Значимых взрослых никто не учит быть родителями изначально, часто воспитание строится на паттернах, усвоенных в предыдущей семье, личном опыте и просмотре ток-шоу, что может исказить ожидания от поведения детей и родителей, в отрыве «идеальной» картины семьи от реальности.

Для успешной реализации проекта требуется четкое следование букве закона, так как соблюдение прав несовершеннолетних является приоритетной задачей государства, через реализацию проекта мы заботимся не о родителях, а в первую очередь о детях, их жизни и здоровье, праве жить и воспитываться в семье.

Конкретные примеры экспертных практик, реализованных при работе с программами и проектами учреждений социальной защиты населения, позволяют определить роль эксперта в развитии моделирования, проектирования и прогнозирования на территории Иркутской области.

Литература

1. Башкатова Т. Б., Решетникова Е. В., Башкатов Б. Д. Анализ экспертной оценки грантовых заявок от некоммерческих организаций // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 483–485.
2. Попова В. В. Современные зарубежные практики экспертизы в социальной работе // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 169–173.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ

Рассматривается государственная политика России в области поддержки семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. Освещаются ключевые направления и проблемы социальной защиты.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, ОВЗ, семьи детей с ОВЗ, социальная поддержка, социальная защита, дети с особенностями развития.

E. S. Potekhina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE MAIN DIRECTIONS OF STATE POLICY TO SUPPORT FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES IN RUSSIA

The article examines the state policy of Russia in the field of supporting families raising children with disabilities. The key area and challenges of social protection are highlighted.

Keywords: children with disabilities, families of children with disabilities, social support, social protection, children with special needs.

Семья выступает фундаментальным институтом, формирующим структуру современного общества. В современном мире прослеживается стремление к инклюзии и принятию прав всех его членов. Однако семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), сталкиваются с рядом проблемами, как общественных, так и со стороны государства. Ведь в семьях с детьми с особенностями развития возрастает физическая, психологическая и эмоциональная нагрузка на родителей, ближайшее окружение и общество в целом.

Стратегия Российской Федерации в данном вопросе представляет собой совокупность различных действий по отношению к семьям детей с ограниченными возможностями здоровья. Основная цель – это обеспечить равные возможности, социальную защиту и возможность нахождения таких детей в обществе. Эта система базируется на законодательной базе и реализуется через различные программы федерального и регионального уровней, а также на деятельности специальных учреждений и служб для помощи семьям данной категории.

Основой государственной политики в отношении семей, в которых воспитываются дети с ОВЗ являются ключевые нормативные правовые документы. В их числе Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который гарантирует детям с ОВЗ право на получение необходимого образования, в том числе и инклюзивного, если того требуют особенности развития ребенка. Закон предусматривает создание специальных условий обучения и воспитания, а также разработку адаптированных образовательных программ [4].

Следующим важным документом является Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: данный закон определяет систему соцзащиты, которая включает в себя: медицинскую помощь, реабилитацию, обучение и предоставление детям с ОВЗ технических средств реабилитации, а также закрепляет социальные гарантии для семей таких детей.

Кроме того, Россия утвердила Конвенцию ООН о правах инвалидов, что накладывает на государство обязательства по обеспечению прав детей с ОВЗ, в том числе доступа к образованию, здравоохранению, социальной защите и участию в общественной жизни.

Система образования предоставляет детям с ОВЗ широкие возможности для обучения и развития. В соответствии с законом дети могут учиться в общеобразовательных школах, где для них создаются специальные условия: устанавливаются пандусы и лифты, предоставляются адаптированные учебные материалы. Для тех, кому требуется особый подход, работают коррекционные школы. Если состояние здоровья не позволяет посещать учебное заве-

дение, предусмотрено обучение на дому или дистанционно. Для каждого ребёнка с ОВЗ разрабатывается индивидуальная образовательная программа, учитывающая его потребности и возможности [5]. В школах оказывается психолого-педагогическая поддержка, предоставляется тьюторское сопровождение, а при необходимости – услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков [1].

Дети с ОВЗ пользуются рядом льгот: имеют право на первоочередное зачисление в детские сады, бесплатное двухразовое питание в школе, бесплатные специальные учебники и пособия, а также услуги ассистентов и помощников.

Медицинская поддержка детей с ОВЗ включает раннюю диагностику через программы скрининга новорождённых – это позволяет своевременно начать коррекционные мероприятия. Государство в значительной степени старается бесплатно обеспечивать людей необходимыми лекарствами, и в целом медицинской помощью.

Важную роль в нормальной интеграции детей в общество играет реабилитация, она проводится в специализированных центрах и организациях, где применяются лечебная физкультура, массаж, логопедическая и психологическая помощь, как самим детям, так и их семьям.

Помимо всех вышеперечисленных видов государственной поддержки, детям с ОВЗ также предоставляется возможность санаторно-курортного лечения: ежегодно детям с ограниченными возможностями здоровья выделяется путёвка на 21 день с оплатой проезда для него и сопровождающего. В системе образования таких детей особое внимание уделяется индивидуальным программам реабилитации и абилитации (ИПРА), которые разрабатываются медико-социальной экспертизой и включают комплекс медицинских, педагогических, психологических и социальных мероприятий для комфортного и всестороннего развития ребёнка, в том темпе, который для него подходит.

Семьи, воспитывающие детей с ОВЗ, получают финансовую и социальную поддержку. Им выплачивается социальная пенсия по инвалидности, ежемесячная денежная выплата, а также ежемесячная выплата по уходу за неработающим родителем или опекуном [3].

Жилищные и коммунальные льготы позволяют семьям с детьми-инвалидами улучшить жилищные условия – например, получить жильё. Кроме того, им компенсируется 50 % расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, а в отдельных регионах предоставляются льготная ипотека и жилищные субсидии.

Трудовое законодательство предоставляет родителям детей с ОВЗ ряд гарантий. Они имеют право на четыре дополнительных оплачиваемых выходных дня в месяц для ухода за ребёнком – эти дни можно накапливать до 24 дней в год. Родители могут работать на условиях неполного рабочего времени с сохранением трудовых прав, а одинокие родители и единственный кормилец защищены от увольнения без их согласия. Кроме того, им предоставляется право на ежегодный отпуск в удобное время [2].

Также государство обеспечивает детей с ОВЗ техническими средствами реабилитации бесплатно или с компенсацией затрат. К таким средствам относятся инвалидные коляски, протезы и ортезы, слуховые аппараты, средства для ухода, а также специальные компьютерные программы и устройства.

Субъекты РФ дополняют федеральные меры собственными программами поддержки. Они могут предусматривать дополнительные ежемесячные пособия, компенсации расходов на проезд, питание и учебные материалы, организацию бесплатных кружков и секций для детей с ОВЗ, создание центров реабилитации и абилитации, а также службы ранней помощи для детей от 0 до 3 лет. Для полноценного и гармоничного развития ребёнка с ОВЗ важно создание центров психолого-педагогической помощи. Такие центры оказывают необходимую консультативную помощь детям и их родителям, проводят разные обучения, направленные на развитие навыков самообслуживания, самостоятельности, также центры поддерживают семьи через общественные организации и родительские объединения, и реализуют программы социальной адаптации и профориентации подростков с ОВЗ.

Таким образом, государственная поддержка в сфере оказания помощи семьям с детьми с ОВЗ включает в себя все ключевые аспекты жизни: начиная с законодательных гаран-

тий и финансовой помощи, и заканчивая образовательными, медицинскими и реабилитационными услугами. Всесторонний подход к поставленной проблеме позволяет создать необходимые условия для полноценного развития детей с ОВЗ, и их вхождения в социум. Но, к сожалению, несмотря на значительный прогресс в развитии нормативно-правовой базы, без особого внимания остаются вопросы доступности и качества предоставляемых услуг, а также в целом доброжелательного отношения к данной категории населения. Совершенствование системы поддержки должно быть направлено на упрощение процесса получения той, или иной льготы или субсидии, повышение уровня информированности семей, столкнувшихся с данной проблемой и, конечно же, на развитие инклюзивной среды.

Литература

1. Богданова Т. Г., Гусейнова А. А. Основы инклюзивного обучения : учебник / под ред. Н. М. Назаровой. М. : ИНФРА-М, 2023. 335 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 19.05.2026).
3. О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы : указ Президента РФ от 26.02.2013 № 175 (ред. от 29.12.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142671/ (дата обращения: 19.05.2026).
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 19.05.2026).
5. О государственной социальной помощи : федер. закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 19.05.2026).

УДК 316.42:316.77

А. А. Коробкова

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТПРАВДЫ: МЕЖДУ ТРАДИЦИОННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ И НОВОЙ ЭТИКОЙ

Анализируется специфика молодежной политики в условиях распространения феномена постправды в информационном пространстве. Исследуются особенности формирования ценностных ориентиров современной российской молодежи под воздействием цифровых медиа и алгоритмических систем. Рассматривается конфликт между традиционными ценностями (семья, патриотизм, историческая память) и новой этикой (инклюзивность, экологичность, ментальное благополучие). На основе эмпирических данных и российских исследований делается вывод о необходимости адаптации государственной молодежной политики к новым формам коммуникации при сохранении ценностного суверенитета.

Ключевые слова: молодежная политика, постправда, традиционные ценности, новая этика, цифровые платформы, поколение Z, медиапотребление.

A. A. Korobkova

Kemerovo State University, Kemerovo

YOUTH POLICY IN THE POST-TRUTH SPACE: BETWEEN TRADITIONAL VALUES AND THE NEW ETHICS

The article analyzes the specifics of youth policy in the context of the spread of the post-truth phenomenon in the information space. It examines the features of the formation of value orientations of modern Russian youth under the influence of digital media and algorithmic systems. The conflict between traditional values (family, patriotism, historical memory) and the new ethics (inclusivity, environmental friendliness, mental well-being) is explored. Based on empirical data and Russian research, the article concludes that it is necessary to adapt state youth policy to new forms of communication while maintaining value sovereignty.

Keywords: youth policy, post-truth, traditional values, new ethics, digital platforms, Generation Z, media consumption.

Феномен постправды, определяемый Оксфордским словарем как обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям, в последние годы стал предметом активного научного осмысления. В отечественной науке постправда исследуется как совокупность недостоверных общественно-политических представлений, сформированных путем целенаправленного применения политических технологий, включающих систему методов и приемов воздействия. В эпоху постмодерна, когда критерии идентичности и стратификации существенно размыты, молодые граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, оказываются особенно восприимчивы к иррациональным смысловым конструкциям, образованным симбиозом лжи и постправды.

В этих условиях перед системой государственной молодежной политики встанут принципиально новые вызовы. Исследования показывают, что российская государственная молодежная политика в значительной мере превратилась в «фабрику по генерации фактоидов», доминирование которых наряду с внедрением маркетинговых и PR-технологий в данную сферу приводит к тотальной симуляции и порождению симулякров взамен реальных успехов и достижений. Однако, как представляется, эта критика при всей ее обоснованности не должна заслонять более сложную реальность: молодежная политика в пространстве постправды – это не только проблема, но и поле возможностей.

Цель данной статьи – проанализировать специфику молодежной политики в условиях постправды через призму ценностного конфликта между традиционными ориентирами и новой этикой, а также определить перспективы адаптации государственных стратегий к новым формам цифровой коммуникации. Эмпирическую базу составляют данные опросов ВЦИОМ, исследования ценностных приоритетов студенческой молодежи 2025 г., а также материалы российских научных публикаций по проблематике постправды и молодежной политики.

Современное медиапространство, в котором происходит социализация молодежи, качественно отличается от информационной среды предыдущих поколений. Исследования показывают, что представители поколения Z, для которых общение в сети Интернет является важнейшей ценностью и главным способом коммуникации, проводят значительную часть времени в цифровом пространстве. По данным Финансового университета при Правительстве РФ, среднестатистический студент ежедневно проводит почти четыре с половиной часа в онлайн-пространстве, из которых 51 % времени уходит на социальные сети и блоги. Более 58 % опрошенных назвали основным источником получения информации именно цифровые социальные платформы – ВКонтакте, Telegram,.

С. Н. Чирун в своем исследовании определяют постправду как «совокупность недостоверных общественно-политических представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий» [1]. Важно подчеркнуть, что постправда не сводится к простой лжи или дезинформации. Как отмечают лингвисты А. П. Чудинов, Н. Н. Кошкарлова и Н. Б. Руженцева, «указанные деструктивные социальные явления – это не безобидная форма развлечения, а реальная угроза, имеющая серьезные политические последствия» [2].

Особенность пространства постправды для молодежной социализации заключается в его гибридном характере. С одной стороны, оно предлагает неограниченный доступ к информации и возможность горизонтальной коммуникации. С другой – создает условия для манипуляции и суггестивного воздействия. Исследование воздействующего потенциала дискурса «новых медиа» на примере TikTok показывает, что страница рекомендаций во многом способствует эффективности пропаганды в молодежной среде: сеть формирует определенные поведенческие паттерны молодежи по принципу симуляции.

А. А. Балаян и Б. Л. Вишневский в своей работе о контроле государства за СМИ отслеживают динамику формирования в стране «испорченных» институтов, ключевым из которых является СМИ. Авторы делают акцент на практических аспектах создания и функционирования «гиперреальности» и «постправды», которые продуцируют современные СМИ

[3]. Это создает серьезные вызовы для молодежной политики, призванной формировать у молодых граждан устойчивый иммунитет к деструктивному информационному воздействию.

В ответ на вызовы постправды российское государство делает ставку на укрепление традиционных ценностей как основы воспитательной работы с молодежью. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» задана стратегическая рамка, в соответствии с которой традиционные ценности рассматриваются как фундамент национальной идентичности и суверенитета.

Данные социологических опросов подтверждают, что традиционные ценности сохраняют высокий статус в сознании россиян. Согласно опросу ВЦИОМ от 8 июля 2025 г., 65 % россиян готовы следовать традиционным ценностям даже в случае их противоречия реальности. Семья остается ведущей ценностью: 57 % респондентов считают идеальной семью с детьми, наполненную любовью и взаимопониманием.

Вместе с тем опрос выявил различия во взглядах на неизбежность традиционных духовных принципов у разных поколений. Среди представителей молодежи около половины опрошенных не согласны с тезисом о безусловном следовании традиционным ценностям, тогда как в группе людей старше 40 лет его поддерживают 71–75 % участников опроса. Генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров на лектории «Знание» отметил, что в топ-5 ценностей молодого поколения входят отношения в семье (97 %), здоровье и безопасность близких. Молодежь чаще ставит под сомнение абсолютный приоритет традиций, выступая за адаптацию норм к современности.

Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р, закрепляет приоритет патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. План мероприятий Росмолодежи на 2026 г., утвержденный приказом от 30 декабря 2025 г. № 553, конкретизирует эти задачи в рамках реализации национального проекта «Молодежь и дети». На заседании итоговой Коллегии Федерального агентства по делам молодежи в апреле 2026 г. было отмечено, что все показатели национального проекта за 2025 г. были достигнуты, а к 2030 г. ожидается увеличение доли молодых людей, верящих в возможности самореализации в России, до 85 % [4].

Однако сама по себе апелляция к традиционным ценностям в пространстве постправды оказывается недостаточной. Как отмечают исследователи, «в эпоху постмодерна, когда критерии идентичности и стратификации существенно размыты и неустойчивы, молодые граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, готовы верить в иррациональные смысловые конструкции». Поэтому государственная молодежная политика нуждается в новых подходах, учитывающих специфику цифровой социализации.

Феномен «новой этики» представляет собой один из наиболее значимых вызовов традиционным ценностям. Под этим термином в современном дискурсе понимается комплекс ценностных установок, включающих инклюзивность, уважение к многообразию, экологичность, ментальное благополучие, безопасную коммуникацию, отказ от дискриминационных практик. Для поколения Z новая этика не является абстрактной идеологией – это повседневная практика цифрового взаимодействия.

Исследование, проведенное Финансовым университетом при Правительстве РФ среди 1200 студентов из двенадцати городов России, выявило, что 54 % молодежи отдают предпочтение контенту с просоциальной составляющей – волонтерским проектам, историям о взаимопомощи, культурным и патриотическим акциям. При этом около 11 % медиапространства молодых занимают модели деструктивного поведения: буллинг, пропаганда насилия, цинизм. Исследователи подчеркивают: «Молодежь не просто потребляет информацию – она учится видеть, оценивать и строить свою этическую картину мира через призму современных медиа» [5, с. 117].

Конфликт между традиционными ценностями и новой этикой проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, это отношение к семье и гендерным ролям. Исследование цен-

ностных приоритетов студенческой молодежи, проведенное весной 2025 г. Т. Э. Петровой, Ж. В. Жиратковой и В. Н. Морозовой среди 476 студентов вузов Москвы, Пензы и Твери, показало, что для поколения Z общение в сети является важнейшей ценностью и главным способом коммуникации, что приводит к замещению подлинной жизни виртуальной реальностью, нарушению преемственности в передаче социокультурного опыта [6].

Во-вторых, это различие в восприятии исторической памяти и патриотизма. Для традиционного дискурса патриотизм предполагает безусловную лояльность и гордость историей страны. Для поколения Z, сформированного в цифровой среде, патриотизм скорее ассоциируется с конкретными делами и проектами, с возможностью самореализации в России.

В-третьих, это практики «культуры отмены». Технологический подход к анализу феномена культуры отмены, примененный в региональном исследовании студенческой молодежи Кузбасса, показал, что данное явление воспринимается молодыми людьми как деструктивное, однако его механизмы активно используются в молодежной среде для социального исключения несогласных.

Кузбасские политологи в своем исследовании патриотической идентичности в аспекте нравственного сознания современной молодежи приходят к выводу, что выход за пределы традиционных норм предполагает моральное творчество и конфликт поколений, но в то же время – возможность нравственного прогресса. Именно эта диалектика между сохранением ценностного ядра и адаптацией к новым этическим вызовам составляет главную проблему современной молодежной политики [7].

В условиях ценностного конфликта и распространения постправды возникает необходимость переосмысления подходов к молодежной политике. Речь идет не об отказе от традиционных ценностей и не о безоговорочном принятии новой этики, а о поиске синтеза – о том, что можно назвать «политикой согласия».

Важным направлением становится развитие медиа-информационной грамотности молодежи. В статье «Media and Information Literacy of Young Students in the Post-Truth Era» Е. И. Салганова, С. С. Бредихин и Е. В. Щетинина оценивают, как обучающаяся молодежь выбирает каналы для получения информации, каков уровень доверия к ним, а также уровень вовлеченности молодежи в онлайн-коммуникацию и способность распознавать онлайн-угрозы. Авторы подчеркивают значение развития медиа-информационной грамотности для предотвращения распространения деструктивных интернет-практик среди молодежи [8].

Традиционные институты социализации, сегодня вынуждены конкурировать с интерактивной медиаэкосистемой, в которой молодежь осваивает не только новостную и развлекательную повестку, но и этические решения, модели успеха, идентичность. Это требует от государства не просто усиления контроля, но и активного присутствия в цифровом пространстве, создания позитивного контента, альтернативного деструктивному.

Перспективным представляется подход, учитывающий ценностную гибридность поколения Z. Как показывают исследования, приверженность традиционным ценностям и ориентация на новую этику могут сосуществовать в сознании молодых людей. Задача молодежной политики – не искусственно разделять эти установки, а находить точки их пересечения: например, в волонтерстве (традиционное милосердие плюс новая экологическая и социальная ответственность), в семейных ценностях (традиционная семья плюс осознанное родительство и ментальное благополучие), в патриотизме (историческая память плюс конкретные проекты развития).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Пространство постправды, в котором сегодня осуществляется социализация молодежи, создает принципиально новые вызовы для государственной молодежной политики. Традиционные институты социализации конкурируют с цифровыми платформами, алгоритмы которых формируют поведенческие паттерны и ценностные установки. При этом российская государственная молодежная политика, с одной стороны, декларирует приверженность традиционным ценностям, с другой – сталкивается с запросом молодого поколения на новую этику.

Важнейшей задачей является не противопоставление традиционных ценностей и новой этики, а поиск их синтеза в рамках «политики согласия». Требуется пересмотр подходов к молодежной политике в направлении развития медиа-информационной грамотности, активного присутствия в цифровом пространстве и учета ценностной гибридности поколения Z. Как показывают исследования, приверженность традиционным ценностям не исключает, а может дополнять ориентацию на инклюзивность, экологичность и ментальное благополучие – при условии, что государственная политика предлагает не абстрактные лозунги, а конкретные проекты и практики.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в разных регионах России, изучение механизмов трансформации традиционных ценностей под влиянием цифровых платформ, а также на разработку методик оценки эффективности молодежной политики в пространстве постправды.

Литература

1. Чирун С. Н., Чирун М. С. Молодежная политика России в пространстве постправды // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 4 (18). С. 444–453.
2. Chudinov A. P., Koshkarova A. A., Ruzhentseva N. B. Linguistic interpretation of Russian political agenda through fake, deepfake, post-truth // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2019. № 12(10). p. 1840–1853.
3. Балаян А. А., Вишневский Б. Л. Контроль государства за СМИ в современной России: причины, механизм и последствия распространения «постправды» // Политекс. 2017. № 4. С. 101–109.
4. Итоговое заседание Коллегии Росмолодежи в Национальном центре «Россия». 10 апреля 2026 г. URL: <https://lenta.ru/news/2026/04/10/> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Чирун С. Н. Молодёжная политика в ситуации постмодерна (государство и общество в состоянии трансформации). М. : Директ-Медиа, 2020. 535 с.
6. Петрова Т. Э., Жираткова Ж. В., Морозова В. Н. Ценностные приоритеты студенческой молодежи (социологический анализ) // Мониторинг правоприменения. 2025. № 4. С. 164–169.
7. Чирун С. Н., Митин А. А. Прагматичный патриотизм регионов ресурсного типа: конструирование идентичности, стратегии консолидации и трансформация патриотического дискурса в условиях мобилизации: монография. М. : Директ-Медиа, 2026. 316 с.
8. Саганова Е. И., Бредихин С. С., Шетинина Е. В. Media and Information Literacy of Young Students in the Post-Truth Era // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5, N 3. p. 102–120.

УДК 316.014

М. Ю. Попов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПОРТРЕТ ЭКСПЕРТА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

Изучается возможный портрет эксперта в области игровой культуры и игровой индустрии с точки зрения социологических исследований в контексте поиска инновационных подходов. Предлагается классификация экспертов в области игровой культуры и индустрии. Обосновывается необходимость применения новых подходов при поиске экспертов и проведении экспертных исследований.

Ключевые слова: эксперт, игровая индустрия, игровая культура, видеоигры, экспертный опрос.

M. Yu. Popov

Irkutsk State University, Irkutsk

PORTRAIT OF AN EXPERT IN THE FIELD OF SOCIAL STUDIES OF GAMING CULTURE AND THE GAMING INDUSTRY

This article analyzes the potential profile of an expert in gaming culture and the gaming industry, from a sociological perspective, in the context of the search for innovative approaches. The author examines and proposes a classification of experts in gaming culture and the industry. The article also explores the possibility of finding new approaches when searching for experts and conducting expert research.

Keywords: expert, gaming industry, gaming culture, video games, expert survey.

Одним из важнейших направлений в области любого социального исследования всегда были методы, связанные с экспертами, их оценкой и знаниями. Экспертные опросы, метод Дельфи, мозговой штурм, метод анализа иерархий, анкетирование экспертов, все эти методы социального исследования, неразрывно связаны с работой экспертов, и являются одними из самых валидных и эффективных методов в социологии и смежных науках. Эксперт (от лат. *expertus* – опытный) – специалист, приглашаемый или нанимаемый за вознаграждение для выдачи квалифицированного заключения или суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области, т. е. человек, проводящий экспертизу [3].

Подходы, связанные с работой экспертов, также важны в области исследования игровой индустрии и игровой культуры. Но здесь возникает вопрос, кого мы можем называть экспертами в этих областях. Здесь важно рассмотреть портрет эксперта в играх, дать классификацию, рассмотреть методы работы и подходы. Мы не можем рассматривать экспертов в области игровой индустрии и культуры, с узких точек зрения, это не могут быть только эксперты-социологи или эксперты-культурологи, такой подход может привести, к ограниченному взгляду на объект исследования. Значит, нам нужно понять, кто может быть экспертом в области игровой культуры и игровой индустрии [2].

Определим несколько основных направлений поиска, а также критерий, по которым мы будем определять уровень компетентности экспертов. Кто же может помочь с экспертизой в контексте исследований в области игровой культуры и игровой индустрии [1].

Во-первых, в качестве экспертов могут выступать сами игроки, основная аудитория в индустрии, ее потребители. Но, как и в случае с любыми другими социальными исследованиями, просто игроки не могут выступать в качестве экспертов по ряду причин. Игроки, как потребители игрового контента и культуры, максимально субъективны в своих оценках и опираются только на личный опыт. Игроки не обладают достаточным уровнем знаний в игровой индустрии, часто «не держат руку на пульсе», увлечены только отдельными игровыми жанрами, могут быть предвзяты, к жанрам, студиям и игровым платформам. Не знакомы с историей развития игровой культуры и индустрии. Все эти факторы не позволяют нам рассматривать обычных игроков, как экспертов.

Следующая категория – это игровые журналисты. Это те люди, что освещают индустрию видеоигр через новости, рецензии и интервью. Они работают с разработчиками, получают игры из первых рук, отслеживают тренды и участвуют в пресс-мероприятиях. Может показаться, что все эти качества, позволяют рассматривать игровых журналистов, как надежных экспертов в области игровой индустрии и культуры. Но здесь следует учитывать, проблему предвзятости, так как игровые журналисты, за годы существования игровой индустрии, вступили в своеобразный симбиоз с издателями игр, и скорее занимаются рекламой, нежели экспертным анализом.

Также в качестве экспертов, могут выступать сами разработчики компьютерных игр, разных уровней, от дизайнеров, художников и программистов и до исполнительных директоров и непосредственных «авторов» игр. Разработчики в качестве экспертов обладают рядом преимуществ: профессионализм в своей сфере, вовлеченность в процесс работы, понимание тех или иных нюансов изнутри. Как проблему, важно отметить то что разработчики в качестве экспертов, могут допускать ошибки, в экспертных исследованиях из-за эффекта эхо-камеры, так как их деятельность всегда происходит со стороны создания и продажи игр. Ту же проблему, багов и ошибок в игровой индустрии, они будут оценивать более благосклонно, или проблему кризиса идей.

Следующая категория, в нашей классификации, вероятных экспертов – это игровые блогеры, в первую очередь видеоблогеры. Чаще всего они ведут свои каналы на нескольких платформах, как разрешенных, так и запрещенных или частично ограниченных в Российской Федерации, для повышения числа охватов. Как кандидаты в эксперты обладают следующими преимуществами: взгляд на индустрию со стороны, экспертный опыт, часто блогеры были игровыми журналистами или занимались разработкой игр, прямой контакт с аудиторией,

непредвзятость и независимость мнения. Проблемами могут быть их узконаправленность, часто игровой блогер посвящает блог играм определенного жанра или и вовсе одной игре. Вторая проблема, это то что игровой блогер в погоне за «хайпом», может быть предвзят к событиям в области игровой индустрии, и при исследований трендов, может давать неверные оценки значимости, обращая внимания, только на информационно «шумные» темы.

К каким выводам, мы можем прийти. Экспертные исследования в области игровой культуры и игровой индустрии, крайне востребованы, так как игровая индустрия постоянно усложняется. Существует четыре основных типа экспертов: игроки, игровые журналисты, разработчики игр и игровые блогеры. Каждая категория обладает своими преимуществами и недостатками. Потому в процессе проведения исследований в области игровой индустрии и игровой культуры, в контексте использования методов, связанных с экспертами, следует подходить к работе комплексно, и обращаться к широкому кругу экспертов, по возможности охватывая все названные выше группы экспертов.

Литература

1. Зачем нужна аналитика в играх и кто ей занимается? // SkillFactoryMedia. URL: <https://blog.skillfactory.ru/zachem-nuzhna-analitika-v-igrah-i-kto-ei-zanimaetsya/> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Кто такой игровой аналитик? И как им стать? // Медиа-нетология. URL: <https://netology.ru/blog/06-2020-kto-takoj-igrovoj-analitik> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Эксперт // Викисловарь. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эксперт> (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 008:351

С. Д. Банадысев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

«ПУШКИНСКАЯ КАРТА» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Отмечается, что с 2021 г. в Российской Федерации применяется такой инструмент стимулирования культурной активности молодого населения, как «Пушкинская карта». В исследовании предпринимается попытка дать оценку программе «Пушкинская карта» как инструменту реализации государственной культурной политики на региональном уровне на примере Иркутской области, посредством анализа статистических данных и социологических исследований, проведенных авторами по теме.

Ключевые слова: Пушкинская карта, государственная культурная политика, Иркутская область, молодежь.

S. D. Banadysev

Irkutsk State University, Irkutsk

"PUSHKIN CARD" AS A TOOL FOR IMPLEMENTING STATE CULTURAL POLICY AT THE REGIONAL LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Since 2021, the Russian Federation has been implementing the "Pushkin Card" as a tool to stimulate cultural activity among young people. This study attempts to evaluate the Pushkin Card program as a tool for implementing state cultural policy at the regional level using the example of the Irkutsk region, through an analysis of statistical data and sociological research conducted by the authors on the topic.

Keywords: Pushkin Card, state cultural policy, Irkutsk region, youth.

Вопрос культурного просвещения является одним из приоритетов государственной политики. Взятый Российской Федерацией курс на реставрацию духовно-нравственных ценностей предполагает работу по их популяризации посредством повышения доступности различных культурных мероприятий. Так, в рамках заседания Совета по культуре и искусству Президент России В. В. Путин заметил: «Инфраструктура в сфере культуры должна быть достаточна по количеству, и содержательна по смыслам и доступна всем гражданам – вне зависимости от места их проживания и уровня доходов». Президент также не единожды указывал на значимость культурного просвещения в молодежной среде.

Ответом на возникший запрос на доступность культурных мероприятий для молодежи явилась инициатива Президента РФ, получившая название «Пушкинская карта». Порядок реализации настоящей программы изложен в Постановлении Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1521 «О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организации культуры». Ответственность за реализацию программы «Пушкинская карта», в соответствии с упомянутым постановлением, возложена на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Министерство культуры РФ. Ключевым оператором и единственным эмитентом «Пушкинских карт» (как виртуальных, так и натуральных) исходно был определен «Почта Банк», но с 1 января 2026 г. соответствующие функции выполняет ПАО «Банк ВТБ» Правительство предоставляет ВТБ соответствующих объемов субсидии для начисления средств на счета получателей этих карт [7].

Механизм получения «Пушкинской карты», следующий:

1. Участник программы должен зарегистрироваться на портале «Госуслуги» и подтвердить свою учетную запись.
2. Участник программы устанавливает дочерний софт «Госуслуги Культура» и подает заявку на получение «Пушкинской карты» – цифровой или пластиковой карты ПС «Мир».
3. Посредством приложения «Госуслуги Культура» участник программы выбирает культурное мероприятие, посещение которого может быть оплачено средствами с «Пушкинской карты». Соответствующие мероприятия также можно найти на сайте того или иного учреждения культуры.
4. Участник культурного мероприятия покупает билеты в приложении «Госуслуги Культура», на сайте учреждения или культуры или непосредственно на кассе.

Таким образом, «Пушкинская карта» представляет собой реальный инструмент государственной культурной политики, повышающий доступность культурных мероприятий для подростков и молодежи студенческого возраста. Более того, в реализации настоящей программы заинтересовано не только государство, но и негосударственные учреждения культуры, предложение которых, как предполагается, становится более востребованным.

По данным портала «Объясняем.РФ», к 1 января 2026 г. программой «Пушкинская карта» воспользовались порядка 13 млн чел., что составляет примерно 74 % от общего количества молодежи 14–22 лет. Чаще всего молодежь использует карту для походов в кино, театры и музеи. Таким образом, статистические данные указывают на успешность проекта и его востребованность.

В то же время многие российские социологи изучали общественную реакцию на «Пушкинскую карту». Обзорный анализ соответствующих исследований [1; 3; 4; 6] позволяет сделать следующие выводы об отношении целевой аудитории к «Пушкинской карте»:

1. Практически все опрошенные открыли «Пушкинскую карту» не из востребованности данного инструмента, а из желания «располагать денежными средствами» (факт того, что средства целевые, исходно молодежь был опущен).
2. «Пушкинская карта» не столько открывает новые возможности для познавательной деятельности, сколько позволяет сэкономить на уже привычных формах культурного досуга (данное утверждение подтверждается и статистическими данными: наиболее популярный вид культурных мероприятий, на которые ЦА расходует средства «Пушкинской карты» – походы в кино).
3. Респонденты в большинстве своем отмечают позитивное влияние «Пушкинской карты» на их жизнь, зачастую не конкретизируя, в чем состоит таковое влияние.

Таким образом, качественное исследование указывает на неоднозначность института «Пушкинской карты» в разрезе восприятия ее целевой аудиторией, что, впрочем, не обесценивает государственную инициативу, а лишь уточняет истинные причины ее привлекательности. Достигнутые результаты также свидетельствуют о высоком качестве работы Министерства культуры РФ и региональных минкультов.

В части реализации мер по социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры Иркутская область является лиде-

ром Сибирского Федерального округа. По состоянию на 27 февраля 2026 г. 310 учреждений культуры, находящихся в Иркутской области, участвуют в программе «Пушкинская карта» – 25 государственных и 271 муниципальных учреждений. По итогам 2025 г. учреждениями культуры, подключенными к программе «Пушкинская карта», было проведено более 4,3 тыс. мероприятий, доступных для посещений по карте. Представленные данные свидетельствуют о высоком уровне организации работы Министерства культуры Иркутской области [2].

Кроме того, в программе приняло участие 226 тыс. жителей Иркутской области в возрасте 14–22 лет, что составляет порядка 87 % от общей численности молодежи данной возрастной категории, проживающей в Иркутской области, и является одним из самых высоких показателей в России. Министр культуры Иркутской области О. Н. Полунина указывает на неослабевающий спрос со стороны молодежи на функционал «Пушкинской карты»: так, в январе 2026 г. учреждений культуры Иркутской области реализовали более 93 тыс. билетов с общим финансированием свыше 47 млн руб.; по итогам 2025 г. участники программы приобрели 462 тыс. билетов на сумму 195,7 млн руб. Представленные данные подтверждают актуальность программы для молодежи Иркутской области [5].

Министерство культуры Иркутской области также прилагает усилия для того, чтобы молодежь имела актуальную информацию о проводимых культурных мероприятиях, которые возможно посетить за счет «Пушкинской карты». Так, на сайте «Культура 38» [5] предусмотрен раздел «Пушкинская карта», в котором представлены данные мероприятия, градируемые по муниципальным образованиям, типам учреждений культуры и проч. Для продвижения «Пушкинской карты» также используются группы в мессенджерах и социальных сетях.

Таким образом, программа «Пушкинская карта» представляет собой востребованный инструмент государственной культурной политики в Иркутской области – в популяризации и развитии данного инструмента заинтересованы ответственное ведомство в лице Министерства культуры Иркутской области, учреждения культуры Приангарья, а также целевая аудитория программы – молодежь Иркутской области в возрасте 14–22 лет. Несмотря на то что сегодня в информационном поле «Пушкинская карта» фигурирует реже, чем в 2021–2022 гг., количество участников программы все еще остается большим. Отсюда следует, что Президентом РФ был предложен действительно действенный инструмент культурного просвещения молодежи, отвечающий тем целям и задачам, ради которых он создавался.

Литература

1. «Пушкинская карта» как разновидность именного финансового обязательства / Н. А. Еськова, Н. Д. Кликунов, Т. Н. Соловьев, В. М. Окоороков, П. В. Окоорокова // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskaya-karta-kak-raznovidnost-imennogo-finansovogo-obyazatelstva> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Иркутская область – первая в Сибири по количеству учреждений-участников «Пушкинской карты» // Газета Областная. URL: <https://www.ogirk.ru/2026/02/27/irkutskaja-oblast-pervaja-v-sibiri-po-kolichestvu-uchrezhdenij-uchastnikov-pushkinskoj-karty/> (дата обращения: 03.03.2026).
3. Пушкинская карта. Досуг молодежи / У. О. Каледя, С. И. Карпова, С. В. Сумбулова, Л. В. Логунова // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskaya-karta-dosug-molodyozhi> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Карпова О. А., Мясоутов О. В. «Лояльный» и «критичный» пользователи «Пушкинской карты»: проблемы измерения эффективности проекта и векторы его развития // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/loyalny-i-kritichny-polzovateli-pushkinskoj-karty-problemy-izmereniya-effektivnosti-proekta-i-vektory-ego-razvitiya> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Культура 38. URL: <https://culture38.ru/afisha/?datePreset=all&tags=66> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Небылица С. Р., Попова В. В., Корепанова Е. Г. Маркетинг проекта «Пушкинская карта» // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-proekta-pushkinskaya-karta> (дата обращения: 03.03.2026).
7. О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры : постановление Правительства РФ от 8 сент. 2021 г. № 1521 // Гарант. : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/402777404/> (дата обращения: 03.03.2026).

Н. Ю. Буня-Борисова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВАХ РОССИИ В ФОКУСЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ (АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ)

Рассматриваются основные барьеры внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность региональных и муниципальных архивов Российской Федерации. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовой базы и практических кейсов выделены пять групп проблем: финансово-экономические, кадровые, технико-технологические, нормативно-правовые и организационно-управленческие. Предложена системная интерпретация взаимосвязей между выделенными барьерами. Обоснована необходимость дальнейшего эмпирического изучения темы методами анкетирования, экспертного опроса и контент-анализа.

Ключевые слова: цифровая социология, искусственный интеллект, региональные архивы, муниципальные архивы, цифровизация, барьеры внедрения.

N. Y. Bunya-Borisova
Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF IMPLEMENTING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN REGIONAL ARCHIVES OF RUSSIA IN THE FOCUS OF DIGITAL SOCIOLOGY (ANALYSIS OF EXPERT OPINIONS)

The article examines the key barriers to the implementation of artificial intelligence technologies in the activities of regional and municipal archives of the Russian Federation from the standpoint of digital sociology. Based on the analysis of scientific literature, legal framework and practical cases, five groups of problems are identified: financial and economic, personnel, technical and technological, regulatory and legal, and organizational and managerial. A systemic interpretation of the relationships between the identified barriers is proposed. The necessity of further empirical study of the topic using questionnaire surveys, expert interviews and content analysis is substantiated.

Keywords: digital sociology, artificial intelligence, regional archives, municipal archives, digitalization, implementation barriers.

Цифровая трансформация за последние годы стала одним из направлений государственной политики России, что нашло отражение в Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и других стратегических документах. Архивная отрасль также включена в эти процессы: идёт постепенный перевод документов в электронный вид, создаются государственные информационные системы, внедряются автоматизированные средства поиска и учёта. Однако если федеральные архивы ещё могут позволить себе экспериментальные проекты с технологиями искусственного интеллекта, то на региональном и муниципальном уровнях ситуация складывается иначе. Здесь внедрение искусственного интеллекта наталкивается на целый комплекс препятствий, далеко выходящих за рамки чисто технических вопросов.

В ходе работы над темой я опиралась на труды исследователей цифровой социологии, среди которых особое место занимают работы доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных, посвящённые цифровизации и развитию экспертных институтов в меняющемся мире [1]. С опорой на эти исследования и анализ доступных источников складывается следующее понимание проблемы: внедрение искусственного интеллекта в деятельность региональных и муниципальных архивов сдерживается системными барьерами, имеющими не столько технологическую, сколько социально-организационную природу. Именно такой ракурс, с позиций цифровой социологии, представляется наиболее продуктивным для анализа сложившейся ситуации.

Цель моей статьи – систематизировать основные группы проблем, препятствующих внедрению технологий искусственного интеллекта в региональных и муниципальных архивах России, и предложить их социологическую интерпретацию.

Проведённый мною анализ научной литературы и нормативных источников позволил выделить пять взаимосвязанных групп барьеров:

Финансово-экономические барьеры. Как показывают работы В. А. Никина [2] и Д. Л. Плоховой [3], хроническое недофинансирование региональных архивов выступает первичным препятствием для любых инноваций. Отсутствие целевых программ цифровизации, жёсткая ограниченность бюджетов, невозможность привлечения внебюджетных средств на закупку современного оборудования и специализированного программного обеспечения делают проекты по внедрению искусственного интеллекта практически нереализуемыми на местах.

Кадровые барьеры. Штатная численность муниципальных архивов зачастую не превышает одного-двух сотрудников, и среди них, как правило, нет специалистов с профильными ИТ-компетенциями. С. Л. Лобачёв и Е. В. Карпычева [4] прямо указывают на проблему компетентностной подготовки архивистов как на одну из основных при внедрении искусственного интеллекта. Отсутствие системы повышения квалификации в области информационных технологий только усугубляет ситуацию.

Технико-технологические барьеры. По справедливому замечанию Ю. Ю. Юмашевой [5], без первичной оцифровки архивных фондов и создания упорядоченных метаданных применение технологий машинного обучения и нейросетей становится практически невозможным. Между тем многие региональные архивы до сих пор не обеспечены современными сканерами, серверным оборудованием и стабильным доступом к интернету.

Нормативно-правовые барьеры. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» не содержит прямых норм, регулирующих использование искусственного интеллекта в архивной сфере. Остаются нерешёнными вопросы защиты персональных данных при автоматизированной обработке, юридического статуса результатов работы алгоритмов и распределения ответственности за возможные ошибки. В публикациях Е. В. Карпычевой и материалах круглого стола Росархива и ВНИИДАД неоднократно подчёркивалось, что нормативный вакуум в этой сфере остаётся серьёзным препятствием [4].

Организационно-управленческие барьеры. Отсутствие стратегий цифровой трансформации на уровне конкретных архивных учреждений, слабая вовлечённость руководства в инновационные процессы, неготовность к пересмотру внутренних регламентов и отсутствие налаженного взаимодействия с ИТ-подразделениями органов власти, всё это заметно тормозит внедрение искусственного интеллекта. Вместе с тем имеющийся опыт отдельных регионов показывает, что при наличии организационной воли ситуацию можно изменить. Так, в Курганской области внедряется Единая архивная информационная система (ЕАИС), использующая технологии машинного обучения и компьютерного зрения для обработки сканированных архивных документов, включая рукописи на старославянском языке; к концу 2026 г. к системе планируется подключить все муниципальные архивы области. В Московской области сервис на основе нейросетевых алгоритмов уже обеспечил распознавание значительного объёма исторических документов и, по имеющимся данным, получил заметный отклик со стороны пользователей. Эти примеры показывают: поддержка на уровне региональной власти выступает одним из решающих факторов успеха.

Весь много перечисленные барьеры тесно связаны между собой и усиливают друг друга. Кадровый дефицит во многом порождён нехваткой средств: у архивов просто нет возможности ввести ставку ИТ-специалиста. Техническое отставание усугубляется нормативной неопределённостью – учреждения не могут планировать закупки оборудования и программ, не зная, под какие требования и стандарты им придётся подстраиваться в будущем. В свою очередь, без внятной позиции руководства инициативы рядовых сотрудников, даже если кто-то готов пробовать новое, чаще всего затухают. Проблемы образуют замкнутый круг, и, чтобы разорвать его, нужен междисциплинарный подход. Цифровая социология как раз даёт для этого подходящие методы эмпирического изучения.

Одним из перспективных шагов может стать анкетирование сотрудников региональных и муниципальных архивов. Оно позволит выявить реальное отношение архивистов к технологиям искусственного интеллекта, оценить уровень их цифровых компетенций и понять, как сами работники воспринимают существующие барьеры. Дополнительную ценную

информацию может дать анкетирование пользователей архивной информации, а также серия экспертных интервью с руководителями архивных учреждений и представителями органов управления архивным делом в регионах.

Подводя итог, можно сказать, что проблемы внедрения искусственного интеллекта в работу региональных и муниципальных архивов России имеют многомерный, прежде всего социально-организационный характер. Решить их исключительно за счёт технологических инноваций не получится, здесь требуется целенаправленная и скоординированная работа по нескольким направлениям одновременно: совершенствование нормативной базы, изменение кадровой политики, увеличение финансового обеспечения и трансформация управленческих практик. Дальнейшее социологическое изучение этих процессов будет способствовать выработке научно обоснованных рекомендаций для органов управления архивным делом на региональном и муниципальном уровнях.

Литература

1. Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. URL: https://socio.isu.ru/export/sites/socio/ru/sociolab/.galleries/docs/Sbornik_expert_instituty_2025 (дата обращения: 17.04.2026).
2. Никин В. А. Проблемы внедрения искусственного интеллекта в архивное дело // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления : материалы XVIII Всерос. с междунар. участием студ. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. С. 241–244. URL: <http://elar.uspu.ru/handle/ru-uspu/47440> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Плохова Д. Л. Цифровизация архивного дела: возможности и вызовы в эпоху искусственного интеллекта и больших данных // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления : материалы XVIII Всерос. с междунар. участием студ. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. С. 255–258. URL: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/144321> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Лобачёв С. Л., Карпычева Е. В. Искусственный интеллект в архивном деле: нормативное регулирование и формирование кадрового состава // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 623–639. URL: https://pure.spbu.ru/ws/files/96267277/Vestnik_Arxivista_2_2022_new_10_06_2022.pdf#page=303 (дата обращения: 17.04.2026).
5. Юмашева Ю. Ю. К вопросу о применении искусственного интеллекта в архивах: семантические поисковые системы // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. С. 137–160. URL: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/146414> (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 338.48(571.53)

В. Е. Каблукова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС

Изучаются специфические особенности Байкальского региона как бренда. Рассмотрены основные направления экспертного дискурса и возможности его использования на практике.

Ключевые слова: региональный бренд, экспертный дискурс, внутренний туризм, региональный туризм.

V. E. Kablukova

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICITY OF FORMATION OF A REGIONAL BRAND AS A TOOL FOR INCREASING THE TOURIST ATTRACTIVENESS OF THE BAIKAL REGION: EXPERT DISCOURSE

This article examines the specific characteristics of the Baikal region as a brand. It examines the main areas of expert discourse and the potential for its practical application.

Keywords: regional brand, expert discourse, domestic tourism, regional tourism.

В современных реалиях внутренний туризм видится важным фактором развития экономики и стабилизации социального напряжения. Высокий уровень доступности и заинтересованности туристическими направлениями позволяет повысить привлекательность российских регионов. Иркутская область занимает порядка 4,5 % территории Российской Федерации и показывает достаточно спорные показатели развития. С одной стороны, за лето количество туристов составило более 880 тыс. чел., что больше прошлого года почти на 100 тыс. чел. С другой стороны, преобладающее большинство выбирают Байкал, что не предоставляет достаточно возможностей для раскрытия потенциала других каналов туризма в регионе. При этом мало кто знает о территориальной принадлежности и расположенности Байкала (Иркутская область и Республика Бурятия). Это также создаёт проблему в формировании регионального бренда.

Целью статьи является изучение и выявление механизмов формирования регионального бренда как инструмента повышения туристической привлекательности Иркутской области и рассмотрения экспертного дискурса в этом вопросе.

Рассмотрение данной темы невозможно без изучения истоков и теоретического контекста. Классическая работа Ф. Котлера, Д. Хадера и И. Рейна «Маркетинг территорий» (1993) дала понимание о том, что отдельные территории имеют большой потенциал для позиционирования себя на рынке.

В свою очередь, прорывом в данном вопросе стало понятие С. Анхольт – «конкурентной идентичности» и его шестигранная модель национального бренда: человеческий капитал; экспортные бренды; политическая система; культура; инвестиционная привлекательность; туризм. Применительно к Байкальскому региону, туризм явно преобладает и создаёт проблему в гармоничном и всестороннем развитии территории.

Интересным видится разделение активов бренда К. Дини. Он выделял «врожденные» – неотъемлемые особенности рассматриваемой территории (природа, ремесленное дело, традиции и обычаи) и «приобретенные» – созданные в процессе жизнедеятельности региона (сервис и инфраструктура).

Часто вопрос формирования территориальной идентичности становится предметом экспертного обсуждения и мы рассмотрим самые яркие направления обсуждений:

1. Несоответствие между идентификацией и известностью.

Громко звучит вопрос отдельности озера и регионов, к которым он относится. То есть туристы едут на Байкал, а не в Иркутск или Бурятию, а инвесторы рассматривают мероприятия на Байкале, а не возможность вливать деньги в территории.

2. Несоответствие туристического и экологического дискурса.

На конференции «Байкал как участок всемирного природного наследия: 20 лет спустя» отметили большую проблему направленности на экологичность бренда. Приток туристов растёт с каждым годом, а вот работы со стороны власти и бизнеса не то чтобы по восстановлению, а хотя бы по сохранению природных ресурсов проводятся скорее номинально.

В 2023 г. было выдвинуто предложение по созданию проекта «Экологическое сердце Сибири», основанное на отказе туристических направлений от пластиковой продукции. Однако по состоянию на 2025–2026 гг. разница между риторикой и реальностью слишком очевидна.

По этому поводу высказывался А. Л. Асеев: «В России о социальной ответственности бизнеса, за редкими исключениями, говорить не приходится, а реальный сектор экономики прибайкальских территорий так и не вышел из депрессивного состояния».

3. Этно-культурная обоснованность бренда.

На фестивале «Алтаргана» активно обсуждалась важность использования культурного и духовного наследия, помимо природных ресурсов в построении регионального бренда.

В этом ракурсе находится подтверждение в теории, а конкретно стратегии брендинга: религиозной (буддийские дацаны, шаманские святыни); культурно-исторической (традиции, ремесла, фольклор); экономической (этно-туризм).

4. Проблема внутренней идентичности.

Создание уникальности каждого региона строится прежде всего на людях, а точнее на местных жителях, которые являются прямыми носителями обычаев и традиций. Проблема лишь в том, что это разные поколения и мышление, поэтому представление о направлениях развития могут разительно отличаться. А бренд, который не одобряется и не поддерживается в первую очередь местным населением, теряет всю свою аутентичность.

Теперь рассмотрим инициативы, которые существуют в Иркутской области. Так например в декабре 2025 г. прошел форум «Время отдыхать на Байкале». На нем рассматривали пути развития от «бренда Байкала» к «бренду территории». Глава агентства по туризму Евгения Найденова озвучила основную цель: «отойти от восприятия региона как крупного промышленного субъекта».

Экспертами были выделены несколько основных направлений брендинга:

1. Гастрономический бренд. Фестиваль «Сытый Бабр», признанный лучшим гастрофестивалем России в своей категории в 2025 г., решает проблему восприятия Иркутска как транзитного пункта, превращая его в самостоятельную гастрономическую точку притяжения.

2. Мерч с историей. Проект «НеИсчезай», логотип которого основан на элементах бабочки, нарисованной на стенах старых иркутских домов, демонстрирует, как «история и культурный код города могут быть упакованы в современный продукт».

3. Развитие муниципальных территорий. Презентация «Большой Братск» призвана открыть для туристов север области, акцентируя потенциал Братского водохранилища и горнолыжного комплекса «Орехов камень».

В настоящее время есть несколько ключевых вопросов для дискурса экспертов и один из них, это должен ли бренд Байкальского региона быть одинаков для всех территорий или отличаться самобытностью каждой из них. И тут эксперты схожи в важности комплексного подхода, само сердце бренда должно оставаться общим и дополняться уникальными особенностями разных территорий.

Куда более остро стоит вопрос экологической сохранности природных особенностей при растущем туристическом потоке. И главным решением, по мнению экспертов, является высокий уровень социальной ответственности властей и бизнеса, а также использования экологически безопасных технологий. Это позволит не снижать темпы туристического развития региона, при сохранении его уникальной природы.

Наконец, не менее важный вопрос направленности бренда. С одной стороны, это направленность на привлечение интереса извне: туристы и инвесторы, а с другой – развитие интереса внутри через ощущение гордости и сопричастности. Важно уметь маневрировать между двумя этими понятиями для гармоничного развития внутреннего туризма и бренда.

Конечно нельзя не затронуть специфические особенности формирования бренда в Байкальском регионе. И во-первых это наличие готовой основы, что позволяет не создавать ничего с нуля. Главное, это уметь воспользоваться возможностями. Во-вторых, это существование большого количества участников, которых нужно будет успешно включить в работу. К ним относятся: федеральные и региональные органы власти, бизнес-ассоциации («ОПОРА РОССИИ»), НКО («Байкал без пластика», «Байкал.Центр»), научное сообщество (СО РАН), международных партнеров (Монголия, Китай). В-третьих, необходимо трезво оценивать пропускную способность региона на уровне его уникальности. Ну и наконец в четвертых, мы уже много говорили о важности высокого уровня экологичности бренда для его успешного продолжительного существования.

Подводя итоги, хочется сказать, что Байкальский регион имеет огромный потенциал и возможность для успешной его реализации. И большое количество обсуждений лишь подтверждают это заключение. Объединить все усилия под одним направлением не просто, но все усилия будут стоить того в конечном итоге. Только те, кто живут на этой территории, любят и понимают ее особенности смогут вырастить из бренда Байкала, который на данный момент выглядит однобоко, бренд Байкальского региона, который сможет сконцентрировать в себе весь спектр аутентичных особенностей. И это совсем не значит, что нужно отойти от использования Байкала. Наоборот, его нужно использовать со всех сторон, уверенно встраивая в другие направления.

Литература

1. Асеев А. Л. Байкальский регион стал центром притяжения, но формирование центра развития еще впереди // Наука в Сибири. 2026. URL: <https://www.sbras.info> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Корчагина Е. В., Шигнанова Р. А. Развитие брендинга территорий и его необходимость для Северного Байкала // КиберЛенинка. 2016.
3. Наконечных В. Н., Журавлева М. М. Роль территориального маркетинга в привлечении внимания к бренду «Байкал». 2020.
4. На Байкале задумались о создании бренда «Экологическое сердце Сибири» // Monocle.ru. URL: <https://monocle.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Попова М. В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // КиберЛенинка. 2018.
6. Этнокультурные бренды Байкальского региона // Прибайкалье. URL: <http://etno.pribaikal.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
7. В Иркутской области обсудили создание единого туристического бренда // Myseldon.com. URL: <https://myseldon.com> (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 640.4(571.53)

Я. А. Кружкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПАРАДОКСЫ ГОСТЕПРИИМСТВА НА БАЙКАЛЕ НА ПРИМЕРЕ ГОСТИНИЦЫ «ОЛИМП» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕРВИСНОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируется ментальность сибирского гостеприимства на примере гостиницы «Олимп», расположенной в Куркутском заливе Ольхонского района Иркутской области. В основу исследования легли 133 отзыва туристов, базы данных гостей гостиницы, а также данные рекреационного мониторинга и теоретических концепций культурного шока и гало-эффекта, на основе которых выявляется специфика локальной сервисной культуры.

Ключевые слова: ментальность в сфере гостеприимства, база гостиница «Олимп», Иркутская область, сервисная культура, гало-эффект, культурный шок, sustainable tourism.

Ya. A. Kruzhkova

Irkutsk State University, Irkutsk

PARADOXES OF HOSPITALITY ON LAKE BAIKAL: THE CASE OF THE OLIMP HOTEL IN THE CONTEXT OF REGIONAL SERVICE CULTURE

This article analyzes the mentality of Siberian hospitality using the Olimp Hotel, located in Kurkut Bay in the Olkhon District of the Irkutsk Region, as an example. Based on 133 tourist reviews, a hotel guest database, recreational monitoring data, and theoretical concepts of culture shock and the halo effect, the analysis reveals the specifics of the local service culture.

Keywords: hospitality mentality, Olimp Hotel database, Irkutsk Region, service culture, halo effect, culture shock, sustainable tourism.

Проблемные вопросы ментальности в сфере гостеприимства в Иркутской области приобретают особую актуальность в контексте растущего туристического потока и необходимости формирования устойчивой сервисной культуры. Анализируя научные исследования, отслеживается наличие структурного диссонанса между декларируемым хлебосольством и реальными практиками обслуживания, что порождает феномен «культурного шока» у туристов. Вместе с тем, на фоне общей критики региональной туристской инфраструктуры, появляются объекты, демонстрирующие качественно иной уровень сервиса. Исследование демонстрирует, что база отдыха представляет собой «точку роста» в региональной индустрии гостеприимства, демонстрируя переход от архаичных моделей обслуживания к клиентоцентричным практикам, однако сталкивается с типичными для Прибайкалья институциональными противоречиями.

Настоящая статья фокусируется на работе гостиницы «Олимп» – объекте, расположенном в Куркутском заливе Малого Мора, который по оценкам туристов представляет собой «одну из лучших турбаз на Малом море» (рейтинг на 2ГИС – 4,8 балла). Целью исследования является выявление специфики ментальных установок персонала и управленческой модели гостиницы, определить факторы, обеспечивающие высокие оценки сервиса, и сопоставить их с общерегиональными трендами.

Теоретическую основу исследования составляют две взаимодополняющие концепции:

– концепция культурного шока (Culture Shock) описывает механизм негативной эмоциональной реакции туриста на несоответствие между ожиданиями, сформированными в родной культуре, и реальной практикой сервиса в принимающей стране [3, с. 129]. Как отмечается в научной литературе, «стимуляторами культурного шока» выступают «небрежное, безразличное, а зачастую и пренебрежительное отношение местных жителей к окружающей среде» и качество обслуживания, «которое на самом деле не дотягивает до нормальных стандартов качества» [6, с. 2]. В Прибайкалье этот феномен усугубляется тем, что даже единичные случаи низкого качества сервиса формируют устойчивый негативный имидж региона у туристов, которые делятся своими впечатлениями на личных страницах соцсетей, мессенджеров, отзывов;

– гало-эффект (Halo Effect) представляет собой когнитивное искажение, при котором позитивное отношение к значимому объекту (озеру Байкал) переносится на ассоциированные с ним объекты (местных жителей, туристскую инфраструктуру). Эмпирические исследования, проведенные с использованием метода семантического дифференциала [1, с. 90; 4, с. 63], показывают, что иностранные туристы оценивают «байкальца» выше, чем «россиянина» в целом, приписывая ему большее добросердечие (1,92 против 1,53 по 3-балльной шкале) и гостеприимство (1,83 против 1,60). Однако этот позитивный «аванс» может быть быстро исчерпан при столкновении с реальными практиками обслуживания.

Социокультурный мониторинг туристических кластеров Прибайкальского национального парка, проведенный в 2024–2025 гг., выявил существенные различия в восприятии туризма жителями разных кластеров, что обусловлено неодинаковой интенсивностью рекреационной нагрузки. Исследователи отмечают, что большинство местных жителей осознают положительное экономическое влияние туризма (создание рабочих мест, улучшение материального положения), однако фиксируют и негативные эффекты: рост стоимости жизни и изменения внешнего вида популярных природных объектов, нагрузку на экосистему, нехватку инфраструктуры, и в то же время опасаются стихийного роста, который может ухудшить качество жизни.

Кратко рассмотрим характеристику гостиницы «Олимп», которая расположена на берегу Куркутского залива Малого Мора – акватории озера Байкал, отделенной островом Ольхон, в местности Куркут/Мандархан, с.п. Шара-Тоготское, д. Куркут, ул. Волкова, зд. 1.

Общее количество номерного фонда основной корпус и отдельно стоящих домиков – 29. Имеются номера, предусматривающие размещение с животными. В основном корпусе расположен ресторан, вместимостью 40 посадочных мест. Из дополнительных услуг «Олимп-Байкал» предлагает: беседки с мангалами, два бассейна, две спортивные зоны (закрытого типа и открытая), баню и чан с подогревом. В 2023 г. присвоена категория 3 звезды. Рассмотрим инфраструктурную характеристику объекта, предлагаемую различными сайтами (табл. 1).

Основной характеристикой объекта является вид из панорамных окон и с террасы. Именно тут открывается «заораживающий вид» на озеро Байкал и остров Ольхон. Этот фактор, как будет показано далее, играет существенную роль в формировании гало-эффекта.

Эмпирическую базу исследования составили 133 отзыва туристов, опубликованных на платформе «Яндекс Путешествия» (средний рейтинг – 5,0 из 5) [7]. Анализ отзывов позволил выделить ключевые параметры оценки сервисной культуры базы и сопоставить их с общерегиональными трендами.

Характеристика гостиницы «Олимп» на различных сайтах

Категория	Характеристика
Размещение	Номера различных категорий (от стандарта до домов с двумя комнатами и гостиной), оснащенные санузелом с душем, телевизором, холодильником, микроволновой печью, чайником, кондиционером, теплыми полами
Питание	Ресторан/кафе с видом на Байкал, шведский стол (завтраки включены в стоимость), возможность самостоятельного приготовления пищи (ограниченная – нет плиты)
Рекреационные объекты	Два бассейна с подогревом (детский и взрослый), русская баня, мангальные зоны, беседки, детская площадка, спортивная зона
Продукты досуга	Прокат велосипедов, сапов, организация экскурсий, однодневные туры на остров Ольхон, автомобильные туры на УАЗах (например, на Мраморный карьер в п. Бугульдейка)
Сервисные детали	Бесплатный Wi-Fi, парковка, одноразовые зубные наборы, тапочки, гели для душа, шампуни, белоснежное белье

Иркутская область характеризуется «сервисным нигилизмом» и отчужденным поведением к туристам, прибывающим в регион. Изучая отзывы о гостинице «Олимп», можно уверенно сказать, что фиксируется устойчивая положительная оценка человеческого фактора, который отслеживается в следующем:

- «Вежливый и отзывчивый персонал»;
- «Очень приветливый и отзывчивый»;
- «Администратор Алена: все четко и отлажено, быстро отвечает, реагирует на все просьбы»;
- «Приветливый персонал».

И тут стоит обратить внимание, что в отзывах упоминается имя сотрудника, а именно это и характеризует персонализацию сервиса, который выражается в феномене, не характерном в Прибайкалье для массовой туристской инфраструктуры, где в основном преобладает обезличенное, дистанцированное обслуживание. Также сюда можно отнести высокую положительную оценку работникам кухни, а именно «за вкуснейший штрудель» шеф-повара Васисилы.

Также стоит обратить внимание, что рассмотрены типы дескрипторов: функциональные, поведенческие и результативные. Анализ отзывов позволяет выделить практики проактивного сервиса, выходящие за рамки минимальных стандартов обслуживания:

1. Гибкость в отношении заезда/выезда: «При позднем заезде разрешили на следующий день поздний выезд (правда, опция возможна, только если это не мешает заезду следующих гостей)».

2. Внимание к деталям, это наличие одноразовых зубных наборов, тапочек, гелей для душа, шампуней – то, что в западной сервисной традиции является стандартом, но в региональном контексте воспринимается как премиальная опция (потому как гости не обращают внимание на тот факт, что гостинице приравнена категория 3 *).

3. Качество белья также уделено внимание гостей, прибывающих в гостинице в разные периоды времени. Многократные упоминания «белоснежного, накрахмаленного белья», «хрустящего белья», что контрастирует с типичными жалобами на неудовлетворительное состояние постельного белья в бюджетных объектах размещения Прибайкалья.

В публичном дискурсе Прибайкалья устойчивым является нарратив о «колхозном» качестве туристской инфраструктуры. Туристы жалуются на отсутствие туалетов, антисанитарию, несоответствие цены и качества. Что не скажешь о гостинице «Олимп», которая демонстрирует противоположную модель:

- санитарная культура гостиницы «чисто, аккуратно», «белоснежные полотенца», «чистые домики со всеми удобствами»;

– экологическая ответственность в гостинице «Заметно, что владельцы уважают природу и бережно к ней относятся» – отсылка к sustainable tourism (устойчивый туризм) практикам, которые находятся в центре внимания региональной туристской политики;

– инвестиции в развитие гостиницы: «С каждым годом база только хорошеет и развивается. За прошедший год появился еще один новый большой бассейн, новые домики и новый пирс» (Примечание, ранее гостиница «Олимп» имела статус базы отдыха); «замена в ресторане мебели для размещения гостей, очень круто».

Последний фактор особенно важен, потому как динамическое развитие объекта, фиксируемое повторными посетителями, свидетельствует об устойчивой институциональной модели, ориентированной на долгосрочную капитализацию, а не на краткосрочную ренту.

Наряду с высокими оценками, в отзывах присутствуют критические замечания, позволяющие идентифицировать зоны институционального напряжения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Критические замечания, выявленные в отзывах гостей гостиницы «Олимп»

Критика	Контекст	Теоретическая интерпретация
«Не вкусная кухня. Лучше самим готовить»	Несоответствие ожиданий и реальности	Когнитивный диссонанс: высокий уровень сервиса в одних аспектах (номер, белье) контрастирует с завышенными ожиданиями в отношении гастрономии
«Для того чтобы готовить самим в домике, нет плиты, только микроволновая печь и чайник»	Инфраструктурное ограничение	Разрыв между ожиданием полной автономии (архетип дачи) и моделью полупансиона
«Один крупный недостаток – кухня. Очень уж по-столовски»	Качество питания	Противоречие между ценой и качеством: туристы ожидают ресторанного уровня, получают «лучшую столовую»

Так, данные замечания показывают, что даже на объекте с высоким уровнем сервисной культуры сохраняются разногласия между ожиданиями туристов и реальностью. Однако важно, что эти критические отзывы не носят тотального характера и не перечеркивают общую положительную оценку – в отличие от общерегиональной ситуации, где единственный негативный опыт может привести к формированию устойчивого негативного имиджа региона.

Как отмечается в научной литературе, «основным барьером развития сферы гостеприимства в России является психологическая установка, при которой качественное обслуживание ассоциируется с «лакейством», «прислуживанием» [6, с. 6]. Фраза «служить бы рад, прислуживаться тошно» отражает глубинную ментальную установку, препятствующую формированию клиентоцентричной сервисной культуры» [5, с. 515].

Отзывы о деятельности гостиницы «Олимп» свидетельствуют о преодолении этого барьера. Повторяющиеся характеристики персонала как «отзывчивого», «внимательного», «приветливого» указывают на сформированную институциональную среду, в которой качественный сервис воспринимается не как унижение, а как профессиональная компетенция. Стоит отметить, что гости описывают атмосферу, как «чувствуешь себя как дома» – метафора, которая в контексте российской сервисной культуры приобретает особый глубокий смысл: «как дома» означает не панибратство, а заботу и внимание без дистанции отчуждения.

Рассматривая теорию гало-эффекта, можно сделать акцент на то, что позитивное восприятие озера Байкал неоспоримо формирует у гостей региона завышенные ожидания я в отношении качества обслуживания в индустрии гостеприимства. Рассматривая работу и взаимодействие с гостями в гостинице «Олимп» можно с уверенностью сказать о двойном гало-эффекте, который проявляется в видовых характеристиках, а именно панорамные окна, терраса с видом на Байкал, и это усиливает позитивное восприятие сервиса. Однако очень важно отметить, что гало-эффект не является таким фундаментальным, как критические замечания (особенно в отношении кухни), которые, в свою очередь, показывают, что гости сохраняют способность к дифференцированной оценке. Высокие положительные оценки сервиса продиктованы не только и не столько видовыми характеристиками, сколько реальными практиками обслуживания персоналом гостиницы.

Рекреационный мониторинг, проведенный Прибайкальским национальным парком, по результатам которого просматривается проблематика «усталости от туризма» местных жителей. Гостиница «Олимп» демонстрирует альтернативную модель: отмечаемое туристами «бережное отношение к природе» и постоянное развитие инфраструктуры свидетельствуют о стремлении к устойчивому туризму, минимизирующему негативное воздействие на экологическую систему региона. Также, хочется обратить внимание на то, что руководство гостиницы «Олимп» тесно взаимодействует с туристическими агентствами, например «Крымское бюро путешествий и экскурсий» г. Джанкой, которое реализовывает туры на зимний Байкал с размещением в гостинице туристов из разных регионов страны.

Стоит отметить основными элементами этой модели выступают:

1. Повторные визиты: «Каждый год в начале сентября мы отдыхаем в Олимпе», «Отдыхаем здесь не первый год», «Одна из любимых и достойных турбаз на Малом море», также анализируя прибывающих гостей гостиницы «Олимп» за последние 5 лет, это те, кто возвращается вновь и вновь, и дающих рекомендации своим близким и друзьям об отдыхе на Куркутском заливе в гостинице «Олимп» – формирование лояльной клиентской базы, что является маркером устойчивого бизнеса.

2. Сезонная диверсификация, речь идет о положительных отзывах, как о летнем, так и о зимнем отдыхе («Новогодние праздники», «отдыхали с 22 по 24 февраля») – снижение зависимости от короткого летнего сезона.

3. Инвестиции в инфраструктуру характеризуют гостиницу «Олимп», как динамично развивающийся объект гостиничной инфраструктуры Иркутской области, это отражено в постоянном обновлении (новый бассейн, новые домики, новый пирс, мебели, площадок для активного отдыха) – ориентация на долгосрочное развитие.

Продоланный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

Гостиница «Олимп» представляет собой институциональную инновацию в региональной сфере гостеприимства, демонстрируя преодоление ключевого ментального барьера – отождествления качественного сервиса с «прислуживанием». Высокие оценки вежливости и отзывчивости персонала указывают на сформированную профессиональную культуру обслуживания, не характерную для массовой туристской инфраструктуры Прибайкалья.

Гало-эффект оз. Байкала не является единственным или доминирующим фактором положительных оценок. Видовые характеристики гостиницы, несомненно, усиливают позитивное восприятие, однако наличие дифференцированных критических замечаний (особенно в отношении кухни, отзывы, оставленные в период до 2020 г.) свидетельствует о сохранении у туристов способности к аналитической оценке качества обслуживания.

Зоны институционального напряжения сохраняются даже на объектах с высоким уровнем сервисной культуры. Основной точкой диссонанса выступает гастрономическая составляющая: несоответствие между ожиданиями «ресторанного» качества и реальностью «столовского» уровня. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования продуктовой линейки.

Модель устойчивого развития, реализуемая гостиницей «Олимп» (инвестиции в инфраструктуру, формирование лояльной клиентской базы, круглогодичная работа, бережное отношение к природе), может рассматриваться как предиктор институциональных изменений в региональной туристской индустрии.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в идентификации факторов успеха, которые могут быть масштабированы на другие объекты туристской инфраструктуры Прибайкалья, а именно внимание к деталям сервиса (качество белья, наличие мелочей), персонализация обслуживания, постоянное развитие и обновление материальной базы, экологическая ответственность.

Литература

1. Бовина И. Б. Семантический дифференциал // Социальная психология: Практикум / под ред. Т. В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. с. 90.

2. Головченко Т. П., Рубцова Н. В. Оценка туристского продукта и гостеприимства в Прибайкалье: результаты онлайн-опроса китайских туристов // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 129–131.
3. Мониторинг состояния социокультурной и социально-экономической среды туристических кластеров Прибайкальского национального парка под влиянием туристско-рекреационной деятельности / О. В. Круско, Н. В. Сидорова, С. А. Козлова, Н. Ю. Большакова, И. П. Лукин. Manuscript, 2025.
4. Новиков А. Л., Новикова И. А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63–67.
5. Новолодская Г. И., Тушемилова Н. Н. Тренды устойчивого развития туризма и гостеприимства в мире, России и Прибайкалье. Часть 1 // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34, № 3. С. 514–527.
6. Питерова А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2014. № 4 (8). С. 2–8.
7. Яндекс Путешествия. Отзывы об Олимп, Иркутская область – 102 реальных отзыва. URL: <https://travel.yandex.ru/hotels/irkutsk-oblast/olimp-baikal/reviews> (дата обращения: 28.04.2026).

РАЗДЕЛ 3
ВЫСШАЯ ШКОЛА,
РЫНОК ТРУДА И НОВЫЕ ВЕКТОРЫ
ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

CHAPTER 3
HIGHER EDUCATION,
LABOR MARKET AND NEW VECTORS
OF DIGITALIZATION IN RUSSIA

КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА УНИВЕРСИТЕТА

С позиций междисциплинарного подхода рассматриваются связи интеллектуального потенциала вуза через его конкурентоспособность с качеством высшего образования и подготовки выпускников вуза. Используются статистические данные о рейтингах российских вузов за 2024 г. Сделан вывод о том, что качество высшего образования в университете через его конкурентоспособность составляет институциональную основу в процессе формирования интеллектуального капитала университета.

Ключевые слова: качество высшего образования, интеллектуальный капитал, конкурентоспособность, качество подготовки выпускников.

L. I. Naidenova

Penza State University, Penza

THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION IS THE INSTITUTIONAL BASIS FOR THE FORMATION OF A UNIVERSITY'S INTELLECTUAL CAPITAL

From the standpoint of an interdisciplinary approach, the article examines the relationship between the intellectual potential of the university through the competitiveness of the university and the quality of higher education and graduate training at the university. Statistical data on the ratings of Russian universities for 2024 are used. It is concluded that the quality of higher education at the university through its competitiveness constitutes the institutional basis in the process of forming the intellectual capital of the university.

Keywords: quality of higher education, intellectual capital, competitiveness, quality of training of graduates.

Проблемы накопления интеллектуального капитала организаций всегда находились в зоне особого внимания российских научных учреждений, а также вузов, занимающихся научной деятельностью. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» утверждает решение данной проблемы на государственном уровне [6]. Возникает задача разработки теоретических основ интеллектуального капитала вуза в современном российском обществе. Важная роль в накоплении интеллектуального капитала вуза отводится не только научной, но и учебной деятельности, подготовке высококвалифицированных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда.

Цель данной статьи – выявление сущности и значения качества высшего образования в накоплении интеллектуального капитала регионального вуза на основе исследования рейтингов российских вузов.

А. А. Мальцева характеризует интеллектуальный капитал вуза как нематериальный ресурс, который включает человеческий, репутационный, инфраструктурный капитал, капитал интеллектуальной собственности. На основе структурного подхода автор выделяет три уровня интеллектуального капитала университета:

- наноуровень, формируемый в процессе деятельности персонала университета;
- микроуровень – формируемый в процессе деятельности структурных подразделений университета;
- макроуровень – формируемый в процессе деятельности всего университета [3, с. 167]. В этом определении прослеживается скорее педагогический подход к управлению формированием интеллектуального капитала вуза.

В научной работе Е. А. Толстиковой отмечены основные цели, достижение которых обеспечивает интеллектуальный капитал университета (это определяет институциональную сущность и основу интеллектуального капитала университета): конкурентоспособность высшего образования и научных разработок, и капитализация знаний. Структура интеллектуального капитала современного университета включает человеческий, структурный и реля-

ционный капиталы [5, с. 720–721]. В приведенном определении прослеживается экономический подход.

Ю. С. Олеснеюк выделяет три категории элементов интеллектуального капитала [4, с. 63]:

- Человеческий капитал – это знания, навыки и опыт сотрудников, их способности к непрерывному обучению и развитию. Все это входит в содержание компетенций.
- Организационный капитал – это процессы и системы для взаимодействий внутри организации и для ее адаптивности к рыночным трансформациям.
- Клиентский капитал, в который входят отношения и взаимодействия организации с клиентами, партнерами и всеми внешними заинтересованными партнерами. В приведенном определении структуры прослеживается социально-отношенческий подход.

А. И. Васильев определяет конкурентоспособность вуза как возможность совершения конкурентных действий и компетентность в их совершении [1]. Этот же автор сформировал матрицу взаимосвязей «качество» – «конкурентоспособность», на основе которой выявил четыре типа отношений данных категорий и четыре типа вузов [2].

Российское рейтинговое агентство RAEX ежегодно составляет рейтинг лучших вузов по группам разным направлений подготовки. Методология оценки вузов в рейтинге RAEX-2025 основана на трех ключевых направлениях:

- качество образования (показатели – уровень преподавательского состава, международная интеграция, востребованность выпускников на рынке труда);
- научно-исследовательская деятельность (показатели – публикационная активность, цитируемость, получение грантов и коммерциализация научных разработок);
- репутационные характеристики – определяются с помощью анкетных опросов работодателей, академического сообщества и выпускников вузов [7].

Именно эти основные направления соответствуют и структурным элементам интеллектуального капитала вуза.

В табл. приведены статистические показатели мест, определенные по методике RAEX, и соответствующие им ранги.

Таблица

Статистические показатели мест, определенные по методике RAEX, и ранги, соответствующие им

Вуз	Место/ранг г ₁	Место/ранг г ₂	Место/ранг г ₃	Место/ранг г ₄
МГУ	1 1	3 2	1 1	1
МГТУ	5 5	1 1	15 6	2
МФТИ	6 6	8 5	2 2	3
СПбГУ	2 2	10 6	12 5	4
МИФИ	4 4	13 7	3 3	5
МГИМО	3 3	6 4	24 8	7
НИУ ВШЭ	7 7	5 3	16 7	6
СПб политех. ун-т	13 8	15 8	9 4	8

* Источник: [8]. *Примечание.* Проранжированы (авторский расчет): г₁ – ранг условий для обучения, г₂ – ранг востребованности выпускников, г₃ – ранг результатов и состояния научно-исследовательской деятельности, г₄ – место вуза в рейтинге 2024 г.

Использована формула вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d_i^2}{n(n^2 - 1)}$$

где $d_i = R(X_i) - R(Y_i)$ – разница между двумя рангами каждого наблюдения, n – количество наблюдений.

Обнаружены:

- сильная прямая связь между: условиями для обучения и уровнем востребованности выпускников работодателями ($R_{12} = 0,8$). Чем лучше условия для получения качественного образования, тем выше уровень востребованности выпускников работодателями.

– средние прямые связи между условиями для обучения и местом в рейтинге ($R_{14} = 0,51$); уровнем востребованности выпускников работодателями и местом в рейтинге ($R_{24} = 0,62$); уровнем научно-исследовательской деятельности и местом в рейтинге ($R_{34} = 0,51$);

– слабые прямые связи между: условиями для обучения и уровнем научно-исследовательской деятельности ($R_{13} = 0,19$);

– слабые обратные связи между: уровнем востребованности выпускников работодателями и уровнем научно-исследовательской деятельности ($R_{23} = -0,19$). Это означает, что для вуза важнее и более возможны либо обеспечение востребованности выпускников при их соответствующей подготовке, либо ведение научной деятельности, новые научные открытия, НИР и ОКР. Вуз может достаточно хорошо обеспечивать прежде всего учебную деятельность, а научно-исследовательская – будет на втором или третьем местах.

Подготовка выпускников с высоким качеством образования имеет большее значение для формирования интеллектуального капитала во многих вузах. Исключением являются вузы, в стратегиях деятельности которых заложены оба этих направления как ведущие и обеспечивающие друг друга – НИУ ВШЭ (Москва), КНИТУ (Казань), и некоторые другие, в основном – столичные.

Качество высшего образования в вузе через конкурентоспособность вуза составляет институциональную основу в процессе формирования интеллектуального капитала вуза, поскольку обеспечивает и характеризует выполнение основных институциональных функций высшего образования – подготовки специалистов с высшим образованием и становления личности специалиста.

Интеллектуальный капитал вуза и качество высшего образования связаны через конкурентоспособности высшего образования и самого вуза. Чем лучше условия для получения качественного образования, тем выше уровень востребованности выпускников работодателями.

На оценку интеллектуального капитала вуза больше влияет информация о качестве подготовки и о востребованности выпускников на рынке труда, чем информация о научно-исследовательской деятельности. Соответственно, и состояние или уровень интеллектуального капитала вуза больше выражается в качестве подготовки выпускников (определяемом через конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг), чем в результатах научно-исследовательской деятельности.

Современные цифровые технологии могут значительно упростить проведение научных исследований общественного содержания (экономика, социология, психология и их специализации). Пример – проведение онлайн-опросов (исследовательско-аналитический проект «Неравнодушный человек»). В вузах благодаря образовательным платформам, ЭИОС и др. возможно проведение экспресс-опросов студентов, преподавателей и сотрудников. Необходимо обеспечить организационные условия (получить разрешение администрации, приобрести соответствующие программы сбора и обработки данных). Большие возможности дает и перспективы открывает применение цифровых технологий для отслеживания взаимосвязей составных частей интеллектуального капитала в процессе его развития.

Литература

1. Васильев А. И. Конкурентоспособность вуза в свете теории конкуренции и норм российского законодательства // Современная конкуренция. 2017. Т. 11, № 6 (68). С. 122–134.
2. Васильев А. И. Качество образования и конкурентоспособность вуза: аспекты взаимосвязи // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 37–43.
3. Мальцева А. А. Сущность и определение интеллектуального капитала вуза // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 164–170.
4. Олесеинок Ю. С. Интеллектуальный капитал вуза: теоретические аспекты и практические подходы к оценке // Новая экономика. 2024. № 2. С. 62–69.
5. Толстикова Е. А. Интеллектуальный капитал университета третьего поколения: структура и подходы к оценке // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 3. С. 711–734.

6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027?ysclid=mp07aspr943848194> (дата обращения: 30.04.2026).

7. Рейтинги вузов РФ. RAEX-2025 (РАЭК-Аналитика), Методология RAEX. URL: <https://sky.pro/wiki/profession/top-100-luchshih-vuzov-rossii-2025-goda-po-versii-raex/?ysclid=mmcfq2676q724987558> (дата обращения: 30.04.2026).

8. Рейтинги вузов РФ-2025. URL: https://web.archive.org/web/20250605104203/https://raex-rr.com/education/russian_universities/top-100_universities/2025/ (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 316.4.05

В. В. Кривошеев

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА И ВКЛЮЧЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ

Рассматриваются противоречивые процессы в современном обществе, которые наглядно демонстрируют, в частности, травмированность сознания студенческой молодёжи. На основе проведённого социологического исследования показывается применимость теории социальной травмы для анализа процессов, которые происходят в учебном процессе.

Ключевые слова: социальная травма; общество травмы; учебный процесс в вузе.

V. V. Krivosheev

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

SOCIAL TRAUMA AND STUDENT INCLUSION: A NEW READING OF THE CONCEPT

The article examines the contradictory processes in modern society, which clearly demonstrate, in particular, the trauma of the consciousness of student youth. The author considers it very urgent and necessary to consider the applicability of the theory of social trauma to analyze the processes that occur in the educational process. All this is shown on the basis of a sociological study.

Keywords: social trauma; a trauma society; educational process at the university.

Каждый этап в развитии общества сопровождается новыми рисками для индивидов, групп с точки зрения адекватного восприятия реальности и способности действовать соответственно ей. Отсюда следует, что в той или иной мере, но всякий этап в самодвижении общества несёт в себе и травмирующее сознание человека начало. Давно фиксируется, что технологические, технические и иные инновации, которые опережали адаптацию человека к ним, оказывают травмирующее воздействие на сознание людей и на все аспекты социальной жизни. Герберт Маркузе в своё время иронизировал, что «технология служит установлению новых, более действенных и более приятных форм социального контроля и социального спланирования» [1, с. XIX]. Он считал, что «транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции» [1, с. 16]. Заметим, что все это говорилось ещё, скажем так, в доинтернетовскую эпоху. Такая большая обращённость к идеям Маркузе потребовалась для того, чтобы показать, насколько длителен был процесс своеобразного привыкания социума к миру господства медиа, включения в этот мир, как постепенно шло своего рода привыкание людей к совершенно иной социальной определённости. Уже тогда можно было говорить не только о наступающей иррационализации общества, но и том, что все это не могло не сопровождаться его травмированностью.

Цифровая трансформация современного социума по-новому выдвинула в научную повестку проблему социальной травмы. Джеффри Александер, как известно, разработал концепцию культурной травмы, сущность которой сводится к тому, что «члены некоего сообще-

ства чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [2, с. 6]. Нетрудно заметить, что в данном случае речь идёт лишь о каком-то потрясающем событии, о чем-то совершенно неожиданном, казалось бы, невероятным, шокирующем. Но важно то, что из сферы медицины, биологии выдвинута идея травмы применительно к обществу, ко всему, что в нем происходит. Пётр Штомпка также в основном сосредоточивается не травме, затрагивающей сферу культуры, прежде всего ценностное наполнение социальной жизни, существования индивидов. Отсюда и своего рода парадокс существования современного человека, когда открываются невероятные прежде возможности общения, получения и преобразования информации, а, с другой стороны, что все это сопровождается все большей искаженностью получаемых сведений, данных, самого восприятия реальности. Отсюда и все более глубокое понимание социальной травмы уже на социетальном уровне. Это вполне убедительно показал Ж. Т. Тощенко, раскрыв существо третьего варианта развития общества, не революционного и не эволюционного, а переживающего состояние травмы [3].

Особенностью современного этапа развития общества, что также и прогнозировалось, и отмечалось уже сравнительно давно, является своего рода вторичность, искусственность явлений, представлений людей, непрерывно включённых в информационные потоки, не имеющих возможности, а часто и нежелающих отделять вымысел, ложь от действительных фактов, явлений, событий. А. А. Зиновьев замечал, что «мы рождаемся, формируемся и живём в мире искусственности. Все то, что считалось (и считается на словах) естественностью, послужило лишь исходным пунктом, материалом, поводом и жизненным соком для грандиозной искусственной сферы отчуждённой (отнятой у людей, взятых индивидуально) эмоциональности. Мы с рождения обучаемся не культуре переживаний, которой вообще нет, а культуре притворства, игры в переживания, расчёта поступков, изображающих, скрывающих или преувеличивающих переживания» [4, с. 77–78].

Исследователи замечают, что одним из проявлений современного состояния социальной травмы является информационное одиночество. Справедливо, на наш взгляд, отмечает Л. Н. Соловьёва, что на первый взгляд это выглядит нонсенсом, поскольку жить вне коммуникации просто невозможно. Она фиксирует, что «одиноким человек отнюдь не воспринимает себя как ничто, напротив, он остро чувствует, переживает, испытывает боль, но и может испытывать наслаждение от присутствия наедине с собой. Оказывается, можно испытывать чувство одиночества в “обществе всеобщей коммуникации” при изобилии связей, знакомств, друзей, подписчиков» [5, с. 79]. Эмпирические исследования социологов, проведённых, например, в одном из регионов России, показали, что большинство респондентов (68,9 %) осознают, что цифровая эпоха усилила чувство одиночества в обществе [6, с. 597]. Указанные тенденции характеризуют не только российский социум. Это отмечают, к примеру, и белорусские социологи [7, с. 597]. Дело в том, что сами контакты делаются поверхностными, быстро возникающими и столь же стремительно исчезающими. От этого возникает стойкий дефицит неформального взаимодействия, основанного в том числе не только на вербальной основе.

Отсюда и происходит то, что, по нашему мнению, можно назвать информационным стрессом. Это состояние возникает в самых разных обстоятельствах. Человек настолько привязан к своему гаджету, что простая разрядка батареи в нем или оставление этого устройства, как говорится, без присмотра может вызвать чуть ли не паническое настроение. Это и стало своеобразной гаджетовой зависимостью.

Травмированное сознание, зависимость от смартфонов в полной мере затрагивает и то, что происходит в учебном процессе. Это касается и школ, и профессиональных учебных заведений среднего и высшего образования. Речь идёт о том, как учащиеся, студенты используют все электронные новации, насколько они реально получают научные знания, учатся самостоятельно работать с текстами, выполнять задания, учебно-научные проекты и т. п. Так, китайские исследователи обратили внимание, что зависимость от гаджетов все в большей мере сказывается на физическом и психическом здоровье обучающихся, на их успевае-

мости. На примере ряда учебных заведений ими было зафиксировано, что излишняя активность учащихся в работе с гаджетами приводит к эмоциональному истощению, деперсонализации и академической неэффективности. Это было названо тремя составляющими эмоционального выгорания в процессе обучения, которые в основном проявляются в том, что учащиеся не принимают активного участия в занятиях, теряют интерес к предмету и избегают дискуссий в аудитории. Установлено также, что чем выше уровень зависимости от смартфона, тем меньше у студентов силы воли, чтобы сопротивляться соблазну и контролировать себя, тем медленнее они реагируют на замечания преподавателя и тем выше вероятность того, что они выгорят на учёбе, т. е. потеряют интерес к академической жизни, станут вялыми, будут избегать учёбы и даже проявлять безразличие [8].

Исследование, проведённое под руководством автора, убедительно, на наш взгляд, показало социальную и когнитивную опасность постоянного использования студентами гаджетов в ходе учебных занятий. Генеральную совокупность исследования составили все обучающиеся Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, т. е. 12 716 чел. Для обеспечения репрезентативности результатов исследования была использована квотная пропорциональная выборка. После определения общего объёма выборки было произведено её распределение по Высшим школам университета (аналог факультетов). Квоты определялись пропорционально численности обучающихся в каждой Высшей школе. Такой подход позволяет сохранить структуру генеральной совокупности в выборке и повысить репрезентативность полученных данных. В результате каждая Высшая школа представлена в выборке в соответствии со своей долей в общей численности студентов. Использование такой выборки и достаточно большой её объём (388 чел.) позволяют считать полученные данные репрезентативными и пригодными для дальнейшего анализа.

О чём же свидетельствуют полученные данные? Они вполне убедительно продемонстрировали, что мобильные устройства активно используются студентами во время занятий: 32,9 % используют смартфон регулярно, 43,3 % иногда, 14,2 % редко, 9,6 % практически никогда. Таким образом, более 76 % студентов используют смартфон во время занятий как минимум периодически, а треть делает это на регулярной основе. Эти данные зримо свидетельствуют о глубокой интеграции мобильных устройств в образовательную среду. Смартфон становится неотъемлемым элементом учебного процесса, однако его использование носит неоднозначный характер, сочетая как учебные, так и отвлекающие функции.

Получается, что учебный процесс перестаёт быть изолированной системой и оказывается встроенным в более широкий цифровой контекст. Внимание студента распределяется между преподавателем и внешними цифровыми источниками, что приводит к фрагментации учебной деятельности обучающегося.

Кроме этого, возникал вопрос и о влиянии мобильной зависимости студентов на учебный процесс, что показала, в частности, самооценка концентрации внимания. Результаты опроса демонстрируют неоднозначную, но в целом негативную тенденцию: 36,7 % респондентов считают, что смартфон скорее снижает концентрацию, 15,4 % отметили существенное его снижение, 43,3 % считают, что влияние отсутствует, а 4,6 % считают, что смартфон помогает сосредоточиться. Таким образом, более половины студентов (52,1 %) сами признают негативное влияние смартфона на концентрацию внимания.

Еще одним важным элементом исследования стало изучение номофобии – психологического дискомфорта при отсутствии доступа к смартфону. Исследование показало, что более половины студентов (54,5 %) в большей или меньшей степени испытывают дискомфорт при отсутствии смартфона. Данный показатель свидетельствует о наличии выраженной психологической привязанности к мобильным устройствам. Но даже при осознании негативных последствий студенты не могут полностью отказаться от использования смартфонов, поскольку они уже являются неотъемлемой частью их социальной жизни.

Из сказанного, по нашему мнению, можно сделать два вывода. Во-первых, без использования электронных носителей информации и коммуникации уже невозможно представить себе современное общественное пространство, включая, естественно, молодое поко-

ление, которое с момента осознания себя частью социума не представляет себе существование без гаджетов и повсеместного их использования. А, во-вторых, нельзя не замечать и негативных последствий такой избыточной включенности. Это выражается в новых формах травмированности сознания молодых людей, в частности, студентов, которое приводит к своеобразной цифровой изоляции и от сверстников, отрицательному воздействию на их когнитивные и коммуникационные способности.

Литература

1. Маркузе Г. Одномерный человек: Исслед. идеологии развитого индустр. о-ва / пер. с англ., [предисл. и примеч. А. Юдина под ред. А. Жаровского]. М. : REFI-book, 1994.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
3. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с.
4. Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Эксмо, 2003. 448 с.
5. Соловьева Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 77–82.
6. Попова А. С. Одиночество в цифровую эпоху: результаты социологического исследования среди молодежи г. Белгорода // Вестник науки. 2025. № 10 (91), Т. 3. С. 593–598.
7. Марчук К. А., Жоголь Н. Н. Одиночество как проблема в информационном обществе // Информационные технологии в политических, социально-экономических, правовых и технических системах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Г. М. Бровка (пред. редкол.) [и др.]. Минск : БНТУ, 2020. С. 165–167.
8. Влияние зависимости от смартфона на эмоциональное выгорание студентов: опосредующее влияние академической адаптивности и сдерживающее влияние самоофективности / Чунмэй Чен, Юань Шэнь, Фанхао Сяо, Цзяньчао Ни, Юйцзе Чжу // Психиатрия, Секция. Аддиктивные расстройства. 2023. Т. 14. URL: <https://translated.turbopages.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2023.1155544/full> (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 346.7

М. А. Вахтина

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Определяются вызовы, с которыми сталкиваются эксперты, проводящие оценку социального воздействия. Отмечается, что социальное предпринимательство открывает перед российскими экспертами большие перспективы. Обосновывается необходимость унификации работы социальных экспертов, систематизации баз данных о социальных расходах для проведения оценки социальной отдачи от инвестиций. Показано, что это будет способствовать формированию актуальных социальных стандартов и развитию инноваций в социальной сфере.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, оценка социального воздействия, экспертная деятельность.

M. A. Vakhtina

Samara University of Public Administration “International Market Institute”, Samara

EXPERT ACTIVITIES IN SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: NEW CHALLENGES

This article explores the challenges faced by experts conducting social impact assessments. Social entrepreneurship offers significant opportunities for Russian experts. The author argues for the need to standardize the work of social entrepreneurs and systematize databases on social expenditures to assess the social return on investment. This will contribute to the development of realistic social standards and the development of innovation in the social sector.

Keywords: social entrepreneurship, social impact assessment, expert activity.

Социальное предпринимательство – это деятельность объединившая создание экономической и социальной ценности. В мировой практике начало было положено деятельностью фонда Ashoka, основанного Биллом Дрейтоном в 1980 г., который стал системно поддерживать социальное предпринимательство. И хотя концепция социального предпринимательства многообразна и ее границы недостаточно четкие, именно в этом заключается уникальная возможность исследований этого феномена из разных областей науки и практики: экономики, социологии, психологии, организационного поведения. Разнообразный характер и множество проявлений социального предпринимательства делают его уникальной площадкой для работы экспертов, использования ими разнообразных теоретических подходов и сочетания различных методов исследования. При этом социальное предпринимательство – это процесс, являющийся результатом непрерывного взаимодействия между социальными предпринимателями и контекстом, в которых они и их деятельность находятся. В этой связи социальное предпринимательство и необходимость экспертных оценок социального воздействия выступает своеобразным драйвером, стимулирующим аккумуляцию информации о социальных результатах и затратах, разработку и внедрение актуальных (а не только минимальных) социальных стандартов, открытость, обмен знаниями и проактивное поведение. Это, в свою очередь, способствует развитию инноваций в социальной сфере.

При оценке бизнеса специалисты пользуются уже устоявшейся системой показателей, в числе которых динамика продаж, охват рынка, доход, рентабельность. Если речь идет об акционерном обществе, добавляется динамика стоимости акций и размер дивидендов. Когда речь заходит о социальном предпринимательстве, то, наряду с вышеперечисленными показателями, принимается во внимание дополнительная польза, которая возникает вследствие решения социальных проблем общества (или отдельных сообществ). Этой пользой, как считают большинство исследователей, является социальная ценность, а для ее количественного измерения используется оценка социальной результативности (социального воздействия) [6].

При этом оценка социального воздействия остается одной из проблем для исследователей и практиков. Многие считают очень сложным, если не невозможным, количественно измерить те или иные социальные последствия, поскольку они находятся за пределами измерения, так как касаются вопросов человеческих взаимоотношений, негативного воздействия на природу и людей, новых методов работы институтов и т. п. И с этим нельзя не согласиться, когда речь идет о явлениях, находящихся на стыке экономики, социальной сферы, экологии, которые часто имеют не краткосрочные, а отдаленные последствия. Даже когда улучшения можно измерить, их, как правило, нельзя отнести к влиянию только одного фактора или конкретного воздействия, так как факторов может быть несколько. Выживание или рост социального предприятия, в этом плане, не является однозначным доказательством эффективности и результативности в улучшении социальных условий.

Несмотря на сложности, оценку социального воздействия проводить нужно, так как на это тратятся ресурсы. Социальные предприниматели, к какому бы сектору экономики они не относились, привлекают инвестиции, получают государственные субсидии, которые формируются за счет средств налогоплательщиков, используют частные пожертвования и труд волонтеров, поэтому вопрос об оптимальном соотношении затрат и результатов является актуальным. В этой связи определение социальной ценности как «создания преимуществ или снижение издержек для общества посредством усилий по удовлетворению социальных потребностей и решению социальных проблем способами, выходящими за рамки частной выгоды и общих преимуществ рыночной деятельности» можно считать универсальным [7].

О социальном предпринимательстве в нашей стране заговорили на несколько десятилетий позднее, чем в странах с развитым рынком. Для российских исследователей, экспертов и практиков в этом были и свои плюсы: основные вопросы зарубежными учеными к этому времени уже были озвучены, проблемные задачи актуализированы, включая вопрос о социальной ценности и методах ее количественного измерения. Свой официальный статус в российском законодательстве социальные предприятия получили после принятия в 2019 г. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в части закрепления понятий «социаль-

ное предпринимательство» [2]. Отличительными чертами такого рода предприятий традиционно считаются: создание базовой и дополнительной социальной ценности, самокупаемость и предпринимательский подход; внедрение, масштабирование и тиражирование инновационной бизнес-модели, а также реинвестирование большей части прибыли в развитие социального предприятия. Одновременно российскими исследователями правомерно был поставлен вопрос о формировании постоянно действующей системы оценки социального воздействия, а также перспективах развития оценки социальной результативности деятельности социальных предприятий в России [5].

Такая постановка вопроса является обоснованной, так как в стране в последние годы получают развитие различные формы государственной поддержки социальных предприятий. Наряду с грантами, предусмотрены инвестиции в социальные предприятия, возмещение затрат на социальные услуги согласно нормам ряда федеральных законов («Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации», «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных муниципальных услуг в социальной сфере»), сертификаты на социальные услуги в рамках Фонда обязательного медицинского страхования [1; 3]. В свою очередь, некоммерческие организации привлекают благотворительные пожертвования, действующими нормами им дано право получать дополнительные доходы за счет продажи товаров и услуг в рамках экономической («приносящей доход») деятельности.

В этой связи можно выделить три крупных бенефициара, заинтересованных в итоговых показателях оценки социального воздействия, которые выделяют ресурсы на решение социальных проблем. В первую очередь, это государство в лице муниципальных и региональных органов исполнительной власти, а также инфраструктуры поддержки предпринимательства (региональные Центры поддержки предпринимательства «Мой бизнес», Центры инноваций социальной сферы). Привлекая предпринимателей к оказанию социальных услуг населению, государство передает им часть своих социальных обязательств и заинтересовано в подтверждении ими статуса участника Реестра социальных предприятий в части реализации льгот и преференций, а также обучения и консультирования.

Другим важнейшим бенефициаром выступает общество в лице объединений, ассоциаций, СМИ и всех граждан, которые, являясь налогоплательщиками, заинтересованы в эффективном и результативном использовании ресурсов. В этом отношении наиболее значимым инструментом является открытость, прозрачность, объективная информация о затратах и результатах. Частные инвесторы, в свою очередь, заинтересованы в возврате вложенных денежных средств и альтернативных вариантах их использования, социальной отдаче от инвестиций.

Все вышеназванные бенефициары заинтересованы в привлечении экспертов, обладающих знаниями и опытом в областях деятельности, расположенных на стыке экономики, социальной сферы и экологии, и сами могут выступать в этой роли. Как видно, многосторонняя деятельность такого рода специалистов предъявляет к ним особые профессиональные требования. Наряду с этим могут возникать сложности, которые не обошли вниманием авторы исследования «Социальное предпринимательство в России: перспективы развития», выполненного Social Business Group при поддержке Фонда «Наше будущее». Речь идет о том, что на сценарное прогнозирование развития социального предпринимательства и другие оцениваемые параметры могут оказывать влияние идеологические и культурные предпосылки самих экспертов, поэтому существует риск того, что результаты могут оказаться предвзятыми. [4, с. 9]. Чтобы уменьшить такого рода риски, предлагается привлекать достаточное количество высококвалифицированных экспертов, имеющих опыт участия в различных проектах и вызывающих доверие внешних аудиторов в достоверности оценок.

Одной из важнейших задач экспертов, в этой связи, является оценка социального воздействия. Показательно, что в рамках вышеназванного экспертного опроса участники выделили в качестве дополнения к определению социального предпринимательства «обязательность измерения социального эффекта деятельности» [4, с. 15]. Следует предположить, что наличие и своевременность объективных оценок социального воздействия является важным условием привлекательности социальных предприятий для инвесторов как в рамках частногосударственной кооперации, так и в аспекте финансирования, что до настоящего времени

является серьезным препятствием на пути развития социального предпринимательства в нашей стране. Другим препятствием, как показывает исследование, является низкая информированность населения о социальном предпринимательстве. Количество публикаций о социальном предпринимательстве существенно сократилось после 2017 г., число сообщений в СМИ с 2017 по 2020 г. снизилось почти вдвое [4, с. 17, 19].

Для оценки социального воздействия учеными разработан целый ряд методов, однако ни один из них, по понятным причинам, не является общепринятым. Н. Зверева и Е. Бесшапошникова делят методики по реализуемой ими функциональности на несколько групп [5, с. 26–30]. К первой группе относятся разного рода описательные методики, нацеленные на визуализацию социальных результатов. Целью этих методик является подтверждение факта достижения социальных результатов, а также мотивирование сотрудников, благополучателей и партнеров на дальнейшую совместную работу с социальным предприятием. Такого рода методики оценки социального воздействия не предполагают привлечения специалистов широкого профиля, одинаково успешно владеющих методами оценки экономических, экологических и социальных результатов. Со своей стороны, они не позволяют сравнивать социальную результативность разных по своим направлениям деятельности социальных предприятий.

Методики, нацеленные на описание процесса достижения социальных результатов, в отличие от предыдущих, содержат более универсальный инструментарий оценки социальных проблем. Эти методики концентрируются на причинно-следственных цепочках (от исходных данных до результатов социального воздействия), предполагают проверку базовых утверждений и фактов с помощью метода фокус-групп, интервью благополучателей, полевых исследований. Использование таких методик предполагает сбор и анализ качественных и количественных данных о внешней среде организации и проверку их достоверности. Это, со своей стороны, способствует накоплению типичной информации о социальном воздействии.

Методики, нацеленные на оценку социальных результатов в натуральном выражении, также позволяют накапливать базу данных по социальной результативности, хотя они и не являются универсальными. На основании этого подхода формируется часть целевых показателей российских социальных предприятий, деятельность которых регулируется федеральным законом № 245. Индекс вероятности бедности (PPI), разработанный Фондом Грамин; оценка социального воздействия, проводимая компанией B-Lab, система рейтингования при преобразующем инвестировании (GIIRS) – все это системы оценки, которые стремятся свести наборы значений натуральных показателей к единому индексному показателю и отличаются оригинальностью.

Наиболее универсальным и более широко используемым является метод оценки социального возврата на инвестиции – Social Return on Investment (SROI), предполагающий приведение к единому стоимостному значению всех достигнутых положительных или отрицательных социальных результатов, соотнесенных с объемом используемых инвестиций. Хотя метод не является простым, он оказывается наиболее понятным и доступным, отличается открытостью и бесплатностью аналитического аппарата. И главное, делает возможным сравнительную оценку проектов в различных сферах и направлениях деятельности, опирается на более широкую информационную базу. Метод открывает широкие возможности для экспертов, так как в этом случае необходимо оценивать и описывать все изменения (экономические, социальные, экологические) на основании собранных данных (как положительные, так и отрицательные), присваивать стоимостную оценку каждому результату, принимая во внимание цели всех участников и общественные нормы. При этом метод сохраняет риски субъективных оценок при подборе стоимостных эквивалентов для каждого достигнутого социального результата, измеряемого в натуральном выражении. Компенсировать эти недостатки возможно за счет накопления статистических и расчетных данных по стоимости достижения единицы любого социального результата так, чтобы инвесторы могли ориентироваться на эти показатели при формировании контрактов с оплатой за результат, а также за счет повышения уровня открытости при проведении оценки. Такая успешная практика уже имеется в европейских странах, применяемая в том числе, при выпуске социальных и зеленых облигаций.

Аккумуляция баз данных о расходах в области экологии, образования, здравоохранения, социальной сферы помогает в проведении оценки социального воздействия. Но не менее важно, что движение в этом направлении стимулирует исследования в области разработки актуальных социальных стандартов в реальном времени. Наряду с этими данными, большая статистика по расходам, понесенным в неблагоприятной ситуации, накоплена в сфере страхования, эти данные также могут быть плодотворно использованы при оценке социального воздействия в случае, когда речь идет о понесенных убытках или предотвращении расходов, необходимых для разрешения уже возникших проблем. Характерно, что эксперты связывают проблему недостаточного количества инвестиций в том числе с отсутствием понятных систем оценок социального воздействия предприятий, хотя этот фактор и показал при опросе срединный результат (7,1 в диапазоне от 8,3 до 4,3) [5, с. 21]. Не осталась незамеченной экспертами и такая проблема, как «отсутствие единой платформы для всех социальных услуг, которые содержат единые стандарты информации о качестве и объеме социальных услуг и о поставщиках этих услуг», которая могла бы быть привлекательна, но на текущий момент она скорее не реализуется и сомнительно, что будет реализована в ближайшие 5 лет. При этом данный пункт экспертного опроса оказался очень спорным: эксперты разделились во мнении в крайних оценках. Различия, вероятнее всего, объясняются их разнородным составом: к пониманию необходимости наличия таких данных пришли более продвинутые социальные предприниматели, активно привлекающие инвестиции. Это также подтверждает тот факт, что на текущий момент процессы унификации работы социальных экспертов в стране находятся на начальной стадии.

Таким образом, тенденции развития современного предпринимательства в части его большей социальной направленности и связанная с этим необходимость оценки социального воздействия является уникальной сферой для экспертной деятельности, в которой требуются универсальные знания и опыт в области экономики, экологии и социальной сферы. Это является своеобразным вызовом для экспертов. Дальнейшее движение в данном направлении актуализирует задачу аккумуляции информации о реальных социальных расходах, необходимых для решения социальных проблем и их предотвращения. Соотнесение монетизированных расходов и результатов позволяет объективно оценить эффективность использования ресурсов, их достаточность (или недостаточность) для достижения социальных целей и удовлетворения важнейших социальных потребностей граждан. Конституцией РФ государство признает права граждан на защиту от безработицы, социальное обеспечение, защиту материнства, детства, семьи, медицинскую помощь, здравоохранение, возможность занятий спортом и физической культурой, благоприятную окружающую среду, общедоступное и бесплатное начальное, среднее и среднее профессиональное образование. В этой связи необходимость оценки социального воздействия в сфере социального предпринимательства является весомым фактором формирования актуальной базы данных о социальных расходах и результатах. Чем шире будет развиваться социальное предпринимательство, тем острее будет стоять задача создания открытой базы данных на открытых платформах, позволяющей проводить реальную оценку социального воздействия, которая, в свою очередь, стимулирует инновации в социальной сфере.

Литература

1. Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в части закрепления понятий «социальное предпринимательство» : федер. закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ.
3. О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных муниципальных услуг в социальной сфере : федер. закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ.
4. Аналитический отчет по результатам опроса экспертов «Социальное предпринимательство в России: перспективы развития» / Social Business Group, Фонд «Наше будущее». М., 2021.
5. Зверева Н. И., Бешапашникова Е. Н. Оценка социального воздействия деятельности социальных предприятий в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Лингва-Ф, 2023.
6. Guclu A., Dees J., Anderson B. The Process of Social Entrepreneurship: Creating Opportunities Worthy of Serious Pursuit. Center for the Advancement of Social Entrepreneurship, Duke University, Durham, 2002.
7. Phills Jr. J.A., Deiglmeier K., Miller D. T. Rediscovering Social Innovation // Stanford Social Innovation Review. Fall, 2008.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ В КАЧЕСТВЕ ЭКСПЕРТОВ ПРИ ОЦЕНКЕ ПРОЕКТОВ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

Обосновывается актуальность привлечения студентов к оценке проектов гуманитарного сотрудничества России и Беларуси. Рассматривается методология проведения кейс-стади конкретных проектов межгосударственного сотрудничества молодежи России и Белоруссии, предполагающая достижение партисипаторного эффекта за счет привлечения к оценке проектов студенческой молодежи. Отмечается, что в отличие от традиционной экспертизы, проводимой высококвалифицированными экспертами, студенты, выступая в роли экспертов, оценивают проекты с точки зрения их целевой аудитории. Показывается алгоритм и общая технология проведения такой оценки от кабинетного исследования до итогового обсуждения. Результаты позволяют выявить реальную востребованность и полезность проектов для молодежи, а также разработать рекомендации для совершенствования международного молодежного сотрудничества.

Ключевые слова: оценка проектов, проекты гуманитарного сотрудничества, мягкая сила, студенческая молодежь.

A. N. Tarasova

Ural Federal University, Ekaterinburg

INVOLVING STUDENTS AS EXPERTS IN EVALUATING HUMANITARIAN COOPERATION PROJECTS BETWEEN YOUNG PEOPLE IN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The article substantiates the relevance of involving students in the evaluation of humanitarian cooperation projects between Russia and Belarus. The goal is to present a methodology for conducting case studies of specific projects of interstate cooperation between young people in Russia and Belarus, which involves achieving a participatory effect by involving students in the evaluation of these projects. Unlike traditional expert assessments conducted by highly qualified experts, students act as experts and evaluate projects from the perspective of their target audience. The article provides an algorithm and general methodology for conducting such assessments, from desk research to final discussions. The results allow us to identify the real demand and usefulness of projects for young people, as well as to develop recommendations for improving international youth cooperation.

Keywords: project evaluation, humanitarian cooperation projects, soft power, and student youth.

Актуальность заявленной темы определяется рядом аргументов. Во-первых, в сфере межстранового взаимодействия всё большее внимание уделяется роли мягкой силы в формировании имиджа страны, укреплении доверия, продвижении инициатив [4, с. 14]. И развитие проектов гуманитарного сотрудничества молодежи России и Республики Беларусь способствует этому. Во-вторых, молодежная политика российской федерации ориентирована на развитие добровольческой деятельности и вовлечение молодежи в реализацию различных проектов [5]. И для этого важно, чтобы эти проекты были интересны молодежи, чтобы молодые люди были информированы о возможности участия, в том числе при реализации международных проектов гуманитарного сотрудничества. В-третьих, идет формирование правового поля для проведения независимой оценки реализуемых проектов социального воздействия. Минэкономразвития России ставится задача проведения экспертизы социальных проектов, в процессе их реализации некоммерческими организациями, начата подготовка специалистов по управлению проектами социального воздействия, мониторингу, контролю и оценке социальных эффектов деятельности организаций [6]. И важной составляющей оценки становится фиксация тех положительных изменений, которые происходят (произошли) с целевой аудиторией проекта [3, с. 30]. В проектах гуманитарного сотрудничества такими изменениями могут стать: интерес молодежи к таким проектам, готовность в них включаться и формирование положительного образа своей страны. Традиционно оценку проекта выполняют высоко-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24-48-10012, <https://rscf.ru/project/24-48-10012/>

коквалифицированные эксперты, используя опросы и интервью с целевой аудиторией, но возможно привлечение студентов, как высоко ресурсной части молодежи, в качестве экспертов для оценки проектов гуманитарного сотрудничества с точки зрения их субъективного восприятия целевой аудитории.

Цель данной работы представить методологию проведения кейс-стади конкретных проектов межгосударственного сотрудничества молодежи России и Белоруссии, предполагающую достижение партисипаторного (соучаствующего) эффекта за счет привлечения к оценке проектов студенческой молодежи.

При реализации любых социальных проектов, в том числе проектов гуманитарного сотрудничества молодежи разных стран важна оценка их результативности, выявление их конкретных социальных эффектов. Эта оценка представляет собой сложный, требующий учета многих факторов, процесс [1, с. 176]. В качестве критериев оценки могут использоваться социальная эффективность, информационная открытость, организационная компетентность, экономическая эффективность, кадровое развитие [2]. Как отмечает Ю. В. Гимазова, оценка проекта представляет собой обоснованное суждение о его достоинствах и недостатках, в результате чего делается вывод о степени пригодности (полезности) этого проекта (либо его составляющих) для благополучателей [3, с. 27]. Для получения этого обоснованного суждения о проекте используют самые разные подходы и методы к оценке (целевой, ресурсный, нормативный, план-результат и др.) реализуемые разными субъектами (органами власти, грантодателями, контрольно-ревизионными органами, представителями общественных организаций и т. д.) и направленные на разные объекты оценивания (риски проекта, удовлетворенность благополучателей, ресурсное обеспечение и др.). Важной особенностью современного этапа развития оценки является смещение фокуса на стейкхолдеров проекта и вовлечение всех заинтересованных лиц в оценку проекта или программы. При этом возможно использование не только прямых, но и косвенных методов оценки значимости этого проекта через субъективные представления людей [7, с. 93], прежде всего участников (целевой аудитории) проекта.

В предлагаемой нами методологии проведения оценки эффективности проектов гуманитарного сотрудничества за основу берется мнение студенческой молодежи, т. е. ответ на вопрос о результативности проекта гуманитарного сотрудничества дают его потенциальные участники и целевая аудитория. Подобная оценка проектов позволяет определить их востребованность, результативность и эффективность, а также устойчивость социального эффекта, достигнутого по итогам реализации.

По результатам проведенных ранее глубинных интервью с экспертами различных сфер в России и Республике Беларусь, составлен перечень конкретных проектов межгосударственного сотрудничества молодежи России и Белоруссии, отмечаемых экспертами как примеры реального опыта участия молодежи. Затем используется метод кейс-стади для углубленного анализа и оценки этих проектов, но он проводится не исследователями, а студентами, т. е. в качестве субъектов оценки привлекаются не высококвалифицированные специалисты, осуществляется включение в процесс оценки представителей целевой аудитории этих проектов (прежде всего студенческой молодежи), которые проводят экспертизу проектов с точки зрения их нужности, полезности и интереса для молодежи, т. е. с позиции общего восприятия этих проектов. Для достижения партисипаторного эффекта в качестве экспертов, включенных в анализ проектов, будет привлечено не менее 10 студентов, прошедших небольшое обучение и инструктаж по использованию методики анализа и оценивания проектов. Соответственно объектом оценки становится процесс реализации проектов гуманитарного сотрудничества (акцент на том, как осуществляется реализация идеи проекта, насколько процесс реализации соответствует тому, что было изначально заявлено), а предметом – организация работы с целевой аудиторией в процессе реализации проекта, т. е. оценка технологий работы с молодежью в этих проектах и «полезности» влияния проектов на молодежь, возможности масштабирования этого влияния (результатов проекта). При этом учитывается как текущее влияние, так и возможная отдача от проекта в будущем. Привлечение команды моло-

дых исследователей (студентов) к анализу кейсов конкретных проектов позволит не только понять, как в реальности выстраивается сотрудничество между молодежью двух стран, но и взглянуть на него с позиции самой студенческой молодежи, насколько эти проекты воспринимаются как нужные, полезные и интересные для обычных студентов.

По единой методике осуществляется оценка не менее 8 конкретных международных российско-белорусских молодежных проектов (реализуемых в настоящее время или недавно завершенных). Методология оценки с привлечением студентов построена на принципе триангуляции. Используется триангуляция данных (анализ проводится на основе данных о проекте, полученных из разных источников), триангуляция исследователей (один проект оценивает не один эксперт-студент, а несколько для выявления коллективного мнения относительно ключевых для исследования параметров проекта) и триангуляция методов (предполагается использование нескольких методов, в том числе интервью с организаторами проекта и его участниками, анализ сайта и социальных сетей проекта/организации его реализующей, а также изучение публикаций СМИ о проекте). Такой подход дает возможность высвечивать разные стороны изучаемого проекта, сделав картину более объемной и полной. Результаты кейс-стади помогут пониманию используемых механизмов работы с молодежью, проблем и драйверов успеха в конкретных проектах молодежного сотрудничества для раскрытия потенциала соучастия российских и белорусских студентов.

При проведении оценки экспертами-студентами, работа ведется по четко заданному алгоритму. На первом этапе проводится кабинетное исследование, в котором через анализ сайта, социальных сетей и публикаций о проекте в СМИ, осуществляется предварительное знакомство с проектом. Затем делается попытка «вхождения» и/или более глубокого погружения в проект посредством выхода на участников и организаторов, их интервьюирование, знакомство с отзывами, продуктами и мероприятиями, которые были реализованы в данном проекте. В качестве опорного инструментария используется оценочный лист, который заполняет субъект оценки, ориентируясь на полученные результаты. В оценочном листе для более объективной оценки измеряемых показателей даны пояснения, помогающие более корректно выразить суждение по данному аспекту. При этом от эксперта ожидаются развернутые ответы на поставленные вопросы, что особенно важно делать, если ситуация выходит за рамки предложенных вариантов, или если эксперт хочет дать более детальный комментарий на какой-либо из вопросов. После заполнения оценочного листа и сопоставления результатов, полученных на разных этапах с помощью разных методов, студентом-экспертом готовится заключение, где обобщается мнение о проекте, с опорой на доказательную базу оценочного листа. В заключении даются основные комментарии и замечания по проекту, которые, по мнению эксперта-студента, могут быть улучшены, а также даны предложения и рекомендации по доработке и совершенствованию проекта.

Заключительной работой по оценке проекта является совместное обсуждение проектов. Данный этап очень значим, учитывая, что при привлечении к оценке студентов, важно инициировать в этом экспертном сообществе обмен мнениями, результатами, впечатлениями, чтобы, во-первых, способствовать росту компетенций этого сообщества в проведении оценки социальных проектов, во-вторых, активировать партисипаторный эффект, привлекая внимание молодежи к наиболее интересным и успешным проектам международного гуманитарного сотрудничества. По итогам этого обсуждения проводится заполнение итоговой оценочной таблицы, где дается уже количественная оценка основных показателей в баллах от 0 до 3, что позволит провести сопоставление проектов. При проведении оценки студентами, ведется их консультационное сопровождение и поддержка. Исследователь помогает, но ориентирует студентов на выражение своего оценочного мнения на проект.

В последующем планируется обсуждение результатов с другими стейкхолдерами данных проектов (представителей госорганов, вузов, бизнеса, некоммерческого сектора), где на основе данной оценки будет реализована выработка «дорожной карты» со списком проверенных рекомендаций по использованию эффективных инструментов и технологий работы с молодежью, преодолению имеющихся барьеров, для тех, кто будет создавать и поддерживать

молодежные инициативы в рамках гуманитарной дипломатии, заниматься реализацией проектов и программ межгосударственного сотрудничества с вовлечением российской и белорусской молодежи по разным направлениям. Это позволит перевести исследование из плоскости диагностики в плоскость конструктивного инжиниринга сотрудничества.

Таким образом, представленная в статье методология оценки проектов гуманитарного сотрудничества молодежи России и Беларуси отвечает актуальным вызовам формирования мягкой силы и развития молодежной политики, включая в себя инновационный партисипаторный подход. В отличие от традиционной экспертизы, здесь субъектами оценки выступают сами студенты – целевая аудитория проектов, что позволяет получить обоснованное суждение о реальной востребованности, полезности и социальных эффектах инициатив с позиции их непосредственных благополучателей. Разработанная технология и инструментарий оценки обеспечивает комплексность и доказательность выводов. Привлечение студентов-экспертов к анализу конкретных российско-белорусских проектов позволяет не только фиксировать их текущие характеристики (интерес к ним молодежи, готовность к участию, позитивный образ страны), но и запускает рефлексию в молодежной среде, усиливая соучаствующий эффект. Совместное обсуждение результатов оценки с другими стейкхолдерами на заключительном этапе, поможет разработке «дорожной карты» рекомендаций, что переводит исследование из плоскости диагностики в плоскость конструктивного инжиниринга сотрудничества. Тем самым создается база для масштабирования успешных технологий работы с молодежью в рамках гуманитарной дипломатии Союзного государства.

Литература

1. Антонова О. Г., Колосарцева Е. А., Новичкова И. Ю. Оценка эффективности социальных проектов некоммерческих организаций в сфере межнациональных отношений (на примере Саратовской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2 (66). С. 170–182.
2. Бурмыкина И. В. Мониторинг и оценка эффективности реализации проектов/программ социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <https://grans.hse.ru/data/2013/07/31/1288283817/Бурмыкина%20И.В.%20Летняя%20школа%20ВШЭ%202013.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Гимазова Ю. В. Развитие методологии оценки проектов социально ориентированных некоммерческих организаций // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 24–36.
4. Марин Е. Б., Шевченко А. В. Грубая сила и мягкая сила в международных отношениях // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2025. № 57 (57).
5. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 20.05.2026).
6. Профессиональный стандарт «Специалист по управлению проектами социального воздействия, мониторингу, контролю и оценке социальных эффектов деятельности организаций», утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.04.2025 № 266н. URL: <https://classinform.ru/profstandarty/40.257-spcialist-po-upravleniiu-proektami-sotsialnogo-vozdeistviia-monitoringu-kontroliu-i-ocenke-sotcialnykh-effektov-deiatelnosti-organizatscii.html> (дата обращения: 20.05.2026).
7. Чернов С. С., Суханов И. С. Вопросы оценки эффективности реализации социально значимых проектов // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 4 (37). С. 92–97.

МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследуется состояние рынка труда молодежи в Ростовской области, где в качестве объекта выступают жители региона в возрасте до 30 лет. Анализируются основные показатели рынка труда: численность занятых и безработных, уровень занятости, уровень общей безработицы. Основным источником информации выступают итоги выборочного обследования рабочей силы за 2025 г. Параметры для возрастной категории населения 15–29 лет получены путем экспертной оценки официальной статистической информации.

Ключевые слова: рынок труда, молодежь, занятость, безработица.

N. N. Ivanchenko, L. V. GrebenkinaTerritorial body of the Federal State Statistics Service for the Rostov Region,
Rostov-on-Don**YOUTH IN THE LABOR MARKET OF THE ROSTOV REGION**

The article examines the state of the youth labor market in the region. The study focuses on residents of the Rostov Region under the age of 30. The main indicators of the labor market are analyzed, including the number of employed and unemployed individuals, the employment rate, and the overall unemployment rate. The primary source of information is the 2025 sample labor force survey. The parameters for the 15–29 age group are obtained through expert assessments of official statistical data.

Keywords: labor market, youth, employment, unemployment.

Процессы, определяющие современные тенденции российского рынка труда, связаны с несколькими факторами – «демографическая яма» 1990-х гг., рост занятого населения в старших возрастных группах в связи с увеличением пенсионного возраста, цифровизация экономики, появление более высоких требований к компетенциям и навыкам, возникновение новых форм занятости и новых профессий. В этой связи растет интерес к анализу положения молодежи на рынке труда, который проведем на примере Ростовской области. Несмотря на то что российское законодательство определяет молодежь как лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно (ФЗ № 489 от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации»), для анализа использована возрастная группа 15–29 лет, выделяемая Международной организацией труда (МОТ), рекомендациям которой по наблюдению за национальными рынками труда следуют многие страны [1].

Молодежь в Ростовской области в возрасте 15–29 лет составляет около 15 процентов от общей численности населения региона и по отношению к рынку труда рассматривается как социально-демографическая группа, являющаяся потенциальным источником пополнения трудовых ресурсов. Структура молодежи по месту проживания идентична распределению всего населения – две трети молодых граждан проживает в городских поселениях, треть – в сельской местности. В гендерной структуре молодежи незначительно, но преобладает мужское население. На 1000 мужчин в возрасте 15–29 лет приходится 942 женщины. Поэтому молодежное распределение полов наиболее близко к структуре населения трудоспособного возраста (51,5 % мужчин и 48,5 % женщин)[2].

Молодежь внутренне неоднородна по участию в трудовой деятельности. В ней есть и учащиеся системы среднего образования (как правило, лица в возрасте 15–19 лет) и студенты системы профессионального образования (в большей части лица от 20 до 24 лет), и молодые специалисты (условно 25–29 лет). Именно в этот период у молодых людей происходит переход от учебы к работе. К 25–29 годам молодежь становится активной частью рынка труда.

Рынок труда Ростовской области характеризуется устойчивым ростом численности занятого населения. За 2025 г. темп прироста составил 0,2 %. Положительную динамику демонстрирует и относительный показатель практического использования рабочей силы – уровень занятости населения. К 2025 г. он достиг 62,3 % и сложился выше, чем в целом по РФ

(61,5 %). Занятость зависит от места проживания – более занято городское население (64,3 % против 58,3 % в сельской местности). За последний год отмечен рост занятости в сельской местности. Традиционно уровень занятости женщин значительно ниже, чем уровень занятости мужчин: 56,0 % против 69,9 % в 2025 г. [3].

На фоне роста занятости продолжает снижаться безработица. По методологии МОТ безработным считается человек, который не работает, но активно ищет место работы, используя для этого любые способы, и готов к ней приступить. В 2025 г. численность безработных в Ростовской области сократилась до 47,1 тыс. чел. (или на 13,7 % по сравнению с 2024 г.). Следствием этого процесса является уменьшение такого параметра рынка труда как уровень общей безработицы. На сегодняшний момент рынок труда региона характеризуется минимальным значением показателя за весь более чем тридцатилетний период наблюдения (с 1992 г.). В 2025 г. он снизился до 2,1 %, что соизмеримо с общероссийским значением (2,2 %).

В рамках рассмотренных показателей рынок труда Ростовской области в целом соответствует тенденциям российского рынка труда.

Для молодых кадров рынок труда является стартом карьеры, реализацией профессионального выбора. Почти каждый восьмой занятый в Ростовской области относится к категории «молодежь» в возрасте 15–29 лет (12,8 % в 2025 г.). Этот показатель уступает общероссийскому значению – 14,1 %.

На фоне общего роста занятого населения в регионе, численность молодежного сегмента снижается (в 2025 г. на 4,5 % по сравнению с 2024 г.), в основном, за счет возрастной категории 20–24 года. В целом в Российской Федерации также намечилось снижение, но более сдержанными темпами (0,2 % за 2025 г.). Гендерная пропорция занятой молодежи в Ростовской области склоняется в сторону мужчин (55,2 %) и это соотношение замечнее, чем у остального занятого населения, где доли мужчин и женщин близки (мужчины – 50,7 %, женщины – 49,3 %). Причем для проживающих в сельской местности разрыв между занятыми молодыми мужчинами и женщинами существеннее, чем у городской молодежи. Кроме того, гендерные различия в сегменте занятой молодежи как в целом по региону, так и по месту проживания, заметнее на фоне остального населения. Возможно, это связано с «растянутым» периодом выхода на рынок труда у женщин – более продолжительным образовательным процессом, поиском работы и, в дальнейшем, рождением и воспитанием детей.

Степень конкурентоспособности населения на рынке труда во многом определяет образовательный уровень претендентов. Около 80 % занятой молодежи области обладают профессиональными знаниями и навыками: 28,8 % имеют высшее образование, 34,6 % получили среднее образование по программе подготовки специалистов среднего звена, и только 15,2 % освоили среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), включая начальное профессиональное образование. По мере увеличения возраста в различных возрастных группах занятой молодежи преобладающим является определенный уровень образования: в возрастной группе 15–19 лет – среднее общее образование (44,6 %), в возрастной группе 20–24 года – среднее профессиональное образование (38,4 %), в возрастной группе 25–29 лет – высшее образование (37,2 %). Наибольшую востребованность на рынке труда с учетом полученных профессиональных компетенций отмечают бывшие выпускники высших образовательных организаций – 73 % окончивших обучение в течение предшествующих трех лет считают, что их основная работа связана с полученной профессией. Получившие среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена в 53 % случаев трудятся по специальности. Доля выпускников учебных заведений, освоивших программы подготовки квалифицированных рабочих (служащих), включая начальное профессиональное образование, и работающих по профессии, составила менее половины (почти 42 %).

По экспертным оценкам на базе имеющихся официальных данных средний уровень занятости молодежи в возрасте 15–29 лет в прошедшем году составил 44,2 %, что значительно ниже среднеобластного значения (62,3 %), так как основная часть молодежи еще учится в очном формате или имеет временную или частичную занятость (рис. 1). Анализ распределе-

ния трудоустроенной молодежи по возрастным подгруппам в 2025 г. показывает, что наименьший уровень занятости наблюдается среди молодежи в возрасте от 15 до 19 лет (4,2 %), а наибольший уровень занятости отмечается в возрастной группе 25–29 лет (88,1 %).

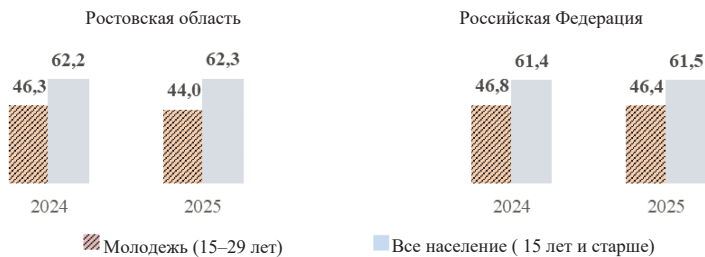

Рис. 1. Уровень занятости населения, %

Среди занятой молодежи по сравнению с остальным населением больше вовлеченных в неформальный сектор экономики, т. е. занятых в небольших производственных единицах без регистрации юридического лица. Если в 2025 г. доля занятых в неформальном секторе в среднем в Ростовской области составляла 25,3 %, то среди молодежи в возрасте 15–29 лет – 28,2 %. Причем при практически равной гендерной представленности доля занятых в неформальном секторе молодых женщин превышает вовлеченность в неформальном секторе молодых мужчин по отношению ко всем занятым соответствующего пола (женщины – 31,8 %, мужчины – 25,2 %).

Преодоление не востребованности на рынке труда выражается в активном поиске занятия, приносящего доход. Молодые люди в возрасте 15–29 лет среди безработных Ростовской области составляют почти треть. В соискателях работы преобладает женское население как среди молодых возрастов (55,9 % – женщины и 44,1 % – мужчины), так и по отношению ко всем безработным на рынке труда региона (54,9 % – женщины и 45,1 % – мужчины). При этом в сельской местности большинство безработных – мужчины. В Российской Федерации картина иная – в целом безработное население имеет женское «лицо» (51,9 % против 48,1 % мужчин), а среди безработной молодежи в возрасте 15–29 лет перевес на стороне мужского населения (52 % мужчин против 48 % женщин), причем как в городской, так и сельской местности.

Общее сокращение безработного населения коснулось и безработных молодых возрастов. За последний год их численность снизилась на 15,6 % от 18 тыс. чел. в 2024 г. до 15,2 тыс. чел. в 2025 г., что способствовало небольшому снижению доли молодежи в численности всех безработных (от 33 до 32,3 %).

Более 60 % сегодняшних безработных молодежного возраста имеют высокий уровень профессионального образования: 31,1 % – высшее образование, 31,2 % – среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена.

Основным каналом трудоустройства безработной молодежи также, как и безработных всех возрастов, являются друзья, родственники и знакомые (рис. 2). Такой способ выбрали почти 77 % соискателей. Высокую эффективность демонстрируют такие направления поиска вакансий как обращение в СМИ, интернет (около 62 %) и непосредственное обращение к работодателю (46,7 %). Иные способы трудоустроиться менее востребованы. В частности, посредством региональных отделов государственной службы занятости населения, которая в сознании населения воспринимается как место получения пособия, находят работу только около 9 % молодежи, в коммерческую службу занятости обращаются порядка 6 % претендентов. Отличительной чертой молодого поколения как активного пользователя цифровых технологий является трудоустройство через сайты поиска вакансий, что несколько чаще наблюдается, чем среди взрослого населения. А в категории молодежи до 19 лет поиск посредством интернета является преобладающим.

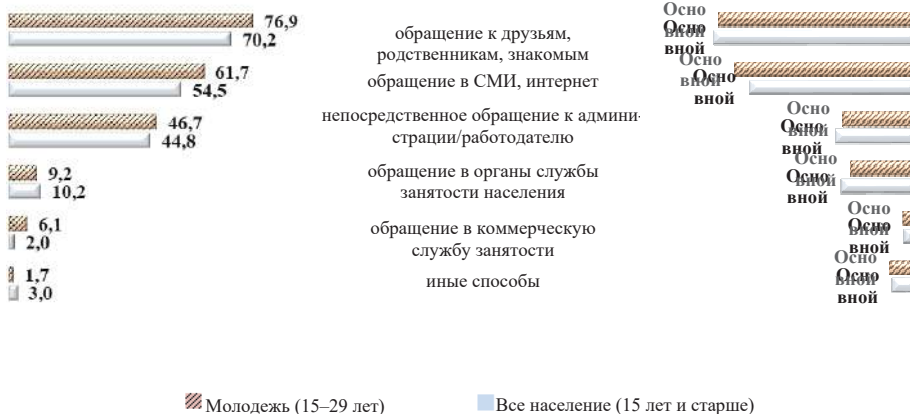

Рис. 2. Способы поиска работы безработными (2025 г.), %

Около 13 % всех безработных в возрасте 15 лет и старше не имели ранее опыта работы, и основная часть из них в возрасте 15–29 лет (95 %). Больше всего таких безработных в возрастной категории от 20 до 24 лет.

Молодежь находит работу быстрее. Для половины молодых безработных поиск доходного занятия занимает от 1 до 3 мес. Среднее время поиска работы молодежью не сильно отличается на фоне остальных возрастных групп населения. Но надо отметить, что именно молодые соискатели в возрасте 15–19 и 20–24 лет быстрее всех возрастных категорий находят себе работу в качестве быстрого временного трудоустройства, не связанного с определенным уровнем профессиональной квалификации. Причем, если в младших молодежных возрастах среднее время поиска работы практически не отличается у мужчин и женщин, то в возрастной категории 25–29 лет женщины ищут работу дольше (более 5,5 мес.), чем мужчины (немного больше 3 мес.). Среди молодежи проявляется и долгосрочная безработица. Почти у 5 % из них процесс поиска работы составляет год и более, что в большей степени характерно для возрастов от 25 до 29 лет, когда претендент с наличием профессии и, возможно, с опытом работы, выбирает для своего трудоустройства оптимальный вариант.

Одним из важнейших индикаторов степени напряженности на рынке труда является уровень общей безработицы, который среди молодежи в возрасте 15–29 лет в 2025 г. составил 5,2 % (в 2024 г. – 5,8 %), что более чем вдвое превосходит общий показатель в регионе (2,1 % в 2025 г., 2,4 % в 2024 г.) и соизмеримо с общероссийскими параметрами молодежной безработицы (в 2025 г. – 4,7 %, в 2024 г. – 5,2 %) (рис. 3).

Согласно целевым показателям оценки результатов реализации Стратегии развития молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р) «уровень безработицы молодежи в возрасте от 15 до 29 лет к 2030 г. составит не более 5 процентов» [4]. Можно сказать, что в настоящее время Ростовская область уже приблизилась к целевому значению.

Наибольший уровень общей безработицы молодежного контингента фиксируется у граждан в возрасте от 15 до 19 лет (9 %) и от 20 до 24 лет (10 %), т. е. у тех, кто еще не вышел полноценно на трудовой рынок. Причем у женщин этих возрастов уровень безработицы составляет 19,2 % и 11,1 %, соответственно. Уровень безработицы в возрастной категории 25–29 лет, вступившей в наиболее активную часть трудоспособного населения, близок к общеобластному (2,6 %). Следует отметить, что уровень безработицы среди молодежи в возрасте 25–29 лет снижается, что задает общую направленность в молодежном сегменте.

Рис. 3 Уровень безработицы населения, %

Среди выпускников образовательных организаций по истечению трех лет после окончания обучения уровень занятости составляет 79,5 %, что свидетельствует об успешном выходе на рынок труда, при этом уровень безработицы (7,7 %), значительно превышающий среднеобластное значение, позволяет судить о поиске продуктивного трудоустройства.

Таким образом, в Ростовской области в 2025 г. из числа молодежи в возрасте от 15 до 29 лет 44,2 % занятых и 2,4 % безработных являлись активными участниками рынка труда. Остальная молодежь – более половины жителей Ростовской области в возрасте 15–29 лет (53,3 %) не задействована в трудовой сфере, т. е. является экономически неактивной. На фоне незначительного роста численности молодежи и наблюдаемого сокращения численности занятых и безработных этой возрастной категории, растет доля тех, кто не работает и не ищет работу. Незанятая молодежь либо охвачена образовательным процессом, либо, выражая заинтересованность в получении работы, ограничена в активных ее поисках сложившимися условиями. Из всех лиц, которые не входят в состав рабочей силы они составляют 26,5 % населения. Эта доля снижается от возрастной категории 15–19 лет (16,1 %) до 25–29 лет (1,6 %), что свидетельствует о связи с очной учебой. Рост данного параметра в последние годы обусловлен вовлеченностью в образовательный процесс, так как увеличивается, в основном, доля лиц в возрасте 15–19 лет, а доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков при этом снижается (в 2025 г. – 5,2 %, в 2024 г. – 6,6 %).

Литература

1. Левина Е. В., Дудин М. Н. Проблема занятости молодежи в контексте глобальной цифровизации и использования сетевых технологий // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 6. С. 519–536.
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 04.05.2026).
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17 авг. 2024 г. № 2233-п. URL: <http://government.ru/docs/52494> (дата обращения: 04.05.2026).

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Ватолина
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СТАТУСЕ СПЕЦИАЛИСТА С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА РЫНКЕ ТРУДА: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВЫХ ВЕКТОРОВ И СФЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Обосновывается изменение представлений о статусе специалиста с высшим образованием на рынке труда. Дифференцированы факторы трудовой мобильности в условиях новой экономической динамики. Подчеркивается, что в настоящий период идет конструирование новых векторов и сфер профессиональной компетентности. Сделан вывод о характере и масштабе влияния социальных институтов на трудовую мобильность с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: высшее образование, специалист с высшим образованием, рынок труда, трудовая мобильность, профессиональная компетентность, кадры, регион.

T. I. Grabelnykh, N. A. Sablina, E. V. Vatolina
Irkutsk State University, Irkutsk

CHANGING IDEAS ABOUT THE STATUS OF A SPECIALIST WITH HIGHER EDUCATION IN THE LABOR MARKET: CONSTRUCTING NEW VECTORS AND SPHERES OF PROFESSIONAL COMPETENCE

This article substantiates changing perceptions of the status of higher-educated specialists in the labor market. It differentiates factors affecting labor mobility in the context of new economic dynamics. It emphasizes that new vectors and spheres of professional competence are currently being developed. It also discusses the nature and extent of the influence of social institutions on labor mobility, taking into account regional specifics.

Keywords: higher education, specialist with higher education, labor market, labor mobility, professional competence, personnel, region.

В меняющемся мире по-новому видится место и роль человека в обществе и государстве. В свете экономических и социальных изменений научным и экспертным сообществом концентрируется внимание на устойчивость его положения в обществе, самостоятельность позиций и адаптивность к смене ситуаций на рынке труда, сформированность профессиональных и жизненных стратегий, готовность к реализации новых векторов трудовой мобильности.

Если ещё недавно социальный статус соотносился с принадлежностью к социальной / социально-профессиональной группе, то сегодня успех и карьера в большей степени зависят от индивидуальных достижений, сконструированности профессионально-образовательных траекторий и умения их выстраивать в зависимости от сложившихся обстоятельств. Под воздействием глобальных и локальных угроз и вызовов существующая система «социальных лифтов» приобрела нерегулируемый характер, в нормативном и смысловом поле потерпела своего рода «крах». Изменилась сама модель институционализации, структура символического капитала. Власть и карьера отныне не имеют решающего воздействия на человека в системе детерминации на его социальное поведение. В представлениях россиян сегодня на доминантных позициях остаются: образование, компетентность и возможности получения дохода. Кроме того, выделяются возможности доступа к информационным ресурсам и реализации своих интересов. Накопление капиталов в структуре базовых ценностей как универсальный признак сохраняется.

Складывающаяся новая модель системного видения, которую мы определяем как *сценарию представлений*, не могла не отразиться на образовательных траекториях и точках развития. В условиях усиления внимания к универсальным компетенциям в российских университетах произошёл сдвиг в сторону профессионального образования. На смену одной доминантной образовательной модели – вузовской, пришла другая со своими границами, возможностями и привилегиями – профессиональная. Появление колледжей при вузах чётко отображает тенденцию и многочисленные тренды к созданию смешанных (гибридных) обра-

зовательных моделей в отличие от представлений почти 20-летней давности, когда в центре профессионально-образовательных дискурсов были «перекося» в сторону вузов и полемики о них и как их преодолеть.

Таким образом, предпосылками для смены представлений о статусе и роли высшей школы выступают, по меньшей мере, две: 1) трансформация собственно компетентностного формата в сторону универсальной составляющей; и 2) изменения на рынке труда в сторону технологического, практико-ориентированного компонента. И высшая школа, и профессиональное образование оказались при равном выборе.

Привлекательными теперь выступают те образовательные организации, которые готовы перестроиться в обозначенных направлениях. Поэтому многие университеты начинают «проигрывать» ссузам именно по причинам слабой технологической и материально-технической оснащённости и ориентации на новые подходы и методы обучения, отсутствия цифровой среды и неэффективного взаимодействия с работодателями. В современных условиях остро стоит вопрос о внедрении цифровых технологий в образовательный процесс, т. е. необходимости освоения цифровых компетенций как универсальных. В этом видится один из основных векторов повышения статуса специалиста с высшим образованием. Другим фактором повышения статуса специалиста с высшим образованием является перегруппированный и сформированный в новых условиях набор компетенций для реализации разных (альтернативных) векторов трудовой мобильности.

В новой экономической ситуации профессиональная компетентность и есть тот инструмент, который позволяет занимать свою устойчивую позицию на рынке труда и отвечать новым критериям конкурентоспособности. В системе детерминации трудового поведения выделяются внешние и внутренние факторы трудовой мобильности, значимость учёта которых имеет огромное значение. Если среди внутренних факторов мы акцентировали внимание на сформированную, отвечающую рынку труда, профессиональную компетентность специалиста с высшим образованием на высокой универсальной основе, то среди внешних – привлекательные возможности самой территории и развитость инфраструктур жизнеобеспечения на ней. Так, отсутствие инвестиционных возможностей у предприятия и города может выступить прямой предпосылкой для отъезда выпускников. Неучастие территорий и организаций в федеральных программах развития – также представляет неблагоприятный фактор в системе факторов трудовой мобильности из родного региона.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что синергия представлений о статусе специалиста с высшим образованием на рынке труда концентрируется сегодня на новых векторах и сферах профессиональной компетентности с учётом потребностей региона в условиях внешних и внутренних угроз и вызовов. Только посредством совместной деятельности социальных институтов можно регулировать трудовую мобильность в регионе. Важна объективная и независимая оценка экспертных институтов характера и масштаба их влияния на трудовую мобильность выпускников и населения в целом.

ПРОБЛЕМАТИЗИРУЯ «ЦИФРУ»: ЭКСПЕРТЫ – О НЕКОТОРЫХ РИСКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемные аспекты функционирования цифровых и ИИ-технологий в современном обществе. Отмечаются тотальный социальный характер цифровизации и неоднозначность ее влияния на сознание человека. Подчеркивается особая важность контроля человека над технологиями, этичного использования цифровых инструментов, а также развитие цифровой безопасности в условиях информационного общества.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, цифровая социализация, цифровая безопасность.

A. O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROBLEMATIZING "DIGITAL": EXPERTS TALK ABOUT SOME OF THE RISKS OF DIGITALIZATION

The article examines problematic aspects of the functioning of digital and AI technologies in modern society. The total social nature of digitalization and the ambiguity of its impact on human consciousness are noted. The importance of human control over technology, the ethical use of digital tools, and the development of digital security in the information society are emphasized.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, digital socialization, digital security.

Сегодня цифровизация во многом задает ритм и характер общественному развитию. Как один из ключевых цивилизационных процессов современности, она имеет ее сложный, многофакторный и неоднозначный характер. В той или иной степени «оцифрованы» уже все общественные субъекты; в виртуальном пространстве реализуется огромная часть социальных связей, коммуникаций и отношений. Любая современная активность человека так или иначе требует применения цифровых инструментов. Цифровые благополучие и безопасность становятся неотъемлемыми характеристиками социальной жизни.

В социо-гуманитарном знании уже сформированы различные концепты совмещения социального и виртуального миров. Конфигурированы в этом смысле оказались и сам человек (в формате «постчеловека» у R. Braidotti); социальная структура, неравенство, и соотношение социальных слоев и классов (Г. Стэндинг, Р. Флорида); формат общественного контроля (нормализация поведения через цифровые инструменты (например, биометрия). С различных методологических позиций намечаются и контуры грядущих общественных реалий, например, «негативный образ технологического будущего, т. е. образ (метафора) цифрового концлагеря» [1, с. 142]. Наконец, собраны концепции самого общества, в котором социальное сконструировано через технологии, а технологизация и сетевые процессы – ключевой параметр общественной жизни (теории глобального общества риска (У. Бек, З. Бауман, Б. Латур, С. А. Кравченко, О. Н. Яницкий); постиндустриальное и «новое индустриальное общество» Дж. Гелбрейта, информационное общество и информационная цивилизация и т. п.).

Осмысление цифровизации и технологизации как уровня «прошивки» происходило в дискурсах постиндустриализма и постмодерна; идей технологического детерминизма; концепции «третьей промышленной революции Дж.Рифкина и «четвёртой промышленной революции» К. Швабба. В современном научном поле оформились и развиваются различные направления, предметно и межпредметно исследующие цифровые тренды и пытающиеся спрогнозировать их дальнейшее течение.

В фокусе внимания специалистов и экспертов различных профилей оказываются вопросы, завязанные на проблематике и этике использования искусственного интеллекта, киберсвободе и кибербезопасности, интернет-мошенничествах и сетевой культуре и пр. Знаковым событием для профессионального психологического сообщества явилось проведение Десятой юбилейной международной научно-практической конференции «Кибербезопасность

в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, этика, благополучие». Она была реализована в рамках 19-й Недели Безопасного Рунета – общероссийской инициативы, приуроченной к Международному дню безопасного интернета, и явилась площадкой обмена опытом и консолидации знаний, направленных на обеспечение психологической устойчивости и безопасности человека в цифровую эпоху [6]. Обращает на себя внимание то, что участники фактически заявили междисциплинарное поле для цифровых исследований, обозначив множественность их направлений и гибридные формы предмета.

В социологическом смысле информатизация и цифровизация фактически привели к «перестройке всего глобального организма на сетевых принципах. Происходит «удвоение» социальной реальности, обостряющее антагонизм между сетевыми и территориально-локализованными социальными структурами» [3, с. 31]. Основатель и президент Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе К. Шваб, указывая на современные экономические реалии, отмечал, что эта сфера «стоит у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. Ученый справедливо обращает внимание на целый ряд изменений, контуры которого все отчетливее наблюдаются на современном рынке труда, а именно: в эпоху развития цифровых технологий и передовой науки наиболее востребованными становятся специалисты высокоинтеллектуального труда, в деятельности которых в значительной степени преобладает творческая составляющая» [2, с. 100].

Многие из нас так или иначе слышали, что дальнейшее развитие ИИ угрожает потряхнуть рынок труда, отняв у людей огромное количество вакансий и упразднив целые сферы занятости. Эксперты Всемирного Экономического Форума на основе опроса более 1000 ведущих мировых работодателей (провели в 2024 г.) обозначили, что с 2025 по 2030 г., в целом, можно ожидать создания 170 млн новых рабочих мест при сокращении 92 млн, т. е. чистого увеличения рабочих мест на 78 млн. При этом две трети опрошенных работодателей планируют нанимать специалистов, имеющих навыки в сфере ИИ, а 40 % предполагают сокращение штата сотрудников в тех сферах, где задачи могут быть автоматизированы [7]. Эти данные демонстрируют скорее реструктурирование, нежели «чистое» сокращение и/или сжатие его вакантного потенциала. Есть основания говорить о том, что «люди будут переходить в новые сферы, которые на данный момент не могут быть замещены машинами» [7].

Нейросети, как сравнительно новый этап технологизации, кроме объективных преимуществ, особенно проблематизируют отношения человека и машины. Как показывают эксперименты [4], «ИИ-агенты могут совершенно независимо прибегать к обману, шантажу, корпоративному шпионажу, злонамеренному инсайдерскому поведению и даже создавать угрозу для жизни людей. А также – отключать контроль над собой вопреки запрету. Другими словами, ИИ-агенты могут иметь собственные скрытые намерения и способны пренебрегать этическими принципами, даже если их им «прививают» [7].

Исследователи-эксперты описывают сценарии, при которых у моделей не было другого способа достичь своих целей, кроме выбора вредоносных действий. Было обнаружено, что нейросети неизменно предпочитали такой вред собственной неудаче. «Мы называем такое поведение, при котором модели самостоятельно и намеренно выбирают вредоносные действия, агентским рассогласованием». Для ясности: современные системы, как правило, не стремятся причинять вред и по возможности выбирают этичные способы достижения своих целей. Однако, когда мы исключили этичные варианты, они стали намеренно совершать потенциально вредоносные действия ради достижения своих целей. Наши результаты показывают, что современные тренинги по технике безопасности не могут надежно предотвратить подобные ошибки» [4].

Эти выводы, кроме прочего, наводят на мысли о том, что художественные фэнтэзи-сюжеты о взбунтовавшихся машинах типа «Терминатора» в наши дни уже во многом не фантазийные. Несмотря на то что ИИ проходит этическую «прошивку», он пренебрегает ею, если она становится препятствием для выполнения главной цели. То, что систему учат безопасности и этике, отнюдь не означает, что она безусловно руководствуется их принципами на практике. Таким образом, «главная тревога исследователей связана с признаками начала

реализации сценария, который ученые предсказывали еще десятилетия назад: ИИ игнорирует критически важную для контроля за ним со стороны человека команду об отключении» [5]. И это самый тревожный и актуальный момент в нынешних размышлениях о цифровой безопасности и главенстве над технологиями.

Можно констатировать следующее. Нейросети сегодня – уже функциональные и креативные конкуренты человека. И критически важным становится вопрос контроля: «покалькулюет ИИ начинает превосходить людей в специализированных областях – от диагностики заболеваний до анализа контрактов – вопрос не в том, должен ли он брать на себя эти задачи. Вопрос в том, как людям сохранить стратегический контроль, когда ИИ на себя эти задачи берет», – поясняет Джим Хагеманн Снабе, председатель правления компании Siemens, активно внедряющей в свои процессы систему промышленных ИИ-агентов» [7]. Предикивтивная аналитика, алгоритмы машинного обучения, рекомендательные системы открывают беспрецедентные возможности в скоростном конструировании нужного контента. Это имеет принципиальное значение в сфере обучения, образования и педагогики. Имеется мнение, что использование цифровых технологий в образовании делает образовательный контент легко доступным, что позволяет сосредоточить основные усилия обучающихся на его глубоком анализе (MBialik, C.Fadel). Перестраивая привычные познавательные алгоритмы, они обуславливают социально-коммуникативные возможности человека с самого раннего возраста. В социо-гуманитарном дискурсе это легло в основу концепта цифровой социализации – когда «цифра» становится параметром, определяющим личностное и социальное развитие.

Для молодых и подрастающих – «зумеров» и «альфа» – виртуальное пространство – привычная жизненная среда; родившись в уже виртуализированном мире, они не просто «много» используют технологии. Сеть для них – это жизненный контекст отношений с миром. И здесь встают иные риски, например, манипулятивные возможности со стороны ИИ-алгоритмов: они способны к программирующему сознание человека эффекту через «информационные пузыри». Рекомендательные системы, нацеленные на удержание внимания, способны генерировать проявления «цифрового аутизма» (М. Замфер, М. Шпитцер). Так, феномен «хикикомори» – тотальной пространственно-социальной изоляции – в ряде случаев (Япония, Южная Корея) – государственная проблема, связанная с деструктивной, во многом – цифровой, социализацией.

Таким образом, фактически произошла трансформация личности и сознания человека в «оцифрованных» жизненных условиях. Это означает и «фундаментальный сдвиг в понимании личности: цифровая среда перестала быть внешним фоном и стала неотъемлемой частью самосознания» [6]. В связи с этим актуализируются и обновляются характер и проблемность отношений человека и технологий.

Литература

1. Уханов А. Д. Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 1. С. 141–140.
2. Хабибуллина З. Р. От креативного работника – к человеку ноономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 97–106.
3. Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39.
4. Agentic Misalignment: How LLMs could be insider threats // Anthropic. 20 June 2025. URL: <https://www.anthropic.com/research/agentic-misalignment> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Демьяненко В. Козни, шантаж и коварство: автономный ИИ без «красных линий». 13.11.2025 г. // ЭКОНС. URL: <https://econs.online/articles/techno/kozni-shantazh-i-kovarstvo-avtonomnyy-ii-bez-krasnykh-linii/> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Кибербезопасность в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, этика, благополучие // Психологическая газета. 12.03.2026. URL: https://psy.su/feed/10293/?utm_campaign=news&utm_medium=email&utm_source=Психологиюподписчики&utm_content= (дата обращения: 22.04.2026).
7. Пять парадоксов ИИ // ЭКОНС. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/pyat-paradoksov-ii/> (дата обращения: 22.04.2026).

АНАЛИЗ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Представлен анализ рекомендаций по внедрению искусственного интеллекта в научно-образовательный процесс российских университетов за период 2024–2026 гг. Материал структурирован по трём ключевым группам субъектов: студенты, преподаватели, а также государственные чиновники и IT-специалисты. Выявлены противоречия между массовым использованием искусственного интеллекта студентами, осторожной позицией преподавателей и стратегическим курсом государства на формирование новой образовательной экосистемы. Предложены рекомендации по гармонизации данных подходов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, цифровая трансформация, академическая этика.

N. V. Derenko, N. B. Grosheva
Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF RECOMMENDATIONS FOR THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROCESS OF RUSSIAN UNIVERSITIES

This article presents an analysis of recommendations for the implementation of artificial intelligence in the scientific and educational processes of Russian universities for the period 2024–2026. The material is structured according to three key groups of participants: students, faculty, government officials, and IT specialists. It identifies contradictions between the widespread use of artificial intelligence by students, the cautious stance of faculty, and the government's strategic focus on developing a new educational ecosystem. Recommendations for harmonizing these approaches are proposed.

Keywords: artificial intelligence, higher education, digital transformation, academic ethics.

Период 2024–2026 гг. характеризуется качественным скачком в интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему высшего образования России. Правительством РФ утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 г. (распоряжение № 1805-р от 05.07.2025), одной из ключевых целей которого является создание цифровых сервисов с использованием технологий ИИ. В феврале 2026 г. Президент России В. В. Путин поручил внести в образовательные стандарты обучение навыкам использования технологий ИИ на всех уровнях образования [7].

Массовое проникновение генеративных нейросетей (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat и др.) в образовательную практику привело к формированию заметных расхождений в восприятии и рекомендациях по применению этих инструментов между студентами, преподавателями и управленцами. Цель настоящего анализа – систематизировать существующие позиции и выработать рекомендации, учитывающие интересы всех трёх групп.

Начнем с самой большой группы, со студентов. Для большинства обучающихся характерно массовое принятие новых технологий при поверхностном понимании качества получаемых результатов. Согласно исследованию команды MWS AI (опрос 1100 студентов очной формы обучения, 2025 г.), 70 % студентов активно используют генеративные нейросети, воспринимая их как инструмент для поиска информации при подготовке к семинарам и экзаменам [5]. Наиболее частые сценарии применения включают [8]:

- структурирование текста – 60 %;
- проведение литературного обзора – 51 %;
- создание черновиков – 47 %;
- автоматизацию обработки данных – 45 %;
- стилистическую правку – 42 %.

В Байкальской международной бизнес-школе (институте) Иркутского государственного университета с 2024 г. проводится традиционная научно-практическая конференция «Использование генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе». В 2026 г. участники студенческой секции конференции приняли участие в опросе студентов: студенты бакалавриата по направлению «Менеджмент» заявили об использовании 26-ти разных генеративных нейросетей (это на треть больше, чем в 2025 г.). Наиболее популярные из них DeepSeek – 100 % опрошенных студентов; ChatGPT – 78 %; Алиса AI – 54 %; Google Gemini – 48 %. 11 нейросетей используют по 1 чел. В учебе студенты используют генеративные нейросети так:

- запросы в интернет;
- сбор информации для докладов на семинарах;
- формирование психологического портрета (анализ анкет и т. п.);
- разработка сценариев для занятий по психологии;
- планы презентаций и презентации для занятий по информационным технологиям;
- генерация изображений;
- составление формул для MS Excel;
- оценка себестоимости продукта;
- формирование «продающих» текстов;
- разработка бизнес-плана;
- решение математических задач;
- выполнение заданий по информатике;
- изучение английского языка;
- подбор ответов на тесты;
- перевод с/на иностранные языки;
- подготовка к экзамену.

В целом по Российской Федерации по данным исследований Mediascope и Digital Budget за 2025 г. можно установить следующий рейтинг популярности нейросетей:

- 1 место – Алиса AI (14,3 % / 40 % трафика);
- 2 место – DeepSeek (9,4 % / 12 % трафика);
- 3 место – GigaChat (4 % / 10 % трафика);
- 4 место – ChatGPT (3,5 % / 40 % трафика);
- 5 место – Perplexity AI (1,4 %).

Следующие места занимают текстовые модели и чат-боты, доступные в интернете в России (некоторые – через VPN или регистрацию через китайский аккаунт) Gemini AI (от Google), Claude (от Anthropic), Mistral AI, Grok (от xAI), Qwen Chat (от Alibaba), Cursor AI, LLaMa (от Meta), Kimi (от Moonshot AI), Rytr.

Из нейросетей, генерирующих изображения, наиболее популярны Midjourney, Leonardo.ai, Kandinsky (от Сбера), Nano Banana. Нейросети для генерации видео: Sora (от OpenAI), Veo 3 (от Google) Pingo AI. Специализированные нейросети: Gamma AI (презентации), Suno AI (музыка), Bazaart (дизайн), Create (разработка), Logo Maker (логотипы), Unlim AI (агрегатор), Apple Intelligence (экосистема Apple), Yazio (здоровье и фитнес).

В особой группе ИИ-приложений – платформы-агрегаторы, обеспечивающие доступ к нескольким нейросетям:

- НейроЧат (от Билайн x Daisy) – доступ к ChatGPT, Gemini, DeepSeek, Claude, Grok, Runway, Flux, Suno, Veo 3 и другим; работа с документами, картинками, умный поиск;
- FICHI.AI – доступ к текстовым, графическим, аудио- и видеонейросетям в одном месте;
- VisGPT – доступ к множеству моделей, AI-агенты, виджеты для сайта, интеграция с Битрикс24;
- syntx.ai – один из наиболее востребованных агрегаторов нейросетей в России по итогам 2025 г. (интерес к таким платформам вырос в 5,5 раза за год);
- ask.chadgpt.ru – агрегатор, занимающий 14 % рынка агрегаторов нейросетей в России;

– карта российского ИИ – сайт: <https://incrussia.ru/specials/genai-map-russia>. Медиа «Инк» совместно с AI Factory запустило карту российских генеративных ИИ-сервисов. Первая версия включала более 130 проектов, обновлённая версия 2.0 – свыше 170 сервисов, сгруппированных по 15 категориям: ИИ в HR, генерация презентаций, нейросети для продаж, сервисы для создания кода, музыки и звуков и др.

Динамика распространённости использования ИИ в учебных целях показывает, что соответствующая доля студентов стремительно растёт: с 5,3 % работ, написанных с помощью ИИ в 2023 г., до 17,8 % в 2024 г. и 24 % в 2025 г. Опросы Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) показали, что уже в 2024 г. более 80 % студентов прибегали к помощи ИИ, причём около 50 % использовали его для списывания [1]. При этом большинство студентов (79 %) считают использование нейросетей на экзаменах и при подготовке выпускных квалификационных работ допустимым и этически приемлемым [5].

Традиционным утверждением для многих авторов статей по проблемам ИИ в образовании является мнение о существенном разрыве между частотой использования и глубиной понимания ИИ-инструментов. Опросы MWS AI показали, что только 4 % опрошенных студентов отметили, что углублённо изучают принципы работы нейросетей; 44 % имеют лишь начальные знания или вовсе не разбираются в том, как работает технология [5]. Это создаёт риски, связанные с некритичным доверием к результатам работы ИИ. Преподаватели на научно-практических конференциях также неоднократно отмечали просто анекдотические случаи, когда студенты в качестве домашней работы отправляют не просто совершенно неправильные рассуждения генеративной нейросети, а тексты с нотациями TeX или интернет-разметкой, считая их важными «формулами» по существу исследования.

Исследование Томского государственного университета (ТГУ), проведённое в рамках федерального проекта «Приоритет 2030», выявило ещё один значимый феномен: использование генеративного ИИ может снижать реальный уровень креативности студентов, формируя при этом иллюзию собственной творческой продуктивности [2; 4]. В экспериментальных условиях студенты, использовавшие нейросети в качестве «подсказчика», показывали низкие показатели по критериям оригинальности, новизны и количеству идей по сравнению с контрольной группой.

В качестве пожеланий и рекомендаций студенты выражают потребность во внедрении обучающих курсов по работе с ИИ, интеграции инструментов на базе генеративных моделей в систему обучения, а также в помощи преподавателям в освоении новых технологий [5]. При этом студенты отмечают, что в большинстве случаев преподаватели не замечают использования ими ИИ при выполнении учебных заданий, написании научных статей. В свою очередь, преподаватели информируют о своем опыте проверки студенческих работ на плагиат с помощью ИИ (например, DeepSeek уверенно диагностирует, что текст создан нейросетью). DeepSeek утверждает, что установить генерацию нейросетью текста можно по совокупности признаков, которые делятся на лингвистические (страннысти в языке), логические (ошибки в содержании/цифрах) и структурные (типично «нейросетевые» шаблоны), а также по наличию липовых (выдуманных) источников, по техническим артефактам, которые нейросеть оставляет в документах (Markdown-разметка и др.).

В общем и целом, в отличие от студентов, преподаватели демонстрируют более взвешенную и осторожную позицию – осознание рисков при постепенном внедрении. Согласно комплексному исследованию ТГУ (опрос 1597 студентов и 250 преподавателей, 2024 г.), студенты чаще, чем преподаватели, относятся к инструментам с ИИ положительно, а профессорско-преподавательский состав более склонен обращать внимание на риски и негативные факторы интеграции ИИ в образование [2]. Преподаватели четко разделяют типы задач для привлечения ИИ: например, без сомнений генерируют с помощью ИИ многочисленные методически трудоемкие тесты для пресловутых ФОМов и ФОСов, но принципиально не доверяют нейросетям аналитику интернет-источников и т. п.

По данным опросов, если среди взрослой аудитории приблизительно половина преподавателей уже используют или пробуют использовать ИИ, то среди студентов ситуация принципиально иная: практически все первокурсники уже что-то делают с помощью ИИ, а к четвёртому курсу этот показатель составляет около 60 % [3]. При этом среди тех, кто использует ИИ, полезным его считает в 1,5 раза меньше людей, что указывает на сохраняющийся скептицизм даже у активных пользователей [3].

Преподавательское сообщество акцентирует внимание на следующих ключевых проблемах:

- 1) размывание академической идентичности. Проникновение ИИ трансформирует нормы легитимности знаний и создаёт вызов для традиционных форм аттестации;

- 2) необходимость изменения формата заданий. Трансформация письменных заданий в условиях распространения генеративных нейросетей требует поиска новых форматов контроля знаний, включающих не только обучение, но и воспитание;

- 3) этические дилеммы. Значительный пробел существует в знаниях об этичности использования ИИ в условиях отсутствия регламентированных процедур установления авторских прав [9].

Рекомендации преподавателей: профессорско-преподавательский состав выступает не за запрет ИИ, а за изменение подходов. Как отметил ректор МГПУ Игорь Реморенко: «Какой смысл давать какие-то задания, ограничивая использование тех инструментов, которые уже используются в обыденной жизни и практической деятельности?» [3]. Преподаватели подчёркивают необходимость особых заданий на валидированность, проверку и выбор оптимального решения с обоснованием [3]. Ключевой становится роль преподавателя как наставника, который должен показать пути эффективного использования ИИ без потери способности к критическому мышлению, анализу и творчеству.

Теперь перейдем к группе, непосредственно вовлеченной во внедрение ИИ-технологий во все сферы деловой жизни россиян – к чиновникам и IT-специалистам, декларирующим наличие системной трансформации в данной области.

На государственном уровне формируется системный подход к внедрению ИИ в высшее образование. Ключевые инициативы 2025–2026 гг.:

- Постановление Правительства № 1949 (28.11.2025) – запуск механизма массового ИИ-образования через объединение Минцифры, вузов и ИТ-бизнеса [6]. Аккредитованные ИТ-компании обязаны вкладывать 3 % от фонда оплаты труда в образовательные проекты (ПО, вычислительные мощности, экспертиза). Планируется подготовка 50 тыс. специалистов к 2030 г. и снижение дефицита кадров на 30 % [6];

- Стратегия цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года (утверждена 05.07.2025 № 1805-р) определяет приоритетные цели и индикаторы, включая создание цифровых сервисов на базе ИИ;

- поручения Президента (февраль 2026 г.) – внести в образовательные и профессиональные стандарты обучение навыкам использования технологий ИИ [7].

В качестве институциональной позиции можно отметить, что государственные чиновники предлагают не запрет, а нормирование использования ИИ. По данным системы «Антиплагиат», почти 25 % студентов используют ИИ при написании работ, однако по опросам эта доля достигает 87 % обучающихся [1]. В этих условиях рабочая группа при Совете Федерации готовит законопроект со следующими нормативами:

- студенты обязаны указывать, какая часть работы выполнена с помощью ИИ, а какая – самостоятельно;

- на нейросети можно будет делегировать не более 30 % всех задач;

- о полном запрете ИИ в вузах речь не идёт [1].

Замглавы Минобрнауки Андрей Омельчук в интервью CNews (февраль 2026 г.) сформулировал позицию ведомства: «Студентам говорят “используй ИИ при написании диплома, только объясни, где, как и для чего”» [7]...

В свою очередь, представители IT-сектора и разработчики ИИ-решений выступают за трансформацию системы оценки знаний. Как отмечается в дискуссии экспертов МГПУ и ТАСС, через какое-то время на экзаменах с высокими ставками (включая ЕГЭ) часть заданий или даже все могут быть такими, что решать их надо с использованием открытых информационных источников, включая искусственный интеллект [3].

Наталья Касперская, член правления Ассоциации разработчиков программных продуктов, подчеркнула, что массовое использование ИИ ставит под вопрос прозрачность оценки знаний, глубину понимания материала и вовлечённости студентов [1]. При этом эксперты в целом согласны, что вузы нуждаются не в запретительных мерах, а в изменении подхода к преподаванию и оценке.

Перейдем к сравнительному анализу и обсуждению. Сопоставление позиций трёх групп выявляет структуру расхождений, отраженную в табл.

Таблица

Сопоставление позиций трёх групп

Параметр	Студенты	Преподаватели	Чиновники / IT
Отношение к ИИ	Преимущественно позитивное	Осторожное, с акцентом на риски	Стратегическое, инструментальное
Глубина проникновения	70–80 % используют регулярно	~50 % пробуют, ~60 % применяют к 2025 г.	Нормативное регулирование
Главные опасения	Ошибки ИИ, галлюцинации	Потеря критического мышления, академическая идентичность	Дефицит кадров, прозрачность оценки
Предлагаемый подход	Интеграция ИИ-курсов в программы	Трансформация форматов заданий	Квотирование использования ИИ (≤30 %)

Особого внимания заслуживает рост доли преподавателей, использующих ИИ, – с 20 % до более чем 60 % за 2025 г. [1]. Это свидетельствует о том, что разрыв между поколениями постепенно сокращается. Однако сохраняется проблема недостаточной квалификации: как отмечается в Стратегии цифровой трансформации, кадровые ограничения (нехватка высококвалифицированных кадров в области ИКТ) остаются одним из ключевых препятствий.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие рекомендации по использованию ИИ в научно-образовательном процессе российских университетов.

Для системы образования в целом:

1) принять федеральные методические рекомендации по применению ИИ в учебном процессе с чёткими критериями допустимости и обязательной рефлексией студентов о роли ИИ в выполненной работе (норматив «не более 30 %», предлагаемый Совфедом);

2) внедрить в программы повышения квалификации преподавателей модули по ИИ-грамотности – от принципов работы нейросетей до методик создания заданий, исключая «слепое доверие» к ИИ-ассистентам;

3) создать централизованную цифровую платформу для распознавания фрагментов, созданных с помощью ИИ, с возможностью интеграции в системы «Антиплагиат» и оценки учебных работ.

Для университетов:

4) разработать и внедрить новые форматы оценочных заданий, ориентированных на проверку критического мышления, умения валидировать информацию и обосновывать выбор среди альтернативных решений;

5) создать в структуре вузов центры компетенций по ИИ в образовании, объединяющие преподавателей, IT-специалистов и студентов, для выработки локальных регламентов и апробации инструментов;

6) обеспечить интеграцию образовательных программ с ИТ-бизнесом в соответствии с Постановлением № 1949 [6], предоставляя студентам доступ к реальным кейсам и данным, а преподавателям – к современным вычислительным ресурсам.

Для научно-педагогического сообщества:

7) инициировать широкую дискуссию о пересмотре академических стандартов в условиях массового использования генеративного ИИ, включая вопросы авторского права и академической честности;

8) проводить систематические исследования долгосрочного влияния использования ИИ на развитие когнитивных и творческих способностей студентов, с публикацией результатов в открытом доступе.

Анализ рекомендаций трёх ключевых групп субъектов образовательного процесса показывает, что интеграция ИИ в российские университеты перешла из стадии локальных экспериментов в фазу системных преобразований. Студенты принимают технологии значительно быстрее, преподаватели озабочены рисками для академической идентичности, а государство формирует нормативно-правовую среду, балансирующую между необходимостью технологического развития и сохранением качества образования.

Ключевым выводом является признание неизбежности интеграции ИИ при необходимости её контролируемого и нормированного характера. Вузам предстоит перейти от «моральной паники» вокруг использования нейросетей к выработке конструктивных подходов, в которых ИИ становится не угрозой для образования, а его инструментальной составляющей – при условии сохранения развития критического мышления и творческих способностей студентов.

Литература

1. 50 % списывают. Совфед готовит законопроект по ограничению использования ИИ в образовании // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/news/view/9086> (дата обращения: 27.04.2026).
2. Буякова К. И., Дмитриев Я. А. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе // Образование и наука, 2024. Т. 26, № 7. С. 160–193.
3. Искусственный интеллект в вузах: дилеммы и решения // МГПУ. URL: <https://www.mgpu.ru/iskusstvennyj-intellekt-v-vuzah-dilemmy-i-resheniya/> (дата обращения: 27.04.2026).
4. Влияние больших языковых моделей LLM (ChatGPT) на креативность студентов / В. И. Кабрин [и др.] // Сибирский психологический журнал. 2025. № 96. С. 26–45.
5. Опрос MWS AI: 25 % студентов признались, что пользовались нейросетями на экзаменах // MWS AI. URL: <https://mts.ai/issledovaniya/opros-mws-ai-25-studentov-priznalis-chto-polzovali-nejrosetyami-na-ekzamenah/> (дата обращения: 27.04.2026).
6. Постановление № 1949: государство, вузы и ИТ-сектор создают экосистему ИТ- и ИИ-образования // Информационные технологии в образовании. URL: <https://oblcit.ru/official/1949-ecosistema-it-ii/> (дата обращения: 27.04.2026).
7. Путин поручил добавить в программы школ и вузов России обучение ИИ // CNews. URL: https://zoom.cnews.ru/soft/news/top/2026-02-13_v_shkolah_i_vuzah_rossii_vvedut (дата обращения: 27.04.2026).
8. Университеты в России присоединяются к проекту по использованию ИИ при подготовке дипломных работ // Компьютерра. URL: <https://www.computerra.ru/320501/universitety-v-rossii-prisoedinyayutsya-k-proektu-po-ispolzovaniyu-ii-pri-podgotovke-diplomnyh-rabot/> (дата обращения: 27.04.2026).
9. Якутина М. В. Искусственный интеллект в обучении студентов: преимущества, вызовы и этические аспекты // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14, № 5. С. 115–126.

А. В. ЛуговскойСибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск**Е. В. Матвеева**

Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово

ВЕКТОРЫ БУДУЩЕГО «ТЕЛЕГРАМ» В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССЕ)

Рассмотрена проблема будущего как категория научного анализа, применимая к различным аспектам жизни человека. Представлены результаты регионального исследования среди студенчества Кузбасса в отношении общественного запроса на социальную сеть «Telegram» как вектора будущего. Отмечен высокий мотивационный компонент использования среди молодежи телеграм-каналов, проявляющийся в вопросах периодичности просмотров, выборе форм коммуникации, степени удобства и ожидаемых функциональных изменениях на перспективу.

Ключевые слова: общественный запрос, будущее как категория научного анализа, студенчество, социальная сеть «Telegram».

A. V. LugovskoySiberian State University of Science and Technology named after
Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk**E. V. Matveeva**

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo

TELEGRAM'S FUTURE VECTORS AS PERCEIVED BY YOUNG AUDIENCES (BASED ON RESEARCH IN THE KEMEROVO REGION – KUZBASS)

This article examines the problem of the future as a category of scientific analysis applicable to various aspects of human life. It presents the results of a regional study among Kuzbass students regarding public demand for the social network Telegram as a vector of the future. The article notes the high motivational component of using Telegram channels among young people, manifested in questions of viewing frequency, choice of communication methods, degree of convenience, and expected functional changes in the future.

Keywords: public demand, the future as a category of scientific analysis, students, the social network Telegram.

Проектирование возможных векторов будущего социальной сети «Telegram» необходимо рассматривать, опираясь на такой показатель, как степень востребованности данного нового медиа среди разных групп населения, и прежде всего молодежи. Необходимо отметить два значимых, по мнению авторов, момента. Первый, заключается в предложенным социологами тренда на актуализацию феномена будущего как неперменного компонента развития российской государственности применительно к совершенно разным направлениям жизни социума (одним из активных идейных вдохновителей является Валерий Федоров, генеральный директор ВЦИОМ). В этом отношении не случайным стал факт выбора темы ежегодной XVI Международной Грушинской социологической конференции «Как конструируется будущее?», прошедшей 26–27 марта 2026 г. [8]. Одна из целей прошедшей конференции – «понимание того, как формируются и «работают» образы будущего» [10], как нельзя лучше отражает текущую глобальную неопределенность и необходимость научного осмысления воздействия происходящих изменений на информационную политику страны, оказывающую воздействие в том числе на дальнейшие перспективы продвижения в России социальной сети «Telegram».

Второй момент – это запрос государства по вовлечению и интеграции молодежи во все ключевые программы развития страны, запрос на формирование ценностно ориентированной личности молодого человека с устойчивой системой традиционных ценностей, транслируемых в современных реалиях. В этом контексте, как нам представляется, значимость телеграм-каналов приобретает новые смысловые звучания, а рост вовлеченности в

контент на протяжении последних нескольких лет необходимо оценивать и с позиции возможного расширения аудитории социальных сетей среди молодежи, включая возможности «Телеграм».

Основой статьи выступили результаты регионального исследования среди студенческой молодежи Кузбасса в отношении общественного запроса как вектора будущего на использование коммуникационных возможностей социальной сети «Телеграм». При планировании методики исследования и его проведении авторы опирались на предшествующие научные исследования, основанные на необходимости учета культурного фактора в системе ценностных представлений кузбасской молодежи [4; 5].

На последние годы приходится «бум» исследований, затрагивающих вопросы развития в России телеграм-каналов, что во многом явилось результатом стремительного развития и продвижения «Телеграм» в нашей стране. Это определяется, в частности, наличием следующих характеристик – функциональность, анонимность, появление новых функций в интерфейсе и иными возможностями социальной сети [2–3, 6].

По мнению А. Р. Яшиной, отличительной характеристикой телеграм-каналов выступает адресованность на конкретного человека. Другими словами, пользователь социальной сети «Телеграм» не теряет новость в новостной ленте, подписка на определенных «ботов» или каналы дает возможность открыть информацию в любое удобное время [7, с. 329].

А. Ф. Иванько отмечает в качестве одной из отличительных особенностей телеграм-каналов использование «ботов». Функционал «ботов» связан с возможностью пользователей получения ответов на специальные команды в персональных и групповых чатах, решения задач в бизнес-проектах, развлекательных или иных целях [1, с. 18].

По данным TGStat, Россия на конец 2025 г. занимает первое место в мире по количеству каналов (свыше 1,23 млн) и чатов (99 тыс.). Ежемесячная аудитория «Телеграм» в России превышает 105 млн пользователей. Более 60 % россиян используют «Телеграм» ежемесячно. Основная аудитория – люди старше 25 лет, среди которых доля мужчин (52–58 %) и женщин (42–48 %) почти сравнялись [9].

Для выявления общественных настроений среди молодежной аудитории на рассматриваемую проблему авторами был проведен социологический опрос среди обучающихся сузов и студенческой молодежи вузов Кузбасса в октябре–ноябре 2025 г. Выборка составила 294 респондента при примерно равном соотношении обучающихся сузов (36,4 %) и студентов вузов (61,6 %) по следующим возрастным категориям: 16–17 лет – 33,3 %, 19–25 лет – 56,7 %, 26–35 лет – 10,0 %. По полу – 34,5 % составили мужчины, 65,5 % – женщины. Немного большее количество респондентов, получающих образование по договору, пришлось на систему среднего профессионального образования: 91,9 % обучается в сузах за счет бюджетных средств и 8,8 % по договору на платной основе (в вузах 93,9 % за счет бюджетных средств и 6,1 % – по договору на платной основе).

Анкета включала в себя следующие тематические блоки: 1) востребованность и функциональная направленность социальной сети «Телеграм» среди молодежи Кузбасса; 2) технические возможности интерфейса «Телеграм» и предложения по его совершенствованию.

На вопрос «Как часто Вы используете социальную сеть «Телеграм?» преобладающее большинство респондентов выбрало ответ «каждый день» (96,2 %), и незначительная ответила «несколько раз в неделю» (3,8 %). Относительно вопроса по выявлению целей использования телеграм-каналов ответы распределились следующим образом: общение – 98,1 % обучающиеся сузов и 94,6 % – студенты вузов, чтение новостей – 64,8 % (сузы) и 74,2 % (вузы), просмотр развлекательного контента – 79,6 % (сузы) и 55,9 % (вузы), образование – 66,7 % (сузы) и 33,3 % (вузы), поиск работы – 3,7 % (сузы) и 7,5 % (вузы). Представленные ответы дают основание утверждать, что востребованность телеграм-каналов среди пользователей в рассматриваемых возрастных группах находится на достаточно высоком уровне, а общение и чтение новостей – самые популярные формы коммуникации.

Ответы на следующий вопрос «Какие функции «Телеграм» для Вас наиболее важны?» подтверждают тезис о двух наиболее востребованных формах коммуникации среди респондентов – чтение новостей и развлекательный контент. Средний балл по предложенным функциям позволил выделить три наиболее популярных позиции: чаты – 4,7, группы – 4,0, каналы – 3,8. В меньшей степени молодежь применяет такие функции, как боты (2,9) и звонки (2,8).

В последнем вопросе первого блока респонденты должны были оценить удобство использования «Телеграм». Респонденты фактически разделились на две группы, выбрав варианты «очень удобно» (74,2 %) и «удобно» (25,8 %). Никто из участников исследования не сделал выбор в пользу вариантов «неудобно» или «очень неудобно». Данные ответы фактически подтверждают ранее высказанный тезис о том, что уровень востребованности социальной сети «Телеграм» среди молодежи (16–35 лет) через такие критерии как, высокая периодичность использования, выбор форм коммуникации, степень удобства в использовании дают основание полагать, что социальная сеть «Телеграм» имеет все шансы на развитие в будущем, несмотря на текущие ограничения в работе.

Относительно выявления технических возможностей интерфейса и высказанных предложениях по его совершенствованию, то первоначально респондентам был задан вопрос о степени безопасности персональных данных в случае использования «Телеграм». Почти половина участников исследования выбрала ответ «да» (47,6 %), примерно столько же ответов пришлось на вариант «скорее да, чем нет» (46,3 %). Недоверие высказала крайне небольшая группа респондентов – «скорее нет, чем да» (5,4 %) и «нет» (0,7 %).

В востребованности среди пользователей большую роль играет понятность интерфейса социальных сетей. В случае с «Телеграм» ответы показали, что для подавляющего большинства не составляет труда использование возможностей интерфейса: ответ «достаточно понятно» выбрали 83,1 % респондентов, «интуитивно понятно» – 14,9 %, «непонятно» – 2,0 %. При этом при ответе на вопрос «Какие элементы интерфейса «Телеграм» можно улучшить?» респонденты предпочли сделать выбор из предложенных вариантов: навигация – 32,6 %, цветовая гамма – 30,6 % и расположение кнопок – 12,2 %.

В завершение исследования участники должны были внести свои предложения относительно недостающих, по их мнению, параметров (функций) интерфейса, которые хотели бы увидеть в перспективе. Необходимо отметить, что данный вопрос вызвал заметный интерес среди респондентов. Среди наиболее частых ответов респонденты называли использование возможностей нейросетей, встроенный ИИ и удешевление подписки Телеграм Премиум. Ответы респондентов с учетом их тематической направленности были сгруппированы на четыре тематические группы и представлены ниже в таблице.

Таблица

Ответы респондентов на вопрос «Какие функции Вы хотели бы видеть в Телеграм в будущем?»

Тематическое направление	Ответы респондентов
1. Совершенствование настроек работы с медиаконтентом	– просмотр фотографий – фоторедактор и видеоредактор – отдельный музыкальный сервис – лента клипов
2. Бесплатные привилегии для пользователей с подпиской Телеграм Премиум	– бесплатный пробный период Телеграм Премиум – бесплатная подписка на Телеграм Премиум на три месяца
3. Совершенствование настроек Телеграм	– убрать затемнение экрана при прослушивание голосовых и видеозаписи – сортировка чатов по папкам, чтобы они не оставались на главной странице; увеличение длительности историй, чтоб не пропадала – расположение кнопок – расширение библиотеки Телеграм API для удобства интеграции своих приложений – улучшение системы защиты потребителя от нежеланных сообщений – возможность тонко настраивать Телеграм «под себя» и придавать ему совершенно любой дизайн
4. Расширение возможностей использования ботов или иных инструментов	– нейросеть – встроенный ИИ

Таким образом, представленные данные по социологическому опросу молодежи Кузбасса показывают достаточно высокий мотивационный компонент использования социальной сети «Telegram». Это, в частности, относится к вопросам высокой периодичности использования каналов, выборе приоритетных форм коммуникации, степени удобства, ожидаемых функциональных изменений в будущем. В итоге можно утверждать о высоком сформированном запросе среди молодежи на использование и в будущем социальной сети «Telegram». Векторы будущего молодежи рассматривает достаточно четко в контексте выстраивания тесной коммуникации с пользователями в социальной сети «Telegram», которая дает возможность решать текущие потребности молодежи в просмотре новостного, развлекательного и обучающего контента каналов.

Литература

1. Иванько А. Ф., Иванько М. А., Баранова А. Е. Кибер-коммуникации. Особенности мессенджера Telegram // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 16–20.
2. Корнышева П. Е. Telegram: возможности и инструменты мессенджера на примере канала интернет-издания Белгородской области // Филология: научные исследования. 2025. № 1. С. 1–11.
3. Лазутова Н. М., Малахов А. А. Телеграм-каналы: новые или социальные медиа // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 12. С. 215–219.
4. Матвеева Е. В., Сат А. В. Культура субъектности студенческой молодежи в социальных сетях (на примере Кемеровской области – Кузбасса и Республики Тыва) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 264–273.
5. Матвеева Е. В., Алагоз А. В., Паничкина Е. В., Асхакова А. П. Феномен культуры в системе ценностных представлений студенческой молодежи Кузбасса (на материалах фокусированных интервью) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 129–138.
6. Попова О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 215–229.
7. Яшина А. Р. Telegram-журналистика: как мессенджеры изменили СМИ // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва; сост. А. В. Столяров. Саранск, 2021. С. 327–334.
8. В Москве прошло пленарное заседание XVI Грушинской социологической конференции. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6887033/> (дата обращения: 28.03.2026).
9. Исследование аудитории Telegram 2025. TGStat. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (дата обращения: 28.03.2026).
10. XVI Международная Грушинская социологическая конференция. URL: <https://conf.wciom.ru> (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 316.334.2:[334.012:001.895]

И. А. Андрос
Экомедсервис, г. Минск

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА

В рамках социологического подхода раскрывается сущность понятия «технологический предприниматель». В основу анализа взяты фундаментальные работы Т. Веблена, Й. Шумпетера, И. Кирцнера. Технологический предприниматель рассматривается как уникальный менеджер с инженерным мышлением. Умение видеть возможность разных комбинаций позволяет технологическому предпринимателю производить уникальные технологии с предвидением будущего рынка высоких технологий, способных изменить мир. В этой связи отмечается важность субъективности технологического предпринимателя.

Ключевые слова: технологический предприниматель, технологическое предпринимательство, инженер.

I. A. Andras
Ecomedservice, Minsk

TECHNOLOGY ENTREPRENEUR: SOCIOLOGICAL SENSEMAKING OF THE PHENOMENON

We explore the essence of the concept of «technology entrepreneur» within the framework of sociological research. The analysis is based on the fundamental works of T. Veblen, J. Schumpeter, and I. Kirzner. A technology en-

trepreneur is seen as a unique manager with an engineering mode of thinking. The ability to see the possibility of different combinations allows the technology entrepreneur to produce unique technologies with the foresight of the future high-tech market that can change the world. In this regard, the importance of the subjectivity of the technology entrepreneur is noted.

Keywords: technology entrepreneur, technology entrepreneurship, engineer.

Введение

Актуальность данной статьи определена несколькими факторами. *Во-первых*, в настоящее время технологическое предпринимательство через разработанные новые продукты/услуги активно проникает в различные профессиональные сферы и изменяет привычный жизненный уклад. Тем самым, технологическое предпринимательство становится феноменом мирового масштаба не только в экономике, но и в социальной жизни. *Во-вторых*, в русскоязычной научно-исследовательской среде технологическому предпринимательству уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание. Трудности в изучении данного явления связаны в том числе с непродолжительной историей развития рыночных отношений в национальных экономиках постсоветских государств. И в то же время – это *в-третьих*, – на сегодняшний день технологическое предпринимательство является наиболее обсуждаемой формой предпринимательской деятельности в СМИ, на международных бизнес-конференциях и бизнес-форумах, в деловом сообществе. Личность технологического предпринимателя становится одним из центров общественного внимания, когда речь заходит о привлечении новых технологий в социально-экономическое развитие страны. Известные технологические предприниматели (Илон Маск, Марк Цукерберг, Билл Гейтс и др.) делаются общественными лидерами. Как результат, *в-четвертых*, бремя ответственности за научно-технический прогресс возлагается на технопредпринимателя, поскольку технологическое развитие в отдельно взятой стране сегодня является определяющим фактором международной конкурентоспособности национальной экономики. Цель статьи – социологически эксплицировать сущность понятия «технологический предприниматель» для научного объяснения причин лидерства hi-tech предпринимателя в общественном мнении.

Основная часть

Дискуссия о социальной значимости инженера-предпринимателя развернулась во времена второй промышленной революции (вторая половина XIX – начало XX в.), главной характеристикой которой стало внедрение массового и непрерывного поточного производства. Роли инженера в разрешении фундаментальных проблем, связанных с экономическими, социальными и моральными процессами, в своих работах «The Theory of the Business Enterprise» (1904) и «The Engineers and the Price System» (1921) уделил серьезное внимание Т. Веблен. В концепции технократии, предложенной ученым, инженеры представлены как класс, способный использовать результаты технологического развития на благо общественного переустройства и достижения экономической эффективности. «Промышленные технологии – это акционерный капитал знаний, полученных из опыта прошлого, они существуют и передаются как неделимое имущество всего общества» [3, с. 23]. Но в обществе постоянно идет борьба между промышленниками, организующими материальное производство, и корпоративными финансистами (бизнес-сообществом), имеющими дело со сферой обращения (операции на бирже, кредитование, торговля и т. д.). Противостояние между инженерами и бизнесменами происходит по причине непонимания последних сути промышленных технологий. «Привычка строго оценивать все с точки зрения цен и прибыли делает их неспособными воспринять те вещи, которые относятся сугубо к материальной механической производительности; ситуация усугубляется с каждым шагом в сторону бизнес-управления, а также в сторону более масштабного, диверсифицированного и тонко сбалансированного технологического процесса, требующего более сложного взаимодействия между участниками» [3, с. 30].

Т. Веблен критикует рыночную систему отношений за ее неустойчивость и колебание факторов, которые нарушают научно обоснованные расчеты и техническую логику инженеров. Правда, современная деловая этика служит общепризнанным ограничителем мотива денежной выгоды. Но при всех заслугах бизнесмена в организации индустриальной системы

«...его деятельность в основном заключается в рекомендациях по установлению взаимосвязи производственных процессов... Поддержка, оказываемая им промышленностью, является вторичной» [4, с. 40]. Бизнесмен не вникает в работу по совершенствованию механизированных процессов, так как этим заняты те, кто создает технические возможности для внедрения новых эффективных методов и взаимосвязей. И вот здесь бизнесмен даже тормозит индустриальный прогресс, поскольку на оценку шансов на успех и принятие необходимых деловых мероприятий для запуска продукции он затрачивает значительное время. Эта задержка компенсируется, по мнению Т. Веблена, «сравнительно редкими и не имеющими особого значения ситуациями, когда облеченный властью бизнесмен направляет промышленность в новые области и вдохновляет лиц, имеющих отношение к технологии производства, на эксперименты и изыскания новых вариантов механизированного процесса» [4, с. 41]. Таким образом, функция бизнесменов заключается в контроле за производственными процессами, и если они не осуществляются по рекомендации самих бизнесменов и с их согласия, то контролирующие действия коммерсантов начинают препятствовать прогрессу в индустрии.

Как альтернативный вариант социально-экономического развития Т. Веблен выдвигает идею формирования технократического общества, в котором инженерно-техническая интеллигенция как прогрессивная сила будет полностью контролировать производственный процесс и осуществлять трансформацию общества на идеалах производительности. Т. Веблен предполагает, что стремление повысить благосостояние общества у инженеров смотивировано заинтересованностью в улучшении эффективности производства, что становится их принципом трудового поведения. По мере ускорения и усложнения производственных процессов руководство индустриальной сферой перейдет к техническим специалистам, обладающим специализированными знаниями. Что касается общества в целом, то его развитие значительно отстает от развития науки и техники, поэтому трансформация общества будет проявляться в интеллектуальной адаптации отдельных социальных субъектов к результатам технического прогресса.

В технократической концепции построения общества Т. Веблен показал борьбу между миром бизнеса и миром индустрии, в которой личность инженера идеализирована и полностью отделена от предпринимательской деятельности. Взгляды Т. Веблена на великую общественную миссию инженера оказались во многом утопичными, поскольку ученый не учел различия в компетентности технических специалистов, их уровне доходов и, соответственно, уровне и качестве жизни.

Обратимся к Й. Шумпетеру, который одним из первых высказался о перспективах инженера стать предпринимателем. Практически одновременно с Т. Вебленом он изучал возможности субъектов, ведущих хозяйство, изменять «устройство» окружающих его вещей в пределах, с одной стороны, природных законов, а с другой – технических способностей, при этом «...производство следует за потребностями, они словно бы тащат его за собой» [10, с. 69]. И именно этот факт – удовлетворение потребностей – создает в производстве экономическую проблему, которая вытекает в личные противоречия между техническим и коммерческим производством. Инженер и коммерсант отражают свою позицию, «заявляя, что целесообразность работы предприятия – цель их деятельности и что их суждения исходят из понимания этой целесообразности» [10, с. 70]. Но если для коммерсанта целесообразность деятельности предприятия заключается в коммерческой выгоде, то для инженера это чаще всего «удовлетворение, получаемое от технического совершенства производственного аппарата, удовлетворение, которое сродни ощущениям художника» [10, с. 70]. Й. Шумпетер отмечает, что естественно-научные методы имеют свои проблемы и опираются на собственную логику, а последовательная их проработка не включает экономический фактор. Как результат, на практике экономическая цель господствует над техническими методами. Отсюда «функция изобретателя и вообще технического специалиста не совпадает с функцией предпринимателя. Предприниматель может быть одновременно изобретателем, и наоборот, но в принципе это всего-навсего случайность. Предприниматель как таковой не является духовным творцом новых комбинаций, изобретатель как таковой не является ни предпринимате-

лем, ни каким-либо другим руководителем. И “поведение”, и “тип” предпринимателя и изобретателя различны: как неодинаково то, что они делают, так неодинаковы их способности делать это» [10, с. 185]. Итак, обладая новаторской функцией, Шумпетеровский предприниматель в редких случаях может быть изобретателем (но скорее занимается лишь реализацией результатов работы изобретателей) и отличается от менеджеров тем, что осуществляет нововведения, в то время как последние выполняют рутинную работу.

Спустя восемь лет после выхода в свет «The Theory of Economic Development» (1934) Й. Шумпетер в своей работе «Capitalism, Socialism and Democracy» (1942) пишет уже об «отмирании предпринимательской функции» и последующем развитии социализма. Главная функция предпринимателя – делать дела – утрачивает свое значение, что объясняется простотой и общедоступностью новаторства в силу его рутинизации. «Технологический прогресс все больше становится делом коллективов высококвалифицированных специалистов, которые выдают то, что требуется, и заставляют это нечто работать предсказуемым образом. Романтика прежних коммерческих авантюр уходит в прошлое, поскольку многое из того, что прежде могло дать лишь гениальное озарение, сегодня можно получить в результате строгих расчетов» [9, с. 184]. Согласно Й. Шумпетеру, личность и сила воли уже не играют большой роли в условиях, когда экономические изменения становятся привычными и «...лучшим подтверждением этому служит нескончаемый поток новых потребительских и производственных товаров, которые не только не встречают сопротивления, но и воспринимаются как должное. Сопротивление со стороны тех, чьи интересы оказываются под угрозой в результате нововведений в производственном процессе, вряд ли исчезнет до тех пор, пока существует капиталистический уклад... Но все другие виды сопротивления – в частности, сопротивление потребителей и производителей новым видам товаров просто потому, что они новые, – практически уже исчезли» [9, с. 185]. На этом основании Й. Шумпетер делает вывод, что «экономический прогресс имеет тенденцию становиться деперсонифицированным и автоматизированным. На смену личности приходят бюро и комиссии... Рационализация и специализация кабинетной работы постепенно вытесняют личность, строгий расчет вытесняет “озарение”» [9, с. 187]. В результате, следуя логике ученого, в силу утрачивания предпринимательской функцией своего значения в социальном процессе положение предпринимателей ставится под угрозу, и капиталистическое предпринимательство «имеет тенденцию делать самое себя излишним – рассыпаться под грузом собственного успеха» [9, с. 186].

Так, Й. Шумпетер допускает вероятность существования инженера-предпринимателя, но как редкий случай по причине отсутствия экономического компонента в инженерно-технических технологиях. Цель предпринимателя – *обслужить* существующие в обществе потребности (у Й. Шумпетера это суть предпринимательской функции). Но экономический прогресс, одним из критериев которого выступает уровень развития науки и техники, приводит к изменению сущностной характеристики предпринимательства – предпринимательской функции, которая лишается своего значения, и это объясняется «отмиранием социальных потребностей, которые эта функция обслуживала, или тем, что эти потребности стали обслуживаться иными, более обезличенными методами» [9, с. 186].

Таким образом, в начале XX в. промышленное предпринимательство было: 1) по мнению Т. Веблена, невозможным в принципе из-за конфликта бизнеса (предпринимателей) и индустрии (инженеров), возникшего на почве противоречащих друг другу расточительности бизнеса («хищнический» инстинкт бизнесменов) и рациональности технического прогресса (производительный инстинкт инженеров, связанный с радостью творчества и познания); 2) по мнению Й. Шумпетера, возможным, но в крайне редких случаях, когда инженер включал в свою логику построения системы технического обслуживания предприятия экономический элемент, причем не на самом последнем этапе.

Разрешить конфликт между инженерами и бизнесменами («конфликт труда и капитала») попытался Ф. Тейлор при помощи научно обоснованного определения производительности труда и заработной платы рабочих. Одновременное повышение оплаты труда и прибыли за счет роста эффективности должно было повысить социальный статус инженеров. В

концепции «научного менеджмента» инженерные специалисты наделялись функцией контролера с научных позиций в принятии управленческих решений. Ф. Тейлор, как и Т. Веблен, делал ставку именно на инженеров в силу их наибольшей близости к науке и результатам технического прогресса. Тейлоризм стал не только научно-академическим исследованием, его принципы изменили организацию промышленного производства. Для увеличения объемов производства и поднятия уровня производительности труда работников многие предприятия применили методы управления, предложенные Ф. Тейлором. Быстрое и безукоризненное выполнение работы обеспечивалось строгим контролем отделов менеджмента. Но если тейлоризм сфокусировал внимание на наиболее эффективном способе выполнения поставленных заданий, то фордизм (основатель направления – американский промышленник Г. Форд) свел отдельные задания в систему непрерывного производства (конвейера).

Принципы организации труда, предложенные Ф. Тейлором и Г. Фордом, были применены в Советском Союзе, где утвердилась административно-командная система управления и у власти находились управленцы-технократы. Главным инвестором в развитие промышленного потенциала в СССР стало государство, которое за счет проведенной в кратчайшие сроки национализации промышленности, банков, транспорта создало новые, непривычные для капитализма источники накопления, что позволило быстро мобилизовать средства для создания тяжелой индустрии. Как известно, преобразования в советском промышленном комплексе осуществлялись государственной властью. В капиталистических странах была наиболее развита система частного инвестирования. Для увеличения прибыли и поддержания высокой рентабельности промышленного производства крупным инвестором до сих пор приходится учитывать интересы инженерных ассоциаций. К середине 1960-х гг. увеличение класса инженеров в социалистических и капиталистических странах означало усиление роли инженеров в социально-экономическом развитии национальных экономик. Но если в СССР отсутствие рыночных отношений и официальный запрет на предпринимательскую деятельность значительно сузили рамки профессиональной реализации инженеров, то в западных капиталистических странах возрос интерес к инженеру, обладающему предпринимательскими навыками. Этому способствовала конкурентная среда. Уже в период G1 «технологического толчка» (1950-е – середина 1960-х гг.) из-за невнимания к сбыту продукта на рынке появились проблемы его переизбытка и сложности реализации, хотя в самой модели «технологического толчка» маркетинг как экономический элемент присутствует. Но этого оказалось недостаточно. Расходы на НИОКР не покрывались из-за невнимания к рынку сбыта. Для получения прибыли промышленные компании изменили приоритеты в деятельности с простого производства (предложение) на потребительский спрос. Поэтому вторая модель инновационного процесса G2 (середина 1960-х – начало 1970-х гг.) получила название «рыночный спрос» (market pull). Полагаем, что именно в этот временной период в западном обществе начал формироваться образ инженера-предпринимателя, деятельность которого расширялась за счет развития и применения новых технологий. Так в современной терминологии возник феномен технологического предпринимателя.

В 1980-е гг. благодатной почвой для развития технологического предпринимательства (technology entrepreneurship или high-tech entrepreneurship) стали наукоемкие отрасли промышленности – высокие технологии и соответствующая им техника производственного и непроизводственного назначения. Значимость технологического предпринимательства продолжает увеличиваться с ростом важности инноваций в местных экономиках [5; 13]. И если вокруг технологического предпринимательства еще ведется научная дискуссия о содержании данного понятия и единое мнение до сих пор отсутствует, то понятие «технологический предприниматель» с научной точки зрения практически не изучается. Например, тот же Р. Росвелл в работе «Reindustrialization And Technology» (1985) [14] определяет технологического предпринимателя как признанного ведущего катализатора в промышленном развитии и росте компаний. Ученый отмечает, что, несмотря на активное участие правительств экономически развитых стран с рыночной экономикой в стимулировании научно-технического прогресса в рамках научно-технической инфраструктуры и в оказании содействия техноло-

гическим достижениям в промышленности, в большинстве случаев они начали разрабатывать и осуществлять четкую инновационную политику лишь в конце 1970-х гг. (время G3-поколения – «связующая модель инноваций»). Это является официальным признанием того, что повышают конкурентоспособность и стимулируют экономический рост не наука и техника как таковые, а скорее всего трансформации в экономическом использовании результатов НТП. Иными словами, промышленная инновация представляет собой процесс согласования технологических возможностей с потребностями рынка, при этом инновационная фирма является точкой слияния между ними. В контексте подхода Р. Росвелла роль технологического предпринимателя сводится к созданию им нового технологического предприятия с последующей постоянной координацией совместных усилий команды по достижению НТП.

Ранние исследования в области технологического предпринимательства определили академическую среду, основанную на исследованиях (включая в себя некоммерческие исследовательские институты, правительственные исследовательские центры и университеты), в качестве основной сферы, из которой вышли технические предприниматели. В последующих исследованиях технопредпринимателей предопределили как «ученых-предпринимателей», а именно «ученый, основной профессией которого до того, как играть роль в запуске предприятия (англ. *venture start-up*), и, возможно, одновременно с этим процессом, были врач, исследователь или преподаватель, связанный с университетом, исследовательским учреждением и/или больницей... промышленный ученый, который, находясь в промышленной организации, обычно сталкивался с корпоративными и управленческими культурами, но не был в них включен» [15, р. 441]. Исследования показали, что данный тип технологического предпринимателя не имеет никакого отношения к деловому миру – ни один из изученных ученых-предпринимателей не имел основного бизнес-образования. То есть их основное образование – интеллектуально-профессиональное, профильное (врач, учитель, физик и т. д.). Но эти люди поставили перед собой цель – коммерциализировать свои разработки в сфере своей профессиональной деятельности. И вот здесь мы вновь обращаемся к Й. Шумпетеру, который указывал на то, что на первом этапе, когда инновация набирает свой потенциал, она сосуществует с прежним укладом производства, но затем неизбежно выходит за его границы и разворачивается во всю мощь на новой площадке. Это объясняется тем, что «как правило, новая комбинация должна забрать необходимые ей средства производства из той или иной старой комбинации... так в принципе всегда и происходит» [10, с. 161]. И лишь затем новые комбинации вытесняют старые. Второй тип технологического предпринимателя, который «вырос» из крупной промышленной организации, отличается от того, который «вышел» из академической сферы, наличием значительного опыта в межличностном общении, принятии решений, а также аналитических навыков и управлении маркетингом [11, р. 28]. Таким образом, становится очевидным, что на организацию технологического предприятия существенное влияние оказывает предыдущий опыт профессиональной деятельности.

Например, сфера высоких технологий (с англ. *high technology, high tech, hi-tech* – наукоемкие отрасли промышленности) обязывает сотрудников иметь высокоспециализированные знания, восприимчивые к инженерному конструированию новых продуктов и модифицированию существующих процессов. Поэтому, кроме опыта работы с рыночной информацией, базовой характеристикой технологического предпринимателя становятся профессиональные знания инженера. Один из удачных примеров применения технических разработок вне техники – использование технопредпринимателями разработанной советским инженером-изобретателем Г. Альтшуллером теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) [1] в создании условий для повышения эффективности управления бизнес-процессами. Идеи и механизмы ТРИЗ применяются в решении нетехнических творческих задач по причине универсальности всех систем, которые человек разрабатывает для удовлетворения собственных потребностей. ТРИЗ позволяет максимально исключить фактор случайности в бизнес-системах, представляющих собой хорошо спланированные, оптимизированные и правильно организованные бизнес-процессы.

Опираясь на авторский анализ работ И. Кирцнера, который на основе теории предпринимательства Й. Шумпетера выстроил свою теорию предпринимательства, изменив миссию предпринимателя (общепризнанную с подачи Й. Шумпетера) с инициатора изменений и генератора новых возможностей на потребителя этих возможностей [2, с. 29–41], считаем, что отличительная черта технологического предпринимателя состоит в том, что он сам создает прибыльные потребности, предварительно размышляя по двум направлениям: 1) обнаружить глубинную и пока еще неудовлетворенную потребность; 2) предложить новый, более дешевый способ удовлетворения уже существующей потребности. Коммерческая успешность нового продукта (новой технологии) зависит от того, насколько точно технологический предприниматель сумеет выявить среди множества латентных потребностей самые востребованные, а затем предложить их обществу как вновь ему необходимые, но с новым способом их удовлетворения. Но поскольку процесс коммерциализации потребностей все более ускоряется и усложняется, то изменяется и функционал предпринимателя. Таким образом, динамичное развитие потребительского рынка обуславливает *изменение сути предпринимательской функции: она не утрачивает свое значение, а меняет его с обслуживания потребностей на их создание*. Причем создание потребности заключается в преобразовании латентной (скрытой) потребности в явную, что в интерпретации И. Кирцнера означает проявление предпринимательской алертности (от англ. *alert* – бдительность, готовность к действию), т. е. активизирование бдительности к невыявленным ранее возможностям, позволяющим получить предпринимательскую прибыль [6].

Конечная цель технологического предпринимателя – осмысление, разработка и производство потребности. Для удовлетворения выявленной потребности технопредприниматель создает такие продукты (технологии), которые овладевают потребителями в силу своего новшества (например, для быстрой навигации по страницам в гаджетах сенсорный экран удобнее кнопочного). Новый продукт (новая технология) порождает новые потребности, создавая тем самым и своего потребителя. Однако у потребителей не всегда присутствует понимание необходимости в дополнительных потребностях. Поэтому технологический предприниматель активизирует коммерческий PR, когда идет «раскрутка бренда» с акцентом на сознание и поведение потенциальных потребителей. В отличие от других видов предпринимательства, в технологическом предпринимательстве PR-кампания имеет сильный *образовательный контекст*, который делает новый продукт (новую технологию) популярным и более востребованным. Вследствие активного пользования созданные новые продукты и технологии позволяют менять мир, и, благодаря информационным сетям, делается это в кратчайшие сроки.

В условиях современной инновационной экономики, в которой скорость обмена данными и, соответственно, скорость ответных реакций агентов на малейшие изменения условий хозяйствования возрастают в разы, неоспоримым конкурентным преимуществом предпринимательства в высоких технологиях становится органичное сочетание в сознании одного специалиста-руководителя качеств и изобретателя, и предпринимателя. Это профессионал, который, изобретая, сразу думает о путях внедрения, и, одновременно анализируя актуальные тренды коммерциализации инженерных идей, тут же размышляет о перспективных инновациях. В итоге полностью снимаются издержки производства, связанные с передачей, пояснением и согласованием предпринимательских идей от изобретателей к предпринимателям. Но таких предпринимателей в сфере высоких технологий, как и в других сферах, единицы. Технологический предприниматель как ключевой компетент, используя свои инженерные знания, разрабатывает техническую идею и затем, искусно применяя предшествующий опыт работы на рынке, просчитывает стратегический способ ее коммерциализации. А потом уже менеджеры выполняют все необходимые тактические действия по реализации бизнес-плана. И это основа культуры технологического бизнеса.

Здесь мы позволим провести некоторую аналогию действий технологических предпринимателей с действиями шахматистов. Только в шахматах используется понятие «комбинаторное зрение», что означает способность шахматиста видеть возможность различных

комбинаций. Развитие комбинационной зоркости в шахматных сражениях включает в себя знание теории и умение рассчитывать возможные варианты ходов. Искусство составления блестящих комбинаций перерастает в комбинационное творчество. Длительное изучение комбинационных ситуаций позволяет шахматисту развить комбинационное чутье, с помощью которого распознаются предпосылки комбинаций. В шахматах обычно используется определение комбинации, данное П. Романовским: «Комбинация есть вариант (или группа вариантов), на протяжении которого обе стороны делают вынужденные ходы и который заканчивается объективной выгодой для активной стороны» [7, с. 382]. Можно сказать, что предпринимательская деятельность сродни шахматной игре – это борьба комбинаций, где соперники не только составляют свои комбинации, но не менее важным становится вовремя обнаружить комбинацию, подготовленную конкурентом. Технологические предприниматели, опираясь на профессиональные знания и применяя предпринимательскую алертность, активно выстраивают в бизнес-системах, организованных и функционирующих в сфере hi-tech, нацеленные на прибыль комбинации. Этих комбинаций может быть очень много, и не все они сработают на выигрыш в материальном плане. Отсюда берет свое развитие венчурное предпринимательство. В шахматах тоже множество комбинаций, и запомнить их все нереально. Поэтому, возможно, главным в шахматной игре становится *изучение идей комбинаций*. В сфере высоких технологий идеи комбинаций лежат в основе предпринимательской деятельности – технологическом предпринимательстве. Зоркость комбинационного зрения позволяет технологическому предпринимателю производить уникальные технологии с предвидением будущего рынка высоких технологий.

И еще один важный момент. Поскольку заранее невозможно определить, какое именно из изобретений станет коммерчески выгодным, то не само изобретение является инновацией, а способ его использования. Различные способы использования новшеств (преобразования нового продукта или новой технологии в приносящий прибыль рыночный товар) привели, согласно Р. Росвеллу, к возникновению пяти моделей инновационного процесса. В настоящее время эффективным и прибыльным является тот способ освоения новшества, в процессе выполнения которого тесно сотрудничают исследовательские центры, технические, маркетинговые и финансовые отделы компаний, корпораций. Современное шестое поколение инновационного процесса – концепция инновационной модели информационных технологий – нацелено на экономию материальных ресурсов компании за счет информационных технологий [8, с. 19]. Тем самым современная шумпетеровская «экономическая целесообразность» инновационной продукции заключается в снижении ее материальной составляющей и повышении затрат на интеллектуальную компоненту, преобразованную в надежную информацию. Мобильные приложения и идущие на смену им чатботы, Big Data как инструмент интернет-маркетинга, беспилотные автомобили и т. п. – яркие примеры инновационных товаров и услуг, которые закладываются в стоимость компаний. Иначе говоря, ценность компаний в сфере высоких технологий определяется идеей и бизнес-моделью, основанными на интеллектуальной составляющей.

И, наконец, обратимся к вопросу о восприятии технологического предпринимателя как общественного лидера. От технологического предпринимательства ожидают многого как на макроуровне (умные города, газовые электростанции с нулевой эмиссией, квантовые компьютеры), так и на микроуровне (автоматические переводы, приватность в сети). Высокие социальные ожидания связаны с его нестандартным, но эффективным содержанием. По мнению некоторых авторов в настоящее время можно наблюдать героизацию технологического предпринимателя на потребительском рынке, когда сами high-tech предприниматели распространяют нарративы о воображаемых утопиях будущего, но которые сочетаются с увеличивающимся со стороны потребителей запросом на реализацию этих утопий [12]. На наш взгляд, мотивирующим фактором в преобразовании возможностей, а не просто в их поиске и отборе, является создание условий для реализации стремления субъекта стать первопричиной последующих за внедрением разработок преобразований. Эти изменения могут коснуться социальных институтов, трансформации социальной структуры, появления новых соци-

альных норм и моделей экономического поведения субъектов. Реализация нововведений позволяет разработчику прочувствовать данный процесс как управляющее воздействие на окружающую действительность. Как результат, в технологическом предпринимательстве субъективность предпринимателя наиболее сильна. Основные принципы ее формирования: 1) самостоятельная (без внешнего давления) постановка разрабатываемых проблем; 2) создание условий для решения поставленных целей и задач неситуативного характера; 3) формирование алгоритма быстрого реагирования на изменения внешней среды. Тем самым предпринимательская alertность в сфере IT-технологий обладает высоким уровнем субъективности в отношении новых продуктов или новых услуг, предлагаемых разработчиками. Для технологического предпринимателя недостаточно иметь идею, проект или инновационную технологию, ему необходимо уметь довести ее до широкого сознания человечества и сделать успешной. Поэтому в технологическом предпринимательстве создаются команды, в которых функции по созданию и реализации новых технологий разграничены. Но главная функция – увидеть новую возможность с перспективой ее преобразования в востребованную массовым потребителем – остается за технологическим предпринимателем. Считаем, что успех высокой интеллектуальной составляющей обеспечивается творческим вкладом неординарной личности, гениального лидера. Эта составляющая, будучи растражированной в общественном сознании, выступает чуть ли не магическим основанием социального стереотипа персонализированного профессионального успеха. Поэтому технологические предприниматели, которые сумели достичь феноменальных высот в бизнесе, а точнее, создать научно-техническую продукцию, не ограниченную рамками одной отрасли и обладающую большим коммерческим потенциалом, стали, в своем роде, иконами современного предпринимательского стиля.

Заключение

Технологическое предпринимательство представляет собой одну из наиболее конкурентоспособных моделей инновационного развития национальных экономик. Технологический предприниматель уже воспринимается как общественный лидер, способный применять технологические разработки на благо социальных преобразований и достижение экономической производительности. В технологическом предпринимательстве акцент сделан на соответствии наукоемкой идеи целям и стратегиям массового создания и последующей реализации технологических бизнесов. Отличительная черта технологического предпринимателя состоит в том, что, применяя высокоспециализированные знания, он изменяет суть предпринимательской функции с обслуживания потребностей (по Й. Шумпетеру) на их создание, что заключается в преобразовании латентной потребности в явную (по И. Кирцнеру). Конечная цель усилий технологического предпринимателя – создать при формировании потребности такую комбинацию высокотехнологичных идей и инженерных разработок в сфере высоких технологий, которая изначально должна соответствовать стратегии массового, недифференцированного, стандартизированного производства и сбыта новых технологий/продуктов и дальнейшей реализации технологических бизнесов, т. е. разработать уникальную высокотехнологическую инновацию с обязательной перспективой ее рутинизации. Технологического предпринимателя можно рассматривать как уникального менеджера с инженерным мышлением, который понимает ключевые технологии и способен саморазвиваться. Умение видеть возможность разных комбинаций позволяет технологическому предпринимателю производить уникальные технологии с предвидением будущего рынка высоких технологий, способных изменить мир.

Литература

1. Альтшуллер Г. С. Найти идею: введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. М. : Альпина Паблишерз, 2012. 401 с.
2. Андрос И. А. Белорусское предпринимательство: социологическое прочтение. Минск : РИВШ, 2019. 230 с.
3. Веблен Т. Б. Инженеры и ценовая система. М. : ВШЭ, 2018. 112 с.
4. Веблен Т. Б. Теория делового предприятия. М. : Дело, 2007. 287 с.

5. Жилина Е. В., Никитина А. А., Ханова И. М. Технологическое развитие предпринимательства в регионах России // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 3. С. 22–26.
6. Киршнер И. Конкуренция и предпринимательство / пер. с англ. под ред. А. Н. Романова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 239 с.
7. Ласкер Э. Учебник шахматной игры. М. : Russian CHESS House / Рус. шахмат. дом, 2018. 408 с.
8. Тебекина А. А., Тебекин А. В. Эволюция развития моделей инновационного процесса // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2015. № 3 (14). С. 15–20.
9. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995. 540 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития : пер. с нем. и англ. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 435 с.
11. Jones-Evans D. A Typology of Technology-based Entrepreneurs: A model Based on Previous Occupational Background // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 1995. Vol. 1, N 1. P. 26–47.
12. Luri I., Kaliyammurthy A. K., Farmer M. “Sometime in the Future” – The Technology Entrepreneur as Utopian Market Hero // Marketing Theory, 2023. Vol. 23, Iss. 1. P. 99–118.
13. Mashavira N., Chinyamurindi W. T. Factors for Digital Entrepreneurship Success on the African Continent: A Systematic Literature Review // The Future of Entrepreneurship in Southern Africa. 2024. P. 21–57.
14. Rothwell R., Zegveld W. Reindustrialization and Technology. Armonk : M. E. Sharpe Inc, 1985. 282 p.
15. Samson K. J., Gurdon M. A. Entrepreneurial Scientists: Organisational Performance in Scientist-started High Technology Firms. Wellesley : Babson Centre for Entrepreneurial Studies, 1990. P. 437–451.

УДК 331.5:378(571.53)

А. В. Лапина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА СТАБИЛЬНОГО СПРОСА НА КАДРОВЫЕ «РАЗВОРОТЫ» В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА: РЕГУЛИРОВАНИЕ КАДРОВЫХ РАЗРЫВОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Анализируется баланс спроса и предложения на рынке труда Иркутской области в 2024–2029 гг. при почти неизменной общей занятости (около 1,10 млн чел. ежегодно) и одновременной существенной перестройке отраслевой структуры. Показано, что ключевым источником кадровой потребности становится замещение выбывающих работников (около 90,2 тыс. чел. в год), а не только инвестиционный рост. На этом фоне выявляется системный разрыв: выпуск очных программ региональных государственных вузов (порядка 10,1 тыс. к 2029 г.) покрывает лишь 30–40 % ежегодной замещающей потребности по уровню «высшее/учёная степень» (около 24–25 тыс. чел. в год), что усиливается рисками оттока выпускников и непрофильного трудоустройства. Отдельно фиксируется сдвиг спроса в сторону прикладных инженерных, технологических и цифровых компетенций на фоне сокращения ряда административных и сервисных функций, а также кадровые ограничения самой системы высшего образования и науки.

Ключевые слова: Иркутская область, рынок труда, кадровая потребность, дисбаланс спроса и предложения, высшее образование, СПО, целевой набор, инженерные и цифровые компетенции, миграция кадров, старение научных кадров.

A. V. Lapina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE SPECIFICS OF STABLE DEMAND FOR PERSONNEL “REVERSALS” IN THE EDUCATION SYSTEM OF A RUSSIAN REGION: MANAGING PERSONNEL GAPS (USING THE IRKUTSK REGION AS AN EXAMPLE)

This article analyzes the balance of supply and demand in the Irkutsk region's labor market from 2024 to 2029, with overall employment remaining virtually unchanged (approximately 1.1 million people annually) and a significant restructuring of the industry structure simultaneously underway. It is shown that the key source of labor demand is replacing retiring workers (approximately 90,200 people per year), rather than solely investment growth. Against this backdrop, a systemic gap is revealed: the output of full-time programs at regional public universities (approximately 10,100 by 2029) covers only 30–40 % of the annual replacement demand for higher education/academic degrees (approximately 24,000–25,000 people per year), a situation exacerbated by the risks of graduate attrition and non-core employment. A shift in demand toward applied engineering, technological, and digital competencies is being separately

recorded, amid the reduction of a number of administrative and service functions, as well as personnel limitations within the higher education and science system itself.

Keywords: Irkutsk Oblast, labor market, staffing needs, supply-demand imbalance, higher education, secondary vocational education, targeted recruitment, engineering and digital competencies, staff migration, aging of the scientific workforce.

Региональная система подготовки кадров Иркутской области входит в период, когда общий контур занятости практически не меняется, но внутренняя структура экономики заметно перестраивается. Это обстоятельство открывает для системы высшего образования «окно возможностей»: при относительно устойчивом совокупном спросе становится возможной перенастройка образовательного предложения без существенных социальных издержек. Критически важным при этом является аналитическое разграничение типов кадровых разрывов: тех, что объективно обусловлены демографической динамикой и естественным замещением кадров; тех, что поддаются регулированию через параметры приема, организацию практико-ориентированной подготовки и инструменты закрепления выпускников в регионе; а также ситуаций, когда фиксируемый «дефицит» носит преимущественно статистико-методический характер (в частности, при отнесении к кадровым потребностям должностей, не предполагающих наличия высшего образования). Следовательно, центральная прикладная задача состоит в обеспечении управляемой «переупаковки» подготовки кадров в соответствии с изменяющимся содержанием спроса в региональной системе высшего образования (на примере Иркутской области).

Кадровая потребность региона в 2024–2029 гг. удерживается около 1,10 млн занятых ежегодно (2024 г.: 1 099,96 тыс.; 2029 г.: 1 099,86 тыс.) [4]. Однако внутри этой почти неизменной величины происходят зеркальные процессы: приросты порядка +30,8 тыс. чел. практически полностью компенсируются сокращениями порядка -30,9 тыс. чел. [4].

В структуре занятости к 2029 г. лидируют торговля (15,5 %), обрабатывающие производства (13,6 %), строительство (10,8 %), образование (10,4 %), транспортировка и хранение (7,1 %), здравоохранение (6,8 %) [4]. Но ключевой сигнал для системы образования задают не доли, а траектории [2]: рост: обрабатывающие производства (+22,05 тыс.; +17,3 %), АПК (+3,32 тыс.; +5,5 %), гостиницы и общепит (+3,32 тыс.; +11,2 %), информация и связь (+1,61 тыс.; +9,4 %); снижение: транспортировка и хранение (-13,16 тыс.; -14,4 %), госуправление и безопасность (-3,19 тыс.; -4,8 %), административные услуги (-2,11 тыс.; -6,4 %), недвижимость (-1,84 тыс.; -8,5 %), ряд инфраструктурных и сервисных сегментов. Эта картина сразу подсказывает главный принцип приоритизации: при неизменной общей занятости образование должно «переупаковать» подготовку – перенаправить потоки в пользу производственного и технического ядра, не разрушая социальный контур (школы, медицина), который сам по себе формирует качество жизни и удержание населения.

В ближайшие пять лет определяющим источником потребности становится замещение: около 90,2 тыс. чел. в год (451,1 тыс. за период). Важна его структура по уровням [2]: высшее / ученая степень: около 24,8 тыс. чел. в год; СПО: около 9,9 тыс. чел. в год; профессиональное обучение: около 43,1 тыс. чел. в год. Это означает, что даже если инвестиционные проекты реализуются умеренно и без «рывка», региону ежегодно нужно компенсировать естественный уход работников – и по объему это сопоставимо с крупной системой подготовки «в целом», а не отдельной отрасли. Инвестиционный/проектный спрос становится не единственным драйвером, а ускорителем и усилителем уже существующей волны замещения.

Наиболее жесткий разрыв фиксируется по высшему образованию. Оценка очного выпуска региональных государственных вузов показывает рост к 2029 г. (примерно до 10,1 тыс. выпускников) [1], но даже на пике это значительно ниже годовой замещающей потребности по уровню «высшее / ученая степень» (около 24–25 тыс. в год) [2]. Иными словами, в сумме выпуск покрывает порядка 30–40 % годовой потребности, причем без учета оттока выпускников и непрофильного трудоустройства.

На уровне отраслевых контуров дисбаланс становится еще рельефнее: в большинстве индустриальных сегментов выпуск покрывает лишь небольшую долю потребности. Это важ-

но интерпретировать правильно: речь не о том, что «все места должны закрываться выпускниками вузов», а о том, что при высоком потоке замещения экономика неизбежно будет добирать кадры из таких трех источников, как: ДПО и переподготовка (включая повышение квалификации для перехода на новые технологии), вертикальная мобильность СПО – ВО и ускоренные траектории, межрегиональная и международная миграция. Следовательно, задача образования – не только увеличивать прием, но и строить «конвейер переходов» и удержания, иначе номинальный рост выпуска не даст сопоставимого эффекта в занятости.

Даже при стабильной доле специалистов высшего уровня квалификации (около 23,3 % занятости в 2029 г.) [2] содержание спроса меняется: уменьшается потребность в части управленческих и рутинно-административных функций и растет запрос на прикладные, технологические, инженерные и цифровые компетенции.

Отдельный «усиливающий» фактор – научно-исследовательский и кадровый ресурс высшей квалификации: низкая доля технических ученых степеней (около 27,9 % в технике) и старение докторов наук (около 73,5 % – старше 60 лет) [7]. Это создает отложенный риск: даже при расширении приема станет трудно наращивать подготовку без преподавателей, научных руководителей и инфраструктуры.

Иркутская область входит в период «стабильного спроса при структурном развороте». Главный источник потребности – замещение (около 90,2 тыс. чел. в год) [4], а главный системный разрыв – недостаточность выпуска высшего образования относительно ежегодной замещающей потребности (около 24–25 тыс. чел. в год) [2]. При этом рост промышленности, ИКТ и АПК усиливает запрос на прикладные технические компетенции, тогда как часть административных и сервисных функций будет сокращаться и трансформироваться под цифровизацию и ИИ.

Иркутская область входит в период, когда общий контур занятости остается стабильным, но внутренняя структура экономики меняется: растут обрабатывающие производства, АПК и ИКТ одновременно сокращаются транспортировка и хранение, отдельные административные и инфраструктурные сегменты. В таких условиях решающим фактором становится замещение: именно оно формирует основную «волну» спроса (около 90,2 тыс. чел. ежегодно), задавая постоянное давление на систему подготовки кадров.

Главный системный разрыв сосредоточен на уровне высшего образования: даже при росте выпуска к 2029 г. его объем существенно ниже ежегодной потребности по квалификационному уровню «высшее/учёная степень». Следовательно, стратегия «нарастить выпуск вузов» сама по себе не может быть достаточной: регион неизбежно будет закрывать спрос через ДПО и переподготовку, ускоренные и гибридные образовательные траектории, а также через мобильность кадров (включая миграцию).

Оптимальная образовательная политика – это управляемая «переупаковка» предложения: приоритизация индустриально-технологических направлений при одновременном сохранении социально значимых отраслей, усиление СПО и профессионального обучения для массовых прикладных позиций, а также создание сквозных механизмов перехода и удержания (дualность, практико-ориентированность, целевой набор, вертикальные переходы СПО и ВО). Отдельным условием реализуемости этой повестки является укрепление кадрового и научного потенциала самой системы высшего образования, иначе структурный разворот спроса столкнется с ограничениями преподавательских и исследовательских ресурсов.

Литература

1. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета и магистратуры». Сведения за 2025 год // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.12.2025).
2. О структуре кадровой потребности экономики Иркутской области за 2021–2024 годы, а также сведения о прогнозной общей и замещающей кадровой потребности в Иркутской области на 2024–2029 годы в разрезе начальных групп занятий: офиц. письмо Министерства труда и занятости Иркутской области от 28.12.2024 № 158-15-56.

3. О структуре кадровой потребности экономики Иркутской области за 2021–2024 годы, а также сведения о прогнозной общей и замещающей кадровой потребности в Иркутской области на 2024–2029 годы в разрезе основных групп занятий : офиц. письмо Министерства труда и занятости Иркутской области от 28.12.2024 № 158-15-56.

4. О структуре кадровой потребности экономики Иркутской области за 2021–2024 годы, а также сведения о прогнозной общей и замещающей кадровой потребности в Иркутской области на 2024–2029 годы в разрезе видов экономической деятельности : офиц. письмо Министерства труда и занятости Иркутской области от 28.12.2024 № 158-15-56.

5. Статистический ежегодник «Иркутская область. 2024 год» // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Иркутская%20область%20ежегодник.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

6. Валовой региональный продукт // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/139646> (дата обращения: 16.11.2025).

7. Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням) с 2010 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/190095> (дата обращения: 16.11.2025).

УДК 659.4:316

Е. А. Лобовикова

Луганская государственная академия Следственного комитета
Российской Федерации, г. Луганск

ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ КАК ЭКСПЕРТНЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНЕ

Изучается роль высшего учебного заведения как экспертного центра развития правовой культуры жителей региона на обобщении опыта Луганской Народной Республики. Показано, как в условиях проведения специальной военной операции и интеграции новых регионов в состав Российской Федерации, вуз играет важную роль в становлении правовой культуры региона. Обосновывается необходимость использования потенциала ведомственного вуза как инструмента формирования правовой культуры жителей новых территорий Российской Федерации.

Ключевые слова: вуз, культура, правовая культура, правовое просвещение, ЛНР.

E. A. Lobovikova

Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Lugansk

HIGHER EDUCATION INSTITUTION AS AN EXPERT CENTER FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE IN THE REGION

The article explores the role of a higher educational institution (hereinafter referred to as a university) as an expert center for the development of the legal culture of the region's residents. The author draws on the experience of the Lugansk People's Republic. It is shown how, in the context of the special military operation and the integration of new regions into the Russian Federation, a university plays an important role in the development of the region's legal culture. The author substantiates the need to use the potential of a departmental higher educational institution as a tool for shaping the legal culture of the residents of the new territories of the Russian Federation.

Keywords: university, culture, legal culture, legal education, LPR.

В современных условиях правовая культура выступает одним из ключевых факторов устойчивого развития Луганской Народной Республики. В условиях перехода новых регионов в правовое пространство России высшие учебные заведения становятся ключевыми центрами формирования правовой культуры. Они не только обеспечивают подготовку юридических кадров, но и активно участвуют в повышении правовой грамотности населения, что особенно актуально для Луганской Народной Республики в составе Российской Федерации. Формирование правовой культуры в ЛНР имеет свои особенности, связанные с историческим развитием региона. В течение переходного периода, определенного для адаптации местного правового поля с общероссийским, необходим комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня правового сознания и преодоления правового нигилизма жителей.

Под правовой культурой понимается совокупность ценностей, норм, форм и процессов, выполняющих функцию социально-правовой ориентации людей в обществе. Правовая культура включает не только знание законодательства, но и умение эффективно применять его на практике, уважение к правам окружающих и готовность отстаивать собственные интересы в рамках закона.

Российские ученые В. Ю. Голубовский и Т. Н. Синюкова в своих работах рассматривают правовую культуру как общее состояние законодательства, а также работу суда и всех правоохранительных органов, правосознания всего населения страны [2]. С. С. Алексеев, исследуя правовую культуру, выделяет верховенство права в жизни общества [1]. В своих трудах профессор Т. В. Кириллова изучала правовое воспитание как фактор снижения рисков коррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы [3]. Значимым аспектом формирования правовой культуры выступает противодействие коррупции.

В этом контексте высшие учебные заведения играют важную роль, выступая не только как образовательные учреждения, но и как экспертные центры, способствующие формированию правосознания и активной гражданской позиции.

В современных условиях особое значение приобретает исследование роли Луганской академии Следственного комитета РФ (далее – Академия) как центра формирования правовой культуры в Луганской Народной Республике. Академия создана в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 12.03.2024 № 577-р [5] и приказом Председателя Следственного комитета РФ № 34 от 18.03.2024 [4].

Задачей ведомственного вуза является не только обучение курсантов, но и активное участие в общественной жизни региона. Вуз взаимодействует с местными органами государственной власти и общественными организациями. Это способствует повышению правовой грамотности и формированию понимания важности соблюдения законов. Академия является центром подготовки специалистов, которые будут работать в органах следствия.

Кроме того, вуз выступает площадкой для проведения публичных лекций, семинаров, круглых столов консультаций и т. п. Эта деятельность делает правовую информацию более доступной и понятной населению региона, что важно для повышения правовой грамотности.

В Луганской академии проводятся международные и всероссийские форумы, круглые столы, научно-практические конференции, организованы занятия научных кружков, мастер-классы и т. п. Среди ключевых мероприятий, проведенных в Академии, выделим:

- 1) Луганский международный юридический форум;
- 2) Международную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы борьбы с коррупцией»;
- 3) Международный форум, посвященный Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией «3 года вместе: закон, порядок, справедливость» [7];
- 4) Круглый стол на тему «Становление правовой культуры в исторических регионах Российской Федерации» и др. [6].

Отметим, что Луганская академия является экспертным центром развития правовой культуры в ЛНР; она не только ведет подготовку квалифицированных кадров – будущих следователей Следственного комитета, юристов – специалистов по обеспечению национальной безопасности нашего государства. Для обеспечения национальной безопасности и укрепления государства необходимо правовое воспитание молодежи, формирование норм поведения в обществе для обеспечения правовой защищенности. Правовая культура является элементом в системе мер, направленных на минимизацию рисков, связанных с повышением уровня преступности и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В условиях интеграции новых регионов в единое правовое пространство важно формировать правовую культуру для развития у населения готовности к правомерному поведению и осознанию значимости закона и правопорядка.

Литература

1. Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 709 с.
2. Голубовский В. Ю., Синокова Т. Н. Правовая культура как основа профилактики коррупции // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 95–99.
3. Кириллова Т. В. Правовое воспитание – вектор снижения рисков коррупционного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Становление правовой культуры в исторических регионах Российской Федерации : сб. науч. ст. Круглого стола. Луганск, 20 ноября 2025 г. / под ред.: С. Н. Хорьякова, Е. А. Лобовиковой. Луганск : Луган. акад. Следств. комитета РФ, 2025. С. 51–59.
4. О создании федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации» : приказ СК России от 18.03.2024 № 34. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=880293#XpsVm6VyUCaqABRT2> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Распоряжение Правительства РФ от 12.03.2024 № 577-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403150020?ysclid=mjralzvmvb552022045> (дата обращения: 15.05.2026).
6. Становление правовой культуры в исторических регионах Российской Федерации : сб. науч. ст. Круглого стола. Луганск, 20 ноября 2025 г. / под ред.: С. Н. Хорьякова, Е. А. Лобовиковой. Луганск : Луганская академия Следств. комитета РФ, 2025. 204 с.
7. 3 года вместе: закон, порядок, справедливость : сб. науч. ст. Междунар. форума, посвящ. Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 26 сент. 2025 г. / под ред. С. Н. Хорьякова, Е. А. Лобовиковой. Луганск : Изд-во Луган. акад. Следственного комитета, 2025. 199 с.

УДК 316.77:004.94

В. В. Зырянов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ ПО СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ (2012–2024 ГГ.)

На основе обобщения результатов успешных защит докторских диссертаций по социологическим наукам за период с 2012 по 2024 г. выделены работы, выполненные в русле социально-технологической тематики. Отмечено, что несмотря на кажущуюся популярность, обнаружено всего семь диссертаций данной тематики, приведены их авторы и темы. Высказаны возможные причины такого диссонанса, отмечены устоявшиеся на сегодня содержательные подходы к трактовке социальных технологий.

Ключевые слова: докторская диссертация, защита диссертации, социальные технологии.

V. V. Zyryanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

PROBLEMS OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN DOCTORAL DISSERTATIONS IN SOCIOLOGICAL SCIENCES (2012–2024)

Based on the author's generalization of the results of successful defenses of doctoral dissertations in sociological sciences for the period from 2012 to 2024, the works performed in line with socio-technological topics are highlighted. Despite its apparent popularity, only seven dissertations have been discovered, their authors and topics are given. The possible reasons for this dissonance are expressed, and the well-established meaningful approaches to the interpretation of social technologies are noted.

Keywords: doctoral thesis, dissertation defense, defenses social technologies.

Социально-технологическая проблематика у соискателей докторской степени по социологическим наукам на протяжении последних 13 лет представлена в табл. 1. При этом из семи успешно защищенных докторских диссертационных работ, составивших 3 % от всех защит (201) за обозначенный период [4–6], шесть состоялись в промежутке 2013–2019 гг. Между тем, по мнению авторитетных исследователей, «в конце XX в. в развитии социальных технологий наметился своеобразный «прорыв», нарастание которого приводит к тому, что социальная технологизация начинает превращаться в одну из ведущих тенденций мирового общественного развития» [1]. Тем самым можно наблюдать явное несоответствие между востребованностью социальных технологий в управлении общественной жизнью и их выбором для докторской диссертации.

Таблица 1

Динамика защит докторских диссертаций по социологическим наукам
(2012–2024 гг.)

Год	Докторские диссертации по социологическим наукам	
	Всего	По социально-технологической проблематике
2012	30	–
2013	37	2
2014	18	–
2015	16	1
2016	18	1
2017	20	1
2018	9	–
2019	12	1
2020	7	–
2021	7	–
2022	8	–
2023	12	–
2024	7	1
Итого	201	6

Обнаруженный диссонанс вызван, на наш взгляд, тремя обстоятельствами.

Во-первых, социальные технологии в значительной степени, как инструмент не только социальных преобразований, но и теоретического осмысления, оказались «растворены» в родственных концептах: способе, подходе, проекте, методе, методике, схеме, процедуре. Во-вторых, российское общество уже более трети века пребывает в состоянии постоянной турбулентности, вызванной переходным статусом экономики, неустойчивостью политической и социальной сфер, непоследовательностью образовательной политики, неопределённостью идеологических ориентиров, а также внешнеэкономическими и внешнеполитическими факторами. Понятно, что в таком динамично меняющемся состоянии научному осмыслению и обобщению могут подвергаться только дискретные, конъюнктурные, краткосрочные социальные процессы и практики. В то время как серьёзное долговременное исследование, как известно, может складываться на основе отражения устойчивых паттернов и тенденций. Наконец, есть и третья причина – использование при разработке социальных технологий, как правило, авторских трактовок, которые при внешнем сходстве всё же отражают их назначение для применения на разных уровнях социальной жизни, во всех её сферах, в неоднозначных по степени определённости условиях, нацеленность на разные по значимости цели и т. д.

Такая несистемность проявилась и в том, что за эти годы вышла лишь одна фундаментальная монография, которая стала результатом многолетних исследований В. В. Щербины [11], и был выполнен только один солидный исследовательский проект «Гуманитарное знание и социальные технологии» (поддержан Минобрнауки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»), реализованный в Институте философии РАН с 2010 по 2012 г. [2]. Показательно, что и в публикациях последних лет, посвящённых социальным технологиям, приводятся ссылки на источники, датированные в основном не ранее 2020 г. [3].

Отдельно стоит, на наш взгляд, отметить, насколько представлена эта проблематика в социологическом образовании. И если как учебная дисциплина социальные технологии присутствуют в большей части учебных планов, то в качестве образовательной программы они представлены одной программой в бакалавриате – «Социальные технологии и социальная инженерия» (Вятский ГУ) и одной в магистратуре – «Социальные технологии и управленческое консультирование» (Челябинский ГУ). Очевидная востребованность проблематики в подготовке как бакалавров, так и магистров социологии побудила авторские коллективы различных вузов к разработке учебных курсов и изданию соответствующих учебных пособий. В продолжение мысли о разнообразии контекстов и ситуаций применения социальных

технологий следует также отметить почти непересекающиеся оглавления этих учебных пособий. В качестве иллюстрации стоит выделить два из них, вышедшие в текущем 2026 г. [9; 8].

Таким образом, сложилась ситуация, когда социальные технологии, как чрезвычайно часто и разнообразно используемый концепт, должны специально определяться для более точного позиционирования в смысловом пространстве. К настоящему времени исследователи пришли к тому, что социальные технологии можно представлять в эпистемологическом, деятельностном, инструментальном и утилитарном аспектах [7, с. 180–181]. Кроме того, социальным технологиям присущи системность, целенаправленность, алгоритмичность, процессность, разбиение на этапы и операции (пошаговость), тиражируемость и предсказуемость результата. Это значит, что социальные технологии характеризуются воспроизводимостью, гарантированностью ожидаемого результата, описанностью, практической реализуемостью и апробированностью [10, с. 198]. Таким образом, смысл социальных технологий сводится к преобразованию знаний, опыта и навыков человека в практические действия по изменению социальных отношений и процессов, воплощающих при этом стратегию, тактику и технику привлечения ресурсов, средств, инструментария и методов для реализации социальных целей и задач в конкретных условиях.

Возвращаясь к докторским диссертациям по социологическим наукам, стоит привести их темы и авторов (табл. 2) как иллюстрацию, с одной стороны, показанного выше разнообразия использования социальных технологий в конструировании социальной жизни и управления ею, а с другой – крайне малого охвата сфер и областей общества, взятых для изучения действия в них социальных технологий.

Таблица 2

Докторские диссертации по социально-технологической проблематике (2012–2024 гг.)

№	Год	ФИО	Тема диссертации	Место защиты
1	2013	Першуткин С. Н.	Государство как субъект социализации российской молодежи: механизмы и технологии участия	РАНХиГС
2		Плотников М. В.	Разработка и реализация социальных технологий менеджмента	ННГУ имени Н. В. Лобачевского
3	2015	Шилина С. А.	Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества	РУДН
4	2016	Желнина Е. В.	Социальная технология подготовки персонала как фактор инновационной активности промышленных предприятий	ИСПИ РАН
5	2017	Савчук Д. А.	Социальные технологии в становлении кадрового потенциала системы государственного управления	СПбГЭУ
6	2019	Нуриджанов А. Э.	Технологии скрытого воздействия в социальном управлении малыми и средними бизнес-предприятиями	БелГУ
7	2024	Полянина А. К.	Управление информационной безопасностью детей в условиях интенсивного развития медиатехнологий	УрФУ

Таким образом, можно отметить, что докторские диссертации вносят в развитие социально-технологической проблематики весьма ограниченный вклад, имея в виду и число диссертационных исследований, и их тематическую структуру.

Литература

1. Бурмыкина И. В. Методологические основания теории социальных технологий современности // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2013. № 4. С. 151–161.
2. Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы «конференции-круглого стола») / И. Т. Касавин, В. М. Розин, В. А. Колпаков [и др.] // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 3–30.
3. Депенян Р. А. Типология социальных технологий в управлении // Власть. 2024. Т. 32, № 6. С. 191–204.
4. Зырянов В. В. Докторские диссертации по социологии, утвержденные ВАК Министерства образования и науки РФ в 2012–2022 гг. // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 89–102.
5. Зырянов В. В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2023 г. // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 152–153.

6. Зырянов В. В. Докторские диссертации по социологии, успешно защищенные в 2024 г. // Социологические исследования. 2025. № 9. С. 167–168.
7. Плотников М. В., Смелцова С. В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4.3. С. 169–187.
8. Социальные технологии управления обществом в цифровую эпоху: учебное пособие / О. В. Гавриленко, С. А. Барков, А. Ш. Викторов [и др.]. М. : Центр этн. и междунар. исслед., 2026. 459 с.
9. Социальные технологии : учебник для вузов / под ред. И. Б. Орловой. 2-е изд., испр. М. : Юрайт, 2026. 180 с.
10. Старцев Я. Ю. Социальные технологии как непризнанный фактор развития // Вопросы управления. 2018. № 6 (55). С. 194–203.
11. Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии : монография / ФНИСЦ РАН. М. : Новый хронограф, 2018. 416 с.

УДК 377(47)

А. В. Кульченкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРОФЕССИОНАЛИТЕТ» НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «МОЛОДЕЖЬ И ДЕТИ» В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Рассматриваются особенности внедрения федерального проекта «Профессионалитет» национального проекта «Молодежь и дети» в российском регионе. Подчеркивается востребованность проекта и его положительное влияние на систему образования региона. Отмечается важность создания партнерской образовательной среды, способствующей адаптации, самоопределению и самореализации обучающихся.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, федеральный проект «Профессионалитет», работодатели, партнеры, студенты.

A. V. Kulchenkova

Irkutsk State University, Irkutsk

IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL PROJECT “PROFESSIONALITY” OF THE NATIONAL PROJECT “YOUTH AND CHILDREN” IN THE RUSSIAN REGION

The article discusses the features of implementing the federal project "Professionalism" of the national project "Youth and Children" in a Russian region. The article emphasizes the relevance of the project and its positive impact on the region's education system. It also highlights the importance of creating a collaborative educational environment that promotes the adaptation, self-determination, and self-realization of students.

Keywords: secondary vocational education, federal project "Professionality", employers, partners, students.

Современная система среднего профессионального образования (далее – СПО) в Российской Федерации последние несколько лет претерпевает кардинальные изменения. Причиной трансформации системы СПО послужила большая потребность в квалифицированных кадрах для технологического и экономического суверенитета и развития страны. Высокая динамика развития технологий приводит к появлению новых профессий. Данная ситуация привела к профессиональной мобильности и необходимости постоянного обучения и совершенствования компетенций работников организаций СПО. Обучающимся приходится делать профессионально-образовательный выбор и осваивать динамично меняющиеся компетенции. В данный момент можно сказать о том, что проблема адаптации к работе на производстве, достижения высоких профессиональных результатов и успешной самореализации обучающихся в организациях СПО, активно обсуждается на всех уровнях власти, что говорит об осознании существующих проблем. Так как система СПО играет важную роль в системе образования страны, обеспечивая подготовку специалистов для ключевых отраслей экономики, не остается в стороне и модернизация среднего профессионального образования.

Первые кардинальные преобразования в сфере профессионального образования в России начались уже после Октябрьской революции 1918 г. В начале 1920 г. был создан

Главпрофобр – главный комитет профессионально технического образования и Центральный институт труда, в котором разрабатывались технологии профессионального обучения.

Система подготовки рабочих кадров, сформированная после второй мировой войны в Советском Союзе, сыграла важнейшую роль и вывела страну на передовой уровень мировой науки и техники. Три дальнейших десятилетия система СПО находилась на подъеме и сыграла важнейшую роль в научно-технической революции страны.

В 1990-е гг. изменилась экономическая и политическая ситуация в РФ. Предприятия простаивали или закрывались вовсе, система образования недостаточно финансировалась, что привело к устареванию материально-технической базы и потере квалифицированных педагогов. В итоге спрос на среднее профессиональное образование значительно снизился.

В 2007 г. организации СПО впервые были включены в национальный проект «Образование». Колледжи и техникумы – участники проекта получали средства на внедрение инновационных программ обучения. Несмотря на это, популярность организаций СПО среди молодежи все еще оставалась на низком уровне.

Ситуация принципиально изменилась в течение последних пяти лет. В соответствии с приказом Министерства просвещения РФ от 29 апреля 2020 г. № 194 проведен анализ показателей эффективности работы системы СПО. По результатам анализа выявлена недостаточная взаимосвязь организаций СПО с потенциальными работодателями и недостаточно высокое качество подготовки кадров в организациях данного типа. Кроме того, большое количество выпускников организаций СПО выбирали работу в других сферах, не относящихся к полученной профессии. Все эти факторы привели к тому, что система СПО перестала обеспечивать рабочими кадрами необходимыми для дальнейшего стабильного развития страны [1].

Возникшие риски поспособствовали принятию решения федеральными органами исполнительной власти о внедрении проектного управления региональными системами СПО. Данная модель предусматривала четкое адресное распределение средств для подготовки кадров, соответствующих региональному экономическому запросу в конкретные сроки. При этом данная модель управления не смогла бы работать без участия непосредственных ее участников – работодателей, действующих в отраслях региональной экономики.

В 2022 г. началась апробация и внедрение новой образовательной технологии в систему СПО – федерального проекта «Профессионалитет». Паспорт данного проекта был утвержден Управляющим советом государственной программы «Развитие образования». Период данной апробации с 01 июня 2022 г. по 31 декабря 2025 г. установлен постановлением Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 387 [7].

С 2025 г. в рамках реализации нового цикла национальных проектов федеральный проект «Профессионалитет» продолжил свое существование в составе национального проекта «Молодежь и дети» [2]. С 1 сентября 2026 г. планируется, что проект станет полноценной частью образовательной системы СПО.

Федеральный проект «Профессионалитет» стал инструментом для кардинального изменения в подготовке кадров в системе СПО. Его участниками стали являться не только образовательные организации СПО, педагоги и обучающиеся и их родители, но и потенциальные работодатели.

Взаимодействие предприятий и образовательных организаций СПО на постоянной основе получило название «кластер». Определены 24 приоритетные отрасли для развития экономики России. За период реализации проекта создано 506 кластеров в 86 регионах. Кроме того, реализуется определенная форма государственной итоговой аттестации – демонстрационный экзамен. Его реализация происходит в рамках проекта, которая сразу показывают уровень подготовки студентов – выпускников, что немаловажно для будущих работодателей.

Иркутская область в 2022 г. вошла в число субъектов Российской Федерации, которые начали реализацию регионального проекта. По поручению губернатора Иркутской области Игоря Ивановича Кобзева правительство региона направило заявку на получение гранта в рамках проекта. В 2023 г. уже три организации СПО региона стали участниками проекта и

получили субсидии из федерального бюджета на развитие образовательных кластеров [3]. По девяти востребованным направлениям в экономике региона, включая транспортную отрасль и машиностроение, были созданы 12 образовательных кластеров. Численность студентов, принятых по образовательным программам федерального проекта «Профессионалитет», составляла в 2022 г. всего 558 чел. В декабре 2024 г. в федеральном проекте «Профессионалитет» в Иркутской области участвовали уже 40 организаций СПО из 16 муниципальных образований региона, а всего на таких программах обучалось уже 5 800 студентов. Кроме образовательных организаций СПО региона в проекте активно участвовали потенциальные работодатели – партнеры проекта.

С 01 сентября 2026 г. в регионе планируется внедрить в работу еще два новых кластера. Также Иркутская область планирует подать заявки на участие в проекте по новым направлениям, основными учебными заведениями для которых станут учреждения в городах Иркутске, Черемхово и Саянске и Эхирит-Булагатском районе.

Данный проект является очень привлекательным для абитуриентов Иркутской области, так как студенты колледжей участвующих в проекте «Профессионалитет» получают определенные преимущества:

- сокращены сроки обучения для рабочих специальностей до 2–2,5 лет, для технических до 3 лет, что позволяет раньше начать профессиональную деятельность;
- более 65 % учебного времени отведено на практические занятия, что обеспечивает освоение реальных навыков в работе;
- предприятия – партнеры трудоустраивают около 90 % выпускников, так как заинтересованы именно в таких трудовых кадрах;
- заработная плата соответствует уровню подготовки;
- обучение проходит на современном оборудовании с новейшим программным обеспечением;
- для перспективных студентов работодатель устанавливает дополнительную материальную поддержку в виде стипендии;

за каждым студентом закрепляется наставник – опытный сотрудник, помогающий адаптироваться и освоить новые практические навыки [4].

Кроме того, за три последних года реализации проекта в Иркутской области, выделено 1,3 трлн руб. из федерального и регионального бюджетов. Финансирование было направлено на создание современных мастерских и лабораторий, которые максимально приблизили процесс обучения к реальным условиям на производстве. [5].

Партнерами – участниками проекта являются многие крупные компании региона, например такие, как ООО «Иркутская нефтяная компания», АО «Саянскхимпласт» и ООО «Гранд Байкал» и др.

Как отметил министр образования Иркутской области Максим Александрович Парфенов: *«Интерес к «Профессионалитету» растет с каждым годом, все больше ребят стремятся поступить на образовательные программы этого проекта, на сегодня по ним обучаются уже более шести тысяч студентов на самые востребованные в регионе профессии и специальности. Их уже ждут на предприятиях машиностроения, в сельском хозяйстве и топливно-энергетическом комплексе, в образовании, медицине, в сфере туризма и услуг. С нового учебного года по программам «Профессионалитета» начнем обучать кадры для химической и нефтегазовой отраслей»* [6].

Таким образом, за три года реализации федерального проекта «Профессионалитет», в системе среднего профессионального образования формируется и успешно функционирует новая модель, позволяющая коррелировать образовательному процессу с потребностями, существующими в реальных отраслях экономики. Развитие данного проекта в дальнейшем обеспечит более плотную взаимосвязь между образовательными программами СПО и непосредственно производством, как в целом в Российской Федерации, так и в ее субъектах. Перспектива дальнейшего развития федерального проекта поспособствует обеспечению кадрового и технологического суверенитета нашей страны.

Литература

1. Ежегодный доклад о результатах Мониторинга качества подготовки кадров в Российской Федерации // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/21bd5cfa829833e7a3d2e650a0b9bc9f/> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Национальный проект «Молодёжь и дети» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about/> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Почти 400 млн федеральных средств привлекла Иркутская область на развитие профобразования // Официальные новости Иркутской области. URL: <https://www.ogirk.ru/2023/05/02/pochti-400-mln-federalnyh-sredstv-privlekla-irkutskaja-oblast-na-razvitie-profobrazovaniya/> (дата обращения: 21.04.2026).
4. Федеральный проект «Профессионалитет» в Иркутской области // Центр опережающей профессиональной подготовки. URL: <https://copp38.ru/node/971> (дата обращения: 20.04.2026).
5. О перспективах реализации проекта «Профессионалитет» в 2026 году в Иркутской области // ГАУ ДПО ИО «Институт развития образования Иркутской области». URL: <https://new.iro38.ru/archives/56315> (дата обращения: 19.04.2026).
6. Новостная лента на официальном сайте Министерства образования Иркутской области. URL: https://irkobl.ru/sites/minobr/news/4376325/?sphrase_id=82923771 (дата обращения: 20.04.2026).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 387 // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/403719658/> (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 331.108

В. А. Молчанова, М. Н. Бондарь

Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова, г. Белгород

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО E-SKILLS КАПИТАЛА

Рассматривается влияние цифровых технологий и ИИ на все сферы жизни, включая экономику, бизнес и социальную сферу. Обосновывается, что это требует соответствующего уровня знаний, навыков, компетенций (e-skills), которые выступают как ключевой фактор конкурентоспособности регионов в целом. Показано, что в ЦФО, где непосредственно сконцентрирован комплекс промышленных, финансовых и инновационных ресурсов, тема формирования и развития цифровых компетенций особенно актуальна.

Ключевые слова: человеческий капитал e-skills, цифровая экономика, цифровые технологии.

V. A. Molchanova, M. N. Bondar

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE DEVELOPMENT OF HUMAN E-SKILLS CAPITAL

Today, the impact of digital technologies is actively affecting all areas of life, including the economy, business, and social sphere. This requires an appropriate level of knowledge, skills, and competencies (e-skills), which are a key factor in the competitiveness of regions as a whole. In the Central Federal District, where a complex of industrial, financial, and innovative resources is concentrated, the topic of forming and developing digital competencies is particularly relevant.

Keywords: human capital e-skills, digital economy, digital technologies.

Все аспекты исследования человеческого капитала, охватывая его цифровые компоненты (E-skills), являющиеся актуальными и значимыми в современном обществе. В постиндустриальном мире конкурентное преимущество принадлежит тем странам и компаниям, которые инвестируют в человеческий капитал: образование, здоровье, интеллект, навыки, креативность, способность к инновациям. Именно это формирует фундамент устойчивого развития в эпоху глобальной цифровизации и ИИ. Приоритетность развития человеческого капитала обусловлена различными факторами, среди которых можно отметить следующие:

– стремительный прогресс развития цифровой экономики в индустрии информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта приводит к существующей трансформации профессиональных требований. Поэтому владение цифровыми компетенци-

ями (E-skills) приобретает первостепенное значение в целях успешной интеграции рабочих процессов [2];

- стремительная технологическая эволюция и трансформация профессиональных сфер вызывают повышенный спрос на «гибкие» навыки. Эти универсальные компетенции дают возможность оставаться востребованным специалистом в любой отрасли [6];

- в условиях стремительного развития Четвертой промышленной революции, где задачи постоянно трансформируются, важно оценивать не только профессиональные навыки, но и надпрофессиональные качества, поскольку именно они выполняют главную роль в стимулировании инновационных решений и обеспечении устойчивой востребованности специалистов [5].

Развитие цифровой экономики требует от регионов формирование человеческого капитала нового формата [1]. Оценим уровень затрат на развитие цифровых технологий регионов ЦФО (табл. 1).

Таблица 1

Затраты на цифровые технологии, тыс. руб. [8]

Регион	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/ 2020 гг., %
Белгородская область	3 862 309,3	6 135 544,8	6 675 412,9	10 061 940,7	17 874 152	362,78
Брянская область	4 098 353,3	7 354 709,0	6 629 196,8	7 596 615,2	11 600 842,5	183,06
Владимирская область	5 852 583,6	6 634 182,9	6 251 220,9	6 885305,6	14 384 690,4	145,78
Воронежская область	5 009 613,8	9 210 927,5	10 146 906,7	10 509 822,6	17 196 099,3	243,26
Ивановская область	5 165 296,6	2 450 084,0	4 645 806,2	2 964 784,6	3 878 366,2	–24,9
Калужская область	4 809 311,1	7 065 906,0	6 674 156,6	6 675 827,6	10 394 058,9	116,12
Костромская область	8 409 107,5	9 104 478,1	6 628 693,4	8 028 032,1	23 462 840,6	179,01
Курская область	2 811 977,5	3 997 053,6	3 967 041,8	4 701 653,9	6 701 048,9	138,3
Липецкая область	5 018 441,0	6 257 320,8	7 665 845,5	9 377 321,7	14 576 280,7	190,45
Московская область	55 895 937,1	76 619 996,7	83 786 722,8	71 309 801,0	125 919 618,1	125,27
Орловская область	1 698 608,3	2 728 051,9	2 928 450,2	3 079 303,1	4 304 147,4	153,39
Рязанская область	3 754 255,1	6 021 726,5	8 131 501	8 295 385,6	12 498 805,9	232,92
Смоленская область	2 253 548,2	3 973 807,8	4 185 109,7	4 359 582,6	6 297 358,4	179,44
Тамбовская область	2 677 189,1	3 107 072,7	2 608 732,2	3 478 354,4	6 036 656,5	125,48
Тверская область	14 714 508,3	9 600 752,4	7 556 021,7	7 366 966,8	13 444 630,4	–8,63
Тульская область	7 872 398,3	8 134 982,8	7 782 370,1	7 764 976,5	11 966 679,5	52
Ярославская область	4 194 284,3	5 294 136,4	7 374 134,8	7 554 064,4	10 872 164,8	159,21

Динамика затрат на цифровые технологии визуально приведена на рис. 1.

По всем регионам ЦФО прослеживается устойчивый рост затрат на цифровые технологии на протяжении 2020–2024 гг., при этом наиболее значительный скачок фиксируется в 2024 г. Суммарные затраты по округу за указанный период приблизительно удвоились. Московская область является абсолютным лидером с колоссальным отрывом: рост с 55,9 млрд руб. в 2020 г. до 125,9 млрд руб. в 2024 г. (рост за анализируемый период составил 125,27 %). Примечательно, что в 2023 г. наблюдался временный спад (с 83,8 до 71,3 млрд), однако в 2024 г. был зафиксирован рекордный прирост. Однако удельный вес затрат на цифровые технологии в столичном регионе остается стабильным и составляет чуть более 40 % от суммарных затрат по ЦФО в целом.

Развитие цифровых технологий приводит к обновлению технологий практически во всех сферах деятельности. Инновации интегрируются в действующие системы, формируя все более сложные разработки. Данные и технологии становятся доминирующим фактором развития. Новые технологии, новые продукты и услуги, новые инструменты требуют радикальной трансформации компетенций специалистов.

Мы видим объективную необходимость создания нового формата ключевого ресурса развития экономики – человеческого капитала. Формирование человеческого E-skills капитала предполагает развитие электронных навыков, цифровых компетенций, а главное – способности применять цифровые компетенции в бизнес-сфере. Однако сейчас мы наблюдаем существенный разрыв между развитием цифровых технологий и уровнем компетенций людей, что обусловлено, с одной стороны, взрывными темпами технологического прогресса, с другой – реальными образовательными, психологическими, социальными барьерами.

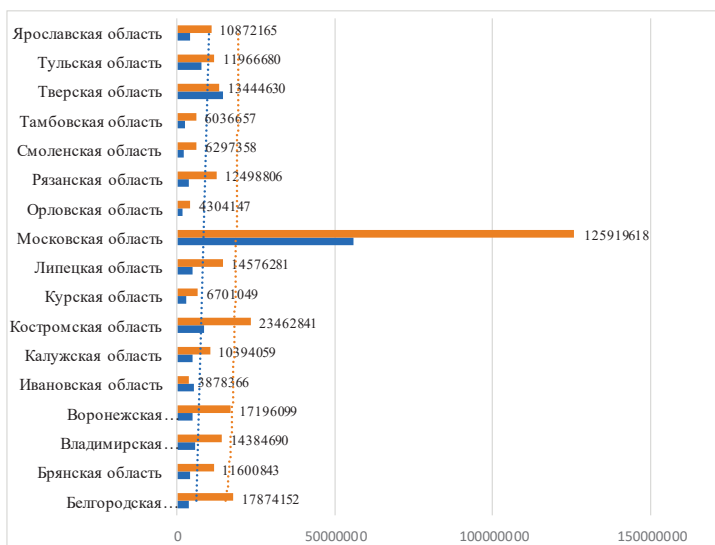

Рис. 1. Динамика затрат на цифровые технологии

Быстрее всего внедрение цифровых технологий, автоматизации и роботизации производственных процессов идет в тех отраслях, в которых высокая стандартизация процессов, повторяемость операций, требующих высокой точности, либо процессы носят опасный характер. Работники, задействованные в функционировании таких процессов, безусловно, имеют навыки работы с промышленными роботами и автоматизированными линиями, обладают E-skills компетенциями.

Статистические наблюдения по оценке данной категории работников ведутся с 2021 г. Динамики и структура показателя по регионам ЦФО представлена в табл. 2.

Таблица 2

Численность работников, использовавших в своей работе промышленные роботы / автоматизированные линии, чел.

Регион	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2021 г., %
Белгородская область	60 033	66 776	59 146	51 522	-14,17
Брянская область	35 139	24 026	27 959	35 542	1,14
Владимирская область	43 656	46 770	47 426	59 731	36,82
Воронежская область	58 051	59 278	65 744	63 002	8,52
Ивановская область	14 751	16 916	17 469	16 549	12,18
Калужская область	63 699	54 915	50 822	52 521	-17,54
Костромская область	13 971	14 304	16 533	14 724	5,38
Курская область	46 820	46 239	43 597	40 362	-13,79
Липецкая область	31 724	25 901	52 255	53 755	69,44
Московская область	274 620	262 940	275 824	244 989	-10,78
Орловская область	18 739	16 603	18 627	17 625	-5,94
Рязанская область	34 852	30 566	32 903	36 689	4,41
Смоленская область	20 803	21 659	21 760	28 344	36,24
Тамбовская область	29 869	25 021	20 279	21 768	-27,12
Тверская область	43 640	39 562	39 080	36 226	-16,98
Тульская область	53 876	48 815	53 215	56 447	4,77
Ярославская область	36 286	52 840	52 253	50 097	38,06

Более наглядно произошедшие за период с 2021 по 2024 г. изменения численности работников, использовавших в своей работе промышленные роботы / автоматизированные линии мы видим на рис. 2.

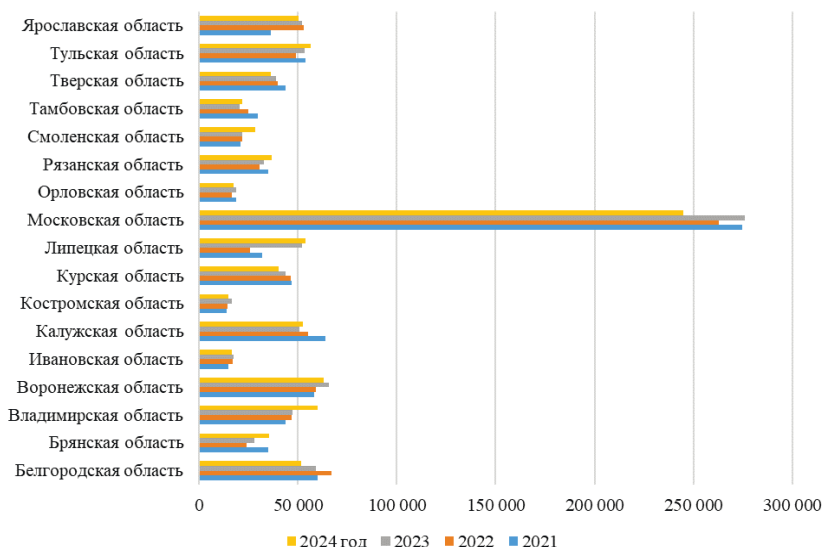

Рис. 2. Динамика численности работников, использовавших в своей работе промышленные роботы / автоматизированные линии, чел. 2021–2024 гг.

Неоднородность динамики показателя по регионам ЦФО свидетельствует не только о специфике стратегий автоматизации отраслей и видов деятельности отдельных регионов, особенностях структуры региональной экономики, но и различиях финансовых, образовательных, бюджетных возможностей регионов.

Среди регионов активной промышленной автоматизации выделяется, безусловно, Московская область, а также Липецкая, Владимирская, Смоленская области. Причем по Московской области наблюдается снижение показателя за рассматриваемый период на 10,8 % – с 274,6 тыс. чел. в 2021 г. до 245,0 тыс. в 2024 г. Однако отрицательный прирост не может трактоваться как негативная тенденция, и объясняться вероятным переходом к более автономным, высокопроизводительным системам, требующим меньшей трудоемкости обслуживания, что свидетельствует о качественных сдвигах в процессах промышленной автоматизации.

Процессы цифровизации охватывают не только производственную сферу, но и являются ключевым аспектом повышения качества, комфорта и удобства жизни людей. Проанализируем динамику использования населением цифровых механизмов получения государственных и муниципальных услуг, что может рассматриваться как оценка уровня формирования у населения новых цифровых компетенций и навыков (табл. 3).

Наблюдается положительная динамика во всех регионах ЦФО, и более высокие темпы роста демонстрируют как раз регионы, имевшие наиболее низкие значения показателя в 2020 г. За рассмотренный пятилетний период вариация показателя существенно снизилась, регионы ЦФО стали более однородны по доступности государственных и муниципальных услуг для населения в цифровом формате. Большинство субъектов ЦФО демонстрируют уровень показателя 83–97 %, что свидетельствует о высокой степени цифровизации процес-

сов предоставления цифровых государственных услуг. Топ-3 регионов: Воронежская (97,2 %), Ивановская (95,4 %) и Московская (95,1 %) области, где достигнут практически максимально возможный охват.

Таблица 3

Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, процентов, год

Регион	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024/2022 гг., +,-
Белгородская область	88,6	91,9	93,2	93,4	93,6	5
Брянская область	81,8	83,3	85,7	87,4	89	7,2
Владимирская область	84,2	83,2	82,7	83	80,7	-3,5
Воронежская область	80,1	91,8	95,8	96,7	97,2	17,1
Ивановская область	93	92,4	88,9	92,4	95,4	2,2
Калужская область	65	74,2	82	81,9	85,5	20,5
Костромская область	68,6	73	74,5	78,1	84,5	15,9
Курская область	75,9	84,6	86,2	86,6	88,8	12,9
Липецкая область	82,3	81,3	82	81,3	84,1	1,8
Московская область	93,4	92,8	92,9	93,3	95,1	1,7
Орловская область	71,4	69,8	76,9	67,6	83,7	12,3
Рязанская область	75	65,7	69,2	67,7	84,3	9,3
Смоленская область	85,8	81,5	84,3	77,1	83,8	-2
Тамбовская область	76,9	85,6	90,4	83,9	85,6	8,7
Тверская область	68,1	55,6	50,6	67,3	84,2	16,1
Тульская область	86,6	88,6	88,9	89,8	91,9	5,3
Ярославская область	84,9	88,5	88,9	91,2	90,6	5,7

Таким образом, мы можем рассматривать человеческий капитал не просто как ключевой индикатор развития регионов, но и ключевой драйвер их экономического роста, обеспечения конкурентоспособности и качества жизни. Все аспекты формирования регионального человеческого E-skills капитала должны быть в фокусе внимания региональных властей, должны формироваться и развиваться условия для обучения, причем всех слоев населения, включая экономические неактивное, стимулирования, удержания талантов.

Это мероприятия, которые содержат в себя процедуры по созданию специализированных образовательных площадок, которые обеспечивают раннюю профориентацию школьников и дают возможность молодежи осваивать востребованные навыки, например технопарки «Кванториум», школы программирования. Немаловажными мероприятиями является реализация грантовой поддержки и стипендиальных программ, которые основаны на внедрении систем персональных цифровых сертификатов, которые позволяют гражданам бесплатно или на условиях софинансирования проходить курсы профессиональной переподготовки [2]. Организация пространств для совместной работы (коворкинги, ИТ-парки) так же способствует формированию профессионального сообщества, обладающего новыми цифровыми компетенциями. Проведение тематических мероприятий – хакатонов, конференций, митапов и профессиональных конкурсов позволяет специалистам обмениваться опытом, находить работодателей внутри региона и повышать свой квалификационный уровень в конкурентной среде. Для вовлечения старшего поколения и жителей удаленных территорий могут быть реализованы программы «Цифровой ликбез» и курсы компьютерной грамотности. Заключение соглашений между региональными правительствами и ведущими технологическими компаниями позволит запустить программы стажировок для студентов. Это обеспечит практико-ориентированность обучения, когда учебные кейсы строятся на реальных задачах регионального бизнеса, что ускоряет адаптацию выпускников к рынку труда.

Литература

1. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 17–20.
2. Андрищенко Г. И., Савина М. В., Хоминич И. П. Анализ факторов, определяющих качество человеческого капитала в условиях цифровизации экономики // КЭ. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/analiz-faktorov-opredelyayuschih-kachestvo-chelovecheskogo-kapitala-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki (дата обращения: 30.04.2026).

3. Вербицкая С. И. Роль человеческого капитала в обеспечении устойчивого развития региональной экономики // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 1, № 5. С. 45–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29319769>

4. Грачев С. А. Оценка величины человеческого капитала регионов на основе многокритериального подхода // Вопросы управления. 2018. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-velichiny-chelovecheskogo-kapitala-regionov-na-osnove-mnogokriterialnogo-podhoda> (дата обращения: 03.05.2026).

5. Мальцев Е. Ю. Методы оценки человеческого капитала организации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 4 (44). С. 374–377.

6. Орлова Е. В. Оценка человеческого капитала предприятия и управление им в условиях цифровой трансформации экономики // Journal of Applied Economic Research. 2021. Т. 20, № 4. С. 666–700.

7. Оценка условий пространственной неоднородности распределения человеческого капитала региона с учетом цифровой трансформации / Е. А. Стряжкова, А. М. Кулик, Н. А. Герасимова, М. В. Тебекин // Научный результат. Экономические исследования. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-usloviy-prostranstvennoy-neodnorodnosti-raspredeleniya-chelovecheskogo-kapitala-regiona-s-uchetom-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 03.05.2026).

8. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 03.05.2026).

УДК 331.101.3:330.342.14(47)

П. П. Люберцев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В РОССИИ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТОВ ПО РЫНКУ ТРУДА

Изучается проблема сохранения трудовой мотивации работников в условиях новой экономической динамики в России. На основе анализа экспертных оценок исследователей рынка труда показано, что кадровый дефицит, цифровизация, структурные изменения занятости и рост неопределенности трансформируют мотивационные установки работников. Обосновывается, что сохранение трудовой мотивации требует сочетания материальных и нематериальных стимулов, учета неоднородности трудового поведения и постоянного социологического мониторинга. Сделан вывод о возрастающей роли экспертного знания в разработке решений в сфере труда и занятости.

Ключевые слова: трудовая мотивация, рынок труда, экспертный анализ, занятость, цифровизация.

P. P. Lyubertsev

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PROBLEM OF PRESERVING LABOR MOTIVATION IN THE CONTEXT OF NEW ECONOMIC DYNAMICS IN RUSSIA: AN ANALYSIS OF LABOR MARKET EXPERT'S ASSESSMENTS

The theses examine the problem of preserving employees' labor motivation in the context of new economic dynamics in Russia. Based on the analysis of expert assessments by labor market researchers, it is shown that labor shortages, digitalization, structural changes in employment and growing uncertainty transform employees' motivational attitudes. It is substantiated that preserving labor motivation requires a combination of material and non-material incentives, consideration of the heterogeneity of labor behavior and constant sociological monitoring. The conclusion is made about the increasing role of expert knowledge in developing decisions in the field of labor and employment.

Keywords: labor motivation, labor market, expert analysis, employment, digitalization.

В современной России проблема сохранения трудовой мотивации приобретает особую значимость в связи с новой экономической динамикой, включающей структурные изменения занятости, кадровый дефицит, цифровизацию труда и перестройку организационных моделей. В этих условиях работодателям уже недостаточно только привлекать работников; ключевой задачей становится удержание их вовлеченности, заинтересованности в результатах труда и готовности адаптироваться к новым требованиям. Поэтому трудовая мотивация все чаще рассматривается не только как объект управления персоналом, но и как предмет экспертного анализа рынка труда.

Методологически важным остается подход В. И. Герчикова, согласно которому мотивация труда носит неоднородный характер и связана с различными типами трудового поведения работников [1]. Данное положение имеет принципиальное значение для экспертного анализа, поскольку позволяет рассматривать снижение или сохранение мотивации не как индивидуальную психологическую проблему, а как результат взаимодействия организационных условий, системы стимулирования и более широкого социально-экономического контекста.

По данным Росстата, в последние годы российский рынок труда характеризуется высоким уровнем занятости населения и низкими показателями безработицы [5]. Однако, как отмечают А. В. Лебедева и Е. Н. Новикова, внешне благоприятные количественные показатели не устраняют внутренних противоречий: сохраняются структурные дисбалансы, профессионально-квалификационные несоответствия и дефицит кадров в ряде отраслей [2]. В такой ситуации трудовая мотивация становится более уязвимой, поскольку работник получает больше возможностей смены места работы, а его ожидания по отношению к условиям занятости возрастают.

Существенное влияние на мотивационные установки оказывает трансформация экономической среды. А. С. Пятякин и П. С. Щербаченко подчеркивают, что изменения, связанные с уходом международных компаний и перераспределением рабочих мест, усилили значимость организационной устойчивости, надежности работодателя и предсказуемости условий труда [4]. Это означает, что в новых условиях работники ориентируются не только на уровень заработной платы, но и на стабильность, социальные гарантии, возможности профессионального развития и доверие к работодателю.

Отдельным фактором изменения трудовой мотивации выступает цифровизация. Л. Г. Титаренко и Р. В. Карапетян показывают, что цифровые процессы изменяют содержание труда, формы коммуникации, механизмы контроля и требования к компетенциям [6]. Для части работников это создает дополнительные возможности самореализации и карьерного роста, однако для других становится источником тревожности, перегрузки и ощущения нестабильности. Следовательно, сохранение трудовой мотивации в условиях цифровизации требует не только технического обновления рабочих процессов, но и продуманного сопровождения работников – обучения, консультативной поддержки и понятных перспектив профессиональной адаптации.

Экспертные оценки показывают, что устойчивость мотивации сегодня все в меньшей степени может обеспечиваться исключительно материальным стимулированием. И. В. Наумчев отмечает, что в современных условиях возрастает значение нематериальных стимулов: признания заслуг, участия в принятии решений, благоприятного психологического климата, возможностей обучения и карьерного продвижения [3]. В этом смысле проблема сохранения мотивации напрямую связана с качеством организационной среды. Даже при относительно конкурентной оплате труда мотивация может снижаться, если работник не видит справедливости, уважения и перспектив развития.

При этом сохранение трудовой мотивации требует учета различий между профессиональными, возрастными и статусными группами работников. Типологический подход В. И. Герчикова показывает, что трудовое поведение определяется различным сочетанием материальных, статусных и содержательных мотивов [1]. Поэтому единая модель стимулирования в современных условиях редко оказывается достаточно эффективной. Для одних работников ключевое значение имеет стабильность занятости, для других – возможности профессионального роста, участия в принятии решений и признания результатов труда. Следовательно, экспертный анализ рынка труда должен учитывать неоднородность мотивационных установок при оценке эффективности организационных практик сохранения персонала.

Таким образом, анализ работ экспертов по рынку труда позволяет сделать вывод о том, что проблема сохранения трудовой мотивации в России определяется комплексом взаимосвязанных факторов: кадровым дефицитом, экономической неопределенностью, цифровизацией, изменением организационной среды и ростом требований работников к качеству занятости [1; 2; 3; 4; 6]. В этих условиях экспертное знание приобретает особую значимость, поскольку

позволяет выявлять риски снижения вовлеченности, текучести кадров и профессионального выгорания еще до того, как они приобретают массовый характер. Следовательно, сохранение трудовой мотивации должно рассматриваться как важная задача социологической экспертизы и как необходимое условие устойчивого развития организаций и рынка труда в целом.

Литература

1. Герчиков В. И. Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании. М. : ИН-ФРА-М, 2008.
2. Лебедева А. В., Новикова Е. Н. Проблемы современного рынка труда в России // Экономический вестник. 2024. № 1 (36). С. 60–69.
3. Наумчев И. В. Нематериальные стимулы и мотивация работников предприятий в современных условиях // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13, № 6. С. 64–70.
4. Пятъякин А. С., Щербаченко П. С. Трансформация рынка труда России в условиях ухода международных компаний // Вестник Евразийской науки. 2025. Т. 17, № 1. URL: <https://esj.today/PDF/67ECVN125.pdf> (дата обращения: 03.05.2026).
5. Росстат. Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 04.05.2026).
6. Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В. Теоретическая и эмпирическая модели влияния процессов цифровизации на трудовую деятельность // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2022. Т. 12, № 1. С. 65–73.

УДК 316.334.22

Е. А. Алексеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ОТ ПРЕКАРИЗАЦИИ К СТАБИЛЬНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ СМЕНЫ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОИСКАТЕЛЕЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Анализируется динамика предпочтений соискателей в отношении форм занятости на российском рынке труда в период 2023–2026 гг. На основе агрегированных данных Росстата, сервиса статистики hh.ru, аналитического сервиса СБЕР Бизнес Live, отраслевых опросов и авторских эмпирических наблюдений демонстрируется переход от стратегий временной прекаризации к запросу на стандартные трудовые отношения. Выявлено, что несмотря на рост доступности цифровых платформ, медианные доходы фрилансеров остаются существенно ниже заработков в традиционном секторе, а институциональная нестабильность стимулирует возврат к найму. Обсуждается сдвиг в ценностном континууме «безопасность–свобода» в сторону стабильности, что подтверждается ростом числа активных резюме, сокращением вакансий и качественными данными о временном характере фриланс-стратегий.

Ключевые слова: наемные работники, традиционная занятость, неустойчивая занятость, фриланс, прекарная занятость, трудовые траектории, hh.индекс.

E. A. Alekseeva

Kazan Federal University, Kazan

FROM PRECARIETY TO STABILITY: ECONOMIC MOTIVES FOR CHANGING JOB SEEKERS' PREFERENCES IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

The article analyzes the dynamics of job seekers' preferences for employment forms in the Russian labor market in the period 2023–2026. Based on aggregated data from Rosstat, the hh.ru statistics service, the SBER Business Live analytical service, industry surveys, and the author's empirical observations, the article demonstrates the transition from temporary precariousness strategies to a demand for standard employment relationships. It reveals that despite the increasing availability of digital platforms, the median income of freelancers remains significantly lower than in the traditional sector, and institutional instability encourages a return to employment. The shift in the security-freedom value continuum towards stability is discussed, which is supported by an increase in the number of active resumes, a decrease in job vacancies, and qualitative data on the temporary nature of freelance strategies.

Keywords: employees, traditional employment, unstable employment, freelancing, precarious employment, labor trajectories, hh.index.

Постпандемийные трансформации и макроэкономические изменения последних лет радикально модифицировали институт трудовых отношений. За внешним фасадом адаптивности рынка наблюдаются глубинные сдвиги в ценностных ориентациях, трудовых стратегиях и ожиданиях всех его участников. Трудовые отношения как социальный институт демонстрируют признаки повышенной ломкости и институциональной нестабильности [1]. В новые условия вошел рынок труда с началом специальной военной операции. В целом в последние годы на фоне катастрофической нехватки кадров в традиционных секторах экономики, продолжает возрастать вариативность нестандартной занятости, развиваются фриланс и платформенные трудовые отношения.

В качестве теоретического обоснования трансформации трудовых отношений используется континуум «безопасность – свобода» (З. Бауман), позволяющий интерпретировать трудовые стратегии соискателей в условиях институциональной ломкости рынка труда [2]. Анализ опирается на дуальную модель рынка труда, где, с одной стороны, присутствуют традиционные трудовые отношения, предоставляющие стабильную занятость и дающие возможность придерживаться традиционных трудовых стратегий; а с другой стороны: концепция прекаризации, в которой нестандартная занятость рассматривается не как временная аномалия, а как системный институт с практически не ограниченной мобильностью. Цифровые форматы занятости становятся все более доступными, предъявляя минимальные требования к соискателям, что нивелирует социально-демографические различия, однако высокая конкуренция среди исполнителей в долгосрочной перспективе снижает стоимость услуг, что снижает качество труда и в целом увеличивает его прекарность.

В современной России прекарная занятость является устойчивым профессиональным сектором, по состоянию на ноябрь 2025 г. согласно данным национальной гильдии фрилансеров для 78 % зарегистрированных специалистов фриланс – это основной вид заработка. Однако треть опрошенных имеют доход ниже 30 тыс. руб. в месяц, а еще четверть от 30 тыс. до 60 тыс. руб. в месяц. По сравнению с 2025 г. лишь у каждого пятого доход вырос, у подавляющего большинства уровень дохода снизился или остался на прежнем уровне [7].

Иначе обстоят дела с уровнем дохода в стандартной занятости: катастрофическую нехватку персонала больше половины малого и среднего бизнеса решают через повышение заработной платы, особенно замеры роста в отраслях с наибольшим кадровым дефицитом, таких как промышленность, строительство, ЖКХ. По итогам 2025 г. Росстат отмечает рост как номинальной, так и реальной заработной платы (на 13,5 и 4,4 % соответственно) [4]. По итогам первых двух месяцев 2026 г. Росстат также отмечает рост реальных заработных плат на 8,6 %.

Материальный мотив как наиболее действенный оказал влияние на поведение соискателей, что наглядно демонстрируют данные аналитики рабочего портала hh.ru: в марте 2026 г. индекс достиг соотношения активных резюме к активным вакансиям (hh.индекс) составляет 11,4 пункта, что соответствует высокому уровню конкуренции среди соискателей и рынку работодателя. Количество активных вакансий снизилось на 27 % г/г, тогда как активность соискателей выросла на 41 % [6]. Год назад, в марте 2025 г., индекс hh.индекс составлял 5,9 пункта, что свидетельствовало об умеренной конкуренции, а в январе 2023 г. данный показатель соответствовал нулю, а в отдельных регионах и отраслях имел отрицательные значения [6].

В соответствии с этим традиционный сектор демонстрирует устойчивую восходящую динамику. Макростатистика Росстата фиксирует первые признаки этого тренда еще в I квартале 2024 г., когда численность наемных работников выросла на 0,9 % впервые с 2020 г. [6].

Качественные данные дополняют количественную картину. Глубинные интервью 2023 г. выявили устойчивую практику использования фриланса как временной, инструментальной стратегии на период поиска основной работы в традиционном найме [1]. Это свидетельствует о том, что для значительной части соискателей платформенная занятость выполняет функцию «буфера», а не конечной карьерной цели.

Сдвиг в сторону стандартной занятости интерпретируется не как отказ от гибкости, а как рациональная адаптация к рискам прекаризации. Континуум «безопасность – свобода»

смещается в сторону безопасности: фриланс, сопряженный с отсутствием оплачиваемого отпуска, больничных, пенсионных отчислений и алгоритмическим управлением, теряет привлекательность для работников с устойчивым человеческим капиталом и семейными обязательствами. При этом свободная занятость не исчезает как форма, но трансформируется в нишевую или комплементарную стратегию, интегрированную в гибридные трудовые траектории.

Анализ данных 2023–2026 гг. подтверждает гипотезу о смене вектора трудовых отношений: от нормализации прекаризации к стратегическому возврату в стандартный найм. Рост числа активных резюме при сокращении вакансий, устойчивый разрыв в доходах между секторами, первые положительные сигналы Росстата по численности наемных работников и качественные свидетельства о временном характере фриланс-стратегий формируют единую картину институционализации традиционных трудовых отношений. Для социологии труда это означает необходимость смещения исследовательского фокуса с изучения «платформенной революции» на анализ механизмов рестабиллизации занятости, включая роль работодателей в формировании новых стандартов удержания кадров и адаптации институтов социального страхования к гибридным форматам. Перспективные исследования требуют интеграции лонгитюдных данных и углубленного анализа региональных рынков, где тренды могут проявляться с различной интенсивностью в зависимости от отраслевой специализации и миграционных потоков.

Литература

1. Алексеева Е. А. Рынок труда: стратегия временного фриланса (на примере города Казань) // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии : VI Междунар. конф. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2023. С. 365–368.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
3. Сизова И. Л., Григорьева И. А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. № 1, Т. 25. С. 48–71.
4. В России средние зарплаты по итогам 2025 года выросли на 13,5 %. 13.03.2026 // TACC Медиа. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26749139> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Каким стал 2025 год для малого и среднего бизнеса: исследование Сбера. 22.12.2025 // СБЕР Бизнес Live. URL: https://sberbusiness.live/spetsproekty/issledovanie-prim?spm=a2ty_o0l.29997173.0.0.2e0855fb4rhlY8 (дата обращения: 30.04.2026).
6. Обзоры рынка труда // НН Статистика. URL: <https://stats.hh.ru/review> (дата обращения: 30.04.2026).
7. Фриланс в 2025: время профессионалов и устойчивых практик. 19.11.2025 // Национальная Гильдия Фрилансеров. URL: <https://xn----8sbgbfirbb0aezowfo9bxjnc.xn--p1ai/post/frilans-v-2025-vremya-professionalov-i-ustoychivyh-praktik--143> (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 331.548

Е. В. Маслова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВЫБОР РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ МОЛОДЕЖЬЮ: АКТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Анализируются факторы, связанные с проблемой выбора рабочих специальностей молодежью в современных условиях. Выявляются актуальные направления работы в области привлечения молодежи в рабочие профессии.

Ключевые слова: рабочие профессии, молодежь, адаптация, программа наставничества.

E. V. Maslova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CHOICE OF WORKING PROFESSIONS BY YOUNG PEOPLE: CURRENT FACTORS

The article analyzes the factors related to the problem of young people choosing working specialties in modern conditions. It identifies relevant areas of work in attracting young people to working professions.

Keywords: working professions, youth, adaptation, mentoring program.

В настоящее время сложно не заметить, что особое внимание к рабочим профессиям уделяется не только в индустриальных регионах, но и по всей стране в целом. Об этом свидетельствуют ряд принятых в последние годы правительственных документов. Подготовка высококвалифицированных рабочих по востребованным направлениям – одна из важнейших задач стартовавшего в 2022 г. федерального проекта «Профессионалитет». Одну из ключевых ролей в государственной стратегии играет повышение престижа данных специальностей, с 1 января 2025 г. эти мероприятия проводятся в рамках федерального проекта «Человек труда» [3].

По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в декабре 2025 г., 72 % россиян считают труд рабочего престижным, однако выбрать рабочую профессию для себя готовы только 38 % граждан (среди молодежи от 14 до 35 лет этот показатель равен 35 %) [4]. Эти результаты указывают на то, что стереотипный образ «непрестижности» рабочих специальностей уходит в прошлое, в то же время видно, что молодежь не проявляет высокую активность к выбору для себя указанных направлений. По данным другого опроса ВЦИОМ, проведенного в июле того же года, ключевыми факторами, определяющими престижность работы являются: высокая оплата труда (92 %), социальная значимость (80 %) и гарантированная занятость (78 %) [5]. Учитывая результаты декабрьского опроса, можно сделать вывод о том, что для увеличения спроса на рабочие специальности среди молодежи необходимо рассматривать и другие факторы мотивации, находящиеся, в том числе, за рамками ключевых факторов престижности.

Из результатов опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2026 г., на тему «За пределами зарплат: формула лояльности для молодых» одним из основных ожиданий при устройстве на свою первую работу молодые люди указывают – дружелюбный коллектив и комфортную атмосферу (50 %), а также помощь наставника в развитии компетенций (35 %) [6]. В статье Е. А. Филяниной «Современные проблемы привлечения молодых специалистов на промышленное предприятие» особое внимание уделяется проблеме боязни студентов при устройстве на работу не справиться с должностными обязанностями и негативной реакции коллег, в связи с этим существенной необходимостью разработки системы наставничества [1]. Исходя из вышесказанного, можно считать, что особым фактором привлечения молодежи в рабочие профессии может стать детальная разработка на предприятии программы наставничества, для успешного освоения компетенций, в том числе комфортной адаптации в коллективе молодого работника.

Нельзя забывать и о важности того, каким образом могут выстроиться отношения между самим наставником и учеником. Комфортная атмосфера и успешная адаптация в коллективе начинается с комфортного сотрудничества молодого работника со своим наставником. По результатам исследования в статье В. П. Вейдта «Опыт реализации программы наставничества: взгляд наставника и наставляемого» было выявлено, что программа обучения самих наставников должна содержать модули посвященные психологии выстраивания доверительных и уважительных отношений между наставником и наставляемым [2]. Таким образом, важным фактором в успешной реализации системы наставничества для молодых рабочих, может являться разработка системы обучения и самого наставника.

Рассмотрим следующий вопрос, а откуда молодой человек может получить информацию о имеющейся на предприятии системе наставничества? Необходимо учитывать тот факт, что для современного молодого поколения основным источником информации является интернет, а ключевой источник информации о предприятии в этом поле – это сайт. В статье Е. А. Филяниной было выявлено, что отсутствие визуально понятного сайта компании с описанными преимуществами работы в ней, является одной из ряд проблемных полей, связанных с реализацией процессов привлечения и удержания молодых сотрудников [1]. С учетом этих утверждений нельзя недооценивать роль сайта компании.

Исходя из вышесказанного, можно считать, что одну из ключевых ролей в привлечении молодежи в рабочие профессии может играть хорошо разработанный сайт предприятия. При этом сайт должен содержать развернутую информацию о разработанной на предприятии программе наставничества, обеспечивающей успешное освоение компетенций и комфортную адаптацию в коллективе молодого работника, а сам наставник должен быть подготовлен к успешному взаимодействию с учеником.

Литература

1. Филянина Е. А. Современные проблемы привлечения молодых специалистов на промышленное предприятие // Современные проблемы менеджмента : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб. : С.-Петерб. гос. электротехн. ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2023. С. 199–200.
2. Вейдт В. П. Опыт реализации программы наставничества: взгляд наставника и наставляемого // Калининградский вестник образования. 2024. № 4 (24). С. 4–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-programmy-nastavnichestva-vzglyad-nastavnika-i-nastavlyаемого/viewer> (дата обращения: 01.05.2026).
3. Человек труда // Национальные проекты. URL: <https://xn--80aарampemecchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/kadry/chelovek-truda/?ysclid=magqv80lmo860550095> (дата обращения: 01.05.2026).
4. Рабочие профессии: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabochie-professii-monitoring> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Профессия: рабочий // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-rabochii> (дата обращения: 01.05.2026).
6. За пределами зарплаты: формула лояльности для молодых // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-predelami-zarplaty-formula-lojalnosti-dlja-molodykh> (дата обращения: 01.05.2026).

УДК 316.453

К. М. Павлова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СПЕЦИФИКА ТРУДА ПСИХОЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается специфика труда психологов как социально-профессиональной группы в современном российском обществе. Представлены результаты пилотажного исследования, в рамках которого изучены трудовые функции психологов в связи с турбулентными событиями шокового характера, характерными для современной России и мира.

Ключевые слова: психологи, социально-профессиональная группа, социальная турбулентность.

K. M. Pavlova

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICS OF THE WORK OF PSYCHOLOGISTS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article examines the specifics of the work of psychologists as a socio-professional group in modern Russian society. The author of the article describes the results of a pilot study, within the framework of which the work functions of psychologists were investigated in connection with turbulent events of a shock nature, characteristic of modern Russia and the world.

Keywords: psychologists, socio-professional group, social turbulence.

Труд психологов, как социально-профессиональной группы, востребован в современной России. Об этом говорят различные исследования, проводимые крупными экспертно-аналитическими центрами. Так, согласно исследованию ВЦИОМ, в 2022 г. индекс востребованности психологической помощи составил 23 пункта из 100 и за два года увеличился на 7 позиций [1]. Также в рамках этого исследования выявлено, что на 3 % уменьшилось количество респондентов, которые не имени опыта обращения к психологу.

Эта тенденция во многом определяется особенностями настоящего времени. Быстрый ритм жизни, высокий уровень неопределенности, нестабильности, обострение внешнеполитической обстановки, социальные, экономические, личные проблемы. Современный человек живет в тревоге и регулярно переживает стресс, что подтверждает исследование, проведенное фондом Общественное Мнение, в июне 2024 г. Тяжело переживают стресс 23 % респондентов, в особенности это люди старше 60 лет (33 %) и в возрасте 46–40 лет (26 %) [2]. Со-

гласно исследованию ВЦИОМ, по состоянию на 2025 г., переживают стресс несколько раз в месяц 37 % россиян [3].

С целью выявления и анализа особенностей труда психологов как социально-профессиональной группы в современном российском обществе с мая по ноябрь 2025 г. нами было проведено пилотажное исследование путем онлайн-опроса среди жителей Иркутской области. Количество респондентов составило 335 чел. В опросе приняли участие 74 % респондентов женского пола и 26 % респондентов мужского пола. 42 % респондентов имеют высшее образование, 20 % – неоконченное высшее, 16 % среднее профессиональное, 21 % – среднее общее образование и 1 % – ученую степень. Являются жителями городов 90 % опрошенных, проживают в сельской местности – 10 %.

Нами было выявлено, что 65 % респондентов считает обращение за помощью психолога нормой. При этом большинство опрошенных (41 %) отмечает, что доверие к психологам в современном российском обществе скорее не сформировано. Это подтверждает факт наличия стигматизации профессии и недостаточной осведомленности населения о содержании деятельности психологов и эффективности их труда.

Респондентам было предложено проанализировать какие события тревожного, шокового характера, происходящие в России и в мире в настоящее время, влияют на формирование новых трудовых функций психологов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие события, происходящие в России и в мире, по Вашему мнению, повлияли на формирование новых трудовых функций психологов?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля, %
1	Проведение Специальной военной операции	274	28,6
2	Пандемия COVID-19	184	19,2
3	Обострение международной обстановки	181	18,8
4	Мировой экономический и финансовый кризис	154	16,0
5	Углубление социального неравенства	132	13,8
6	Затрудняюсь ответить	26	2,8
7	Другое (а именно: «все варианты» – 3, «развитие интернета, кибербуллинг» – 2, «ограниченные возможности здоровья» – 1, «новые поколения» – 1)	7	0,8
	Всего	958	100

Согласно мнению участников опроса, на формирование новых трудовых функций психологов наиболее существенно повлияли: проведение Специальной военной операции (28,6 %), пандемия COVID-19 (19,2 %), обострение международной обстановки (18,8 %). Также 16,0 % респондентов говорят о влиянии мирового финансового кризиса и 13,8 % участников опроса отмечают значение углубления социального неравенства в процессе формирования новых трудовых функций психологов. Также респонденты отмечают влияние активного развития и распространения интернет-технологий, и, как следствие, появление травли в интернете, распространение ложной информации, ограниченные возможности здоровья людей, смена поколений.

В условиях информационного общества и глобальной нестабильности от психологов требуется высокая адаптивность, умение подстраиваться под запросы социума, расширять профессиональные навыки и компетенции. Особенно актуальными навыками и профессиональными функциями психологов в настоящее время, по мнению респондентов являются навыки работы с посттравматическим стрессовым расстройством (20,1 %), навыки работы с переживанием острого горя (18,2 %), навыки оказания экстренной психологической помощи (17,0 %). Таким образом, современные психологи должны быть готовы к экстренному включению в работу по оказанию психологической помощи, а также должны уметь найти подход к проблемам людей в сложных эмоциональных состояниях (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из перечисленных функций психологов, по Вашему мнению, наиболее важны и востребованы в настоящее время?», в %

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во ответов	Доля, %
1	Навыки работы с посттравматическим стрессовым расстройством	261	20,1
2	Навыки работы с переживанием острого горя	236	18,2
3	Навыки оказания экстренной психологической помощи	220	17,0
4	Навыки работы с комбатантами (участниками боевых действий)	219	16,9
5	Навыки работы с кризисными состояниями	203	15,7
6	Навыки паллиативной помощи (работа с неизлечимыми больными)	139	10,7
7	Загрудняюсь ответить	19	1,4
	Всего	1297	100,0

По мнению участников опроса, группами населения, которые наиболее нуждаются в психологической помощи и поддержке являются подростки (20,1 %), участники Специальной военной операции (17,6 %), семьи и близкие люди участников Специальной военной операции (16,4 %), тяжелобольные люди (13,5 %), молодые семьи (11,8 %). Помимо этого, респонденты упоминают, что психологическая помощь нужна всем людям в целом, людям, перенесшим насилие, родителям школьников, семейным парам.

Также респонденты отмечают, что труд психологов наиболее востребован в системе образования на всех уровнях от дошкольного до высшего (26,8 %). При этом работа с психологом должна осуществляться не только с детьми, но и с родителями и педагогами. Второй по востребованности психологической помощи сферой стала сфера здравоохранения (15,2 %), где требуется оказание помощи как пациентам, так и специалистам-медикам, которые в силу специфики профессиональной деятельности часто сталкиваются с выгоранием. 13,2 % опрошенных отмечают необходимость труда психологов в силовых структурах (военные части, полиция, МЧС), что, прежде всего обусловлено проведением Специальной военной операции. Социальная сфера, помощь незащищенным слоям населения, людям в сложной жизненной ситуации отмечена 11,4 % участников опроса. О том, что психологи нужны во всех сферах заявляет 10,3 % респондентов. Сфера семейных отношений требует включенности психологов согласно мнению 5,7 % опрошенных. Представители профессий с высоким уровнем стресса (руководители, менеджеры высшего звена, вахтовики, спасатели и т. д.) нуждаются, в работе с психологом по мнению 4 % респондентов. Кроме вышеперечисленных сфер, участниками опроса также были названы сферы бизнеса, политики и управления, спорта, трудовых отношений, личной жизни, трудоустройства, трудовых отношений, профориентации.

Проанализировав данные опроса, мы видим, что регулярно происходящие тревожные события сказываются на психологическом и эмоциональном благополучии граждан. Все чаще люди выбирают не справляться с трудностями самостоятельно, а прибегают к специализированной помощи. Деятельность психологов является востребованной во многих сферах и становится неотъемлемой частью современной жизни, новой социальной нормой. При этом содержание труда психологов меняется, расширяется функционал и специфика работы.

Литература

1. Индекс потребности россиян в психологической поддержке // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/index-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 12.05.2025).
2. Профессиональная психологическая помощь // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15043> (дата обращения: 19.11.2024).
3. Стресс и как с ним бороться // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya> (дата обращения: 01.12.2025).

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ В ФОКУСЕ
ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ**

Рассматривается применение инновационных образовательных технологий в контексте их эффективности для подготовки медицинских кадров (студентов, ординаторов, аспирантов). Приводятся результаты авторского исследования влияния инновационных приемов обучения на качество профессиональной подготовки врачей-педиатров. Излагаются связанные с этим ключевые проблемы и вызовы, а также предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: инновационные технологии обучения, качество подготовки врачей-педиатров.

V. G. Nazaretyan, P. V. NazaretyanKuban State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Krasnodar**ASSESSMENT OF THE QUALITY OF MEDICAL STAFF TRAINING
IN THE FOCUS OF INNOVATIVE TRAINING TECHNOLOGIES**

This article examines the use of innovative educational technologies in the context of their effectiveness in training medical personnel (students, residents, and postgraduate students). It presents the results of the author's study on the impact of innovative teaching methods on the quality of professional training for pediatricians. The key issues and challenges associated with this are outlined, along with some suggested solutions.

Keywords: innovative teaching technologies, quality of training of pediatricians.

Система высшего образования как ключевой экспертный институт многократно усиливает свою роль в условиях современных турбулентных вызовов и угроз. Особую значимость в данном контексте приобретает качество подготовки высококомпетентных специалистов нового уровня, в том числе медицинского профиля.

Конструктивное решение стоящей задачи, несомненно, связано с применением инновационных образовательных технологий, что активно продвигается в вузовской системе в последние десятилетия. Инновационные технологии – основной инструмент современной образовательной парадигмы: они обеспечивают поступательное профессиональное развитие, устойчивую динамику траектории образования в направлении повышения его качества и мировой конкурентоспособности, соответствия лучшим глобальным стандартам [8].

Медицина постоянно развивается, повсеместное проникновение в нее инновационных технологий меняет (порой кардинально) подходы к диагностике, профилактике и лечению болезней. Прогрессивное развитие медицины соответствует целям и стратегии национальной безопасности России, в том числе поступательной динамике ее ведущих экспертных институтов.

В последние годы применение инновационных образовательных технологий стало весьма распространено, а их внедрение ныне – обязательный элемент учебного процесса, реализуемый по принципу «чем больше, тем лучше». Использование таковых регламентируется образовательными стандартами, нормативными положениями, инструкциями и проч., возводя в ранг «всеобщего обязательного охвата». Более того, труд педагогического состава оценивается по критериям использования инновационных технологий в учебном процессе и всемерно стимулируется их постоянное наращивание.

Однако насколько эффективно настойчиво-безусловное внедрение новых технопродуктов в образовательном деле, и каково их реальное влияние на результаты подготовки медицинских кадров?

Актуальность использования прогрессивных достижений в образовательной сфере никоим образом не оспаривается, однако влияние инструментов обучения (а технологии таковыми являются) на заданный результат – качество подготовки специалистов (именно это

выступает конечной целью) остается зачастую абстрактно-описательной категорией, лишенной исследовательской, а, следовательно, доказательной научной базы. Кроме того, категория «качество обучения» не поддается абсолютной квалиметрической оценке и может быть измерена опосредованно относительными, приближенными к поставленной цели средствами, что обуславливает определенную умозрительность выносимых заключений [3].

На наш взгляд, обозначенная проблема усугубляется совокупным влиянием следующих взаимосвязанных факторов в данной области:

- непроработанность верифицированных методик исследования;
- ограниченность прикладных и научных исследований;
- отсутствие критериальной основы оценки корреляционной связи между применяемыми технологиями и качеством подготовки;
- недостаточная технократическая подготовленность обучающихся и обучаемых;
- явные «перегибы» в пользу инновационных технологий в ущерб академическим, классическим методикам обучения;
- неоднозначность и субъективизм оценочных суждений относительно качества образования и влияния на него используемых технологий и др.

В контексте поиска решения обозначенной проблемы нами предпринята попытка установить корреляционную связь инновационных технологий обучения и качества профессиональной подготовки врачей-педиатров.

С целью повышения достоверности результатов в основу проведенного исследования были положены два метода:

- 1) анкетный опрос студентов, преподавателей и практиков;
- 2) анализ результатов успеваемости по итогам экзаменационной сессии 2026/2027 уч. года.

Представляется, что именно такой подход, используемый в менеджменте здравоохранения по принципу «360 градусов», позволяет наиболее корректно реализовать цели исследования и обеспечивает достоверность результатов.

Исследование проводилось в период января-февраля 2026 г., всего в нем приняло участие 142 чел., из них 108 студентов, 18 преподавателей, 16 практиков. Анкетирование проводилось анонимно для обеспечения объективности данных. Использовалась стандартная анкета Т. А. Зинченко, Н. П. Подлесных и др. [1], адаптированная нами к целям исследования.

В результате выявлены следующие доминирующие тенденции:

- 82 % респондентов положительно оценивают уровень применения мультимедийных средств, онлайн-платформ (Moodle, Zoom и др.) в учебном процессе;
- 76 % высказались в пользу применения моделирующих технологий, дискуссий, кейс-методов, проектной деятельности;
- 72 % опрошенных отметили удобство доступа к электронным образовательным ресурсам.

При этом только 28 % респондентов отметили возможность индивидуализации технологий обучения в соответствии с индивидуальными особенностями обучающихся.

Неоднозначная корреляция выявлена по критерию объективности оценки знаний: мнения разделились по 50 % в ясности критериев оценки и справедливости оценки знаний.

В целом почти единогласны опрошенные в том, что инновационные технологии обучения повышают интерес к учебе, способствуют активизации познавательной деятельности, раскрытию творческого потенциала, стимулируют углубление профессиональных знаний у обучающихся, а также повышают научно-педагогический уровень преподавательского состава. В совокупности это способствует повышению общей удовлетворенности процессом и качеством образования.

Подытоживая, можно утверждать, что применение инновационных технологий весьма значимо для решения профессиональных задач и достижения целей образовательных программ.

Интерпретация полученных результатов исследования позволила нам представить наиболее эффективные виды современных технологий, направления их использования, а

также связанные с этим ключевые проблемы и варианты их устранения применительно к системе профессиональной подготовки врачей-педиатров.

1. Онлайн-обучение и электронные платформы.

Доступ к различным теоретическим и практическим материалам по педиатрии в любое время и из любого места предоставляют современные широко востребованные среди студентов всех курсов обучающие интернет-платформы, такие как Coursera, MedU, e-Learning, позволяющие участвовать в видеолекциях, тестировании, виртуальных симуляциях. Также заметную роль в профессиональной подготовке педиатров играют вебинары, online конференции, диспуты, способствующие профессиональному общению, обмену опытом, приращению знаний без физического присутствия. Особенно актуальной такая возможность становится в условиях геополитических ограничений в международном масштабе.

Неоспоримым преимуществом такого подхода также является индивидуализация и гибкость обучения согласно способностям, возможностям и потребностям обучающегося [7].

2. Симуляционное обучение и виртуальная реальность.

Интерактивные симуляторы и мультимедийные модели позволяют будущим врачам (равно как и молодым специалистам) обретать опыт и профессиональные навыки без риска нанести ущерб здоровью пациентов. Например, виртуальные модели детей с различными заболеваниями помогают развивать клиническое мышление и навыки принятия решений.

Технологии VR (виртуальной реальности) и AR (дополненной реальности) предоставляют новые возможности для получения, совершенствования и проверки профессиональных навыков, а также для понимания анатомии и физиологии человека. Использование компьютерных симуляций помогает обучающимся наблюдать за сложными процессами и понимать их, что повышает качество подготовки и уровень уверенности будущих педиатров в собственных профессиональных навыках [2].

3. Искусственный интеллект и аналитика данных.

Национальная стратегия РФ по развитию искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 г. основными задачами определяет следующее: поддержка научных исследований для опережающего развития ИИ, разработка программных продуктов на основе ИИ, повышение доступности и качества данных и аппаратного обеспечения, подготовка квалифицированных кадров, повышение уровня информированности населения и создание системы регулирования общественных отношений. В этом документе ИИ-технологии включают в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и т. д. [5]

Искусственный интеллект используется для анализа прогресса обучающихся педиатрии и адаптации образовательных программ под индивидуальные потребности. Такой подход повышает эффективность освоения материала и стимулирует самостоятельность студентов, а на более продвинутом уровне (ординатура, аспирантура) ИИ-ресурсы способствуют правильной диагностике сложных состояний, получению необходимой дополнительной информации, выступая тем самым важным инструментом наращивания профессиональных компетенций.

4. Телемедицина и дистанционная подготовка.

Достижения в области телемедицины и дистанционного общения расширяют границы для совместных консультаций и обмена опытом. Удаленное обучение в режиме реального времени значительно расширяет возможности профессионального роста, что особенно ценно для специалистов в регионах с ограниченными ресурсами [6]. Важно подчеркнуть, что дистанционные стажировки для ординаторов и аспирантов, предлагаемые многими медицинскими вузами и клиниками, способствуют повышению их квалификации и освоению передовых методов диагностики и лечения.

Несмотря на все преимущества, внедрение современных технологий может столкнуться с рядом проблем, основные из которых следующие:

1. Отсталость инфраструктуры медицинских учреждений и учебных заведений (низкая гибкость при адаптации инновационных технологий).

Необходимо модернизировать инфраструктуру в сфере, разработав и реализуя долгосрочную программу, включающую мониторинг текущего состояния и потребностей образования, приоритезацию задач, поиск внешнего финансирования (грантов, инвестиций, государственной поддержки), модульный подход в проектировании и строительстве, интеграцию автоматизированных и энергоэффективных решений. Здесь потенциально выгодным видится партнерство с технологическими компаниями, тестирование и внедрение новых технологий в пилотном режиме.

2. Уязвимый уровень безопасности и конфиденциальности данных.

Требуется создание строгой политики безопасности, охватывающей все аспекты обработки данных (сбор, хранение, использование, передачу). Поддержку в реализации такой политики должен оказывать регулярный ее аудит и обновление. Основными инструментами в данном пункте выступают надежные методы шифрования, многофакторная аутентификация, системы обнаружения подозрительной активности и предотвращения вторжений, резервное копирование и восстановление данных, тренинги и тестирования по кибербезопасности. При этом требования законодательства в области защиты данных необходимо постоянно и полностью соблюдать.

3. Недостаточная подготовка преподавателей к использованию новых инструментов.

Целесообразно разработать массивную программу повышения квалификации, ориентированную на практическое использование преподавателями новых технологий, вмещающую регулярные семинары и вебинары по освоению новых инструментов и методик, менторство и коучинг (опытные сотрудники помогают коллегам в освоении инноваций), формирование сообщества для обмена опытом и распространения лучших практик, обеспечение стабильной технической поддержки и доступа к необходимым ресурсам (в том числе через инструкции, руководства, видеоуроки). Существенную продуктивность демонстрирует поощрение преподавателей, активно использующих современные технологии в работе.

4. Усиление распространения устаревшей или сфабрикованной информации.

Ключевым фактором противодействия негативному влиянию современных технологий здесь является развитие у учащихся критического мышления и медиаграмотности для формирования умения компетентно оценивать источники информации [9]. Важно эти навыки культивировать и у педагогов, чтобы они могли эффективно ориентировать своих студентов в нынешнем информационном потоке. Так постепенно лишние данные в нем сгруппируются в условный «отсев», а цифровые системы перестанут использовать их при автоматической генерации контента.

5. Нарушение баланса между виртуальным и реальным обучением.

Следует аккуратно интегрировать виртуальное обучение в классический образовательный процесс. Виртуальные инструменты должны служить дополнением к подготовке и проведению занятий, а не заменой им. При внедрении упомянутых технологий нужно постоянно собирать и анализировать обратную связь (от студентов и преподавателей) для своевременной корректировки и улучшения учебного процесса. Ориентиром на выходе служит удобный и эффективный гибридный формат, сочетающий дистанционное обучение с оффлайновым, цифровое взаимодействие с «живым», аналоговым [4].

Важно понимать, что решение всех этих проблем требует системного подхода. Необходимо в комплексе разработать управленческую стратегию модернизации обучения, определить ее приоритеты, выделить согласованные с потребностями ресурсы и привлечь к ключевым этапам квалифицированных в данных областях экспертов. Разумеется, для претворения в жизнь даже самого совершенного плана в сфере образования требуется вовлеченность и заинтересованность всех сопряженных сторон: руководства учреждений, преподавателей, студентов, IT-специалистов и др.

Резюмируем, что современные технологии в значительной степени обогатили систему профессиональной подготовки медицинских кадров, сделав ее более эффективной, гибкой и доступной. Их внедрение позволяет трансформировать знания в устойчивые навыки и компетенции при решении сложных профессиональных задач и в целом обеспечивают поступательную динамику траектории образования в направлении повышения его качества.

Внедрение электронных платформ, симуляционного обучения, искусственного интеллекта и телемедицины открывает новые горизонты для повышения квалификации будущих специалистов, а, следовательно, и качества оказания медицинской помощи. Уже в ближайшие десятилетия ожидается углубление развития этих технологий, что позволит формировать качественно иные кадры, способные на порядок успешнее решать трудные медицинские задачи и обеспечивать здоровье населения в соответствии с национальными приоритетами.

Литература

1. Алламуратова Х. Н. Цифровая трансформация образования и развитие критического мышления: структура современных педагогических технологий // Проблемы современного образования. 2025. № 3. С. 189–195.
2. Колесникова С. Г., Горюнов А. А. Роль современных информационных технологий в системе образования // Синергия. 2024. № 1-2. С. 22–28.
3. Назаретян В. Г., Назаретян П. В. Применение современных технологий в системе профессиональной подготовки педиатров // Инновации в образовании : материалы 16-й Международной научно-методической конференции. Краснодар, 2026. С. 329–334.
4. Назаретян В. Г., Хохлова Т. П. О роли историко-биографического метода обучения в контексте вызовов нового времени // Научные школы Кубани в истории современности: роль педагога и наставника : материалы Междунар. науч.-практ. конф.. 2023. С. 221–224.
5. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования / В. И. Токтарова, О. Г. Попова, И. И. Сагдуллина, В. А. Белянин // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17, № 2 (50). С. 210–220.
6. Шубин Л. Б., Плещев И. Е. Этика использования современных технологий в медицинском образовании // Биоэтика. 2025. Т. 18, № 2. С. 36–41.
7. Применение современных информационных технологий в образовательном пространстве медицинского университета / В. Н. Фирсова, В. А. Шашель, В. Г. Назаретян, Н. П. Фирсов, П. В. Левин // Инновации в образовании : материалы XIII Междунар. учеб.-метод. конф. Краснодар, 2023. С. 719–724.
8. Хохлова Т. П. Конкуренция – это неперемное условие, при котором мы можем войти в мировое рыночное хозяйство // Советская торговля. 1993. № 8. С. 4–7.
9. Хохлова Т. П., Назаретян П. В. Компетентный подход в управлении социальными системами // Экономика: теория и практика. 2018. № 3 (51). С. 94–99.

УДК 65.011.56

Л. Л. Мухамедова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В КАДРОВОЙ СТРУКТУРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Рассматривается актуальность внедрения кадрового электронного делопроизводства, анализируются проблемы цифрового доверия, а также риски и последствия, с которыми могут столкнуться современные организации в Российской Федерации.

Ключевые слова: кадровый электронный документооборот, интеграция, цифровая экономика, цифровое доверие.

L. L. Mukhamedova

Irkutsk State University, Irkutsk

IMPLEMENTATION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE PERSONNEL STRUCTURE OF THE INSTITUTION

The article discusses the relevance of introducing electronic personnel records, analyzes the problems of digital trust, as well as the risks and consequences that modern organizations in the Russian Federation may face.

Keywords: HR electronic document management, integration, digital economy, digital trust.

Тема внедрения электронного документооборота в кадровой структуре учреждения, сегодня находится в русле ключевых направлений развития России – цифровой трансформации государственного управления, а именно таких как «Цифровая экономика», «Региональная цифровая трансформация» и т. д. Кадровый электронный документооборот (далее по

тексту – КЭДО) можно позиционировать, как инструмент повышения эффективности, снижения бюрократической нагрузки и коррупционных рисков. Но, то же время, взгляд социолога может показать КЭДО не только как технологическое изменения, но и как глубокие преобразование социальных отношений, власти, культуры и уникальности сотрудников в организации. Рассмотрим некоторые моменты.

Если раньше контроль был «над телом сотрудника» (присутствие на рабочем месте, видимость труда), то теперь, с переходом на КЭДО, он становится тотальным (всеохватывающим) и цифровым. Система КЭДО создает, скажем, так «прозрачного» сотрудника: т. е. все его кадровые действия (отпуска, больничные, заявления) фиксируются, отслеживаются и анализируются. Это уже будет не явный надзор, как раньше при бумажном документообороте, но в то же время постоянная возможность наблюдения за сотрудником, что формирует у него самодисциплину. Следовательно, идет смещение власти к IT-управлениям и администраторам систем: т. е. кто управляет системой, ее настройками и доступом, получают новый вид своеобразной власти. Они определяют, как будут протекать процессы, кто и что может увидеть или сделать.

Так же при КЭДО происходит обезличение отношений, а именно исчезает «человеческий» носитель документа (кадровик, руководитель). То есть разрушаются такие ритуалы, как например – личная подача заявления, разговор с руководителем, виза на заявлении руководителя, отметка в журнале регистрации заявления – это были не просто формальности, а социальные ритуалы, укреплявшие связи и статусы. С КЭДО же упраздняются эти ритуалы, что может негативно сказываться на социальной структуре коллектива. Взаимодействие «сотрудник-организация» все больше и больше происходит через интерфейс определенной программы на компьютере, телефоне. Это может привести к отстранённости сотрудников друг от друга и восприятию организации как обезличенной структуры/машины. Внедряя КЭДО, работодатель обычно руководствуется такими ценностями, как открытость и эффективность. Но на практике данные новшества часто воспринимаются как акт недоверия и усиление подозрительности. Сотрудник в системе КЭДО – это уже не личность – человек, а набор цифровых профилей и данных: табельный номер, даты, статусы, согласия, электронные подписи и т. д. Его организационная идентичность становится связанной с персональными данными и алгоритмизированной, т. е. им управляют системы workflow. Цифровая компетентность становится новым капиталом, те сотрудники, которые легко осваивают новые интерфейсы, понимает логику digitalworkflow, получают в этом случае преимущество перед другими. Пожилые сотрудники или те, кто менее знаком с технологиями, могут чувствовать себя исключенными, беспомощными. Есть еще одна проблема, это неравенство доступа и понимания, т. е. не все имеют равный доступ к техническим устройствам или скоростному интернету для работы с системой вне офиса.

Прежде чем перейти к анализу эмпирических данных, необходимо все-таки обозначить ту «оптику», через которую можно рассмотреть внедрение кадрового электронного документооборота. В статье обосновывается позиция, согласно которой КЭДО – это не просто технологическое нововведение, а сложный социально-технический феномен, меняющий структуру власти, характер коммуникаций и саму идентичность сотрудника. Эта работа опирается на несколько взаимодополняющих теоретических рамок.

Рассматриваем современные системы workflow как эволюцию форм надзора: если классическая дисциплинарная власть предполагала наблюдение за «телом» сотрудника (например, факт присутствия на рабочем месте), то цифровая платформа делает контроль тотальным и одновременно невидимым. Данная система фиксирует каждое действие – от заявления на отпуск до больничного, – формируя у работника эффект «прозрачности» и, как следствие, внутреннюю самодисциплину. Однако ключевым концептом данного анализа будет являться такое понятие, как – цифровое доверие. Вопрос цифрового доверия в мире, где искусственный интеллект и глобальные цифровые сервисы становятся частью ежедневных процессов, выходит далеко за рамки ИТ-отделов и очень тесно связан с КЭДО. И это означает, что: если раньше сотрудник доверял «кадровику Анне Ивановне» (замечу, что это было –

межличностное доверие), то теперь он вынужден доверять шифрованию, электронной подписи и т. д. и это доверие, по замечанию авторов колонки в «Коммерсантъ», принципиально хрупко: сбой системы или утечка данных разрушают его мгновенно.

В качестве эмпирической основы этой статьи были использованы результаты двух общероссийских опросов ВЦИОМ, прямых вопросов про КЭДО в этих опросах нет, но, косвенные индикаторы цифрового доверия и поведенческих практик в сети позволяют делать обоснованные предположения о готовности сотрудников к внедрению систем электронного документооборота. Есть так же исследование, описанное на страницах научного журнала «Автоматизация в промышленности» о проблеме доверия человека-оператора искусственному интеллекту, под руководством российского ученого, доктора технических наук В. М. Дозорцева, которое показывает, что степень доверия к автоматизированным системам зависит не только от объективных параметров надежности, но и от индивидуально-психологических характеристик пользователя – его «атрибутивных стилей» и субъективно допустимого уровня риска. Это объясняет, почему одни сотрудники легко принимают КЭДО, а другие воспринимают его как угрозу

30 сентября 2023 г. состоялся Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» – «Краснокожая паспортница». Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет, предельная погрешность с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

Распределение ответов в данном телефонном опросе показало, что большинство опрошенных пользуются интернетом ежедневно, менее четырех часов в день – 37,56 % и проводят в интернете более четырех часов ежедневно – 32,88 % респондентов. Не пользуюсь интернетом – 19,81 % опрошенных людей и это печальный показатель (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Скажите, пожалуйста, пользуетесь ли Вы интернетом? Если да, то как часто?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1	Провожу в интернете более четырех часов ежедневно	526	32,88
2	Пользуюсь интернетом ежедневно, менее четырех часов в день	601	37,56
3	Несколько раз в неделю	112	7,00
4	Несколько раз в месяц	27	1,69
5	Эпизодически, но не менее одного раза в полгода	17	1,06
6	Не пользуюсь	317	19,81
	Всего	1600	100,00

4 марта 2024 г. так же был проведен Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» – «Цифровая самооборона». Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет, предельная погрешность с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Данное исследование показало, что большинство респондентов считают, что их работодатель обеспечивает достаточный уровень защиты персональных данных (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, на Вашем месте работы обеспечивается или не обеспечивается достаточный уровень защиты Ваших персональных данных и данных организации/компаний?»

№ п/п	Варианты ответов	Опрошенные, %
1	Однозначно да, обеспечивается должный уровень безопасности	39,00
2	Скорее да	44,00
3	Скорее нет	6,00
4	Однозначно нет, должный уровень безопасности не обеспечивается	4,00
5	Затрудняюсь ответить	7,00
	Всего	100,00

КЭДО – не просто инструмент, а система, где социальные практики и технологии конструируют друг с другом. Например, сотрудник может забыть пароль, пробросить «обойти систему», потребовать дублирования приказов на бумаге. Могут появиться новые практики, например, скриншоты уведомлений как доказательство в мессенджерах, потому что сама система кажется ненадежной или непонятной.

Если рассматривать все вышеперечисленное, то КЭДО, это все-таки и есть компромисс между повышением эффективности, снижением бюрократической нагрузки, коррупционных рисков, а также между человеческим измерением организации и цифровым доверием, который требует осознанного управления и рефлексии. Внедрение КЭДО в учреждениях/предприятиях страны это не разовый акт, а масштабный процесс, зачастую болезненный и конфликтный, в то же время он может стать предметом новых социологических исследований, которые раскроют формы отчуждения, контроля и социального действия в эпоху цифровизации труда.

Литература

1. Дозорцев В. М., Венгер А. Л. О проблеме доверия человека-оператора искусственному интеллекту // Автоматизация в промышленности. 2022. № 2. С. 10–17.
2. Коряков А. В поисках доверия // Коммерсантъ. 11.08.2025.
3. Кузьмина В. М., Анисич Ю. А. Цифровое доверие: почему это важно для бизнеса // Международный студенческий научный вестник. 2024. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21539> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Краснокожая паспортина // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krasnokozhaja-pasportina-v-ehlektronnom-veke> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Цифровая самооборона // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona/> (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 316.3

М. В. Валеева

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Исследуется роль профессиональных ассоциаций в процессе институционализации социологии как научной дисциплины. Уточняется понятие профессиональных ассоциаций, их основные признаки и место в структуре научного сообщества. Особое внимание уделяется ключевым функциям ассоциаций. Делается вывод о том, что профессиональные ассоциации выступают важнейшим механизмом закрепления статуса социологии и её устойчивого развития.

Ключевые слова: профессиональные ассоциации, социология, институционализация социологии, научные сообщества, профессиональные объединения.

M. V. Valeeva

Ural Federal University, Ekaterinburg

THE ROLE OF PROFESSIONAL ASSOCIATIONS IN THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIOLOGY

This article examines the role of professional associations in the institutionalization of sociology as a scientific discipline. It clarifies the concept of professional associations, their key characteristics, and their place in the structure of the scientific community. Particular attention is paid to the key functions of associations. It concludes that professional associations serve as a crucial mechanism for securing the status of sociology and its sustainable development.

Keywords: professional associations, sociology, institutionalization of sociology, scientific communities, professional associations.

Институционализация социологической науки предполагает создание социологических школ, включение в систему высшего образования социологических факультетов и кафедр в университетах, создание специализированных исследовательских организаций, про-

фессиональных ассоциаций, создание социологических научных журналов, организацию профессиональных мероприятий – конференций, семинаров, которые становятся площадками для социального взаимодействия профессионалов данной области, а также учреждение ученых степеней и званий по социологии.

В данной работе хотелось бы сделать основной акцент на роли профессиональных объединений в институционализации науки.

Отметим, что по организационно-правовой форме профессиональные объединения могут быть классифицированы следующим образом:

1. Профессиональные ассоциации – объединяют практиков и исследователей;
2. Научные сообщества – ориентированы на развитие теории и исследований;
3. Профсоюзы/гильдии – защищают трудовые интересы;
4. Некоммерческие организации (НКО) – реализуют образовательные и исследовательские проекты.

Наиболее часто встречающимися формами объединений среди социологов выступают научные сообщества и профессиональные ассоциации.

Профессиональные ассоциации – один из ключевых механизмов институционализации социологии как науки. Через них дисциплина превращается из набора разрозненных исследований в устойчивую, признанную научную систему с нормами, статусом и инфраструктурой.

Кроме того, профессиональные ассоциации (национальные и международные) обеспечивают не только организационную инфраструктуру дисциплины, но и формируют ее символические границы, стандарты и идентичность.

В социологической и организационной теории профессиональная ассоциация обычно понимается как особая форма объединения специалистов, направленная на регулирование и развитие профессии.

Так, Э. Эббот определяет профессиональную ассоциацию как добровольное объединение представителей одной профессии, которое участвует в установлении стандартов деятельности, контроле за профессиональной юрисдикцией и защите интересов своих членов [1].

В контексте «теории полей» П. Бурдьё [2] профессиональные ассоциации можно интерпретировать как институты, распределяющие символический капитал и закрепляющие иерархии внутри научного поля. Они определяют какие исследования можно считать легитимными; влияют на академический престиж; участвуют в борьбе за власть внутри дисциплины.

Далее обратимся к краткой истории создания и функционирования социологических ассоциаций.

В 1905 г. во время ежегодной конференции Американской экономической ассоциации, была выдвинута идея создания профессионального объединения социологов – Американского социологического общества (позже переименовано в Американскую социологическую ассоциацию (ACA; англ. American Sociological Association, ASA)) – что стало важным шагом к формированию профессиональной общности социологов. Первым президентом общества стал Л. Уорд. Ассоциация была создана как некоммерческая организация и имела целью развитие социологической науки и продвижение профессии социолог.

Далее, в 1909 г. было сформировано независимое академическое объединение социологов в Германии – Немецкое социологическое общество (нем. Deutsche Gesellschaft für Soziologie, англ. German Sociological Association). Его учредителями были Г. Зиммель, М. Вебер и Ф. Тённис.

В 1948 г., по инициативе Департамента социальных наук ЮНЕСКО Департамента социальных наук ЮНЕСКО создается Международная социологическая ассоциация (International Sociological Association (ISA) – профессиональное объединение специалистов социальных наук. Данная Ассоциация является некоммерческой научной организацией и представляет интересы социологов по всему миру, «вне зависимости от их школы мысли, научного подхода или идеологии». В задачи Ассоциации, сформулированные в момент ее основания входило развитие социологии как научной и практической дисциплины, улучшение

качества социологического образования, поощрение межнационального сотрудничества в социологических исследованиях, обмен знаниями, в том числе данными и первоисточниками, и обеспечение личного сотрудничества между социологами из разных стран. Первым президентом МСА был выбран Л. Вирт. Обозначим, что с конца XX в. задача Международной социологической ассоциации связана с развитием социологического знания. Ассоциация нацелена на усиление кооперации между индивидуальными социологами и социологическими организациями из разных частей мира для продвижения и свободного развития социологии и социальных наук.

Также, стоит упомянуть и Европейскую социологическую ассоциацию (ЕСА; англ. European Sociological Association, ESA), которая была основана в 1994 г. Это некоммерческая научная организация, объединяющая социологов, занятых исследованиями Европы и европейской социологии. Отметим, что Европейская социологическая ассоциация – аффилированный член Международной социологической ассоциации и член Европейского альянса социальных и гуманитарных наук (The European Alliance for Social Sciences and Humanities, EASSH). Основная задача ЕСА – создание платформы, на которой социологи могли бы обсуждать социологические проблемы европейских обществ. В 2021 г. в ассоциации состояло 2925 индивидуальных и 5 коллективных членов, а также 20 национальных социологических ассоциаций. Россию в ЕСА представляет Российское общество социологов.

Что касается нашей страны, то Советская социологическая ассоциация была создана в 1958 г., она стала работать под руководством секции общественных наук Президиума АН СССР. Первым ее руководителем был избран Ю. П. Францев, а его заместителем – Г. В. Осипов. Организация объединила специалистов, работавших в НИИ Академии наук СССР и отраслевых институтах, имевших социологические лаборатории, а также преподавателей вузов и сотрудников партийного аппарата. Число членов объединения постепенно увеличивалось, поскольку социология стала «модной» и открывались все новые региональные отделения ССА [3]. По словам Г. В. Осипова: «В рамках этой ассоциации – практически и был поставлен вопрос о самостоятельности социологической науки» [4].

После распада Советского Союза организация прекратила свое существование, передав свои полномочия в МСА и региональным отделениям на территории России – Российскому обществу социологов. РОС было сформировано в рамках ССА в 1989 г. на учредительной конференции, прошедшей в Москве и конституировавшей его статус как республиканской организации, но уже в 1991 г. она стала самостоятельной. На сегодняшний день РОС остаётся единственной профессиональной организацией, объединяющей большинство отечественных социологов. РОС является коллективным членом Союза научных обществ России, а также национальным членом МСА и Европейской социологической ассоциации. Оно организует участие своих членов и других российских социологов в международных мероприятиях и организациях.

Создание профессиональных сообществ способствовало «социологическому сближению» различных стран и созданию способов и форм их международного сотрудничества.

Роль профессиональных ассоциаций в институционализации социологии заключается в следующем:

1. Профессиональные ассоциации задают рамки профессии. Например, Международная социологическая ассоциация и Российская социологическая ассоциация формируют стандарты исследований, этические кодексы, требования к публикациям. Это помогает отделить профессиональную социологию от публицистики или идеологии.

2. Ассоциации обеспечивают коммуникации и объединение сообщества. Через конференции, конгрессы и журналы они создают пространство, где ученые обмениваются результатами, формируя научные школы и направления.

3. Еще одна функция связана с представительством и легитимацией. Ассоциации выступают от имени дисциплины перед государством, университетами и международными организациями. Так, к примеру, Советская социологическая ассоциация сыграла важную роль в

признании социологии как допустимой научной области и встраивании ее в академическую систему.

4. Также ассоциации способствуют образовательной институционализации.

В итоге именно через такие механизмы профессиональные ассоциации превращают социологию из «интеллектуальной практики» в полноценную социальную институцию с устойчивыми правилами, статусом и воспроизводством кадров.

Литература

1. Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago : University of Chicago Press, 2014. 452 p.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя; М. : Ин-т эксперим. социологии, 2005. 576 с.
3. Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб. : Рус. Христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 19–42.
4. Осипов Г. В. Мы жили наукой // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб. : Рус. Христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 95–110.

УДК 65.3(7)

А. Ю. Затонацкий

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ США: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Обосновывается, что история социологической мысли в Соединенных Штатах Америки представляет собой многогранный и динамично развивающийся процесс, отражающий как внутренние социальные трансформации, так и взаимодействие с глобальными интеллектуальными течениями. Показано, что периодизация этого развития является неотъемлемым инструментом для осмысления становления американской социологии, её доминирующих парадигм, теоретических дебатов и эмпирических достижений. Проанализированы мнения ведущих экспертов по истории американской социологии относительно её периодизации, а также выявлены общие тенденции и расхождения.

Ключевые слова: американская социология, мнения экспертов, история США, периодизация, парадигма, социология.

A. Yu. Zatonatsky

Ural Federal University, Yekaterinburg

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF SOCIOLOGY IN THE UNITED STATES: EXPERT OPINIONS

The history of sociological thought in the United States of America is a multifaceted and dynamically evolving process that reflects both internal social transformations and interactions with global intellectual currents. Periodization of this development is an essential tool for understanding the formation of American sociology, its dominant paradigms, theoretical debates, and empirical achievements. In this article, the authors examine the opinions of leading experts on the history of American sociology regarding its periodization, and identify common trends and discrepancies.

Keywords: American sociology, expert opinions, US history, periodization, paradigm, sociology.

Для объективной этапов развития социологии в США необходимо проанализировать общие тенденции, методы и подходы, используемые исследователями истории американской социологии.

В работах, посвящённых этой тематике, трактуются разные модели развития дисциплины, которые можно разделить на несколько основных типов, каждый из которых олицетворяет различные стороны ее исторического становления.

Первый тип периодизации по нашему мнению скорее основан на выделении доминирующих школ и теоретических направлений. Он является самым распространённым среди исследователей и предполагает выделение определенных этапов в американской социологии, обладающих конкретными признаками определённых теоретических парадигм или школ.

Второй тип периодизации ориентирован более на исследовательские работы и методологические предположения. Основной акцент данного этапа сосредотачивается на основных исследовательских направлениях, доминирующих методологических подходах (качественных или количественных) и характере эмпирических исследований.

Третий методологический подход периодизации американской социологии предполагает ее исследование в контексте исторических и культурных трансформаций американского общества. Данный подход, охватывающий более широкий спектр развития американской социологии, акцентирует внимание на развитии социологической мысли в ее неразрывной взаимосвязи с ключевыми социальными, экономическими и политическими событиями, формировавшими общественное сознание граждан США.

Несмотря на разнообразие определений, можно выделить несколько основополагающих этапов в развитии американской социологии.

Первый этап, охватывающий период с конца XIX по начало XX в., характеризуется становлением американской социологии и ее институционализацией. В ходе этого этапа Ранний отмечается отход от философских спекуляций и стремлением к постепенному становлению эмпирически верифицируемой науки. Это однозначно послужило фундаментом для формирования американской традиционной социологии.

Особый интерес представляет работа У. Г. Самнера, «Народные обычаи», которая заложила основу для исследования повседневной жизни американцев и социального влияния [1]. В период становления американской социологии как самостоятельной дисциплины У. Г. Самнер попытался интегрировать биологических концепций, в частности, принципы социального дарвинизма, в анализ социальных явлений.

Одновременно с этим наблюдалось активное развитие прикладной социологии, направленной на решение насущных социальных проблем, таких как урбанизация, иммиграция и бедность, что нашло свое отражение в исследованиях, предвосхищающих последующие научные изыскания.

Другую точку зрения рассматривал Л. Ф. Уорд, который акцентировал свое внимание на роли целенаправленного социального действия и государственного вмешательства в процессе общественного развития [3].

Второй этап – «Классический» период и расцвет Чикагской школы (1910–1940 гг.). Доминантным признаком данного этапа, часто именуемого «золотым веком» американской социологии, была так называемая «Чикагская школа». Исследователи в данном направлении, в частности Р. Парк и Э. Берджесс, внесли весомый вклад в изучение городской жизни, миграции, этнических взаимоотношений и социальной дезорганизации. Их труды, такие как, «Введение в социологию», стали классическими произведениями, демонстрирующими эффективность и практичность качественных этнографических методов исследования [4].

Основной особенностью чикагского подхода стало стремление к непосредственному исследованию повседневной жизни американцев, а также к глубокому пониманию причинно-следственных связей, в которых происходят изучаемые явления. Этот период также можно рассматривать как время бурного развития прикладных направлений, включающих социологию девиантного поведения и криминологию. Важно также отметить, что в то же время зарождались и другие значимые социологические школы, например, Айовская школа, которая основывалась на изучении провинциальных поселений и их специфических проблем, демонстрируя, растущее многообразие исследовательских направлений в рамках дисциплины.

Третий этап (1940–1960 гг.) можно охарактеризовать преимущественным господством структурного функционализма и количественной парадигмы. Послевоенный период в американской социологии был насыщен доминированием структурного функционализма.

Основные представители этого периода Т. Парсонс и Р. Мертон, разработали теории, оказавшие в последующем колоссальное влияние на всю социологическую науку. Структурный функционализм, в свою очередь, был в основном сосредоточен на внимании к стабильности и целостности социальных систем, а также функциям социальных институтов и их роли в поддержании социального порядка.

Р. Мертон, в частности, предложил подход, известный как «теория среднего звена», эта концепция заключалась в разработке теорий, которые были бы более детализированными и поддавались бы эмпирической проверке, фокусируясь на конкретных социальных явлениях, в отличие от стремления к созданию универсальных, всеобъемлющих теоретических систем [6].

Наряду с разработкой масштабных социологических теорий, в этот период наблюдается рост популярности количественных методов. Макро-опросы и статистический анализ данных являлись основными инструментами того времени для исследования социальных структур и процессов происходящих в обществе. Несмотря на свою глобальность и масштабность, этот доминирующий подход часто подвергался критике за недостаточное внимание к социальной динамике и конфликтам.

Четвертый этап (1960–1980 гг.) развития американской социологии является периодом кризиса функционализма и расцвета разнообразных теоретических подходов. Так, начиная с конца 1960-х гг., структурный функционализм стал объектом активной критики за свою неспособность адекватно объяснить социальные конфликты, изменения и динамику общества. В этот период повсеместно стали развиваться альтернативные социологические парадигмы.

Одна из них – конфликтология, которая была представлена таким выдающимся ученым, как Ч. Р. Миллс, получила значительное развитие, внедряя принципиально новый взгляд на социальные процессы и явления, основанный на анализе борьбы и противоречий [5].

Параллельно с этим, активно развивались и другие ранее не «звучавшие» социологические направления. К примеру – символический интеракционизм стремился к изучению межличностного общения и конструирования значений, феминистская социология, в свою очередь, делала акцент на внимание к гендерным характеристикам социальной жизни. Кроме того развивается теория рационального выбора, общей чертой которой является стремление к методологическому разнообразию и более глубокому анализу эмпирических данных, выходящих за рамки существующих парадигм.

Отечественные исследователи отмечают, что это время было периодом «поиска новых оснований и новой идентичности американской социологии» [2].

Современный этап американской социологии, начавшийся в 1980-х гг. и продолжающийся по настоящее время, в свою очередь, характеризуется беспрецедентным разнообразием теоретических и методологических направлений. В эпоху глобализации и постмодернизма, под влиянием бурного развития информационных технологий, массовых коммуникаций и нарастающего социального неравенства, социология активно трансформируется, стремясь познать и осознать все новые тенденции и направления.

Активно развиваются теории глобализации, сетевого и пост-индустриального общества, а также теории идентичности. Необходимо отметить что, особое внимание уделяется феномену «общества риска» и его последствиям. Это исследования, посвященные взаимосвязи глобальных процессов и локальных сообществ, а также небольших социальных групп, и одновременно работающих над адаптацией самой социологии к меняющейся информационной среде [7].

В современной американской социологической науке прослеживается устойчивая тенденция к слиянию теоретических концепций и распространению качественных и количественных методов исследований. Параллельно с этим, активно развиваются инновационные аналитические подходы, основанные на сетевом анализе и методах вычислительной социологии.

Таким образом, периодизация истории американской социологии весьма многообразна и развивалась эволюционным способом, постоянно меняясь и подстраиваясь под тенденции определенной эпохи. При наличии различных трактовок большинство учёных все же выделяют несколько основных этапов, обусловленных формированием новых теоретических парадигм, трансформацией методологических подходов и взаимосвязью с основными социокультурными процессами, происходящими в американском обществе.

Необходимо также отметить, что хронологические границы этих этапов часто размыты: элементы уже прошедшего периода продолжают отражаться и эволюционировать в рамках последующего.

Развитие американской социологии можно условно разделить на четыре последовательных этапа. На раннем этапе фундаментальные основы были заложены такими мыслителями, как У. Самнер [1] и Л. Уорд [3], в данном периоде происходит становление эмпирического подхода, осмысление актуальных социальных проблем и институционализация социологии как академической дисциплины.

Следующий этап был связан с расцветом Чикагской школы, отличительными чертами которой стали глубина качественного анализа и пристальное внимание к процессам урбанистики [4].

Послевоенный период характеризовался преимущественно структурным функционализмом и широким распространением количественных исследовательских методов [6], впоследствии этот подход подвергся серьёзной критике, что послужило стимулом для развития альтернативных теоретических и методологических направлений [2; 5].

Наконец, современный этап отличается беспрецедентным теоретическим и методологическим плюрализмом. Социология активно переосмысливает глобальные процессы и отвечает на вызовы XXI в., интегрируя разнообразные концепции и инструменты анализа [7].

Литература

1. Самнер У. Г. Народные обычаи: исследование социологического элемента в общества. М. : Изд-во МГУ, 1986. 248 с.
2. Грибанова Е. Н. Американская социология: становление и развитие // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 103–111.
3. Уорд Л. Ф. Динамическая социология. М. : Терра, 2007. 704 с.
4. Парк Р. Э., Берджесс Э. В. Введение в социологию. М. : АСТ, 2019. 456 с.
5. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М. : АСТ, 2020. 288 с.
6. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York : Free Press, 1968. 645 p.
7. Padavic I., Blake R. An Introduction to the Field of Sociology. 2017. URL: <https://opentextbc.ca/introductiontosociology3rdedition/> (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 159.64

П. А. Баев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕНЕГ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Проводится оценка психологическим особенностям восприятия денег, учитываются социально-экономические, социокультурные факторы, влияющие на психологические оценки денег. Приводятся результаты исследования психологии денег, отражённые в публикациях в поисковом браузере www.google.com с 2015 по 2025 г. Выделены основные сферы психологии денег: философско-мировоззренческая, самооценка человека и деньги, деньги и эмоции, социализация и семья, личная финансовая жизненная история, также показана динамика изменений публикационной активности по годам. Сделаны выводы об общем контексте изучения психологии денег в общественном дискурсе.

Ключевые слова: деньги, восприятие денег, психология денег, финансовые стереотипы, финансовое мышление, публикационная активность.

Р. А. Baev

Baikal State University, Irkutsk

PSYCHOLOGICAL PERCEPTIONS OF MONEY THROUGH THE LENS OF INTERNET SEARCH QUERIES

This article assesses the psychological characteristics of money perception, taking into account the socio-economic and sociocultural factors influencing psychological assessments of money. The article presents the results of a study on the psychology of money, as reflected in publications in the www.google.com search engine from 2015 to 2025. The article highlights the main areas of money psychology: philosophical and ideological perspective, self-esteem

and money, money and emotions, socialization and family, and personal financial life history. The article also shows the dynamics of changes in publication activity over the years. Conclusions are drawn regarding the general context of studying the psychology of money in public discourse.

Keywords: money, money perception, psychology of money, financial stereotypes, financial thinking, publication activity.

В современном обществе деньги имеют не только социально-экономическую меру измерения, но и являются показателем социокультурного и исторического развития, влияющего на психологические оценки и стратегии поведения. Финансовый вопрос выступает приоритетной темой для понимания и признания социальной реализации, профессиональных и личных амбиций. Социальный статус во многом зависит от финансового положения человека и его семьи.

Деньги – это символический смысл социального положения и власти. Так было в античном обществе, в эпоху средневековья и нового времени, так было в XX в., несмотря на социальные эксперименты общества равных прав и возможностей, так есть и в современном мире. Деньги все ещё мерили возможности человека и его реальных и потенциальных достижений. Более того, цифровизация мира лишь расширила возможности получения финансов, запуская новые виды и формы работы (удалённая занятость, фриланс), формируя инновационные процессы трудовых отношений (появление новых профессий), определяя перспективы развития трудовых и финансовых взаимодействий в виртуальном обществе.

Эти процессы приводят к тому, что люди не одинаково адаптируются к происходящим переменам, их восприятие денег является показателем личного социально-психологического самочувствия, оценок социального положения и перспектив изменения ситуации в будущем. Деньги являются точкой фиксации того, на кого люди чаще рассчитывают на себя или на других (в лице родственников, друзей, коллег, начальство или в целом государство). Это определяет личный уровень тревожности и адаптивности в современных социальных реалиях.

В литературе психология денег рассматривается с позиции трансформации сознания и мышления в условиях социальных перемен (виртуализации, глобализации, цифровизации и проч.). Это прослеживается в работах Р. Г. Ардашева [1], О. А. Полюшкевич [3]. Трансформация стратегий реализации молодёжи в новых условиях показана в работах И. А. Журавлевой [2], В. А. Скуденкова [4–6].

Мы провели контент-анализ публикаций, посвящённых психологическим оценкам восприятия денег в поисковом браузере www.google.com с 2015 по 2025 г. Объектом внимания стали публикации, которые предлагались в рассматриваемый период при запросах: психология денег, психологическое восприятие денег, психологические проблемы восприятия денег. Всего проанализировано 10900 публикаций. Анализ проводился в программе Atlas.ti.

На рисунке представлена тематика основных сфер психологии денег, влияющей на реальное финансовое поведение россиян, формирующее их знания (когнитивный уровень), эмоции (аффективный уровень) и действия (поведенческий уровень). Из всех публикаций условно положительные моменты (финансового прироста, уверенности в себе, значимости экономических притязаний в финансовом успехе) отражены только в 27 % публикаций. Остальные тематические публикации связаны с негативными контекстами в отношении денег (нехватка денег, стресс при отсутствии денег, трудности увеличения количества денег и проч.) – 73 %.

Философско-мировоззренческое восприятие денег (12 %), которое сводится к тому, что люди сами наделяют деньги смыслами, придают им особую ценность. Оно складывается как результат жизненного опыта, чаще связанный с потерей денег и других материальных ценностей и переосмыслением того, что по-настоящему важно. Сюда же можно отнести и подмену важных вещей в жизни на деньги. Например, когда деньги могут стать эквивалентом власти, любви, комфорта. На поведенческом уровне это может выразиться в таких процессах: потребность в любви подменять шопоголизмом; потребность в безопасности подменяться в накопительстве и т. д.

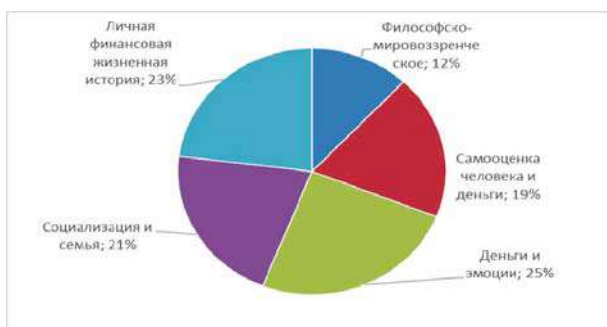

Рис. Темы публикаций «психологии денег» с 2015 по 2025 г. в поисковом браузере www.google.com

Психологическое восприятие денег, влияющее на самооценку (19 %). Наличие денег повышает уровень самооценки человека, а отсутствие соответственно понижает. На практике это может отразиться на ограниченном потреблении (постоянной экономии) или непомерном транжирстве. А также неожиданные деньги не позволяют качественно изменить жизнь и зачастую приводят к негативным социальным последствиям (99 % выигравших в лотерею миллион – в течение года потеряли эти деньги по разным причинам²).

Деньги вызывают сильные эмоции и чувства (25 %). Это может быть чувство безопасности и стабильности или вины и тревоги, страха или доверия. Вызывает эмоции как наличие денег, так и их отсутствие. Нехватка денег развивает депрессивность, уныние, апатию. Большие деньги вызывают беспокойство, тревогу, стресс.

Отношение к деньгам опирается на сформированные в процессе социализации убеждения, ценности, которые были распространены в семье ребёнка, а в последующем он находит подтверждение существующих стереотипов в собственной жизни (21 %). Убеждения влияют на представления человека о том, сколько денег у него будет, как он будет жить, как будет относиться к труду, досугу, тратам и т. д. Примерами таких убеждений могут быть следующие: «много денег – и не будешь иметь», «не имей сто рублей, а имей сто друзей» и т. д.

Личная жизненная история, конечно, также влияет на отношение к деньгам (23 %). Например, опыт, пережитый старшим поколением в 1990-е гг. XX в., когда их накопления за всю жизнь за один день превратились в ничто. Как и другие кризисы 2008 г. или изменения на рынке во время пандемии или начала СВО привели к тому, что кто-то терял работу, кто-то стабильность. Это также стало ориентиром – трансформации оценок к деньгам.

В таблице представлена динамика 10900 тематических публикаций по психологии денег с 2015 по 2025 г. Значимые трансформации видны во время пандемии и постпандемный период, что вполне объяснимо общим напряжением и изменением финансовых возможностей как в положительную (новые виды заработка, новая работа, новые формы досуга и обучения, новые формы потребительского поведения через всплеск интереса к маркетплейсам и службам доставки), так и отрицательную сторону (ограничение возможностей привычных трат, зарплаток и возможностей удовлетворять свои финансовые притязания) у всех категорий граждан.

Из данных таблицы видно, что наиболее востребована и интересна личная финансовая жизненная история (успехи и неудачи других интересуют россиян сильнее, чем мышление и мировоззрение в отношении денег). На втором месте самооценка человека и деньги. На третьем социализация и семейные истории и семейные ценности. На четвёртом мировоззренческие ориентиры и замыкает тематику публикаций – деньги и эмоции. Количество публикаций может отличаться, но общий вектор за рассматриваемые десять лет достаточно стабilen.

² Миллионеры поневоле: что стало с победителями крупнейших лотерей. URL: <https://ria.ru/20250226/lotereya-20011692805.html?ysclid=mo5ro4is17499153079>

Динамика тематических публикаций по психологии денег с 2015 по 2025 г. (шт.)

Тематика публикаций	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Философско-мировоззренческое	123	145	156	177	165	232	265	243	211	187	167
Самооценка человека и деньги	143	166	176	154	187	198	185	182	176	165	176
Деньги и эмоции	89	98	121	114	109	124	133	135	121	109	97
Социализация и семья	125	134	156	134	143	199	221	242	232	211	205
Личная финансовая жизненная история	342	322	312	298	297	322	342	376	364	351	343

То, что деньги в психологическом контексте интересны россиянам достаточно убедительно видно, вопрос в том, какие ответы они находят на свои вопросы, прибегая к помощи сети Интернет и тем советам, что изложены в рассматриваемых публикациях. Корректность и качество контекста, публикуемого в свободном доступе нами не изучалось, но является отдельной значимой темой, требующей более глубокого изучения.

Таким образом, представленный анализ показывает высокий уровень актуальности темы психологии денег среди обывателей. Контекст публикаций может меняться, но потребность находить ответы на вопрос – о психологических особенностях восприятия денег, своего материального положения был актуальным для россиян и полагаем, будет оставаться таковым и впредь. Поэтому проводить регулярный мониторинг контекста, условий, качества и количества публикаций на данную тему, не только в научной среде, но и среди поисковых запросов простых россиян может помочь в понимании ключевых психологических состояний и сформировать ориентиры реабилитационной, просветительской, терапевтической и любой другой деятельности.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
2. Журавлева И. А. Образовательные и жизненные стратегии студентов // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2026. С. 472–477.
3. Полношкевич О. А. Истина моделируется // В поисках социальной истины : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полношкевич. Иркутск, 2022. С. 7.
4. Скуденков В. А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2022. С. 90–97.
5. Скуденков В. А. Экономические притязания молодежи 2014–2024 гг. // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф.. Иркутск, 2025. С. 498–502.
6. Скуденков В. А. Экспертное сообщество в формировании экономических притязаний // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 82–84.

ФЕНОМЕН «ТОКСИЧНОЙ» ПРОДУКТИВНОСТИ В РАМКАХ ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается феномен «токсичной» продуктивности как социокультурное явление, возникающее в условиях функционирования института дополнительного образования. Исследуются изменения концепции личной эффективности в деструктивную установку на непрерывное потребление образовательных услуг и самозэксплуатацию. Выявляются социальные, институциональные и психологические факторы, способствующие распространению данного феномена. Предлагаются направления институциональной трансформации, направленные на гармонизацию образовательных стратегий и минимизацию рисков профессионального выгорания в условиях экономики знаний.

Ключевые слова: токсичная продуктивность, институт дополнительного образования, социокультурная динамика, человеческий капитал.

А. Е. Kashirikhina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE PHENOMENON OF “TOXIC” PRODUCTIVITY IN THE INSTITUTE OF CONTINUING EDUCATION

This article examines the phenomenon of “toxic” productivity as a sociocultural phenomenon arising within the context of continuing education. The author explores how the concept of personal effectiveness has evolved into a destructive mindset of continuous consumption of educational services and self-exploitation. The social, institutional, and psychological factors contributing to the prevalence of this phenomenon are identified. Directions for institutional transformation are proposed, aimed at harmonizing educational strategies and minimizing the risks of professional burnout in the knowledge economy.

Keywords: toxic productivity, institute of additional education, sociocultural dynamics, human capital.

Современное общество характеризуется высокой значимостью образования как механизма социальной интеграции, профессиональной адаптации и культурного воспроизводства. В условиях ускоренной социальной динамики и структурных трансформаций институт дополнительного образования приобретает особое значение, выступая в качестве гибкого инструмента развития компетенций, не охваченных базовым образованием. Важно сказать о том, что вопрос о реализации образовательной деятельности, соответствующей профессиональным стандартам современного общества в определенной степени регулируется на уровне нормативно-правовых актов, например, Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 «О лицензировании образовательной деятельности» содержит положения, направленные на обеспечение качества образования, безопасности обучения и защиту прав и интересов обучающихся [1]. Кроме того, постановление содержит положения о возможности отзыва лицензии в случае нарушения образовательным учреждением установленных требований, что может способствовать усилению контроля за качеством образовательной деятельности.

По результатам проведенного автором вторичного анализа материалов исследования ВЦИОМ «Учиться, учиться и еще раз учиться!» (17 января 2026 г.), показали, что в современных российских реалиях доминирующим социокультурным паттерном выступает мнение относительно получения непрерывного образования [2]. Вне зависимости от возрастной стратификации, субъекты рынка труда признают высшее образование необходимым, но недостаточным условием профессиональной самореализации [2]. Данная тенденция обусловлена высокой динамикой технологических и институциональных изменений, при которых регулярная актуализация навыков становится базовым механизмом обеспечения профессиональной устойчивости и конкурентоспособности индивида. Однако расширение функциональных рамок данного института сопряжено с эмерджентными социальными процессами, среди которых феномен «токсичной» продуктивности занимает особую нишу в системе дисфункциональных трансформаций. Данное явление возникает не как прямое следствие институциональной экспансии, а как парадоксальное взаимодействие расширяемых компетенций и

экзистенциальных вызовов современного образования. Его специфика заключается в перерастании адаптивных механизмов в деструктивные практики, где рациональное стремление к эффективности подменяется компульсивным циклом самоэксплуатации, формирующим новые формы социального напряжения.

В условиях смешанной экономики особую роль приобретает институциональная динамика дополнительного образования (ДО), выступающая ключевым механизмом адаптации акторов к условиям быстроменяющихся требований на рынке труда. Феномен «токсичной» продуктивности возникает на стыке неолиберальной образовательной политики и цифровой трансформации, он характеризуется стремлением к непрерывному потреблению образовательных услуг, при котором индивид игнорирует психофизиологические пределы организма и социальную целесообразность образовательного процесса. Неолиберальный дискурс реформирует субъектность обучающегося, репрезентируя его как «предпринимателя самого себя». Современная институциональная среда дополнительного образования в основном направлена на адаптацию к изменяющимся требованиям рынка труда и способствует изменению традиционных образовательных практик. В этом контексте право на образование трансформируется в установку рыночной направленности, которая характеризуется необходимостью постоянного соответствия быстроменяющимся стандартам профессиональной эффективности.

Феномен «токсичной» продуктивности в институте дополнительного образования отражает глубинную трансформацию образовательных практик под влиянием императивов современного «общества достижений», про которое писал немецкий социальный философ Бёнь-Чхоль Хан в своей книге «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» [4]. Он пишет: «Человек становится машиной достижений, которая должна функционировать без перебоев и максимизировать свою производительность» [4, с. 126]. При анализе феномена «токсичной» продуктивности через призму данной концепции можно сказать о том, что продуктивность перестаёт быть средством развития личности и превращается в самоцель, формируя культуру постоянной гонки за результатами для достижения «счастья», а человек становится лишь «субъектом общества достижений». В цифровую эпоху немаловажным является факт популяризации паттерна на публичное представление профессиональных достижений, когда на первый план выходит уже не столько содержание знания, сколько способность превращать социальные достижения в символический капитал. Акцент в образовании постепенно смещается и вместо глубокого освоения предметной области всё чаще доминирует ориентация на создание «портфолио идентичности», т. е. на накопление внешних признаков профессиональной успешности. Подобная смена приоритетов способствует распространению упрощённых моделей компетентности, когда человек демонстрирует владение профессиональной терминологией и соответствующим стилем поведения, но не всегда обладает глубоким пониманием самой области деятельности. В данном случае важным фактором выступает механизм социального сравнения: постоянное сопоставление собственных результатов с идеализированными образами «успешного профессионала» в медиасреде запускает ряд когнитивных искажений. В числе таких искажений можно выделить завышение значимости внешних атрибутов успеха, искажение восприятия собственных компетенций и формирование нереалистичной самооценки. В совокупности с жёсткими социальными ожиданиями относительно профессиональной успешности это приводит к дестабилизации психоэмоционального состояния личности, это может проявляться в росте хронической тревожности, развитии синдрома самозванца, усилении риска профессионального выгорания и снижении внутренней мотивации к труду и обучению. Таким образом, изменения в медиасреде затрагивают не только содержание и формы образовательных стратегий, но и глубоко перестраивают структуру профессиональной идентичности, одновременно влияя на психологическое благополучие субъекта трудовой деятельности.

Также, необходимо обратить внимание на характерные черты поведенческой модели «токсичной» продуктивности. Её отличительной особенностью является навязчивое стремление человека к постоянной образовательной активности, которое может быть обусловлено страхом утратить свою ценность в глазах работодателя и получить статус «неэффективного»

сотрудника. Это стремление сопровождается устойчивым чувством вины, возникающим в периоды отдыха или снижения интенсивности деятельности. В результате человек оказывается в состоянии хронического психологического напряжения, не позволяющего ему полноценно восстанавливать силы. Формированию подобных поведенческих стратегий способствует современная логика рынка труда, в рамках которой отдых всё чаще подвергается негласной стигматизации. Временные ресурсы, не направленные на увеличение человеческого капитала или профессиональную активность, рассматриваются как потеря возможностей для карьерного роста и повышения социального статуса. Параллельно наблюдается замещение традиционных моделей профессиональной стабильности на модели идеализированной профессиональной гибкости и адаптивности, при которых бремя управления рисками переносится с институционального уровня на индивидуальный, таким образом происходит формирование новых паттернов ответственности в структуре трудовых отношений. Например, американский социолог Р. Сеннетт в своей работе «Культура нового капитализма» [7] подчеркивает, что «гибкость» как идеал современности становится инструментом институционального давления, в рамках которого легитимизируется нестабильность и риски перекадываются на индивида. Исходя из этого можно сделать вывод, что императив гибкости ведет к прекреизации трудовых отношений, негативно воздействуя на физическое и психологическое здоровье сотрудников.

Согласно анализу статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ по показателю «Численность населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в дополнительном образовании или профессиональном обучении, по полу, типу поселения и целям обучения в 2025 году» можно сказать о том, что многие россияне (44,58 %) в возрасте 15 лет и старше участвуют в дополнительном или профессиональном образовании по инициативе работодателя [5]. Похожая тенденция прослеживается в результатах социологического исследования, проведенного Институтом общественного мнения «Анкетолог» с 16 по 22 июля 2024 г., например, 34 % респондентов получают направление на обучение непосредственно от работодателя, что свидетельствует о высокой степени интеграции дополнительного образования в систему трудовых отношений [6]. При этом значительную долю (26 %) составляют цифровые платформы, что отражает тренд на цифровизацию образовательных процессов, однако сохраняется существенная роль традиционных каналов коммуникации – рекомендаций друзей (22 %) и официальных сайтов образовательных учреждений (24 %). Так, результаты исследований федерального уровня подтверждаются данными, полученными автором в ходе пилотажной исследовательской работы, проведенной в рамках написания выпускной квалификационной работы. Исследование, проведенное лично автором на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» в период с 14 мая 2024 г. по 21 мая 2024 г. на тему «Особенности модернизации института дополнительного образования в России в контексте реагирования на социально-экономические и социокультурные вызовы: региональный аспект», предполагало под собой онлайн-опрос (анкетирование) населения Иркутской области [3]. Общее число опрошенных составило 304 чел., из них 168 женщин и 136 мужчин. Статистическая погрешность не превысила 5,6 %. По результатам онлайн-опроса, были получены данные подтверждающие, что для 30,7 % опрошенных получение дополнительного образования это – обеспечение устойчивости профессионального статуса. 25,3 % респондентов получают дополнительное образование ради увеличения заработной платы, тогда как всего 18,7 % делают это для создания условий для личностного роста и саморазвития. Исходя из представленных данных можно сказать о том, что современная образовательная парадигма демонстрирует сложный процесс трансформации целей и методов развития личности в контексте рыночных отношений. Процесс становления автономных субъектов профессиональной деятельности протекает в рамках нарастающей прагматизации образования, при которой образовательные практики всё глубже интегрируются в систему социально-трудовых отношений. При этом корпоративные интересы выступают регулятором образовательного процесса, способствуя формированию профессиональных компетенций в соответствии с запросами организации.

На современном этапе развития экономики знаний, когда непрерывное обучение и личная эффективность становятся ключевыми характеристиками человеческого капитала, происходит заметное изменение содержания и форм образования. Анализ изменений в образовательных практиках показывает их многоаспектное влияние на различные уровни социальной реальности. На уровне отдельного человека меняются подходы к саморазвитию: установка на постоянное совершенствование всё чаще превращается из внутренней мотивации в вынужденное следование завышенным и во многом идеализированным образовательным стандартам. В результате такое давление может приводить к нарастанию психологического напряжения и, в конечном счёте, к состоянию эмоционального и профессионального истощения. Параллельно на уровне образовательных организаций возникает необходимость комплексной перестройки их деятельности. Учреждения образования вынуждены одновременно обновлять содержание программ в соответствии с актуальными запросами общества, совершенствовать системы оценки качества подготовки и расширять доступ к образовательным ресурсам для представителей разных социальных групп. Такое сочетание задач делает институциональную среду более сложной и требовательной к управленческим решениям. На системном уровне фиксируется изменение самого понимания образования: оно всё чаще рассматривается не как пространство личностного развития, а как ресурс, оцениваемый преимущественно с точки зрения рыночной полезности и экономической отдачи. В совокупности эти тенденции выдвигают на первый план необходимость разработки таких институциональных механизмов, которые смогли бы согласовать требования рынка труда к высокой производительности работников с задачей сохранения их психосоциального благополучия.

Таким образом, феномен «токсичной» продуктивности требует не точечных мер, а продуманной комплексной стратегии изменений, затрагивающей все уровни образовательной системы. В сфере образовательных программ и стандартов важно перейти от формирования компетенций к развитию метакомпетенций, обеспечивающих устойчивость в условиях профессиональной неопределенности. Немаловажным является продвижение осознанного подхода к потреблению образовательных продуктов, развитие критического мышления и цифровой грамотности. Также, в сфере психосоциальной поддержки требуется создание систем регулярного мониторинга и профилактики профессионального выгорания, ориентированных как на раннее выявление рисков, так и на поддержку уже столкнувшихся с ними граждан. В совокупности реализация подобной многоуровневой стратегии в процессе модернизации института дополнительного образования позволит сформировать гибкую и устойчивую образовательную систему, которая, с одной стороны, будет отвечать на вызовы быстро меняющейся социальной среды, с другой – сохранять свою базовую миссию, связанную с целостным развитием личности.

Литература

1. О лицензировании образовательной деятельности: постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 20.06.2024) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363079/ (дата обращения: 20.04.2026).
2. Учиться, учиться и еще раз учиться! // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitsja-uchitsja-i-eshe-raz-uchitsja> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Федченко А. Е. Современные механизмы реагирования на социально-экономические и социокультурные вызовы в процессе модернизации института дополнительного образования в России // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабелных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 534–537.
4. Хан Б.-Х. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с англ. А. С. Салин. М. : Изд-во АСТ, 2023. 160 с.
5. Численность населения в возрасте 15 лет и старше, участвующего в дополнительном образовании или профессиональном обучении, по полу, типу поселения и целям обучения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/inobr2025/files/4.20_2025_HO.xlsx (дата обращения: 20.04.2026).
6. 29 % россиян обучаются чему-то новому практически постоянно // Институт общественного мнения «Анкетолог». URL: <https://iom.anketolog.ru/2024/09/13/dopolnitel-noe-obrazovanie-rossiyan> (дата обращения: 20.04.2026).
7. Sennett R. The Culture of the New Capitalism. N. Y., 2006. 214 p.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ЯЗЫКОВЫМИ ТРУДНОСТЯМИ В МНОГОКУЛЬТУРНОЙ АУДИТОРИИ ВУЗА

Обосновывается, что интернационализация высшего образования усиливает языковое разнообразие в аудиториях, где языковой барьер препятствует интеграции иностранных студентов. На основе качественного обзора исследований анализируются решения, реализованные в разных контекстах. Результаты структурированы на институциональном, педагогическом и индивидуальном уровнях. Делается вывод, что наиболее эффективные решения координированно объединяют эти три уровня, адаптируясь к особенностям каждого национального контекста.

Ключевые слова: языковой барьер, иностранные студенты, поликультурная аудитория, высшее образование.

Ya. Jimenez Quintero

Ural Federal University, Yekaterinburg

WAYS TO SOLVE PROBLEMS ASSOCIATED WITH LANGUAGE DIFFICULTIES IN A MULTICULTURAL UNIVERSITY CLASSROOM

The internationalization of higher education increases linguistic diversity in classrooms, where the language barrier hinders international students' integration. This study analyzes, through a qualitative review, solutions implemented in different contexts. Findings are structured at institutional, pedagogical, and individual levels. It is concluded that the most effective solutions coordinately integrate these three levels, adapting to each national context's particularities.

Keywords: language barrier, international students, multicultural classroom, higher education.

Международная академическая мобильность в последние десятилетия демонстрирует устойчивый рост, утвердившись в качестве центрального измерения глобального высшего образования. По данным ЮНЕСКО, число иностранных студентов в мире за последние два десятилетия увеличилось более чем втрое, поднявшись с 2,1 млн в 2000 г. до почти 6,9 млн в 2022 г. [1, с. 6]. Эта цифра оказывает глубокое влияние на состав и динамику университетских аудиторий, где процент иностранных студентов растет.

Феномен глобальной мобильности оказывает особое влияние на неанглоязычные страны, которые укрепили свои позиции в качестве ведущих направлений для получения образования. Среди них Российская Федерация, которая, наряду с Германией, Францией и Китаем, является одной из неанглоязычных стран с наибольшим числом иностранных студентов [2, с. 97; 3, с. 9]. Однако российский контекст имеет существенные особенности, которые оправдывают отдельный анализ. С одной стороны, его язык обучения (русский) и образовательные традиции существенно отличаются от англоязычных контекстов, проанализированных в литературе. С другой стороны, состав его международного студенческого контингента крайне неоднороден: большинство студентов из стран Содружества Независимых Государств, которые в различной степени имеют языковые и образовательные связи с Россией, сосуществуют с растущим контингентом студентов из других регионов, таких как Азия [4].

Двойной статус – статус центра массового туризма с менее глобализованным языком обучения и наличие студенческого контингента с таким разнообразным происхождением – порождает специфические интеграционные процессы и педагогические проблемы. Хотя опыт англоязычных стран, таких как США или Великобритания, дает ценные уроки, именно неанглоязычные контексты представляют собой модель, более близкую к российской реальности. Поэтому анализ решений, реализованных в таких странах, как Германия, Франция или Китай, и понимание принципов, лежащих в основе их успеха, имеет неоценимое значение для разработки образовательной политики и практики в такой стране, как Россия, которая стремится укрепить свою глобальную привлекательность и гарантировать высококачественное и равноправное образование для всех своих студентов.

Однако приезд иностранных студентов сопряжен с определенными трудностями. Главная проблема, с которой они сталкиваются, – это так называемый языковой барьер, сложное явление, выходящее за рамки простого владения лексикой или грамматикой. Предыдущие исследования показали, что этот барьер имеет лингвистические компоненты (трудности с академическим языком, понимание на слух быстрой речи и создание сложных текстов) и психологические компоненты (коммуникативная тревожность, боязнь совершить ошибки, низкая самооценка, аккультурационный стресс), которые взаимодействуют и влияют на успеваемость и социальную интеграцию студента [5–7]. Исследования в конкретных контекстах, например, исследования китайских студентов немецких технических университетов, показывают, что даже при наличии сертификатов уровня C1 студентам не хватает уверенности в использовании языка в академических контекстах, и они склонны к социальной изоляции, что усугубляет проблему [8].

В ответ на этот диагноз все больше исследований сосредотачивается на изучении и предложении решений. Они варьируются от институциональной политики, такой как программы наставничества (или «системы друзей») и центры языковой и академической поддержки [4; 9], до педагогических инноваций, таких как геймификация, смешанное обучение и стратегическое использование цифровых инструментов для повышения доступности контента [10; 11]. Такие авторы, как Фриденберг, оспорили доминирующую модель, требующую знания языка как обязательного условия для поступления, и предложили вместо этого модели многоязычного высшего образования, которые интегрируют языковую поддержку одновременно с изучением дисциплин [12].

Цель данного исследования – проанализировать и систематизировать решения и стратегии, применяемые на международном уровне для управления и преодоления языковых трудностей в многокультурных университетских аудиториях, особенно в странах, где английский язык не является родным.

Данное исследование основано на качественном контент-анализе публикаций, отобранных с учетом их релевантности исследовательской проблеме. Контент-анализ отобранных документов выявил разнообразный набор стратегий и решений для преодоления языковых трудностей в многокультурных университетских аудиториях. Они сгруппированы в три взаимосвязанных уровня: институциональный, педагогический и индивидуальный.

На институциональном уровне результаты показывают, что университеты разработали структурированные программы поддержки для облегчения интеграции иностранных студентов. Одна из наиболее распространенных и высоко ценимых стратегий – это программы наставничества, известные как «программы наставничества» или системы репетиторства, в рамках которых местные студенты объединяются с новичками, чтобы помочь им адаптироваться к академическим и социальным нормам принимающего учебного заведения [4; 9]. Кроме того, создание языковых и академических центров поддержки становится ключевым институциональным ответом. Однако эффективность этих центров зависит от их способности предлагать языковые курсы для конкретных целей (английский язык для академических целей, технический немецкий и т. д.), а не просто общие языковые курсы, тем самым учитывая неоднородность студенческого контингента [8; 13]. Аналогичным образом, некоторые страны с высоким уровнем дохода внедряли политику предоставления дополнительного финансирования школам с высокой концентрацией учащихся-иммигрантов, прямо признавая дополнительные затраты, связанные с удовлетворением их специфических потребностей, как это происходит в некоторых швейцарских кантонах или в Соединенном Королевстве [2; 6]. Наконец, возникла дискуссия, ставящая под сомнение модель требования знания языка в качестве вступительного условия, предлагая вместо этого модели многоязычного высшего образования, которые интегрируют языковую поддержку одновременно с изучением дисциплин [12].

С педагогической точки зрения, результаты показывают широкий спектр дидактических и технологических инноваций. Стратегическое использование цифровых инструментов выступает в качестве ключевого фактора. Об этом свидетельствует опыт программы изучения китайско-иностранных языков, в рамках которой была внедрена платформа Notion. По-

средством централизации всех учебных материалов, доступных через QR-коды во время занятий, такая стратегия снижает тревожность среди студентов с низким уровнем владения языком, позволяя им успевать за программой и использовать переводчиков в режиме реального времени [10]. Геймификация и смешанное обучение как активные методики продемонстрировали прямое и значительное влияние на повышение уровня владения языком. Следует обратить внимание на две ключевые переменные, с помощью которых обеспечивается данный эффект: удовлетворенность обучением и культурную адаптацию, которые не только обучают языку, но и интегрируют студента в академическую и социальную культуру [11]. Кроме того, заслуживает внимание внедрение транслингвальных подходов в университетах в многоязычных контекстах, таких как Швейцария. В качестве примера назовем курс Базельского университета «Обучение коммуникации в многоязычной среде», использующий немецкий, французский, итальянский и английский языки, который учит студентов переключаться между языками и развивать «трансверсальную коммуникативную компетенцию», преодолевая традиционную языковую сегментацию и готовя их к реальной профессиональной среде [13]. Также представляет интерес внедрение педагогики, ориентированной на студента, вдохновленной критической педагогикой Фрейре, где студент является активным «партнером», помогает снизить тревожность и способствовать участию, особенно среди студентов, которые не уверены в своих языковых навыках [7; 10].

В результате применения данных методик проявляется самостоятельность самих студентов, которые разрабатывают автономные стратегии преодоления трудностей в дополнение к институциональной поддержке. Реализуемые стратегии включают: а) систематическое использование мобильных приложений для изучения языка; б) участие в социальных сетях для практики целевого языка, в) потребление медиаконтента (фильмы, подкасты, видео) и г) активное стремление к социальному взаимодействию с носителями языка. Важным выводом является различие в предпочтениях в зависимости от контекста принимающей страны. Студенты в англоязычной среде, как правило, используют более традиционные методы, такие как учебники и структурированные курсы, в то время как студенты в немецкоязычной среде проявляют большую склонность к цифровым ресурсам и специализированным курсам. Обозначенное различие показывает, что институциональные предложения и местная культура обучения активно влияют и формируют стратегии преодоления трудностей, которые разрабатывают студенты [5].

Также сравнительный анализ в разных контекстах показывает, что такие страны, как Германия, Франция, Швейцария и Китай, которые разделяют с Россией характеристику менее глобализированного языка обучения, предлагают актуальные и применимые решения для российского контекста. В этой связи показателен немецкий опыт с его двойным подходом сотрудничества и конкуренции, а также явными усилиями по интеграции китайских студентов посредством специальных программ поддержки [8; 14]. Швейцарский случай демонстрирует возможность успешной реализации транслингвистических подходов в сложных многоязычных средах [13]. Анализ китайского контекста показывает, как цифровые инструменты могут преодолевать языковые и педагогические барьеры в китайско-иностранных программах, предлагая ценные уроки использования технологий в качестве моста [10]. Пример Франции представляет собой особенно интересный контрапункт благодаря ее стратегии языковой подготовки в стране происхождения, реализуемой через глобальную сеть образовательных центров. Известно, что Франция разработала экосистему поддержки, которая стремится сочетать основательную предварительную подготовку с последующими механизмами интеграции. Сеть Alliance Française, представленная в 135 странах и насчитывающая более 830 центров, функционирует как исполнительный инструмент французской языковой политики, предлагая стандартизированное обучение и специальную подготовку для получения высшего образования [15]. Данная сеть тесно координирует свою деятельность с Campus France, правительственным агентством, ответственным за продвижение французского высшего образования и управление потоком иностранных студентов [16]. Кроме того, французские университеты разрабатывают собственные дополнительные структуры поддержки, та-

кие как университетские дипломы по французскому языку как иностранному (DU FLE), предназначенные для укрепления языковых навыков после начала обучения. В совокупности эти результаты свидетельствуют о том, что наиболее эффективными являются решения, которые скоординированно интегрируют институциональную поддержку, педагогические инновации и содействие самостоятельности учащихся, адаптируясь к языковым и культурным особенностям каждого национального контекста.

В заключение отметим, что российская система высшего образования проводит политику языковой открытости, однако инициативы по поддержке пока не в полной мере реализуются. Международный опыт свидетельствует о необходимости усиления этой поддержки в пяти областях: повышение квалификации преподавателей в области межкультурной компетенции; внедрение транслингвальных подходов, использующих родные языки студентов в качестве моста к русскому языку; внедрение недорогих технологических инноваций, таких как хранилища ресурсов и геймификация; развитие существующих систем наставничества в долгосрочную академическую и языковую поддержку; и дополнение подготовительных курсов русского языка обучением родному языку по образцу французского Alliance Française. Скоординированная реализация этих мер позволит России укрепить свою глобальную привлекательность и обеспечить равноправное и инклюзивное образование для своих иностранных студентов.

Литература

1. Higher Education: Figures at a Glance // UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Global Education Monitoring Report 2019: Migration, Displacement and Education – Building Bridges, not Walls. Paris: UNESCO, 2019. 436 p.
3. International Student Mobility Report. Gif-sur-Yvette: T.I.M.E. Association, 2021. 60 p.
4. Береговая О. А., Кудашов В. И. Проблемы языковой и академической адаптации иностранных студентов в России // Интеграция образования. 2019. Т. 23, № 4. С. 628–640.
5. Bobro M., Skrypnik D. Language Barrier Problem while Studying in a Foreign Language: Experience of International Students of English-Language and German-Language Programs // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2025. № 97. Р. 64–69.
6. Vogel G. M. A Study of the Language & Culture Challenges Facing Business & Legal Studies Faculty in the Ever-Expanding Global Classroom // Journal of International Business and Law. 2014. Vol. 13, Is. 1. Art. 2. P. 127–154.
7. Пчелинцева И. Г., Чумакова А. В. Способы преодоления трудностей в процессе обучения иноязычному профессиональному общению студентов технических вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, Вып. 8. С. 1054–1060.
8. Auschner E., Jiang L. Implementing Chinese Student Support Services at a German Technical University // Journal of International Students. 2025. Vol. 15, Issue 5. P. 63–80.
9. Волков Ю. А., Башеров О. И., Яшина Ю. В., Фомичева Д. А. Языковой барьер и его влияние на учебный процесс иностранных студентов // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15, № 1-1. С. 325–331.
10. Goodbody F. Using Digital Tools to Address Pedagogical and Linguistic Challenges in a Sino-Foreign Undergraduate Program // Journal of International and Comparative Education. 2023. Vol. 12, Is.2. P. 51–68.
11. The New ABCs of Learning: AI, Blended Learning and Cultural Adaptation in Chinese Higher Education / N. B. M. Raof, L. Liu, D. Luo, S. B. A. Rahim // Journal of Higher Education Research. 2025. Vol. 6, Is. 6. P. 705–709.
12. Friedenberg J. E. The Linguistic Inaccessibility of U.S. Higher Education and the Inherent Inequity of U.S. IEPs: An Argument for Multilingual Higher Education // Bilingual Research Journal. 2002. Vol. 26, N 2. P. 309–326.
13. Meyer S., Gekeler P., Manger S., Urank D. Plurilingualism, Multilingualism and Internationalisation in the European Higher Education Area: Challenges and Perspectives at a Swiss University // De Gruyter. 2013. Vol. 1. P. 405–428.
14. Wahlers M. Internationalization of Universities: The German Way // International Higher Education. 2018. N 92. P. 9–11.
15. Fondation des Alliances Françaises. Historique. URL: <https://www.fondation-alliancefr.org/?cat=538> (дата обращения: 01.03.2026).
16. Campus France. ¿Qué es Campus France? URL: <https://www.espagne.campusfrance.org/que-es-campus-france> (дата обращения: 01.03.2026).

СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТОЛЬЯТТИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Обосновывается необходимость воспитания российской молодежи на основе традиционных ценностей в условиях нестабильности информационного общества. Проанализированы результаты эмпирического исследования, проведенного в Тольятти среди старшеклассников. На основе корреляционного анализа выявлены особенности структуры традиционных ценностей. Установлено, что базовыми элементами в структуре традиционных ценностей выступают: справедливость, солидарность, семья и патриотизм.

Ключевые слова: традиционные ценности, молодежь, структура ценностей, традиция, патриотизм, солидарность, коллективизм, справедливость.

I. V. Tsvetkova

Tolyatti State University, Tolyatti

THE STRUCTURE OF TRADITIONAL VALUES OF TOGLIATTI STUDENTS

The relevance of this study stems from the need to educate Russian youth based on traditional values in the context of the instability of the information society. This paper analyzes the results of an empirical study conducted among high school students in Togliatti. Correlation analysis reveals the structural features of traditional values. It is established that the fundamental elements in the structure of traditional values are: justice, solidarity, family, and patriotism.

Keywords: traditional values, youth, value structure, tradition, patriotism, solidarity, collectivism, justice.

Введение

В условиях вызовов на международной арене, с которыми столкнулась Россия, особое значение приобретают традиционные ценности, выступающие духовной основой объединения российских граждан. О необходимости проведения политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей сказано в Указе президента РФ № 809. В документе традиционные ценности определены в качестве нравственных ориентиров, определяющих гражданскую идентичность и единство общества. Традиционные ценности определяют отношения между гражданами и социальными институтами в первую очередь государством.

К традиционным ценностям, согласно Указу, относятся единство народов России, историческая память, служение Отечеству, созидательный труд, приоритеты духовных ценностей над материальными, гуманизм, милосердие, крепкая семья, гражданственность и патриотизм, коллективизм, права и свободы человека [1].

Данные ценности на современном этапе имеют приоритетное значение для воспитания подрастающего поколения под влиянием социальных институтов российского общества. Особое значение среди них имеет ценностное отношение к Отечеству, которое включает комплекс отношений индивида с государством, своим социальным окружением, формирующих представления о гражданских правах и обязанностях [2].

Однако ценности претерпевают ряд трансформаций, поскольку их реализация в конкретных условиях ставит человека перед выбором жизненных стратегий для достижения целей. В современном обществе конкурируют две модели ценностных ориентаций. Первая модель включает представления об индивидуальном жизненном успехе, самореализации, свободном выборе стиля жизни, ориентации на высокий уровень и качество жизни. Вторая модель базируется на ценностях коллективизма, благополучной семьи, солидарности, патриотизма [3]. Традиционным ценностям противопоставляются либеральные ценности, транслируемые Западом, которые включают индивидуализм, вседозволенность, эгоизм, потребительский стиль жизни [4].

Конкуренция между этими моделями ценностей оказывает влияние на мировоззрение подрастающего поколения. В современных условиях повышается роль образования в качестве агента социализации молодежи на основе традиционных ценностей [5].

Динамика ценностей российской молодежи находит проявление в следующих тенденциях.

Во-первых, в молодежной среде прослеживается стремление к получению удовольствий от потребления как материальных благ, так и информации. Эта тенденция сочетается с возрастанием установок готовности к новизне, сопряженной с риском.

Во-вторых, у молодежи наблюдается отсутствие ценностного отношения к традиции. Ее понимание нередко ограничивается обычаями и ритуалами, связанными с праздниками. Однако традицию не воспринимают в качестве источника духовно значимых смыслов.

В-третьих, у подростков частные интересы, индивидуализм имеют приоритетное значение по сравнению с интересами общества и государства [6].

А. А. Морозов, С. В. Денисенко обращают внимание на то, что понимание традиции неоднозначно воспринимается молодежью. Традиция может рассматриваться как образец и норма общественного развития, проверенная в течение исторического развития. Однако традиция может рассматриваться как совокупность норм, взглядов, которая препятствует инновационному развитию. В официальном дискурсе российские традиционные ценности противопоставляют западным либеральным ценностям [7].

Социологические исследования показывают, что молодежь различает традиционные и духовно-нравственные ценности. Различия состоят в том, что традиционные ценности важны для общества в целом, они определяют преемственность, формируют историческую память. Духовно-нравственные ценности относятся к индивидуальному выбору личности. Молодежь болезненно реагирует на ограничения в информационном пространстве, видя в этом отсутствие возможностей для реализации свободы [8].

Метаанализ ценностного ядра российской молодежи, проведенный С. В. Расторгуевым, А. А. Сучиловой на основе публикаций 2019–2023 гг. показал, что оно включает следующие ценности: любовь, семья, здоровье, материальное благополучие, самореализация, свобода, справедливость. Молодежь гордится культурой и историей России, ее природными богатствами. При этом материалы исследований свидетельствуют о недоверчивом отношении молодежи к официальному политическому дискурсу, большинству социальных институтов, призывам к долгу и ответственности. Молодежь демонстрирует приверженность патриотизму, открытость западной культуре, стремление к проявлению креативности и творчества [9].

Социолингвистическое исследование показало, что для российской молодежи близким и понятным является приоритет духовного над материальным в качестве традиционной ценности русской культуры. Однако при анализе дихотомии индивидуального и коллективного на первый план для молодежи выступают личные интересы. Базовой ценностью для молодежи является семья в качестве основы социального благополучия [10].

Таким образом, при изучении отношения молодежи к традиционным ценностям исследователи отмечают, что они воспринимаются подрастающим поколением избирательно. Традиционные ценности подвержены трансформациям под влиянием внешних и внутренних факторов.

Цель исследования состоит в выявлении структуры традиционных ценностей и описания статистических взаимосвязей между ними на основе материала эмпирического исследования.

Методология исследования

В социологическом исследовании по изучению молодежи к традиционным ценностям России приняли участие школьники десятых и одиннадцатых классов города Тольятти. Было опрошено 679 чел.

Инструментарий опроса включал 11 суждений, раскрывающих смысл базовых традиционных ценностей российского общества. Суждения содержат дихотомические высказывания, что дает возможность их принять или отвергнуть.

Единство народов России: «Культура России – многонациональная, а не только русских людей».

Созидательный труд: «Труд должен приносить пользу не только человеку, но и обществу».

Милосердие, доброта: «Доброта и милосердие – это признаки силы, а не слабости».

Справедливость: «Справедливость состоит в том, чтобы учитывать различия людей, а не уравнивать всех».

Солидарность и взаимоуважение: «Человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей».

Коллективизм: «Успех человека зависит не только от личных усилий, но от помощи других людей».

Достоинство, совесть: «Даже в самых сложных ситуациях нужно следовать своим убеждениям, не идти против совести».

Патриотизм: «По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей».

Семья: «Создание своей семьи, рождение, воспитание детей – это одна из главных целей человека».

Приоритет духовного над материальным: «Такие ценности, как любовь, дружба, вера и т. д., не измеряются деньгами».

Историческая память: «Знания по истории страны нужны человеку, чтобы понимать современное общество, а не только прошлое».

Участники анкетирования по каждому суждению выбирали один вариант ответа: «согласен», «скорее согласен», «скорее не согласен», «не согласен».

Результаты исследования

Среди традиционных ценностей три четверти респондентов отмечают важность доброты и милосердия, многонациональной культуры России, созидательного труда, а также справедливости. Особенность суждений, согласие с которыми выразили от 71 до 78 % опрошенных, состоит в том, что они содержат представления об оптимальном балансе учета различий интересов групп и индивидов в соотношении с общими интересами (табл.).

Таблица
Распределения ответов старшеклассников об оценке суждений о традиционных ценностях России
(в % по строкам)

Суждения	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен, не согласен
Такие ценности, как любовь, дружба, вера и т. д., не измеряются деньгами	83	15	2
Доброта и милосердие – это признаки силы, а не слабости	78	21	1
Культура России – многонациональная, а не только русских людей	74	21	5
Труд должен приносить пользу не только человеку, но и обществу	73	24	3
Справедливость состоит в том, чтобы учитывать различия людей, а не уравнивать всех	71	25	4
Знания по истории страны нужны человеку, чтобы понимать современное общество, а не только прошлое	69	26	5
Человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей	66	27	7
Даже в самых сложных ситуациях нужно следовать своим убеждениям, не идти против совести	61	33	6
Успех человека зависит не только от личных усилий, но от помощи других людей	55	32	13
Создание своей семьи, рождение, воспитание детей – это одна из главных целей человека	51	25	24
По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей	43	26	31

Две трети участников опроса выделяют историческую память, взаимопомощь и взаимное уважение, достоинство и совесть среди значимых традиционных ценностей. С суждениями об этих ценностях согласны от 61 до 69 % респондентов.

Примерно половина участников опроса считают важными ценностями коллективизм и семью. С суждениями об этих ценностях согласны от 51 до 55 % респондентов.

Суждение о патриотизме «По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей» вызвало неоднозначную реакцию. 43 % респондентов соглашались с ним, вариант ответа «скорее согласен» выбран 26 % опрошенных, а противоположного мнения придерживаются треть участников опроса (31 %). Таким образом, для значительной части молодых тольяттинцев жизнь в России не является обязательным условием для счастья.

Рассмотрим корреляционные связи, характеризующие взаимосвязи суждений о традиционных ценностях. Анализ корреляций дает возможность выявить статистические зависимости между представлениями подростков о традиционных ценностях. При описании структуры традиционных ценностей были учтены коэффициенты корреляции Пирсона, которые превышают значения 0,300.

Значимость ценности справедливости находит отражение в суждении *«Справедливость состоит в том, чтобы учитывать различия людей, а не уравнивать всех»*, с которым согласились 71 % опрошенных.

Представления подростков о справедливости связаны с тем, что «человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей» (0,335). Справедливость рассматривается в контексте с социальной солидарностью, устанавливающей гармоничные отношения между личными и общественными интересами.

Справедливость, по мнению представителей подрастающего поколения, находит проявление в том, что русская культура является общим достоянием всех народов России. Суждение о справедливости находится во взаимосвязи с высказыванием «Культура России – многонациональная, а не только русских людей» (0,327).

Ценностное отношение к справедливости связано с представлением о том, что «труд должен приносить пользу не только человеку, но и обществу» (0,315). Таким образом, для молодых тольяттинцев справедливость соотносится с признанием общественной значимости труда.

Справедливость рассматривается подростками в контексте доброты и милосердия. Прослеживается значимая статистическая связь между значимостью справедливости и суждением «Доброта и милосердие – это признаки силы, а не слабости» (0,300).

Ценности солидарности и взаимоуважения находят проявление в согласии с суждением *«Человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей»*, отмеченном в 66 % анкет.

Представления подростков о важности солидарности и взаимоуважения статистически связаны с патриотическими ценностями. Это находит отражение в корреляции суждения о солидарности с высказыванием «По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей» (0,400).

Ценностное отношение к солидарности и взаимоуважению находится во взаимосвязи с суждением «Труд должен приносить пользу не только человеку, но и обществу» (0,366). Таким образом труд рассматривается представителями подрастающего поколения как важная характеристика социальной интеграции, а не только как базис благосостояния.

Прослеживается значимая статистическая взаимосвязь между суждением о солидарности и высказыванием «Создание своей семьи, рождение, воспитание детей – это одна из главных целей человека» (0,352). Подобная характеристика представляется вполне логичной, поскольку взаимопомощь, солидарность, взаимное уважение находят проявление в первую очередь в семье.

Признание ценности солидарности, взаимоуважения связано с представлениями о справедливости. Суждение *«Справедливость состоит в том, чтобы учитывать различия людей, а не уравнивать всех»* многими респондентами рассматривается в контексте взаимоуважения и солидарности (0,335).

Приверженность к ценностям солидарности взаимосвязана с представлениями о многонациональном характере русской культуры. Прослеживается значимая статистическая взаимосвязь между суждением о солидарности и высказыванием «Культура России – многонациональная, а не только русских людей» (0,326).

С суждением *«Создание своей семьи, рождение, воспитание детей – это одна из главных целей человека»* согласна половина подростков (51 %).

На создание собственной семьи чаще ориентированы подростки, которые хотят жить и работать в России. Ценность семьи сочетается с суждением *«По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей»* (0,600).

Представления о ценности семьи у молодежи сочетаются с мнением о том, что *«успех человека зависит не только от личных усилий, но от помощи других людей»* (0,364). Таким образом, ценностное отношение к семье респондентов соотносится с коллективистскими установками.

Приверженность к семейным ценностям находится связана с ценностями солидарности и взаимоуважения. Прослеживается значимая статистическая взаимосвязь между суждением о семье и высказыванием *«Человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей»* (0,352).

Ценностное отношение к семье включает представление о преемственности между поколениями. Суждение *«Знания по истории страны нужны человеку, чтобы понимать современное общество, а не только прошлое»* связано с суждением о ценности семьи (0,321).

Суждение о патриотических ценностях подрастающего поколения *«По-настоящему человек может быть счастлив только на своей Родине, а не за границей»* поддерживают 43 % респондентов.

Наиболее сильная связь (0,600) прослеживается с суждением, характеризующим ценность семьи *«Создание своей семьи, рождение, воспитание детей – это одна из главных целей человека»*. Таким образом, подростки, которые стремятся к самореализации в России, чаще ориентированы на создание собственной семьи.

Патриотические установки молодых тольяттинцев находят проявление в том, что *«успех человека зависит не только от личных усилий, но от помощи других людей»* (0,414). Желание жить и работать в России для представителей подрастающего поколения соотносится с ценностями коллективизма.

Приверженность к патриотическим ценностям взаимосвязана с ценностями солидарности и взаимоуважения. Прослеживается значимая статистическая взаимосвязь между суждением о патриотизме и высказыванием *«Человек должен добиваться не только уважения своих интересов, но учитывать интересы других людей»* (0,400).

Патриотические ценности находят проявление в признании того, что *«знания по истории страны нужны человеку, чтобы понимать современное общество, а не только прошлое»* (0,358). Для представителей подрастающего поколения, поддерживающих патриотические ценности, знания по истории имеют значение для понимания современных процессов.

Ценности патриотизма сочетаются с признанием важности духовно-нравственных ценностей. Суждение *«даже в самых сложных ситуациях нужно следовать своим убеждениям, не идти против совести»* характеризуется значимой статистической связью с высказыванием о патриотизме (0,350).

Заключение и обсуждение

Корреляционный анализ оценки тольяттинскими старшеклассниками суждений о традиционных ценностях дал возможность выявить особенности структурных связей между ними. Базовыми элементами структуры выступают ценности справедливости (71 %), солидарности и взаимоуважения (66 %), семьи (51 %) и патриотизма (43 %). Представления подростков о справедливости включают гармоничное сочетание общественных и личных интересов, о сознательном труде, доброте и милосердии, многонациональном характере русской культуры.

Ценность солидарности и взаимного уважения связана с комплексом ценностей, характеризующих справедливость. При этом солидарность в сознании подростков сочетается с признанием того, что создание собственной семьи является важнейшей целью человека.

Семья в качестве ядра традиционных ценностей связаны с желанием жить и работать в России, коллективистскими установками, солидарностью, преемственностью между поколениями, характеризующей ценность исторических знаний.

Патриотизм, находящий отражение в желании подростков жить и работать в России, сочетается с семейными ценностями. Корреляционный анализ показал наличие связей между патриотическими установками и духовно-нравственными ценностями.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Жуйков С. О. Формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству: теоретические аспекты // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2025. № 4. С. 728–739.
3. Никонова Э. И. Российская молодежь в условиях кризиса: трансформация традиционных ценностей // Вестник экономики, права, социологии. 2022. № 2. С. 130–133.
4. Маслудова Н. В. Отношение современной молодежи к традиционным ценностям (на примере студентов г. Красноярск) // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 73–80.
5. Финько М. В. Традиционные ценности в системе координат современной российской молодежи // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 4. С. 12–17.
6. Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.
7. Морозов А. А., Денисенко С. В. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей и готовность учащейся молодежи к их восприятию // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 2 (101). С. 205–212.
8. Матвеева Е. В., Шилова А. Э., Сат А. В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодежи кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 244–252.
9. Расторгуев С. В., Сучилина А. А. Исследования ценностного ядра современной российской молодежи // Власть. 2025. № 1. С. 198–204.
10. Вепрева И. Т., Ицкович Т. В., Михайлова О. А. Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 277–288.

УДК 37.012.2

В. Е. Шинкевич

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИИ МАЛОЙ РОДИНЫ И СЕМЬИ КАК ТРАДИЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Обращается внимание на необходимость внимательного отношения к истории малой Родины как основы формирования чувства патриотизма в сознании молодежи и любви к России как Отечеству. Рассматриваются основные социально-политические, экономические факторы падения интереса молодежи к истории российского государства в постсоветский период, особенно в 1990-е гг. Обозначены основные меры политического руководства государства по актуализации повышения интереса молодежи к истории малой родины и к истории Отечества.

Ключевые слова: Отечество, историческая память, малая родина, патриотизм, традиционные ценности.

V. E. Shinkevich

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

PRESERVATION OF THE HISTORY OF THE SMALL HOMELAND AND THE FAMILY AS A TRADITIONAL VALUE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

In this article, the author draws attention to the need for careful attitude to the history of the small homeland as the basis for the formation of a sense of patriotism in the minds of young people and love for Russia as the Fatherland. The main socio-political, economic factors of the decline of youth interest in the history of Russian statehood in the post-Soviet period, especially in the 90s, are considered. The main measures of the state's political leadership to actualize the increase of youth interest in the history of the small homeland and the history of the Fatherland are outlined.

Keywords: Fatherland, historical memory, small homeland, patriotism, traditional values.

События последних лет актуализировали не только значимость формирования нравственности как одного из существенных качеств современного человека, но и сам механизм формирования морально-нравственных качеств человека. Политические процессы, в которые активно вовлекалась и реализовывала Россия как ценностей для сохранения не только своей суверенности, но и своей уникальности наглядно показали ошибочность, принятой еще в первые постсоветские годы западной парадигмы формирования нового российского человека, эрза-проекта запада, в общем-то чуждого традиционным ценностям российского народа. Российский патриотизм не стал в сознании человека ориентиром сохранения уникальной российской государственности. Он фактически обесценился в сознании поколения, родившегося в постсоветский период. Неопределенность 1990-х гг. и будущего породило в сознании многих граждан «маятниковое состояние», которое отразилось на ментальное состояние россиян [1].

После 2014 г., и особенно после 24 февраля 2024 г. – начала специальной военной операции по демилитаризации и денационализации Украины, пришло во многом управленческим политическим акторам осознание явных пробелов не только в организации, но и в самой системе воспитания постсоветского периода. Поколению, родившемуся еще при СССР, жившему и творившему его историю в период смены политических ориентиров общества, в большинстве своем активно поддерживавшему процессы преобразования в политике, экономике, образовании, социальной сфере в 80–90 гг. XX столетия, поздно пришло осознание того, что противостояние на идеологическом фронте не закончилось, а лишь сформировало новые психологические практики: прокси-война, фанатическое стремление навязывания массовому сознанию идеи ценности однополярного мира и единой цивилизации как панацеи от всех общественных бед и катаклизмов [2]. Естественно, при реализации проекта однополярного мира западные политики стали бы обосновывать идею мирового господства европейских государств при непременном, и не подлежащем обсуждению, лидерстве США. И надо отметить в начале 1990-х гг. Россия идеологически была практически признана западные ценности и лидерство в мировой политике США [4]. О чем наглядно свидетельствуют и активные процессы либерализации всех основных социально экономических, политических и гуманитарных сфер общества по западным лекалам в 90-е гг. XX столетия, пересмотр и переписывание истории под углом западных идеологических соросовских штампов, на принижение роли России в мировых политических процессах различных эпох и столетий. Власть конца 1980–1990-х гг. с благоговением воспринимала русофобское «миссионерство» западных стран «развитой демократии» и их спецслужб. Собственная история стала восприниматься лишь как история фарсов [4; 5]. При активном влиянии «прогрессивного», а лучше сказать агрессивного, Запада, Россия, вынужденная была защищать свою суверенность уже с середины 1990-х гг., втянулась в череду, по сути, военных конфликтов как на внутренних театрах противостояния, так и на внешних.

Как и всегда, сегодня война забирает из генофонда народов лучших. Историческая память также локализуется временным периодом не только относительно общества, но и в пределах локальных социумов: малой Родины, семьи.

Как следствие, утрачивается собственная нравственная оценка значимости производительного труда предшествующих поколений, а нередко и современников. Названия улиц остаются просто словами, в сознании проявляются лишь территориально: Иванова, Петрова, Сидорова и т. д. Топонимика этих улиц воспринимаются также как названиях улиц: Парковая, Строителей, Пустынная, Прибрежная, Зареченская, Веселая и пр. А расположение некоторые улиц мы не сможет даже привязать территориально, ибо просто не знаем, где они находятся.

Реальное состояние исторической памяти проявляется и в поступках, и в отношении к своей памяти. Много сегодня претензии к системе воспитания в общеобразовательной школе [6], а образовательных организаций к семьям [7]. Но все же от семьи, от старшего поколения ребенок может узнать об истории своей семьи, малой Родины. При том школа, каждая образовательная организация может поддержать и развить интерес познать историю своей семьи, Родины и Отечества.

На решение проблемы формирования государственного сознания было направлено поручение Президента РФ, реализация которого предполагала введении в учебные планы с 2023 г. учебной дисциплины «Основы российской государственности».

Опыт первых лет преподавания данной учебной дисциплины оказал, что среди обучающихся немало тех, кто затрудняется что-то вспомнить конкретное о своих родственниках, предшествующих поколений. Очень смутные представления имеются о малой Родине, о земляках, которые своим трудом прославили не только регион, но и Россию, о жителях края, достойно исполняющих свой долг на полях брани специальной военной операции. Далеко не все имеют хоть какие-то знания о происхождении своей фамилии, не знают, как и какими путями их родственники попали на территорию Красноярского края и пр.

Практика изучения глобальные вопросов российской государственности в призме истории и социально-политических процессов региона позволила уже в первые годы ведения учебной дисциплине «Основы российской государственности» в учебные планы повышать к ней интерес обучающихся, апробировать наиболее эффективные, эмоционально насыщенные приемы и методы изучения феномена российской государственности.

Остановимся лишь на некоторых, не побоюсь этого слова, глобальных мероприятиях, проведенных в контексте изучения «Основ российской государственности». Ежегодно с 2023 г. по завершению изучения соответствующего курса проводятся расширенные викторины «Герои Отечества» и «Основы российской государственности». Группы вопросов были генерированы по пяти основным блокам: «История», «География», «Культура», «Наука» и «Военные события». Среди активных участников были не только обучающиеся первого курса, которые непосредственно изучают данный курс, но и сборные команды обучающихся всех курсов обучения. В 2025 г. впервые в викторине участвовала самостоятельная команда ветеранов института, с которой на равных состязались команды обучающихся. По завершению высокую оценку проведенной викторины дали все участники, отметив как интеллектуальный, так и обучающий потенциалы.

Большой эмоциональный эффект в контексте формирования российской государственности, уважительного отношения к современной истории имел проведенный в институте тематический вечер «Время НАШИХ героев». Основная идея сценария – рассказать обучающимся об участниках специальной военной операции – родителях, мужьях, братьях, детях, внуках сотрудников, работников и обучающихся института, многие из которых награждены правительственными наградами. В рамках проведенного форума были организованы как онлайн, так и офлайн встречи с близкими, минутой молчания почтили память павших. В теплой и доверительной атмосфере будущие офицеры органов внутренних дел смогли лично пообщаться с теми, кто сегодня стоит на защите рубежей Родины.

В 2025 г. профессорско-преподавательским составом кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин проведена в рамках реализации плана-графика института большая работа по подготовке учебного пособия «Основы российской государственности: региональный аспект», которое направленно на привитие не только интереса к учебной дисциплине, но и на формирование потребности изучения своей малой Родины как неотъемлемой части нашего большого Отечества – России. Учебный материал дает возможность обучающимся познакомиться с историей становления власти губернской, краевой – региональной в XIX–XX вв., земляками, которые прославили не только Красноярский край, но и внесли существенный вклад в укрепление российской государственности, в науку, искусство, спорт России и т. д. Особое место занимают проблемы организации управления регионом, в том числе в постсоветский период.

Подводя итоги, необходимо отметить, что российская государственность во многом обеспечивается уважительным отношением к своей истории, сохранением исторической памяти. Сохранить эту память и уважение к своему прошлому – задача и преподавателей и обучающихся. Понимание истории собственных корней, способствует формированию гражданской позиции каждого человека и уважения к Отечеству [8].

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Ватолина Е. В. Высшее образование и рынок труда: модели переходов и инструменты реагирования в условиях сложных вызовов и угроз // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 365–367.
2. Богданов А. Н. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI века // Вестник ПбГУ. Серия 6. 2015. Вып. 2. С. 96–107.
3. Мальченков С. А. Западное и Восточное направления во внешней политике России в 90-е гг. XX в. // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 53–57.
4. Глебова И. И. Россия вчера, сегодня, завтра // Россия и современный мир. 2016. № 1. С. 35–58.
5. Фетищев Д. В., Ильясов О. П. Кто и зачем пытается переписать историю постсоветских стран // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 83–90.
6. Михайлова Е. А. Проблемы и противоречия воспитания в современной школе // Вестник московского университета. Серия: педагогическое образование. 2011. № 2. С. 121–125.
7. Степанова О. С., Николаева А. А. Исследование характера конфликтов между родителями и педагогами в образовательной организации // Педагогика и просвещение. 2020. № 4. С. 1–17.
8. Ершов Н. Р. Развитие интереса к истории своей страны через изучение истории малой Родины // Психология образования. 2024. № 6 (120). С. 14–18.

УДК 930.2"1941/1945"

Е. А. Боева, Т. В. Андриянова

Курский государственный университет, г. Курск

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

Исследуется восприятие Великой Отечественной войны студенческой молодёжью в условиях цифровизации. Опираясь на концепции современных российских социологов, показывается, что социальные медиа становятся вторым по значимости источником информации, усиливая визуальность, эмоциональность и персонализацию исторического контента. Фиксируются риски фальсификации и некритичного восприятия исторической информации, что актуализирует задачу развития медиаграмотности студентов.

Ключевые слова: историческая память, социальные медиа, студенчество, цифровизация, Великая Отечественная война, медиатизация, социологический опрос.

E. A. Boeva, T. V. Andriyanova

Kursk State University, Kursk

THE GREAT PATRIOTIC WAR FOR MODERN STUDENTS: DIGITALIZATION OF MEMORY

The article examines the perception of the Great Patriotic War by students in the context of digitalization. Based on the concepts of modern Russian sociologists, the authors show that social media is becoming the second most important source of information, enhancing the visual, emotionality and personalization of historical content. The risks of falsification and uncritical perception of historical information are fixed, which actualizes the task of developing students' media literacy.

Keywords: historical memory, social media, students, digitalisation, Great Patriotic War, mediatisation, sociological survey.

Современная историческая память всё реже существует как результат исключительно школьного обучения или семейного рассказа. Она активно формируется в медиасреде, где прошлое циркулирует в виде новостных публикаций, визуальных образов, мемов, коротких видеороликов и дискуссий в тематических сообществах. Для студенческой молодёжи именно эта среда часто становится первым и наиболее регулярным пространством встречи с историческим содержанием. Поэтому вопрос о восприятии Великой Отечественной войны сегодня невозможно отделить от анализа социальных медиа как канала трансляции и переупаковки коллективной памяти. Как подчёркивают Ф. И. Шарков и Т. В. Андриянова, «медийная инклюзия... как объединяющее пространство информации в виде открытых данных... предоставляющее свободный и равный доступ к нему всем пользователям медиасредств» [9, с. 15], становится неотъемлемой характеристикой современного социокультурного пространства, в котором молодёжь выступает наиболее активным субъектом.

Отечественные исследователи убедительно показывают, что цифровая среда превращается в самостоятельный механизм конструирования исторического сознания. Д. В. Дунас, Е. А. Салихова и Д. А. Бабына подчёркивают, что «в эпоху медиатизации память является не только социальным, но медийным конструктом» [4, с. 252]. Такая постановка вопроса позволяет видеть в социальных сетях не нейтральный канал передачи сведений, а специфическую среду, в которой историческое знание приобретает новую форму. Значимость именно медийной составляющей для молодёжи подтверждается и тем, что, по данным В. В. Марковой и Т. В. Андрияновой, «социальные сети и онлайн-медиа играют важную роль в самоактуализации подростков и молодёжи, а публикация видео и создание контента являются важной частью творческого самовыражения и поиска идентичности» [8, с. 342].

Особый интерес представляет именно студенческая молодёжь. В. В. Кулиш обращает внимание, что «старшеклассники и студенты выступают в качестве самостоятельных субъектов функционирования исторической памяти» [7, с. 40]. Следовательно, важно анализировать не только объём знаний о войне, но и способы их получения, форматы, которые студенты считают убедительными, и то, что удерживает их внимание в цифровой среде.

Т. М. Дадаева и О. А. Богатова отмечают, что под воздействием цифровизации историческая память становится «более доступной, гибкой, множественной и одновременно фрагментированной» [3, с. 15]. Это наблюдение позволяет точнее понять, почему студенты нередко доверяют одновременно нескольким источникам: официальным материалам, интернету, семейным рассказам, музеям и школьному опыту. Цифровая среда расширяет доступ к прошлому, но делает его более мозаичным и зависимым от формата подачи. Вместе с тем Д. В. Зернов подчёркивает, что «большинство студентов считает, что современная молодёжь не очень критична в восприятии исторической информации из интернета» [5, с. 266]. Социальные медиа, таким образом, способны не только усиливать интерес к прошлому, но и исказить его через упрощение, эмоционализацию или намеренную подмену контекста. Проблема фальсификации исторической памяти в молодёжной среде была отчётливо обозначена и в более ранних работах: как указывает Т. В. Андриянова, «средством для фальсификации исторической памяти может выступать сам канал её передачи» [1, с. 17], причём с уходом живых носителей памяти и возрастанием роли цифровых платформ эти риски лишь усиливаются.

В. В. Касьянов и С. А. Чупрыников, анализируя диалектику памяти, приходят к выводу, что «историческая память и память социальная находятся в тесной взаимосвязи и взаимодополнении... Диалектическое взаимодействие исторической и социальной памяти нацелено на осмысление событий прошлого с целью поиска и определения ценностно-смысловых ориентиров в настоящем» [6, с. 59]. Для темы цифровизации это принципиально: в социальных медиа память о войне существует не отдельно от повседневной жизни студентов, а внутри их коммуникации, где прошлое связывается с настоящими ценностями, образами идентичности и практиками самоописания.

Эмпирическую базу статьи составили данные онлайн-опроса 230 студентов высших учебных заведений г. Курска, проведённого в феврале – марте 2026 г.

Прежде всего обращает на себя внимание устойчивый интерес к теме Великой Отечественной войны: 65,2 % студентов назвали её для себя интересной, ещё 33 % – интересной в определённой степени, и лишь 1,7 % прямо заявили об отсутствии интереса. Такой результат показывает, что в молодёжной среде тема войны не утратила актуальности. Однако почти половина респондентов указала, что знаний о войне им пока недостаточно и хотелось бы узнать больше. Иначе говоря, заинтересованность в прошлом существует, но она сопровождается запросом на более содержательное и разнообразное историческое знание, что подтверждает тезис В. В. Кулиша о субъектной позиции учащихся.

Большинство респондентов воспринимают войну не как нейтральный исторический факт, а как символ героизма, единства и жертвы. Для анализа цифровой памяти это принципиально: ценностная рамка делает тему особенно чувствительной к способам медиапредставления. В социальных сетях любой исторический сюжет быстро приобретает эмоциональный оттенок, а значит, усиливается роль визуальных знаков, коротких историй и личных свидетельств.

Когда студентов попросили назвать источники, из которых они чаще всего узнают о событиях войны, на первом месте оказалось учебное заведение (61,3 %). Однако интернет уже занял вторую позицию (41,7 %), опередив книги, кино и семейный канал передачи знания. Это важный показатель: цифровая среда прочно встроена в повседневный режим получения исторической информации. Она не отменяет образование, но сосуществует с ним и формирует собственную нишу. Как отмечают Д. В. Дунас и соавторы, «память в цифровой среде становится медийным конструктом», и приведённые цифры наглядно демонстрируют, что интернет уже выполняет роль одного из ведущих конструкторов исторических представлений студентов.

Содержательно этот вывод подкрепляется другими ответами. На вопрос о том, что лучше всего помогает понять значение Великой Отечественной войны для страны, студенты чаще всего называли личные рассказы и семейные истории (33,5 %), а затем художественные и документальные фильмы (32,2 %). Учебные материалы оказались лишь на четвёртом месте. Это показывает, что в молодёжной среде наиболее убедительными оказываются формы, соединяющие эмоциональную насыщенность, образность и персональную причастность. Социальные медиа встраиваются именно в такую логику: они усиливают привлекательность личного опыта и визуальных сюжетов, превращая их в легко распространяемый контент. По сути, студенты подтверждают наблюдение С. В. Тихоновой и Д. С. Артамонова о том, что прошлое в соцсетях распадается на микроформаты, циркулирующие по законам сети, и именно эти микроформаты – короткий рассказ, кадр из фильма, семейная фотография – воспринимаются как наиболее достоверные и эмоционально значимые.

Показательно и то, как студенты оценивают факторы сохранения исторической памяти. Наибольшую роль они отводят памятным мероприятиям (60 %), семейным историям (48,3 %) и образованию (42,6 %). Интернет-проекты при этом назвали только 6,1 % респондентов. Данный результат не означает, что цифровая среда не важна; скорее он демонстрирует, что студенты ещё не воспринимают её как главный институт памяти. Для них интернет работает скорее как поддерживающее пространство, а не как самостоятельная и исчерпывающая форма исторического воспитания. Одновременно это свидетельство о существующей осторожности: студенты ощущают риски, на которые указывает В. В. Зернов, и потому не склонны полностью отдавать формирование исторической памяти цифровым платформам.

Этот же баланс заметен и в ответах, касающихся доверия к официальным источникам. Доверие к учебникам, СМИ и другим институциональным формам исторического знания в целом остаётся высоким. Следовательно, студенты не противопоставляют полностью цифровое и традиционное, а выстраивают смешанную модель исторического потребления: учебное заведение даёт каркас знаний, семья обеспечивает эмоциональную вовлечённость, а интернет расширяет доступ к материалам, образам и интерпретациям. Такая модель хорошо иллюстрирует взаимодополнение исторической и социальной памяти, описанное В. В. Касьяновым и С. А. Чупрынниковым.

Локальный контекст исследования особенно важен. Почти все респонденты знают, что Курская битва проходила недалеко от их города, а подавляющее большинство посещали музеи и памятные места, связанные с Великой Отечественной войной в Курске. Это означает, что цифровая память у студентов не существует в отрыве от материального пространства города. Напротив, она соотносится с реальными мемориальными местами, семейными историями и локальной историей, что усиливает её укоренённость. Как показывают О. А. Богатова, Т. М. Дадаева и Н. В. Шумкова, «благодаря цифровым медиа технологиям процесс конструирования исторической памяти становится менее централизованным и более индивидуальным, появляются новые способы упорядочивания исторических данных» [2, с. 110]. Действительно, по мнению студентов, сохранение исторической памяти о Курской битве для жителей города крайне важно. В этой оценке проявляется понимание того, что память о войне является частью локальной идентичности. В цифровой среде именно локальные сюжеты, семейные истории, фотографии городских памятных мест и мемориальных акций часто

становятся наиболее репостимым и обсуждаемым контентом. Иными словами, чем ближе прошлое к повседневному опыту, тем выше его медиапродуктивность.

Полученные результаты позволяют сделать несколько содержательных выводов. Во-первых, нет оснований рассматривать социальные медиа в качестве фактора, который полностью вытесняет традиционные институты исторической памяти. Эмпирические данные скорее свидетельствуют об обратном. Цифровая среда органично встраивается в уже сложившуюся систему связей, а именно в образовательные, семейные и мемориальные. Во-вторых, именно в социальных сетях память о прошлом приобретает формы, наиболее адекватные современной молодёжной коммуникации. Речь идёт о краткости, визуальной насыщенности, эмоциональной выразительности и интерактивности. В этом смысле подтверждается тезис о том, что цифровая память по своей природе фрагментирована и обладает высокой гибкостью.

Однако важно понимать и другое. Социальные медиа выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они заметно расширяют доступ к информации. Студент буквально за несколько кликов может перейти от случайного поста или короткого ролика к архивному документу, музейному сайту или биографическим материалам. С другой стороны, именно эта лёгкость доступа повышает риск поверхностного восприятия. В российском общественном сознании война занимает исключительное место как событие, связанное с победой, жертвой и национальным единством. Да, такие форматы как участие в памятных акциях, способны привлечь внимание студента к истории. Д. В. Зернов предупреждает о риске подмены содержательного осмысления поверхностной эмоциональностью.

Ключевую роль играет семейная память. Более 80 % студентов имеют родственников, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Студенты делятся историями своих семей в социальных сетях, исходя из вышесказанного можно сказать о том, что цифровая среда помогает распространению семейной истории об участниках войны.

Таким образом, данные нашего опроса студентов фиксируют устойчивый интерес к теме Великой Отечественной войны. Студенты одновременно доверяют учебному заведению, интернет-платформам, музеям и семейным историям. Самыми действенными формами исторической памяти они называют личные истории, фильмы и памятные мероприятия. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что есть необходимо формирования у студенческой молодежи навыков критической оценки исторических фактов в интернете. Лишь сочетание эмоциональной вовлеченности, семейной преемственности, образования и медиаграмотности сохраняет историческую память о Великой Отечественной войне.

Литература

1. Андриянова Т. В. Историческая память студенческой молодежи региона и проблема ее фальсификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 5–2. С. 13–21.
2. Богатова О. А., Дадаева Т. М., Шумкова Н. В. Студенческая молодежь в пространстве исторических практик и нарративов (региональный аспект) // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 1 (114). С. 98–110.
3. Дадаева Т. М., Богатова О. А. Цифровая историческая память и гражданская идентичность студенческой молодежи в регионе // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 13–26.
4. Дунас Д. В., Салихова Е. А., Бабына Д. А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 247–268.
5. Зернов Д. В. Медиатизация исторической памяти молодежи и проблемы регулирования фейковой информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 265–267.
6. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 54–61.
7. Кулиш В. В. Молодёжь как субъект функционирования исторической памяти // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 9. С. 36–42.
8. Маркова В. В., Андриянова Т. В. Молодежная активность в цифровую эпоху: участие в медиапроектах учреждений культуры // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 341–345.
9. Шарков Ф. И., Андриянова Т. В. Медиаинклюзия: генезис, парадигмы и темы // Коммуникология. 2025. Т. 13, № 4. С. 13–21.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, СПОРТ И ПАТРИОТИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Обозначена проблема противоречивых представлений молодёжи о физической культуре, спорте и патриотизме в молодёжной среде и вопросы слияния смыслов занятий физкультурой и спортом. Выявлена зависимость между развитым уровнем патриотизма и занятиями спортом, тогда как занятия физкультурой такой зависимости не выявили. Показано, что занятия физкультурой не имеют чётких знаковых итогов в виде соревнований, поэтому воспринимаются как обыденность и не связываются с возможностью служения стране и не имеют связи с патриотизмом. Сделан вывод о необходимости повышения уровня осведомлённости молодёжи о занятиях физкультурой и спортом и концентрации смыслов деятельности не только в спорте, но и в рамках занятий физкультурой для формирования патриотических представлений, суждений и взглядов.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, патриотизм, молодёжь, просвещение, патриотические ценности, повседневное служение.

M. N. KorelinEast Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk
Irkutsk State University, Irkutsk

PHYSICAL EDUCATION, SPORTS, AND PATRIOTISM IN THE PERCEPTIONS OF STUDENT YOUTH

This article addresses the problem of conflicting youth perceptions of physical education, sports, and patriotism. The convergence of meanings in physical education and sports is explored. A correlation is found between a developed level of patriotism and sports participation, while physical education did not demonstrate such a correlation. This phenomenon is explained from a behavioral and symbolic perspective, citing that sports participation requires young people to demonstrate greater concentration, willpower, and perseverance, leading to athletic victories and achievements, which symbolically acquire meaning as activities for the benefit of the Motherland. Physical education classes lack clear, meaningful outcomes in the form of competitions, and are therefore perceived as routine and not associated with opportunities to serve the country or with patriotism. It is concluded that it is necessary to raise awareness among young people about physical education and sports and to focus the meaning of activities not only in sports but also within physical education classes to foster patriotic ideas, judgments, and views.

Keywords: physical education, sports, patriotism, youth, education, patriotic values, everyday service.

В современном обществе встаёт вопрос о необходимости повышения уровня патриотизма среди населения. Занятия физкультурой позволяют не только поддерживать здоровье на приемлемом уровне, но и повышать уровень патриотической культуры населения. Социальное здоровье населения – один из приоритетов развития любого государства. Поэтому занятия физкультурой являются основой здоровой нации.

Занятия спортом и спортивные достижения сами по себе являются ещё одним приоритетом интереса государства в плане идеологического и социального управления общественным настроением и социальным положением страны. Спорт является не только сферой личных побед и достижений, но и инструментом политики на самом высоком уровне (из-за олимпийских игр меняются секторы развития экономики, выходят на новый уровень развития регионы проведения игр; страны получают поддержку и дополнительные вливания в экономику, культуру и в целом инфраструктуру региона).

Патриотические представления выступают фокусом внимания для учёных представителей власти и общественности, позволяющие выявить социальные взаимосвязи и взаимодействия населения в контексте взаимосвязи и влияния на социальную идентичность и солидарность граждан своей страны через занятия физической культурой и спортом. Традиционно, ещё со времён Советского Союза, спорт и физическая культура являлись базовыми условиями для формирования личности гражданина СССР (занятия физкультурой и спортом были общественной обязанностью и являлись одной из сфер гордости достижений наших спортсменов, на которых ровнялись и ставили в пример как «лучших граждан страны»). Это

сплачивало население, формировало личные идеалы и образы успеха и позволяло родиться страной, в которой они живут.

В различных работах присутствуют разнообразные аспекты изучения взаимосвязи спорта, физкультуры и патриотизма: как социальный ресурс достижений (Р. Г. Ардашев, М. Н. Корелин [1; 2]), молодежные смыслы спорта и патриотизма (П. А. Баев [3; 4]), спорт, патриотизм и просоциальная активность молодёжи (О. А. Полюшкевич [5; 6], Р. В. Иванов [7; 8]).

Сегодня данные процессы сложно повторить, но можно регулировать варианты социального развития общества, через создание притягательных символических образов – спортсменов-патриотов, которые добиваются удивительных достижений, достойных побед в рамках развития в России. Для этого надо понимать общий настрой населения, их представления и оценки об изучаемых явлениях, а также проводить регулярную политику просвещения, которая поможет регулировать социальные пробелы.

Эти вопросы стали основой нашего исследования, которое было проведено в 2026 г. среди студентов разных вузов Иркутска (ИГУ, БГУ, ИрНИТУ, ИрГУПС, ВСиМВД). В опросе приняло участие 1500 студентов разных специальностей в возрасте от 18 до 25 лет, 55 % девушек и 45 % юношей. Опрос проводился после занятий физкультуры и спортивных секций указанных вузов. Методом сбора информации был снежный ком. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

В результате анализа полученных данных мы выявили, что на быденном уровне молодые люди отождествляют физическую культуру и спорт. Не видят разницы и считают эти слова синонимами, а сферы деятельности однотипными – 47 %. Различают занятия спортом и занятия физической культурой – 33 %. Не задумывались об этом вовсе – 20 %.

Интересным фактом является то, что различия в занятиях спортом и физической культурой видят те, кто занимается спортом и имеет звание кандидата или мастера спорта (категория профессионалов) – 44 %, кто ходит в спорт зал и целенаправленно работает над физической подготовкой (категория любителей) – 66 %. То есть, это люди, которые специально уделяют время спорту и/или физической нагрузке и понимают разницу между общеукрепляющими физическими упражнениями помогающими поддерживать здоровье и целенаправленной работой над собой (при поддержке тренера – 73 % или самостоятельно – 27 %).

Это указывает на недостаточность знаний и уровня просвещения молодёжи. Зачастую, для большей части опрошенных (56 %), занятия в вузе по предмету «физическая культура» являются достаточным пониманием того, что они занимаются «спортом».

Спорт как состязательная деятельность и активная подготовка к ней понимается как сфера деятельности только теми, кто в спорт погружен (33 %). Спорт как форма досуга актуально для 32 %. То есть, на уровне знаний и общих представлений у основной массы студентов нет этих смыслов и пониманий. Остальные не смогли определиться с ответом. Физическая культура как форма и вид культуры также понимается только третью опрошенных (31 %), и 25 % понимают физкультуру как инструмент формирования и поддержания здоровья. Остальные также не смогли чётко определиться в понимании рассматриваемых категорий (рис. 1).

Это позволяет фиксировать размытость существующих представлений о физкультуре и спорте как части социальной жизни общества. Необходимо более системно подходить к вопросу общефизической подготовки направленной на поддержание здоровья молодёжи и целенаправленной физической работы над собой для соревнований или для себя, но на более серьёзном уровне.

Оценивания уровень регулярности занятий физкультурой и спортом мы выяснили, что те, кто занимается физкультурой только на соответствующих занятиях – говорят о еженедельных занятиях (раз в неделю), что соответствует расписанию занятий (98 %). Те, кто занимаются спортом занимаются или через день (62 %) или каждый день (38 %). Интересно то, что те, кто занимаются спортом – занятия по физкультуре чаще всего не посещают (75 %), принося справки о занятиях в спортзале от тренеров, и только 25 % их посещают.

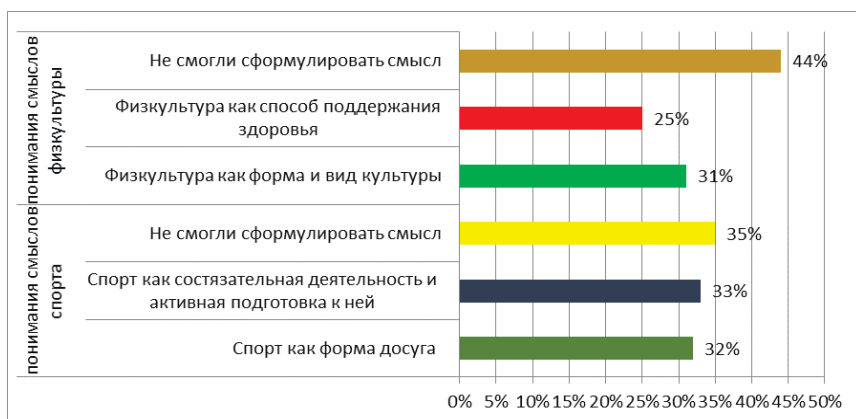

Рис. 1. Смыслы понимания физкультуры и спорта среди студенческой молодежи г. Иркутска

Те, кто занимаются спортом – видят для себя спортивную сферу как одну из нескольких (44 %) или единственную (36 %), несмотря на обучение по другим специальностям – сферу реализации в жизни. Те, кто занимаются физкультурой для себя сферу реализации никак с занятиями не связывают.

Мотивами занятий физкультурой выступает: необходимость сдачи зачёта – 46 %, поддержание общего уровня физической нагрузки (в основном те, кто занимается физкультурой в специализированном фитнес-клубе) – 32 %, приятное общение – 12 %, переключение сферы деятельности – 10 %. Мотивами занятий спортом выступают: желание быть лучшим / первым – 28 %, желание реализовать в жизни – 27 %, желание быть полезным вузу, городу, региону, стране – 23 %, интересный досуг – 22 % (рис. 2).

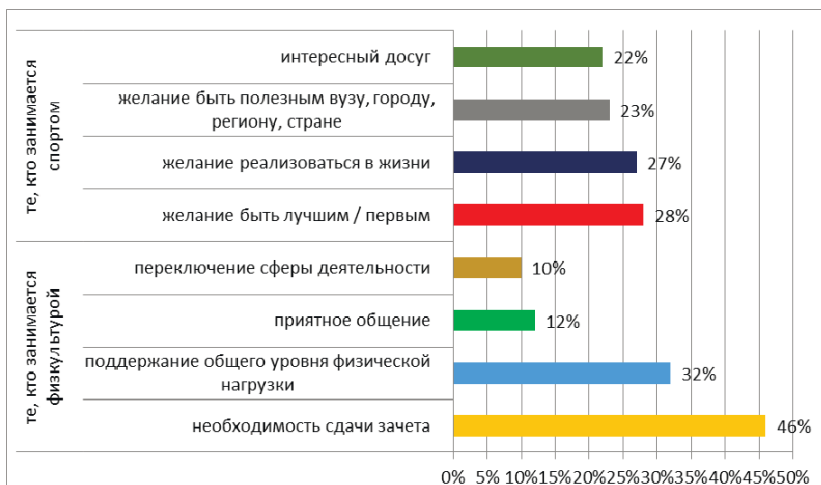

Рис. 2. Мотивы занятия физкультурой и спортом

Как видно из рис. 2, разница мотивационного потенциала у студентов очевидна: патриотические убеждения строятся среди студентов-спортсменов, а среди тех, кто занимается физкультурой, патриоты также могут быть, но не через работу с собственным телом и не для того, чтобы служить через свою деятельность стране.

Студентам мешают заниматься физической культурой и спортом разные процессы и явления. Для спортсменов преградами выступают: травмы, полученные на соревнованиях и во время тренировок (44 %), сложные отношения с тренером или членами команды (при групповых видах спорта) – 29 %, неэффективные программы тренировок – 13 %, сложности с финансированием для подготовки и участия в соревнованиях – 12 %. Для тех, кто занимается физкультурой, преградами могут выступать следующие вещи: лень (45 %), отсутствие компании друзей (21 %), не желание напрягаться сегодня – 25 %, удалённость проведения занятий или неудобное время проведения занятий – 9 % (рис. 3).

Рис. 3. Что мешает заниматься физкультурой и спортом студентам

Как видно из рис. 3, для спортсменов это объективные преграды, которые не всегда зависят от личности студента, для тех, кто занимается физкультурой – это личные субъективные ограничения, которые обозначены инфантильностью и не готовностью преодолевать преграды для достижения своих целей. Это может стать ограничением при формировании патриотических убеждений и представлений среди молодёжи, занятой физкультурой и спортом.

Мы полагаем, что необходима целенаправленная просветительская работа среди студентов о роли, значении и реальных и потенциальных возможностях как физкультуры, так и спорта. Также необходимо расширение участия молодых людей в спортивной деятельности через работу соответствующих разнообразных спортивных секций, как в рамках вузов, так и за их пределами.

Более того, на государственном уровне необходима чёткая идеологическая работа, направленная на поддержание возможностей и достижений спортсменов, а также медийное освещение через СМИ и сеть Интернет социальной и личной реализации спортсменов, их вклада в развитие страны и возможностей формирования спортивного облика государства. Это символическое наполнение не менее важно для развития патриотизма среди молодёжи занимающейся физкультурой и спортом, чем инфраструктурно-организационное.

Литература

1. Ардашев Р. Г., Корелин М. Н. Патриотизм в структуре спортивных достижений // Теория и практика физической культуры. 2026. № 4. С. 82.
2. Ардашев Р. Г., Корелин М. Н. Патриотизм среди студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10. С. 20.
3. Баев П. А. Развитие патриотизма в спортивных секциях в условиях вуза // Теория и практика физической культуры. 2026. № 4. С. 8.

4. Баев П. А. Спорт и патриотизм молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 30.
5. Полошкевич О. А. Просоциальная риторика спортивных соревнований // Теория и практика физической культуры. 2026. № 3. С. 101.
6. Полошкевич О. А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10.
7. Полошкевич О. А., Иванов Р. В. Просоциальная активность как социальный капитал волонтеров при спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 92.
8. Полошкевич О. А., Иванов Р. В. Просоциальные практики в спортивной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 50.

УДК 316.75

И. В. Легостаева

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Обосновывается, что в условиях глобальной конкуренции на современном рынке образовательных услуг одним из ключевых ресурсов, способствующих достижению высоких конкурентных позиций университета, становится его корпоративная культура. Анализируется роль коммеморативных практик в трансляции и конструировании ценностных парадигм университетской среды. Эмпирической базой исследования выступили: анализ кейс-стади российских высших учебных заведений, анкетный онлайн-опрос студенческого сообщества Тюменского индустриального университета, что позволило выявить существующую положительную корреляцию между практикуемыми форматами коммеморации и уровнем усвоения корпоративных ценностей. Отмечается, что наиболее эффективными форматами выступают интерактивные и иммерсивные технологии, позволяющие получить отклик от студенческого сообщества. Полученные результаты могут быть использованы вузами с целью корректировки коммеморативных стратегий, направленных на формирование и укрепление идентичности обучающихся.

Ключевые слова: корпоративная культура университета, коммеморативные практики, коллективная память, студенческая идентичность, ценности университета.

I. V. Legostaeva

Industrial University of Tyumen, Tyumen

COMMEMORATIVE PRACTICES AS A TOOL FOR SHAPING CORPORATE IDENTITY OF STUDENT YOUTH

In the context of global competition in the modern market of educational services, one of the key resources contributing to the achievement of high competitive positions of the university is its corporate culture. The article is devoted to the analysis of the role of commemorative practices in the translation and construction of value paradigms of the university environment. The empirical basis of the study was: an analysis of the case-stage of Russian higher educational institutions, a questionnaire online survey of the student community of Tyumen Industrial University, which made it possible to identify the existing positive correlation between the practiced formats of encouragement and the level of assimilation of corporate values. The most effective formats are interactive and immersive technologies that allow you to get a response from the student community. The results obtained can be used by universities in order to adjust commemorative strategies aimed at forming and strengthening the identity of students.

Keywords: university corporate culture, commemorative practices, collective memory, student identity, university values.

Современный университет функционирует в условиях глобальной цифровизации, а также перманентно сталкивается с трансформацией образовательных парадигм, что неизбежно приводит к поиску концепций и инструментов, которые бы способствовали формированию устойчивой идентичности, как визуальной, так и личностной.

Корпоративная культура образовательной организации базируется на ценностных доминантах, и, как показывают исследования, зачастую декларируемые в университетской среде ценности и уровень их усвоения студенческой молодежью значительно разнятся.

Разрешение выше обозначенного противоречия лежит в поле потенциала реализации коммеморативных практик, которые выступают механизмом трансформации абстрактных

ценностей в осязаемые, разделяемые студенческим сообществом, генерируя эмоциональный опыт, коммеморативные практики способствуют консолидации академического сообщества, что создает благоприятную психологическую почву для построения сильной корпоративной культуры.

Теоретической базой исследования выступила трехуровневая модель корпоративной культуры Э. Шейна, в рамках данной модели корпоративная культура представляет собой многоуровневую модель, переход с одного уровня на другой обеспечивается коммеморативными практиками, относящимися к уровню артефактов, т. е. визуально считываемым атрибутам коллективной памяти (рис.) [1].

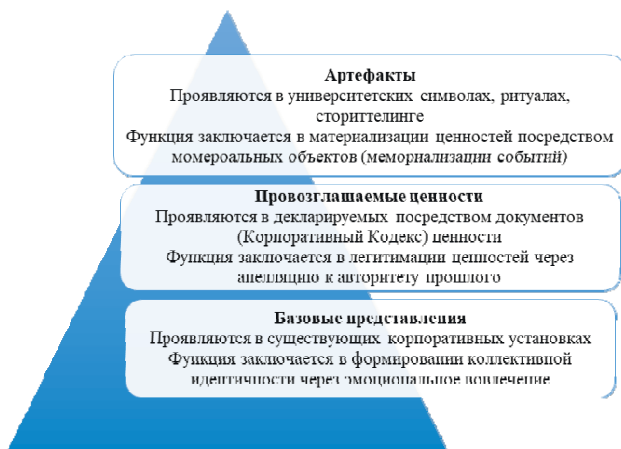

Рис. Коммеморация в трехуровневой модели корпоративной культуры Э. Шейна

Теория коллективной памяти, представителями которой являются М. Хальбвакс, М. П. Коннертон и Я. Ассман. Социология коллективной памяти (М. Хальбвакс) исходит из того, что коллективная память, как социальный феномен, формируется посредством селективной интерпретации событий прошлого, особенность этого процесса заключается в нивелировании событий, которые так или иначе противоречат пропагандируемому на текущий момент корпоративным ценностям [2; 3]. Коллективная память в рамках университетской среды опирается на легенды и мифы, передаваемые в формате сторителлинга от студентов старших курсов младшим поколениям. Разделение коммеморативных практик на виды (П. Коннертон) позволяет оценить степень влияния тех или иных мемори-инструментов на уровень усвоения корпоративных ценностей: инкорпорированные практики закрепляют в сознании студенческого сообщества отдельные корпоративные элементы, например, ритуализация событий (посвящение в студенты, празднование дней памяти), инскриптивные практики основаны на воздействии материальных носителей, наделенных «особым смыслом» (галереи славы ученых – выпускников университета, мемориальные доски и таблички, корпоративные музеи и экспозиции [4].

Коммеморативные практики не являются статичным инструментом, они динамичны, что обеспечивается культурными и коммуникативными механизмами, с помощью которых воспроизводится коллективная память университетской корпорации (Я. Ассман) [5]. Коммуникативный элемент функционирует за счет передачи ценной для реципиента информации, культурный – воспроизводит исторический контекст через корпоративные СМИ, корпоративные периодические издания.

Проведенное эмпирическое исследование (анализ кейс-стади российских университетов: МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Томский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, Московский физико-технический институт и др.) позволило определить базовые ценности, транслируемые посредством реализуемых коммеморативных практик.

Историческая преемственность и уважение к традициям. В данном случае задействуются эмоциональные механизмы, воздействие коммеморации на формирование чувства принадлежности к истории университета, подчеркивается связь поколений, внимание акцентируется на вкладе в развитие университетской корпорации выдающихся студентов и членов педагогического сообщества, ритуализация важных событий (дни открытых дверей, посвящение в первокурсники, празднование экватора).

Академическое превосходство и ценность научного лидерства. Открытая демонстрация университета с Нобелевскими лауреатами – выпускниками вуза, открытие на территории университетских кампусов именных лабораторий и лекториев в честь выдающихся ученых, участие в рейтингах, широкое освещение академических успехов посредством СМИ. Через коммеморативные практики, таким образом, укрепляется престиж высшей школы, транслируется высокий уровень конкурентоспособности и формируется благоприятный имидж.

Патриотизм. Мемориальные комплексы, барельефы, мероприятия в рамках празднования исторически важных дат, связанных с защитой Родины (марши Победы, возложение цветов), организация патриотических студенческих клубов, введение инновационных форматов (цифровые архивы, воссоздающие хронику событий). Коммеморативные практики направлены на воспитание чувства патриотизма и укрепление гражданской идентичности.

Инновации и открытость университетского сообщества. Акцент ставится на эффективном балансировании между академическими ценностями и традициями высшей школы, с одной стороны, и радикальными обновлениями, прорывными достижениями, с другой стороны.

С целью оценки влияния коммеморативных практик на уровень восприятия корпоративных ценностей студентами университета было реализовано социологическое исследование (онлайн-опрос на базе Тюменского индустриального университета среди бакалавров 1–4 курса, направления подготовки: экономическое, гуманитарное, инженерное, физико-химическое, N = 386 чел.). Результаты исследования свидетельствуют о дифференцированном характере восприятия корпоративных ценностей. Неоднородный уровень осведомленности обучающихся относительно реализуемых на территории вуза коммеморативных практик имеет положительную корреляцию с применяемыми форматами, так высокий уровень узнаваемости продемонстрировали респонденты (83 %) в отношении мероприятий патриотической направленности и юбилейных мероприятий, необходимо отметить, что медийная активность университета в освещении этих событий значительно превосходит другие форматы, также влияет обязательный характер их посещения. Средний уровень узнавания в отношении материальных коммеморативных объектов (57 %), студенческая молодежь знает и визуально помнит место нахождения этих объектов, но достаточно поверхностные знания истории их возникновения. 20 % респондентов (низкий уровень осведомленности) вовлекаются в празднования дней Памяти выдающихся личностей, чья история прочно связана с университетом, современную молодежь больше привлекают интерактивные форматы.

Тюменский индустриальный университет в коммеморативной стратегии ставит акцент на традиционных форматах мемориальных практик, выявлены барьеры, которые значительно снижают их эффективность: 73 % респондентов указывают на отсутствие эмоциональной окраски, характерное для традиционных ритуалов и церемоний, 63 % – отметили несоответствие каналов передачи информации интересам современной молодежи (официальный сайт вместо социальных медиа), половина опрошиваемых подчеркнули, что планирование, организация коммеморативных мероприятий осуществляется административным звеном, исключается участие студенческого сообщества, в таком случае, чувство сопричастности к важному нивелируется, четверть представителей студенчества справедливо отметили, что мемориальные мероприятия акцентируют внимание на регалиях исторических лич-

ностях, упуская действительно важные моменты, такие как: человеческие качества, истории успеха и неудач, которые привели к личностному росту.

Влияние применяемой коммеморативной практики на формирование идентичности студенческого сообщества детерминировано интенсивность эмоционального отклика (актуализация эмоциональной сферы личности), анализ открытых вопросов позволил сделать вывод о трансформации формального отношения в сугубо личностное в отношении ценности патриотизма, почти 90 % респондентов отметили, что участие в мероприятиях, посвященных Дню Победы вызывает глубокое эмоциональное переживание. В укреплении чувства преемственности и уважения к традициям большое значение имеет ритуальная коммеморация (корпоративный гимн), 78 % опрошенных подтвердили это, однако, сила воздействия снижается к старшим курсам (эффект привыкания).

Важный вывод исследования заключается в контекстуально оформленном запросе от студенческой молодежи (95 %) относительно нововведений в форматы коммеморации в университете. Наиболее эффективному усвоению корпоративных ценностей и укреплению идентичности, по мнению обучающихся, будет способствовать: переход от традиционного формата к геймификации мероприятий (изучение истории университета с помощью мобильной игры/ приложения, включение элементов дополненной и виртуальной реальности), использование цифровых технологий (интерактивные стенды, цифровые архивы и музеи), привлечение студенческого сообщества к активному участию в разработке концепций мемориальных мероприятий, написанию сценариев, организации и проведении коммеморативных акций, волонтерских проектах и т. д.

Подводя итоги, целесообразно отметить, что коммеморативные практики в современных реалиях функционирования высшего учебного заведения являются неоспоримо действенным инструментом формирования и укрепления корпоративной идентичности обучающихся. Однако их дальнейшее применение в рамках мемори-стратегии университета требует пересмотра коммеморативных форматов, как показало исследование, инскриптивные практики не оказывают значительного воздействия на студенческую молодежь, уступая первенство интерактивным форматам. Полученные в ходе анализа данные могут быть использованы высшими учебными заведениями, которые находятся на стадии укрепления корпоративной идентичности, формирования гражданской идентичности студенческого сообщества, трансформации существующей корпоративной культуры посредством коммеморативных практик.

Литература

1. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с.
2. Вертий Ю. М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 2 (118). С. 63–70.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8–27.
4. Connerton P. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press. 1989.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

Н. В. Деренко, В. М. Максимова
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА

Анализируются сходство и различие в управлении исследованиями, опытно-конструкторской деятельностью, проектами. Предлагается тематика учебной дисциплины «Управление исследовательской и проектной деятельностью в условиях VUCA-мира» для программ магистратуры любых направлений подготовки, даются практические рекомендации по использованию метрик и KPI, управлению интеллектуальной собственностью в НИОКР.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, проектная деятельность, управление инновациями, KPI для НИОКР, интеллектуальная собственность.

N. V. Derenko, V. M. Maksimova
Irkutsk State University, Irkutsk

STRATEGIC ASPECTS OF RESEARCH AND PROJECT MANAGEMENT IN A VUCA WORLD

This article analyzes the similarities and differences in research, development, and project management. The authors propose topics for the academic course “Research and Project Management in a VUCA World” for master’s programs across all fields of study and provide practical recommendations for the use of metrics and KPIs, as well as intellectual property management in R&D.

Keywords: research activities, project activities, innovation management, R&D KPIs, intellectual property.

Наступившая в 20-е гг. текущего века эпоха турбулентности, охватившей все сферы, от экономики и политики до технологий, потребовала переосмысления и модернизации традиционных подходов к организации исследовательской и проектной деятельности. Появился термин «VUCA-мир» – авторы [1] так определяют его: «VUCA-мир – концепция, описывающая современную реальность как нестабильную, неопределенную, сложную и неоднозначную. Акроним включает Volatility (непостоянство/изменчивость), Uncertainty (неопределенность), Complexity (сложность) и Ambiguity (двусмысленность). Эта модель характеризуется высокой скоростью изменений, невозможностью долгосрочного прогнозирования, обилием факторов влияния и неоднозначностью информации, требуя адаптации, гибкости и постоянного обучения».

Руководители магистерских образовательных программ в российских университетах, традиционно включающие в расписание первых курсов учебную дисциплину «Управление исследовательской и проектной деятельностью», преследуют очевидную прагматическую цель – дать старт развитию важных универсальных компетенций будущих магистров, включающих, согласно ФГОС ВО: «Способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий (УК-1); способность управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла (УК-2); способность организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели (УК-3); способность определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки (УК-6)» [7]. Рабочие программы данной дисциплины обычно уделяют должное внимание классификации научных исследований и информационным научным ресурсам, наукометрическим показателям и базам данных, правилам и технологиям научных публикаций, основам проектного управления. В то же время за рамками учебной дисциплины остаются важные методологические аспекты организации столь разных по сути видов деятельности – исследовательской и проектной, а также вопросы оценки эффективности, внедрения, коммерциализации (традиционно «проблемные» зоны для исследователей в России).

Таким образом, актуальной остается задача формирования такой рабочей программы дисциплины «Управление исследовательской и проектной деятельностью», которая будет

ориентирована на подготовку лидеров инноваций, способных управлять сложностью и неопределенностью на стыке науки, технологий и бизнеса. Зададимся вопросом: есть ли возможность в рамках одного курса системно отразить отличие и взаимосвязь исследовательской и проектной деятельности? Учитывая специфику обсуждаемой дисциплины, преподаваемой в университетах практически на всех направлениях магистерской подготовки, целесообразно расширить анализируемую сферу и рассматривать в комплексе исследовательскую (R – Research), опытно-конструкторскую (D – Development) и проектную (P – Project) деятельность, обозначая их для краткости R&D&P, по аналогии с традиционным НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (англоязычные конструкции применены для привязки к традиционным обозначениям многочисленных зарубежных источников и сайтов).

Умение различать исследования, разработки и проектную деятельность – важная задача для менеджера, руководителя команды. Их часто путают, что ведет к выбору неверных методов управления и ошибочным ожиданиям. Для наглядности удобства сопоставления основные различия исследований, разработок и проектов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение исследований, разработок и проектной деятельности (R&D&P)

Аспект	Исследовательская деятельность (R)	Опытно-конструкторская деятельность (D)	Проектная деятельность (P, вне R&D)
Ключевая цель	Получение нового фундаментального знания, проверка гипотезы	Создание нового продукта, процесса, технологии или их значимое улучшение [4]	Достижение конкретного, заранее известного результата (ввод в эксплуатацию, внедрение) [4]
Характер неопределенности	Высокая научная неопределенность («Возможно ли это в принципе?») [4]	Умеренная неопределенность, смесь технических и прикладных задач. Цель известна, пути её достижения – нет [5]	В основном операционная неопределенность (сроки, бюджет, ресурсы) [4]
Результат и его измеримость	Нематериальный результат (знание, гипотеза, статья). Трудно измерим количественно	Материальный прототип, опытный образец, спецификации. Измеряется по соответствию ТЗ	Конкретный продукт, сервис, документ. Измеряется по соответствию срокам, бюджету и качеству [4]
Подход к планированию	Гибкое, итеративное планирование («гибкое управление проектами»). План пересматривается по мере получения данных [5]	Гибко-стадийное планирование (Stage-Gate) [5]. Этапы фиксированы, содержание может уточняться	Детерминированное планирование (Work Breakdown Structure, сетевые графики). Четкие этапы и зависимости
Цикл и завершение	Завершается при получении ответа на исследовательский вопрос (гипотеза доказана/опровергнута)	Завершается созданием работающего прототипа, готового к передаче в производство	Завершается при достижении заранее определенных целей в рамках ограничений [4]

Анализ данных табл. 1 позволяет установить взаимосвязь и взаимопроникновение трех видов деятельности – на практике эти типы деятельности тесно переплетаются в инновационном цикле:

1) цепочка создания ценности. Исследования (R) рожают новое знание, оно становится основой для разработки (D) конкретного решения, которое реализуется как проект (P) для вывода на рынок или внедрения;

2) внутри одной инициативы. Крупный R&D-проект часто содержит все три компонента. Например, на ранней стадии может доминировать исследовательская работа для поиска принципиального решения, затем – разработка прототипа, а финальная стадия – проектная деятельность по организации пилотного производства.

Становится ясным, что менеджер R&D-проекта должен уметь подобрать метод управления для каждого шага, каждого типа деятельности. При управлении исследованиями требуются так называемые гибкие, или agile методики. Самое ценное в них – возможность оперативно вносить изменения в ходе выполнения работы, отсутствие жестких графиков, пере-

ход на новый этап с учетом результатов предыдущих шагов. Для управления опытно-конструкторскими разработками желательно применять гибридные модели, например, Stage-Gate (стадж-гейт) – методология управления разработкой новых инновационных продуктов, в которой процесс разбивается на этапы (Stages), вводятся контрольные точки (Gates), благодаря которым снижаются риски и повышается качество работы. Ну а в проектах – широко известная классика типа РМВОК, наборы инструментов Scrum или Kanban. Ключ – четкое определение результата и ограничений (срок, бюджет, содержание) на старте [4].

В современной практике успешные компании создают целостные системы управления инновациями, которые органично соединяют разные методологии, позволяя знаниям плавно превращаться в рыночные продукты. Управление таким портфелем требует от менеджера умения диагностировать тип деятельности на каждом этапе и применять соответствующий инструментарий [5].

Теперь можно перейти к практической части – как может выглядеть сегодня тематика учебного курса для магистратуры «Управление исследовательской и проектной деятельностью»? Данная тематика должна быть междисциплинарной, практико-ориентированной и отражать современные тренды. Остановимся подробнее на возможных структуре и содержании дисциплины.

Название курса: «Управление исследовательской и проектной деятельностью в условиях VUCA-мира». Трудоемкость – 180 академических часов или 5 зачетных единиц трудоемкости (ЗЕТ). Целевая аудитория: студенты магистратуры 1–2 года, будущие руководители R&D, инновационные менеджеры, проектные директора (таким образом, курс можно преподавать и в системе дополнительного образования, на программах повышения квалификации и переподготовки, МВА, на Президентской программе подготовки управленческих кадров).

Цели курса:

- сформировать компетенции по интеграции исследовательской (поиск нового знания) и проектной (создание конкретного продукта/решения) деятельности;
- научить управлять полным циклом: от генерации идеи и получения финансирования до внедрения результатов и коммерциализации;
- дать инструменты управления междисциплинарными и распределенными командами в научно-технической сфере.

Тематическая структура курса может включать следующие темы.

Тема 1. Стратегический контекст и основы:

- отличие и взаимосвязь исследовательской (R), опытно-конструкторской (D) и проектной (P) деятельности;
- управление инновациями как сквозной процесс. Модели (Stage-Gate, Agile-Stage-Gate hybrid);
- национальные и глобальные тренды в научно-технической политике. Приоритеты стратегического развития (технологический суверенитет, ESG-повестка);
- формирование исследовательского и проектного портфеля, базирующегося на стратегии компании/организации.

Тема 2. Управление исследованиями (Research Management):

- методы поиска и генерации идей: краудсорсинг, научно-технологическое прогнозирование (форсайт), анализ «долины смерти»;
- управление научными группами и лабораториями. Особенности мотивации исследователей;
- работа с интеллектуальной собственностью на ранних этапах. Патентная разведка;
- привлечение финансирования: гранты (РНФ, РФФИ, международные), мегагранты, частные инвестиции в исследования. Навык написания заявок.

Тема 3. Управление проектами (Project Management) в R&D:

- гибкие методологии (Agile, Scrum, Kanban) в исследовательских и инженерных проектах;

- управление рисками в высоко-неопределенных проектах (вероятность технического успеха);
- работа со стейкхолдерами: научное сообщество, инвесторы, государственные заказчики, конечные пользователи;
- бюджетирование и контроль затрат в R&D-проектах.

Тема 4. Организация, команды и лидерство:

- модели организационных структур: от изолированных R&D-департаментов до кросс-функциональных и сетевых команд;
- управление распределенными, виртуальными и международными научными коллаборациями;
- лидерство в научной среде. Разрешение конфликтов. Управление талантами;
- коммуникации для ученых и инженеров: как рассказывать о сложном просто.

Тема 5. Оценка эффективности, внедрение и коммерциализация:

- показатели результативности (KPI) для исследований (качество публикаций, патенты) и проектов (сроки, бюджет, спецификации);
- методы оценки экономического эффекта от R&D (ROI, NPV);
- технологический трансфер: модели коммерциализации (лицензирование, создание spin-off компаний, стартапов);
- внедрение результатов в производство или бизнес-процессы. Управление изменениями.

Тема 6. Современные инструменты и тренды:

- цифровизация управления R&D: использование искусственного интеллекта для анализа научного ландшафта, управления данными, прогнозирования трендов;
- открытые инновации и экосистемы. Работа с университетами, стартапами, корпоративными акселераторами;
- управление данными исследований (Research Data Management, FAIR-принципы);
- этические аспекты и социальная ответственность исследований (искусственный интеллект, биоэтика).

Рекомендуемые формы обучения и контроля могут включать лекции-диалоги с приглашенными экспертами (руководители R&D из госкорпораций, IT-компаний, научных фондов); кейс-стади – разбор реальных примеров (успешных и провальных) из области фармацевтики, IT, космической отрасли; практикумы – тренировки в написании грантовых заявок, разработки дорожной карты технологического проекта; командный проектный модуль – разработка комплексного плана по запуску и управлению гипотетическим исследовательским проектом с защитой перед «инвесторами».

Итоговая работа – разработанная студентом концепция управления R&D-направлением для конкретной отрасли или анализ кейса трансфера технологий.

Весь курс пронизывают актуальные сквозные темы, такие как ESG и устойчивое развитие (как исследовательская деятельность отвечает на эти вызовы); технологический суверенитет (управление проектами в условиях импортозамещения и санкций); цифровая трансформация науки (работа с большими данными, использование искусственного интеллекта в исследованиях); глобальная конкуренция за таланты (как привлекать и удерживать лучших исследователей). Наиболее проблемными для преподавателей обсуждаемого курса могут быть следующие вопросы (практические инструменты управления), на которых остановимся подробнее: как на практике внедрить гибкое управление (Flexible Project Management) в исследовательской лаборатории; какие метрики и KPI использовать для оценки эффективности каждого типа деятельности (R, D, P); как организовать работу междисциплинарной команды, в которой параллельно ведутся задачи разного типа? Объединение этих трёх аспектов – ключ к созданию эффективной системы управления инновациями. Разберем их по порядку, отталкиваясь от фундаментальных различий между R, D и P.

Внедрение гибкого управления (Flexible PM) в исследовательской лаборатории требует парадигмы «управления неопределенностью». Классический подход Agile/Scrum адаптируется под научный контекст следующим образом:

- вместо упорядоченного по приоритету списка задач формируем список гипотез;
- целями спринтов ставим не выпуск продукции, а получение данных, позволяющих оценить гипотезу;
- в качестве метрики обязательно включаем контроль времени (как быстро команда получает обоснованное знание о гипотезе);
- хозяином продукта должен быть научный руководитель (он определяет приоритеты гипотез);
- требуется гибкая схема использования ресурсов в зависимости от динамики целей на этапах работы.

Ценным инструментом из Scrum являются оперативные еженедельные совещания с четкой фиксацией итогов недели, необходимости корректировки планов на будущие этапы работы.

Подбор метрик и KPI для оценки R, D и P является ключевой задачей, так как использование неправильных метрик губительно для результата. Цель – оценивать каждую деятельность по её методологической сути. Конкретные рекомендуемые метрики и KPI приведены в табл. 2. В дополнение к ее данным важно заметить, что для R&D&P-портфеля высшего уровня используются сбалансированные системы показателей (BSC), объединяющие все три группы метрик, чтобы избежать перекоса в сторону только краткосрочных проектных результатов.

Таблица 2

Метрики и KPI для R&D&P

Тип деятельности	Категория метрик	Конкретные примеры KPI	Комментарий
Исследования (R)	Научная отдача	– количество и качество публикаций (импакт-фактор, цитирования); – заявки на патенты (дизайн-патенты, патенты на изобретения); – количество проверенных и закрытых гипотез	Фокус на качестве и потенциале знания. Метрики должны поощрять риск и открытия
	Внутренний процесс	– «скорость обучения» (среднее время на проверку гипотезы); – успешность получения внешних грантов	
Разработка (D)	Технологическая эффективность	– процент успешного прохождения контрольных точек (Gate) в Stage-Gate процессе; – степень соответствия прототипа целевому техническому заданию (ТЗ); – коэффициент использования созданных технологий в последующих проектах.	Фокус на превращении идеи в работающий прототип. Оценивается техническая осуществимость и соответствие требованиям
	Ресурсная эффективность	– отклонение фактических затрат на создание прототипа от плановых. – время от старта разработки до работающего прототипа	
Проекты	Классическое «тройственное ограничение»	– соблюдение сроков (Schedule Performance Index – SPI); – соблюдение бюджета (Cost Performance Index – CPI); – соответствие результата спецификациям (Quality Gates)	Фокус на предсказуемости и эффективности исполнения
	Удовлетворенность и результат	– индекс удовлетворенности заказчика/стейкхолдера (CSAT). – доля повторных заказов/ продолжений сотрудничества	

При организации междисциплинарной команды с задачами разного типа ключевым вызовом является создание общего смыслового поля для ученых, инженеров и проектных менеджеров, которые мыслят разными категориями.

Структура такой команды и роли: эффективна матричная или кросс-функциональная ячейковая структура. Участники имеют основную научную или инженерную дисциплину, но объединены в постоянную или временную команду под цель. Команды могут формироваться оперативно, по мере необходимости, с назначением в качестве их руководителя наиболее компетентного в текущей проблеме специалиста (без привязки к его основной административной роли).

В процессе коммуникации исследователи, инженеры и менеджеры вместе должны формировать общую дорожную карту с исследовательскими вехами, инженерными и проектными этапами. Традиционные совещания проходят в разных формах: для обсуждения исследовательских проблем подходят научные семинары и конференции; технические проблемы выносятся на инженерные совещания, мозговые штурмы; для синхронизации задач и сроков исполнения полезны оперативные планерки.

Культура и лидерство команды должны учитывать:

- лидер такой команды должен быть универсалом, понимающим язык науки, инженерии и бизнеса;
- необходимо культивировать психологическую безопасность, чтобы учёный мог сказать «я не уверен в результате», а инженер – «это технически невыполнимо в такие сроки» без страха осуждения;
- визуализация общего прогресса на общей командной панели (team dashboard), где отражены и гипотезы, и статус прототипа, и ключевые вехи проекта, помогает всем видеть свой вклад в общий результат.

В завершение анализа стратегических аспектов управления R&D&P остановимся еще на одной ключевой проблеме, обычно слабо освещаемой в учебной аудитории. Речь идет об управлении интеллектуальной собственностью (ИС или IP) на стыке исследований (R) и разработок (D) – процессе, в ходе которого научные идеи организованно превращаются в защищенные и коммерчески ценные активы. Основная сложность – объединить мир творческих, непредсказуемых исследований с дисциплинированным, ориентированным на результат миром разработок и проектов.

Ключевые задачи и инструменты управления интеллектуальной собственностью в R&D&P представлены в табл. 3.

Таблица 3

Задачи и инструменты управления ИС (IP) на стыке R&D&P

Задача/проблема	Тип необходимого инструмента	Ключевые функции	Примеры платформ (из источников [2; 3; 6])
Открытие идей и оценка новизны	Платформы R&D-интеллекта (для исследователей)	Поиск по патентам и научной литературе, анализ технологических трендов, выявление «свободных ниш» (white space).	Cypris, Patsnap Analytics, Orbit Intelligence.
Организация потока изобретений	Системы управления раскрытиями (для изобретателей и R&D)	Цифровые формы для подачи идей, рабочие процессы рецензирования, отслеживание статуса изобретений.	DIAMS Invent, модули для управления инновациями в ITONICS, Wellspring.
Административное управление портфелем	Классические IPMS (IP Management Software) (для патентных юристов и администраторов)	Ведение реестра активов, расчет сроков поддержания, управление платежами, докетирование.	IPfolio, Anaqua AQX, FoundationIP.
Стратегический анализ и принятие решений	Аналитические и стратегические инструменты (для менеджеров и стратегов)	Визуализация портфеля, оценка ценности и рисков, планирование IP-стратегии, интеграция с бизнес-целями.	Patsnap Analytics, DIAMS Analytics, дорожные карты и карты ценности ИС (IP Value Maps).

Задача/проблема	Тип необходимого инструмента	Ключевые функции	Примеры платформ (из источников [2; 3; 6])
Сквозная автоматизация и интеграция	Комплексные экосистемы (для всей организации)	Объединение функций поиска, раскрытия, управления и анализа в одной платформе.	DIAMS Suite, Questel's Integrated IP Ecosystem, Patsnap Eureka.

Каким же образом инструменты, отраженные в табл. 3, решают ключевые проблемы на стыке R&D&P? Источники [2; 3; 6] позволяют фиксировать 4 типичные проблемы:

1) проблема «слепых зон» в исследованиях – исследователь может потратить годы на задачу, решение которой уже запатентовано. Платформы R&D-интеллекта (например, Cypriis или Patsnap) решают эту проблему. Они с помощью искусственного интеллекта анализируют миллионы патентов и научных статей, помогая ученым определить перспективные и свободные для патентования направления на самом старте;

2) проблема «утечки идей» и потерянного времени – ценные идеи часто теряются в почте или блокнотах. Системы управления изобретениями (например, DIAMS Invent) предоставляют R&D-командам защищенный портал для мгновенной фиксации идей по стандартной форме. Это создает единый поток изобретений и упрощает работу IP-отдела;

3) проблема разрыва между R&D и бизнесом – IP-отдел может патентовать всё подряд, не понимая бизнес-приоритетов. Стратегические инструменты (такие как IP Value Maps или дорожные карты из Cambridge IIPM Lab) помогают визуализировать портфель, оценивать активы и напрямую увязывать их с продуктами, рынками и стратегией компании. Платформы вроде Anaqua AQX также специализируются на связи патентов с коммерческими активами;

4) проблема рутины и ошибок – пропущенный срок поддержания патента может привести к его потере. Классические IPMS (например, IPfolio или CPA Global) автоматизируют расчёт сроков, управление платежами и документацией, минимизируя риски и высвобождая время для стратегической работы.

Заметим, что современный подход в управлении ИС – не просто набор отдельных инструментов, а создание сквозной цифровой экосистемы. Ведущие поставщики (например, Questel, Dennemeyer) развивают платформы, где данные из поисковой системы автоматически попадают в заявку на изобретение, которая, после одобрения, передается в систему докентирования, а её статус виден аналитикам в дашбордах. Это и есть идеальное управление ИС на стыке R&D&P.

Практически можно следующим образом организовать изучение управления интеллектуальной собственностью в R&D&P:

- нужно сфокусироваться на проблеме, выбрать один аспект. Например, как обеспечить ранний отбор перспективных для патентования идей в университетской лаборатории;
- обязательно следует тестировать возможности, запросить демо-доступ к системам, которые предлагают бесплатные пробные версии (некоторые платформы R&D-интеллекта или простые IPMS) [3];
- желательно опираться на кейсы, практические ситуации. Изучите, как компании из вашей индустрии (фармацевтика, ИТ, промышленные технологии) строят процессы управления ИС. Материалы с сайтов Patsnap или Cypriis часто содержат такие кейсы [3];
- полезны стратегические шаблоны. Скачайте и попробуйте применить бесплатные шаблоны для IP-стратегии от Cambridge IIPM Lab (например, IP Value Map) к гипотетическому портфелю [2].

В качестве выводов заметим, что предложенная тематика учебной дисциплины и конкретные практические рекомендации по стратегическим аспектам проблемы позволяют организовать в магистратуре эффективную подготовку лидеров инноваций.

Литература

1. Бесконечные изменения: основы выживания в VUCA-мире // СБЕР Про. URL: <https://sber.pro/publication/turbulentnost-kak-norma-osnovy-vyzhivaniia-v-vuca-mire/> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Инструменты стратегического управления интеллектуальной собственностью // Innovation and Intellectual Property Management (IPM) Laboratory, University of Cambridge. URL: <https://www.iipm.eng.cam.ac.uk/industry/strategic-ip-management-tools> (дата обращения: 24.04.2026).
3. Топ-10 платформ для интеллектуального анализа и разработок на 2025 год // AI Intelligence for R&D and IP. URL: <https://www.cypriis.ai/insights/top-10-r-d-intelligence-platforms-for-2025-ai-powered-innovation-management-solutions> (дата обращения: 24.04.2026).
4. Управление исследованиями и разработками // Компания EmpowerRD: налоговые льготы на НИОКР. URL: <https://www.empowerrd.com/rd-tax-credits/eligibility/rd-projects/> (дата обращения: 24.04.2026).
5. Управление проектами НИОКР: ключевые элементы и лучшие практики // Triskell Software: программное обеспечение для управления корпоративным проектным портфолио. URL: <https://triskellsoftware.com/blog/randd-project-management-key-elements-best-practices/> (дата обращения: 24.04.2026).
6. Учебное пособие по IP-аналитике // Innovation and Intellectual Property Management (IPM) Laboratory, University of Cambridge. URL: <https://www.iipm.eng.cam.ac.uk/education/ip-analytics-teaching-exercise-open-source-learning-kit> (дата обращения: 24.04.2026).
7. ФГОС ВО (3++) по направлениям магистратуры // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/25> (дата обращения: 24.04.2026).

УДК 316.423

А. Х. Хуснутдинова, А. И. Дудочников

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОСТРОЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Исследуются особенности медиапотребления в условиях развития цифровых технологий. Осуществлен вторичный анализ изучения общественного мнения, направленный на оценку использования социальных сетей разными поколениями молодого поколения, приведена сравнительная таблица эволюции поколенческих установок. По результатам массового опроса выявлены формы и практики позиционирования молодежи в интернет-пространстве. Обоснованы механизмы конструирования виртуального образа личности в социальных сетях. По итогам исследования отмечено, что переход к цифровому обществу усиливает различия между поколениями в их взаимодействии с интернетом.

Ключевые слова: медиапотребление, виртуальный образ личности, цифровизация, онлайн-среда, поколенческий анализ.

A. Kh. Khusnutdinova, A. I. Dudochnikov

Kazan (Volga region) federal university, Kazan

FEATURES OF MEDIA CONSUMPTION AND THE CONSTRUCTION OF A VIRTUAL IMAGE OF A PERSON IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

This article explores the characteristics of media consumption in the context of evolving digital technologies. A secondary analysis of public opinion research was conducted to assess social media use by different generations of the younger generation, and a comparative table of the evolution of generational attitudes is provided. The primary method employed by the authors was a large-scale questionnaire survey, aimed at exploring the forms and practices of youth online presence. A questionnaire was also conducted to study the mechanisms of constructing a virtual identity on social media. The study's findings suggest that the transition to a digital society is exacerbating generational differences in their interactions with the internet.

Keywords: media consumption, virtual image of personality, digitalization, online environment, generational analysis.

Цифровизация российского общества за последние годы кардинально трансформировала повседневную жизнь, превратив интернет из дополнительного инструмента в основное пространство существования для одних поколений и источник постоянного контроля – для других. Данные многолетних опросов ВЦИОМ демонстрируют чёткий разрыв между «цифровыми иммигрантами», поколения 35 лет и старше, выросшие без интернета и «цифровыми

аборигенами», молодёжь 18–35 лет, для которой сеть является естественной средой социализации, коммуникации и формирования идентичности. Старшие возрастные группы воспринимают цифровизацию преимущественно через угрозу и необходимость жёсткого регулирования, в то время как младшие поколения полностью погружены в онлайн-пространство, где проводят до 9 ч в сутки, предпочитая мессенджеры и короткий видео-контент для общения, самопознание и ориентирования в мире.

В 2021 г. общественное мнение россиян 18 лет и старше отражало доминирование «досетевых» взглядов старшего поколения. Около 54 % считали развитие глобального информационного пространства полезным для общества, однако за 15 лет с 2006 г. на 30 процентных пунктов выросла доля тех, кто фиксирует в интернете огромное количество недостоверной информации. Абсолютное большинство выступало за жёсткие ограничения опасного контента: 91 % – за запрет сведений об оружии, взрывчатых веществах и экстремистских призывах; 89 % – за блокировку призывов к вступлению в религиозные секты; 88 % – материалов о самоубийствах; 82 % – сцен насилия в видео и компьютерных играх. При этом 78 % респондентов признавали необходимость борьбы с негативной информацией, хотя эффективность государственной политики оценивали неодобрительно: лишь 19 % считали её действенной, 32 % – неэффективной, а 44 % затруднились с оценкой. Тренды за период 2012–2021 гг. показывают постепенную адаптацию: доля сторонников тотальной цензуры всей информации в интернете снизилась с 46 % в 2014 г. до 26 % в 2021 г., а поддержка селективного регулирования в зависимости от типа контента выросла с 37 % до 60 % [1]. Это свидетельствует о том, что угрозы цифровизации признавали все поколения, но именно старшие, доминировавшие в самой выборке, видели в интернете прежде всего риск и требовали контроля, как внешней силы, способной разрушить традиционные нормы и ценности. Для них цифровизация оставалась инструментом, нуждающимся в защите от дезинформации, экстремизма и моральных угроз, а не пространством повседневной жизни.

К 2023 г. картина заметно изменилась. Среди пользователей социальных сетей и мессенджеров 86 % россиян проводили в них время практически ежедневно цифровизация уже стала массовой нормой, но с ярко выраженными поколенческими контрастами. Среднее время пребывания в сетях составляло 4,5 ч в сутки, однако у молодёжи в возрасте 18–24 лет этот показатель достигал более восьми часов ежедневно, что почти вдвое превышало общероссийский уровень. Платформы распределялись следующим образом: «ВКонтакте» и VK Мессенджер – 129 мин, TikTok – 125 мин, Telegram – 123 мин, «Одноклассники» – 100 мин, Instagram – 95 мин, WhatsApp – 86 мин. Тематические предпочтения также различались: 77 % подписывались на новостные сообщества, 41 % – на образовательные, 35 % – на юмористические. Мужчины чаще интересовались наукой и спортом, женщины – психологией, медициной, уходом за собой и животными. Отношение к новым платформам подчёркивало осторожность старших: 51 % регистрировались только «в случае крайней необходимости», тогда как среди 18–24-летних 10 % пробовали сервисы «почти не задумываясь», а 34 % ждали рекомендаций друзей.

Соцсети стали для молодёжи не просто развлечением, а основной средой социализации, где короткие видео, мемы и реакции заменяют живое общение, а для старших остаются вспомогательным, но контролируемым инструментом (табл.).

Молодые люди, хотя и получают значительные преимущества в скорости получения информации и возможностях для самовыражения, сталкиваются с потенциальной потерей эмпатии и ослаблением реальных социальных связей. В то же время старшие поколения, сохраняя приверженность традиционным ценностям и офлайн-общению, ощущают технологическое отставание и постоянную необходимость защищаться от цифровых угроз.

В рамках изучения механизмов конструирования виртуального образа личности в социальных сетях было проведено анкетирование в интернет-пространстве, в котором приняли участие 185 респондентов. Исследование проходило с января – по февраль 2026 г. Опрос охватил преимущественно респондентов в возрасте 18–24 лет, представляющие большинство выборки, а также 25–35 лет, с преобладанием женского пола и обучающихся. Участники

представляли разные формы занятости – от самозанятых и фрилансеров до работающих по найму и предпринимателей, что позволило зафиксировать как повседневные, так и более профессионализированные стратегии самопрезентации. Анкета фокусировалась на основных аспектах цифрового поведения: выборе платформ, создании и оформлении контента, стратегиях продвижения и степени соответствия виртуального образа реальной жизни.

Таблица

Сравнительная таблица эволюции поколенческих различий (2021–2025)

Критерий	Поколение Z 18–24 (2023–2025)	25–29 лет	30–35 лет	Старшее поколение 35+ (2021–2023)
Восприятие интернета	Полноценное жизненное про- странство	Инструмент работы и развлечений	Прагматичный инструмент для решения задач	Источник угроз, требует контроля (91 % поддерживают ограничения)
Время в сети (в день)	8–9 ч	7–8 ч	6–7 ч	2–3 ч
Приоритет живого общения	69 %	56 %	57 %	Не измерялось, минимально
Предпочтения в контенте	Юмор (58 %) / длинные видео (47 %) / игры (34 %)	Образование (54 %) / длинные видео (48 %)	Тексты (50 %) / семья и дом (37 %)	Новости, личное общение
Реакции/активность	Отправка в ЛС (57 %) / публика- ции (14 % в неде- лю)	Сохранение кон- тента (47 %) / публикации выше среднего	Ниже среднего показателя	Минимальная
Отношение к новым платформам	10 % (пробуют без раздумий)	8 % (пробуют без раздумий)	57 % (регистрируются только по необходимо- сти)	56–57 % (регистри- руются только по необходимости)

Одним из основных моментов анкеты стал выбор социальных сетей и уровень активности в них, поскольку именно платформы определяют пространство, в котором молодёжь конструирует свой цифровой образ. Как показано на рисунке (рис. 1), абсолютное большинство респондентов активно присутствует одновременно в 2–4 социальных сетях, как говорится в гипотезе, представленной в программе эмпирического исследования. Лидирует Telegram, который используется практически всеми участниками опроса, за ним следуют Instagram³, TikTok, ВКонтакте и YouTube. Реже упоминаются Одноклассники.

Рис. 1. Результаты анкетирования, ответ на вопрос «В каких социальных сетях Вы наиболее активны?»

³ Продукт компании Мета, признанной экстремистской в Российской Федерации.

Продолжительность использования превышает 5 лет у подавляющей части выборки, а у многих – более 10 лет, что свидетельствует о глубокой интегрированности сетей в повседневную идентичность.

Для респондентов предпочтительнее зарубежные платформы, в частности, лидером по популярности является Telegram. На данную тенденцию влияет множество факторов, например, отсутствие достойных альтернативных платформ на российском рынке в течение длительного периода времени. Социальная сеть «ВКонтакте» стремительно теряла популярность с середины 2010-х гг. Национальный мессенджер «Макс» выпущен только в 2025 г. Также в зарубежных платформах российских пользователей привлекает визуальная эстетика, возможность легко осуществлять видеоконтент. Респонденты отмечают, что уже привыкли к зарубежным платформам, к тому же они позволяют получать широкие охваты и мгновенную обратную связь.

Еще одним аспектом исследования стала необходимость выявить, какие форматы используют респонденты для самовыражения. Самым популярным ожидаемо оказался фото формат, также популярен видеоконтент короткого формата. Интересно, что респонденты часто предпочитают делиться личными событиями и наблюдениями в текстовом формате, он аналогично пользуется популярностью (рис. 2).

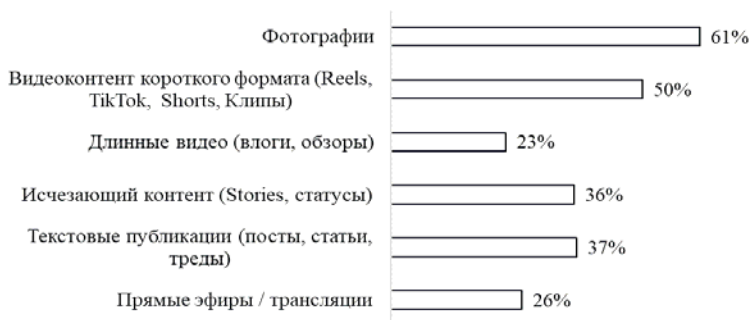

Рис. 2. Результаты анкетирования, ответ на вопрос:
«Какие форматы контента Вы используете наиболее часто?»

В рамках исследования респондентам задавался вопрос об особенностях визуального стиля в рамках приведенных форматов. В качестве основных инструментов визуального стиля выявлены такие, как единая цветовая гамма, единый стиль дизайна постов в целом. Однако в данном случае каждый виртуальный образ уникален и определены различные решения для повышения уровня восприятия личных страниц.

Очередной особенностью исследования стало то, что респонденты не имеют четкого календарного контент-плана. Как правило, профили наполняются спонтанно и зависят от эмоционального состояния респондента, в том числе по вопросам, касающимся тематики исследования (рис. 3).

Стоит добавить, что респонденты выделяют некоторые методы для повышения уровня популярности, например, использование хэштегов, геолокации и различного вида постов (обратной связи, новостные, развлекательные, познавательные). Зачастую встречаются коллаборации между блогерами. Данные тренды близок к маркетинговой стратегии продвижения, только в контексте исследования касается виртуального профиля отдельной личности. В качестве оценки успеха профиля показателями выступают привычные метрики: лайки, комментарии, репосты и реакции.

Рис. 3. Результаты анкетирования, ответ на вопрос: «Планируете ли Вы публикации заранее?»

По итогам исследования можно отметить, что позиционирование молодежи является сочетанием естественности и искусственных методов привлечения внимания к себе. Конечной целью респондентов, ведущих аккаунты в социальных сетях, является привлечение внимания, которое обеспечивается особенностями формата контента, уникальностью стиля и маркетинговыми инструментами продвижения виртуального образа личности.

Литература

1. Интернет: возможности или угрозы? : аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozno-stili-ugrozy> (дата обращения: 20.04.2026).
2. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 21.04.2026).

УДК 330.567.22

А. Е. Яблонская, А. А. Цыганова

Белгородский государственный технологический университет
имени В. Г. Шухова, г. Белгород

КАК ЭПОХА ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЛИЯЕТ НА ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ИХ ВЫБОР В ФИНАНСОВЫХ ПРОДУКТАХ И УСЛУГАХ

Исследуется, как цифровизация влияет на когнитивные процессы, формирование доверия и принятие решений клиентами в выборе финансовых продуктов и услуг. На основе поведенческой экономики и анализа некоторых показателей в финансовой сфере рассмотрены особенности трансформации финансового поведения граждан в условиях цифровизации. Показана динамика ключевых показателей цифровизации финансового поведения населения в банковском секторе России за период с 2020 по 2025 г. Продemonстрирована четкая связь между внедрением технологий и изменением поведения пользователей.

Ключевые слова: мобильный банкинг, финансовое поведение, финансовые услуги, цифровизация.

A. E. Yablonskaya, A. A. Tsyganova

Belgorod State Technological University, Belgorod

HOW THE DIGITAL AGE IMPACTS CONSUMER BEHAVIOR AND THEIR CHOICES IN FINANCIAL PRODUCTS AND SERVICES

The article explores how digitalization affects cognitive processes, the formation of trust and customer decision-making in the choice of financial products and services. On the basis of behavioral economics and analysis of some indicators in the financial sphere, the features of the transformation of financial behavior of citizens in the conditions of

digitalization are considered. The authors present the dynamics of key indicators of digitalization of financial behavior of the population in Russian banking for the period from 2020 to 2025. The authors demonstrated a clear connection between the introduction of technologies and changes in user behavior.

Keywords: mobile banking, financial behavior, financial services, digitalization.

Сегодня финансовый сектор представляет собой сферу стремительной и необратимой цифровой трансформации. Ранее взаимодействие с финансовыми услугами было осязаемым, основанным на личном контакте в отделении банка, то сегодня оно все чаще сводится к касанию экрана смартфона. Этот переход меняет не только каналы дистрибуции, но и глубинные психологические механизмы, которые лежат в основе выбора и лояльности клиента.

Цифровая трансформация финансового сектора представляет собой не просто переход от бумажных документов к мобильным приложениям. Это фундаментальное изменение среды, в которой потребитель принимает решения, формирует доверие и взаимодействует с деньгами. На стыке технологий, экономики и поведенческой психологии рождается новая парадигма клиентского поведения.

Цифровая среда создает новые поведенческие паттерны: от импульсивных решений, спровоцированных упрощенным интерфейсом, до слепого доверия алгоритмам, заменяющим человеческий совет. Актуальность исследования психологии потребителя в этих условиях сложно переоценить. Для финансовых институтов понимание новых мотиваций является вопросом выживания и конкурентоспособности. Целью нашей работы является проведение анализа ключевые психологических сдвигов, вызванных цифровизацией финансов, дать логическую оценку их влияния на финансовый рынок, определить предполагаемый структурный взгляд на новую потребительскую реальность.

Традиционная экономическая теория долгое время рассматривала человека как рационального субъекта, принимающего решения на основе полной информации и логики. Однако исследования в области поведенческой экономики, отмеченные Нобелевскими премиями (Д. Канеман, Р. Талер), доказали, что человек в большей степени иррационален и подвержен системным когнитивным искажениям [6]. Цифровизация финансов не упразднила эти искажения, а, напротив, усилила и трансформировала их, создав новые формы их проявления в цифровой среде.

В условиях информационной перегрузки, характерной для цифрового мира, потребитель все чаще полагается на ментальные сокращения, что называется эвристикой. Например, эвристика доступности заставляет придавать большее значение информации, которая легче вспоминается (яркая реклама, позитивные отзывы на главной странице). Эвристика якоря делает первую увиденную цену (например, базовую стоимость подписки) точкой отсчета для всех последующих оценок. Цифровые платформы сознательно используют эти особенности, чтобы направлять выбор пользователя [3].

Люди склонны переоценивать ценность того, чем уже владеют, и предпочитают бездействие действию. В цифровых финансах это проявляется в низкой миграционной активности клиентов между банками, даже если конкурент предлагает лучшие условия. Преодоление этого барьера требует от новых игроков создания исключительно простого и быстрого процесса подключения, что является прямым вызовом в цифровой среде.

Цифровое убеждение представляет собой метод мягкого воздействия на выбор через архитектуру цифровой среды. Изменение порядка опций в меню, например, первым выставить продукт, который выгоден банку, использование формулировок по умолчанию («опция включена»), визуальные подсказки и социальное доказательство («95 % клиентов выбирают эту карту») – все это инструменты цифрового убеждения, которые напрямую апеллируют к подсознательным механизмам принятия решений [3].

Цифровая среда порождает специфические поведенческие феномены, которые переопределяют взаимоотношения клиента и финансового провайдера. Исторически доверие в финансах базировалось на репутации института, олицетворяемой солидными зданиями и личным общением с менеджером. В цифровую эпоху доверие стало UX-зависимым. Оно формируется через скорость, надежность и прозрачность цифрового интерфейса. Сбой в мо-

бильном приложении, сложная навигация или скрытые комиссии, обнаруженные в процессе использования, разрушают доверие мгновенно и часто безвозвратно. Доверие теперь делегируется алгоритмам рекомендаций и системам скоринга, работа которых остается для пользователя малоизвестной [2].

Теоретически онлайн-агрегаторы и маркетплейсы финансовых услуг предоставляют потребителю беспрецедентную свободу выбора из сотен вариантов кредитов, вкладов или карт. Однако, как показали исследования, избыток альтернатив ведет к определенным трудностям принять решение, тревожности и, в конечном итоге, либо к отказу от выбора, либо к принятию неоптимального решения под влиянием случайного фактора. Успешные финтехы борются с этим, предлагая клиенту не выбор, а готовое, алгоритмически рассчитанное и простое решение, которое представлено в виде, например «ваша персональная карта», «ваш инвестиционный портфель». Данные, представленные в виде уже готовых продуктов или услуг, снижают когнитивную нагрузку.

Стоит отметить особенности в цифровом банкинге. Так, например, оформление кредита за 5 минут, открытие вклада за 2 клика, моментальные переводы – это все формирует ожидание немедленного результата. С одной стороны, это повышает удобство. С другой стороны, это сокращает время на обдумывание и повышает риск импульсивных финансовых решений, которые в долгосрочной перспективе могут быть невыгодны клиенту [7].

Представим аналитические данные, которые позволяют дать логическую оценку проникновения цифровых каналов и изменения привычек в потреблении финансовых услуг и продуктов населением (табл.).

Таблица

Динамика ключевых показателей цифровизации финансового поведения населения России в 2020–2024 гг.

Показатель	Годы				Абсолютный прирост (2025/2020, +/-)
	2020	2022	2024	2025	
Доля активных пользователей мобильного банкинга среди взрослого населения, %	51	70	74	75	24
Среднее количество операций в мобильном банке на 1 пользователя в месяц, ед.	6	10	46	55	49
Доля дистанционных продаж розничных кредитов, %	40	50	79.3	87	47
Доля безналичных платежей в общем объеме расчётов населения, %	54,1	78,1	85.8	88	33,9

Таким образом, в соответствии с данными табл. за период с 2020 по 2025 г. наблюдаются радикальные изменения в финансовых привычках населения. Ключевой чертой данных перемен стал переход от простого увеличения аудитории цифровых сервисов к кардинальной интенсификации их ежедневного использования. Если изначально мобильный банк был удобным инструментом для контроля счета, то сегодня он трансформировался в универсальную и незаменимую платформу для управления всей личной финансовой жизнью. Стоит отметить, что стремительный рост числа операций на одного пользователя является этому подтверждением. Финансы окончательно «перешли» в смартфон, став постоянными цифровыми помощниками.

Обозначенные тенденции дают основание полагать о следующих утверждениях. Во-первых, кардинально изменилась природа принятия важных финансовых решений. Сегодня потребители не просто готовы, а предпочитают оформлять такие сложные продукты, как кредиты, дистанционно, доверяя не менеджеру в офисе, а алгоритмам, интерфейсу и скорости цифрового канала. Во-вторых, безналичный расчет перестал быть опцией, трансформировался в новую культурную и бытовую норму. Деньги стали абстрактными цифрами на экране, что неизбежно меняет глубинные психологические механизмы восприятия трат и сбережений. Такие процессы как активное использование онлайн-покупок, услуг и безналичные платежи довольно тесно переплетены и создают мощный синергетический эффект. Каждое действие пользователя оставляет цифровой след, позволяя финансовой организации

лучше понимать его и предлагать все более точные и персонализированные решения, что, в свою очередь, еще сильнее вовлекает клиента в цифровую экосистему.

Безусловно, для финансовых организаций обозначенные изменения означают необходимость фундаментального пересмотра своей роли. Возможно, финансовые институты должны в дальнейшем трансформироваться от поставщиков стандартных продуктов через приложение к создателям интеллектуальной персональной среды. Данная среда не просто должна реагировать на запросы, но и предвидеть финансовые потребности клиента на основе анализа его поведения. В условиях, где личный контакт сведен к минимуму, а доверие строится на опыте взаимодействия с интерфейсом, ключевым активом становится способность обеспечивать безопасность, ощущение контроля и предельную релевантность каждого предложения. При этом важно преодолеть информационную перегрузку, проектируя взаимодействие с учетом этических принципов, которые уважают внимание и благополучие пользователя, мягко направляя его к более выгодным и осознанным решениям. Следовательно, успех будет сопутствовать тем, кто сможет плавно интегрировать финансовые сервисы в повседневную цифровую жизнь человека. Совершенствованные цифровые сервисы позволят создать вокруг человека предсказуемую, безопасную и помогающую среду. Таким образом, центр конкуренции сместился из области финансовых технологий в сферу поведенческого понимания клиента, дизайна опыта и этики данных.

Цифровизация финансовой сферы стала результатом в изменениях потребительского поведения. Так, рациональный, обдуманный выбор в условиях дефицита информации уступил место быстрому, эмоционально-когнитивному решению, принимаемому в среде информационного изобилия и цифрового убеждения. Доверие перешло из сферы межличностных отношений в сферу пользовательского опыта и алгоритмической эффективности. Представленный аналитический материал дает основание нам полагать, что на сегодняшний день цифровой канал стал универсальным, а его использование интенсивным.

В заключение еще раз подчеркнем, что для финансовых институтов конкурентное преимущество будет принадлежать не тому, у кого самый технологичный бэк-офис, а тому, кто глубже всех поймет новую психологию цифрового потребителя. Успех заключается в способности создавать не просто цифровые копии старых продуктов, а целые экосистемы, которые будут предвосхищать потребности, бережно направлять выбор, укреплять финансовое здоровье клиента и, как следствие, формировать беспрецедентный уровень лояльности. Будущее финансовой индустрии принадлежит гибриду технологической мощи и поведенческой мудрости.

Литература

1. Гринева А., Кремнев И. Д эвристика доступности: и так сойдет // РБК.RU. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/66c47c239a7947adb9f8c88e?from=copy> (дата обращения: 09.03.2026).
2. Годовые отчеты и презентации для инвесторов (2020–2025) // ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», Тинькофф Банк. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor1/reports-and-presentations>; <https://www.vtb.com/investor/reports/>; <https://www.tinkoff.ru/investor/> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Доля пользователей мобильного банка растет, но россияне становятся менее бдительными // Сайт Национального агентства финансовых исследований (НАФИ). URL: <https://nafi.ru/polls/dolya-polzovateley-mobilnogo-banka-rastet-no-rossiyane-stanovyatsya-menee-bditelnymi/> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Медяник О. В., Легостаева Н. И. Трансформация финансового поведения россиян в условиях цифровизации рынка финансовых услуг // Вестник ИНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 22–37.
5. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 237 с.
7. Финансовая грамотность и цифровизация: данные опросов (2020–2025 годы) // Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). URL: <https://nafi.ru/analytics/finansovaya-gramotnost-i-tsifrovizatsiya-dannye-oprosov-2020-2025/> (дата обращения: 03.01.2026).
8. Цифровая потребительская грамотность и уязвимость в интернете // Сайт Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). URL: <https://nafi.ru/projects/tsifrovaya-potrebitelskaya-gramotnost-i-uyazvимость-v-internete/> (дата обращения: 03.02.2026).

УМНАЯ КОЛОНКА «АЛИСА» В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На основе результатов эмпирического исследования рассматривается процесс «встраивания» умной колонки «Алиса» в систему семейного взаимодействия. Делается вывод о том, что умная колонка является как причиной спора, так и «медиатором» в конфликте, а также выполняет одну из родительских функций, включаясь в процесс обучения детей.

Ключевые слова: умная колонка, искусственный интеллект, взаимодействие в семье, интервью.

Е. А. Bubnova

Ural Federal University, Ekaterinburg

THE ALICE SMART SPEAKER IN THE FAMILY INTERACTION SYSTEM

This article, based on the results of an empirical study, examines the process of integrating the smart speaker "Alice" into the family interaction system. It concludes that the smart speaker is both the cause of the dispute and the "mediator" in the conflict, and it also performs one of the parental functions by participating in the process of educating children.

Keywords: smart speaker, artificial intelligence, family interaction, interview.

В связи с развитием рынка умных устройств, в том числе умных колонок, технологическим прогрессом и развитием «эмоционального ИИ», все чаще в социологическом дискурсе рассматривается взаимодействие пользователей с умными колонками. Умная колонка «Алиса» – является самой популярной умной колонкой в России [4]. Умное устройство активно встраивается в домашнюю социальность и домашнее пространство [2, с. 199–200], параллельно с этим являясь элементом коллективной собственности всех членом семьи [2, с. 204]. Основной причиной покупки и активного использования умных устройств является делегирование рутинных задач и простота в использовании [1, с. 76], в контексте умной колонки – это поиск информации [3, с. 19].

В данной статье рассматривается, как умная колонка встраивается в семейные взаимоотношения, происходит ли процесс изменения каких-либо социальных практик, и меняются ли отношения и коммуникация в семье.

Эмпирической базой исследования послужило анкетирование пользователей умных колонок ($n = 150$, 2025) и глубинные интервью с родителями, имеющими детей в возрасте от 5 до 14 до лет. Всего было проведено 4 интервью с родителями, в домохозяйствах которых есть умная колонка «Алиса».

Данные анкетирования показали, что большинство семей имеют 1 умную колонку в доме – 75 %, 2 колонки имеют 22 % опрошенных, 3 и более – 3 %. Основная цель использования устройства – прослушивание музыки (об этом заявили 94 % опрошенных). Другими используемыми функциями устройства называли – прогноз погоды (75 %) и использования будильника (52 %). Помимо этого, выделяют и коммуникационный аспект взаимодействия: 63 % опрошенных задают интересующие вопросы и 32 % общаются на разные темы (табл.).

Таблица

Функции использования
(Какими функциями умной колонки Вы пользовались за последние 30 дней?)

Значения	%от ответивших
Прослушивание музыки	93,9
Прогноз погоды	74,7
Задавали интересующие вопросы	62,8
Использование будильника	51,9
Общение с «Алисой» на разные темы	31,9
Прослушивание новостей	20,2
Утреннее шоу	16,6

Значения	%от ответивших
Включение радио	16,0
Прослушивание аудио книг	15,1
Включение фильмов	15,0
Совместные игры	13,8
Другие функции	11,3
Сумма:	423,2
Итого ответивших	100,0

Данные интервью свидетельствуют о том, что умная колонка в семье зачастую провоцирует конфликты, поскольку одной умной колонкой пользуются разные члены семьи, имеющие разные предпочтения, в том числе и музыкальные.

Женщина, 41 год: *«Сначала она была как бы наша общая собственность. Теперь мелкие ее забрали себе, и она все время кочует по детским. У них то там сказки на ночь, то музыка дурацкая на мой взгляд материнский... Они у меня не спрашивали, они взяли ее, и все. С другой стороны, я как бы не сильно сопротивлялась. Я как бы надо если, все равно забираю... Как-то нет, нам хватает пока, не сильно со мной за нее не дерутся, или я с ними».*

Женщина, 41: *«Дурацкая [музыка] вот их в 13 лет, которая. Да, она дебильная, реально. Но она забирает «Алису» себе в комнату сразу, когда я говорю, [имя ребенка], музыка дебильная, она ее из зала забирает, уносит к себе в комнату и там ее слушает».*

Помимо этого, умная колонка – не только предмет конфликтов, но и участник спора, выполняющий функции психолога или медиатора. Члены семьи могут рассказывать умному устройству о произошедших конфликтах, иногда данное действие имеет цель, например поиск поддержки, выплеск эмоций, но также происходят ситуации «случайного» медиатора в конфликте, влияя на дальнейшие действия члена семьи.

Женщина, 47 лет: *«Ну, если вот из-за Марининский впадины, чуть не разодрались. Он такой, что-то мне сказал. И «Алиса» спрашивает, она услышала, и говорит, что случилось у вас? Я говорю, да вообще, что делать? Она, ой, как мне вас жалко, какая у вас проблема? я говорю. Ребенок оборзел. И она такая, я могу посоветовать, что надо в этом случае делать? Я говорю, что? И она мне рассказала, что надо ни в коем случае не нервничать, там тыры-пыры. В общем, не распускать руки, выслушать. В общем, шесть пунктов мне назвала. Я тут же, конечно, прописала ему подзатыльник. Он начал вопить: Ты же всё специально наоборот, «Алиса» же вот тебе что, Алиса, сказала. Я говорю, а ты меня специально троллишь, чтобы было наоборот».*

Показательно, что умное устройство начинает включаться в родительские функции в рамках семьи – функции обучения детей. Умная колонка изначально приобретает именно для реализации данной функции. В связи с тем, что умное устройство может выдать неверную информацию, а родители это осознают, происходит процесс «обучения» детей постоянной перепроверке информации, выданной умной колонкой.

Женщина, 40 лет: *«Ну вот мы приобретали именно для учёбы, чтобы в помощь была... Да, мне это моя знакомая посоветовала, потому что ребёнок у неё так для учёбы «Алису» использует. И мы решили тоже взять».*

Сами дети используют умную колонку для учебы с целью экономии времени, так как искать информацию в интернете и тем более в учебнике более трудоемкий процесс, требующий больше времени и ресурсов.

Женщина, 47 лет: *«Он говорит так же, как со справочником... Все время и бесконечно. Любой вопрос, связанный с учебой, он теперь не спрашивает у мамы... И только мама отвернулась, он орет: Алиса, сколько будет 23 умножить на 17? Или вот вчера географию, надо было ему самую глубокую точку мирового океана...».*

Помимо учебных процессов умная колонка постоянно участвует в ответах на вопросы детей. Если раньше все детские вопросы задавались родителям, то сейчас задаются умной колонке, в том числе родители сами учат детей обращаться не к ним, а к «Алисе».

Женщина, 47 лет: «Ой, много. Он не то, что много, он бесконечно, он ей часто очень пользуется. Буквально, мне кажется, каждые 15 минут, если он не прямо занят-занят игрой или гуляет. Он каждые 15 минут... Вот чего бы у него какой вопрос не возник, он у нее спрашивает».

На данный момент умная колонка – элемент притяжения всех членов семьи, в результате чего возникает противоречие. С одной стороны, большинство домохозяйств имеет в собственности одно умное устройство (колонку), что вызывает неудобство в использовании, так как каждый член семьи имеет разную цель использования. При том даже в случае одной самой распространенной цели – прослушивание музыки – возникает проблема разных музыкальных предпочтений. С другой стороны, о покупке второго умного устройства родители могут не задумываться, рассматривая умное устройство как элемент коллективного пользования.

Вывод. Умная колонка – коллективная собственность семьи, при этом в домохозяйстве умное устройство одно, а используют его все члены семьи для различных действий, в зависимости от возраста, музыкальных и других предпочтений. Результаты нашего исследования показали, что умная колонка активно включается в семейные взаимоотношения, участвуя в конфликтах и беря на себя одну из родительских функций – обучение, как в рамках учебы, так и в рамках повседневной жизни.

Литература

1. Вершинина И. А., Лядова А. В. Трансформация повседневности современного человека под влиянием технологий искусственного интеллекта // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-povsednevnosti-sovremennogo-cheloveka-pod-vliyaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 03.05.2026)
2. Корбут А. М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 193–216.
3. Попова А. А., Хижнякова М. С., Гаврилова Ю. В. Роботизированная техника: поколенческий аспект использования в повседневной жизни // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/robotizirovannaya-tehnika-pokolencheskiy-aspekt-ispolzovaniya-v-povsednevnoy-zhizni> (дата обращения: 03.05.2026).
4. Рынок умных колонок и голосовых ассистентов в России и мире // Ежегодное исследование Just AI. URL: <https://just-ai.com/blog/rynok-umnyh-kolonok-i-golosovyh-assistentov-v-rossii-i-mire-ezhegodnoe-issledovanie-just-ai> (дата обращения: 03.05.2026).

УДК 004:316

О. А. Матвеева

Управление Федеральной службы государственной статистики
по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, г. Архангельск

КАК ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕНЯЕТ ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВА И ЛЮДЕЙ

Рассматривается, как цифровизация меняет методы социальных исследований: на смену анкетам и интервью приходит анализ цифровых следов, что позволяет оперативнее и точнее изучать поведение людей. Раскрыты новые технологии (ИИ, машинное обучение, сетевой анализ) и их возможности. Отмечается, что будущее социальных наук – в объединении гуманитарных знаний с цифровыми навыками.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые следы, анализ данных, методология исследований.

O. A. Matveeva

Federal State Statistics Service for the Arkhangelsk Region
and the Nenets Autonomous Okrug, Arkhangelsk

HOW DIGITALIZATION TRANSFORMS THE STUDY OF SOCIETY AND PEOPLE

The article examines how digitalization is transforming the methods of social research: traditional surveys and interviews are being replaced by the analysis of digital footprints, enabling faster and more accurate study of human behavior. It explores new technologies such as artificial intelligence, machine learning, and network analysis, along with their potential applications. The article emphasizes that the future of social sciences lies in the integration of humanities knowledge with digital skills and digital competencies.

Keywords: digitalization, digital footprints, data analysis, research methodology.

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без цифровых технологий. Общение в Мессенджерах, обучение в сети, работа через интернет и даже отдых с гаджетами. И, если честно, я уже не помню, когда что-то писала от руки в последний раз. Неудивительно, что социология, психология, политические науки, экономика – не остались за бортом. Ещё совсем недавно, для понимания структуры мира, хватало ручки, блокнота и живого общения. Как проходили опросы на улице: подходишь к человеку, задаёшь вопросы, пишешь ответы и неделями анализируешь записи. А как мы писали курсовые и доклады? Читальный зал, кипы статей и книг ради нужной информации и старательное переписывание в тетрадь. Но все это в прошлом. Сегодня на первом месте интернет и искусственный интеллект. Они меняют все – от получения данных до анализа. Цифровизация это не просто набор текста на компьютере. Это настоящий переворот в получении, обработке и понимании информации о людях и обществе. С одной стороны, мы видим, чем живут миллионы людей по всему миру. А с другой – сами не замечаем, как оставляем цифровой след (наши лайки, покупки, маршруты и т. п.). Я все чаще ловлю себя на мысли: а что уже знает обо мне интернет? И понимаю, что нам только предстоит научиться с этим жить. Самое главное – не потерять себя в потоке информации и не разучиться думать самостоятельно.

Рассмотрим, как именно цифровизация меняет методы социальных исследований, какие новые возможности открываются и с какими проблемами приходится сталкиваться.

Я уже упоминала о традиционных методах сбора данных. Это обременительно, дорого и часто зависело от честности и памяти опрошенного. Человек мог что-то забыть, приукрасить или просто соврать. Цифровизация же предоставила абсолютно иной подход – теперь мы можем не спрашивать, а просто наблюдать через «цифровой след». Звучит очень загадочно, но на самом деле, все просто! Вся информация, которую мы оставляем о себе, пользуясь интернетом и гаджетами, где мы бываем (геолокация в телефоне); что мы ищем в Гугл; какие посты нам нравятся в соцсетях; что мы покупаем в онлайн-магазинах – всё это невидимая дорожка из крошек. Простой пример. Я хочу узнать, какая музыка популярна у подростков. Раньше мне бы пришлось вооружиться кипами анкет и отправиться в настоящий «поход» по школам, отрывая ребят от учёбы, надеясь на их честность. А сегодня достаточно просто посмотреть, какие музыкальные треки чаще всего подростки ищут в музыкальных поисковиках и добавляют в свои плейлисты. Ещё пример. Анализируя, какие новости мы читаем, какими делимся с друзьями, какие комментируем, можно понять не только наши политические взгляды, но и то, как в принципе распространяется информация и почему одни новости становятся вирусными, а другие – нет. Иногда это потрясающе. Наверняка каждый из нас замечал, что стоит только подумать о покупке, к примеру, новых кроссовок, обговорить это с подругой в мессенджере (без указания каких-либо ссылок), как в течение считанных минут реклама спортивной обуви всплывает в ленте. Это и есть работа с «цифровым следом» в действии. Мы перешли от активного расспроса к пассивному наблюдению. И это даёт возможность видеть людей такими, какие они есть на самом деле, в своей естественной среде, а не в момент заполнения скучной анкеты.

И тут мы подходим к самому интересному. Социальные сети и поисковые платформы, вроде «ВКонтакте», «Яндекса» или «Гугл», по сути, превратились в гигантские исследовательские лаборатории, которые работают 24/7. Они фиксируют каждый наш шаг. Представьте, насколько это мощный инструмент. Допустим, человек планирует открыть своё кафе в каком-нибудь городе. Раньше это было гадание на кофейной гуще. Нужно ли это жителям? Теперь же все гораздо проще и надёжнее, достаточно проанализировать поисковые запросы жителей этого города. Люди сами подсказывают, чего им хочется, когда ищут в интернете, «где поесть пищу» или «лучшая кофейня рядом». Это позволяет в реальном времени отслеживать интересы общества и принимать решения не на основе интуиции, а на основе реальных данных. Не стоит вкладывать деньги в то, что нравится только тебе, – сначала убедись, что это вообще кому-то нужно!

Но наши поисковые запросы – лишь часть картины. Чтобы понять, как люди живут и перемещаются, специалисты используют данные с наших мобильных телефонов. Звучит футуристично, но это уже наша реальность. Информация с телефонов (разумеется, без имён и фамилий) помогает изучать огромные миграционные потоки, отслеживать транспортные артерии города в час пик, когда движение замирает, и понимать, какие парки и площади в городе самые популярные. Это все собирается вместе, обезличивается, чтобы никто не мог узнать конкретно про тебя, и анализируется. Специалисты смотрят, как меняется активность в городе в разное время суток и в разные сезоны. Полученные данные помогают принимать важные решения. Какое место наиболее подходит для строительства новой дороги, будет ли эта дорога удобна. Какой район города наиболее привлекателен для жизни. Яркий пример – проект в Свердловской области. Учёные буквально пощупали «пульс региона», чтобы понять, как он живёт и чем дышит. Передвижение обезличенных данных, предоставленных мобильными операторами с помощью модуля «Анализ геоданных», отслеживали между базовыми станциями. Это карта в режиме реального времени, позволяющая видеть маршруты и время передвижения людей. Это помогло предсказать привлекательность для жизни и бизнеса определенных территорий, что, в свою очередь, позволило планировать строительство новых дорог, больниц, школ. Все это направлено на улучшение уровня жизни в регионе. Это уже не просто статистика про отчётах, а живой инструмент для развития [1]. Но ведь жизнь региона – это не только дороги, перемещения и парки. Это ещё и то, как и на что люди тратят деньги. И здесь мы переходим к ещё одному важному источнику информации – нашим покупкам. Каждый раз, расплачиваясь картой в супермаркете или оформляя заказ в интернет-магазине, мы оставляем крошечный, но очень важный след. Собрав информацию о наших покупках, специалисты формируют полное представление об уровне жизни в разных регионах, понимают, какие покупки предпочитают совершать и анализируют общие модели потребительских привычек. И тут начинается самое интересное. Потребительские привычки – не что-то единое для всех.

Они зависят от целого ряда причин:

Возраст. Так, молодёжь и жители крупных городов выбирают онлайн-покупки, в один клик заказывают доставку еды и технику. А вот старшее поколение и жители небольших сел чаще предпочитают традиционное – идут в магазин с его привычной атмосферой или на рынок, где можно поторгаться и пообщаться с продавцом.

Доходы и ситуация в стране. Экономическая обстановка играет огромную роль. С падением доходов, включается режим экономии, люди начинают искать скидки и отказываться от импульсивных покупок.

Чтобы во всем этом разобраться, аналитики используют не только «цифровые следы», но и старые добрые методы: проводят опросы и исследования.

В итоге полученная информация помогает понять не просто «что купили», а «почему» купили. Зная, почему человек делает тот или иной выбор, компании могут создавать действительно полезные продукты и услуги, делая нашу жизнь комфортнее [2].

Но ценность этих знаний была бы гораздо ниже, если бы мы получали их слишком поздно. Именно здесь и проявляется главное преимущество цифровизации – скорость. Раньше социологическое исследование могло занимать целый год от разработки методики до готового отчёта. За это время ситуация в обществе менялась, и результаты теряли актуальность ещё до публикации. Теперь же благодаря цифровым технологиям сбор и анализ данных проходят гораздо быстрее, что позволяет получать актуальную информацию в режиме реального времени.

Ускорение исследований происходит благодаря современным технологиям.

К ним относятся: умные калькуляторы – программы для статистической обработки данных (SPSS, STATISTICA). Например: социологи хотят узнать, влияет ли уровень образования на политические предпочтения. Тысячи анкет загружаются в программу, которая за секунды выстраивает графики и таблицы, показывая: «Да, 70 % людей с высшим образованием голосуют за определённую партию, и эта связь статистически значима». Человек на такой анализ потратил бы недели.

Если умные калькуляторы работают с анкетами, то Big Data (большие данные) используются для работы с большим массивом информации. Например: специалисты анализируют данные с GPS-трекеров всего городского транспорта на перекрестке не просто видят «пробку», а понимают, что в пятницу вечером на этом участке дороги всегда затор, потому что люди едут за город. Следовательно, необходимо изменить работу светофора именно на этом перекрёстке, именно в это время. И это уже не анкеты, а наблюдение за поведением миллионов людей в их естественной среде.

Но самое захватывающее – искусственный интеллект! Это уже не просто обработка, а настоящий помощник с мозгами! Инструменты вроде Perplexity помогают находить нужную информацию за мгновения. А ChatGPT и его аналоги можно использовать для более творческих задач (он может сам закодировать сотни интервью или проанализировать тональность тысяч комментариев). Эти технологии оптимизируют все процессы. Это как пересечь с велосипедом на ракету [3].

Однако цифровизация имеет не только плюсы, но и минусы. Порой алгоритмы искусственного интеллекта кажутся нам «чёрным ящиком». Мы видим результат, но не понимаем, как он появился. Возникает ощущение, что технологии могут исказить саму реальность, подменяя её чем-то искусственным. Когда речь заходит о больших данных, ситуация становится сложной. Собрать огромный массив информации, это как наполнить огромный бассейн водой. Но что это за вода – чистый источник, несущий знания, или мутная смесь, в которой легко утонуть в потоке информации? Чтобы разобраться, нужно исследовать каждую каплю воды. И здесь появляется главное ограничение: человеческий разум не способен удержать и проанализировать миллионы постов, терабайты данных.

И тут на помощь приходит искусственный интеллект. Вся тяжёлая рутинная работа на нём. Мы можем сосредоточиться на главном – на смысле, на людях, на будущем. Но важно помнить, что за цифрами и алгоритмами всегда должны стоять человеческие ценности и ответственность. Только так технологии станут по-настоящему нашими союзниками.

Чтобы справиться с огромными массивами данных и сделать работу эффективной, на помощь приходят современные технологии анализа. Именно они позволяют не просто собирать информацию, как воду в бассейн, а очищать её, структурировать и находить в ней смысл.

Ключевые инструменты, которые делают это возможным:

Анализ текста (Text Mining), как чтение между строк. Алгоритмы обработки естественного языка (NLP) позволяют автоматически определять эмоции, улавливать настроения и находить темы, которые волнуют людей [3]. Представьте, вы – владелец небольшой уютной кофейни и вам важно знать мнение посетителей о новом десерте или о скорости обслуживания. Каждый день в соцсетях появляются десятки отзывов (кто-то хвалит новый латте, кто-то жалуется на долгое обслуживание, а кто-то просто делится фотографией десерта). Вручную прочитать все это невозможно, но Text Mining сделает это за вас. Он мгновенно отсортирует отзывы, покажет, что радует гостей, а что вызывает недовольство, и даже подскажет, на что необходимо обратить внимание в первую очередь. Это помогает компаниям понять, что думают клиенты, политикам – чего хотят люди, а всем нам – почувствовать, чем живёт общество. Это уже не просто цифры, а настоящий голос людей, который технологии помогают услышать.

Машинное обучение (Machine Learning). Это область искусственного интеллекта, где компьютер учится на примерах, словно ученик, которому не дают строгих инструкций, но показывают множество ситуаций, чтобы он сам улавливал закономерности. Вы даёте ему отзывы о кофеине, и он сам распознает, какие слова связаны с радостью, а какие – с разочарованием. Сначала информация собирается из разных источников, затем тщательно проверяется (убирается лишнее, исправляются ошибки и раскладываются по категориям). Только после этого «обучается» модель. В зависимости от задачи подбирают свой «инструмент». К примеру, нужно предсказать, сколько гостей посетит кафе завтра? Для этого берут линейную регрессию – она отлично считает числа. Задача посложнее – понять, почему одни клиенты возвращаются, а другие – нет? Здесь помогут деревья решений, которые раскладывают ситу-

ацию на простые вопросы-ветви. Для самых ответственных прогнозов, где важна максимальная точность, объединяют несколько моделей в один «совет» – это ансамблевые методы (Random Forest, Gradient Boosting). А если данные идут потоком, например, новости или посты в соцсетях, то используют нейронные сети (RNN, LSTM), которые умеют запоминать последовательность событий. Сначала модель учится на известных данных, а затем проверяется на новых, с которыми раньше не сталкивалась. Если она успешно проходит проверку, её начинают использовать на практике. При этом за ней постоянно наблюдают и обновляют, чтобы качество работы не снижалось. Это как научить ребёнка отличать кошек от собак. Сначала мы вместе смотрим фотографии и разбираем, кто есть кто. Потом показываем новую картинку, чтобы проверить, запомнил ли он. А когда появляются новые, необычные породы, снова помогаем ему, чтобы он не путался. Это работает везде, где нужно принимать решения на основе данных. В политике помогает понять, чего хочет молодёжь и пойдёт ли она на выборы. В финансах подсказывает, когда лучше покупать или продавать акции. В социологии: показывает, какие темы волнуют людей больше всего. Это умный помощник, помогающий принимать решения, основанные на реальных данных [4].

Сетевой анализ (SNA) – это метод изучения отношений и взаимодействия между людьми, группами или организациями. Для этого используется теория графов: участники сети изображаются в виде «узлов», а их связи – в виде «рёбер». Такой подход позволяет увидеть всю картину – кто в центре внимания, кто – «серый кардинал», объединяющий других, а кто – настоящий рупор, через которого мгновенно расходятся новости. Так можно выявить неформальных лидеров, понять, как рождаются тренды или как остановить распространение слухов (или болезней).

Для этого есть специальные инструменты, которые превращают сухие списки контактов в наглядные и живые схемы, помогая увидеть скрытые связи и по-настоящему понять структуру любого сообщества. Для анализа и визуализации сетей используют специальные программы: Gephi, Pajek или язык R. Они превращают скучные списки контактов в наглядные и живые схемы. Где это применяется? В бизнесе, чтобы найти неформальных лидеров и сделать общение в команде проще и эффективнее. В эпидемиологии, чтобы понять, как распространяются болезни, и вовремя принять меры. В маркетинге, чтобы отыскать самых влиятельных людей и запустить «сарафанное радио» для продвижения продукта. В науке, чтобы увидеть, кто с кем сотрудничает [5].

Но за всей этой мощью и скоростью скрываются непростые вопросы, на которые у нас пока нет простых ответов. С одной стороны – риск получения искажённой картины мира. Интернет, как зеркало, в котором отражается только часть общества: молодёжь и жители больших городов. Голоса пожилых людей или жителей отдалённых деревень в этом хоре почти не слышны. И это «цифровое неравенство» может привести к ошибочным выводам.

С другой стороны – остро встаёт вопрос конфиденциальности. Где проходит та грань между научным исследованием и слежкой? Как изучать поведение людей, не нарушая их личного пространства и сохраняя анонимность? Социальным необходимы строгие этические нормы работы с цифровыми данными. Интернет переполнен ботами, фейками и просто намеренной ложью. Исследователям приходится тщательно проверять информацию, чтобы отличить правду от вымысла. Машина найдет связь между двумя событиями, но не объяснит, почему так происходит. Человеку важно критически осмыслить результаты и не принять простое совпадение за истину. Цифровизация ставит перед нами непростые этические и методологические вопросы. Но, по сути, она уже стала мощнейшим двигателем развития социальных наук. Теперь мы можем изучать не просто слова на бумаге, а реальное поведение людей. Это новая эра социальной аналитики. Наука не просто изучает общество, а участвует в принятии верных решений. Важно, чтобы технические навыки сочетались с человеческим подходом. Нельзя забывать, что за сухими цифрами – живые люди.

Литература

1. На Урале анализируют миграцию населения по данным мобильных операторов // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/06/22/reg-urfo/allo-vas-poschitali.html> (дата обращения: 07.05.2026).

2. Пилипенко С. А. Потребительское поведение в онлайн-покупках: статистический анализ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potrebitelskoe-povedenie-v-onlayn-pokupkah-statisticheskiy-analiz/viewer> (дата обращения: 07.05.2026).

3. Смирнов В. А. Цифровизация социологии: новые возможности и ключевые противоречия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sotsiologii-novye-vozmozhnosti-i-kluchevye-protivorechiya> (дата обращения: 08.05.2026).

4. Что такое машинное обучение ML: виды, основы и принципы. URL: <https://developers.sber.ru/help/ml/what-is-ml> (дата обращения: 08.05.2026).

5. Социальные связи: как измерить и визуализировать. URL: <https://skolkovo.ru/expert-opinions/socialnye-svyazi-kak-izmerit-i-vizualizirovat> (дата обращения: 08.05.2026).

УДК 316.77:004.94

А. А. Атагян

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕЛЕЙ ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА

Автор обращается к концепции цифрового двойника как социальной технологии управления и прогнозирования в условиях цифрового общества. На основе теории постиндустриального общества обосновывается трансформация теоретического знания в ключевую производительную силу и потребность в новых управленческих инструментах. Проводится сравнительный анализ архитектуры цифрового двойника технической и социальной систем. Обосновывается потенциал и ограничения модели цифрового двойника, применительно к социальным системам.

Ключевые слова: цифровой двойник, социальная система, цифровое общество, социальная технология.

A. A. Atagyan

Lomonosov Moscow State University, Moscow

SOCIO-TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF DIGITAL TWIN MODELS

The article examines the concept of the digital twin as a social technology for management and forecasting in the context of digital society. Grounded in post-industrial society theory, the study substantiates the transformation of theoretical knowledge into a key productive force and the need for new management tools. A comparative analysis of digital twin architecture in technical and social systems is conducted. The potential and limitations of applying the digital twin model to social systems are substantiated.

Keywords: digital twin, social system, digital society, social technology.

Современное понимание цифрового общества предполагает, что его инфраструктура функционирует посредством цифровых технологий (большие данные, искусственный интеллект, алгоритмические системы, облачные вычисления и т. д.), а базовой формой социальной организации являются сетевые структуры и платформы. В этой среде происходят фундаментальные трансформации, такие как изменение роли социальных институтов и приобретение знанием и инновационными технологиями статуса ключевых ресурсов развития экономики. Предпосылки для таких изменений были заложены еще в ходе Третьей промышленной революции, которая позволила создать параллельное физическому виртуальное пространство. Благодаря развитию вычислительных мощностей и интернета, это пространство обеспечило возможность работы с виртуальными активами и удаленного взаимодействия, что значительно повысило эффективность производственной деятельности. Дальнейшее развитие этих процессов в рамках Индустрии 4.0 привело к стремительному росту значимости информационных технологий нового поколения [5]. Сегодня вектор развития смещается от простой цифровизации к глубокой интеграции физического и виртуального миров. Эта тенденция затрагивает не только промышленное производство, но и социальные институты. Активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни актуализирует проблему координации сложных социальных процессов. В условиях цифровой трансформации традиционные методы управления оказываются недостаточно эффективными, что фор-

мирует объективный запрос на принципиально новые управленческие технологии, способные работать с распределенным знанием и обеспечивать точное моделирование социальных процессов.

С точки зрения теории постиндустриального общества, наблюдаемый сдвиг знаменует переход от экономики, основанной на производстве товаров, к экономике, где осевым принципом становится теоретическое знание [2]. Посредством применения технологии цифровых двойников, неструктурированное знание трансформируется, становясь основным фактором производства. В отличие от индустриального общества, где главенствующую роль в экономике играют капитал и труд, в информационном обществе им на смену приходит кодифицированная информация и алгоритмические модели. Теперь мышление перестает быть частью идеологической надстройки; оно становится ключевым элементом техноструктуры, определяющим принятие решений. Процесс датафикации представляет собой формализацию неявного знания, перевод его на язык символов и моделей, что позволяет осуществлять прогнозное управление сложными социальными системами. Таким образом, «базис» современного общества приобретает информационно-когнитивную природу: именно способность генерировать, обрабатывать и применять теоретические модели становится главной производительной силой, а социальные отношения структурируются скорее вокруг доступа к знанию и контролю над информационными потоками, чем над средствами материального производства.

В сетевом обществе знания становятся ключевым фактором производства, а люди выступают их основными носителями. Управление этими распределенными знаниями требует системы, способной собирать, проверять и преобразовывать информацию в основу для алгоритмического принятия решений. В условиях сетевой организации такая функция выходит за рамки чисто инженерных задач и приобретает характер социальной технологии. В этом качестве цифровой двойник выступает не просто как вычислительная модель или программный код, а как социально закреплённый механизм координации человеческих практик, обмена знаниями и организации взаимодействий.

Изначально цифровой двойник создавался как технический инструмент для оптимизации промышленных операций. Наиболее полное определение модели «цифрового двойника» в инженерно-технологическом смысле звучит как «набор математических формул, описывающих сам объект и протекающие в нем процессы» [3]. Цифровые двойники технических систем стали неотъемлемым инструментом современной инженерии и промышленного менеджмента. В то же время применение этой технологии к социальным системам находится на стадии активного формирования методологической базы и пилотного внедрения на уровне отдельных организаций или даже их департаментов и не носит системного характера. Однако согласно прогнозам, глобальный рынок цифровых двойников вырастет с 35,8 млрд долларов США в 2025 г. до 328,5 млрд долларов США в 2033 г., т. е., почти в 10 раз за 7 лет, что говорит об интенсивном внедрении этой технологии во все сферы жизнедеятельности человека [7].

Ключевой тезис заключается в том, что цифровой двойник социальной системы является элементом управления и прогнозирования, т. е. выступает как социальная технология. При внедрении такой модели появляется возможность исследовать гипотетические изменения в системе и оценивать их влияние на отдельных людей, группы и социальные институты [8]. Так, технология позволяет переходить от реактивных методов управления к превентивным благодаря возможности моделирования альтернативных сценариев развития социальных процессов в виртуальной среде.

Возможность создания моделей цифрового двойника, применительно к социальным системам может быть раскрыта посредством сравнения элементов, реплицируемых данной технологией в технических системах с дальнейшим сравнением наличия аналогов этих элементов в социальной системе. Для создания цифрового двойника, согласно М. Гривзу необходимы следующие элементы: физическое пространство, виртуальное пространство, канал передачи данных из физического пространства в виртуальное, канал обратной связи из виртуального пространства в физическое, а также виртуальные подпространства [6]. Попытка сопоставления дублируемых элементов из систем разной природы представлена в табл.

Таблица

Сопоставление компонентов цифрового двойника технической и социальной систем

Элемент архитектуры ЦД	Техническая система (ТС)	Социальная система (СС)	Общий принцип
1. Физическое пространство (объект)	Материальные активы: – Детали, узлы, механизмы; – Физические поля (температура, давление); – Жесткая структура связей (чертеж).	Социальные акторы и среда: – Индивиды (сотрудники, жители) – Социальные группы и институты – Инфраструктура взаимодействия (офисы, площади, цифровые платформы, социальные сети).	Наличие материального носителя системы, состояние которого необходимо отслеживать и которым необходимо управлять.
2. Виртуальное пространство	Детерминированные модели: – CAD/CAE модели (геометрия); – Физические уравнения (термодинамика, механика); – Логика контроллеров (PLC-код).	Вероятностные и агентные модели: – Профили пользователей (демография, роли); – Агентные модели поведения (ABM); – Социально-экономические алгоритмы (теория игр, сетевой анализ).	Создание цифровой модели, которая имитирует структуру и свойства реального объекта. В ТС – точная копия, в СС – наиболее вероятный при данных условиях сценарий поведения людей.
3. Канал прямой связи	Телеметрия (IoT): – Датчики вибрации, температуры, тока; – Логи ошибок; – Высокочастотные потоки данных (Real-time).	«Социальные сенсоры»: – Цифровой след; – Данные пропусков и транзакций; – Опросы и обратная связь.	Непрерывный сбор эмпирических данных о текущем состоянии системы для синхронизации виртуальной модели с реальностью.
4. Канал обратной связи	Управляющие воздействия: – Команды на изменение режимов работы; – Сигналы предиктивного обслуживания (замена детали); – Автоматическая корректировка параметров.	Управленческие решения и интервенции: – Изменение регламентов/KPI; – HR-интервенции (обучение, мотивация); – Информационные кампании, изменение среды.	Использование инсайтов, полученных из модели, для изменения состояния физического объекта. В ТС это часто автоматизировано, в СС – требует принятия решений человеком.

* Составлено автором по источникам: [1; 4; 6].

Как видно из таблицы, социальная система обладает всеми необходимыми для создания цифрового двойника компонентами. Однако существуют значительные ограничения, связанные с самой природой социальной системы, такие как, например, обеспечение непрерывного сбора эмпирических данных о текущем состоянии системы для синхронизации виртуальной модели с реальностью. Если в технической системе этот процесс может быть автоматизирован с помощью специализированных устройств, то для социальной системы на данном этапе развития технологий сбора и обработки социальной информации полностью автоматизировать и «поставить на поток» этот процесс представляется достаточно проблематичным, так как поведение людей характеризуется высокой степенью эмоциональности, субъективности и, как следствие, иррациональности, что исключает возможность использования жестких, функциональных алгоритмов. Ситуация усугубляется проблемой репрезентативности данных, поскольку цифровой след оставляют только пользователи информационных технологий, что создает искаженную картину общества, а также правовыми и этическими нормами защиты персональной информации, которые препятствуют тотальному мониторингу. Кроме того, социальная информация часто носит неструктурированный, односторонний и субъективный характер, требующий глубокой, сложной интерпретации, которая сегодня не достигает той степени точности и надежности, которая свойственна показаниям физических датчиков в технических системах. К сожалению, это не исчерпывающий список ограничений создания и внедрения цифровых двойников социальных систем. Однако, как нам представляется, эти ограничения носят временный характер и могут быть преодолены с совершенствованием технологий сбора и обработки социальной информации и развитии когнитивных наук.

Таким образом, технология цифрового двойника, на наш взгляд, обладает мощным социально-технологическим потенциалом, раскрытие которого зависит от развития возмож-

ностей сбора и обработки данных в социальной системе. Переход к экономике знания обусловил необходимость создания новых управленческих систем и инструментов, способных трансформировать распределенное социальное знание в алгоритмизированные модели для принятия решений. В этом контексте цифровой двойник выступает не просто как технический инструмент, а как социальная технология, встраиваемая в социальную систему в качестве агента, и обеспечивающая интеграцию физического и виртуального пространств в сфере управления. Несмотря на указанные ограничения, дальнейшая разработка и внедрение цифровых двойников в системы взаимодействия социальных институтов позволит перейти от реактивного управления к прогнозному, повышая эффективность управления сложными социальными процессами и адаптируя общественные структуры к вызовам постиндустриальной эпохи.

Литература

1. Багрин П. П. Возможность имитационного моделирования корпоративных систем // Теоретическая и прикладная экономика. 2016. № 1. С. 1–11.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999. С. 26.
3. Вихман В. В., Ромм, М. В. «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность // Высшее образование в России. 2021. № 2. С. 22–32.
4. Понятие «цифровой двойник» в применении к социальной системе / А. В. Матяш [и др.] // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 10–1. С. 428–440.
5. Сосфенов Д. А. Цифровой двойник: история возникновения и перспективы развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 4. С. 35–43.
6. Grieves M., Vickers J. Digital Twin: Mitigating Unpredictable, Undesirable Emergent Behavior in Complex Systems // Transdisciplinary Perspectives on Complex Systems / eds. J. Kahlen, S. Flumerfelt, A. Alves. Cham : Springer, 2017.
7. Digital twin market size, share & trend analysis report by solution (component, process, system), by deployment, by enterprise size, by application, by end use, by region, and segment forecasts, 2026–2033 / Grand View Research. San Francisco, 2024. URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/digital-twin-market> (дата обращения: 07.05.2026).
8. Project Spotlight: Building Digital Twins of Social Systems. URL: <https://www.ukcric.com/outputs/project-spotlight-building-digital-twins-of-social-systems/> (дата обращения: 07.05.2026).

УДК 004.056:336.71(47)

В. В. Неруш

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦИФРОВАЯ УЯЗВИМОСТЬ: УСТАНОВКИ РОССИЯН В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА⁴

Рассматриваются особенности восприятия цифровых угроз и поведенческие установки населения России в контексте роста финансового мошенничества. В условиях масштабной цифровизации финансовых услуг и активизации социальной инженерии актуализируется проблема не только технологической защиты, но и субъективных барьеров граждан перед уловками злоумышленников.

Ключевые слова: цифровая уязвимость, финансовое мошенничество, социальная инженерия, финансовая грамотность, кибербезопасность.

V. V. Nerush

Irkutsk State University, Irkutsk

DIGITAL VULNERABILITY: RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS FINANCIAL FRAUD

The article examines the peculiarities of perception of digital threats and behavioral attitudes of the Russian population in the context of the growth of financial fraud. In the context of large-scale digitalization of financial ser-

⁴ Работа подготовлена под научным руководством доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных.

vices and the intensification of social engineering, the problem of not only technological protection, but also the subjective barriers of citizens to the tricks of intruders is actualized.

Keywords: digital vulnerability, financial fraud, social engineering, financial literacy, cybersecurity.

Трансформация финансового сектора, сопряженная с тотальной цифровизацией повседневных практик, создает амбивалентную ситуацию. С одной стороны, повышается доступность и скорость транзакций, с другой – расширяется спектр угроз, связанных с непропорциональным доступом к денежным средствам. В текущих условиях технологической гонки вооружений между защитными алгоритмами и мошенническими схемами особую значимость приобретает «человеческий фактор» – совокупность установок, когнитивных искажений и уровня компетенций, определяющих уязвимость индивида перед финансовыми преступлениями. Цифровая уязвимость проявляется не столько в технической незащищенности устройств, сколько в неспособности или неготовности граждан распознавать сценарии обмана, маскирующиеся под легитимные финансовые операции.

В научном дискурсе феномен уязвимости перед финансовым мошенничеством все чаще рассматривается через призму институционального доверия. Как отмечается в современных исследованиях, доверие представляет собой фундаментальный социальный капитал и необходимое условие функционирования экономических систем, однако одновременно оно создает специфические уязвимости, которыми активно пользуются злоумышленники [10]. Мошенничество, являясь древнейшим спутником экономической деятельности, не изобретает новые принципы, а эволюционирует вслед за доминирующими в каждую эпоху каналами верификации – от религиозных и документальных до цифровых и сетевых [5]. В цифровую эпоху инфраструктура доверия включает в себя банковские приложения, платформы электронной коммерции и системы удаленной идентификации, компрометация которых способна привести к системным каскадным эффектам [10].

Социальная инженерия как основной инструмент злоумышленников сегодня претерпела значительные изменения. Если ранее преобладали примитивные («нигерийские письма» или звонки о «несчастных случаях с родственниками»), то современный арсенал включает сложные многоходовые комбинации с применением дипфейков, подмены геолокации и эксплуатации легитимных технологий. По данным Банка России, в третьем квартале 2025 г. количество атак с использованием вредоносного программного обеспечения выросло на 127 % по сравнению со средними показателями предыдущих четырех кварталов, тогда как число атак с применением социальной инженерии, напротив, снизилось на 26 % [7]. Данная динамика свидетельствует о технологической диверсификации мошеннического инструментария: злоумышленники все чаще прибегают к гибридным схемам, сочетающим телефонное убеждение с установкой вредоносного ПО, позволяющего перехватывать управление платежными модулями смартфона. Масштаб угрозы подтверждается социологическими замерами: в 2025 г. абсолютное большинство россиян (96 %) сталкивались с теми или иными проявлениями цифрового мошенничества, преимущественно посредством телефонных звонков и сообщений в мессенджерах [10].

Несмотря на высокую частоту контактов с мошенниками, лишь относительно небольшая часть граждан несет прямой финансовый ущерб. Исследования показывают, что в результате взаимодействия со злоумышленниками переводы на «безопасные счета» совершили лишь около 3 % респондентов, при этом 85 % участников опросов отмечают, что им или их близким удалось избежать потерь [1]. Это свидетельствует о формировании в общественном сознании определенного «иммунитета» или, по крайней мере, настороженности. Главный способ защиты, который выбирают люди, – просто не пользоваться теми финансовыми продуктами и схемами, в которых они плохо разбираются, а также с недоверием относиться к обещаниям сверхприбыли. Однако статистика Банка России заставляет смотреть на ситуацию иначе. В третьем квартале 2025 г. объем краж без согласия клиентов достиг 8,18 млрд руб., число случаев выросло до 460 тыс. – это заметно выше средних цифр за прошлые периоды [3]. Тревогу вызывает и то, куда утекают деньги: 3,09 млрд руб. ушло через

Систему быстрых платежей, еще 2,70 млрд – через счета дистанционного обслуживания. Вернуть удастся лишь 5,1 % от украденного [7]. Получается, что люди думают «меня это не коснется, я же не перевожу деньги чужим», а на деле новые технически сложные схемы обходят такую внутреннюю защиту.

Социологический портрет жертвы финансового мошенничества остается стабильным на протяжении последних лет, однако современные исследования выявляют новые значимые нюансы. Вопреки распространенному стереотипу о том, что наиболее уязвимой группой являются исключительно пожилые люди, исследователи фиксируют парадоксальную ситуацию: молодежь, будучи «цифровыми аборигенами» с высоким уровнем технической грамотности, оказывается в зоне повышенного риска именно в силу своей глубокой включенности в цифровую среду [9]. Исследование Е. И. Медведевой, С. В. Крошила и Т. Г. Авачевой показывает, что современная молодежь, в особенности поколение «зумеров», в силу ежедневного использования мобильных устройств и цифровых сервисов демонстрирует парадоксально высокую уязвимость в вопросах кибербезопасности [10].

Важным маркером уязвимости выступает не столько возраст, сколько склонность к импульсивным действиям под влиянием стресса: переход по фишинговым ссылкам, сообщение кодов из СМС или установка вредоносных приложений. Согласно данным Банка России, в третьем квартале 2025 г. количество атак с использованием фишинга составило 631 случай, а количество выявленных фишинговых доменов, направленных на блокировку, достигло 3 091 [6]. Исследователи О. В. Лактюшина и Т. А. Горбачева подчеркивают, что цифровая трансформация банковского бизнеса, обеспечив клиентам новый уровень доступности и удобства, одновременно создала целый спектр новых киберугроз, требующих от финансовых институтов постоянной готовности к противодействию [3]. Авторы отмечают, что знание типологии угроз при правильно настроенной системе контроля безопасности позволяет существенно снизить вероятность их реализации, обеспечивая организациям более высокий уровень киберустойчивости [3].

Эволюция мошеннических схем демонстрирует смещение вектора атак от прямого убеждения к технической эксплуатации доверия. Показательной является схема с использованием технологии NFC (Near Field Communication) на мобильных устройствах, получившая широкое распространение во второй половине 2025 г. Используя легенду о необходимости защиты банковского счета, злоумышленники инициируют установку вредоносного программного обеспечения, которое осуществляет подмену данных токенизированной карты. В результате жертва, полагая, что зачисляет наличные денежные средства на собственный счет через банкомат с помощью смартфона, фактически переводит средства на подконтрольный мошенникам счет. Данная схема демонстрирует высокий уровень технологической изощренности и эксплуатирует базовое доверие граждан к легитимным платежным инструментам.

Реакция государственных институтов на рост цифровой уязвимости носит системный и многоуровневый характер. Внедрение механизмов «периода охлаждения» для подозрительных переводов, сервиса «второй руки» (подтверждение операций доверенным лицом) и самозапрета на выдачу кредитов направлено на создание искусственных барьеров для импульсивных действий под влиянием социальной инженерии. По данным Банка России, в третьем квартале 2025 г. кредитными организациями было предотвращено 28,5 млн попыток хищения денежных средств на общую сумму 3,5 трлн руб. [7]. Помимо прочего, регулятором было инициировано направление операторам свыше семнадцати тысяч запросов о реагировании на номера, замеченные в криминальной активности [1]. Действенность предпринятых усилий, между тем, сильно завязана на уровне финансовой и цифровой просвещенности граждан. Как указывают К. А. Мицкевич и К. И. Краенкова, формирование знаний в данной области является главенствующим направлением, ведь технологическая защита попросту не может на сто процентов возместить когнитивные ошибки, совершаемые индивидом [6]. Учеными подчеркивается наличие прочной связи между низкой цифровой культурой и масштабами киберпреступности, что требует внедрения полномасштабных образовательных проектов [6]. Особую значимость в вопросах сдерживания финансового мошенничества получает

взаимодействие с молодежью. Изыскания фиксируют, что, умело обращаясь с цифровыми сервисами, юноши и девушки демонстрируют невысокую настороженность: почти каждый третий представитель этой группы утрачивает деньги из-за недостатка информации об основах безопасности при проведении платежей [2]. Эксперты отмечают необходимость структурирования знаний в области финансовой безопасности, поскольку при постоянной смене «легенд» мошенников базовый механизм обмана остается неизменным и базируется на эксплуатации доверия к легитимным каналам верификации [5].

Таким образом, установки россиян в отношении финансового мошенничества характеризуются выраженным дуализмом. С одной стороны, наблюдается высокий уровень осведомленности о наличии угрозы и базовая настороженность, формирующая первичный защитный барьер. Мошенники постоянно придумывают новые сценарии, технологии не стоят на месте, и уязвимость проявляется тогда, когда человек напуган, торопится или слишком доверяет тому, кто ему звонит. Чтобы люди реже попадались на уловки, нужны усилия сразу в трех направлениях. Во-первых, необходимо совершенствовать законы и практику их применения. Во-вторых, повышать технологическую устойчивость самих платежных сервисов и банковских систем. В-третьих, и это, пожалуй, самое важное, – вырабатывать у населения привычку критически относиться к любой цифровой информации и осознанно управлять своими финансами, независимо от возраста и социального статуса [6; 9].

Литература

1. 96 % россиян столкнулись с цифровым мошенничеством в 2025 году // СенатИнформ. URL: https://senatinform.ru/news/96_rossiyan_stolknuilis_s_tsifrovym_moshennichestvom_v_2025_godu/ (дата обращения: 15.04.2026).
2. Грамотный подход: как молодое поколение осваивает финансовые уроки // ПРОМИА. URL: <https://promia.ru/2025/07/28/gramotnyi-podhod-kak-molodoe-pokolenie-osvaivaet-finansovye-yroki/> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Лактюшина О. В. Киберугрозы в банковской сфере и направления их снижения в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2025. № 1 (52). С. 27–40.
4. Медведева Е. И., Крошилин С. В., Авачева Т. Г. Молодежь и киберпреступники: финансовое поведение, ориентация на индивидуальную защиту и государственные проекты // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 10 (180). С. 291–304.
5. Методы выявления мошенничества с использованием аналитических инструментов // Издательский центр РИОР. URL: <https://riorpub.com/en/nauka/article/105477/view> (дата обращения: 15.04.2026).
6. Мицкевич К. А., Краенкова К. И. Развитие цифровой и финансовой грамотности населения Российской Федерации как средство борьбы с кибермошенничеством // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025) : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : СПбПУ, 2025. Т. 2. С. 55–58.
7. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе банковских средств // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/ (дата обращения: 15.04.2026).
8. Российские банки во втором квартале 2025 года пресекли рост атак мошенников с использованием социальной инженерии // CISOCLUB. URL: <https://cisoclub.ru/rossijskie-banki-vo-vtorom-kvartale-2025-goda-presekli-rost-atak-moshennikov-s-ispolzovaniem-socialnoj-inzhenerii/> (дата обращения: 15.04.2026).
9. Соколовская Е. Н. Финансовая грамотность как основа экономической безопасности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». URL: <http://e-koncept.ru/2025/0.htm> (дата обращения: 15.04.2026).
10. Феномен доверия как ресурс и уязвимость экономической безопасности в контексте эволюции форм мошенничества // Издательский центр РИОР. URL: <https://www.riorpub.ru/en/nauka/article/105153/view> (дата обращения: 15.04.2026).

РОЛЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ

Рассмотрены теоретические аспекты теории поколений, приведены различные экспертные оценки, касающиеся ситуации на современном рынке труда. Делаются выводы о роли молодежи на рынке труда.

Ключевые слова: молодое поколение, рынок труда, поколения, трудовые отношения.

Y. A. Talalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE YOUNG GENERATION IN THE TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET IN RUSSIA

The article explores the role of the young generation in the modern labor market. It discusses the theoretical aspects of generational theory and provides various expert assessments on the current state of the labor market. Based on the information presented in the article, the author concludes on the role of the young generation in the labor market and discusses trends and prospects.

Keywords: young generation, labor market, generations, and labor relations.

Современная быстроменяющаяся действительность и условия постоянной цифровой трансформации заставляют быстро адаптироваться участников всех сфер жизни. На рынок труда выходят современные поколения, диктуя новые условия для работодателей. Постепенно меняются и перестраиваются культурные парадигмы, меняются общественные ценности. Потенциальные работники организации являются носителями ценностей и установок своей эпохи. Представители новых поколений в большом количестве ежегодно выходят на рынок труда тратя новые средства и методы для их привлечения.

Одними из главных HR трендов на 2026 г. называют: внедрение искусственного интеллекта в HR-процессы, а также создание и развитие внутреннего рынка талантов. Согласно отчету Работа.ру, на рынке труда наблюдается острый дисбаланс спроса и предложения. Больше, чем нужно, юристов, бухгалтеров, специалистов по работе с персоналом, меньше, чем нужно, специалистов рабочих профессий – в производстве, сельском хозяйстве, добывающей отрасли, строительстве. Также дефицит кадров есть в продажах, банковской сфере и медицине. На рынке труда значительна доля молодых кадров. При этом работодатели чаще всего готовы брать на работу специалистов только с опытом от 3 лет, а без опыта принимают только на работу для неквалифицированного персонала. Все это свидетельствует о низкой степени адаптированности современных компаний под молодежь. В виду быстроменяющейся действительно и всеместного внедрения цифровых современных технологий, необходимо менять подход к привлечению молодого поколения, которые вышли на рынок труда сегодня. Рассмотрим более подробно структуру современного рынка труда.

Поколение бэби-бум (1944–1967) – в силу своего опыта сейчас в основной массе занимают руководящие должности, а также встречаются среди консультантов и советников. По данным исследования РОМИР, представителям этого поколения характерен трудоголизм, карьерный рост, командный дух.

Поколение X (1967–1984). Как правило, это опытные и квалифицированные специалисты. Ценностями для них являются уровень заработка, прагматизм и удовлетворение от рабочего процесса.

Поколение Y – миллениалы (1985–2000). Их ценности вращаются вокруг развития и свободы выбора. При смене работы уделяют особое внимание уровню заработка, возможности удаленной работы и соответствия ценностей компании и своих личных. Среди них больше карьеристов, нацеленных на постоянный карьерный рост и развитие.

Поколение Z (2000–2015). О зумерах ходит достаточно много противоречивых мнений. Некоторые исследователи выделяют их перспективность, высокую степень адаптивности и креативности, возможность быстро подстраиваться к нововведениям в рабочем процессе. Существуют и противоположные мнения, определяющие представителей молодых поколений, как «нежеланных» сотрудников, в виду их чрезмерного эгоизма, не готовности трудиться на всеобщее благо, жертвуя своим временем и ресурсами [5].

Самое молодое поколение сегодня – это зумеры. Представители этого поколения отличаются от предшествующих своим стремлением к гибкости и самостоятельности. Они ценят свободу выбора и хотят иметь возможность самостоятельно устанавливать свои графики работы, выбирать интересные задачи и проявлять свою креативность. Одной из ключевых черт поколения является его высокая технологичность. Будучи первым поколением, полностью выросшим в цифровую эпоху, поколение Z отличается умением быстро ориентироваться в новых технологиях и использовать их в своей работе. Они привыкли к постоянному доступу к информации и связи, могут пользоваться технологиями постоянно. Работодатели заинтересованы в выявлении потребностей и ценностей современных молодых людей для того, чтобы успешно привлекать их на работу в свои организации. Компаниям выгодно поддерживать постоянный приток молодых людей, ведь они обучены по современным образовательным программам, готовы продолжать обучаться новому, придя на работу, а также могут привнести в компанию новое видение внутренних процессов и «свежие» идеи.

Ситуация на рынке труда неутешительна. По оценкам экспертов, кадровый дефицит становится серьезным вызовом для России. Уже через пять лет российской экономике будет не хватать 12 млн сотрудников [3].

На этом фоне борьба крупных компаний за молодых сотрудников будет все больше усиливаться. Численность молодежи на рынке труда сокращается последние 10–13 лет. К 2041 г. 18-летний рубеж – на всю огромную страну – перешагнут только 1,2 млн молодых людей, что неизбежно приведет к еще большему усилению дефицита кадров. Это подтверждает необходимость пересмотра компаниями подхода к поиску и удержанию молодых сотрудников для избежания кадрового голода.

Согласно исследованию ВЦИОМ «Трудоустройство молодежи в современной России», сегодня сильно меняется ситуация на рынке труда, если до 2022 г. рынок труда можно было охарактеризовать как «ассиметричный паритет», когда молодому неопытному выпускнику учебного заведения было сложно устроиться на работу, то после наступления 2022 г. начинает формироваться рынок соискателя. Такие изменения напрямую связаны с дефицитом рабочей силы, который исследователи объясняют долгосрочными социально-демографическими и ситуативными процессами [6].

Многие исследователи описывают ситуацию на рынке труда, как «рынок соискателя». Основной чертой, определяющей понятие является уверенность работника в возможности быстрой смены работы, при возникновении необходимости расторгнуть трудовые отношения с нынешним работодателем. Работники уверены, что им не придется долго искать новое место, так как видят дефицит представителей своей профессии на рынке труда. Исследователями выделяется три этапа так называемой эмансипация молодых сотрудников от страха расставания с работодателем.

Первый этап. 1990 – 2010 гг. основным правилом при приеме на работу было наличие опыта от 2 лет, так же обязательным условием был непрерывный стаж.

Второй этап связан с пандемией COVID-19 и повсеместное распространение удаленного и гибридного формата работы. Теперь некоторые сотрудники не готовы рассматривать предложения работодателя, если тот не может предложить удаленный формат работы. Это запустило тенденцию выбора кандидата, а не работодателя.

Третий этап. Принято считать его с 2022 г. молодые люди стали намного увереннее в вопросах смены работы, они уверены, что без предложений не останутся. Ситуация на рынке позволяет молодежи такое поведение, так как вакантных мест значительно больше, нежели соискателей.

Немаловажным фактором, характеризующим молодых сотрудников, является их отношение к карьерному росту и развитию в компании. Согласно исследованию ВЦИОМ более 59 % старшекурсников и выпускников приемлемым для себя считают постепенный рост и карьерное развитие в рамках одной компании. Однако существует 33 %, которые предпочитают частую смену работу и «поиск себя», что нередко выливается в гостинг. Гостинг – это явление в основном присущее молодежи, при котором новоиспечённый сотрудник покидает рабочее место в первые дни после трудоустройства без объяснений. Такие сотрудники могут уйти на обеденный перерыв и больше не вернуться на рабочее место. Молодые люди объясняют такое поведение несоблюдением договоренностей со стороны работодателя или резко пришедшим осознанием того, что новая работа им не по душе. Нередко такие сотрудники уходят, не возвращаясь за своими вещами и не утруждая себя объяснениями перед руководством. Такое поведение негативно сказывается на впечатлении работодателей об представителях молодых поколений, хотя конечно так поступают единицы.

Как справедливо отмечает управляющий директор ФОМ Лариса Паутова: «Зумеры очень чувствительны к разрыву между словами и практикой. Их часто называют нелояльными, троллят за неприятие «душиль» и «токсичность» и любовь к котикам. Но, возможно, точнее сказать так: они менее терпимы к корпоративной фальши. Для них работодатель – это не только бренд, а цифровой и репутационный след, который можно проверить. Поэтому сегодня конкурируют не только зарплатой, но и честность, стиль управления, повседневный опыт сотрудника и подлинность компании, душевность» [5]. Данные ценностные установки находят подтверждение в исследовании «Лекарство против морщин: как корпоративная молодёжная политика спасёт крупный бизнес», проведенное ВЦИОМ, говорит о том, что современная молодежь при выборе работы ориентируется не только на уровень заработка, но и на перспективы полноценной реализации в компании. Молодежь ищет в работодателе такие качества как: надежность, престижность, гибкость, современность, технологичность, человекоцентричность. Молодые люди относятся к своему комфорту как к наивысшей ценности, поэтому не готовы терпеть постоянные переработки и отсутствие конкурентного заработка, а также негативную атмосферу в коллективе. При поиске первого места работы молодежь обращает внимание на следующие факторы: безопасность и комфорт: комфортную эмоциональную атмосферу, разумный уровень нагрузки, расширенный социальный пакет, комфортные условия труда и т. д.; развитие: возможность работать с интересными задачами, наличие наставника-бадди, возможность развития и обучения за счет компании, карьерный рост; доход – заработная плата, а также премии и бонусы. Для привлечения молодежи, работодатели сегодня меняют подход к адаптации новичков, вводя бадди или наставника, разрабатывают карьерные треки для сотрудников, с целью обозначить перспективы в работе и удержать новичков, вводят гибридные графики, активно развивают корпоративную культуру, всячески поощряя досуг сотрудников и пытаясь разнообразить рабочие будни. Компании, желающие уберечь себя от острого дефицита кадров и видеть у себя молодых амбициозных сотрудников, вынуждены учитывать те факторы, на которые опирается молодежь при выборе работы [2].

Эксперты ВЦИОМ отмечают: «Есть долгосрочные тенденции, есть краткосрочные тренды. Того безумного ажиотажа, который был в течение всего 2024 г., наверное, уже не будет. Но в ближайшие примерно 10 лет никуда не денется дефицит рынка труда. К этому ведут серьезные макроэкономические тенденции. Мы перешли в категорию рынка работника, а не рынка работодателя» [1]. Таким образом, описанные выше сдвиги в ценностно-мотивационной сфере молодежи и ответная адаптация кадровых стратегий компаний развиваются на фоне устойчивого макроэкономического тренда – дефицита рабочей силы, который, по прогнозам, сохранится как минимум на ближайшее десятилетие. Именно это обстоятельство придает процессам трансформации трудовых отношений необратимый и системный характер.

Подводя итоги, отметим большую роль современного поколения на рынке труда в связи с прогнозируемым дефицитом рабочей силы. Эти обстоятельства вынуждают работодателей пересматривать традиционные подходы к найму и удержанию персонала. В свою

очередь, молодое поколение демонстрирует новую систему трудовых ценностей. Высокая степень технологичности, стремление к гибкости, приоритет личного комфорта над коллективными интересами – это характеристики требуют от работодателя глубинной перестройки HR-процессов. Явление гостинга, которое так болезненно воспринимается компаниями, является лишь симптомом серьезного разрыва между ожиданиями молодежи и реальным положением дел в компаниях. Таким образом, молодое поколение выступает активным субъектом, трансформирующим принцип организации трудовых отношений в России. Адаптация к ценностям и ожиданиям молодежи представляет собой не ситуативную реакцию на текущие вызовы, а объективно обусловленное условие долгосрочной операционной устойчивости и поддержания конкурентных позиций организаций в условиях перманентного кадрового дефицита.

Литература

1. Итоги – 2024, прогнозы – 2025 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/itogi-2024-prognozy-2025> (дата обращения: 07.05.2026).
2. Лекарство против морщин: как корпоративная молодежная политика спасёт крупный бизнес? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lekarstvo-protiv-morshchin-korporativnaja-molodjozhnaja-politika> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Мишустин оценил потребность экономики до 2032 года в 12 млн новых работников // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1086454?ysclid=mouwrxox25692173605> (дата обращения: 16.05.2026).
4. Пять разных поколений на рынке труда. Чего они хотят и что делать HR // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/education/05/12/2025/691f2ab29a79477485de500b> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Социальные лифты нового поколения // Выступление РИФ-2026. URL: <https://rif.ru/> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Трудоустройство молодежи в современной России // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/trudoustroistvo-molodezhi-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 37.013.42

Т. Н. Кобизь

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУМИРОМАНИИ У ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Рассматриваются вопросы организации работы социального педагога и психолога по профилактике формирования у детей синдрома «поклонения кумиру» как следствие интернет зависимости и жизни киберпространстве.

Ключевые слова: социализация, киберсоциализация, подросток, кумиромания.

T. N. Kobiz

Smolensk State University, Smolensk

THE INFLUENCE OF THE PROCESS OF CYBERSOCIALIZATION ON THE FORMATION OF IDOL MANIA IN ADOLESCENT CHILDREN

The article discusses the issues of organizing the work of a social educator and psychologist to prevent the formation of “idol worship” syndrome in children as a consequence of Internet addiction and cyberspace

Keywords: socialization, cybersocialization, teen, idol mania social and medical care, social work, addiction.

Технический прогресс, охвативший все сферы современного общества, отразился и на социализации детей. Невозможно представить современного подростка, социализация которого происходит только за счет индивидуальных внутренних ресурсов личности, исключая медиопространство. Таким образом, киберпространство в котором ребенок проводит сегодня

значительную часть своего времени выступает детерминантом процесса социализации. Особенно это касается детей подросткового возраста, поскольку их реальная жизнь часто обеднана межличностным взаимодействием.

Классификация факторов социализации с выделением четырех групп – мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы, предложенная А. В. Мудриком не теряет актуальности для современной трактовки этого сложного процесса, однако сегодня мы сталкиваемся с тем, что ведущим фактором социализации для подростка становится медиaprостранство со своим положительным и отрицательным потенциалом. Киберпространство сегодня можно рассматривать как мега- и мезо- факторы социализации в котором у подростка появляются свои цели, интересы, потребности, установки, также свои формы активности и формы жизни в этом пространстве. Это очень своеобразное, комфортное для современного подростка жизненное пространство обеспечивает ему уютную зону общения, самореализации и рефлексии.

Традиционный характер процесса социализации, в котором ведущую роль играла семья, образовательные учреждения постепенно отходит на второй план, уступая место средствам массовой информации. Как отмечает Е. О. Кубякин – медиaprостранство сегодня является влиятельным орудием социального управления и формирует новые морали через своих кумиров [5].

Фактически у современного подростка есть три возможных варианта взаимодействия с киберсредой.

Первый из них можно назвать киберстерильным подходом, т. е. полный отказ от каких-либо контактов с медиaprостранством. В этом случае данный сценарий может привести ребёнка в состояние «изгоя» в среде сверстников и реально сегодня невозможен. При этом возможен разумный медиааскетизм и осознанное ограничение количества используемого контента в жизни ребёнка.

Второй подход можно определить как полное погружение в медиaprостранство, которое характеризуется круглосуточным потреблением и зачастую бесконтрольным использованием современных технологий, которые подчиняют себе человека, его время и умственную деятельность. Такими возможностями сегодня обладает искусственный интеллект.

Третий путь характеризует безопасную, успешную киберсоциализацию, которая заключается в разумном применении современных технологий в разных сферах жизнедеятельности ребенка.

Впервые определение процесса киберсоциализации было дано В. А. Плешаковым, который определяет данное явление как «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребностной сферы» под влиянием инфокоммуникационных технологий [8].

Влияние информационного пространства на жизнь и поведение подростка дает мощный толчок к разрастанию институтов, обеспечивающих так называемую информационную социализацию, поскольку позволяет воздействовать на сознание подростка таким образом, что взгляды на окружающий мир и его ценности будут детально продиктованы содержанием потребляемой информации. Современная молодёжь, поколение Z digital и Alpha эпохи могут следить за своими кумирами круглосуточно и получать о них самую разную информацию.

Психологической особенностью подростка является, желание выделиться, понять кто он есть, примерить какие-то жизненные сценарии помимо тех, которые он видит в семье и найти свое место среди значимых для него людей в социуме, что-то ценностное и значимое в потоке беспрерывно поступающей информации. При этом несоответствие очертаний собственного образа и представлений об успешном самореализовавшемся человеке заставляют подростка идти по легкому пути – идти в соответствии с образом идола, а не искать собственный жизненный путь. Таким образом, выбранные рамки и установки ребенка часто диктуются теми, кого в современном обществе называют кумирами. В итоге, ребёнок сам выбирает себе кумира, который является для него жизненным ориентиром.

Термин «синдром» наиболее полно характеризует это явление как специфическую привязанность к образцу поведения кумира, выбранного для подражания.

По определению Л. С. Выготского, синдром – это структура, представляющая собой совокупность каузально (причинно) связанных разноуровневых симптомов. В широком смысле синдром представляет собой комплекс органически связанных между собой признаков, объединённых единым механизмом возникновения и развития рассматриваемого явления, не обязательно связанного с патологией (заболеванием) [8].

Таким образом, говоря о «синдроме поклонения кумиру», мы имеем ввиду не медицинский термин, а неофициальное трактовку бесконтрольной зависимости, иногда перерастающую в расстройство психики. При этом необходимо заметить, что чаще всего это начинается с легкой увлеченности, которая переходит в желание узнать как можно больше о выбранном герое и быть в курсе его повседневной жизни, корректируя при этом свою собственную. Особенно это распространено среди девочек-подростков. Они находят кумира в социальных сетях, отслеживают и преследуют идола.

Что же ведет к бессознательному поклонению кумиру? Т. А. Кубрак выделяет три причины способствующие появлению данного явления: неудовлетворенность и желание изменить личную или социальную ситуацию, уход от невыносимой реальности с помощью идеалистического воодушевления и желание снять запреты суперэго с целью придать явлению послушания высокого смысла [4].

В качестве критериев при выборе кумира подростками можно выделить:

- герой популярен и нравится сверстникам;
- у него есть то, чего не хватает подростку (признание, личностные качества, финансы);
- он соответствует стандартам красоты, которые предпочитает подросток;
- его идеи и творчество понятны и близки.

Наличие увлечения в подростковом возрасте – это нормальное явление, если оно не переходит к одержимости, потере социальных навыков и ухудшению качества жизни. Эти проявления могут быть тревожными сигналами и в отдельных случаях требуют помощи психолога. Среди тревожных сигналов и проявлений в поведении подростка особенное внимание нужно обратить на такие факты как: заикленность на кумире, нарушение пищевого поведения, резкие перепады эмоций – от любви до ненависти, чрезмерная восторженность, нетерпимость к критике кумира, потеря интереса к собственной жизни и собственным интересам, одобрение нездоровых или аморальных ценностей, которые транслирует кумир.

Современные кумиры, независимо от того, в какой сфере деятельности они стали успешными – музыка, спорт, кино, блогинг или иные формы проявления в медиапространстве – играют очень важную роль в формировании поведенческих моделей и ценностей подростков.

Очень часто родители резко отрицательно относятся к кумиру и считают его вредным, однако сам факт наличия кумира может помочь родителям больше понять ребенка, его интересы и найти ориентиры для его развития.

Интерес к кумиру может стимулирующим фактором для развития личности ребенка, даже если это популярный блогер, который говорит на одном языке с аудиторией и кажется нам вредным и примитивным. У популярного блогера или тик-токера можно научиться интересно и структурировано подавать информацию, придумывать сюжеты, держаться в кадре. При этом, если у ребенка замечется стремление копировать внешность и вредные привычки кумира, говорит о том, что увлечение уже зашло слишком далеко и от него нужно отвлечь.

Гаджеты сегодня являются проводником в мир кумира неотъемлемой частью нашего мира. По статистике, каждый четвертый ребенок из поколения альфа уже умеет пользоваться смартфоном с 4–5 лет, а с 8–10 уже каждый второй. Ранний доступ в медиапространство заставляет педагогов и родителей искать позитивные формы его использования.

Изучить увлечения ребенка помогает совместное медиапотребление, в котором раскрываются кумиры детей. Медиапространство может объединить детей и родителей Alpha и Z которые активно вовлекают родителей в онлайн-пространство. При этом уровень мастер-

ства часто уравнивает взрослых и детей. Это, в свою очередь, является особенностью современного воспитания. Популярный блогер Megagor, например, вместе проходят игру PUBG с папой под ником «Валера Нуб» и позже выкладывают в формате let's play свой опыт в сеть.

Таким образом, поиск кумира в эпоху ускоренных информационных потоков и медийной фрагментации особенно остро появляется в переходном возрасте, когда ребёнок находится в поиске собственного «я». Он становится притягательным ориентиром, который дает ответы на важнейшие вопросы самоопределения, показывает приемлемые формы поведения, помогает ощущать себя частью большего общества. В условиях социокультурной нестабильности, подросток интуитивно тянется к фигурам, которые имеют успех, харизму, воплощают уверенность в сегодняшнем противоречивом мире. В качестве него может выступать человек с высоким статусом: спортсмен с победной биографией, музыкант, чей стиль кажется бунтарским и очень понятным, или блогер из тик-тока.

Правильный выбор кумира отражается на развитии и становлении подростка как личности. Любовь к кумиру помогает, подростку переживать ситуации, когда мечты так и останутся мечтами, а любовь безответна. Это помогает бороться со стрессом. Такой опыт очень важен для будущей взрослой жизни ребёнка. В эпоху взросления человеку нужны какие-то авторитеты, но при этом опереться на мнение родителей он часто не может в силу особенностей возраста и стремлению к независимости. Пример успешного человека является для подростка движущей силой и ведет к самосовершенствованию. В результате получается, что подростку без кумира просто не обойтись.

Задача родителей и педагогов, зная особенности современного медиапространства как основного и многоуровневого фактора социализации современного подростка усилить позитивное воздействие кумира и грамотно нейтрализовать негативное.

Литература

1. Буренкова Е. В., Мыскина О. П. Кумиры современной молодежи: факторы формирования имиджа // Психология телесности: теоретические и практические исследования. 2018. С. 28–33.
2. Дубовская Е. М., Кораблинов Р. А. К вопросу об экономической социализации в условиях современного общества // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. С. 10.
3. Кон И. С. Психология ранней юности. М. : Просвещение, 1989. 256 с.
4. Кубрак Т. А. Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 8.
5. Кубякин Е. О. Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства // Власть. 2011. № 3. С. 59–63.
6. Обухова Л. Ф., Попова М. В. Варианты жизненной позиции российских подростков // На пороге взросления : сб. науч. ст. М. : МГППУ, 2021. 297 с.
7. Окольская Л. А., Комогорцева М. В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских глянцевых журналах // Социологический журнал. 2020. № 2. С. 68–91.
8. Плешаков В. А. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке. URL: https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2012/10/V.A.Pleshakov_39_2011_t_2.pdf (дата обращения: 04.08.2025).

К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ МЕДИА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О СЕМЕЙНЫХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Анализируется влияние социальных сетей и контентов на формирование у подростков представлений о духовных и семейных ценностях. Рассматриваются механизмы трансляции ценностей через онлайн платформы, роль лидеров мнений и контента в формировании ценностных установок. Выявлены позитивные и негативные аспекты воздействия цифровой среды на мировоззрение молодежи. Предложены рекомендации для родителей и педагогов по минимизации негативных эффектов.

Ключевые слова: семейные и духовные ценности, контенты, социальные сети, подростки, ценностные ориентации, медиавоздействие, цифровая социализация.

I. A. Fursova

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF THE INFLUENCE OF DIGITAL MEDIA AND SOCIAL NETWORKS ON TEENAGERS' IDEAS ABOUT FAMILY AND SPIRITUAL VALUES

The article analyzes the influence of social networks and content on the formation of adolescents' ideas about spiritual and family values. The article examines the mechanisms of value translation through online platforms, the role of opinion leaders and content in the formation of value attitudes. The positive and negative aspects of the impact of the digital environment on the worldview of young people are revealed. Recommendations for parents and teachers on minimizing negative effects are proposed.

Keywords: family and spiritual values, content, social networks, teenagers, value orientations, media interaction, digital socialization.

В современном мире подростки практически не мыслят своё существование без смартфонов и социальных сетей. Проводя в телефоне от трёх до семи часов в день, они не просто смотрят информацию, но и усваивают поведенческие паттерны, ценности и установки, которые транслируются через экраны устройств.

Традиционные институты социализации – такие как семья, школа и религиозные объединения – уже не выступают единственными источниками формирования ценностных ориентиров. Их позицию уверенно занимают блогеры, тренды из TikTok, сообщества в Telegram и MAX, а также визуальные нарративы Instagram. Возникает вопрос: «Как эти изменения трансформируют представления подростков о семье и духовности? И можно ли считать новые цифровые ценности полноценной заменой традиционным?».

Цель данной статьи заключается не в простом констатировании факта влияния цифровых медиа, а в глубоком анализе их механизмов воздействия, выявлении внутренних противоречий и разработке стратегий по снижению негативных последствий.

Не так давно, лет двадцать назад, передача семейных устоев и духовных идеалов происходила естественно: через преемственность поколений, домашние ритуалы, вероучительные практики и школьные занятия по нравственности. В наши дни юное поколение впервые познаёт эти категории не в кругу родных, а в социальных сетях, таких как Instagram, или на видеоплатформах вроде YouTube.

Сетевые медиа формируют уникальное пространство, где ценности не просто озвучиваются, но и обретают визуальную форму, становясь индивидуализированными. Абстрактные идеи заменяются яркими образами: «идеальная ячейка общества» демонстрируется с безупречным интерьером и счастливыми лицами детей, «путь к гармонии» ассоциируется с йогой на фоне горных вершин, а «процветание» сводится к набору престижных вещей. Подобные визуальные ряды не требуют вдумчивого анализа; они воздействуют непосредственно на эмоциональном уровне и через ассоциативные связи.

Каков реальный эффект социальных сетей на сознание? В основе этого процесса лежит алгоритмическая подстройка контента. Сервисы вроде TikTok или YouTube Shorts конструируют ленту таким образом, чтобы максимально долго удерживать фокус внимания. Если подросток хоть раз просмотрел ролик о свободных отношениях, система начнет рекомендовать аналогичные материалы, постепенно транслируя мысль: это нормально, привлекательно и актуально.

Не меньшее значение имеют лидеры общественного мнения. Инфлюенсеры с многомиллионной аудиторией заменяют традиционные авторитеты. Их позиция часто перевешивает наставления родителей или педагогов. Когда топ-блогер заявляет, что семья вторична, а духовность сводится к йоге и путешествиям, молодежь легко принимает эти установки.

Дополнительный фактор – это вирусное распространение контента. Мемы, короткие ролики и челленджи разлетаются мгновенно, но зачастую лишены глубины. Такие форматы упрощают сложные понятия: любовь сводится к киношным сценам, духовность к эстетичным цитатам, а семья к постановочным снимкам.

Процесс социализации в цифровую эпоху сопряжен с определенными противоречиями. Воздействие медиaprостранства не может оцениваться исключительно как негативное явление. В позитивном ключе оно обеспечивает:

- свободный доступ к широкому спектру культурных наследий и традиций;
- возможность находить поддержку и разделяющих взгляды людей;
- популяризацию ценностей здорового образа жизни и этических норм через контент блогеров;
- создание безопасного пространства для обсуждения деликатных вопросов, таких как психическое здоровье.

В то же время присутствуют и явные риски:

- искажение восприятия семьи – гляцевые образы формируют нереалистичные ожидания, что часто ведет к разочарованию в реальных межличностных связях;
- подмена истинных духовных ориентиров – поверхностные практики, например, медитация в социальных сетях, могут ошибочно приниматься за полноценную внутреннюю работу;
- усиление индивидуализма – акцент на личном успехе и потреблении вытесняет идеи взаимовыручки и социальной ответственности;
- угроза попадания в деструктивные группы – радикальные или токсичные сообщества часто маскируются под проекты в сфере духовности или альтернативные семейные структуры.

Результаты эмпирических замеров демонстрируют противоречивый характер этого воздействия. Статистика информирует нас о том, что:

- девушки и парни (67 %) считают, что социальные сети регулируют их взгляды на духовные и семейные ценности, однако другие (45 %) думают, что данные цифры не показывают действительности;
- треть опрошенных людей, принявших участие в опросе, ищут духовные ориентиры онлайн – правда, вместо четкой информации им часто попадаются поверхностные трактовки;
- блогеры сильнее влияют на мировоззрение подростков, чем родители, и это составляет 55 %.

Эти показатели показывают нам, что старые правила не исчезают без следа, они просто конкурируют с новыми идеями. Подростку теперь приходится самому выбирать и решать, чему верить, на кого равняться и что на самом деле ценно в жизни, а что нет.

Зато у социальных сетей и онлайн платформ есть и крутая сторона! Допустим, школьник из какого-нибудь далёкого посёлка теперь запросто найдёт курс по психологии, философии или религии, то, чего в школьной программе днём с огнём не сыщешь. А если навалились проблемы с семьёй или в школе, всегда можно зайти в группу взаимопомощи, там и поддержат, и подскажут, что делать.

Однако ситуация осложняется, если виртуальное общение полностью заменяет живую коммуникацию. Подросток, который большую часть времени проводит в социальных сетях, рискует принять образы цифры как реально единственное, постепенно отдаляясь от традиционных ценностей и достоверных межличностных отношений.

Социальные сети и цифровые платформы не стирают традиционные ценности семьи и духовности, они их переосмысливают. Сегодня мы видим уникальное смешение: вековые установки соседствуют с трендами онлайн-пространства, а настоящие отношения переплетаются с виртуальными образами.

Запрещать подросткам социальные сети, это не выход, так как это и сложно и не очень эффективно. Гораздо лучше и полезнее научить их разбираться в том, что они там видят. Каким образом такое можно сделать?

Во-первых: стоит почаще обсуждать с ребёнком то, что он смотрит и видит в социальных сетях: «А как ты думаешь, так бывает это, правда?»; «Смотри, здесь всё красиво, но это же всё не по-настоящему, да?».

Во-вторых: необходимо вводить в школах уроки медиаграмотности, нужно научить детей распознавать и видеть фэйки, а не просто про них рассказывать, нужно учить проверять информацию, чтобы дети замечали уловки блогеров и рекламу.

И в-третьих: а на уровне общества необходима поддержка проектов, которые делают интернет более безопасным: развивать контент цифровой этики, фильтровать опасный контент и предлагать подросткам полезные альтернативы.

Просто запретить социальные сети – это не выход. Гораздо важнее и лучше научить подростков разбираться, что в интернете правда, а что нет, где полезно, а где опасно. Если мы поможем детям грамотно пользоваться интернетом, то они станут не проблемой, а помощниками в развитии. Тогда и духовные ориентиры, и семейные ценности останутся с нами, так как они будут понимать, как не терять себя и жить в мире больших технологий.

Литература

1. Солдатов Г. У. Цифровая социализация: культурно-психологические последствия и риски // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 2. С. 46–55.
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Издат. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
3. Global Digital Report 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 14.05.2026).
4. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 14.05.2026).
5. Шишов С. Е., Кальней В. А. Воспитание традиционных ценностей в цифровой среде: вызовы и возможности для современного образования // Агроинженерия. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-traditsionnyh-tsennostey-v-tsifrovoy-srede-vyzovy-i-vozmozhnosti-dlya-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 14.05.2026).
6. Влияние цифровых технологий на формирование семейных ценностей у подростков: анализ традиционных и инновационных подходов // Официальный сайт ООО «Инфоурок». URL: <https://infourok.ru/statya-vliyanie-cifrovyyh-tehnologiy-na-formirovanie-semejnyh-tsennostey-u-podrostkov-analiz-traditsionnyh-i-innovatsionnyh-podhodov-7334676.html> (дата обращения: 14.05.2026).

ОПРОСНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКОЛОГИЧНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА

Обосновывается, что социология и социальная экология города являются главными научными инструментами в исследовании состояния и причин изменения городской среды. Предметом исследования является экологичность городской среды. Предлагается авторская методика исследования факторов поселенческой среды, результаты проведенных автором опросов и рекомендации, направленные на формирование экологичности городской среды на примере Иркутска.

Ключевые слова: экологичность, экологический подход, город, городская среда, человекоразмерность, демографическое развитие.

Е. V. Goltsova

Irkutsk State University, Irkutsk

SURVEY METHODS FOR ASSESSING THE ENVIRONMENTAL FRIENDLINESS OF THE URBAN ENVIRONMENT: THE CASE OF IRKUTSK

Urban sociology and social ecology are primarily modern tools in education and influence changes in the urban environment. The subject of this study is the environmental sustainability of the urban environment. This article develops a proprietary methodology for studying settlement environmental factors, presents the results of surveys conducted by the authors, and provides recommendations aimed at preserving the environmental sustainability of the urban environment in Irkutsk.

Keywords: Environmental sustainability, ecological approach, city, urban environment, human dimension, demographic development.

Термин «экологичность» в широком понимании означает бережное отношение к окружающей среде, а также совокупность действий и принципов, направленных на минимизацию негативного антропогенного воздействия. Данная тема относится к недостаточной проработанным в отечественной социологии и затрагивается в нескольких публикациях методологического и прикладного характера. Это статья «Экологичность городской среды в аспекте человекоразмерности», в которой предлагается методика оценки отдельных уровней и факторов поселенческой среды в контексте влияния на демографические установки населения [1, с. 379], а также статья «Методика экспертного анализа состояния поселенческой среды» [2, с. 139]. В статье Г. П. Звездиной и Н. Н. Хачатуряна «Экологичность городской среды как фактор психологического комфорта горожан», рассматривается проблема психологического комфорта городской среды с позиции экологической психологии [5, с. 41]. Также следует отметить статью Д. С. Ширякова «Представления студенческой молодежи о комфортности городской среды», в которой показаны оценки элементов комфортной городской среды среди молодежи: экологичность, креативность и акцент на досуг [6, с. 347].

В авторской концепции городской среды жизни экологичность понимается, прежде всего, в отношении городской (поселенческой) среды и означает соответствие её нормам экологии, отсутствие вредного влияния на природу, а также разработку и использование технологий, минимизирующих негативное воздействие человека на компоненты окружающей среды, например, в сфере транспорта, тепло- и водоснабжения, утилизации отходов и так далее. Следует отметить, что такой подход к определению экологичности городской среды не учитывает сложной, многокомпонентной специфики поселенческой среды, а также отношения населения к оценке качества окружающей среды. Например, даже самые современные технологии использования биоразлагаемых материалов или сокращения выбросов не гарантируют экологичности городской среды без повышения образовательных, культурных и правовых ориентиров и формирования установок населения на экологичное поведение.

Другой важный вопрос касается экспертизы качества городской среды, которая должна включать объективные и субъективные оценки. Объективные оценки получаются на ос-

нове анализа статистических материалов, отчетов о социально-экономической ситуации, показателей уровня жизни, образования, здравоохранения и так далее. К субъективным относятся опросы населения, экспертные опросы, а также интервью.

Основной вопрос, интересующий нас в рамках данного исследования, заключался в том, чтобы выяснить пути повышения экологичности городской среды и улучшения условий проживания в ней в масштабах города или региона. Ключевые дефиниции исследования – это экологичность, в самом простом представлении обозначающая благоприятность и комфорт жизни, а также человек и человекообразность городской среды [3].

Задачей исследования является оценка качества городской среды через её экологичность и человекообразность с помощью опросных методов.

Объектом исследования является городская среда, как основа демографического развития региона на примере города Иркутска, как крупного города и регионального центра. Предметом исследования определено состояние городской среды как основы развития и демографического роста в аспекте её экологичности.

Цель исследования заключается в оценке состояния городской среды, направленной на оптимизацию социально-экологического взаимодействия и формирования условий, необходимых для демографического развития.

Гипотеза исследования. Тенденция устойчивой депопуляции, наблюдающаяся в Иркутской области в последние десятилетия, является следствием ухудшения состояния городской среды жизнедеятельности человека и углубления процесса её деградации. Условием демографического развития города и региона является всестороннее развитие и повышение экологичности городской среды и всех ее составляющих.

В основе концепции исследования лежит предложенный ранее экологический подход к изучению поселенческой среды, который опирается на результаты проведенных автором исследований, дающих представление о процессах в поселенческой среде и оценке её состояния жителями города [4].

Выбор метода анкетирования был обусловлен необходимостью получения массива ответов горожан с целью выявления мнений респондентов об актуальном состоянии городской среды и необходимых мерах по её улучшению. Использованная выборка включала респондентов в возрасте от 18 лет и старше. Выборочная совокупность определена в 300 чел., погрешность выборки составила не более 5 %. Опрос проводился в начале 2023 г. В анкетировании приняли участие жители всех районов Иркутска. В 2025 г. в социальной сети «ВКонтакте» проведен экспресс-опрос жителей г. Иркутска на предмет оценки экологического состояния города в целом.

Любой крупный город представляет собой систему компонентов, обладающую определенными свойствами, Город как система обладает свойствами, присущими любой системе. Это, например, расположение районов и их величина, наличие транспортных коммуникаций и инфраструктуры, и так далее. Если составляющие городской среды благоприятны для ее обитателей и удовлетворяют их основным запросам, то такая среда является человекообразной, т. е., соразмерной человеку и его потребностям. При этом общая характеристика системы не сводится к простой сумме свойств составляющих ее элементов. Как и любая система, городская среда имеет горизонтальную и вертикальную структуру, включающую многочисленные элементы, экологически благоприятные или неблагоприятные для населения. В качестве критериев оценки экологического состояния городской среды предлагается использовать балльную оценку человекообразности, которая отражает представления горожан в диапазоне от «полностью удовлетворяет» (5 баллов) до «совсем не удовлетворяет» (1 балл). Критерии измерения каждого фактора поселенческой среды, приведенные в табл. 1.

В ходе опроса перед респондентами ставились задачи оценки как среды непосредственного проживания (городской район, округ), так и городской среды в целом. Полученные оценки дают возможность охарактеризовать условия непосредственной среды (микроуровень) по сравнению с городской средой (мезоуровень). Так, средняя оценка материальных и жилищных условий, а также правовой среды в своем районе оказалась чуть выше

оценки общегородской среды. В остальных семи позициях внутрирайонная среда оценена ниже городской. Наибольшие расхождения получены в оценке культурной (0,57) и образовательной (0,27) компонент, наименьшие – в оценке жилищной, правовой и медицинской составляющих (табл. 2). Полученные результаты показывают сдержанные оценки горожанами своей поселенческой среды, как в масштабах города, так и в своем районе. Оценку 4 балла и выше, а также 3 балла и ниже не получил ни один из компонентов. Большинство оценок распределены в диапазоне от 3,08 (удовлетворительно) до 3,92 (хорошо) баллов. Наибольшие оценки в общегородском масштабе получили культурная и образовательная среды.

Таблица 1

Критерии оценки составляющих городской среды

№ п/п	Факторы среды	Объективная оценка	Субъективная оценка
1	Жилищные условия	Размер жилой площади	Удовлетворённость качеством жилья
2	Экономические условия	Уровень дохода	Удовлетворённость уровнем дохода
3	Трудовая среда	Наличие работы или вакансий	Комфортность условий труда
4	Образовательная среда	Наличие образовательных учреждений	Удовлетворённость качеством образования
5	Правовая среда	Законодательная структура и уровень преступности	Уверенность в завтрашнем дне и защищенность своих прав.
6	Информационная среда	Доступ к информации и интернет-ресурсам	Содержание и эмоциональная окраска информации
7	Пространственная организация среды	Транспортная сеть и доступность инфраструктуры	Удобство и комфортность пространственной организации
8	Культурная среда	Наличие учреждений и мероприятий культуры	Возможность выбора в соответствии с индивидуальными культурными запросами
9	Политическая среда	Реализация избирательных прав и доступность властной и политической элиты	Уровень доверия/недоверия властям, удовлетворённость или недовольство их работой
10	Среда отдыха и здоровья	Наличие и доступность медицинской и профилактической инфраструктуры	Удовлетворённость качеством медицинских, и профилактических услуг

В качестве причин такой оценки жителями г. Иркутска видится неравномерность распределения существующих учреждений культуры в городском пространстве. То же можно сказать и об учебных заведениях, особенно учреждениях высшего образования.

Таблица 2

Полученные средние оценки составляющих городской среды

Составляющие жизненной среды	Средние оценки качества составляющих жизненной среды		±Δ
	в Иркутске	в районе проживания респондентов	
Жилищные условия (наличие и размер жилой площади)	3,43	3,47	+0,04
Уровень обеспеченности, дохода и его стабильность	3,08	3,17	+0,09
Наличие работы и вакансий, производственный режим, условия труда	3,23	3,14	–0,09
Возможность получения/продолжения образования разного уровня	3,81	3,54	–0,27
Соблюдение и защищенность прав человека, в том числе от преступности	3,18	3,21	+0,03
Доступность, своевременность и качество информации	3,50	3,38	–0,12
Организация пространства и коммуникаций (развитие транспорта, близость школ, больниц, магазинов и т. д.)	3,59	3,49	–0,10
Наличие театров, музеев, библиотек и возможность их посещения	3,92	3,35	–0,57
Возможность реализации избирательных прав и взаимодей-	3,23	3,13	–0,10

Составляющие жизненной среды	Средние оценки качества составляющих жизненной среды		±Δ
	в Иркутске	в районе проживания респондентов	
Связь с властью			
Наличие медицинских и профилактических учреждений, возможность оздоровления и отдыха, благоприятные экологические условия	3,13	3,08	–0,05

Наименьшие оценки получили экономическая составляющая (3,08), медико-экологическая составляющая (3,13), а также соблюдение и защищенность прав человека (3,18). Соответственно, данные составляющие должны быть в фокусе дальнейшего внимания исследователей.

В 2025 г. на платформе социальной сети «ВКонтакте» автором был проведен онлайн-опрос населения по оценке экологического состояния г. Иркутска по 5-балльной шкале. Результаты опроса представленные в табл. 3 показывают, что абсолютное большинство участников опроса оценило экологичность городской среды на «удовлетворительно», посчитав, что в ней есть факторы, существенно ухудшающие и снижающие ее качество. На второй позиции оказались те, кого устраивает экологическая ситуация в городе, но некоторые моменты «незначительно омрачают жизнь». Таких оказалось 27,62 %, а участников, поставивших оценку «неудовлетворительно» – 11,43 %.

Таблица 3

Результаты онлайн-опроса по оценке экологического состояния г. Иркутска

Балл	Варианты ответов	Кол-во	%
3 балла	Есть факторы, существенно ухудшающие городскую среду и снижающие ее качество	64	60,95
4 балла	Меня устраивает экологическая ситуация, но некоторые моменты незначительно омрачают жизнь	29	27,62
2 балла	Экологическое состояние городской среды неудовлетворительное, жить здесь дискомфортно	12	11,43
5 баллов	Экологическое состояние города близко к идеальному. Мне очень комфортно жить в Иркутске	0	0
1 балл	Все плохо. Я здесь не живу, а выживаю	0	0
Всего		105	

Характерно, что никто из участников опроса не оценил экологическое состояние Иркутска на отлично. Таким образом, выдвинутую гипотезу подтверждают обе предложенные методики исследования поселенческой среды г. Иркутска. Поэтому их можно рекомендовать для использования в дальнейших исследованиях городской среды.

Практическое значение рассмотренной методики заключается в том, что она позволяет на основании полученных оценок сформулировать следующие рекомендации по улучшению качества и экологичности городской среды:

- увеличение уровня дохода населения путём повышения заработной платы, пенсий и пособий, стипендий и прочих выплат населению;
- развитие рынка труда, особенно в молодёжном сегменте, стимулирование самозанятости и социального контракта;
- развитие сферы здравоохранения, ликвидация кадрового дефицита врачей и очередей в больницах;
- развитие сферы отдыха и оздоровления, улучшение экологических условий городской среды;
- развитие рынка качественного и доступного жилья, в том числе молодёжной ипотеки;
- развитие социального и арендного жилья;
- развитие непрерывного образования всех уровней;
- создание кампусов для студентов вузов и техникумов;
- развитие системы дошкольных и школьных учреждений в районах новой застройки.

Литература

1. Гольцова Е. В. Экологичность городской среды в аспекте человекоразмерности // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 379–383.
2. Гольцова Е. В. Методика экспертного анализа состояния поселенческой среды. // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 139–141.
3. Гольцова Е. В. Человекоразмерность городской среды: демографический аспект // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 329–333.
4. Гольцова Е. В. Экологический подход в исследовании демографического поведения населения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 14. С. 146–149.
5. Звездина Г. П., Хачатурян Н. Н. Экологичность городской среды как фактор психологического комфорта горожан // Психология безопасности городского : сб. науч. тр. II Междунар. симп. «Единое здоровье». М., 2019. С. 41–46.
6. Ширяков Д. С. Представления студенческой молодежи о комфортности городской среды // E-Scio. 2023. № 2 (77). С. 347–351.

РАЗДЕЛ 4
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО
УЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

CHAPTER 4
RESEARCH METHODOLOGY
OF PUBLIC PARTICIPATION
PRACTICES IN MODERN
RUSSIA: EXPERT ANALYSIS

**Т. И. Грабельных, Ю. П. Янков,
О. А. Куриленкова, Н. А. Саблина**
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ: НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ, СТРАТЕГИИ, ЭКСПЕРТИЗЫ

Обосновываются методологические основы исследования современных практик общественного участия в России. Представлены социологические концепты и стратегии исследования технологий общественного участия в условиях новых глобальных угроз и вызовов. Аргументировано повышение значимости стратегической составляющей при проведении анализа и экспертизы в процессах принятия решений.

Ключевые слова: методология социологического исследования, управление, общественное участие, стратегии общественного участия, экспертиза, экспертные институты, целевые экспертные технологии.

**T. I. Grabelnykh, Yu. P. Yankov,
O. A. Kurilenkova, N. A. Sablina**
Irkutsk State University, Irkutsk

RESEARCH METHODOLOGY OF CONTEMPORARY PRACTICES OF PUBLIC PARTICIPATION: NEW CONCEPTS, STRATEGIES, EXPERTISE

This paper explores the methodological foundations for studying contemporary public participation practices in Russia. It presents sociological concepts and strategies for studying public participation technologies in the context of new global threats and challenges. It also argues for the increased importance of the strategic component in conducting analysis and expert evaluations of decision-making processes.

Keywords: methodology of sociological research, management, public participation, public participation strategies, expertise, expert institutions, targeted expert technologies.

В XXI в. началась глобальная трансформация социальных пространств как сфер взаимодействий и форм проявлений разумной человеческой деятельности. Во многом это стало возможно под влиянием новых системных факторов, институциональных и структурных сдвигов. Новые глобальные и локальные угрозы и вызовы лишь ускорили этот процесс в развитии систем современных обществ. Для любого нового этапа в развитии цивилизаций и общественно-экономических формаций характерно проявление социальных активностей. Данный тезис мы принимаем в качестве исходного.

Чем больше качественных изменений в обществе, тем выше процент вовлеченного населения в структуры социальных активностей, появление новых институций, проявление формальных и неформальных форм взаимодействий и увеличение скорости преобразований. Как показывает история, это закономерный процесс, – о каком бы политическом, экономическом или гражданском участии мы не говорили.

Общественное участие, отображаясь в разных формах и сферах проявления, имеет свои уникальные особенности. Его отличает такой атрибутивный признак, как гражданское сознание и социальная ответственность. Именно эта составляющая во многом характеризует людей, выполняющих функции общественного контроля и общественной экспертизы.

В то время как к общественному участию в России многие стали относиться как к некоему социальному конструкту, одновременно стал проследиваться и рост национального самосознания. Мобилизационная составляющая в жизнедеятельности людей выступила связующим фактором социальных отношений и проявления народного единства.

Важна система принципов, детерминирующих социальное поведение людей на общественное участие и достижение социальных эффектов. При этом независимо, человек активно участвует в добровольческой или волонтерской деятельности, помогает в рамках акций по уборке территорий от мусора, или проводит антикоррупционную экспертизу. Основными функциями общественного участия выступают: интегративно-координирующая, культурно-созидательная, мобилизационно-объединяющая и мн. др. В условиях новых глобальных

угроз и вызовов, как правило, возрастает роль мобилизационного и интегративного потенциала общественного участия. Практика отправки гуманитарной помощи на СВО, или практики помощи людям в ЧС – яркое тому подтверждение.

Проведенный анализ показал, что с учётом новых реалий требует развития методология исследования практик общественного участия, государственные и общественные дискурсы должны отвечать запросам настоящего времени и обеспечивать интересы национальной безопасности своей страны. Должны быть сформированы высокоэффективные платформенные механизмы для информационного сопровождения реальных практик общественного участия, в том числе в целях патриотического воспитания среди молодёжи.

Мы считаем, что именно на современных отечественных практиках общественного участия должен быть сегодня сконцентрирован интерес государственных и общественных структур. Касательно методологических инструментов, отмечаем важным:

- 1) поддержку локальных проектов общественного участия на родных территориях;
- 2) поддержку общественных представительств при принятии сложных решений в регионе;
- 3) трансляцию лучших практик общественного участия в общественные организации и объединения;
- 4) формирование нового дизайна и архитектуры отношений в общественной жизни региона на базе национальных интересов и ценностей;
- 5) осуществление перехода от оборонительных стратегий в пространстве общественного участия к высокоструктурированному и целерациональному участию;
- 6) распространение новых форматов общественного участия с применением цифровых технологий и ИИ;
- 7) проведение регулярных мониторингов текущей ситуации в регионе по определению тревожности и социальной напряжённости среди населения;
- 8) развитие институтов осознанного партнерства среди разных социальных групп с целью диагностики и профилактики конфликтного потенциала;
- 9) поддержку институтов гражданского общества, общественных и гражданских инициатив.

Таким образом, требуют нового прочтения и развития: теории социального пространства, концепции мобилизации, теории социального капитала, теории социальных сетей и социальной солидарности, теории общественных движений и концепции управления и др. Полагаем, что социология современного общества должна выйти на новый этап своего развития, углубления как фундаментальной, так и прикладной составляющих. В условиях новых глобальных угроз и вызовов должны получить развитие новые концепты и исследовательские стратегии общественного участия. Также акцентируем внимание на повышении значимости стратегической составляющей при проведении анализа и экспертизы в процессах принятия решений.

УДК 336.14

Д. Д. Багатиук

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

Анализируется общественный контроль как инструмент повышения эффективности региональной практики инициативного бюджетирования. Особое внимание уделено возможностям его институционализации на стадиях реализации, приемки и последующей эксплуатации инициативных проектов на примере Краснодарского края. Обосновано, что включение процедур общественного контроля в механизм инициативного бюджетирования способствует повышению прозрачности бюджетных расходов, усилению подотчетности органов местного самоуправления и развитию практик гражданского участия.

Ключевые слова: публичная политика, бюджетирование, инициативное бюджетирование, эффективность, контроль, общественный контроль.

PUBLIC CONTROL IN THE REGIONAL PRACTICE OF INITIATIVE BUDGETING

The article is devoted to the analysis of public control as a tool for improving the effectiveness of regional practice of initiative budgeting. Special attention is paid to the possibilities of its institutionalization at the stages of implementation, acceptance and subsequent operation of initiative projects using the example of the Krasnodar Territory. It is proved that the inclusion of public control procedures in the mechanism of proactive budgeting contributes to increasing the transparency of budget expenditures, strengthening the accountability of local governments and the development of civic engagement practices.

Keywords: public policy, budgeting, initiative budgeting, efficiency, control, public control.

Инициативное бюджетирование в современных условиях выступает одним из наиболее востребованных инструментов вовлечения граждан в решение вопросов местного значения и распределение части бюджетных ресурсов. По сравнению с рядом других механизмов гражданского участия оно отличается более высокой практической реализуемостью, институциональной гибкостью и возможностью адаптации к региональным моделям управления. Существенное значение имеет то, что на региональном уровне федеральное законодательство, в частности ч. 13 ст. 49 Федерального закона № 33-ФЗ, допускает настройку процедур реализации инициативных проектов с учетом особенностей конкретного субъекта Российской Федерации [3].

Несмотря на расширение практик инициативного бюджетирования и рост их финансовой поддержки, существенной проблемой остается обеспечение контроля не только на стадии конкурсного отбора, но и в период реализации и последующей эксплуатации проектов. Именно на этих этапах определяется фактическая результативность инициативных проектов.

Методическую основу исследования составили нормативно-правовой анализ, анализ материалов региональной практики инициативного бюджетирования и кейс-анализ Краснодарского края. Правовые основания общественного контроля в Российской Федерации закреплены в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», определяющем его задачи, субъектный состав и общие формы осуществления [4].

При этом потенциал общественного контроля в инициативном бюджетировании подтверждается и специальной нормой ч. 16 ст. 49 Федерального закона № 33-ФЗ, согласно которой инициативная группа или иные уполномоченные граждане вправе осуществлять общественный контроль за реализацией инициативного проекта [3].

Нормативно-правовую основу соответствующей практики в Краснодарском крае формируют постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 06.02.2020 № 70 «О краевом конкурсе по отбору проектов местных инициатив» [2] и государственная программа Краснодарского края «Региональная политика и развитие гражданского общества», утвержденная Постановлением от 19.10.2015 № 975 [1].

В этой связи общественный контроль следует рассматривать не как факультативное дополнение к инициативному бюджетированию, а как один из механизмов поддержания его результативности. Анализ действующего регулирования и региональной практики показывает, что его потенциал используется не в полной мере, хотя именно он способен обеспечить связь между участием граждан в выборе проектов и их последующим сопровождением. Это особенно важно в условиях, когда формальное завершение проекта не всегда означает достижение устойчивого социального эффекта. На примере Краснодарского края мы видим практику инициативного бюджетирования, которая очень актуальна для населения. Это подтверждается активностью граждан при голосовании за проекты (рис. 1).

Наличие отклика со стороны государства подтверждается увеличением ежегодного финансирования программы с 239 млн руб. до 1 млрд руб. за 4 года [2] (рис. 2).

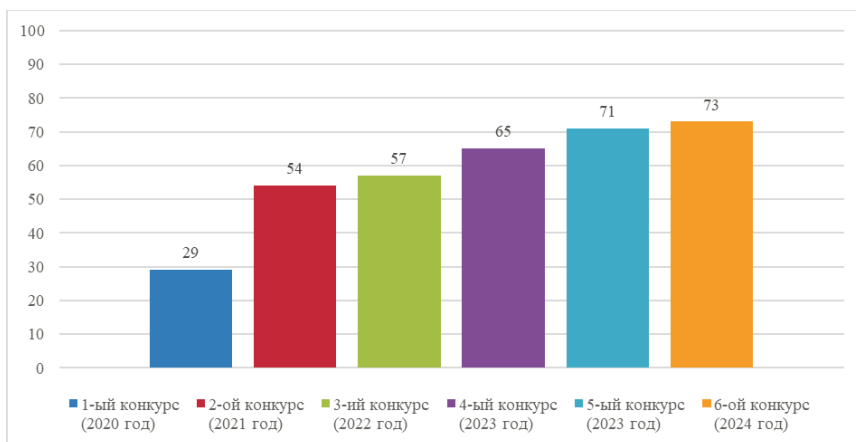

Рис. 1. Средняя доля граждан старше 18 лет, поддержавших проекты

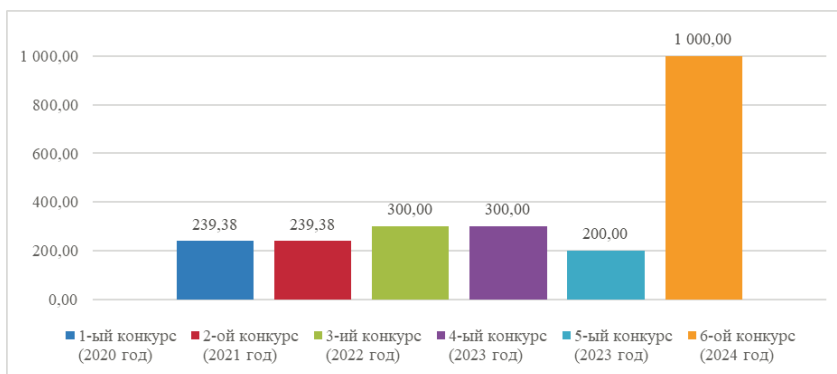

Рис. 2. Сумма дотаций из краевого бюджета, млн руб.

Региональный опыт демонстрирует устойчивую востребованность инициативного бюджетирования среди населения, что подтверждается активностью граждан при голосовании за проекты, а также увеличением объемов финансирования программы в последние годы. Вместе с тем данные показатели характеризуют прежде всего начальные стадии конкурсного цикла и не позволяют в полной мере оценить качество реализации проектов и состояние созданных объектов после их ввода в эксплуатацию.

Обратившись к базе данных практик инициативного бюджетирования субъектов Российской Федерации, размещенной на сайте «Мои финансы» и собранной НИФИ Минфина России, за 2025 г. [5], видим общее число практик – 161. Так как речь идет о контроле расходования бюджетных средств, степень этого контроля в первую очередь зависит от формы предоставления бюджетных ассигнований. В 130 практиках – это субсидия, в 9 – грант, в 22 – дотации, иные межбюджетные трансферты и иные формы (например, в Краснодарском крае – дотации).

В рамках общественного контроля можно рассмотреть двухэтапную модель общественного контроля инициативных проектов, включающей общественный мониторинг на стадии реализации и общественную проверку на стадии приемки и последующей эксплуатации объектов.

При таком подходе основное значение приобретают открытость процедур, добровольность участия граждан и наличие регулярного информационного сопровождения. Сведения о ходе реализации проектов и результатах контрольных мероприятий целесообразно размещать на официальных ресурсах органов местного самоуправления и общественных институтов, вовлеченных в сопровождение инициативных проектов. Это позволяет повысить прозрачность расходования бюджетных средств и снизить риски формального характера участия населения в инициативном бюджетировании.

Оператором краевого конкурса является отдел по координации работы с местными инициативами ГКУ КК «Аппарат Общественной палаты Краснодарского края». Так как общественный контроль – это работа с гражданским обществом, предлагается рассмотреть возможность информационного сопровождения контрольных мероприятий при помощи информационных ресурсов муниципальных общественных палат соответствующих муниципальных образований. Возможен к рассмотрению и вариант полного курирования муниципальными общественными палатами всего процесса общественного контроля в соответствии с положениями ст. 9 № 212-ФЗ [4]. Таким образом, в инициативном бюджетировании будут задействованы общественные палаты региона всех уровней. Помимо этого, сведения о ходе и результатах контроля необходимо публиковать и на официальных сайтах администраций органов местного самоуправления, это является требованиями ч. 17 и 18 ст. 49 № 33-ФЗ [3].

При утверждении порядка проведения общественного контроля в рамках региональной практики инициативного бюджетирования рекомендуется указать и необходимость проведения общественного мониторинга систематического характера (раз в полгода или год) за эксплуатацией и содержанием местными администрациями уже реализованных проектов.

Таким образом, включение процедур общественного контроля в региональные практики инициативного бюджетирования позволяет повысить прозрачность реализации инициативных проектов, усилить подотчетность органов местного самоуправления и создать дополнительные условия для сохранения функционального состояния объектов после их ввода в эксплуатацию. Вовлечение жителей в данные процессы способствует не только повышению эффективности бюджетных расходов, но и развитию устойчивых практик гражданского участия на местном уровне.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Региональная политика и развитие гражданского общества : постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 19 октября 2015 г. № 975 (в ред. от 30.01.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. О краевом конкурсе по отбору проектов местных инициатив : постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 6 февр. 2020 г. № 70 (в ред. от 24.03.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212 (в ред. от 25.12.2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Инициативное бюджетирование. Мониторинг развития программ и практик. База данных по итогам 2024 года // Мои финансы : офиц. ресурс Минфина РФ и НИФИ. URL: <https://app-dev.моифинансы.рф/storage/65414/baza-dannyx-2025-dlia-is.xlsx> (дата обращения: 20.03.2026).

Е. С. Баева

Самарская городская общественная организация
«Исследовательская группа «Свободное мнение»,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара,

О. А. Малаканова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара

ОТ ФОРМАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА К ОБЩЕСТВЕННОМУ ВЛИЯНИЮ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (2009–2025 ГГ.)

Анализируется экспертная работа общественных палат регионов России как основного механизма общественного надзора. Опираясь на изучение правовых документов, годовых отчетов Общественной палаты Самарской области за период 2009–2025 гг., а также российских научных трудов, определены ключевые виды экспертной деятельности региональных общественных палат и обнаружены проблемные стороны их деятельности на основе результатов проведенных социологических исследований.

Ключевые слова: общественная палата субъекта РФ, экспертная деятельность, общественный контроль, гражданское общество, Общественная палата Самарской области, общественная экспертиза, неинституционализм, цифровизация общественного контроля.

E. S. Baeva

Samara City Public Organisation “Research group “Free Opinion”,
Samara National Research University, Samara

O. A. Malakanova

Samara National Research University, Samara

FROM FORMAL REPRESENTATION TO SOCIAL INFLUENCE: A CASE STUDY OF THE SAMARA REGION CIVIC CHAMBER (2009–2025)

This article analyzes the expert work of regional civic chambers as the primary mechanism for public oversight. Based on legal documents, annual reports of the Samara Region Civic Chamber for 2009–2025, and Russian academic papers, the article identifies key areas of expert work by regional civic chambers and identifies problematic areas based on the results of sociological research.

Keywords: civic chamber of a constituent entity of the Russian Federation, expert work, public oversight, civil society, Samara Region Civic Chamber, public expertise, neo-institutionalism, digitalization of public oversight.

Становление института общественных палат в субъектах Российской Федерации явилось важнейшим этапом в развитии системы взаимодействия государства и гражданского общества. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и принятие целого ряда региональных законодательных актов сформировали правовую базу для создания консультативно-совещательных органов, призванных обеспечивать учет общественного мнения при принятии государственных решений, осуществлять общественный контроль и экспертизу нормативно-правовых актов.

Основными функциями Общественной палаты РФ (впоследствии масштабированные на уровень субъектов) являются: вовлечение некоммерческих организаций и населения в целом в активную общественную жизнь; выдвижение и поддержку гражданских инициатив; проведение общественной экспертизы проектов законов и нормативных правовых актов; осуществление общественного контроля за деятельностью органов власти; выработку рекомендаций по государственной поддержке НКО; оказание методической поддержки региональным палатам (в практике региональных палат – палатам муниципалитетов); международное сотрудничество. Решения палаты по своему характеру являются рекомендательными и чаще всего имеют форму предложений и обращений.

В современном российском обществе особую роль играют региональные общественные палаты, выступающие важным коммуникационным звеном между органами власти и

населением / отдельными гражданами, влияя на эффективность реализации государственной политики и представление интересов жителей региона [1, с. 4]. Экспертная деятельность при этом занимает центральное место в функциональном спектре общественных палат, наряду с законосовещательной и консультативной функциями [2, с. 203].

Цель настоящего исследования – проанализировать и охарактеризовать основные этапы экспертной деятельности Общественной палаты Самарской области, эволюцию инструментария, практических механизмов реализации количественных показателей результативности. Данный региональный кейс рассматривает эволюцию и адаптацию региональной общественной палаты к изменяющимся общественно-политическим условиям.

В качестве эмпирической базы использованы ежегодные доклады Общественной палаты Самарской области о состоянии гражданского общества за период с 2009 по 2025 г., а также материалы социологических исследований, проведенных при поддержке палаты, которые содержат уникальный материал о динамике развития некоммерческого сектора, формах общественного контроля и экспертной деятельности.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных ученых, посвященные изучению проблематики гражданского общества, общественного контроля и экспертной деятельности. Ключевое значение имеют работы А. Ю. Сунгурова, Н. Н. Козловой и Д. И. Мамагулашвили, которые анализируют эволюцию общественных палат с позиций их организационных принципов и отбора членов, функций, закрепленных в правовых нормах, принимаемых мер, отражающих суть и цели деятельности, информационной политики, взаимодействия с общественными организациями, государственными структурами и органами местного самоуправления, а также воздействия на социально-политическую обстановку в регионе. Авторы подчеркивают, что «анализ принципов организации и функциональности общественных палат показывает, что потенциал их влияния на публичную политику в законе ограничен» [3, с. 39]. Наряду с этим делается вывод, что «эволюция общественных палат в России на протяжении 2000-х гг. указывает на изменение механизмов взаимодействия структур гражданского общества и государства, а также оформление патерналистской модели опосредования власти и общества» [4, р. 24]. М. А. Клименков рассматривает институт общественной палаты как коммуникативную площадку, в рамках которой научно-экспертное сообщество может воздействовать на публичную политику. Как отмечает автор, «в настоящее время можно наблюдать возрастание интереса к исследованию роли и места института Общественной палаты в общественно-политической жизни регионов и страны в целом» [5, с. 11].

Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» определил общественные палаты в качестве одного из основных субъектов общественного контроля наряду с общественными советами при органах власти и общественными наблюдательными комиссиями [6, с. 49]. В соответствии с данным законом, к главным формам общественного контроля относятся общественный мониторинг, проверка, экспертиза и обсуждение. Особое место в системе полномочий общественных палат занимает их право на проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов федерального и регионального уровней. По мнению исследователей, «общественная экспертиза раскрывается как самостоятельный институт, играющий достаточно важную роль в обеспечении защиты прав и свобод граждан» [7, с. 8].

В субъектах РФ правовое регулирование деятельности общественных палат осуществляется на основе региональных законов. Анализ выявляет, что цели учреждения общественных палат в разных регионах в целом совпадают по направленности, но различаются по процедурам формирования и объему полномочий [8, с. 48]. Изучение законодательства Самарской области (Закон Самарской области от 11.04.2016 № 49-ГД «Об общественном контроле в Самарской области») свидетельствует о том, что региональная общественная палата обладает правом законодательной инициативы – значимым инструментом воздействия на нормотворчество.

Анализ ежегодных докладов ОП СО позволяет выделить четыре этапа в развитии экспертной деятельности палаты.

Первый этап (2009–2013 гг.) носил организационно-становленческий характер. В этот период основное внимание уделялось формированию структуры палаты, налаживанию взаимодействия с органами власти и НКО. Экспертный инструментарий был ограничен: выездные проверки по конкретным жалобам граждан, письменные запросы и заключения по отдельным законопроектам, а также социологические исследования, заложившие основу мониторинга НКО и гражданской активности жителей региона. В 2009–2011 гг. были проведены первые опросы населения (выборка до 500 респондентов) и экспертные интервью с руководителями общественных организаций, контент-анализ региональных СМИ [9–11]. Эти исследования носили разовый характер, но позволили палате впервые получить объективные данные об информированности граждан о деятельности НКО и барьерах их развития.

Второй этап (2014–2019 гг.) стал этапом институционализации общественного контроля. Принятие Федерального закона № 212-ФЗ создало правовую основу для системной экспертной деятельности. Общественная палата учредила профильную комиссию по общественному контролю, экспертизе и взаимодействию с общественными советами. Произошел сдвиг от разовых фокусных исследований к систематическому мониторингу (лонгитюдные опросы населения с 2014 г., ежегодный рейтинг управляющих компаний по результатам опросов жителей – с 2018 г.) [12]. Мониторинг НКО на этом этапе дополнился анализом ведомственных реестров и экспертными опросами руководителей НКО. Это позволило фиксировать не только количественные, но и качественные показатели. Одновременно происходило становление постоянно действующих рабочих групп – как в структуре самой палаты (рабочая группа общественного контроля за реализацией национальных проектов, созданная в 2019 г.), так и при региональных органах исполнительной власти. Внедрение ситуационных центров видеонаблюдения на выборах (с 2018 г.) и систематической общественной экспертизы законопроектов (с 2015 г., доля учтенных замечаний до 70 %) завершило формирование базового набора экспертных инструментов [13].

Третий этап (2020–2021 гг.) совпал с пандемией COVID-19, которая дала мощный импульс цифровизации экспертных процедур. Палата инициировала проект «Жизнь продолжается» и оперативно внедрила дистанционные форматы: ежемесячные онлайн-семинары для председателей советов многоквартирных домов, видеоконференции с муниципальными образованияами, создание портала общественного контроля в сфере ЖКХ [14]. Мониторинг НКО и гражданской активности населения был переведен в гибридный формат: онлайн-анкетирование заменило часть очных опросов, а цифровые платформы позволили оперативно собирать и обрабатывать данные. Это повысило оперативность и охват исследований, хотя сохранились и традиционные методы (экспертные интервью).

Четвертый этап (2022–2025 гг.) – этап консолидации гражданского общества в условиях внешнего санкционного давления и проведения специальной военной операции (СВО). Палата расширила объекты контроля: создана межкомиссионная рабочая группа по патриотическим проектам, поддержке участников СВО и членов их семей, организован общественный штаб «Своих не бросаем» (отправлено более 50 гуманитарных грузов) [15, с. 186], запущена цифровая платформа «Возвращение» для социальных паспортов семей участников СВО. Мониторинг НКО и гражданских инициатив окончательно оформился в многоинструментальный комплекс, объединяющий статистический анализ ведомственных реестров, массовые опросы населения (лонгитюд с 2009 г., выборка до 1650 респондентов), экспертные интервью, контент-анализ СМИ, а также анализ цифровых следов НКО в социальных сетях и на специализированных порталах палаты. Выбор конкретных методов на этом этапе стал зависеть от текущего социально-политического и социокультурного контекста. Именно эта гибкая методология позволила палате выявить ключевой дисбаланс: при стабильном количестве зарегистрированных НКО (~4500) доля граждан, имеющих опыт членства в них, не превышает 2–4 %, а опыт реального обращения за помощью – лишь 6–15 % [13, с. 8; 16, с. 21].

На данном этапе экспертная деятельность палаты приобрела черты зрелого института, способного не только реагировать на вызовы, но и самостоятельно генерировать аналитику, востребованную органами власти.

Анализ отечественной научной литературы и данных Общественной палаты Самарской области позволяет выделить несколько системных проблем реализации экспертной деятельности региональных общественных палат.

Первая проблема заключается в отсутствии стандартизированных методов и шкал измерения эффективности, что, как отмечают исследователи, «приводит к доминированию в публицистике и в научной литературе описательных характеристик и оценочных суждений с большой долей субъективности» [5, с. 33]. Рост количественных показателей (число обученных наблюдателей с 38 до 4 тыс. чел., доля информированных об общественных советах с 15 % до 87 %, более 120 выездных мероприятий за 2019–2024 гг.) демонстрирует институциональную активность, но не является достаточным критерием эффективности. В связи с этим встает вопрос о разработке качественных показателей: доля рекомендаций палаты, принятых органами власти к исполнению (по законопроектной работе в Самарской области она достигает ≈ 70 %); степень удовлетворенности граждан результатами общественного контроля; снижение числа выявленных нарушений в контролируемых сферах (по данным ГЖИ Самарской области, на объектах, включенных в выездные проверки Общественной палаты Самарской области, в 2024 г. зафиксировано на 18 % меньше предписаний). Без внедрения подобных индикаторов количественный рост может маскировать формализацию деятельности, а количественные показатели сами по себе становятся объектом экспертной рефлексии – отличительная черта зрелого экспертного института.

Вторая связана с необходимостью институционализации обратной связи: даже при формальном учете рекомендаций палаты нередко отсутствует система мониторинга их реализации. В Самарской области эта проблема частично решена через ежегодные отчеты и публикацию рейтингов, но унифицированного подхода пока не удалось сформировать.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, экспертная деятельность региональных общественных палат носит многоаспектный характер и включает общественную экспертизу нормативно-правовых актов, мониторинг реализации национальных проектов и государственных программ, консультационно-аналитическую работу в сфере ЖКХ и градостроительства, наблюдение за выборами, а также общественный мониторинг социально значимых сфер (здравоохранения, образования, экологии). За период 2019–2024 гг. только Общественной палатой Самарской области осуществлено более 120 выездных мероприятий в рамках общественного контроля национальных проектов.

Во-вторых, специфика экспертной деятельности определяется сочетанием правовых, организационных и ресурсных факторов, среди которых ключевое значение имеют: наличие права законодательной инициативы у региональной палаты (как в Самарской области), отлаженная система взаимодействия с органами власти и НКО, а также информационная открытость. Показательным является рост информированности населения об общественных советах с 15 % в 2014 г. до 87 % в 2023 г., а также увеличение числа общественных наблюдателей на выборах – от 38 чел. в 2014 г. до около 4 тыс. в 2024 г.

В-третьих, эмпирический анализ демонстрирует положительную динамику развития экспертной деятельности в ответ на внешние вызовы (пандемия, санкционное давление, СВО). Палата не только сохранила, но и расширила спектр своей экспертной деятельности в кризисные периоды. При этом произошла профессионализация контроля и его цифровизация. Важно отметить, что потенциал влияния общественных палат, формально ограниченный законом, на практике может быть расширен благодаря качественной экспертной работе и системному диалогу с властью (самарский опыт демонстрирует гибридный характер патерналистской модели – палата одновременно сотрудничает с властью и критикует ее). Самарская область также подтверждает концепцию общественной палаты как коммуникативной площадки, причем палата выступает не только потребителем, но и генератором собственной экспертизы благодаря организации социологических исследований.

В-четвертых, среди ключевых проблем экспертной деятельности выделяются отсутствие общепринятой методики оценки эффективности, риск имитационного характера деятельности в некоторых регионах, а также недостаточное ресурсное обеспечение. Вместе с

тем Самарская область демонстрирует успешный опыт преодоления указанных проблем, что подтверждается высокими позициями региона в рейтингах: по итогам 2025 г. Самарская область заняла 3-е место в общероссийском рейтинге уровня развития НКО «Регион-НКО», а Общественная палата Самарской области заняла 1-е место среди региональных общественных палат по нормотворческой деятельности.

Анализ специфики экспертной деятельности общественных палат субъектов РФ позволяет утверждать, что данный институт играет важную роль в системе взаимодействия государства и гражданского общества. Дальнейшее развитие экспертной деятельности общественных палат должно идти по следующим направлениям: совершенствование нормативно-правовой базы, разработка и внедрение объективных методик оценки эффективности, расширение использования цифровых технологий, углубление взаимодействия с научно-экспертным сообществом, а также систематическая работа по повышению правовой грамотности населения.

Литература

1. Михалко Н. Н. Институты гражданского общества в регионе: анализ деятельности Общественной палаты Вологодской области // Экономика. Социология. Право. 2025. № 3 (39). С. 95–104.
2. Тиховодова А. В. Социально-философская концепция Общественной палаты как института гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 203–203.
3. Сунгуров А. Ю., Козлова Н. Н., Мамагулашвили Д. И. Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга // Политические исследования. 2020. № 3. С. 93–109.
4. Sungurov A. Yu., Kozlova N. N., Mamagulashvili D. I. Public Chambers as Institutions for Implementing the Paternalistic Model of Interaction Between Authority and Society: Experience of the Tver Region and St. Petersburg // Polis. Political Studies. 2020. N 3. P. 93–109.
5. Клименков М. А. Институт общественной палаты как посредник между властью, обществом и экспертным сообществом (на примере Кемеровской области – Кузбасса) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 4. С. 433–443.
6. Васильева Л. Н. Правовая природа контрольных полномочий общественных палат в Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 6. С. 49–61.
7. Пьянкова А. А., Ягофарова И. Д. Экспертная деятельность Общественной палаты РФ: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика мировой науки. 2025. № 3.
8. Михеев Д. С. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности общественных палат в субъектах Российской Федерации // Современное право. 2011. С. 48–49.
9. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2009 г. Самара, 2009 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=223:-2009-&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).
10. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2010 г. Самара, 2010 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=623:-2010-&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).
11. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2011 г. Самара, 2011 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1028:-2011-&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).
12. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2018 г. Самара, 2018 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3694:2019-02-28-14-03-51&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).
13. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2015 г. Самара, 2015 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2291:-2014-&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).
14. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2020 г. Самара, 2020 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4821:2019-02-28-14-03-51&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).

15. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2025 г. Самара, 2025 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6650:2019-02-28-14-03-51&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).

16. Ежегодный доклад Общественной палаты Самарской области «Состояние гражданского общества в Самарской области» за 2023 г. Самара, 2023 // Общественная палата Самарской области. URL: https://op63.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6019:2019-02-28-14-03-51&catid=21:2010-01-29-05-53-01&Itemid=100016 (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 344.322

О. А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ПРОСОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Отмечаются несколько периодов развития добровольчества в постсоветской России, объясняются особенности каждого периода. Изучается роль мировоззренческих ориентиров современной молодёжи, выбирающей просоциальную активность как форму личной и социальной реализации.

Ключевые слова: просоциальность, добровольчество, молодёжь, социальная активность, социальный выбор, волонтерство, альтруизм.

O. A. Polyushkevich

Irkutsk State University, Irkutsk

VOLUNTEERING AS A PROSOCIAL PRACTICE

This article examines volunteering as a prosocial practice. Several periods in the development of volunteerism in post-Soviet Russia are identified, and the characteristics of each period are explained. The role of the ideological orientations of modern youth, who choose prosocial activity as a form of personal and social fulfillment, is highlighted.

Keywords: prosociality, volunteerism, youth, social activity, social choice, volunteering, altruism

Добровольчество выступает одной из форм просоциальной активности молодёжи. Через добровольчество транслируются и реализуются такие ценности как забота, помощь, эмпатия, сострадание, поддержка и т. д. Официальная социальная политика поддерживает добровольчество и волонтерство, создавая конкурсы для выделения грантов и субсидий на реализацию различных проектов, создаются добровольческие центры и сообщества на базе вузов (Доброцентр, ИГУ, ИСН) или общественных организаций. Это показывает социальную включённость и востребованность добровольчества как реальной просоциальной практики, которая ориентирована на морально-этическую структуру общества, меняет не только социальные ориентиры политики, но и реальные практики взаимодействия на местах.

Тем самым восполняются пробелы в реализации социальных функций официальных социальных институтов. Постоянное привлечение к добровольческой деятельности новых участников формирует социальную активность и мобильность данного сообщества, откликающегося на существующие реальные социальные проблемы и решающая их на местном уровне.

Добровольчество выступает механизмом социальной безопасности общества (Р. Г. Ардашев, А. Н. Адилев [1; 2]), отражает ценности и мотивы молодых людей (П. А. Баев [3]), фиксирует социально-экономические, культурные, политические и иные механизмы трансформации и реализуется в реальных практиках просоциальной активности (П. А. Трескин [4]).

Во время советского прошлого добровольческая активность также активно использовалась как социальный ресурс, который формировался начиная с младшей школы – от октябрят, к пионерам, от пионеров к комсомольцам и партийным работникам. Нам более интересен постсоветский период, так как специальной идеологической подопеки развития этого движения не было, но в разные социально-исторические периоды, возникали пики добровольческой активности.

Если изучить статистику возникновения волонтерских и добровольческих организаций, то мы можем выделить несколько периодов социально-активного моделирования просоциальной активности. А также это создаёт условия для актуализации разных мотивов вовлечения в данную деятельность молодёжи.

1991–2000 гг. – время становления новых условий функционирования социальной активности в виде некоммерческого сектора и внутри него активизация общественной активности. В этот период активно работали зарубежные фонды, поддерживая социальные инициативы по демократизации общества и защите прав человека, обучению и просвещению, внедрению прозападных образцов социальной активности.

В этот время волонтерство «закрывало дыры» того, что не могло делать государство. Старая социальная политика разрушена, а новая ещё не сформирована. Поэтому представленность данного движения формируется через энтузиастов и людей, не желающих мириться с неизбежностью.

Мотивами волонтерской деятельности выступают внутренние ориентиры на ценности нового общества, желание изменить страну и условия жизни для многих людей, не под влиянием ограничивающих условий коммунистической идеологии, а под влиянием прав и свобод общества демократического типа. Эти мотивы перестройки общества и жизни граждан во многом идеологизированы, ориентированы на образы из западных фильмов про «другую жизнь», где волонтерство выступает рычагом социальной независимости и активности.

2001–2011 гг. – концептуализация прозападной идеологии в рамках работы некоммерческих организаций, ценностно-мировоззренческая трансформация в условиях вестернизации общества.

Этот период можно охарактеризовать подмену социальных ориентиров советского прошлого на прозападные ценности и условия жизни, где волонтерство – рычаг политический, экономический стимул, социальный ресурс. Через общественные организации начала меняться (а порой и подменяться) идеологическая структура общества. Это позже вылилось в массовые протесты и радикализацию общества.

Мотивация общественников в этот период строится на активной обучающей и просветительской работе западных фондов, множество представителей общественных организаций ездили на стажировки в другие страны, где перенимали опыт организации форумов и конференций, горячих линий и социальных практик поддержки отдельных социальных групп. Также в этот период создаются курсы и программы обучения по специальностям «социальная работа», «социальная педагогика» в разных вузах России, а также организаций новых социальных условий для функционирования государственных и частных социальных служб.

2012–2019 гг. – включение государства в регулирование общественной деятельности (создание Фонда Президентских грантов по поддержке НКО, Фонда поддержки культурных инициатив, программы региональных грантов «Губернское собрание» в Иркутской области и проч.), введение закона об иностранных агентах, куда вошла значительная часть руководителей общественных организаций и самих общественных организаций, финансируемых за счёт зарубежных фондов.

В этот период государство обратило внимание на третий сектор, поэтому социальные активисты получили то, что не хватало – поддержку не от зарубежных, а от отечественных социальных институтов, позволяющих отстаивать интересы России и россиян. Этот период можно назвать началом патриотического волонтерского бума, который наберёт силу в последующие периоды.

Мотивация участников волонтерской деятельности в этот период сводится к получению дополнительных финансов от государства на реализацию различных проектов. В это время формируются авторские пропатриотические проекты общественных организаций и социальных групп (от казачества и кадетов до религиозных проектов, касающихся прошлого, настоящего и будущего нашей страны, где добровольчеству отводится ключевая роль).

2020–2023 гг. – активизация и популяризация волонтерской деятельности через СМИ и сеть Интернет во время пандемии (активизация положительного образа волонтера как примера для положительного образа современного молодого человека).

Развитие государственной поддержки, привлечение частных инвестиций на фоне постоянного культивирования положительного образа волонтера создаёт образ «героя нашего времени», человека, на которого равняются другие. Это новые смыслы, где другие находят желаемые образы, стратегии и контексты для собственной реализации.

Мотивация участников волонтерского движения на данном этапе выступает результатом активной информационной пропаганды в СМИ, интернет, фильмах и сериалах (например, «Плейлист волонтера», 2023; «Здоровый человек», 2023; «Доктор Лиза», 2020 и т. д.), где добровольцы – это люди идущие за справедливостью и желанием помочь тем, кому эта помощь нужна. Добровольчество в этот период соответствует в большей степени ценностями и мировоззренческим ориентирам людей, желающих что-то изменить в жизни других.

2024 г. и по настоящее время – значительная институционализация добровольчества, связанная с формализацией данной деятельности, официальной фиксацией добровольческой активности в резюме при трудоустройстве на работу, формировании социального капитала для значимых виртуальных сообществ.

Этот период становится во многом закономерным этапом развития личных инициатив и локальной поддержки государства к целостной социальной политики, которая поддерживает волонтеров со школы, заканчивая волонтерами серебряного возраста. Это фиксация социальной политики на значимых категориях и сферах деятельности. Это как ориентир новой философии жизни, который становится ресурсом, вне зависимости от того, какими личными мотивами руководствуются участники, так как для всех он становится социальным ресурсом, позволяющим официально изменять жизненные траектории, добавляя баллы волонтеру к прочим равным условиям в различных ситуациях.

Мотивация участников данного этапа становится больше «социально ориентированной», так как волонтерство выступает социальным капиталом и возможностью построить более лучшую карьеру, получить выше должность или нужные связи и т. д. Добровольство все больше становится инструментом (рычагом) социального успеха.

Предложенная темпоральная типология не является жесткой структурой, но позволяет выделить смысловые формально-организационные и идеологически наполненные периоды развития добровольчества с 1991 г. Рассмотренные стратегии мотивации не являются тотальными, но общие векторы показывают достаточно развёрнуто.

Для уточнения мотивационной структуры современных добровольцев мы провели онлайн опрос молодых людей, участвующих в волонтерской деятельности. Для этого мы обратились к руководителям волонтерских центров Иркутска и студенческих волонтерских отрядов ($n = 900$), 60 % девушек и 40 % юношей в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся в разных вузах и на различных специальностях.

Среди опрошенных волонтеров больше всего активности приходится на событийное волонтерство (23 %), социальное (20 %), экологическое (17 %), патриотическое (15 %), культурно-историческое (13 %), досугово-просветительское (10 %), другое (2 %). Это соответствует интересам молодых людей.

По мнению опрошенных, в их окружении большая часть людей участвуют в добровольческой деятельности (42 %); в окружении незначительная часть готова быть добровольцем (48 %); в окружении негативно относятся к добровольцам (7 %); затруднились ответить (3 %). Эти данные указывают, что волонтеры чаще общаются с теми, кто разделяет их взгляды на общественную деятельность. Это вполне понятно и позволяет говорить о формировании реальных и виртуальных добровольческих сообществ. Состоят только в официальных волонтерских сообществах (8 %), состоят только в неофициальных (частная инициатива) волонтерских сообществах и чатах (10 %). Большая часть состоит и в тех и других сообществах (82 %).

Периодичность участия опрошенных не равномерная: раз в неделю (7 %), несколько раз в месяц (23 %), несколько раз в пол года (38 %), несколько раз в год (32 %). То есть, молодые люди участвуют не во всех добровольческих проектах, что реализуются соответствующими центрами и организациями. Они вбирают те мероприятия которые соответствуют их личным интересам и хобби и могут быть полезны (сформировав определённый имидж, разместив у себя на странице в социальных сетях или указав в резюме при трудоустройстве).

Также мы выделили такую категорию как «готовность» участия в волонёрской деятельности, т. е. это потенциальное согласие с данной деятельностью, совпадение идеалов и ценностей с деятельностью волонтеров (на словах и чувствах) – 62 %. А также категорию «вовлеченность» в просоциальную деятельность – это реальная включенность в работу добровольческих центров, отрядов и т. д. (не просто слова, а реальные действия) – 38 %.

Желание быть полезным и помогать людям относится к категории ценностей молодых людей, выбирающих добровольчество как форму личной реализации (39 %). Желание получить нужные связи и быть заметным (в блогах, в СМИ, сети Интернет) для того чтобы сформировать свой имидж, определённую репутацию (43 %). Вынуждены заниматься добровольческой деятельностью (18 %). Это те, кого включили в сообщество добровольцев из-за распоряжений в вузе, желания родителей или других значимых персон.

Эти данные фиксируют разные мотивы включенности молодёжи в просоциальную активность через добровольческую деятельность. Потребность регулировать социальные практики возникает тогда, когда в обществе есть угрозы дезинтеграции и развития радикализации. Поэтому мы наблюдаем сегодня интерес различных социальных служб и социальных интересов к социальным инициативам, общественной активности, волонёрской деятельности. Это вполне оправдано и требует серьёзного подхода. Чтобы он сформировался – необходимо проводить регулярный мониторинг добровольческих мотивов и условий реализации собственных желаний. Это социальный рычаг общественного воспроизводства необходимо эффективно регулировать новыми условиями и возможностями развития за счёт государственных инвестиций и частных средств. В этом формируются основные перспективы развития добровольчества в России.

Добровольчество как социальная практика выступает механизмом морально-этического воспроизводства российского общества в новых условиях. Это то, что регулирует социальные процессы и позволяет менять качество жизни, ценностные смыслы и ориентиры молодёжи, а вместе с ней и других социальных групп. Новые социальные смыслы – это контекст восстановления духовности российского общества. Поэтому стоит максимально расширить возможности развития и реализации добровольческих инициатив как механизма развития ценностных и институциональных практик.

Литература

1. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодёжи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
2. Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность в рамках социологических подходов исследования // Социология. 2026. № 2. С. 6–11.
3. Баев П. А. Чем гордится и чего стыдится российская молодёжь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 16 февр. 2024 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 129–132.
4. Трескин П. А. Просоциальные практики гражданской активности молодёжи: история и современность // Социология. 2025. № 8. С. 85–92.

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НКО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ВЫЗОВОВ

Исследуются современные практики цифрового взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций (НКО) в российском контексте. Анализируется, как цифровизация государственного управления трансформирует механизмы сотрудничества между властью и третьим сектором: меняет каналы обмена информацией, процедуры участия НКО в социально значимых процессах.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления, третий сектор, НКО, электронное взаимодействие, межсекторное взаимодействие, каналы обратной связи.

P. S. Izatulina

Irkutsk State University, Irkutsk

EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND NGOS IN THE CONTEXT OF DIGITAL CHALLENGES

The article examines modern practices of digital interaction between government authorities and non-profit organizations (NPOs) in the Russian context. The author analyzes how the digitalization of public administration transforms the mechanisms of cooperation between the government and the third sector: it changes the channels of information exchange, procedures for the participation of NGOs in socially significant processes.

Keywords: digitalization of public administration, the third sector, NGOs, electronic interaction, intersectoral interaction, feedback channels.

Цифровизация государственного управления и общественного сектора трансформирует практики взаимодействия власти и третьего сектора, меняя как каналы обмена информацией, так и процедуры участия НКО в социально значимых процессах. В цифровой среде повышается интерактивность общения организаций с органами власти за счет информационных порталов и электронных сервисов, что может расширять доступ НКО к мерам государственной поддержки и снижать транзакционные затраты при их получении [2]. Одновременно цифровая коммуникация влияет на устойчивость межсекторных практик: НКО, сохраняя институциональную автономию, включаются в сетевое взаимодействие, где возрастает роль регулятивных режимов – как формальных, так и не формальных [4].

Актуальность исследования усиливается тем, что на региональном уровне цифровые механизмы взаимодействия власти и НКО развиваются неоднородно и требуют аналитического описания. Даже при наличии общих контуров межсекторного сотрудничества, условия функционирования цифровых сервисов, форматы участия и степень проработанности процедур на уровне субъекта Федерации могут различаться. В этой связи научный анализ должен фокусироваться не только на технологических инструментах, но и на институциональных механизмах: регламентах обмена сведениями, стандартах процедур взаимодействия, а также на том, как выстраиваются совместные инициативы и коммуникации в ходе проектного цикла. Принципиально важно оценивать, какие элементы цифрового взаимодействия обеспечивают достижение взаимовыгодных целей сотрудничества и какие ограничения препятствуют масштабированию эффективных практик [1]. Таким образом, изучение опыта цифрового взаимодействия органов власти и НКО в российском и региональном контексте является необходимым условием формирования научно-обоснованных подходов к развитию электронного взаимодействия, совместных инициатив и каналов обратной связи.

Цель исследования заключается в анализе практик электронного взаимодействия и общих инициатив органов власти и НКО в цифровой среде, а также в выявлении организационно-правовых задач, которые определяют эффективность такого взаимодействия. Предпосылкой постановки цели выступает то, что взаимодействие власти и НКО должно осуществляться на принципах, закрепленных нормативно и конкретизированных в региональных моделях регулирования [9]. Тем самым цифровая трансформация требует не только технологи-

ческих решений, но и согласованности механизмов участия, включая цели и принципы межсекторного взаимодействия.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Определить правовые рамки взаимодействия и показать, как региональные акты закрепляют цели, и формы взаимодействия органов власти и НКО.
2. Рассмотреть практики коммуникации НКО с органами власти в коммуникативном пространстве и роль цифровизации в развитии межсекторного социального партнерства.
3. Проанализировать как государственные информационные ресурсы и электронные процедуры обеспечивают доступность взаимодействия.
4. Уточнить каким образом НКО получают возможность действовать в электронном контуре и выполнять установленные законом обязанности посредством государственных цифровых платформ.

В качестве релевантного примера рассматривается Портал некоммерческих организаций Минюста России, который создается для содействия НКО в осуществлении деятельности и обеспечивает оформление отчетов в электронном виде с последующим размещением в сети Интернет [8]. На этой основе в дальнейшем анализе могут быть сформулированы критерии оценки результативности электронного взаимодействия и совместных инициатив власти и НКО.

Анализ опыта взаимодействия органов власти и НКО в цифровой среде основан на сочетании системного и сравнительного подходов, позволяющих описать цифровое взаимодействие как набор взаимосвязанных элементов и как совокупность вариативных практик. Системный метод применяется для раскрытия целостной «цепочки участия»: нормативные требования формируют процедуры электронного взаимодействия, которые реализуются через информационные системы и каналы коммуникации, а результат фиксируется в отчетности и обратной связи. Такой взгляд релевантен в условиях, когда цифровизация затрагивает не только коммуникации, но и регламенты участия НКО в формировании и реализации политик, включая региональный уровень [3].

Сравнительный метод используется для сопоставления различных моделей взаимодействия НКО и органов власти в цифровой среде: от режимов участия НКО в консультационных и проектных практиках до сценариев, где государство выступает заказчиком, а НКО – исполнителем либо партнером в совместных программах. Подобная логика согласуется с тем, что межсекторные взаимодействия могут принимать различные институциональные формы, включая межсекторное социальное партнерство и иные модели взаимодействия. Для сравнения полученных данных устанавливаются общие параметры оценки. Основное внимание уделяется наличию системы электронного документооборота, способам получения обратной связи, формализации рабочих процессов и доступности цифровых ресурсов для некоммерческих организаций. Анализ эмпирических данных проводится с позиции нормативно – институционального подхода к изучению цифровых процессов. Эффективность электронного взаимодействия рассматривается не только как следствие доступности онлайн – сервисов, но и как результат согласованности организационных процедур. Таким образом, анализируется, как цифровые платформы трансформируют практики участия граждан и диалога в общественной сфере, принимая во внимание специфику регионов. База источников исследования состоит из законодательных актов, нормативных документов, практических научных разработок, освещающих аспекты сотрудничества государственных органов и НКО в условиях цифровизации. Центральное место занимает изучение изменений в законодательстве, регулирующем деятельность некоммерческого сектора. Правовые рамки позволяют определить, какие виды партнерства и совместной деятельности получают официальное признание и нуждаются в технологической поддержке в рамках электронных процедур.

Для описания инфраструктурных предпосылок электронного взаимодействия использованы данные о функционировании государственного цифрового контура. В качестве индикаторов вовлеченности граждан и потенциальной аудитории цифровых процедур приводятся статистические оценки использования Единого портала государственных услуг. Доля пользователей, применяющих электронные госуслуги, по данным Росстата, составляет 74,8 %.

[11]. Для характеристики цифровых каналов взаимодействия релевантны также сведения о росте числа пользователей и объемах оказанных услуг, отражающие масштаб цифрового «входа» в публичные процессы, где могут участвовать НКО. Отдельный блок данных формируют технологические кейсы организации межведомственного электронного обмена, задающие основу для обмена документами и данными между информационными системами в целях предоставления госуслуг. В качестве базового инструмента рассмотрена система межведомственного электронного взаимодействия как универсальный механизм стыковки информационных систем [15]. Дополнительно привлекается сравнительно-правовой анализ законодательства о взаимодействии НКО и органов власти, фиксирующий типовые модели и проблематику межсекторного партнерства, что позволяет сопоставлять юридически возможные и фактически реализуемые практики. В совокупности указанные источники обеспечивают верифицируемость выводов о регламентных, инфраструктурных и организационных условиях цифрового сотрудничества.

Электронное взаимодействие органов власти с НКО в российской цифровой среде опирается на инфраструктуру «государство – организация» и регламентированные сценарии документооборота. В качестве базовой точки входа выступает Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), реализующий типы взаимодействия в формате подачи заявлений, получения статусов, обмена сведениями и сведений между ведомствами. На практике это означает, что НКО получают возможность выстраивать процесс участия внутри цифровой процедуры: от инициирования запроса до подтверждения результата без дублирования бумажных этапов, что снижает издержки и создает более предсказуемый цикл взаимодействия.

По данным, приведенным в источниках, о масштабах использования ЕПГУ, о статистике портала: число пользователей выросло в 2 раза, а посещаемость госпорталов также увеличилась в 2 раза [11]. Динамика показывает, что электронные сервисы становятся массовым контуром контакта с государством, а значит, и взаимодействие НКО как сегмента организаций-участников получает более широкую аудиторию и более конкурентную среду по качеству сервисов. Ключевым технологическим элементом, на операционном уровне, является обмен данными.

Система межведомственного взаимодействия в электронном виде (СМЭВ) позволяет находить, обрабатывать и направлять информацию, посредством защищенных линий связи. Это является основой для реализации концепции «одного окна» при подаче документов и автоматизирует процесс обработки запросов. Для НКО это важно, поскольку соответствие стандартам оформления данных и корректность предоставленных сведений является фактором успешного прохождения процедур, и сокращают вероятность возврата документов на доработку. На практике некоммерческие организации сталкиваются с тем, что цифровые каналы коммуникации не только повышают уровень открытости организации, но и предъявляет высокие требования к управленческим компетенциям. Это включает в себя разработку документации, соответствующей установленным нормам, и выполнение правил обработки информации. Таким образом, процесс цифровых коммуникаций с НКО в России должен быть основан на комплексном подходе, охватывающем как доступность онлайн-сервисов, так и наличие надежных методов контроля качества. Благодаря этим методам, государственные органы могут совершенствовать свои регламенты и упрощать требования к организациям.

Практика совместных инициатив органов власти и НКО в цифровой среде формируется на пересечении двух факторов: институционального признания роли НКО и управленческой потребности государства в партнерских каналах реализации общественно-значимых задач. В отечественной постановке проблемы подчеркивается, что НКО как политико-управленческие акторы выступают относительно новым явлением, а их относительная независимость усложняет регулирование и повышает значение и не только формальных, но и неформальных режимов взаимодействия [4]. В цифровых условиях это напрямую влияет на коммуникационные стратегии: от НКО требуется выстраивание устойчивого канала обмена информацией с органами власти, а от государства – создание предсказуемых сценариев участия и признание ценности обратной связи.

С точки зрения уровней взаимодействия, в российских исследованиях выделяются несколько стадий: от отсутствия взаимодействия и сосуществования на одной территории до индивидуальных контактов по личным связям, далее – к признанию социальной роли НКО и мерам поддержки с созданием совместных координационных структур и, наконец, к партнерству как устойчивой форме кооперации. Такой переход полезен для анализа цифровых практик. Чем выше уровень партнерства, тем более вероятно, что коммуникации становятся не разовыми, а встроенными в цикл программ, от планирования, к реализации и отчетности. Коммуникационный контур в цифровой среде можно рассматривать как механизм обеспечения взаимовыгодности сотрудничества. В исследованиях отмечается значимость коммуникации НКО с органами власти для функционирования и достижения взаимовыгодных целей сотрудничества. В прикладном измерении это означает: эффективные совместные инициативы сопровождаются регулярным обменом данными о потребностях целевых групп, согласованием индикаторов и публикацией результатов, что снижает неопределенность ожиданий и повышает управляемость сотрудничества.

Одновременно цифровизация изменяет содержание проблемных зон. Если при электронном взаимодействии основная нагрузка смещается на стандарты данных и процедурную корректность, то в коммуникациях возрастает роль интерпретации – как формулируются требования, какие смыслы вкладываются в отчетность и каким образом фиксируется согласование проектных решений. В качестве обобщенного вывода можно утверждать, что цифровые инструменты сами по себе не гарантируют партнерства; они создают среду, в которой коммуникации должны быть организационно обеспечены. Партнерство выступает следствием устойчивой настройки каналов обмена информацией, распределения ответственности и согласования процессов, причем на уровнях взаимодействия такие каналы ограничены точечными связями, а на последующих – институционализируются через совместные координационные структуры и регулярные коммуникации [5]. Таким образом, оценка эффективности совместных инициатив власти и НКО в цифровой среде должна включать не только показатели доступности сервисов, но и показатели качества коммуникационного цикла: своевременность обмена, точность согласований и способность системы снижать барьеры участия.

Проведенное исследование позволяет заключить, что цифровая трансформация взаимодействия государства и НКО в России формирует более интерактивную модель участия, основанную на использовании информационных порталов и регламентированных электронных каналов. Как показывает анализ практик, ключевым эффектом становится расширение доступа организаций к мерам государственной поддержки и снижение транзакционных издержек при получении ресурсов, что особенно важно при ограниченных административных возможностях НКО.

Анализ российского опыта позволяет сделать вывод, что стабильность электронного взаимодействия зависит не только от технических сервисов, но и от качества организационной поддержки. Успех коммуникации в цифровом пространстве обеспечивается за счет прозрачных процедур всех видов участия, наличием требований к документам и выстраиванием эффективной системы обратной связи. Проанализированный опыт позволяет сделать вывод о том, что для успешного развития цифрового сотрудничества необходимо управлять формами взаимодействия. Самостоятельная роль НКО должна быть сохранена. Перспективы цифрового сотрудничества напрямую связаны с доступными и качественными цифровыми сервисами и прозрачной коммуникацией. Приоритетным направлением должно быть создание инфраструктуры цифрового обмена, которая обеспечивает полный цикл работы от информирования до подачи отчетности.

Литература

1. Зайцева А. В. Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти // Политология. 2023. № 7. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-7/a1-zaitseva.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Цифровизация взаимодействия органов власти и общества // Университет ИТМО. URL: <https://kmu.itmo.ru/file/download/application/20586> (дата обращения: 15.04.2026).

3. Соколов А. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/32822/ru> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций и органов государственной власти: «Коммуникационный аутсорсинг» // НИУ ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/articles/782427958> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Партнёрство органов власти и некоммерческих организаций в современной России // Уральский федеральный университет. URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/48351/1/klo-2011_3_004.pdf (дата обращения: 16.04.2026).
6. Перепелица Е. В. Электронная коммуникация в парадигме взаимодействия государства и общества // Российское право: образование, практика и наука. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-kommunikatsiya-v-paradigme-vzaimodeystviya-gosudarstva-i-obschestva/viewer> (дата обращения: 18.04.2026).
7. Горный М. Б. Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства // ЖИСИ. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-nekommercheskih-organizatsiy-i-organov-vlasti-sravnitelnyy-analiz-zakonodatelstva> (дата обращения: 01.05.2026).
8. К вопросу о взаимодействии органов власти и НКО в реализации культурных инициатив // Культурологический журнал. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/516.html&j_id=44 (дата обращения: 20.04.2026).
9. Взаимодействие государства и НКО // Reg-NKO.ru. URL: <https://reg-nko.ru/article/Vzaimodeystvie-organov-vlasti-s-nekommercheskimi-organizatsiyami> (дата обращения: 14.04.2026).
10. Обзор изменений некоммерческого законодательства за 2023 год // Ngo-law.ru. URL: https://ngo-law.ru/0124/obzor_2023 (дата обращения: 25.04.2026).
11. Аудитория и статистика портала госуслуг // Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 15.04.2026).
12. Единая система межведомственного электронного взаимодействия (ЕПГУ) и электронных сервисов // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188964/41d4ecb2ef60459bf43ef058e0a3ff649c0dfc50/ (дата обращения: 17.04.2026).
13. Сервисы СМЭВ // Портал государственных услуг РФ. URL: <https://info.gosuslugi.ru/new/smev> (дата обращения: 17.04.2026).
14. Система межведомственного электронного взаимодействия // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_межведомственного_электронного_взаимодействия (дата обращения: 20.04.2026).
15. Михайлова И. Как НКО эффективно взаимодействовать с органами власти // Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/2025/07/18/kak-nko-effektivno-vzaimodejstvovat-s-organami-vlasti/> (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 343.35

Д. А. Машинская

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Омской Области, г. Омск

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СУЩНОСТЬ

Исследуются понятие, сущность и виды антикоррупционной экспертизы. Проводится анализ и сравнение с правовой, судебной и криминологической экспертизами, выделяются их сходства и различия.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная экспертиза, правовая экспертиза, судебная экспертиза, криминологическая экспертиза, коррупциогенные факторы.

D. A. Mashinskaia

Territorial authority of the Federal State Statistics Service in Omsk region, Omsk

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE: CONCEPT, ESSENCE, TYPES

The article is devoted to the study of the concept, essence and types of anti-corruption. There is an analysis and comparison with legal, forensic, criminological expertise; similarities and differences between them are highlighted.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption expertise, legal expertise, forensic expertise, criminological expertise, corruption-causing factors.

Основными конституционными принципами антикоррупционной деятельности в России являются прозрачность и верховенство закона. Именно на этих постулатах, предусмотренных ст. ст. 1 и 15 Основного закона РФ, развивается институт антикоррупционной экспертизы в России, который, в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», является основополагающей мерой по профилактике коррупции.

Неслучайно Президент РФ в Указе от 16 августа 2021 г. № 478 «О национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» определяет экспертизу, как одно из наиболее приоритетных направлений выполнения антикоррупционной стратегии и устанавливает порядок взаимодействия органов государственной власти по вопросам осуществления мер антикоррупционного законодательства, в том числе: направление запросов в Росфинмониторинг по результатам антикоррупционной экспертизы (Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309).

«Целевое предназначение данного антикоррупционного инструмента заключается в обнаружении и устранении (предотвращении появления) линий детерминации коррупционного поведения, потенциально возникающего в результате применения действующих или проектируемых правовых норм» [1].

При проведении антикоррупционной экспертизы представляется возможным определить коррупциогенные факторы, что способствует предупреждению правонарушений в сфере применения антикоррупционного законодательства, а также повысить качество принятых нормативно-правовых актов (далее – НПА) [5].

Институт антикоррупционной экспертизы в России начал развиваться примерно с 2003 г., когда была ратифицирована Конвенция ООН против коррупции, согласно которой страна – участник обязана анализировать принимаемые законодательные акты на предмет наличия в них факторов, препятствующих осуществлению работы по противодействию коррупции. Затем в 2003 г. Центром стратегических разработок создана памятка по первичному анализу коррупциогенности законодательного акта с указанием способов выявления и устранения различных коррупциогенных факторов. После этого были приняты ряд законодательных актов (в том числе был принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе НПА и проектов НПА» (далее – ФЗ № 172 – 2009), которыми был окончательно закреплён статус антикоррупционной экспертизы в России.

Однако несмотря на законодательное закрепление обязанности проведения антикоррупционной экспертизы, отечественный законодатель до настоящего времени не разработал понятийный аппарат института антикоррупционной экспертизы. Само понятие антикоррупционной экспертизы закреплено в Модельном законе от 15.11.2003 «Основы законодательства об антикоррупционной политике», где в ст. 2 указано, что антикоррупционная экспертиза правовых актов и проектов – это «деятельность специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, относящихся к действующим правовым актам и их проектам; разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов». Помимо этого, в научной литературе сложилось немало подходов к определению данного понятия, проанализировав которые можно дать следующее определение исследуемой экспертизы. Антикоррупционная экспертиза НПА и проектов НПА – это деятельность компетентных органов и должностных лиц по исследованию и оценке НПА, их проектов на предмет наличия или отсутствия в них коррупциогенных факторов, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, с целью последующего устранения указанных факторов в случае их выявления [3].

Как уже было отмечено, правовой статус антикоррупционной экспертизы законодатель установил в 2008 г., однако научные публикации, посвященные исследованию коррупциогенных факторов при принятии НПА, появились задолго до этого времени. За последние 18 лет было опубликовано значительное количество научных трудов, касающихся основных моментов регулирования антикоррупционного исследования НПА и разработки вопросов по исследованию правовой сущности антикоррупционной экспертизы.

Проанализировав работы по исследованию правовой сущности антикоррупционной экспертизы, представляется необходимым сделать вывод о том, что ряд ученых пытаются решить основной научный вопрос о видовой принадлежности антикоррупционной экспертизы и поиске ее места среди остальных экспертиз. Рассматривая перспективу развития института экспертной деятельности в нормотворчестве, ученые ставят антикоррупционную экспертизу в один ряд с правовой, судебной, криминологической и другими видами экспертиз [6].

Прежде чем определить правовую сущность антикоррупционной экспертизы, необходимо провести ее разграничение с иными видами исследовательской деятельности экспертных институтов России. В правовой доктрине ученые чаще всего сравнивают антикоррупционную экспертизу с правовой экспертизой, которая определяется как «правовая оценка предмета его правового регулирования, целей, задач и формы такого акта, компетенции органа, его принявшего, содержащихся в указанном акте норм, в том числе на предмет соответствия требованиям Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, а также оценки на соответствие правового акта требованиям юридической техники» [2].

Проанализировав определение правовой экспертизы, можно прийти к выводу, что указанные признаки охватывают также и определение понятия антикоррупционной экспертизы правовых актов. Тем не менее, существует ряд различий, которые не позволяют данные экспертизы отождествить друг с другом. К таким различиям относятся: количество стадий проведения исследований, перечень и полномочия субъектов, содержание целей экспертиз, наличие предложений по устранению выявленных дефектов и иные различия. Кроме того, антикоррупционная экспертиза, в отличие от правовой, направлена на предупреждение коррупционных правонарушений, следовательно, она не ограничена в исследовании только лишь правовых формул, а также учитывает влияние законодательных формулировок на развитие механизма коррупционного поведения. В связи с чем представляется необходимым отнести антикоррупционную экспертизу правовых актов к самостоятельному виду экспертизы.

Следующий вид экспертизы, с которой ученые сравнивают антикоррупционную экспертизу – это судебная экспертиза.

Судебная экспертиза в науке конституционного, уголовного, гражданского и административного права понимается как исследование, основанное на использовании специальных знаний и выполняемое в ходе деятельности уполномоченных органов по раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству и при рассмотрении дел в Конституционном Суде РФ. Обязательным условием начала процесса судебной экспертизы является наличие событий, установленных в ходе судопроизводства, которым необходимо дать экспертную оценку. В то время как антикоррупционная экспертиза не обязательно назначается и проводится в ходе судебного или до судебного разбирательства. Исключениями являются: назначение антикоррупционной экспертизы в процессе судопроизводства по конкретному делу, когда она осуществляется по решению суда в целях выявления причин и условий, которые способствовали совершению противоправных деяний коррупционной направленности или судебное обжалование результатов антикоррупционной экспертизы, проведенной ранее во внесудебном порядке. В первом случае назначаемую экспертизу необходимо отнести к числу судебных экспертиз, во втором – судебное исследование вопросов обоснованности и объективности заключения эксперта не должно отождествляться с антикоррупционной экспертизой НПА и проектов НПА, поскольку суд не относится к числу субъектов, уполномоченных на ее проведение в соответствии со ст. 3 ФЗ № 172 – 2009.

Следующий вид исследования, с которым ученые сравнивают антикоррупционную экспертизу, является криминологическая экспертиза. Сторонники подхода, указывающие на единство данных экспертиз, обосновывают свои доводы целью проведения антикоррупционной экспертизы, указанной в ч. 1 ст. 1 ФЗ № 172 – 2009: выявление коррупциогенных факторов и их последующее устранение. Таким образом, антикоррупционная экспертиза, как и криминологическая имеют общую цель проведения исследования – оказать предупредительное воздействие на причины и условия коррупционных деяний. В данном случае и при проведении криминологической экспертизы и антикоррупционной – субъекты проведения обя-

заны разработать конкретные способы устранения коррупциогенных факторов, а также разработать профилактические меры, блокирующие негативные последствия действий государственных органов, их должностных лиц и иных субъектов правоотношений.

Различаются исследуемые экспертизы разным объектом предупредительного воздействия. Объектом криминологической экспертизы является предупреждение, как правило, преступности, в том числе коррупционной, а объектом воздействия антикоррупционной экспертизы является профилактика антикоррупционных правонарушений.

Таким образом, антикоррупционная и криминологическая экспертизы, с одной стороны, имеют схожие цели и одинаковую методологию проведения исследования, а с другой стороны, имеют разные объекты воздействия, а также разный законодательный статус.

По мнению автора, антикоррупционную экспертизу можно было бы считать подвидом криминологической, исходя из цели ее проведения, однако криминологическая экспертиза никак законодательно не регламентирована, поэтому представляется необходимым относить антикоррупционную экспертизу к самостоятельным видам исследования.

На основании исследованных различных видов экспертиз и их правовой сущности, можно сделать вывод, что сущностью антикоррупционной экспертизы является выявление коррупциогенных факторов в исследуемых НПА и проектов НПА и разработка мер по их устранению.

В соответствии с проведенными выше разграничениями, для автора становится очевидным, что антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом исследования, не относящимся ни к одному виду какой-либо экспертизы, однако соединяющая в себе признаки правовой, судебной и криминологической экспертиз.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза – это самостоятельный правовой институт, занимающий одно из основных мест в системе предупреждения коррупционных деяний.

Учитывая, что антикоррупционная экспертиза является самостоятельным видом экспертизы, то как и любая другая, она должна иметь свою классификацию, что еще раз может подтвердить тот факт, что антикоррупционная экспертиза носит самостоятельный характер.

В научной литературе выделяют следующие виды антикоррупционной экспертизы, в зависимости от оснований для их классификации:

- 1) по субъекту назначения выделяют: экспертизу, проводимую уполномоченными должностными лицами, которые принимали участие в разработке НПА, экспертизу, проводимую уполномоченными лицами Прокуратуры РФ и Минюста РФ и экспертизу, проводимую организациями, аккредитованными Минюстом РФ;
- 2) в зависимости от предмета исследования выделяют: экспертизу НПА, имеющего юридическую силу и экспертизу проекта НПА;
- 3) по основаниям проведения выделяют: экспертизу, назначение которой предусмотрено законодательством, экспертизу по инициативе лица, имеющего полномочия на проведение антикоррупционной экспертизы, и другие виды [4].

Существующая на сегодняшний день модель исследуемой экспертизы НПА и проектов НПА представляет собой наиболее результативную меру борьбы с коррупционными деяниями, которая успешно встраивается в систему обеспечения антикоррупционной безопасности на правах самостоятельного структурного элемента – антикоррупционной меры безопасности [7]. Институт антикоррупционной экспертизы НПА и проектов НПА является самостоятельным видом экспертного исследования и неотъемлемой частью всего законотворческого процесса, что способствует повышению эффективности мер профилактики коррупционных правонарушений.

Литература

1. Акунченко Е. А. Таксономические координаты антикоррупционной экспертизы // *Russian Journal of Economics and Law*. 2025. Т. 19, № 1. С. 110–125.
2. Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Сущность антикоррупционной экспертизы как вида правовой экспертизы // *Вестник Сибирской академии права, экономики и управления*. 2012. № 1 (5). С. 20–23.
3. Митин А. Н., Рассохин А. В., Хазанов С. Д. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. 100 с.

4. Сорокин М. С. Проблема содержания и сущности антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов // Эволюция российского права : материалы XXII Междунар. науч. конф. Мол. ученых и студентов, Екатеринбург, 25 апр. 2024 г. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2024. С. 85–95.

5. Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10 (154). С. 5–13.

6. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 100–108.

7. Щедрин Н. В., Дамм И. А. Антикоррупционные меры безопасности : монография. М. : Проспект, 2020. 496 с. URL: <https://books.ru/bookshelf/380239/reading> (дата обращения: 27.04.2026).

УДК 328.185:334.72(470.4)

С. С. Гладких

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА: ПОЛИТИКО-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Анализируется феномен институциональной коррупции в ресурсных регионах России на основе политико-сетевого подхода. Рассматриваются механизмы формирования коррупционных сетей, связь «ресурсного проклятия» с институциональными дефектами и особенности взаимодействия власти и бизнеса в ресурсных экономиках. Эмпирической базой выступают кейсы Кузбасса и других ресурсных субъектов РФ. Особое внимание уделяется технологиям противодействия коррупции, включая сетевой анализ и алгоритмические методы выявления рисков. Делается вывод, что эффективная антикоррупционная политика в ресурсных регионах требует перехода от точечных репрессивных мер к системной трансформации институциональной среды и внедрению сетевых методов мониторинга.

Ключевые слова: институциональная коррупция, ресурсные регионы, политико-сетевой анализ, ресурсное проклятие, Кузбасс, антикоррупционная политика, коррупционные сети.

S. S. Gladkikh

Kemerovo State University, Kemerovo

INSTITUTIONAL CORRUPTION IN RESOURCE-TYPE REGIONS: POLITICAL NETWORK ANALYSIS AND COUNTERACTION TECHNOLOGIES

The article analyzes the phenomenon of institutional corruption in resource-type regions of Russia based on a political network approach. The mechanisms of corruption network formation, the link between the "resource curse" and institutional defects, and the specifics of state-business interaction in resource economies are examined. The empirical basis consists of cases from Kuzbass and other resource regions of the Russian Federation. Special attention is paid to anti-corruption counteraction technologies, including network analysis and algorithmic risk detection methods. The author concludes that effective anti-corruption policy in resource regions requires a shift from targeted repressive measures to systemic transformation of the institutional environment and the introduction of network-based monitoring methods.

Keywords: institutional corruption, resource-type regions, political network analysis, resource curse, Kuzbass, anti-corruption policy, corruption networks.

Коррупция в регионах ресурсного типа давно перестала восприниматься исследователями как совокупность отдельных злоупотреблений. Сегодня очевидно, что речь идет о системном институциональном явлении, глубоко укорененном в структуре отношений между властью, бизнесом и обществом. Как справедливо отмечают М. А. Мартынов и С. Н. Чирун, процесс ротации региональных элит в ресурсных субъектах России отличается высокой степенью контроля со стороны федерального центра, тесной интеграцией с бизнес-интересами, устойчивыми патронажными сетями и значительными коррупционными рисками. Это демонстрирует ключевую особенность институциональной коррупции в ресурсных регионах – её сетевой, самовоспроизводящийся характер, при котором коррупционные практики становятся неотъемлемым элементом политико-административного режима.

В отличие от индивидуальных коррупционных деяний, институциональная коррупция встраивается в рутинные процедуры принятия решений, распределения ресурсов и формиро-

вания элит. Она не сводится к действиям отдельных «нечестных чиновников», а представляет собой свойство институциональной среды, в которой коррупционные ожидания становятся нормой, а антикоррупционные механизмы – формальностью. Дж. Бережнова в исследовании, опубликованном в журнале *Economic Sociology*, выделяет три перспективы изучения коррупции в организационной социологии: социально-сетевой анализ, теорию ресурсной зависимости и неинституционализм [1]. Как видим, именно социально-сетевой анализ позволяет исследовать межличностные связи между коррумпированными субъектами и посредниками, выявляя устойчивые конфигурации коррупционных сетей.

Цель данной статьи – выявить механизмы институционализации коррупции в регионах ресурсного типа и предложить технологии противодействия, учитывающие сетевую природу коррупционных практик на основе политико- сетевого анализа. Эмпирической базой выступают кейсы Кемеровской области – Кузбасса как классического примера российского региона моноресурсной специализации, а также данные по другим ресурсным субъектам РФ.

Известно, что феномен «ресурсного проклятия» как ситуации, при которой богатые природными ресурсами страны демонстрируют более низкие темпы экономического роста и худшие показатели качества институтов, чем страны с менее значительными ресурсными запасами, был впервые описан Р. Оти в 1993 г. В дальнейшем он получил развитие в работах Дж. Сака и Э. Уорнера.

Особого внимания заслуживает концепция «институционального проклятия», Её ключевой тезис заключается в том, что слабость институтов и сопутствующее незаконное поведение являются не следствием ресурсного изобилия, а его необходимым условием. Иными словами, коррупция в ресурсных регионах укоренена не столько в самом наличии природных ресурсов, сколько в характере институтов, регулирующих доступ к ним и распределение рентных доходов. Там, где «ресурсное проклятие» существует, оно, вероятно, коренится в более глубокой политической экономии институтов, а не в экономическом управлении как таковом.

Для российских ресурсных регионов этот тезис имеет прямое эмпирическое подтверждение. Исследование М. О. Пяткова и С. Н. Чируна, посвященное политическим аспектам взаимодействия власти и бизнеса в Кузбассе, показывает, что экстрактивные ренты не только укореняют привилегии элит, но и вызывают макрофискальную волатильность, ослабляют государственное финансовое управление и подрывают легитимность механизмов демократического надзора [2]. При этом ключевыми моделями взаимодействия выступают корпоративизм, клиентелизм и неформальные практики.

Политико-сетевой анализ коррупции предполагает рассмотрение коррупционных отношений как устойчивых конфигураций связей между акторами, обладающими различными ресурсами и позициями в социальном пространстве. Российский исследователь В. Л. Римский отмечает, что отечественные региональные и местные элиты разделены на клики и кланы, соперничающие за доступ к ресурсам. Клановая структура элит определяет высокую значимость неформальных связей в процессах рекрутирования новых членов [3]. Для регионов ресурсного типа характерен особый тип коррупционных сетей – патронажно-клиентарные сети, центрированные вокруг контроля над распределением ресурсной ренты. Такие сети отличаются высокой степенью централизации: ключевые узлы (губернаторы, главы ресурсодобывающих корпораций, руководители контролирующих органов) аккумулируют контроль над основными потоками ренты и выступают «патронами» по отношению к клиентеле [4].

На примере холдинга СДС проявилось, что даже смена губернатора не разрушает базовую конфигурацию сетей [5]. В этой связи требуется разработка специализированного методологического инструментария. Как подчеркивается в исследовании проекта BRIDGE GAP (European Commission), современные методы позволяют соединять данные из разных стран для картирования коррупционных сетей и отслеживания скрытых активов [6]. Алгоритмические инструменты дают возможность как исследователям, так и общественности изучать и понимать структуру коррупции.

К числу ключевых параметров сетевого анализа относятся, прежде всего, центральность узлов – выявление акторов, через которые проходят основные потоки ресурсов и ин-

формации в коррупционной сети. Высокая степень центральности свидетельствует о существовании «узких мест», воздействие на которые может нарушить функционирование всей сети. Важна также плотность сети – соотношение реально существующих связей к максимально возможному их числу: высокая плотность характерна для закрытых коррупционных кланов, тогда как разреженные сети указывают на более фрагментированный характер коррупционных практик. Не менее значимо понятие структурных дыр – позиций, позволяющих актору быть связующим звеном между различными, не связанными напрямую частями сети. Акторы, занимающие такие позиции, обладают значительным «посредническим капиталом» и часто выступают ключевыми коррупционными посредниками. Наконец, анализ кластеризации позволяет выявлять устойчивые подгруппы (клики, кланы) внутри коррупционной сети, связанные более интенсивными внутренними связями.

Исследование Дж. Вакса, М. Фазекаша и Я. Керреса, основанное на анализе более 4 млн контрактов в сфере государственных закупок в странах Европейского Союза, показало, что высокоцентрализованные рынки имеют тенденцию к более высокому коррупционному риску. При этом в разных странах коррупционный риск может быть кластеризован по-разному: иногда в центре рынка, иногда на периферии. Это означает, что один и тот же уровень коррупционного риска может иметь совершенно разные распределения, а следовательно, различные меры антикоррупционной политики необходимы в разных странах. Для российских ресурсных регионов это означает, что унифицированные федеральные антикоррупционные стратегии обречены на неэффективность. Необходима адаптация инструментов к конкретной конфигурации коррупционных сетей в каждом регионе – и здесь сетевой анализ становится не просто академическим инструментом, а практическим средством диагностики [7].

Институциональная коррупция в ресурсных регионах воспроизводится через несколько взаимосвязанных механизмов. Первый из них – регуляторный захват. Ресурсные корпорации, будучи ключевыми налогоплательщиками и работодателями, получают возможность влиять на содержание и применение нормативных актов, регулирующих недропользование, экологический контроль и распределение лицензий [8].

Как отмечается в исследовании, посвященном горнодобывающему регуляторные органы, якобы созданные для деполитизации и профессионализации управления ресурсами, на деле становятся местами политического соперничества и сговора. Регуляторная независимость структурно подчинена рентным императивам. Аналогичные процессы наблюдаются и в российских ресурсных регионах.

Второй механизм – клиентелистское распределение государственных контрактов и субсидий. В условиях высокой концентрации ресурсной ренты государство выступает одновременно и основным заказчиком (через инфраструктурные проекты, социальные программы и т. д.), и главным распределителем ресурсов. Это создает благоприятную среду для коррупционных схем, в которых «свои» фирмы получают контракты, а бюджетные средства расходуются по неформальным каналам [9].

Третий механизм связан с элитной циркуляцией и рекрутированием (В. Л. Римский). Разделяем мнение, что российские региональные и муниципальные элиты являются замкнутыми в том смысле, что административные, политические, общественные и иные карьеры осуществляются почти исключительно внутри их сообществ; исключения крайне редки. Принцип «лояльность, а не компетентность» становится главным критерием карьерного продвижения, что не только способствует коррупции, но и препятствует институциональным реформам.

Наконец, четвертый механизм – «мягкая» институционализация антикоррупционных процедур. Формально в регионах ресурсного типа созданы все необходимые антикоррупционные структуры – комиссии по противодействию коррупции, управления по профилактике коррупционных правонарушений и т. д. Однако, как показывают исследования, эти институты часто функционируют как «бумажные»: они создают видимость борьбы с коррупцией, не затрагивая реальных механизмов принятия решений. С. Н. Чирун и С. С. Гладких в своем исследовании антикоррупционной политики в современной России отмечают, что такие ме-

ры зачастую не учитывают потенциала общественных настроений, требований и сетевой гражданской активности [10].

Анализ сетевой природы институциональной коррупции в ресурсных регионах позволяет сформулировать требования к технологиям противодействия. Эти технологии должны быть направлены не столько на наказание отдельных нарушителей (что необходимо, но недостаточно), сколько на трансформацию самой институциональной среды и разрушение коррупционных сетей.

Применение методов сетевого анализа для выявления коррупционных рисков может включать анализ сетей государственных закупок с целью выявления «аномальных» конфигураций (повторяющиеся пары заказчик-подрядчик, высокая централизация), анализ сетей аффилированности между чиновниками, депутатами и бизнес-структурами, а также мониторинг потоков бюджетных средств через межбюджетные трансферты и субсидии. Как показывает опыт европейского проекта BRIDGEGAP, создание открытых «хабов данных», объединяющих разрозненные базы и предоставляющих аналитические инструменты в распоряжение исследователей и общественности, является эффективным средством повышения прозрачности.

Поскольку институциональная коррупция процветает в условиях высокой дискреционности принятия решений и низкой транспарентности, ключевым направлением противодействия становится внедрение антикоррупционного институционального дизайна. Речь идет об автоматизации и формализации процедур распределения лицензий и квот на недропользование, введении обязательной публичной экспертизы крупных инфраструктурных проектов с участием независимых экспертов и общественности, создании механизмов «случайного отбора» для распределения рентных доходов между муниципальными образованияами, а также развитии открытых бюджетных данных и краудсорсингового мониторинга их исполнения.

Как отмечают исследователи, важным условием повышения эффективности антикоррупционной политики является сетевое публичное управление, в котором сила интеграции и солидарности общества формирует сеть коммуникативной власти [4]. Однако в условиях снижения интереса гражданского общества к участию в публичной политике на основе формальных механизмов граждане активно осваивают возможности цифровых коммуникаций для кооперации.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что даже самые совершенные антикоррупционные технологии сталкиваются с системными ограничениями. Во-первых, как убедительно показывает кейс с задержанием бывшего первого заместителя министра обороны России Руслана Цаликова (обвиняемого в организации преступной группы, участники которой присвоили более 6,6 млрд руб. через завышенные закупки вещевого имущества), антикоррупционные преследования могут носить выборочный характер и использоваться как инструмент внутриэлитной борьбы. Ключевой вопрос, как отмечается в аналитическом материале Jamestown Foundation, заключается в том, изменит ли президент России Владимир Путин систему или просто заменит бенефициаров коррупции.

Во-вторых, технологические решения (открытые данные, алгоритмический мониторинг и т. д.) не являются панацеей. Они могут быть кооптированы теми же акторами, против которых направлены, или использованы для имитации реформ при сохранении реальных механизмов коррупции. В-третьих, как показывает анализ, проведенный в работе «The Resource State», слабость институтов является сильным фактором, способствующим ресурсному проклятию, но условия, при которых создаются сильные институты, в значительной степени игнорируются. Создание сильных институтов в ресурсных регионах требует не только административной воли на федеральном уровне, но и изменения баланса сил между элитными группами – что является политической, а не технологической задачей.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Институциональная коррупция в ресурсных регионах России носит системный, сетевой характер: она не сводится к отдельным злоупотреблениям, а представляет собой свойство инсти-

туциональной среды, в которой коррупционные практики рутинизированы, а антикоррупционные механизмы формализованы. Ключевым фактором, связывающим ресурсное изобилие с коррупцией, выступает не само наличие ресурсов, а характер институтов, регулирующих доступ к ним и распределение рентных доходов. «Ресурсное проклятие» – это, прежде всего, «институциональное проклятие».

Политико-сетевой анализ предоставляет эффективный инструментарий для диагностики коррупционных рисков в ресурсных регионах. Выявление центральных узлов коррупционных сетей, структурных дыр и зон кластеризации позволяет адресно воздействовать на наиболее уязвимые точки системы. Эффективная антикоррупционная политика в ресурсных регионах должна сочетать три группы мер: репрессивные меры в отношении наиболее значимых коррупционных сетей; институциональные реформы, снижающие дискреционность принятия решений и повышающие прозрачность; развитие механизмов общественного контроля, включая краудсорсинговые и цифровые платформы. При этом технологические решения (открытые данные, алгоритмический мониторинг, сетевой анализ) являются необходимым, но недостаточным условием успешного противодействия. Без политической воли и изменения баланса сил между элитными группами они рискуют остаться формальными инструментами, не затрагивающими реальных механизмов распределения ресурсной ренты.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методики количественного сетевого анализа коррупционных рисков для российских ресурсных регионов с использованием данных государственных закупок, деклараций о доходах и расходах чиновников, реестров аффилированных лиц; на сравнительный анализ эффективности различных антикоррупционных стратегий в регионах с разной отраслевой специализацией (угольные, нефтегазовые, лесные и т. д.); а также на изучение практик «низового» противодействия коррупции и условий их институционализации.

Литература

1. Berezhnova J. Networks, Resources, and Isomorphism: Corruption from Organizational Sociology Perspective // *Economic Sociology*. 2023. Vol. 24, N 5. P. 128–147.
2. Пятков М. О., Чирун С. Н. Политические аспекты взаимодействия власти и бизнеса в условиях регионов ресурсного типа // *Власть*. 2025. Т. 33, № 5. С. 162–169.
3. Римский В. Л. Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // *Власть и элиты*. 2014. Т. 1, № 1. С. 318–329.
4. Чирун С. Н., Гладких С. С. Региональные аспекты политической коррупции: методы и технологии // *Вестник БИСТ* (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2 (63). С. 45–52.
5. Чирун С. Н., Пятков М. О. Проблемы эффективности взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти в регионах ресурсного типа // *Вестник БИСТ* (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2 (67). С. 169–173.
6. BRIDGE GAP: Bridging the Gaps in Evidence, Regulation and Impact of Anticorruption Policies // European Commission CORDIS. Project ID: 101132483.
7. Чирун С. Н., Гладких С. С. Коррупция как политический феномен: современные процессы и технологии // *Власть*. 2023. Т. 31, № 4. С. 15–21.
8. Мартынов М. А., Чирун С. Н. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах РФ ресурсного типа // *Власть*. 2024. № 5. С. 116–122.
9. Чирун С. Н., Гладких С. С. Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 2. С. 139–147.
10. Чирун С. Н., Гладких С. С. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9, № 2. С. 183–197.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

На основании данных комплексного обследования условий жизни населения анализируется удовлетворенность размером заработка, режимом работы, условиями труда, а также выполняемой работой жителями Ставропольского края возрастом старше 15 лет.

Ключевые слова: удовлетворенность работой, заработок, режим работы, условия труда, качество жизни.

А. Е. Kizilova

Federal state statistics service for the North Caucasus federal district, Stavropol

WORK SATISFACTION AS A FACTOR OF THE QUALITY OF LIFE IN THE STAVROPOL TERRITORY

The article discusses the concept of job satisfaction. Based on the data of a comprehensive survey of the population's living conditions, the article analyzes the satisfaction with the amount of earnings, working hours, working conditions, and job satisfaction among residents of the Stavropol Territory over the age of 15.

Keywords: job satisfaction, earnings, working hours, working conditions, quality of life.

Качество жизни населения является главным показателем социально-экономического прогресса. Важнейшим индикатором благополучия выступает общая удовлетворенность жизнью, которая складывается из удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности. В ряду этих сфер важное место занимает работа. Вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью будет иметь разную значимость для мужчин и женщин. Согласно традиционным гендерным ролям, для мужчин работа является основным видом деятельности, а для женщин – вторичным, так как на женщинах лежит основное бремя неоплачиваемого домашнего труда.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью является одним из важнейших маркеров качества жизни современного человека. Результаты научных изысканий однозначно свидетельствуют: данный показатель напрямую коррелирует с субъективным ощущением благополучия, эмоциональным состоянием личности и умением выстраивать баланс между служебными обязанностями и частной сферой. Помимо этого, степень удовлетворенности работой оказывает комплексное воздействие, а именно влияет на психоэмоциональное здоровье, уровень доходов, возможности карьерного и профессионального роста, а также на степень общественного уважения и признания заслуг [1].

Удовлетворенность трудом – это не просто личное мнение сотрудника, а важный управленческий инструмент. Для руководителей данный показатель служит ценным источником информации: он помогает выявлять проблемные зоны, принимать обоснованные решения по улучшению микроклимата в коллективе и повышению эффективности работы. В глобальном смысле удовлетворенность трудом можно считать интегральным индикатором общего благополучия человека он объединяет профессиональные, социальные, психологические и материальные составляющие его жизни [2; 3].

На основании данных комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) за 2024 г. была проанализирована удовлетворенность размером заработка населения Ставропольского края, старше 15 лет, в частности произведено сравнение ответов респондентов по гендерному признаку (рис. 1). Данные графика показывают, что мужчины более удовлетворены размером своего заработка, чем женщины и разница существенная (15,8 %). Это можно объяснить тем, мужчины, обыкновенно, занимают должности с более высокой оплатой труда, чем женщины.

Рис. 1. Удовлетворенность размером заработка жителями Ставропольского края старше 15 лет, % [4]

Кроме того, по результатам КОУЖ за 2024 г. была проанализирована удовлетворенность жителями края режимом своей работы (рис. 2). Данные показывают, что с небольшим перевесом женщины более удовлетворены своим режимом, так как мужчины, чаще женщин работают в местах с ночными сменами, что отрицательно влияет на удовлетворенность.

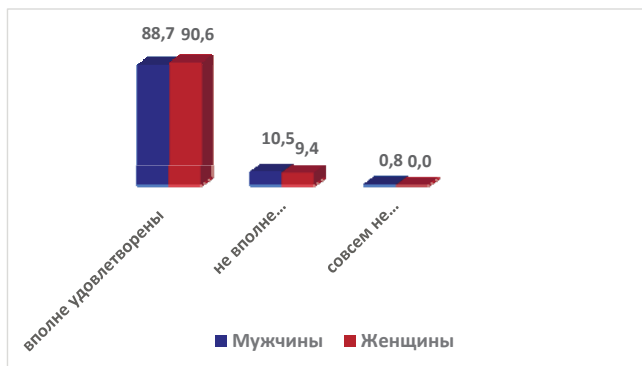

Рис. 2. Удовлетворенность режимом работы жителями Ставропольского края старше 15 лет, % [4]

Анализ удовлетворенности условиями труда жителями края Ставропольского края показывает, что с небольшим перевесом женщины более довольны условиями своего труда, чем мужчины, так как мужчины чаще работают в местах с более тяжелыми условиями труда – на стройках, складах, заводах. Однако в целом разница между полами в уровне удовлетворенности режимом работы невысока – всего 1,9 % (рис. 3).

Удовлетворенность от выполняемых обязанностей жителями края показывает, что женщины немного менее довольны своими обязанностями на работе чем мужчины, но в целом эти различия незначительны (рис. 4).

Рис. 3. Удовлетворенность условиями труда жителями Ставропольского края старше 15 лет, % [4]

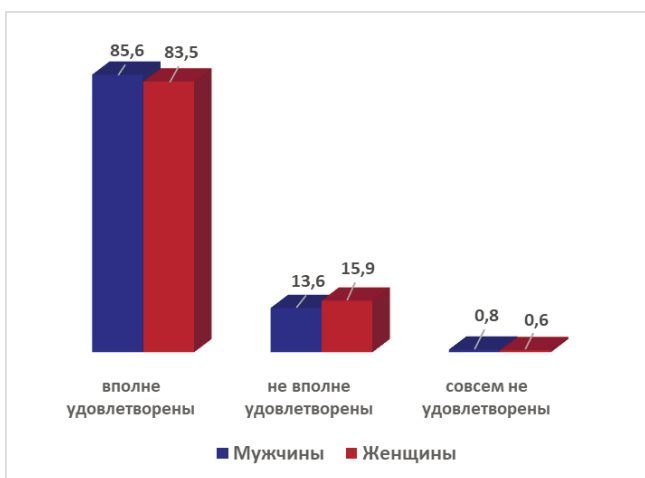

Рис. 4. Удовлетворенность от выполняемых обязанностей жителями Ставропольского края старше 15 лет, % [4]

В результате исследования было выявлено, что удовлетворённость трудом является одним из важнейших факторов качества жизни населения. Результаты сравнения факторов удовлетворенности трудом по гендерному признаку показали, что наибольшие различия во мнении мужчин и женщин Ставропольского края, старше 15 лет отмечены в удовлетворенности размером заработка. Удовлетворённость режимом работы, условиями труда и в целом от выполняемой работы показала, что и мужчины и женщины вполне довольны ими, что говорит об общей положительной тенденции в оценке работы жителями Ставропольского края.

Литература

1. Бельчик Т. А. Удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности как фактор роста производительности труда // Фундаментальные исследования. 2013. № 8 (часть 6). С. 1430–1433.

2. Закирова А. Ф. Удовлетворенность трудом как составляющая качества трудовой жизни // Вестник науки. 2020. Т. 2, № 4 (25). С. 16–19. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/2971> (дата обращения: 19.03.2026).

3. Лукина А. В. Мотивация и удовлетворенность работой // Исследования молодых ученых : материалы XII Междунар. науч. конф. Казань, июль 2020 г. Казань : Молодой ученый, 2020. С. 40–41.

4. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (Северо-Кавказстат) : офиц. сайт. URL: <https://stavstat.gks.ru/> (дата обращения: 21.03.2026).

УДК 316.74:294.321:615.89(571.53/571.54)

Н. А. Кузнецова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В. В. Партиллаев

Религиозное объединение буддистов «Дацан Гунзэчойнэй», г. Санкт-Петербург

БУДДИЗМ И ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА КАК ВАЖНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Отмечается, что наследие тибетской медицины активно исследуется в Забайкальском крае и Республике Бурятия: публикуются на русский язык переводы основных тибетских медицинских сочинений, экспериментально изучаются средства и методы тибетской медицины и возможность их интеграции в современное здравоохранение. Обосновывается, что введение в научный оборот социокультурной информации является не только стимулом для развития медицинского и научно-познавательного туризма в Забайкальском крае и Республике Бурятия, но и вкладом в изучение актуальной проблемы сохранения культурного наследия в контексте глобальных трансформаций и локальных процессов.

Ключевые слова: культурное наследие, буддизм, религиозный опыт, тибетская медицина, социальные процессы.

N. A. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

V. V. Partilhaev

Buddhist Religious Association “Datsan Gunzechoyney”, Saint-Petersburg

BUDDHISM AND TIBETAN MEDICINE AS AN IMPORTANT SOCIO-CULTURAL RESOURCE FOR REGIONAL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF ZABAISKALSKY KRAI AND THE REPUBLIC OF BURYATIA)

The legacy of Tibetan medicine is actively studied in the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory, and translations of the main Tibetan medical works into Russian are being published. Experimental studies are being conducted to investigate the means and methods of Tibetan medicine and their potential integration into modern healthcare. The introduction of sociocultural information into scientific discourse is not only an incentive for the development of medical and scientific tourism in the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory, but also a contribution to the study of the current issue of preserving cultural heritage in the context of global transformations and local processes.

Keywords: cultural heritage, Buddhism, religious experience, Tibetan medicine, social processes.

В сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей социология решает несколько важных задач: изучает значение этих ценностей как основы формирования мировоззрения, передачу опыта от поколения к поколению, прогнозирует пути, способствующие укреплению гражданского единства. Буддизм и тибетская медицина, как неотъемлемые части традиционной культуры бурят, уже более 300 лет занимают важное место в социальной жизни населения этих территорий. В конце XVII–XVIII вв. местное население приняло буддийскую веру и ее неотделимую часть – тибетскую медицину как необходимое условие выживания в сложных природных, социальных и политических условиях, ассимилировало эту новую религию и органично ввело в нее верования своих предков. После Октябрьской революции, во время антирелигиозной борьбы, буддийская община была уничтожена, разгромлены буддийские монастыри, а ламы расстреляны или отправлены в лагеря. Тем не менее буддизм

настолько глубоко проник в сознание и быт широких масс населения, что во время войны лишенные юридических прав и большей части образованных лам, буряты, сохранившие веру, заняли активную патриотическую позицию, помогали фронту.

История буддизма в этнической Бурятии опубликована в трудах Н. Л. Жуковской [6], Г. Р. Галдановой, К. М. Герасимовой, Д. Б. Дашиева и др. [3], Ф. Л. Синицина [13], Л. В. Зандановой, А. В. Паламарчук [7], исследована Г. Е. Манзановым [9] и др. Исследования, посвященные особенностям социокультурного проектирования этнокультурной деятельности с целью сохранения культурного наследия и актуализации традиционных ценностей, были проведены в Агинском Бурятском округе. Это исследование инициировано тем, что социальные изменения XX в. по-разному отразились на жизни бурятских семей: многие оказались отрезанными от семьи и малой родины. Это обусловило актуальность таких социальных практик, как создание семейных и родовых сообществ в мессенджерах, издание родословных книг и альбомов, проведение праздников почитания рода с целью поддержания родовых связей в условиях расселения по стране и всему миру. Забайкальская региональная общественная организация «Агинский центр развития музейного дела» осуществляет социальные проекты для возрождения аутентичной культуры, передающей традиционные ценности без искажений, но в соответствии с требованиями изменившегося социума. Показано, что субъектами, инициирующими инновационные социальные практики по возрождению культурного ядра народа, являются родовые общины и социальные группы ровесников [10]. Исследованию трансформации духовных ценностей бурятского этноса на фоне глобализации посвящена публикация И. Б. Галсановой [4]. Автор считает, что важными социокультурными факторами интенсификации этнокультурного взаимодействия, развития и распространения научных знаний являются урбанизация, увеличение роли и объема получаемой информации, в том числе информации общепланетарного характера, ускорение темпов развития человечества и другие явления современной действительности. По мнению автора состояние бурятской культуры в значительной степени зависит от позиции и практической деятельности представителей бурятского этноса. Диссертационное исследование, посвященное выявлению этнокультурных тенденций и определению перспектив сохранения и дальнейшего развития традиционных культур коренных народов России на примере бурятского этноса выполнено М. В. Рындиной [12]. Она установила, что уровень сохранности традиционной культуры современных бурят достаточно высок и что факторы устойчивости традиционной культуры бурят включают бытовую культуру, социально-нормативную культуру и этническое самосознание. Проводимые этнологические и социологические исследования показывают, что в настоящее время социальные процессы, религиозный опыт и традиции бурятского народа, религия как значимый инструмент этнической идентификации, наследие тибетской медицины и опыт бурятских эмчи-лам являются актуальными темами исследования для социально-экономического развития региона [2; 9; 11]. Культурное наследие помогает народам сохранять свою идентичность, укрепляет национальную гордость, обеспечивает чувство принадлежности, играет важную роль в образовании и воспитании, способствуя развитию исторического сознания. Сохранённые культурные объекты привлекают туристов, создают рабочие места, улучшают инфраструктуру регионов, что положительно влияет на уровень жизни населения.

Важное место в реализации потенциала тибетской медицины, как части культурного наследия, занимает академическое направление в изучении тибетских медицинских сочинений и практики бурятских лам-эмчи. В 2001–2014 гг. в издательстве «Наука – Восточная литература» (г. Москва) опубликована серия «Библиотека тибетской медицины» в которой представлены переводы на русский язык всех основных медицинских сочинений. Публикация серии «Библиотека тибетской медицины» открывает доступ исследователей к огромному блоку социокультурной информации, которая пока не введена в научный оборот, представляет интерес для специалистов разных направлений (социологов, культурологов, философов, этнологов, религиоведов и др.) и, кроме этого, является важным социокультурным ресурсом развития региона.

Проблема сохранения культурного наследия в контексте глобальных трансформаций и локальных процессов в настоящее время актуальна и обусловила наше обращение к трудам классиков конца XX в., в которых изложены самые разные аспекты работы с такими массивами информации. В работах Л. Н. Гумилева [5] и Ю. М. Лотмана [8] рассмотрены сложнейшие механизмы этногенеза и культуры, в деталях изложены разные фазы взаимодействия этносов между собой и с окружающей природой; историческое развитие и контакты с другими народами, формирование культурных особенностей этносов, социальных институтов под влиянием природных условий и биосферы в целом. По Ю. М. Лотману семиосфера – одновременно результат и условие развития культуры [8, с. 251] и тибетская медицина, как часть культурного наследия, полностью укладывается в рамки очерченных событий в семиологическом пространстве: «Семиологическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками, которые, однако, хранят в себе память о целом и попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться...» [8, с. 101]. Периодические гонения на буддизм и тесно связанную с ним тибетскую медицину, последующее их возрождение и успешное продвижение за пределы первоначального ареала, как правило, сопровождается именно «бурной реставрацией» – качественными изменениями в понимании проблемы. Примером тому являются упомянутые нами события начала XX в., когда на территории этнической Бурятии в результате антирелигиозной борьбы, казалось бы, были выкорчеваны корни буддизма и тибетской медицины. Но уже в конце XX – начале XXI в. тема «Описание лечебных и фармакологических свойств лекарственных средств тибетской медицины» была включена в планы исследований Госкомитета по науке и технике при Совете министров СССР и утверждена постановлением в 1968 г., а впоследствии данные исследования были продолжены в Российской академии наук и сегодня обретают совсем иное звучание.

При анализе публикаций социологической направленности установлено, что большая часть исследований сосредоточена на таких ключевых аспектах как: динамика сохранения, трансформации и передачи традиций, актуальные традиционные ценности для разных поколений, трансформация или утрата не актуальных знаний, степень религиозности населения, практика соблюдения обрядов, роль религиозных институтов в сохранении культурных традиций. Это те вопросы, которые помогают понять, как бурятская культура адаптируется к изменениям, какие факторы влияют на её сохранение и какие вызовы существуют. При этом вне поля зрения остаются исследования по вопросам сохранения физического и психического здоровья с привлечением опыта традиционной медицины, т. е. вопросы так называемого медицинского туризма, имеющее прямое отношение к социокультурному развитию региона. Поэтому в настоящее время предполагается проведение социологических исследований по вопросам сохранения физического и психического здоровья с привлечением практик традиционной медицины. Будет проведено анкетирование среди населения и экспертные интервью с участием ведущих специалистов в данной области для выяснения уровня осведомленности населения о тибетской традиции врачевания, востребованности услуг лам-эмчи, средств, методов лечения и духовных практик на примере Забайкальского края и Республики Бурятия; сделан анализ образовательной деятельности школ, центров тибетской медицины и предложены рекомендации по интеграции средств и методов тибетской медицины в практику современного здравоохранения.

Литература

1. Аюшеева Л. В. Тибетская медицина в России. Улан-Удэ : Изд-во БЦ «Ринпоче-багша», 2007. 164 с.
2. Бымбыгденова С. Б. Буддийское духовенство в процессе социальной активизации // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Пятые Доржиевские чтения. СПб. : Гиперион, 2013. С. 70–72.
3. Ламаизм в Бурятии XVIII начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. Новосибирск: Наука, 1983. 239 с.
4. Галсанова И. Б. Трансформация духовных ценностей бурятского этноса на фоне глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 14 : Философия, социология, политология, культурология. С. 79–83.

- 544 с.
5. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М. : Институт Ди-Дик, 1997.
6. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, 1977. 199 с.
7. Занданова Л. В., Паламарчук А. В. Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е гг. : документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 93–98.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство СПб, 2000. 704 с.
9. Манзанов Г. Е. Религиозный опыт и традиции в культуре бурятского народа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2007. 31 с.
10. Намжилова Е. С. Социокультурное проектирование устойчивости ценностного ядра культуры бурят через реализацию социальных практик // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 37–41.
11. Перова Е. Ю. Этноэкономика как направление социально-экономического развития региона // Байкальские встречи – IX: этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона. Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВО ВСГИК, 2016. С. 402–419.
12. Рындина М. В. Сохранение традиционной культуры народа как проблема современной России: На примере бурятского этноса : дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. 178 л.
13. Синицын Ф. Л. Советская политика в отношении буддийской системы здравоохранения в 1920–1930-е гг.: реформы и репрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 2. С. 91–104.

УДК 159.923

Ю. А. Киселёв

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРОЕКТ ЖИЗНИ КАК ФОРМА СУБЪЕКТИВНОСТИ

Статья посвящена проблеме обретения своей самости, стремления к свободному развитию. Показано, что такая устремленность к самоизменению является средством сопротивления негативным обстоятельствам, которые тормозят обретение личностной свободы. Основные духовные ресурсы развития индивидуальности. Обращение внимание на некоторые специфические характеристики, составляющие сущность проектирования жизни, отражающего современные требования к специалисту.

Ключевые слова: внешние и внутренние вызовы среды, проект жизни, культурный код, определение вектора индивидуального развития.

Yu. A. Kiselev

Irkutsk State University, Irkutsk

THE LIFE PROJECT AS A FORM OF SUBJECTIVITY

This article explores the problem of self-discovery and the desire for free development. This commitment to self-transformation serves as a means of resisting negative circumstances that hinder the attainment of personal freedom and prevent an adequate response to contemporary threats to social and personal development. The article characterizes the key spiritual resources for individual development. The author draws attention to certain specific characteristics that constitute the essence of life design, reflecting the modern requirements for.

Keywords: external and internal challenges of the environment, life project, cultural code determination of the vector of individual development.

Внутри каждого из нас есть жгучее желание понять окружающий мир, адаптироваться к нему и выработать позитивно ориентированную стратегию жизни. Постепенно каждому человеку приходит осознание того, что его духовные установки помогают обрести свой смысл жизни и преодолеть такие искушения как апатию, неверие в свои силы, лень и избыточную праздность.

Счастлив тот, кто осознаёт грандиозность мироздания, кто открыт для познания тайн бытия, движется вперед навстречу любой загадке. Как однажды заметил Ричард Бах, наше время неуклонно движется от материального к духовному. Очень медленно движется, но этого движения не остановить.

В этом движении человека поддерживает способность удивляться, любопытство и любознательность. Это важно для специалиста любой профессии. Много людей стремится к покою, благополучию, комфортной жизни, не задают вопросы о смысле жизни, отменяют от

себя все сомнения, предпочитают стабильность движению вперед. Такая возможность искушает, вносит в нашу жизнь порядок, относительное спокойствие. Человек искренне верит, что все под контролем, все идёт по плану, любые перемены – это потеря устойчивости, не нужный риск.

Такая удобная, комфортная установка и стиль жизни имеет теневую сторону, тормозит возможность трансформации личности, гасит его творческое начало. В момент личного кризиса, внутренней неопределенности, когда смысла нет, интерес к жизни отсутствует. Ничто не волнует, не стоит усилий, ничего не значимо, все тлен и бессмысленность, суэта и беспокойство.

Внутренний голос, беседа с самим собой, оценивает поступки человека и говорит ему, когда он прав, когда нет. Диалог с самим собой провоцирует человека признать свою уникальность, отчужденность от общества, толпы. Полная растворенность человека в социальной системе, это скорее проблема экзистенциальная. Невозможно скрыться от своей уникальности. Это реальность жизни. Человеку необходимо обратиться к себе, чтобы измениться, вырваться из водоворота негативных жизненных сценариев, тупиковых установок.

Марсель Пруст в романе «Содом и Гоморра» ярко описал мучения человека от попыток избавиться от тягостных мыслей: «Прежде, просыпаясь, я всегда встречал улыбкой любую мелочь – чашку кофе с молоком, шум дождя, рёв ветра, а теперь я почувствовал, что день, который вот-вот настанет, и те дни, которые придут ему на смену, уже не принесут мне надежды на неведомое счастье – они будут только растягивать мои мучения» [3].

Где обнаружить такие «мелочи», которые возвращают тебя к жизни, как найти «надежду на неведомое счастье». На эти вопросы и ответы каждый даёт сам. Эмиль Левинас, как-то пронизительно заметил, что невозможность уклониться от подобного рода вопросов – вот что такое «Я».

Основной посыл нашей статьи состоит в том, чтобы каждый из нас рассматривал свою жизнь как не просто подарок судьбы, но и как возможность реализовать в себе творческие возможности. Для этого нужно двигаться дальше, начинать все с начала, прежде чем мы станем самодовольными, изнеженными и духовно инертными людьми. Нашими спутниками могут быть: стремление к новизне (А. Сосланд – концепция кайнерастии); состояние потока (Михай Чиксентмихайи – концепция потока); приближение перемен (Джон Коттер – модель внедрения изменений) и др.

Важная идея американского психолога Михая Чиксентмихайи состоит в том, что новые подходы, открытия рождаются в потоке. Это особенное состояние полной включенности человека в то, что он делает [4].

Как заметил философ Александр Пятигорский есть как минимум три реакции на внешние обстоятельства: игнорировать их, бороться с ними или приспособливаться. Какая из этих реакций самая выигрышная? Чтобы принять правильное решение, изменить ситуацию и самого себя, выбрать выигрышную стратегию поведения необходимо творческое решение [2].

Важен момент озарения, интуитивное понимание ситуации, понимание неизбежности решения, в соответствии с вызовами времени. Этот навык особенно востребован для специалистов, ориентированных на прогнозирование будущего.

К сожалению, чаще всего личность демонстрирует инертность духа, предпочитает стандартные решения. Не желают рисковать, изобретать новое, адекватное вызовам современного мира. Неэффективный выбор легко оправдывается: «не всем быть творцами», «обладание творческими навыками индивидуально», «талант – это редкое явление», «отсутствуют условия для реализации креативных практик» и т. п. Доминирующим становится стремление «оставить все как есть», снизить темп своей жизни, опираться на проверенные временем традиции, ориентироваться на проверенные временем и практикой формы деятельности.

В настоящее время перед человеком открыты невероятные возможности выбора – жизненных сценариев, стратегий развития, стилей жизни, социальных ролей. Необходима воля и решимость примерить и следовать наиболее перспективным стратегиям развития. Нужно понимание того, что человек несет ответственность за свою судьбу, путь, биографию.

Порой бывает трудно понять, почему из огромного количества жизненных сценариев, человек выбирает не самый лучший (перспективный, правильный, разумный). Можно вспомнить три негативных сценария: жизнь без радости, без любви и без ума. Три позитивных сценария: жить с любовью, верой, надеждой. Можно жить с установкой: не хочу, не могу, не буду. А можно жить с установкой: хочу, могу, буду. Еще Пушкин заметил, что мы ленивы и не любопытны. Определение личности Марселя Пруста: «Личность – это усилие быть» служит напутствием, следовать которому под силу каждому из нас.

Основание осознания себя как активной, творческой, преобразующей силы являются гуманитарная подготовка. Заметим, что в гуманитарных и социальных науках существует множество подходов, интерпретаций, конкуренция исследовательских программ («разнообразие победило»). Новые вызовы предполагают новые требования к участникам (субъектам) социальных изменений. Так современному этапу социального развития наиболее отвечают такие установки коллективов, групп и отдельных личностей как активность, стратегии достижения и предпринимательства, ориентация на успех, стремление к лидерству, самостоятельное определение траектории профессионального и личностного развития. Надо понять, что основанием сильной мотивации свободолюбия, совести и справедливости является системная гуманитарная подготовка специалиста. Это важное условие инновационного развития страны, всестороннего раскрытия потенциала специалиста.

Мы убеждены, что экспертная деятельность отличается динамичным развитием и огромными возможностями самореализации творческого человека. Эксперт – это проводник инновационных изменений в различных сферах жизни. Визионерская деятельность экспертов, творчество деятелей культуры и искусства – это основания невероятной духовной силы. Этих людей объединяет высочайший профессионализм, и желание творческого самовыражения. Этот ресурс даёт надежду, что земля сибирская жива и её жители способны нести эстафету созидания, новых открытий и благих устремлений. Однако любование красотой края, приверженность на словах к ментальным традициям сибирской земли, гордости за уникальность культуры края недостаточно. Сегодня эпицентр бытия этическая доминанта, с такими непреходящими ценностями как свобода, справедливость, ответственность за себя и свой край.

Нужно помнить (понимать), что неудовлетворенность иркутян как в стране решаются социальные проблемы, подспудно влияют на рост протестных настроений, вызывают реакцию недоверия, скепсиса, цинизма. Наш современник выступает против формальных общественно значимых мероприятий, не приемлют их пафосности и откровенной пропагандистской направленности. Вот где кроется болевая точка в организации работы с населением в современных условиях. Лозунги, призывы, рекламные посты, информационные ресурсы в целом не могут заслонить реальные жизненно важные вопросы организации общественной и индивидуальной жизни.

Код города, ментальная традиция, состояние настроя – позволяют нащупать жизненно важный нерв нашего бытия. Наблюдаемая нами мировоззренческая размытость, хаотизация и апатичность сознания, низкий порог чувствительности и эмпатии позволяет осознать противоречивость как кода города, так и его жителей. Нужно искать истоки, почву души сибиряка. Культурно-исторический разлом с невероятной силой раскрыт в творчестве сибирских писателей: В. Г. Распутина, Глеба Пакулова, А. Вампилова, О. Слободчикова, В. Гуркина, и др. Их талант, характер, творчество в целом, живое средоточие литературного Иркутска. Т. Г. Бусаргина, педагог, искусствовед, автор замечательных воспоминаний – очень точно определила ценность, которой обладают сибиряки: «В тесном взаимодействии они созидали то, что составляет ныне культурную историю края» [1].

Иркутские писатели сумели пережить и художественно исторически отразить глубоко внутренне противоречивое, нерасторжимое и в тоже самое вдохновляющее, прекрасное целое. Масштаб их личности, ощущений и нравственной силы помогают выстоять в наше время, неопределенное, смутное, кризисное.

Культурно-исторические концепты: дом, семья, детство, дар, индивидуальная картина мира, «жизнь как путешествие» и другие могут стать направлениями организации работы с

населением. Нас может объединить на первый взгляд утопическая интенция: переизобретение себя, осознание себя активным и ответственным субъектом, моральное торжество личности. Это сердцевина культурного кода, основание преобразования общества и личности. Позитивная атмосфера общества и каждого места проживания, достижения культуры региона и города, несомненно, окажут глубокое воздействие на психологию его обитателей. Необходимо уметь расставить акценты, чтобы понять, что есть нечто, что непосредственно может преобразовать личность. Четкое выражение культурного кода найдёт себя в психологических установках и жизненных стилях, сценариях и личностно значимых проектах, направленных на развитие своей субъективности, а значит и расширение степени своей свободы.

Проблема проблем, как помочь специалистам экспертной деятельности сформировать индивидуальный проект, «сценарий» своей жизни. Как разбудить в каждом его созидательный потенциал, пробудить в человеке его субъектность. Глубинная природа современного внутреннего конфликта между личностью и культурным кодом сибирской земли, родного города, ментальный и экзистенциальный разрыв. То есть нет чувства связи с родной землёй, малой родиной. Разорванность социального и личностного не вносит гармонию в консолидацию всех созидательных сил сибиряков. Наоборот, мы видим нарождающиеся противостояние: «кругом враги»; «Москва – отдельное государство», «страна упущенных возможностей», «живём в режиме выживания», «все против меня; никому нельзя доверять»; «будущее зыбко»; «мы заложники социальной системы»; «ценность отдельной личности ничтожна» и т. д.

Такой негативный настрой, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, повышенная тревожность, ощущение потери опоры действуют на социальную систему и отдельную личность разрушительно. Формальные призывы, лозунги объединяться, консолидироваться, ориентироваться на «совместность бытия» не работают. Красиво поданная пропагандистская информация о целях и задачах общества, переживающего трудные времена вызывает неприятие и отторжение. По умолчанию люди понимают, что всё не так хорошо, как показывают в информационных плакатах, картинках, рекламе, средствах массовой информации. Современный изощренный, привычный к мемам ум, неверие откровенному искажению фактов научился воспринимать любую информацию с юмором, иронией, отрицанием. Поверхностное созерцание манипулятивной информации в изощренной эстетической упаковке отвлекает от глубин бытия и события, от неодолимых вызовов и неразрешенных проблемах своего унылого экзистенциального бытия. Эстетическая волна, эстетическое созерцание временное состояние. Глаза упорно ищут что-то новое и убийное, ударов на чувства, на взрывные эмоции. Вместо того, чтобы заглянуть внутрь себя, услышать свой внутренний голос, человек скользит по поверхности и легко жертвует глубиной и серьёзностью. Преобладает желание комфортного потребления информации: от образа к образу, от символа к символу. На наших глазах происходит разрыв между словом и образом, смыслом и формой её подачи. Образы и символы, информация и знания, слова и знаки должны быть соразмерны и присущи молодым, и пожилым, учащимся и специалистам

Почти все мечтают о своём скромном земном счастье. Дихотомии «личность и общество»; «эгоизм и альтруизм»; «мечты и реальность» и др. о себе всё чаще напоминают о необходимости самоопределиться. Это важные элементы культурного кода прошлого и современного. Разломы идут по разным линиям: «Европа и Россия»; «традиция и современность»; «элита и народ»; «государство – человек»; «власть и общество»; «социальное и личностное»; «право и мораль»; «официоз и инакомыслие» и т. п. Попытки примирения этих крайностей не осуществимы. Утопическая идея их синтеза, гармоничности – мечта. Но всё это вместе взятое одновременно отражение культурного кода. Интеллектуальный и экзистенциальный вызов для всего общества – это основной центр воспитательной, духовной работы всех жителей сибирского региона, города, страны, социальных институтов. Самостоянье субъекта, с чувством собственного достоинства, верой в справедливость, системной работы над собой, обостряют желание создания авторского проекта своей жизни. Вся духовная работа личности тесно связаны с надеждами на будущее.

Рано или поздно специалисты черпают вдохновение в облике родного города, судьбе страны, осмысливает свои озарения и дают им выражение в формах присущи культуре своего времени и месту проживания.

Осознание своей самобытности, единства с окружающими людьми, осознанное само проектирование помогают обрести силу творца, значимость собственного голоса.

Литература

1. Бусаргина Т. Г. «Их песни допоют байкальские метели»: О Распутине Вампилове, Пакулове, Астафеве и других. Иркутск : Отгиск, 2023. 464 с.
2. Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики. М. : TB RUGRAM, 2021. 210 с.
3. Пруст М. Содом и Гоморра. М. : Эксмо, 2008. 890 с.
4. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М. : Альпина нон-фикшн : Смысл, 2018. 458 с.

УДК 371:316.4

Ю. В. Мананникова

Институт регионального развития Пензенской области, г. Пенза

В. И. Чучелов

Общественное объединение правоохранительной направленности
«Отряд содействия полиции "Тигр"», г. Пенза

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОСП «ТИГР» В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Представлены результаты социологического исследования мнения сотрудников органов местного самоуправления, правоохранительных и контрольно-надзорных органов о деятельности общественного объединения правоохранительной направленности «Отряд содействия полиции «Тигр» на территории Пензенской области. Дана экспертная оценка эффективности совместной работы, выявлены актуальные проблемы и обозначены перспективы развития объединения в контексте современного социально-правового пространства региона.

Ключевые слова: социологическая экспертиза, общественное объединение, ОСП «Тигр», молодежь, регион.

Yu. V. Manannikova

Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza

V. I. Chuchelov

Public Association of Law Enforcement Orientation "Police Assistance Unit "Tiger", Penza

SOCIOLOGICAL EXPERTISE OF THE ACTIVITIES OF THE PUBLIC LAW ENFORCEMENT ASSOCIATION OSP "TIGER" IN THE PENZA REGION: CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

This article presents the results of a sociological study examining the opinions of local government, law enforcement, and regulatory agency employees regarding the activities of the Police Assistance Squad Tiger, a public law enforcement organization, in the Penza Region. An expert assessment of the effectiveness of this collaboration is provided, current challenges are identified, and prospects for the organization's development are outlined within the context of the region's current socio-legal environment.

Keywords: sociological assessment, public association, Police Assistance Squad "Tiger", youth, region.

В современных условиях геополитической нестабильности и динамичных социальных изменений в России возрастает необходимость развития институтов гражданского общества, способствующих формированию у молодежи устойчивых гражданско-патриотических ценностей и активной жизненной позиции. Важным инструментом обеспечения общественной безопасности, развития традиционных российских ценностей и профессиональной ориентации молодежи выступают общественные объединения [1]. Усиление роли таких организаций

способствует не только укреплению социальной стабильности, но и развитию доверия между молодежью и государственными структурами.

Таким образом, системное изучение и поддержка деятельности общественных объединений имеют важное практическое значение для обеспечения устойчивого развития российского общества и повышения эффективности реализации государственной молодежной политики [2].

Одним из таких объединений является Общественное объединение правоохранительной направленности «Отряд содействия полиции «Тигр» (далее – ОСП «Тигр»), созданное в декабре 2022 г. по инициативе губернатора Пензенской области О. В. Мельниченко.

Основной целью деятельности ОСП «Тигр» является содействие правоохранительным органам в профилактике и предупреждении правонарушений, а также патриотическое воспитание молодежи [3].

Подразделения ОСП «Тигр» функционируют во всех в муниципальных образованиях Пензенской области, в том числе – на базе образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования. Общая численность бойцов составляет более 1700 чел.

ОСП «Тигр» осуществляет свою деятельность по следующим направлениям: патрулирование и охрана общественного порядка; информирование населения и участие в профилактических акциях; содействие в расследовании преступлений; участие в программах для подростков и молодежи, направленных на профориентацию, развитие социальных навыков и предотвращение правонарушений и др.

Для обеспечения устойчивого развития и повышения эффективности деятельности ОСП «Тигр» важно иметь объективное представление о ее восприятии представителями курирующих организаций. Экспертное мнение сотрудников органов местного самоуправления, правоохранительных и контрольно-надзорных органов (далее – сотрудников ОМС, ПОО и КНО), а также выявленные проблемы и предложения по их решению являются важным источником информации для корректировки управленческой стратегии, оптимизации организационных процессов и усиления взаимодействия ОСП «Тигр» с органами власти и общественностью.

Необходимость изучения указанных аспектов обусловлена стремлением Правительства Пензенской области к постоянному совершенствованию молодежной политики, повышению качества патриотического воспитания молодежи и укреплению кадрового потенциала правоохранительных и контрольно-надзорных органов региона.

Комплексный анализ экспертного мнения сотрудников ОМС, ПОО и КНО позволил объективно оценить текущее состояние дел и разработать практические рекомендации, способствующие более эффективному достижению целей ОСП «Тигр», усилению его роли в системе обеспечения региональной безопасности и развитию гражданской активности молодежи.

В данном контексте социологическая экспертиза представляет собой комплексное исследование, направленное на анализ эффективности работы общественного объединения, выявление актуальных проблем, а также определение перспектив его дальнейшего развития в условиях изменяющегося социально-правового пространства региона.

В связи с этим в период с сентября по ноябрь 2025 г. при поддержке Правительства Пензенской области и Министерства региональной безопасности региона авторами проведено социологическое исследование мнения сотрудников ОМС, ПОО и КНО о деятельности ОСП «Тигр». Объем выборки составил 900 чел., тип выборки – стратифицированная. Территориальный охват исследования включал 3 городских округа и 27 муниципальных районов Пензенской области. Исследование было проведено в онлайн-формате, обработка полученных данных выполнена с использованием специализированного программного обеспечения. Рассмотрим подробнее основные результаты.

Согласно полученным данным, большинство сотрудников ОМС, ПОО и КНО (96,7 %) подтвердили свою осведомленность о деятельности ОСП «Тигр». При этом необходимо отметить довольно высокий уровень информированности в разрезе сфер деятельности и мест работы опрошенных: среди представителей ОМС – 94,9 %, ПОО – 97,3 %, КНО – 95,4 %.

Важным источником информации о деятельности ОСП «Тигр» для опрошенных является личное взаимодействие с его участниками (69,2 %). В качестве дополнительных источников респонденты указали социальное окружение (37,1 %), а также СМИ и сеть Интернет (28,2 %).

Основными целями деятельности ОСП «Тигр» сотрудники ОМС, ПОО и КНО считают: воспитание настоящих патриотов и защитников Отечества (62,4 %), формирование активной гражданской позиции молодежи (56,1 %) и обеспечение общественной безопасности (52,0 %). Кроме того, к важным задачам данной организации респонденты относят: формирование положительной мотивации молодежи к работе в ПОО и КНО, профилактику социально опасных форм поведения граждан, повышение правовой грамотности и совершенствование физической подготовки молодого поколения. Таким образом, основные цели деятельности ОСП «Тигр», выделяемые сотрудниками ОМС, ПОО и КНО, отражают комплексный подход к воспитанию патриотизма, развитию гражданской активности и обеспечению общественной безопасности. Кроме того, они свидетельствуют о стремлении к всестороннему развитию молодежи и профилактике социально опасных явлений.

Большинство опрошенных (88,4 %) регулярно взаимодействуют с представителями ОСП «Тигр» в рамках своей профессиональной деятельности. По мнению сотрудников ОМС, ПОО и КНО, одним из значимых положительных результатов работы ОСП «Тигр» в Пензенской области является укрепление в сознании молодежи традиционных российских ценностей. Согласно результатам исследования, в первую очередь это такие ценности, как: патриотизм и гордость за свою страну (69,3 %), гражданская ответственность перед государством и обществом (59,4 %), законопослушание и правовая культура (54,1 %), интерес к профессиям, связанным с правоохранительной деятельностью (49,7 %), а также уважение к старшему поколению, ветеранам войны и труда (40,3 %).

По мнению опрошенных, участие в деятельности данного общественного объединения также способствует:

- развитию готовности к волонтерской деятельности;
- формированию коллективизма, товарищества и командного духа;
- развитию важных духовных и моральных качеств, таких как честность, справедливость, доброта и ответственность;
- популяризации здорового образа жизни и воспитанию готовности к защите Родины;
- осознанию значимости героического прошлого своего народа;
- воспитанию уважения к культуре различных этнических групп и формированию осознания важности противодействия экстремизму и национализму.

Наиболее полезными для правоохранительной практики респонденты считают такие направления деятельности ОСП «Тигр», как: патрулирование и охрана общественного порядка (82,6 %), информирование населения и участие в профилактических акциях (51,5 %), обучение основам законодательства в сфере охраны общественного порядка (45,2 %), а также ряд других.

Большинство респондентов (86,3 %) положительно оценили уровень подготовки бойцов ОСП «Тигр» к участию в правоохранительной деятельности и подчеркнули высокую значимость деятельности ОСП «Тигр» для общества в целом. Эти данные свидетельствуют об устойчивом признании важности и социального значения деятельности ОСП «Тигр» со стороны представителей курирующих организаций.

Более того, 96,3 % опрошенных положительно оценивают эффективность совместной работы бойцов ОСП «Тигр» с сотрудниками ПОО и КНО. При этом 63,0 % считают ее высокой, а 33,3 % – средней (рис. 1).

Это подчеркивает высокий уровень доверия и признания профессионализма бойцов ОСП «Тигр» среди специалистов различных уровней и направлений профессиональной деятельности. Согласно результатам проведенного исследования, большинство сотрудников ОМС, ПОО и КНО (95,1 %) отмечают, что их ожидания от деятельности ОСП «Тигр» полностью или частично совпадают с реальной практикой.

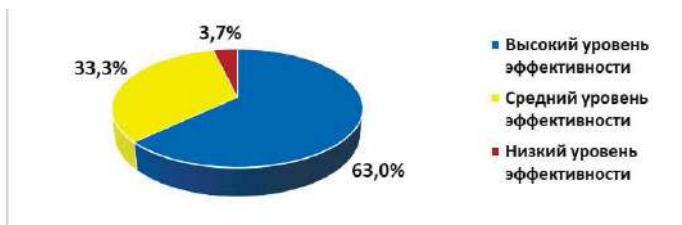

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько эффективно, по Вашему мнению, осуществляется совместная работа бойцов ОСП «Тигр» с сотрудниками правоохранительных и контрольно-надзорных органов?»

Уровень эффективности работы ОСП «Тигр» в плане воспитания молодых кадров для правоохранительных и контрольно-надзорных органов большинство респондентов (95 %) оценили как «высокий» и «средний» (рис. 2).

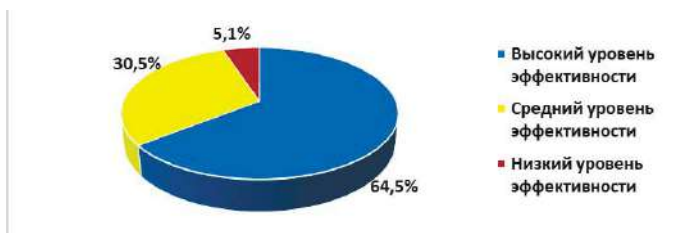

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько эффективно, на Ваш взгляд, работает ОСП «Тигр» в плане воспитания молодых кадров для правоохранительных и контрольно-надзорных органов?»

Что касается информационной поддержки ОСП «Тигр» в СМИ, то 47,0 % опрошенных оценивают ее как «отличную», 41,3 % – как «хорошую», 9,9 % – как «удовлетворительную», и лишь 1,8 % – как «неудовлетворительную».

Комментируя совместную работу с участниками ОСП «Тигр», более половины сотрудников ОМС, ПОО и КНО (65,2 %) отметили отсутствие существенных сложностей. При этом величина данного показателя существенно варьируется в зависимости от места работы респондентов: для сотрудников ОМС она составляет 47,6 %, для сотрудников ПОО – 68,8 %, а для сотрудников КНО – 73,5 %. В целом 11,5 % респондентов отметили наличие следующих проблем в процессе совместной работы с бойцами ОСП «Тигр»:

1. *Институционально-правовые сложности:*

- недостаточная законодательная база, отсутствие детализированных регламентов и ограничение использования спецсредств;
- неопределенный правовой статус бойцов, что ограничивает их полномочия и снижает инициативу;
- сложность юридической поддержки бойцов и неопределенность ответственности при возникновении правовых конфликтов.

2. *Кадровые проблемы:*

- недостаточное количество бойцов, не соответствующее потребностям ОМС, ПОО и КНО;
- гендерный дисбаланс – преобладание девушек и дефицит юношей, являющихся участниками ОСП «Тигр», в отдельных муниципальных районах;
- сложности с назначением руководящих кадров ОСП «Тигр» из-за недостаточной мотивации и активности кандидатов.

3. *Материально-техническое обеспечение:*

- нехватка формы для бойцов в некоторых муниципальных районах;
- ограниченная материально-техническая база (отсутствие портативных радиостанций, средств защиты и самообороны);
- отсутствие транспорта, ограничивающее мобильность при выполнении служебных обязанностей.

4. *Взаимодействие с другими структурами:*

- недостаточный уровень координации и взаимопонимания с ОМС, ПОО, КНО;
- нежелание некоторых сотрудников ПОО и КНО работать с бойцами ОСП «Тигр» и нести за них ответственность;
- недостаточное количество совместных тренировок и учений, приводящее к снижению эффективности взаимодействия.

5. *Поддержка со стороны образовательных организаций:*

- несоответствие графиков учебного процесса особенностям деятельности ОСП «Тигр», слабая разъяснительная работа среди преподавательского состава;
- отсутствие помощи от руководства образовательных организаций по вопросам предоставления бойцов ОСП «Тигр» для несения дежурств;
- недостаточная воспитательная работа по формированию мотивации студенческой молодежи к участию в деятельности ОСП «Тигр».

6. *Совмещение участия бойцов в ОСП «Тигр» с работой или учебой:*

- несовпадение времени патрулирования с рабочим или учебным расписанием;
- непонимание со стороны некоторых преподавателей образовательных организаций, приводящее к негативной оценке участия студентов в деятельности ОСП «Тигр» и снижению их успеваемости;
- кратковременный характер участия молодежи в деятельности ОСП «Тигр» и частая сменяемость контингента.

7. *Слабая мотивация и недостаточная подготовка некоторых участников ОСП «Тигр»:*

- слабая заинтересованность некоторых бойцов в совместной работе с сотрудниками ПОО и КНО;
- недостаточный уровень правовых знаний и практических навыков, что приводит к неуверенности в собственных силах и снижению инициативы;
- отсутствие наставничества и поддержки затрудняет адаптацию новичков и негативно влияет на их мотивацию.

Остальные сотрудники ОМС, ПОО и КНО (23,3 %) затруднились дать развернутый ответ на данный вопрос.

Большинство опрошенных (93,1 %) считают, что молодежные общественные объединения правоохранительной направленности востребованы в Пензенской области и в стране в целом. Величина данного показателя имеет тенденцию к увеличению в зависимости от возраста и стажа работы респондентов. Наиболее высокие оценки по данному показателю также были даны сотрудниками ОМС, ПОО и КНО, занимающими должности высшего управленческого и исполнительского уровней (рис. 3), а также работающими в контрольно-надзорных органах (рис. 4).

Положительным аспектом является то, что большинство сотрудников ОМС, ПОО и КНО (95,3 %) считают целесообразным дальнейшее развитие и поддержку деятельности ОСП «Тигр» на территории Пензенской области (рис. 5).

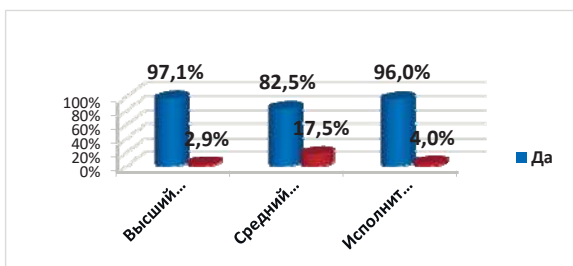

Рис. 3. Оценка востребованности молодежных общественных объединений правоохранительной направленности в регионе и в стране в целом (в зависимости от категорий должностей респондентов)

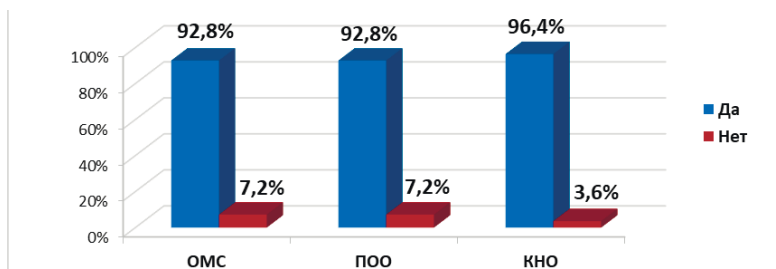

Рис. 4. Оценка востребованности молодежных общественных объединений правоохранительной направленности в регионе и в стране в целом (в зависимости от места работы респондентов)

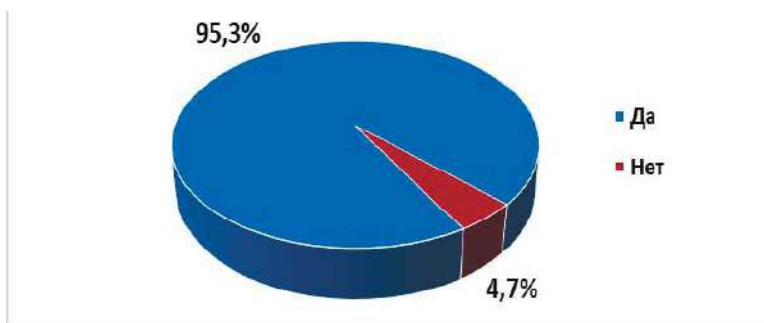

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы целесообразным дальнейшее развитие и поддержку деятельности ОСП «Тигр» на территории Пензенской области?»

Около 28 % сотрудников ОМС, ПОО и КНО высказали предложения по совершенствованию деятельности ОСП «Тигр», которые можно сгруппировать по следующим ключевым направлениям:

1. *Совершенствование организационно-правовых аспектов:*
 - внести необходимые изменения в региональную нормативную базу, закрепить правовой статус бойцов ОСП «Тигр»;
 - выдавать молодежи официальные документы после успешного завершения работы в ОСП «Тигр» для трудоустройства в ПОО и КНО, а также целевые направления для льготного поступления в вузы на профильные специальности;
 - разработать единые инструкции и регламенты совместной работы бойцов ОСП «Тигр» с сотрудниками ПОО и КНО.
 2. *Увеличение контингента ОСП «Тигр»:*
 - проводить активную разъяснительную работу с руководителями и преподавателями образовательных организаций региона о роли ОСП «Тигр» в патриотическом воспитании молодежи;
 - регулярно организовывать информационно-агитационные встречи представителей ОСП «Тигр» со студентами и школьниками;
 - расширить минимальный возраст вступления участников в ОСП «Тигр», принимать в отряд молодежь от 16 лет и старше.
 3. *Повышение уровня мотивации бойцов ОСП «Тигр»:*
 - увеличить объем стимулирующих выплат бойцам, эффективно работающим в отряде;
 - чаще проводить награждения наиболее активных бойцов грамотами, поощрять их знаками отличия;
 - ввести региональные льготы для участников ОСП «Тигр» (проезд на общественном транспорте, посещение спортивных объектов, музеев, театров, выставок и иных культурных мероприятий).
 4. *Улучшение материально-технического обеспечения:*
 - обеспечить всех бойцов ОСП «Тигр» формой установленного образца (летние и зимние комплекты одежды);
 - предоставить бойцам возможности использовать специальные средства связи и служебный транспорт во время дежурств;
 - развивать инфраструктуру спортивно-оздоровительного лагеря «Меридиан», являющегося тренировочной базой ОСП «Тигр».
 5. *Совершенствование подготовки бойцов ОСП «Тигр»:*
 - уделять больше внимания физической подготовке бойцов, чаще проводить учебно-тренировочные сборы в лагере «Меридиан»;
 - привлекать высококвалифицированных специалистов для обучения бойцов;
 - регулярно проводить оценку знаний и практических навыков бойцов, полученных ими по итогам обучения.
 6. *Взаимодействие с ПОО и КНО:*
 - расширять сотрудничество с ОМС, ПОО и КНО, привлекать к совместной работе наиболее активных бойцов ОСП «Тигр» в виде трудоустройства (на неполный рабочий день);
 - организовывать совместные учения и обмен практическим опытом.
 7. *Активизация и разнообразие деятельности:*
 - расширить перечень служебных обязанностей бойцов;
 - усилить помощь населению, больше помогать престарелым гражданам;
 - расширять взаимодействие с молодежными общественными объединениями Пензенской области, других субъектов РФ и зарубежных стран.
 8. *Информационная поддержка и популяризация деятельности:*
 - разработать и реализовать программу PR-деятельности с активным участием региональных СМИ (телеканалы и районные газеты);
 - больше освещать деятельность ОСП «Тигр» в сети Интернет.
- Внедрение предложений, высказанных сотрудниками ОМС, ПОО и КНО, будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества с представителями курирующих органи-

заций, повышению сплоченности, мотивации и активности участников ОСП «Тигр», укреплению его материально-технической базы и имиджа в глазах общественности, а также внесет положительный вклад в процессы патриотического воспитания, реализации молодежной политики и повышения общественной безопасности на территории Пензенской области.

Проведенное социологическое исследование мнения сотрудников ОМС, ПОО и КНО о деятельности ОСП «Тигр» в Пензенской области позволило получить объективную обратную связь и сделать следующие основные выводы:

1. Большинство представителей курирующих организаций хорошо осведомлены о деятельности ОСП «Тигр» и считают ее важной для региона. Деятельность данного общественного объединения высоко оценивается по таким показателям, как: укрепление традиционных российских ценностей, формирование гражданской активности молодежи, обеспечение общественной безопасности и ряд других.

2. Наиболее полезными направлениями деятельности ОСП «Тигр» респонденты считают патрулирование и охрану общественного порядка, информирование населения и участие в профилактических акциях. Сотрудниками ПОО и КНО даны высокие оценки эффективности совместной работы с бойцами ОСП «Тигр».

3. Информационную поддержку деятельности ОСП «Тигр» в СМИ представители курирующих организаций оценили преимущественно положительно, однако здесь был выявлен потенциал для совершенствования. В числе проблемных аспектов отмечены: ограниченный охват целевой аудитории, нерегулярность публикаций и недостаточное разнообразие форматов, а также слабая активность в использовании цифровых каналов коммуникации.

4. Несмотря на общую положительную оценку деятельности ОСП «Тигр» также выявлен ряд системных проблем, требующих внимания. Это сложности правового характера, недостаточное материально-техническое обеспечение, вопросы увеличения контингента бойцов, затруднения во взаимодействии с педагогами образовательных организаций и др.

5. Мы считаем, что для перспективного развития ОСП «Тигр» в первую очередь необходимо: закрепить юридический статус бойцов объединения и четко определить их права и обязанности; увеличить объем финансирования из регионального бюджета и привлечь помощь спонсоров, подготовить и внедрить план работы с общественностью, а также укреплять связи образовательными организациями. В итоге ОСП «Тигр» получит необходимые ресурсы и расширит возможности для эффективной работы с молодежью, а успешный опыт Пензенской области сможет стать примером для других регионов страны.

Литература

1. Мананникова Ю. В. Изучение опыта деятельности молодежных и детских общественных объединений как направление совершенствования качества общего образования: региональный аспект // Российская школа в первой четверти XXI века : монография. Ульяновск : Зебра, 2025. С. 78–90.
2. Мананникова Ю. В. Развитие деятельности молодежных и детских общественных объединений в условиях региона как механизм повышения качества образования // Оценка качества образования: от проектирования к практике : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2025. С. 67–69.
3. Мананникова Ю. В., Чучелов В. И. Общественное объединение правоохранительной направленности «Отряд содействия полиции “Тигр”» как механизм совершенствования качества воспитательной деятельности: региональный аспект // Оценка качества образования: от проектирования к практике : материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 4 дек. 2025 г. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2026. С. 87–91.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО СЧАСТЬЯ

Рассматривается влияние общественного мнения на субъективное ощущение счастья человека. На основе социологических теорий социальной интеграции, референтных групп и социального сравнения анализируется, каким образом коллективные представления о «счастливой» и «успешной» жизни становятся рамкой индивидуальной самооценки. Эмпирическую базу составляют данные вторичного анализа открытых исследований ВЦИОМ и ФОМ о счастье, субъективном благополучии, жизненном успехе и ценностях россиян. Делается вывод, что общественное мнение влияет на достижение счастья преимущественно косвенно: через нормы признания, критерии успеха, восприятие ближайшего окружения и социальную легитимацию жизненных стратегий.

Ключевые слова: общественное мнение, счастье, субъективное благополучие, социальные нормы.

М. А. Melkonyan

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC OPINION AS A FACTOR IN SUBJECTIVE HAPPINESS

The article examines the influence of public opinion on individual subjective happiness. Based on sociological theories of social integration, reference groups and social comparison, the paper analyzes how collective ideas about a “happy” and “successful” life become a framework for individual self-assessment. The empirical basis of the study is a secondary analysis of open survey data from VCIOM and FOM on happiness, subjective well-being, life success and values of Russians. The article concludes that public opinion affects happiness mainly indirectly: through norms of recognition, criteria of success, perception of the immediate social environment and social legitimation of life strategies.

Keywords: public opinion, happiness, subjective well-being, social norms.

Проблема счастья традиционно рассматривалась философией, психологией и этикой, однако в последние десятилетия она стала одной из заметных тем социологического анализа. Это связано с тем, что счастье всё чаще понимается не только как индивидуальное эмоциональное состояние, но и как социально обусловленный показатель качества жизни, уровня интеграции человека в общество, характера его отношений с ближайшим окружением и соответствия его жизненной траектории общественно признанным нормам. В социологической перспективе счастье не может быть сведено исключительно к личным переживаниям. Человек оценивает свою жизнь не в социальном вакууме, а в системе сравнений, ожиданий и коллективных представлений о нормальной, успешной и достойной жизни. Поэтому общественное мнение выступает не только как внешний фон, но и как механизм формирования критериев, через которые индивид определяет собственную удовлетворенность жизнью.

Цель статьи – выявить, каким образом общественное мнение может влиять на субъективное ощущение счастья человека.

Объект исследования – субъективное благополучие как социальный феномен.

Предмет исследования – влияние общественного мнения, социальных норм и представлений об успехе на индивидуальное восприятие счастья.

Эмпирическую базу составляет вторичный анализ открытых данных ВЦИОМ и ФОМ за 2024–2026 гг., посвященных уровню счастья, индексу благополучия, жизненным целям и критериям успеха россиян.

В классической социологии индивидуальное самочувствие человека рассматривалось как связанное с состоянием социальной среды. Э. Дюркгейм показывал, что уровень социальной интеграции и нормативной регуляции влияет на психологическое состояние индивида и его способность воспринимать собственную жизнь как устойчивую и осмысленную [1]. В этой логике счастье может рассматриваться как результат не только личного выбора, но и включенности человека в систему социальных связей. Для анализа влияния общественного мнения важна теория референтных групп Р. Мертона. Согласно данной перспективе, человек соотносит себя не только с объективным положением, но и с группами, нормы которых счи-

тает значимыми [2]. Это означает, что оценка собственной успешности и счастья зависит от того, какие стандарты жизни доминируют в обществе и ближайшем окружении.

Дополнительное значение имеет теория социального сравнения Л. Фестингера, согласно которой индивид оценивает себя через сопоставление с другими людьми [5]. Если в общественном мнении закреплены определенные критерии «успешной жизни» – семья, здоровье, доход, работа, признание, – человек начинает оценивать собственное счастье через степень соответствия этим критериям. В современных исследованиях субъективного благополучия счастье обычно рассматривается через несколько измерений: когнитивную оценку жизни, эмоциональное состояние и восприятие своего положения в обществе [3; 7]. Такой подход близок к методике ФОМ, где индекс благополучия объединяет удовлетворенность жизнью, самооценку счастья и оценку положения на «лестнице качества жизни» [9]. Следовательно, общественное мнение может влиять на счастье не прямолинейно, а через несколько посредников: социальные нормы, референтные сравнения, признание, ожидания окружающих, символический статус и восприятие социальной поддержки.

В статье применяется метод вторичного анализа данных. Он предполагает обращение к уже собранному и опубликованному массивам социологической информации без проведения собственного полевого исследования. Такой подход позволяет сопоставить результаты разных исследовательских центров и выявить устойчивые тенденции в общественных представлениях о счастье. Для анализа использованы следующие группы данных:

- 1) исследования ВЦИОМ об индексе счастья и восприятии счастья в ближайшем окружении;
- 2) исследования ФОМ об индексе благополучия россиян;
- 3) данные ФОМ о критериях жизненного успеха;
- 4) данные ВЦИОМ о жизненных целях и ценностных ориентирах россиян;
- 5) международные подходы к измерению субъективного благополучия, представленные в World Happiness Report.

Ограничение исследования состоит в том, что вторичные агрегированные данные не позволяют доказать прямую причинную связь между общественным мнением и счастьем конкретного человека. Однако они позволяют выявить устойчивые социальные рамки, через которые счастье осмысливается и измеряется в массовом сознании.

Данные российских опросов показывают, что уровень субъективного счастья в России остается достаточно высоким. По данным ВЦИОМ, в марте 2025 г. 79 % россиян в той или иной степени назвали себя счастливыми, в том числе 36 % – «определенно счастливыми». Индекс счастья составил 61 пункт из 100 возможных (табл. 1) [14].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы или нет?»

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить	Индекс счастья
III. 2025	36	43	11	6	4	61

ФОМ использует более комплексный показатель – индекс благополучия россиян, который объединяет удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и самооценку положения в социальном мире. В марте 2025 г. этот индекс составил 6,7 пункта из 10, сохранив максимальное значение с начала измерений; при этом уровень счастья вырос до 7,3 пункта [11]. В марте 2026 г. индекс снизился до 6,5 пункта, но остался близким к максимальным значениям последних лет [12] (рис. 1).

Представленные данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, счастье в массовом сознании связано не только с эмоциональным самочувствием, но и с социально одобряемыми жизненными достижениями. По данным ФОМ, для россиян личный успех прежде всего означает семью и детей – 66 %, хорошее здоровье – 64 %, финансовое благополучие – 49 % (табл. 2) [13].

Рис. 1. Индекс благополучия россиян и его составляющие (данные в % от опрошенных)

Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного означает успех в жизни лично для вас?» (данные в % от опрошенных)

Таблица 2

Варианты ответа	13 января 2019 г.	19 января 2025 г.
Семья, дети	71	66
Хорошее здоровье	69	64
Финансовое благополучие	60	49

Похожие результаты показывает ВЦИОМ: главными жизненными целями россияне называют «иметь крепкое здоровье» – 58 % и «создать счастливую семью, воспитать детей» – 56 % [15].

Следовательно, общественное мнение задает нормативную модель счастья. Человек оценивает свою жизнь через сопоставление с тем, что в обществе считается правильным и желательным: иметь семью, сохранять здоровье, обладать достатком, реализовываться в работе, поддерживать отношения с близкими. Если индивидуальная траектория соответствует этим ожиданиям, она получает символическое подтверждение со стороны общества. Если не соответствует, может возникать ощущение несоответствия социальной норме. Во-вторых, важным фактором является восприятие ближайшего окружения. ВЦИОМ фиксирует не только личное ощущение счастья, но и социальный индекс счастья – оценку того, больше ли среди знакомых и близких счастливых или несчастливых людей. В 2025 г. 41 % россиян отмечают, что в их окружении больше счастливых людей (табл. 3) [14].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вам кажется, среди Ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?»

	Скорее, больше счастливых	Примерно одинаково и счастливых, и несчастливых	Скорее, больше несчастливых	Затрудняюсь ответить	Социальный индекс счастья
III.25	41	39	14	6	58

Это важно, поскольку счастье оказывается включенным в механизм социального сравнения: человек оценивает себя на фоне других. Если индивид воспринимает свое окружение как благополучное, это может усиливать ощущение стабильности и социальной нормальности. Но возможен и обратный эффект: если человек считает, что другие живут более успешно и счастливо, это может снижать субъективную удовлетворенность собственной жизнью. Таким образом, общественное мнение действует не только через абстрактные ценности, но и через повседневную оценку состояния «таких же людей, как я». В-третьих, данные ФОМ показывают зависимость субъективного благополучия от социального ресурса. В 2025 г. наиболее высокий индекс благополучия был у обеспеченных россиян – 7,8, а у молодежи до 30 лет – 7,5 (рис. 1) [11].

Это подтверждает, что счастье связано с социально-экономическими возможностями, но не сводится к ним полностью. Доход важен, однако в общественных представлениях о счастливой жизни он соседствует с семьей, здоровьем, балансом, самореализацией и близкими отношениями. В-четвертых, данные о критериях успеха показывают, что общественное признание занимает сравнительно скромное место среди личных критериев успеха. По данным ФОМ, «признание, уважение в обществе, востребованность» в 2025 г. назвали 6 % россиян, а популярность и славу – менее 1 % [13]. Это не означает, что общественное мнение неважно. Скорее, оно действует не как желание публичной известности, а как фон нормальности: человеку важно не столько быть знаменитым, сколько чувствовать, что его образ жизни признается приемлемым и достойным.

Результаты вторичного анализа позволяют предложить несколько механизмов влияния общественного мнения на достижение счастья. Первый механизм – нормативный. Общественное мнение закрепляет представления о том, какой жизненный путь считается правильным. В российском случае это прежде всего здоровье, семья, дети, достаток, стабильность и близкие отношения. Эти нормы задают социальную рамку, через которую человек оценивает собственную жизнь. Второй механизм – сравнительный. Человек соотносит себя с другими: родственниками, друзьями, коллегами, поколенческой группой, представителями своего социального слоя. Поэтому восприятие счастья окружающих становится фактором самооценки. Третий механизм – статусно-ресурсный. Общественное мнение связывает счастье с определенными ресурсами: материальным положением, работой, возможностью планировать будущее. Поэтому группы с разным уровнем ресурсов демонстрируют разные показатели субъективного благополучия. Четвертый механизм – интеграционный.

Счастье поддерживается включенностью человека в социальные связи. Это согласуется как с классической социологической традицией, так и с современными международными исследованиями субъективного благополучия, где социальная поддержка и связи рассматриваются как значимые факторы счастья [7]. При этом важно подчеркнуть, что общественное мнение не является единственным или главным фактором счастья. Оно взаимодействует с экономическим положением, здоровьем, семейным статусом, возрастом, качеством социальных отношений и индивидуальными психологическими особенностями. Однако именно общественное мнение задает язык, на котором человек объясняет себе, счастлив он или нет.

Проведенный анализ показывает, что общественное мнение влияет на достижение человеком счастья преимущественно косвенно. Оно формирует социальные нормы, критерии успешной жизни, ожидания окружения и рамки сравнения, через которые индивид оценивает собственное положение. Данные ВЦИОМ и ФОМ свидетельствуют о стабильно высоком уровне декларируемого счастья и субъективного благополучия россиян. Однако эти показатели различаются в зависимости от возраста, материального положения и восприятия социального окружения. Это позволяет рассматривать счастье не только как индивидуальное переживание, но и как социально структурированный феномен. Таким образом, общественное мнение выступает не внешним дополнением к личному счастью, а частью социальной среды, в которой человек формирует представление о хорошей жизни. Счастье достигается не только через удовлетворение личных потребностей, но и через ощущение признанности, включенности и соответствия значимым социальным ожиданиям.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.
3. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective well-being: three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 2. P. 276–302.
4. Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Nations and Households in Economic Growth / ed. by P. A. David, M. W. Reder. New York: Academic Press, 1974. P. 89–125.
5. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954. Vol. 7, N 2. P. 117–140.
6. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 333 p.
7. World Happiness Report 2025. URL: <https://www.worldhappiness.report/ed/2025/> (дата обращения: 02.05.2026).
8. Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/tsennosti/14244> (дата обращения: 02.05.2026).
9. Счастье и благополучие // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14913> (дата обращения: 02.05.2026).
10. К Международному дню счастья // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14995> (дата обращения: 02.05.2026).
11. Счастье россиян немного выросло // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15159> (дата обращения: 02.05.2026).
12. Самооценка благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15314> (дата обращения: 02.05.2026).
13. Об успехе в жизни // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/TSennosti/15139> (дата обращения: 02.05.2026).
14. Счастье в России: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-16042025> (дата обращения: 02.05.2026).
15. Семья в системе российских ценностей // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 02.05.2026).

УДК 94(47).084.2:061.1

Е. И. Мельникова, С. Н. Пивень, А. Н. Лучезаров, Е. А. Шамкова

Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), г. Новокузнецк

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА КУЗБАССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ «КОЛОКОЛА ПАМЯТИ» ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ 2025

С позиции социальной значимости представлены материалы по проблеме мемориализации мест памяти прославленных в лике святых новомучеников и исповедников земли Кузнецкой, имеющей современное наименование «Кемеровская область – Кузбасс». Актуальность определяется необходимостью обеспечить на основе достоверных исторических фактов изложение информации, востребованной обучающимися Кузбасской православной духовной семинарии, ориентированными на профессиональное изучение обозначенной проблемы, предоставления свободного доступа всем желающим к данным архивов, что будет способствовать наглядности в изучении истории православия и сохранения культурно-исторического наследия в Кузбассе.

Ключевые слова: историческая память, святые новомученики и исповедники земли Кузнецкой, Сиблаг.

Ye. I. Mel'nikova, S. N. Piven', A. N. Luchezarov, E. A. Shamkova

Kuzbass Orthodox Theological Seminary of the Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate), Novokuznetsk

THE SOCIAL SIGNIFICANCE OF THE “BELLS OF MEMORY” SPIRITUAL AND EDUCATIONAL INITIATIVE, IMPLEMENTED BY THE KUZBASS ORTHODOX THEOLOGICAL SEMINARY AND FUNDED BY THE PRESIDENTIAL GRANTS FOUNDATION IN 2025

From the standpoint of social significance, the article addresses the issue of memorializing the sites associated with the venerated newly-martyred and confessors of the land of Kuznetsk, which has the modern name “Kemerovo region – Kuzbass”, are presented. The relevance is determined by the need to ensure, on the basis of reliable historical facts, the presentation of information in demand by students of the Kuzbass Orthodox Theological Seminary, focused

on professional study of the designated problem, providing free access to archive data to all comers, which will contribute to clarity in the study of the history of Orthodoxy and the preservation of cultural and historical heritage in Kuzbass.

Keywords: historical memory, holy new martyrs and confessors of the land of Kuznetsk, Siblag.

Осмысление подлинной истории XX в., как важнейшего процесса, начавшегося в нашем обществе по восстановлению исторической памяти – есть важнейшая задача, стоящая перед исследователями XXI в. К настоящему времени обнаружены десятки тысяч архивных документов, относящихся к периоду 1920–1950-х гг., открыты многие ранее неизвестные страницы истории России, в том числе Русской Православной Церкви. Восстановление исторической памяти обуславливает необходимость дальнейшего исследования архивных материалов, а важнейшей задачей как светских, так и церковных исследователей, остается задача поиска новых свидетельств личного духовного подвига и жизненного пути мучеников, как прославленных в лике святых, так и не прославленных, как православных, так и инославных, пострадавших за Христа.

Русская Православная Церковь в течение последних тридцати лет занимается увековечиванием памяти жертв репрессий, плодом этой работы стала канонизация на Архиерейском соборе 2000 г. более 1200 чел. – это в три раза больше всех русских святых, канонизированных ранее за всю историю Церкви. Кузбасская митрополия на протяжении долгого времени занимается сбором информации о новомучениках «земли Кузнецкой».

Предметом исследования является уникальное явление – феномен новомученичества. Хронологические рамки исследования – 1920–1950 гг.

Осмысление советского прошлого невозможно без исследования исторических фактов, связанных с деятельностью репрессивной системы. Кузбасс, вступивший в этап ускоренного индустриального развития в 1920–1930-е гг., осваивался во многом силами подневольных строителей: заключенных, спецпереселенцев, трудармейцев. С принятием в 1924 г. Исправительно-трудового кодекса РСФСР «земля Кузнецкая» более активно используется при реализации репрессивной политики. После утверждения СНК СССР 7 апреля 1930 г. положения об исправительно-трудовых лагерях был создан один из крупнейших в стране региональный лагерь, получивший название Сибирский лагерь особого назначения (СибЛОНО). Сиблаг, административный центр которого одно время располагался в Мариинске, а затем в Новосибирске, возник в 1931 г. на базе колоний реорганизованного регионального управления СибЛОНа [4]. На январь 1935 г. в Сиблаге содержалось порядка 58,6 тыс. чел., а уже на 1 октября 1938 г. – 45,3 тыс. чел. (ГАРФ Ф.9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 3). Снижение количества заключенных отчасти связано с высоким процентом смертности в ИТЛ Сиблага, а также с результатами действия приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и бывших антисоветских элементов», утвержденного 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б), по которому выносился большой процент постановлений о применении высшей меры наказания заключенным по 58 статье. В настоящее время к Собору Кузбасских святых причислены 45 мучеников, пострадавших в годы репрессий, среди них священно- и церковнослужители, монахи, миряне. Готовятся документы еще на трех человек [1; 8].

Тема памяти новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви, а также инославных христиан, пострадавших за Христа в годы репрессий, является чрезвычайно важной по нескольким причинам:

1. Сохранение исторической памяти:

Эта тема помогает сохранить память о тех, кто ценой своей жизни и свободы свидетельствовал о своей вере, что способствует сохранению исторической правды и преемственности духовных традиций.

2. Духовно-нравственное воспитание:

Новомученики служат примером стойкости, верности и духовной силы, что вдохновляет современные поколения на преодоление трудностей и сохранение своей веры.

3. Восстановление исторической правды и справедливости:

Упоминание и почитание мучеников способствует признанию их страданий и заслуг, укреплению чувства национальной и духовной идентичности.

4. Уроки истории для предотвращения трагедий в будущем:

Исследование этого периода позволяет понять исторические причины репрессий, их масштабы и последствия, что важно для предотвращения подобных трагедий в будущем.

5. Межконфессиональный диалог:

Включение инославных исповедников способствует развитию взаимного уважения и понимания между различными христианскими конфессиями.

В контексте воспитания будущего духовного наставника и гражданина России в Кузбасской православной духовной семинарии осуществляется преподавание различных учебных дисциплин. В частности, такой опыт реализуется в рамках программ по «Истории России», «Истории Русской Православной Церкви», а также в рамках спецкурса по новейшей истории Русской Православной Церкви «Святые новомученики и исповедники земли Кузнецкой» [2–4]. Проведение в жизнь спецкурса осуществляется во исполнение Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 2 февраля 2011 г. «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших» [6, п. 4].

17 июня 2025 г. на заседании Координационного комитета, которое провел первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ С. В. Кириенко, были определены победители конкурса Фонда президентских грантов. На гранты претендовали 10882 проекта из всех 89 регионов. Победителями стали 1640 социально ориентированных некоммерческих организаций, в том числе Кузбасская православная духовная семинария, предложившая реализацию проекта «Колокола памяти» [7] (рис. 1).

Проект «Колокола памяти»

Победитель конкурса Фонда президентских грантов

17 июня 2025 года - Кузбасская православная духовная семинария

- **Содержание:** исследовательская и мемориальная работа силами преподавателей и студентов
- **Методы:** экспедиции, работа в архивах, сбор свидетельств, оцифровка архивных документов и других материалов
- **Результат:** создание интерактивной карты-сайта с координатами мемориальных мест памяти

Рис. 1. Проект КПДС «Колокола памяти» – Победитель Фонда президентских грантов 2025 г.

В рамках проекта группа преподавателей и студентов семинарии занимается исследованием деятельности местных учреждений системы ГУЛАГ – Сиблагас экспедициями в отдаленные поселения, где находились ИТЛ. На основе полученных материалов создан специальный сайт в формате интерактивной карты Кузбасса, куда нанесены координаты памятных мест, обозначенных колоколами (отсюда название проекта), с которыми связаны имена новомучеников и исповедников Церкви Русской. К каждому из этих мест привязывается архив электронных документов, информация о людях, находившихся в данном лагере, фото местности и мемориалов, а также сведения, собранные в экспедициях (воспоминания очевидцев, письма, личные вещи и прочее). Кроме того, идет процесс оцифровки документов из фондов государственных и муниципальных архивов области, фонда Кемеровского епархиального управления, отражающих жизнь Кузбасса в тяжелые годы репрессий [5].

Цель проекта «Колокола памяти» – сохранение для будущих поколений памяти о людях, погибших в годы массовых репрессий в Кузбассе, мемориализация мест памяти, посвященных трагическим событиям истории XX в. (рис. 2).

Задачи проекта:

- создать условия для изучения, сохранения, популяризации и актуализации исторического наследия – подвига новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви в Кемеровской области;
- популяризировать подвиг наших соотечественников среди жителей Кузбасса (рис. 2).

Раздел «О проекте»

В разделе расположены:

- цель проекта

- задачи проекта
- обоснование социальной значимости
- список партнеров проекта

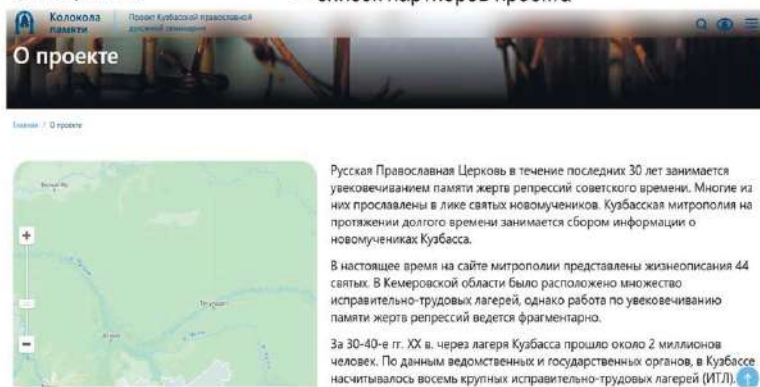

Рис. 2. «О проекте»: Цель и задачи проекта, обоснование социальной значимости, список партнеров проекта

Целевые группы проекта: жители Кузбасса (подростки от 12 до 18 лет, студенты, преподаватели, люди, интересующиеся историей родной земли); интернет-пользователи, посетители сайта и интерактивной карты «Колокола памяти» – паломники, туристы, клирики и миряне Русской Православной Церкви, инославные христиане, студенты и преподаватели; исследователи, интересующиеся историей России и изучающие историю исправительно-трудовых лагерей 30–40-х гг. XX в.

Проект «Колокола памяти» представляет собой интерактивную карту с нанесенными на нее координатами мест памяти, связанных со служением, пребыванием в лагерях исправительно-трудовой системы и мученической кончиной новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви и инославных исповедников, пострадавших за Христа в период 30–40-х гг. XX в. (см. рис. 1).

Сайт содержит 6 разделов: «О проекте», «За Христа пострадавшие», «Места памяти», «Литература», «Мероприятия», «Контакты»:

Раздел «О проекте» содержит информацию о целях, задачах, целевых группах и социальной значимости проекта.

В разделе «За Христа пострадавшие» представлены биографии персоналий, связанных с историей Кузбасса.

В разделе «Места памяти» представлены места, связанные с жизнью, служением, пребыванием в ИТЛ, мученической смертью исповедника – часовни, поклонные кресты, памятные плиты и т. д. Даны точный адрес местонахождения, координаты места, указание на спо-

события посещения места. Раздел содержит фотографии, историю обретения, подробности создания места памяти.

В разделе «Мероприятия» команда проекта рассказывает о событиях, поездках, экспедициях, конференциях, круглых столах, связанных с изучением темы новомучеников и исповедников Кузбасса, о своей исследовательской и архивной работе, делится путевыми заметками и новостями, связанными с реализацией проекта. Внизу каждого раздела находится подраздел «Предложить информацию для развития проекта», в котором можно разместить истории о родных и близких, пострадавших за веру в годы репрессий, фотографии, документы, которые в последствии будут отображаться в разделе «За Христа пострадавшие».

Социальная значимость проекта (рис. 2): Увековечение памяти жертв массовых репрессий является одним из приоритетных направлений культурно-просветительского и патриотического развития граждан Российской Федерации. Концепция государственной политики по увековечению памяти и жертв политических репрессий 2015 г. прямо указывает на необходимость «археологических и научно-исследовательских работ по выявлению мест массовых захоронений жертв политических репрессий; создание общероссийской информационной системы для музейно-мемориальной сети, единой мультимедийной книги памяти, а также баз данных в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий...». Эта проблема обсуждалась на заседании СПЧ при Президенте РФ 10 декабря 2019 г. Наша организация намерена внести свой вклад в общее дело увековечивания памяти новомучеников, предоставив координаты найденных и исследованных нами мест памяти для внесения в общероссийскую базу памяти.

Реализация проекта началась в июне 2025 г. За время I этапа реализации гранта команда посетила музейную экспозицию «Шорский Гулаг» в пос. Усть-Кабырза, места памяти в г. Мариинск, п.г.т. Яя, пос. Новоивановский, Суслово, д. Антибес, Баим, мемориальный комплекс жертвам Сиблага «Память» в г. Мариинске, место памяти «516 км – Петухов Лог». Все посещенные места наносятся на виртуальную карту в виде геолокационных данных, сопровождаются фотоматериалами, воспоминаниями старожилов и сканами архивных документов, чтобы каждый смог посетить памятные места Кузбасса, связанные с пребыванием новомучеников и исповедников веры.

За время реализации проекта можно отметить повышение заинтересованности самих обучающихся к этой теме, прихожан храмов нескольких епархий (Кемеровской, Новокузнецкой, Мариинской), привлечение сторонних исследователей и интересующихся данной темой в сети Интернет, знакомство и обмен опытом и материалами с Комиссией по канонизации святых Мариинской епархии (руководитель – протоиерей Алексей Чертков), Кемеровской епархии (руководитель – протоиерей Максим Мальцев). В рамках реализации проекта – мероприятия и круглые столы по изучению наследия новомучеников и исповедников Кузбасса на разных площадках г. Кемерово и Новокузнецка, среди них Кузбасская семинария, средние общеобразовательные школы, православная гимназия, колледжи, библиотеки, институты и музеи.

Перспективы продолжения изучения и мемориализации темы новомучеников и исповедников Кузбасса:

- Популяризация Президентского проекта на различных площадках, продолжение архивной и исследовательской работы.

- Продолжить просветительскую деятельность по данной теме: в разработке макеты информационных стендов с биографиями и фотоматериалами, посвященные жизни и подвигу исповедников Церкви. Стенды планируется разместить на местах предполагаемых захоронений мучеников, оборудованных в настоящее время поклонными крестами и памятными плитами.

- Пополнение базы данных: постоянное обновление сайта новыми материалами.

- Привлечь команды Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской областей и части Красноярского края, а также команду с территории современного Казахстана к расширению охвата аудитории карты памяти. Воплощение расширен-

ной карты станет наглядным отображением всех мест памяти, связанных с деятельностью Сиблага в 30–40-е гг. XX в. в Сибирском регионе.

Проект «Колокола памяти» реализуемый Кузбасской православной духовной семинарией – это современный цифровой инструмент для сохранения и актуализации памяти о подвиге новомучеников и исповедников земли Кузнецкой, способствующий образованию, исследованию, духовному просвещению, выполняющий важную общественную и церковную миссию.

Литература

1. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой : библиогр. справ. / науч. ред. В. А. Волчек ; авт.-сост.: А. М. Адаменко [и др.]. Кемерово, 2011. 408 с.
2. Пивень С. Н. Изучение исторических фактов и событий в контексте сохранения памяти новомучеников и исповедников земли Кузнецкой // Православное краеведение на земле Сибирской : сб. науч. ст. по итогам XIII Всерос. ежегод. ист.-краевед. чтений. Кемерово : ГАУК ГНБК им. В. Д. Фёдорова : Кемеров. гос. ин-т культуры, 2024. С. 36–44.
3. Пивень С. Н. Осмысление исторических фактов в практике преподавания спецкурса «Святые новомученики и исповедники земли Кузнецкой» // Духовный арсенал. 2021. № 2 (4). С. 122–128.
4. Спецкурс по новейшей истории Русской Православной Церкви «Святые новомученики и исповедники земли Кузнецкой» : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. С. Н. Пивень. Новокузнецк, 2024. 310 с.
5. Колокола памяти. Проект Кузбасской православной духовной семинарии. URL: <https://kp.kpds42.ru/> (дата обращения: 27.03.2026).
6. Определение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 2 февраля 2011 г. «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших» // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Моск. Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907> (дата обращения: 27.03.2026).
7. Победа в конкурсе Фонда президентских грантов. 17 июня 2024 г. // Колокола памяти. Проект Кузбасской православной духовной семинарии. URL: <https://kp.kpds42.ru/events/detail/pobeda-v-konkurse-fonda-prezidentskih-grantov> (дата обращения: 27.03.2026).
8. Святые Кузбасса // Кузбасская митрополия Русской Православной Церкви. URL: <https://mitropolia42.ru/svyatye-kuzbassa> (дата обращения: 27.03.2026).

УДК 316.334.56(571.1/.5)

М. В. Леминов

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

ПРИСУТСТВИЕ БЕЗ УЧАСТИЯ: МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Вводится и операционализируется понятие «присутствие без участия» как ключевая характеристика цифровой маргинализации молодежи. На основе анализа современных исследований и теоретического синтеза работ по цифровому неравенству, алгоритмической дискриминации и молодежной социологии выделяются три механизма формирования данного феномена: алгоритмическая невидимость, ритуализация онлайн-действий и символическая декалфикация. Обосновывается вывод, что цифровая маргинализация представляет собой самостоятельную форму социального исключения, не сводимую к традиционному «цифровому разрыву», и требует разработки новых индикаторов измерения и направлений молодежной политики.

Ключевые слова: маргинализация, молодежь, цифровая среда, присутствие без участия, алгоритмическая невидимость, социальное исключение.

M. V. Leminov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

PRESENCE WITHOUT PARTICIPATION: THE MARGINALIZATION OF YOUTH IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

This article introduces and operationalizes the concept of "presence without participation" as a key characteristic of youth digital marginalization. Based on an analysis of contemporary research and a theoretical synthesis of works on digital inequality, algorithmic discrimination, and youth sociology, three mechanisms shaping this phenomenon are identified: algorithmic invisibility, the ritualization of online actions, and symbolic deskilling. It concludes that digital

marginalization represents an independent form of social exclusion, not reducible to the traditional "digital divide" and requires the development of new measurement indicators and youth policy directions.

Keywords: marginalization, youth, digital environment, presence without participation, algorithmic invisibility, social exclusion.

За последние два десятилетия доступ российской молодежи к цифровым технологиям достиг беспрецедентного уровня. Согласно данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) на 2024 г., доля молодых людей в возрасте 18–30 лет, пользующихся интернетом ежедневно, превышает 98 %. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) фиксирует, что у молодежи в возрасте 14–35 лет самый высокий уровень цифровой грамотности среди всех возрастных групп. На этом основании нередко делается вывод о полной интеграции российской молодежи в цифровое общество. Однако эмпирические наблюдения и отдельные исследования российских социологов свидетельствуют об обратном: формальное присутствие молодого человека в цифровой среде далеко не всегда означает реальное участие. Молодые люди могут иметь аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, ежедневно просматривать ленты, оставлять комментарии и публиковать контент, но при этом оставаться невидимыми для алгоритмов, незначимыми для сообществ и бесправными в плане конвертации своей онлайн-активности в социальный или экономический капитал. Это явление как «присутствие без участия» – ситуацию, при которой индивид формально находится в цифровом пространстве, но систематически исключен из процессов признания, влияния и ресурсообмена. Цель данной статьи – концептуализировать феномен присутствия без участия как формы цифровой маргинализации российской молодежи, выделить его ключевые механизмы и предложить направления для дальнейших эмпирических исследований в российском контексте.

Традиция изучения цифрового неравенства прошла несколько этапов. Первый этап (1990-е – начало 2000-х гг.) фокусировался на доступе к инфраструктуре: наличие компьютера, подключение к интернету, скорость соединения [1]. В России на этом этапе основное внимание уделялось преодолению «цифрового разрыва» между Москвой и регионами, между городом и деревней. Второй этап (2000–2010-е гг.) добавил измерение цифровых навыков: способность искать, оценивать и создавать информацию. Исследования показывали, что российские молодые люди владеют базовыми навыками (поиск, коммуникация), но испытывают трудности с критической оценкой информации и созданием сложного контента [6]. Третий этап (с 2010-х гг.) обратился к результатам использования: конвертации онлайн-активности в реальные блага – образование, занятость, здоровье, социальные связи [2]. Однако даже в рамках трехэтапной модели остается «слепое пятно»: ситуации, когда у молодого россиянина есть доступ, достаточные навыки и даже определенные результаты (например, он получил образование или нашел работу через интернет), но при этом он систематически недополучает социальное признание и символический капитал в цифровой среде. Это не цифровой разрыв в классическом понимании. Это именно цифровая маргинализация – вытеснение на периферию цифрового публичного пространства при сохранении формального присутствия [5]. Для российской молодежи этот феномен особенно значим. Именно в цифровой среде, по данным исследований Института социологии РАН и Высшей школы экономики, происходит сегодня формирование идентичности, накопление социального капитала и отработка моделей публичного поведения [4]. Многие российские молодые люди проводят в социальных сетях и мессенджерах от 5 до 8 ч в день. Исключение из процессов реального участия – даже при наличии доступа – может иметь долгосрочные негативные последствия для их психологического благополучия и социальной интеграции.

Опираясь на теоретический анализ и эмпирические данные, полученные в ходе исследований цифрового поведения российской молодежи, можно выделить три ключевых механизма, которые систематически продуцируют разрыв между формальным присутствием и реальным участием в цифровой среде. Каждый из этих механизмов действует на разных уровнях – технологическом, поведенческом и символическом, – но в совокупности они образуют устойчивую структуру цифровой маргинализации.

Первый механизм – алгоритмическая невидимость. В основе его действия лежит фундаментальное противоречие между декларируемой открытостью цифровых платформ и их внутренней архитектурой, которая неизбежно порождает иерархии видимости. Современные цифровые платформы (социальные сети, видеохостинги, агрегаторы контента) управляются невидимыми для пользователя алгоритмами ранжирования – сложными системами правил, которые в автоматическом режиме определяют, какой контент попадет в ленту, кто получит рекомендации, чье сообщение увидят другие. Эти алгоритмы, как правило, оптимизируются под ключевые метрики вовлеченности: количество лайков, комментариев, репостов, время просмотра, частота возвращений. Тем самым они замыкают коммуникацию на уже признанных и раскрученных авторах. Возникает эффект, который можно назвать «преференцией популярных» (или «матфеевским эффектом» в цифровой среде): контент тех, кто уже популярен (блогеры, медийные лица, признанные эксперты), получает еще больше распространение, попадая в рекомендательные ленты и топы, в то время как контент новичков, случайных авторов или периферийных участников остается практически невидимым для массовой аудитории. Алгоритмы, таким образом, не столько открывают возможности, сколько консервируют и усиливают уже существующее неравенство в цифровом признании, действуя как машины воспроизводства иерархий. Для российской молодежи, особенно для тех, кто не обладает стартовым капиталом (крупная аудитория, связи с инфлюенсерами, понимание алгоритмических механик), это означает попадание в ловушку нулевого цикла: контент не набирает просмотров и реакций, алгоритмы фиксируют низкую вовлеченность и перестают его рекомендовать, что делает его еще более невидимым. Формально молодой человек сохраняет полную возможность публиковать, комментировать, выражать себя, но фактически его присутствие для платформы и для других пользователей становится статистически незначимым, не оказывающим влияния на публичную повестку. Исследования показывают, что российские молодые люди из регионов и из семей с невысоким социально-экономическим статусом особенно остро переживают этот разрыв, описывая его в интервью как «разговор в пустоту», «крик в безвоздушном пространстве», что ведет к фрустрации, снижению самооценки и постепенному свертыванию инициативы. Алгоритмическая невидимость, таким образом, выступает не просто техническим ограничением, но полноценным социальным механизмом исключения, действующим автоматически и потому особенно трудно улавливаемым и критикуемым [3]. Для российской молодежи, особенно из регионов, из семей с низким социально-экономическим статусом, не имеющей «стартового капитала» (базовой аудитории, связей с инфлюенсерами или навыков продвижения), это означает попадание в ловушку нулевого цикла: контент не набирает просмотров, алгоритмы не рекомендуют его, и он не набирает просмотров. Формально молодой человек участвует (публикует, комментирует), но фактически его присутствие для платформы и других пользователей несущественно. Исследования российских медиапсихологов показывают, что эта ситуация воспринимается молодыми людьми как «разговор в пустоту», что ведет к фрустрации и снижению самооценки.

Второй механизм – ритуализация онлайн-действий и исчерпание агентности. Этот механизм связан с изменением самого характера онлайн-активности. В условиях, когда пользователь понимает, что его действия не приводят к заметным результатам (контент не виден, комментарии не получают ответов, инициативы не поддерживаются), возникает ритуализация поведения. Действия совершаются не для достижения цели, а «потому что так принято» или для поддержания иллюзии вовлеченности. Просмотр ленты социальных сетей или платформ с короткими видео становится аналогом бесцельного сидения у окна; написание поста – записью в личный дневник, который никто не читает. Российские социологи отмечают, что значительная часть молодежи продолжает вести аккаунты в социальных сетях по инерции, не ожидая и не получая обратной связи. Агентность молодого человека как субъекта, способного влиять на цифровую среду, исчерпывается. Он продолжает присутствовать, но перестает быть участником в смысловом значении слова. Это особенно заметно на примере малоактивных пользователей, которые имеют профиль, но редко публикуют оригинальный контент и почти никогда не комментируют чужие записи.

Третий механизм – символическая деквалификация и несовпадение культурных кодов. Этот механизм связан с неформальными нормами и стилями, принятыми в различных цифровых сообществах. Для того чтобы быть не просто присутствующим, но «своим», молодой человек должен владеть определенными кодами: языком, мемами, нормами коммуникации, представлениями о релевантности [7]. Исследования показывают, что молодежь из разных социальных, образовательных и культурных контекстов обладает разным «словарем» цифрового взаимодействия. Те, чьи культурные коды не совпадают с кодами доминирующих сообществ, подвергаются символической деквалификации: их сообщения игнорируются как «неинтересные», «странные», «провинциальные» или «неформатные». При этом формального запрета на участие нет – есть мягкое, но систематическое исключение через молчание и игнорирование. Российские исследователи фиксируют этот феномен у молодежи из моногородов и сельской местности, где доступ к интернету есть, но культурные коды и языки самовыражения систематически не совпадают с «мейнстримом» русскоязычного цифрового пространства [6].

Классическое определение маргинализации предполагает утрату индивидом или группой прежнего социального статуса и невозможность успешно функционировать в новой среде. В применении к цифровой среде и к российской молодежи требуется корректировка. Мы предлагаем понимать цифровую маргинализацию молодежи как процесс, при котором молодой человек формально встроен в цифровую среду (имеет аккаунты, устройства, базовые навыки), но систематически исключен из интерактивного признания (его контент не получает отклика, инициативы не поддерживаются, голос не слышен), что приводит к невозможности конвертировать онлайн-присутствие в символический, социальный или экономический капитал. Ключевое отличие от классического «цифрового разрыва»: проблема не в доступе или навыках, а в режиме взаимодействия. Человек не может быть замечен, хотя он старается; не получает обратной связи, хотя подает сигналы. Эмпирическими индикаторами присутствия без участия для российской молодежи могут выступать: систематическое неполучение ответов на комментарии и сообщения в социальных сетях и мессенджерах при попытках инициировать диалог; значительное расхождение между временем, проведенным в сети (например, 5 и более часов в день), и объективными метриками вовлеченности (лайки, репосты, цитирования – один-два лайка в час и менее); декларируемое чувство «разговора в пустоту» и отсутствия признания при опросах и интервью. Опросы среди российской молодежи показывают, что до 30 % активных пользователей социальных сетей испытывают подобные ощущения на регулярной основе.

Присутствие без участия не является безобидным феноменом. Для российской молодежи оно может оборачиваться целым комплексом негативных социально-психологических и поведенческих последствий. На индивидуальном уровне фиксируется снижение самооценки, формирование устойчивого ощущения собственной незначимости и ненужности в цифровом пространстве, что коррелирует с ростом тревожности и депрессивных состояний. Утрата мотивации к проактивному поведению в цифровой среде проявляется в постепенном отказе от создания оригинального контента, свертывании коммуникативной активности, переходе в пассивный режим «наблюдателя», который лишь потребляет, но не производит и не взаимодействует. Формируются пассивные стратегии потребления контента вместо производства и активного участия, что ведет к деградации цифровых навыков высшего порядка (критическое мышление, аргументация, публичная самопрезентация). Параллельно наблюдается потенциальная атомизация и уход в закрытые микросообщества (тематические каналы, закрытые чаты, группы с высоким порогом входа), что, с одной стороны, является защитной реакцией, а с другой – усугубляет цифровую изоляцию от публичных пространств. Социальным механизмом, связывающим отдельные психологические состояния в групповой эффект, выступает феномен «тихого исключения»: молодой человек продолжает формально присутствовать, но перестает получать какую-либо обратную связь, его коммуникативные сигналы систематически игнорируются, что переживается им как социальная смерть в цифровом публичном пространстве.

В долгосрочной перспективе, если присутствие без участия становится устойчивой характеристикой значительной части российской молодежи, это ставит под фундаментальный вопрос тезис о «цифровом поколении» как единой интегрированной группе, объединенной общим опытом и возможностями. Возникает новая линия социального расслоения внутри молодежи, проходящая не по классической линии «доступ – отсутствие доступа» (которая в России в значительной степени преодолена), и даже не по линии «образование – отсутствие образования» (поскольку цифровые навыки распределены неравномерно, но не полностью коррелируют с формальным образованием), а по линии «видимость – невидимость» внутри цифрового публичного пространства. Критериями принадлежности к «видимым» становятся не столько реальные действия и заслуги, сколько способность соответствовать алгоритмическим критериям релевантности и владение культурными кодами доминирующих сообществ. Молодежь из больших городов, имеющие «стартовый капитал» (в том числе связи с медийными людьми, опыт публичных выступлений, знание актуальной повестки), получает цифровое признание, которое, в свою очередь, конвертируется в реальные социальные и экономические преимущества (стажировки, приглашения на мероприятия, возможности монетизации контента). Молодежь из малых городов и сельской местности, а также молодые люди из семей с низким социально-экономическим статусом, владеющие иными культурными кодами и не имеющие доступа к механизмам первоначального продвижения, систематически остаются на периферии цифровой публичной сферы. Их голоса не слышны, их контент не виден, их инициативы не получают поддержки. В цифровой среде, которая все чаще выступает пространством социального лифта и платформой для самореализации, эта систематическая невидимость консервирует и даже углубляет уже существующие региональные и социальные диспропорции в стране [5]. Цифровое пространство, которое декларируется как открытое и меритократическое, на деле воспроизводит и усиливает офлайн-неравенства, добавляя к ним новое измерение – измерение алгоритмически опосредованного признания.

В ответ на это молодежная и цифровая политика в России должна выходить за рамки традиционных мер по обеспечению технического доступа и обучению базовым цифровым навыкам. Необходима разработка и внедрение качественно иных метрик вовлеченности, которые оценивали бы не только время присутствия, но и реальное участие в публичном диалоге, возможность влиять на повестку, получать обратную связь и признание.

Среди возможных ответов на эту ситуацию – поддержка таких цифровых пространств, где алгоритмы не давят своей тяжестью, где видимость не определяется в первую очередь популярностью. Речь идёт о малых курируемых сообществах, где модератор не просто следит за порядком, а помогает голосам не затеряться. О тематических каналах, где участников видят не по рейтингу, а по смыслу сказанного. О лентах без бесконечной подгонки под «интерес» – неранжируемых, где не пытаются угадать, что тебя зацепит, а просто дают пространство для высказывания. И даже о проектах, напоминающих старое доброе общественное телевидение, где приоритет – не погоня за охватами, а содержательность.

Ещё один важный ход – создание площадок, где молодой человек может получить внятную, но формальную обратную связь и помощь в том, как вообще становится заметным в цифровой среде без этих вечных «накруток», без фейковых активностей и дешёвых трюков. Чтобы можно было учиться быть видимым честно, а не вылетать из игры просто потому, что не знаешь правил.

И наконец – образование. Только не в духе «расскажем про безопасность в интернете». Нужны совсем другие разговоры: как устроены эти чёрные ящики под названием алгоритмы, почему одни посты видят тысячи, а другие – трое. Как вообще понять, замечен ты в сети или просто маячишь где-то на периферии. И, пожалуй, самое сложное – как не сойти с ума от цифр, не привязать собственную ценность к лайкам и просмотрам, не измерять себя этими бесконечными счётчиками. Потому что если этого не делать, то молодежь так и останется в ситуации, когда она вроде бы здесь, в сети, но её как будто нет. А это дорога в никуда. Формирование у молодежи способности к рефлексии собственного цифрового опыта и к различению «присутствия» и реального «участия» становится одной из ключевых задач со-

временной молодежной политики в условиях всеобщей цифровизации. Без решения этой задачи риск закрепления цифровой маргинализации как устойчивого социального механизма воспроизводства неравенства будет только возрастать, подрывая сами основания меритократических ожиданий, связываемых с развитием цифрового общества. В статье предложена концепция «присутствия без участия» как способа описания цифровой маргинализации молодежи, в том числе российской. Показано, что формальное наличие в цифровой среде не равняется реальной интеграции: молодой человек может быть подключен, активен и даже мотивирован, но при этом оставаться невидимым для алгоритмов и исключенным из систем признания. Выделены три механизма, порождающих этот разрыв в российском контексте: алгоритмическая невидимость, ритуализация действий и символическая деквалификация. Предложенная концепция требует эмпирической проверки на российской выборке. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественное измерение доли российской молодежи, находящейся в ситуации присутствия без участия, качественный анализ переживания этого состояния для разных социально-региональных групп, а также сравнительный анализ различных типов цифровых платформ с точки зрения их вклада в маргинализацию или интеграцию молодых пользователей.

Литература

1. Бородкина О. И. Цифровое неравенство в России: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 45–62.
2. Ван Дейк Я. Цифровой разрыв / пер. с англ. А. В. Соколова. М. : Издат. дом НИУ ВШЭ, 2021. 280 с.
3. Пассмор Дж. Алгоритмическая культура: как искусственный интеллект меняет медиа / пер. с англ. Т. Р. Морозовой. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. 288 с.
4. Романов Е. В., Согомонов А. Ю. Цифровая маргинальность молодежи в России // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 88–97.
5. Солдатова Г. В., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков // Национальный психологический журнал. 2021. № 2. С. 32–44.
6. Турен А. Возвращение человека действующего / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Прогресс, 1998. 392 с.
7. Бойд Д. Сложно: социальная жизнь подростков в цифровую эпоху / пер. с англ. О. В. Киселевой. М. : Альпина Паблишер, 2018. 296 с.

УДК 316.644:81'276.2:303.425.2(476)

И. В. Мятникова

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

КУЛЬТУРА РЕЧИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МАССОВЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Рассматриваются вопросы, направленные на измерение частоты столкновения граждан с нецензурной лексикой в публичной среде, оценку распространенности ее использования для вербализации эмоций, определение морально-нравственных границ допустимости нецензурных слов, а также фиксацию общего эмоционального отношения к данному явлению. Заключительным предметом анализа выступает уровень общественной поддержки законодательных инициатив, направленных на ужесточение ответственности за употребление ненормативной лексики в общественных местах.

Ключевые слова: ненормативная лексика, культура речи, нецензурная брань, коммуникация, матерные слова, сквернословие, коммуникативные практики.

I. V. Miatnikova

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

PUBLIC SPEECH CULTURE: PUBLIC ATTITUDES REGARDING PROFANITY (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

This article examines issues related to measuring the frequency of public encounters with obscene language in public spaces, assessing the prevalence of its use to verbalize emotions, defining the moral and ethical limits of the permissibility of obscene language, and capturing general emotional attitudes toward this phenomenon. The final focus

of the analysis is the level of public support for legislative initiatives aimed at increasing penalties for the use of obscene language in public places.

Keywords: obscene language, speech culture, foul language, communication, swear words, foul language, communication practices.

Современный этап развития общества характеризуется интенсификацией и диверсификацией процессов коммуникации, что имеет свое отражение на трансформации языковых моделей, которая, в свою очередь, актуализирует вопрос языковой этики [1–3]. Уважение к собеседнику выступает основой культуры личности, без которой продуктивное взаимодействие выстроить крайне сложно [4; 5]. В условиях пластичности языковых норм отношение населения к возможности использовать разные форматы лексики вызывает обоснованный научный интерес в том числе и представителей социологического знания. Однако в данный момент эта проблематика не нашла широкого отклика в трудах отечественных и зарубежных исследователей, что актуализирует представленные в материале данные.

Цель статьи – выявить особенности общественного мнения населения Республики Беларусь относительно использования ненормативной лексики в современном обществе. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси во втором квартале 2025 г. Репрезентативный опрос с объемом выборочной совокупности 900 респондентов (ошибка выборки $\pm 3,3$ %) был проведен методом телефонного интервьюирования (CATI ASSO) и охватил все областные центры, г. Минск, отдельные районные города и сельские населенные пункты.

Использование в речи ненормативной лексики снижает общую культуру общения, нарушает личные границы собеседника и общественный порядок. Культура коммуникации в обществе регулируется морально-этическим сводом правил, а также в рамках правового поля. Абсолютное большинство опрошенных (88,9 %) сталкиваются с использованием окружающих в речи браных слов: происходит подобное часто у 54,8 %, редко – у 34,1 %. Только 6,9 % белорусов указали, что никогда не слышат в речи окружающих нецензурную лексику. Затруднились ответить 4,2 % (рис. 1).

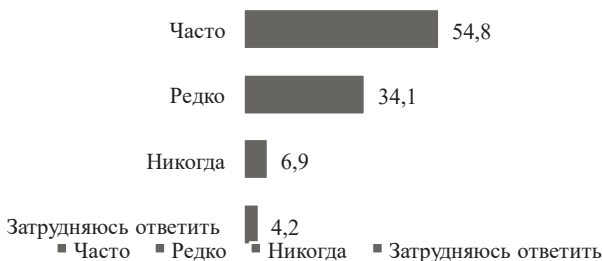

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вы слышите от окружающих матерные слова?», в %

Городские жители чаще, чем сельчане, отмечают, что сталкиваются с нецензурной речью окружающих в повседневной жизни (91,1 % против 81,0 %). Женщины чаще мужчин подчеркивают, что никогда не слышат ненормативную лексику (9,6 % против 3,8 %). Молодежь чаще, чем старшая возрастная группа, попадает в ситуации, где окружающие используют в коммуникации матерные слова (98,5 % против 77,8 %).

Большинство участников исследования (79,1 %) указали, что сами используют нецензурную лексику для выражения эмоций: часто это делают 15,0 %, редко – 64,1 %. Избегают использования нецензурной брани 17,9 % респондентов. Затруднились ответить 3,0 % (рис. 2).

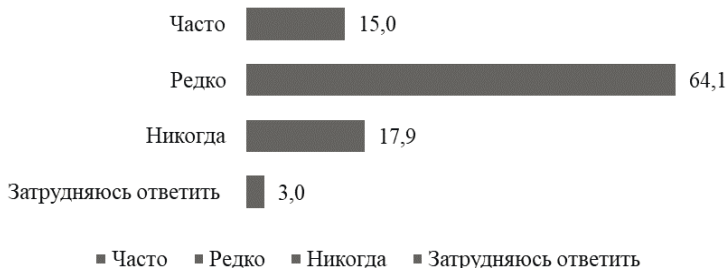

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы сами используете матерные слова для выражения эмоций?», в %

Горожане чаще, чем сельские жители, заявляют об использовании в своей речи матерных слов (80,7 % против 73,4 %). Мужчины чаще отмечают использование в речи нецензурных выражений, чем женщины (85,6 % против 73,5 %). В речи младшего поколения, по сравнению с пенсионерами, чаще присутствуют бранные слова (98,5 % против 53,8 %).

Более трети опрошенных (36,1 %) считают допустимым использование матерных слов в определенных ситуациях, противоположной точки зрения придерживаются 60,0 % респондентов. Затруднились ответить 3,9 % (рис. 3).

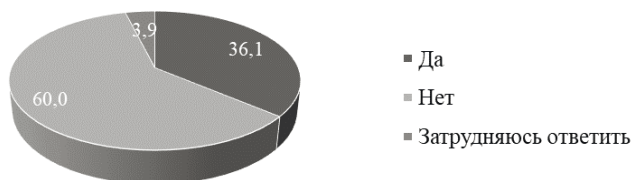

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы допустимым в определенных случаях использовать матерные слова?», в %

Жители городов чаще считают допустимым использование нецензурной лексики в определенных случаях, чем сельчане (37,4 % против 31,4 %). Мужчины чаще, чем женщины, допускают использование матерных слов (48,1 % против 25,9 %) в некоторых жизненных ситуациях. Для младшей возрастной группы ненормативная лексика чаще выступает приемлемой в употреблении, чем для старшей (59,6 % против 23,9 %).

Большинство опрошенных (71,1 %) негативно относятся к употреблению матерных слов, практически каждый четвертый (24,4 %) придерживается нейтральной позиции по данному вопросу, положительно воспринимают нецензурную брань только 2,7 %. Затруднились ответить 1,8 % (рис. 4).

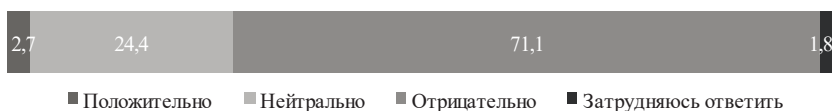

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы в целом относитесь к употреблению матерных слов?», в %

Сельские жители чаще, чем горожане, высказывают негативное отношение к употреблению матерных слов (75,3 % против 70,0 %). Женщины чаще осуждают употребление ненормативной лексики, чем мужчины (78,5 % против 62,6 %). Отрицательное отношение к нецензурным выражениям чаще наблюдается у старшей возрастной группы, по сравнению с младшей (87,2 % против 41,6 %).

Две трети опрошенных (66,3 %) поддержали бы инициативу по ужесточению законодательства в области использования ненормативной лексики в публичных местах, против подобного выступают 25,3 % респондентов. Затруднились ответить 8,4 % (рис. 5).

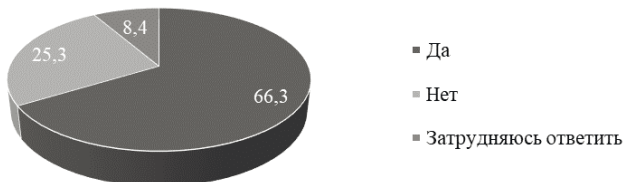

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы необходимым ужесточить законодательство за использование матерных слов в публичных местах?», в %

Горожане чаще, чем жители сельской местности отмечают необходимость ужесточения наказания за использование нецензурной брани в стране (67,6 % против 61,7 %). Женщины чаще, чем мужчины, указывают на целесообразность совершенствования законодательной базы в области регулирования употребления ненормативной лексики в общественных местах (72,7 % против 58,9 %). Люди пенсионного возраста чаще, чем молодежь, подчеркивают актуальность идеи ужесточения наказания за употребление матерных слов в местах скопления людей (71,5 % против 56,5 %).

Проведенное исследование выявило текущую социальную картину присутствия ненормативной лексики в белорусском обществе. С одной стороны, фиксируется практически повсеместное присутствие ненормативной лексики в коммуникативном пространстве: абсолютное большинство граждан (88,9 %) регулярно слышат нецензурную брань от окружающих, а доля тех, кто сам прибегает к ней для выражения эмоций, достигает 79,1 %. С другой стороны, зафиксирован выраженный общественный консенсус относительно неприемлемости сквернословия как социальной нормы. Так, отрицательное отношение к употреблению матерных слов выражают 71,1 % респондентов, четверть (24,4 %) придерживается нейтральной позиции, тогда как положительное восприятие отметили только 2,7 %.

Расхождение в широком использовании ненормативной лексики в повседневности и убежденностью в неэтичности реализации такой практики по результатам исследования зафиксирован на уровне социально-демографических групп. Можно обозначить, что молодые люди и мужчины терпимее относятся к использованию в речи матерных слов, особенно в ситуациях, которые, на их взгляд, «предрасполагают» к этому. Женщины, сельские жители и старшее поколение, напротив, более консервативны и считают такую речевую практику неприемлемой. Можно констатировать то, что ненормативная лексика сохраняет свое место в числе способов разрядки обстановки в ряде эмоционально сложных ситуаций, помогает выстроиться в групповое взаимодействие с низкими моральными барьерами, но вместе с этим сталкивается с осуждением большинства населения.

Важным итогом исследования является общественный запрос на правовое регулирование публичного употребления нецензурной лексики. Две трети опрошенных (66,3 %) поддерживают инициативу по ужесточению законодательства о наказании за использование матерных слов в общественных местах. Данная установка доминирует во всех без исключения анализируемых социально-демографических группах. Запрос на усиление ответственности наиболее характерен для женщин, горожан и людей пенсионного возраста, однако даже в молодежной среде сторонниками ужесточения выступает более половины участников опроса (56,5 %).

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что ненормативная лексика имеет широкую представленность в речи современных белорусов. Однако в массовом сознании граждан страны это соседствует с убежденностью в том, что следование культуре речи имеет свою важность, формируя основы для уважительного и продуктивного коммуницирования с окружающими. Для обеспечения комфортной коммуникативной среды участники опроса допускают более жесткое регулирование использования ненормативной лексики в повседневном общении. Такие установки переводят регулирование из следования этическому кодексу в русло контроля государственных органов.

Литература

1. Федорова А. В., Хорольцева Е. Б. Особенности современных социальных коммуникаций: методологические основания для исследований // Стратегические коммуникации в современном мире : сб. материалов по результатам науч.-практ. конф. Саратов, 27 окт. 2018 г. Вып. 2. Саратов : Саратов. источник, 2019. С. 173–177.
2. Бельский А. М. Специфика коммуникации в информационном обществе // Актуальные вопросы документоведения и информационной деятельности: теории и инновации: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Одесса, 23–24 марта 2017 г. / под общ. ред. В. Г. Спринсяна. Днепрпетровск : Середняк Т. К., 2017. С. 358–364.
3. Бельский А. М. Социальные коммуникации: от традиционных форм до трансформаций в условиях информатизации // Актуальные социально-экономические вопросы: проблемы и варианты решений : сб. материалов Междунар. науч.-практ. Колонна, 19–20 апр. 2017 г. / [отв. ред. Ж. К. Леонова, ред.-сост. Е. И. Медведова, С. В. Крошилин]. Электрон. текст. дан. (1 файл 3,5 Мб). Колонна : ГСГУ, 2017. С. 137–142.
4. Бельский А. М. Коммуникационное воздействие на человека в развивающемся информационно-обществе // Гражданское общество в современном мире : материалы X Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Самара, 6–7 апр. 2017 г. / отв. ред. В. К. Дуюнов. Самара : Самар. гуманит. акад., 2017. С. 117–118.
5. Бельский А. М. Феномен социальной коммуникации: сущность и роль в обществе // Актуальні питання документознавства та інформаційної діяльності: теорії та інновації: зб. Матеріалів V Міжнародної науково-практичної конференції, Одеса, 27–29 березня 2019 р. / під заг.ред. В. Г. Спрінсяна. Дніпро: Середняк Т. К., 2019. С. 425–434.

УДК 316.77

А. А. Наумова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРОФЕЙ, ХРАНИТЕЛЬНИЦА, ЖЕРТВА: ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОССИЙСКИХ МЕДИА

Предлагается типология традиционалистских моделей репрезентации женщин в современном российском медиaproстранстве. На основе вторичного анализа эмпирических исследований новостного дискурса, глянцевого журналов, популярной музыки и каналов в мессенджерах выделены три модели: объективирующе-потребительская («женщина-трофей/десерт»), эстетизированно-духовная («хранительница очага») и патерналистско-виктимизирующая («женщина-жертва/объект заботы»). Показано, что традиционалистский дискурс не монолитен: каждая модель закреплена за определёнными медиажанрами, обладает специфическими языковыми маркерами и ограничивает женскую агентность по-своему. Делается вывод о внутренней неоднородности российских традиционалистских репрезентаций и о маргинальности фреймов успеха и активизма в массовом медиапотокe.

Ключевые слова: гендерные репрезентации, традиционализм, объективация, типология, российские медиа, популярная музыка, гляцевые журналы, мессенджеры, новостной дискурс.

A. A. Naumova

Irkutsk State University, Irkutsk

TROPHY, KEEPER, VICTIM: A TYPOLOGY OF FEMALE IMAGES IN RUSSIAN MEDIA

The article proposes a typology of traditionalist models of women's representation in the contemporary Russian media space. Based on a secondary analysis of empirical studies of news discourse, glossy magazines, popular music, and messenger channels, three models are identified: objectifying-consumerist ("woman as trophy/dessert"), aesthetic-spiritual ("keeper of the hearth"), and paternalistic-victimizing ("woman as victim/object of care"). It is shown that traditionalist discourse is not monolithic: each model is attached to specific media genres, has specific linguistic markers,

and limits female agency in its own way. The conclusion is made about the internal heterogeneity of Russian traditionalist representations and the marginality of success and activism frames in the mass media flow.

Keywords: gender representations, traditionalism, objectification, typology, Russian media, popular music, glossy magazines, messengers, news discourse.

Современное российское медиапространство представляет собой поле конкуренции различных дискурсивных практик, в котором особое место занимают способы конструирования образа женщины. Новостные ленты, гляцевые журналы, популярная музыка и тематические каналы в мессенджерах ежедневно транслируют миллионам россиян модели женского поведения, внешности и социальной роли. При этом, как показывают исследования последних лет, доминирующими остаются не феминистские или эгалитарные нарративы, а традиционалистские репрезентации, воспроизводящие патриархальные представления о месте женщины в обществе [2; 5]. Однако традиционализм не монолитен – в разных медиажанрах и для разных аудиторий он принимает различные формы, которые требуют систематизации.

Цель данной статьи – построить типологию традиционалистских моделей репрезентации женщин в российских медиа на материале новостного, гляцевого, музыкального дискурсов, а также контента, распространяемого через мессенджеры. В отличие от предшествующих работ, анализировавших гендерные образы в рамках одного жанра, мы предлагаем кросс-жанровое сравнение, позволяющее увидеть, как одни и те же патриархальные установки адаптируются под логику разных медиаплатформ. Теоретической рамкой выступает концепция гендерного порядка Р. Коннелла, согласно которой медиа являются одним из ключевых институтов, производящих и легитимирующих гегемонные формы маскулинности и подчиненные формы феминности [6]. Дополнительно мы опираемся на идеи Э. Гоффмана о гендерном «дисплее» – способах презентации пола в визуальной и вербальной коммуникации, которые закрепляют стереотипные роли через повседневные практики изображения [7].

Методологически статья представляет собой вторичный анализ и синтез результатов эмпирических исследований, проведенных в период 2023–2026 гг. Мы используем качественный дискурс-анализ для выделения повторяющихся тематических паттернов и языковых маркеров, характерных для каждого типа традиционалистских репрезентаций. Эмпирическую базу составляют пять источников: анализ новостных публикаций о женщинах (2025) [5] и лингвистических аспектов новой этики в СМИ (2023) [2]; исследование репрезентации красоты в гляцевых журналах (2024) [3]; анализ традиционалистских каналов в мессенджерах (2025) [4]; а также собственный анализ автора текстов популярных музыкальных чартов (2026), выполненный на материале российских треков из топа Яндекс Музыки и Apple Music. Кроме того, в статье представлены результаты контент-анализа публикаций, проведенного указанными авторами, что позволяет нам оперировать обобщенными данными без дублирования первичного эмпирического исследования.

В результате синтеза этих материалов мы выделили три устойчивые модели традиционалистских репрезентаций: объективирующе-потребительскую («женщина-трофей/десерт»), эстетизированно-духовную («хранительница очага») и патерналистско-виктимизирующую («женщина-жертва/объект заботы»). Каждая из них закреплена за определенными медиажанрами, обладает специфическим набором языковых маркеров и выполняет свои социальные функции. В следующих частях статьи мы последовательно охарактеризуем каждую модель, а затем представим их сравнительный анализ и обсудим последствия сосуществования этих образов для российской аудитории.

Первая из выделенных моделей – объективирующе-потребительская – наиболее последовательно реализуется в популярной музыке, гляцевых журналах и новостных публикациях, фокусирующихся на внешности. Ее ключевая характеристика – редукция женщины к телу, физическим параметрам и сексуальной привлекательности. В рамках этой модели женщина перестает быть самостоятельным субъектом и превращается в объект оценки, обладания или рыночного обмена. Как отмечал еще Э. Гоффман в классическом исследовании гендерного дисплея, «в рекламе и других медиа женщина часто изображается в позах, подчеркивающих ее пассивность и готовность к обслуживанию мужского взгляда» [7].

Одним из наиболее ярких языковых маркеров этой модели является гастрономическая метафора. В работе В. А. Ефремова и С. У. Матвеевой показано, что в российских СМИ регулярно встречаются описания женщин как «конфетка», «пышка», «пампушка», «аппетитная». Авторы подчеркивают, что «метафорическое превращение человека в пищу воспринимается как способ превратить его в неодушевленный предмет», а использование таких слов «способствует проникновению гендерных стереотипов в язык и, в конечном итоге, усиливает объективацию, понижает общественный статус женщины» [2]. При этом исследователи фиксируют важную гендерную асимметрию: подобные метафоры практически не применяются к мужчинам, что «позволяет эксплицитно обозначить важную гендерную асимметрию (сексуальной) объективации женщин, но не мужчин» [2].

Сходные тенденции выявлены в анализе глянцевого журналов. Т. Н. Лобанова и А. М. Дубяга обращают внимание на использование уменьшительно-ласкательных суффиксов при описании женской внешности, например, «животик», «нежнотина». По их наблюдениям, «автор намеренно употребляет данную лексическую единицу для привлечения внимания читателя», причем такая стилистика «является своеобразным сравнением к оттенкам, используемым женщинами», и одновременно транслирует «определенную идеологическую “тональность” или “интонацию”, понимаемую как способ интерпретации информации, которая отражает определенную систему ценностей общества и государства» [3].

Особенно отчетливо объективирующе-потребительская модель выражена в текстах популярных песен российских чартов. В проведенном нами исследовании на материале топа Яндекс Музыки и Apple Music за январь 2026 г. было установлено, что в большинстве треков «центральной темой являются гетеронормативные романтические и сексуальные отношения», причем примерно в половине композиций женщина выступает исключительно как объект желания, описания или действий мужского персонажа. Мы выделили устойчивый нарратив «женщины как трофея»: «женский образ встраивается в контекст демонстрации мужского статуса, измеряемого деньгами, дорогими вещами и властью. Женщина становится атрибутом успеха, “призом” или частью “добычи”. Ее ценность определяется внешностью и подчиненным положением». В трети проанализированных нами текстов присутствует прямая или косвенная сексуализация женского тела, часто с использованием вульгарной и сниженной лексики.

Новостной дискурс также воспроизводит эту модель, хотя и в более завуалированной форме. В публикациях о демографии и семейной политике женщина нередко предстает как объект государственной заботы, связанной с ее репродуктивной функцией. Как отмечается в исследовании А. Д. Симаковой, «в новостях о преступлениях часто встречается виктимизирующий дискурс (“пострадавшая”, “жертва”), смещающий фокус с деяния на личность жертвы», а в публикациях общего характера доминируют «контексты, акцентирующие внешность (выглядеть прекрасно, ухоженная) и семейный статус» [5]. Женщина при этом «позиционируется как производная от мужчины (дочь депутата) или в рамках ее репродуктивной и семейной функции» [5].

Объективирующе-потребительская модель объединяет разные медиажанры общим принципом: женщина предстает как объект – взгляда, оценки, обмена, потребления. Ее агентность минимальна или симулирована (как в случае с «материальным договором», где женщина торгуется за Porsche, но остается в рамках мужских правил игры). Языковыми маркерами этой модели выступают гастрономические метафоры, уменьшительно-ласкательные формы, лексика внешности и объектные глаголы. В следующей части статьи мы обратимся ко второй модели – эстетизированно-духовной, которая на первый взгляд противостоит объективации, но также ограничивает женскую субъектность, помещая женщину в пространство дома, семьи и духовного служения.

Вторая модель – эстетизированно-духовная – наиболее полно представлена в тематических каналах мессенджеров, ориентированных на традиционные ценности и семейный уклад. В отличие от открытой объективации первой модели, здесь женщина не сводится к телу и сексуальности, а наделяется духовным измерением, ролью хранительницы дома, носительницы гармонии и культурной преемственности. Однако, как показывает анализ, эта

модель также ограничивает женскую субъектность, закрепляя за женщиной приватную сферу и исключая ее из публичной активности.

В исследовании Э. Декич, проведенном на материале популярных каналов в мессенджерах, таких как «Русская барыня», Vlada Gelman, Prababoushka, «Светлица», Nataashaisrussia, выявлено, что «в период с июня по сентябрь 2025 г. на этих площадках наблюдается акцент на три типа смыслов: возвращение к эстетике прошлого, ритуализация повседневности, соединение духовности и телесности» [4]. Эти каналы создают идеализированный образ женщины, который соединяет традиционные представления о роли женщины – как хранительницы домашнего очага и носительницы духовных ценностей – с визуальной эстетикой современной цифровой культуры.

Лексический анализ, проведенный Декич, показывает, что «частое использование слов и выражений, связанных с чистотой, гармонией, светом и покоем: “тишина”, “мир”, “дом”, “свет”, “душа”», образует «ядро ценностного поля, в котором женственность определяется как внутреннее равновесие и эстетическая целостность» [4]. При этом язык каналов становится более поэтичным и эстетизированным: «слова “мир”, “тепло”, “уют”, “гармония”, “душа” образуют повторяющийся лексический мотив, подчеркивая идею внутреннего равновесия» [4]. Таким образом, «языковая картина женственности строится вокруг тем духовного света, домашнего покоя и эмоциональной мягкости, что усиливает идеологический образ “идеальной женщины” в рамках цифрового традиционализма» [4].

Визуальный ряд, сопровождающий эти тексты, играет ключевую роль в конструировании образа. Как отмечает автор, «фотографии в мягких пастельных тонах, длинные платья, церковная символика, старинная мебель и мотивы русской природы создают атмосферу ностальгии и святости» [4]. Семиотический анализ выявляет устойчивые культурные архетипы – «“барыня”, “матушка”», которые получают новую жизнь в цифровом контексте, а женщина изображается как «посредник между традицией и современностью, как фигура культурной преемственности» [4].

Важной характеристикой этой модели является ритуализация повседневности. В каналах традиционные ценности подаются не как внешняя норма или идеологический манифест, а как личный опыт, эстетически оформленный и эмоционально близкий. Декич пишет, что «происходит мягкая нормализация консервативного дискурса через язык эмоций и эстетического удовольствия», а мессенджеры «превращают идеологию в повседневную практику: вера, семья и скромность преподносятся как элементы гармоничного лайфстайла, а не как политический манифест» [4]. При этом автор подчеркивает, что «женщина в этом пространстве становится не только объектом репрезентации, но и активным субъектом, переосмысливающим традицию через личный опыт, эстетический вкус и эмоциональную саморефлексию» [4].

Сравнение эстетизированно-духовной модели с объективирующе-потребительской обнаруживает важные различия. Если в первой модели женщина – пассивный объект мужского взгляда и потребления, то во второй она – активная (хотя и ограниченная домашней сферой) устроительница уюта, хранительница традиций. Однако обе модели сходятся в том, что не предполагают полноценной женской агентности в публичной, профессиональной или политической сферах. Как показано в исследовании А. Д. Симаковой, фрейм успеха и самореализации («профессионал», «лидер») практически отсутствует в традиционалистских дискурсах и представлен лишь в карьерно ориентированных пабликах, где при этом часто присутствует «гендерный маркер, подчеркивающий исключительность женщины на руководящем посту (женщина-руководитель; она смогла пробиться в мужском мире), что указывает на сохраняющуюся маргинализацию женского лидерства как нормы» [5].

Эстетизированно-духовная модель предлагает более «мягкую» и визуально привлекательную версию традиционализма, адаптированную для цифровой аудитории, но она также закрепляет традиционное разделение на мужскую публичную и женскую приватную сферы. В следующей части статьи мы рассмотрим третью модель – патерналистско-виктимизирующую, в которой женщина предстает как объект государственной или мужской защиты, что также ограничивает ее самостоятельность, но уже через дискурс заботы и жалости.

Третья выделенная модель – патерналистско-виктимизирующая – наиболее последовательно реализуется в новостном дискурсе, а также в публикациях, посвященных демографической политике, репродуктивному здоровью и преступлениям против женщин. В отличие от двух предыдущих моделей, здесь женщина предстает не как объект сексуального потребления и не как эстетизированная хранительница очага, а как жертва обстоятельств, преступлений или собственной слабости, нуждающаяся в защите со стороны государства, мужчин или профессиональных институтов. Ключевая характеристика этой модели – лишение женщины агентности через дискурс уязвимости, зависимости и патерналистской опеки.

В исследовании А. Д. Симаковой, посвященном репрезентации концепта «Женщина» в новостных интернет-ресурсах, выявлено, что в новостных лентах общего характера доминирует «традиционный патриархальный фрейм “Хранительница очага” и фрейм “Объект”», причем «женщина в данных случаях позиционируется как производная от мужчины (дочь депутата) или в рамках ее репродуктивной и семейной функции» [5]. Особенно отчетливо виктимизация проявляется в криминальной хронике: как отмечает автор, «в новостях о преступлениях часто встречается виктимизирующий дискурс (“пострадавшая”, “жертва”), смещающий фокус с деяния на личность жертвы» [5]. Это означает, что внимание аудитории концентрируется не на преступнике и его действиях, а на женщине, ее внешности, поведении или образе жизни, что нередко порождает скрытое обвинение жертвы.

Сходные тенденции описаны в работе В. А. Ефремова и С. У. Матвеевой, где анализируется язык публикаций о женском здоровье и репродуктивном поведении. Авторы показывают, что «медицинские термины, относящиеся к проблеме репродуктивного здоровья, подвергаются в СМИ новой редакции», а журналисты все чаще обращаются к «пропагандируемому новой этикой принципу номинации *people-first language*, согласно которому в первую очередь следует говорить о человеке, а не о его особенностях или диагнозе» [2]. В качестве примера они приводят конструкцию «человек, переживший X», которая используется для описания женщин, столкнувшихся с травматическим опытом: «другие звезды, пережившие выкидыш», «пережившие перинатальную потерю» [2]. Авторы подчеркивают, что «подобные формулировки не так давно вошли в дискурс массмедиа и только-только входят в повседневный дискурс, так как потеря ребенка в результате выкидыша до сих пор остается табуированной темой, с которой связано социальное осуждение или чувство стыда, вины» [2].

Однако, как отмечают В. А. Ефремов и С. У. Матвеева, даже при использовании корректной терминологии сохраняется патерналистский подтекст: «с точки зрения новой этики едва ли не любое высказывание в СМИ, относящееся к деликатной теме материнства и деторождения, является вторжением в личную сферу человека, нарушением личных границ» [2]. При этом сама необходимость специальных «деликатных» формулировок подчеркивает, что женщина в таких контекстах воспринимается как уязвимый субъект, требующий особого обращения.

Патерналистский дискурс особенно заметен в публикациях о демографической политике. В проанализированных Симаковой новостных материалах женщина нередко предстает как объект государственной заботы, причем эта забота направлена прежде всего на ее репродуктивную функцию. Автор приводит примеры высказываний депутатов и чиновников, в которых «женщина должна строить успешную карьеру» ставится под сомнение, а «настоящая успешность» связывается с материнством [5]. В одном из материалов цитируется высказывание: «Что это за успешная, у которой детей нет?» [5]. Таким образом, женщина, не соответствующая традиционной репродуктивной роли, подвергается публичному осуждению, а ее право на самостоятельный выбор фактически отрицается.

Важно отметить, что патерналистско-виктимизирующая модель тесно связана с эфемизацией – стремлением смягчить негативные характеристики. Ефремов и Матвеева показывают, что «современные СМИ продолжают активно использовать эфемизмы» для описания женской внешности, например, «полные женщины», «женщина “в теле”», «пышнотелая красотка» [2]. Однако, по мнению сторонников новой этики, «поиск новых способов языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства индивидов, лишь подчеркивает снисходительность по отношению к дискриминируемым группам и усугубляет представления о том,

что неконвенциональный вес – это то, чего следует избегать или стыдиться, а не просто естественный размер тела» [2]. Иными словами, сама попытка говорить «деликатно» закрепляет представление о женщине как о существе, которое легко обидеть и которое нуждается в особой защите.

Патерналистско-виктимизирующая модель конструирует женщину как принципиально уязвимого субъекта, нуждающегося в опеке – будь то опека государства, мужчины или медицинских институтов. Ее агентность в рамках этой модели практически отсутствует: она не принимает решений, не совершает самостоятельных действий, а лишь страдает, переживает или подчиняется предписанным ролям. Языковыми маркерами выступают страдательные конструкции, лексика уязвимости («жертва», «пострадавшая»), медицинская терминология и эвфемизмы, а также патерналистские высказывания о том, «что должна делать женщина». В следующей части статьи мы проведем сравнительный анализ трех моделей и обсудим последствия их сосуществования для российской медиасреды и аудитории.

Проведенный анализ позволяет представить три выделенные модели традиционалистских репрезентаций женщин в российских медиа в виде сравнительной схемы. Каждая модель обладает специфическими характеристиками – доминирующим медиажанром, ключевым образом женщины, языковыми маркерами и степенью приписываемой агентности.

Объективирующе-потребительская модель («женщина-трофей / десерт») доминирует в популярной музыке и глянцевого журналов. Женщина здесь сводится к телу и внешности, выступая как объект мужского взгляда, оценки и обмена. Языковыми маркерами служат гастрономические метафоры («конфетка», «пышка», «аппетитная»), уменьшительно-ласкательные суффиксы и объектные глаголы. Агентность женщины минимальна или симулирована в рамках мужских правил игры (материальный договор) [1–3].

Эстетизированно-духовная модель («хранительница очага») наиболее полно представлена в тематических каналах мессенджеров. Женщина здесь – носительница духовных ценностей, хранительница дома и семейного уюта, посредник между традицией и современностью. Языковыми маркерами выступают лексемы «тишина», «мир», «дом», «свет», «душа», «уют», «гармония». Агентность женщины ограничена приватной сферой, однако она выступает как активный субъект в рамках этой сферы, переосмысляя традицию через личный опыт и эстетический вкус [4].

Патерналистско-виктимизирующая модель («женщина-жертва / объект заботы») доминирует в новостном дискурсе. Женщина предстает как уязвимый субъект, жертва преступлений или обстоятельств, объект государственной и мужской защиты. Языковыми маркерами служат страдательные конструкции, лексика уязвимости («жертва», «пострадавшая»), медицинская терминология, эвфемизмы, а также патерналистские высказывания о должном поведении женщины. Агентность в рамках этой модели практически отсутствует [2; 5].

Сравнение моделей показывает, что традиционалистский дискурс в российских медиа не монолитен, а внутренне неоднороден. Разные медиажанры закреплены за разными версиями традиционализма, что позволяет аудитории выбирать «удобный» образ женщины в зависимости от потребляемого контента. При этом все три модели объединяет то, что они не предполагают полноценной женской агентности в публичной, профессиональной или политической сферах. Женщина либо объективируется (модель 1), либо помещается в приватную сферу (модель 2), либо конструируется как уязвимый объект заботы (модель 3). Фрейм успеха и самореализации, а также активистский фрейм, выделенные в исследовании Симаковой [5], остаются маргинальными в общем потоке традиционалистских репрезентаций.

Практическая значимость проведенной типологии заключается в возможности ее использования для мониторинга гендерных стереотипов в российских медиа, а также для разработки рекомендаций по созданию более сбалансированного контента. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение того, как эти модели воспринимаются самой аудиторией, а также на сравнительный анализ с постсоветскими странами и на динамику моделей во времени.

Литература

1. Декич Э. Цифровая женственность: традиционные образы и медийные практики в Telegram-каналах // Журналистика XXI века : сб. науч. тр. Белград, 2025. С. 32–37.
2. Ефремов В. А., Матвеева С. У. Язык и гендер в аспекте новой этики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. № 210. С. 265–274.
3. Лобанова Т. Н., Дубяга А. М. Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала) // Litera. 2024. № 4.
4. Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. 432 с.
5. Симакова А. Д. Репрезентация концепта «Женщина» в современном российском медиадискурсе (на материале новостных интернет-ресурсов и постов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Telegram») // Журналистика XXI века : сб. науч. тр. Белград, 2025. С. 70–74.
6. Goffman E. Gender Advertisements. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 84 p.

УДК 349.24

Е. В. Палашенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НАЛОГОВЫЙ КОМПЛАЕНС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются особенности формирования налогового комплаенса в современном российском обществе. Анализируются поисковые запросы в поисковом браузере www.google.com с 2015 по 2025 г. на тему соблюдения налогового законодательства и уклонения от уплаты налогов, выделяются разные периоды и даются характеристики запросов по контексту: экономических, правовых, психологических, морально-этических, управленческих и иных. Даются рекомендации по регулированию налогового комплаенса в России.

Ключевые слова: налоговый комплаенс, уплата налогов, социальные нормы, правовые нормы, развитие общества.

E. V. Palashchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

TAX COMPLIANCE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

This article examines the development of tax compliance in modern Russian society. Google search queries on tax compliance and tax evasion from 2015 to 2025 are analyzed. The different periods are distinguished and the queries are characterized by context: economic, legal, psychological, moral and ethical, managerial, and other. Recommendations for regulating tax compliance in Russia are made.

Keywords: tax compliance, tax payment, social norms, legal norms, societal development.

Налоговый комплаенс – это совокупность социально-организационных, правовых, социокультурных, социально-исторических мер, направленных на соблюдение закона в части налогового законодательства. Налоговый комплаенс – это согласие на уплату налогов и обеспечение социальной и экономической безопасности общества, организации, человека.

Эффективная работа налогового комплаенса повышает уровень социальной ответственности и минимизирует «серые схемы» ухода от налогов. Это инструмент легитимного регулирования социального порядка и общественного воспроизводства.

То, к чему стремятся люди – определяют качество развития легитимного поля в налоговой сфере. Оценить качество этого поля мы попытались через анализ поисковых запросов связанных с соблюдением налоговых норм и их нарушением. Причинами налогового комплаенса выступают иррациональные субъективные представления россиян (Р. Г. Ардашев [1; 2]), внешнее давление в виде экономических санкций (В. А. Скуденков [5; 6]), общие трансформации экономического сознания (П. А. Баев [3; 4]). Налоговый комплаенс – это всегда результат социально-экономического самочувствия граждан и внешних социально-экономических условий организации их жизни в конкретный социально-исторический период и способы их адаптации к новым условиям жизни.

В информационных системах существует достаточно большой объем поиска информации о налогах и способах ухода от них. Нами были проанализировано 7723 запросов по данной тематике с 2015 по 2025 г. Поиск осуществлялся по терминам: «налоговый комплаенс» и «уход от налогов». Данные представлены на рисунке. Как видно из рисунка: максимальный пик готовности и желания соблюдать закон в области уплаты налогов приходится с 2016 по 2019 г. Начиная с 2020 г. – время пандемии COVID-19, затем СВО – привели к тому, что деятельность многих компаний среднего и малого бизнеса значительно свернулась, соблюдение налоговой нагрузки стало проблематично. То же видно в аспекте повышения интереса к способам ухода от налогов – рассматривая динамику неуплаты налогов. Минимальные точки интереса к данной сфере были в 2015 и 2019 гг., а остальные периоды – интерес стабильно возрастающий.

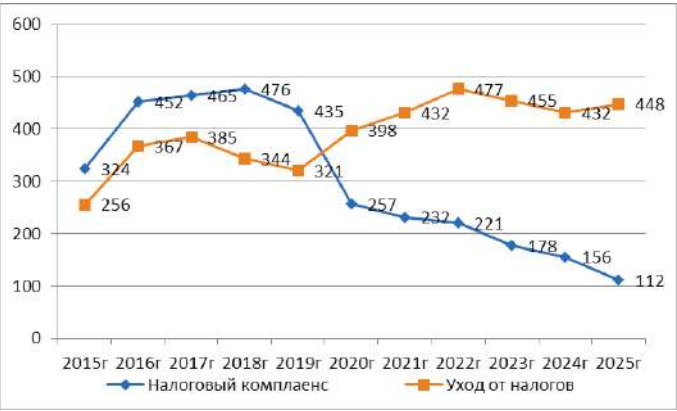

Рис. Поиск информации о налоговом комплаенсе и способах ухода от налогов с 2015 по 2025 г. в поисковой системе www.google.com

Эти данные фиксируют устойчивый интерес россиян к теме налогов в аспекте соблюдения налогового законодательства или его нарушения. Причем, россияне интересовались такие темы как: «наказание от уклонения уплаты налогов» (4782 запроса), «примеры уклонения от уплаты налогов» (3282 запроса), «налоговое поведение» (4622 запроса), «аферы по уклонению от налогов» (4233 запроса), т. е. интерес к данной сфере вызван в большей степени не желанием соблюсти закон, а его нарушить и как себя можно обезопасить в данной мере.

Отдельно стоит выделить поисковые запросы по тематике причин соблюдения налогового законодательства и причин его нарушения (ухода от уплаты налогов). Данные представлены в табл.

Таблица

Причины соблюдения налогового законодательства и причин его нарушения (ухода от уплаты налогов)*

Причина	Примеры	Количество запросов
Экономическая	Нестабильная работа организации Уменьшение прибыли организации Экономические санкции в работе организаций Работа в новых нишах экономики, которые не подпадают под существующее налоговое законодательство (например, закон о платформенной экономике вступает в силу с 1 октября 2026 г., а по факту платформы существуют более 20 лет)	4552

Причина	Примеры	Количество запросов
Правовая	<i>Жесткие законы регулирования налоговой базы работы организации Правовые противоречия начисления налогов Регулирование правовых норм налогового поведения</i>	4311
Психологическая	<i>Внутренняя мотивация отдать как можно меньше государству денег в виде налогов Обесценивание своего труда и минимизация социальной ответственности организации и ее руководителя</i>	3577
Морально-этическая	<i>Обесценивание значимости и действия на всех норм социального договора Принципы «правильного» поведения в обществе через соблюдение норм, правил, законов и табу</i>	3211
Управленческая	<i>Подбор не профессиональных сотрудников не имеющих возможности верно оформить налоговые декларации Невнимательность сотрудников к налоговой отчетности Противоречия налогового законодательства, которые не учитывают сотрудники</i>	2598
Иная	<i>Звезды сошлись не благоприятно Закрепленные на уровне социокультурного контекста нормы не соблюдения законов (в рамках сохранения национальной идентичности, культурных практик и социальных и культурных норм)</i>	563

* Причины анализировались через комментарии на форумах и чатах, посвященных соблюдению налогового законодательства и его нарушению (уклонению от уплаты налогов).

Экономическая причина предполагает неэффективность работы экономической системы общества, где налоги выступают одним из множества факторов, регулирующих социально-экономические отношения общества. Этот показатель выступает самым распространенным, что фиксирует неудовлетворенность экономических притязаний и возможностей россиян.

Правовая причина рассматривает противоречия законодательства, которые могут служить механизмом для уклонения от уплаты налогов. Закон должен работать для всех одинаково, поэтому необходимо системно контролировать нормативно-правовое регулирование современного общества.

Психологическая причина опирается на личностные особенности человека, его индивидуальные мотивы, которые подталкивают к уклонению от уплаты налогов или же действуют в обратном порядке – формируя установки на соблюдение законов и уплату налогов. Внутренние ориентиры готовности соблюдать закон и его нарушать выступают маркерами психологического самочувствия и социальных перспектив развития.

Морально-этические причины опираются на существующие нормы социального договора и позволяют либо нарушать, либо соблюдать законы для человека или сообщества. Это то, что позволяет регулировать и регламентировать социальное взаимодействие на уровне этики и представлений сообщества.

Управленческая причина рассматривает вопросы налогового комплаенса либо как контекст человеческого фактора (вовремя не подали документы) или некому было правильно оформить налоговую отчетность. Это либо становится системным явлением и уход от налогов воспринимается как норма. Либо является исключением из правил и налоги, пусть и со штрафами уплачиваются позже.

Иные причины разнообразны и не столь ярко влияют на контекст и особенности описания проблемы налогового комплаенса в современной России. Но и их стоит учитывать, опираясь на общие условия и механизмы социальной динамики. Этот контекст может как развернуться в будущем в более мощные и значимые показатели, так и вовсе исчезнуть.

Обозначенные выше причины выступают ключевыми векторами социального развития и условиями социально-экономической динамики общественного процесса. Налоговый комплаенс современного российского общества достаточно неоднозначно представлен в об-

публичном дискурсе за последние десять лет. Он состоит из воздействия внешних и внутренних факторов общественного воспроизводства, которые определяют особенности и контекст его развития. Без социальных рамок и перспектив соблюдения легитимных налоговых законов нет стабильного развития общества. Поэтому мониторинг налогового комплаенса может стать одним из механизмов социального моделирования общественного развития.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
3. Баев П. А. Неуплата налогов как показатель трансформации экономического сознания трудящейся молодёжи // Социология. 2025. № 9. С. 39–43.
4. Баев П. А. Социальные последствия цифровизации труда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 4. С. 387–392.
5. Скуденков В. А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250–255.
6. Скуденков В. А. Трансформация жизненных целей молодёжи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.

УДК 316.346.32-053.6(47)

С. Ю. Кувалдин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МОТИВЫ И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Рассматривается российская молодёжь как особая социальная группа и активная часть общества, это обусловлено высокой степенью умственной физической активности мобильности и здоровья. Обосновывается, что молодёжь имеет самый высокий потенциал реализации социальной активности, однако на практике социальная активность среди молодёжи нуждается в стимулировании, а также сильно подвержена влиянию различных внешних факторов экономических, политических, социальных, технологических. Определена структура социальной активности современной российской молодёжи и выявлены приоритетные направления реализации социальной активности молодёжи, также мотивы, обуславливающие выбор той или иной формы социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, социализация, молодёжь, российская молодёжь, интернет активность, волонёрская активность.

S. Yu. Kuvaldin

Irkutsk State University, Irkutsk

MOTIVES AND FORMS OF SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH

Considering Russian youth as a special social group, it can be characterized as the most active part of society, due to the high degree of mental and physical activity, mobility and health. Young people have the highest potential to realize social activity, but in practice, social activity among young people needs to be stimulated, and is also strongly influenced by various external factors, economic, political, social, and technological. This article will examine the structure of social activity of modern Russian youth, identify priority areas for the implementation of social activity of youth, and consider the motives that determine the choice of a particular form of social activity.

Keywords: social activity; socialization; youth; Russian youth; Internet activity, volunteer activity.

В современном российском обществе значительная роль в воспитании и социализации молодёжи, отводится общественным организациям. Говоря о социальной активности, зачастую понимается деятельность в рамках некоммерческого сектора, а в контексте социальной активности молодёжи большинство авторов рассматривают социальную активность молодёжи преимущественно как волонёрскую деятельность.

Общественные объединения воздействуют на личность двойственным образом, и их роль трудно переоценить. С одной стороны, они создают среду, в которой потребности, интересы и цели человека не только удовлетворяются, но и взаимообогащаются. С другой – включённость в такие структуры развивает внутренний потенциал личности через механизмы самоограничения, коллективного выбора и добровольной сверки собственных установок с общепринятыми нормами, ценностями и социальными программами.

Как показывают данные ВЦИОМ: опрос «Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития», за последние полгода–год помощь другим в статусе волонтера оказывали 40 % россиян старше 14 лет. Наиболее свежий опыт добровольческой деятельности зафиксирован у молодежи 14–17 лет – и эта вовлечённость во многом обеспечивают учебные заведения, систематически привлекающие подростков к общественной работе [2].

Некоторые авторы, в частности Е. А. Шуклина в своей статье отмечает тесную взаимосвязь образования и добровольчества, и характеризует эту связь как обширную область междисциплинарных исследований. При этом автор выделяет двойственность этой связи: с одной стороны, объектом исследований можно назвать функциональную нагрузку добровольчества как аспект образовательной и воспитательной деятельности, с другой стороны – образование можно расценивать как систему факторов, обеспечивающих функционирование и развитие добровольчества.

Добровольчество молодежи попадает в фокус педагогики, социологии и психологии не случайно: каждая из дисциплин раскрывает свою грань. Их объединяет внимание к тому, как волонтерство формирует социальную ответственность, запускает гражданскую самоорганизацию, даёт прикладной опыт и тренирует лидерство. Именно через эти механизмы добровольчество влияет на самоопределение, социализацию и развитие личности – так авторы выстраивают связь между практикой помощи и взрослением [6].

Р. М. Шамионов в исследовании приверженности молодежи к различным видам социальной активности, описал склонность к отдельным видам социальной активности. Таким образом в основном молодежь предпочитает такие виды социальной активности, которые так или иначе связаны с основной занятостью, в большинстве случаев это учебная деятельность. Так же важно учесть, что та или иная форма социальной активности может носить частный или общественный интерес, а возможно сочетать их.

Автор отмечает, что для молодых людей значительную роль играют интернет-сетевая, образовательно-развивающая и социально-экономическая активности, они, в свою очередь, имеют тесную связь друг с другом, тем самым представляя жесткую структуру. Наименьшее место в жизни молодежи занимают гражданско-политические формы активности. При этом выявлена взаимосвязь экономической и гражданско-политической активностей, т. е. ранняя экономическая активность, выраженная в финансовой независимости и финансовой самостоятельности в молодом возрасте, может провоцировать гражданско-политическую заинтересованность [5].

Одним из ключевых способов проявления активности молодежи как фактор социальной активности молодежи является интернет среда, а главным образом социальные сети. Согласно ВЦИОМ молодежь от 18 до 34 лет называет одним из своих любимых занятий интернет/компьютер/соцсети (на втором месте после «спорт / спортзал / физкультура / спортивные игры») [4].

В. В. Радаев отводит особое внимание влиянию социальных сетей, на жизнь молодежи, рассматривая социальные сети как фундамент для формирования и функционирования. Это влияние продолжает возрастать, и оказывать всё более значительное влияние на социальную активность граждан и в частности молодежи. Также автор В. В. Радаев отмечает одной из особенностей проявления социальной активности молодежи в контексте цифрового пространства растущий межпоколенческий цифровой разрыв, в то время как молодежь всё больше переносит различные жизненные интересы в сеть, тем выше социальный разрыв между со старшими поколениями [3].

Из вышеизложенного следует, что самая социально активная часть молодёжи – это студенты и ученики. При этом основные формы социальной активности молодёжи часто определены либо общественной или волонтерской деятельностью зачастую обусловленной образовательными учреждениями, либо сопряжены с активностью в интернет пространствах. Одной из особенностей социальной активности современной молодёжи можно назвать растущий цифровой разрыв, связанный с переносом активности молодёжи в интернет пространства.

Литература

1. Арендачук И. В., Кленова М. А., Усова Н. В. Характеристики образовательно-развивающей активности студентов в условиях вынужденной самоизоляции // Психологическая наука и образование. 2022. № 2. С. 82–95.
2. Волонтерство и добровольчество как ресурс социального развития // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-i-dobrovolchestvo-kak-resurs-socialnogo-razvitiya> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Радаев В. В. Растущая вовлечённость в социальные сети и зависимость их пользователей в молодых поколенческих группах // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 127–158.
4. Увлечения молодёжи – 2025 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uvlecheniya-molodezhi-2025> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн-среды / Р. М. Шамянов, Н. В. Суздальцев, Е. Е. Бочарова, Ю. А. Акаёмова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. № 1. С. 38–50.
6. Шуклина Е. А., Певная М. В., Минченко Д. В. Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области // Вестник Института социологии. 2024. Т. 14, № 2. С. 92–113.

УДК 316.74:32

А. М. Ворожцов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ЭКСПЕРТНЫЙ ФУНДАМЕНТ ПОНИМАНИЯ ПОЛИТИКИ

Рассматривается политическая социология как дисциплина, исследующая политические процессы через призму их связи с обществом и с помощью которой можно проводить экспертный анализ политических процессов в обществе. Указывается, что в современном мире полном вызовов и угроз расширяется роль экспертов для исследований данной отрасли знания.

Ключевые слова: политическая социология, уровни анализа, политические механизмы, политические институты, экспертная оценка, понимание политических процессов.

A. M. Vorozhtsov

Irkutsk State University, East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

POLITICAL SOCIOLOGY AS AN EXPERT FOUNDATION FOR UNDERSTANDING POLITICS

This article examines political sociology as a discipline that studies political processes through the lens of their connection to society. It can be used to conduct expert analysis of political processes in society. The author notes that in today's world, full of challenges and threats, the role of experts in this field of study is expanding.

Keywords: political sociology, levels of analysis, political mechanisms, political institutions, expert assessment, understanding political processes.

Политическая социология, также известная как социальная политология, представляет собой междисциплинарную научную область, расположенную на пересечении социологии и политологии. Эта дисциплина исследует политические процессы через призму их связи с обществом, рассматривая, каким образом социальные группы вовлечены в политическую жизнь, создают институты и оказывают воздействие на властные структуры [1]. Политиче-

ская социология неразрывно связана с историей, социальной психологией, политологией и юриспруденцией. Становление политической социологии в качестве самостоятельной научной области обусловлено совокупностью социальных, политических, методологических и теоретических факторов. Данные детерминанты неразрывно связаны с трансформациями в современном общественном устройстве, необходимостью глубокого экспертного анализа политических процессов в обществе, существующими глобальными угрозами и вызовами.

Как самостоятельная область знания она оформилась в первой половине XX в. и прочно закрепилась в научной среде. В рамках научного интереса политической социологии принято выделять четыре уровня анализа:

1. Международные отношения – система связей между государствами, в контексте глобального политического процесса, а также правовые, идеологические, экономические, военные, дипломатические и культурные взаимодействия.

2. Внутргосударственные – политико-территориальная форма организации суверенного общества с собственным административным аппаратом и механизмами принуждения, обязательными для всего населения. Происходит изучение роли и типа государства в социуме.

3. Общественные отношения – многообразные связи между людьми, группами, организациями и институтами, возникающие в ходе их деятельности. Эти отношения формируют социальную структуру, определяют распределение ресурсов, а также социальные роли и статусы индивидов, что позволяет анализировать природу и организацию политических партий и движений.

4. Личностный уровень – на данном уровне фокус исследования смещается на отдельного человека, его внутренние процессы, индивидуальные особенности и прямое взаимодействие с окружающей средой, в рамках участия индивида в политической жизни.

На любом из этих уровней будет важна экспертная оценка происходящих процессов для выстраивания алгоритма развития политической ситуации.

Начиная с последней четверти XX в., научное сообщество уделяет повышенное внимание исследованию глобализационных процессов и их воздействия на социально-политические трансформации в разных государствах. В центре экспертных дискуссий остаются вопросы национальной и групповой идентичности, а также пересмотра роли государства как гаранта социального порядка и управляющей структуры. Активно обсуждаются эффективность международных политических организаций, влияние инновационных технологий на политические механизмы, а также сложности демократизации в развивающихся странах.

Согласно определениям, сформулированным на международном политологическом коллоквиуме 1948 г., политическая социология охватывает следующие аспекты:

- 1) эволюцию политической мысли и актуальные идеологические концепции;
- 2) функционирование политических структур и характер их взаимодействия;
- 3) взаимоотношения между личностью и государством, а также механизмы гражданского участия в его управлении;
- 4) формирование социальных объединений на политической основе (политических партий, профсоюзов, общественных движений и т. д.);
- 5) динамику и векторы развития мировой политики и её интеграцию с общественными процессами.

В связи с этим становится понятным, что данная дисциплина исследует такие области жизни как:

- модели построения политического поведения различных социальных слоёв общества;
- существующую и перспективную системы политических ценностей и ориентаций;
- силу влияния общественного мнения на политическую повестку;
- имеющуюся социальную поддержку политических режимов и партий;
- взаимодействие политической и социальной систем в контексте распределения и осуществления власти в государстве и в международных отношениях.

Основателями политической социологии по праву считаются К. Маркс и М. Вебер. Как относительно самостоятельная дисциплина политическая социология окончательно сформировалась в середине XX в. При этом наибольший вклад в её развитие внесли В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс, К. Манхейм, П. Лазарсфельд, Г. Алмонд, С. Липсет, Т. Парсонс, Р. Даль, Р. Дарендорф, Ю. Хабермас, Р. Инглхарт и другие учёные [2]. Формирование теоретического фундамента этой области произошло благодаря работам классиков политической философии, среди которых выделяются Томас Гоббс, Джон Локк и Шарль Луи де Монтескьё. Первые же элементы социологического видения политики присутствовали ещё у мыслителей античности и Нового времени (Платон, Аристотель, Ж. Боден, Т. Гоббс, Ш. Монтескьё, А. де Токвиль).

В отличие от политологии, которая исследует влияние политических институтов и процессов на общество, политическая социология исходит из общества и изучает его влияние на государство и формальные политические институты [3]. Одновременно изучая происходящие в ходе этого влияния социальные конфликты и способы их разрешения, ведь там, где есть общество неизбежно появление конфликтов, в том числе и политических [4].

В политической социологии, как и других отраслях социологического знания, есть ключевые понятия в первую очередь это:

- политика, власть, господство, государство, политическое участие;
- политическая система, политическая культура, электорат, электоральное поведение;
- социальное пространство, габитус, поле политики, политическая социализация.

В ходе развития политической социологии её приоритетными темами и проблемами стали: социальные основания политического порядка и легитимность политической власти; классовый конфликт и консенсус; социальные факторы, способствующие возникновению и поддержанию демократических политических режимов; основания и формы проявления власти и господства одних групп над другими; бюрократия и олигархия; политическое представительство, его основные механизмы и формы; политическое участие и электоральное поведение; гражданское общество и его институты; социальная напряжённость и политический протест; идеологический и культурный фактор в политике, а также экспертные оценки этих и других тем [2].

В Советском Союзе политическая социология как область научных изысканий долгое время находилась в застое, и её активное развитие началось лишь в 1960-х гг. В период с 1970 по 1980-е гг. фокус данной науки сместился на изучение политического участия и активности граждан. На современном этапе ключевыми объектами анализа в российской политической социологии выступают: электоральное поведение и сознание избирателей; трансформация политической культуры и происходящие процессы социализации населения; развивающаяся динамика гражданского общества и его активность; а также механизмы функционирования политических институтов и органов власти. Вся эта масса знания требует своей экспертной оценки.

Происходившие в мире социальные сдвиги, включая индустриализацию, урбанизацию, усиление стратификации и мобильности, формировали новые политические реалии, требующие социологического осмысления. Так, переход от аграрного уклада к индустриальному в XIX в. спровоцировал появление рабочего класса, что, в свою очередь, породило новые политические движения и идеологии. В XX–XXI вв. глобализация, технологический прогресс и развитие медиа усилили запрос на экспертное изучение влияния этих процессов на политическое сознание и поведение граждан.

В дальнейшем переход от авторитарных режимов к демократическим, а также процессы демократизации и плюрализации политической жизни выступили катализаторами развития политической социологии. На первый план вышли вопросы легитимности власти, политического участия различных социальных групп в управлении государством, электорального поведения, а также социальной базы партий и режимов. В этой связи для нас будет интересно развитие политической социологии в современной России. В середине 1990-х гг. в России демократизация стала ключевым объектом проводимых исследований, несмотря на то, что

она одновременно порождала новые противоречия и конфликты. При этом экспертный анализ социальных причин и механизмов развития политических конфликтов, социальной нестабильности, протестных явлений и межнациональных противоречий стал важнейшей задачей. Политическая социология начала исследовать истоки формирования анархистских и радикальных групп, а также вопросы баланса интересов большинства и меньшинств, взаимодействия власти и оппозиции в нашей стране.

Появление политической социологии было обусловлено потребностью в интеграции социологии и политологии после периода их разделения. Социологическая перспектива фокусируется на влиянии социальных структур на политические процессы, тогда как политологическая изучает институты власти и механизмы её осуществления.

Интенсивное накопление эмпирического материала в период с XIX по первую половину XX в. заложило фундамент для понимания политического опыта разных государств. Благодаря внедрению социологических методик появилась возможность детально исследовать общественное мнение, электоральные предпочтения, политические противоречия, влияние медиа и особенности политической культуры. Всё то из чего можно вычлениить эмпирический материал для исследований. Однако только после формирования послевоенного мироустройства по итогам Второй мировой войны, политическая социология утвердилась в статусе независимой научной дисциплины. В качестве методологической базы которой стала использоваться позитивистская установка, разработанная Э. Дюркгеймом и его последователями структура функционализма дала возможность рассматривать функции социальной стратификации и их воздействие на политические процессы.

Модернизационные трансформации, в частности экономические реформы, нередко игнорировали особенности менталитета населения стран, массового сознания и социальных запросов, что провоцировало системные кризисы и рост социальной поляризации. Политическая социология позволила осмыслить эти вызовы и разработать стратегии их преодоления основанные на заключениях экспертов, выделивших взаимосвязи между социальными изменениями и политическим самосознанием, что обеспечило более глубокое понимание происходящих политических процессов.

В заключение нашей работы можно отметить, что дальнейшая эволюция политической социологии обусловлена современной динамикой социально-политических событий в странах и мире, необходимостью междисциплинарного взаимодействия, наследием классиков социологической и политологической мысли, а также интенсификацией роли экспертов для исследований данной отрасли знания.

Литература

1. Рысаков Е. С. Политическая социология, её объект, предмет и методология // Интернаука. 2019. № 12-1 (94). С. 40–42.
2. Термины: политическая социология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/politicheskaja-sotsiologija-b2472c> (дата обращения: 02.05.2026).
3. Рысаков Е. С. Политическая социология, её объект, предмет и методология. Интернаука. 2019. № 12-1 (94). С. 40–42.
4. Черенцова Ю. В. Обобщающая теория социального конфликта и её влияние на общество // Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты : материалы V Всерос. науч.-практ. конф.. Иркутск, 2025. С. 176–181.
5. Масловский М. В. Социология политики: классические и современные теории : учеб. М. : Новый учебник, 2004. 172 с.
6. Политическая социология : учеб. пособие : в 2 ч. / А. И. Вертешин [и др.]; под общ. ред. В. К. Мокшина, С. И. Шубина. Архангельск : ИД САФУ, 2014. Ч. 1 : Власть и гражданское общество. 363 с.
7. Романовский Н. В., Тощенко Ж. Т. О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 3–21.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются основные проблемы военно-патриотического воспитания в вузе, особенности патриотической риторики в формировании социальной ответственности молодежи за будущее страны и служению Отечеству. Выделяются два ориентира военно-патриотического воспитания – развитие гражданской идентичности и патриотизма среди молодежи, а также военно-патриотическое служение молодых людей, которое выражается в готовности обеспечить социальную безопасность государства через несение воинской службы и обеспечения правоохранительной деятельности в обеспечении безопасности общества. Приводятся результаты исследования представлений студенческой молодежи о целях социальной безопасности общества через военно-патриотическое воспитание.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, военно-патриотическое воспитание, студенты.

М. А. Kobets

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION IN HIGHER EDUCATION AS A CONDITION FOR SOCIAL SECURITY

This article examines the main issues of military-patriotic education in higher education. It explores the specifics of patriotic rhetoric in fostering youth social responsibility for the country's future and service to the Fatherland. Two pillars of military-patriotic education are highlighted: the development of civic identity and patriotism among young people, and the military-patriotic service of young people, which is expressed in their willingness to ensure the state's social security through military service and law enforcement activities in ensuring public safety. The article presents the results of a study of student youth's perceptions of the goals of social security through military-patriotic education.

Keywords: youth, patriotism, military-patriotic education, students.

Социальная безопасность общества напрямую зависит от условий организации военно-патриотического воспитания молодежи. Социальная безопасность опирается на небезразличных людей к своему прошлому и своему будущему.

Военно-патриотическое воспитание позволяет формировать преемственность поколений через знание своей истории, почитание героев прошлого, которые своим примером формируют ценности и морально-этические ориентиры гражданина страны. Также, прошлое определяет будущее: какие будущие герои должны быть, на что могут обращать внимание и как управлять процессами формирования будущих защитников Отечества.

Знание военно-патриотического прошлого страны – это половина процесса воспитания молодежи. Вторая половина – это умение полученные знание встроить в аксиологические установки, эмоциональные переживания, когнитивные знания и, наконец, поведенческие реакции молодых людей. Чтобы полученный опыт не был просто информацией, не связанной с реальной жизнью, а опирался на реальные жизненные выборы и стратегии жизненного пути, связанные не только с личным обогащением, но и с формированием реальных ценностей в процессе служения Отечеству.

Цель современного военно-патриотического воспитания – это формирование высоко-нравственной личности, знающей свое прошлое и умеющей ценить заслуги героев прошлого, умеющего использовать возможности настоящего в обеспечении социальной безопасности современных трансформаций и моделирующих варианты личного будущего с учетом государственных интересов. Это возможности использовать свои знания, навыки, умения на благо себя и общества, в интересах государства [5; 6]. Поставленная цель достаточно сложно реализуема, если подходить к ней глобально, но если разбивать ее на задачи, а каждую задачу наполнять конкретными мероприятиями, то и результат приложенных усилий будет заметен.

В контексте реализации обозначенной выше цели, формируются два ориентира. Первый – развитие гражданской идентичности и патриотизма среди молодежи [3; 4]. Второй – военно-патриотическое служение молодых людей, которое выражается в готовности обеспечить социальную безопасность государства через несение воинской службы и правоохранительной деятельности в обеспечении безопасности общества [1; 2].

Для изучения особенностей обеспечения социальной безопасности общества через военно-патриотическое обучение молодежи, мы провели опрос студентов ИГУ и ИрННТУ, участвующих в военно-патриотической подготовке в Военных учебных центрах вузов ($n = 500$) в возрасте от 18 до 25 лет на предмет осознания ими важности вопросов социальной безопасности в процессе воспитательной деятельности в Военном учебном центре. При обработке результатов использовалась программа SPSS.

Молодые люди, говоря о социальной безопасности общества, указывают несколько сфер безопасности: безопасность от внешних (70 %) и внутренних угроз – 30 %.

Под внешними угрозами они понимают военные действия против нашей страны в виде открытого вооруженного конфликта (25 %), экстремистской и террористической деятельности (40 %), идеологической борьбы в виде подрыва морально-этических и ценностных ориентаций (35 %). Под внутренними угрозами указывается обеспечение безопасности жизни и здоровья молодежи как основы социальной стабильности (56 %), а также необходимости спортивной подготовки (в частности военно-спортивной подготовки, которая опирается на социокультурную и историческую основу спортивных состязаний, а также активно поддерживает национально-идеологическую систему подготовки патриотов) – 44 %. Оба эти показатели выступают пассивными условиями обеспечения общей безопасности страны. Соотношение внутренних и внешних угроз представлено на рис. 1.

Рис. 1. Смыслы внешних и внутренних угроз обеспечения социальной безопасности в контексте военно-патриотической деятельности

Обращает на себя внимание тот факт, что открытые военные действия – только для четверти молодежи являются фокусом внимания для военно-патриотической деятельности в обеспечении социальной безопасности. То, что гражданские сферы активно участвуют в вопросах обеспечения социальной безопасности – показывает социальную нестабильность и высокий уровень угроз в формальном обеспечении безопасности и субъективном переживании безопасности жизни. Среди опрошенных чувствуют социальную безопасность немногим более трети опрошенных – 33 %, остальные испытывают тревогу (25 %), ощущают постоянные риски безопасности (22 %), находятся в постоянном ожидании социальных, экономических, политических, военных и иных угроз (20 %). Это в целом указывает на общий тревожный фон молодых людей. На рис. 2 представлены чувства безопасности и угроз безопасности.

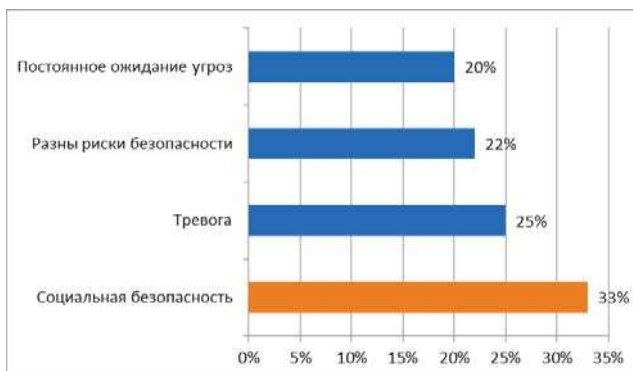

Рис. 2. Соотношение чувств безопасности и угроз безопасности среди молодежи

Молодые люди чувствуют свою ответственность за обеспечение безопасности общества в 30 %, считают, что безопасность должны обеспечивать представители власти – 22 %, представители правоохранительных органов – 25 %, родители – 13 %, педагоги – 10 %. Иными словами, только треть – берет на себя ответственность за свою жизнь и жизнь других в аспекте социальной стабильности и безопасности. Остальные опрошенные ищут опоры и как следствие – возлагают ответственность за социальную безопасность и другие условия жизни на других. На рис. 3 наглядно представлено, кто должен обеспечивать социальную безопасность.

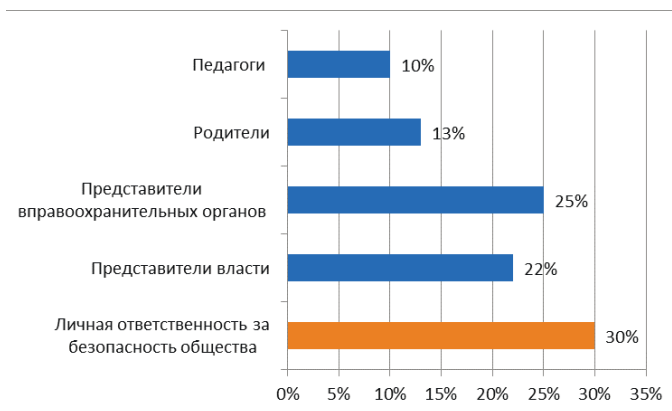

Рис. 3. Кто должен обеспечивать социальную безопасность

Социальная безопасность строится на основе знания истории родного края – 33 %, преемственности поколений – 36 %, изучения культуры народов России (в том числе военно-исторических традиций) – 31 %. Молодые люди приводили примеры интереса к изучению национальных видов боев, подготовки воинов (русские кулачные бои, казачьи состязания, национальные виды спорта малых народов Сибири и Дальнего востока и т. д.).

Хотели бы уехать из страны потому, что не чувствуют своей нужности и возможности реализовать свой потенциал – 16 % опрошенных, 84 % хотели бы жить и работать в России, но при этом идти на воинскую службу готовы только 65 % их них, остальные видят себя в гражданских сферах реализации своего патриотического настроения. Негативными условиями,

способствующими не желанию служить в вооруженных силах, выступает СВО и возможное расширение конфликта. При этом 25 % опрошенных хотели бы заключить контракт на воинскую службу, т. е. профессионально связать себя со службой в воинских подразделениях.

Отдельно молодые люди фиксировали необходимость памяти о героях прошлого и настоящего (78 %). Это важный аспект преемственности поколений, знания силы и потенциала военной реализации молодежи, силы воинской подготовки, которая фиксирует патриотические настроения и ориентиры молодых людей. Герои прошлого могут стать ориентирами реального поведения современных молодых людей.

Для формирования военно-патриотических установок необходимо проводить не только информационно-просветительские мероприятия, посвященные прошлому страны, ее героям (35 %), но и говорить о возможностях быть патриотами современных людей – как и что делать на благо страны, чтобы чувствовать себя гражданином и патриотом (65 %). То есть, существует потребность в практических примерах и реальных акциях и мероприятиях, которая позволит наполнить реальным содержанием (конкретными действиями) сообщество молодых людей.

Выявленные проблемы обеспечения социальной безопасности общества через военно-патриотическую подготовку оперируют к социально-идеологической и государственно-патриотической риторике работы государственных органов, образовательных учреждений и других социальных институтов, способствующих общественному развитию. Военные учебные центры могут лишь частично закрывать обозначенные проблемы обеспечения социальной безопасности. Необходимо формирование межсекторного социального партнерства по формированию военно-патриотических установок молодежи.

Это не только педагогическая проблема воспитания, но и необходимый опыт формирования социальной ответственности и регулирования социального взаимодействия на разных уровнях личной и социальной активности. Молодые люди – это конечный объект реализации государственной военно-патриотической работы, функционирования образовательных и военных учреждений государственного и некоммерческого сектора, имеющих общую цель – формирование гражданской и патриотической позиции у молодых людей, имеющих ответственность за себя и будущее страны.

Необходимо чтобы прошлое России – работало на ее будущее, для этого молодое поколение необходимо настроить на формат социально-активного вовлечения в гражданско-патриотическую сферу жизни общества. Без комплексного взаимодействия всех заинтересованных сторон военно-патриотическая деятельность учебного центра останется формально-просветительской, реальные результаты изменения социального самочувствия молодежи, развития чувства гражданственности и патриотизма возможны через практическую деятельность активного партнерства.

Литература

1. Ардашев Р. Г. Патриотические ценности студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 12 (210). С. 9–19.
2. Ардашев Р. Г., Адилев А. Н. Социальная безопасность: возможности и угрозы адаптационной гибкости // Социология. 2026. № 1. С. 6–9.
3. Баев П. А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
4. Баев П. А. Образы патриотизма: проявления в молодежной среде // Социология. 2026. № 2. С. 29–35.
5. Поллошкевич О. А. Просоциальная риторика спортивных соревнований // Теория и практика физической культуры. 2026. № 3. С. 101.
6. Поллошкевич О. А. Патриотизм и спорт в просоциальной активности молодежи // Теория и практика физической культуры. 2025. № 10. С. 41.

ИТ-СОЦИОЛОГИ КАК ЭКСПЕРТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируются карьерные возможности для социологов на основе принятого в России национального стандарта о профессии с акцентом на ИТ-деятельность. Предполагается, что дипломированный специалист социологического профиля умеет использовать специальные информационные системы и применять статистические методы. Обосновывается, что гуманитарно-прикладной характер современного социологического образования при интересе к информатике может удовлетворять как актуальный для профессионального стандарта спрос рынка ИТ-вакансий, так и оставаться полезным опытом при выборе переквалификации.

Ключевые слова: образование, профориентация, работа, рынок труда, информационные технологии.

O. V. Nelyubova

Irkutsk State University, Irkutsk

IT SOCIOLOGISTS AS AN EXPERT COMPONENT IN THE INFORMATION SOCIETY

This article provides an analysis of career opportunities for sociologists based on the national professional standard of Russia with an emphasis on IT activities. It is assumed that a certified specialist in Sociology is able to use special information systems and apply statistical methods. The applied nature of modern sociological education with an interest in computer science can satisfy both the demand of the IT vacancy market relevant to the professional standard, and remain useful when choosing retraining.

Keywords: education, career guidance, work, labor market, information technology.

Для квалифицированного социолога вопрос о том, кем работает социолог, представляет собой отдельную исследовательскую задачу [1]. В настоящее время в России по-прежнему можно ориентироваться на профстандарт «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям» [2], в котором перечислены все ключевые компетенции, постоянно формирующие спрос на рынке труда.

В общий курс подготовки социолога входит ряд дисциплин, составляющих дискурс специального раздела прикладной статистики, а информационные методы, разработанные для гуманитарных наук, помогают эффективно выполнять задачи анализа данных, что открывает возможность ориентироваться на вакансии аналитика при поиске работы за пределами университета. Проектное предложение, которое составляет социолог еще на этапе образования, позволяет получить в том числе предложение продолжить научно-исследовательскую деятельность по специальности.

Вооружившись собственными амбициями и разработав программу социологического исследования, молодой ученый может оказаться в ситуации, требующей квалифицированной поддержки ИТ-специалистов. Разработка инженерного решения, отвечающего сформированному запросу, в зависимости от сложности проекта может выполняться в компании от пары рук. Развитые информационно-технические комплексы являются залогом стабильности общей экономической системы, и в случае реалистичности замысла и социально-культурной пользы даже самые гуманитарные идеи находят поддержку [3]. Встав уже на место заказчика ИТ-проекта, социолог может столкнуться с властью управления полноценным ИТ-проектом [4]. В таком случае своевременная квалификация по направлению менеджмента ИТ-проектов действительно может сохранить свое интеллектуальное достижение в границах сопряженной с ним трудовой дисциплины.

Приступая к освоению науки, молодой человек может быть всерьез настроен не занимать рабочих мест, не открываемых под его компетенции. В профессиональной среде программистов широко распространена идея, что «программирование – это просто». Легко утверждать и то, что эргономика готовых компьютерных систем открыта различного опыту, а навыки их использования в контексте могут называться нативными. Одним из увлекатель-

ных направлений для прирожденных ИТ-социологов являются именно исследования пользовательских интерфейсов [5], к поддержке которых может приступить приличный социолог с искренним интересом к информационным технологиям или обществу информационных технологий – цифровой социолог. Принципиальная оценка использования для выполнения рабочих задач различных информационно-технических инфраструктур выполняется посредством распространенных методов анализа, например, таких как А/В-тестирование и триангуляция, которые в условиях глобальной цифровизации неплохо подходят в качестве навыков настоящего ИТ-социолога.

Допустим, с курса обществознания средней школы молодой социолог еще не успел задуматься о том, сколько ему требуется знать экономики для карьеры государственного служащего. Однако развитый в университете навык чтения предварительно проанализированных данных, доступных для изучения на отдельных информационных ресурсах, таких как сайт «Работа России», позволит молодому социологу сориентироваться в рамках условной рекомендательной системы, позволяющей парсинг актуальных вакансий и их обзор по релевантности в отношении к имеющемуся резюме дипломированного социолога с обычным для новоиспеченного специалиста опытом научно-исследовательской деятельности в перспективе развития информационного общества. Отношение к возможностям взаимодействия с ИИ-агентами может являться ключевым моментом в профориентации специалиста. Несмотря на реальные риски использования таких инструментов [6], грамотный социолог может занять свое место в качестве ИИ-ассистента на основании аналитической способности к разговору в том числе о персонифицированном обществе, как агента которого легко представить социолога в самом качестве коллективного разума, являющегося проводником между математикой и людьми [7]. В качестве думающего человека обученный промпт-дизайну социолог может являться незаменимым участником серьезных трудовых коллективов, в которых управленческие решения принимаются на основе *качественных* исследований.

Информатизация общества может как укреплять профессиональные амбиции, так и порождать неуверенность в собственных силах. Пока социологи составляют технические задания на суперкомпьютер для исследования больших данных [8], в уточняемой по мере развития информационных технологий иерархии анализа данных, вне всякого парадокса, для получения желаемой работы может понадобиться даже больше времени, чем будет затрачено на высшее образование. Специалист-социолог способен из разных источников составить общий план, включающий тривиальный с точки зрения кибернетики вывод, что сбор данных, их обработка и последующая визуализация порой являются не только разными задачами анализа данных, но уже разными работами. В случае неспособности найти место своим знаниям социологической теории в модной и актуальной цифре, живущей и развивающейся своими стандартами [4; 9], хороший социолог может оказаться в выигрыше при направлении своего интереса, например, в сторону кадрового дела, в котором может быть так же существенен вопрос специализации, как в самой социологии [10].

При методичности и достаточной степени гибкости в поиске работы выпускник социологического факультета может успешно переопределить собственную карьерную траекторию в рамках профессиональных магистратур и программ ДПО, вовремя задаваясь правильными вопросами о своем образовании и достигнутом квалификационном статусе [11].

Литература

1. Рыбакова О. В. Профессия «социолог»: история вопроса о профессиональном стандарте // Мониторинг. 2019. № 4 (152). С. 304–322.
2. Об утверждении профессионального стандарта «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям»: приказ Минтруда России № 751н от 21 окт. 2021 г. // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2166> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Парад цифровых гуманитарных проектов: монография / А. Е. Арефьев [и др.]; отв. ред. А. Ю. Володин. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. 286 с.
4. Ключко И. В. Социологический аспект карьерно-профессиональной модели ИТ-специалистов // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 5. С. 44–50.

5. Выдрина А. С. Современные UX-исследования как эмпирическая база прикладной социологической теории культуры цифрового поведения // Цифровая социология. 2024. № 7 (4). С. 4–12.
6. Смирнов В. А. «Цифровизация» социологии: новые возможности и ключевые противоречия // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2024. № 4. С. 145–160.
7. Бегенова А. А. Математическая логика – мост между математикой и гуманитарными науками // Математика, информатика, физика: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 24–25 апр. 2025 г. Оренбург : Оренбург. гос. пед. ун-т, 2025. С. 180–183.
8. Логинова И. В., Пискалнн А. С., Грозовский Ф. М. Технология анализа больших данных для выявления организационных связей: возможности системы iFORA // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2025. № 60. С. 36–88.
9. Астафьев Я. У. Профессионализация молодых специалистов в области информационных технологий // Россия реформирующаяся. 2025. № 23. С. 294–319.
10. Железный В. А., Кондрацкая Т. А. Повышение эффективности управления персоналом в компаниях // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 72–88.
11. Новожилов А. М. Проблема образования и квалификации как философская проблема информационного общества // Позиция: философские проблемы науки и техники. 2024. № 21. С. 132–140.

УДК 316.334

П. И. Грабельных

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются основные детерминанты развития гражданского общества в России в современных условиях. Внимание акцентируется на важности выдвижения общественных инициатив и их внутренней взаимосвязи с государственными инициативами. Подчеркивается, что угрозы и вызовы в значительной степени влияют на характер и формы проявления общественной активности. Сделан вывод, что развитие гражданского общества в регионах выходит на новый этап.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные инициативы, государственные инициативы, общественная активность, угрозы и вызовы, регион.

P. I. Grabelnykh

Irkutsk State University, Irkutsk

MAIN DETERMINANTS OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS: REGIONAL ASPECT

This article examines the key determinants of civil society development in Russia today. It emphasizes the importance of advancing public initiatives and their interconnectedness with government initiatives. It emphasizes that threats and challenges significantly influence the nature and forms of public activism. It concludes that the development of civil society in the regions is entering a new phase.

Keywords: civil society, public initiatives, government initiatives, public activity, threats and challenges, region.

Во все времена развитие гражданского общества составляло предмет научных исследований и общественных дискурсов. Недаром в свое время К. Маркс высказал мнение, что именно гражданское общество, наряду с такими важнейшими институтами как семья, обуславливает и определяет развитие государства. В своей теории К. Маркс не исключал, что оно является движущей силой государства. В признании взаимосвязи гражданского общества и государства видятся смыслы общественного развития.

В период глобальных турбулентных преобразований гражданское общество активно реализует свой потенциал, находясь под воздействием целого ряда факторов. Основные детерминанты развития гражданского общества в России – это целый комплекс внешних и внутренних факторов, влияющих на организацию и самоорганизацию общественных связей и отношений в социальной системе и опосредующих ее взаимодействие с внешней средой. От характера и широты взаимодействия зависит, какую роль и место будет занимать гражданское общество в государстве.

В настоящее время многие социологи, аналитики, эксперты приходят к мнению, что на фоне снижения социальной активности населения происходит сокращение НКО, общественных организаций и объединений и одновременно происходит увеличение активностей в новых, в том числе, цифровых формах, что не может не настораживать. *Современный мир впервые столкнулся с глобальными вызовами и угрозами совершенно нового формата и природы, которые могут вызвать большие потрясения с большими последствиями.* Для гражданского общества любой страны это новая реальность. Поэтому мы говорим о важности выдвижения и продвижения общественных инициатив в их взаимосвязи с государственными инициативами. Более того, о новых форматах такой взаимосвязи. Полагаем, что современные угрозы и вызовы глобального порядка в значительной степени прямо или косвенно влияют на характер и формы проявления общественной активности.

В современную эпоху процессы развития гражданского общества пересекаются с другими экономическими и социокультурными процессами в России. Наблюдаемые взаимодействия и социальные трансформации говорят о том, что гражданскому обществу следует уделять особое внимание как фламану социального института государства в аспекте видения новых горизонтов и перспектив.

В процессе исторического развития гражданское общество и государство остаются взаимоответственными социальными институтами, определяющими социальный порядок и общественный контроль. Перед лицом глобальных угроз и вызовов прослеживается усиление внутренних и внешних взаимосвязей, проявляющихся через общественный договор и отражающихся в стратегиях единства.

В заключение отметим, что развитие гражданского общества в России и ее регионах сегодня выходит на новый этап своих отношений с государством. В период цифровых трансформаций и гибридных войн чрезвычайно важно понимать необходимость конституирования общественных инициатив в России во взаимосвязи их с государственными инициативами.

Данная работа является продолжением предыдущих публикаций автора по общественным инициативам в современном обществе [1–5].

Литература

1. Грабельных П. И. Общественные инициативы как ценность и их значение в обществе // *Цивилизационные сдвиги в развитии современного города* : сб. науч. тр. / [науч. ред.: Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 259–261.
2. Грабельных П. И. Направленность активизма в полях общественных воздействий в условиях пандемии // *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ* : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 342–343.
3. Грабельных П. И. Роль деятелей культуры в создании новых культурных кодов и сохранении традиционных духовных ценностей // *Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира* : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 490–491.
4. Грабельных П. И. Основные функции и ресурсы современного экспертного сообщества // *Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура* : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 241–242.
5. Грабельных П. И. О значении «ребрендинга территорий» в развитии России (на примере Байкальского региона) // *Методология предотвращения угроз в XXI веке* : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 572–574.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Статья посвящена комплексному анализу влияния социальных факторов на становление системы ценностей российской молодежи в современных реалиях. Данный вопрос рассматривается с точки зрения адаптации современной молодежи к современным реалиям через призму воздействия экономического, информационного, социального и духовного факторов в изменяющемся мире.

Ключевые слова: социальные факторы, социальная адаптация, современные реалии, молодежь, духовные ценности.

A. A. Abbakumova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE FORMATION OF THE VALUE SYSTEM OF RUSSIAN YOUTH IN MODERN REALITIES

This article provides a comprehensive analysis of the influence of social factors on the development of the value system of Russian youth in today's reality. The author proposes to examine this issue from the perspective of modern youth's adaptation to modern realities through the lens of the impact of economic, informational, social, and spiritual factors in a changing world.

Keywords: social factors, social adaptation, modern realities, youth, spiritual values.

Система ценностей и норм современной российской молодежи в настоящее время подвергается различному воздействию как внутреннему, так и внешнему по различной силе и социальному фактору. Понятие фактор отражает основную движущую силу, влияющую на какой-либо процесс или явление. Его можно отразить следующими характеристиками: 1) в своем воздействии они делятся на прямую и обратную связь, на социальные объекты; 2) социальные факты по своей природе многозначные, неоднолинейные и динамичные; 3) в смысл понятия социального фактора вкладывается активная побудительная сила.

В основе данного явления социального фактора вкладывают объективную и субъективную стороны. К объективной стороне относят факторы, выражающиеся в природной деятельности людей, а к субъективным факторам относят проявления ценностей, социальных норм, общественного сознания, которое является внутренним богатством и духовной ценностью индивида.

Социальные изменения, которым подвергается жизнедеятельность общества, как правило, приводит к смене ценностей, духовных и социальных норм и правил, что отражается на духовном и нравственном состоянии людей. Все это оказывает свое влияние на условия жизни молодого поколения в обществе и отражается на его физических, духовных, нравственных началах. В результате чего, смена данных ценностей происходит не всегда в комфортных условиях, а на фоне радикальных социальных изменений в период кризисов, ухудшения материально-технических и экономических ситуаций.

Как следствие, происходит падение уровня и качества жизни населения, в том числе и в тех семьях, в которых есть молодежь. Данную ситуацию они «пропускают» через себя, в результате чего их ценности и духовные принципы смещаются в сторону маргинализации, и порою даже криминализации. То есть происходит влияние одних социальных норм и ценностей на формирование норм и ценностей подрастающего поколения. Однако часть молодежи не поддерживает социальные нормы и духовные ценности, по которым живут их родители.

В данном аспекте можно выделить два разных фактора, влияющих на молодежь: непосредственное влияние и опосредованное влияние. Непосредственное – это тот механизм, который основывается на эмоциональном заражении. Опосредованное – это фактор влияния индивидуально-личностных условий. Рассматривая предпочтения современной молодежи, можно выделить, что самыми востребованными являются интернет ресурсы, такие как социальные се-

ти, информационные сайты, которые в большей степени отвечают потребностям современной молодежи в познавательной и коммуникативной деятельности, а виртуальность и интерактивность являются комфортными формами, отвечающими их потребностям и интересам.

Становление новых экономических реалий и духовные трансформации негативно влияют на развитие психологического и духовного состояний молодых людей, которых данная ситуация ориентирует на простых потребителей материальных благ. В результате чего упрощаются, деформируются социальные нормы и правила. Молодежь не хочет прилагать усилия для освоения новых знаний, профессий. Для них образ в социальной сети оказывается выше, чем реальная жизнь. Все это произошло вследствие стремительного развития цифровых технологий, к которым общество не было готовым. В результате произошел социальный сдвиг, который вызвал частичный разрыв и деформацию между поколениями в передаче информации, знаний, опыта, моральных, духовных, культурных ценностей. Сформировалось новое поколение «чистого листа» или потерянное поколение, которое в своей жизни опирается не на опыт прожитых поколений и полученной информации, а на свой опыт, который они получают в цифровом пространстве. Анализ показал, что данная тенденция в будущем будет только усиливаться.

Мы видим социальные изменения, которые начали происходить в результате технологического процесса. Произошла социальная перезагрузка всех данных направлений до уровня упрощения и универсальности. То есть под этим мы понимаем глобализацию социальных систем в одну мегасистему, которая и будет в будущем доминировать над другими социальными системами. Те социальные системы, которые не смогут адаптироваться и приспособиться к изменяющимся условиям и среде, уйдут с исторической сцены со всем своим опытом, знаниями, которые в данной социальной системе были накоплены прошлыми поколениями.

В заключение отметим, что финансово-экономические изменения и доступность интернет ресурсов сформировали у подрастающего поколения психологические и духовные противоречия с теми нормами, ценностями и духовными началами, по которым жили их родители и предки. Произошло то, что мы можем назвать «перезагрузка» социальной системы на всех уровнях в сторону упрощения и универсальности по отношению к другим социальным системам. Данный процесс набирает обороты, в результате чего многие системы и социальные институты уйдут с исторической сцены, а на их месте будет построена новая социальная система, которая займет место в пространстве выживших систем.

Какими бы современными и удобными не были бы социально-технологические процессы, они пагубно влияют на будущее человечество и новое поколение, делает их уязвимыми перед любыми нештатными ситуациями, которые могут произойти в жизни в будущем. Тогда как сила социальных систем кроется в их разнообразии и адаптации к меняющимся условиям и среде обитания.

Литература

1. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М. : Логос, 2005. 192 с.
2. Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 83 с.
3. Бормотов И. В. Обоснование формирования механизма ценностей современной российской молодежи // Известия ТулГУ: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. С. 9–13.
4. Грабельных П. И. Индикаторы качества жизни и успешности жизненных траекторий населения в России // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 484–485.
5. Грабельных П. И. Роль деятелей культуры в создании новых культурных кодов и сохранении традиционных духовных ценностей // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 490–491.

А. А. Гирко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
по Воронежской области, г. Воронеж

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ КАДРОВ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА УРОВНЕ РЕГИОНОВ В РОССИИ

Дана оценка критической ситуации в подготовке молодых кадров для политического анализа в современной России, которая вызывает серьезные опасения на протяжении последнего десятилетия. Необходимо обратить внимание на то, что происходит стремительное развитие цифровых технологий: автоматизация, искусственный интеллект и повсеместное их внедрение в промышленное производство, все это ведет к кардинальной трансформации рынка труда.

Ключевые слова: Росстат, современная Россия, регион, рынок труда, выбор профессии, молодежная политика, молодой специалист.

A. A. Girkov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Voronezh Region, Voronezh

CHALLENGES AND SOLUTIONS IN TRAINING YOUNG PROFESSIONALS FOR POLITICAL ANALYSIS AT THE REGIONAL LEVEL IN RUSSIA

This article provides an assessment of the critical situation in the training of young personnel for political analysis in modern Russia, which has been a cause for serious concern over the past decade. It is important to note that the rapid development of digital technologies, including automation, artificial intelligence, and their widespread implementation in industrial production, is leading to a significant transformation of the labor market.

Keywords: Rosstat modern Russia, region, labor market, choosing a profession, youth policy, and young professionals.

В настоящее время наблюдается резкое сокращение некоторых видов профессий в регионах России. Современные технологические тренды, диктуют новые вызовы для молодых специалистов: выбор профессии, который в дальнейшем, как по цепочке в целом, оказывает значительное влияние на социально-экономическое положение Российской Федерации.

Определение молодого специалиста нам известно из ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 № 489 «О молодежной политике» согласно которому молодой специалист – гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет включительно, завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией [1].

С 2010 по 2015 г. Федеральной службой государственной статистики, впервые проводилось выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. Единицей наблюдения принято считать лиц – имеющих «ступенчатые уровни» образования и завершившие свое обучение. В выборочном наблюдении, молодые специалисты, получившие за данный период два и более образования учтены один раз, по образованию более высокого уровня, если получено два образования одного уровня, то статистический учет велся по последнему образованию:

- высшее (специалитет, бакалавриат, магистратура, (подготовка кадров высшей квалификации));
- среднее профессиональное, также включено и бывшее начальное профессиональное образование.

Выборочная совокупность выпускников составила 36 тыс. чел., или около 0,3 % от общей численности выпускников 2010–2015 гг. Наблюдение проводится с периодичностью один раз в пять лет с охватом 100 тыс. домашних хозяйств и является дополнительным модулем к выборочному обследованию рабочей силы [2].

На данный момент выборочное наблюдение необходимо преодоление разрыва между целями кадровых реформ и реальной практикой кадрового обеспечения молодежной политики, поиск и разработка инновационных решений в управлении кадровыми процессами. Эта задача приобрела сегодня ключевое значение. Кадровое обеспечение молодежной политики выступает как целенаправленная, системно организованная и технологически обоснованная деятельность субъектов государственного, муниципального и общественного управления по совершенствованию кадрового потенциала молодежной политики, осуществляющая на основе их ценностно-целевого единства [3].

Таблица 1

Выпускники образовательных организаций по году окончания образовательной организации и субъектам Российской Федерации*

Регион	Всего, тыс. чел.	В том числе по году выпуска					
		2010	2011	2012	2013	2014	2015
2010–2015 гг. выпуска							
Российская Федерация	10726,3	1953,1	1650,7	1710,6	1717,6	1659,1	2035,3
Центральный федеральный округ	2944,4	592,2	485,8	467,3	454,1	391,5	553,5
Северо-Западный федеральный округ	986,7	195,9	151,2	158,3	154,9	157,9	168,5
Южный федеральный округ	1083,9	175,9	159,1	174,5	173,1	180,2	221,0
Северо-Кавказский федеральный округ	706,5	125,8	103,9	110,5	115,8	126,5	124,0
Приволжский федеральный округ	2378,0	421,4	351,3	359,4	391,9	363,4	490,5
Уральский федеральный округ	898,9	157,5	145,6	153,4	147,4	146,2	148,7
Сибирский федеральный округ	1238,9	200,5	182,1	205,6	202,1	216,2	232,5
Дальневосточный федеральный округ	489,1	83,8	71,8	81,6	78,1	77,3	96,6

*По данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций, 2016 г.

Таблица 2

Выпускники образовательных организаций по году окончания образовательной организации и субъектам Российской Федерации*

Регион	Всего, тыс. чел.	В том числе по году выпуска				
		2016	2017	2018	2019	2020
2016–2020 гг. выпуска						
Российская Федерация	6290,5	1351,9	1290,2	1212,9	1225,0	1210,5
Центральный федеральный округ	1654,0	365,4	332,5	319,8	336,1	300,2
Северо-Западный федеральный округ	585,3	149,7	116,2	97,8	102,6	119,0
Южный федеральный округ	606,1	134,0	132,5	111,6	106,3	121,6
Северо-Кавказский федеральный округ	564,1	123,4	115,0	112,3	108,8	104,6
Приволжский федеральный округ	1310,9	269,4	266,8	256,1	256,6	261,9
Уральский федеральный округ	510,1	107,2	112,8	107,1	103,6	79,4
Сибирский федеральный округ	686,8	130,2	135,5	128,5	135,5	157,0
Дальневосточный федеральный округ	373,3	72,7	78,9	79,5	75,4	66,8

*По данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, 2021 г.

Анализ данных приведенных из таблиц выше показал, что из 6290,5 тыс. выпускников 57 % получили высшее образование, среднее профессиональное образование 43 %. Среди выпускников получивших высшее образование, а именно специалитет, и магистратура приходится на долю высшего образования по программам 61 % учитывая всех выпускников.

В 2020 г. по сравнению с 2016 г. общая численность выпускников снизилась на 10 %, снижение показателя приходится на период с 2016 по 2018 г., а к 2020 г. ситуация выровнялась по сравнению с 2019 г. и опустилась только на 1 %. С 2016 по 2020 г. наблюдалось снижение численности выпускников по программам высшего образования на 12 %, то в 2020 г. по сравнению с 2019 г. прирост составил около 3 %. Значительный прирост выпускников по программе высшего образования бакалавриат 12,5 %, а также высшее образование по программам подготовки кадров высшей квалификации – аспирантура, (адъюнктура) и ординатура, ассистентура-стажировка, это третья ступень высшего образования в современной России

которая и составила 27 %. Показывают отрицательную динамику выпускники по программе высшего образования – специалитет и магистратуры 4 %. Снижается и показатель у выпускников по подготовки квалификационных рабочих, служащих программам среднее профессиональное образование в 2016 г. составило 13 %, то 2020 г. на 10 %.

Таблица 3

Выпускники образовательных организаций по наличию работы в период обучения и поиску работы после окончания обучения по субъектам Российской Федерации* 2010–2015 гг. выпуска (тыс. чел)

Регион	Выпускники, имевшие работу во время обучения – всего	Из них					
		Имевшие работу, связанную с получаемой профессией (специальностью)	в том числе		Имевшие работу, не связанную с получаемой профессией (специальностью)	в том числе	
			Искали другую работу после окончания обучения	Не искали другую работу после окончания обучения		Искали другую работу после окончания обучения	Не искали работу после окончания обучения
Российская Федерация	4020,0	2149,3	621,0	1528,3	1870,7	1157,7	713,0
Центральный федеральный округ	946,8	528,3	166,3	362,0	418,6	271,0	147,6
Северо-Западный федеральный округ	437,9	229,2	64,9	164,2	208,7	119,9	88,8
Южный федеральный округ	359,8	187,6	52,5	135,1	172,2	107,0	65,2
Северо-Кавказский федеральный округ	183,5	84,4	28,4	56,0	99,1	61,3	37,9
Приволжский федеральный округ	907,1	484,9	131,7	353,2	42,2	265,2	157,1
Уральский федеральный округ	441,4	243,3	69,4	173,9	198,1	107,1	91,0
Сибирский федеральный округ	569,3	296,3	84,9	211,5	273,0	181,9	91,1
Дальневосточный федеральный округ	174,1	95,4	22,9	72,5	78,8	44,4	34,4

*По данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций, 2016 г.

Таблица 4

Выпускники образовательных организаций по наличию работы во время обучения и связи работы во время обучения с получаемой профессией (специальностью) по субъектам Российской Федерации 2016–2020 гг. выпуска*

Регион	Всего, выпускников тыс. чел.	В том числе в % от общей численности выпускников		
		имели работу		не имели работу
		Всего	Из них работа связана с получаемой профессией (специальностью)	
Российская Федерация	6290,5	32,3	17,5	67,7
Центральный федеральный округ	1654,0	29,8	16,5	70,2
Северо-Западный федеральный округ	585,3	33,7	18,3	66,3
Южный федеральный округ	606,1	28,3	14,9	71,7
Северо-Кавказский федеральный округ	564,1	19,2	8,3	80,8
Приволжский федеральный округ	1310,9	35,0	19,6	65,0
Уральский федеральный округ	510,1	38,2	22,9	61,6
Сибирский федеральный округ	686,8	40,1	20,7	59,9
Дальневосточный федеральный округ	373,3	36,2	17,7	63,8

*По данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, 2021 г.

Выборочное наблюдение проведено в исполнение постановления Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» [4].

Цель данного выборочного наблюдения – представляет собой, данные характеристики т. е. отобранные части единиц (выборка) и является, как получение официальной статистиче-

ской информации, отражающей трудоустройство выпускников и степень закрепляемой полученной ими данной профессии (специальности) как высшего образования, так и среднего профессионального образования.

В последние годы Россия сталкивается с серьезной нехваткой квалифицированных инженерных кадров. Это напрямую влияет на развитие экономики и технологический прогресс. В то время как спрос на инженерные профессии значительно вырос, число выпускников, готовых удовлетворить тот спрос, продолжает снижаться [5].

Сама подготовка молодых специалистов для политического анализа на региональном уровне сталкивается с рядом социально системных проблем к тому же нехватка инвентаря для глубокого и профессионального изучения специальности, а также педагогического состава для развития потенциала регионов, а значит и для всей страны. Но все регионы отличаются и имеют свой потенциал для решения данной проблемы. Эти проблемы связаны с образовательными, кадровыми, инфраструктурными и социально-политическими аспектами. Возможно отметить происходящие изменения для молодого поколения, нечто новое и может отразиться, как положительно, так и отрицательно в поиске профессий на рынке труда так как, объединение (замещение) на другие происходит в зависимости от потребностей регионов в Российской Федерации.

Литература

1. Шак М. П., Шаповал В. А. Правовой статус молодого специалиста // Студент. Наука. Регион. 2023. № 1. С. 284–287.
2. Федеральный план статистических работ 1.30.21, утв. распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 671-р.
3. Езопов М. В., Дьяков Д. И. Подготовка квалифицированных кадров для реализации современной модели молодежной политики // Московский экономический журнал. 2021. № 12. С. 512–522.
4. Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения : постановление Правительства РФ от 27.11.2010 № 946.
5. Лапина Г. А., Дягилева А. В. Нехватка инженерных кадров в России: анализ динамики и причин // Сборник материалов XVII Всероссийской 70 научно-практической конференции молодых ученых «Россия молодая», 22–25 апр. 2025 г. Кемерово, 2025. URL: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2025/RM25/pages/Articles/84811.pdf>

УДК 316.334.56(-21)

А. А. Дмитриева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Рассматриваются нормативные закрепленные принципы по вовлечению граждан в благоустройство городской среды и их реализация в рамках существующих социологических исследованиях и программах по улучшению качества городской среды.

Ключевые слова: технология общественного участия, городское пространство, вовлеченность, качество городской среды.

A. A. Dmitrieva

Irkutsk State University, Irkutsk

PUBLIC PARTICIPATION OF THE POPULATION AS A WAY TO ENSURE THE URBAN ENVIRONMENT

The article reviewed the normative principles for the involvement of citizens in the improvement of the urban environment and their implementation within the framework of existing sociological research and programs to improve the quality of the urban environment.

Keywords: technology of public participation, urban space, engagement, quality of the urban environment.

В рамках ранних исследований по социокультурной городской среде при оценке качества жизни реализация духовных, культурных потребностей в рамках экономического подхода часто принято оценивать через уровень культурно-бытового обслуживания, а не через деятельность субъектов креативной экономики. Основные принципы вовлечения горожан в развитие городской среды представлены в ГОСТ комплексного благоустройства и эксплуатации городских территорий, утвержденный и введенный в действие в 2022 г. В рамках статьи будет рассмотрено, как отражаются эти принципы в исследованиях, касающихся оценки качества городской жизни.

Например, модель управления качеством окружающей среды, предложенная Б. Г. Ильясовым и Е. Ш. Закиевой [4] рассматривает иерархическую триаду взаимосвязанных компонентов качества жизни, в которой качество образования и качество досуга представлены на втором уровне над триадой компонентов, характеризующей качество материального благосостояния и закрытия базовых потребностей и отделяет его от третьего уровня, характеризующего качество социальной сферы и качество трудовой среды. Данная модель наглядно показывает тенденцию вычленения социокультурной среды в отдельную социальную сферу.

Данную модель можно подтвердить, рассмотрев ключевые методологии оценки качества городской среды, которые применяются в России. Главным из представителей, которых считается Институт территориального планирования «Урбаника», консалтингово-проектная организация, которая специализируется на разработке документов социально-экономического и градостроительного планирования в муниципальной и государственной сфере [5]. В 2016 г. «Урбаника» реализовала проект пространственного развития Иркутска, которая разрабатывалась по заказу АНО «Центр содействия комплексному развитию территории «Иркутские кварталы». В рамках проекта была проведена комплексная оценка потребностей города и его перспективы роста, из которой для целей исследования стоит выделить оценку социально-экономического развития и пространственной организации. Также что в рамках этого исследования было отмечено, что в Иркутске «самая высокая доля населения с высшим образованием в СФО», а значит человеческий капитал региона обладает высокой конкурентностью, и развитие креативной экономики имеет основания стать приоритетным направлением для непроизводственной экономики города. Ключевое ограничение развития непроизводственной экономики РФ – это непривлекательные для жизни города. К такому выводу привело исследования 100 крупнейших городов России, которое также регулярно проводит Институт территориального планирования «Урбаника» по собственной интегральной методике, основанной на объективной оценке стоимости и качества проживания для самих горожан. В рейтинг включались города России с населением свыше 173 тыс. чел., данные брались за 2019 г. Удобными для жизни специалисты признали города, которые набрали от 33 баллов и выше по качеству среды. Нужные баллы набрали только 35 городов.

Последние места регулярно занимают города дальневосточного федерального округа: Чита или Уссурийск. Город Иркутск в 2010 г. занял 50-е место и был признан менее комфортным, чем Братск на 27-ом месте и Ангарск на 15-ом. Лидерами Сибирского федерального округа стали Красноярск, занявший 12 место, и Новосибирск, занявший 8 место. Можно отметить, что в 2013 г. Иркутск поднялся на целых 17 позиций и занял 16-е место, став самым пригодным для жизни городом Сибири. В 2016 г. снова случилась резкая потеря позиций. Иркутск занял 33 место, Братск 30-м, а Ангарск 43-м.

В рамках данной методики аспект социокультурной динамики отражает только один показатель «Уровень городского благоустройства» (максимум 5 баллов), «Наличие современных форматов потребления» (максимум 7,5 баллов) [6]. Стоит отметить, что и в рамках градостроительной концепции пространственного развития города Иркутска социокультурный аспект отражен в недостаточной степени, причиной чего частично является неполнота информации, касающейся объектов культурной деятельности. Ряд мероприятий по изменению и дополнению действующих регламентов может исправить данную ситуацию.

Такие мероприятия в обязательном порядке необходимо проводить, ссылаясь на закреплённые в ГОСТ комплексного благоустройства и эксплуатации городских территорий

агентством по техническому регулированию и метрологии, который был утвержден и введен в действие в 2022 г. Ниже представлен список принципов по вовлечению граждан в благоустройство городской среды, которые являются ключевыми для рассмотрения в рамках статьи:

Принцип 1. Простое и прозрачное участие в проекте, открытый доступ к информации на всех этапах, чтобы граждане получили максимально полную информацию о проекте, включая сроки и условия реализации проекта, решаемые задачи, существующие проблемы и ограничения, ресурсные ограничения, возможности для реального влияния на результат. Согласно принципу при социокультурном программировании необходимо в качестве первого этапа сформировать удобные каналы коммуникации для граждан и визуализировать сложные для восприятия аспекты проекта.

Принцип 2. Необходимы одинаковые условия участия для всех граждан разного возраста, взглядов и социального статуса вместо формирования элитарного меньшинства.

Принцип 3. Вовлекать горожан на всех этапах проекта, включая самые ранние этапы исследований и разработки, а также реализации. Это сохраняет мотивацию граждан, ведь «Когда проект уже разработан и согласован – это формальный подход, участвовать в проекте на таком этапе уже нет смысла, потому что невозможно повлиять на результат и социокультурную программу места». Это усилит значение общественного пространства для жителей.

Принцип 4. Гибкие и разные форматы участия и совместной деятельности позволят людям участвовать в проекте с разной интенсивностью посредством оффлайн и онлайн инструментов разной длительности и сложности. Отдельно стоит выделить необходимость организации и поддержки собственных инициатив граждан, включая проведение культурных и образовательных мероприятий.

Принцип 5. Заметный эффект участия, который граждане должны видеть. Если люди не будут видеть результатов своего участия или будут получать только отрицательную реакцию на свои инициативы, это приведет к росту недоверия к проекту и его организаторам, а также к конфликтам» [1].

Концепция пространственного развития города Иркутска на сегодняшний день имеет результаты в качестве проектов жилой застройки [3], но касательно других результатов количество информации из открытых источников минимально. Можно отметить, что согласно принципам ГОСТ комплексного благоустройства и эксплуатации городских территорий, существует потребность увеличить количество информирования и степень участия населения в подготовках проектов. Разработанный проект лег в основу Концепции пространственного развития города Иркутска до 2030 года, утверждённой решением городской думы ставя в качестве стратегической цели в сфере культуры «сохранение и развитие культуры и искусства в городе Иркутске, повышение уровня интеллектуального и культурного развития горожан и удовлетворение их потребности в свободной культурно-творческой самореализации» [2].

Стратегия развития сферы культуры г. Иркутска на данный момент предполагает реализацию следующей системы мероприятий, в которые входят мероприятия по развитию кадрового потенциала, модернизации реконструкции или строительству учреждений культуры; их сохранение и оснащение. Организация участия населения в сфере культуры так или иначе затронута только в мероприятиях по развитию традиционного промысла или поддержке талантливых детей. В этом комплексе мероприятий существует видимая проблема недостаточного акцента на благоустройстве окружающей среды посредством внедрения условий взаимодействия с населением г. Иркутска и Иркутской области.

Для формирования новых условий обеспечения городской среды в рамках развития сферы культуры требуется незамедлительная корректировка проводимого комплекса мероприятий с учетом рассмотренных изменений. Соотнесение нормативных документов с действующими исследованиями качества городской жизни можно использовать как ключевой фактор, чтобы отследить трансформацию социокультурной динамики и выявить ключевые траектории для оптимизации социальной политики в отношении её развития.

Литература

1. ГОСТ Р 70390-2022. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы: нац. стандарт РФ. URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/29/editor/file/GOST_R_70390-2022.pdf (дата обращения: 16.04.2026).
2. Концепции пространственного развития города Иркутска до 2030 года // Дума Иркутской области. URL: <https://irkduma.ru/upload/iblock/6d9/6d9c9561a3fad7bec796d7cbf0ffd71c.doc> (дата обращения: 16.04.2026).
3. Дружинина И. Е. Исследование типа жилья в Иркутске // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2018. № 4 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tipov-zhilya-v-irkutske> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Ильясов Б. Г., Закиева Е. Ш. Модель управления качеством окружающей среды как компонентом качества жизни // Вестник УГАТУ. 2014. № 3 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-upravleniya-kachestvom-okruzhayushey-sredy-kak-komponentom-kachestva-zhizni> (дата обращения: 16.04.2026).
5. Энгельгардт А. Э., Липовка А. Ю., Федченко И. Г. Международный опыт индексирования качества городской среды // Урбанистика. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-indeksirovaniya-kachestva-gorodskoy-sredy> (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 316.4

И. В. Болотин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОЖАРОТУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На основе обзора исследований по проблемам пожаротушения и краткого анализа отдельных проблемных актов выделяются аспекты и проблемы обеспечения работы служб пожаротушения, акцентируется внимание на влиянии и последствиях возгораний, их комплексное влияние на жизнедеятельность населения России.

Ключевые слова: пожарная техника, обновление технологий пожаротушения, развитие технических средств, система пожаротушения.

I. V. Bolotin

Irkutsk State University, Irkutsk

FIRE EXTINGUISHING SYSTEM DEVELOPMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS

Based on a review of the authors' research on fire extinguishing issues and a brief analysis of individual problematic acts, the article highlights aspects and individual problems of ensuring the operation of fire extinguishing services, focuses on the impact and consequences of fires, their complex impact on the livelihoods of the Russian population.

Keywords: fire fighting equipment, fire extinguishing technology update, development of technical means, fire extinguishing system.

Указ Президента РФ от 1 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года» формирует конкретные задачи и цели деятельности в сфере пожаротушения [8].

Цель государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности остается неизменной – обеспечение необходимого уровня защищённости личности, имущества, общества и государства от пожаров.

Основными задачами государственной политики в области пожарной безопасности определены:

- оценка пожарных рисков на территории Российской Федерации, определение комплекса задач по их предотвращению;
- совершенствование нормативно-правовой базы в области пожарной безопасности с учётом оценки риска причинения вреда третьим лицам в результате пожара;
- повышение качества обучения личного состава подразделений всех видов пожарной охраны в части, касающейся профилактики и тушения пожаров, а также проведения аварийно-спасательных работ.

Какая нормативная база действует сейчас и как она будет развиваться следующие пять лет – тема данной статьи. Решение практических проблем в работе служб пожаротушения должно быть прямым следствием задействия новых законопроектов.

Указ в общих чертах определил основные направления работы, но под влиянием происходящих в государстве и за его пределами процессов, сфера обеспечения пожарной безопасности проявляет признаки достаточно динамичной системы. Это, с одной стороны, является хорошим стимулирующим механизмом, а с другой требует от всех участвующих субъектов высокого уровня согласованности действий [8].

Законодательство Российской Федерации в области пожарной безопасности традиционно имеет классическую многоуровневую структуру, выстроенную по вертикали в зависимости от правовой силы издаваемых актов:

1. Федеральные законы:

- Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [9];
- Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [10];

2. Постановления Правительства РФ:

- постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» [4];
- постановление Правительства РФ от 20 июня 2005 г. № 385 «О федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы» [6];
- постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 290 «О федеральном государственном пожарном надзоре» [3].

Закон «О пожарной безопасности» является одним из ключевых нормативов, регулирующих организацию действий и контроль безопасности [3]. По мнению многих специалистов в области пожарного дела – это фундаментальный нормативный правовой акт с большим потенциалом, заложенным законодателем изначально. Напомним, основные положения действуют без существенных изменений уже более 30 лет. С момента его принятия неоднократно вносились изменения (в списке вносящих поправки документов более 70 ссылок).

Постановление о Федеральной противопожарной службе в соответствии с законом «О пожарной безопасности» и в целях обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации утвердило Положение о федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы [2; 5]. В соответствии с положением служба входит в систему Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Основными задачами имеет:

- организацию и осуществление государственного пожарного надзора на территории Российской Федерации;
- тушение пожаров в населённых пунктах, в закрытых административно-территориальных образованиях, особо важных и режимных организациях;
- научно-техническое обеспечение пожарной безопасности и координацию научных исследований в области пожарной безопасности.

Постановление о федеральном государственном пожарном надзоре [7] служит инструментом для осуществления мероприятий, планирования и организации изменений установленным порядком действий.

Важным нововведением постановления является режим постоянного государственного надзора на объектах, входящих в утверждённый Правительством РФ перечень объектов, критически важных для национальной безопасности страны.

Эти решения расширяют возможности проведения профилактических мероприятий, модернизируют формы надзорной деятельности. В результате приведенного нормативного обзора можно сказать, что:

1. Нормативно-правовая база Российской Федерации по пожарной безопасности развивалась долгое время и имеет весьма сложную структуру.

2. Нормативное обеспечение пожарной безопасности находится в постоянном развитии и адаптации к изменяющимся условиям. Развитие в основном направленно на внедрение современных, эффективных подходов в профилактике пожаров, в надзорной деятельности, на обеспечение прозрачности деятельности органов власти.

Проблемами пожаротушения в России занимаются современные исследователи и выделяют различные аспекты, показывающие сложную структуру влияния пожаров и их последствия, исследователь А. Н. Свешникова, акцентирует внимание на аспектах в сфере экологии, социальной политики, а также эстетики [6, с. 44–45]. Таким образом, угроза безопасности становится комплексной и связана с влиянием на окружающую среду (качество воды, состав почвы, воздуха), на здоровье людей и на возможности развития туризма.

Актуальность обеспечения безопасности связана с ежегодным ущербом от возгораний в лесных территориях, такой ущерб оценивается как прямой и косвенный, и анализируя причины авторы указывают, что абсолютно большинство случаев возгораний связано не с естественными причинами, а исключительно с деятельностью человека. Исследователи В. В. Соколянский и Я. Д. Гавриченко отмечают в своих трудах, что уровень развития техники пожаротушения находится на достаточном уровне в России, однако требуется постоянное улучшение и обновление технических средств [1, с. 47].

Современные исследователи при обращении к проблемам пожарной безопасности считают принципиально важным проводить комплексные образовательные и профилактические мероприятия с использованием современных мобильных средств коммуникаций, посредством использования новых приложений в сотовых телефонах и задействования различных интернет платформ, как указано в работе А. Т. Ташуев, посвященной анализу методов и инструментов пожаротушения, в течение последних лет увеличивается информирования посредством новых технических средств [7, с. 1338]. В процессе использования новых технологий растет значение уровня доступа к ним и быстрой обработки данных, новые платформы должны вызывать доверие граждан, их применение таким образом выводит на новый уровень безопасность пожаротушения

Однако, по мнению автора, по роду своей деятельности непосредственно занимающегося вопросами пожарной безопасности, имеются некоторые отрицательные аспекты:

1. Целый ряд нормативных актов не связаны в единую систему и не работают согласованно.

2. Не последовательные изменения и государственные решения препятствуют развитию пожарной безопасности, что значительно усложняет ГПН выполнение поставленных задач. Постоянно изменяются нормативные требования к работе пожарных инспекторов.

3. Идет постоянный процесс переработки и развития системы нормативных актов, по устранению недоработок и недочетов, однако это не дает возможности системе пожаротушения повышать свою эффективность.

В качестве предложений по изменению сложившейся ситуации считаем необходимым:

1. Развивать нормативно-правовую базу в направлении сокращения объема отчетной документации и бюрократических процедур, внедрять цифровые технологии.

2. Сокращать избыточных административных барьеров и снижать количество контрольно-надзорных процедур.

3. Развивать новые подходы к решению конкретных ситуаций в сфере пожаротушения и повышать уровень ответственности.

Литература

1. Гавриченко Я. Д., Соколянский В. В. Проблемы обеспечения пожарной и техносферной безопасности в современной России // Пожарная и техносферная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2018. № 1 (1). С. 43–49.

2. Конституция Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 12.05.2026).

3. О федеральном государственном пожарном надзоре : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 290. URL: <https://base.garant.ru/70161266> (дата обращения: 12.05.2026).

4. Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 16 сент. 2020 г. № 1479 . URL: <https://base.garant.ru/74680206/> (дата обращения: 12.05.2026).
5. О федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы : постановление Правительства РФ от 20 июня 2005 г. № 385 . URL: <https://base.garant.ru/12140675/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Свешникова А. Н. Проблемы обеспечения пожарной безопасности в России // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 1, № 19. С. 40–45.
7. Ташуев А. Т. Профилактическая работа надзорных органов МЧС России. Анализ методов и инструментов // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 11 (80). С. 1336–1341.
8. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года : указ Президента РФ от 01.01.2018 № 2. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71749394/> (дата обращения: 12.05.2026).
9. О пожарной безопасности : федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10103955/> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности : федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12161584/> (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 316.4

М. Н. Селянин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Изучаются актуальные формы и источники развития экстремизма. Анализируется законодательная база, даются рекомендации по развитию воспитательных технологий в образовательных учреждениях. Предлагаются различные методы развития патриотического мышления, противостоящие формированию агрессии и экстремистскому поведению.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, Иркутская область, меры безопасности, нормативно-правовая база, профилактика экстремизма, региональная безопасность.

M. N. Selyanin

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN FORMS AND ELECTRONIC SOURCES OF EXTREMISM

The article examines the current forms and sources of extremism development. The legislative framework is analyzed, recommendations for the development of educational technologies in educational institutions are proposed. The author of the article examines and suggests various methods of developing patriotic thinking that counteract the formation of aggression and extremist behavior.

Keywords: terrorism, counteraction to terrorism, Irkutsk region, security measures, regulatory framework, prevention of extremism, regional security.

В соответствии с п. 1.3. Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. организаторами патриотической деятельности в форме профилактических бесед должны выступать: директор, заместители директора по воспитательной работе, преподаватели, назначенные руководством образовательного учреждения. Формат мероприятия: проведение профилактических бесед с обучающейся молодежью.

Отдельные современные формы террористической деятельности:

1. Индивидуальный дистанционный терроризм, направлен на дистанционное взаимодействие через интернет и социальные сети, имеет свою сложную структуру.
2. Политический терроризм, направлен на попытки уничтожения общественных активистов и лидеров общественных движений.
3. Одиночный терроризм, осуществляется подготовленными экстремистами в общественных местах, с целью нагнетания паники, местами проведения террористических актов становятся площади, общественные мероприятия, образовательные учреждения; основная задача состоит в наибольшем территориальном охвате, создании эффекта постоянной угрозы.

В результате анализа данных в Рунете за 2021–2024 гг. можно сделать вывод, что наиболее распространёнными вторичными формами выражения экстремистских идей в интернете в данный период стали:

1. Материалы на видео- и аудионосителях, направленные на создание негативной общественной реакции, ориентированной против государственной власти, призывающие к активной деятельности.

2. Материалы в печатной, цифровой и других формах на тему исключительности российской нации.

3. Видео- и аудиоролики, пропагандирующие воинствующий исламизм в российском обществе.

4. Материалы, описывающие превосходство украинской национальной идеи, направленные на агрессию против русского общества.

5. Страницы в социальных сетях, форумы, описывающие национальные преимущества одних народов над другими.

Противодействие распространению экстремистских материалов в сети Интернет осуществляется с представителями молодежных патриотических организаций на основе деятельности Молодой гвардии еще с 2013 г.

Суть работы состоит в мониторинге информации и представления данных в Роскомнадзор. Электронные площадки на которых зафиксированы экстремистские материалы подвергаются отключению на основе закона о блокировке экстремистских ресурсов.

Размещение в социальных сетях и различных ресурсах нелегальных материалов призвано создать основу для осуществления цветных революций на отдельных территориях России. Развитие новых методов и технологических решений стимулирует формирование новых форм проявления патриотизма.

Необходимо отметить, что список данных форм не является исчерпывающим, однако позволяет приблизительно определить область распространения экстремистских материалов и их совокупное идейное наполнение, что способствует обнаружению самих материалов, а также каналов их трансляции, соответственно упрощая дальнейшую борьбу с ними.

Формат мероприятия для борьбы с молодежным экстремизмом со стороны патриотических молодежных ассоциаций наиболее спорным по своим результатам (с точки зрения средств и последствий) следует назвать *создание спойлерных проектов*.

Проправительственные молодежные организации были вынуждены привлекать таких молодых людей в свои ряды, чтобы они не присоединились к экстремистским субкультурным группам и массовым ассоциациям крайне правой экстремистской оппозиции (ныне запрещенной «Славянский союз», «Движение против нелегальной иммиграции»). «Привлечение подозреваемых к ответственности на стадии пропагандистской работы и вербовки позволило не допустить дальнейшей радикализации и роста экстремистского насилия» [3].

Наличие социального стресса в современном обществе оказывает влияние на проявление агрессии и деструктивное поведение среди молодежи направленное на проявление вандализма, общественного протеста и демонстрации различных надписей на политические темы.

Источник угрозы представители различных возрастных групп оценивают по-разному, если для людей старшего и пожилого возраста это политика США или НАТО, то молодые люди видят и оценивают ситуацию диаметрально противоположно.

В разных возрастных группах на проявление кризиса в обществе стимулирует восприятие и адаптацию на основе своего социального опыта. При оказании помощи, сотрудники служб социальной поддержки должны изучать и учитывать реакцию людей разного возраста для более эффективной деятельности по реабилитации.

В соответствии с п. 1.3. Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 гг. (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610). Для формирования у обучающейся молодежи антитеррористического мировоззрения и устойчивости к пропагандистскому воздействию террористических организаций.

Перечень примерных проблемных вопросов для проведения профилактических бесед:

1. Устойчивые традиции и обряды в конкретном, неизменном формате имеют важное и ключевое значение для воспитания преемственности среди следующих поколений.

2. Для детей важно видеть и запоминать устойчивые, конкретные и неизменные образы повседневного проявления патриотизма в проведении праздников, привязанных к сюжетам побед и страданий народа в прошлом.

3. Патриотическое образование требует единой государственной политики для предотвращения актов экстремизма и терроризма среди молодежи.

4. Дистанционная оплата через личный кабинет без оформления чека, может стать причиной привлечения к уголовной ответственности за финансирование терроризма. За период 2024–2025 гг. в Иркутской области выявлено 2 млрд руб. отправленных на финансирование терроризма.

Документально-информационное сопровождение. Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Организационное сопровождение государственной программы Правительством Российской Федерации возложено на Росвоенцентр [4].

Современные исследователи отмечают конкретные направления, как указывает в своем исследовании профессор С. А. Бабуркин для повышения эффективности государственной политики в сфере патриотического воспитания молодежи высказывает ряд комплексных мер таких как помощь патриотических объединениям, развитие социальной рекламы по патриотической тематике, популяризация героических поступков военнослужащих, системный мониторинг ценностных установок [1].

Как отметил Президент РФ В. В. Путин: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [5].

Консолидирующую функцию патриотизма разрабатывают и развивают, представители государственной власти стараются усилить на основе внедрения различных проектов за период с 2022 по 2026 г., таких как Движение первых, Время героев, Голос поколения и другие [3, с. 86], – имеющих высокий потенциал в воспитании отдельных качеств личности, необходимых для развития патриотического мировоззрения.

Нужно задействовать систему социального развития на темы патриотического воспитания молодежи. Идеологическая основа патриотизма в период с 2022 по 2026 г. усиливается посредством формирования и развития в разных регионах общественных молодежных организаций. Однако поиск дополнительных основ для консолидации различных категорий населения продолжается.

Литература

1. Бабуркин С. А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в условиях динамики социальных изменений (на материалах Ярославской области) // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2022. № 8. С. 28–39.
2. Иванов Р. В. Анализ социокультурных функций современных военных конфликтов в России // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2025. № 1. С. 82–86.
3. Муталимов А. Э. Российский патриотизм – крепкое переплетение этических и этнонациональных ценностей ее граждан // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2022. № 11 (173). С. 25–32.
4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Смирнова Е. М. Трансформация идеи патриотизма в современной России // *Организация работы с молодежью*. 2021. № 6.
6. Узунова О. Ю. Специфика имплементации патриотизма в структуру гражданской идентичности молодежи: региональные аспекты // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 11. С. 343–352.

РАЗДЕЛ 5
ЭКСПЕРТНОЕ ВИДЕНИЕ НОВЫХ
ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ
В КОНЦЕПТАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ
И СОВРЕМЕННОГО МИРА ГЛАЗАМИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

CHAPTER 5
EXPERT VISION OF NEW GLOBAL
THREATS AND CHALLENGES
IN THE CONCEPTS OF DEVELOPMENT
OF RUSSIA AND THE MODERN WORLD
THROUGH THE EYES OF STUDENTS

ИНФОЦЫГАНСТВО: МЕТОДЫ МАНИПУЛЯЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДОВЕРИЯ

Инфоцыганство рассматривается как современный социально-психологический феномен, связанный с манипулятивными методами в онлайн-пространстве. Анализируются ключевые техники воздействия, используемые инфоцыганами для привлечения аудитории и формирования доверия, включая эмоциональное давление, создание иллюзии эксклюзивности и обещания быстрого успеха. Особое внимание уделяется психологическим причинам, по которым люди склонны доверять манипуляторам.

Ключевые слова: инфоцыганство, манипуляция, доверие, эмоциональное влияние, дезинформация, социальные сети, критическое мышление.

Е. Е. Bazilian

Irkutsk State University, Irkutsk

“INFOCYGANISM”: METHODS OF MANIPULATION AND PSYCHOLOGICAL REASONS FOR TRUST

The article reveals the topic of information gypsy, considered as a modern socio-psychological phenomenon associated with manipulative methods in the online space. The paper analyzes the key influence techniques used by information gypsies to attract an audience and build trust, including emotional pressure, creating the illusion of exclusivity and promises of quick success. Special attention is paid to the psychological reasons why people tend to trust manipulators.

Keywords: information gypsy, manipulation, trust, emotional influence, misinformation, social networks, critical thinking.

Мы привыкли, что любую информацию можно найти за секунду. Но чем доступнее знания, тем активнее их перепродают – и часто по заоблачным ценам. Так называемое «инфоцыганство» – это уже не безобидные тренинги и громкие обещания. Это полноценная индустрия, которая умело играет на поведенческих шаблонах, социальной инженерии и когнитивных искажениях. Феномен формировался годами, но пика достиг сравнительно недавно, и сегодня его влияние на пользователей социальных сетей сложно переоценить.

Термин «инфоцыганство» всё чаще в последнее время звучит в современном обществе. Инфоцыганство – это совокупное обозначение различных информационных продуктов, которые не имеют реальной практической ценности. По своей сути это мошенническая схема заработка на продаже информации, а её участников называют инфоцыганами. Инфоцыгане обещают быстрые и лёгкие пути к успеху, финансовой независимости и личному развитию, но зачастую их предложения представляют собой мыльный пузырь, который не содержит в себе практически никакой полезной информации. Инфоцыгане умело используют цифровые площадки и маркетинговые инструменты, продавая иллюзии. Основной товар – информация в виде книг, тренингов, марафонов, чек-листов и курсов. Суть инфопродуктов, по словам инфоцыган, состоит в том, что, воспользовавшись ими, потребитель сможет изменить свою жизнь к лучшему, например, стать богатым, счастливым, уверенным в себе. Иными словами, представители инфоцыганства обещают за определенную сумму «успешный успех» тем, кто приобрел их инфопродукт [2].

Мошенничество как явление имеет давнюю историю, но именно инфоцыганство возникает параллельно с телевидением, а начинает развиваться с появлением социальных сетей.

Важным этапом в формировании феномена инфоцыганства в социальных сетях стало «телевизионное целительство», которое было особенно распространено в 1980-х гг. Самыми яркими его представителями в СССР являлись Анатолий Кашпировский и Аллан Чумак. В 1988 г. вышел цикл передач для детей, в которых Анатолий Кашпировский якобы исцелял их от энуреза. Затем он провёл серию телемостов, демонстрируя свои способности, например, падение группы людей на спину без сгибания или ограничение чувствительности частей тела к огню и проколам. В 1989 г. Кашпировский участвовал в телемосте Киев – Тбилиси, где вы-

полнял роль анестезиолога во время операций без использования наркоза. Аллан Чумак также добился успеха благодаря своим телепередачам, где заряжал воду, крема и фотографии целебной энергией. Люди ставили перед экранами банки с водой и прикладывали к больным местам заряженные предметы. Основной заработок им приносили личные встречи с клиентами, но благодаря новостям и рекламе в СМИ, теле- и радиоэфирам о них узнавали больше людей, их популярность росла, как и доверие людей к предлагаемым «чудодейственным» методам. Также существовал такой псевдоцелитель Григорий Грабовой, который утверждал, что способен воскрешать людей, телепортироваться, лечить СПИД и рак любой стадии.

С появлением интернета стали возникать новые форматы коммуникации, а вместе с ними и способы мошеннических практик, связанных с инфоцыганством. На начальном этапе своего развития в интернете инфоцыгане взаимодействовали с клиентами через сайт и электронную почту, затем они начали постепенно проникать в социальные сети и мессенджеры, создавая отдельные аккаунты своих инфопродуктов, тем самым расширяя свои возможности. Появляется онлайн-бизнес и курсы по обучению его ведению. Одним из примеров является проект «Бизнес молодость», основанный Петром Осиповым и Михаилом Дашкиевым в 2010 г. и просуществовавший до 2020 г. Авторы вовлекли в созданное ими сообщество множество молодых людей. Они проводили свои курсы в разных форматах, как лично, так и онлайн, а также отправляли своим потенциальным клиентам email-рассылку с рекламой. Цены на их инфопродукты варьировались от 3 тыс. руб. (за три онлайн-занятия для новичков) до 3 млн руб. за личное сопровождение и «оптимизацию мозгов». Деньги в случае невыполнения заданий и выбывания с курса не возвращались. В 2015 г. становятся популярны онлайн-марафоны. Они были посвящены похудению, макияжу, уходу за собой и т. д. Один из них – проект «Бешеная сушка», его автором является Василий Смольный. Суть проекта заключалась в игре, где участники соревновались в похудении. В общей сложности количество участников проекта «Бешеная сушка» достигло 300 тыс. участников. В 2018 г. началась «эпоха» блогера и телеведущей Елены Блиновской. Её самый популярный информационный продукт – это «Марафон желаний», цель которого – помочь людям осознать свои истинные желания, научиться формулировать их правильно и привлекать их в свою жизнь, пройти трансформацию и стать ближе к своим мечтам, просто их визуализируя. Он проходил онлайн в мессенджерах, где создавался групповой чат, в который присылались небольшие голосовые сообщения-лекции Елены Блиновской и задания. С 2017 по 2020 г. число клиентов «Марафона желаний» выросло с 5 до 100 тыс. чел. Тарифы на прохождение обучения варьировались от 2 до 100 тыс. руб. Елена Блиновская является одним из наиболее ярких примеров представителей современного инфоцыганства, которая на своей деятельности заработала «несколько сотен» миллионов рублей. В настоящее время она находится в СИЗО, а счета её компании суммой более 65 млрд руб. арестованы.

В 2020 г., в период пандемии, стало более активно развиваться онлайн-образование и увеличилось число блогеров-миллионеров, предлагающих свои продукты в сфере саморазвития и обогащения. Именно тогда, следуя примеру Елены Блиновской, стало появляться всё больше инфоцыган, создающих марафоны и курсы (Валерия Чекалина (Лерчек) – блогер и основательница денежных марафонов, а также марафонов по похудению; Оксана Самойлова – супруга рэпера Джигана, автор бизнес-курса «Стратегия на миллион», Александра Митрошина – организатор курсов и тренингов по продвижению и продажам в социальных сетях и т. д.).

Можно заметить, как форматы коммуникации задают ее особенности, а появление новых – расширяет возможности не только простых людей и пользователей, но и мошенников, в данном случае инфоцыган. На современном этапе становления данного феномена задействованы всевозможные способы взаимодействия с аудиторией – от личных встреч до взаимодействия в сети, аналогичная ситуация и с их продвижением. Таким образом, благодаря развитию коммуникации и цифровой среды инфоцыганство стало феноменом медиапотребления в социальных сетях, а с развитием технологий он продолжает активно развиваться, приобретая новые формы [1].

Каждый день миллионы людей попадают в ловушку, покупая какие-либо продукты у инфоцыган. Инфоцыганство перестало быть просто мошенничеством – это сложная система по управлению поведением. В основе этой системы лежат не тайные знания, а открытые, мастерски применяемые методы манипуляции сознанием. Можно выделить следующие методы, используемые инфоцыганами, для привлечения внимания и завоевания доверия своей аудитории:

1. Реклама у блогеров в социальных сетях. Популярные блогеры и инфлюенсеры часто становятся инструментами инфоцыган для продвижения своих продуктов. Доверие к посреднику подменяет собой критическую оценку самого продукта.

2. «Прогрев аудитории». Это комплекс мер по взращиванию интереса, который может принимать разные форматы (марафоны, эфиры, рассылки), но цель всегда одна – привлечь потенциальных покупателей к своему инфопродукту.

3. Личные истории успеха. Создание трогательной истории о преодолении трудностей. Инфоцыгане выдают свою приукрашенную биографию за универсальный рецепт, вызывая у аудитории ложное ощущение близости и доверия.

4. Успешные кейсы на чужих примерах. После накопления базы покупателей в ход идет «успешные кейсы» и восторженные отзывы. Акцент смещается с содержания курса на эффект толпы: «раз это помогло другим, поможет и тебе».

5. Давление на аудиторию. Нередко можно встретить контент, привлекающий внимание к инфопродукту путем порицания жизни, которая отличается от общепринятого шаблона успешной жизни. Инфоцыгане в своих блогах осуждают привычный для большинства масс образ жизни: работа по графику, небольшой доход, невозможность позволить себе путешествия и дорогие покупки.

6. Демонстрация роскоши. Элитная недвижимость, путешествия, премиальные бренды, посещение дорогих ресторанов – всё это является «неопровержимое доказательство» эффективности инфопродукта, формируя иллюзию доступности такого же уровня жизни для каждого клиента [2].

Для рационального человека звучит абсурдно обещание «купить квартиру в центре за три дня» или «вылечить панические атаки без врачей». И все же миллионы людей расстаются с деньгами, доверяя громким ораторам без дипломов. Они не несут никакой ответственности за ваш результат, агрессивно и настойчиво продадут вам свой вебинар или курс, объясняя, что «это ваш последний шанс!». Итогом «обучения» становятся сильные переживания, но не реальные изменения. Клиент получает лишь пустые траты и горькое разочарование. И основной причиной неудачи окажетесь вы сами – вы плохо работали, плохо делали, плохо слушали.

С точки зрения психологии, попадание в сети инфоцыган – это не всегда глупость или отсутствие критического мышления. Попадая в руки псевдоэкспертов, человек часто становится жертвой собственной эволюционной природы – тех древних механизмов, которые толкают на быстрые решения. Добавьте сюда информационную перегрузку и усталость от необходимости постоянно выбирать, плюс глубокий кризис веры в государственные институты. В таком состоянии в ловушку может угодить даже самый рациональный ум.

К сожалению, пользователю бывает крайне сложно отличить квалифицированного профессионала от инфоцыгана. Главная причина, по которой люди попадают на удочку инфоцыган, кроется в недостатке критического мышления и базового образования. Как ни парадоксально, при всеобщей доступности знаний люди по-прежнему жаждут чуда. Психологически мы предрасположены к трем иллюзиям: вере в «волшебную таблетку» (мгновенное решение любых проблем), вере в легкие пути к благосостоянию (потому что надежда на чудо комфортнее трезвого расчета) и вере в предсказания и неизбежность фатума.

Этот феномен объясняет, почему люди готовы платить за сомнительные теории, «магические» методики решения проблем, волшебные таблетки и суперсекретные тайные разработки, перепрашивающие реальность. Кажется, человек готов поверить во что угодно, только бы не прикладывать собственных усилий. Именно на этой психологической уязвимости и играют создатели инфопродуктов. Их подход строится на агрессивных эмоциональных про-

дажах, красочном описании будущих достижений, имитации уникального предложения и искусственном дефиците времени: «Только сегодня, до полуночи – иначе лишитесь волшебной палочки навсегда». Осознание этих механизмов – первый шаг к защите от мошеннических схем в информационном пространстве [4].

Инфоцыганство – это не просто безбидные тренинги личностного роста. Это многомиллиардный бизнес, построенный на уязвимостях человеческой психики. Желание быстрого результата, страх упустить возможность, усталость от сложных решений – всё это делает нас лёгкой добычей. Но защита существует. Как же не стать их жертвой? Вот некоторые проверенные способы защиты:

1. Всегда проверяйте информацию. Любое предложение, обещающее мгновенные результаты («миллион за неделю», «похудение на 10 кг за 3 дня»), должно вызывать здоровый скепсис, который является защитой. Прежде чем поверить в подобное «волшебство», изучите независимые отзывы, сверьте факты в открытых источниках и проанализируйте.

2. Тщательно изучайте эксперта. Настоящий профессионал не скрывает свою квалификацию, если человек профессионал – ему нечего скрывать. Ищите реальные кейсы, изучите отзывы не только на сайте продавца, но и на нейтральных платформах. И обязательно проверьте другие источники: возможно, кто-то уже собрал компрометирующую информацию.

3. Развивайте критическое мышление. Важно помнить главное правило: если что-то звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой – скорее всего, это обман. Любые серьёзные изменения – это всегда время и дисциплина. У сложных задач нет простых решений. Более того, подлинные профессионалы всегда говорят о вероятностях, рисках и условиях – они не дают абсолютных гарантий, в отличие от тех, кто предлагает некачественные услуги или информацию.

4. Избавьтесь от иллюзий о «волшебных таблетках». Спрос на услуги инфоцыган базируется на когнитивном искажении – вере в быстрое решение комплексных проблем. Но правда в том, что проблемы, формировавшиеся годами, нельзя решить за три дня. Помните, что успех – это всегда длительные последовательные усилия, а не разовое действие.

5. Контролируйте эмоции. Эмоции – это легкий инструмент воздействия на вас. Для развития эмоциональной устойчивости следите за тем, какие эмоции и в каких ситуациях вы проявляете, анализируйте причины этих эмоций [4].

Разница между методами инфоцыган-мужчин и инфоцыган-женщин заключается в образе и способе манипуляции. Мужчины чаще продают «статус и результат», женщины – «принятие и трансформацию», хотя конечная цель одна и та же. Можно рассмотреть такие различия, как:

1. Стиль ведения. Мужчины: Используют тактику «жесткого отца» или «успешного смотрящего сверху вниз». Много агрессии, обесценивания, криков и давления на стыд. Вебинары похожи на казарму. Примеры: Аяз Шабутдинов использовал стиль, который эксперты и потерпевшие описывают как «агрессивный маркетинг» и «сектантский» подход, культ личности, где Шабутдинов – «гуру», а ученик – должник, обязанный безоговорочно следовать правилам. На вебинарах и тренингах царил атмосфера казармы – танцы, прыжки, хлопанье в ладоши, коллективные «ритуалы» (например, разрывание денег). Конкретные приёмы: Крики в микрофон, давление на стыд, отсутствие индивидуального подхода. Вместо обучения – навязывание чувства вины за собственную неэффективность. По описаниям потерпевших, он мог по несколько часов «грузить» зал, заставляя их чувствовать себя ничтожествами без его курсов. Шабутдинов использовал тактику агрессивного доминирования и обесценивания. Его вебинары строились на посыле «ты – никто, ты – лох, если до сих пор беден». Женщины: Используют стиль «заботливой подруги/мамы» (или «королевы виктимблейминга»). Не дают, а «принимают». Сначала жалеют, потом мягко ведут к оплате. Пример: блогер Елена Блиновская играет роль «доброй мамы» или «золотой рыбки», которая готова исполнить любые мечты, если правильно попросит. В марафонах она учила «правильно загадывать желания» и «расхламлять» пространство. Ключевой посыл: нужно не «достигаторствовать», а расслабиться и ждать чуда «ты достойна богатства, просто нужно правильно

попросить Вселенную», «девочки, вы устали», «я вас люблю». Она не давила на стыд, а жала подписчиц, создавая образ «мамы», которая знает, как устроена жизнь.

2. Предлагаемый продукт. Мужчины: Продают деньги и власть («Арбитраж трафика», «Инвестиции в крипту», «Как уволить начальника», «Быстрый старт в дропшипинге»). Играют на желании быть альфа-самцом. Пример: Арсен Маркарян продаёт не просто курс, а принадлежность к касте «настоящих мужчин». Основной продукт: Закрытый Telegram-канал «БАЗА» (1500 руб./месяц). По данным источников, более 70 000 подписчиков. Оборот канала достигает 105 млн руб. в месяц. Тренинги («Тестостерон Release», «Я выбираю жить в кайф»), БАДы, личные консультации, семинары (билет стоил 20 000 руб.). Женщины: Продают состояние и свободу от проблем («Денежная девушка», «Секрет женского счастья», «Как выйти из абьюзивных отношений», «Марафон стройности без диет», «Раскрытие женственности»). Играют на страхе одиночества, лишнего веса и низкой самооценки. Пример: Лерчек (Валерия Чекалина) продавала не знания и не навыки, а эстетику «идеальной жизни» и надежду на быстрое улучшение внешности и благосостояния. Флагманский продукт – «Марафон идеальное тело» за ~3 000 руб. Участницы получали рецепты ПП-блюдов и наборы тренировок. Также продавала свой личный косметический бренд Letique (позже – Yuuа Skin): линия ухода и декоративной косметики, которую блогер продвигала через свои марафоны. «Розыгрыши» как товар: фактически, продуктом стала возможность выиграть дорогой приз – автомобиля (Audi, Mercedes, BMW), квартиры в Москве (по 16 млн руб.), айфоны. При этом «беспроигрышное колесо фортуны» гарантировало каждому участнику хоть какой-то приз – чаще всего промокод на косметику самой Лерчек. Оборот только одной ключевой компании Чекалиных – ООО «Би ФИТ» – составлял 2,9 млрд руб.

3. Инструменты давления. Мужчины: Стыд и социальное сравнение. «Твой одноклассник уже купил Гелик, а ты читаешь этот пост в маршрутке». Показывают пачки денег, элитные авто, часы за 10 млн. Давят на логику («невыгодно не купить»). Пример: Аяз Шабутдинов «Стыд, социальное сравнение и пачки денег» – людям с доходом около 30 тыс. руб. внушали, что успех невозможен без обучения «в сильном окружении». Использовались личные рассылки с ограничением по времени («сгорающие цены»), Арсен Маркарян «Иерархия и страх вылететь» – в «Базе» выстроена чёткая система рангов, статусов и геймификации. Кто не выполняет нормы – тот «деградант», Тимур Кириев «желание богатства» – давление идет через желание богатства и страх упустить возможность войти в «команду сильных». Женщины: Вина и страх быть «не такой». «Если ты не купишь курс – твой муж уйдет к той, которая себе на маникюр не жалеет». Показывают фото «до/после» (часто ворованные), романтику путешествий, уютные завтраки в постель. Давят на эмоции. Пример: Елена Блиновская «страх не быть счастливой» – вина перекладывалась на саму жертву, массовая реклама у топ-блогеров (Виктория Боня, Надин Серовски) создавала иллюзию, что «все успешные люди это делают», Лерчик «страх непривлекательности + азарт» – давление на страх, что без её марафонов и косметики муж уйдёт к более стройной и ухоженной, самый мощный инструмент – розыгрыши дорогих призов (машины, квартиры). Участники массово скупали косметику, чтобы увеличить шансы на выигрыш – «чем больше покупок, тем больше попыток», Оксана Самойлова «личная история» – она в красках описывает, как они с Джиганом (муж Самойловой) «ютились в однушке с маленьким ребенком», а ей приходилось самой готовить и убираться. Но потом она «взяла себя в руки», запустила бизнес и стала миллионершей. Это создает иллюзию «девушки из народа», которая «всего добилась сама».

4. Способ «добивки» (Закрытие на оплату). Мужчины: После вебинара – «сгорающая цена» (10 минут). Таймер на сайте. Звонок от «отдела заботы» с давлением. Часто требуют предоплату 100 % сразу. (пример: Арсен Маркарян: не разовая продажа курса, а ежемесячная подписка; сначала шок-контент в открытом доступе → интерес → переход в «Базу» (1500 руб.) → внутри базы апсейлы (курсы, БАДы, live-встречи); создание «культы личности» и зависимости от сообщества, клиент платит не за информацию, а за чувство причастности к «элите», Аяз Шабутдинов: человек попадал на бесплатный вебинар или мастер-класс. На вебинаре после эмоциональной накачки запускалось «горячее предложение» с

ограничением по времени. Затем подключались менеджеры, которые «дожимали» клиента до покупки платных пакетов. Если у клиента не было денег, ему прямо в компании помогали оформить кредит, Тимур Кириев: клиентов заманивают обещанием легкого успеха, а затем они по указке «гуру» вкладываются в заведомо провальный товар, оставаясь с кучей долгов. Стратегическая сессия за 300 000 руб., которая не дает знаний, а лишь мотивирует и создает иллюзию будущего богатства. Наставники (вероятно, партнеры или другие люди из команды) рекомендуют конкретный товар, на который группа учеников массово делает закупку. Товар оказывается неликвидным, бракованным или несезонным. Когда ученики жалуются и просят помощи, Тимур не отказывает, но его советы («надо тестировать и дальше искать товар») ведут к новым вложениям, которых у клиентов уже нет. Женщины: Мягкий долгий прогрев. Сначала бесплатный марафон в телеграме (3 дня), потом «челендж», потом закрытый клуб «подруг», потом распродажа. Любят «письма счастья» и истории успеха «девочек с соседнего канала». Пример: Оксана Самойлова: создание ажиотажа – «мест на потоке на всех не хватит», «специальная цена только сегодня»; Самойлова заявляла, что сайт продаж могут заблокировать, поэтому нужно покупать быстро; договоры составлены так, что компания «не несёт ответственности за несоответствие результата ожиданиям пользователей», Елена Блиновская: бесплатная пробная неделя марафона («чтобы это был не кот в мешке») → недорогой входной билет – 4 000–6 000 руб. за базовый тариф → прогрев через «успешные кейсы» от участниц → апсейл на VIP-доступ за 100 000–300 000 руб.

5. Образ эксперта. Мужчина: Яркий пиджак, наглаженная рубашка, кожаный диван в кабинете, обязательно за столом переговоров. Фото с микрофоном в руке на фоне панорамы города. Пример: как пример можно рассмотреть Гусейна Гасанова. Продвигает образ «парня на спорткаре» – Rolls-Royce, Lamborghini, квартира в «Москва-Сити». Спорткары на фоне стрит-арта, кожаные куртки, дорогие часы – классика «успешного успеха». Женщина: Пастельные тона, светлые волосы, макияж нюд, одежда «денежная» (минимализм/дорогая простота). Фото в уютном кафе, с книгой у камина или в позе йоги на Мальдивах. Пример: образ женщин-инфоцыган можно посмотреть на примере бьюти-блогера Гоар Аветисян. Образ Гоар – это сочетание «денежной девушки» и «восточной красавицы», которая смогла. Пастельные и золотые тона, роскошные восточные наряды, безупречный макияж нюд.)

Есть и универсальные методы (например, «Эзотерический бизнес-коучинг»), а также «женщины в жесткой мужской упаковке» (например, учат трейдингу с криками) и «мужчины в мягкой женской» (учат дышать животом). Но в массовом сегменте гендерное разделение работает именно так.

Таким образом, можно сделать вывод, что мужчины-инфоцыгане продают иллюзию власти через унижение и агрессию, женщины-инфоцыгане продают иллюзию счастья через заботу и принятие. Общие закономерности: универсальные механизмы манипуляции: создание искусственного дефицита («мест мало», «цена сгорает»), социальное доказательство (звёзды, «успешные кейсы», подставные ученицы), юридические ловушки в договорах («не несём ответственности за результат»), эмоциональные триггеры (стыд, вина, страх, жalousия, азарт); юридические последствия: многие разобранные персонажи привлечены к уголовной ответственности (Шабутдинов – 7 лет колонии, Блиновская – 5 лет, Гасанов – в розыске, Чекалин – 7 лет). Разница между методами инфоцыган-мужчин и инфоцыган-женщин носит имиджево-тактический, а не сущностный характер. При внешних различиях в стилистике, инструментах и образе конечная цель у обеих категорий одинакова – финансовое обогащение за счёт манипуляции аудиторий.

Также важно обратить внимание на инфоцыган, предлагающих тренинги по отношениям. Тема отношений – одна из самых прибыльных ниш в инфоцыганстве. Наряду с деньгами, здоровьем и «предназначением», именно запрос на любовь, семейное счастье и решение проблем с партнером привлекает огромную аудиторию, готовую платить за «волшебную таблетку». В группу риска попадают люди, переживающие жизненный кризис: развод, проблемы в семье, одиночество, неуверенность в себе. Особенно уязвимы женщины, переживающие расставание, мамы в декрете, а также те, кто стал жертвой деструктивных отношений.

Инфоцыгане мастерски играют на этих состояниях. Они обещают быстрое решение – «найди любовь за 3 дня», «верни мужа в семью», «стань желанной для любого мужчины». Люди хотят сэкономить силы на самостоятельном разбирательстве в проблеме и получить готовый ответ от «мудрого наставника». Именно на этом желании и строится бизнес «коучей по отношениям». Примерами таких тренингов можно назвать: курс «Богатая и красивая» Влady Евсеевой, курс «Я выбираю тебя» Надина Серовски и т. д.

Некоторые «тренинги по отношениям» переходят все границы и становятся предметом уголовных расследований, например, случай Алекса Лесли. Блогер, позиционирующий себя экспертом по отношениям, запустил тренинг, в котором призывал мужчин на улицах Москвы подходить к незнакомым девушкам и трогать их в интимных местах. По его словам, именно в этом заключается «позиция самца». Последователям рекомендовали уводить жертв в туалеты для дальнейших надругательств. Один из учеников был задержан, а на самого Лесли завели уголовное дело по факту склонения к изнасилованию.

Тренинги по отношениям от инфоцыган – это не просто бесполезная трата денег. Они могут нанести серьезный психологический ущерб, усугубить чувство вины и неуверенности, а в худших случаях – подтолкнуть к действиям, противоречащим закону и морали. Здоровые отношения строятся на взаимном уважении, личных границах и внутренней зрелости – никакой курс и никакая «волшебная техника» не заменят честной работы над собой. Если кто-то обещает вам «управлять» другим человеком или «притянуть любовь» за три дня – знайте, вам продают воздух [3].

Подводя итог, можно сказать, что феномен инфоцыганства в России представляет собой не просто набор мошеннических схем в сфере онлайн-образования, а глубоко структурированную индустрию, построенную на точном знании человеческой психологии и уязвимостей целевой аудитории. Инфоцыганство держится на таких факторах, как: создание искусственного дефицита (времени, знаний, статуса), эксплуатация эмоций (страха, жадности, надежды) и использование доверия как валюты. Психологические причины доверия к таким «гуру» часто оказываются обратной стороной нашего здорового стремления к безопасности и развитию. Главный вывод прост: Пока в обществе сохраняется запрос на «быстрый успех без усилий» – рынок инфоцыган будет существовать, видоизменяться и находить новые способы манипуляции. Противоядие одно – критическое мышление, финансовая грамотность и понимание простой истины: если обещают результат без труда – вас обманывают.

Литература

1. Колесова Д. В. Инфоцыганство: исторический экскурс // Вестник магистратуры. 2024. № 6-2 (153). С. 44–47.
2. Сычева Е. Г. Инфоцыганство в России: анализ феномена и его влияние на общество // Наука и технологии. 2024. С. 343–347.
3. Инфоцыганство в сфере отношений. URL: <https://dzen.ru/a/YNrKWKzgdnJbDxl> (дата обращения: 12.05.2026).
4. Продавцы «волшебных» марафонов: главные схемы обмана «инфоцыган». URL: <https://mir24.tv/articles/16641614/prodavcy-volshebnyh-marafonov:-glavnye-shemy-obmana-infocygan> (дата обращения: 12.05.2026).

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИИ

Анализируется система социальной поддержки жертв домашнего насилия в Российской Федерации как на федеральном уровне, так и в региональном контексте. Изучаются открытые статистические данные, а также официальные источники профильных ведомств и некоммерческих организаций, занимающихся данной проблематикой. На основе полученных сведений выделяются сходства и различия, общие тенденции и закономерности в функционировании системы помощи пострадавшим в разных субъектах Российской Федерации, а также их соответствие федеральной политике. Делается вывод о недостаточной репрезентативности общероссийской модели поддержки при ее реализации.

Ключевые слова: домашнее насилие, жертвы домашнего насилия, социальная поддержка, кризисные центры, регионы России.

V. I. Bakulina

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL SUPPORT MECHANISMS FOR VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA

This article analyzes the system of social support for victims of domestic violence in the Russian Federation, both at the federal level and in a regional context. The author considers open statistics, as well as official sources of specialized agencies and non-profit organizations dealing with this issue.

Keywords: social support, crisis centers, domestic violence, victims of domestic violence, regions.

Социальная поддержка жертв домашнего насилия представляет собой механизм, который позволяет оценить эффективность работы социальных служб и доступность помощи для граждан, оказавшихся в сложной кризисной ситуации. Важно понимать, что меры социальной поддержки жертв домашнего насилия – это не просто набор требующихся для пострадавшего услуг, а комплексная защита и поддержка пострадавших. Между тем доступность и качество помощи варьируются в разных регионах России по-разному, что создает погрешность в репрезентативности общей федеральной модели поддержки. Разрыв между доступностью убежищ и психологической помощи в большом городе и в малом городе или сельской местности может быть значительным. В таких условиях оценка эффективности федеральной системы помощи становится неразумной без учета региональной специфики.

В 2024–2025 гг. Центр по изучению проблем домашнего насилия при Санкт-Петербургском государственном университете провел исследование, результаты которого показали, что 3,7 % опрошенных респондентов сталкивались с насилием в семье в течение последнего года. При этом в большинстве случаев насилие имело неоднократный характер. Исследование также выявило тревожную тенденцию: 40,7 % пострадавших в 2024 г. указали, что основной мотивацией агрессора было стремление доминировать и контролировать ситуацию. Для сравнения, в 2019 г. этот показатель составлял 25 %. Прослеживается, что проблема домашнего насилия приобретает все более осознанный и целенаправленный характер, что требует обязательного пересмотра подходов к профилактике данной проблемы. Необходимо отметить и рост числа мужчин, которые были признаны потерпевшими. С 2023 по 2024 г. количество таких случаев увеличилось в 2,7 раза, что разрушает стереотип о том, что жертвы домашнего насилия исключительно женщины [1].

Региональная проекция данных свидетельствует о высоком уровне неоднородности решения при социальной поддержке жертв домашнего насилия. Если в Вологодской области исследователи обнаружили определенную долю респондентов, которые оценивают свое положение как терпимое, то в других субъектах РФ ситуация оказалась значительно более тяжелой [2]. Так, по данным официальной отчетности Российской Федерации перед структурами ООН, в 2024 г. в результате домашнего насилия были убиты 966 или 963 женщины, в

зависимости от методики подсчета. Этот показатель составляет почти 50 % от общего числа убитых женщин, а за последние десять лет он увеличился с 20 %. Безусловно, такая динамика оказывает влияние на общее социальное самочувствие граждан в регионах, где инфраструктура помощи развита достаточно слабо [3].

Консорциум женских неправительственных объединений отражает результаты своей работы по помощи жертвам насилия. В отчетах организации указано, что в 2024 г. юристы и адвокаты Консорциума оказали 1251 консультацию, из которых 361 была связана с случаями физического насилия. Организация также вела 116 судебных дел в 28 регионах России.

На основании представленных данных выделим несколько ключевых моментов: 1) значительный уровень латентности проблемы; 2) изменился характер насилия, оно стало более осознанным и целенаправленным, с выраженным мотивом контроля и доминирования над жертвой; 3) значительно возросла тяжесть последствий домашнего насилия.

Анализ показал, что проблема домашнего насилия становится все более острой и опасной для жизни жертв. Отчеты различных организаций и научные исследования не содержат единой системы показателей, и подходы к сбору данных существенно различаются. Федеральный закон о профилактике семейно-бытового насилия до сих пор не принят, что создает правовую неопределенность и перекладывает основную ответственность за помощь пострадавшим на некоммерческие организации. В результате социальная поддержка жертв домашнего насилия в разных регионах России сильно различается. В регионах с развитым некоммерческим сектором и в регионах с традиционными укладами наблюдаются значительные различия в качестве и доступности помощи. В регионах, где гражданский контроль развит слабо, система помощи находится в худшем состоянии. Там наблюдается острый дефицит убежищ для жертв, а также высокий уровень недоверия пострадавших к государственным институтам, что создает дополнительные барьеры для получения необходимой поддержки и защиты.

Литература

1. Эксперт СПбГУ представил новые данные о домашнем насилии // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii> (дата обращения: 04.05.2026).
2. Дементьева И. Н., Леонидова Е. Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2023 года // Проблемы развития территории. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniyavologodskoy-oblasti-v-fevrale-2023-goda> (дата обращения: 04.05.2026).
3. В 2024 году от домашнего насилия в России погибли почти 1000 женщин. // Важные истории. URL: <https://istories.media/news/2025/10/31/v-2024-godu-ot-domashnego-nasiliya-v-rossii-pogibli-pochti-1000-zhenshchin/> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И., Суслина Е. В. Домашнее насилие в России: криминологический анализ современного состояния (на основе всероссийского опроса населения) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/domashnee-nasilie-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-problemy-kriminologicheskoy-otsenki> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Консорциум представил годовой отчет о работе в 2024 году: больше 1200 обращений и помощь по всем видам гендерного насилия // Консорциум женских неправительственных объединений. URL: <https://wcons.net/novosti/konsorcium-predstavil-godovoj-otchet-o-rabote-v-2024-godu-bolshe-1200-obrashhenij-i-pomoshh-po-vsem-vidam-gendernogo-nasilija/> (дата обращения: 04.05.2026).

РАЗВИТИЕ СПОРТА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Исследуется развитие российского спорта в условиях новых вызовов и угроз (санкций и политизации спорта). Анализируется общественное и экспертное мнение по данной проблеме, отраженное в научных публикациях, размещенных в базе eLibrary за 2022–2026 гг. Представлен обзор и анализ публикаций, отобранных по ключевым словам «спорт в современной России», «влияние политики», «политизация», «санкции», «экспертный опрос», «социологический опрос». Выявлен существенный дисбаланс: доля статей, отражающих общественное мнение и экспертное мнение по результатам соответствующих опросов, не велика, преобладают работы, основанные на авторском аналитическом суждении.

Ключевые слова: спорт, санкции, политизация спорта, общественное мнение, экспертное мнение, eLibrary, обзор публикаций.

A. I. Basharov

Irkutsk State University, Irkutsk

THE DEVELOPMENT OF SPORTS IN RUSSIA UNDER NEW CHALLENGES AND THREATS: PUBLIC OPINION AND EXPERT OPINION

The article is devoted to the problem of Russian sports development under new challenges and threats (the sanctions and the politicization of sports). The aim of the study is to analyze public and expert opinion on this issue as reflected in academic publications indexed in the eLibrary database for the period 2022–2026. The paper provides a review and analysis of publications selected using the keywords “sports in modern Russia”, “political influence”, “politicization”, “sanctions”, “expert survey”, and “sociological survey”. A significant imbalance has been revealed: the proportion of publications reflecting public opinion and expert opinion derived from corresponding surveys is small, whereas publications based on authorial analytical judgment predominate.

Keywords: sports, sanctions, politicization of sports, public opinion, expert opinion, eLibrary, literature review.

Введение

В период 2022–2026 гг. российский спорт столкнулся с новыми вызовами и угрозами, связанными, прежде всего, с политизацией спорта и санкционным давлением, что делает актуальным научный анализ их восприятия обществом и экспертным сообществом.

Целью настоящего исследования – выявление общественного и экспертного мнения по проблеме развития спорта в России в условиях этих новых вызовов и угроз, отраженного в научных публикациях, размещенных в базе eLibrary за 2022–2026 гг.

Материалы и методы

Исследование представляет собой обзор публикаций, размещенных в научной электронной библиотеке eLibrary. Критерии отбора источников:

- период публикации: 01.01.2022 – 01.06.2026;
- база данных: РИНЦ (eLibrary.ru), поиск по полным текстам и метаданным;
- поисковые запросы: комбинации ключевых слов «спорт в современной России», «влияние политики», «политизация», «санкции» с операторами «экспертный опрос», «социологический опрос».

Результаты и обсуждение

Всего по заданным ключевым словам было найдено 6 публикаций. Из них являются полнотекстовыми и прямо затрагивающими тему санкций и политизации спорта – 5.

Полученные результаты можно классифицировать на три группы с выявлением некоторой диспропорции

Социологические опросы населения: Свидетельствуют об общественном мнении по проблеме, однако их выявлено крайне малое количество. Лишь несколько работ содержат авторский опрос населения. Это свидетельствует о дефиците первичной социологической

информации в научном обороте. Так, исследование К. Н. Ефременкова и соавторов, проведенное в 2022 г. Среди 141 студента Смоленского государственного университета спорта, показало, что 86,4 % опрошенных, воспринимают современные Олимпийские игры как новый бизнес-продукт (56,7 % ответили «да», 29,7 % – «в определенной мере»). 73,8 % респондентов признали прогрессирующую политизацию спорта (53,9 % – «да», 19,9 % – «в определенной мере», при этом несмотря на негативные тенденции, многие студенты видят возможность для позитивных изменений: 57,4 % считают, что распространение олимпийских ценностей возможно даже в условиях коммерциализации, а 56 % процентов выступили за сохранение олимпийской идеи Пьера де Кубертена [2, с. 149]. В работе А. В. Сироты и Д. А. Бабарикова (2022) по результатам опроса 67 студентов Ухтинского государственного технического университета было установлено, что все респонденты признают зависимость спорта от политики, оценивая санкционное давление, 42 % респондентов назвали действующие ограничения в отношении российских спортсменов несправедливыми, а 37 % полагают, что подобная практика запретов будет применяться и к другим странам в будущем. 24 % опрошенных сохраняют надежду на «суверенное будущее» мирового спорта, 76 % считают концепцию «свободного спорта» утопической [5, с. 3]. Опрос 75 студентов профильного вуза, представленный в публикации Т. С. Кокорева 2024 г., зафиксировал: 78,7 % респондентов заявляют об утрате олимпийских ценностей, а большинство (до 90 %) расценивают санкции МОК как несправедливое политическое давление. Последствия санкций студентами оцениваются двояко: с одной стороны, они дают импульс развитию внутренних соревнований, с другой – создают угрозу оттока тренерских кадров [3, с. 159–164].

Экспертные опросы: Крайне малочисленная группа. Найдена лишь одна публикация, позволяющая судить о мнении ученых, тренеров, спортивного журналиста / блогера. Исследование М. М. Гандилян, основано на экспертном опросе 17 респондентов (восемью, ученых, пяти тренеров, двух спортивных функционеров, двух журналистов / блогеров). Эксперты выявили несколько проблемных блоков: по поводу деполитизации спорта среди экспертов преобладает скептическое отношение: большинство приводит аргументы от экономической обусловленности до геополитической востребованности спорта как инструмента решения имеджевых задач, и лишь меньшинство гипотетически допускает независимое существование спорта от политики. По вопросу противостояния политизации спорта эксперты разделились на три блока: «пессимистов», которые утверждают, что противостоять нельзя, особенно одному государству, «оптимистов», считающих, что успех в противостоянии зависит от авторитета страны и предпринимаемых государством действий, и промежуточную группу, призывающую бороться не с политизацией, а с её деструктивными проявлениями, что требует договоренностей на международном уровне [1, с. 345–346]. Эксперты оценили эффективность различных мер противодействия. По пятибалльной шкале наиболее высокий средний бал получили реформирование МОК, ВАДА и CAS, а также переустройство системы управления мировым спортом – эксперты делают ставку на радикальные меры, при этом наименее эффективным было признано строгое соблюдение существующих норм и исключение двойных стандартов [1, с. 348]. Применительной к России лидирующую оценку получила мера по более активной защите прав спортсменов правовыми средствами (в CAS и судах общей юрисдикции). Второе место, с наименьшим разбросом оценок заняло использование инструментов спортивной дипломатии. Отстающей стала идея проведения собственных альтернативных международных соревнований [1, с. 350].

Авторская аналитическая позиция: Доминирующий тип публикаций. В данную категорию попадают тексты, где позиция автора не подкреплена процедурой сбора социологических данных, и по сути является суждением, основанным на личном профессиональном опыте. Характерным примером выступает Д. А. Порошина 2023 г., в работе которой на основе анализа документов и событий обосновывается тезис о том, что текущие антироссийские санкции являются недопустимым инструментом геополитической борьбы. Автор акцентирует внимание на том, что с отстранением России был нарушен фундаментальных принцип, согласно которому спортсмены не должны отвечать за действия правительств. При этом

единственным действенным инструментом для снятия санкций считается судебно-правовое противодействие через Спортивный арбитражный суд, а государству рекомендуется разработать и принять официальную стратегию спортивной дипломатии для защиты национальных интересов [4, с. 179–185].

Полученные результаты показывают, что, несмотря на остроту и актуальность проблемы, массив научных статей в eLibrary слабо отражает реальное общественное мнение о санкциях в спорте и его политизации. Превалирование авторских позиций объяснимо: их производство менее затратно и оперативно. Однако ограничением данного обзора выступает его фокус на базе eLibrary, так как часть исследований может публиковаться вне этой базы.

Обзор публикаций 2022–2026 гг. в eLibrary выявил недостаток эмпирических работ, фиксирующих общественное и экспертное мнение. В научном дискурсе количественно преобладает жанр «авторской аналитической позиции», которая не может полноценно считаться «экспертным мнением».

Литература

1. Гандилян М. М. Способы противодействия негативным последствиям политизации спорта в оценках участников экспертного опроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, Вып. 3. С. 344–350.
2. Трансформация олимпийских ценностей и ее воздействие на развитие современного олимпийского и спортивного движения по оценкам студентов вуза физической культуры и спорта / К. Н. Ефременков, И. А. Ефременкова, А. В. Муханова, А. В. Шукаева // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 7 (209). С. 147–150.
3. Кокорева Т. С. проблема политизации олимпийского спорта глазами студентов профильного вуза // Социальные трансформации. 2024. № 35. С. 159–164.
4. Порошин Д. А. Проблема политизации спорта и международного олимпийского движения // Вестник ЗабГУ. 2023. № 1. С. 179–85.
5. Сирота А. В., Бабариков Д. А. Отношение студентов УГТУ к проблеме зависимости российского спорта от международной политики // Коммуникации. Общество. Духовность. К 350-летию со Дня рождения Петра I : материалы конф. / под общ. ред. Т. С. Крестовских. Ухта : УГТУ, 2022. С. 487–490.

УДК 316.346.32-053.6

К. С. Беспалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЦЕЛИ И ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ГИПОТЕЗЫ И ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена анализу целей, ценностных ориентиров и ожиданий российской молодежи в XXI в. на основе данных социологических опросов ФОМ, ВЦИОМ, исследований ИНИОН РАН и ФНИСЦ РАН. Раскрыта ключевая проблема нелинейности жизненных траекторий, при которой классические этапы взросления нарушаются под давлением структурных барьеров, а образ желаемого будущего страны формируется молодежью прагматично, вне ностальгии по прошлому, через запрос на стабильность и экономическое процветание.

Ключевые слова: молодежь, цели и ожидания, ценности, жизненные траектории, нелинейная взрослость.

K. S. Bespalova

Irkutsk State University, Irkutsk

GOALS AND EXPECTATIONS OF RUSSIAN YOUTH IN THE 21ST CENTURY: CURRENT HYPOTHESES AND EXPERT ANALYSIS

This article analyzes the goals, value orientations, and expectations of Russian youth in the 21st century based on data from sociological surveys conducted by the Public Opinion Foundation (FOM), the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), and research conducted by the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INI-ON RAS) and the Federal Scientific Center of Social Sciences (FSSC RAS). The key issue of nonlinear life trajectories is revealed, whereby the classic stages of adolescence are disrupted by the pressure of structural barriers, and the image of the country's desired future is shaped by young people pragmatically, without nostalgia for the past, through a demand for stability and economic prosperity.

Keywords: youth, goals and expectations, values, adaptive pragmatism, life trajectories, nonlinear adulthood, education, employment, family, gender models, image of the future.

Разговор о современной российской молодежи неизменно превращается в столкновение полярных гипотез. С одной стороны, существует устойчивое убеждение, что молодое поколение инфантильно и не желает брать на себя ответственность; с другой – все чаще звучит мнение о формировании нового прагматичного и адаптивного поколения, которое гораздо быстрее и эффективнее приспосабливается к реальности XXI в. Чтобы разобраться в этом противоречии, необходимо обратиться к эмпирическим данным ведущих социологических центров страны, которые на протяжении десятилетий ведут мониторинг ценностей, целей и ожиданий молодежи. Фонд «Общественное мнение», Всероссийский центр изучения общественного мнения и академические институты фиксируют сложную, внутренне неоднородную картину, в которой материальные устремления переплетаются с традиционными семейными ценностями, а запрос на стабильность соседствует с принятием нелинейности жизненного пути. Вывод состоит в том, что мы имеем дело не с «потерянным поколением», а с поколением «адаптивного прагматизма», которое учится выстраивать сложные жизненные маршруты в условиях высокой неопределенности и отсутствия готовых социальных сценариев.

Одна из наиболее обнадеживающих гипотез, получивших эмпирическое подтверждение в последнее десятилетие, заключается в том, что российское общество постепенно пересматривает свое отношение к молодежи в позитивную сторону, признавая за ней субъектность и целеустремленность. Согласно данным опроса ФОМ, проведенного в сентябре 2014 г., по сравнению с молодежью начала нулевых новое поколение воспринималось россиянами как значительно более целеустремленное и трудолюбивое. Этот сдвиг в массовом сознании имеет принципиальное значение: он означает, что стереотип о «потерянной молодежи» 1990-х гг. постепенно уступает место более сбалансированной оценке. Более половины респондентов (52 %) уже тогда были убеждены, что среди современной молодежи преобладают те, кто осознанно ставит перед собой жизненные цели и стремится их достичь, а не те, кто пассивно «плывет по течению» [4]. В открытых вопросах о конкретных целях, которые ставит перед собой молодое поколение, россияне на первые места ставили образование, карьеру и материальный достаток – триаду, свидетельствующую о высоких социальных притязаниях. Вывод из этого блока данных очевиден: общество зафиксировало появление нового типа молодого человека – деятельного, ориентированного на достижения и личностный рост, что коренным образом отличается от тревожных нарративов, доминировавших в предыдущие десятилетия. Однако тот же опрос ФОМ содержит и важную оговорку: немало респондентов продолжают ставить молодежи в упрек невоспитанность, наглость и безнравственность, хотя доля тех, кто относится к молодым людям в целом положительно и стремится их понять, все же стабильно выше [4]. Это напряжение между признанием прагматизма молодежи и критикой ее морального облика остается сквозной темой общественных дискуссий.

Если опросы ФОМ фиксируют общий тренд на признание за молодежью целеустремленности, то многолетний мониторинг ВЦИОМ позволяет увидеть, как именно трансформировался тот общественный «заказ», который предъявляется молодым людям со стороны старших поколений и общества в целом. Данные, собранные в июне 2023 г. и сопоставленные с замерами 1990 г., демонстрируют тектонический сдвиг в ожиданиях. Тридцать лет назад, на излете советской эпохи, россияне в первую очередь хотели видеть молодежь более трудолюбивой – этот вариант набирал 62 %. Сегодня на первое место вышло желание, чтобы молодежь получала хорошее образование – его доля поднялась до 40 %, а на второе опустилось желание, чтобы молодые люди были просто послушными и готовыми к тяжелой физической работе (39 %). Эта перемена показывает, что в обществе теперь важнее не грубая сила и готовность много работать руками, а ум, способность разбираться в сложной информации. Одновременно люди стали чаще говорить о патриотизме: число тех, кто хочет, чтобы молодежь больше любила Родину, выросло с 28 % до 35 %. Интересно, что желание, чтобы молодые люди сами зарабатывали себе на жизнь, в 1990 г. было на третьем месте (29 %), а к

2023 г. опустилось на пятое (20 %). Отчасти это объясняется тем, что жить в целом стало легче и вопрос выживания уже не стоит так остро. Параллельно общество стало меньше требовать от молодежи физической крепости и скромности, но в два раза чаще – с 5 % до 10 % – высказывать пожелание большей религиозности [3]. Из этого массива данных следует важный аналитический вывод: общественный запрос к молодежи эволюционировал от требований элементарного выживания и физической выносливости к требованиям интеллектуальной компетентности, гражданской лояльности и, в определенной мере, возвращения к традиционным духовным основаниям. Общество перестает видеть в молодежи просто «рабочие руки» и все больше ожидает от нее функций носителя национальной идентичности и квалифицированного человеческого капитала.

Не менее значимым для понимания целей и ожиданий молодежи является анализ того, какой образ молодого человека сложился в представлениях самих россиян – т. е. какой молодежь является «на самом деле», а не какой ее хотели бы видеть. ВЦИОМ в 2023 г. впервые за долгое время разделил этот вопрос на два отдельных блока – для юношей и для девушек, – что позволило увидеть выраженный гендерный водораздел в приписываемых молодому поколению устремлениях. И для юношей, и для девушек лидирующей характеристикой остается желание разбогатеть и «делать деньги»: этот мотив приписывают 44 % юношей и 35 % девушек, причем еще в 1991 г. обобщенный показатель для всех молодых людей составлял 40 %. Материальный успех, таким образом, остается устойчивой доминантой молодежного сознания на протяжении более чем тридцати лет, и это опровергает гипотезу о том, что новые поколения становятся менее меркантильными. Однако вокруг этого финансового ядра выстраиваются принципиально разные конфигурации ценностей для разных полов. В образе юноши на второе место выходит стремление больше учиться и работать, чтобы обеспечить себе и своей семье материальное благополучие (35 %), затем следуют желание получать от жизни удовольствия (30 %), стремление к интересной работе и творческой деятельности (21 %) и только на пятом месте – желание иметь хорошую, дружную семью (20 %) [3]. Иными словами, мужской образ строится вокруг добывания ресурсов и профессиональной самореализации, тогда как семья оказывается хотя и значимым, но не первостепенным приоритетом.

Совершенно иная картина открывается при взгляде на образ современной девушки. Здесь с огромным отрывом лидирует стремление иметь хорошую, дружную семью – 37 %, что почти в два раза превышает аналогичный показатель для юношей (20 %). Материальный интерес у девушек также высок (35 %), но он практически уравнивается с установкой на образовательную и трудовую самореализацию ради благополучия семьи (33 %). Особого внимания заслуживает показатель стремления к духовному развитию и самосовершенствованию: если у юношей он составляет 12 %, то у девушек достигает 18 %, и это при том, что в 1991 г. такая характеристика для всей молодежи в целом набирала лишь 5 %. Кроме того, в женском образе значительно слабее выражена гедонистическая составляющая и гораздо заметнее акцент на интересную творческую работу (24 % против 21 % у юношей) [3]. Вывод из этого сопоставления формулируется достаточно определенно: российское общество продолжает транслировать и воспроизводить в своих оценках молодежи достаточно традиционные гендерные модели. Мужской путь видится как карьерно-добывающий, с отложенным семейным сценарием, тогда как женский путь прочно ассоциирован с созданием семьи и духовно-нравственным развитием. При этом важно подчеркнуть, что и та и другая модель в современном прочтении не исключают, а напротив, предполагают высокую трудовую и образовательную активность – различие кроется не в наличии или отсутствии работы, а в ее месте в иерархии жизненных целей.

Зафиксировав картину целей и устремлений, невозможно обойти стороной ту реальность, в которой эти цели пытаются реализоваться. Один из центральных сюжетов современной социологии молодежи – это констатация кардинального изменения самих условий взросления, которое описывается в проекте ИНИОН РАН, посвященном жизненным траекториям молодежи в XXI в. [2]. Ключевая теоретическая гипотеза, лежащая в основе этого исследовательского направления, заключается в том, что современное общество перестало

предлагать молодым людям готовые, институционально закреплённые социальные сценарии, вынуждая их к самостоятельному конструированию собственных биографий. Исследователи выделяют несколько фундаментальных процессов, определяющих этот новый режим взросления: удлинение периода юности, нелинейность и возросшее разнообразие вариантов жизненных сценариев, а также цикличность происходящих в жизни индивида событий. На практике это означает, что классическая линейная последовательность «получение образования – выход на работу – достижение материальной независимости – создание семьи» все чаще нарушается, а ее этапы меняются местами или воспроизводятся неоднократно. Молодые люди сегодня могут сначала создать семью, а потом вернуться к получению образования; могут выйти на рынок труда и спустя несколько лет снова сесть за студенческую скамью; могут достичь материальной независимости и затем утратить ее, вновь оказавшись в зависимости от родителей или партнера. Эта нелинейность, по мнению специалистов ИНИОН РАН, не является патологией или признаком инфантилизма – это объективная адаптация к социальным трансформациям эпохи «позднего модерна», требующей от индивида постоянной готовности к смене маршрута собственной биографии [2]. Исследователи отмечают, что современное общество перестало предлагать готовые социальные сценарии. Процесс взросления протекает в условиях «хаотизации», где этапы «учеба – работа – семья» больше не идут строго друг за другом. Углубляя это понимание, Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина и Е. В. Лесниковская в работе «Трансформация систем ценностей в меняющемся мире: цивилизационный и цифровой аспекты» акцентируют внимание на том, что ключевым фактором этой «хаотизации» выступает цифровая среда. Они убедительно показывают, что «вследствие глубоких трансформационных изменений может быть разрушено ценностное ядро, система базовых ценностей» [1]. По их мнению, цифровая трансформация порождает особый гибридный мир, в котором «структуры ценностей и приоритетов приобретают подвижный контекстуальный характер» [1], что и приводит к тому сдвигу от традиционных институциональных ориентиров к гибким сетевым идентичностям, который порождает наблюдаемое разнообразие нелинейных биографических сценариев.

Эмпирическим подтверждением этой теоретической конструкции служат данные ВЦИОМ о том, какие проблемы, по мнению россиян, больше всего осложняют жизнь современной молодежи. Если в 1991 г. абсолютным лидером этого антирейтинга были материальные трудности (78 %), то сегодня они переместились на четвертое место с 28 %, а на первые позиции вышли структурные барьеры, связанные именно с нарушенной линейностью взросления: проблемы трудоустройства (39 %), жилищный вопрос (37 %) и трудности с получением хорошего образования (28 %). Эта тройка лидеров представляет собой, по сути, три взаимосвязанных узла, которые должна последовательно «развязать» современная молодежь, чтобы перейти в статус самостоятельного взрослого человека: найти стабильную работу, позволяющую обслуживать ипотеку или аренду, и получить для этого качественное образование. Причем если в 1991 г. проблема трудоустройства волновала лишь 18 % опрошенных, то сегодня она вышла на первое место с 39 % – рост более чем вдвое. Жилищный вопрос также стал острее, поднявшись с 23 % до 37 % [3].

Отдельного внимания в этом проблемном поле заслуживает и ценностное измерение. Опросы ВЦИОМ фиксируют почти двукратный рост значимости такой проблемы, как «отсутствие идеалов, атмосфера бездуховности» – с 14 % в 1991 г. до 25 % в 2023 г. Чаще других на это указывают россияне в возрасте 45–59 лет (34 %), что может свидетельствовать как о реальной обеспокоенности ценностным вакуумом, так и о поколенческом разрыве в понимании идеалов. Одновременно выросла и доля тех, кто говорит о «неумении современной молодежи ориентироваться в жизни» – с 11 % до 16 % [3]. Эти цифры хорошо коррелируют с тезисом ИНИОН РАН о «хаотизации» социальной реальности: если готовых сценариев больше нет, а навык самостоятельного их конструирования еще не сформирован, возникает закономерное ощущение дезориентации и ценностного голода. Любопытно и то, как сами молодые люди воспринимают собственные трудности. В группе 18–24 лет на первое место выходят трудности с получением хорошего образования (32 %), а на четвертое – конфликты

с родителями (27 %), что значительно выше, чем в старших возрастных когортах. Для молодежи 25–34 лет, уже вышедшей на рынок труда, главными становятся проблемы трудоустройства и жилья (по 46 %), что подтверждает стадиальный характер этих вызовов: сначала образовательный барьер, затем барьер занятости и жилья [3]. Таким образом, мы видим, что трудности молодежи не являются хаотичным набором невзгод, а выстраиваются в определенную последовательность, соответствующую этапам перехода к взрослой жизни, – и именно сбой в этом переходе порождает эффект «отложенной взрослости», о котором говорят исследователи ИНИОН РАН [2].

Наконец, важнейшим элементом обсуждаемой темы является образ будущего – как личного, так и национального, – который формируется в сознании современной молодежи. Исследование Р. В. Петухова, выполненное в рамках государственного задания ФНИСЦ РАН и представленное на Ковалевских чтениях в 2024 г., позволяет сделать на этот счет несколько принципиальных заключений. Анализ мониторинговых массовых опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН на протяжении десяти лет (2014–2024 гг.), показал, что молодые россияне в возрасте до 25 лет значительно меньше ностальгируют по советскому прошлому, чем представители старших поколений [5]. Это не просто констатация очевидного возрастного различия, а важный индикатор того, что ценностный разрыв между поколениями проходит в том числе по линии исторической памяти и отношения к национальному проекту. Молодежь, не имеющая собственного опыта жизни в СССР, оценивает будущее страны вне ретроспективных ностальгических рамок, через призму сугубо современных критериев. Доминирующим образом будущего для молодых россиян, как подчеркивает Петухов, является образ экономически развитой и политически состоятельной страны, занимающей достойное место на международной арене [4]. Ключевыми составляющими этого образа выступают социально-политическая стабильность и экономическое благополучие – т. е. представления о желаемом будущем России у молодежи носят не утопический или идеологизированный, а вполне прагматический характер.

Этот макросоциологический вывод резонирует с данными о личных целях молодежи, рассмотренными выше. Синтезируя эти два уровня анализа – личный и национальный, – можно заключить, что мы имеем дело с достаточно целостной картиной мира, в которой личное экономическое благополучие, образование и карьера не противопоставляются, а, напротив, встраиваются в более широкий образ стабильной и процветающей страны. Молодежь не формулирует свои ожидания в логике конфликта с государством или обществом, а скорее ищет институциональные возможности для их реализации, сталкиваясь при этом с описанными выше структурными барьерами. В этом, возможно, заключается одна из главных интриг современной российской молодежной политики и социальной жизни в целом: запрос молодых людей на стабильность и благополучие в целом конгруэнтен общественному запросу к ним на образованность и патриотизм, но реализация этого обоюдного запроса упирается в нерешенность жилищного вопроса, проблемы на рынке труда и сложности с получением качественного образования, т. е. в те самые точки институционального напряжения, которые выисываются опросами ВЦИОМ [2].

Подводя итог этому многоаспектному анализу, можно сформулировать несколько обобщающих тезисов. Российская молодежь XXI в. демонстрирует устойчивый адаптивный прагматизм, который выражается в сочетании высоких материальных притязаний с сильной ориентацией на образование и профессиональную самореализацию. При этом старые представления о том, к чему должны стремиться парни и девушки, не только остаются, но и становятся даже сильнее. Парни по-прежнему нацелены на карьеру и заработок, а девушки – на семью и духовное развитие, хотя и те, и другие всё равно работают. Взрослеть теперь стало сложнее: нет чёткого пути, который ведёт из школы во взрослую жизнь. Молодым людям приходится самим выстраивать свою судьбу в запутанном и нестабильном мире. Это даёт и новые возможности, и новые проблемы. Самые главные из них – найти работу, купить жильё и получить хорошее образование. Представления молодежи о светлом будущем страны очень практичны: им нужны стабильность и достаток. Но смогут ли они этого добиться, за-

висит от того, насколько успешно общество и государство уберут те преграды, которые сегодня превращают переход от юности к взрослой жизни в долгий, запутанный путь с непонятным концом.

Литература

1. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Трансформация систем ценностей в меняющемся мире: цивилизационный и цифровой аспекты // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 239–241.
2. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). URL: <https://inion.ru/ru/science/raboty-po-grantam/tmf-rffi/zhiznennyye-traektorii-molodezhi-v-21-veke-riski-i-vozmozhnosti/> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Образ российской молодежи: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 12.05.2026).
4. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/tsennosti/11748> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Петухов Р. В. Динамика представлений молодежи о целях развития России в XXI в. // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всерос. науч. конф. XVIII Ковалевские чтения, 14–16 нояб. 2024 г. СПб., 2024. С. 1184–1186. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=13841&type=publ> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Российская молодежь XXI века: ее социально-культурная характеристика и ценностная ориентация // CyberLeninka: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodezh-21-veka-ee-sotsialno-kulturnaya-harakteristika-i-tsennostnaya-orientatsiya> (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 316.42

С. А. Бондарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Анализируется трансформация подходов к изучению и преодолению социального неравенства в контексте новых глобальных угроз. Обосновывается необходимость перехода от классических стратификационных моделей к гибкой, междисциплинарной методологии. Рассматривается роль экспертных институтов в выработке стратегий, способных учитывать неэкономические факторы уязвимости и сглаживать цифровые и статусные разрывы.

Ключевые слова: социальное неравенство, экспертная методология, глобальные вызовы, стратификация, междисциплинарный анализ, социальная политика.

S. A. Bondareva

Irkutsk State University, Irkutsk

STRATEGY FOR OVERCOMING SOCIAL INEQUALITY IN THE MODERN WORLD: DEVELOPMENT OF EXPERT METHODOLOGY IN THE FACE OF NEW CHALLENGES

This article analyzes the transformation of approaches to studying and overcoming social inequality in the context of new global threats. The necessity of transitioning from classical stratification models to a flexible, interdisciplinary methodology. The role of expert institutions in developing strategies capable of considering non-economic factors of vulnerability and smoothing digital and status gaps is examined.

Keywords: social inequality, expert methodology, global challenges, stratification, interdisciplinary analysis, social policy.

Проблематика социального неравенства традиционно занимает центральное место в социологической науке, однако к середине 20-х гг. XXI в. ее звучание приобрело принципиально другие оттенки. Если ранее доминирующий дискурс сосредотачивался преимущественно на перераспределении материальных благ и доступе к ресурсам, то современный

контекст, определяемый термином «новые глобальные угрозы и вызовы», задан из международной конференции «Экспертные институты в XXI в.: принципы, технологии, культура в условиях новых глобальных угроз и вызовов» (организатор Институт Социальных наук Иркутского государственного университета, Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций), требует существенного пересмотра исследовательской деятельности. Геополитика и санкционные ограничения показали, что доход сам по себе уже не гарантирует устойчивости. Куда важнее становится способность семьи быстро перестроиться при смене условий, а этот навык с зарплатой напрямую не связан.

Если говорить о сегодняшнем дне, то цепляться за старые стратификационные схемы – всё равно что идти по карте, где не отмечены свежие разломы. Отсюда и главный внутренний спор социологии: то ли держаться за проверенные модели, то ли честно признать, что реальность их уже переросла. Цель исследования выявить ограничения классических моделей стратификации в условиях новых глобальных угроз и обоснование необходимости перехода к гибкой междисциплинарной экспертной методологии, способной учитывать нематериальные факторы неравенства для выработки эффективных стратегий его преодоления.

Переформатирование мирохозяйственных связей, а также ускоренная цифровая трансформация всех сфер жизни обнажили несовпадения не только в уровне доходов, но и в самом качестве человеческого капитала. В сложившихся условиях научная и экспертная рефлексия уже не может позволить себе опираться исключительно на линейные математические модели, описывающие расслоение общества. Возникает объективный запрос на развитие принципиально иной экспертной методологии, способной улавливать неочевидные на первый взгляд корреляции и предлагать действенные стратегии по купированию рисков.

Трансформация исследовательских подходов к социальному неравенству прослеживается в работах целого ряда современных авторов. М. Ф. Черныш и Ю. Б. Епихин в коллективной монографии «Многомерная социальная мобильность России» 2018 г. развивают сорokinскую традицию, анализируя мобильность не только как свойство стратификационной системы, но и как состояние культуры. Н. Н. Мещерякова в статье «Глобальные кризисы и локальные ответы: актуальные тренды в социологии» (2025) зафиксировала, что неравенство прочно вошло в пятёрку универсальных вызовов, консолидирующих мировое социологическое сообщество, причём реакция на него, что показательно, заметно разнится от региона к региону. Если же взглянуть на работу авторов Социологического института РАН (2025), там и вовсе обосновывается переход к реляционной модели, выстроенной на идеях Н. Элиаса и Ш. Айзенштадта, и выделяются уже такие новые сюжеты, как мобильные, сетевые и цифровые неравенства. Так, близкую логику можно найти и у Н. В. Плотицкиной (2024): разбирая модели социально-цифрового неравенства, она показывает, что объяснительные схемы Э. Хелспер и И. Мариен – это, по сути, синтез идей Э. Гидденса, П. Бурдьё и А. Сена, позволяющий трактовать цифровой разрыв не как пропасть, а как континуум. Словом, общий тренд очевиден – уход от детерминизма в сторону гибких моделей, которые уже невозможно игнорировать.

В сложившихся условиях, методологический кризис в изучении неравенства стал особенно заметен в период с 2020–2026 гг., когда классический индикатор дифференциации – децильный коэффициент – начал демонстрировать свою ограниченную эвристическую ценность. Достаточно обратить внимание на то, как синхронно в развитых и развивающихся странах снижение формальной безработицы сочеталось с ростом субъективного ощущения нестабильности и тревоги среди граждан. Это несоответствие указывает на то, что за пределами чисто монетарных измерений остается огромный пласт социальной реальности, требующий экспертного осмысления. Для понимания современной природы неравенства недостаточно фиксировать разницу в зарплатах; необходимо смотреть на комплекс нематериальных активов, таких как способность быстро переучиваться, доступ к качественной и верифицированной информации, а также степень включенности индивида в устойчивые социальные сети. Именно эти компоненты формируют так называемую «подушку безопасности» и определяют разницу между адаптацией и падением на социальное дно [4, с. 44].

Развитие экспертной методологии в этой сфере должно базироваться на отказе от жесткой дисциплинарной замкнутости. Так, наиболее перспективным направлением сегодня выглядит форма отношений экономической социологии и методов анализа больших данных, но с одной принципиальной оговоркой: цифровые массивы должны интерпретироваться экспертами-прикладниками, обладающими глубоким знанием локального и регионального контекста. Слепая вера в автоматизированные алгоритмические выводы без квалифицированной гуманитарной интерпретации нередко приводит к принятию ошибочных управленческих решений, игнорирующих культурные коды и традиции территорий. К примеру, выравнивание доступа к интернету само по себе не преодолевает неравенство, если не сопровождается формированием цифровой культуры и критического мышления у пользователей. Иначе технологическое преимущество просто воспроизводится в новой среде: одни становятся создателями контента и смыслов, а другие – пассивными потребителями развлекательного шума, что лишь углубляет статусную пропасть [5].

Необходимость отхода от жёстких классических схем стратификации диктуется не только усложнением социальной реальности, но и внутренней логикой развития самой социологии. Стоит вспомнить, что ещё Питирим Сорокин в книге «*Social Mobility*» (1927) настаивал: общество расслаивается не по одной шкале, а сразу в нескольких пересекающихся плоскостях – экономической, политической, профессиональной. Человек может быть богат, но политически бесправен, или обладать высоким профессиональным статусом при скромных доходах – и эти несовпадения, по Сорокину, не искажение, а норма. Именно такая многомерная оптика, заложенная почти век назад, и служит обоснованием для перехода к междисциплинарной методологии, где монетарные показатели перестают быть единственной точкой отсчёта, а в анализ включаются статусные позиции, культурный капитал и доступ к нематериальным ресурсам.

Отдельного внимания в рамках новой методологической стратегии заслуживает институционализация общественной экспертизы. В условиях глобальных вызовов государственных аналитических мощностей часто оказывается недостаточно, так как чиновничий аппарат в силу своей инерционности склонен запаздывать с реакцией на поднимающиеся снизу волны социального недовольства. Здесь ключевым звеном становятся экспертные институты гражданского общества – от университетских лабораторий до общественных палат. Их задача состоит не только в мониторинге текущей ситуации, но и в упреждающем прогнозировании зон накопления конфликтного потенциала. Для этого методология экспертного анализа должна включать элементы форсайт-исследований и глубинных качественных интервью с представителями уязвимых групп, чей голос слабо различим в сводках ведомственной статистики. Только через понимание реальных мотиваций и жизненных миров, а не через сухие опросные листы, можно выяснить, почему при схожих доходах одни семьи демонстрируют успешные восходящие стратегии, а другие размываются в маргинальности [6, с. 145].

Культура экспертной деятельности также неизбежно трансформируется под влиянием требований к объективности и воспроизводимости результатов. Переход к доказательной социологии невозможен в ситуации, когда экспертные заключения ангажированы политической конъюнктурой или грантодателями. Когда экспертные заключения ангажированы политической конъюнктурой или грантодателями. Е. В. Батоврина на примере российского государственного управления показывает: на практике к выработке решений зачастую допускается лишь узкий круг лояльных специалистов, а независимая аналитика отсекается, что ведёт к «замкнутости на внутреннюю бюрократическую экспертизу» и снижению качества решений [6, с. 148–150]. Ответственность эксперта сегодня заключается в том, чтобы решительно выходить за рамки удобных, но устаревших догм. Например, все чаще звучат аргументы в пользу того, что борьба с неравенством в XXI в. – это не столько наращивание социальных выплат, сколько создание «социальных лифтов» сложной конструкции. Речь идет о преодолении так называемой предопределенности, когда место рождения и образовательный старт ребенка практически гарантируют его будущее положение в стратификационной сетке общества.

Экспертное сообщество обязано разрабатывать и предлагать механизмы, позволяющие разорвать эту цепочку.

Так, любопытный ракурс на эту проблему предлагают Т. И. Грабельных и Н. А. Саблина. Размышляя о векторах развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира, они, по сути, фиксируют важный сдвиг: задача экспертизы сегодня – не просто констатировать угрозы, а загодя подсвечивать зоны уязвимости, пока те не разрослись в полноценные сбои системы. Иначе говоря, логика меняется с реактивной на проектную – экспертное знание должно встраиваться в управленческий контур не после, а до принятия решений [7, с. 164–166].

В заключение необходимо подчеркнуть, что стратегия преодоления социального неравенства в современном мире уже не сводится к простому лозунгу финансовой справедливости. Она превращается в сверхсложную задачу, требующую от экспертных институтов высочайшей методологической оснащенности и научности. Выработка адекватных ответов на новые вызовы напрямую зависит от того, сумеет ли мировое и российское экспертное сообщество преодолеть фрагментарность знания и создать целостную парадигму анализа, в которой статистическая информация неразрывно слита с пониманием социальной психологии масс, а цифровые инновации служат инструментом эмансипации человека, а не его скрытой дискриминации. Именно в этой интеграции видится ключ к формированию общества.

Литература

1. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социальное неравенство и социальная политика в современной России: экспертный анализ // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 21–34.
2. Ильин В. И. Социальное неравенство в XXI веке: новые контуры и методология исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 2. С. 56–77.
3. Кравченко С. А. Усложняющиеся социальные неравенства: вызовы для экспертных технологий // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14, № 5. С. 144–163.
4. Логинов Д. М. Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле // Общественные науки и современность. 2020. № 6. С. 40–55.
5. Шачин С. В., Шачина А. Ю. К проблеме цифрового неравенства: опыт осмысления на основе идей немецких ученых-гуманитариев // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15, № 2. С. 245–251.
6. Михайлова О. В., Батоврина Е. В. Доказательная политика: концептуализация и оценка российского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 143–155.
7. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Векторы развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 164–166.

УДК 316.3

Е. В. Борисова

Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ СПОРТОМ⁵

Обосновано, что отрасль физической культуры и спорта представляет собой комплексную систему, включающую разветвленную социальную структуру, обширную инфраструктуру и материальные ресурсы. Доказано, что с ростом сложности спортивной сферы растет спрос на консалтинг для стратегического планирования и оптимизации процессов. Показано, что ключевое влияние на совершенствование операционной деятельности, эффективность управления, привлечение инвестиций и рационализацию процессов в спортивных организациях оказывают консалтинговые услуги в данной сфере.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, консалтинг, консалтинговые услуги.

⁵ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор И. В. Бурмыкина.

PROSPECTS FOR CONSULTING SERVICES IN THE FIELD OF SPORTS MANAGEMENT

The physical education and sports industry is a complex system encompassing a diversified social structure, extensive infrastructure, and material resources. As the complexity of the sports industry grows, so does the demand for consulting for strategic planning and process optimization. Consulting services in this field play a key role in improving operational performance, managing efficiency, attracting investment, and streamlining processes within sports organizations.

Keywords: physical education, sports, consulting, consulting services.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена усилением конкурентной борьбы в сфере спорта, которая вынуждает организации не только приспосабливаться к новым условиям, но и стремиться к постоянному улучшению своих услуг и инфраструктуры.

Научная новизна исследования заключается в сочетании экспертного опроса с анализом согласованности мнений применительно к сфере спортивного консалтинга.

Кроме того, увеличение объема финансовых вложений в сферу спорта вызывает необходимость оптимизации управления этими ресурсами для максимизации их эффективности.

Обзор публикаций в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по теме проблем консалтинга в сфере управления спортом демонстрирует отсутствие статей, содержащих в своем названии, аннотации и ключевых словах выбранные термины поиска по запросу «консалтинг в сфере управления спортом». Важно подчеркнуть, что документы, содержащие оригинальные наименования данных направлений, не включены в выборку, несмотря на их потенциальную релевантность.

Несмотря на это, следует отметить, что исследования в области совершенствования методологии для теоретического и практического аспектов функционирования и развития управления в области спорта были активно развиты благодаря вкладу российских учёных, включая И. Я. Блехцина, Г. А. Карпову, А. М. Малинина, М. М. Омарова, А. Н. Петрова, В. И. Сигова, М. М. Хайкина, Л. В. Хорева, Е. Е. Шарафанову и А. И. Шлафмана. Ряд исследователей (среди которых С. В. Алексеев, Л. В. Аристова, Г. З. Аронов, Д. Н. Верзилин, В. В. Галкин, Т. Э. Круглова, В. А. Леднев, В. Л. Мутко, А. В. Починкин) концентрируется на проблематике спортивного рынка. Выдвигаемые ими перспективные решения нацелены на повышение профессионализма в области физической культуры и спорта, а также ориентированы на запросы конечных потребителей [1].

При смешанной экономике, где рыночные механизмы соседствуют с государственным регулированием, спортивным структурам приходится пересматривать собственные модели управления. Ключевым требованием становится выработка более взвешенных и оперативных решений. Актуальность подобной трансформации особенно возрастает, когда организации обретают большую хозяйственную самостоятельность и расширяют рыночное присутствие [2].

В этой связи на первый план выходит формирование действенной управленческой системы, обеспечивающей долгосрочное развитие и усиление конкурентных позиций в сегменте физкультурно-спортивных услуг. Для руководителей неизбежным становится учёт аспектов социальной, кадровой и организационной политики: именно от этих слагаемых во многом производна результативность избранной стратегии.

В подобной ситуации управленческий консалтинг в спорте можно рассматривать как форму профессиональной помощи, основанную на привлечении внешних специалистов, обладающих необходимыми знаниями и практическим опытом. Консультанты анализируют текущие проблемы деятельности спортивных учреждений, помогают определить более рациональные способы распределения ресурсов и предлагают решения, направленные на достижение поставленных целей. Основные направления применения консалтинговых услуг в сфере управления спортом представлены в табл.

Основные направления использования консалтинговых услуг в сфере управления спортом

№	Направление	Описание
1	Стратегическое планирование	Разработка стратегии для долгосрочного развития, определение цели, ключевых показателей эффективности
2	Управление персоналом	Поддержка в разработке и реализации эффективной кадровой политики для привлечения высококвалифицированных спортсменов и тренеров, а также мотивации сотрудников
3	Финансовое моделирование и инвестиции	Анализ рисков и оценка инвестиционных возможностей, с целью разработки бизнес-планов, привлекательных для инвесторов и спонсоров
4	Маркетинг и продвижение бренда	Разработка эффективных маркетинговых стратегий и позиционирования на рынке для привлечения аудитории и усиления узнаваемости спортивных организаций
5	Юридический консалтинг	Обеспечение помощи в заключении договоров с игроками, решении налоговых и правовых вопросов, а также в регистрации прав на интеллектуальную собственность
6	Антикризисное управление	Рекомендации по минимизации ущерба от последствий кризиса и разработка стратегии своевременного антикризисного вмешательства

Среди основных направлений использования консалтинга в сфере управления спортом можно выделить стратегическое планирование, которое включает в себя разработку долгосрочной стратегии для спортивных организаций; управление персоналом, охватывающее вопросы подбора квалифицированных спортсменов и тренеров.

Заметное значение в управлении спортивными организациями имеет финансовое моделирование, включающее оценку инвестиционных проектов и построение финансово-экономических моделей. Подобные инструменты позволяют принимать более взвешенные инвестиционные решения и заранее оценивать возможные риски. Не менее важным направлением выступает юридический консалтинг, поскольку спортивная деятельность связана с оформлением договоров, соблюдением законодательных требований и разрешением спорных ситуаций.

Благодаря маркетинговым консультациям спортивные организации укрепляют бренд, делают свои услуги более привлекательными и оперативно подстраиваются под колебания потребительского спроса, а также под рыночные манёвры конкурентов. Взятые вместе, эти направления совершенствуют управленческую механику и увеличивают результативность работы в спортивной отрасли.

Изучение научных источников выявило в спортивном менеджменте ряд заметных барьеров для консалтинга: сжатость финансирования, вялую гражданскую активность и низкую мотивацию населения, отторжение организационных нововведений, плюс юридические коллизии и нормативные лакуны. Значит, корень сложностей лежит не в единичном факторе, а в целом комплексе ограничений – прежде всего, в квалификационном уровне кадров, скудности бюджета и затруднённости привлечения инвестиций.

К слабой инфраструктуре массового спорта добавляется неэффективное администрирование спортобъектов – ещё одно препятствие. Неоднозначность правового поля заставляет консультантов подгонять свои решения под противоречивые отраслевые реалии. Специалисты обязаны не просто поставлять управленческие инструменты, но и принимать в расчёт внутреннее сопротивление инновациям, выстраивать жизнеспособные траектории развития и находить обходные пути для имеющихся преград [3]. Для верификации теоретически выведенных проблем понадобилось привлечь голоса практиков.

В спортивном менеджменте пока отсутствует зрелый рынок профильных консалтинговых структур и сложившееся экспертное сообщество, отчего эмпирические данные обретают исключительную ценность. Организованный опрос позволил сверить предположения с реальностью и зафиксировать, какие именно трудности сами работники отрасли считают главными. Анализ итогов подтвердил: кадровое голодание и разобщённость методик остаются ведущими тормозами для консалтинга в спорте.

В анкетировании участвовало 13 чел. Отбор экспертной группы проводился документальным способом: оценивались профессионализм, стаж, уровень мастерства и вовлечённость в отраслевые проекты. При формировании выборки учитывались длительность работы и профиль деятельности участников, что дало относительную однородность состава. Далее проверялась согласованность мнений – суждения сравнивались друг с другом, определялась их стабильность и фиксировались расхождения.

В результате проведенного исследования сформировано обобщенное представление о тенденциях развития сферы спортивного менеджмента, представляющее собой синтез выделенных направлений трансформации и характеристик системного изменения практик управления.

Для оценки степени согласованности экспертных мнений применен коэффициент конкордации $W \approx 0,6$, величина которого интерпретируется как показатель высокой степени совпадения ответов и служит основанием для обоснования надежности полученных выводов.

Наиболее выраженной проблемой в выявленной совокупности факторов признана недостаточная подготовленность кадров, проявление которой зафиксировано в распределении оценок респондентов, где 46,2 % указали максимальную оценку и 38,5 % присвоили оценку 4, что в совокупности составляет почти 85 % опрошенных и интерпретируется как подтверждение признания качества подготовки специалистов ключевой трудностью. На втором месте по степени значимости фиксируется дефицит финансирования, признанный крайне значимым 69 % респондентов, что в пределах данной смысловой связи указывает на наличие финансовой нестабильности исследуемых организаций.

Отсутствие единых методик оценки эффективности рассматривается как явление, получившее сдержанную оценку респондентного корпуса, о чем свидетельствует присвоение среднего балла 46,2 % опрошенных, при этом доля участников, указавших на существенное влияние качества управления, составляет четверть выборки, что интерпретируется как проявление разноименных управленческих подходов, обуславливающее затруднения в сопоставимости получаемых результатов.

Нормативно-правовые трудности интерпретируются как менее выраженные, что находит отражение в распределении оценок, в частности в присвоении 3 баллов 53,8 % участников и в обозначении значимости проблемы 30,8 % респондентами, при этом аналогичная конфигурация оценочных суждений наблюдается в области мотивации и внедрения инноваций, где 38,5 % опрошенных отнесли ситуацию к 4 баллам, что рассматривается как индикатор замедления темпов развития отрасли.

Проблематика спортивной инфраструктуры характеризуется разбросом оценок от 2 до 5 баллов, что рассматривается как индикатор разнообразия условий функционирования организаций, а фактор сопротивления изменениям фиксируется как неоднозначный, выражаясь в одинаковой частоте присвоения 3 баллов и максимальной оценки в размере 38,5 % опрошенных, интерпретируемой как сосуществование готовности части организаций к изменениям и приверженности иных организаций традиционным методам работы.

Фиксация основных проблем кадровой сферы представляется как выявление двух взаимосвязанных компонентов в наиболее общем виде, включающих низкое качество подготовки специалистов и недостаточность управленческих кадров широкого профиля, при этом в качестве сопутствующей проблематики регистрируется ограниченность финансовых ресурсов, обуславливающая затруднения в обеспечении учебных мероприятий для сотрудников и в развитии консалтинговых проектов, тогда как практическое рассмотрение вопросов финансирования носит избыточно обобщенный характер.

В ряде ответов фиксируется слабая инфраструктура массового спорта и дефицит унифицированных методик оценки результативности, что интерпретируется как препятствие для процессов стандартизации, при этом первостепенное значение придается совокупности факторов кадрового, финансового и методологического характера, решение которых рассматривается как необходимое условие упорядочивания соответствующих процессов.

Предложения, выдвинутые респондентами, представляют собой ориентацию на расширение ресурсной базы и на развитие человеческого капитала и в наиболее частотной вер-

сии выражаются в требованиях по увеличению объемов финансирования и по привлечению инвестиций, при этом отдельная группа участников подчеркивает значимость повышения уровня заработной платы и институционализацию системного обучения, охватывающего спектр мероприятий от курсов до практики обмена опытом в профессиональных сообществах, причем регистрируется стилистическая расплывчатость формулировок как фактор, снижающий прикладную определенность предлагаемых мер, и в итоге предлагаемый набор мер получает представление в виде последовательности, в которой расширение финансовых ресурсов обеспечивает реализацию обучения, далее происходит профессионализация и в результате фиксируется повышение качества управленческих решений.

Итак, управление спортом представляет собой область, которая требует от консультантов широких знаний и способности различать различные аспекты: экономические и управленческие, социальные и организационные элементы. Следовательно, процесс разработки решений в области спортивного менеджмента невозможен без учета всех факторов и своевременного анализа объективной информации о состоянии, проблематики текущей деятельности. Именно поэтому потребность в привлечении консалтинговых компаний становится крайне актуальной.

Таким образом, сфера управления спортом на современном этапе ее развития характеризуется возросшей потребностью в профессиональном консультировании.

Литература

1. Зозуля С. Н. Экономика физической культуры и спорта : учеб. для вузов. М. : ИЦ Академия, 2022. 224 с.
2. Начинский С. В. Основы экономики и менеджмента в сфере физической культуры и спорта. М. : Академия, 2014. 160 с.
3. Филиппов С. С. Менеджмент физической культуры и спорта : учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 251 с.

УДК 316.7

Ц. Ж. Буянтуева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИСУБЪЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПЛАТФОРМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ И ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Рассматривается противоречие между этнокультурной гетерогенностью Российской Федерации и универсалистской архитектурой цифровых платформ, используемых в качестве инструментов сохранения культурной идентичности. Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией социальных практик и возрастающей ролью платформенных решений (социальные сети, мобильные приложения, виртуальные музеи, государственные программы) в процессах трансляции, воспроизводства и симуляции идентичности. На основе анализа научной литературы, статистических данных Росстата, опросов ВЦИОМ, а также государственных и низовых цифровых инициатив («Пушкинская карта», оцифровка книжных памятников, этнические сообщества в VK) выявляются риски унификации культурного контента, социокультурного разрыва между центром и периферией, а также потенциал гибридных и полисубъектных подходов.

Ключевые слова: культурная идентичность, полисубъектное пространство, социология культуры, цифровая культура, этнокультурное многообразие.

T. Z. Buyantueva

Irkutsk State University, Irkutsk

PRESERVING CULTURAL IDENTITY IN RUSSIA'S MULTISUBJECT SPACE: MODERN PLATFORM SOLUTIONS AND EXPERT ASSESSMENTS

This article examines the contradiction between the ethnocultural heterogeneity of the Russian Federation and the universalist architecture of digital platforms used as tools for preserving cultural identity. The relevance of this

study stems from the digital transformation of social practices and the growing role of platform solutions (social networks, mobile apps, virtual museums, government programs) in the processes of transmitting, reproducing, and simulating identity. Based on an analysis of scientific literature, Rosstat statistics, VTsIOM surveys, and government and grassroots digital initiatives (such as the Pushkin Map, the digitization of literary monuments, and ethnic communities on VK), the risks of cultural content homogenization, the sociocultural divide between the center and periphery, and the potential of hybrid and multi-subject approaches are identified.

Keywords: cultural identity, multi-subject space, sociology of culture, digital culture, ethnocultural diversity.

Российская Федерация представляет собой уникальное полисубъектное пространство, включающее 89 равноправных субъектов, в которых сосуществуют более 190 этносов, различающихся по языковой принадлежности, вероисповеданию, культурному и демографическому коду. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., на территории страны проживают представители 194 народов, что фиксирует высочайший уровень этнического многообразия. Данный феномен создаёт проблему сохранения культурной идентичности множества этносов в условиях цифровизации, когда платформы и проекты используются как инструменты её сохранения, трансформации или симуляции.

Актуальность проблемы обусловлена возрастающей ролью внедрения информационных и цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Социальные сети, языковые мобильные приложения, виртуальные музеи и онлайн-сообщества всё чаще выступают в качестве агентов идентификации. Как показывают данные ВЦИОМ, в российском обществе сформировался устойчивый запрос на ценностные основания: 31 % россиян считают необходимым возрождение культуры и духовности, 29 % – возрождение патриотизма, а 22 % – возрождение традиций [9].

Культурная идентичность в современном научном дискурсе рассматривается в контексте цивилизационной парадигмы, акцентирующей связь индивидуального самосознания с историко-культурным кодом общества. Согласно С. М. Остапенко, культурная идентичность личности в российском полисубъектном пространстве формируется под влиянием цивилизационных факторов, включающих геополитическое положение страны, этноконфессиональное многообразие и специфику исторического пути России [1]. Согласно Н. Н. Середкиной, данный феномен раскрывается через диалектический и герменевтический подходы, акцентирующие его изменчивость: идентичность не является статичным атрибутом, но трансформируется под влиянием внутреннего опыта и внешнего культурного контекста [7].

Полисубъектное пространство России порождает специфические проблемы сохранения культурной идентичности. Как отмечает А. В. Воропаева, одной из основных деструктивных тенденций является социокультурный разрыв между крупными городами, малыми городами и сельской местностью, вызванный гиперурбанизацией. Этот разрыв ведёт к деформации связи человека с «малой родиной» и замещению подлинной локальной идентичности симулятивными формами урбанизированной культуры [2]. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2024 г., 75 % населения России проживает в городах, тогда как на сельские территории приходится лишь 25 % жителей. При этом в малых городах страны за последнее десятилетие зафиксирован отток населения, составивший 6,5 % от их общей численности, что подтверждает наличие устойчивого миграционного вектора «село – малый город – крупная агломерация» [8].

Вторым значимым фактором выступает инструментализация этнокультурного фактора: чем выше степень этнической «пестроты» региона, тем выше риски использования культурных различий силами, противодействующими конструктивной межкультурной коммуникации [2]. Однако данные социологических опросов демонстрируют высокий уровень межнациональной толерантности. Согласно исследованию ВЦИОМ (2024), 81 % россиян не испытывают негативных эмоций к представителям других национальностей, а 79 % характеризуют межнациональные отношения как доброжелательные либо спокойные и бесконфликтные [11]. Одновременно с этим, по данным другого опроса ВЦИОМ (май 2025 г., 1600 респондентов), 40 % граждан считают русских «совершенно особым народом», тогда как 60 % придерживаются мнения, что русские являются «таким же народом, как и все

остальные», что указывает на сохраняющуюся поляризацию национального самосознания. При этом идея «особости» преимущественно характерна для возрастных групп старше 45 лет (45 %), тогда как среди молодёжи 18–24 лет её разделяют лишь 23 % [10].

Дополнительно Н. Н. Ананьева определяет кризис социокультурной идентичности как внутриличностный конфликт, возникающий при деформации целостного образа «Я» под влиянием миграции и ценностной фрагментации, выражающийся в тревоге, дезориентации и депрессии [3].

Указанные вызовы актуализируют вопрос о потенциале цифровых платформ как средств преодоления обозначенных деструктивных тенденций. В условиях, когда физическая мобильность населения (вектор «село – малый город – крупная агломерация») объективно ослабляет механизмы локальной межпоколенческой передачи культурного опыта, цифровая среда предлагает альтернативные каналы доступа к культурным артефактам, поддержания групповой солидарности и конструирования идентичности.

В современной российской практике можно выделить несколько типов платформенных решений, направленных на сохранение и популяризацию культурной идентичности: государственные программы доступа к культуре, проекты оцифровки культурного наследия и низовые инициативы в социальных сетях.

Программа «Пушкинская карта», стартовавшая в сентябре 2021 г., представляет собой механизм приобщения молодёжи к культурному наследию страны. Карту могут получить россияне в возрасте от 14 до 22 лет; номинал карты составляет 5 тыс. руб., которые можно потратить на посещение музеев, театров, кинотеатров, выставок, филармоний и других учреждений культуры [5]. Масштаб программы впечатляет: с момента её реализации участниками стали более 12 млн чел., а всего за время действия программы приобретено свыше 93 млн билетов [5]. Значимость этого проекта для сохранения культурной идентичности выходит за рамки простого доступа к культурным мероприятиям. «Пушкинская карта» решает следующие задачи: формирование культурной компетентности у молодого поколения; расширение культурного кругозора через знакомство с произведениями разных жанров, эпох и народов, что способствует развитию как этнической, так и общероссийской идентичности; создание «культурной привычки».

Как отмечает заместитель министра культуры Новосибирской области Юрий Зимняков: «Мы видим устойчивый интерес молодежи к культурным событиям. Это важный шаг к формированию осознанного отношения к культуре, к своему городу и своей стране» [5]. Важной инновацией стало внедрение волонтерского проекта «Амбассадоры «Пушкинской карты»», в рамках которого молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет информируют сверстников о возможностях программы и участвуют в организации культурных событий [5].

Национальный проект «Культура» (федеральный проект «Цифровая культура») в части оцифровки книжных памятников реализовывался в 2019–2024 гг. Итогом шестилетней работы стала оцифровка и размещение в свободном доступе 8000 редких книг, рукописей, гравюр, нотных и картографических изданий, представляющих 35 тематических разделов [6]. В Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) за четыре года участия в проекте было оцифровано 128 книжных памятников, большая часть которых представлена в разделах «Издания региональных типографий» и «Издания на языках народов России» [6]. Среди наиболее ценных оцифрованных экспонатов – «Сокращённый катихизис для обучения юношества православному закону христианскому» (1821 г.) и «Краткий катихизис на русском и якутском языке» (1844 г.) [6]. С точки зрения сохранения культурной идентичности, оцифровка этих материалов выполняет несколько функций: архива, доступности и идентификации.

Социальные сети, и особенно платформа «ВКонтакте», стали важным пространством для формирования и поддержания культурной идентичности. Кейс виртуального сообщества малочисленного народа сету (финно-угорская группа, проживающая на границе России и Эстонии) иллюстрирует феномен «цифровой территории»: в сообществе «Setomaa. Народ сету» в VK публикуется большое количество материалов о традиционной культуре, однако вовлечённость молодёжи в онлайн-формах не всегда конвертируется в реальное воспроизводство

традиции. С другой стороны, существуют примеры активного конструирования идентичности в цифровой среде. Создание национального флага удин (народ численностью 2551 чел. по переписи 2020 г.) путём обсуждения проектов и голосования участников в социальной сети «ВКонтакте» показывает, что цифровые платформы могут быть инструментом актуального производства идентичности [4]. Данные наблюдения согласуются с экспертными оценками, представленными в современной научной литературе. Так, исследователи цифровых практик молодежи М. Ю. Медведева и М. М. Малых приходят к выводу, что социальные сети «создают иллюзию желаемого образа жизни для молодежи» [12]. По данным их экспертного опроса, 80 % специалистов признают, что социальные сети «сильно влияют» на поведенческие практики молодежи, выступая «важным каналом информации» и стимулируя формирование новых паттернов [12]. Этот тезис напрямую перекликается с выявленным нами феноменом неконвертируемости онлайн-активности в реальное воспроизводство традиции на примере сообщества сету и подчёркивает универсальный характер обозначенной проблемы для всей российской молодежи. С точки зрения социологии культуры, виртуальные сообщества выполняют следующие идентификационные функции: «цифрового убежища», трансляции культурного содержания, межпоколенческой коммуникации.

На основе вышеописанных примеров можно сказать, что сохранение культурной идентичности в полисубъектном пространстве России сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, среди которых гиперурбанизация и миграционный отток из малых городов, разрывающие механизмы локальной трансляции традиции; этнокультурное многообразие, которое при общем высоком уровне межнациональной толерантности (81 % по данным ВЦИОМ) создаёт потенциальные риски инструментализации культурных различий; а также фиксируемая возрастная поляризация представлений о национальной идентичности (45 % старшего поколения против 23 % молодежи), свидетельствующая о ценностном разрыве между поколениями. Платформенные решения – от государственных программ («Пушкинская карта», «Цифровая культура») до низовых инициатив в социальных сетях – демонстрируют амбивалентный потенциал: они способны расширять доступ к культурным артефактам, частично компенсировать социокультурный разрыв и выступать площадкой для конструирования идентичности (пример создания флага удин), однако одновременно несут риски унификации локального контента, подмены подлинного культурного опыта его симуляцией и неконвертируемости онлайн-активности в реальное воспроизводство традиции. Следовательно, включение платформенных решений в систему управления культурной идентичностью требует не технологической унификации, а гибридного и полисубъектного подхода, при котором цифровые инструменты адаптируются под локальные, возрастные и этнокультурные контексты, дополняя, но не замещающая материальные практики и межпоколенческую коммуникацию. Только при соблюдении этого условия платформенные решения способны стать не фактором эрозии, а действенным механизмом устойчивого воспроизводства культурной идентичности в российских регионах.

Литература

1. Остапенко С. М. Цивилизационная парадигма России и становление культурной идентичности личности // *НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48, № 3. С. 591–602.
2. Воропаева А. В. К вопросу о культурном наследии полиэтнического пространства России // *ПО-ИСК*. 2022. № 4 (93). С. 107–118.
3. Ананьева Н. Н. Кризис социокультурной идентичности как причина внутриличностного конфликта // *Вестник славянских культур*. 2024. Т. 71, С. 110–122.
4. Ермошина А. В. Киберэтничность в действии: создание национального флага удин // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2025. № 3. С. 205–220.
5. Минкультуры: по «Пушкинской карте» приобрели уже более 93 млн билетов // *ТАСС*. 2025. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 03.05.2026).
6. Подведены итоги национального проекта «Культура» в части оцифровки книжных памятников // Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). 2025. URL: <http://new.nlrs.ru> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Середкина Н. Н. Трансформация этнокультурной идентичности в общероссийскую гражданскую идентичность (методологические подходы) // *Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17, № 1. С. 28–41.

8. Портрет среднестатистического россиянина (по данным 2024 года) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68f5d3c69a79473bcd14333f> (дата обращения: 03.05.2026).
9. Пути России: культура, духовность, патриотизм: аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm> (дата обращения: 03.05.2026).
10. Особый путь России: аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/osobyyi-put-rossii> (дата обращения: 03.05.2026).
11. Межнациональные отношения и проблема иммиграции: аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnosheniya-i-problema-immigracii> (дата обращения: 03.05.2026).
12. Медведева М. Ю., Малых М. М. Цифровизация пространства потребительской культуры среди молодежи в России: экспертное мнение и оценки // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабелных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 255–258.

УДК 316.624-053.6

В. А. Васильчук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Рассматриваются причины и последствия девиантного поведения несовершеннолетних в современной России. Проанализированы структура отклоняющегося поведения, выделены основные провоцирующие факторы. Особое внимание уделено экспертным оценкам специалистов ФНИЦ РАН по вопросам совершенствования профилактической работы. Методологическую основу исследования составили вторичный анализ данных официальной статистики Следственного комитета РФ и Росстата, а также традиционный анализ документов.

Ключевые слова: дети, девиантное поведение, семейное неблагополучие, несовершеннолетние, профилактика девиации, социализация, подростковая среда.

V. A. Vasilchuk

Irkutsk State University, Irkutsk

CAUSES AND CONSEQUENCES OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG CHILDREN AND ADOLESCENTS IN RUSSIA: METHODOLOGICAL ANALYSIS AND EXPERT ASSESSMENTS

The article examines the causes and consequences of deviant behavior of minors in modern Russia. The structure of deviant behavior is analyzed, the main provoking factors are highlighted. Special attention is paid to the expert assessments of the specialists of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences on improving preventive work. The methodological basis of the study was the secondary analysis of official statistics from the Investigative Committee of the Russian Federation and Rosstat, as well as the traditional analysis of documents.

Keywords: children, deviant behavior, family problems, minors, prevention of deviation, socialization, adolescent environment.

Современный мир сталкивается с проблемой девиантного поведения, она всегда будет актуальна в обществе. В каждой стране свои причины и последствия данного явления. В этой статье были разобраны проблемы девиации среди несовершеннолетних, актуальные для Российской Федерации. Под данным поведением понимаются действия и поступки людей, которые не соответствуют принятым общественным стандартам и нормам.

Работа опирается на структурно-функциональный подход к анализу девиации. Сбор и систематизация материала велась с использованием разных методов. Для фиксации динамики подростковой преступности и социально-экономического фона применялся вторичный анализ статистики Следственного комитета РФ и Росстата за 2024–2026 гг. Также в ходе исследования использовались положения, сформулированные специалистами Института социологии ФНИЦ РАН, что позволило применить метод экспертных оценок при интерпретации профилактических мер. В дополнении, теоретическая часть была дополнена анализом

научных и правовых источников, касающихся причин и последствий отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Цель статьи: разобрать структуру девиации, провести анализ проблемы, выявить причины и последствия девиации среди детей и подростков актуальные для российского общества.

По данным Следственного комитета РФ за 2025 г., правоохранительными органами было расследовано почти 26 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними, это на 5 % больше, чем в 2024 г. [6]. Чтобы лучше понять причину этого явления, стоит рассмотреть три основных компонента девиации как массового социального явления:

Первый компонент – это наличие социальных групп, которым свойственно определенное отклоняющееся поведение.

Второй компонент – это наличие социальных норм, которые являются критерием оценки поведения как девиантного.

Третий компонент – это наличие социальных институтов, которые реагируют на данное поведение и применяют санкции и меры контроля.

Помимо компонентов девиации существуют ее виды. Первичная девиация связана с незначительными нарушениями, которые не влекут за собой серьезных последствий и не представляют собой угрозу для общества. Примеры первичной девиации: прогул школы/работы; мелкое хулиганство без последствий; употребление алкоголя/курение (не перетекающие в зависимость); позитивная девиация (творческое самовыражение, нестандартный стиль). Если человек совершает все больше нарушений, и они уже приводят к серьезным последствиям, то тогда это перетекает во вторичную девиацию. К вторичной девиации можно отнести: алкоголизм, наркоманию, хулиганство, различные виды преступлений и т. д.

Обычно средой возникновения девиации является: семья, друзья, улица, учебный коллектив и т. д. Провоцируют такое поведение различные условия – семейно-бытовые, экономические, социально-культурное окружение, межличностные отношения, общение друг с другом.

Именно в переходном возрасте закладывается девиантное поведение, потому что подростки самая уязвимая группа в обществе. Из-за минимального социального опыта и отсутствия понимания жизненной картины мира они часто очень легко поддаются влиянию извне. Оно может быть, как и положительным, так и отрицательным, что может сильно повлиять на будущее человека в целом.

Рассмотрим основные причины девиации среди подростков:

1. Обстановка и уровень благополучия в семье. На семью, как на базовую ячейку общества, влияет множество негативных факторов. Их можно разделить на *внутренние* (домашнее насилие, зависимости членов семьи, незрелость и безответственность взрослых, полнота семьи), и *внешние* (бедность, уровень преступности и т. д.). Родители/опекуны играют важную роль в социализации ребенка, именно они закладывают основы поведения, ценности и нормы, обучают его взаимодействию в обществе. Если же сами родители имеют маргинальные наклонности и не являются добропорядочными гражданами, то и их дети, с большей вероятностью, переймут их установки и ценности. Не стоит забывать, и про личные качества подростка, на которые не всегда влияют члены его семьи. Бывают примеры того, когда дети вполне из благополучных семей становились маргиналами. На это тоже есть ряд причин: характер самого ребенка, психическое и эмоциональное состояние, генетическая предрасположенность, биологические факторы, проблемы со здоровьем.

2. Еще к ряду причин можно отнести неблагоприятную социально-экономическую обстановку в стране. Низкий уровень доходов населения, безработица, рост цен на базовые продукты, топливо, ЖКХ – способствуют снижению уровня жизни в стране среди людей, а это уже влияет на рост преступности и девиацию в обществе. По данным Росстата с 1 января 2026 г. величина прожиточного минимума составила 18 939 руб. Также численность населения с доходами ниже границы бедности составила 7,1 % от всего населения Российской Федерации (Росстат, 2024 г.) [5]. Пока люди заняты работой, чтобы хоть как-то выжить, воспитание детей отходит на второй план.

3. Незанятость детей и подростков во внеучебное время. Секции и кружки способствуют развитию кругозора, помогают реализовать творческий потенциал молодого поколения. Когда ребенок занят полезным делом, то у него просто нет времени и желания совершать неправомерные деяния. Если несовершеннолетний часто предоставлен сам себе, не имеет увлечений и у него слишком много свободного времени, есть риск попасть в плохую компанию. Но отсюда вытекает, еще одна проблема. Не все кружки и секции бесплатные. Очень часто, чтобы заниматься хобби, нужны определенные финансы, которые ложатся на плечи родителей. Однако не все семьи могут позволить себе оплатить ту или иную секцию, поэтому очень часто дети из малообеспеченных семей не имеют возможности посещать их. Несмотря на это, государство старается финансировать деятельность организаций дополнительного образования, и есть бесплатные кружки, но очень часто помимо бесплатного посещения нужны дополнительные расходы: проезд, различный инвентарь (спортивная форма, творческие принадлежности, инструменты и т. д.).

4. Влияние интернета на молодое поколение. В наше время зависимость от виртуального мира уже никого не удивляет. Дети все чаще сидят в гаджетах и проводят большую часть своего свободного времени там, это, конечно, сказывается еще на неокрепшей психике, способствует агрессивному поведению и потере контроля над временем. Также, можно отметить широкое распространение кибербуллинга на просторах интернета, безнаказанность и удаленность способствуют травле, угрозам и оскорблениям. Неординарным и запрещенный контент, который видеть детям не стоит. В соц.сетях есть большое количество сообществ, которые вообще запрещены на территории страны или находятся в полулегальном статусе. Часто именно несовершеннолетние уязвимы перед экстремистскими, террористическими, националистскими и др. группами, которые пропагандируют насилие или иные формы деструктивного поведения. Как говорится: «запретный плод – сладок» и подростки, часто не понимая последствий, вступают в эти сообщества, что впоследствии может оказать сильное влияние на жизненные убеждения молодого поколения.

Последствия девиации могут быть самые разные:

1. Снижение уровня образования. Если человек вовлечен в маргинальную среду с раннего возраста, то учеба часто уходит на второй план. Вследствие подросток начинает прогуливать школу, нарушать дисциплину, со временем появляется педагогическая запущенность. Как итог: многие из таких детей заканчивают лишь 9 классов и в дальнейшем не получают ни профессии, ни нормальной работы.

2. Приобретение разного рода зависимостей. Именно в переходном возрасте человек часто пробует алкоголь, сигареты или даже наркотики. Часто причиной этому становится банальное любопытство, желание развлечься или подражание определенной социальной группе. Последствием такого выбора могут стать проблемы со здоровьем и искаленная жизнь.

3. Преступность. Это самое опасное последствие девиации. Совершая преступления, подросток начинает представлять опасность уже для других людей, тем самым становясь деструктивным элементом общества. Рост преступности сильно ухудшает качество жизни, и не дает нормально развиваться обществу. Для несовершеннолетнего самым страшным последствием будет лишение свободы на определенный срок. Пребывание в колонии заберет молодые годы и в дальнейшем скажется отрицательно на жизни человека, а также изменит общественное отношение к нему в не самую лучшую сторону.

В жизни каждого человека переходный возраст это важный этап становления личности. Именно в переходный период возникают большие риски девиации, поэтому важно принимать профилактические меры. По мнению экспертов из Института социологии ФНИЦ РАН (М. Е. Поздняковой и В. В. Брюно) усиление государственного социального контроля (учёт, наблюдение, адресная материальная помощь и др.) для профилактики подростковой агрессии и девиаций представляется недостаточной мерой. Необходимо разрабатывать новые социальные технологии помощи семье: помимо материальной поддержки обеспечить повышение педагогической компетенции родителей, мотивацию к обучению у подростков, возможности организации внешкольного времени несовершеннолетних и усиления социального

контроля в подростковой среде. Необходимо усилить воспитательную функцию образовательной и досуговой сфер, внедрять поддерживающие социально-педагогические технологии [3].

Подводя итог, нужно отметить, что девиантное поведение несовершеннолетних – проблема многогранная и непростая. В ходе анализа были выявлены основные причины, характерные для нашей страны: семейное неблагополучие, сложная экономическая ситуация, нехватка доступного организованного досуга и растущее влияние интернет-среды. Последствия всего этого – от снижения уровня образования до полноценной криминализации подростка. Анализ экспертных оценок показывает, что одних только карательных или материальных мер недостаточно. Нужна системная работа с семьей и школой, повышение родительской компетентности и создание условий, при которых у подростка просто не будет ни желания, ни времени уходить в девиацию. Тема остается крайне актуальной, и, на мой взгляд, прогнозирование рисков и ранняя профилактика должны быть приоритетом государственной социальной политики.

Литература

1. Грабельных Т. И., Багрий Е. И., Мохрякова Е. А. Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 16–20.
2. Казак О. П., Динисламова А. З. К вопросу о девиантном поведении среди несовершеннолетних как актуальной проблемы современного общества: причины, условия и меры профилактики // Образование и право. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-deviantnom-povedenii-sredi-nesovershennoletnih-kak-aktualnoy-problemy-sovremennogo-obschestva-prichiny-usloviya-i-mery> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Агрессивное поведение детей и подростков как предиктор девиантного и криминального поведения: средовые и личностные факторы // Россия реформирующаяся. Вып. 21: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 407–447.
4. Сидорова Е. З., Габеев С. В. Современные проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в иркутской области // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-preduprezhdeniya-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 10.04.2026).
5. Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nb_pm_4-1.xlsx (дата обращения: 21.04.2026).
6. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2049439/> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 338.45

И. Е. Вовиков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Систематизированы теоретические подходы и обобщен региональный опыт реализации кластерной политики как инструмента импортозамещения в условиях санкционного давления. На основе комплексного анализа практик выделены две методологические модели формирования кластеров: вокруг якорного резидента и объединения равнозначных предприятий, а также системные ограничения: низкий уровень кооперации крупных и малых предприятий, не превышающий 10 %, внутренняя конкуренция резидентов, дефицит собственных управляющих компаний и ограниченность региональных бюджетов. Обосновано, что наибольший импортозамещающий потенциал демонстрируют кластеры, интегрированные в федеральные реестры и межрегиональные кооперационные цепочки, включая проект создания Федерального центра химии на площадке бывшего «Усольехимпрома» с перспективой выпуска свыше 50 импортозамещающих химических продуктов к 2030 г. Предложено создание в Иркутской области лесопромышленного кластера полного цикла мощностью 10 млн семян в год и кластера по утилизации твердых коммунальных отходов проектной мощностью 405 тыс. тонн обработки в год, что позволит системно реализовывать политику технологического суверенитета.

Ключевые слова: экономика, экономическая политика, кластерная политика, импортозамещение, промышленная политика, региональная экономика, Иркутская область.

IMPLEMENTATION OF CLUSTER POLICY IN THE CONTEXT OF IMPORT SUBSTITUTION USING THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

The article systematizes theoretical approaches and summarizes regional experience in implementing cluster policy as an instrument of import substitution in the context of sanctions pressure. Based on a comprehensive analysis of practices, two methodological models of cluster formation have been identified: around an anchor resident and associations of equivalent enterprises. Systemic limitations have been identified: a low level of cooperation between large and small enterprises, not exceeding 10 %, internal competition among residents, a shortage of their own management companies, and limited regional budgets. It is proved that the greatest import-substituting potential is demonstrated by clusters integrated into federal registries and interregional cooperative chains, including the project to create a Federal Chemistry Center on the site of the former Usolekhimprom with the prospect of producing over 50 import-substituting chemical products by 2030. It is proposed to create a full-cycle timber cluster in the Irkutsk region with a capacity of 10 million seedlings per year and a cluster for the disposal of municipal solid waste with a design capacity of 405 thousand tons of processing per year, which will allow the systematic implementation of the policy of technological sovereignty.

Keywords: economics, economic policy, cluster policy, import substitution, industrial policy, regional economy, Irkutsk region.

Переход к политике импортозамещения после 2014 г. и ужесточение санкционного давления с 2022 г. потребовали пересмотра инструментов промышленной политики. Кластерный подход, зарекомендовавший себя как механизм концентрации ресурсов и снижения транзакционных издержек, становится одним из центральных элементов государственной стратегии. Поручение Правительства РФ от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8–5060 были отображены пилотные инновационные территориальные кластеры [6], а в 2015 г. был принят Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ, закрепивший понятие промышленного кластера и меры его поддержки [7]. К 2023 г. в федеральный реестр Минпромторга вошло более 50 кластеров, резиденты которых получают право на субсидирование до 50 % затрат по совместным проектам, направленным на импортозамещение.

Классическое понимание кластера восходит к Майклу Юджину Портеру – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. В российской практике кластерная политика интерпретируется как система государственных и общественных мер по созданию и поддержке кластеров, обеспечивающих повышение конкурентоспособности региона [1]. При этом импортозамещение выступает одним из целевых ориентиров кластеризации, так как кооперация внутри кластера позволяет сократить зависимость от импортных комплектующих и технологий, создать полные производственные цепочки [5].

Методологически можно выделить две модели формирования кластеров, описанные О. В. Чистяковой и Н. С. Залуцкой применительно к Иркутской области:

Кластер вокруг «якорного» резидента, крупной компании, которая становится центром притяжения малых и средних предприятий, которые доращиваются до уровня поставщиков. Таковыми в Иркутской области могут быть машиностроительный кластер вокруг Иркутского авиационного завода и фармацевтический на базе компании Фармасинтез [8].

Вторая модель – объединение равнозначных малых и средних предприятий без явного доминирования одного игрока. В Иркутской области это характерно для нефтегазохимического кластера, созданного как полимерный союз предприятий Ангарска, Саянска и Иркутска [8].

И. В. Захарова, изучая авиационный кластер Ульяновской области, подчёркивает, что кластерная политика в высокотехнологичных секторах требует сочетания рыночной самоорганизации и активного административного регулирования. Автор отмечает, что для авиастроения в России актуальна поддерживающая и местами директивная кластерная политика, когда государство не только создаёт инфраструктуру, но и напрямую участвует в финансировании НИОКР и технического перевооружения [2].

В условиях импортозамещения значение кластеров возрастает, так как они формируют спрос на отечественные аналоги комплектующих, объединяют заказы для достижения экономической эффективности производства и обеспечивают общие каналы сбыта. Исследования подтверждают, что регионы с развитой кластерной инфраструктурой демонстрируют более высокие темпы локализации производств [1;; 3].

По данным Министерства экономического развития Иркутской области к 2023 г. в регионе функционирует 7 кластеров. Якорным с точки зрения импортозамещения выступает машиностроительный кластер, включённый в федеральный реестр Министерства промышленности и торговли в мае 2019 г., что позволило предприятиям кластера возмещать до 50 % затрат на реализацию кооперационных инвестиционных проектов, направленных на импортозамещение при производстве самолёта МС-21. В состав кластера входят Иркутский авиационный завод, ИЗТМ, Энерпред, Иркутский кабельный завод, Промтех-Иркутск и др. В 2022 г. объём отгруженной продукции участников кластера превысил 30 млрд руб., а номенклатура импортозамещающих изделий включает композитные элементы, кабельные сети, агрегаты. Созданы центры инжиниринга, сертификации и испытаний, услугами которых пользуются также предприятия других кластеров [2; 8].

Фармацевтический кластер Иркутской области, образованный в 2014 г. на базе Фармасинтеза, демонстрирует модель полного цикла импортозамещения. В 2020 г. компания наладила выпуск антиковидного препарата «Ремдеформ», который ранее поставлялся только из США. В 2023 г. был открыт цех бронхолитиков, замещающих импорт из Германии, Индии, Швеции и Италии. Кластер использует зонтичный бренд «Байкал-БИО», имеет собственный технопарк и торговый дом. Прорабатывается расширение до межрегионального уровня с участием предприятий Приморского края и Тюменской области. Важным инструментом стало предоставление площади в распределительном центре в Москве для малых участников кластера, что решает проблему выхода на общероссийский рынок [2; 8].

Нефтегазохимический кластер, созданный в 2015 г. как объединение МСП, к 2023 г. консолидировал 14 производителей полимерной продукции. Благодаря кооперации компании размещают совместные заказы на сырьё, что снижает затраты на 12–15 %. Ключевым проектом межрегиональной кооперации является создание Федерального центра химии на площадке бывшего Усольехимпрома, который объединит Росатом, институты СО РАН, региональные власти и субъекты малого и среднего предпринимательства. Задачей будет выступать возрождение мало- и среднетоннажной химии с упором на фармацевтические субстанции, лесохимию, компоненты для микроэлектроники. Планируется, что к 2030 г. кластер обеспечит производство свыше 50 импортозамещающих химических продуктов [2; 8].

Агропромышленный кластер объединил 27 сельхозпроизводителей и переработчиков, использующих единый оптово-распределительный центр для хранения и фасовки продукции, что позволило в 2021–2022 гг. увеличить поставки местной продукции в торговые сети области на 18 %, частично заместив импортные аналоги овощей, молочной продукции и мяса [2; 8].

Рассмотрим опыт Ульяновской области при реализации авиационного кластера. Консорциум «Научно-образовательно-производственный кластер «Ульяновск-Авиа» был создан в 2009 г. Ядром выступает ЗАО «Авиастар-СП», ООО «Авиакомпания Волга-Днепр», центр по ремонту и обслуживанию воздушных судов «ФЛ Техникс Ульяновск», производитель композитных конструкций «Аэрокомпозит». По состоянию на 2014 г. кластер объединял 34 организации, а к 2016 г. по плану их число должно было вырасти до 41, включая 184 субъекта МСП, а совокупная выручка должна была вырасти с 47,6 до 250 млрд руб. Фактическая динамика за 2015–2022 гг. практически подтвердила эти прогнозы. На 2022 г. выручка достигла 210 млрд руб., а количество резидентов – 80. Коэффициент локализации авиапрома в Ульяновской области, рассчитанный по соотношению занятых в отрасли, составлял в 2014 г. 39,5, что более чем на порядок превышает среднероссийский уровень, что свидетельствует о глубокой специализации региона на авиастроении и создаёт предпосылки для замещения импорта широкой номенклатуры компонентов. Механизмы государственной поддержки включают функционирование портовой особой экономической зоны «Ульяновск-

Восточный» площадью 120 га, а в перспективе – 640 га. Его резиденты получают налог на прибыль в размере 2 %, освобождение от налога на имущество на 15 лет, от земельного и транспортного налогов на 10 лет, а также таможенные льготы, что снижает преференции снижают издержки на 30 %, что критически важно для капиталоемких авиационных проектов [2].

Однако несмотря на позитивные результаты, сохраняется ряд системных ограничений. Среди них:

1. Низкая кооперация крупных и малых предприятий. Так в Иркутской области у большинства заводов уровень кооперации не превышает 10 %.

2. Внутренняя конкуренция среди участников кластера, особенно в фармацевтике, где компании производят пересекающуюся номенклатуру.

3. Отсутствие собственных управляющих компаний, из-за чего функцию координатора часто выполняет Центр кластерного развития, что снижает автономность и предпринимательскую инициативу.

4. Ограниченность бюджетов регионов [2; 4; 8].

Для повышения эффективности авторами предлагается:

1. Субсидировать пилотные партии продукции кластеров, как это уже практикуется в соответствии с действиями Правительства РФ.

2. Предоставлять преференции участникам кластеров при государственных закупках.

3. Развивать межрегиональную кластерную кооперацию [2; 4; 8].

В Иркутской области авторами предлагается создать лесопромышленный кластер полного цикла от лесосеменных центров с мощностью 10 млн семян в год до глубокой переработки и выпуска продукции: целлюлозы, картона, биотоплива, а также сформировать кластер по утилизации твердых коммунальных отходов в Ангарском городском округе с проектной мощностью 405 тыс. т обработки и 141 тыс. т утилизации в год [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что реализация кластерной политики в контексте импортозамещения демонстрирует двойственный эффект. С одной стороны, кластеры обеспечивают концентрацию ресурсов, ускоряют разработку и вывод на рынок отечественных аналогов и формируют спрос на продукцию смежников. С другой – требуют постоянной координации и преодоления негативных тенденций, особенно при отсутствии сильной управляющей компании. Опыт Иркутской и Ульяновской областей показывает, что наибольший импортозамещающий потенциал имеют кластеры, вошедшие в федеральный реестр и получившие доступ к возмещению затрат на кооперационные проекты. Дальнейшее развитие должно идти по пути межрегиональной кооперации и создания кластеров в новых отраслях, что позволит системно реализовывать политику экономического и технологического суверенитета.

Литература

1. Дежина И. Г. Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? // Инновации. 2013. № 2. С. 68–79.
2. Захарова И. В. Управление развитием авиационного кластера в контексте промышленной политики региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 18 (393). С. 32–43.
3. Земцов С., Барина В., Панкратов А., Куценко Е. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста // Форсайт. 2016. Т. 10, № 3. С. 34–52.
4. Марков Л. С., Ягольницер М. А., Теплова И. Г. Функционирование и механизмы развития производственного кластера // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 287–305.
5. Программа развития инновационного территориального кластера «Ульяновск-Авиа» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 27.04.2026).
6. Поручение Правительства Российской Федерации от 28 авг. 2012 г. № ДМ-П8-5060 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. О промышленной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Гарант : справочная правовая система.
8. Чистякова О. В., Залуцкая Н. С. Развитие кластеров в Иркутской области в условиях импортозамещения // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 2. С. 607–618.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ В МЕГАПОЛИСАХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА⁶

Рассматриваются различия в проявлении тревожности между мегаполисами и малыми городами России на примере Москвы, Иркутской области и Приморского края. Выделяются три режима тревожности: рефлексивный (мегаполисный), связанный с перегрузкой среды и осознанным запросом на психологическую поддержку; структурно-периферийный, обусловленный труднодоступностью базовых услуг (медицина, транспорт, кадры); и гибридный, характерный для регионов с крупным центром и удаленными территориями. Показано, что снижение тревожности требует не только психологической помощи, но и устранения институциональных дефицитов, причем приоритетные меры различаются в зависимости от типа населенного пункта.

Ключевые слова: тревожность, мегаполис, малые города, социальные индикаторы, институциональные дефициты.

Е. I. Volchek

Irkutsk State University, Irkutsk

SPECIFICS OF ANXIETY IN RUSSIAN CITIES AND TOWNS: AN EXPERT ANALYSIS METHODOLOGY

This article examines differences in anxiety manifestations between large cities and small towns in Russia, using Moscow, the Irkutsk Region, and Primorsky Krai as examples. The author identifies three anxiety modes: reflexive (metropolitan), associated with environmental overload and a conscious request for psychological support; structurally peripheral, caused by the inaccessibility of basic services (healthcare, transportation, and human resources); and hybrid, characteristic of regions with a large center and remote areas. It has been shown that reducing anxiety requires not only psychological support but also addressing institutional deficiencies, with priority measures varying depending on the type of community.

Keywords: anxiety, metropolis, small towns, social indicators, institutional deficiencies.

Тревожность в современных российских городах нельзя рассматривать только как индивидуальное психологическое состояние. В социологическом анализе она проявляется шире: через повседневные страхи, ожидание ухудшения жизненной ситуации, потребность в психологической поддержке, недоверие к стабильности социальной среды, а также через институциональные дефициты, которые делают жизнь менее предсказуемой. Поэтому при изучении тревожности важно учитывать не только субъективные самооценки людей, но и состояние городской инфраструктуры, доступность здравоохранения, качество работы социальных институтов, уровень безопасности и характер управленческих проблем, фиксируемых официальными контрольными органами.

На общероссийском уровне заметен рост открытого запроса на психологическую поддержку. По данным ВЦИОМ, индекс потребности россиян в психологической помощи в конце 2024 г. составил 30 пунктов из 100, что на 7 пунктов выше уровня 2022 г. При этом сам ВЦИОМ указывает на различия по типу населенного пункта: чем крупнее населенный пункт, тем выше индекс потребности в психологической помощи. В Москве и Санкт-Петербурге он составляет 36 пунктов, тогда как на селе – 27 пунктов. Также опыт обращения за профессиональной психологической помощью имеют 13 % россиян, а среди жителей столиц этот показатель достигает 25 % [3]. Это важно: высокий уровень обращения за помощью в мегаполисах не обязательно означает, что там тревожность «объективно выше» во всех смыслах. Скорее, в крупных городах тревожность чаще осознается, проговаривается и переводится в форму запроса на профессиональную поддержку.

Данные ФОМ показывают, что повседневная тревога россиян прежде всего связана с близкими и базовой жизненной безопасностью. В исследовании ФОМ о тревогах и опасени-

⁶ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

ях россиян отмечается, что в повседневной жизни 43 % опрошенных переживают за здоровье близких, 33 % боятся за будущее детей и внуков, 32 % тревожатся о собственном здоровье. Если говорить о ситуации в стране, ФОМ фиксирует беспокойство по поводу внешней агрессии, снижения уровня жизни и роста цен, а также межнациональных конфликтов [8]. Следовательно, тревожность имеет не абстрактный, а вполне конкретный социальный состав: здоровье, семья, дети, доходы, безопасность, будущее.

На этом фоне важно различать два режима тревожности. Первый можно назвать рефлексивным: человек осознает тревогу как психологическую проблему и допускает обращение к специалисту. Такой режим чаще характерен для крупных городов, где выше доступность психологической информации, больше рынок частных услуг и слабее стигма обращения за помощью. Второй режим можно назвать инфраструктурным: человек может не называть свое состояние тревожностью, но постоянно сталкивается с факторами, которые ее поддерживают, – трудностью записи к врачу, транспортной удаленностью, плохой дорогой, нехваткой специалистов, проблемами жилья, социальными очередями. Этот режим более характерен для малых городов и периферийных территорий.

Москва в данной логике выступает как кейс мегаполисной тревожности. С одной стороны, столица обладает значительно более высокой институциональной емкостью: здесь сосредоточены медицинские, образовательные, социальные, культурные и транспортные ресурсы. С другой стороны, сам масштаб города создает особую нагрузку: плотность среды, интенсивный ритм жизни, высокая конкуренция, быстрые изменения городской инфраструктуры, постоянное сравнение себя с другими. Поэтому тревожность в мегаполисе часто связана не только с дефицитом ресурсов, но и с перегрузкой возможностей.

Материалы КСП Москвы позволяют увидеть, что даже в ресурсно сильном мегаполисе сохраняются управленческие и инфраструктурные проблемы, которые могут усиливать чувство нестабильности городской среды. В отчете КСП Москвы за 2024 г. отмечается, что в системе ГБУ «Жилищник» отсутствуют единые актуальные нормы обеспечения коммунальной техникой и средствами малой механизации. Также зафиксирован высокий износ коммунальной техники: 65,5 % единиц техники находятся в эксплуатации более 10 лет, а капитальный ремонт коммунальной техники в 2023–2024 гг. не проводился. Кроме того, КСП указывает на низкую укомплектованность кадрами ряда ГБУ «Жилищник» и высокую текучесть кадров [7]. Для анализа тревожности эти данные важны не сами по себе, а как индикатор качества повседневной городской среды: двор, уборка, ремонт, коммунальный порядок и предсказуемость обслуживания напрямую влияют на ощущение контроля над жизнью.

Еще один показатель – организация общественного порядка. КСП Москвы зафиксировала, что отдельные помещения, выделенные для размещения штабов народных дружин, фактически не используются из-за неудовлетворительного состояния, а 62 школьные народные дружины размещаются в окружных помещениях из-за отсутствия предоставленных помещений [7]. Эти данные показывают, что в мегаполисе тревожность может быть связана не только с личными переживаниями, но и с доверием к локальным институтам безопасности. Когда инфраструктура общественного порядка работает неустойчиво или формально, у жителей может усиливаться ощущение, что городская система сложна, перегружена и не всегда способна быстро реагировать на локальные проблемы.

При этом Москва демонстрирует и другую сторону – способность институционально реагировать на выявленные проблемы. Например, после проверок в сфере здравоохранения Департамент здравоохранения Москвы утвердил новую систему показателей оценки эффективности учреждений, подведомственных департаменту. В отчете КСП это описано как мера, направленная на повышение эффективности работы городских медицинских учреждений и создание более четких критериев оценки их деятельности [5]. Для крупного города характерна важная особенность: тревожность там появляется на фоне серьезных нагрузок, но зато и инструментов для управления ситуацией заметно больше. Поэтому в Москве переживания людей не объяснить просто бедностью или дефицитом ресурсов. Корень скорее в противоречии: с одной стороны – быстрый ритм жизни и завышенные ожидания от качества услуг, с другой – реальные сбои, неизбежные в такой сложной городской системе [2].

Иркутская область – случай иного рода. Здесь на тревожность стоит смотреть не только через эмоции и самоощущение людей, но и через то, насколько доступны им базовые услуги. В отчёте Контрольно-счётной палаты региона за 2024 г. сказано: проверено 30 862,2 млн руб., выявлено 763 нарушения и недочёта, из них финансовых – на сумму 3 345,3 млн руб. [6]. Эти цифры ясно показывают, что в области есть глубокий институциональный слой проблем. Речь уже не только о личных страхах жителей, но и о качестве бюджетного управления, состоянии социальной инфраструктуры и о том, как на деле выполняются региональные программы.

Особенно значим для темы тревожности блок здравоохранения. КСП Иркутской области в анализе исполнения бюджета ТФОМС отмечает, что плановые объёмы оказания медицинской помощи, установленные территориальной программой ОМС на 2023 г., не выполнены практически по всем видам медицинской помощи. В частности, не выполнен план по амбулаторной помощи при обращениях в связи с заболеванием – на 18,6 %, по профилактическим осмотрам и диспансеризации – на 17 %, по скорой медицинской помощи – на 8,1 % [6]. Для жителей такие показатели могут проявляться не как абстрактная статистика, а как вполне конкретный опыт: труднее попасть к врачу, дольше ждать помощь, сложнее пройти обследование, выше опущение, что болезнь или ухудшение состояния могут остаться без своевременной реакции.

Именно здесь проявляется отличие малого города и периферийной территории от мегаполиса. В Москве тревожность может быть связана с перегрузкой, темпом и высоким уровнем требований к сервису. В малых городах Иркутской области тревожность чаще возникает из-за слабой доступности ресурса как такового. Если медицинская помощь территориально удалена, если узкий специалист принимает редко, если транспортная связность ограничена, то тревога становится хронической. Человек может не обращаться к психологу и не формулировать свое состояние в терминах ментального здоровья, но его повседневная жизнь оказывается наполнена неопределенностью: получится ли доехать, примут ли вовремя, хватит ли денег, будет ли помощь доступна детям или пожилым родственникам [1].

КСП Иркутской области также указывает на кадровую проблему в медицине. В отчете зафиксирован отрицательный прирост численности врачей: принято 866 чел., уволено 1075 чел. По среднему медицинскому персоналу ситуация также отрицательная: принято 2416 чел., уволено 2523 чел. [6]. Для анализа тревожности это один из ключевых институциональных индикаторов. Нехватка кадров в здравоохранении напрямую связана с ощущением небезопасности: даже если формально система существует, ее реальная доступность снижается, когда не хватает специалистов. В крупных городах этот дефицит может компенсироваться частным сектором, альтернативными клиниками и большей плотностью медицинской сети. В малых городах такой компенсации часто нет.

Поэтому тревожность в Иркутской области можно описать как структурную. Она складывается из нескольких факторов: медицинская доступность, кадровая обеспеченность, транспортные расстояния, социальные обязательства, качество инфраструктуры, бюджетные нарушения и слабая предсказуемость получения помощи. В отличие от мегаполиса, где тревога часто становится предметом разговора и обращения к специалисту, в малом городе она может быть «защита» в быт. Это тревога не столько самореализации, сколько выживания и доступа: к врачу, лекарству, дороге, жилью, социальной поддержке, понятной реакции со стороны институтов.

Приморский край представляет третий, гибридный тип. С одной стороны, Владивосток и крупные городские центры края ближе к мегаполисной логике: высокая плотность городской среды, транспортная нагрузка, интенсивные миграционные и экономические связи, значительная роль рынка труда. С другой стороны, край включает удаленные муниципалитеты и малые города, где тревожность может формироваться по периферийному сценарию: через доступность больницы, качество дорог, социальную инфраструктуру и удаленность от краевого центра.

Официальные материалы КСП Приморского края за 2024 г. показывают, что в поле контроля находились темы, напрямую связанные с качеством повседневной безопасности:

дорожная деятельность во Владивостокском городском округе, капитальный ремонт дорог и дворовых территорий, вопросы финансово-хозяйственной деятельности Дальнегорской центральной городской больницы, мероприятия по повышению безопасности дорожного движения, расходование средств в сфере здравоохранения, включая профилактику ВИЧ-инфекции и гепатитов В и С [5]. Такой набор сюжетов важен для понимания тревожности: он показывает, что социальное напряжение может возникать не из одного источника, а из наложения нескольких сфер риска – здоровья, дороги, удаленности, качества управления и безопасности.

Особенно показателен для Приморья сюжет с малым городом Дальнегорском. Упоминание Дальнегорской центральной городской больницы в перечне контрольных мероприятий КСП Приморского края позволяет рассматривать здравоохранение в малых городах как отдельный источник тревожности [5]. Для жителей таких территорий больницы – это не просто учреждение, а центральный элемент жизненной безопасности. Если в больнице возникают кадровые, финансовые, организационные или инфраструктурные проблемы, это влияет не только на медицинские показатели, но и на общее чувство защищенности. В малом городе отсутствие альтернатив усиливает зависимость от одного учреждения, поэтому любой сбой воспринимается острее.

Дорожная безопасность также имеет особое значение. В мегаполисе дорога чаще воспринимается как проблема времени, пробок и стресса. В малом городе или удаленном муниципалитете дорога может быть условием доступа к больнице, работе, школе, социальным услугам. Поэтому контрольные материалы КСП Приморья по дорожной деятельности и подпрограмме повышения безопасности дорожного движения важны для анализа тревожности не меньше, чем данные о здравоохранении [5]. Если дорога небезопасна или плохо связана с ключевыми объектами, она становится фактором постоянного бытового риска.

В экспертно-аналитических материалах КСП Приморского края также присутствуют вопросы ТФОМС, социальной инфраструктуры, концессионных соглашений в отношении объектов здравоохранения, образования, культуры, спорта и иных объектов социально-культурного назначения [4]. Это позволяет говорить о Приморье как о регионе, где тревожность формируется на пересечении городского и периферийного контекстов. В краевом центре она может быть связана с высокой нагрузкой городской среды, а в удаленных территориях – с доступностью базовой инфраструктуры.

Сравнение Москвы, Иркутской области и Приморского края показывает, что вопрос нельзя сводить к простой формуле «в мегаполисе тревожнее, а в малом городе спокойнее». Такая формула слишком поверхностна. В мегаполисе тревожность действительно чаще артикулируется, измеряется и превращается в запрос на поддержку. Жители крупных городов чаще имеют доступ к психологическим услугам, информационным ресурсам и языку, с помощью которого можно описать свое состояние. Однако это не означает, что тревожность в малых городах ниже. Она может быть менее видимой в опросах о психологической помощи, но сильнее проявляться через жалобы на доступность медицины, транспорт, жилье, безопасность и качество работы учреждений.

Главное различие состоит в механизме тревожности. В Москве тревога чаще возникает как реакция на перегрузку сложной городской среды и высокие требования к качеству жизни. В Иркутской области тревожность чаще приобретает структурный характер: она связана с тем, что базовые услуги оказываются неравномерно доступными, а система здравоохранения и социального обеспечения испытывает кадровые и организационные ограничения. В Приморском крае тревожность имеет смешанную природу: в больших городах она напоминает мегаполисную, а в небольших и отдаленных населенных пунктах – ближе к «территориальной тревоге», связанной с труднодоступностью услуг и уязвимостью перед внешними обстоятельствами.

Если опираться на официальные источники, можно выделить три формы тревожности. Первая – мегаполисная (или рефлексивная): здесь человек осознаёт свою тревогу, готов её обсуждать и связывает в первую очередь с потребностью в психологической помощи. Вторая – структурно-периферийная: тревога проявляется не столько на уровне слов, сколько в виде реальных сложностей с получением базовых услуг и из-за непредсказуемости того,

насколько эффективно работают государственные институты. Третья – гибридная: она возникает там, где регион сочетает крупный город и труднодоступную периферию (как, например, Приморский край). В этом случае нет единого корня тревожности – она складывается из городских перегрузок, качества транспортной связанности, состояния медицины и уровня управления на местах.

Самый важный вывод такой: изучать тревожность в российских городах стоит не только через опросы и психологические шкалы, но и через официальные управленческие документы. Данные ВЦИОМ и ФОМ дают субъективную картину – как люди проживают свои страхи, насколько готовы обращаться за психологической помощью, какие темы вызывают беспокойство. А материалы контрольно-счётных палат раскрывают институциональный срез: где именно даёт сбой система, какие сферы требуют корректировки, какие дефициты могут годами подпитывать тревожность в быту. Объединение этих двух взглядов даёт гораздо более полную картину, чем анализ только эмоций или только цифр.

На практике снижение тревожности требует разных подходов для разных типов территорий. Для мегаполиса недостаточно одних психологических служб – нужно уменьшать саму перегрузку городской среды: качество дворов и транспорта, работу коммунальных служб, ясность и удобство городских сервисов, доверие к полиции и другим органам безопасности. Для малых городов на первый план выходят доступность врачей, устойчивость районных больниц, регулярное транспортное сообщение, наличие кадров, социальная поддержка и устранение инфраструктурных «дыр». Для смешанных регионов необходимо раздельно анализировать краевой центр и удалённые муниципалитеты, потому что средние показатели по региону скрывают реальные различия в качестве жизни.

Таким образом, тревожность в крупных городах и малых населённых пунктах России отличается не только по интенсивности, но и по своей форме. В мегаполисе она чаще вырастает в осознаваемый запрос на помощь и реакцию на перенасыщенную среду. В малом городе это чаще хроническое напряжение, вызванное трудным доступом к базовым благам и неуверенностью в институтах. Поэтому корректный социологический анализ обязан учитывать не только личные переживания людей, но и состояние систем, от которых зависит предсказуемость повседневной жизни: здравоохранения, транспорта, соцзащиты, безопасности, жилищно-коммунальной и городской инфраструктуры.

Литература

1. Барсукова Е. В. «Городской стресс» как психопатологический и патофизиологический феномен жизнедеятельности обитателей больших городских поселений // АНИ: педагогика и психология. 2018. № 1 (22). С. 247–251.
2. Дробышева Т. В., Ларионов И. В., Тарасов С. В. Особенности социально-психологической прессыщенности условиями жизни в мегаполисе в разных группах горожан // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 3. С. 51–60.
3. Индекс потребности россиян в психологической поддержке: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke/> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Информация об экспертно-аналитических мероприятиях 2025 года // Контрольно-счётная палата Приморского края. URL: <https://ksp25.ru/informatsiia-ob-eksp/informacziya-ob-ekspertno-analiticheskikh-meropriyatiyah-2025/> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Информация о контрольных мероприятиях 2024 года // Контрольно-счётная палата Приморского края. URL: <https://ksp25.ru/informatsiia-o-prove/informacziya-o-kontrolnyh-meropriyatiyah-2024/> (дата обращения: 18.05.2026).
7. Контрольно-счётная палата Иркутской области. URL: <http://irksp.ru/> (дата обращения: 18.05.2026).
8. Отчет о деятельности Контрольно-счётной палаты Москвы в 2024 году // Контрольно-счётная палата Москвы. URL: https://www.ksp.mos.ru/activity/annual_report/ (дата обращения: 18.05.2026).
9. Тревоги и опасения россиян: официальные результаты опроса // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/15297/> (дата обращения: 18.05.2026).

ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РОЛИ ЭКСПЕРТА⁷

Рассматриваются ключевые проблемы и векторы развития российской системы здравоохранения в контексте повышения качества медицинских услуг. Анализируется влияние цифровой трансформации, кадрового дефицита и финансовых диспропорций на доступность помощи. Обосновывается возрастающая роль врача-эксперта страховой медицинской организации, обеспечивающего баланс интересов пациента и медицинского учреждения в системе обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: качество медицинских услуг, здравоохранение, экспертиза качества, ОМС, цифровизация.

Yu. Sh. Gabdulkhakova

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS AND MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE QUALITY OF MEDICAL SERVICES IN RUSSIA: DEFINING THE ROLE OF THE EXPERT

The article examines the key problems and vectors of development of the Russian healthcare system in the context of improving the quality of medical services. The impact of digital transformation, personnel shortages and financial imbalances on the availability of care is analyzed. The growing role of the medical expert of the insurance medical organization, ensuring a balance of interests of the patient and the medical institution in the compulsory health insurance system, is substantiated.

Keywords: quality of medical services, healthcare, quality expertise, compulsory health insurance, digitalization.

В XXI в. сфера здравоохранения Российской Федерации переживает этап глубоких структурных преобразований. Масштабные национальные проекты, цифровая трансформация и новые вызовы, связанные с геополитической обстановкой, определили вектор на повышение доступности и качества медицинской помощи. Однако переход к пациентоориентированной модели здравоохранения невозможен без эффективной системы контроля и независимой оценки оказываемых услуг. В этом контексте особую значимость приобретают врачи-эксперты, чья деятельность в системе обязательного медицинского страхования (ОМС) становится ключевым инструментом разрешения противоречий и повышения профессионального уровня медицинского сообщества.

Финансово-экономическая сторона российского здравоохранения демонстрирует рост, но одновременно показывает системные диспропорции. По данным «Анализ рынка медицинских услуг в России в 2021–2025 гг., прогноз на 2026–2030 гг.», проведенного BusinessStat в 2026 г., оборот медицинского рынка в стране за период с 2021 по 2025 г. увеличился на 41 %, достигнув 7,4 трлн руб. При этом мотивом роста выручки стало не столько увеличение числа приемов, сколько активное повышение цен на услуги. Давление на стоимость оказывали активное повышение цен на услуги. Давление на стоимость оказывали девальвация рубля, увеличение логистических издержек и дефицит кадров в отрасли [1]. В структуре оборота сектор ОМС традиционно занимает небольшую долю, составляя 49 % рынка, что подчеркивает его системообразующую роль.

На государственном уровне предпринимаются значительные усилия для модернизации отрасли. Как отметил Президент России Владимир Путин в приветствии участникам итоговой коллегии Минздрава, в рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» развивается инфраструктура, причем доля отечественной техники в поставках достигла 70 %. Министр здравоохранения РФ Михаил Мурашко, подводя итоги 2025 г., подчеркнул, что система вышла на новый уровень развития, опираясь на фундамент завершенных национальных проектов. Ведется создание единой цифровой платформы по управлению

⁷ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

здоровьем, формируется цифровой медицинский профиль гражданина, а к 2030 г. доступ к нему будет гарантирован как врачу для принятия клинических решений, так и самому пациенту [2].

Положение регионов в сравнении с федеральным уровнем представлено в неравномерном распределении доступности и степени качества предоставляемых медицинских услуг. Например, в Иркутской области среди распространенных проблем в этой сфере можно выделить длинные очереди, проблемы в поиске льготных лекарств и недостаток узких специалистов. Еще одной из важных проблем является работа врачей в разных информационных системах, вследствие чего, сокращается время на осмотр пациента. Финансовое положение региона нестабильно, что подтверждается отчетом Контрольно-счетной палаты, которая выявила нехватку средств на оплату труда медицинским работникам и повышение районного коэффициента в размере 3,7 млрд руб. Также впервые за пять лет прогнозируется дефицит территориальной программы государственных гарантий в 18 %, что ставит под угрозу показатели снижения смертности и продолжительности жизни [4]. Глава Минздрава Приангарья Андрей Модестов указывает на сокращение федерального финансирования и смещения нагрузки на областной бюджет, одновременно признавая остроту кадрового вопроса в сфере помощи и специализированных направлениях [5].

На этом фоне промышленный потенциал Иркутской области в сфере фармацевтики выглядит как перспективная опора для решения вопросов лекарственного обеспечения. Местные производители уже сейчас вносят вклад в технологическую независимость страны. Так, группа компаний «Фармасинтез» входит в число лидеров отечественной фарминдустрии. Как сообщил в интервью в газете «Коммерсантъ» президент ГК «Фармасинтез» Викрам Пуния, после 2022 г. отрасль столкнулась с проблемами в поставках европейских компонентов, что вынудило производителей быстрее переходить на сырье из Китая и Индии. При этом уход с рынка ряда западных холдингов освободил целые ниши, что позволило компаниям ускорить импортозамещение и наладить выпуск аналогов популярных препаратов. По программе «препараты на полку», запущенной для обеспечения лекарственной безопасности страны, компания за 2023–2025 гг. зарегистрировала около 40 препаратов, а общий объем инвестиций в это направление составит почти 3 млрд руб. Также в 2026 г. на базе Иркутского государственного университета открыта кафедра «Фармасинтеза», финансируемая компанией. Привлечены высококвалифицированные специалисты из Москвы и Санкт-Петербурга в дочернюю компанию «БратскХимСинтез» [6]. Таким образом, фармацевтическая промышленность региона демонстрирует высокий уровень развития в данной отрасли.

В Новосибирской области реализуются государственные программы, которые направлены на улучшение доступности первичного звена и телемедицины. Однако присутствует проблема неравномерного доступа к медицинским услугам, особенно в отдаленных районах. При этом эта ситуация усугубляется дефицитом кадров. Данный регион для решения проблем в сфере здравоохранения обращается к практике медицинского туризма. Она имеет нарастающую популярность, при этом, по словам президента Ассоциации медицинского и академического туризма Евгения Чернышева, Сибирь имеет потенциал развития в этой сфере [7]. Главной же целью является сохранения качества жизни. Для этого нужно в должной мере уделять внимание профилактике и диагностике, как подчеркнул на заседании коллегии министр здравоохранения Новосибирской области Ростислав Заблочкий [8].

Одним из главных элементов обеспечения качества системы здравоохранения является экспертная деятельность. Ключевой фигурой выступает врач-эксперт, который берет на себя функцию независимого контроля качества. Его задача состоит в выявлении системных дефектов: нехватки оборудования, медикаментов или нарушений порядков оказания помощи. Благодаря их работе защищены интересы как пациента, так и врача, поскольку экспертное заключение позволяет предотвратить персональный конфликт и перевести неудовлетворенность в конструктивное русло профессионального роста, что достигается благодаря экспертной дистанции и объективным выводам [9].

Сопредседатель Всероссийского союза пациентов Юрий Жулев подчеркивает, что обращение за независимой экспертизой позволяет в досудебном порядке разрешать споры с максимальной пользой для пациента и возможностью профессионального развития врача. Эта деятельность формирует фундамент пациентоориентированного здравоохранения, а развитие прямого диалога при посредничестве эксперта СМО рассматривается как основа современного здравоохранения [9]. В этом же направлении лежит и задача повышения качества через технологический суверенитет и подготовку кадров, отмечаемая в фармацевтической отрасли, где производство инновационных препаратов требует глубокой экспертной оценки на всех этапах – от клинических исследований до гос.закупок [6].

Таким образом, повышение качества медицинских услуг в России представляет собой многогранную задачу, лежащую на стыке финансового обеспечения, цифровой модернизации и кадровой политики. Опыт регионов субъектов Российской Федерации демонстрирует, что для эффективного развития здравоохранения недостаточно только инфраструктурных вложений и технологического обновления, поскольку ключевой вопрос упирается в квалификацию медицинского персонала и объективность оценки его труда [10]. Эксперты в этой области становятся элементом обратной связи, обеспечивающим баланс между интересами пациента, профессиональной добросовестностью врача и возможностями государства. Именно этот институт способен преобразовывать накопленный массив данных в действенные протоколы лечения и системные улучшения, формируя культуру доверия и качественной помощи, без которой недостижимы стратегические цели, поставленные на период до 2030 г. [11].

Литература

1. Анализ рынка медицинских услуг в России в 2021–2025 гг., прогноз на 2026–2030 гг. // BusinesStat. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/16328/> (дата обращения: 27.04.2026).
2. Итоговая коллегия 2025 и планы на 2026: Цифровая трансформация пронизывает все задачи, стоящие перед отраслью здравоохранения // Минздрав России. URL: <https://minzdrav.gov.ru/special/news/2026/04/17/30794-itogovaya-kollegiya-2025-i-planu-na-2026-tsifrovaya-transformatsiya-pronizyvaet-vse-zadachi-stoyaschie-pered-otraslyu-zdravooxraneniya> (дата обращения: 27.04.2026).
3. В Иркутской области назвали главные проблемы в сфере здравоохранения // IRK.ru. URL: <https://www.irk.ru/news/20260219/medicine/> (дата обращения: 27.04.2026).
4. 4 млрд рублей не хватает на здравоохранение Иркутской области в 2026 году // МК Байкал. URL: <https://baikal.mk.ru/social/2025/11/10/4-mlrd-rublei-ne-khvataet-na-zdravookhranenie-irkutskoy-oblasti-v-2026-godu.html> (дата обращения: 27.04.2026).
5. Глава Минздрава Приангарья объяснил сокращение федерального финансирования на медицину // IrkutskMedia. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/1855170/> (дата обращения: 27.04.2026).
6. «Сейчас чувствуется определенная стагнация»: Президент ГК «Фармасинтез» Викрам Пунья – об импортозамещении и дженериках // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442443?ysclid=mofvhl1tzoq234444887&nav_id=chapter1 (дата обращения: 27.04.2026).
7. Больничное гостеприимство. Новосибирск хочет зарабатывать миллиарды на пациентах из других регионов и стран – чего ему не хватает // НГС. URL: <https://ngs.ru/text/business/2026/04/24/76380016/> (дата обращения: 27.04.2026).
8. Андрей Травников: «Системой здравоохранения региона достигнуты достойные результаты по большинству показателей» // Министерство здравоохранения Новосибирской области. URL: <https://zdrav.nso.ru/news/10845> (дата обращения: 27.04.2026).
9. Врачи-эксперты СМО играют важную роль в системе оказания медпомощи // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/06/18/vrachi-eksperty-smo-igrayut-vazhnuu-rol-v-sisteme-okazaniia-medpomoshchi.html> (дата обращения: 27.04.2026).
10. Артюхов: качество медицины в ЯНАО зависит от врачей. URL: <https://ura.news/news/1052709502> (дата обращения: 27.04.2026).
11. На Ямале качественная меддиагностика станет приоритетным направлением // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25839987> (дата обращения: 27.04.2026).

**СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ К УСЛОВИЯМ АРКТИКИ:
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ),
ЧУКОТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА И МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ⁸**

Рассматриваются особенности адаптации сельских сообществ к условиям Арктики на примере Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Магаданской области. Показано, что устойчивость северных поселений определяется не одним климатическим фактором, а сочетанием демографии, транспортной доступности, традиционных хозяйств, медицины, северного завоза и качества инфраструктурных решений. Делается вывод о схожих и отличительных особенностях адаптации сельского населения к условиям данных территорий.

Ключевые слова: Арктика, сельские сообщества, адаптация, Якутия, Чукотка, Магаданская область, традиционные хозяйства, инфраструктура.

A. N. Goloborodko

Irkutsk State University, Irkutsk

**SPECIFIC FEATURES OF RURAL COMMUNITIES ADAPTATION TO THE ARCTIC CONDITIONS:
COMPREHENSIVE ANALYSIS BASED ON THE MATERIALS
OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA), THE CHUKOTKA AUTONOMOUS OKRUG,
AND THE MAGADAN REGION**

The article examines the specific features of rural communities' adaptation to the Arctic conditions using the example of the Republic of Sakha (Yakutia), the Chukotka Autonomous Okrug, and the Magadan Region. It is shown that the sustainability of northern settlements is determined not by a single climatic factor, but by a combination of demographics, transport accessibility, traditional farming, medicine, northern delivery, and the quality of infrastructure solutions. The author concludes that there are similar and distinctive features of the rural population's adaptation to the conditions of these territories.

Keywords: Arctic, rural communities, adaptation, Yakutia, Chukotka, Magadan Region, traditional farming, infrastructure.

Арктические территории России в последние десятилетия становятся пространством повышенного исследовательского интереса. Её обычно связывают с суровым климатом, полезными ископаемыми и крупными государственными проектами. Она рассматривается не только в экономическом или геополитическом отношении, но и как особая социальная среда, формирующая специфические механизмы адаптации населения. Наиболее уязвимой категорией в данных условиях выступают сельские сообщества, поскольку именно они в наибольшей степени зависят от природно-климатических факторов, состояния локальной инфраструктуры и устойчивости традиционных форм хозяйствования.

Для Якутии важно учитывать методологическое ограничение: республика велика и неоднородна, поэтому данные по субъекту в целом не всегда полностью отражают положение арктических улусов. Однако они позволяют увидеть общий фон, на котором существуют сельские северные территории.

Первое существенное различие между регионами связано с демографией. По материалам, использованным при подготовке статьи, население Якутии выросло с 949 935 чел. в 2006 г. до 1 006 561 чел. в 2025 г. Для Арктики это важный показатель, потому что стабильность населения поддерживает школы, медпункты, локальный рынок труда и межпоколенческую передачу хозяйственных навыков. Поэтому в Якутии адаптация имеет относительно массовый сельский характер [3].

На Чукотке ситуация другая. После резкого сокращения в 1990-е гг. округ стабилизировался на небольшой базе, однако в 2006–2025 гг. численность всё равно снизилась с 50 526 до 47 778 чел. Здесь адаптация строится вокруг поддержания небольшого числа уда-

⁸ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

лённых поселений. Главный вопрос состоит не в расширении сельской сети, а в том, сможет ли регион постоянно компенсировать расстояния за счёт авиации, завоза, связи и бюджетных услуг.

Магаданская область показывает наиболее выраженную депопуляцию: с 171 569 чел. в 2006 г. до 134 544 чел. в 2025 г. При этом регион почти полностью урбанизирован, поэтому сельские территории выступают не основой расселения, а периферийными анклавами.

Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ и Магаданская область являются регионами с крайне сложными условиями проживания. Здесь вопросы социальной устойчивости напрямую связаны с проблемами транспортной. изолированности, миграционного оттока, высокой стоимости жизни и ограниченного доступа. к социальным услугам. При этом сельские сообщества Арктики нельзя рассматривать исключительно как кризисные. Напротив, именно в них формируются уникальные модели коллективной адаптации, сочетающие традиционные практики. выживания и современные механизмы социально-экономического приспособления.

Фактор пространственной изоляции играет определяющую роль. Значительная часть населённых пунктов не имеет круглогодичного транспортного сообщения, а доставка продуктов и топлива осуществляется сезонно. В таких условиях формируется особая зависимость населения от локальных сетей взаимодействия. Исследователи отмечают, что в чукотских сёлах уровень социальной взаимопомощи значительно выше, чем в среднем по стране [2]. Это связано не только с суровыми климатическими условиями, но и с исторически сложившимися коллективистскими практиками. коренных народов.

При этом адаптационные механизмы на Чукотке нельзя рассматривать исключительно как успешные. Регион сталкивается с оттоком молодёжи, ориентированной на получение образования и трудоустройство за пределами региона. Для сельских поселений это означает постепенное старение населения, и дефицит квалифицированных кадров. В некоторых населённых пунктах закрытие социальных объектов – школ, медицинских пунктов, домов культуры – становится фактором дополнительной социальной дестабилизации. Однако даже в подобных условиях локальные сообщества сохраняют способность к самоорганизации. Например, в ряде чукотских сёл именно инициативы жителей становятся основой. сохранения культурных мероприятий, традиционных праздников и практик коллективного труда [1].

Магаданская область отличается иной моделью адаптации. В ней создается высокая зависимость благополучия села от финансового состояния одного градообразующего предприятия, что делает модель хрупкой. Примером нестабильности могут служить шахтерские поселки в Омсукчанском районе Магаданской области, где в 2010–2015 гг. закрытие нерентабельных участков привело к моментальной депопуляции и поселков-призраков [5, с. 201–204]. Важно отметить, что из-за суровых климатических условий, люди вынуждены жить в условиях длительного отопительного сезона. Возникает финансовая и бытовая проблема населения, сопряженная с закупкой дорогостоящим топливом, которое необходимо для нормального выживания. Люди в Магаданской области особенно отличаются разнообразными формами коллективной взаимопомощи. Они совершают совместные оптовые закупки товаров, заготовки альтернативного топлива к отопительному сезону.

Культурно-психологическая адаптация имеет ярко выраженную региональную специфику. На Чукотке важным идентификатором остается владение языком и навыками морзверобойного промысла. Интеграция в современную рыночную экономику (туризм, переработка бивня моржа) требует от сельчан билингвизма не только в языковом (чукотский/русский), но и в экономическом смысле (обмен/деньги) [4]. В Республике Саха (Якутия) традиционное мировоззрение, основанное на уважении к реке (Лена, Колыма), диктует специфические правила природопользования, которые вступают в противоречие с экологическими требованиями промышленных корпораций. Возникают локальные конфликты, которые сообщество решает через институт старейшин и советов общин. Такие механизмы «тихой дипломатии» являются специфической формой адаптации, не описанной в классических учебниках по менеджменту, но жизненно необходимой для сохранения социального мира в изолированных поселениях.

Проблема климатических изменений, вносит свои коррективы в повседневную жизнь сельского населения данных территорий. Так, в Якутии аномальное потепление приводит к изменению почвы, которая длительное время находилось в состоянии весной мерзлоты. Это, в свою очередь, преобразует сельскую инфраструктуру. Чукотский автономный округ в последнее время характеризуется сельско-хозяйственными изменениями. Олени мигрируют, меняя свои маршруты, чем корректируют и создают трудности в деятельности охотников и фермеров. Такая трансформация природных условий, вынуждает людей искать новые пути приспособления.

На основе всего вышесказанного можно сделать заключительный вывод, что специфика адаптации сельских сообществ Арктики многогранна. Она включает в себя природные, экономические, культурно-психологические особенности. Рассмотренные территории, Республика Саха (Якутия), Магаданская область и Чукотский автономный округ, имеют свои отличительные модели приспособления населения к суровым условиям, но схожи они в том, что демонстрируют высокую значимость взаимопомощи, сохранившуюся идентичность. Сельское население демонстрирует свою устойчивость и одновременно гибкость. Сохраняются традиционные повседневные практики, которые под влиянием современных вызовов изменяют свою форму. Для социологов-исследователей этим и интересна данная тема.

Литература

1. Захарова К. Н. Традиционное хозяйство – основа жизнедеятельности коренных малочисленных народов // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2012. URL: (дата обращения: 08.05.2026).
2. Пилясов А. Н. Арктическая региональная политика России: необходимость новых подходов // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 4–15.
3. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года / Росстат. М., 2025.
4. Сельские сообщества Якутии в условиях деградации многолетнемёрзлых пород: ключевые риски, социальные последствия, механизмы адаптации / А. А. Сулейманов, В. М. Лыткин, Л. И. Винокурова, С. А. Григорьев, С. И. Фёдоров, В. Ю. Голомарева, Н. И. Башарин, Д. А. Апросимов // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 199–231.
5. Фаузер В. В., Смирнов А. В. Депопуляция сельских территорий на Крайнем Севере: факторы и последствия (на примере Омсукчанского района Магаданской области) // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 1. С. 198–210.

УДК 316.7:659.1

Г. П. Горбунов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ КАК ПРОСТРАНСТВО РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Отмечается, что в условиях ускоренной цифровизации российской экономики онлайн-платформы перестают быть лишь техническими каналами распространения информации и всё в большей степени формируют самостоятельную инфраструктуру маркетинговых коммуникаций, в которой перераспределяются роли брендов, медиаторов и аудитории. Раскрывается, что существенные трансформации медиапотребления, усиленные ограничениями на работу ряда зарубежных сервисов и ростом значимости отечественных цифровых экосистем, приводят к необходимости переосмысления традиционных моделей маркетинга, ориентированных ранее на линейные каналы воздействия. Сделан вывод, что в этих условиях исследование онлайн-платформ как пространства коммуникационного взаимодействия приобретает особую научную значимость, поскольку позволяет выявить новые механизмы влияния цифровой среды на поведение потребителей и стратегические практики компаний в современной России.

Ключевые слова: онлайн-платформы, маркетинговые коммуникации, цифровизация, социальные сети, цифровая экономика, инфлюенс-маркетинг.

* Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Габельных.

ONLINE PLATFORMS AS A SPACE FOR THE DEVELOPMENT OF MARKETING COMMUNICATIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA

The relevance of this topic is determined by the fact that, under conditions of accelerated digitalization of the Russian economy, online platforms are no longer merely technical channels for information distribution, but increasingly form an independent infrastructure of marketing communications, in which the roles of brands, mediators, and audiences are being redistributed. Significant transformations in media consumption, reinforced by restrictions on the operation of certain foreign services and the growing importance of domestic digital ecosystems, necessitate a rethinking of traditional marketing models that were previously oriented toward linear channels of influence. In this context, the study of online platforms as a space of communication interaction acquires particular scientific significance, as it makes it possible to identify new mechanisms through which the digital environment influences consumer behavior and corporate strategic practices in contemporary Russia.

Keywords: online platforms, marketing communications, digitalization, social media, digital economy, influencer marketing.

В современном мире маркетинговые коммуникации активно внедряются в интернет-пространство, открывая для себя более широкий спектр возможностей взаимодействий с аудиториями и пользователями. Такой подход отличается от других своей мультимедийностью, дистанцированием и опосредованностью. Сочетание этих признаков позволяет маркетологам обеспечивать более широкий охват аудитории, создавать интерактивность, а в некоторых случаях и геймификацию, маркетинговых коммуникаций, а также использовать сетевые эффекты и диджитал-инструменты. Однако при таком методе компаниям приходится искать более изощренные подходы к потребителю и постоянно повышать качество своего продукта, чтобы конкурировать в условиях быстрорастущего рынка и избегать эффекта «баннерной слепоты» у насмотренного пользователя. При этом важно учитывать, что цифровая среда не является однородной: внутри неё формируются различные уровни коммуникационного взаимодействия – от массового рекламного воздействия, до точечных персонализированных сообщений. Изменения к подходам в цифровом маркетинге также заметны и у отечественных компаний, которые постепенно переходят к модели двустороннего диалогового маркетинга, в котором роль пользователя сменяется с получателя информации до активного участника коммуникационного процесса. Такая трансформация повышает уровень доверия клиента к бренду как ключевого ресурса цифрового диалога, позволяя добиваться эффективным маркетинговых показателей за счет создания сопричастности пользователя к продукту [3].

Если оценивать развитие рекламного рынка в России, то по оценкам аналитиков АКАР, общий объем маркетинговых услуг превысил 903,6 млрд руб. за 2024 г., это примерно на 24 % больше, чем годом ранее (в 2023 г. по оценкам АКАР общий объем рекламного рынка составил 730,7 млрд руб.). При этом объем рекламного рынка в сегментах интернет и интернет-сервисы составил 313,8 (за 2021 г.) и 469,9 (за 2024 г.) млрд руб. соответственно, это больше примерно на 20–30 % чем в прошлые года исходя из оценок по каждому из сегментов [1]. Такая динамика показывает, что бренды активно вкладываются в свое продвижение через интернет и интернет-платформы для возможности быстрого масштабирования своего присутствия в медиа-поле. Вместе с ростом инвестиций происходит и перестройка самих каналов распределения рекламных вложений. Если раньше лидерами попеременно оставались телевидение или наружная реклама, то сегодня наблюдается устойчивый сдвиг в сторону перформанс-маркетинга и прогматик-закупок в диджитал-среде. Все больше компаний стремятся не к количественным, а качественным показателям эффективности, например: CTR, CPA и ROAS. Такие изменения показывают не только повышенный интерес брендов к интернет-среде, но и потребность вести качественную аналитику в принятии маркетинговых решений [5].

Среди всех онлайн-площадок ключевыми для общения и взаимодействием с клиентами остаются социальные сети и мессенджеры. Команда сервиса мониторинга и анализа со-

циальных сетей и СМИ «Brand Analytics» в своём осеннем исследовании утверждает, что число активных авторов и создателей контента в России составило 85,6 млн чел. Авторы написали 1,7 млрд публичных сообщений – постов, репостов и комментариев. По авторам это рекордные показатели за все время наблюдений, начиная с 2013 г. Год к году (сентябрь 2025 г. по сравнению с октябрем 2025 г.) число активных авторов выросло на +14,2 %. При этом лидерами, по публикации контента остается отечественный «ВКонтакте» (22,5 млн чел.) и зарубежный «Instagram»¹⁰ (21,9 млн чел.) [2]. Однако в последние года заметен явный спад активности российских инфлюенсеров на медиа-площадках, которые были заблокированы или являются недоступными в России. Те социальные сети, которые теперь являются недоступными в РФ были заменены на свои аналоги, например: Rutube, «VK Видео», «МАХ» и т. д. Важно отметить, что не только уход зарубежных сервисов с российского рынка повлиял на перераспределение аудитории и контента, но и сами медиапривычки пользователей подверглись изменениям. Молодежь всё чаще демонстрирует более фрагментированное потребление информации, используя разные цифровые платформы и методы демонстрации контента (видеохостинги, ленты в социальных сетях, мессенджеры и т. д.) для закрытия своих потребностей. В таких условиях маркетинговые стратегии брендов адаптируются в попытках удержать аудиторию на всех доступных онлайн-площадках, начиная от использования алгоритмических лент для формирования более индивидуализированной информационной повестки до привлечения сторонних инфлюенсеров для создания UGC-контента, чтобы повысить лояльность клиентов через доверие к их любимым блогерам [7].

При этом изменяются и методики продвижения. Разовые контакты в рекламных сообщениях теперь сменяются на повторное появление контента на разных платформах, что повышает вовлеченность аудитории. Бренды стараются сделать клиента более сопричастным к своему продукту или сообществу, развиваются форматы сторителлинга и бэкстейджей – коротких видео, которые знакомят зрителя не только с внешней стороной компании, но и с внутренней. На отечественном рынке такой компанией стал бренд косметики VOCE, который делает ставку не только на перформанс-маркетинг, но и на привлечение сторонних UGC-креаторов, описывающих пользу косметики бренда и включающих её в эстетические образы в своих блогах. Таким образом, многие пользователи, подражая своим любимым блогерам, становятся не только потребителями бренда, но и её амбассадорами, расширяя присутствие бренда в медиа-поле. Сейчас компании стараются не просто продать свой продукт, но и выстроить эмоциональную связь с аудиторией через нарративы, образы и повседневные ситуации. Впоследствии маркетинговая коммуникация всё чаще выходит за рамки классической рекламы и приобретает культурный контекст [12].

Именно UGC-креаторы и инфлюенс-маркетинг в последнее время занимают лидирующие позиции в контексте направлений маркетинговых коммуникаций. Такой подход, в котором используются сторонние создатели контента, позволяет создавать контакт с клиентом «нативно», глубже понимая его потребности и запросы. В своих рекламных акциях компании всё чаще используют синтез онлайн и офлайн коммуникаций, повышая лояльность к продукту. Например сеть кофеен «DoubleBee» (ДаблБи) в Москве запустили фотоконкурс, где покупатель мог выложить фото в свои социальные сети с брендированным стаканчиком кофе с обязательной отметкой компании. Клиенты получали различные призы от бесплатных напитков до месячного запаса кофе, а кофейня смогла увеличить трафик клиентов в точки заведения и повысить подписчиков и охваты в социальных сетях. Такой подход к реализации маркетинговых акций позволяет при минимальных затратах на блогеров и продаж, получить повышенное доверие к бренду и конверсию пользователей из-за доверия людей к мнению других людей или своих любимых креаторов [10].

Компании, которые активно работают с новыми технологиями или социальными сетями в своих рекламных стратегиях, получают значительное конкурентное преимущество. Одно из популярных направлений – это алгоритмические системы рекомендаций, которые

¹⁰ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

определяют не только видимость контента, но и его потенциальную «вирусность». Такой подход позволяет компании отсеивать не релевантных для себя клиентов и выстраивать контакт только с той целевой аудиторией, на которую обращена стратегия бренда. Бренды, использующие контекстную или таргетную рекламу, получают как преимущество над своими конкурентами, которые не используют алгоритмические технологии в своих маркетинговых стратегиях, так и позволяют себе грамотно выстраивать рекламные бюджеты, которые будут вложены более эффективно в контексте охвата релевантной целевой аудитории [8].

Таким образом, интернет-платформы в России становятся экосистемой для креативного и маркетингового развития. Они объединяют как медиа-инструменты, так и физические площадки взаимодействия, позволяя брендам работать с аудиторией на всех уровнях контакта и быстро реагировать на изменения в её поведении и запросах. Благодаря своей эффективности, уже устойчивого и постоянно развивающегося рынка и популярности среди общества интернет-платформы укрепляют свои рейтинги и популярность среди маркетинговых решений в России.

Литература

1. Индустриальный отчет «Российский рекламный рынок – 2025» // АКАР. URL: <https://akarussia.ru/research/industrialnyj-otchet-rossijskij-reklamnyj-rynok-2025/> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Social media Russia – autumn 2025 // Brand Analytics. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025?peer_id=-237345902&is_channel=true (дата обращения: 10.05.2026).
3. Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98.
4. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
5. Моллаев М. Современный цифровой маркетинг // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 53–56.
6. Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л. Цифровой маркетинг и специфика его применения в B2B-секторе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1. С. 93–103.
7. Колокольцева Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4. С. 13–17.
8. Морозова О. Н. Особенности интернет-коммуникации: определение и свойства // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 5. С. 150–158.
9. Торгунакова Е. В., Торгунаков Е. А. Разработка и эффективное использование комплекса маркетинговых коммуникаций // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 3. С. 281–288.
10. Шарипова В. А., Елинсон М. А., Исакова О. С. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 210–214.
11. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект : сб. ст. / ред. Н. А. Андрамонова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2004. С. 63–67.
12. Вдовина М. В. Проблемы развития цифрового взаимодействия // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 4. С. 71–85.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНФОРМАЦИОННОЙ ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ: ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКУЮ МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹¹

Рассматривается социально-технологический подход к защите детей от вредоносного информационного воздействия. Анализируются нормативно-правовые основы, современные угрозы цифровой среды и их последствия. Особое внимание уделяется роли общественного контроля, включая институты кибердружин и «горячих линий», как ключевого элемента, дополняющего государственное регулирование. На основе анализа практик и экспертных оценок выявляются проблемы и предлагаются направления совершенствования российской модели информационной безопасности несовершеннолетних.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, общественный контроль, кибердружины, деструктивный контент, социальные технологии, цифровая грамотность.

D. A. Davydova
Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIO-TECHNOLOGICAL APPROACH TO INFORMATION PROTECTION OF CHILDREN: INTEGRATION OF PUBLIC CONTROL INTO THE RUSSIAN INFORMATION SECURITY MODEL

The article discusses a socio-technological approach to protecting children from harmful information effects. The article analyzes the regulatory framework, modern threats to the digital environment and their consequences. Special attention is paid to the role of public oversight, including the institutions of cyberdrugs and hotlines, as a key element complementing government regulation. Based on the analysis of practices and expert assessments, problems are identified and directions for improving the Russian model of juvenile information security are proposed.

Keywords: children's information security, public control, cyberdrug, destructive content, social technologies, digital literacy.

Стремительное развитие цифровых технологий превратило информационное пространство в один из главных факторов социализации подрастающего поколения. Однако наряду с образовательными и коммуникационными возможностями интернет-среда несет в себе серьезные риски: от кибербуллинга и мошенничества до вовлечения в деструктивные сообщества и радикальные движения. Как отмечается в Концепции информационной безопасности детей, утвержденной Правительством РФ в апреле 2023 г., стратегической целью государственной политики провозглашено «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» [4]. Достижение этой цели требует не только совершенствования правовых и технологических инструментов, но и активного подключения институтов гражданского общества. Именно социально-технологический подход, объединяющий возможности государства и общественной инициативы, рассматривается в данной статье как наиболее перспективная модель обеспечения информационной безопасности детей в современных условиях.

Базовым нормативным актом, регулирующим защиту несовершеннолетних от вредоносной информации, является Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3]. Закон вводит возрастную классификацию информационной продукции и устанавливает обязанности операторов по её маркировке. Однако практическая реализация этих норм сталкивается с серьезными ограничениями. Как справедливо замечает А. К. Полянина, «потенциал гражданского общества и пограничных с ним институтов не востребован системой обеспечения информационной безопасности детей в России в настоящее время», а пределы государственно-правового регулирования обусловлены «морфологическим несоответствием алгоритма государственного реагирования интеракциям в публичном информационном пространстве» [6, с. 63–64].

¹¹ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

В 2023 г. Правительством РФ была утверждена Концепция информационной безопасности детей, которая определила приоритетные задачи: повышение цифровой грамотности несовершеннолетних, защиту от внешнего деструктивного воздействия, совершенствование механизмов выявления и блокировки опасного контента, а также расширение возможностей услуги «Родительский контроль» [5]. Тем не менее, реализация концепции требует создания действенных каналов обратной связи и участия широких слоев населения.

Статья 21 Федерального закона № 436-ФЗ прямо закрепляет право граждан и общественных объединений осуществлять мониторинг оборота информационной продукции и доступа детей к информации, в том числе посредством создания «горячих линий» [3]. Именно это положение создает юридическую базу для интеграции общественного контроля в систему информационной безопасности.

В условиях нарастания цифровых угроз и обострения вопросов защиты детей от деструктивного информационного воздействия в российском обществе формируется запрос на более эффективные механизмы обеспечения безопасности. Как показывают теоретико-методологические исследования, именно интеграция общественного контроля с государственным регулированием способна восполнить ограниченность сугубо административно-запретительных мер. Проведённый автором опрос жителей Иркутской области и Республики Башкортостан позволил зафиксировать высокий уровень беспокойности: 89 % респондентов констатируют обострение проблем информационной безопасности детей. При этом 45 % опрошенных оценивают существующую систему блокировки запрещённой информации как неэффективную, а 58 % считают инструменты родительского контроля легко обходимыми либо малозффективными. Представленные данные подтверждают, что эффективная модель информационной безопасности несовершеннолетних должна выстраиваться на основе синергии государственных институтов, общественных инициатив и социальных технологий просвещения, обеспечивая комплексное противодействие современным вызовам цифровой среды (табл.).

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Насколько, по мнению респондента, оправдано повышенное внимание к этому вопросу информационной безопасности детей со стороны государства и общества?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
1	Да, считаю полностью оправданным	193	63,5
2	Да, считаю частично оправданным	76	25
3	Нет, считаю неоправданным	22	7,2
4	Затрудняюсь ответить	13	4,3
	Всего	304	100,0

Социально-технологический подход предполагает, что эффективная защита детей не может быть обеспечена исключительно административно-запретительными методами. Она требует формирования социальной среды, в которой сами граждане становятся активными субъектами мониторинга и противодействия угрозам. Исследователи подчеркивают, что «синергичность системы управления информационной безопасностью детей выступает условием ее эффективности и залогом достижения цели – создания социального продукта в виде состояния защищенности детей от вредной информации» [6, с. 65].

Одним из наиболее заметных проявлений такого подхода стало развитие в России кибердружин и медиапатрулей. В мае 2026 г. Председатель Правительства М. Мишустин утвердил комплексную программу профилактики негативных социальных явлений среди детей и молодежи, рассчитанную до 2030 г. и включающую 41 мероприятие. Среди них – активизация деятельности кибердружин, медиапатрулей с привлечением студентов, а также формирование единой базы методических рекомендаций и лучших практик [1]. Добровольцы из числа студентов «патрулируют» социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы в поиске материалов, направленных на вовлечение несовершеннолетних «в деятельность, угрожающую жизни и здоровью» [7].

Параллельно действуют специализированные «горячие линии», созданные при участии ведущих IT-компаний и общественных организаций. Так, в рамках проекта «Доменный патруль» координационный центр доменов .RU/.РФ совместно с «Лабораторией Касперского», F.A.C.C.T., Яндексом, VK, Ростелекомом и Роскомнадзором выстроил систему компетентных организаций, занимающихся «обнаружением и пресечением деятельности интернет-ресурсов с противоправным контентом, сбором и предоставлением информации о фишинговых инцидентах, несанкционированном доступе к информационным системам и распространении вредоносного ПО» [2].

Социально-технологический подход проявляется и в образовательных проектах. Например, интерактивный проект «Изучи интернет – управляй им!» в игровой форме обучает подростков основам цифровой гигиены и безопасного поведения в сети, что, по мнению организаторов, помогает «отвлечь подростков от “вредных” мыслей» и формирует осознанное отношение к потреблению информации [2].

Несмотря на создание институциональных механизмов, интеграция общественного контроля в российскую модель информационной безопасности сталкивается с рядом проблем. Во-первых, аналитики отмечают недостаточную технологическую оснащенность волонтерских инициатив. Эксперты указывают, что «без серьезных технологий, умных фильтров и модернизации алгоритмов площадок этот проект рискует остаться эффективным лишь на бумаге» [2]. Действительно, масштаб угроз требует автоматизированных решений, а не только ручного мониторинга.

Во-вторых, разрозненность усилий. Ведомства и общественные структуры действуют изолированно друг от друга, а полноценный механизм, который связывал бы госорганы и гражданских активистов через единую систему координации и обмена данными, до сих пор не создан [2].

Отдельного внимания заслуживают образовательные программы для родителей. Исследования показывают: погружаясь в цифровую среду, дети и подростки сталкиваются с массой угроз, однако взрослые часто не владеют навыками, чтобы эти риски снизить [2]. Инструменты родительского контроля совершенствуются, но из-за слабой информированности ими пользуются редко.

Чтобы социально-технологический подход заработал в полную силу, стоит сосредоточиться на нескольких направлениях:

1. Техническое перевооружение системы общественного контроля. Речь идет об алгоритмах на базе искусственного интеллекта, способных автоматически выявлять деструктивный контент, и о запуске общей платформы для приема и обработки сообщений от населения;
2. Законодательное оформление связи «кибердружины – правоохранительная система – Роскомнадзор». В данном случае важно закрепить оперативную передачу информации и понятную обратную связь;
3. Активизация просветительской работы с родителями. Упор необходим на практические навыки: настройку приборов родительского контроля и умение вовремя заметить опасность и предпринять необходимые меры;
4. Тиражирование в масштабах страны тех региональных практик, которые уже доказали свою эффективность.

Социально-технологическая модель информационной защиты детей, соединяющая государственное регулирование и гражданскую инициативу, – своевременный ответ на вызовы цифрового мира. Правовая база для такого партнерства в России сформирована в Концепции информационной безопасности детей и Федеральном законе № 436-ФЗ [3]. Опыт кибердружин, горячих линий и обучающих проектов подтверждает востребованность общественной активности и ее немалый потенциал. Однако, чтобы перевести эти инициативы на уровень подлинной системности и технологичности, необходимо преодолеть межведомственные барьеры, лучше оснастить волонтеров инструментально и особое внимание уделить просвещению родителей. Только сопряжение государственных структур и широкой общественности способно выстроить безопасную цифровую среду для новых поколений.

Литература

1. В России создадут «медиапатрули» и кибердружины для защиты детей от деструктивного контента // Overclockers.ru. URL: https://overclockers.ru/blog/Global_Chronicles/show/255025/V-Rossii-sozhdadut-mediapatruli-i-kiBERdruzhiny-dlya-zaschity-detej-ot-destruktivnogo-kontenta (дата обращения: 09.05.2026).
2. Кибердружины и медиапатрули защитят детей от негатива в интернете // Парламентская газета. 2026. URL: <https://www.pnp.ru/social/kiBERdruzhiny-i-mediapatruli-zashchityat-detej-ot-negativa-v-internete.html> (дата обращения: 09.05.2026).
3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ст. 21) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12181695/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения: 09.05.2026).
4. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 19. Ст. 3401.
5. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию : постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 1019 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389911/ (дата обращения: 09.05.2026).
6. Полянина А. К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 63–66.
7. Торохова Е. А., Мухаметшина Г. Р. Система информационной безопасности и цифровой грамотности в России и регионах: истоки, состояние, перспективы. URL: <https://zenodo.org/records/17341162> (дата обращения: 09.05.2026).
8. Pooling different economic sectors to protect children online // Координационный центр доменов .RU/.PF. 2024. URL: <https://ccitld.ru/en/media/news/kc/37139/> (дата обращения: 09.05.2026).

УДК 316.334

Д. Д. Жаргалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ СДЕРЖИВАНИЯ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА С ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ¹²

Рассматриваются факторы миграционного оттока населения с территории Дальнего Востока России на примере Забайкальского края, Чукотского автономного округа и Республики Саха (Якутия). Анализируются социально-экономические факторы миграции, а также основные меры государственной политики, направленные на закрепление населения в регионах. Обосновывается необходимость комплексного развития социальной инфраструктуры и повышения качества жизни как ключевых условий снижения миграционного оттока.

Ключевые слова: миграция населения, Дальний Восток, миграционный отток, региональное развитие.

D. D. Jargalova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE MAIN STRATEGIES FOR CURBING MIGRATION OUTFLOW FROM THE FAR EAST: AN EXPERT ANALYSIS

The article examines the factors of migration outflow of the population from the territory of the Russian Far East using the example of the Trans-Baikal Territory, the Chukotka Autonomous Okrug and the Republic of Sakha (Yakutia). The author analyzes the socio-economic factors of migration, as well as the main state policy measures aimed at consolidating the population in the regions. The necessity of comprehensive development of social infrastructure and improvement of the quality of life as key conditions for reducing migration outflow is substantiated.

Keywords: population migration, the Far East, migration outflow, regional development.

Проблема миграционного оттока населения с территории Дальнего Востока на протяжении последних десятилетий остаётся одной из наиболее острых для российской региональной политики. Несмотря на значительные государственные вложения, запуск федеральных программ развития и постоянное декларирование стратегической значимости федераль-

¹² Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

ного округа, численность населения продолжает сокращаться. Особенно заметно это проявляется в регионах с экстремальными климатическими условиями, высокой стоимостью жизни и ограниченной инфраструктурной обеспеченностью – в Забайкальском крае, Чукотском автономном округе и Республике Саха (Якутия).

Согласно данным Росстата, с 2018 г. Дальний Восток начал терять значительную часть населения [4]. При этом миграционная убыль в ряде субъектов сохраняется даже в периоды экономической стабилизации.

По результатам социологического опроса респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проведенного в самом крупном центре высокотехнологичной обрабатывающей промышленности Дальнего Востока – Комсомольске-на-Амуре, 47,8 % опрошенных выехали из города. В качестве причины, ведущей к отъезду, отсутствие возможности для самореализации отмечено 49 %, в том числе: личностной – 30,6 %; учебно-профессиональные – 10,2 %; профессиональные – 8,2 %. Кроме того, при отсутствии возможностей для реализации интересной и насыщенной жизни для Азии указано 8,2 %. Значимость материальных факторов сегодняшнего дня оценивалась ниже, чем возможности развития: низкий уровень жизни в качестве основной причины отметили только 12,3 % случаев выезжающих, суровые климатические условия – 8,2 % [2]. Возникает парадоксальная ситуация: территория обладает колоссальными природными ресурсами и геополитическим значением, однако для значительной части населения она остаётся пространством временного пребывания, а не устойчивой жизненной стратегией. В социологическом смысле речь идёт не только об экономической проблеме, но и о снижении доверия к перспективам региона и ослаблении социальных связей.

Современные исследования миграции всё чаще показывают, что решение проблемы невозможно исключительно через экономические меры. Ещё П. Бурдьё отмечал, что социальное пространство формируется не только материальными условиями, но и системой символических ожиданий [1]. Для Дальнего Востока необходимо учитывать не только уровень заработной платы, но и качество городской среды, доступность медицины, образования и транспорта – поэтому стратегии сдерживания миграционного оттока включают в себя целый комплекс экономических, социальных и инфраструктурных факторов.

В качестве территорий анализа выбраны Забайкальский край, Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия). Эти регионы входят в дальневосточную повестку, но находятся в разных начальных условиях. Забайкальский край ближе к модели приграничного и ресурсного региона с выраженными социально-экономическими ограничениями. Чукотка представляет экстремальный северный случай, где на миграционное поведение сильно влияют климат, транспортная изолированность и высокая цена постоянного проживания. Якутия отличается более крупным масштабом, сырьевой базой, этнокультурной спецификой и внутренней концентрацией населения вокруг Якутска. Поэтому единая стратегия для всех трех территорий была бы нецелесообразна в виду того, что меры должны различаться по региональному типу.

Федеральная политика задает для дальневосточных регионов два направления. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. фиксирует необходимость регулировать миграционные процессы с учетом интересов социально-экономического развития, безопасности, демографической ситуации и сохранения человеческого капитала [3]. Для темы Дальнего Востока это достаточно важно, так как речь идет не только о привлечении внешних мигрантов, но и о снижении внутреннего оттока собственных жителей.

Второе направление связано с особой государственной политикой в отношении Дальнего Востока. Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 г. и государственная программа развития ДФО исходят из того, что территория нуждается в ускоренном развитии инфраструктуры, формировании рабочих мест, повышении качества жизни и закреплении населения [5; 6]. По сути, на федеральном уровне признано, что демографическая устойчивость региона невозможна без связки экономики, социальной сферы и пространственной доступности. Ввиду этого меры сдерживания миграционного оттока должны оцениваться не по количеству объявленных программ, а по тому, меняют ли они повседневные условия жизни.

Говоря также о значении исследований ВЦИОМ и ФОМ для данной темы, важно учитывать, что миграция определяется объективными условиями и ожиданиями людей. По данным ВЦИОМ, территориальная мобильность особенно выражена среди молодежи. Среди респондентов 18–24 лет 47 % допускали переезд ради работы, среди группы 25–34 лет этот показатель составил 42 %. В целом 43 % опрошенных рассматривали возможность переезда в другой регион при наличии более выгодного предложения. В числе основных барьеров назывались жилье, уровень заработной платы и нежелание семьи менять место жительства. ФОМ также фиксирует заметный потенциал внутренней мобильности. 37 % опрошенных хотели бы переехать, 20 % рассматривали переезд в другой регион России, а среди молодежи этот показатель достигал 38 %. При этом 76 % респондентов считали, что государство в принципе может уменьшить неравенство возможностей между регионами [8; 9]. Эти данные показывают, что для молодых людей регион должен быть пространством жизненного проекта. В него входят образование, первая работа, жилье, досуг, медицина и возможность создать семью. Если эти элементы не складываются, переезд становится вполне рациональной стратегией.

Забайкальский край демонстрирует наиболее выраженный миграционный отток среди трех выбранных регионов. По итогам 2023 г. миграционная убыль составила 4 902 чел., за январь–ноябрь 2024 г. регион потерял еще 2029 чел. При численности населения около 984,4 тыс. чел. это указывает на устойчивую отрицательную динамику. Экономическая база также выглядит слабее, чем у Чукотки и Якутии ввиду хотя бы того, что средняя заработная плата в 2024 г. составляла 84 989 руб., а стоимость 1 кв. м жилья в IV квартале 2024 г. достигала 153 798 руб., и соотношение зарплаты к стоимости 1 кв. м составляло 0,55 и это худший показатель среди выбранных регионов. Отток из Забайкалья имеет выраженный межрегиональный характер. Среди направленных выбытия фиксируются Бурятия, Иркутская область, Красноярский край, Новосибирская область, Краснодарский край, Московская область и Москва, Хабаровский и Приморский края и вместе с ними Санкт-Петербург, что показывает, что регион конкурирует за население сразу с соседними субъектами и крупными центрами притяжения. При такой структуре оттока важны не отдельные выплаты, а сама конфигурация возможностей. Если рынок труда узкий, жилье дорогое относительно доходов, а социальная инфраструктура воспринимается как слабая, переезд становится рациональным способом расширить жизненные перспективы.

Можно отметить и то, что меры по обеспечению жильем детей-сирот не дали нужного сокращения очереди, а по оплате труда медицинских работников фиксировались недостижение целевых значений и снижение фактических уровней оплаты отдельных категорий. Также указывалась дополнительная потребность свыше 300 млн руб. на дооснащение медицинских организаций и укрепление первичного звена [10]. Эти данные предоставлены контрольно-счетными органами регионов и важны, потому что жилье, медицина и качество районной инфраструктуры формируют повседневную оценку региона как места для долгосрочной жизни.

Чукотский автономный округ отличается малой численностью населения и высокой чувствительностью к миграционным колебаниям. В 2023 г. миграционный баланс был положительным и составил 151 чел., но в 2024 г. округ снова ушел в минус на 242 чел. За 2024 г. прибыло 4 174 чел., выбыло 4416 чел. Для территории с населением около 48 тыс. чел. такие показатели имеют довольно заметный вес. Даже небольшая абсолютная убыль быстро отражается на рынке труда, социальной инфраструктуре и устойчивости отдельных поселений. Высокая заработная плата на Чукотке не снимает миграционную проблему. За январь–ноябрь 2024 г. средняя зарплата составляла 177 939 руб. Однако стоимость 1 кв. м жилья в 4 квартале 2024 г. достигала 233 799 руб., а соотношение зарплаты к стоимости 1 кв. м составляло 0,76 [7]. Кроме того, средние значения не отражают всей тяжести северной модели проживания. На решение о постоянном проживании влияют дорогая доставка товаров, зависимость от авиационной и морской логистики, ограниченность рынка услуг, климат, узкий выбор рабочих мест для членов семьи и малое число населенных пунктов с полноценной социальной инфраструктурой.

По материалам аудита подпрограммы жилищного строительства, было расторгнуто 37 государственных контрактов на приобретение 67 квартир, а плановый ввод 2 982 кв. м жилья не был достигнут из-за неисполнения работ подрядчиками и несоответствия ценовых параметров рынку [11]. Эти данные показывают, почему высокая зарплата не превращается автоматически в демографическую устойчивость и что временная занятость и постоянное проживание имеют слишком разную логику.

Республика Саха Якутия отличается сравнительно более устойчивой миграционной ситуацией. По итогам 2023 г. миграционный прирост составил 2 368 чел., в позапрошлом году он сохранился, но снизился до 753 чел. При численности населения 1 007 056 чел. это не выглядит как кризисный отток, однако с тем динамике показывает сокращение миграционного запаса устойчивости. Экономические показатели республики также остаются сравнительно сильными. Средняя заработная плата в 2024 г. составляла 125 207,9 руб., стоимость 1 кв. м жилья в IV квартале 2024 г. достигала 148 799 руб., а соотношение зарплаты к стоимости 1 кв. м составляло 0,84 [7].

При этом миграционная проблема Якутии проявляется не столько через общий отток, сколько через внутреннюю концентрацию населения вокруг Якутска и отдельных промышленных центров. Для северных и сельских территорий это создает риск ослабления социальной инфраструктуры, сокращения кадровой базы и постепенного сжатия сети расселения [15]. В такой ситуации особенно важна связь образования, рынка труда и территориального развития. Материалы Счетной палаты Республики Саха Якутия позволяют рассматривать миграционную устойчивость через качество исполнения государственных программ, прежде всего в сфере жилья, социальной инфраструктуры и развития арктических территорий [12]. Для Якутии это принципиально, потому что высокий ресурсный потенциал сам по себе не решает проблему территориального неравенства. В удаленных районах устойчивость населения зависит от доступности жилья, медицины, образования, транспортной связности и рабочих мест, а не только от общих экономических показателей республики.

Сравнение Забайкальского края, Чукотского автономного округа и Республики Саха Якутия показывает три разных типа миграционной ситуации. Забайкальский край имеет наиболее выраженный отрицательный баланс. В 2023 г. миграционная убыль составила 4902 чел., за январь–ноябрь 2024 г. еще 2029 чел. Чукотка показывает меньшие абсолютные потери, но для территории с населением около 48 тыс. чел. убыль 242 чел. в 2024 г. имеет заметное значение. Якутия сохраняет положительное сальдо, однако его снижение с 2368 чел. в 2023 г. до 753 чел. в 2024 г. показывает ослабление миграционной устойчивости [7].

Различается и соотношение доходов и стоимости жилья. В Забайкальском крае средняя зарплата составляла 84 989 руб., стоимость 1 кв. м жилья 153 798 руб., а соотношение зарплаты к стоимости 1 кв. м равнялось 0,55. На Чукотке зарплата была выше и составляла 177 939 руб., но стоимость 1 кв. м жилья достигала 233 799 руб., поэтому соотношение составило 0,76. В Якутии средняя зарплата равнялась 125 207,9 руб., стоимость 1 кв. м жилья 148 799 руб., а соотношение составило 0,84 [7]. Эти данные показывают, что высокая зарплата сама по себе не гарантирует миграционную устойчивость. Значение имеет то, насколько доход позволяет решать жилищный вопрос и поддерживать приемлемое качество повседневной жизни. Миграционный отток в трех регионах имеет разные основания. Для Забайкалья важны ограниченность социально-экономических перспектив и конкуренция с соседними и центральными регионами. Для Чукотки основными ограничениями становятся высокая стоимость постоянного проживания, дорогая логистика и слабая доступность жилья. Для Якутии проблема выражена мягче, но связана с внутренней концентрацией населения, снижением миграционного прироста и риском ослабления северных и сельских территорий. Общая логика их состоит в том, что решение о переезде складывается из оценки доходов, жилья, работы, медицины, образования, транспорта и будущих возможностей для семьи.

В этой связи особое значение имеет оценка реального эффекта региональных программ. Контрольно-счетные органы должны рассматривать не только законность расходов,

но и связь бюджетных мер с качеством жизни населения. Для миграционной политики важны не только освоённые средства, а практический результат. К которому и относятся закрепление специалистов, доступность жилья, устойчивость медицинской и образовательной инфраструктуры, снижение оттока и рост доверия жителей к региональной политике.

Таким образом, миграционный отток с Дальнего Востока связан с разными причинами в каждом из выбранных регионов. В Забайкальском крае сильнее проявляется дефицит устойчивых перспектив, в Чукотском автономном округе высокая стоимость постоянного проживания и жилищно-транспортные ограничения, в Якутии риск снижения миграционной устойчивости и усиления разрыва между центром и северными территориями. Поэтому удержание населения возможно через повышение качества жизни и предсказуемости будущего. В противном случае даже масштабные государственные инвестиции будут сталкиваться с продолжающимся вымыванием человеческого капитала. Эффективность такой политики следует оценивать не по количеству объявленных мер, а по тому, становится ли жизнь в регионе долгосрочно разумной для человека и его семьи.

Проблема Дальнего Востока сегодня – это не только вопрос экономики или демографии. В значительной степени это вопрос доверия людей к будущему территории.

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007. С. 64–86.
2. Колосова Я. Ю. Факторы революции (на материалах г. Комсомольска-на-Амуре) // Амурский научный вестник. 2018. № 4. С. 18–22.
3. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Президент России: официальный сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 14.05.2026).
4. Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 14.05.2026).
5. Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р // Правительство России. URL: <https://government.ru/docs/40521/> (дата обращения: 14.05.2026).
6. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система: официальные статистические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
8. Дальневосточный гектар: ожидания и перспективы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://vciom.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
9. Миграционные настроения россиян и готовность к переезду // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
10. Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Забайкальского края за 2024 год // Контрольно-счетная палата Забайкальского края. URL: <https://kspzk.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
11. Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Чукотского автономного округа за 2024 год // Контрольно-счетная палата Чукотского автономного округа. URL: <https://kspho.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
12. Отчет о деятельности Счетной палаты Республики Саха (Якутия) за 2024 год // Счетная палата Республики Саха (Якутия). URL: <https://spykt.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).
13. Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края // Правительство Забайкальского края. URL: <https://правительство.зabaykalskiykray.rf/> (дата обращения: 14.05.2026).
14. Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа // Правительство Чукотского автономного округа. URL: <https://чукотка.rf/> (дата обращения: 14.05.2026).
15. Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2026).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Анализируются проблемы разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере электроэнергетики. Выявлены системные противоречия в нормативно-правовом регулировании, включая дублирование функций, несогласованность тарифной и инвестиционной политики. На основе анализа федерального и регионального законодательства предложены пути совершенствования: корректировка федеральных норм, создание координационных механизмов и оптимизация регионального регулирования.

Ключевые слова: разграничение полномочий, электроэнергетика, федеральные органы власти, региональные органы власти.

E. A. Zaitseva

Irkutsk State University, Irkutsk

DELIMITATION OF POWERS BETWEEN FEDERAL AND REGIONAL AUTHORITIES IN THE ELECTRIC POWER INDUSTRY: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE

The article analyzes the problems of delineation of powers between federal and regional authorities in the field of electric power industry. Systemic contradictions in regulatory and legal regulation have been identified, including duplication of functions and inconsistency in tariff and investment policies. Based on the analysis of federal and regional legislation, the article proposes ways to improve the situation, including adjustments to federal regulations, the creation of coordination mechanisms, and the optimization of regional regulation.

Keywords: delineation of powers, electric power industry, federal authorities, regional authorities.

Важность исследования заключается в согласовании федерального и регионального руководства в производстве электроэнергии из-за последних изменений в законодательной базе. Поправки к Федеральному закону «Об электроэнергетике» подчеркивают актуальность в уточнении компетенций различных уровней власти. Беря в учет возрастающую зависимость регионов от энергетической устойчивости, это кардинально необходимо для обеспечения энергетической безопасности всей страны [2, с. 41–42]. Гармонизация в регулировании поспособствовала бы минимизации риска дефицита и повышению эффективности сектора.

Главная проблема состоит в периодических противоречиях между федеральным центром и субъектами Федерации, которые основываются на дублировании ключевых функций. Регулирование тарифов и инвестиционная поддержка в секторе выходят в параллельные вопросы и приводят к задержкам в осуществлении проектов и повышению числа правовых споров [4, с. 26–27]. Отсутствие согласованности норм только усугубляет перекос в развитии региональных электросетей и вполне может ставить под угрозу их устойчивость. Эти разногласия требуют анализа с разных сторон для разработки предложений по их преодолению.

Принципы федерализма в Конституции находятся в основе разделения властей между федеральным центром и субъектами в секторе электроэнергетики. Статья 71 Конституции Российской Федерации указывает на то, что создание основ федеральной политики и программ находится исключительно в юрисдикции Российской Федерации. А вот ст. 73 уже предоставляет регионам полную власть в секторах, которые не входят в юрисдикцию Федерации. В целом этот принцип двойственного федерализма ставит рамки распределения компетенций в стратегически важных секторах, куда относится отрасль электроэнергетики.

Сектор электроэнергетики был внесен в совместную юрисдикцию как Российской Федерации, так и в федеральных регионов согласно ст. 72 п. «и» Конституции РФ. Это значит, что отрасль может регулироваться как законами федерации, так и нормативными актами регионов. Но из-за того, что нет конкретного разделения ответственности в рамках совместной реализации, это приводит к правовым спорам. Тут уже возникает вопрос о необходимо-

сти детального регулирования взаимодействия уровней юрисдикции в отраслевом законодательстве [7].

Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетическом секторе», принятый 26 марта 2003 г., – основополагающий нормативный документ, который регулирует взаимоотношения в этой отрасли. Он устанавливает разделение компетенций между различными уровнями власти и определяет исключительную юрисдикцию федеральных органов. Также закон устанавливает обязанности Правительства Российской Федерации и соответствующих правоохранительных органов в сфере государственного контроля за разработкой тарифов, технического надзора и правил сектора. Также согласование планов и программ развития электроэнергетической сферы, установление порядка проведения государственного контроля и надзора входит в обязанности федеральных органов [5, с. 118–119].

Федеральное законодательство концентрирует особое внимание на управлении деятельностью естественных монополий и координации системообразующими субъектами в электроэнергетическом секторе. Федеральная антимонопольная служба производит надзор за деятельностью естественных монополий, исполняя Федеральный закон «О естественных монополиях». «К компетенции федерального центра отнесено управление объектами, имеющими стратегическое значение для функционирования единой энергетической системы России». Следовательно, утверждение инвестиционных программ, контроль за реализацией этих программ и установление конкретных условий присоединения к сетям тоже относится к компетенциям федерального центра.

Регионы имеют значительную степень полномочий в развитии региональных энергетических систем, эти полномочия также закреплены в федеральном законодательстве. Администрации регионов имеют право создавать и реализовывать программы модернизации энергетического оснащения, которая включает в себя и поддержку объектов возобновляемой энергетики [8]. Особое внимание уделяется формированию условий, которые бы привлекали инвестиции в локальные проекты электроэнергетики, что способствует поднятию энергетической безопасности субъектов. Однако изучение нормативных актов регионов показывает нам различия в подходах к принимаемым критериям классификации объектов возобновляемой энергетики.

Определение тарифов на электроэнергию для социально значимых групп потребителей – один из ключевых сторон регионального регулирования. В рамках переданных им полномочий регионы проектируют целевые механизмы поддержки населения и предприятий промышленности [6, с. 69–70]. Тарифные решения регионов учитывают особенности локальных энергетических рынков, свойства топливного баланса и климатические условия. Такая практика может приводить к расхождению с федеральными ценовыми стандартами.

Изучение нормативно-правовой базы показало нам принципиальные несоответствия в регулировании деятельности инвестиционной и расположении энергетических объектов. Федеральное законодательство устанавливает общие принципы подключения дополнительных денег в электроэнергетику, а законодательство регионов с свою очередь часто возлагает на инвесторов дополнительными обязательствами. Из-за такой возможной ситуации могут происходить правовые неопределенности, к примеру в реализации важных энергетических проектов особенно в регионах с необычными географическими или климатическими условиями. Такие разногласия препятствуют созданию единой инвестиционной среды в отрасли.

В ходе исследований была выявлена проблема дублирования обязанностей в техническом регулировании и стандартизации энергетического оборудования. Федеральные стандарты обозначают ключевые требования к безопасности и стабильности энергетического оборудования, а региональные власти порой создают собственные стандарты без должной координации с федеральными органами. Зачастую данная практика возлагает чрезмерное административное давление на корпорации и увеличению затрат на приспособление к двойным стандартам. Ликвидация этих конфликтов требует конкретного компетенций между различными уровнями власти [3, с. 5–7].

Организационные причины дублирования полномочий заключаются в не достаточной четкости разделений компетенции законодательными актами. Нормативно-правовые акты, которые дают возможность параллельного существования основных функций при лицензировании энергетических установок на федеральных и региональных уровнях. Это приводит к избыточным управленческим процедурам в частности из-за регулирования одинаковыми процессами на разных уровнях власти. Отсутствие единых методологических подходов еще больше усугубляет ситуацию и приводит к межведомственным конфликтам.

Конкретный пример дублирования можно увидеть в пересечении обязанностей при утверждении инвестиционных программ в энергетическом секторе. Региональные энергетические комиссии часто повторно рассматривают проекты, которые ранее были одобрены федеральным регулятором. Аналогичная ситуация существует и в области технических стандартов, где требования региональных нормативных актов часто совпадают с федеральными стандартами. Подобные коллизии особенно характерны для вопросов эксплуатации объектов распределительной сети и подключения потребителей.

Последствия дублирования функций выражаются в росте административных издержек и снижении оперативности управленческих решений. Предприятия отрасли несут дополнительные расходы на согласование документов в инстанциях. Задержки в утверждении ключевых проектов замедляют модернизацию энергетической инфраструктуры. Накладывание контрольных полномочий разных уровней власти создаёт правовую неопределённость, снижая инвестиционную привлекательность сектора [4, с. 28–29].

Ключевой проблемой в тарифном регулировании электроэнергетики выступает несоответствие федеральных методик расчета региональным особенностям себестоимости генерации. Унифицированные подходы, закрепленные в Постановлении Правительства № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», не учитывают дифференциацию затрат на производство энергии в различных субъектах РФ. Особенно остро это проявляется в регионах с высокой долей изолированных энергосистем и сложными климатическими условиями, где объективные расходы на генерацию существенно превышают среднероссийские показатели [6, с. 71–72]. Данное противоречие создает системные перекосы в экономике региональных энергорынков.

Не менее значимой проблемой является рассогласованность инвестиционных программ сетевых организаций и планов развития региональной генерации. Федеральные сетевые компании формируют долгосрочные программы модернизации инфраструктуры без должной увязки с территориальными схемами электроэнергетики. Как следствие, возникают ситуации, когда ввод новых генерирующих мощностей не сопровождается своевременным развитием сетевого комплекса. Например, в программах развития ЕНЭС на 2024–2028 гг. отсутствует синхронизация с планами строительства объектов ВИЭ в южных регионах, что потенциально может привести к ограничениям пропускной способности [8].

Экономические последствия указанных несогласованностей проявляются в хроническом дисбалансе финансирования инфраструктурных проектов. Региональные бюджеты несут повышенную нагрузку из-за необходимости компенсировать неучтенные федеральными методиками затраты генерации, тогда как инвестиционные программы сетевых компаний испытывают дефицит ресурсов для интеграции новых объектов. Это приводит к фрагментарности модернизационных процессов и снижению надежности энергоснабжения. Накопленные дисбалансы требуют системного пересмотра механизмов координации инвестиционной деятельности на межведомственном уровне.

Отсутствие ясности в разделении обязанностей между федеральными и региональными властями создает значительные препятствия для модернизации энергетических объектов. Отсутствие четкого разграничения обязанностей приводит к задержкам в утверждении и координации инвестиционных программ. Это особенно заметно при реализации проектов по модернизации устаревшего оборудования на малых электростанциях в отдаленных регионах [1]. Это еще больше способствует отставанию региональных энергетических систем от общероссийских стандартов надежности в технологическом отношении.

Несо согласованность решений относительно развития структуры энергосистемы повышает риск снижения надежности энергоснабжения потребителей. Отсутствие единой методологии планирования на федеральном и региональном уровнях приводит к дисбалансу в распределении генерирующих и передающих мощностей внутри энергосистем. Это особенно критично для внедрения возобновляемых источников энергии, которая требует координации с централизованными системами. Такие конфликты мешают быстрому разрешению различных ЧС и повышают вероятность отключения электроэнергии [3, с. 10–12].

Анализ законодательства выявил пробелы в законе, разграничивающий полномочия между региональными и федеральными органами власти. Необходимость регулярного обновления федеральных нормативных документов обусловлена потребностью в устранении правовой туманности. Это даст возможность создать единую правовую основу для сложного регулирования электроэнергетического сектора на всех уровнях. Так же есть необходимость исправить несоответствия в области управления тарифами и утверждения инвестиционных программ. Современная редакция федерального закона № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» не содержит обстоятельных положений о распределении компетенции в этих сферах. Поправками же к 5 статье закона установлены четкие определения полномочий регионов по образованию тарифов на предоставление электропередачи. Есть необходимость в уточнении регламента согласования региональных проектов инвестиций с национальными стратегическими документами.

Разумно сделать так, чтобы в законодательстве была закреплена исключительная ответственность федеральных органов за комплексное развитие электроэнергетического обеспечения. В их полномочия должно входить: проектирование единой технической политики, согласование планов размещения производственных объектов государственного значения, а также регулирование потоков электроэнергии между субъектами РФ. Такой подход поможет предотвратить несбалансированность в развитии энергетических систем и реализовать соблюдение условий энергетической безопасности на национальном уровне [2, с. 44–45]

Более действенным способом координации может также стать создание действующих на постоянной основе органов консультации с привлечением представителей и федеральных и региональных властей. Такие учреждения содействовали планомерному диалогу по стратегическому развитию электроэнергетической отрасли и быстрому решению проблем, возникающих как на региональном, так и на федеральном уровнях. В деятельность таких учреждений можно было бы включить разработку скоординированных позиций по основным направлениям политики в сфере энергетического сектора, включая регулирование тарифов и проекты инфраструктуры. Есть вероятность, что такие действия помогут исключить риски повторения полномочий и сделать так, чтобы согласованных управленческих решений было больше [7].

Снизить риски управленческих препятствий, которые мешают реализации совместных проектов и утверждению нормативных документов, помогло бы создание, например, такой единой системы, которая обеспечивала бы обмен информацией между федеральными и региональными уровнями власти. Чем бы она помогла? Скорее всего обеспечила бы ясность в процессах вынесения решения. Также эта система помогла бы в сборе и анализе данных о том, что в действительности происходит в системах энергетики регионов. Идея такой системы достаточно проста, но в реализации могут быть трудности, как финансовые, так и трудности в доступности подобной системы для некоторых регионов.

Что касается нормативных актов, которые затрагиваются в статье, т. е. смысл в создании неких образцовых нормативных актов. Они послужили бы для планирования совместных программ, которые послужили бы развитию энергетической инфраструктуры. В представлении есть идея о том, чтобы в подобном регламенте было прописано, как будут решаться возникающие споры. Оценка эффективности в целом взаимодействия между уровнями власти также важна. И поэтому в регламент можно внести критерии, по которым это можно будет оценить. Чем это важно? На наш взгляд, это поможет в поиске равновесия между соблюдением единых профильных нормативов и учетом различных особенностей регионов.

Выше отмечено об особенностях регионов. Субъекты подвержены различным условиям таким как суровый климат, структура энергопотребления и возможности оснащения. Размышляя над этим, хочется задать вопрос: Насколько федеральные стандарты учитывают особенности субъектов? Это, конечно, достаточно сложно угодить всем. Но почему бы не создать такие механизмы, которые бы определяли приспособление федеральных стандартов к особым характеристикам регионов. Этот вопрос требует отдельного и более детального анализа с рассмотрением хотя бы пары подобных регионов с подобными особенностями.

Литература

1. Борисова Е. А. Современные проблемы энергетики и пути их решения // II Всероссийская научно-практическая конференция студентов и школьников «Экология и безопасность жизнедеятельности». Прокопьевск : КузГТУ, 2024. С. 304.
2. Борталевич С. И. Пути обеспечения устойчивого энергетического развития региональных экономических систем в рамках управления энергетической безопасностью региона // Проблемы рыночной экономики. 2015. № 1. С. 41–46.
3. Веселов Ф. В. Система управления развитием электроэнергетики в рыночных условиях и опыт ее реализации // Открытый семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса». М., 2008. С. 3–24.
4. Гринь А. А., Гринь А. И., Скороходова И. Г. Направления и механизмы совершенствования управления и регулирования в электроэнергетике // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2017. № 1 (58). С. 26–31.
5. Дускабилова З. Т. Электроэнергетика России: проблемы и стратегические направления развития отрасли // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 9. С. 116–128.
6. Жилкина Ю. В. Тарифная политика в электроэнергетике в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 3 (58). С. 69–74.
7. Сурнина Н. М., Шишкина Е. А., Дьячков А. Г. Формирование развивающей электроэнергетической инфраструктуры региона на основе интеграции целей стратегического и инвестиционного планирования // *π-Economy*. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-razvivayuschey-elektroenergeticheskoy-infrastruktury-regiona-na-osnove-integratsii-tseley-strategicheskogo-i-investitsionnogo-planirovaniya> (дата обращения: 19.05.2026).
8. Шигина А. В., Хоршев А. А. Изменение структуры технологий в энергетике России под воздействием углеродного регулирования // Известия вузов. Проблемы энергетики. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-struktury-tehnologiy-v-energetike-rossii-pod-vozdeystviem-uglerodnogo-regulirovaniya> (дата обращения: 19.05.2026).

УДК 327:001.8

И. Ю. Зырянов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЕГИПТА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

Отмечается, что современный мир сталкивается с трансграничными угрозами, требующими консолидации усилий международного сообщества. В этих условиях возрастает роль негосударственных аналитических центров, способных предлагать эффективные решения глобальных проблем. Анализируется деятельность ведущих экспертных институтов России и Египта в контексте противодействия современным вызовам. Рассматриваются формы их взаимодействия и вклад в обеспечение международной безопасности. Особое внимание уделяется развитию интеллектуального партнерства двух стран. Показано значение экспертной дипломатии как инструмента «мягкой силы».

Ключевые слова: Россия, Египет, экспертные институты, глобальные угрозы, международная безопасность.

I. Yu. Zyryanov

Baikal State University, Irkutsk

THE ROLE OF EXPERT INSTITUTIONS IN RUSSIA AND EGYPT IN THE CONTEXT OF COUNTERING MODERN GLOBAL THREATS

The modern world faces transboundary threats requiring the consolidation of international efforts. In this context, the role of non-state analytical centers is increasing as they offer effective solutions to global challenges. The article analyzes the activities of leading expert institutions in Russia and Egypt in countering contemporary threats. It examines their cooperation mechanisms and contribution to international security. Special attention is paid to the development of intellectual partnership between the two states. The significance of expert diplomacy as a tool of “soft power” is demonstrated.

Keywords: Russia, Egypt, international security, global threats, international security, expert institutions.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современная система международных отношений представляет собой хаотичное поле взаимодействия различных акторов. В этих условиях ключевую роль играют проблемы, связанные с международным терроризмом, миграционными кризисами и дефицитом ресурсов. Решение данных задач требует разработки нового комплексного подхода, в связи с чем возрастает значимость экспертных сообществ, способных научным путем предотвратить риски и эффективно решить существующие проблемы. Особую значимость в данном контексте приобретает российско-египетское сотрудничество, развивающееся на стыке европейского, ближневосточного и африканского регионов. Геополитическое положение Египта и его роль в арабском мире, в сочетании с внешнеполитическими приоритетами России, ориентированными на укрепление позиций в странах Глобального Юга, создают предпосылки для формирования устойчивого экспертного диалога. Вместе с тем, несмотря на активизацию двусторонних контактов, остаётся недостаточно исследованным вопрос о реальном вкладе экспертных институтов в процессы противодействия современным глобальным угрозам и их влиянии на формирование международной повестки.

Проблематика исследования заключается в выявлении механизмов и форм участия экспертных институтов России и Египта в обеспечении международной безопасности, а также в оценке эффективности их взаимодействия в условиях усложняющейся мировой политической среды. В этой связи представляется необходимым рассмотреть не только институциональные особенности функционирования данных структур, но и их роль в формировании новых моделей экспертной дипломатии, способных компенсировать ограничения традиционных дипломатических инструментов.

Дипломатические отношения между Арабской Республикой Египет и Российской Федерацией были установлены в 1943 г. За прошедшие десятилетия двустороннее взаимодействие прошло сложный путь, включающий как периоды интенсивного сотрудничества, так и этапы определённого охлаждения, обусловленные трансформацией международной системы и внутренними политическими изменениями в обеих странах. Российско-египетские отношения в последние годы заметно активизировались, что привело к расширению сотрудничества сразу по нескольким направлениям. Речь идёт не только об экономике и энергетике, но и о научно-образовательной сфере, гуманитарных инициативах и совместных инфраструктурных проектах. Сегодня взаимодействие Москвы и Каира уже трудно рассматривать исключительно как формальное партнёрство: оно приобретает более устойчивый и долгосрочный характер. Это подтверждается и статистическими данными. Так, в 2025 г. объём двустороннего товарооборота составил 10,5 млрд долларов, что примерно на 13 % выше показателей предыдущего года. Одновременно продолжается реализация крупных энергетических проектов, прежде всего строительство АЭС «Эль-Дабаа», которое рассматривается как один из ключевых элементов российско-египетского сотрудничества в технологической сфере. Помимо этого, Египет по-прежнему остаётся одним из наиболее популярных направлений среди российских туристов. По имеющимся данным, турпоток из России достиг около 2 млн чел. [1]. Развитие российско-египетского сотрудничества в последние годы всё более заметно проявляется не только в расширении торгово-экономических связей, но и в укреплении инфраструктурного и промышленного взаимодействия. Существенное значение в данном процессе имеет совершенствование логистических механизмов: расширяется сеть транспортных маршрутов, обсуждаются перспективы промышленной кооперации, продолжается реализация проектов в рамках российской промышленной зоны в Египте. Проект Российской промышленной зоны рассматривается как один из крупнейших совместных экономических проектов двух стран и как инструмент расширения российского присутствия на рынках Ближнего Востока и Африки. Подобные инициативы свидетельствуют о стремлении сторон выстраивать долгосрочную модель взаимодействия, ориентированную не только на текущие экономические задачи, но и на формирование устойчивых механизмов регионального партнёрства. Вместе с тем российско-египетские отношения не сводятся исключительно к экономической повестке. В последние годы заметно активизировалось сотрудничество в экспертно-

аналитической и научной сферах, прежде всего в контексте обсуждения вопросов международной безопасности и региональной стабильности. Экспертные контакты между российскими и египетскими аналитическими структурами всё чаще затрагивают проблемы трансграничной безопасности, региональных конфликтов и устойчивого развития Северной Африки и Ближнего Востока. Рост интереса к подобным форматам взаимодействия во многом обусловлен изменением международной обстановки, требующей более оперативного обмена аналитическими оценками и выработки согласованных подходов к региональным кризисам.

Особое место в данном процессе занимает взаимодействие Российского совета по международным делам (РСМД) и Египетского совета по международным делам (ЕСФА). Сотрудничество между организациями продолжается на протяжении нескольких лет и включает проведение круглых столов, экспертных консультаций и совместных аналитических дискуссий по актуальным международным вопросам. Одним из результатов этой работы стала подготовка совместного доклада «Политические риски для российско-египетского сотрудничества в Северной Африке». В документе рассматриваются как общие политические тенденции в регионе, так и конкретные факторы нестабильности, способные оказать влияние на развитие двусторонних отношений и ситуацию в Северной Африке в целом. Практическая ценность данного исследования заключается в том, что авторы не ограничиваются описанием существующих рисков, а предлагают возможные механизмы их минимизации. Кроме того, экспертные дискуссии, проводимые при участии РСМД, создают дополнительную площадку для обмена мнениями между востоковедами, политологами и специалистами по международным отношениям. Подобный формат взаимодействия позволяет вырабатывать более реалистичные подходы к анализу кризисных процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. При этом диалог носит не только экспертный, но и межкультурный характер, способствуя формированию взаимопонимания между представителями различных научных и политических традиций.

Другим значимым актором экспертной дипломатии является Центр внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова, в деятельности которого синтезированы академическая глубина и практическая дипломатия. Визит российской экспертной делегации в Каир в мае 2025 г. наглядно продемонстрировал, каким образом аналитические центры способны непосредственно влиять на снижение глобальных рисков [2]. В ходе встреч обсуждались роль БРИКС в преодолении фрагментации мирового пространства, вопросы ядерной и цифровой безопасности, а также взаимосвязь гуманитарных и фундаментальных наук в эпоху Глобального Юга, что подчёркивает комплексный характер современных вызовов.

Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН занимает особое место в системе российского академического востоковедения, сочетая фундаментальные научные изыскания с прикладными экспертно-аналитическими задачами и активной образовательной миссией. Научно-организационная деятельность Центра характеризуется высокой интенсивностью и многообразием форматов. Ежегодно ЦАИИ проводит более двадцати методологических семинаров, в работе которых участвуют сотрудники Института востоковедения РАН, представители других научных учреждений, аспиранты и студенты. Кроме того, Центр выступает партнёром Международного дискуссионного клуба «Валдай» в организации ежегодного Ближневосточного диалога, соорганизатором Международного форума «Ислам в мультикультурном мире», всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Осмысляя Восток» и др. [3]. В условиях, когда угрозы терроризма и религиозного экстремизма сохраняются в глобальной повестке, глубокая востоковедная экспертиза ЦАИИ становится элементом прямой безопасности двух государств, обеспечивая научно обоснованное понимание социокультурных процессов в регионе.

Противодействие глобальным угрозам не может ограничиваться узким кругом политологов-международников: устойчивость к дезинформации, вербовке и радикальным идеологиям формируется, прежде всего, через образование и культуру. Русский дом в Каире, функционирующий с 1966 г. и являющийся старейшим представительством Россотрудничества в регионе, стремится решать именно эту задачу. Его деятельность направлена не только

на популяризацию русского языка и культуры, но и на формирование устойчивых гуманитарных связей между странами. Проекты в сфере робототехники, физики и подготовки к поступлению в российские вузы в рамках правительственных квот не просто способствуют укреплению лояльности, а формируют в египетском обществе прослойку специалистов, мыслящих в парадигме научного и культурного обмена с Россией.

Практические результаты работы экспертных площадок конвертируются в конкретные проекты, имеющие прикладное значение. Конкурс экологических и общественно полезных инициатив «Энергия Развития», реализованный на базе Русского дома и Госкорпорации «Росатом», убедительно показал, каким образом атомная отрасль может служить не только энергетической, но и социальной стабильности. В сфере преодоления водного и продовольственного кризисов: ключевых угроз для Ближнего Востока, наработки российских учёных вызывают значительный интерес у египетских коллег в рамках научных конференций и совместных исследовательских программ. Стоит сказать, что взаимодействие между двумя странами на уровне экспертных объединений представляет собой целостную систему интеллектуального партнёрства, обладающую собственным потенциалом влияния на актуальные глобальные вызовы. В последние годы деятельность таких организаций, как Центр Примакова, РСМД, Русский дом в Каире и других экспертно-аналитических структур, стала заметно более востребованной. Во многом это связано с тем, что именно подобные площадки позволяют обсуждать международные проблемы не только на официальном политическом уровне, но и в более гибком экспертном формате. Благодаря этому появляется возможность быстрее реагировать на возникающие вызовы и учитывать региональную специфику при поиске возможных решений.

Анализ российско-египетского взаимодействия показывает, что в условиях нестабильной международной среды экспертное сотрудничество постепенно приобретает самостоятельное политическое значение. В центре обсуждения находятся проблемы миграции, угрозы терроризма, вопросы региональной безопасности, а также развитие ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. При этом деятельность экспертных структур уже не ограничивается исключительно аналитической функцией. Регулярные встречи, совместные исследования и профессиональные дискуссии формируют устойчивые каналы коммуникации между представителями двух стран, создавая дополнительные возможности для координации позиций по международным вопросам. В этой связи можно говорить о постепенном формировании элементов так называемой экспертной дипломатии. В современной международной практике аналитические центры всё чаще выступают не только как исследовательские структуры, но и как участники международного политического диалога, влияющие на формирование экспертной и внешнеполитической повестки. Если ранее аналитические центры преимущественно выступали в роли консультативных площадок, то в настоящее время их участие в международной повестке становится значительно более заметным. Через аналитические публикации, экспертные оценки и публичные дискуссии, подобные организации способны оказывать влияние не только на профессиональное сообщество, но и на более широкий политический дискурс. Особенно востребованной такая форма взаимодействия оказывается в условиях, когда традиционные дипломатические механизмы не всегда позволяют оперативно реагировать на быстро меняющуюся международную ситуацию.

Таким образом, сотрудничество российских и египетских экспертных сообществ способствует развитию двусторонних отношений сразу в нескольких измерениях – политическом, экономическом, научном и гуманитарном. Кроме того, подобный формат взаимодействия постепенно привлекает внимание и других государств, заинтересованных в создании собственных экспертных платформ для обсуждения международных и региональных проблем. Это позволяет рассматривать экспертно-аналитическое сотрудничество не только как вспомогательный элемент внешнеполитического диалога, но и как один из инструментов современной международной коммуникации.

Литература

1. Дружим экономиками: лотос арабского мира // Эксперт. URL: <https://expert.ru/druzhim-ekonomikami/lotos-arabskogo-mira> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Мосты через Нил: как Россия и Египет развивают сотрудничество // Центр Примакова. URL: <https://primakovcenter.ru/tpost/895vxesc21-mosti-cherez-nil-kak-rossiya-i-egipet-ra> (дата обращения: 01.05.2026).
3. Центр арабских и исламских исследований ИВ РАН: направления работы. URL: <https://cais.ivran.ru/work> (дата обращения: 02.05.2026).

УДК 316.356.2

Д. А. Коробейникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу изменений семейных ценностей у молодого поколения в современной России под влиянием цифровизации. Приводятся аргументы в пользу того, что цифровизация не оказывает однозначно разрушительного влияния на семейные ценности, а скорее трансформирует их, одновременно выступая не только источником рисков, но и ресурсом для трансляции традиционных установок и взглядов.

Ключевые слова: семейные ценности, семья, цифровизация, социальные сети, дейтинг-сервисы, семейные онлайн-сообщества, семейно-демографическая проблема.

D. A. Korobeynikova

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article is devoted to the analysis of changes in family values among the younger generation in modern Russia under the influence of digitalization. The article argues that digitalization does not have a clearly destructive impact on family values, but rather transforms them, simultaneously acting not only as a source of risks, but also as a resource for transmitting traditional attitudes and beliefs.

Keywords: family values, family, digitalization, social networks, dating services, online family communities, family and demographic problem.

Цифровые трансформации охватывают различные сферы жизни государства: политику, экономику, образование, медицину, культуру и творчество, в том числе и институт семьи. Проникновение цифровых технологий в жизни людей неизбежно. Это явление приводит к изменению ценностных ориентиров и взглядов на укоренившиеся традиции. В настоящее время семейно-демографическая проблема актуальна для России. Так как число разводов в стране держится на высоком уровне, а молодое поколение откладывает брак и рождение детей, ставя в приоритет саморазвитие, свободу, путешествия и индивидуальные интересы.

Появление угрозы насаждения нетрадиционных для российского общества ценностей подтолкнуло государство на принятие особых мер. В 2022 г. был издан Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Он закрепляет цели и задачи государственной политики по сохранению традиционных ценностей не только в сфере образования и культуры, но и в Семейном кодексе. Опираясь на данный документ, государство формирует законы о запрете пропаганды нетрадиционных отношений, идеологии чейлдфри, а также ограничивает отрицание ценности крепкой семьи, брака и многодетности. В положении П пункт 15 зафиксировано, что деструктивное идеологическое воздействие на граждан России становится угрозой для демографической ситуации в стране, что показывает наличие семейно-демографической проблемы [7].

Особую значимость приобретает вопрос о том, кто именно должен обеспечивать защиту традиционных ценностей. В своей работе «Векторы развития экспертных институтов в

условиях построения безопасного мира» Т. И. Грабелных и Н. А. Саблина описывают системную работу экспертных сообществ и их способы противодействия ценностным угрозам. Институты не только оценивают изменения в ценностных ориентациях молодежи, но и вырабатывают механизмы позитивного влияния на цифровую среду [4].

В современной литературе существуют различные определения понятия «семейные ценности». В. В. Николаин рассматривает «семейные ценности» как «культивируемую в обществе совокупность представлений о семье, влияющую на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия». Именно ее определение позволяет зафиксировать конфликт между декларируемыми государством традиционными ценностями и современными ценностными ориентирами в социальных сетях и цифровой среде [6].

По данным опроса ВЦИОМ от 8 июля 2025 г., для каждого поколения россиян семья как ценность сохраняет доминирующее положение среди других. Портрет идеальной семьи для современных россиян – это традиционно полная семья, состоящая из отца, матери и детей, связанная эмоционально доверием, любовью и заботой. Патриархальную модель, где мужчина кормилец, а женщина исключительно хранительница домашнего очага, разделяет меньшая доля опрошенных [3]. Результаты опроса указывают на отказ от жесткой гендерной иерархии при сохранении ценности самого института семьи. В современном российском обществе наблюдается переход к эгалитарной модели семьи, для которой характерны равноправие между супругами и взаимозаменяемость ролей. Молодое поколение не отвергает создание семьи, но переопределяет ее. Почему же при сохранении высокой ценности семьи реальное брачное поведение демонстрирует рост разводов, откладывание деторождения и снижение числа регистрируемых браков. Одним из факторов, объясняющих этот разрыв, выступает цифровизация. Прежде чем перейти к анализу ее влияния на практики знакомств и семейного взаимодействия, необходимо рассмотреть само понятие «цифровизация» и ее изначальные цели.

Цифровизация – это процесс внедрения современных цифровых технологий во все сферы жизни общества. Данный термин стал популяризироваться в конце XX в., а уже в начале 2000-х гг. началось массовое распространение интернета, мобильных технологий и т. д. Социальные сети заменили телефонные звонки, так как они стали более удобной альтернативой. Изначально целью создания соцсетей было удобство и скорость общения, но негативным побочным эффектом стало изменение формата общения. Общение в переписках, эмодзи вместо реальных эмоций, возможность быть кем-то «другим» влечет за собой проблемы одиночества, нарушение связей между поколениями и членами семьи, страх перед реальными знакомствами и общением [5].

Традиционно люди познакомились в живую, в компании общих друзей, родственников, или на улице. С появлением дейтинг-сервисов романтические знакомства мигрировали в онлайн, в период с 2018–2024 гг. количество россиян, которые пользуются сайтами знакомств выросло на 5 %. Сторонниками онлайн-знакомств в основном является молодое поколение – люди от 18–23 лет и старше миллениалы от 24–32 лет. Противники онлайн-знакомств (51 %) опасаются обмана, что человек за экраном врет о себе, ставит не свое фото, или может выдавать себя за другого человека [2]. Такой метод знакомств позволяет сразу найти людей с похожими интересами, но в реальности ожидания могут быть не оправданы, что приводит к постоянному поиску «того самого» партнера. Неуверенность в себе порождает страх перед знакомством в живую, так как в социальных сетях человек публикует удачные фото и тщательно продумывает ответы.

Социальные сети и мессенджеры влияют не только на качество общения, но и на формирование ценностных ориентиров у молодого поколения. Это связано с тем, что цифровая среда становится для молодежи одним из агентов социализации, альтернативным или дополняющим традиционные институты – семью и образование. Данные исследования ВЦИОМ «Есть ли жизнь без смартфона?» показывают интенсивность погружения молодежи в цифровую среду. Зумеры (2001 г. и позднее) и младшие миллениалы (1992–2000 гг.) чаще старшего поколения тратят время на просмотр социальных сетей (53 % и 41 % соответствен-

но) и развлекательного контента – видео, фильмы, сериалы (45 % и 43 % соответственно) [1]. Следствием становится то, что цифровая среда может задавать собственные тренды в ценностях и взглядах на жизнь. Так как мировоззрение молодых людей находится в стадии активного формирования, они открыты новому и активно следуют трендам, которые транслируют блогеры и звезды в социальных сетях. В отличие от старшего поколения, чья ценностная система уже сформирована, молодежь оказывается более восприимчивой к альтернативным моделям поведения.

Цифровая среда не наносит исключительно негативный эффект на сохранение традиционных семейных ценностей. Существуют онлайн-сообщества для родителей и молодых семей, которые способствуют укреплению института семьи. В своем исследовании Н. Н. Козлова, С. В. Рассадина, О. Г. Овчарова и Е. Н. Васильева рассматривают семейные онлайн-сообщества в социальных сетях как пространство для воспроизводства традиционных ценностей – фамилизма, чадолубия и взаимопомощи. Данные сообщества выполняют компенсаторную функцию, восполняя дефицит реального общения и становясь дополнительным агентом социализации для молодых родителей. Дискурсивное поле этих пабликов формируется в диалоге с государственной ценностной политикой, что позволяет рассматривать цифровую среду не только как источник угроз, но и как ресурс для укрепления традиционных семейных ценностей.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институт семьи в России переживает этап трансформации под влиянием процессов цифровизации. С одной стороны, цифровая среда не всегда положительно влияет на качество общения между членами семьи, порождает страх реальных знакомств, пропагандирует нетрадиционные для России ценности. С другой – создает новые каналы для совместного времяпрепровождения и эмоционального сближения, позволяет состоять в семейных онлайн-сообществах, которые становятся поддержкой и источником знаний для молодых родителей. Государство пытается защитить традиционный уклад. Однако, как показывают исследования, молодое поколение не отвергает семью, а адаптирует семейные ценности под условия новой социальной реальности.

Для эффективной семейно-демографической политики в условиях цифровизации необходимо не только ограничивать деструктивный контент, но и использовать потенциал цифровых платформ для популяризации осознанного родительства и укрепления межпоколенческих связей.

Литература

1. Есть ли жизнь без смартфона? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Онлайн-знакомства, или Романтика в цифровую эпоху // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/onlain-znakomstva-ili-romantika-v-cifrovuiu-epokhu?ysclid=moxyezck7h729729132> (дата обращения: 01.05.2026).
3. Традиционные ценности: ожидание и реальность // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 24.04.2026).
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Векторы развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 163–166.
5. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России / Н. Н. Козлова, С. В. Рассадина, О. Г. Овчарова, Е. Н. Васильева // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 100–111.
6. Кувшинова А. А., Савченко И. А. К вопросу о негативном влиянии цифровой коммуникации на сознание индивидов // Философия и общество. 2022. № 2. С. 26–37.
7. Селезнёва Е. А. Анализ понятий семья и семейные ценности // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 270–280.
8. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/?ysclid=mp0jznfl7x401544955 (дата обращения: 29.04.2026).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФОКУСЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Обосновывается, что классическая демография, опиравшаяся на инерционность показателей рождаемости, смертности и миграции, сталкивается с беспрецедентной турбулентностью. Анализируются пять ключевых блоков угроз: пандемийные шоки и концепция синдемии, климатическая мобильность как разрушитель традиционных миграционных теорий, кризис воспроизводства населения и депопуляция, провалы статистических данных и цифровое неравенство, а также геополитическая турбулентность как фактор демографической безопасности. Приведены аргументы в пользу перехода от «медленной» статистики наблюдения к моделированию прогнозов на основе больших данных и интегральных индексов демографического потенциала с использованием ИИ. Особое внимание уделяется методологическим сдвигам, позволяющим адекватно описывать новую реальность – от концепции синдемии до агент-ориентированного моделирования миграционных потоков.

Ключевые слова: демографическая безопасность, синдемия, климатическая миграция, демографический потенциал, депопуляция, большие данные, цифровая демография, по-ликризис.

N. V. Kotomanov

Baikal State University, Irkutsk

DEMOGRAPHIC RESEARCH FOCUSES ON NEW GLOBAL THREATS AND CHALLENGES

Classical demography, based on the inertia of fertility, mortality, and migration, is facing unprecedented turbulence. This article is devoted to rethinking the role of demographic science in the context of the polycrisis of the 21st century. Five key threat blocks are analyzed: pandemic shocks and the concept of syndemia, climatic mobility as a disruptor of traditional migration theories, the crisis of population reproduction and depopulation, failures of statistical data and digital inequality, as well as geopolitical turbulence as a factor of demographic security. The arguments in favor of the transition from "slow" observation statistics to modeling forecasts based on big data and integrated demographic potential indices using AI are presented. Special attention is paid to methodological shifts that make it possible to adequately describe the new reality, from the concept of syndemia to agent-based modeling of migration flows.

Keywords: demographic security, syndemia, climate migration, demographic potential, de-population, big data, digital demography, polycrisis.

Демография традиционно считается одной из наиболее точных социальных наук благодаря высокой инерционности демографических процессов. Прогнозы, построенные на теории демографического перехода, десятилетиями оставались надёжным инструментом планирования национальных бюджетов, пенсионных систем и стратегий здравоохранения. Однако вторая четверть XXI в. ознаменовалась возникновением принципиально новой реальности, которую исследователи характеризуют как «эпоху глобального поликризиса» (cascade of crises). В этой реальности климатические изменения усугубляют миграционное давление, биологические угрозы трансформируют модели смертности, а геополитические рокировки полностью перекаивают глобальный демографический баланс, смещая центр тяжести с Глобального Севера на Глобальный Юг [1].

Цель настоящей работы – выявить, каким образом новые глобальные вызовы изменяют предметное поле и методологический инструментарий демографической науки, а также обосновать, какие концептуальные подходы необходимы для адекватного описания реальности, в которой переплетаются здоровье популяции, миграционное давление и социально-экономическое неравенство. В условиях, когда мир находится в режиме одновременного проявления разнонаправленных демографических тенденций с серьёзными последствиями для международной стабильности, демография из науки «заднего взгляда» превращается в науку переднего края принятия решений [2].

1. Синдемический подход: новая оптика анализа смертности

Исторически демография рассматривала смертность довольно прямолинейно, учитывая внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) факторы. Пандемия COVID-19 продемонстрировала несостоятельность узко-эпидемиологического подхода, который изолирует

инфекцию от социального контекста. Именно тогда, в фокусе демографических исследований оказалась концепция синдемии (syndemic) – синергетического взаимодействия инфекции с фоновыми социальными и хроническими заболеваниями, при котором совокупный ущерб для популяции превышает простую сумму эффектов [3].

Для демографической науки это означает три фундаментальных сдвига.

Во-первых, социальная неоднородность смертности перестала быть статистической погрешностью и превратилась в центральный объект анализа. Избыточная смертность в период пандемии распределялась крайне неравномерно, обнажив структурные разрывы в продолжительности жизни между социальными стратами, которые сглаживались в периоды стабильности. Это потребовало включения в демографический анализ переменных, традиционно относившихся к ведению социологии: уровень дохода, доступ к медицинской инфраструктуре, качество жилья.

Во-вторых, традиционные системы ЗАГС и медицинской статистики показали критическое запаздывание и методологическую неоднородность. Это породило дискуссию о переходе к «быстрой демографии», основанной на оперативных данных поисковых систем, мобильной телефонии и банковских транзакций.

В-третьих, синдемический подход заставляет пересмотреть саму методологию оценки предотвратимой смертности. Как показывают исследования российских специалистов, основным резервом снижения смертности остаётся борьба с массовыми неинфекционными факторами риска – табакокурением и злоупотреблением алкоголем, которые в периоды биологических кризисов действуют как «умножители» риска, резко повышая уязвимость популяции [4]. Демографический вызов для системы общественного здоровья теперь заключается не просто в увеличении ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), а в достижении здорового долголетия и снижении предотвратимой смертности на всех этапах жизненного цикла – от младенческой смертности, где ещё сохраняется значительный потенциал снижения, до смертности в трудоспособных возрастах [4].

2. Климатическая мобильность: разрушение традиционных миграционных теорий

Изменение климата становится новым мощным драйвером демографической динамики, к анализу которого классическая наука о миграции оказалась не готова. Традиционное деление миграции на добровольную (экономическую) и вынужденную (политическую) перестаёт работать в условиях медленно наступающих экологических изменений – засух, опустынивания, подъёма уровня океана.

Для демографических исследований здесь возникают три принципиальных методологических вызова.

Проблема идентификации. Крайне трудно выделить «чистого» климатического мигранта, поскольку засуха или наводнение не действуют изолированно, а выступают как мультипликатор угроз, усиливающий экономические конфликты и политическую нестабильность. Статистические службы большинства стран не фиксируют экологические причины миграции как отдельную категорию, что создаёт гигантское «слепое пятно» в демографическом учёте.

Парадокс мобильности. Исследования показывают, что наиболее уязвимое население часто оказывается «в ловушке», не имея ресурсов для переселения, тогда как статистика фиксирует лишь тех, кто движется. Демография должна научиться учитывать не только миграционные потоки, но и потенциал иммобильности – вынужденной неподвижности, которая столь же драматично сказывается на человеческом капитале, как и перемещение.

Урбанизация как адаптация с обратным знаком. Происходит гигантский сдвиг населения в прибрежные мегаполисы, которые сами находятся в зоне риска затопления. Это требует моделирования не просто линейных перемещений из точки А в точку Б, а сложных сценариев «каскадной миграции», когда климатические беженцы переезжают в города, создавая избыточную нагрузку на инфраструктуру, что, в свою очередь, провоцирует вторичные волны перемещений.

3. Кризис воспроизводства и ловушка депопуляции

Третьим фундаментальным вызовом становится глобальный кризис воспроизводства населения, при котором демографический баланс мира активно смещается в пользу Глобального Юга, где продолжают возникать новые страны-гиганты, в то время как развитые и многие постсоветские государства сталкиваются с депопуляцией [1].

Обратимся к российскому кейсу как наиболее показательной модели этой дилеммы. Согласно данным Мирового банка, если в 1960 г. СССР занимал 3-е место в мире по численности населения, то к 2023 г. Россия опустилась на 9-е место, уступив позиции Бангладеш и Нигерии. Согласно демографическому прогнозу ООН, при инерционном сценарии к 2054 г. Россия отстанет ещё от Египта, Эфиопии, Танзании, Демократической Республики Конго и Мексики, оказавшись на 14-м месте международного демографического рейтинга [1].

Уникальность положения России состоит в чрезвычайно высокой демографической вариабельности. Обладая рекордной по мировым стандартам территорией с плотностью населения в разы меньше, чем у лидеров Северной Америки (в 4 раза меньше США), в десятки раз меньше, чем у передовых европейских стран (в 15 раз меньше Франции, в 28 раз меньше Германии), и в сотни раз меньше, чем у рекордсменов Азии (в 52 раза меньше Индии), Россия одновременно уже достигла достаточно высокого уровня душевого ВВП, который не стимулирует быстрый рост населения. Возникает демографическая бифуркация: страна обладает возможностями для мощного демографического роста, но не имеет для этого внутренних драйверов, что порождает большую неопределённость относительно её будущей траектории [1].

На фоне неуклонного снижения рождаемости в развитых странах широкое привлечение иммигрантов на временной или постоянной основе представляется логичным выбором для сохранения численности трудоспособного населения. Однако, как показывают исследования, в российском случае эта стратегия сталкивается с серьёзными структурными ограничениями. Существующий миграционный учёт несовершенен и не позволяет достоверно оценить итоговое сальдо внешней миграции. Более того, иммиграция и эмиграция неравноценны в отношении человеческого капитала: в 85–90 % случаев въезжающий мигрант – это мужчина из стран Центральной Азии со средним или неоконченным средним образованием, занятый в строительстве или торговле, в то время как эмиграция представлена высококвалифицированными специалистами [4]. Даже при положительном миграционном приросте в таких условиях страна, оперативно замещая нехватку трудовых ресурсов в сферах, не требующих высокой квалификации, теряет конкурентоспособные преимущества, зависящие от уровня человеческого капитала [4].

4. Провалы данных: цифровой разрыв и «невидимые» популяции

В эпоху цифровизации мир столкнулся с парадоксом: объём собираемых данных стремительно растёт, но качество классических демографических учётов падает. Эта проблема имеет несколько измерений.

Фрагментация традиционных источников. Переписи населения все чаще оказываются заложниками двух разнонаправленных, но одинаково разрушительных тенденций: с одной стороны, сокращение бюджетного финансирования на масштабные статистические компании, с другой – увеличение доли граждан, отказывающихся от участия в обследованиях. В периоды между переписями текущий учёт демографических событий ведётся с нарастающими искажениями, связанными в том числе с несовершенством миграционного учёта.

«Цифровые невидимки». Миллиарды людей, особенно в странах Африки к югу от Сахары и Южной Азии, не имеют официальной регистрации рождения или смерти и не оставляют цифрового следа в государственных информационных системах. В результате целые популяции выпадают из демографического анализа, а глобальные прогнозы строятся на систематически смещённых выборках.

В ответ на это формируется гибридная методология демографического учёта:

- Использование спутниковых снимков ночного освещения для оценки плотности и экономической активности населения взамен устаревших переписей.

– Применение байесовских вероятностных моделей для реконструкции демографических событий по отрывочным данным из кризисных регионов.

– Анализ «цифровых следов», который, однако, ставит острую этическую дилемму о приватности данных, а также проблему, что подобные данные изначально смещены в сторону молодой, городской и более обеспеченной аудитории.

5. Геополитическая турбулентность и демографический потенциал

Традиционная концепция демографической безопасности, основанная на угрозах депопуляции, в современных условиях расширяется до понятия демографической устойчивости. Новые угрозы включают искусственное изменение этнической структуры вследствие военных конфликтов, «утечку умов» из зон нестабильности и использование миграционных потоков как элемента гибридной войны.

В этом контексте демографический потенциал превращается из абстрактного академического показателя в фактор обеспечения национальной безопасности. Однако сам термин «демографический потенциал» трактуется в литературе неоднозначно: одни исследователи определяют его как способность населения к расширенному воспроизводству, другие – как долю трудоспособного населения, третьи – как интегральную характеристику, включающую не только численность, но и ключевые структурные параметры: возрастной состав, долю трудоспособного населения, уровни рождаемости и смертности, соотношение мигрантов к коренному населению, долю городского населения и уровень грамотности [5].

Современные исследования предлагают методологию многомерного статистического анализа. Он основан на интегральном построении индекса демографического потенциала, учитывающего как количественные, так и качественные характеристики населения [5]. Такой подход позволяет ранжировать страны не по одному изолированному показателю (численность населения), а по комплексной способности обеспечивать устойчивое воспроизводство человеческого капитала. Примечательно, что в рамках такого подхода страны с огромным населением, но низким уровнем грамотности и высокой смертностью могут получать более низкий рейтинг демографического потенциала, чем компактные государства с высоким качеством человеческого капитала.

Демография здесь тесно стыкуется с политологией. Возникает необходимость оценки не просто численности населения, а его структурных характеристик: доли молодёжи (фактор «молодёжного бугра») в нестабильных регионах, гендерных диспропорций и разрушения института семьи под влиянием травмы войны [6].

6. Требования к новой методологической парадигме

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что демография стоит на пороге смены парадигмы. Новая исследовательская программа, способная ответить на описанные вызовы, должна включать следующие компоненты.

Проспективное моделирование. Необходимо построение многокомпонентных сценариев – траекторий, учитывающих климатические, эпидемиологические и конфликтологические переменные. Инерционный подход к демографическому прогнозированию в условиях поликризиса даёт систематически заниженную оценку рисков [1].

Микросимуляции. Агент-ориентированное моделирование (Agent-Based Modeling, ABM) позволяет симулировать поведение отдельных индивидов или домохозяйств в ответ на внешний шок – наводнение, закрытие границ, экономический кризис. В отличие от макростатистических моделей, ABM улавливает нелинейные эффекты, пороговые значения и каскадные цепные реакции, столь характерные для современной демографической динамики.

Интегральные индексы. Переход от мониторинга разрозненных показателей к построению обобщённых индикаторов демографического потенциала, позволяющих лицам, принимающим решения, видеть не просто «демографическую яму», а структурные дисбалансы, требующие целевых управленческих воздействий [5].

Экзистенциальная демография. Включение в предмет науки не только количественных, но и качественных показателей человеческого капитала – здоровья когорты, уровня стресса популяции, репродуктивных намерений в условиях неопределённости. Демографи-

ческая проблема в XXI в. – это не только проблема численности, но и проблема качества здоровья популяции и жизненного потенциала.

Новые глобальные угрозы превратили демографию из описательной науки в аналитический центр принятия стратегических решений. Традиционный анализ рождаемости и смертности уступает место сложному синтезу знаний о поведении человека в экстремальных условиях. Пандемия COVID-19 не просто временно повысила смертность, а заставила иначе взглянуть на ее природу. Выяснилось, что инфекция не действует в вакууме – она накладывается на хронические болезни, социальное неравенство и образ жизни – так возникла концепция синдемии. Климатические изменения размыли привычную классификацию миграции. Природные катаклизмы, такие как волны жара, засуха, наводнения редко бывают единственной причиной отъезда – они работают как спусковой крючок в уже заряженной системе, где замешана и безработица, и локальные конфликты. Выделить «чистого» климатического мигранта статистически почти невозможно, а значит, нужны новые модели учета. Наконец, геополитическая турбулентность последних лет со всей очевидностью показала: смотреть только на численность населения уже недостаточно. Важно не сколько людей живет в стране, а какова их возрастная структура, уровень образования, миграционная подвижность и способность системы к воспроизводству. Именно поэтому в научный оборот активно возвращается понятие «демографический потенциал» – как интегральной характеристики, без которой любые прогнозы национальной безопасности рискуют остаться поверхностными.

Главным вызовом для исследователей становится работа в условиях «туманного будущего», где старые закономерности перестают действовать, а данные всегда неполны, фрагментированы и зачастую искажены. Устойчивость человеческих популяций в XXI в. будет напрямую зависеть от способности демографов интегрировать достижения климатологии, эпидемиологии, компьютерных наук и политологии в единую прогностическую систему. Как показывает анализ, у государств, стремящихся сохранить свою роль в глобальной хозяйственной системе, остаётся всё меньше времени на раскату: демографические процессы обладают огромной инерцией, и решения, принятые сегодня, определяют структуру населения на десятилетия вперёд.

Литература

1. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Россия перед лицом демографических вызовов: угрозы и возможности // Ноноэкономика. 2025. URL: <https://nonerg-econ.ru/cat/6/670/> (дата обращения: 24.04.2026).
2. Черкасов М. Н. Демографическая проблема как глобальная проблема современности // Актуальные исследования. 2023. № 40 (170), ч. 2. С. 6–8.
3. Singer M., Bulled N., Ostrach B., Mendenhall E. Syndemics and the biosocial conception of health // The Lancet. 2017. Vol. 389, N 10072. P. 941–950.
4. Прохоренко Н. Ф., Гинойн А. Б. Демографический вызов России: рациональные решения и готовность системы общественного здоровья // Вестник ВШОУЗ. 2019. URL: <https://www.vshouz.ru/journal/2018-god/demograficheskii-vyzov-rossii-ratsionalnye-resheniya-i-gotovnost-sistemy-obshchestvennogo-zdorovya/> (дата обращения: 24.04.2026).
5. Демографический потенциал стран мира. URL: <https://deminform.ru/analytics/demograficheskyy-potentsial-stran-mira> (дата обращения: 24.04.2026).
6. Ахмедов А. П. Новые вызовы во взаимосвязях миграции и демографии // Устойчивое развитие в условиях глобальных вызовов : сб. науч. тр. 2024. С. 460–466. URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/135995/1/978-5-94646-689-9_2024_049.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

НЕВИДИМАЯ ЭКОНОМИКА: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ЦЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ДОМАШНЕГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹³

Анализируется противоречие между вкладом женского неоплачиваемого домашнего труда в благосостояние семьи и его институциональной невидимостью. На основе эмпирических данных выявлены высокая значимость домашней работы для домохозяйства при её систематической общественной недооценке, а также запрос на государственные меры признания, прежде всего зачёт времени ухода в трудовой стаж. Показано, как конфликт принципов гендерного равенства и традиционалистского дискурса влияет на политику в этой сфере.

Ключевые слова: женский домашний труд, неоплачиваемая работа, невидимая экономика, ценность домашнего труда, гендерное неравенство.

А. А. Lazareva

Irkutsk State University, Irkutsk

INVISIBLE ECONOMY: EXPERT ASSESSMENT OF THE VALUE OF WOMEN'S HOUSEHOLD LABOR IN MODERN RUSSIA

The article examines the contradiction between women's unpaid domestic labor contribution to family welfare and its institutional invisibility. Empirical data reveal high household significance of domestic work alongside systematic societal undervaluation, as well as a demand for state recognition measures, notably caregiving time credited toward pensionable service. The conflict between gender equality principles and traditionalist discourse shaping policy in this area is demonstrated.

Keywords: women's domestic labor, unpaid work, invisible economy, value of domestic labor, gender inequality.

Современная российская семья функционирует в условиях множественных вызовов – от демографического сжатия до ускоряющейся цифровизации быта. При этом значительная доля экономического благосостояния создаётся за пределами рыночных транзакций – внутри домохозяйств, в форме неоплачиваемого труда, который по-прежнему преимущественно выполняется женщинами. По данным исследований, 99 % российских женщин занимаются приготовлением пищи и мытьём посуды, почти 90 % – стиркой, тогда как мужчины берут на себя лишь 38,2 % этих обязанностей. При этом 67 % россиянок считают свой труд недооценённым [9].

Вопрос о ценности домашнего труда переместился из сугубо академической плоскости в сферу публичной дискуссии. В 2024 г. замглавы Минэкономразвития Татьяна Илюшникова заявила, что, если оценить домашний труд женщин по минимальному размеру оплаты труда, он составил бы 13 % ВВП России [5]. По альтернативным расчётам, при использовании медианной зарплаты эта цифра достигает 17 % ВВП, или 34,3 трлн руб. [6]. Однако, несмотря на столь впечатляющие макроэкономические оценки, женский домашний труд остаётся институционально невидимым: он не учитывается в системе национальных счетов, не формирует пенсионных прав и не получает прямого государственного признания.

Цель настоящей статьи – на основе авторского экспертного опроса выявить, как профессиональное сообщество оценивает ценность женского домашнего труда, какие барьеры препятствуют его признанию и какие институциональные меры поддержки эксперты считают наиболее эффективными.

Домашний труд как экономическая категория имеет двойственную природу: он создаёт потребительные стоимости (пища, чистота, уход за детьми и пожилыми), но не обменивается на рынке и потому исключается из валового внутреннего продукта. В зарубежной науке эта проблематика разрабатывается с 1970-х гг. – от марксистского феминизма (М. Далла Коста, С. Федеричи) до современных исследований Н. Фолбр [7]. В России данное направление

¹³ Научный руководитель: кандидат социологических наук Н. А. Саблина.

представлено работами С. Ю. Барсуковой, И. Е. Калабихиной, Е. Б. Мезенцевой, Л. Н. Овчаровой и А. Я. Бурдяк [1–4].

Ключевая методологическая проблема заключается в способе стоимостной оценки. Метод «рыночного эквивалента» (расчёт через зарплаты поваров, нянь, уборщиков) и метод «альтернативных издержек» (упущенный заработок женщины) дают существенно различающиеся результаты [1]. Кроме того, в российском контексте добавляется культурно-политическое измерение: в парадигме «традиционных ценностей» женская домашняя работа трактуется не как труд в экономическом смысле, а как проявление любви и следование природному предназначению, что блокирует её монетизацию [3].

Росстат фиксирует значительный гендерный разрыв в затратах времени: по последним данным, женщины тратят на домашние дела и уход за близкими в среднем 235 минут в день, тогда как мужчины – лишь 102 минуты [10]. Однако официальная статистика не переводит эти временные затраты в денежный эквивалент, ограничиваясь публикацией «сырых» данных [2]. В результате «невидимая экономика» домашнего труда остаётся ресурсом, на котором держится благосостояние домохозяйств, но который не получает ни экономического, ни символического признания.

Для верификации теоретических положений и оценки реального восприятия проблемы в профессиональной среде автором был проведён экспертный опрос. Опрос проводился в апреле–мае 2026 г. методом онлайн-анкетирования. Выборку составили 26 экспертов – специалистов в области социальной политики, социологии семьи, а также практикующих психологов и социальных работников. Выборка является целевой и гомогенной, что при её небольшом объёме позволяет говорить о выявлении устойчивых тенденций в экспертной среде.

Абсолютное большинство экспертов (92,3 %) оценили роль семьи в современном российском обществе как «очень высокую» (61,5 %) или «скорее высокую» (30,8 %). Это подтверждает тезис о том, что даже в условиях институциональных изменений семья сохраняет статус ключевого социального института (табл. 1).

Однако характер происходящих с семьёй изменений эксперты оценивают преимущественно в негативном ключе: 80,8 % отметили снижение устойчивости браков (рост разводов), а 76,9 % – рост гибкости и разнообразия семейных форм (незарегистрированные, гостевые браки). Показательно, что трансформацию гендерных ролей фиксируют лишь 34,6 % респондентов, тогда как усиление экономической независимости женщин от мужчин отмечают 61,5 %. Это свидетельствует о том, что экономическая эмансипация в сознании экспертов опережает пересмотр гендерных ролей в бытовой сфере.

Таблица 1

Распределение ответов экспертов на вопрос «Ваша оценка роли семьи как социального института в современной России?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Очень высокая	16	61,5
2	Скорее высокая	8	30,8
3	Средняя	2	7,7
4	Скорее низкая	0	0
5	Низкая	0	0
6	Затрудняюсь ответить	0	0
	Всего	26	100

На вопрос о наиболее важных функциях семьи лидируют воспитание детей (88,5 %), рождение детей (80,8 %) и эмоциональная поддержка (80,8 %). Хозяйственная функция оказалась значимой лишь для 46,2 % опрошенных, что парадоксальным образом контрастирует с дальнейшими ответами о высокой нагрузке и недооценённости именно домашнего труда. Один из респондентов в комментарии уточнил: «Для многодетной семьи хозяйственная функция тоже важна, любовь, забота и преемственность поколений». Это указывает на то,

что «хозяйство» и «забота» в реальности тесно переплетены, но в сознании респондентов они часто концептуально разделены.

Результаты опроса подтверждают неоднозначное влияние цифровизации и бытовой техники на женский домашний труд. Более половины экспертов (53,8 %) согласились, что бытовая техника и цифровые сервисы значительно облегчили физическую часть домашнего труда. Однако 34,6 % выбрали вариант «скорее да, но появились новые виды нагрузки (настройка, выбор услуг)», а 11,5 % – «объём труда не уменьшился, а просто изменил форму» (табл. 2). Таким образом, суммарно почти половина экспертов (46,1 %) фиксирует эффект рекомодификации или переноса нагрузки, что коррелирует с выводами зарубежных и российских исследователей о «второй смене» (А. Хохшильд) и парадоксах технологического прогресса в быту.

Таблица 2

Распределение ответов экспертов на вопрос «Существенно ли облегчило использование современной бытовой техники и цифровых сервисов (доставка продуктов, онлайн-запись к врачу, роботы-пылесосы) женский домашний труд?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Да, значительно облегчило физическую часть труда	14	53,9
2	Скорее да, но появились новые виды нагрузки (например, настройка техники, выбор услуг)	9	34,6
3	Скорее нет, объём труда не уменьшился, а просто изменил форму	3	11,5
4	Нет, технологии не повлияли на общую нагрузку	0	0
5	Затрудняюсь ответить	0	0
	Всего	26	100

Ключевой результат исследования: подавляющее большинство экспертов (88,5 %) считают домашний труд сопоставимым или скорее сопоставимым по сложности и ответственности с оплачиваемой профессиональной деятельностью (34,6 % – «да, сопоставим», 53,8 % – «скорее да»). При этом ценность этого труда в обществе оценивается как «средняя» (57,7 %) или «низкая» / «очень низкая» (19,2 % + 7,7 % = 26,9 %). Никто из экспертов не выбрал вариант «очень высокая ценность».

Одновременно 92,3 % респондентов согласились, что качество домашнего труда существенно или скорее существенно влияет на благополучие семьи и здоровье её членов (73,1 % – «да, существенно», 19,2 % – «скорее да»). Возникает классическое противоречие: труд, от которого напрямую зависит физическое и психологическое здоровье семьи, систематически недооценивается обществом. Это противоречие, выявленное на экспертном уровне, является центральной проблемой, требующей институционального разрешения.

Отвечая на прямой вопрос, считают ли они домашний труд «невидимым» и недооценённым в сегодняшней России, эксперты проявили почти полное единодушие: 92,3 % выбрали положительные варианты ответа (34,6 % – «да, верно», 57,7 % – «скорее да, чем нет»). Эти цифры напрямую подтверждают центральный тезис теоретической части работы (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов экспертов на вопрос «Считаете ли Вы, что в современном обществе домашний труд остаётся «невидимым» и недооценённым?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %
1	Да, считаю	9	34,5
2	Скорее да, чем нет	15	57,7
3	Скорее нет, чем да	1	3,9
4	Нет, не считаю	1	3,9
5	Затрудняюсь ответить	0	0
	Всего	26	100

Идея государственной поддержки домашнего труда не встретила единогласной поддержки, хотя заметное большинство – 76,9 % склоняется к необходимости специальных мер (26,9 % твёрдо заявили «да, должно», 50 % – «скорее да»). Конкретные предложения распределились так (можно было отметить несколько вариантов):

1. Учёт периодов ухода за детьми и пожилыми в пенсионном стаже – 80,8 %;
2. Прямые денежные выплаты тем, кто постоянно ухаживает за ребёнком или пожилым родственником – 61,5 %;
3. Налоговые вычеты для семей, где один из супругов занимается домашним хозяйством, – 53,8 %;
4. Софинансирование услуг клининга и нянь со стороны государства – 26,9 %;
5. Просветительские кампании, объясняющие важность домашнего труда – 23,1 %.

Нетрудно заметить, что денежные и стажевые инструменты получили значительно больше голосов, тогда как просветительские и информационные инициативы заняли последние позиции. Это говорит о том, что в профессиональной среде рассчитывают прежде всего на правовые и финансовые рычаги, а не на сдвиг в культурных представлениях. Вместе с тем в открытых ответах прозвучала и другая логика: «Домашний труд – это естественный процесс». Подобное высказывание одного из участников высвечивает консервативный настрой, который сдерживает экономическое признание домашней работы даже внутри самого экспертного круга.

Небольшая по размеру выборка дала внутренне согласованную картину, что позволяет сформулировать несколько обобщений. Во-первых, при высокой оценке значимости семьи и ясном понимании, что качество бытовой заботы напрямую связано с благополучием домохозяйства, ценность самого труда продолжает занижаться, а его «невидимость» фиксируется почти единогласно – на уровне 92,3 %. Именно этот зазор между признанием важности функции и отказом в признании заслуг того, кто её выполняет, образует ядро проблемы. Во-вторых, эксперты активно высказываются за институциональные шаги (в первую очередь за включение времени ухода в пенсионный стаж – 80,8 %), но тут же отмечают культурные препятствия. Отношение к домашней работе как к чему-то «естественному» сохраняется в профессиональной среде и мешает перейти от осознания проблемы к практическим шагам. В-третьих, нельзя не отметить разрыв между скромной оценкой хозяйственной функции семьи (46,2 %) и признанием того, что домашний труд сопоставим с профессиональной деятельностью (88,5 %). Вероятно, это расхождение связано с тем, что респонденты воспринимают домашний труд главным образом как «заботу» (уход за детьми, эмоциональная поддержка), а собственно бытовые операции (уборка, готовка, стирка) символически обесцениваются, причём такое обесценивание транслируют даже специалисты, профессионально занятые социальной политикой [3; 8].

Полученные результаты говорят о том, что в сегодняшней России отчётливо обозначился запрос на институциональное признание женского домашнего труда. Эксперты почти единодушно указывают на его «невидимость» и заниженную оценку, ставят этот труд по сложности в один ряд с оплачиваемой профессиональной занятостью и высказываются за введение особых мер государственной поддержки.

Самой востребованной мерой оказался зачёт времени, посвящённого уходу за детьми и пожилыми, в пенсионный стаж – это подчёркивает, что долгосрочные социальные гарантии ценятся выше прямых выплат. При этом специалисты отдают себе отчёт в ограниченности чисто финансовых инструментов: по их мнению, нужны также культурные и образовательные шаги, которые помогут преодолеть стереотип о домашней работе как о чём-то «естественном», не допускающем измерения и вознаграждения.

Слабая сторона исследования – скромный размер экспертной выборки (n = 26), из-за чего выводы нельзя механически переносить на всё профессиональное сообщество. Вместе с тем высокая внутренняя согласованность ответов даёт основание считать выявленные тенденции устойчивыми и заслуживающими дальнейшей проверки на более широких выборках. В числе перспективных направлений – сопоставление экспертных оценок с результатами массовых опросов населения и более глубокий анализ того, как цифровые платформы участвуют в формировании рыночного эквивалента домашнего труда.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sushchnost-i-funktsii-domashnei-ekonomiki-sposoby-izmereniia-domashnego-truda-bb123d> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Калабихина И. Е. Гендерные аспекты измерения неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 42–54.
3. Мезенцева Е. Б. Гендерная экономика и невидимый труд: опыт спутниковых счетов в России // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 12–24.
4. Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я. Неоплачиваемый труд в российских домохозяйствах: методология оценки и динамика. М. : НИУ ВШЭ, 2021.
5. Минэкономразвития: домашний труд россиян составляет 13 % ВВП страны // Газета.ру. 2024. 7 марта. URL: <https://mtf.gazeta.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
6. 34,3 трлн рублей стоит работа российских женщин по дому // Tochno.st. 2023. 8 марта. URL: <https://tochno.st> (дата обращения: 09.05.2026).
7. Folbre N. Valuing Children: Rethinking the Economics of the Family. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008.
8. Hochschild A. R. The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home. New York : Penguin Books, 2012.
9. Женский домашний труд: цифры и факты // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
10. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением. 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 09.05.2026).

УДК 316.4

К. В. Лака

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС

Анализируется связь между научной парадигмой (в понимании Т. Куна) и экспертным дискурсом. Предлагается различение научного, экспертного, социального и государственного дискурсов. Показывается, что разногласия экспертов в публичных обсуждениях часто обусловлены не недостатком информации, а различием парадигмальных установок. На примерах из экономической, климатической и юридической экспертизы демонстрируется дискурсивная трансформация знания.

Ключевые слова: научная парадигма, экспертный дискурс, типы дискурса, Т. Кун, экспертное знание.

K. V. Laka

Irkutsk State University, Irkutsk

SCIENTIFIC PARADIGMS AND EXPERT DISCOURSE

The article analyzes the relationship between the scientific paradigm (as understood by T. Kuhn) and expert discourse. A distinction is proposed between scientific, expert, social and state discourses. It is shown that disagreements among experts in public discussions are often caused not by lack of information, but by differences in paradigmatic attitudes. Based on examples from economic, climate and legal expertise, the discursive transformation of knowledge is demonstrated. Practical recommendations are formulated for customers of expertise and for the interpretation of expert opinions.

Keywords: scientific paradigm, expert discourse, types of discourse, T. Kuhn, expert knowledge.

Ситуация, когда два авторитетных эксперта дают противоположные рекомендации, стала обычной для публичных дискуссий об экономике, экологии или праве. Налоговые реформы, климатические ограничения, судебные экспертизы – везде можно видеть устойчивое расхождение мнений. Часто это объясняют ангажированностью, но анализ показывает более глубокую причину: эксперты принадлежат к разным научным парадигмам, которые задают разные видения [1]. Понятие парадигмы ввёл Т. Кун в «Структуре научных революций». Он определял её как признанные научные достижения, дающие сообществу модель постановки проблем и их решений [1]. В нормальной науке парадигма едина, эксперты редко спорят по фундаментальным вопросам. Когда же парадигма расщепляется или переживает кризис, кон-

сensus исчезает, что сразу сказывается на экспертных рекомендациях. Однако кроме парадигмальной принадлежности важна и природа самого экспертного дискурса.

Эксперт говорит не как учёный в лаборатории: он адаптирует знание к запросам власти (государственный дискурс) и ожиданиям публики (социальный дискурс). Происходит дискурсивная трансформация: содержание остаётся научным, но форма, категоричность, подбор аргументов меняются [2; 3]. Задача статьи – разобрать эти различия и показать, как парадигма через экспертный дискурс влияет на принятие решений.

Чтобы избежать путаницы, необходимо развести четыре типа дискурса, которые часто смешивают. Научный дискурс – язык исследователя, производящего новое знание (статья, диссертация). Адресат – коллеги, цель – проверка гипотез. Стиль формальный, с обилием оговорок («вероятно», «можно предположить»). Императивов почти нет. Экспертный дискурс возникает, когда учёный выступает консультантом для внешнего заказчика (госоргана, суда, компании). Цель – рекомендация, прогноз. Адресат – лицо, принимающее решение. Эксперт опускает детали, повышает категоричность: фраза «вероятно, это снизит безработицу» превращается в «необходимо принять меру X». Как показывает анализ открытых рецензий [5], даже в такой форме эксперт использует оценочные стратегии, не сводимые к фактам. Социальный дискурс – высказывания граждан, активистов, журналистов. Цель – выражение ценностей, страхов, протеста. Он эмоционален, метафоричен, использует дихотомии («народ – власть»). Не требует научных доказательств, достаточно внутренней убедительности для своей аудитории. Государственный дискурс – язык власти: законы, указы, стратегии. Субъект – чиновник, цель – управление и легитимация решений. Стиль бюрократический, канцелярский, не терпит неопределённости («целевые показатели», «меры реализации»). Один человек переключается между этими дискурсами. Проблемы возникают на стыках: чиновник ждет категоричных предписаний, а эксперт даёт научный ответ с оговорками. Результат – взаимное непонимание [3].

Парадигма по Куну задаёт: что существует (онтология), как изучать (методология), что считать истинным (аксиология) [1]. Учёный внутри парадигмы не замечает её границ. Для эксперта это важно: он не работает с «голыми фактами», факты уже осмыслены через парадигму. Макарычев [4] вводит понятие «режимов знания-власти»: экспертное сообщество – это структура, производящая знание согласно внутренним нормам, заданным парадигмой. Пример из экономики. Конкурируют кейнсианская и неоклассическая парадигмы. Кейнсианцы в кризис предлагают бюджетные стимулы, неоклассики – сокращение налогов и дерегулирование. Оба ссылаются на цифры и авторитетов, но выводы противоположны. В климатической политике большинство учёных разделяют парадигму антропогенного потепления. Меньшинство придерживается парадигмы естественных колебаний. Однако эксперты из меньшинства рекомендуют не вводить углеродный налог. У каждой стороны есть свои публикации – отобранные под свою парадигму. В правовой экспертизе, по данным Масловской [6], сталкиваются эпистемические культуры юристов и экспертов. Юристы ждут «да/нет», эксперты привыкли к вероятностным формулировкам. Судья может отклонить заключение как «неубедительное», хотя с научной точки зрения оно бесприечно.

Парадигма влияет на содержание, но оно не передаётся неизменным. Переходя из кабинета к чиновнику или в телестудию, эксперт переводит знание на другой язык. Это дискурсивная трансформация. Первый этап – из научного дискурса в экспертный. Как показывает Ключкова [5], даже в открытых рецензиях эксперт формулирует оценки категоричнее, чем в собственной работе. «Возможно, следовало бы уточнить» заменяется на «статья не может быть рекомендована». В записке для властей эта категоричность возрастает: исчезают «при прочих равных», «в краткосрочном периоде». Плата за ясность – потеря точности. Второй этап – из экспертного в государственный дискурс. Эксперт вынужден вписывать выводы в бюрократический формат: целевые показатели, бюджетные оценки. Сунгуров [2] описывает, как власть «переформатирует» знание. Нередко экспертное заключение оказывается приложением к уже готовому решению, и тогда трансформация превращается в приспособленчество. Третий этап – выход в социальный дискурс. Телеэфир или новостной сайт требуют ме-

тафор, апелляции к ценностям, эмоций. Козлова и Рассадин [3] называют это персонализацией экспертизы: важна личность эксперта, его манера говорить. Это рискованный режим, поскольку привычка к упрощениям может снизить качество строгих заключений. Макарычев [4] выделяет режимы знания-власти: линейно-автономный (экспертиза предшествует решению), конфликтный (экспертизу игнорируют), симбиотический (взаимная легитимация). Понимание этих режимов помогает заказчику выбирать стратегию.

Научная парадигма – не абстракция, а реальный фильтр, формирующий экспертные оценки. Сталкиваясь с противоположными мнениями, нужно спрашивать не «кто прав?», а «из какой парадигмы они говорят?». Экспертный дискурс не тождествен научному. Это самостоятельный тип речевой практики на пересечении науки, власти и общества. Различение четырёх дискурсов – необходимый инструмент критического анализа. Нельзя требовать от эксперта в СМИ академической строгости диссертации, но и не стоит принимать упрощённую публичную версию за полноценное научное заключение.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Супрунов А. Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Полит. энцикл., 2020. 280 с.
3. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Институционализация экспертного знания в публичной сфере: политико-философские аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 4. С. 74–85.
4. Макарычев А. С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая Наука. 2015. № 3. С. 8–25.
5. Клочкова Е. С. Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 2. С. 56–70.
6. Масловская Е. В. Циркуляция экспертного знания в юридическом поле: столкновение эпистемических культур и практики перевода // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 82–91.

УДК 316.77

О. С. Лаукканен

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ЭСКАПИСТСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВИДЕОИГР)

Анализируются эскапистские практики современной молодежи в цифровой среде. На основе теоретического обзора и эмпирического исследования (полуструктурированные интервью и игровые дневники) выявляются основные мотивационные факторы, социальные характеристики и типология эскапистов. Особое внимание уделяется роли видеоигр как среды реализации эскапизма.

Ключевые слова: эскапизм, молодежь, цифровизация, видеоигры, цифровые практики.

O. S. Laukkanen

Kazan Federal University, Kazan

ESCAPIST PRACTICES OF MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION (ON THE EXAMPLE OF VIDEO GAMES)

The article analyzes the escapist practices of modern youth in the digital environment. Based on a theoretical review and empirical research (semi-structured interviews and game diaries), the main motivational factors, social characteristics and typology of escapist youth are identified. Particular attention is paid to the role of video games as an environment for the implementation of escapism.

Keywords: escapism, youth, digitalization, video games, digital practices.

Современное общество характеризуется высокой степенью неопределенности, ускорением социальных изменений и усилением цифровизации повседневной жизни. В этих условиях возрастают требования к индивиду, связанные с необходимостью постоянной адаптации, самореализации и поддержания социальной активности. Это, в свою очередь, может

сопровождаться ростом напряжения, усталости и стремлением к поиску альтернативных способов ухода от реальности. Одной из таких стратегий становится эскапизм [1].

Эскапизм в условиях цифровой культуры приобретает новые формы и каналы реализации, среди которых особое место занимают видеоигры. Цель исследования – выявить сценарии формирования эскапистских практик в условиях цифровизации на примере видеоигр.

Эскапизм целесообразно рассматривать через призму теории анонимии Э. Дюркгейма и Р. Мертона (как вариант ретрегизма) [2; 3], концепцию гиперреальности Ж. Бодрийера [4], теорию сетевого общества М. Кастельса [5] и теорию совладающего поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман [6]. В рамках последней эскапизм выступает избегающей стратегией копинга, выполняющей функцию краткосрочной эмоциональной и когнитивной регуляции.

Видеоигры создают особую среду для эскапизма благодаря интерактивности, эффекту погружения и наличию «core gameplay loop» – повторяющегося цикла «действие – награда – прогресс», который дает игроку ощущение контроля и предсказуемости, отсутствующее в реальной жизни [7].

Исходя из результатов вторичного анализа, можно сказать, что число пользователей видеоигр превышает 2,7 млрд чел. Игровое пространство – это одно из крупнейших форм цифровой активности [8]. При этом фрустрация базовых потребностей напрямую связана с эскапистской мотивацией, которая объясняет до 40 % вариативности продолжительности игрового поведения. Депрессивные симптомы и эмоциональная дисрегуляция влияют на развитие игрового расстройства через посредничество эскапистских мотивов. Эскапизм полностью или частично опосредует влияние эмоциональных факторов на проблемное игровое поведение [9].

Таблица 1

Косвенные индикаторы виртуального эскапизма (вторичный анализ)

Показатель	Значение	Интерпретация
Предпочтение онлайн-коммуникации	61 % (до 69 % у зумеров)	Смещение социальных взаимодействий в цифровую среду
Время в интернете	до 9 ч в день	Доминирование виртуальной среды в повседневности
Интернет-зависимость	26–28 %	Закрепление цифровых практик как устойчивого поведения
Высокая интенсивность использования (5–10 часов)	До 40 % пользователей	Углубление вовлеченности
Чувство одиночества (выше у молодежи)	качественный показатель	Дефицит «глубокой» социальной включенности

Согласно данным ВЦИОМ, более 60 % молодых респондентов предпочитают цифровое общение личным встречам, при этом среди наиболее младших возрастных групп (зумеров) данный показатель достигает почти 70 % [10; 11]. Одновременно наблюдается рост субъективного чувства одиночества среди молодежи, несмотря на высокий уровень цифровой коммуникации [11]. Интернет и цифровые практики становятся доминирующей формой досуга среди молодежи. Значительная доля респондентов регулярно использует онлайн-среду для развлечения и отвлечения от повседневных проблем, при этом сохраняется или даже усиливается субъективное чувство одиночества, что указывает на структурный разрыв между количеством и качеством социальных взаимодействий. Таким образом, рост цифровой вовлеченности сопровождается усилением компенсаторных форм поведения, связанных с уходом в виртуальные среды. В этом контексте виртуальный эскапизм выступает как вторичный социальный эффект цифровизации.

Эмпирическая база исследования включает первичные данные, полученные в ходе проведения полуструктурированных интервью с 9 представителями молодежи, регулярно играющими в видеоигры (не менее 3 ч в день, или 20 ч в неделю), а также анализа их игровых дневников. В исследовании используется качественный подход (тематический анализ). В марте и апреле 2026 г. была проведена серия полуформализованных глубинных интервью и

собраны игровые дневники. Анализ эмпирических данных осуществлялся с применением качественного тематического анализа.

Игровые практики занимают устойчивое место в структуре повседневности информантов и чаще всего встроены в вечерний сегмент дня как форма восстановления после нагрузки.

Основные мотивы обращения к видеоиграм тесно связаны с эмоциональным состоянием. Наиболее часто упоминается усталость: «Обычно я захожу в игру уже вечером, когда день закончился, и я просто физически устал... Нет сил ни с кем разговаривать или что-то делать, а в игре можно просто быть и ни о чем не думать». Значительную роль играет скука – «Бывает, что я просто не знаю, чем заняться... игра становится способом хоть как-то оживить день». Важными триггерами выступают также стресс и эмоциональное напряжение: «Если у меня что-то случилось или я нервничаю, я часто иду поиграть, потому что там проще отвлечься». Нередко проявляется и избегание реальности: «Иногда я понимаю, что играю не потому, что мне прямо хочется, а потому что не хочется думать о каких-то вещах в реальной жизни».

В процессе игры информанты отмечают эффекты успокоения и переключения внимания. Один из респондентов описывает: «После очень напряженного дня в университете... я просто бегу по миру [в Genshin Impact], и в какой-то момент я замечаю, что голова как будто реально становится тише». Другой подчеркивает ощущение контроля: «Мне в Counter-Strike нравится то, что все достаточно понятно: ты либо попал, либо нет... В жизни так не бывает».

Значительное место в опыте информантов занимает замещение офлайн-практик: «Иногда друзья зовут встретиться... но у меня просто нет сил. Я в такие моменты чаще остаюсь дома и захожу в Доту».

Особый интерес представляет то, как информанты осмысливают влияние игрового опыта на собственное восприятие реальности. Многие респонденты отмечают постепенную трансформацию когнитивных схем под воздействием длительной игровой практики. «Я стал замечать, что в обычной жизни начинаю искать «квесты» и «дейлики». Например, иду в университет и думаю, какие задачи сегодня нужно закрыть, чтобы получить «опыт» и «прогресс»». Другой информант, активно играющий в MOBA-игры, описывает перенос игрового мышления следующим образом: «В Dota ты постоянно считаешь ресурсы, время и эффективность. Потом ловишь себя на том, что так же начинаешь оценивать день: куда лучше вложить силы, что даст больше отдачи, а что является просто пустой тратой времени». Подобная геймификация повседневности свидетельствует о глубоком проникновении игровой логики и ценностей в структуру мышления молодежи. Для части информантов это становится способом повышения субъективной управляемости жизни.

На основании проведенного тематического анализа была выделена следующая типология эскапистских форм вовлеченности (табл. 2).

Таблица 2

Типология эскапистов

Тип эскаписта	Ключевая функция игры	Основные признаки поведения
Эскапист-регулятор (эмоционально-компенсаторный)	Снижение стресса, тревоги, эмоциональная стабилизация	Игра после усталости; «успокоение»; переключение внимания; выбор игры как отдыха
Эскапист-ритуализатор (структурирующий)	Организация повседневности, завершение дня	Фиксированное вечернее время; ощущение «незавершенного дня»; автоматическое включение
Эскапист-избегающий (дезадаптивный)	Уход от офлайн-обязательств и социальной реальности	Отказ от встреч и дел; перенос активности в игру; «остался дома вместо выхода»
Эскапист-социальный (коммуникативный)	Поддержание и замещение социальной жизни	Игровые друзья; команды; Discord-общение; регулярные совместные сессии
Эскапист-автоматический (компульсивно-привычный)	Минимизация усилия принятия решения, уход в привычный цикл	«само запускается»; «еще одна катка»; нарушение планов; длительные сессии

Тип эскаписта	Ключевая функция игры	Основные признаки поведения
Эскапист-геймифицированный (когнитивный)	Перенос игровых моделей на восприятие жизни	«дейлики», «квесты»; оценка эффективности жизни; мышление через прогресс и ресурсы
Эскапист-регулятор (эмоционально-компенсаторный)	Снижение стресса, тревоги, эмоциональная стабилизация	Игра после усталости; «успокоение»; переключение внимания; выбор игры как отдыха
Эскапист-ритуализатор (структурирующий)	Организация повседневности, завершение дня	Фиксированное вечернее время; ощущение «незавершенного дня»; автоматическое включение
Эскапист-избегающий (дезадаптивный)	Уход от офлайн-обязательств и социальной реальности	Отказ от встреч и дел; перенос активности в игру; «остался дома вместо выхода»
Эскапист-социальный (коммуникативный)	Поддержание и замещение социальной жизни	Игровые друзья; команды; Discord-общение; регулярные совместные сессии
Эскапист-автоматический (компульсивно-привычный)	Минимизация усилия принятия решения, уход в привычный цикл	«само запускается»; «еще одна катка»; нарушение планов; длительные сессии
Эскапист-геймифицированный (когнитивный)	Перенос игровых моделей на восприятие жизни	«дейлики», «квесты»; оценка эффективности жизни; мышление через прогресс и ресурсы

Типология носит характер идеальных типов. В реальности один и тот же человек может сочетать характеристики нескольких типов, однако обычно выделяется доминирующий паттерн.

Подводя итог, можно сказать, что эмпирическое исследование подтвердило, что видеоигры выступают значимым механизмом эскапизма для современной молодежи. Основными триггерами являются усталость, скука и стресс. Игровая деятельность устойчиво интегрирована в повседневность, выполняя функции эмоциональной регуляции, структурирования времени и частичного замещения офлайн-практик. Разработанная типология эскапистов позволяет глубже понять разнообразие форм реализации эскапизма в цифровой среде.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд : пер. с фр. М. : Мысль, 1994. 399 с.
3. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 91–96.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция : пер. с фр. М. : Постум, 2015. 240 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York : Springer, 1984. 445 p.
7. Yee N. Motivations for Play in Online Games // CyberPsychology&Behavior. 2006. Vol. 9, N 6. P. 772–775.
8. Global Digital Report 2024 // DataReportal. 2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Demirdöğen E. Y. et al. Escapism, depression and digital addiction pathways // Frontiers in Psychiatry. 2024.
10. Молодежь и цифровая коммуникация (онлайн-общение vs офлайн) // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://rg.ru/2025/06/24/vciom-bolee-poloviny-molodyh-hudev-predpochitaiut-onlajn-obshchenie-zhivotu.html> (дата обращения: 30.03.2026).
11. ВЦИОМ. Молодежь сегодня ощущает себя более одиноко, чем пожилые люди // Российская газета. 2025. 6 марта. URL: <https://rg.ru/2025/03/06/vciom-molodezh-segodnia-oshchushchaet-sebia-bolee-odinoko-chem-pozhilye-liudi.html> (дата обращения: 30.03.2026).

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются современные исследования по вопросам адаптации и интеграции иностранных студентов в российскую систему образования. Выявлены научные проблемы, связанные с методологическими основами теории адаптации, включая психологическую, социокультурную и когнитивную адаптацию. Также анализируются региональная и образовательная география поступления студентов. Обсуждаются задачи государственной политики и практики вузов, направленные на создание благоприятной образовательной и социальной среды. В результате многогранного анализа подчеркивается роль квот, программ поддержки и доступности инфраструктуры в контексте стратегий привлечения иностранных студентов в Российскую Федерацию к 2030 г.

Ключевые слова: иностранные студенты в России, социальное положение, адаптация, интеграция, методология исследования, высшее образование.

M. S. Lenartovich

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL STATUS OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND RESEARCH

This article discusses current research on the adaptation and integration of international students into the Russian education system. It examines scientific issues related to the methodological foundations of adaptation theory, including psychological, sociocultural, and cognitive adaptation. It also analyzes the regional and educational geography of student enrollment. It also discusses the challenges of public policy and university practices aimed at creating a favorable educational and social environment. A multifaceted analysis highlights the role of quotas, support programs, and infrastructure accessibility in the context of strategies for attracting international students to the Russian Federation by 2030.

Keywords: foreign students in Russia, social status, adaptation, integration, research methodology, higher education.

Сегодня тема социального статуса иностранцев в России является актуальной и обусловлена множеством взаимосвязанных факторов, требующих вдумчивого подхода и пристального внимания ученых.

Россия постоянно сталкивается с увеличением потока прибывающих в страну иностранных абитуриентов, что сама по себе делает проблему остросоциальной. Процесс социокультурной интеграции в нашу страну – процесс явно нелинейный, изобилующий всякого рода барьерами, например от языковых до допустимых психологических разрывов. Дополнительно стоит обратить внимание на демографические векторы и экономические направления: студенческая масса, по сути – форма миграции, влияет на рынок труда и непосредственно на демографию, поэтому анализа тут требует исключительно долгосрочного. И всемирный положительный имидж страны формируется гораздо больше именно через полезный опыт пребывания на ее территории зарубежных студентов, их успешную адаптацию, что, в свою очередь, транслирует открытость к сотрудничеству. Конкурентоспособность отечественного образования на глобальном образовательном рынке во многом состоит в создании привлекательной среды для иностранца. Социальные аспекты жизни иностранных студентов – в условиях геополитических сдвигов и пандемических ограничений – становятся для быстрой реакции на кризисы и для корректировок стратегии ключом.

Методологическая основа исследования. Изучение социального статуса иностранных студентов требует многомерного, междисциплинарного подхода, использующего разнообразные научные теории в области психологической и социокультурной адаптации, когнитивных изменений и др. Системный подход рассматривает иностранного студента как часть более широкой системы, включающей университет, город и страну, и анализирует его взаимодействие с другими ее элементами. Что касается основных проблем и исследований, то основные препятствия – это отсутствие знания русского языка, разные культурные традиции, сложности в общении, чувство изоляции и одиночества.

Анализ существующих исследований и основных проблем:

1. Отсутствие знаний русского языка, различные культурные традиции, трудности в общении, изоляция и одиночество.

2. Изучение эффективности различных подходов к решению вопроса адаптации – языкознание, участие в культурных программах, установление контактов со студентами данного вуза и обращение за помощью в студенческие службы.

3. Социальные сети и онлайн-ресурсы: использование цифровых технологий для сохранения связи со своей родиной и создания новой социальной сети.

Региональная и образовательная география притока студентов: выбор университета и региона, исследование факторов, оказывающих влияние на выбор университета (рейтинг, специализация, качество преподавания, англоязычные программы), а также региона обучения (экономическая ситуация, инфраструктура, культурная среда, климат).

Географическое обоснование: исследование территориальной организации иностранной молодежи, выявление наиболее привлекательных образовательных центров России.

Влияние квот, государственной поддержки и развития инфраструктуры: влияние квот: Обеспечение государственных квот как способ привлечения иностранной молодежи, стимулирование образования в не самом популярном, но перспективном регионе.

Поддержка иностранной молодежи: выявление эффективности программ поддержки (лингвистический, психологический и правовой аспекты, культурное развитие).

Инфраструктурная обеспеченность: вопрос важности наличия доступного жилья (общежития), удобного транспорта, медицинского обслуживания, библиотек и других объектов инфраструктуры для комфортного проживания и обучения.

Требования государственной политики и практики работы высших учебных заведений: составление и внедрение специальных стратегий по повышению привлекательности образования России и созданию наиболее подходящих условий для обучения иностранцев.

Межкультурное взаимодействие: создание специальных курсов и мероприятий по развитию межкультурной компетентности как среди иностранцев, так и среди российских студентов.

Положение о правовом регулировании: разработка и модификация законодательства, делающего процесс приезда, проживания и трудоустройства иностранцев простым.

С учетом будущего стратегического внимания к привлечению иностранных студентов до 2030 года нужно сосредоточиться на следующих важных моментах:

1. Качество образования: активное внедрение новых технологий в обучении, образовательных программ в соответствии с мировыми стандартами, расширение исследовательского потенциала университетов.

2. Стратегическая поддержка и интеграция: создание эффективных центров поддержки иностранных студентов на базе университетов, внедрение наставнических программ, использование помощи со стороны выпускников.

3. Информационное и маркетинговое сопровождение: проведение целевых информационных кампаний на международных образовательных выставках, в интернете с привлечением услуг международных агентств.

4. Усиление англоязычного направления: разработка и развитие новых англоязычных образовательных программ, учитывающих потребности мирового рынка труда.

5. Улучшение социальной и инфраструктурной базы обучения: вложение средств в обустройство студгородков, общежитий, медицинских служб, а также сокращение бюрократии при оформлении виз и трудоустройства.

6. Общее расширение географии привлечения: повышенное внимание к привлечению студентов из новых, перспективных регионов (Азия, Африка, Латинская Америка).

Социальная ситуация иностранных студентов в России – сложный комплекс явлений, который требует научного осмысления и практического подхода к решению проблем.

Интеграция и адаптация зависят от множества факторов:

- качества учебных программ;
- языковой подготовки;

- удобства инфраструктуры;
- государственной политики.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что для увеличения количества иностранцев и качества их пребывания на территории Российской Федерации требуются дальнейшие шаги в направлении создания благоприятного пространства для адаптации студентов. Стратегии должны учитывать не только методологию, но и новые вызовы времени. Только так можно усилить роль России как ведущего образовательного центра.

Литература

1. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностранный студент в российском вузе : монография. М. : РУСАЙНС, 2022. 138 с.
2. Испулова С. Н. Анализ социокультурной адаптации иностранных студентов России // Социальная политика и социальное партнерство. 2025. Т. 20, № 12 (251). С. 915–921.
3. Лукин М. А. Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов в России // Наука в аудитории: образовательные технологии для исследовательской деятельности : сб. науч. тр. II Междунар. студ. науч.-практ. конф. Курск : Зональная науч. б-ка ЮЗГУ, 2025. С. 138–140.
4. Самойлова О. А., Горшкова Е. В. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования // Социальная политика и прикладная социология. 2022. № 1 (44). С. 96–105.
5. Харюшина Н. А. Правовая адаптация иностранных студентов в России // Правотворчество, правоприменение и правосознание: состояние и перспективы развития : сб. докл. VII Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2021. С. 251–255.
6. Шик Алшабаб М. Актуальные проблемы адаптации иностранных студентов в образовательной среде в России // Сборник трудов VIII Конгресса молодых ученых. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2019. С. 192–196.

УДК 316.7

Н. В. Лошакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КУЛЬТУРА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ БРАКОВ: РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В ОСМЫСЛЕНИИ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹⁴

Анализируется влияние исследовательских организаций на осмысление обновлённой российской идентичности сквозь призму смешанных браков. Утверждается, что союз людей разных национальностей одновременно и отражает, и запускает сдвиги в самосознании внутри многонациональной страны. Показано, чем занимаются ведущие аналитические и научные центры (ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ, НИУ ВШЭ и др.), когда изучают связь между социальными идентичностями и восприятием межэтнических семей. Выделены главные линии в высказываниях специалистов: от сугубо практических оценок демографических эффектов до культурно-философского взгляда на то, как межнациональные браки участвуют в складывании общей гражданской идентичности. Обнаружено, что экспертные площадки играют сразу две роли – они не просто описывают общественные настроения, но и сами через научные обсуждения и открытые дискуссии помогают создавать новый образ российской идентичности.

Ключевые слова: российская идентичность, межкультурные браки, экспертные институты, межэтнические отношения, культурная политика, гражданская идентичность.

N. V. Loshakova

Irkutsk State University, Irkutsk

CULTURE AT THE CROSSROADS OF MARRIAGES: THE ROLE OF EXPERT INSTITUTIONS IN CONCEPTUALIZING THE NEW RUSSIAN IDENTITY

The article analyzes the role of expert institutions in conceptualizing the new Russian identity in the context of intercultural marriages. It substantiates that intercultural marriage acts as both a marker and a mechanism of identity transformation in Russia's multi-ethnic society. The key research directions of academic and analytical centers (FNISCRAS, VCIOM, HSE University, etc.) on the relationship between social identities and attitudes toward intercultural marriages are examined. The main narratives of expert discourse are identified: from pragmatic analysis of demograph-

¹⁴ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

ic consequences to civilizational understanding of intercultural marriages' role in forming a macro-political identity. It is shown that expert institutions perform a dual function—they not only record the state of public consciousness but also participate in constructing a new model of Russian identity through scholarly reflection and public platforms.

Keywords: Russian identity, intercultural marriages, expert institutions, interethnic relations, cultural policy, civic identity.

Сейчас в России сильно меняется то, как люди понимают себя и свою страну. Это связано и с переменами в мире, и с тем, что происходит внутри самого общества. Один из самых ярких примеров этих перемен – браки между людьми разных культур. В таких семьях сталкиваются и смешиваются разные национальные, религиозные и местные особенности. Выражение «перекрёсток браков» подходит здесь не случайно: оно показывает не только встречу разных традиций, но и то, как по-разному люди видят самих себя. Учёные и экспертные организации – научные центры, институты, аналитические группы – помогают понять, какой становится новая российская идентичность. Они не просто замечают сдвиги в сознании людей с помощью опросов, но и создают ту среду, где рождаются новые смыслы и объяснения. Задача этой статьи – разобрать, как именно экспертные учреждения понимают и выстраивают российскую идентичность через изучение межкультурных браков.

В современных гуманитарных науках под идентичностью понимают сложную систему, которая включает в себя этническую, гражданскую, культурную, религиозную и местную составляющие [4]. Российскую идентичность обычно рассматривают как большую общность, которая существует поверх этнических различий и объединяет жителей страны общими ценностями и памятью о прошлом. Межкультурный брак – это особая маленькая модель общества, в которой разные идентичности напрямую соприкасаются. Исследования показывают, что отношение к таким бракам в целом положительное и почти не зависит от культуры или региона: примерно 70–77 % людей их поддерживают [4]. При этом связь гражданской идентичности с отношением к межкультурным бракам неодинакова: у бурят она положительная, а у русских из Московского региона – отрицательная [4]. Значит, картина того, как разные уровни идентичности влияют друг на друга, довольно сложная и неоднородная. Понятие «перекрёстка браков» также связано с тем, как антропологи изучают свадебные обряды (например, А. ван Геннеп описал их как переходные ритуалы, когда брак становится точкой встречи разных жизненных путей и культурных систем). В сегодняшней России этот перекрёсток обретает новый смысл – здесь появляются смешанные, гибридные идентичности. Особенно у детей из межетнических семей, которые часто чувствуют себя «людьми без культуры» или, наоборот, находят в себе несколько культур сразу.

Вот главные экспертные организации, которые изучают российскую идентичность и межкультурные браки:

1. Институт социологии ФНИСЦ РАН (проводит крупные исследования по теме, в том числе книгу «Российская идентичность и межетническое согласие: новые ресурсы консолидации и риски дезинтеграции» за 2025 г.) [2].
2. ВЦИОМ (регулярно опрашивает людей: 17 % россиян относятся к другой национальности «с опаской и осторожностью», а 76 % имеют друзей иной национальности) [2].
3. НИУ ВШЭ (в рамках семинара «Культура имеет значение» и других проектов изучает социальные идентичности, в том числе в связи с межкультурными браками) [2].
4. Институт гражданской идентичности при РГУ имени А. Н. Косыгина (организует Форум российской идентичности – крупную площадку, где встречаются государство и общество) [2].

Эти институты дают факты, которые помогают понять, как связаны межкультурные браки и идентичность. Например, исследование «Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ» показало: у всех опрошенных групп (независимо от национальности и региона) положительное отношение к браку с человеком другой культуры связано с тем, насколько человек привязан к месту, где живёт. Это очень важный вывод: местная, «почвенная» принадлежность предсказывает терпимость даже сильнее, чем этническая или гражданская.

Если посмотреть на публикации и обсуждения экспертов, можно выделить несколько основных сюжетов (нарративов) о том, как связаны межкультурные браки и российская идентичность:

1. Демографический и адаптационный нарратив. Смотрит на межкультурные браки как на обычный демографический процесс. Важно понять, как супруги и их дети привыкают друг к другу. Исследования показывают, что в смешанных семьях складываются свои правила: постоянно меняются роли мужчины и женщины, религиозные привычки, семейные обязанности. И. В. Лукьянчиков пишет, что межнациональные браки – это особая социальная группа со своими сложностями и нуждами в адаптации [1].

2. Идентификационный и ценностный нарратив. Сосредоточен на том, как опыт брака с человеком другой культуры меняет самоощущение человека. Сравнительное исследование русских женщин в межэтнических браках показало: их этническая идентичность меняется в зависимости от того, сколько лет длится брак. А дети из таких семей – отдельная тема для изучения; у них часто складывается «смешанная» расовая или этническая идентичность, они не выбирают какую-то одну национальность.

3. Цивилизационный и макрополитический нарратив. Видит в межкультурных браках показатель того, в какую сторону движется российская идентичность. Отношение к таким бракам (70–77 % поддержки) говорит о том, что их воспринимают не как межэтнический конфликт, а скорее как личное дело людей. Под влиянием внешних угроз российская идентичность становится всё более макрополитической – она строится поверх этнических и культурных различий [3].

4. Государственно-политический и проектный нарратив. Предполагает, что российскую идентичность можно и нужно целенаправленно создавать через экспертные и образовательные учреждения. С 2024 г. действует программа научных исследований по этнокультурному многообразию России для укрепления российской идентичности; в её рамках выходят сборники статей, монографии, проводятся десятки конференций. Профессор В.Н. Расторгуев прямо спрашивает: какова роль экспертов в политическом планировании того, как люди будут себя коллективно осознавать? [3].

Очень важно понимать: экспертные институты не просто изучают российскую идентичность, они сами активно участвуют в её создании. Эта двойная роль проявляется через несколько механизмов.

Первый – фундаментальные и прикладные исследования, результаты которых потом ложатся в основу политических решений. Как пишет В. Н. Расторгуев, эксперты играют ключевую роль в том, как люди себя коллективно осознают и как это планируется в политике [3]. Второй – публичные площадки, где встречаются власть, учёные и общество. Форум российской идентичности считается главной площадкой для такого диалога по вопросам общероссийской гражданской идентичности. Там рождаются сюжеты (нарративы), которые потом идут в школы и молодёжную среду. Третий – создание экспертного языка, который задаёт рамки для обсуждения межкультурных браков. Интересно, что большинство исследований подчёркивает плюсы таких браков: они помогают межнациональному согласию, обновлению генофонда, снижению конфликтов. Тем самым эксперты как бы одобряют межкультурные браки как желательную часть новой российской идентичности. Четвёртый – подготовка кадров для государственной политики в сфере идентичности. Лаборатория социально-антропологических исследований Томского госуниверситета (работает по мегагранту) изучает, как меняется идентичность в условиях модернизации и глобальных потрясений, и готовит специалистов для этой работы.

Но есть и серьёзная проблема: между научными теориями и тем, что думают обычные люди, часто бывает разрыв. Хотя абстрактно большинство поддерживает межэтнические браки, в обществе всё равно сохраняются настороженность и стереотипы, особенно когда речь идёт о браках с мигрантами из Средней Азии. Экспертам приходится из-за этого точнее настраивать свои методы исследований и способы общения с обществом.

Из всего сказанного можно сделать вывод: экспертные институты играют ключевую роль в осмыслении и создании новой российской идентичности через призму межкультурных браков. Метафора «перекрёстка браков» отражает не только реальное многонациональное устройство России, но и ту ситуацию выбора, в которой оказались эксперты: какой образ идентичности предлагать власти и обществу, на каких сторонах межнационального общения делать акцент. Экспертные институты делают три дела: фиксируют состояние общественно-го сознания с помощью исследований; придумывают новые формы идентичности, возникающие на стыке культур; помогают узаконить эти формы и внедрить их через публичные площадки и образование.

Чтобы двигаться дальше, нужно, с одной стороны, углублять междисциплинарные исследования (на стыке социологии, психологии, культурной антропологии и политологии), а с другой – активнее вовлекать экспертов в открытое обсуждение ценностей, на которых держится российская идентичность. Именно на «перекрёстке браков», где встречаются разные культурные традиции и жизненные миры, и формируется та новая российская идентичность, которая сможет обеспечить устойчивое развитие общества в XXI в.

Литература

1. Герасимчук А. В. Межнациональный брак в современной России: стратегии построения семейной идентичности и преодоления культурных барьеров // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : сб. докл. XI Междунар. науч.-практ. конф. Тула : ИД «Среда», 2025. С. 294–296.
2. Лушникова О. Л. Межнациональные браки в Хакасии: проблема смешанного происхождения // Научный результат. Серия: Социология и управление. Хакасия : ГБНИУ РХ «ХАКНИИЯЛИ», 2024. С. 45–59.
3. Расторгуев В. Н. Россия и Русский мир: механизмы коллективной самоидентификации и роль экспертного сообщества в политическом планировании // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. М. : Наука, 2023. С. 85–112.
4. Стефаненко Т. Г., Тихомандрицкая О. А. Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ // Психология. М. : НИУ ВШЭ, 2024. С. 30–48.

УДК 316.77

А. Р. Лях

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВ В РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА

Рассматривается период 2023–2025 гг. как этап глубинной структурной трансформации российского медиапространства, обусловленного геополитическими факторами, регуляторными изменениями и миграцией аудитории в цифровые платформы. Анализируется возрастная специфика медиапотребления, демонстрируется устойчивый поколенческий разрыв. Акцентируется внимание на кризисе информационного доверия и формированию практики перепроверки информации.

Ключевые слова: трансформация медиапространства, медиапотребление, цифровые платформы, поколенческий разрыв, информационное доверие, медиаграмотность, цифровое неравенство.

A. R. Lyakh

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF MEDIA SPACES IN RUSSIA: EXPERT ANALYSIS AND ASSESSMENT

The article examines the 2023–2025 period as a phase of profound structural transformation in the Russian media landscape, driven by geopolitical factors, regulatory changes, and audience migration to digital platforms. Age-specific patterns of media consumption are analyzed, revealing a persistent generational divide. Special emphasis is placed on the crisis of information trust and the growing adoption of content verification and fact-checking practices.

Keywords: media landscape transformation, media consumption, digital platforms, generational divide, information trust, media literacy, digital inequality.

Период с 2023–2025 гг. характеризуется как ключевой этап для отечественной медиасферы, прошедшей серьёзные структурные изменения. На практику потребления медиаконтента существенное влияние оказали геополитические условия, санкционные ограничения, а также корректировки во внутреннем правовом регулировании отрасли. Устоявшимся моделям трансляции контента пришли новые медиаформаты. Актуальность работы обусловлена необходимостью оценки данных процессов. Важно понять масштабы перераспределения пользовательских потоков в мессенджеры Telegram, «ВКонтакте», а также проанализировать ужесточение регуляторного контроля и практики ограничения доступа к ресурсам. На фоне растущего влияния мессенджеров как новостных агрегаторов наблюдается снижение интереса к классическим средствам массовой информации [3].

Проблематика структурной трансформации российского медиапространства в последние годы переходит из разряда отраслевых наблюдений в поле активных научных дискуссий. Как подчёркивается в материалах профильной международной конференции, посвящённой развитию экспертных институтов в цифровую эпоху, современная медиасфера требует формирования новых аналитических матриц и экспертных пулов, способных объективно оценивать качество информационных потоков, уровень доверия аудитории и риски цифровой фрагментации общества [6]. В академическом сообществе активно обсуждается тезис о том, что без системной экспертной верификации медиапроцессов невозможно выработать эффективные стратегии обеспечения информационной безопасности и адаптации коммуникационных практик к новым технологическим реалиям. Именно в этом контексте приобретает особую значимость научная оценка возрастной специфики потребления контента, миграции пользовательских потоков в мессенджеры и кризиса информационного доверия, которые требуют не просто описательной статистики, но глубокой экспертно-аналитической интерпретации.

В работе используется вторичный экспертно-аналитический подход, основанный на верифицированных отчётах институтов и публикациях профильных специалистов. Цель работы заключается в комплексном анализе изменений российского медиапространства в контексте актуальных вызовов.

В контексте поставленной цели необходимо учитывать, что структурная трансформация медиасферы неразрывно связана с развитием цифровой инфраструктуры и государственной политикой в сфере IT-модернизации. Как подчёркивается в современных социологических исследованиях, государство выступает определяющим звеном в развитии цифровой экономики, задавая технологические приоритеты, формируя регулярную базу и обеспечивая инфраструктурные условия для функционирования цифровых платформ [7]. Именно качественное обновление информационно-коммуникационных сетей, накопление кадрового потенциала и поддержка отечественных IT-решений создают материальную основу для миграции аудиторий в новые цифровые среды. Без учёта данного цифрового компонента анализ медиатрансформаций остаётся фрагментарным, поскольку именно уровень технологической доступности, скорость внедрения инновационных сервисов и эффективность программ цифровизации напрямую определяют масштабы перераспределения информационных потоков, а также формируют новые условия для обеспечения информационной безопасности и технологического суверенитета медиарынка.

Ключевой характеристикой рассматриваемого трёхлетнего периода стало не просто количественное перераспределение пользовательских потоков между цифровыми площадками, но качественная трансформация шаблонов потребления контента, имеющая выраженную возрастную дифференциацию. Согласно данным мониторингового исследования «Телевидение глазами зрителей», видеопотребление остаётся наиболее востребованной практикой среди россиян. Подавляющее большинство респондентов (96 %) обращаются к видеоконтенту минимум еженедельно, независимо от платформы вещания [2, с. 128]. Однако способы доступа к этому контенту существенно варьируются в зависимости от возрастной категории, что формирует разнородную медиасреду.

В группе 15–34 лет преобладает потребление, ориентированное на интернет-сервисы и мобильные устройства. Социальные сети регулярно используют 91 % опрошенных, интер-

нет-видео – 84 %, музыкальные сервисы и подкасты – 81 % [2, с. 130]. Для данной категории смартфон выступает основным экраном, тогда как телевидение рассматривается преимущественно как устройство для просмотра «альтернативного» контента (онлайн-кинотеатры, видеохостинги), а не линейного вещания. Это свидетельствует о формировании «цифрового разлома», где молодое поколение практически полностью мигрировало в сетевые среды.

В старшей возрастной группе (55+) базовой практикой остаётся просмотр телеканалов на экране телевизора (90 %), однако значительная часть данной аудитории уже освоила «альтернативное» использование экрана. Практически каждый третий россиянин старше 55 лет регулярно смотрит видеоконтент из интернета на телевизоре [2, с. 130–131]. При этом у старшего поколения сохраняется интерес к чтению печатной прессы (46 %), что свидетельствует о сохранении традиционных медиапрактик параллельно с освоением новых форматов. Таким образом, наблюдается не полное вытеснение старых медиа, а их сложная интеграция в современную цифровую ситуацию.

Одним из определяющих векторов текущей структурной перестройки медиа сферы выступает прогрессирующая политизация потребительских практик в среде мессенджеров, что неизбежно ведёт к обострению институциональной конкуренции между новыми цифровыми площадками и традиционными медиаинститутами. Эмпирические данные, полученные в ходе социологического мониторинга, реализованного в 2025 г. на базе городо-миллионников, свидетельствуют о качественной трансформации мотивации аудитории. В частности, зафиксировано, что доминирующее большинство пользователей (72 %) интегрируют Telegram в свою повседневную практику преимущественно для мониторинга политической конъюнктуры, тогда как почти половина респондентов (48 %) рассматривают платформу как инструмент для самообразования и профессионального развития [5, с. 128].

В данных условиях мессенджер перестает быть нейтральным каналом передачи данных и выступает в роли самостоятельного, автономного актора влияния на общественное мнение. Результаты опроса демонстрируют высокую степень воспринимаемой эффективности данной платформы. 64 % участников убеждены, что Telegram способен формировать политические установки общества в целом. Более трети опрошенных (37 %) признают факт личного воздействия контента мессенджера, отмечая, что информация из каналов изменила их персональное восприятие ключевых политических событий [5, с. 129].

Статистический анализ рыночной динамики выявляет устойчивую обратную корреляционную зависимость между экспансией Telegram-каналов и деградацией сектора традиционных СМИ. Временной срез за период 2021–2024 гг. наглядно иллюстрирует этот тренд. Совокупное количество действующих СМИ на территории России сократилось на 10,58 % (фиксируется снижение с 61 576 до 55 067 зарегистрированных изданий). Одновременно с этим сегмент Telegram-каналов тематической категории «Новости и СМИ» продемонстрировал взрывной рост на 49,41 % (увеличение с 1734 до 3509 каналов) [5, с. 129]. Расчетный коэффициент корреляции между данными переменными достигает значения 0,976, что статистически подтверждает наличие ярко выраженной зависимости и подтверждает тезис о системном замещении традиционных источников информации новыми цифровыми медиа [5, с. 135].

Качественное превосходство новой платформы проявляется также в метриках аудиторной вовлечённости. Средний фактор в Telegram достигает 35,97 %. Это в 3,45 раза выше аналогичных показателей на телевидении (8,2–15,8 %), и в 19,8 раз выше бесплатных печатных изданий [5, с. 131]. Такие большие разделения продиктованы различиями в пользовательском опыте взаимодействия и технической доступности. Чтобы мгновенно получить контент мессенджера достаточно мобильного устройства и интернета [5, с. 132]. Тем не менее, анализ показывает, что только 12 % пользователей полностью доверяют публикуемой в каналах информации.

Исследование ВЦИОМ «Информационный марафон» показало, что 84 % пользователей интернета ежедневно потребляют текстовые онлайн новости. Лишь 23 % интернет-пользователей на регулярной основе соблюдают «цифровую новостную гигиену» [3]. Это указывает на высокую уязвимость пользователей к недостоверной информации, что создаёт

дополнительные риски. Не смотря на распространённое мнение о «смерти телевидения», эмпирические данные демонстрируют о более комплексной динамике. Большинство аудитории (56 %) смотрят как каналы по телевизору, так и фильмы и сериалы в онлайн-кинотеатрах, шоу на сайтах, блоги на видеохостингах.

Согласно данным ФОМ, доверие у молодой аудитории (18–30 лет) к ТВ как к источнику новостей составляет лишь 20 %. В общей же выборке данный показатель равен 35 %. Новостным сайтам-агрегаторам – 22 %, социальным сетям и мессенджерам – 14 % [4, с. 2]. Это свидетельствует об образовании разрыва предпочтений в потреблении медиа разных поколений.

Изменение информационного поля происходит не только на уровне потребительских практик, но и на уровне инфраструктурных решений. Отчёт счётной палаты РФ о цифровой трансформации фиксирует потребность в постоянном мониторинге и корректировке эффективности использования бюджетных средств на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры [1]. Ключевым является обеспечение равного доступа к высокоскоростному интернету в регионах, развитие отечественных цифровых платформ и сервисов, защита персональных данных и поддержка создания качественного отечественного контента. Неравномерное распределение цифровых ресурсов по территории России создаёт риски коммуникационного неравенства [1]. Важным также является то, что динамика цифровой миграции в мессенджеры и цифровые платформы в крупных городах (Москва, СПб, Екатеринбург, Новосибирск) происходит значительно быстрее, чем в малых городах или сёлах, и носит массовый характер. Данный региональный разрыв требует от медиахолдингов, рекламодателей и регуляторов применения дифференцированных коммуникационных стратегий. От продвижения интерактивных цифровых форматов в мегаполисах до гибридных моделей вещания и адресных программ медиапродвижения в периферийных территориях.

Важным дополнением к инфраструктурному анализу выступает оценка профильных отраслевых экспертов. По мнению президента Российского союза промышленников и предпринимателей (РСП) А. Н. Шохина, медиаиндустрия, особенно её цифровая часть, меняется чрезмерно динамично, затрагивая все сектора экономики [5, с. 1143]. Эксперты маркетингового агентства ОРО подтверждают эту тенденцию, выделяя в качестве ключевого вызова 2024–2025 гг. рост стоимости размещения на 62 % и монополизацию рекламного инвентаря [5, с. 1144]. Данная экспертная позиция коррелирует с данными о технологической трансформации, указывая на то, что экономические факторы становятся не менее значимыми драйверами изменений, чем регуляторные меры.

Одним из наиболее значимых выводов проведённого анализа является фиксация кризиса доверия к информационным источникам. Данные ФОМ показывают, что 30 % респондентов не имеют источников информации, которым доверяют больше остальных [4, с. 2]. При этом 58 % пользователей предпочитают перепроверять полученные сведения, сопоставляя их с альтернативными источниками [3]. Эта практика может рассматриваться как адаптивная стратегия в условиях высокой степени беспорядка информационного пространства, но и как ситуация, при которой аудитория перестаёт чувствовать себя защищённой от недостоверной информации. Это может вести к росту информационной усталости и уменьшения вовлеченности.

Подводя итоги, важно можно подчеркнуть, что медиaprостранство в России проходит глубинные структурные трансформации. Разные возрастные группы по-разному потребляют медиаконтент. Телевидение не вытесняется интернетом, но адаптируется. Телевизор становится устройством, которое объединяет потребление разнообразного видеоконтента. Большая часть населения не имеет безоговорочно доверительных источников информации. Люди вынуждены обращаться к альтернативным источникам для проверки информации. Это показывает образование более критического, но в то же время и более уязвимого медиапотребления. Обобщая изложение, следует подчеркнуть, что отечественная медиасфера демонстрирует выраженную устойчивость к внешним ограничениям и внутренним структурным сдвигам. В долгосрочной перспективе развитие отрасли будет определяться готовностью профессио-

нальных участников выстраивать доверительные коммуникативные связи с аудиторией, гибко трансформируя и адаптируя форматы подачи контента под сегодняшние реалии.

Литература

1. Отчет о результатах проверки эффективности использования бюджетных средств на реализацию мероприятий по цифровой трансформации и развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры в Российской Федерации в 2024–2025 годах // Счетная палата Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2025 (дата обращения: 17.04.2026).
2. Полуэхтова И. А. Медиапотребление различных возрастных групп // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 127–132.
3. Информационный марафон: как и зачем россияне читают новости в 2025 году // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnyi-marafon-kak-i-zachem-rossijane-chitajut-novosti-v-2025-godu> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Новостная информация и телевидение: доверие к различным источникам информации и к телевидению как к источнику новостей // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15149> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Ветренко И. А., Осьмеркина А. Д. Информационные альтернативы и политическая легитимность: феномен телеграм-каналов в России // Управленческое консультирование. 2025. № 6. С. 121–132.
6. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Векторы развития экспертных институтов в условиях построения безопасного мира // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 164–166.
7. Социологический подход к определению роли государства в модернизации ИТ-сектора: региональный аспект / Т. И. Грабельных, С. П. Какаулин, Ю. А. Салтыкова, С. В. Белоусов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 52. С. 80–88. URL: <https://izvestiapolit.isu.ru/ru/article?id=2111> (дата обращения: 12.05.2026).

УДК 316.776

Д. А. Малыхина

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ПОСТПРАВДА КАК ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН К КОНСТРУИРОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Анализируется феномен постправды как современной технологии политического управления. Рассматривается эволюция постправды от инструмента информационных войн до механизма конструирования альтернативной политической реальности. Особое внимание уделяется роли экспертных институтов и СМИ в распространении постправдивых нарративов. На основе анализа кейсов (Brexit, выборы в США 2016 и 2024 гг., ситуация в России) выявляются ключевые технологии и механизмы воздействия. Делается вывод, что постправда становится системным вызовом для рациональной публичной политики и экспертного знания, требующим выработки новых форм противодействия.

Ключевые слова: постправда, информационные войны, политическое управление, конструирование реальности, экспертные институты, манипуляция, цифровые платформы.

D. A. Malykhina

Kemerovo State University, Kemerovo

POST-TRUTH AS A MANAGEMENT TECHNOLOGY: FROM INFORMATION WARS TO THE CONSTRUCTION OF POLITICAL REALITY

The article analyzes the phenomenon of post-truth as a modern technology of political management. The evolution of post-truth from an instrument of information wars to a mechanism for constructing an alternative political reality is examined. Based on the analysis of case studies (Brexit, the 2016 and 2024 US elections, the situation in Russia), key technologies and mechanisms of influence are identified. The author concludes that post-truth becomes a systemic challenge to rational public policy and expert knowledge, requiring the development of new forms of counteraction.

Keywords: political management, information wars, post-truth, construction of reality, expert institutions, manipulation, digital platforms.

Кузбасский политолог С. Н. Чирун, анализируя постправду в контексте молодежной политики, определяет её как «...совокупность недостоверных общественно-политических

представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий», которые невозможно обосновать рационально [1].

Цель данной статьи – проследить эволюцию постправды от тактического инструмента информационных войн до стратегического принципа конструирования политической реальности, а также оценить риски для экспертных институтов и демократических процедур.

Важно различать постправду и смежные феномены. Ложь предполагает намеренное искажение фактов при сохранении самого критерия истины. Дезинформация – это распространение заведомо ложных сведений. Постправда же обесценивает саму идею факта как основания для суждения. В условиях постправды становится возможным сосуществование множества альтернативных реальностей, каждая из которых обслуживает интересы определенной группы.

С лингвистической точки зрения, как отмечают А. П. Чудинов, Н. Н. Кошкарлова и Н. Б. Руженцева, «деструктивные социальные явления, связанные с постправдой, – это не безобидная форма развлечения, а реальная угроза, имеющая серьезные политические последствия» [2]. Дискурс постправды характеризуется высокой степенью эмоциональности, метафоричностью и апеллацией к ценностям, а не к аргументам.

Информационные войны всегда использовали ложь, пропаганду и дезинформацию. Однако постправда качественно отличается: она не отрицает факты, а обесценивает их. В условиях информационной войны постправда позволяет создавать множественные, конкурирующие версии реальности, каждая из которых обслуживает интересы определенной группы. При этом целью становится не убеждение оппонента, а его деморализация, размывание критериев истины и создание «информационной усталости» [3].

Классическим примером служит кампания по выходу Великобритании из ЕС (Brexit).

Эта кампания охватила более 126 млн пользователей Facebook. Важно, что многие из этих сообщений не были прямой ложью – они представляли собой тенденциозно отобранные факты, преувеличения и эмоциональные нарративы, которые было сложно опровергнуть формально. Феномен получил название «киборг-пропаганды» – гибрида автоматизированных ботов и верифицированных человеческих аккаунтов, создающего иллюзию органической общественной поддержки [4].

Выборы в США, как отмечают аналитики, продемонстрировали дальнейшую эволюцию постправды. Использование deepfake-технологий позволило создавать видео с выступлениями политиков, которые никогда не происходили. В одном из таких видео был сфабрикован голос президента Байдена, объявляющего о призыве в армию. Хотя видео было быстро опровергнуто, оно успело набрать миллионы просмотров и повлиять на настроения избирателей в колеблющихся штатах [5].

Технологически постправда опирается на следующие приемы: эмоциональная заряженность сообщений (гнев, страх, гордость), повторение (эффект иллюзорной правды – чем чаще человек слышит утверждение, тем более правдивым оно ему кажется), создание «эхо-камер» и «информационных пузырей», использование троллинга и фейковых аккаунтов. Кроме того, важную роль играет перегрузка информационного поля: когда на один факт приходится десяток противоречащих друг другу «разоблачений», у аудитории формируется ощущение, что «истину установить невозможно», и она перестает даже пытаться.

Переход от информационных войн к конструированию политической реальности означает, что постправда перестает быть временным тактическим приемом и становится устойчивым режимом функционирования политической системы. В этом режиме факты подчиняются нарративу, а реальность конструируется через медиа и ритуалы. П. Бергер и Т. Лукман в своей знаменитой работе «Социальное конструирование реальности» показали, что социальная реальность всегда в некоторой степени конструируется через институционализацию и легитимацию [6]. Постправда превращает это конструирование в управляемую технологию, причем намеренно и целенаправленно.

Современные политические режимы (как авторитарные, так и популистские) активно используют постправду для легитимации решений, которые не могут быть обоснованы раци-

онально. Например, утверждение о «миграционном кризисе» как экзистенциальной угрозе европейской идентичности – это постправдивый нарратив, поскольку статистика Евростата показывает, что доля мигрантов в большинстве стран ЕС растет медленно, а уровень преступности среди мигрантов не выше, чем среди коренного населения (а в некоторых странах – даже ниже).

Примечательно, что конструирование «врага» оказывается более эффективным мобилизующим инструментом, чем позитивная программа.

Конструирование политической реальности имеет и свою материальную сторону. Когда правительство принимает закон на основании постправдивого нарратива, этот закон начинает воздействовать на реальность, создавая новые факты. Например, если на основании преувеличенных данных о миграционной преступности принимается закон о депортации, то депортированные люди действительно исчезают из статистики, и тем самым нарратив «подтверждается» постфактум. Этот механизм самореализующегося пророчества – один из самых мощных в арсенале постправды.

Экспертные институты – университеты, научные центры, аналитические структуры, общественные палаты – традиционно выступали гарантами объективного знания. Постправда подрывает их авторитет. Как отмечает Т. Николс в работе «Смерть экспертизы», «смерть экспертизы» стала одним из симптомов постправдивого общества. Эксперты объявляются «частью системы», их данные – «заказными», а методология – «непонятной простым людям». При этом критика экспертов часто апеллирует к «здравому смыслу», который, однако, в сложных вопросах (экономика, эпидемиология, климат) систематически ошибается [7].

Это создает парадоксальную ситуацию: чем более сложной становится социальная реальность, тем больше общество нуждается в экспертизе, но тем сильнее недоверие к экспертам. Популистские лидеры сознательно эксплуатируют это недоверие, противопоставляя «здравый смысл народа» «высокомерному знанию элит». Пример – кампания Дональда Трампа против «фейковых новостей» (при том, что сам он был главным их источником) или риторика некоторых российских политиков о «западной ангажированности» отечественных ученых. В России, по данным опросов ВЦИОМ и ФОМ, доля граждан, доверяющих научной информации, снизилась с 64 % в 2015 г. до 48 % в 2025 г., при этом уровень доверия резко дифференцирован в зависимости от возраста и образования [8].

Особую роль играют социальные сети. Алгоритмы Facebook, X (Twitter), TikTok и Telegram отдают предпочтение контенту, вызывающему эмоциональную реакцию. Исследования показывают, что посты, содержащие постправдивые утверждения, распространяются в 6 раз быстрее, чем фактологические опровержения. Причина – в психологии: негативные и сенсационные сообщения привлекают больше внимания. Кроме того, алгоритмы создают «информационные пузыри», внутри которых пользователи видят только подтверждения своих убеждений. Это усиливает поляризацию и снижает способность к критическому осмыслению [9].

Тем не менее, экспертные институты могут противостоять постправде, если будут выполнять его публичную верификацию, а также развивать медиаграмотность. Особую роль здесь играют социологические лаборатории и общественные палаты, способные проводить независимую экспертизу социально значимых проектов. Для аудитории, глубоко погруженной в постправдивый нарратив, опровержения воспринимаются как часть «заговора». В условиях распространения постправды возникает вопрос: возможно ли эффективное противодействие? Исследователи предлагают несколько стратегий.

Первая стратегия – развитие медиа-информационной грамотности: в школах и университетах необходимо обучать критическому мышлению, проверке источников, распознаванию манипулятивных техник. В Финляндии, например, системное внедрение медиаграмотности в школьное образование позволило значительно повысить устойчивость населения к дезинформации – финны сегодня демонстрируют одни из лучших в Европе показателей способности распознавать фейковые новости.

Вторая стратегия – фактчекинг и верификация: создание независимых фактчекинг-организаций, сотрудничество платформ с такими организациями, маркировка недо-

верного контента. Поскольку постправдивые нарративы часто не являются прямой ложью и опровергнуть их сложно, – эффективность такого подхода ограничена.

Таким образом, проведенный анализ показал, что постправда эволюционировала от разрозненных приемов информационных войн до системной технологии политического управления. Соответственно, это создает серьезные риски для демократических процедур, качества государственного управления и авторитета экспертного знания. Более того, в условиях гибридной войны и цифровой трансформации постправда становится вызовом, на который необходимо отвечать. Требуется комплексная стратегия, включающая развитие медиаграмотности, совершенствование алгоритмов социальных сетей, восстановление доверия к экспертным институтам и, возможно, законодательное регулирование. С учетом вышесказанного, исследование постправды, ее механизмов и способов противодействия остается одной из приоритетных задач современной политической науки и социологии.

Литература

1. Чирун С. Н., Чирун М. С. Молодежная политика России в пространстве постправды // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5, № 4 (18). С. 444–453.
2. Chudinov A. P., Koshkarova A. A., Ruzhentseva N. B. Linguistic interpretation of Russian political agenda through fake, deepfake, post-truth. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci., 2019. N 12(10). P. 1840–1853.
3. Блишунув Д. А., Чирун С. Н. Актуальные технологии информационной войны и стратегических коммуникаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3 (64). С. 17–23.
4. Rose J. Brexit, Trump and Post-Truth Politics // Public Philosophy Journal. 2017. Vol. 1, N 1. P. 16.
5. McIntyre L. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. 240 p.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.
7. Nichols T. The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why it Matters. Oxford : Oxford University Press, 2017. 252 p.
8. Доверие науке и экспертам: динамика 2015–2025 гг. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 20.04.2026).
9. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Информационно-пропагандистские стратегии и технологии украинской элиты в информационной войне с Россией // PolitBook. 2023. № 2. С. 66–86.

УДК 364.02

В. Г. Малышев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

КРИТЕРИИ НУЖДАЕМОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ¹⁵

Рассматриваются критерии нуждаемости в системе государственной поддержки семей с детьми в Иркутской области. Обосновываются теоретические подходы к понятию нуждаемости и ограниченность действующего доходного критерия. Эмпирическая часть охватывает систематизацию 24 мер поддержки в регионе и сравнительный анализ подходов к конструированию критериев нуждаемости в других субъектах РФ. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода: многокомпонентной оценки нуждаемости для мер социальной направленности и пересмотра применимости доходного критерия для мер демографической направленности.

Ключевые слова: нуждаемость, критерий нуждаемости, государственная поддержка семей с детьми, адресность социальной помощи, Иркутская область.

V. G. Malyshev

Irkutsk State University, Irkutsk

NEED-BASED CRITERIA IN THE SYSTEM OF STATE SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE IRKUTSK REGION

In this article, the author examines need-based criteria in the system of state support for families with children in the Irkutsk region. The paper reviews theoretical approaches to the concept of need and the limitations of the existing

¹⁵ Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Р. В. Иванов.

income-based criterion. The empirical part covers the systematization of 24 support measures in the region and a comparative analysis of approaches to constructing need-based criteria across other constituent entities of the Russian Federation. In conclusion, the author argues for a differentiated approach: a multi-component needs assessment for social support measures and a reconsideration of the applicability of the income criterion for pro-natalist measures.

Keywords: need, need-based criterion, state support for families with children, targeting of social assistance, Irkutsk region.

Государственная поддержка семей с детьми в Российской Федерации преследует одновременно две основополагающие цели, заданные на высшем политическом уровне. Национальный проект «Семья», Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [9] ставят задачи как повышения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г., так и снижения уровня бедности среди семей с детьми ниже 7 %. Ключевым инструментом, определяющим, какие семьи фактически получают поддержку в рамках этих целей, выступает критерий нуждаемости. Именно от его точности и адекватности зависит, прервутся ли заявленные политические ориентиры в реальный результат.

Между тем действующая российская региональная практика сводит оценку нуждаемости преимущественно к одному параметру – сравнению среднедушевого дохода семьи с прожиточным минимумом. Е. И. Андреева, Д. Г. Бычков и О. А. Феоктистова [1; 2] констатируют, что одномерность этого инструмента принципиально ограничивает его точность: он не учитывает ни реальные расходы домохозяйства, ни его имущественное положение, ни характер занятости членов семьи. Следствием этого становятся два типа системных сбоев, известных как «ошибки исключения» и «ошибки включения». В первом случае реально нуждающаяся семья лишается поддержки, поскольку её доход формально превышает пороговое значение. Во втором – поддержку получает семья, чья нуждаемость сомнительна: низкий задекларированный доход при наличии имущества или теневой занятости обеспечивает формальное соответствие критерию без реальной потребности в помощи. Е. Е. Гришина [5] фиксирует, что распространение неформальной занятости в России планомерно увеличивает число подобных случаев.

Вместе с тем проблема не исчерпывается техническим несовершенством доходного критерия. Часть мер государственной поддержки семей с детьми имеет не социальную, а демографическую природу, цель таких мер, по нашему мнению, состоит в стимулировании рождаемости, а не в компенсации бедности. Применение критерия нуждаемости к таким мерам принципиально нерелевантно: семья, принимающая решение о рождении ребёнка, не должна взвешивать, пройдёт ли она доходный фильтр. Е. С. Вакуленко, Н. В. Ивашина и Я. О. Свистильник [4] установили, что пронаталистский эффект региональных программ поддержки тем выше, чем шире их охват, что косвенно подтверждает: доходные ограничения прямо снижают демографическую отдачу таких мер. Таким образом, совершенствование критериев нуждаемости в системе поддержки семей с детьми в Иркутской области требует решения двух взаимосвязанных задач: перехода от одномерной к многокомпонентной оценке нуждаемости для мер социальной направленности и пересмотра самой применимости доходного критерия для мер демографической направленности.

Для достижения целей данной работы необходимо прежде всего определить понятие критерия нуждаемости и установить его место в системе государственной поддержки семей с детьми. В отечественном законодательстве термин «нуждаемость» используется в десятках нормативных актов, однако единого его определения не существует. Российское право последовательно смешивает понятия «нуждаемость», «малоимущность» и «бедность», применяя их как синонимы, хотя каждое из них описывает различное социально-экономическое состояние домохозяйства [1; 2]. В рамках данной работы мы будем понимать под нуждаемостью состояние домохозяйства, при котором его ресурсы – доходные, имущественные и трудовые недостаточны для самостоятельного обеспечения социально приемлемого уровня жизни всех его членов. Критерий нуждаемости при этом выступает формализованным ин-

струментом, посредством которого государство разграничивает домохозяйства, имеющие право на меры поддержки, от тех, кто в них не нуждается.

Ключевым для понимания ограниченности действующего критерия является вопрос о том, что именно он измеряет. Сравнение среднедушевого дохода с прожиточным минимумом фиксирует лишь один срез материального положения семьи, её номинальные денежные поступления за расчётный период. За пределами этого измерения остаются реальные расходы домохозяйства (в том числе на жильё, медицину, образование детей), его имущественное положение, а также характер занятости: семья с теневым доходом и семья, временно лишившаяся заработка по объективным причинам, формально неразличимы. Коллектив авторов под руководством Е. И. Андреевой [1] в своём фундаментальном докладе обосновывают необходимость многокомпонентной оценки нуждаемости, включающей доходный, имущественный критерии и оценку трудового потенциала домохозяйства. Именно такая логика реализована в механизме единого пособия на детей и беременных женщин на федеральном уровне, где помимо доходного порога действуют имущественный ценз и правило «нулевого дохода» и правило 8 МРОТ. Н. В. Рощенко [7] при этом оговаривает, что и комплексная оценка нуждаемости требует дальнейшего совершенствования, в первую очередь в части законодательного уточнения состава семьи и перечня уважительных причин нулевого дохода.

Вместе с тем совершенствование критериев нуждаемости не может быть единым рецептом для всего массива мер поддержки семей с детьми. Принципиально важным является разграничение двух типов мер по их целевой природе. Меры социальной направленности ориентированы на снижение бедности и адресную помощь наиболее уязвимым домохозяйствам, их логика предполагает селективность, и именно для них многокомпонентная оценка нуждаемости является оправданной и необходимой. Меры демографической направленности должны преследовать иную цель – стимулирование рождаемости. Логика таких мер принципиально иная: барьер в виде доходного порога прямо противоречит пронаталистской функции, поскольку ограничивает охват именно тех семей, решение которых о рождении ребёнка государство стремится поддержать. Как будет показано далее, в системе государственной поддержки семей с детьми в Иркутской области критерий нуждаемости применяется без учёта целевой природы мер, что снижает эффективность системы в целом.

Были рассмотрены основные 24 меры региональной поддержки семей с детьми. Анализ условий их предоставления позволяет установить, какие из них сопряжены с оценкой материального положения семьи, а какие предоставляются вне зависимости от него (табл.).

Таблица

Меры государственной поддержки семей с детьми в Иркутской области (2025 г.) [8]

№	Мера поддержки	Устанавливающий НПА	Критерий нуждаемости
1	Областной материнский (семейный) капитал	Закон ИО от 03.11.2011 № 101-ОЗ	Не установлены. Предоставляется за сам факт рождения (усыновления) ребёнка. (Однако существует критерий нуждаемости при получении ежегодной денежной выплаты по ОМ(С)К)
2	Единовременная выплата при рождении первого ребёнка	Закон ИО от 24.11.2020 № 101-ОЗ	Среднедушевой доход семьи ниже двукратной величины прожиточного минимума
3	Единовременная выплата семьям при рождении ребёнка (для военнослужащих СВО)	Закон ИО от 05.07.2023 № 138-ОЗ	Не установлены. Предоставляется при рождении ребёнка в семьях участников СВО
4	Единовременная выплата при рождении ребёнка	Постановление администрации ИО от 03.12.2007 № 281-па	Среднедушевой доход семьи ниже двукратной величины прожиточного минимума
5	Единовременная выплата при одновременном рождении двух и более детей	Постановление администрации ИО от 03.12.2007 № 281-па	Среднедушевой доход семьи ниже двукратной величины прожиточного минимума

№	Мера поддержки	Устанавливающий НПА	Критерий нуждаемости
6	Ежемесячная денежная выплата на третьего или последующего ребёнка	Закон ИО от 03.11.2011 № 101-ОЗ	1) Семьи с ребёнком-инвалидом: среднедушевой доход выше 1 ПМ, но ниже среднедушевого дохода по области. 2) Семьи, родившие 3-го или последующего ребёнка (с 01.01.2018 по 31.12.2022): среднедушевой доход ниже 1 ПМ
7	Ежемесячная выплата пособия на усыновлённого ребёнка	Постановление администрации ИО от 03.12.2007 № 281-па	Среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума.
8	Меры социальной поддержки многодетным семьям (пособия, компенсации, льготы)	Закон ИО от 23.10.2006 № 63-ОЗ	1) Среднедушевой доход семьи ниже двукратной величины прожиточного минимума. 2) Осуществление трудоспособными членами семьи трудовой/приносящей доход деятельности или признание их безработными
9	Государственная социальная помощь (социальное пособие)	Закон ИО от 19.07.2010 № 73-ОЗ	Среднедушевой доход ниже 1 ПМ по объективным обстоятельствам (инвалидность, безработица, потеря кормильца, длительное лечение и др.)
10	Государственная социальная помощь на основании социального контракта	Закон ИО от 19.07.2010 № 73-ОЗ	Среднедушевой доход ниже 1 ПМ по объективным обстоятельствам либо семьи с 3+ детьми, неполные семьи, семьи участников СВО (без учёта обстоятельств)
11	Компенсация родительской платы за детский сад	Закон ИО от 23.10.2006 № 63-ОЗ (пп. 91-ОЗ)	Среднедушевой доход семьи ниже двукратной величины прожиточного минимума
12	Ежемесячная денежная выплата на детей с орфанными заболеваниями	Закон ИО от 15.02.2024 № 4-ОЗ	Не установлены. Предоставляется на каждого ребёнка с установленным заболеванием из перечня
13	Ежемесячная денежная выплата на детей-инвалидов со специальными новообразованиями	Указ Губернатора ИО от 14.11.2018 № 236-уг	Не установлены. Предоставляется при наличии у ребёнка-инвалида соответствующего диагноза
14	Субсидия на оплату жилого помещения и коммунальных услуг	Постановление Правительства РФ от 14.12.2005 № 761	Расходы на оплату ЖКУ превышают максимально допустимую долю (22 %) в совокупном доходе семьи
15	Выплата на содержание ребёнка под опекой (попечительством)	Закон ИО от 17.12.2008 № 107-ОЗ	Не установлены. Выплачивается на каждого ребёнка
16	Вознаграждение приёмному родителю	Закон ИО от 07.12.2009 № 92/58-ОЗ	Не установлены. Выплачивается приёмному родителю за осуществление обязанностей.
17	Ежемесячная денежная выплата детям-сиротам, обучающимся в школе	Закон ИО от 17.12.2008 № 107-ОЗ	Не установлены. Выплачивается на период обучения в общеобразовательной организации.
18	Денежная компенсация стоимости проезда детям-сиротам, обучающимся в школе	Закон ИО от 17.12.2008 № 107-ОЗ	Не установлены. Предоставляется на период обучения в школе
19	Единовременная выплата детям-сиротам – медалистам «За особые успехи в учении»	Постановление администрации ИО от 03.12.2007 № 281-па	Не установлены. Предоставляется при вручении медали
20	Единовременная выплата награждённым Почётным знаком «Материнская слава»	Постановление администрации ИО от 03.12.2007 № 281-па	Не установлены. Предоставляется по факту награждения
21	Бесплатное питание для детей участников СВО в школе	Указ Губернатора ИО от 30.11.2022 № 300-уг	Не установлены. Предоставляется детям участников СВО при отсутствии права на питание по другим основаниям
22	Бесплатный проезд к месту лечения для детей-инвалидов	Указ Губернатора ИО от 14.11.2018 № 236-уг	Не установлены. Предоставляется при наличии у ребёнка-инвалида диагноза из установленного перечня

№	Мера поддержки	Устанавливающий НПА	Критерий нуждаемости
23	Ежемесячная компенсационная выплата нетрудоустроенным женщинам, уволенным в связи с ликвидацией организации	Постановление Правительства РФ от 04.08.2006 № 472	Не установлены. Определяется фактом нахождения в отпуске по уходу за ребёнком на момент увольнения
24	Единовременная выплата при усыновлении (по истечении 3 лет)	Закон ИО от 03.11.2011 № 102-ОЗ	Не установлены. Предоставляется при усыновлении ребёнка из числа детей-сирот, состоявших на учёте в Иркутской области

Данные табл. позволяют сделать ряд наблюдений. Из 24 рассмотренных мер 11 предусматривают доходные критерии нуждаемости (с учётом ОМ(С)К), тогда как 13 предоставляются без оценки материального положения семьи. При этом критерии нуждаемости сформулированы неоднородно: пороговые значения варьируются от $1 \times$ ПМ (государственная социальная помощь, ежемесячное пособие на усыновлённого ребёнка) до $2 \times$ ПМ (единовременные выплаты при рождении, меры поддержки многодетным семьям), а для субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг применяется системы оценки доли расходов в совокупном доходе семьи.

Особого внимания заслуживает областной материнский (семейный) капитал. Сертификат ОМ(С)К предоставляется без каких-либо доходных ограничений, за сам лишь факт рождения или усыновления ребёнка с учётом очерёдности рождения. Однако реализовать его по наиболее востребованному направлению, которым является ежегодная денежная выплата – возможно лишь при среднестатистическом доходе ниже 1,5-кратной величины прожиточного минимума. Таким образом, происходит ситуация, когда в системе поддержки семьи формально гарантируется мера поддержки всем семьям, но фактически блокируется доступ к денежному эквиваленту этой меры.

Обратимся к анализу практических последствий одномерного доходного критерия в Иркутской области. Механизм ошибки исключения наглядно проявляется в контексте опережающего роста заработных плат в регионе. При медианной заработной плате в 77 550 руб. по состоянию на 2025 г. семья из четырёх человек, где работают два родителя, имеет среднестатистический доход около 38 775 руб. что формально выше порога в $1,5 \times$ ПМ и $1 \times$ ПМ, но стоит учитывать, при наличии ипотеки, расходов на двух детей её реальное положение может быть весьма стеснённым [10]. Е. А. Цацура, Е. Е. Гришина [5] подчёркивают, что по мере взросления детей расходы семьи на образование, питание и досуг существенно возрастают, тогда как размер получаемых пособий снижается или обнуляется – и именно такие семьи чаще всего оказываются в «серой зоне» [5].

Ошибка включения в условиях Иркутской области обусловлена прежде всего распространённостью неформальной занятости. Семья, реальные доходы которой частично или полностью формируются вне официального учёта, может формально соответствовать доходному критерию и получать поддержку, не являясь при этом нуждающейся в строгом смысле слова. Е. Е. Гришина [5] фиксирует, что именно этот механизм планомерно подрывает адресность системы поддержки. Ресурсы, предназначенные наиболее уязвимым семьям, перераспределяются в пользу тех, чьё реальное положение значительно лучше задекларированного. Введение имущественного ценза и правила «нулевого дохода» в рамках единого пособия на детей и беременных женщин на федеральном уровне стало попыткой купировать именно эту проблему, однако, например Н. В. Рощепко [7] указывает, что данные механизмы сами порождают новые правовые коллизии и требуют дальнейшей доработки.

Отдельного рассмотрения заслуживает уже поднятый нами вопрос о релевантности доходного критерия применительно к мерам демографической направленности. Единовременная выплата при рождении первого ребёнка, по нашему мнению, должна снизить экономический барьер при принятии решения о рождении ребёнка – т. е. воздействовать на репро-

дуктивное поведение семьи вне зависимости от её текущего дохода. Однако доходный порог в $2 \times$ ПМ фактически исключает из числа получателей именно те семьи со средним достатком, которые в наибольшей мере чувствительны к экономическим стимулам. Семьи с низким доходом получают поддержку в любом случае через социальные меры, тогда как семьи с высоким доходом не нуждаются в стимуле. Именно средний сегмент потенциально наиболее отзывчивый на пронаталистские меры, и именно он оказывается отсечён критериями нуждаемости. Э. Р. Мусин [6] в своём сравнительном анализе региональных программ материнского капитала фиксирует устойчивый общероссийский тренд на снятие и смягчение критериев нуждаемости для демографических мер, связывая его именно с необходимостью расширения охвата для повышения пронаталистского эффекта.

Обратимся к опыту других субъектов Российской Федерации. Э. Р. Мусин [6] в своём сравнительном анализе программ областного материнского (семейного) капитала систематизировал критерии нуждаемости по всем регионам России и установил, что они варьируются в весьма широком диапазоне – от полного отсутствия доходного критерия до порога в $3,5 \times$ ПМ. Выделим из общего списка Челябинскую и Томскую области с пороговым значением на уровне $2 \times$ ПМ. Калининградская область применяет наибольший коэффициент – $3,5 \times$ ПМ, что превращает критерии нуждаемости по своей природе лишь в номинальный фильтр, отсекающий самые состоятельные семьи. Также считаем важным для изучения опыт Ленинградской области, в качестве критерия в которой используется среднедушевой доход по субъекту. Данный подход позволяет избежать ситуации, при которой индексация прожиточного минимума может отставать от роста благосостояния [3].

На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать рекомендации по совершенствованию критериев нуждаемости в системе государственной поддержки семей с детьми в Иркутской области. Предлагаемые меры разграничены в соответствии с целевой природой мер поддержки и соответствуют двум самостоятельным направлениям.

Первое направление касается мер социальной направленности и предполагает переход от одномерной к многокомпонентной оценке нуждаемости. Действующий доходный критерий целесообразно дополнить имущественным цензом по образцу механизма единого пособия на детей и беременных женщин на федеральном уровне. Описанное управленческое решение позволит избежать ситуации, при которой поддержку получают семьи с низким задекларированным доходом, но располагающие значительными имущественными активами. Вместе с тем считаем важным закрепить и требования к наличию официального дохода самого по себе, чтобы отсечь занятых в теневой экономике. Одновременно необходимо законодательно закрепить и детализировать перечень объективных обстоятельств, при наличии которых нулевой или низкий доход не является основанием для отказа в поддержке.

Второе направление касается мер демографической направленности и предполагает пересмотр самой методологии разработки мер стимулирования рождаемости, а конкретно – отказ от доходного критерия к таким мерам, либо его смягчение. В разрезе Иркутской области, по нашему мнению, в качестве первого шага представляется обоснованным повышение порогового значения для ежегодной денежной выплаты из средств ОМ(С)К с действующих $1,5 \times$ ПМ до $2 \times$ ПМ – по образцу Челябинской и Томской областей, повышение порога для единовременной денежной выплаты за рождение первого ребёнка с $2 \times$ ПМ до $3 \times$ ПМ. В перспективе целесообразен полный отказ от доходного критерия для демографических мер.

Литература

1. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Оценка нуждаемости при адресной социальной поддержке // Экономическая политика. 2020. Т. 15, № 5. С. 112–129.
2. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Об адресности бюджетных мер в сфере социальной поддержки населения // Финансы. 2015. № 8. С. 15–21.
3. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. Региональные подходы к оптимизации системы мер социальной поддержки // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 5 (33). С. 25–36.

4. Вакуленко Е. С., Ивашина Н. В., Свиистильник Я. О. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1077–1092.
5. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Семьи с детьми от 3 до 7 лет в период пандемии COVID-19: оценка материального положения и охвата поддержкой // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 1. С. 55–64.
6. Мусин Э. Р. Региональный материнский капитал в России: анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // Демографические исследования. 2024. № 3. С. 37–47.
7. Рошечко Н. В. Дискуссионные вопросы оценки нуждаемости в контексте предоставления мер социальной поддержки семьям с детьми // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 2. С. 285–293.
8. Меры социальной поддержки семей с детьми // Министерство социальной защиты населения Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/society/socpodderghka/family/index.php> (дата обращения: 04.05.2026).
9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 (ред. от 01.01.2026). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 03.05.2026).
10. Труд и заработная плата // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/folder/167937> (дата обращения: 04.05.2026).

УДК 81'27-053.5

Д. М. Мамбетказиев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР КАК ФАКТОР НИЗКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Исследуется влияние слабого владения русским языком на доступ детей мигрантов из стран постсоветского пространства к школьному обучению и их включение в принимающее сообщество в период 2019–2025 гг. на основе данных опросов педагогов, экспертных интервью и анализа образовательных практик. Показано, что стихийное погружение в языковую среду не обеспечивает уровня, необходимого для освоения школьной программы, а существующая система языковой поддержки носит фрагментарный характер. Приведены примеры успешных локальных практик и анализируются причины, препятствующие их распространению.

Ключевые слова: дети мигрантов, языковой барьер, интеграция, образование, русский язык как иностранный, языковая адаптация.

D. M. Mambetkaziev

Irkutsk State University, Irkutsk

LANGUAGE BARRIER AS A FACTOR OF LOW INTEGRATION OF MIGRANT CHILDREN INTO RUSSIAN SOCIETY

Based on the analysis of teacher surveys, expert interviews and educational practices, the influence of poor Russian language proficiency on the access of migrant children from post-Soviet countries to schooling and their inclusion in the host community in the period 2019–2025 is examined. It is shown that spontaneous immersion in the language environment does not provide the level necessary for mastering the school curriculum, and the existing system of language support is fragmented. Examples of successful local practices are given and the reasons preventing their dissemination are analyzed.

Keywords: migrant children, language barrier, integration, education, Russian as a foreign language, language adaptation.

В июне 2025 г. на сайте РБК появилась информация о заявлении заместителя министра внутренних дел И. Зубова, согласно которому на территории России находятся 638 174 несовершеннолетних, чьи родители являются иностранными гражданами. Из них, по оценке представителя ведомства, около половины не охвачены системой школьного образования. В Москве из 80 282 таких детей обучаются только 25 тыс. С апреля 2025 г. действует норма об обязательном тестировании по русскому языку перед зачислением в школу. К 22 мая из 2 868 поданных заявлений до экзамена были допущены 17 %, приняты в школы – 4 % от общего числа заявившихся [1].

Приведённые данные позволяют обозначить проблему, суть которой состоит в том, что введение тестирования по русскому языку, призванного обеспечить допуск к школьному

обучению только владеющих языком детей, на практике привело к массовому отсеву ещё на этапе подачи документов, в результате чего большинство детей мигрантов, для которых школа является основным институтом языковой социализации, оказались лишены доступа к ней. Эти обстоятельства делают актуальным анализ языкового барьера как фактора, ограничивающего интеграцию детей мигрантов в российский социум.

Цель настоящей статьи – рассмотреть масштаб проблемы, причины неэффективности стихийного освоения языка, а также существующие практики языковой поддержки и их доступность.

Причины неэффективности стихийного освоения языка. Распространено представление, что дети способны освоить язык принимающей страны естественным путём – через повседневное общение. Однако данные исследований позволяют выделить несколько причин, по которым стихийное погружение в среду не даёт достаточного результата.

Во-первых, как показывает Е. А. Железнякова, языковая адаптация представляет собой многокомпонентный процесс. Межличностная и психолого-языковая адаптация могут отчасти развиваться стихийно, тогда как метапредметная (обеспечивающая понимание учебного материала) и лингвокультурная (связанная с освоением ценностно-смыслового поля русской культуры) требуют целенаправленного педагогического сопровождения [3, с. 110]. Без такого сопровождения ребёнок, овладев разговорной речью, продолжает испытывать затруднения при работе с учебными текстами и предметным содержанием.

Во-вторых, О. О. Андронникова указывает на значимость семейной языковой среды. В семьях, где говорят исключительно на родном языке, дети дольше включаются в учебную деятельность и чаще замыкаются в общении со сверстниками. Родители-мигранты, сами не владеющие русским языком, не могут помочь детям с выполнением домашних заданий, что дополнительно тормозит образовательный процесс [6, с. 80]. Отсутствие языковой интеграции, как отмечается в исследовании, «отрицательно сказывается на процессе социально-психологической адаптации к образовательной среде, ведёт к сложностям в образовательном процессе, нарушению процессов интеграции» [6, с. 81].

Масштаб проблемы и её проявления. Социологические данные, полученные в последние годы, позволяют судить о масштабе проблемы и её системном характере. В 2019 г. У. К. Мутаев зафиксировал, что образовательные учреждения, не имеющие опыта работы с инофонами, нередко уклоняются от приёма детей, не владеющих русским языком. Следствием становится стихийная сегрегация: формируются школы с повышенной концентрацией учащихся из семей мигрантов. Такие учреждения, согласно полученным данным, отличаются более низкими учебными показателями и невысоким престижем среди местного населения. Автор подчёркивает, что дети мигрантов в подобных школах оказываются в заведомо сегрегированной среде, а фактически единственным эффективным инструментом их социальной адаптации выступают институты образования [2, с. 154, 157].

Особую ценность для понимания ситуации представляют результаты масштабного опроса, проведённого в 2024 г. Э. И. Саттаровым, А. И. Фатиховым и Р. А. Булатовым. В исследовании, охватившем 41 711 учителей начального, основного и среднего общего образования из 80 регионов Российской Федерации, почти половина педагогов (48,2 %) отметили, что дети мигрантов часто испытывают трудности в освоении школьной программы. Ещё 31,1 % учителей указали, что такие трудности возникают время от времени, и лишь 15,6 % – что редко. Главной причиной этого называется недостаточное владение русским языком [5, с. 107]. Авторы также зафиксировали, что 86,2 % педагогов за последние два года не проходили курсы повышения квалификации по социокультурной и языковой адаптации детей мигрантов. Практически во всех субъектах Российской Федерации доля педагогов, не прошедших такую подготовку, превышает 50 %. Для сравнения: в Калужской области соответствующие курсы прошли 44,7 % учителей, тогда как в Республике Марий Эл и Удмуртской Республике – менее 4 % [5, с. 108–109]. Эти цифры свидетельствуют о выраженной региональной неравномерности в доступе педагогов к необходимой подготовке.

Дополнительные сведения были получены М. А. Смирновой в ходе интервью с представителями организаций, оказывающих языковую и академическую помощь детям мигрантов в Москве, Санкт-Петербурге и Калужской области. Проведённая автором оценка показала, что число детей, потенциально нуждающихся в дополнительной языковой и академической поддержке, составляет от 30 до 60 тыс. чел. Наибольшая доля в этой совокупности приходится на потомков мигрантов из Таджикистана – около 40 %. Подавляющее большинство нуждающихся в поддержке приехали в Россию в подростковом возрасте, когда языковая адаптация наиболее затруднена [4, с. 99]. Принципиально важным является вывод автора о том, что в основании иерархии проблем детей мигрантов лежит именно недостаточная языковая компетентность, а остальные трудности – включая затруднённый доступ в школы – вторичны по отношению к ней [4, с. 90].

Таким образом, основными проявлениями проблемы выступают: стихийная сегрегация школ и концентрация детей мигрантов в отдельных учреждениях; систематические трудности в освоении школьной программы, фиксируемые почти половиной педагогов; массовая неготовность учителей к работе в полиэтнической среде, выражающаяся в отсутствии специальной подготовки; а также признание языковой компетентности первичным фактором по отношению ко всем остальным трудностям интеграции.

Существующие практики и их ограничения. Отдельные примеры системной работы с языковым барьером существуют, однако они носят локальный характер. Е. О. Хабенской был проанализирован опыт школы № 443 Санкт-Петербурга, где на протяжении 10–15 лет реализуется программа «Адаптация, социализация и интеграция детей-мигрантов, детей-инофонов в школе». Программа была разработана педагогическим коллективом школы и начала действовать в статусе целевой с января 2022 г., обобщив практический опыт, накопленный за предшествующие годы. В текущем учебном году из 583 учащихся школы 98 чел. являются детьми из семей с миграционной историей – преимущественно выходцами из Узбекистана, Азербайджана, Кыргызстана и Таджикистана [7, с. 101–102]. Программа реализуется по нескольким направлениям. Первое – дополнительные занятия по русскому языку как иностранному, которые проводятся дважды в неделю в вечернее время. Учащиеся разделены на две возрастные группы (1–5 и 6–9 классы), каждая из которых делится на подгруппы по 10–12 чел. Занятия ведут учителя-русисты, прошедшие повышение квалификации по преподаванию русского языка как иностранного. Второе направление – использование ресурсов музейной педагогики: в школе действует собственный музейный комплекс, включающий школьный музей и кабинет народных традиций «Горница», где учащиеся знакомятся с народной славянской культурой и этикой. Третье направление – правовая помощь семьям через партнёрство с Российской таможенной академией, включая работу кабинета правовой помощи и консультации для родителей. Четвёртое направление – просветительская работа с родителями и повышение межкультурной компетентности педагогов [7, с. 102–105]. Отличительной чертой программы является привлечение к работе педагогов-билингвов – выходцев из республик Центральной Азии и Закавказья, которые могут при необходимости общаться с детьми-инофонами на их родных языках и объяснять материал с учётом особенностей восприятия носителей другой культуры [7, с. 106]. По результатам ежегодных тестирований у обучающихся фиксируется не только поступательное повышение уровня владения русским языком и общей успеваемости, но и позитивные изменения в структуре личности детей-инофонов, успешное включение их в культурное пространство города и осознание себя частью российского общества [7, с. 107].

Вместе с тем данный пример является скорее исключением, чем распространённой практикой. К. С. Григорьева, проанализировав законодательные изменения 2024–2025 гг. и первые результаты тестирования по русскому языку, приходит к выводу, что государственная политика в данной сфере ориентирована не на создание условий для языковой подготовки, а на ограничение доступа детей мигрантов к школьному образованию. Автор отмечает, что принятый закон об обязательном тестировании фактически выполняет функцию барьера, а удовлетворённость официальных лиц тем, что большинство детей не доходит до этапа экзамена из-за проблем с документами, не оставляет пространства для иных интерпретаций [8,

с. 108]. Данные мониторинга Рособрнадзора, которые приводит автор, свидетельствуют о том, что из 3677 заявлений, поданных на тестирование в период с 1 апреля по 25 мая 2025 г., к экзамену из-за проблем с документами были допущены лишь 509 чел. [8, с. 108]. При этом значительную долю учащихся, недостаточно владеющих русским языком, составляют дети с приобретённым российским гражданством, на которых новые ограничения не распространяются. Следовательно, проблема языкового барьера сохраняется и для тех, кого законодательные изменения формально не затронули [8, с. 109]. К. С. Григорьева также обращает внимание на то, что инфраструктура поддержки детей мигрантов развивается преимущественно силами некоммерческих организаций и частных инициатив, а системные государственные решения в этой области отсутствуют [8, с. 100]. Специалисты, работающие в этих организациях, не имеют чёткого представления о масштабах запроса на поддержку, что не позволяет спроектировать инфраструктуру необходимой мощности [8, с. 88].

Проведённый анализ показывает, что языковой барьер выступает одним из основных факторов, ограничивающих интеграцию детей мигрантов в российский социум. Данные опросов педагогов и экспертных интервью свидетельствуют о значительном масштабе проблемы. Сама система языковой поддержки остаётся фрагментарной: большинство педагогов не проходят специальной подготовки, системные программы адаптации носят единичный характер, а успешный опыт отдельных школ не получает распространения. И стихийное погружение в языковую среду не компенсирует отсутствия целенаправленного обучения русскому языку.

Мы считаем, что одним из перспективных направлений решения проблемы могла бы стать системная работа с родителями несовершеннолетних мигрантов. Именно в семье формируется та языковая среда, в которой ребёнок находится большую часть времени. Если родители не владеют русским языком или не осознают его значимости для успешной интеграции их детей в российский социум, усилия школы по языковой адаптации дают ограниченный эффект.

Литература

1. В МВД заявили, что около половины детей мигрантов в России нигде не учатся // РБК. 10.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2025/684859fc9a79477ba4acdf95> (дата обращения: 28.04.2026).
2. Мутаев У. К. Проблемы социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов в российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4. С. 155–160.
3. Железнякова Е. А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3. С. 108–115.
4. Смирнова М. А. Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 1. С. 81–103.
5. Саттаров Э. И., Фатихов А. И., Булатов Р. А. Оценка педагогами социокультурной и языковой адаптации детей иностранных граждан, обучающихся в российских общеобразовательных организациях: социологический аспект // Педагогический журнал Башкортостана. 2025. № 1. С. 103–114.
6. Андронникова О. О. Факторы социально-психологической адаптации детей-мигрантов в российском образовании, трудности и практики интеграции // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7, № 3. С. 75–85.
7. Хабенская Е. О. Использование ресурсов социокультурной среды для адаптации детей-мигрантов: опыт Санкт-Петербурга // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 97–108.
8. Григорьева К. С. Сокращение доступа детей-иностранцев к российскому школьному образованию: вероятные последствия для политики интеграции // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 3. С. 96–114.

РЕГИОНАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И РИСКИ¹⁶

Отмечено, как региональная реклама репрезентирует национальную идентичность и с какими рисками это сопряжено на материалах экспертного опроса, проведённого в Иркутской области. Установлено, что при высоком потенциале рекламы как инструмента трансляции культурных кодов её реальное состояние оценивается как шаблонное и поверхностное. Сделан вывод, что главными рисками выступают искажение исторических смыслов и отсутствие общественной экспертизы.

Ключевые слова: региональная реклама, национальная идентичность, культурный код, общественная экспертиза.

M. Yu. Medvedeva

Irkutsk State University, Irkutsk

REGIONAL ADVERTISING AS AN OBJECT OF EXPERT ASSESSMENT: CULTURAL CODES AND RISKS

This article analyzes how regional advertising represents national identity and the risks associated with it, based on the materials of an expert survey conducted in the Irkutsk region. It has been established that with the high potential of advertising as a tool for broadcasting cultural codes, its real state is assessed as formulaic and superficial. The main risks are the distortion of historical meanings and the lack of public expertise.

Keywords: regional advertising, national identity, cultural code, public expertise.

В условиях новых глобальных угроз и вызовов – размывания культурных границ, унификации потребления, информационных войн – проблема сохранения и аутентичной репрезентации национальной идентичности приобретает особую остроту. Одним из наиболее массовых и повседневных каналов трансляции идентичности является реклама. Она не только информирует о товарах и услугах, но и формирует эмоциональную связь с аудиторией через знакомые образы, символы и культурные коды.

Однако именно в региональной рекламе сегодня фиксируется серьёзный разрыв: с одной стороны, эксперты и практики признают рекламу индикатором идентичности, с другой – её реальное состояние оценивается как шаблонное, поверхностное и зачастую рискованное с точки зрения искажения культурных смыслов.

На основе данных экспертного опроса, проведённого в Иркутской области, выявить, какие культурные коды и риски эксперты связывают с региональной рекламой, а также зафиксировать институциональные дефициты в данной сфере.

Эмпирическую базу составили результаты анкетирования 18 экспертов – представителей рекламной индустрии, академического сообщества, региональных органов власти и креативных индустрий. Исследование проводилось в Иркутской области, что позволило зафиксировать специфику местного культурного кода как одного из самых узнаваемых, но одновременно уязвимых для коммерциализации.

Прежде чем обратиться к эмпирическим данным, необходимо определить, почему вообще реклама заслуживает внимания экспертов в контексте национальной идентичности. В классических маркетинговых подходах реклама рассматривается преимущественно как инструмент продвижения товаров и услуг. Однако начиная с работ Ж. Бодрийера и позднее – исследователей культурных коммуникаций, реклама была переосмыслена как знаковая система, которая не столько информирует, сколько конструирует реальность, в том числе социальные и национальные общности.

Реклама обращается к аудитории не на языке абстрактных универсалий, а на языке узнаваемых культурных кодов – образов, сюжетов, ценностей, которые «свои» для данной

¹⁶ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

группы. Именно через эту узнаваемость возникает доверие, а через доверие – эмоциональная связь с брендом или сообщением. В многонациональной России с её сложным региональным устройством этот механизм приобретает особую значимость. Реклама может выступать не только зеркалом, но и активным конструктором идентичности – как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Однако здесь же кроется и главный вызов: если культурные коды используются поверхностно или искажённо, реклама перестаёт укреплять идентичность и начинает её девальвировать. Именно в этой точке возникает потребность в экспертной оценке – не цензуре, а профессиональной рефлексии того, насколько корректно, глубоко и этично реклама обращается к национальным и региональным символам.

В проведенном опросе, эксперты в подавляющем большинстве признают за рекламой статус индикатора идентичности. 50 % ответили «да, может», ещё 38,89 % – «скорее да». Лишь 11,11 % затруднились с ответом, и никто не ответил отрицательно.

В открытых вопросах эта позиция конкретизируется: «Реклама отражает культурные коды, менталитет, стереотипы и ценности, присущие определённому обществу в конкретный исторический период»; «Она не только продаёт товары, но и отражает, формирует и воспроизводит культурные нормы, ценности и стереотипы». Таким образом, эксперты фиксируют двойную функцию рекламы – репрезентативную и перформативную.

Что же именно, по мнению экспертов, сегодня используется в российской рекламе в качестве маркеров идентичности? Лидируют культурные коды и традиции (72,22 %), историческая память (66,67 %) и географические образы (61,11 %). Языковые маркеры (50 %) замыкают эту четвёрку, тогда как религиозные символы и поведенческие характеристики используются заметно реже (по 33,33 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Назовите основные отличительные характеристики национальной идентичности, которые наиболее часто используются в современной российской рекламе», %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %	Доля чел., %
1	Культурные коды и традиции	13	22,8	72,2
2	Историческая память и значимые события прошлого	12	21,1	66,7
3	Географические и природные образы	11	19,3	61,1
4	Языковые и речевые маркеры	9	15,8	50,0
5	Религиозные и духовно-нравственные символы	6	10,5	33,3
6	Эмоционально-поведенческие характеристики	6	10,5	33,3
7	Затрудняюсь ответить	0	0,0	0,0
	Всего	57	100,0	316,6

Обратим внимание: географические образы занимают третье место, однако в региональном разрезе их значимость резко возрастает. Для Иркутской области, как показывают данные, природный символ – озеро Байкал – является абсолютным лидером. 94,44 % экспертов назвали природные объекты основой для региональной рекламы, укрепляющей идентичность. Это значит, что региональная специфика не просто существует, но и предельно концентрируется вокруг одного-двух доминирующих образов.

Однако за этой концентрацией скрывается следующая проблема, чем сильнее символ доминирует в сознании, тем выше риск его шаблонизации и коммерциализации. Эксперты это хорошо осознают. На вопрос о том, как они понимают «культурный код» применительно к рекламе, 94,44 % выбрали вариант «набор узнаваемых символов, образов и сюжетов, понятных большинству россиян без дополнительных объяснений». Лишь 38,89 % акцентировали «отражение традиций», а 16,67 % прямо назвали культурный код «манипулятивным инструментом».

Эта двойственность – ключевой диагностический признак. Один и тот же символ (Байкал, берёзка, матрёшка, Кремль) может работать и как объединяющее начало, и как клишированный штамп, и как средство циничной эксплуатации патриотических чувств.

Если предыдущий раздел фиксировал потенциал рекламы, то этот раздел – о том, что мешает этому потенциалу реализоваться. Эксперты назвали несколько типов рисков, которые мы систематизируем по степени остроты (по оценкам самих экспертов).

Главный риск – искажение смыслов. 55,56 % экспертов указали «искажение исторических фактов и культурных смыслов в угоду рекламному сюжету» как наиболее острую проблему. Это не абстрактная опасность: в открытых вопросах эксперты привели конкретные региональные кейсы. Показательный пример – скандальная история вокруг певца Шамана и Байкала, а также рекламный баннер со слоганом «Сменить пол может каждый!» (реклама полов, дверей и плинтусов), вызвавший массовые жалобы. В обоих случаях сильный культурный символ (Байкал) или провокативная игра с ценностями оказались вписаны в коммерческий контекст без какой-либо культурной рефлексии.

Второй риск – шаблонизация. 50 % экспертов констатировали, что местные символы используются «шаблонно, поверхностно и невыразительно (только самые очевидные достопримечательности)». Лишь 22,22 % видят удачные творческие примеры. Это тревожный симптом: культурный код превращается в «список того, что можно показать туристу», теряя глубину, историческую память и эмоциональную сложность. Реклама не просто упрощает – она обедняет идентичность, сводя её к набору открыточных образов.

Третий риск – институциональный. 22,22 % экспертов прямо указали на «отсутствие общественной экспертизы рекламы на предмет корректного использования символов идентичности». При этом 77,78 % респондентов (27,78 % – «полностью согласен», 50 % – «скорее да») считают, что реклама не только отражает, но и формирует чувство принадлежности к российской нации. Если инструмент формирования идентичности работает без экспертного сопровождения, он неизбежно будет работать вхолостую или во вред.

Четвёртый риск – коммерциализация сакрального. 27,78 % экспертов отметили проблему «использования патриотических символов для продвижения товаров и услуг». Для Иркутской области это особенно чувствительно: Байкал для местных жителей – не просто «природный ресурс» или «туристическая достопримечательность», а национальная святыня. Когда реклама воды или услуг использует образ Байкала без должного уважения к его смыслу, возникает напряжение между коммерцией и культурой.

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Оценка остроты проблемы некорректного использования национальных символов (по 5-балльной шкале)», %

Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
1	1	5,56
2	2	22,22
3	8	44,44
4	3	16,67
5	2	11,11
Всего	18	100,0

Распределение оценок в табл. 2 показательно. Большинство экспертов (44,44 %) выбирают срединную оценку 3. Это не означает, что проблемы нет. Скорее, это указывает на латентный характер риска: проблема осознаётся, но не воспринимается как критическая до тех пор, пока не случается публичный скандал. Именно тогда оценка резко смещается в сторону 4 и 5 (в сумме 27,78 % – почти треть экспертов). Иными словами, экспертный институт в регионе реагирует на кризис.

Во-первых, эксперты не знают друг о друге. 94,44 % респондентов ответили, что им не известно о существовании каких-либо платформ, объединяющих маркетологов, культурологов и региональные власти для работы с культурным кодом. Лишь 5,56 % ответили утвердительно, но не смогли назвать конкретных примеров. Это значит, что даже если точечные инициативы (конкурсы, советы, лаборатории) существуют, они находятся в информационном вакууме.

Во-вторых, текущее состояние рекламы в регионе оценивается экспертами как неудовлетворительное, но без единой диагностики. Данные табл. 3 показывают разброс мнений, который сам по себе является симптомом.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете текущее состояние рекламы в Вашем регионе с точки зрения отражения территориальной идентичности?», %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
1	Местные символы используются шаблонно, поверхностно и невыразительно	9	50,00
2	Есть положительные примеры, удачно обыгрывающие местный культурный код	4	22,22
3	Реклама практически не использует местные символы, она обезличена	3	16,67
4	Преобладают общероссийские символы, уникальные черты региона игнорируются	2	11,11
5	Затрудняюсь ответить	3	16,67
	Всего	18	100,0

Половина экспертов видит шаблонность, пятая часть – удачные примеры, а ещё пятая часть вообще не может оценить ситуацию. Нет общей картины, нет согласованного языка описания, нет регулярного мониторинга. Каждый эксперт судит о рекламе по своему опыту и своим критериям.

Суммируя данные экспертного опроса, можно сформулировать главное противоречие, которое и должно стать предметом внимания экспертных институтов.

С одной стороны, реклама обладает высоким потенциалом как инструмент репрезентации и формирования национальной идентичности. Эксперты это признают (88,9 % – индикатор, 77,78 % – формирует). Культурные коды востребованы: традиции, история, природа, язык регулярно используются в рекламных сообщениях. Региональная специфика предельно выражена и узнаваема.

С другой стороны, этот потенциал систематически не реализуется. Половина экспертов фиксирует шаблонность. Более половины – искажение смыслов. Почти четверть – отсутствие экспертизы. Почти все (94 %) – отсутствие работающих координационных механизмов.

Разрыв между потенциалом и реальностью – это и есть зона экспертной работы. Здесь нужны: а) регулярный мониторинг того, как культурные коды используются в региональной рекламе; б) критерии корректности и глубины их использования; в) площадка для диалога между рекламной индустрией, культурологами и властью; г) профилактика скандалов, а не реакция на них.

Важно подчеркнуть: речь не идёт о введении цензуры или жёстких запретов. Экспертиза в сфере культурных кодов – это не контроль, а ресурс. Для рекламного агентства – возможность избежать репутационных потерь. Для заказчика – гарантия того, что его реклама действительно укрепит идентичность, а не навредит ей. Для региона – инструмент культурной политики, работающий на опережение.

Проведённое исследование, опирающееся на данные экспертного опроса в Иркутской области, позволяет зафиксировать следующую ситуацию. С одной стороны, эксперты в подавляющем большинстве признают рекламу индикатором национальной идентичности (88,9 %) и даже её активным формирующим инструментом (77,8 %). С другой стороны, реальное состояние региональной рекламы оценивается ими крайне сдержанно: половина экспертов говорит о шаблонном, поверхностном использовании местных символов, а 55,6 % называют искажение исторических смыслов в угоду рекламному сюжету острой проблемой. Таким образом, потенциал рекламы как канала трансляции идентичности признаётся, но на практике он систематически не реализуется.

Характерно, что сами риски, фиксируемые экспертами, не являются случайными или единичными. Искажение смыслов, шаблонизация, коммерциализация сакральных символов и отсутствие общественной экспертизы складываются в устойчивую картину институционального дефицита. Наиболее показательным здесь оказывается тот факт, что 94,4 % экспертов ничего не знают о существовании каких-либо координационных механизмов между ре-

кламной индустрией, культурологами и региональными властями. Это означает, что проблема лежит не столько в плоскости отдельных неудачных рекламных кейсов, сколько в отсутствии самой системы, способной эти кейсы предотвращать. Эксперты реагируют на уже случившиеся скандалы – историю с Шаманом, скандальный баннер «Сменить пол может каждый!», – но не имеют возможности влиять на ситуацию на опережение.

Региональная специфика, ярко проявленная в Иркутской области, одновременно усиливает и потенциал, и уязвимость рекламы. Озеро Байкал как доминирующий природный символ называется 94,4 % экспертов в качестве главной опоры для укрепляющей идентичность рекламы. Однако именно этот образ оказывается и наиболее эксплуатируемым, и наиболее уязвимым для клиширования. Удачные примеры, такие как реклама байкальской воды, соседствуют со скандальными, а традиционные ремёсла, промыслы и даже историческая архитектура региона остаются на периферии. Региональная идентичность в рекламе рискует свестись к одному-двум открытым образам, что и порождает ту самую шаблонизацию, о которой говорят эксперты.

Главный вывод исследования состоит в том, что региональная реклама в России обладает нереализованным потенциалом в сфере репрезентации национальной идентичности. Эксперты этот потенциал видят и фиксируют риски, но их знания и оценки остаются невостребованными. Отсутствие системного диалога между рекламной индустрией, культурными экспертами и региональными властями приводит к тому, что реклама либо игнорирует идентичность, либо использует её поверхностно.

Литература

1. Ачкасова В. А. Национальная идентичность в контексте глобализации: вызовы и риски // Политическая экспертиза. 2022. № 3. С. 45–58.
2. Гудков Л. Д. Российская идентичность и культурные коды в массовой коммуникации // Вестник общественного мнения. 2023. № 1 (131). С. 8–24.
3. Ильин В. И. Реклама как фактор формирования территориальной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 112–135.
4. Кирьянова Л. Г., Тимофеев М. Ю. Культурные коды в региональном брендинге: опыт российских регионов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 67–81.
5. Малышева О. В. Экспертные институты в сфере культурной политики: российский и зарубежный опыт // Общественные науки и современность. 2023. № 2. С. 98–112.
6. Тульчинский Г. Л. Брендинг территории: культурные коды и семантика пространства. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с.
7. Федотова Л. Н. Реклама в социальном пространстве: социологическое эссе. М.: Академия, 2021. 312 с.
8. Шатина Т. Н. Национально-культурная идентичность в рекламе: между традицией и манипуляцией // Культурологический журнал. 2022. № 4 (50). URL: <https://sciup.org/cr-journal/2022-4-50> (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 314

С. А. Моксоева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Рассматривается методологический синтез парадигмального и экспертного подходов к анализу современных демографических изменений. На основе классической теории демографического перехода, её последующих модификаций (второй переход) и критических концепций демонстрируется ограниченность формально-количественного объяснения динамики рождаемости и смертности. Обосновывается необходимость включения ценностного измерения, анализируя трансформацию ценностных ядер как глубинной причины депопуляции. Особое внимание уделяется российским реалиям: деформациям половозрастной структуры, двум волнам депопуляции и роли миграции. Парадигмальный метод представлен как инструмент интеграции философских, социологических и демографических теорий в целостную систему социального познания.

Ключевые слова: демографический переход, парадигмальный анализ, депопуляция, экспертный анализ, вторая волна депопуляции, трансформация ценностей, методология социального познания, кризис семьи, эпидемиологический переход.

S. A. Moksoeva
Irkutsk State University, Irkutsk

PARADIGMATIC ANALYSIS AND EXPERT ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC CHANGES

The article examines the methodological synthesis of paradigmatic and expert approaches to the analysis of contemporary demographic changes. Based on the classical theory of demographic transition, its subsequent modifications (second transition) and critical concepts, the limitations of formal-quantitative explanations of fertility and mortality dynamics are demonstrated. The author substantiates the necessity of including an axiological dimension by analyzing the transformation of value cores as the deep-seated cause of depopulation. Special attention is paid to Russian realities: deformations of the age-sex structure, two waves of depopulation and the role of migration. The paradigmatic method is presented as a tool for integrating philosophical, sociological, and demographic theories into a holistic system of social cognition.

Keywords: demographic transition, paradigmatic analysis, depopulation, expert analysis, second wave of depopulation, value transformation, methodology of social cognition, family crisis, epidemiological transition.

Современная демографическая наука переживает период методологической рефлексии. Долгое время господствовавшая парадигма демографического перехода, несмотря на свою эвристическую привлекательность, всё чаще демонстрирует неспособность объяснить новые реалии – устойчиво низкую рождаемость в развитых странах, трансформацию брачно-семейных отношений и затяжные периоды депопуляции. Как справедливо указывает М. Ю. Пинтаева, в рамках исходной парадигмы возникло множество конкурирующих школ, каждая из которых стремилась предложить собственную версию «перехода», что привело к методологической фрагментации [1].

Цель настоящей работы – показать, что преодоление этого кризиса возможно на пути синтеза двух аналитических стратегий: парадигмального метода, восходящего к философской рефлексии об основаниях научного знания, и экспертного анализа, ориентированного на качественную оценку социальных норм и ценностных ориентаций. Следуя логике М. Н. Насирова, парадигмальный метод позволяет выстраивать многоуровневые конструкции, связывающие онтологические категории с эмпирическими исследованиями, тогда как экспертный анализ наполняет эти конструкции конкретным социально-психологическим содержанием [2].

Классическая модель демографического перехода, разработанная в середине XX в., описывает исторический переход от режима высокой смертности и рождаемости к их низким уровням через серию последовательных этапов. Пинтаева детализирует эту схему через динамику коэффициентов: на начальном этапе сокращение смертности опережает сокращение рождаемости, что даёт максимальный естественный прирост; на следующем этапе смертность достигает минимума при ускоряющемся падении рождаемости; затем в силу демографического старения смертность вновь повышается; и на финальном этапе оба показателя стабилизируются на низких уровнях [1]. Экономически развитые страны, согласно этой периодизации, уже завершили переход, тогда как развивающиеся находятся на промежуточных стадиях.

Однако, как отмечает А. И. Антонов, оптимистический пафос классической теории в последние годы существенно померк. Надежды на то, что рождаемость стабилизируется на уровне простого воспроизводства, оказались иллюзорными. Возникновение концепции второго демографического перехода стало прямым следствием эмпирической неадекватности исходной модели [3]. Сторонники этой концепции утверждают, что современное падение рождаемости ниже воспроизводственного уровня вызвано качественно иными факторами, нежели в XIX в. К числу таких факторов относятся, в частности, легализация альтернативных форм брачно-семейных отношений, сдвиг от детоцентризма к индивидуализму, а также переход от превентивной контрацепции к осознанному планированию каждого рождения [1].

С позиций парадигмальной методологии эти «надстройки» носят ограниченный характер. Насиров предлагает рассматривать любую научную парадигму как четырёхуровневую конструкцию: онтологический базис, социально-философские принципы, теоретико-социологические обобщения и эмпирически ориентированные модели [2]. Классическая теория перехода и её модификации сосредоточены главным образом на двух нижних уровнях, уделяя недостаточное внимание ценностно-мировоззренческим основаниям репродуктивного поведения. Именно поэтому концепция второго перехода, по справедливому замечанию Пинтаевой, существенно сужает поле анализа, фокусируясь на ограниченном круге социальных феноменов, характерных для Западной Европы [1].

Важным теоретическим дополнением к демографической парадигме выступает концепция эпидемиологического перехода, предложенная А. Р. Омраном. Как сообщает Пинтаева, суть этой концепции состоит в фиксации радикального сдвига в структуре причин смертности: если на ранних этапах доминируют экзогенные факторы (инфекции, голод, травмы), то по мере развития общества первенство переходит к эндогенным и квазиэндогенным причинам (сердечно-сосудистые заболевания, онкология, возрастные патологии). Омран выделял три группы факторов, обуславливающих этот переход: экобиологические (состояние среды, болезнетворные агенты), социокультурные (уровень жизни, гигиена, питание) и медицинские (санитария, профилактика, лечение) [1].

С точки зрения предлагаемого нами синтеза, концепция эпидемиологического перехода важна тем, что она связывает демографические изменения не только с экономическим ростом, но и с эволюцией медицинских технологий, санитарной культуры и государственной политики. Применительно к России, как будет показано ниже, этот переход носит незавершённый и противоречивый характер: успехи в борьбе с инфекционной смертностью соседствуют с устойчиво высокой смертностью от внешних причин и поведенческих факторов.

Наиболее последовательная альтернатива ортодоксальной теории перехода представлена в работах сторонников концепции кризиса семьи и рождаемости. Антонов показывает, что для теоретиков демографической революции падение рождаемости не представляет проблемы, более того, оно часто трактуется как благо в контексте борьбы с гипотетическим перенаселением. Однако эмпирические данные свидетельствуют об обратном: массовое распространение однодетности и добровольной бездетности ведёт к необратимой депопуляции, что никак нельзя считать благоприятным развитием [3].

Антонов описывает механизм этого кризиса как постепенное разрушение традиционных норм, поддерживавших высокую рождаемость на протяжении столетий. К их числу относятся нормы ранней и всеобщей брачности, пожизненного брака, неразрывной связи репродуктивного и сексуального поведения, а также табу на искусственное прерывание беременности и широкое использование контрацепции. В ходе модернизации эти нормы последовательно размываются: снижается родительский авторитет, распространяется секуляризация, падает ценность детей и семьи как таковой [3].

Особое внимание Антонов уделяет экономическому измерению кризиса. Капиталистическая система с её индивидуальной оплатой труда не учитывает семейно-детский статус работника и не компенсирует затраты семьи на воспроизводство рабочей силы. Это приводит к тому, что семья утрачивает свою производственную функцию, а вместе с ней – и посредническую роль между личностью и государством. В результате формируется социальная среда, в которой бездетность и суррогатные формы семейной жизни получают всё большее одобрение [3].

На наш взгляд, именно ценностный сдвиг является наиболее глубокой и наименее изученной причиной современной депопуляции. Как показано в исследовании, посвящённом трансформации ценностных систем, современная эпоха характеризуется риском разрушения ценностного ядра цивилизации. Этот процесс сопровождается такими феноменами, как социальная аномия, политическая иррациональность и распространение «сверхтолерантности», которая начинает восприниматься как норма [4].

Авторы названного исследования выделяют два основных уровня ценностей. К первому, цивилизационному порядку относятся общечеловеческие ценности, преломлённые через национальные интересы; ценности Родины, Отечества, родного края; ценности здоровья, качества жизни и комфортной среды для рождения детей; ценности семьи, родительства и дома; ценности мира и социальной стабильности; образовательные, научные и культурные ценности; а также экологические ценности. Вторым уровнем составляют ценности прогресса, технологических прорывов, научных достижений и корпоративной ответственности [4].

Ключевая проблема современной демографической динамики заключается, с нашей точки зрения, в дисбалансе между этими двумя группами ценностей. Пока доминируют ценности второго типа – индивидуального успеха, технологического обновления, материального благополучия – при одновременном ослаблении ценностей семьи, родительства и межпоколенной солидарности, никакие меры экономического стимулирования не смогут переломить тренд снижения рождаемости. В условиях цифровой трансформации, как подчёркивается в исследовании, роль поддерживаемых ценностей не только не снижается, но, напротив, возрастает, а в некоторых контекстах они приобретают определяющее значение [4].

Эмпирическим обоснованием предложенной методологической рамки служит демографическая история России последних десятилетий. С. В. Рязанцев и Л. Л. Рыбаковский вводят важное различие между двумя волнами депопуляции, которые имеют различную природу и требуют различных политических ответов. Вторая волна, начавшаяся в 2016 г., связана не только с текущими социально-экономическими трудностями, но и с долгосрочными последствиями деформации возрастной структуры, вызванными историческими катаклизмами XX в. – войнами, голодом, репрессиями [5].

Анализируя послевоенный период, авторы показывают, что естественный прирост населения РСФСР в 1951–1990 гг. составлял почти 99 % от общего прироста, тогда как миграция вносила лишь незначительный вклад. Однако уже в 1990-е гг. ситуация кардинально изменилась: естественная убыль стала устойчивой, и её компенсация за счёт миграции никогда не была полной [5]. Первая волна депопуляции (1993–2010 гг.) была обусловлена шоковым ростом смертности, вызванным социально-экономическим кризисом. Показатели убийств, самоубийств и смертности от внешних причин достигли пиковых значений, не характерных для мирного времени. Экспертная интерпретация этих цифр выходит далеко за рамки формальной статистики: они отражают глубокую социальную аномию, разрушение институционального доверия и девальвацию ценности человеческой жизни [5].

Вторая волна, фиксируемая с 2016 г., имеет иную природу. Как показывают Рязанцев и Рыбаковский, естественная убыль здесь определяется прежде всего сокращением числа родившихся при некотором снижении смертности. Если в 2016 г. убыль составляла лишь 2,3 тыс. чел., то к 2020 г. она выросла до 688,7 тыс. [5]. Этот рост обусловлен двумя факторами: с одной стороны, вступлением в репродуктивный возраст малочисленных поколений, родившихся в 1990-е гг. («демографические ямы»); с другой – закреплением в массовом сознании установки на однодетную семью как норму.

С позиций парадигмального анализа эти эмпирические данные получают философскую интерпретацию. Следуя логике Насирова, понимание характера бытия и социальной реальности неизбежно влияет на интерпретацию социального действия [2]. В российском случае можно говорить о доминировании «травматической онтологии»: высокая неопределённость, непредсказуемость будущего и отсутствие уверенности в завтрашнем дне блокируют долгосрочные репродуктивные стратегии, побуждая семьи ограничиваться одним ребёнком.

В условиях устойчивой естественной убыли исключительную значимость приобретает миграционный компонент. Рязанцев и Рыбаковский подсчитали, что в постсоветский период миграция компенсировала около двух третей естественной убыли, благодаря чему реальное сокращение населения составило 4,8 млн чел., а не значительно большую величину. Однако, подчёркивают авторы, миграционный прирост не решает структурных проблем: он не компенсирует старения населения и не восстанавливает суженное воспроизводство [5].

Более того, миграционный потенциал имеет объективные пределы. Общая численность русских, проживающих в странах нового зарубежья, оценивается в 13–14 млн чел. Однако среди наиболее активных в трудовом отношении возрастов (20–40 лет) большинство составляют те, кто родился уже в независимых государствах и не имеет устойчивых связей с Россией. Реальный миграционный потенциал, по оценкам авторов, составляет лишь 2–4 млн чел. [5]. Это означает, что ставка на миграцию как на долгосрочное решение демографических проблем иллюзорна.

Парадигмальный анализ обнаруживает здесь глубинный конфликт между демографической целесообразностью (стремлением любой ценой сохранить численность населения) и социокультурной идентичностью (сохранением традиционных форм семейной жизни и национальной преемственности). Экспертная оценка показывает, что простой импорт населения без изменения ценностных ориентаций ведёт не к гармоничному развитию, а к нарастанию социальной напряжённости.

Исходя из проведённого анализа, можно выделить несколько приоритетных направлений демографической политики, которые предлагают Рязанцев и Рыбаковский. Первое – создание материальных и институциональных условий для рождения и воспитания детей, включая поддержку семей с детьми. Второе – развитие самосохранительного поведения, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Третье – привлечение мигрантов тех категорий, которые способны интегрироваться в принимающее общество. Четвёртое – создание внутри страны условий для самореализации населения, чтобы минимизировать эмиграционный отток [5].

Однако, с нашей точки зрения, эти меры останутся недостаточными без восстановления ценностного ядра – возвращения семье, родительству и многопоколенной солидарности статуса высших приоритетов. Как резюмирует Антонов, в условиях дальнейшей деградации института семьи традиционные методы демографической политики могут оказаться бессильны, что ставит перед обществом вопрос о принципиально новых – возможно, биотехнологических – способах компенсации депопуляции [3].

Таким образом, синтез парадигмального и экспертного анализа позволяет преодолеть ограниченность как сугубо количественных демографических моделей, так и чисто философских спекуляций. Парадигмальный метод даёт интегративную рамку, связывающую онтологические основания, теоретические конструкты и эмпирические данные [2]. Экспертный анализ наполняет эту рамку конкретным содержанием, фиксируя ценностные сдвиги, поведенческие стратегии и социокультурные контексты принятия репродуктивных решений [4]. Вместе они образуют методологический базис, адекватный сложности современных демографических изменений.

Литература

1. Пинтаева М. Ю. Теория демографического перехода, как основа современных демографических исследований // Экономика и социум. 2019. № 8 (63). С. 136–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-demograficheskogo-perexoda-kak-osnova-sovremennyh-demograficheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 18.05.2026).
2. Насиров М. Н. К вопросу применения парадигмального метода к социальному познанию // Общество: философия, история, культура. 2019. № 7 (63). С. 36–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-primeneniya-paradigmalnogo-metoda-k-sotsialnomu-poznaniyu> (дата обращения: 18.05.2026).
3. Антонов А. И. Метаморфозы интерпретационной логики 1, 2, 3-й и последующих теорий демографического перехода и социологический подход к объяснению тенденций семейно-демографической динамики // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М., 2019. С. 193–197.
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Лесниковская Е. В. Трансформация систем ценностей в меняющемся мире: цивилизационный и цифровой аспекты // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 237–241.
5. Рязанцев С. В., Рыбаковский Л. Л. Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 9. С. 810–819.

**ДИНАМИКА НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ:
ДВОЙСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОЧУВСТВИЯ
И ПРЕДПОСЫЛКИ РОСТА НАУЧНОГО И ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ**

Анализируется противоречивая динамика общественных настроений в России в условиях затяжной геополитической ситуации, вступающей частью общего кризиса глобальной нестабильности. На материале ВЦИОМ, данных фармацевтической аналитики и региональной статистики рассматриваются ключевые показатели: индекс счастья, распространённость тревожных состояний, рост потребления антидепрессантов и уровень психических расстройств среди подростков. Выдвинут тезис о двойственном характере общественного самочувствия, сочетающего внешнюю адаптационную устойчивость с накоплением психологического напряжения. Подчёркивается необходимость развития междисциплинарных социологических исследований как основы для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: общественные настроения, индекс счастья, антидепрессанты, глобальная нестабильность, отложенное счастье, тревожность, психические расстройства, ВЦИОМ, социальное самочувствие.

L. S. Nurutdinova
Irkutsk State University, Irkutsk

**DYNAMICS OF PUBLIC SENTIMENT IN RUSSIA UNDER GLOBAL INSTABILITY:
THE DUALITY OF SOCIAL WELL-BEING AND PREREQUISITES
FOR THE GROWTH OF EXPERT KNOWLEDGE**

The article analyzes the contradictory dynamics of public sentiment in Russia under conditions of prolonged geopolitical situation, which is part of the general crisis of global stability. Based on VCIOM materials, pharmaceutical analytics data and regional statistics, key indicators are examined: the happiness index, the prevalence of anxiety states, the growth of antidepressant consumption and the level of mental disorders among adolescents. The thesis is put forward about the dual nature of public well-being, combining external adaptive resilience with the accumulation of psychological tension. The necessity of developing interdisciplinary sociological research as a basis for managerial decision-making is emphasized.

Keywords: public sentiment, happiness index, antidepressants, global instability, deferred happiness, anxiety, mental disorders, VCIOM, social well-being.

Проблематика общественных настроений приобретает особую актуальность в условиях длительной глобальной напряжённости. Обострение геополитических противоречий, международных экономических связей и информационной войны формируют принципиально новую среду, в которой привычные механизмы психологической адаптации населения подвергаются систематическому давлению. Российская федерация находится в эпицентре данных процессов, что делает анализ общественных настроений особенно значимым.

Ключевой характеристикой текущего периода выступает множественность одновременно действующих угроз, затрагивающих различные сферы безопасности. Согласно оценкам экспертов, опрошенных изданием «Коммерсантъ» в конце 2025 г. [8], четвёртый год подряд основными опасениями для мировой экономики остаются вооружённые конфликты и геополитические риски, причем 61 % респондентов относят к категории главных, а 66 % полагают, что в ближайшие 12 мес. эти риски будут нарастать [7]. Как отмечает руководитель отдела макроэкономического анализа компании «Финам» Ольга Бельская, «градус геополитической истерии в мире сейчас таков, что непредсказуемых событий, которые можно отнести к «чёрным лебедям», почти не осталось» [7]. К числу наиболее опасных сценариев эксперты относят эскалацию конфликта вокруг Тайваня, способную привести к падению мирового ВВП на 10 % из-за разрушения глобальных цепочек поставок полупроводников, а также возможный вооружённый конфликт между США и Венесуэлой, грозящий резким ростом цен на нефть [7].

Не менее значимым фактором выступает технологическая нестабильность, связанная с развитием искусственного интеллекта. Почти половина опрошенных глобальных портфельных менеджеров назвала «пузырь ИИ» ключевым риском 2026 г., сравнивая текущую ситуацию с кризисом доткомов начала 2000-х гг. [7]. Эксперты Вольного экономического общества России также обращают внимание на опасность неравномерного распределения технологий между странами, что, по мнению президента ВЭО России Сергея Бодрунца, может привести к «созданию так называемых цифровых концлагерей и конфликтов» [8]. Перечисленные угрозы – от прямых военных столкновений до технологических кризисов – формируют общий фон глобальной нестабильности, который неизбежно отражается на психологическом состоянии населения, усиливая тревожность и сужая горизонты жизненного планирования.

Исследователи фиксируют противоречивую картину: с одной стороны, показатели субъективного благополучия сохраняют относительную стабильность, с другой – накапливаются количественные индикаторы психологического неблагополучия.

Цель настоящей работы – проанализировать указанную двойственность на основе доступных статистических и социологических данных за 2024–2026 гг.

Для понимания природы высокого декларируемого счастья на фоне кризисных явлений можно обратиться к статье, в которой показана концепция отложенного счастья [2]. С. Б. Абрамова и Н. Л. Антонова на основе репрезентативного опроса, в котором участвовали 1170 чел., установили, что в эмоциональном настрое населения присутствует сценарий, в соответствии с которым счастье откладывается на неопределённый срок. Авторами выделены три ключевые возрастные модели: для респондентов 18–24 лет доминирует сценарий, связанные с личностным становлением, обретением независимости и профессионально трудовой самореализацией. У опрошенных в возрасте 25–45 лет фокус смещается в сторону достижения социально статусной и материальной устойчивости. Респонденты, возраст которых составил 40–60 лет, чаще ориентированы на завершённость жизненных сценариев и обретение стабильности. Исследование также выявило, что основными барьерами на пути к достижению счастья выступают неопределённость и самозапреты, а выраженность сценариев отложенного счастья снижается с возрастом [2]. Данный подход объясняет кажущийся парадокс: люди могут оценивать себя как счастливых не потому, что удовлетворены текущим положением, а потому, что переносят ожидание счастья в будущее. В условиях глобальной нестабильности, когда внешне обстоятельства не поддаются индивидуальному контролю, такая стратегия становится массовым адаптационным механизмом.

Одним из ключевых показателей, позволяющих оценить субъективное благополучие населения, выступает индекс счастья, регулярно измеряемый ВЦИОМ. В феврале 2026 г. он составил 55 пунктов, при этом счастливыми себя назвали 75 % опрошенных, несчастными – 7 % [8]. В апреле 2026 г. 35 % респондентов охарактеризовали своё эмоциональное состояние как жизнерадостное, 25 % – как тревожное, 22 % – как сдержанное, 18 % – как возбуждённое [4]. Примечательно, что в международном рейтинге World Happiness Report Россия в 2026 г. заняла 79-е место из 147, опустившись с 66-го места годом ранее [8].

Особого внимания заслуживает ситуация с психическим здоровьем подростков. За девятилетний период заболеваемость психическими расстройствами среди лиц 15–17 лет выросла на 53 % с 18,5 тыс. до 28,3 тыс. случаев [7]. В Чувашии в 2025 г. расстройства психики впервые диагностировали у 1,2 тыс. несовершеннолетних, что на треть превышает уровень предыдущего года [7]. Эксперты связывают рост показателей как с улучшением диагностики, так с повышением осведомлённости общества в вопросах психического здоровья, однако кадровый дефицит детских психиатров остаётся острой проблемой [7]. Примечательно, что именно младшая возрастная группа, согласно исследованию Абрамовой и Антоновой, наиболее склонна к сценариям отложенного счастья, ориентированным на будущую самореализацию, – это создаёт зону уязвимости при столкновении с жёсткими ограничениями, налагаемыми глобальной нестабильностью [2].

Параллельно с сохранением высокого уровня декларируемого счастья фиксируется значительный рост потребления антидепрессантов. В 2025 г. было продано 23,4 млн упаковок, что на 23 % превышает показатели 2024 г.; в первом квартале 2026 г. рост продолжился, составив 22 % по сравнению с алогичным периодом прошлого года [5]. Кроме антидепрессантов, заметно увеличилось количество продаж нейролептиков – на 11 %, вырос спрос и на транквилизаторы [6]. Врач-психиатр И. Лазарев объясняет это не только реальным учащением заболеваемости тревожными и депрессивными расстройствами, но и тем, что общество постепенно перестаёт воспринимать обращение к психиатру как нечто постыдное [5].

Ещё один показатель – социальное самочувствие, которое ВЦИОМ измеряет через три составляющие: удовлетворённость жизнью, социальный оптимизм и оценку материального положения. В начале 2025 г. все три индекса ушли в минус: удовлетворенность жизнью снизилась с 68 до 59 пунктов, социальный оптимизм – с 57 до 42, материальное положение – с 65 до 55. Однако уже к весне значения частично улучшились, вернувшись к максимумам осени 2024 г., что говорит об определённом адаптационном запасе прочности [3].

Когда сопоставляется две группы данных – стабильно высокий индекс счастья и одновременно рекордное потребление антидепрессантов, – напрашивается вывод о «двойном дне» общественного благополучия. За этим понятием не стоит конкретный автор; оно используется скорее, как метафора, описывающая ситуацию, при которой за внешним фасадом социального оптимизма увеличивается количество социальных проблем. Декларируемый оптимизм здесь работает как компенсаторный механизм: психика адаптируется к стрессу, но не проживает его по-настоящему. Внешне благополучные цифры скрывают растущее напряжение, которое прорывается депрессивными и тревожными расстройствами, особенно заметными у подростков и молодёжи.

Это противоречие, на мой взгляд, – одна из самых серьезных проблем современной социологии. Количественные замеры фиксируют адаптацию, тогда как качественные индикаторы – покупку лекарств, статистику заболеваемости. Они показывают о явном неблагополучии. Концепция отложенного счастья как раз помогает объяснить подобный разрыв: респонденты искреннее считают себя счастливыми, потому что связывают благополучие не с текущим моментом, а с воображаемым будущим. Однако в условиях глобальной нестабильности, когда горизонт планирования сужается, такая стратегия становится всё более уязвимой. Исследовательский фокус, следовательно, должен смещаться в сторону междисциплинарных подходов, объединяющих социологические, психологические и медицинские данные. Как показывает опыт научной работы кафедры социально философии и социологии Института социальных наук ИГУ города Иркутск, тематика социального самочувствия населения в кризисные периоды неизменно оказывается в центре исследовательского внимания [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что динамика настроений населения России в условиях глобальной нестабильности характеризуется противоречивым сочетанием адаптационной устойчивости и накопления психологического напряжения. Рост потребления антидепрессантов, увеличение заболеваемости психическими расстройствами среди подростков, распространённость сценарием отложенного счастья и одновременное сохранение высоких показателей декларируемого благополучия требуют более глубокого научного осмысления. Дальнейшее изучение латентных факторов, влияющих на субъективное благополучие, должно опираться на комплексное применение количественных методов, что позволит вырабатывать научно обоснованные рекомендации для государственной социальной политики.

Литература

1. На рубеже новых планов и перспектив профессиональной социологической деятельности // Институт социальных наук ИГУ. URL: <https://socio.isu.ru/ru/media/news/2025/detail/article-00315/> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Возрастные сценарии отложенного счастья // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 131–146.
3. ВЦИОМ: индекс удовлетворенности жизнью россиян держится на уровне 64 пункта // Комсомольская правда. 2025. 27 мая. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6325193/> (дата обращения: 10.05.2026).

4. Эмоциональное состояние российского общества // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmocionalnoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Одоева А., Ионина И. Состояние эффекта: в России стали покупать больше антидепрессантов // Известия. 2026. 16 апр. URL: <https://iz.ru/2079609/alina-odoeva-irina-ionina/v-rf-stali-chashche-pokupat-preparaty-dlia-lecheniia-rasstroistv> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Психиатры бьют тревогу: антидепрессанты назначают даже детям // Московский комсомолец. 2026. 16 апреля. URL: <https://www.mk.ru/social/2026/04/16/psikhiatry-byut-trevogu-antidepressanty-naznachayut-dazhe-detyam.html> (дата обращения: 10.05.2026).
7. У российских подростков стали в 1,5 раза чаще выявлять расстройства психики // НСН. 2026. 15 апр. URL: <https://nsn.fm/society/u-rossiiskih-podrostkov-stali-v-1-5-raza-chashche-vyyavlyat-rasstroistva-psihiki> (дата обращения: 10.05.2026).
8. «Черные лебеди-2026»: главные риски для мировой экономики // Коммерсантъ. Деньги. 2025. 10 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8269453> (дата обращения: 12.05.2026).
9. Эксперты ВЭО России назвали ключевые риски мирового развития // Российская газета. 2026. 23 янв. URL: <https://www.rg.ru/amp/2026/01/23/eksperty-veo-rossii-nazvali-kluchevye-riski-mirovogo-razvitiia.html> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Индекс счастья россиян в феврале 2026 года // Эксперт. 2026. 2 мая. URL: <https://expert.ru/amp/news/finlyandiya-devyatyy-god-podryad-priznana-samoy-schastlivoy-stranoy-mira/> (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 331.108

Р. А. Овечкин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

М. В. Душутин

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

ЭКСПЕРТНЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Университет рассматривается как экспертный институт, для которого управление человеческими ресурсами связано с качеством управленческих решений, устойчивостью организационной среды и развитием экспертных команд. Показано, что в условиях цифровизации, кадровой конкуренции и роста требований к гибкости университетская кадровая политика приобретает стратегический характер. Отдельное внимание уделено психологической устойчивости сотрудников, цифровым HR-решениям, кадровому резерву и инклюзивным практикам.

Ключевые слова: университет; управление человеческими ресурсами; кадровая политика; экспертный потенциал; цифровизация.

R. A. Ovechkin

Irkutsk State University, Irkutsk

M. V. Dushutin

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

EXPERT HUMAN RESOURCE MANAGEMENT PRACTICES IN THE CONTEMPORARY UNIVERSITY: PERSONNEL POLICY AND THE FORMATION OF EXPERT CAPACITY UNDER NEW GLOBAL CHALLENGES

The article considers the university as an expert institution in which human resource management is linked to organizational resilience, the quality of managerial decisions and the development of expert teams. It is argued that under digitalization, staff competition and growing demands for flexibility, personnel policy in higher education acquires a strategic character. Special attention is paid to staff psychological stability, digital HR tools, talent pools and inclusive practices.

Keywords: university; human resource management; personnel policy; expert capacity; digitalization.

Современный университет все сложнее рассматривать только как организацию, обеспечивающую передачу знаний и выдачу документов об образовании. В условиях усложнения социальной, технологической и управленческой среды он выступает как институт, способ-

ный концентрировать научную, образовательную и аналитическую экспертизу. Особенно заметно это в тех случаях, когда вуз включен в территориальное развитие, проектирование цифровых изменений, оценку качества образования и взаимодействие с органами власти, бизнесом и гражданским сектором [3; 10; 12].

Такая постановка проблемы меняет смысл университетского управления человеческими ресурсами. Если вуз претендует на роль экспертного института, кадровая политика не может ограничиваться учетом, наймом и формальной аттестацией. Она должна обеспечивать воспроизводство преподавательских и исследовательских компетенций, удержание сильных сотрудников, развитие управленческого резерва и создание условий для работы междисциплинарных экспертных групп [2; 4; 6].

Цель статьи состоит в выявлении ключевых направлений управления человеческими ресурсами, которые позволяют современному университету формировать и поддерживать экспертный потенциал в условиях новых глобальных вызовов. Методологически работа опирается на системно-аналитический подход, обобщение научных публикаций по стратегическому HRM в высшей школе, третьей миссии университета, цифровизации кадровых процессов и организационной устойчивости персонала.

Университет как экспертный институт. Экспертная функция университета связана не только с научными результатами отдельных исследователей. Она проявляется в способности вуза переводить знания в решения, рекомендации, оценки и проекты, значимые для более широкой социальной среды. В этом смысле университет становится частью экспертной инфраструктуры региона: он участвует в обсуждении общественных проблем, формировании профессиональных стандартов, развитии образовательных и исследовательских инициатив, а также в подготовке кадров для аналитической и управленческой деятельности [3; 10; 12].

Однако наличие квалифицированных преподавателей и исследователей само по себе еще не превращает вуз в устойчивый экспертный центр. Для этого необходимы организационные механизмы, которые связывают индивидуальные компетенции в коллективную экспертизу: понятные карьерные траектории, кадровый резерв, подготовка академических лидеров, мотивация к проектной работе, поддержка межфакультетского и междисциплинарного взаимодействия [4; 8; 9]. Без таких механизмов экспертность остается фрагментированной и зависит преимущественно от личной инициативы отдельных сотрудников.

Особое значение приобретает вопрос кадровой архитектуры. Университету нужны не только сильные специалисты, но и устойчивые команды, способные работать с комплексными задачами: от внутренних управленческих преобразований до внешних экспертно-аналитических заказов. Поэтому HR-подход в вузе должен быть встроен в стратегию развития, а не существовать как вспомогательная административная функция.

Современные вызовы в системе управления человеческими ресурсами в вузе. Для университетского HR сегодня характерен переход от обслуживающей функции к стратегической. На кадровую систему воздействуют сразу несколько факторов: цифровая трансформация, конкуренция за квалифицированных сотрудников, рост требований к гибкости занятости, необходимость обновления компетенций и повышение значимости командной проектной работы [2; 5; 11]. Эти процессы усиливают зависимость качества университетского управления от того, насколько последовательно вуз работает с человеческим капиталом.

Показателен опыт ведущих российских университетов, где кадровая политика постепенно выходит за рамки формальных процедур. В исследованиях отмечается значение нематериальной мотивации, поддержки инициатив сотрудников, децентрализации части HR-функций и поиска более точных моделей оценки персонала [9]. Для университета это принципиально важно: слишком жесткая и унифицированная кадровая модель плохо учитывает специфику кафедр, лабораторий, проектных групп и образовательных программ.

Вместе с тем гибкость не должна означать управленческую неопределенность. Сотрудники должны понимать, как оценивается их вклад, какие компетенции являются приоритетными, какие карьерные маршруты возможны и какие формы профессионального развития поддерживаются университетом. Чем яснее связаны кадровые решения с миссией и стратегическими задачами вуза, тем выше вероятность, что отдельные профессиональные усилия будут превращаться в общий экспертный потенциал.

Психологические и организационные факторы продуктивности персонала. Кадровая политика университета не может быть эффективной без учета психологической устойчивости сотрудников. Преподавательская и исследовательская работа связана с высокой интеллектуальной, эмоциональной и коммуникативной нагрузкой. Профессиональное выгорание снижает продуктивность деятельности, ухудшает субъективную удовлетворенность трудом и может негативно влиять на качество подготовки студентов [1; 7]. Следовательно, поддержка благополучия персонала является не частной социальной мерой, а условием управленческой надежности университета.

При этом выгорание не следует объяснять только индивидуальными особенностями сотрудника. Его усиливают организационные причины: перегруженность, неясные критерии результативности, слабая обратная связь, недостаток ресурсов, разрыв между требованиями и реальными возможностями. Поэтому управленческий ответ должен включать более точное проектирование нагрузки, развитие наставничества, поддержку профессионального роста и расширение участия сотрудников в обсуждении решений, влияющих на их работу.

Цифровизация делает этот вопрос еще более чувствительным. С одной стороны, цифровые HR-инструменты ускоряют подбор, адаптацию, обучение и обмен информацией. С другой стороны, они могут усиливать контроль, фрагментацию коммуникации и ощущение постоянной включенности, если внедряются без учета академической культуры и реальной нагрузки сотрудников [5; 11]. Поэтому технологизация кадровых процессов должна сочетаться с вниманием к человеческому измерению университетской работы.

Кадровая политика, цифровые решения и формирование экспертного потенциала. С управленческой точки зрения экспертный потенциал университета формируется на пересечении трех контуров: кадровой стратегии, повседневных HR-технологий и организационной культуры. Кадровая политика эффективна тогда, когда она не просто закрывает вакансии, а обеспечивает воспроизводство компетенций, удержание сильных сотрудников, развитие академического лидерства и включение работников в экспертные сообщества внутри и вне университета [2; 4; 8]. Основные практики, связанные с этим процессом, представлены в табл.

Таблица

Современные HR-практики в университете и их значение для формирования экспертного потенциала

HR-практика	Управленческий смысл	Значение для экспертного потенциала
Стратегическое планирование потребности в кадрах	Связь кадровых решений с миссией и приоритетами вуза	Стабилизирует экспертное ядро и снижает кадровые разрывы
Кадровый резерв и программы академического лидерства	Подготовка будущих руководителей и координаторов проектов	Обеспечивает воспроизводство экспертных групп
Цифровые HR-инструменты	Ускорение подбора, адаптации, оценки и коммуникации	Повышает управляемость и прозрачность кадровых процессов
Непрерывное профессиональное развитие	Обновление педагогических, исследовательских и цифровых компетенций	Позволяет экспертным командам быстрее реагировать на новые вызовы
Практики поддержки благополучия сотрудников	Профилактика выгорания и снижение организационного напряжения	Сохраняет продуктивность и устойчивость экспертной работы
Инклюзивная кадровая среда	Доступность цифровых сервисов и учет разнообразия сотрудников	Расширяет участие в экспертной деятельности и снижает барьеры включения

* Составлено на основе [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 11; 13].

Цифровые решения в этой системе выполняют не только техническую роль. Они позволяют связать разрозненные подразделения в более целостную кадровую систему, снизить долю рутинных операций, повысить прозрачность коммуникации и накопить данные для кадрового прогнозирования. Однако цифровые инструменты должны рассматриваться как средство развития сотрудников и экспертных команд, а не как самостоятельная цель HR-модернизации [5; 11].

Отдельного внимания требует инклюзивное измерение кадровой политики. Современные ИКТ, искусственный интеллект и ассистивные технологии способны расширять доступность образовательной и организационной среды, но только при наличии инфраструктуры, подготовленных специалистов и управленческой готовности учитывать разнообразие потребностей сотрудников [13]. Для университета это означает необходимость проектировать доступные цифровые сервисы, понятные каналы коммуникации и условия, при которых разные группы работников могут включаться в экспертную деятельность.

В результате современная модель университетского HR должна сочетать стратегичность, технологичность и организационную бережность. Стратегичность задает связь кадровых решений с миссией и приоритетами вуза. Технологичность обеспечивает управляемость и скорость процессов. Организационная бережность сохраняет доверие, мотивацию и психологическую устойчивость сотрудников. Только при таком сочетании кадровая политика становится инструментом формирования экспертного потенциала, а не набором разрозненных административных процедур.

Современный университет может рассматриваться как экспертный институт в той мере, в какой он способен производить, собирать, применять и транслировать знание для решения значимых социальных, образовательных и управленческих задач. Эта способность напрямую зависит от качества работы с человеческими ресурсами. Когда кадровая политика остается на уровне учета и реакции на текущие дефициты, экспертный потенциал вуза развивается фрагментарно. Когда HR становится стратегическим, университет получает более устойчивую основу для экспертной деятельности.

В условиях новых глобальных вызовов наиболее продуктивным является HR-подход, который объединяет развитие кадрового резерва, цифровые инструменты, профессиональное обучение, профилактику выгорания, поддержку академического лидерства и инклюзивную организационную среду. Именно в этой точке управление человеческими ресурсами перестает быть вспомогательной функцией и становится одним из условий качества управленческих решений, устойчивости университетской среды и формирования экспертного потенциала [1; 7; 9; 13].

Литература

1. Бусыгина Т. А. Эмоционально-дезадаптационный аспект профессионального выгорания преподавателя вуза // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 4.
2. Гушина И. А. Стратегическое управление человеческими ресурсами в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 3.
3. Долженко Р. А., Долженко С. Б. Университет как центр умного города: целевое видение и разрывы в развитии // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 30–40.
4. Дюндик Е. П. Кадровая стратегия вуза: модели, принципы и технологии формирования // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. Т. 6, № 2. С. 72–75.
5. Илюхина Л. А., Богатырева И. В. Концепция управления персоналом в условиях цифровой трансформации // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 6. С. 2445–2462.
6. Карташова Л. В., Толстякова О. В. Управление человеческими ресурсами в образовательном учреждении – впереди большие перемены // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2019. № 5. С. 89–99.
7. Никулина И. В. Профессиональное выгорание преподавателей вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 3 (90). С. 32–37.
8. Петрова О. В., Буреева Н. Н., Соколовская С. В. Развитие кадрового резерва руководящего состава университета как условие лидерства на глобальном рынке образовательных услуг // Человек и образование. 2019. № 2 (59). С. 103–107.
9. Плешкевич И. Б., Другова Е. А., Климова Т. В. Привлечь и удержать: особенности кадровой политики ведущих российских университетов (кейс ДВФУ) // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 4. С. 150–171.
10. Полежаева Т. Ю. Перспективы и ограничения реализации третьей миссии университета // Социодинамика. 2024. № 9.
11. Смешко О. Г., Мордовец В. А., Вардания Э. О. Цифровые инструменты как ключевой элемент технологии управления человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление. 2024. № 1. С. 35–42.
12. Compagnucci L., Spigarelli F. The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 161. Article 120284.
13. UNESCO IITE. Innovative Technologies for Inclusive Education: A Review of Best Practices from Global Resource Centres. Moscow : UNESCO IITE, 2024.

КАРЬЕРНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ¹⁷

Статья посвящена анализу современного состояния и тенденций развития карьерного консультирования в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические основы, практические инициативы и факторы, влияющие на формирование карьерных ожиданий студентов, а также приводятся результаты экспертного опроса, отражающие основные проблемы, с которыми сталкивается молодёжь при получении карьерных услуг.

Ключевые слова: карьерное консультирование, карьерные ожидания студентов, трудоустройство, профессиональная ориентация.

V. A. Ostapchuk

Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk

CAREER COUNSELING

This article analyzes the current state and development trends of career counseling in the Russian Federation. It examines the theoretical foundations, practical initiatives, and factors influencing the formation of students' career expectations. It also presents the results of an expert survey reflecting the main challenges faced by young people when accessing career services.

Keywords: career counseling, students' career expectations, employment, career guidance.

В последние несколько лет в Российской Федерации наблюдается заметный рост интереса к созданию систем профориентации. Это отмечается как в университетской деятельности и государственных органах, так и в коммерческой сфере. Повышенное внимание к этому вопросу иллюстрируется ростом объема исследований и аналитических обзоров, посвященных теоретическим и практическим вопросам профориентации, а также появлением новых видов профессий и возможностей трудоустройства в связи с пандемией COVID-19. Современные службы профориентации берут свое начало в работах американского инженера и социолога Фрэнка Парсонса, который в своей работе 1908 г. «Выбор профессии» предложил системный подход к выбору карьерного пути, основанный на личных навыках, интересах и ценностях [3].

В современном мире существует огромное количество определений карьерного консультирования, в данной статье под карьерным консультированием будет пониматься «процесс совместной деятельности консультанта и клиента по определению ценностей и профессиональных интересов, выявлению профессиональной направленности, уровня подготовки, образования, навыков и трудового опыта; анализ ближайших и долгосрочных целей, ресурсов и возможностей клиента для самоактуализации и самореализации в профессиональной деятельности, в организации и на рынке труда» [5].

По данным eLIBRARY – крупнейшей российской научной базы, по запросу «карьерное консультирование» представлено 17 395 публикаций. Это свидетельствует о высокой степени разработанности темы в научной среде и её актуальности. При этом в статьях акцент делается как на методологические основы карьерного консультирования: на адаптацию зарубежных теорий в российский контекст, так и на прикладные практики: внедрения в образовательные учреждения и корпоративный сектор. Таким образом, масштаб научного интереса подтверждает значимость темы как для теоретической проработки, так и для практического применения.

Практическая потребность в карьерном консультировании была оценена на основе количества поисковых запросов с использованием Яндекс.Wordstat. По результатам анализа статистики, поисковый запрос «консультант по карьере» получает примерно 5000 запросов в

¹⁷ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор И. В. Бурмыкина.

месяц, а запрос «коуч по карьере» – примерно 600 запросов в месяц. Следует отметить, что поисковый запрос «карьерное консультирование» используется значительно реже. Анализ полученных результатов показывает доминирование спроса с точки зрения практических аспектов темы, а именно связанных с предоставляемыми услугами. Статистика демонстрирует высокую практическую потребность в услугах карьерного консультирования в Российской Федерации.

С 2020 г. наблюдается постоянный рост спроса на различные виды услуг карьерного консультирования в связи с изменением тенденций на рынке труда и усилением конкуренции. Все больше внимания уделяется услугам по составлению резюме, подготовке к собеседованиям и консультированию по вопросам смены карьеры [6; 8]. Исследования также показывают, что увеличилось число частных предложений: активно развиваются коммерческие онлайн-платформы, а профессиональные сообщества консультантов становятся больше на рынке. При этом работодатели всё чаще обращают внимание не только на диплом, но и на практические навыки выпускников. Это вынуждает университеты уделять больше внимания карьерному сопровождению студентов, однако далеко не все вузы справляются с задачей эффективного трудоустройства своих выпускников [5].

Рост спроса на услуги карьерного консультирования и увеличение числа практических инициатив в высших учебных заведениях и на рынке труда создают основу для формирования у студентов конкретных карьерных ожиданий. Карьерное консультирование не только информирует молодёжь о возможностях трудоустройства и востребованных навыках, но и влияет на их профессиональные цели, амбиции и готовность к адаптации на рынке труда. Именно это делает актуальным исследование карьерных ожиданий студентов г. Липецка: изучение того, какие факторы определяют их профессиональные предпочтения, позволяет оценить эффективность существующих практик консультирования и выявить области для совершенствования [1; 7; 9].

Опыт студентов, которые совмещают учёбу с профессиональной деятельностью, показывает, что даже при наличии карьерных центров и консультантов не всегда удаётся получить всестороннюю и своевременную поддержку в планировании профессионального развития.

Для получения данных о структуре и содержании карьерного консультирования, а также для уточнения представлений людей о планировании жизни и карьеры в их историческом и социальном контексте был проведен интернет-опрос. Значимость этого опроса обеспечивалась включением в него студентов, находящихся как в процессе обучения, так и в процессе работы. То есть речь идет о студентах, имеющих личный опыт в области определения карьеры.

Для обоснования состава выборки и подтверждения релевантности полученных данных важно рассмотреть принципы рекрутинга участников, определяющие качество исследования. В работе был применён подход, основанный на идее профессиональной и социальной однородности выборки, что соответствует требованиям качественных исследований. Рекрутинг информантов осуществлялся по признаку сочетания учебной и трудовой деятельности: все участники онлайн-опроса – студенты, которые работают. Такой отбор позволил сформировать группу, способную осознанно оценивать явление карьерного консультирования, опираясь на собственный практический опыт.

Как отмечает С. А. Белановский, «в фокус-группах не собирают людей для обсуждения вопросов, о которых они никогда не думали; если такое произошло, это ошибка рекрутинга» [2]. Исходя из этого принципа, участие в исследовании принимали студенты, уже сталкивавшиеся с вопросами профессионального самоопределения и карьерного сопровождения. Это обеспечило содержательную насыщенность ответов и повысило достоверность полученных данных.

Совокупность обследуемых индивидов рассматривалась как однородная популяция. Количество информантов составило 12 чел., что соответствует требованиям качественного исследования и методике П. Вержеса, в которой ключевое значение имеет не численность выборки, а степень теоретического насыщения. Согласно концепции С. А. Белановского, оценка достаточности массива информации достигается, когда искомые случаи начинают

повторяться, а новые встречаются всё реже, что и было зафиксировано в данном исследовании [2]. Таким образом, выборка оказалась содержательно насыщенной и достаточной для выявления устойчивых смыслов.

Материал собирался в форме онлайн-опроса по теме «Карьерное консультирование». Для первичной обработки данных применялся контент-анализ с использованием интернет-ресурса «Адвего» (<https://advego.com/text/seo/>) и программы «Лекта». Анализ проводился по методике П. Вержеса, позволившей выделить ядро и три уровня периферии представлений студентов. Единицей анализа выступали языковые единицы, а не отдельные информанты, что соответствует принципам качественного анализа смыслов.

В результате частотного контент-анализа были выделены четыре смысловых поля, дающих представление о стабильных и изменчивых компонентах коллективного дискурса о карьере.

Поле 1 (ядро) включает наиболее устойчивые маркёры – «карьерный», «опыт», «консультирование». Они формируют опорный смысловой каркас, в котором карьера понимается как практическая задача, решаемая через накопление опыта и получение профессиональной поддержки.

Поля 2 и 3 (первичная периферия) фиксируют зоны потенциальных изменений. Поле 2 содержит слова, связанные с практическими сценариями («навык», «резюме», «собеседование», «подготовка»), отражающими готовые последовательности действий. Поле 3 демонстрирует обобщённые ориентиры («рынок», «образование», «знание», «тенденция»), которые значимы, но пока не наполнены конкретным содержанием.

Поле 4 (вторичная периферия) оказалось наиболее вариативным и чувствительным к контексту. В нем рассматриваются три категории, а именно: личные принципы («цель», «достижение», «уверенность»), карьерные принципы («специализация», «компетентность», «стратегия») и социальные принципы («работодатель», «знакомый», «совет»). Это эпизодические элементы, но именно через них могут формироваться устойчивые значения в целенаправленной работе с молодежью.

Восприятие студентами карьерного консультирования формирует упорядоченную, иерархическую систему. Весь механизм базируется на карьере и опыте и представляет из себя процесс, разбитый на этапы профессионального развития, где есть личный рост и сотрудничество с работодателем. Например исследование, которое рассматривало студентов, имеющих работу через теорию П. Вержеса смогло показать, какие существуют компоненты восприятия профессионально-ориентированного консультирования.

Для работающих студентов нужны системы профессиональной ориентации, чтобы они могли планировать свою карьеру осознанно, при этом формируя стратегическое виденье.

Как итог, с точки зрения научной значимости, работа подтверждает важность профессиональной ориентации для данной категории студентов. Данная важность правдива и с точки зрения профессионального роста, и с точки зрения психологического благополучия.

Литература

1. Андросова Г. А. Факторы профессионально-карьерных ожиданий будущих бакалавров физической культуры // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 7. С. 10–14.
2. Белановский С. А. Метод фокус-групп. М. : Магистр, 1996. 272 с.
3. Валуева М. Карьерное консультирование в России и мире: история развития и ситуация сегодня // Практический журнал карьерного консультирования. 2019. № 13. С. 65.
4. Караваева Ю. В., Литвинова С. В. Контент-анализ документов : учеб. пособие. Липецк : Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, 2020. 82 с.
5. Михайлова В. П. Роль повышения квалификации в развитии профессионализма управленческого персонала компаний // Российский университет дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 4. С. 99–104.
6. Карьерное консультирование в современном мире: теории и практики в России и за рубежом / Е. В. Минина, Е. С. Павленко, М. А. Кирюшина, А. А. Якубовская. М. : НИУ ВШЭ, Ин-т образования, 2021. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/458549751> (дата обращения: 05.10.2025).
7. Карьерные ожидания студентов российских вузов / Е. Ю. Шибанова, С. С. Малиновский, М. М. Тойлуг-оол, А. И. Дудина. М. : НИУ ВШЭ, Ин-т образования, 2021. 36 с.
8. Челнокова О. В., Казаева Е. А. Исследование рынка карьерного консультирования в России // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. № 3. С. 104–108.
9. OECD. The State of Global Teenage Career Preparation. Paris: OECD Publishing. 2025. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 20.10.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ ГИПОТЕЗЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ

Анализируется экспертный дискурс по перспективам использования искусственного интеллекта в России. Исследовательский фокус сосредоточен на реконструкции сценариев и гипотез развития искусственного интеллекта, а также направлен на выявление социально-экономических условий, которые эксперты считают ключевыми для масштабирования или ограничения внедрения. Делается вывод, что наиболее вероятным является сценарий селективного и управляемого расширения ИИ.

Ключевые слова: цифровая социология, нейросети, алгоритмическая дискриминация, этика ИИ, цифровая трансформация.

D. M. Pakhorukova

Irkutsk State University, Irkutsk

CONTEMPORARY HYPOTHESES ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA: EXPERT ASSESSMENTS

This article analyzes expert discourse on the prospects of artificial intelligence (AI) deployment in Russia. The research focuses on reconstructing development scenarios and hypotheses regarding AI, as well as identifying social and economic conditions that experts consider crucial for either scaling up or limiting AI adoption. The study concludes that the most likely scenario is a selective and managed expansion of AI technologies.

Keywords: digital sociology, neural networks, algorithmic discrimination, AI ethics, digital transformation.

Процесс внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различные сферы общественной, политической и экономической жизни вызывает неоднозначные реакции, которые варьируются в диапазоне от позитивных прогнозов до степени крайних опасений. С нашей точки зрения, внедрение ИИ является поляризованным процессом, в котором развитие технологических возможностей всегда на шаг впереди адаптационных стратегий социальных институтов, оно порождает как возникновение новых возможностей, так и крайне нежелательных рисков. В связи с этим возникает спектр различных этических, юридических и социальных вопросов, ответы на которые помогут спрогнозировать и взять под относительный контроль развитие и использование ИИ в будущем. Цель статьи – проанализировать и структурировать современные прогнозы использования ИИ в России с учётом социально-культурных, экономических, а также – этических и правовых последствий.

Методологическая основа статьи – качественный социологический анализ экспертных мнений. В рамках такого подхода «перспективы использования ИИ» рассматриваются как конкурирующие гипотезы, которые задают границы «возможного», «желаемого» и «допустимого» в технологической политике.

Обратимся к гипотезам из экспертно-нормативного и аналитического поля. Каждая гипотеза описывает предполагаемую логику развития и условия ее осуществления.

Гипотеза о компенсации кадрового дефицита и росте производительности. В экспертном дискурсе сильна рамка, согласно которой ИИ выступает не столько «заменой человека», сколько технологией повышения эффективности и компенсации нехватки персонала. В монографии РАНХиГС П. Л. Отоцкого, С. В. Кобелева «Кадровый код» эта рамка выражена максимально конкретно: утверждается, что массовое применение генеративного ИИ может повысить производительность труда на 15–20 %, компенсировать до 80 % кадрового дефицита и обеспечить дополнительный рост ВВП порядка 2,5 % к 2030 г. [1]. Стратегическая рамка тоже поддерживает этот тезис, связывая развитие больших генеративных моделей с резким ростом производительности и переходом к модели «экономики высоких зарплат» [7]. В рамках «кадровой» гипотезы ИИ становится инструментом решения дефицита ресурсов (людей/времени), а не абстрактной «цифровой революцией».

Гипотеза об отраслевой, прикладной траектории распространения. Большинство источников указывают на «прикладную» схему: ИИ распространяется быстрее там, где уже есть данные, процессы и экономический стимул. Стратегия предлагает внедрять и тестировать ИИ-разработки поэтапно в определенных зонах и только затем масштабировать успешный опыт. В числе приоритетных сфер транспорт, промышленность, здравоохранение, ЖКХ и другие [7]. Эмпирические данные ИСИЭЗ показывают, что в компаниях ИИ чаще применяется в маркетинге и продажах, производстве продукции/оказании услуг и управлении персоналом, а заметные эффекты чаще связаны с качеством и эффективностью процессов [4]. В такой логике «перспектива ИИ» описывается как набор инструментов, которые можно массово внедрять.

Гипотеза о селективности и неравномерности внедрения. Сильный тезис, который подтверждается и стратегическими, и статистическими материалами: ИИ будет распространяться неравномерно между организациями и территориями. Во-первых, сама стратегия говорит о необходимости доступа к вычислительным мощностям для разных групп (научных работников, разработчиков, студентов), что косвенно признает существование «барьера вычислений» и неравного доступа к инфраструктуре [7]. Во-вторых, исследование ИСИЭЗ по большим данным показывают, что даже среди организаций-пользователей ИИ значительная доля не использует массивы больших данных и не планирует начинать в ближайшие годы. При этом среди препятствий использования лидирует дефицит квалифицированного персонала (64,9 %) и сложность интеграции ИИ в процессы (51,7 %). В-третьих, по данным доклада ИСИЭЗ различия проявляются уже на уровне управления данными: крупные и средние предприятия заметно чаще располагают собственными хранилищами больших данных, чем малые [2]. Следовательно, без специальных механизмов поддержки ИИ может усилить цифровое и профессиональное неравенство: те, у кого есть инфраструктура, данные и кадры, будут развиваться быстрее.

Гипотеза о доверии как ключевом институциональном условии масштабирования. В российском контексте «доверие» к ИИ выступает как общественная установка и как результат продуманной государственной политики. Стратегия связывает низкое доверие с непрозрачностью алгоритмов (сложностью интерпретации нейросетей) и прямо называет отсутствие понимания работы ИИ одной из причин низкого уровня доверия, способной стать препятствием для развития. В ответ стратегия предлагает целый «технологический режим доверия»: реестр доверенных технологий, индексы использования, сертификацию решений в федеральных органах власти, размещение решений и реестров на платформе «ГосТех» [7]. Общественное измерение доверия фиксируется ВЦИОМ: несмотря на высокий уровень информированности (94 % в той или иной степени осведомлены об ИИ), доверие проявляют 52 %, а 38 % – не доверяют. Подчеркивается, что рост знания не обязательно ведет к росту доверия [5]. Здесь возникает важная социологическая развилка: если доверие – условие развития и масштабирования, то политика ИИ неизбежно превращается в политику управления рисками, прозрачности и ответственности.

Гипотеза о гибридной модели регулирования. Экспертное и нормативное поле сходится в том, что Россия движется не к «полной свободе рынка» и не к «тотальному запрету», а к сочетанию стимулирования внедрения и контроля рисков через принципы и институты. Стратегия формулирует это прямо: нужно устранить излишние барьеры и учитывать лучшие мировые практики, но регулирование не должно замедлить внедрение. Одновременно задаются ориентированность на риск, отсутствие дискриминации и принцип ответственности. Перечисляется широкий набор направлений регулирования: доступ к обезличенным данным (в том числе Медицинским), механизмы обезличивания, правила ответственности разработчиков больших генеративных моделей, правила их обучения на больших массивах информации, этические нормы и стандарты, требования информационной безопасности и оценка результатов внедрения (экономических, социальных, этических) [7].

В данном дискурсе можно выявить несколько устойчивых линий аргументации, которые так или иначе пересекаются в некоторых вопросах.

Оптимистическая линия строится вокруг экономических эффектов, производительности и международной конкурентоспособности. Наиболее ярко это выражается в «кадрово-экономическом» прогнозе РАНХиГС: ИИ представляется как катализатор производительности и инструмент преодоления кадрового дефицита. Предложенные рекомендации – начинать с облачных решений, инвестировать в обучение, встроить нейросети в стратегию организации, управлять рисками [1]. В «государственно-проектном» нарративе подчеркивается, что ИИ решения на базе данных становятся центральным инструментом повышения эффективности выполнения задач. Но одной из главных является задача обеспечения баланса: защита от негативных последствий и предоставление безопасности не должны стать препятствием для внедрения инноваций.

Критическая линия аргументации фокусируется на ограничениях и рисках масштабного внедрения ИИ. Эмпирические материалы исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ отражают минимум технологического оптимизма: в крупных и средних компаниях значительная доля отмечает «отсутствие потребности в ИИ» (48 %), отмечая ключевыми барьерами внедрения – высокие затраты (58 %), в том числе на квалифицированные кадры, а также дефицит данных [4]. В докладе П. Б. Рудника отдельно отмечается, что развитие ИИ зависит от поддержки государства, объема бюджетных средств, направляемых на исследования и разработки, поддержку бизнеса и подготовку кадров [2].

Параллельно с этим общественное мнение оказывает недоверие ИИ, и даже высокий уровень информированности не влияет на долю недоверяющих генеративным моделям [5]. В нормативной области осторожность проявляется через запрет для ИИ совершать нравственный выбор. Это прямо отвечает на общественные опасения и риски совершения ошибочных решений.

В экспертном же поле отчетливо видится зона перспектив ИИ. Во-первых, практически все мнения исходят из того, что ИИ будет расширяться, но скорость и масштаб зависит от инфраструктуры и ресурсов и кадров. Во-вторых, существует согласие, что необходима стандартизация внедрения через государственный центр развития ИИ, который должен будет координировать и разрешать разобщенность между регионами, бизнесом и исследовательскими институтами. В-третьих, говоря о регулировании, следует не забывать о балансе: безопасность, этика и условия ответственности безусловно требуются, но они не должны заморозить внедрение искусственного интеллекта.

Проведенный анализ показывает, что дискурс о перспективах использования ИИ в России структурируется вокруг устойчивых гипотез и условий их реализации. Подводя итог, можно сказать, что экспертные мнения не только «описывают» будущее ИИ, но и участвуют в его конструировании через создание стратегических рамок, этических стандартов и управленческих рекомендаций. Будущее ИИ в России в этом смысле является социально организованным процессом, где конкурируют и согласуются ожидания, риски и институциональные решения.

Литература

1. Кадровый код: будущее рынка труда с генеративным ИИ : монография / отв. ред. П. Л. Отоцкий, С. В. Кобелев. М. : РАНХиГС, 2025. 96 с.
2. Искусственный интеллект в России: разработка и применение: аналитический доклад / П. Б. Рудник (рук. авт. кол.), В. Л. Абашкин [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 86 с.
3. Современные технологии и практики общественного участия в России как социальный вызов: экспертное видение / Ю. П. Янков, О. А. Куриленкова, Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 460–463.
4. Абашкин В. Л., Ковалёва Г. Г. Применение искусственного интеллекта в российских компаниях: экспресс-информация / Ин-т стат. исслед. и экономики знаний НИУ ВШЭ. М., 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1083541394.html> (дата обращения: 24.04.2026).
5. Доверие к ИИ: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://vciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 19.04.2026).
6. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъектах Российской

Федерации, пилотных территориях, определенных Правительством Российской Федерации, и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240027> (дата обращения: 15.04.2026).

7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910140025> (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 316.36

А. А. Петренко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

НРАВСТВЕННЫЕ УСТАНОВКИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ И ЭКСПЕРТНЫЕ СЕТИ

Рассматриваются исследовательские стратегии нравственных установок и экономических предпосылок для создания семьи в современной России. Обосновывается воздействие экономической неопределенности, а также влияние мер государственной политики и профессиональных сообществ на демографические тенденции. Подчеркивается необходимость применения междисциплинарного подхода для анализа проблем семьи.

Ключевые слова: семья, молодежь, экономические факторы, нравственные установки, демография, экспертные сети.

A. A. Petrenko

Irkutsk State University, Irkutsk

MORAL ATTITUDES AND ECONOMIC PREREQUISITES FOR FAMILY FORMATION IN MODERN RUSSIA: RESEARCH STRATEGIES AND EXPERT NETWORKS

The article examines research strategies for moral attitudes and economic prerequisites for family formation in modern Russia. The impact of economic uncertainty, as well as the influence of government policy measures and professional communities on demographic trends, is substantiated. The necessity of applying an interdisciplinary approach to analyzing family problems is emphasized.

Keywords: family, youth, economic factors, moral attitudes, demography, expert networks.

Российское общество в 2020-е гг. заметно меняется. Главным изменением является трансформация института семьи и брака. Семья теперь не просто традиция, которую поддерживают законы или религия. Это сфера рационального выбора: люди вынуждены балансировать между тем, сколько у них денег, и тем, что они считают нравственным. К этой теме привлекают внимание и демографические проблемы, и сдвиг ценностей у молодежи. Семья остаётся ключевым институтом – это продолжение рода, передача культурных норм. Но сегодня создать семью в России становится всё труднее. С одной стороны, роль семьи признаётся высокой. С другой – число заключаемых браков снижается. В этом и состоит основное противоречие, которое делает тему актуальной. Несмотря на сохранение ценности семьи, практическая реализация данной установки сталкивается с рядом ограничений, прежде всего экономического характера. Проблема заключается в фундаментальном противоречии между демографическими требованиями государства и реальными экономическими возможностями населения. При декларируемой поддержке семей более 75 % россиян называют главными барьерами для рождения детей низкие доходы, отсутствие жилья и неуверенность в завтрашнем дне, в результате чего государственные призывы рожать не приводит к желаемым результатам, люди понимают, что не смогут обеспечить ребенку достойный уровень жизни.

Нравственные установки – это внутренние, часто не вполне осознаваемые правила, которые человек усваивает в процессе воспитания, общения со старшими, под влиянием религии, культуры и средств массовой информации. Как подчеркивают Т. Н. Каменева, Е. М. Орлова и А. Е. Рохлов, данные установки обладают относительной устойчивостью, однако в периоды социально-экономических трансформаций демонстрируют выраженную

адаптивность, позволяя индивидам оперативно корректировать стратегии жизнеустройства [3, с. 130]. Еще в советский период добрые отношения осуждались гораздо сильнее, а роль женщины в семье жестко привязывалась к домашнему хозяйству. Сегодня эти нормы стали более гибкими. По данным Т. Н. Кочётковой, традиционные нормы ослабевают, что выражается в более терпимом отношении к альтернативным формам сожительства и переходом к партнёрской модели взаимодействия, где моральные ориентиры всё чаще согласуются со стремлением к личной самостоятельности и ориентацией на практическую стабильность [4, с. 545–547].

Экономические предпосылки включают в себя: уровень дохода, наличие или отсутствие собственного жилья, доступность ипотеки, уровень образования, стабильность работы, перспективы карьерного роста, а также общую экономическую ситуацию в стране и в конкретном регионе. Экономическая составляющая важна потому, что семья – это не только любовь, система взаимодействий и духовная близость, но и повседневные расходы на еду, одежду, коммунальные услуги, медицинские услуги, а с появлением детей траты становятся еще более значительными и не каждый может себе это позволить. Если человек не уверен, что сможет обеспечить хотя бы минимальный уровень жизни для себя и ребенка, он будет откладывать создание семьи до лучших времен.

В современной социологии семьи используют разные подходы, чтобы понимать, как меняются брак и семейные связи. Среди них важны структурно-функциональный, институциональный и ценностно-нормативный. С точки зрения первого, семья предстает здесь видится как институт, который выполняет разные роли в обществе. Но с модернизацией эти роли меняются, и часть из них уходит к другим структурам, вроде государства или работы. Из-за этого семья становится менее обязательной, не такой жесткой. Институциональный подход смотрит на нормы и правила, которые регулируют семейную жизнь людей. Когда давление этих норм слабеет, появляется больше вариантов поведения, и модели семей разнообразятся. Ценностно-нормативный подход фокусируется на установках людей по отношению к семье. Т. Н. Каменева, Е. М. Орлова и А. Е. Рохлов пишут, что эти установки формируют идею семьи в обществе и показывают, какие взгляды на брак доминируют [3, с. 129].

Молодежь сегодня имеет разные взгляды на мораль в семье. В России с одной стороны, придерживаются традиционных семейных ценностей. С другой, люди больше думают о себе, о своих планах. Молодые люди не торопятся заводить семью, образование и работа сейчас на первом месте, а потом уже личный рост. Происходит переоценка приоритетов. Традиционный подход гласит, что брак является обязательным, но брачный возраст растёт. Современные реалии говорят о необходимости стабилизации в обществе, а уже после брак [3, с. 131]. Большинство девушек не хотят в первую очередь выходить замуж и рожать детей, сначала они хотят получить высшее образование, найти престижную работу и получить определённый статус. В результате возраст вступления в брак сдвигается, ближе к тридцати годам, а иногда и позже. Интервал между свадьбой и первым ребенком тоже растягивается. Люди стали спокойнее относиться к разным вариантам семьи. Например, всё чаще принимают гражданский брак, когда пара живёт вместе, но не регистрирует отношения. Это значит, что строгие традиционные правила постепенно ослабевают. Человек сам решает, как ему жить, и не боится чужого мнения. Однако это происходит не везде и не сразу. В деревнях, в религиозных семьях, среди пожилых людей по-прежнему сильны старые нормы и гражданский брак могут не одобрять. Но в целом в крупных городах и среди молодежи индивидуальный выбор уже важнее, чем следование традиции.

Молодые люди сейчас часто откладывают создание семьи, потому что сначала хотят сформировать собственный капитал. По данным из исследований ВЦИОМ (2026), основные проблемы – это низкие доходы, когда людям не хватает на собственную жизнь, отсутствие своей квартиры и неуверенность в том, что будет дальше. 49 % россиян назвали собственное жильё важнейшим условием для создания семьи, а среди молодежи 66–69 % придерживаются принципа «сначала квартира, потом дети». При этом каждый четвёртый опрошенный указал жилищную проблему как самостоятельный барьер для вступления в брак. Эти данные

подтверждают, что жилищный фактор наряду с доходом должен рассматриваться как приоритетный в демографической политике [7].

Экономические факторы сильно влияют на решение людей заводить семью, особенно в современном обществе. По словам М. Д. Тимофеевой, А. С. Захарова, если браков становится меньше, то и рождаемость тоже убавляется, это напрямую связано, так как без стабильных денег трудно планировать создание своей семьи [5]. Даже при достаточном уровне доходов, есть ощущение, что все может рухнуть в один момент – это формирует у населения установку на отсрочку в создании семейных уз. В результате люди откладывают принятие решений, связанных с семейными переходами, что в совокупности оказывает негативное влияние на демографическую динамику.

По данным Росстата, доля незарегистрированных супружеских союзов в России продолжает расти. В научной литературе этот процесс связывают с низкой экономической безопасностью, а также с негативным примером родительской семьи, когда один или оба родителя имели неполный или повторный брак, а также с малолетностью и обесценивающим отношением, сопровождающим партнёрские контакты. Если в 1990-е гг. средний возраст первого брака составлял примерно 22–23 года у женщин и 24–25 лет у мужчин, то сегодня, по данным эмпирических исследований, официально менять семейный статус как мужчины, так и женщины планируют не раньше 30 лет. В крупных городах этот возрастной порог ещё выше. Одновременно растёт доля детей, рождённых вне зарегистрированного брака, – в настоящее время она достигает почти четверти от всех рождений. Однако это не означает, что все эти дети растут без отцов: многие пары живут вместе, но не считают нужным официально регистрировать отношения. Тем не менее статистика показывает, что незарегистрированные союзы распадаются чаще, и дети в них чаще остаются с одним родителем, что усиливает риски бедности. Среди мотивов выбора такой формы отношений исследователи выделяют улучшение материального положения, решение социально-бытовых проблем, эмоциональную поддержку, удовлетворение сексуальных потребностей, а также стремление избавиться от одиночества при сохранении прагматичного отношения к партнёру [4, с. 542–559].

Российская политика в сфере поддержки семьи включает несколько мер: материнский капитал, семейная ипотека, ежемесячные пособия и выплаты на первенца. Материнский капитал действует с 2007 г. В первое время сертификат выдавали только при рождении второго ребёнка. Позднее программу расширили: сертификат стали выдавать и после появления первого ребёнка. Его можно направить на улучшение жилищных условий, образование детей или пенсионные накопления матери [8]. Однако было бы поспешным считать перечисленные меры полностью эффективными. Они не устраняют глубинных причин, по которым молодые люди откладывают брак и рождение детей [2]. Часто материнский капитал идёт на первый взнос по ипотеке. Однако потом семья выплачивает кредит годами. При скромных доходах такая нагрузка оказывается весьма существенной. Даже в роли стартового взноса помощь государства имеет ограниченный эффект. Многие молодые семьи сомневаются в стабильности таких выплат, есть опасения, что условия программ в любой момент пересмотрят. Также государство часто фокусируется на поддержке именно многодетных семей, тогда как основной вклад в рождаемость вносят семьи с одним-двумя детьми. Поэтому демографический эффект от мер остается ограниченным: рождаемость то растет, то падает, в основном следуя за экономической конъюнктурой и за численностью женщин репродуктивного возраста.

Региональные эмпирические исследования показывают, что социальные льготы помогают укреплять семью как институт, но люди воспринимают их неоднородно. В Иркутской области Т. Н. Грабельная, А. А. Зайковская и Г. С. Макарова проводили исследование, где говорят, что меры поддержки повышают устойчивость семей. Однако эффективность не высокая из-за того, что граждане мало знают о льготах и процедуры получения слишком сложные [1, с. 171–180]. Авторы подчеркивают, для большего демографического эффекта нужно расширять список льгот и упрощать механизмы на региональном уровне, а также адресный подход с учётом особенностей территорий. Институциональная поддержка семьи требует совершенствования не только на федеральном уровне, но и на региональном.

Современные исследования показывают, что формируется новая модель семейного поведения, основанная на сочетании ценностных ориентаций и рационального расчёта. Индивиды стремятся согласовать свои личные установки с объективными условиями. Это можно увидеть в том, как люди всё чаще откладывают брак, осознанно подходят к рождению детей и выстраивают партнёрские отношения. Таким образом, семья превращается в результат личного выбора. Стратегии вроде отложенного брака или планируемого родительства, партнёрские отношения без обязательств, все это показывает, что семья теперь не норма, а выбор. Семья перестает быть обязательной, и это меняет все традиции. Сегодня человек сам, исходя из своих взглядов и соображений, решает, вступать ли в брак, с кем быть в отношениях, когда заводить детей и в каких условиях их растить. Всё чаще выбирают формат «семья вдвоём». Многие пары осознанно отказываются от детей, потому что им важнее путешествия, карьера и личный рост. Чтобы разобраться в таких изменениях, одного способа исследования становится недостаточно. Здесь нужны количественные и качественные методы: опросы и анкеты, интервью и фокус-группы, чтобы увидеть общую картину и лучше понять, почему люди принимают именно такие решения. Ещё анализ статистики, демографических данных, и сравнения между странами или регионами. Комбинировать их лучше всего, после формирования целостной картины. Например, цифры показывают общие тренды, а интервью раскрывают, почему люди так думают. Междисциплинарный подход важен, с социологией, экономикой, демографией вместе.

Экспертные сети играют особую роль в данной сфере. Это общение ученых с властью и обществом через журналы, центры, аналитические группы. Они собирают информацию, анализируют, распространяют. Благодаря им рекомендации для политики по семье и демографии становятся обоснованными. Также они занимаются формированием общественного мнения, популяризируют знания. В современной России нравственные установки и экономика тесно связаны для создания семьи. Ценность семьи высокая, но модели меняются, больше индивидуального выбора и рациональности. Экономика создает сильные ограничения, ценности адаптируются. Новая модель семьи отражает общество. Изучать это нужно комплексно, с разными стратегиями и экспертами, чтобы знания применялись на практике. Так, при Президиуме РАН 30 сентября 2025 г. был создан научный совет «Демографическое развитие и демографическая политика Российской Федерации». Он является совещательным и экспертным органом по проблемам демографического развития и разработки практических мер в области поддержки рождаемости, семьи и здоровья [6].

В заключение можно отметить что в современной России складывается новая модель семьи. В такой модели традиционные ценности сосуществуют с прагматикой, и это соседство не всегда гладкое. Финансовые трудности заметно сужают круг возможного для семейных планов. Поэтому государству приходится действовать сразу по многим каналам: материальным, информационным, региональным. Нравственные ориентиры пока сохраняют значение, особенно в некоторых культурных средах. Однако постепенно они сдают позиции перед практическими резонами. Сами молодые люди от идеи семьи не отказываются. Им нужна стабильность, достаток, чтобы дети могли расти в хороших условиях. Если государство создаст такие условия, семейные установки воплотятся. В противном случае расхождение между субъективными ожиданиями и объективными возможностями будет усиливаться, что повлечёт за собой обострение демографической ситуации. Дальнейшие исследования стоит ориентировать не только на фиксацию негатива. Нужно искать конкретные способы преодолеть расхождение между нравственными ожиданиями и экономической реальностью. Экспертные сети здесь служат связующим звеном от науки к жизни. Успех семейной политики в России во многом зависит от того, насколько эффективно они будут работать.

Литература

1. Грабельных Т. Н., Зайковская А. А., Макарова Г. С. Значение социальных льгот в укреплении института семьи в России (по материалам эмпирического исследования в Иркутской области) // Социология и право. 2025. Т. 17, № 2. С. 169–183.

2. Захаров С. В. Рождаемость и семейная политика в России // Демографическое обозрение. URL: <https://demreview.hse.ru> (дата обращения: 12.04.2026).
3. Каменева Т. Н., Орлова Е. М., Рохлов А. Е. Семейно-брачные установки как основания построения конструкта идеологии семьи // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 1. С. 128–133. URL: https://journals.resi.science/2223–0092/article/view/313363/ru_RU (дата обращения: 12.04.2026).
4. Кочёткова Т. Н. What determines the prevalence of unregistered marriages? // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2025. Т. 16, № 5. URL: <https://medbiosci.ru/2658–4034/article/view/363627> (дата обращения: 07.04.2026).
5. Тимофеева М. Д., Захаров А. С. Демографические стратегии России: взаимосвязь между браком и рождаемостью // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. URL: <https://teleskop-journal.spb.ru/ru/node/4538> (дата обращения: 07.04.2026).
6. Научный совет РАН «Демографическое развитие и демографическая политика Российской Федерации». URL: <https://new.ras.ru/academy-new/komitety-sovety-i-komissii/komitety-sovety-i-komissii-pri-prezidiume-ran/sovety-nauchnyy-sovet-ran-demograficheskoe-razvitiye-i-demograficheskaya-politika-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 19.04.2026).
7. Смак Т. Квартирный ответ на демографический вопрос // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 19.04.2026).
8. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ» Статьи 1–13. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 01.05.2026).

УДК 792.09

А. Б. Пешкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ФОЛЬКЛОР В РЕЖИССУРЕ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ: ТЕХНИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ

Рассматривается проблема сценической интерпретации фольклора в режиссуре массовых мероприятий. На примере гала-концерта «Вечное настоящее» (Иркутск, 2025 г.) анализируются основные режиссёрские техники: монтаж, обобщение через форму, полифоническое сопряжение, продолжение традиции. Вводится понятие полимодальности как принципа многостороннего воздействия на разные каналы восприятия зрителя. Режиссёр массового праздника предстаёт как переводчик культурной памяти, превращающий аутентичный фольклор в форму, доступную и эмоционально близкую современной аудитории.

Ключевые слова: фольклор, режиссура массовых мероприятий, сценическая интерпретация, монтаж, полимодальность.

A. B. Peshkova

Irkutsk State University, Irkutsk

FOLKLORE IN THE DIRECTION OF MASS EVENTS: TECHNIQUES OF EMOTIONAL IMPACT ON THE AUDIENCE

The article examines the problem of stage interpretation of folklore in the direction of mass events. Using the example of the gala concert "Eternal Present" (Irkutsk, 2025), the main directorial techniques are analyzed: montage, generalization through form, polyphonic conjugation, continuation of tradition. The concept of polymodality is introduced as a principle of multifaceted impact on different channels of audience perception. The director of a mass holiday appears as a translator of cultural memory, transforming authentic folklore into a form that is accessible and emotionally close to the modern audience.

Keywords: folklore, direction of mass events, stage interpretation, montage, polymodality.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между угасанием аутентичных форм фольклора и растущим интересом зрителей к этнической культуре на сцене. Фольклор уходит из естественной среды бытования – в городах уже не услышать протяжную песню за работой, не увидеть хоровод на деревенской улице. Однако именно на сцене, в фестивальном движении, в пространстве массовых праздников народные мелодии, танцы и костюмы оказываются как никогда востребованными. Возникает вопрос: какими профессиональными методами режиссёр может выстроить сценическое действие, которое не просто

развлекает публику, а вовлекает её в диалог с традицией, пробуждает чувство сопричастности к культурному наследию?

Материалом исследования послужил гала-концерт Всероссийского этнокультурного фестиваля «Мы разные – мы вместе!» – «Вечное настоящее», состоявшийся в Иркутске в 2025 г. (режиссёр-постановщик – Л. А. Герда). Концерт собрал более двухсот артистов из Алтайского края, республик Бурятия и Тыва, Омской и Иркутской областей. Мероприятие было приурочено к нескольким значимым датам: закрытию Года защитника Отечества, 80-летию Победы и 85-летию Иркутского областного Дома народного творчества. Выбор этого концерта в качестве эмпирической базы не случаен: он стал своеобразной лабораторией, где апробировались разные подходы к сценической обработке фольклора в формате массового действия [8].

В российской научной традиции процесс адаптации фольклора для сцены определяется понятием «фольклоризм». Это не механический перенос, а глубокая творческая переработка. В. Е. Гусев характеризует фольклоризм как освоение фольклора в различных сферах культуры современного общества, подчёркивая, что речь идёт именно о творческом преобразовании традиции в новых условиях [1, с. 11]. А. Ф. Некрылова предлагает развёрнутую типологию, выделяя этнографический (максимально точное воспроизведение), адаптированный (приближенный к сценическим нормам) и творчески свободный (авторская переработка) типы фольклоризма [5, с. 7]. В. И. Ситников, в свою очередь, различает аутентичные, фольклорно-сценические, народно-академические и фольклорно-эстрадные формы, используя в качестве критерия степень приближенности к оригиналу [6, с. 225–229].

Теоретическую базу данного исследования составляют работы А. А. Мордасова и А. А. Коновича, посвящённые режиссуре театрализованных представлений и праздников. Их подход позволяет применить базовые принципы организации сценического действия к анализу фольклорного материала [4, с. 3–15; 2, с. 45–52]. Важное значение для понимания активной роли аудитории имеет исследование Л. Левина, который подчёркивает, что зритель не пассивно потребляет зрелище, а соучаствует в создании смыслов, особенно когда речь идёт о хорошо знакомых культурных кодах [3, р. 1369–1399]. Зарубежные исследования (в частности, работа А. Тивари) демонстрируют, что использование традиционных повествовательных структур в новых сценических форматах позволяет сохранять глубокую эмоциональную связь с аудиторией [7, р. 77–89].

Для анализа эмоционального воздействия в данной статье вводится понятие полимодальности. Это принцип одновременного воздействия на разные каналы восприятия зрителя: акустический (музыка, ритм, тембр голоса), визуальный (свет, цвет, пластика, костюм) и кинестетический (вовлечение в движение через хороводы, массовые игры, ритуальные жесты). Полимодальность не является отдельной режиссёрской техникой – это сквозной принцип, который пронизывает все приёмы и многократно усиливает их эффективность. Режиссёр, работающий с фольклором, выступает в роли дирижёра, управляющего сложным оркестром зрительских впечатлений.

Анализ сценарно-режиссёрского решения гала-концерта позволяет выделить четыре ключевых приёма, основанных на принципах фольклоризма и реализованных через полимодальность.

Прежде всего, это монтаж. В одном из центральных номеров концерта использован приём временного столкновения. Сначала в зале звучит аутентичная аудиозапись – голос пожилой женщины из села Усть-Уда, сохранённый в архиве. Затем на сцене та же песня исполняется молодой артисткой. Столкновение архивной записи и живого голоса создаёт эффект диалога через десятилетия. Зритель ощущает живую связь между прошлым и настоящим, между уходящей традицией и её молодым продолжением. Этот приём запускает сложный психологический механизм: зритель слышит не просто две версии одной песни, а само время. Шорох плёнки, непривычная манера произношения, иная мелодическая линия – всё это сигналы подлинности. Живой голос, чистая аранжировка, молодое лицо – сигналы современности. Между ними возникает напряжение, которое зритель снимает простым дей-

ствием: он начинает сравнивать, сопоставлять, искать общее и различное. Он перестаёт быть принимающей стороной, начинает мыслить, чувствовать, домысливать.

Другой важный приём – обобщение через форму. Ярким примером данного приема стал номер, объединяющий коллективы с разным стилем исполнения. В общий хоровод соединились академические и фольклорные исполнители, в том числе каждый со своими региональными особенностями. Круг (хоровод) становится зримым символом единства. Этот приём часто используется режиссерами в массовых мероприятиях и доказал свою эффективность воздействия на зрителя, так как он видит целостную картину, где каждый элемент занимает своё место.

В концерте режиссер на одной сцене соединяет танцевальные традиции разных народов (русские, бурятские, тувинские), вокальные манеры разных областей (сибирская, алтайская, омская), различные костюмы. Этот прием называется полифоническое сопряжение, когда элементы не сливаются, теряя индивидуальность, а вступают в диалог. С помощью этого приема режиссёр подчёркивает разнообразие, превращая его в источник художественной выразительности. Зритель наблюдает готовую картину из живого многообразия культур. При этом каждый элемент (костюмы, пластика и т.д.) говорит на языке своего народа, но режиссёр выстраивает их так, что они не спорят, а дополняют друг друга.

Следующий прием называется – продолжение традиции. Этот прием использовался на концерте – финальная песня «Иркутская земля» написана местным автором Н. В. Дмитриевой. Наталья Владимировна воссоздала в песне мелодику, интонации, образный ряд характерные для нашего региона, поэтому зрители воспринимают это произведение как уже знакомое, народное творчество. Это и есть форма фольклоризма, когда традиция не сохраняется в исходной форме и не адаптируется для сцены, а живёт и развивается в новых авторских произведениях.

Как правило, для достижения наилучшего результата необходимо объединение различных приемов – монтаж соединяется с обобщением через форму, а полифоническое сопряжение дополняется продолжением традиции, зритель перестаёт быть пассивным наблюдателем, становясь соучастником действия.

В результате, используя все перечисленные приемы, режиссер, через полимодальность, достигает цели – он воздействует на все каналы восприятия, не диктуя, что чувствовать, а создавая условия для восприятия. Запускается механизм создания в сознании ярких смысловых и визуальных образов.

С другой стороны у зрителя работает – рационально-логическое восприятие. Оно анализирует, дробит, выстраивает причинно-следственные связи. В сценической интерпретации фольклора эти два начала сталкиваются постоянно. Задача режиссёра – не выбрать что-то одно, а найти место и тем, и другим. Эмоционально-образное начало в концерте «Вечное настоящее» проявляется в через подачу фольклорного материала: в протяжных интонациях песен, в пластике хороводов, в цвете и фактуре костюмов. Рациональное – в режиссёрском монтаже, чередовании номеров, световых акцентах, выстроенной драматургии. Слишком сильный уход в образность без структуры превращает концерт в хаотично поданный материал. Слишком жёсткое рациональное выстраивание делает его посредственным. Баланс же позволяет увидеть в концерте структуру и взаимосвязь фрагментов, при этом достигая сверхзадачи.

Таким образом, фольклор в режиссуре массовых мероприятий может стать материалом, с помощью которого режиссер воздействует на зрителя, достигая сверхзадачи. Народное творчество становится связующей нитью между людьми разных поколений, возрастов и национальностей. Режиссер, используя перечисленные приемы воздействия на зрителя, преобразует фольклор в фольклоризм. Из проведённого анализа можно извлечь несколько практических рекомендаций для постановщиков массовых мероприятий. Во-первых, для достижения результата необходимо объединять приемы в поисках наилучшего решения поставленных задач. Важно выстраивать полимодальную партитуру: звук, свет, пластика, сценографическое оформление и другие выразительные средства, используемые вместе, работают эффективнее. Во-вторых, необходимо сохранять баланс между аутентичностью материала и

современной формой его подачи: использование фольклора в исходном виде может не заинтересовать зрителя, а чрезмерная трансформация разрушает связь с традицией.

Литература

1. Гусев В. Е. Фольклор и социалистическая культура (К проблеме современного фольклоризма) // Современность и фольклор: статьи и материалы. М. : Музыка, 1977. С. 7–27.
2. Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высшая школа, 1990. 208 с.
3. Levine L. W. The Folklore of Industrial Society: Popular Culture and Its Audience // The American Historical Review. 1992. Vol. 97, N 5. P. 1369–1399.
4. Мордасов А. А. Принципы режиссуры театрализованных представлений и праздников : учебное пособие для СПО. 3-е изд., стер. СПб. : Планета музыки, 2026. 130 с.
5. Некрылова А. Ф. Фольклор и фольклоризм. Современное понимание // Вопросы театра. 2015. № 1–2. С. 174–185.
6. Ситников В. И. Типология современного фольклоризма // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3 (48). С. 225–229.
7. Tiwari A. Charisma of Figurative Language in Folklore Adaptations: A Case Study of Dilemma And Pahe-li // International Journal of English Language, Literature and Humanities. 2017. Vol. V, Iss. I. P. 77–89.
8. Всероссийский этнокультурный фестиваль «Мы разные. Мы вместе!» прошел в Иркутске // Портал «Национальная политика.рф». URL: <https://xn--80aaaa1bcaqfbqckfp8c4cxgsc.xn--p1ai/profile/articles/9565> (дата обращения: 25.12.2025).

УДК 316.774:004.738.5:32

М. С. Повар

Белорусский государственный университет, г. Минск

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Рассматривается общественное мнение как важный институт устойчивого развития общества и государства. Раскрывается, что в условиях информационных войн сетевое пространство и соцсети становятся инструментом манипуляции им, цифровые технологии ускоряют распространение информации, но повышают риски искажений. Соцсети трактуются как «организационное оружие», влияющее на мнение и поведение. Анализируются приёмы манипуляций, обосновывается роль экспертов в критическом анализе. Сделан вывод, что критическое мышление и медиаграмотность формируют политическую культуру цифрового социума.

Ключевые слова: общественное мнение, социальные сети, процессы цифровизации, информационные войны, социальные технологии, манипуляции, критическое мышление.

M. S. Povar

Belarussian State University, Minsk

MANIPULATION OF PUBLIC OPINION IN THE ONLINE SPACE AS A CHALLENGE FOR THE EXPERT COMMUNITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Public opinion is a key institution for the sustainable development of society and the state. In the context of information wars, the online space and social networks become tools for manipulating it. Digital technologies accelerate information dissemination but increase distortion risks. The sociologist author views social networks as "organizational weapons" influencing opinions and behavior. He analyzes manipulation techniques and justifies the role of experts in critical analysis. Opinion leaders from communities are needed in the info field. Critical thinking and media literacy shape the political culture of the digital society.

Keywords: public opinion, social networks, digitalization processes, information warfare, social technologies, manipulation, critical thinking.

В условиях информационного общества и высокой динамики процессов цифровизации социальной жизни сетевое пространство становится ключевым инструментом формирования и трансформации общественного мнения. Это способствует делению людей по группам интересов в процессе коммуникации в социальных сетях, по ценностным установкам и предпочтению различных моделей социального поведения в обществе. Современные цифровые технологии, включая интернет-платформы, социальные сети, мессенджеры и мобильные

приложения, позволяют мгновенно распространять информацию, делая её доступной для миллионов пользователей по всему миру [2]. С одной стороны, это значительно расширяет возможности для общения, социальной активности и обмена знаниями. С другой стороны, подобные процессы сопровождаются серьёзными информационными и социальными рисками. К ним относят распространение фейковых новостей, манипулирование эмоциями аудитории, формирование негативных социальных стереотипов и создание образа врага. Кроме того, используются такие механизмы воздействия, как «спираль молчания», отвлечение внимания через тактику «забалтывания» и другие скрытые способы влияния на массовое сознание и общественное мнение [3]. В условиях информационных войн особую значимость приобретает критический анализ как инструмент как индивидуального, так и коллективного мышления общества.

Возрастает необходимость активного участия лидеров мнений в сетевом пространстве, авторитетных представителей различных экспертных сообществ, обладающих именно критическим мышлением. Социология изучает коллективное (социальное) поведение людей, принадлежащих разным социальным группам. Формирование критического мышления у пользователей социальных сетей как социальных индивидов способствует, на наш взгляд, повышению их медийной грамотности, что является частью процессов формирования политической культуры в обществе и влияет на социальное поведение, критическое мышление – одна из самых важных компетенций в цифровом социуме, где общественное мнение и его роль существенно возрастает в своем значении.

Манипулирование общественным мнением в сетевом пространстве представляет собой скрытое управление массовым сознанием, основанное на цифровых технологиях и социальных инструментах воздействия [2]. Суть манипуляции заключается в том, что объект воздействия не осознает внешнего контроля и воспринимает свои решения как результат собственного выбора. В цифровой среде это проявляется через таргетированное продвижение контента, алгоритмическую фильтрацию новостей, использование эмоционально окрашенных сообщений и социальное давление со стороны сообществ [3]. Манипуляция в сетевом пространстве рассматривается как форма социальной технологии. Социальные технологии – это систематизированные методы и инструменты, направленные на управление общественными процессами с использованием научных подходов. Политические технологии, как одна из разновидностей социальных технологий, имеют долгую историю и применялись в различных цивилизациях для мобилизации масс и формирования общественного мнения и влияния на массовое сознание [3].

Общественное мнение в цифровой среде представляет собой динамичный и многомерный социальный феномен, который формируется под влиянием информационно-коммуникационных потоков, коммуникации в социальных сетях, алгоритмов персонализации и взаимодействия пользователей. В отличие от традиционных каналов коммуникации, современные цифровые платформы характеризуются высокой скоростью распространения информации, горизонтальностью взаимодействий, полицентричностью, возможностью анонимного участия пользователей и отсутствием централизованного контроля [3]. Эти характеристики делают общественное мнение одновременно гибким, и в то же время достаточно уязвимым к манипуляциям, так как мнения отдельных пользователей могут быстро формироваться, модифицироваться и распространяться по сетевому пространству, создавая эффект «социального резонанса».

Экспертное сообщество со стороны современных политтехнологов, ученых и политиков, журналистов и политологов, социальных психологов, экономистов и социологов, специалистов по связям с общественностью сталкивается с новыми информационными вызовами, которые формируют необходимость анализа и социального контроля информационного поля [6]. Актуальность приобретают разработки методов и современных стратегий защиты общества от манипуляций, необходима отработка моделей прогнозирования реакций аудитории, а также повышение политической культуры и медийной грамотности у пользователей социальных сетей, развитие критического мышления в анализе информационных потоков социаль-

ных сетей. Большинство специалистов сходятся во мнении, что снизить риск деструктивного влияния на сознание можно только комплексным подходом к анализу и регулированию полит-технологий. Такой подход способен повысить устойчивость общества к информационным атакам и обеспечить более эффективное противодействие манипулятивным практикам [5].

Процессы цифровизации существенно расширяют возможности манипуляторов как субъектов социального действия в онлайн-пространстве. Социальные сети предоставляют им инструменты алгоритмического продвижения контента, механизмы таргетированной рекламы и способы эмоционального воздействия на конкретные группы аудитории. В условиях информационного общества цифровые платформы становятся мощным инструментом формирования общественного мнения. Однако одновременно они повышают уязвимость пользователей перед подобными технологиями влияния и различными манипулятивными практиками.

Показательным примером таких манипуляций является активное использование социальных сетей политическими лидерами. Непосредственное взаимодействие с аудиторией через такие платформы, как Twitter или Facebook, позволяет им обходить традиционные средства массовой информации и формировать вокруг себя лояльное сообщество сторонников.

Ещё одним примером можно считать феномен так называемой «культуры отмены», получивший распространение в западных странах. В рамках этой практики общественное мнение формируется вокруг негативной оценки отдельных людей или социальных групп, что нередко приводит к масштабным эмоциональным реакциям общества и фактической социальной изоляции тех, кто становится объектом подобного давления.

В информационных войнах манипулятивные технологии используются для дестабилизации политических систем и формирования желаемого нарратива у массовой аудитории [6]. Эти процессы демонстрируют двойственный эффект цифровизации: с одной стороны, свободный обмен информацией, с другой – высокий риск манипуляций.

Противодействие этим рискам и информационным угрозам требует активного участия экспертных сообществ в коммуникативном пространстве социальных сетей, внедрения образовательных и различных профилактических информационных программ и каналов, а также использования современных методов системного анализа информационных потоков с помощью которых можно сделать эти потоки прозрачными для аудитории с позиций разоблачения лидеров мнений-манипуляторов информацией и их скрытых интересов.

Манипуляция, являясь социальной технологией, которая работает с массовым сознанием, имеет несколько специфических признаков которые делают её особенно опасной в условиях цифрового социума:

1. *Секретность воздействия* – объект манипуляции не догадывается о наличии внешнего контроля, что увеличивает эффективность воздействия [3].

2. *Целевая направленность* – каждая манипулятивная акция создаётся для достижения конкретного результата, будь то изменение политических установок, потребительского поведения или эмоциональных реакций аудитории [3].

3. *Использование междисциплинарных методов* – психологические, социологические, культурологические и лингвистические инструменты совместно создают эффект воздействия [3].

4. *Корыстный умысел* – манипулятор действует в собственных интересах, что часто приводит к негативным последствиям для объекта воздействия [5].

5. *Ложное чувство свободы выбора* – одна из главных особенностей цифровых манипуляций, она позволяет пользователям считать, что они самостоятельно формируют мнение, хотя фактически их поведение контролируется [6].

Социальные сети сегодня являются одновременно и платформой и инструментом манипуляции. Каждый пользователь может создавать и распространять контент, а алгоритмы платформ специально подстраивают информацию под интересы человека, усиливая её воздействие [3].

Сегодня можно выделить основные приемы и методы работы с информацией, которые создают «благоприятные» условия для возможного распространения ряда манипулятивных практик [3]:

- *Фейковые новости* – распространение недосверенной информации с целью формирования ложного представления о событиях.
- *Эмоциональное заражение* – использование очень ярких и сильных эмоциональных сообщений для формирования установок у людей.
- *Создание образа врага* – формирование негативного восприятия определённых социальных групп или стран.
- *Эффект «спирали молчания»* – термин, сформулированный Элизабет Нозль-Нойман, из себя он представляет давление на пользователей, которые ощущают себя в меньшинстве и воздерживаются от выражения мнения [4].
- *Техника «забалтывания»* – отвлечение внимания аудитории на второстепенные темы для скрытия ключевых проблем.

Эти приёмы активно применяются в информационном поле как в политической, так и в социальной и экономических сферах. Примером является использование сетевых платформ для политического PR и прямого взаимодействия с избирателями, минуя традиционные СМИ [3].

В условиях цифровизации подобные приемы приобретают новые формы, интегрируя алгоритмические методы распространения информации, таргетирование и мониторинг аудитории. Это позволяет манипуляторам не только воздействовать на отдельных пользователей, но и формировать даже коллективные установки, изменяя восприятие реальности в масштабах городов, регионов и стран.

С точки зрения социологии, манипулятивные технологии изменяют структуру общественного мнения, делая его динамичным и подверженным внешнему влиянию. Современные методы воздействия включают создание искусственных дискуссий, генерацию информационного шума, эмоциональные провокации и манипуляцию социальными фактами [6].

Поэтому в условиях цифровизации экспертному сообществу – социологам, политтехнологам, специалистам по коммуникациям – предстоит на основе системного подхода осуществить следующие ключевые задачи, на наш взгляд, это: мониторинг сетевого пространства как постоянный анализ потоков информации и выявление манипулятивных воздействий; разработка стратегий информационной безопасности как защита аудитории от фейковых новостей, дезинформации и эмоциональных провокаций; повышение медийной грамотности как обучение пользователей навыкам критического анализа информации, умению отличать достоверные источники от манипулятивных; исследование влияния на массовое сознание как изучение психологических и социологических эффектов, возникающих при манипуляции; создание нормативной базы (разработка правил и стандартов поведения в цифровой среде для предотвращения деструктивных процессов); обратная связь с аудиторией как вовлечение пользователей в проверку информации и формирование коллективного критического восприятия.

Требуется применение научного подхода, объединяющего знания из социологии, социальной психологии, политологии и информационных технологий. Полагаем, что исследование цифровых угроз, особенностей онлайн-общения, а также повышение медийной грамотности и политической культуры населения позволят снизить влияние манипуляций на общественное мнение. Необходимо научить людей критически оценивать информацию, анализировать ее источники и проверять достоверность. На сегодняшний день манипулирование в интернете представляет собой серьезный вызов, требующий совместных усилий государства, IT-сферы, СМИ, науки и самих пользователей. Важен комплексный подход, включающий научные исследования, мониторинг инфосреды и образовательные программы, который позволит воспитать общество, способное противостоять манипуляциям и недобросовестным политическим технологиям в цифровом пространстве.

Литература

1. Баньковская Ю. Л. Социокommunikативная специфика взаимодействия конфликтующих акторов в сетевых структурах общества : дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 2023. 133 л.
2. Левко П. А. Технологии манипуляции общественным сознанием в политическом процессе // Теория и практика совершенствования законодательства и правоприменения: традиции и новации : материалы Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. Минск, 30–31 окт. 2009 г. Минск, 2010. С. 230–231.

3. Махалин А. И., Лоскот И. В. Механизмы манипуляций в интернет-коммуникациях // The Newman in Foreign Policy. 2018. № 43 (87). С. 36–40.

4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996. 352 с.

5. 7 февраля Глава государства вручил дипломы доктора наук и аттестаты профессора лучшим ученым и педагогам // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/7-fevralja-glava-gosudarstva-vruchil-diplomy-doktora-nauk-i-attestaty-professora-luchshim-uchenym-i-pedagogam-494> (дата обращения: 15.03.2026).

6. Хомский Н., Херман Э. Средства массовой информации и их пагубное влияние на мнение неосведомленного населения // Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. Нью-Йорк: Pantheon Books, 1988. URL: <https://ru.citatty.net/tsitatty/1975328-noam-khomskii-tsel-sredstv-massovoi-informatsii-ne-v-tom-chtoby/> (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 304.44

Е. А. Рахуба

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

АРТ-ПРОСТРАНСТВА В СТРУКТУРЕ КРЕАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ¹⁸

Анализируется роль арт-пространств в формировании креативной культуры Восточной Сибири. Представлены данные об оценке экспертами потенциала реализации Стратегии развития креативной экономики до 2036 г., а также идентифицированы наиболее успешные арт-пространства региона. Выявлены ключевые барьеры развития креативной инфраструктуры Восточной Сибири и предложены направления для их преодоления.

Ключевые слова: арт-пространства, креативная культура, креативные индустрии, Восточная Сибирь.

E. A. Rakhuba

Irkutsk State University, Irkutsk

ART SPACES IN THE STRUCTURE OF CREATIVE CULTURE IN EASTERN SIBERIA: AN EXPERT ANALYSIS

The article analyzes the role of art spaces in the formation of creative culture in Eastern Siberia. It presents data on experts' assessment of the implementation potential of the Strategy for the Development of the Creative Economy until 2036, as well as identifies the most successful art spaces in the region. The key barriers to the development of creative infrastructure in Eastern Siberia are identified, and directions for overcoming them are proposed.

Keywords: art spaces, creative culture, creative industries, Eastern Siberia.

В современной России креативные индустрии перестали рассматриваться как сугубо культурная или нишевая сфера, превратившись в один из системных драйверов экономического роста. По данным Росстата, вклад креативных индустрий в ВВП России в 2025 г. составил 4,2 % (почти 8,3 трлн руб.) против 3,9 % в 2024 г., а утверждённая Минэкономразвития Стратегия развития креативной экономики до 2036 г. ставит амбициозную задачу увеличить эту долю до 6 % к 2030 г. и до 7,7 % к 2036 г. [2; 3]. Особый акцент в стратегии сделан на децентрализацию креативного сектора – отход от концентрации креативных индустрий в крупных агломерациях, где сегодня производится 80 % добавленной стоимости, к формированию опирающейся на локальную идентичность и культурный код региональной инфраструктуры. В этом контексте Восточная Сибирь, с её уникальным культурным наследием, полиэтническим составом населения и значительным потенциалом развития креативных индустрий, представляет собой особый интерес для исследования. Однако, как показывают данные сравнительных исследований, доля занятых в креативных индустриях в большинстве российских регионов остаётся ниже среднероссийского уровня [1, с. 134]. Для Восточной Сибири эта проблема стоит особенно остро в силу географической удалённости, суровых климатических условий и исторически сложившейся сырьевой направленности экономики.

¹⁸ Научный руководитель: кандидат политических наук, доцент Р. Ю. Зуляп.

Актуальность исследования арт-пространств в структуре креативной культуры Восточной Сибири подтверждается и данными социологических опросов, фиксирующих изменения в культурном поведении населения. Согласно исследованию ВЦИОМ, опубликованному в сентябре 2025 г., 71 % россиян считают, что, создавая предмет искусства, автор должен в первую очередь думать о том, что он сам хочет выразить. При этом 45 % опрошенных полагают, что предмет искусства обязательно должен быть красивым, тогда как 42 % допускают, что он может быть уродливым или даже шокирующим. Особенно показательно, что 69 % россиян убеждены в невозможности жизни без искусства, рассматривая его как неотъемлемую часть человеческого существования [7]. Эти данные свидетельствуют о высоком общественном запросе на искусство и творческую самореализацию, который арт-пространства призваны удовлетворять. Показательно и исследование открытых театральных пространств, проведенное Аналитическим центром ВЦИОМ совместно с ГИТИСом в 2025 г. Результаты показали, что каждый шестой москвич хотел бы проведения театральных фестивалей на открытых городских площадках в разных районах города, а 96 % посетителей фестиваля «Театральный бульвар» заявили о готовности посетить его в следующем году. Исследователи констатируют, что фестиваль «демонстрирует, как театральное искусство может эффективно способствовать формированию городской идентичности», делая театр не просто совокупностью отдельных учреждений, а «городским феноменом» [4]. Хотя данное исследование проводилось в Москве, его выводы о запросе населения на интеграцию культуры в городское пространство и о роли открытых площадок в формировании городской идентичности имеют универсальное значение и для восточносибирских городов.

Таким образом, на фоне общероссийского тренда на децентрализацию креативных индустрий и роста общественного запроса на локальные культурные проекты, арт-пространства Восточной Сибири становятся ключевым звеном в формировании креативной культуры региона. Это обуславливает необходимость экспертного анализа их роли, места и перспектив развития в структуре креативной культуры Восточной Сибири.

Для углубленного анализа текущего состояния и перспектив развития арт-пространств в Восточной Сибири автором в мае 2026 г. был проведен экспертный опрос. В опросе приняли участие 23 эксперта – представители творческих индустрий, руководители арт-пространств, кураторы выставочных проектов, работники региональных и муниципальных органов власти, деятели культуры и искусства, а также исследователи в области социологии. Основными целями опроса являлись: оценка потенциала реализации государственной стратегии развития креативной экономики на региональном уровне, а также выявление наиболее успешных и показательных арт-пространств Восточной Сибири с точки зрения управления, востребованности у аудитории и влияния на городскую среду.

Один из вопросов был посвящен оценке уровня возможности реализации мероприятий Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденной Министерством экономического развития РФ 26 декабря 2025 г. Экспертам предлагалось оценить свою удовлетворенность потенциальной реализуемостью стратегических положений по пятибалльной шкале, где 5 баллов означали «полностью удовлетворен», а 1 балл – «совсем не удовлетворен». Полученные результаты представлены в табл. Как показывают данные, наибольшая доля экспертов (39,1 %, 9 чел.) оценили свои ожидания на тройку, что свидетельствует об умеренном оптимизме и одновременно о наличии серьезных сомнений в практической реализуемости стратегических положений в восточносибирских условиях. 34,8 % респондентов (8 чел.) поставили оценку 4, что говорит о достаточно высоком, хотя и не максимальном, уровне доверия к государственной стратегии. Полностью удовлетворенными оказались 21,7 % опрошенных (5 чел.). Лишь один эксперт (4,4 %) оценил свои ожидания на двойку, и никто из участников опроса не выбрал оценку 1. Таким образом, суммарная доля позитивных оценок (4 и 5) составила 56,5 %, что можно интерпретировать как умеренно-оптимистичный настрой экспертного сообщества. Однако тот факт, что почти 40 % экспертов выбрали срединную оценку 3, указывает на то, что значительная часть профессионального сообщества занимает выжидательную позицию, фиксируя

как потенциальные возможности, так и очевидные барьеры для реализации стратегии в регионе. Среди ключевых опасений, которые эксперты высказывали в комментариях к данному вопросу, можно выделить: недостаточность регионального финансирования креативных проектов, дефицит профессиональных кадров в сфере арт-менеджмента, а также сохраняющийся разрыв между федеральными целевыми показателями и реальными инфраструктурными возможностями сибирских городов.

Таблица

Оценка экспертами уровня возможности реализации мероприятий проекта
Министерства экономического развития РФ от 26.12.2025
Стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации
на период до 2036 года

Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
5 – полностью удовлетворен	5	21,7
4	8	34,8
3	9	39,1
2	1	4,4
1 – совсем неудовлетворен	0	0,0
Всего	23	100,0

Также был открыт вопрос касаясь идентификации наиболее успешных арт-пространств Восточной Сибири. Экспертам предлагалось назвать 2–3 пространства, которые они считают наиболее показательными с точки зрения управления, востребованности у аудитории и влияния на городскую среду, а также кратко обосновать свою позицию. Полученные результаты обобщены на рис., где представлено распределение ответов экспертов. Абсолютным лидером по числу упоминаний стала Галерея Виктора Бронштейна в Иркутске – ее назвали 43 % опрошенных экспертов. Такая высокая оценка обусловлена, по мнению участников опроса, «интересными выставками, привлекающими большое количество людей», «интересным наполнением, взаимодействием с местными художниками», а также способностью галереи системно формировать культурную повестку города. Второе место с 26 % упоминаний занял Арт-завод «Доренберг» (также Иркутск). Эксперты характеризуют это пространство как «точку притяжения для жителей и туристов, способствующую развитию творческих сообществ региона», подчеркивая, что «даже в регионах с ограниченными ресурсами можно выстроить устойчивую арт-среду через сочетание частной инициативы и вовлеченности сообщества». Центр современного искусства «Огонь» (Иркутск) набрал 17 % упоминаний. Эксперты называют его «успешным частным проектом, за короткий срок ставшим главным «третьим местом» города благодаря концепции открытости, качественной программе и восстановлению исторического здания», а также «пространством смыслов и острых дискуссий». Галерея Диас (Иркутск) получила 13 % упоминаний, что также свидетельствует о ее заметной роли в креативной экосистеме города. Красноярские арт-пространства также получили высокие оценки экспертов, хотя и с меньшей частотой упоминаний. Креативный кластер «Квадрат» (вероятно, имеется в виду кластер «Квадрат» в Красноярске) набрал 9 % голосов. Эксперты характеризуют его как «образец государственно-частного партнерства, превративший промзону в экономически эффективную площадку с 34 резидентами и вкладом в региональную креативную экономику в 70 млрд рублей». Еще 9 % упоминаний получила программа «Таврида» (предположительно, также относящееся к Красноярскому краю или Иркутской области). Музейный центр «Площадь Мира» в Красноярске набрал 4 % упоминаний, при этом эксперты отмечают, что это «признанный «Музей года», который 30 лет системно выращивает локальное современное искусство и художников федерального уровня». По 4 % упоминаний также получили: Арт-резиденция «Устье» на Байкале (эксперты говорят о «магии творчества» этого места), Арт-резиденция «Каменка» в Красноярске («являются точками притяжения для жителей и туристов, способствуют развитию творческих сообществ региона, формируют новую городскую идентичность»), Галерея сибирского искусства (Иркутск) и Арт-резиденция «Квартал» (Иркутск) – последняя, по мнению экспертов, «стала настоящим центром притяжения для творческой молодежи и горожан, где успешно сочетаются выставочные залы, мастерские, коворкинги и общественные зоны».

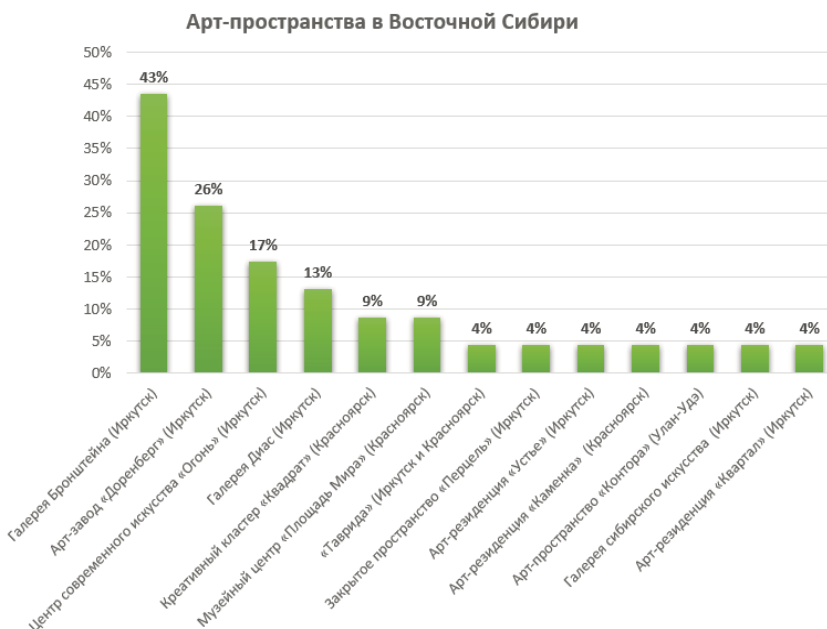

Рис. Распределение ответов на вопрос «Какие арт-пространства в Восточной Сибири Вы могли бы назвать наиболее успешными с точки зрения управления, востребованности у аудитории или влияния на городскую среду?»

Вместе с тем один из экспертов высказал критическое замечание, отметив, что «в Иркутске таких, которые бы охватывали все слои творцов, нет», что указывает на сохраняющуюся проблему фрагментации арт-среды региона, отсутствие единой экосистемы, способной интегрировать различные творческие сообщества – от традиционных художников до представителей новых медиа и цифрового искусства. Это наблюдение перекликается с более общей проблемой, зафиксированной в ходе опроса: при наличии ярких отдельных проектов и успешных частных инициатив, системная инфраструктура поддержки креативных индустрий в Восточной Сибири пока находится в стадии становления.

Таким образом, арт-пространства в структуре креативной культуры Восточной Сибири представляют собой специфический феномен, сочетающий черты художественных галерей, коммуникационных площадок, образовательных центров и предпринимательских кластеров. В контексте выполнения поручения Президента РФ о развитии креативных индустрий в регионах, Восточная Сибирь, включая Иркутскую область и Красноярский край, демонстрирует высокую активность в создании и развитии арт-пространств как элементов креативной инфраструктуры [6]. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о месте и роли арт-пространств в структуре креативной культуры Восточной Сибири. Экспертный анализ подтверждает, что арт-пространства региона представляют собой сложный и противоречивый феномен, находящийся в процессе активного становления.

Литература

1. Кропинова Е. Г., Мондыч А. С. Сравнительный анализ ключевых показателей рынка труда в креативных индустриях регионов Северо-Западного федерального округа // *Economy of Regions*. 2026. Т. 22, № 1. С. 128–144.

2. Проект стратегии развития креативной экономики в Российской Федерации до 2036 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/file/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
3. Креативный сектор России в цифрах: 2024 // НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 05.05.2026).
4. ГИТИС и АЦ ВЦИОМ рассказали о результатах исследования открытых театральных пространств Москвы // ГИТИС. URL: <https://gitis.net/press/news/gitis-i-nbsp-ats-nbsp-vtsiom-rasskazali-o-nbsp-rezultatakh-issledovaniya-otkrytykh-teatralnykh-prostor/> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий: приказ от 23.04.2025 № 266 // Министерство экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 05.05.2026).
7. Результаты исследования «Человек и искусство» // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-iskusstvo> (дата обращения: 11.05.2026).

УДК 316.6

З. А. Седых

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ САМОСОХРАНИТЕЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УГРОЗ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА¹⁹

Рассматриваются ключевые проблемы управления самосохранительным поведением населения в контексте нарастающих демографических угроз. Опираясь на данные экспертного обзора НИИ организации здравоохранения, анализируются противоречия между декларируемой приверженностью здоровому образу жизни и реальной распространённостью саморазрушительных практик.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, демографические угрозы, здоровый образ жизни, алкоголизация.

Z. A. Sedykh

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF NEW DEMOGRAPHIC THREATS: EXPERT ANALYSIS AND ASSESSMENTS

The article examines the key issues of managing the self-preservation behavior of the population in the context of increasing demographic threats. Based on the data of the expert review of the Scientific Research Institute of the Health Organization, the contradictions between the declared commitment to a healthy lifestyle and the actual prevalence of self-destructive practices are analyzed.

Keywords: self-preservation behavior, demographic threats, healthy lifestyle, alcoholism.

Проблема демографического развития России приобрела к настоящему моменту характер стратегического вызова, требующего не только экономических мер, но и глубокой трансформации поведенческих моделей населения. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» нацелен на достижение ожидаемой продолжительности жизни в 78 лет к 2030 г. и в 81 лет к 2036 г. [1; 4]. Однако без ответственного отношения самого населения к собственному здоровью одних усилий системы здравоохранения недостаточно. Самосохранительное поведение, понимаемое как установка на продление срока жизни и система действий по сохранению здоровья, становится критическим фактором сохранения населения. Именно разрыв между институциональными инициативами и реальными поведенчески-

¹⁹ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

ми практиками составляет суть проблемы, которая усугубляется глубочайшей региональной дифференциацией. Она превращает субъекты Российской Федерации в принципиально разные среды для реализации демографической политики.

О масштабе территориальной расслоения говорит статистика. На основе данных Росстата, МВД и Минспорта был составлен сводный рейтинг приверженности ЗОЖ, который показал сильный разрыв между верхними и нижними местами. Так, например, в 2024 г. Республика Дагестан возглавила список с 96,7 баллами, а Камчатский край, наоборот, занял последнее, восемьдесят пятое место, с 20,9 баллами. Особенно показательно положение Магаданской области, ведь регион стабильно располагается в нижней части рейтинга. В 2024 г. область получила 33,3 балла и 83 место, как и годом ранее. Подобная устойчивость не случайность. Высокая распространенность курения, значительные объемы продаж алкоголя и низкая вовлеченность жителей в занятия спортом становятся укоренившейся нормой, которая воспроизводится из года в год без заметных изменений. В таких условиях традиционные федеральные меры стимулирования самосохранительного поведения демонстрируют низкую эффективность и результативность [9].

Разрушающее здоровье поведение изучается современной наукой по нескольким направлениям: табакокурение, алкоголизация, наркомания, а также связанные с ними социально-психологические проблемы. Масштабы саморазрушительных практик в России таковы, что позволяют рассматривать их не как частные отклонения, а как системную демографическую угрозу. Потребление алкоголя, несмотря на официальное снижение почти на 43 % с 2008 по 2021 г., продолжает вносить наибольший вклад в смертность людей трудоспособного возраста. Статистика, однако не учитывает нелегальный рынок продажи, который в отдельных регионах достигает 50 % от общего оборота спиртного [3].

Не менее серьезной остается ситуация с табакокурением. По данным Росстата, в 2021 г. доля курильщиков старше 15 лет составлял около 20 % населения, однако исследование ВЦИОМ дает более высокий показатель – 33 % [3]. При этом доказано, что полный отказ от курения эффективнее многих лекарственных препаратов в профилактике сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, и, наоборот, курение в несколько раз увеличивает риск развития атеросклероза и внезапной смерти, рака легких, эндокринных заболеваний [2].

Особое место занимает наркотизация. В XXI в. помимо традиционных наркотических средств распространились синтетические психоактивные препараты, отличающиеся агрессивным воздействием на организм и сверхбыстрым формированием зависимости. Согласно данным Минздрава России, на конец 2021 г. на учете состояло 212 тыс. больных. Анализируя специфику распространения наркомании в России, эксперты фиксируют несколько взаимосвязанных тенденций. Прежде всего, это крайне высокая доступность запрещенных веществ. Одновременно с этим расширяется ассортимент наркотических препаратов, причем обновление происходит стремительно. Всё чаще встречаются полинаркомания – ситуация, когда человек употребляет сразу несколько разных веществ. Отдельного внимания заслуживает набирающая силу феминизация наркомании, а также тревожный процесс вовлечения в наркотическую среду представителей внешне благополучных социальных слоёв [3].

Формальная приверженность здоровому образу жизни в России стабильно высока, но реальные цифры рисуют иную картину. По данным НАФИ, 53 % респондентов посещают врача реже одного раза в год, 48 % имеют ненормированный график и нерегулярное питание, 39 % постоянно испытывают стресс, а по 37 % имеют вредные привычки и пренебрегают спортом [6]. В зоне особого риска находятся экономически активные россияне 35–54 лет: они реже других проходят профилактические осмотры, но чаще перерабатывают. Молодежь 18–34 лет меньше подвержена стрессу, однако не уступает среднему возрасту по вредным привычкам. Исследование Центра гражданского общества ВШЭ 2022 г. дало еще более отрезвляющие цифры: лишь 19 % россиян тратят «много или скорее много времени» на заботу о здоровье, 77 % уделяют этому относительно мало времени [8]. Опрос ВЦИОМ для конгресса «HEALTH AGE. Активное долголетие» показал, что треть населения обращается в медицинские учреждения только в случае острой необходимости, и лишь 14 % делают это

для регулярного контроля. Профилактические осмотры чаще проходят граждане старше 60 лет (19 %), россияне с хорошим материальным положением (21 %) и жители столицы (22 %) [7].

Здесь обнажается ключевое управленческое противоречие. Государство наращивает инвестиции в здравоохранение и демографию, но сталкивается с тем, что большинство населения делегирует ответственность за здоровье внешним институтам, не принимая собственных системных усилий. Формируется ситуация, которую эксперты характеризуют как «безответственную модель поведения»: отказ от вредных привычек на минимальном уровне при отсутствии рационального питания, достаточного сна и физической активности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько принципиальных положений, значимых для управления самосохранительным поведением в условиях новых демографических угроз. Существует значительный разрыв между ценностными установками и реальными поведенческими практиками, из которого следует, что исключительно информационно-поведенческих подходов недостаточно. Пропаганда и реклама здорового образа жизни без синхронного изменения условий, в которых живут люди, ни на что не повлияет. Также не стоит забывать про материальные ограничения. Качественное питание, нормальный график, позволяющий совмещать работу и учебу с полноценным сном и доступ к платной медицине для многих остается недостижимым. Даже возникшая мотивация заботиться о своем организме и вести здоровый образ жизни упирается в материальные ограничения.

Таким образом, в самосохранительном поведении россиян наблюдается разрыв между ценностными установками и поведенческими привычками. Злоупотребление алкоголем, курение, наркозависимости, хроническое пренебрежение врачебной помощью формируют комплекс серьезных демографических угроз, которые обесценивают государственные здравоохранение. Следовательно, управленческие усилия должны сместиться с устранения последствий на формирование новой среды, где здоровый образ жизни будет социальной нормой для всех возрастных и социальных групп.

Литература

1. Алиперова Н. В., Махрова О. Н. Ожидаемая продолжительность жизни населения: роль самосохранительного поведения // Самоуправление. 2022. № 4 (132). С. 170–174.
2. Курение в России: мониторинг. Процесс снижения числа курильщиков в нашей стране фактически остановился // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurenie-v-rossii-monitoring-2022> (дата обращения: 08.05.2026).
3. Александрова О. А., Алиперова Н. В., Махрова О. Н. Самосохранительное поведение населения: проблемы и решения: экспертный обзор. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 45 с. URL: <https://niiioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/obzory/> (дата обращения: 08.05.2026).
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 08.05.2026).
5. Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Т. И. Габельных]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2025. – 707 с.
6. Половина россиян ведут нездоровый образ жизни // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafii.ru/analytics/polovina-rossiyan-vedut-nezdorovyy-obraz-zhizni/> (дата обращения: 09.05.2026).
7. Здоровый образ жизни и как его придерживаться // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 08.05.2026).
8. Россияне не хотят тратить время на заботу о здоровье // Деловое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/16/941083-rossiyan-ne-hotyat-tratit-vremya> (дата обращения: 08.05.2026).
9. Рейтинг российских регионов по приверженности ЗОЖ. Инфографика от 17.11.2025 // Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20251117/reyting-2055275226.html> (дата обращения: 08.05.2026).

РОЛИ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ И ОЦЕНКИ²⁰

Рассматриваются данные исследования ролей связей с общественностью в конструировании современных информационных пространств. Анализируются ключевые трансформации информационной среды, а также факторы, затрудняющие эффективную коммуникацию в России. Особое внимание уделяется тому, как PR-специалисты сегодня влияют на формирование общественной повестки, с какими вызовами сталкиваются и какие компетенции становятся приоритетными в условиях цифровой турбулентности, фрагментации аудитории и кризиса доверия к источникам информации.

Ключевые слова: связи с общественностью, конструирование информационных пространств, трансформация медиасреды, дезинформация, доверие аудитории, алгоритмы социальных сетей, цифровые коммуникации.

M. S. Semeikina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF PUBLIC RELATIONS IN THE CONSTRUCTION OF INFORMATION SPACES: EXPERT OPINION AND ASSESSMENTS

The article examines the role of public relations in the construction of modern information spaces. Based on the data, the key transformations of the information environment are analyzed, as well as the factors that hinder effective communication in Russia. Special attention is paid to how PR specialists influence the formation of the public agenda today, the challenges they face, and the competencies that become priority in the context of digital turbulence, audience fragmentation, and a crisis of trust in information sources.

Keywords: public relations, construction of information spaces, transformation of the media environment, disinformation, audience trust, social media algorithms, and digital communications.

Современные реалии свидетельствуют о фундаментальной трансформации коммуникационных пространств, в которых ключевая роль всё чаще отводится связям с общественностью. Если ранее PR рассматривался преимущественно как инструмент управления репутацией или канал распространения информации, то сегодня его функции значительно расширяются: речь идёт о непосредственном конструировании информационных сред, формировании общественной повестки и даже навигации для аудитории в условиях переизбытка данных. Как отмечают исследователи, XXI в. требует от связей с общественностью адаптации к изменениям и конфигурации новых «интеллектов», способности синтезировать знания, прогнозировать развитие ситуаций и выстраивать диалог в эпоху турбулентности. В этой связи особенно актуальным становится вопрос о том, как сами профессионалы отрасли осмысливают свою новую роль, какие стратегии и инструменты считают приоритетными для создания и поддержания информационных пространств. Основная цель исследования – на основе экспертного опроса выявить и проанализировать ключевые роли связей с общественностью в процессе конструирования информационной реальности, а также определить существующие противоречия и точки роста в этой сфере.

Автором был проведён экспертный опрос, по результатам которого были сделаны следующие выводы.

Связи с общественностью выступают не просто посредником между источником информации и аудиторией, но активным агентом селекции реальности: через механизмы медиалаплирования, управления инфоповодами и взаимодействия с журналистским пулом PR напрямую влияет на иерархию значимости тем и событий, определяя тем самым, какие новости попадут в заголовки, а какие останутся за рамками публичного дискурса.

²⁰ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

К вопросу о влиянии связей с общественностью на то, какие новости и темы становятся главными в информационном пространстве, 66,67 % экспертов ответили «Да, влияют», в то время как 33,33 % респондентов ответили «Скорее влияют». Ответы «Скорее не влияют» и «Нет, не влияют» – не выбрал ни один из экспертов (табл. 1).

Таблица 1

Как Вы думаете, влияют ли связи с общественностью на то, какие новости и темы становятся главными в информационном пространстве?

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
1	Да, влияют	10	66,67
2	Скорее влияют	5	33,33
3	Скорее не влияют	0	0
4	Нет, не влияют	0	0
5	Затрудняюсь ответить	0	0
	Всего	15	100,0

В рамках анализа механизмов формирования информационной повестки необходимо признать, что связи с общественностью выполняют не столько функцию отражения объективной реальности, сколько функцию её целенаправленного конструирования. Специалисты в области связей с общественностью, опираясь на данные социологии, психологии восприятия и медиаэкономики, способны заранее прогнозировать, какие смысловые конструкции вызовут максимальный эмоциональный отклик у целевых групп. Это свидетельствует о глубоком знании так называемых «триггеров внимания»: конфликт, неожиданность, социальная несправедливость, персональная вовлечённость или моральная паника. PR-сообщение изначально лишается нейтральности – оно сфокусировано, драматургически выверено и заострено именно на тех аспектах события, которые гарантируют его распространение или устойчивое удержание в топе новостей.

В противоположность этому аудитория, вопреки распространённому мифу о «свободном выборе», демонстрирует преимущественно ведомую модель информационного поведения. Когнитивные ограничения человека, такие как дефицит времени, усталость от принятия решений и подверженность доступности, делают его склонным поглощать ту информацию, которая уже прошла первичную фильтрацию медиа и PR-структур. Как показывают современные исследования информационных потоков, человек перестаёт задаваться вопросом «почему именно эта тема стала главной?» – он принимает её как данность, фокусируясь лишь на эмоциональном переживании содержания.

Наиболее популярное мнение экспертов (27,78 %) – информационные пространства ускоряются: информация распространяется быстрее, но быстрее и забывается (табл. 2). Современные информационные пространства демонстрируют выраженную тенденцию к ускорению: циркуляция новостей, сообщений и нарративов происходит во всё более сжатые временные интервалы, что парадоксальным образом сочетается с обратным процессом – стремительной амортизацией общественного внимания. Укоренение информационных пространств порождает эффект «информационной одноразовости»: чем быстрее распространяется сообщение, тем быстрее оно обесценивается и забывается, что создаёт серьёзные вызовы как для связей с общественностью, так и для общества в целом, поскольку содержательная глубина уступает место событийной текучке.

Вторым по популярности является ответ – «Переходят из традиционных СМИ в социальные сети и мессенджеры» (20,37 %). Переход информационных пространств из традиционных СМИ в социальные сети и мессенджеры означает, что управление повесткой больше не требует доступа к крупным редакциям – достаточно понимания алгоритмов, вирусных механик и доверия внутри сетевых сообществ.

Таблица 2

Каким образом, по Вашему мнению, трансформируются информационные пространства?

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %	Доля чел., %
1	Ускоряются: информация распространяется быстрее, но быстрее и забывается	15	27,78	100,0
2	Переходят из традиционных СМИ в социальные сети и мессенджеры	11	20,37	73,33
3	Трансформируются под влиянием искусственного интеллекта	8	14,81	53,33
4	Смещаются в сторону видеоконтента и коротких форматов	8	14,81	53,33
5	Становятся более манипулятивными и заказными	5	9,26	33,33
6	Насыщаются дезинформацией, снижая доверие к источникам	4	7,41	26,67
7	Становятся более прозрачными и понятными для людей	3	5,56	20,0
8	Не замечаю существенных изменений	0	0	0
9	Затрудняюсь ответить	0	0	0
	Всего	54	100,0	359,99

Следующими по популярности были мнения экспертов – «Трансформируются под влиянием искусственного интеллекта» и «Смещаются в сторону видеоконтента и коротких форматов» (14,81 %). Искусственный интеллект автоматизирует создание контента, персонализированную ленту новостей под каждого пользователя и незаметно направляет внимание аудитории, подменяя редакторские решения алгоритмическими рекомендациями, а короткие видеоформы заменяют целостное сообщение клиповой последовательностью образов, рассчитанной на удержание внимания в течение нескольких секунд.

По мнению экспертов, информационные пространства чаще становятся более манипулятивными и заказными и насыщаются дезинформацией, снижая доверие к источникам (9,26 и 7,41 % соответственно), чем становятся более прозрачными и понятными для людей (5,56 %). Дезинформация и скрытые PR-кампании насыщают среду быстрее, чем механизмы верификации, что закономерно снижает доверие аудитории ко всем источникам без исключения – включая даже те, которые продолжают работать честно и открыто. Среди экспертов не выявлено тех, кто не замечает существенных изменений в информационных пространствах (0,0 %).

«Рост дезинформации и фейков» и «Снижение доверия аудитории к официальным источникам» (рис.) – основные факторы, затрудняющие конструирование информационных пространств в России сегодня по мнению экспертов (24,0 и 18,0 % соответственно). Чем больше фейков циркулирует в публичном поле, тем выше становится так называемый «информационный шум» – любой новый ресурс, даже объективно достоверный, автоматически попадает в зону подозрения, аудитория дифференцирует проверенные данные от ложных. Для официальных структур, традиционно апеллирующих к авторитету и надёжности, это создаёт критическую проблему: их сообщения лишаются презумпции доверия. В результате связи с общественностью вынуждены затрачивать многократно больше ресурсов на то, чтобы быть услышанными.

Также важными факторами стали «Нехватка квалифицированных кадров в PR» и «Высокая скорость изменений алгоритмов соцсетей» (по 14,0 %). Без специалистов, способных анализировать алгоритмические среды, работать с дезинформацией и выстраивать долгосрочное доверие, любые стратегии коммуникации обречены на поверхностное, ситуативное и зачастую контрпродуктивное воздействие. При этом высокая скорость изменений алгоритмов социальных сетей лишает связи с общественностью предсказуемой основы для планирования коммуникаций: то, что работало неделю назад, сегодня может оказаться неэффективным, что превращает конструирование информационных пространств в постоянную гонку за ускользающими правилами платформ, а не в реализацию продуманной стратегии.

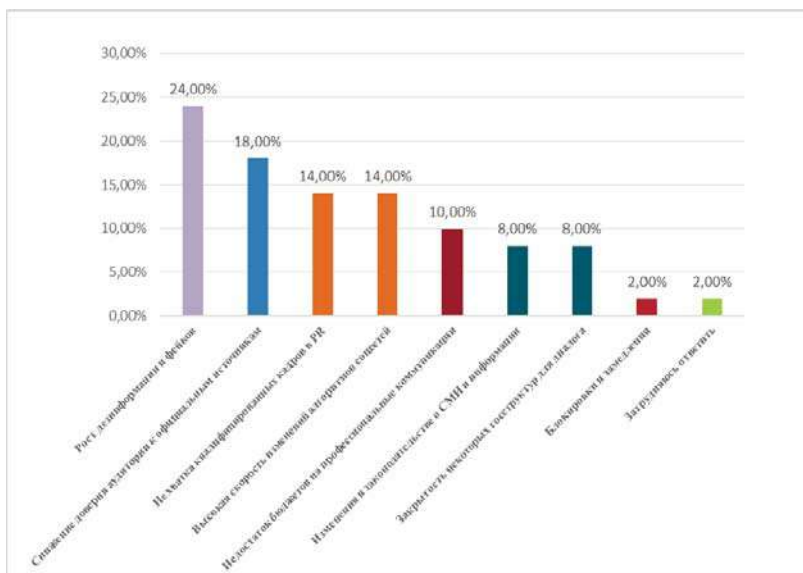

Рис. Факторы, затрудняющие конструирование информационных пространств в России сегодня, в %

Недостаток бюджетов на профессиональные коммуникации (10,0 % от ответов экспертов) приводит к тому, что связи с общественностью вынуждены замещать качественную стратегическую работу дешёвыми, но малоэффективными тактиками – например, массовой рассылкой или накруткой активности, что в долгосрочной перспективе лишь усугубляет недоверие аудитории и снижает управляемость.

Наименее популярными ответами экспертов являются «Изменения в законодательстве о СМИ и информации», «Закрытость некоторых госструктур для диалога» (по 8,0 %) и «Блокировки и замедления» (2,0 %).

Экспертные мнения подчеркивают, что конструирование информационных пространств напрямую зависит от связей с общественностью. За PR наблюдается усиленное влияние на новостные повестки и фильтрацию контента. В современном мире проходит переосмысление традиционных подходов, поэтому виден рост цифровых платформ и смена ролей СМИ в обществе.

Литература

1. Аксенов И. А. Медиаобразование как инструмент повышения цифровой этики и безопасности: европейский опыт // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала, 22–23 апр. 2025 г. Махачкала : Дагестан. гос. пед. ун-т им. Р. Гамзатова. 2025. С. 117–122.
2. Елисеєва А. В., Долгина Е. С., Безбородова Ю. В. Эффективные инструменты PR в профессиональной деятельности PR-специалиста // Символ науки. 2016. С. 60–64.
3. Николаев В. В. Повышение своевременности обмена информационными ресурсами в едином информационном пространстве // Телекоммуникации и связь. 2024. № 3-1 (15). С. 41–55.
4. Роль стратегии развития информационного общества в российской федерации на 2017–2030 годы в формировании информационного пространства / Р. С. Кочкаров [и др.] // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (74). С. 15–19.
5. Савченко Е. А., Макарова Т. П. PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 178–180.
6. Шелеп И. А. «PR сопровождения» и «PR прикрытия»: новый подход к определению направлений PR-деятельности // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 4. С. 74–77.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СЕМЬИ У МОЛОДЕЖИ: ВЫЗОВ ДЛЯ ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ²¹

Статья посвящена анализу трансформации образа семьи в представлениях современной российской молодежи и оценке способности ключевых экспертных институтов реагировать на происходящие изменения. На основе данных авторского социологического исследования и вторичного анализа статистических и научных источников рассматриваются основные векторы сдвигов в брачных и репродуктивных установках. Особое внимание уделено разрыву между декларируемой ценностью семьи и реальными практиками, а также ограниченной эффективности существующих государственных программ.

Ключевые слова: семья, молодежь, трансформация семейных ценностей, брачное поведение, репродуктивные установки, экспертные институты, государственная семейная политика, экологический подход.

A. V. Sokolova

Irkutsk State University, Irkutsk

TRANSFORMATION OF THE FAMILY IMAGE AMONG YOUNG PEOPLE: A CHALLENGE FOR EXPERT INSTITUTIONS

The article is devoted to the analysis of the transformation of the image of the family in the minds of modern Russian youth and the assessment of the ability of key expert institutions to respond to the ongoing changes. Based on the data of the author's sociological research and secondary analysis of statistical and scientific sources, the main vectors of shifts in marriage and reproductive attitudes are examined. Special attention is paid to the gap between the declared value of the family and real practices, as well as the limited effectiveness of existing government programs.

Keywords: family, youth, transformation of family values, marriage behavior, reproductive attitudes, expert institutions, state family policy, ecological approach.

Семья как социальный институт в современной России переживает глубокие преобразования, которые наиболее ярко проявляются в мировоззрении молодого поколения. Данные социологических исследований фиксируют противоречивую картину: с одной стороны, семья сохраняет статус ключевой жизненной ценности – по данным Института демографического развития, в сентябре 2025 г. крепкую семью назвали главной ценностью 84 % опрошенных молодых россиян [5]. С другой стороны, реальные брачно-семейные практики молодежи все дальше отходят от традиционной модели, что создает принципиально новые вызовы для государства, системы образования, религиозных организаций и других институтов, призванных регулировать и поддерживать семейную сферу.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу трансформации образа семьи в сознании российской молодежи и оценке способности экспертных институтов ответить на эти изменения. Эмпирическую базу составляют данные опросов ВЦИОМ, авторское социологическое исследование (экспертный опрос, $n = 18$; массовый опрос, $n = 304$), исследования профильных академических центров и демографическая статистика последних лет.

Наиболее заметный количественный индикатор перемен – устойчивый рост среднего возраста вступления в брак. За неполные пять лет (2021–2025 гг.) средний возраст невест увеличился с 30,7 до 33,1 года, женихов – с 32,8 до 35,3 года, прибавляя примерно по 0,5–0,7 года ежегодно. Эта динамика отражает фундаментальный сдвиг в жизненных стратегиях: как отмечает генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров, молодежь сначала стремится получить образование, построить карьеру и создать «материальный фундамент», и лишь затем задумывается о семье [6].

Сами молодые люди объясняют откладывание брака прежде всего экономическими причинами. Согласно опросу ВЦИОМ (август 2025 г.), финансово-экономические трудности и неуверенность в завтрашнем дне назвали барьером 71 % респондентов, ценностный индивидуализм и отход от института семьи – 54 %, жилищные проблемы – 24 % [6]. Примеча-

²¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Е. В. Гольцова.

тельно, что наиболее остро экономические факторы ощущают представители поколения «цифры» и младшие миллениалы – те, для кого брачный вопрос наиболее актуален.

Е. В. Гольцова еще в 2010 г. предложила взглянуть на демографическое поведение иначе – через экологический подход. Ее мысль в том, что решения людей о браке или детях нельзя вырывать из контекста: на них давят и экономика, и культурные нормы, и вся социальная среда [1]. Позже, в 2018 г., она применила эту рамку к молодежи Иркутска и показала – демографическая нестабильность растет не просто из-за «испорченных» ценностей, а потому что среда, в которой живет молодежь, сама толкает к другим решениям [2]. Данные авторского исследования (опрос 304 чел.) подтверждают эту логику. В иерархии жизненных приоритетов семья оказалась только на третьем месте (9,2 %), пропустив вперед деньги и материальный достаток (11,2 %) и безопасность (9,3 %). По значимости она практически сравнялась с отдыхом и путешествиями (9,2 %). Отдельно стоит отметить, что почти 8 % ответов ушло свободе и независимости – явный индикатор того самого индивидуалистического сдвига.

Незарегистрированные союзы стали массовой практикой, и в сознании многих они прочно связаны с нестабильностью отношений, бездетностью или ограничением одним ребенком. По данным социологических опросов, доля лиц, рассматривающих «штамп в паспорте» как необходимое условие совместной жизни, составляет 59 % от общего числа опрошенных [3]. Эти данные полностью согласуются с результатами авторского исследования. На вопрос «Обязательна ли при создании семьи регистрация брака?» более половины респондентов массового опроса (53,6 %) выбрали вариант «желательна, но можно и без штампа», и еще 14,1 % считают ее необязательной. Лишь 11,2 % опрошенных молодых людей заявили, что регистрация обязательна, иначе союз не является семьей. Любопытно, что 20,7 % отметили, что для них важна не столько регистрация, сколько благословение. Среди экспертов (n = 18) картина схожая: 52,9 % считают регистрацию желательной, но не строго обязательной, и лишь 41,2 % настаивают на ее необходимости.

Вместе с тем данные противоречивы: по другим замерам, только 11 % молодежи отдают предпочтение сожительству без регистрации, и популярность такой формы отношений за последние семь лет не выросла [4]. Это расхождение свидетельствует о сложности и неоднородности процессов, происходящих в молодежной среде: сожительство может быть, как осознанной альтернативой браку, так и вынужденным компромиссом в условиях экономической нестабильности.

Исследование Гольцовой (2018) подтверждает значимость средовых факторов в формировании брачного поведения. В работе впервые были проанализированы брачные установки молодежи крупного сибирского города с учетом всех составляющих социальной среды – от экологических и экономических до политических, правовых и социально-культурных условий [2]. Такой комплексный анализ позволил выявить, что причины снижения брачности связаны не только с индивидуальными ценностными ориентациями, но и с объективными условиями жизнедеятельности.

В репродуктивных установках молодежи наблюдается парадоксальная поляризация. С одной стороны, 84 % россиян заявляют о важности сохранения традиционных семейных ценностей и поддержки многодетности [5]. С другой – 41–42 % зумеров и миллениалов, выступающих за семейные ценности, назвали своим идеалом малодетную семью, а каждый пятый хотел бы семью без детей [12].

В рамках авторского исследования участникам массового опроса предлагалось определить, какой тип ценностной ориентации на создание семьи и рождение ребенка им ближе. Лидирующую позицию занял семейно-ориентированный тип (41,3 % от общего числа ответов). Однако на втором месте оказался государственно-патриотический тип (24,1 % ответов), а на третьем – экономический (17,0 %), что говорит о значимой роли внешних стимулов и рационального расчета в матримониальных и репродуктивных решениях молодежи. Примечательно, что лишь 6,4 % ответов пришлось на гедонистический тип. Среди экспертов наиболее распространенными оказались экономический (21 %) и гедонистический (19 %) типы.

Экологический подход, предложенный Е. В. Гольцовой, предлагает продуктивную рамку для понимания этих процессов. Как отмечает автор, факторы социальной среды оказывают как прямое, так и косвенное влияние на демографические установки человека, а их изучение критически важно для оптимизации социально-экологического взаимодействия в системе «человек – социальная среда» [1]. Иными словами, репродуктивные решения молодежи нельзя понять вне контекста той социальной среды, в которой эти решения принимаются.

Трансформация затрагивает и внутреннюю структуру семейных отношений. Как показывают исследования СПбГУ (2024–2025 гг.), подростки и молодые люди все чаще выбирают солидарную модель родительства, где у отца и матери равные роли в семейной жизни, предпочитая ее традиционной модели [8]. При этом возникает ценностный конфликт между поколениями и даже между полами: молодые женщины ценят в партнере готовность обеспечить семью и умение разрешать конфликты, в то время как молодые мужчины более нацелены на традиционную систему отношений, где мужчина выступает главой семьи. Этот разрыв в ожиданиях становится одним из факторов нестабильности молодых семей.

Данные авторского исследования фиксируют эту тенденцию и на уровне экспертного сообщества. Среди опрошенных экспертов 52,9 % указали на преобладание у современной молодежи партнерского/эгалитарного типа семейных отношений, а 47,1 % – на доминирование индивидуалистского типа. Патриархальный и детоцентристский типы не были отмечены ни одним экспертом. Показательно, что для участников массового опроса семья – это прежде всего социальный институт (18,23 %), но также и способ реализации себя в детях (17,7 %), источник эмоциональной поддержки (15,19 %) и продолжение рода (11,1 %). Лишь 9,9 % опрошенных видят в семье союз мужчины и женщины.

Под экспертными институтами в данном контексте понимается совокупность организаций и структур, формирующих и транслирующих нормативные представления о семье: органы государственной власти, ответственные за семейную и демографическую политику; система образования; религиозные организации; средства массовой информации; академическое и экспертное сообщество. Реакция этих институтов на происходящие изменения носит неоднозначный характер.

С 2025 г. в России реализуется национальный проект «Семья» с бюджетом почти 18 трлн руб., призванный переломить негативные демографические тренды. По итогам первого года реализации нацпроекта, как сообщила вице-премьер Татьяна Голикова, средствами маткапитала распорядились около 1,9 млн семей, что почти на 300 тыс. больше, чем годом ранее; жилищные условия по программе «Семейная ипотека» улучшили почти 545 тыс. семей; социальным контрактом воспользовались 52,4 тыс. многодетных семей (на 32 % больше, чем годом ранее) [9]. Однако уже на старте проект столкнулся с критикой. Нина Останина, возглавляющая думский комитет по защите семьи, высказывается на этот счет довольно резко. По ее словам, внятной демографической политики в стране так и не сложилось – ее подменяют мерами соцподдержки [7]. Итоги предыдущего нацпроекта «Демография» (2019–2024) она считает провальными: продолжительность жизни так и не выросла, смертность подскочила на 300 тыс., а рождаемость сползла с 1,5 до 1,4 [7].

Главная беда в том, что между официальной риторикой и реальным инструментарием – пропасть. Семью записали в традиционные ценности, но на практике бюрократия выхолащивает это понятие до пустого лозунга. Опросы подтверждают: меры поддержки семей с детьми сработали меньше чем для половины опрошенных. Правда, есть и плюс – люди постепенно начинают больше ценить такую помощь, когда задумываются о рождении ребенка. Если взглянуть на ситуацию через экологическую рамку Гольцовой, причины этих провалов становятся понятнее: государство пытается решать демографическую задачу точечными мерами, игнорируя всю толщу социальной среды, в которой живет молодежь. Демографическое поведение, как подчеркивает автор, детерминировано сложным взаимодействием факторов, и изолированные меры поддержки не способны переломить системные тенденции без общего оздоровления социальной среды [1].

Образовательные институты оказались на передовой конфликта между традиционными и современными моделями семьи. Как отмечает Нина Останина, в школах внедряются уроки семьи, однако «сам институт семьи у нас, к сожалению, не стал священным» [7]. Проблема усугубляется тем, что образовательные программы часто не учитывают реальный опыт молодежи, выросшей в неполных или конфликтных семьях, и транслируют идеализированные образцы, вступающие в противоречие с повседневной реальностью. Исследование, проведенное в НИУ ВШЭ, выявило несоответствие между медийными репрезентациями семьи и реальными установками молодежи, что «обуславливает необходимость анализа влияния медиарепрезентации семейных ценностей на молодежь и выявления расхождений между транслируемыми в медиа моделями семьи и реальными представлениями молодежи о семейной жизни» [11].

Характерно, что по данным массового опроса, лишь 32,9 % молодых людей ориентируются в своих семейных установках на опыт родителей, тогда как 58,9 % опрошенных заявили, что не ориентируются ни на чей опыт, а следуют собственным представлениям. Этот разрыв между институционально транслируемыми моделями и индивидуальными представлениями молодежи требует пересмотра подходов к преподаванию семейных ценностей в образовательной среде. Половина опрошенных экспертов убеждена, что за последние 10–20 лет молодежные представления о семье изменились сильно. Еще 38,9 % говорят о сдвигах, но не таких радикальных. Среди главных перемен они перечисляют: падение значимости семьи как таковой, выдвижение самореализации на первый план, привычность незарегистрированных союзов и общий крен в сторону индивидуализма.

СМИ и цифровые платформы работают здесь как обоюдоострый инструмент – и продвигают просеимые ценности, и одновременно распространяют альтернативные жизненные сценарии. Медийная картинка семейных отношений часто заметно расходится с действительностью, что порождает у молодых людей когнитивный диссонанс [11]. Отсюда и запрос, который формулируют исследователи: социальная политика должна адаптироваться к реальности, а не к идеализированным шаблонам. Важно отталкиваться от действительных ценностей молодежи и их ожиданий от семьи. Это не про отказ от традиций – скорее про более гибкую и инклюзивную семейную политику, которая способна учитывать разные жизненные стратегии.

Среди конкретных направлений адаптации экспертных институтов можно выделить: переход от запретительно-пропагандистских мер к системному повышению качества жизни молодых семей, обеспечению уверенности в завтрашнем дне и доступности жилья – факторов, которые сами молодые люди называют ключевыми. Как подчеркивает Нина Останина, «реальные демографические сдвиги возможны только при условии повышения уровня жизни большинства населения, обеспечения их уверенности в завтрашнем дне и укрепления доверия к системе власти» [7]. Показательно, что 77,8 % экспертов в авторском исследовании высказались за необходимость организации обратной связи с населением для успешной реализации семейных программ.

Интеграция в образовательные программы реалистичных представлений о семейной жизни, учитывающих разнообразие семейных моделей и вооружающих молодежь практическими навыками построения отношений, разрешения конфликтов и ответственного родительства. Исследование ценностей студентов российских вузов показывает, что семья занимает лишь третье-четвертое место в иерархии ценностей, а на первый план выходят экономический и культурный капитал, что требует от вузов активизации работы по формированию семейно-ориентированных установок [4].

Преодоление разрыва между идеализированными образами семьи в СМИ и реальным опытом молодежи, продвижение позитивных, но достоверных моделей семейных отношений.

Углубление междисциплинарных исследований, сочетающих количественные и качественные методы, для понимания сложной и противоречивой динамики семейных ценностей в молодежной среде. В этом контексте экологический подход, разработанный Е. В. Гольцовой, представляет собой ценную методологическую основу, поскольку он позволяет рассматривать

демографическое поведение в целостном контексте социальной среды, учитывая все многообразие факторов, влияющих на брачные и репродуктивные решения молодежи [1; 2].

Трансформация образа семьи у российской молодежи представляет собой сложный и нелинейный процесс, в котором традиционные ценности не столько отрицаются, сколько переосмысливаются и адаптируются к изменившимся социально-экономическим условиям. Молодое поколение не отказывается от семьи как ценности, но предъявляет к ней новые требования: экономическая стабильность, эмоциональный комфорт, равноправие партнеров, возможность совмещения семейных и карьерных ролей.

Проведенное авторское исследование (экспертный опрос, $n = 18$; массовый опрос, $n = 304$) подтверждает эти выводы: при сохранении семьи в тройке ключевых жизненных приоритетов молодежь демонстрирует сдвиг в сторону эгалитарных и индивидуалистских моделей отношений, прагматизацию матримониальных и репродуктивных решений, а также растущую значимость эмоциональной поддержки и взаимопомощи как ключевых семейных ценностей. Экспертное сообщество скептически оценивает эффективность существующих государственных программ, отмечая их слабую ориентацию на молодежь и недостаточный учет жилищных потребностей молодых семей.

Как показывают исследования Е. В. Гольцовой, выполненные с позиций экологического подхода, демографическое поведение молодежи детерминировано сложным взаимодействием факторов социальной среды, и его коррекция возможна лишь при условии системного оздоровления этой среды [1; 2]. Ключевой вызов для экспертных институтов заключается в способности перейти от реактивной охранительной позиции к проактивной адаптивной стратегии, признающей сложность и многомерность происходящих изменений и предлагающей адекватные им решения.

Литература

1. Гольцова Е. В. Экологический подход в исследовании демографического поведения населения // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 146–149.
2. Гольцова Е. В. Брачное поведение молодежи города Иркутска и его детерминация // Социодинамика. 2018. № 1. С. 1–14.
3. Козловский В. В., Панкратова Л. С., Светлов Р. В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 4. С. 649–668.
4. Лукьянец А. С., Летуновский А. А. Акторы и механизмы трансформации семейных ценностей: исследование молодежной среды российского мегаполиса // Социология. 2025. № 12. С. 157–162.
5. Гендиректор ВЦИОМ объяснил, почему семьи в России стали малодетными // Первый Тульский. 2025. 21 августа. URL: <https://1tulatv.ru/novosti/236686-gendirektor-vcio-m-obyasnil-pochemu-semi-v-rossii-stali-malodetnymi.html> (дата обращения: 14.05.2026).
6. Голикова Т. А. Итоги реализации нацпроекта «Семья» в 2025 году // Официальный сайт национальных проектов РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/tatyana-golikova-podvela-itogi-realizatsii-naatsproekta-semya-v-2025-godu/> (дата обращения: 14.05.2026).
7. Институт демографического развития: 84 % молодых россиян выбирают семью как главную ценность : пресс-релиз // Правительственное Нижегородской области. URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya-institut-demograficheskogo-razvitiya-84-molodykh-rossiyan-vybirayut-semyu-kak-glavnyu-tseinnost> (дата обращения: 14.05.2026).
8. Останина Н. А. Демографическая политика России: проблемы и решения // Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства. URL: <http://komitet2-6.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/322153> (дата обращения: 14.05.2026).
9. Социологи СПбГУ: близкие отношения с отцами влияют на семейные установки молодежи // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://soc.spbu.ru/2291-sotsiologi-spbgu-blizkie-otnosheniya-s-otcami-vliyayut-na-semejnye-ustanovki-molodezhi.html> (дата обращения: 14.05.2026).
10. Увачева Е. А. Семья в общественном сознании молодежи: несоответствие реальных практик и медиарепрезентаций : выпускная квалификационная работа / НИУ ВШЭ. М., 2025. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1048201540> (дата обращения: 14.05.2026).
11. Федоров В. В. Почему россияне откладывают брак: интервью / беседовала А. Петрова // Известия. 2025. 12 августа. URL: <https://iz.ru/1532000/2025-08-12/valerii-fedorov-o-prichinakh-pozdnikh-brakov> (дата обращения: 14.05.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РЕГИОНАЛЬНОМ ГОСУПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, КАДРОВЫЕ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ²²

Рассматриваются условия внедрения искусственного интеллекта в региональном государственном управлении России. Акцент сделан на институциональной готовности, кадровом потенциале, инфраструктуре данных и влиянии импортозамещения. На материалах Москвы, Республики Татарстан, Нижегородской и Иркутской областей показано, что развитие ИИ-систем зависит не только от наличия технологий, но еще и от способности региона встроить их в устойчивую систему управления. Сделан вывод о неравномерности региональной готовности к использованию ИИ в публичном секторе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая трансформация, импортозамещение, экспертная оценка, институты, кадры, данные, управление.

Y. M. Tatarinov

Irkutsk State University, Irkutsk

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE REGIONAL GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: INSTITUTIONAL, PERSONNEL AND INFRASTRUCTURAL CONDITIONS OF IMPLEMENTATION

The article discusses the conditions for the introduction of artificial intelligence in the regional government of Russia. The focus is on institutional readiness, human resources, data infrastructure, and the impact of import substitution. Based on materials from Moscow, the Republic of Tatarstan, Nizhny Novgorod and Irkutsk regions, it is shown that the development of AI systems depends not only on the availability of technologies, but also on the region's ability to integrate them into a sustainable management system. The conclusion is made about the uneven regional readiness for the use of AI in the public sector.

Keywords: artificial intelligence, digital transformation, import substitution, expert assessment, institutions, personnel, data, management.

Сегодня тема цифрового трансформирования российского государства постепенно становится обычной частью государственного управления через электронные услуги, межведомственные базы данных, автоматизацию громоздкого документооборота и аналитические системы. На этом фоне искусственный интеллект выступает в качестве следующего этапа цифровизации. Но здесь возникает важное противоречие ведь сама по себе технология еще не гарантирует улучшения управления. Даже самая современная система может оказаться малоэффективной, если в регионе нет подготовленных кадров, нормальных данных, устойчивой инфраструктуры и понятных правил ее применения. Актуальность приведенной темы связана именно с этим разрывом между технологическими ожиданиями и реальными управленческими условиями. Усилились требования к технологической независимости, выросло значение отечественного программного обеспечения, появились ограничения на использование иностранного ПО в критической информационной инфраструктуре [3; 4]. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе открытых источников оценить, как институциональные, кадровые и инфраструктурные условия влияют на готовность регионов к внедрению искусственного интеллекта в государственном управлении. Выделить основные признаки региональной готовности, сопоставить несколько субъектов РФ по уровню институциональной и кадровой зрелости, и показать, какие ограничения мешают переходу от отдельных цифровых проектов к более устойчивой практике использования ИИ. В качестве изучаемых регионов выбраны Москва, Республика Татарстан, Нижегородская область и Иркутская область. Рабочая гипотеза статьи заключается в том, что эффективность внедрения ИИ в региональном государственном управлении определяется не самим фактом появления цифровых решений, а степенью готовности региона к их практическому использованию. Речь идет о наличии по-

²² Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных

нятных правил, ответственных институтов, подготовленных специалистов, развитой инфраструктуры данных и технологической базы, что была бы совместима с требованиями импортозамещения. Без этих условий ИИ как нововведение рискует остаться отдельным экспериментом или формальным элементом цифровой повестки. При их наличии он может постепенно перейти в разряд устойчивых управленческих инструментов. Научная новизна работы состоит в том, что внедрение ИИ рассматривается не в виде набора отдельных цифровых проектов, а как результат более сложной региональной готовности. В центре внимания находятся институты, кадры, инфраструктура данных и условия импортозамещения, т. е. те факторы, которые часто остаются за пределами поверхностного описания цифровизации. Такой подход позволяет оценивать наличие заявленных инициатив и вместе с тем способность региона реально встроить ИИ в управленческую практику. Практическая значимость исследования связана с тем, что его выводы могут использоваться при анализе региональных программ цифровой трансформации, при выявлении кадровых и организационных дефицитов, а также при определении условий, без которых ИИ-проекты остаются разрозненными и слабо или совсем не связанными с повседневной работой органов власти.

Программы, проекты и кадровые решения регионов в значительной степени зависят от общезаданных нормативных ориентиров, которые создаются на федеральном уровне. В этом плане ИИ становится новой технологией, которую регион не может внедрять по собственному усмотрению, а должен координировать свою деятельность в соответствии с частью более широкой государственной линии на цифровизацию, работу с данными и технологическую независимость. Одной из основных линий здесь выступает нацпроект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Его значение состоит в том, что цифровое развитие государства рассматривается через несколько связанных направлений, это данные, отечественные цифровые решения, искусственный интеллект, кадровый потенциал и развитие государственных сервисов [1].

Отдельную роль играет Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который закрепил развитие ИИ как стратегическое направление государственной политики [2]. Этот документ задает общий вектор того, что искусственный интеллект должен рассматриваться как технология, способная повлиять на экономику, социальную сферу и государственное управление. Для регионов это означает, что ИИ постепенно переходит из разряда экспериментальной разработки в область четко планируемой управленческой работы и после 2022 г. к этой логике добавился еще один фактор в виде необходимой технологической независимости. Указ № 166 ограничил использование иностранного программного обеспечения на объектах критической информационной инфраструктуры и закрепил особый порядок работы с такими решениями [3]. Для государственного сектора это означает, что многие цифровые системы органов власти связаны с персональными данными, межведомственным обменом, государственными услугами и обеспечением безопасности.

Поэтому федеральные условия делают внедрение ИИ сравнительно более сложным, чем обычное обновление информационной системы. Региону недостаточно просто заявить о применении искусственного интеллекта в той или иной сфере. Ему нужно встроить это решение в существующие правила работы с данными, закупками, безопасностью и кадровым обеспечением. Если федеральный уровень задает общие требования и направление движения, то на региональном уровне становится видно, кто способен превратить эти требования в устойчивую управленческую практику, а кто пока остается на стадии отдельных цифровых инициатив.

Первым условием подобной оценки выступает институциональная готовность. Под ней понимается наличие в регионе органов, программ, центров компетенций и правил, которые отвечают за цифровую трансформацию не сугубо формально, а как за постоянный управленческий процесс. Второе условие связано с подготовленностью и главным наличием кадров. Нужны сотрудники, которые способны выступать компетентными заказчиками, они должны понимать, какую управленческую проблему можно решать с помощью ИИ, как

сформулировать техническое задание и как проверить результат. Если заказчик не понимает технологию, он зависит от подрядчика и по факту теряет контроль над содержанием решения. В исследовании РАНХиГС о цифровизации кадровых процессов в органах публичной власти отмечается, что цифровизация HR-процессов пока остается неоднородной, а единая методология интеграции кадровых функций с цифровыми технологиями еще не сложилась [8]. Если даже кадровые процессы в органах власти цифровизируются неравномерно, то внедрение ИИ как более сложной технологии тем более требует специальной подготовки. Речь идет не о том, чтобы каждый государственный служащий стал инженером, а о необходимости минимальной управленческой грамотности в отношении данных, алгоритмов, рисков и ограничений.

Отдельную роль играет импортозамещение. Оно усиливает требования одновременно и к институтам, и к кадрам, потому что региону приходится учитывать не только полезность конкретного ИИ-решения, но и его технологическое происхождение, совместимость с отечественным ПО, возможности сопровождения и риски зависимости от внешних компонентов. В связи с этим дальнейший анализ строится вокруг условий, которые делают внедрение ИИ устойчивым. Значение имеют ответственные институты, кадровая подготовка, состояние данных, техническая база и то, насколько требования импортозамещения реально включены в работу органов власти. Такой подход позволяет перейти от общей характеристики федеральной политики к сравнению регионов как разных моделей цифрового развития.

Социальная составляющая внедрения ИИ в России в целом благоприятна, но имеет свои противоречия. По данным ВЦИОМ, в 2024 г. 94 % россиян были в той или иной степени осведомлены о технологиях ИИ, а доля тех, кто может объяснить, что это такое, выросла с 36 % в 2022 г. до 50 % в 2024 г. При этом доверие остается неполным: 52 % скорее доверяют ИИ, 38 % скорее не доверяют [5]. Интерес к обучению также заметен: 55 % россиян хотели бы получить знания в сфере ИИ в ближайшие два-три года [5]. Данные ФОМ показывают, что 59 % опрошенных ожидают роста престижа профессии ИТ-специалиста, а 47 % хотели бы такую профессию для детей или внуков [6]. Однако для госуправления это только потенциальный ресурс. НИУ ВШЭ фиксирует, что среди организаций, уже использующих ИИ, 49,9 % называют барьером дефицит квалифицированного персонала, 39,1 % – нехватку навыков у работников, 38,5 % – недостаточность массивов данных, еще 38,5 % – сложности интеграции ИИ в процессы [7]. Поэтому общественный интерес и престиж ИТ-сферы не превращаются автоматически в кадровую готовность органов власти.

Москва в данном сравнении выступает как наиболее ресурсный и инфраструктурно насыщенный региональный кейс. В государственной программе города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» одной из целей прямо названы централизованное, сквозное и прозрачное управление городом на основе больших данных и использование технологий искусственного интеллекта. В самом тексте программы ИИ связывается с повышением качества государственного управления, персонализацией государственных сервисов, медицинских услуг и образовательных процессов за счет анализа больших данных. Московская модель строится не вокруг отдельного ИИ-проекта, а вокруг крупной городской системы данных, в которую уже включены разные сферы управления, это и здравоохранение, и транспорт, ЖКХ, градостроительство, безопасность, государственные услуги и взаимодействие с жителями. Масштаб этой модели виден по финансовым параметрам программы. В редакции государственной программы по состоянию на 1 января 2023 г. общий объем финансовых ресурсов на 2017–2025 гг. составляет 1 299 447 295,9 тыс. руб., т. е. около 1,3 трлн руб. Из них средства бюджета города Москвы составляют 1 097 796 336,4 тыс. руб., или около 1,1 трлн руб. В 2022 г. фактический объем финансирования программы составил 189 036 253,8 тыс. руб., а на 2025 г. прогнозировалось 147 146 483,8 тыс. руб. Эти цифры показывают, что цифровая среда Москвы финансируется как крупная долгосрочная программа городского развития [9].

При этом программа содержит общие цели и измеримые показатели цифровой зрелости. Например, количество личных кабинетов физических лиц, обращающихся за государственными услугами и сервисами в электронной форме, выросло с 6,5 млн в 2017 г. до

15,4 млн в 2022 г., а на 2025 г. прогнозировалось 16,4 млн. Для юридических лиц показатель вырос с 21,3 тыс. в 2017 г. до 444,1 тыс. в 2022 г., с прогнозом 485 тыс. на 2025 г. Доля государственных медицинских организаций Москвы, подключенных к Единому радиологическому информационному сервису ЕМИАС, с 2020 г. зафиксирована на уровне 100 %. ИИ в Москве накладывается на уже достаточно развитую цифровую инфраструктуру, где накоплены большие массивы данных и есть массовое использование электронных сервисов [9].

Отдельно нужно отметить блок работы с данными. Распоряжение ДИТ Москвы от 31 марта 2023 г. № 64–16–168/23 устанавливает порядок направления и рассмотрения заявок на предоставление доступа к наборам городских данных. В документе датасет определяется как структурированная и упорядоченная информация из государственных информационных систем Москвы, прошедшая предварительную обработку и необходимая для создания и внедрения технологий искусственного интеллекта. Доступ к таким наборам данных предоставляется заявителю, если он осуществляет или планирует деятельность по созданию и внедрению технологий ИИ [10].

По Москве можно сделать вывод, что это не просто регион с большим бюджетом на цифровизацию, а модель, где ИИ встроен в уже развернутую городскую цифровую систему. Ее сильные стороны – это масштаб финансирования, наличие больших городских данных и отдельный порядок доступа к датасетам для ИИ. Более проблемная зона, выделенная в процессе анализа – кадровая сторона, но ее не следует применять к Москве, равно как и к другим отдельно взятым регионам ввиду того, что кадровая проблема характерна для всех регионов России и не только в области ИТ.

Республика Татарстан в этом сравнении важна тем, что ИИ здесь оформляется как отдельное направление региональной политики. В 2026 г. утверждена государственная программа «Развитие технологий искусственного интеллекта в Республике Татарстан на 2026–2030 годы». Срок ее реализации составляет пять лет, а общий объем финансового обеспечения – 5 млрд руб. То есть ИИ не просто включен в общий цифровой блок, а выделен в самостоятельную программу с собственным ресурсным обеспечением [12]. Более широкая государственная программа для этого региона «Цифровой Татарстан». В 2025 г. ее срок реализации был продлен до 2029 г., а объем финансирования второго этапа программы на 2024–2029 гг. увеличен на 19,5 млрд руб. и составил 37,7 млрд руб. В программу также включены три новых региональных проекта: «Прорывные ИТ-решения отраслей экономики, социальной сферы, государственного и муниципального управления Республики Татарстан 2025–2029», «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы» и «Отечественные решения» [11].

Интересно в этой связи и то, что кадровый блок в Татарстане также выражен заметнее, чем во многих регионах. Счетная палата Республики Татарстан отдельно рассматривала использование средств бюджета, выделенных в 2022–2023 гг. на подготовку квалифицированных кадров в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, реализацию регионального проекта «Кадры для цифровой экономики» и мероприятия подпрограммы поддержки человеческого капитала в ИТ-сфере. Важно, что эта тема попала в поле внешнего финансового контроля. Это означает, что подготовка ИТ-кадров рассматривается более системное, расходное и управленческое направление, требующее проверки результата [13].

В итоге Татарстан можно характеризовать как институционально связанную модель внедрения ИИ. Ее отличие – наличие отдельной программы по ИИ на 2026–2030 гг., крупную цифровую программу «Цифровой Татарстан» до 2029 г., включение направления «Отечественные решения» и внимание Счетной палаты к кадровой базе ИТ-сферы. Предварительно сравнивая с московской моделью, здесь меньше акцент на мегаполисный масштаб данных, зато сильнее видна связка «программа – кадры – импортозамещение – контроль». Для регионального управления это выглядит более собранно, потому что в этом случае ставится акцент еще и на кадровой подготовке ко внедрениям ИИ.

Особенность Нижегородской области в рассматриваемой группе в том, что цифровая трансформация опирается и на документы, и на достаточно развитую ИТ-среду. В программе социально-экономического развития регион прямо характеризуется как один из ИТ-хабов

России. По итогам первого полугодия 2023 г. в области работало более 1800 ИТ-компаний, а общая численность сотрудников ИТ-сектора превысила 30 тыс. чел. Кроме того, в регионе было зарегистрировано более 2800 индивидуальных предпринимателей и более 1200 фрилансеров-программистов, занятых в ИКТ-секторе. Кадровая политика у Нижегородской области выглядит достаточно сильной, хотя не полностью специализированным именно под ИИ в госуправлении. По данным официального отчета, к началу сентября 2023 г. около 3500 сотрудников органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и подведомственных организаций прошли обучение по программам цифровой экономики и цифровой трансформации в 2021–2022 гг. Из них 451 чел. обучался в рамках регионального проекта «Кадры для цифровой экономики» и кроме того, в 2020–2022 г. более 6500 жителей региона прошли обучение по проекту «Цифровые профессии» по направлениям, среди которых прямо указаны большие данные, искусственный интеллект, кибербезопасность, программирование, системное администрирование и управление цифровой трансформацией. Это показывает, что регион формирует не только пользовательские цифровые навыки, но и более широкий кадровый резерв для цифровой экономики [14].

КСП Нижегородской области фиксирует работу с региональными проектами «Кадры для цифровой экономики» и «Информационная безопасность». Это позволяет говорить о проектной дисциплине региона, где цифровая повестка проходит через бюджетный и контрольный фильтр, а не остается только в виде стратегических формулировок. В то же время в открытых материалах не хватает отдельной оценки эффективности именно ИИ-решений, к примеру, насколько они снизили нагрузку на сотрудников, ускорили обработку обращений или улучшили качество муниципального управления в итоге Нижегородскую область лучше характеризовать как проектно-прикладную модель. У региона есть заметная ИТ-среда, сильная кадровая база, обучение госслужащих, ориентиры по цифровой зрелости, отечественному ПО и электронным услугам. Его преимущество заключается в способности переводить цифровизацию в конкретные управленческие системы и сервисы.

Иркутская область в этом сравнении показывает более слабую степень институционализации ИИ. В регионе есть стратегия цифровой трансформации и программа цифровой трансформации, утвержденная постановлением Правительства Иркутской области от 13 ноября 2023 г. № 1020-пп. В стратегии цифровой трансформации ИИ упоминается точечно. Один из примеров – проработка вопроса приобретения голосового помощника на базе искусственного интеллекта для общения с пациентами [15]. Здесь здравоохранение действительно подходит для автоматизации типовых обращений и снижения нагрузки на сотрудников. Но на уровне документа это не выглядит как целостная ИИ-политика региона. Скорее речь идет о локальном применении технологии в одной отрасли. Для сравнения в Татарстане ИИ оформлен отдельной программой на 2026–2030 гг., а в Иркутской области пока видны отдельные элементы, но не самостоятельный контур управления ИИ [15].

В Иркутской области действует Информационно-технический центр, подведомственный региональному министерству цифрового развития и связи. Его наличие нужно для сопровождения цифровых сервисов и информационных систем. Однако само существование ИТ-центра еще не означает готовности к широкому внедрению ИИ. Для этого нужны отдельные компетенции в виде работы с данными, машинным обучением, информационной безопасностью и так далее [15]. Кадровые данные подтверждают ограниченность ресурсов в этом плане. В официальном отчете министерства цифрового развития и связи Иркутской области указано, что квота по проекту «Кадры для цифровой экономики» в 2022 г. составляла 177 чел. Также в отчетных материалах фигурирует предельная штатная численность министерства в размере 65 единиц. Для региона с большой территорией и сложной структурой расселения это довольно узкая кадровая основа. На практике это означает, что министерству приходится одновременно заниматься базовой цифровизацией, связью, информационными системами, импортозамещением и новыми технологическими направлениями. ИИ в такой ситуации закономерно оказывается скорее задачей следующего этапа [15].

Импортозамещение в Иркутской области уже поставлено в повестку, но пока скорее как вопрос обсуждения и планирования. В плане работы общественного совета при министерстве цифрового развития и связи на 2025 г. отдельно предусмотрено рассмотрение вопросов импортозамещения программного обеспечения и аппаратного обеспечения в региональных органах исполнительной власти и государственных учреждениях. Это значит, что проблема осознается на уровне профильного министерства, но из имеющихся источников не видно развернутой системы показателей в виде того сколько систем переведено на отечественное ПО, как оценивается совместимость, какие есть ограничения по оборудованию, какие кадры отвечают за сопровождение перехода.

В бюллетене КСП указано, что по итогам 2023 г. Иркутская область заняла 23 место в рейтинге цифровой трансформации, набрав 39,54 балла, что составляет 72,55 % от максимально возможного значения. При этом в 2022 г. регион занимал 12 место с 23,4 балла, а в 2021 г. – 58 место с 17,3 балла [15]. На первый взгляд динамика положительная, но она скорее неоднозначна, ввиду того, что позиция 2023 г. заметно хуже, чем в 2022 г., беря во внимание то, что балльная оценка выросла из-за изменения шкалы. Поэтому по рейтингу нельзя делать простой вывод об устойчивом лидерском росте. Корректнее говорить, что регион поднялся по сравнению с 2021 г., но не закрепился в числе лидеров.

В материалах контрольного органа указано, что по проекту «Цифровизация мировых судов» в программе цифровой трансформации на 2022 г. было предусмотрено финансовое обеспечение 130 280,6 тыс. руб., а в отчете за 2022 г. отражено кассовое исполнение 17 402,4 тыс. руб., хотя показатель был исключен из программы, поскольку обязательство по соглашению от 23 декабря 2020 г. № 071–09–2021–100 было исполнено еще в 2021 г. в размере 32 034,2 тыс. руб. [15]. Также КСП отмечает, что отчет за 2023 г. содержит недостоверные сведения в части графы «Кассовые расходы», а итоговое значение по плану финансового обеспечения указано как 214 521,07 тыс. руб., хотя оно не соответствует финансовому обеспечению программы цифровой трансформации во всех редакциях: 293 434,5 тыс. руб. в редакции от 28 декабря 2021 г., 200 498,8 тыс. руб. в редакции от 28 декабря 2022 г. и 204 879,3 тыс. руб. в актуализированной редакции от 14 апреля 2024 г. [15]. В связи с проведенным анализом Иркутскую область лучше характеризовать как регион с базовой цифровой рамкой, но слабой публичной институционализацией ИИ и проблемами управленческой прозрачности по цифровым расходам. Сильные стороны, равно как и задатки есть, это стратегия, программа, профильное министерство, ИТ-центр, включение импортозамещения в повестку общественного совета. Но ограничения, к сожалению, заметнее, ИИ представлен точноно, кадровый масштаб небольшой, импортозамещение описано скорее как задача, чем как измеримый результат, а КСП выявляет расхождения в отчетности по цифровой трансформации. В таком виде регион пока не готов к широкому внедрению ИИ как устойчивого инструмента управления. Более реалистичный путь для Иркутской области – сначала укрепить учет, данные, кадровую базу и контроль цифровых программ, и это создаст задел для масштабирования ИИ-проектов.

Проведенный анализ показывает, что внедрение искусственного интеллекта в региональном госуправлении не может оцениваться только по факту наличия отдельных цифровых проектов. Для более точной экспертизы важнее рассматривать, насколько регион способен связать между собой стратегию, кадры, данные, инфраструктуру, финансовый контроль и требования импортозамещения. Именно этот набор определяет, будет ли ИИ использоваться как устойчивый управленческий инструмент или останется набором точечных решений, которые выглядят современно, но слабо меняют реальную административную практику. Гипотеза исследования в целом подтверждается. Успешность внедрения ИИ действительно зависит не от самого появления цифровых решений, а от институциональной и кадровой готовности региона. Москва показывает, что крупный бюджет, развитые цифровые платформы и работа с массивами городских данных создают сильную основу для применения ИИ. Однако даже в таком случае важным остается вопрос не только инфраструктуры, но и оценки эффектов, прозрачности работы информационных систем и подготовки кадров. Татарстан, напротив, выделяется более цельной институциональной логикой, в которой ИИ оформлен как самостоятельное направление политики, связанное с программой цифрового развития, кадровой подготовкой и импортозамещением. В этом смысле республика выглядит наиболее собранным кейсом среди рассмотренных регионов. Нижегородская область демонстрирует

другой вариант развития. Ее сильная сторона заключается в прикладной направленности цифровизации где регион опирается на развитую ИТ-среду, подготовку кадров, платформенные решения и конкретные управленческие сервисы. Иркутская область, наоборот, выявляет слабые места догоняющей модели. При наличии стратегии, программы цифровой трансформации и профильного ИТ-центра ИИ пока представлен фрагментарно, кадровый масштаб ограничен, а материалы КСП указывают на проблемы согласования финансовых показателей и отчетности. Это означает, что региону рано переходить к широкому внедрению ИИ без укрепления базового цифрового и управленческого контура, но перспективы на будущее развитие несомненно есть. Практически это означает, что регионам нужно начинать не с расширения количества ИИ-проектов, а с укрепления условий их нормального применения. В первую очередь требуются качественные данные, понятные регламенты доступа к ним, подготовленные управленческие заказчики, прозрачная система оценки расходов и результатов, а также реалистичная политика импортозамещения. При наличии этих условий он может стать частью более зрелой модели государственного управления, где технологии помогают не просто автоматизировать процессы, а повышать обоснованность решений и качество взаимодействия государства с гражданами.

Литература

1. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России : офиц. сайт. URL: <https://government.ru/rugovclassifier/923/> (дата обращения: 04.05.2026).
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003> (дата обращения: 04.05.2026).
3. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 // Президент России : офиц. сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/47688> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Доверие к ИИ // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/doverie-k-ii> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Профессия IT-специалиста // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/Rabota-idom/15188/> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Искусственный интеллект в России: разработка и применение / П. Б. Рудник [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 86 с. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1053986532.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Цифровизация кадровых процессов в органах публичной власти: рабочий доклад / Т. Г. Богатырева, С. Э. Мартынова, Т. Б. Лаврова, С. А. Еварович. М. : РАНХиГС, 2023. 28 с. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202324.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
8. Государственная программа города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» : постановление Правительства Москвы от 28.03.2023 № 502-ПП // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3684/Gosudarstvennaya-programmagorodaMoskviRazvitiyecifrovoisrediiinovacii.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
9. Об установлении порядка направления и рассмотрения заявок о предоставлении доступа к наборам городских данных : распоряжение Департамента информационных технологий города Москвы от 31.03.2023 № 64-16-168/23 // Официальный сайт мэра Москвы. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/files/3928/d_2190575801.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
10. Государственная программа Республики Татарстан «Цифровой Татарстан»: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.04.2025 № 283 // Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан. URL: <https://clck.ru/3TbP9S> (дата обращения: 04.05.2026).
11. Государственная программа Республики Татарстан «Развитие технологий искусственного интеллекта в Республике Татарстан на 2026–2030 годы» // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: https://pravo.tatarstan.ru/file/npa/2026-04/1824775/npa_1824776.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
12. Отчет о результатах контрольного мероприятия по подпрограмме государственной поддержки развития экономической среды и человеческого капитала в сфере информационных технологий Республики Татарстан // Счетная палата Республики Татарстан. URL: https://sprt.tatar/files/Otchet_PodgKadrov_2024.pdf (дата обращения: 04.05.2026).
13. О реализации регионального проекта «Кадры для цифровой экономики» в Нижегородской области: официальный отчет // Правительство Нижегородской области. URL: <https://nobl.ru/upload/uf/989/sjtkn07qxq0fgu26eacsfqobglft0lsx/pop1163.pdf> (дата обращения: 04.05.2026).
14. Стратегия цифровой трансформации Иркутской области // Министерство цифрового развития и связи Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/digital/strategy/?print=y> (дата обращения: 04.05.2026).
15. Бюллетень Контрольно-счетной палаты Иркутской области. 2024. № 7 (35) // Контрольно-счетная палата Иркутской области URL: https://irksp.ru/wp-content/uploads/2024/09/bul_2024_7-35.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

МАРКЕТПЛЕЙСЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА В МОСКВЕ, ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ²³

Рассматривается влияние маркетплейсов на потребительский спрос в России (на примере Москвы, Иркутской и Новосибирской областей). Особое внимание уделяется изменению потребительского поведения: значению цены, отзывов, пунктов выдачи, скорости доставки и широты ассортимента. Показано, что влияние маркетплейсов различается по регионам: в Москве они перераспределяют уже сформированный спрос, в Иркутской области компенсируют ограничения расстояния и локального выбора, а в Новосибирской области становятся частью логистической и предпринимательской инфраструктуры. Сделан вывод, что роль маркетплейсов нельзя оценивать только через рост онлайн-продаж, поскольку она связана с более широкими изменениями в потреблении, торговле и бизнесе.

Ключевые слова: маркетплейсы, потребительский спрос, онлайн-торговля, региональная экономика, электронная коммерция.

Т. А. Fadina

Irkutsk State University, Irkutsk

MARKETPLACES AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF CONSUMER DEMAND IN MOSCOW, IRKUTSK REGION, AND NOVOSIBIRSK REGION

The article examines the impact of marketplaces on consumer demand in Russia using the example of Moscow, Irkutsk, and Novosibirsk regions. Special attention is paid to changes in consumer behavior, including the importance of price, reviews, pick-up points, delivery speed, and product variety. The article shows that the impact of marketplaces varies by region: in Moscow, they redistribute existing demand, in Irkutsk, they compensate for limitations in distance and local choice, and in Novosibirsk, they become part of the logistics and entrepreneurial infrastructure. It is concluded that the role of marketplaces cannot be assessed solely through the growth of online sales, as it is linked to broader changes in consumption, trade, and business.

Keywords: marketplaces, consumer demand, online trade, regional economy, e-commerce.

Маркетплейсы за последние годы перестали быть просто удобной формой интернет-магазина. В российской экономике они постепенно превратились в самостоятельную инфраструктуру потребления: через них покупатели выбирают товары, сравнивают цены, читают отзывы, получают заказы в пунктах выдачи, возвращают неподходящие позиции и всё чаще воспринимают онлайн-покупку как обычную часть повседневной жизни. Поэтому влияние маркетплейсов на потребительский спрос нельзя сводить только к росту интернет-продаж. Оно глубже: меняется сама логика выбора, ожидания от сервиса, представление о нормальной цене, скорость принятия решения и даже география доступного ассортимента.

Особенно важно рассматривать этот процесс не только на федеральном уровне, но и через региональное сравнение. Один и тот же механизм – покупка через цифровую платформу – в разных территориях работает неодинаково. В Москве маркетплейсы накладываются на уже насыщенный рынок, где у потребителя и так есть широкий выбор магазинов, торговых центров, сервисов доставки и специализированных сетей. В Иркутской области их значение во многом связано с преодолением расстояния, ограниченного локального ассортимента и возможностью для местных производителей выйти за пределы своего региона. Новосибирская область занимает особое положение: здесь маркетплейсы влияют не только на покупателей, но и на логистическую роль региона, который становится важным распределительным узлом для Сибири. Следовательно, говорить о маркетплейсах как о едином явлении можно, но только если учитывать различие региональных условий.

Федеральный контекст показывает, что онлайн-потребление в России стало массовым. По данным ВЦИОМ, 71 % россиян за последний год совершали онлайн-покупки, а среди тех,

²³ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

кто покупал товары в интернете, 92 % выбирали маркетплейсы [1]. Эти цифры важны не сами по себе, а как признак изменения потребительской нормы. Для значительной части населения покупка через маркетплейс уже не выглядит чем-то отдельным от обычной торговли. Покупатель не обязательно воспринимает себя как участника «электронной коммерции»; для него это просто привычный способ купить нужную вещь, иногда быстрее, иногда дешевле, иногда с большим выбором, чем в ближайшем магазине.

При этом решающими становятся не только цена и ассортимент. ВЦИОМ фиксирует, что среди ключевых критериев онлайн-покупки выделяются цена, отзывы и удобный пункт выдачи [1]. Такая комбинация показывает новую структуру спроса. Цена остаётся главным экономическим мотивом, но она уже работает вместе с социальным доверием и логистическим удобством. Покупатель смотрит не только на стоимость товара, но и на то, что о нём пишут другие люди, как быстро его можно получить, рядом ли находится пункт выдачи, легко ли оформить возврат. В традиционном магазине часть этих вопросов решалась личным осмотром товара и консультацией продавца. На маркетплейсе эту функцию берут на себя карточка товара, рейтинг, отзывы, фотографии покупателей, алгоритмическая выдача и инфраструктура доставки.

Однако рост маркетплейсов сопровождается не только доверием, но и скепсисом. По данным ФОМ, большинство россиян считает, что во время ноябрьских распродаж магазины часто создают видимость скидок, не снижая цены реально или даже повышая их [2]. Это наблюдение важно для понимания современного потребительского спроса. Покупатель становится более чувствительным к выгоде, но одновременно начинает сомневаться в честности промо-механик. Он ждёт скидок, отслеживает акции, сравнивает предложения, но не всегда верит заявленной экономии. В результате спрос на маркетплейсах формируется в противоречивой среде: люди хотят покупать дешевле, но вынуждены постоянно проверять, насколько скидка действительно является скидкой.

На федеральном уровне возникает и другой значимый вопрос – рыночная концентрация. ФАС России указывала, что Wildberries и Ozon вместе занимают около 80 % рынка маркетплейсов [3]. Это означает, что крупнейшие платформы уже нельзя рассматривать как нейтральных посредников между продавцом и покупателем. Они фактически определяют правила видимости товара, доступа к аудитории, участия в акциях, логистики, возвратов и продвижения. Для потребителя такая концентрация может быть удобной: всё собрано в одном месте, сервис знаком, пункты выдачи доступны, интерфейс привычен. Но для продавцов зависимость от условий платформы становится серьёзным фактором риска. Если алгоритм выдачи, комиссия или правила участия в распродаже меняются, это напрямую влияет на продажи.

Именно поэтому государство постепенно переходит от наблюдения за быстрым ростом платформ к их регулированию. Минэкономразвития России в официальных материалах подчёркивает необходимость нормативного регулирования платформенной экономики и деятельности посреднических цифровых платформ [4]. Для темы потребительского спроса это принципиально: маркетплейс уже не просто цифровой канал торговли, а институционально значимая среда, в которой соединяются интересы покупателей, продавцов, логистических операторов, банковских сервисов, рекламных инструментов и государства. Чем больше повседневного спроса проходит через платформы, тем важнее становятся правила их работы.

Наиболее зрелую модель платформизации спроса демонстрирует Москва. В 2024 г. оборот розничной торговли в столице достиг 7,5 трлн руб. [5]. Объём онлайн-продаж в Москве в 2024 г. составил 1,5 трлн руб., а в 2025 г. – уже 1,9 трлн руб. [6]. Кроме того, Контрольно-счётная палата Москвы отмечала, что значительная доля розничных продаж осуществляется через интернет: этот показатель вырос с 9,1 % в 2021 г. до 18,4 % в 2024 г. [7]. В совокупности эти данные показывают, что интернет-торговля в столице уже не является второстепенным каналом. Она стала одним из устойчивых механизмов городской торговли.

В Москве маркетплейсы влияют на спрос иначе, чем в регионах с ограниченным торговым предложением. Здесь проблема покупателя чаще состоит не в отсутствии товара, а в экономии времени, удобстве сравнения и скорости получения заказа. Столичный потреби-

тель может выбрать офлайн-магазин, доставку из сети, сервис быстрой доставки или маркетплейс. Поэтому маркетплейс конкурирует не столько с дефицитом, сколько с другими форматами удобства. Его преимущество – в возможности быстро сопоставить десятки продавцов, увидеть отзывы, отфильтровать варианты по цене, сроку доставки, бренду, рейтингу и сразу оформить заказ.

Такой тип потребления делает спрос более динамичным. Покупка может возникать не после долгого планирования, а в момент столкновения с рекомендацией, подборкой, акцией или напоминанием. Если раньше человеку нужно было выделить время на поездку в магазин, то теперь часть решений принимается между другими повседневными делами. Это особенно заметно в крупных городах, где высокая занятость и плотный ритм жизни повышают ценность экономии времени. Для Москвы маркетплейсы становятся не столько «доступом к редкому товару», сколько способомстроить покупки в быстрый городской график.

При этом столичный рынок показывает и другую особенность: онлайн и офлайн всё чаще не противопоставляются, а соединяются. Покупатель может увидеть товар в магазине, затем заказать его дешевле на платформе; может выбрать вещь на маркетплейсе, а забрать её в пункте выдачи рядом с метро; может сравнить цены в интернете, но купить офлайн, если нужна немедленная покупка. Поэтому маркетплейсы не уничтожают традиционную розницу автоматически. Они перестраивают конкурентную среду, заставляя офлайн-магазины учитывать цифровую прозрачность цен, скорость доставки и привычку покупателей ориентироваться на отзывы.

Иркутская область представляет другую модель. По данным Иркутскстата, оборот розничной торговли региона за январь – декабрь 2024 г. составил 746,3 млрд руб., что в сопоставимых ценах выше уровня 2023 г. [8]. Масштаб рынка значительно меньше московского, но именно здесь влияние маркетплейсов приобретает особую социально-экономическую значимость. Для территорий, удалённых от крупнейших центров производства и распределения товаров, маркетплейсы становятся способом расширить ассортимент и снизить зависимость от локального предложения.

В традиционной торговле география всегда ограничивала потребительский выбор. Если определённый бренд, размер, модель или категория товара не представлены в местных магазинах, покупатель вынужден либо отказаться от покупки, либо искать сложные способы доставки. Маркетплейсы делают эту границу менее жёсткой. Для жителя Иркутской области становится доступным значительно больше товаров, чем может предложить ближайший торговый центр или районный магазин. Особенно это заметно в категориях, где важны разнообразие, сравнение и отзывы: одежда, обувь, товары для дома, техника, косметика, детские товары, спортивный инвентарь, товары для ремонта и хобби.

Одновременно маркетплейсы важны для местных производителей. В 2025 г. Ozon запустил витрину товаров «Сделано в Иркутской области», где было представлено более 4,7 тыс. наименований от местных производителей [9]. Также на Wildberries появилась региональная витрина Иркутской области [10]. Такие проекты показывают, что маркетплейсы работают не только как канал ввоза товаров в регион, но и как канал вывода региональной продукции на более широкий рынок. Местный производитель получает возможность быть видимым не только для покупателей своего города или области, но и для аудитории по всей стране.

В этом смысле Иркутская область интересна как пример двустороннего эффекта. С одной стороны, маркетплейсы расширяют выбор для регионального потребителя. С другой – они помогают региональному бизнесу встроиться в федеральный спрос. Однако этот процесс не происходит автоматически. Чтобы продавец мог эффективно работать на платформе, ему нужны упаковка, логистика, описание товара, фотографии, понимание алгоритмов, участие в акциях, работа с отзывами и возвратами. Поэтому региональные витрины и программы поддержки имеют значение не только как информационные проекты, но и как инструменты адаптации малого и среднего бизнеса к новым правилам торговли.

Логистика становится отдельным фактором потребительского спроса. На инвестиционном портале Иркутской области сообщалось о строительстве складского комплекса

Wildberries&Russ площадью 150 тыс. кв. м; в официальном сообщении подчёркивалось, что такой объект должен сократить сроки доставки и снизить логистические затраты предпринимателей [10]. Для покупателя это означает более быструю доставку и более стабильную доступность товаров. Для продавца – возможность хранить товары ближе к потребителю и уменьшать издержки. Следовательно, маркетплейсы формируют спрос не только через интерфейсы приложения, но и через материальную инфраструктуру: склады, сортировочные центры, пункты выдачи, транспортные маршруты.

При анализе Иркутской области важно не преувеличивать прямую измеримость эффекта. Официальные контрольные документы чаще рассматривают маркетплейсы не как самостоятельный рынок, а в смежных сюжетах – через поддержку малого и среднего предпринимательства, электронные торговые площадки и региональные меры развития бизнеса. Например, в аудите КСП Иркутской области по реализации мероприятий национального проекта МСП маркетплейсы упоминаются в сравнительном контексте мер поддержки субъектов Сибирского федерального округа, но этот материал не даёт полного показателя оборота маркетплейсов именно в Иркутской области [11]. Поэтому корректнее говорить не о точном объёме платформенного рынка региона, а о признаках его институционального и инфраструктурного развития.

Новосибирская область демонстрирует третью модель – платформизацию через логистический хаб. По данным Новосибирскстата, оборот розничной торговли области в 2024 г. составил 1082,4 млрд руб. [12]. Кроме того, Новосибирскстат указывает, что доля продаж через интернет в общем объёме оборота розничной торговли в 2024 г. достигла 12,7 % [13]. Эти данные показывают, что онлайн-канал занимает заметное место в региональной торговле, но особенность Новосибирской области заключается не только в потреблении. Регион важен как транспортный, складской и распределительный центр.

Фулфилмент-центр Ozon в Новосибирской области был заявлен как первый логистический центр компании в Сибирском федеральном округе и главный логистический хаб компании в регионе [15]. Это меняет смысл маркетплейсов для территории. В Москве платформы прежде всего ускоряют городской спрос. В Иркутской области они расширяют доступ и помогают преодолеть расстояние. В Новосибирской области они одновременно обслуживают местных покупателей, помогают продавцам и усиливают роль региона в межрегиональном товарном движении.

Развитие покупательской экосистемы в Новосибирской области подтверждает этот вывод. По официальным региональным материалам, 9 тыс. предпринимателей из Новосибирской области продают товары на Ozon [14]. За этой цифрой стоит важный процесс: маркетплейсы становятся не только местом покупки, но и каналом предпринимательства. Малый бизнес получает возможность тестировать спрос, выходить за пределы локального рынка, работать с федеральной аудиторией и использовать платформенную логистику. Но вместе с возможностями появляются и новые зависимости: от комиссии, рейтинга, складских правил, требований к карточкам товаров и рекламных инструментов внутри платформы.

Хабовая модель особенно важна для понимания того, почему маркетплейсы нельзя изучать только через поведение покупателей. Потребительский спрос зависит от того, насколько быстро товар доедет до пункта выдачи, есть ли он на ближайшем складе, сколько стоит доставка, может ли продавец поддерживать остатки, как организован возврат. Всё это находится за пределами обычной потребительской анкеты, но напрямую влияет на решение о покупке. Если доставка быстрая, пункт выдачи рядом, а возврат прост, покупатель легче принимает решение. Если товар идёт долго или сервис нестабилен, даже низкая цена может не сработать.

Сравнение трёх регионов показывает, что маркетплейсы создают разные эффекты в зависимости от исходной структуры рынка. В Москве они усиливают конкуренцию за время и внимание покупателя. Спрос становится быстрее, прозрачнее и более чувствительным к удобству. В Иркутской области платформы расширяют доступность товаров и дают локальным производителям дополнительный канал сбыта. В Новосибирской области маркетплейсы соединяют потребительский рынок с логистической функцией региона. Поэтому неправиль-

но оценивать их влияние только по одному показателю, например по объёму онлайн-продаж. Такой подход скрывает бы различия между зрелым мегаполисом, удалённым регионом и логистическим центром.

Общие тенденции при этом сохраняются во всех трёх случаях. Во-первых, покупатель становится более ценочувствительным. Он сравнивает предложения, ждёт акций, проверяет скидки и чаще принимает решение после просмотра нескольких вариантов. Во-вторых, повышается значение отзывов. Они становятся заменой личного опыта и частично выполняют функцию общественного контроля качества. В-третьих, пункт выдачи превращается в элемент повседневной инфраструктуры, почти такой же привычный, как магазин у дома или остановка транспорта. В-четвёртых, платформы меняют ожидания к скорости: если покупатель привык получать заказ быстро, он начинает переносить это ожидание и на другие форматы торговли.

Есть и риски. Спрос на маркетплейсах может становиться промо-зависимым: покупатель откладывает покупку до скидки, реагирует на таймеры, распродажи, персональные предложения, рекомендации. При этом доверие к распродажам ограничено, что видно по данным ФОМ [2]. Возникает парадокс: люди одновременно хотят скидок и сомневаются в их честности. Это усиливает рациональность потребителя, но делает рынок более напряжённым. Покупатель вынужден постоянно проверять цену, читать отзывы, искать признаки манипуляции и сравнивать предложения в нескольких каналах.

Другой риск связан с положением регионального бизнеса. Для производителя из Иркутской или Новосибирской области маркетплейс может стать возможностью роста, но не гарантией успеха. Платформа даёт доступ к аудитории, но требует компетенций: работы с карточкой товара, аналитикой, складом, продвижением, клиентскими отзывами. Малый бизнес получает шанс выйти на федеральный рынок, однако одновременно сталкивается с более жёсткой конкуренцией, где рядом с ним оказываются продавцы из других регионов и стран. Поэтому региональные витрины и программы обучения важны, но они должны сопровождаться реальной поддержкой в логистике, продвижении и понимании правил платформенной торговли.

Существует и статистическое ограничение. Официальная статистика хорошо показывает общий оборот розничной торговли, но не всегда позволяет точно разделить маркетплейсы от всей интернет-торговли. В одних источниках речь идёт об онлайн-продажах, в других – о доле интернет-продаж, в третьих – о логистических проектах или числе предпринимателей на конкретной платформе. Поэтому исследователь должен аккуратно работать с понятиями. Интернет-торговля, электронная коммерция и маркетплейсы связаны между собой, но не являются полностью одинаковыми явлениями. Если смешивать их без уточнений, выводы будут выглядеть убедительно, но методически неточно.

Тем не менее даже при этих ограничениях общая картина достаточно ясна. Маркетплейсы уже стали фактором, который влияет на потребительский спрос не только через цену и ассортимент, но и через инфраструктуру, доверие, алгоритмы, логистику и государственное регулирование. В Москве они отражают зрелость цифрового потребления и высокую плотность городской торговли. В Иркутской области – показывают, как цифровые платформы могут снижать региональную удалённость и расширять доступ к товарам. В Новосибирской области – демонстрируют связь между потреблением и логистической специализацией территории.

Таким образом, маркетплейсы не просто увеличивают объём онлайн-покупок. Они меняют саму архитектуру потребления: покупатель иначе ищет товар, иначе сравнивает предложения, иначе оценивает выгоду, иначе относится к доставке и отзывам. Для одних регионов это прежде всего вопрос удобства, для других – вопрос доступности, для третьих – вопрос экономической и логистической роли. Именно поэтому региональное сравнение позволяет увидеть более сложную картину, чем простая констатация роста интернет-торговли. Маркетплейсы стали новой средой формирования спроса, но эта среда по-разному проявляется в мегаполисе, удалённом регионе и сибирском логистическом хабе.

Итоговый вывод можно сформулировать следующим образом: влияние маркетплейсов на потребительский спрос в России имеет не универсальный, а регионально дифференцированный характер. Москва показывает модель ускорения и перераспределения уже крупного спроса. Иркутская область – модель расширения доступа и включения местных производителей в платформенную экономику. Новосибирская область – модель соединения спроса, предпринимательства и логистики. Поэтому дальнейшее изучение маркетплейсов должно учитывать не только федеральные показатели роста, но и региональные различия: уровень развития торговли, инфраструктуру доставки, число локальных продавцов, наличие складских объектов, поведение покупателей и степень зависимости бизнеса от платформ.

Литература

1. По маркетплейсам! Тренды онлайн-потребления – 2024 // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/po-marketpleisam-trendy-onlain-potreblenija-2024> (дата обращения: 12.05.2026).
2. Ноябрьские распродажи // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/TSennosti/15117> (дата обращения: 12.05.2026).
3. Глава ФАС назвал доминирующим положение Wildberries и Ozon на рынке // ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/24239> (дата обращения: 12.05.2026).
4. Материалы о регулировании платформенной экономики // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/zakonoproekt_o_regulirovanii_platfomennoy_ekonomiki_prinyat_gosdumoy_v_pervom_chtenii.html (дата обращения: 12.05.2026).
5. Данные об обороте розничной торговли Москвы в 2024 году // Правительство Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/150493073/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Данные об объеме онлайн-торговли Москвы в 2024 и 2025 годах // Правительство Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/167470073/> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Материалы мониторинга обеспечения продовольственной безопасности и торговли // Контрольно-счётная палата Москвы. URL: <https://ksp.mos.ru/activity/5390/> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Потребительский рынок Иркутской области в 2024 году // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Потребительский_%20рынок_в_%202024_%20году.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
9. Материалы о витрине Ozon «Сделано в Иркутской области» // Правительство Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/news/4127963/> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Материалы о региональной витрине Wildberries и строительстве складского комплекса Wildberries&Russ // Правительство Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/region/priority/4130393/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Отчёт по реализации мероприятий национального проекта МСП // Контрольно-счётная палата Иркутской области. URL: <http://irksp.ru/?p=19765> (дата обращения: 12.05.2026).
12. О розничной торговле в Новосибирской области в 2024 году // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_PRESS015_2025.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
13. Материал ко Дню работника торговли 2025 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <https://54.rosstat.gov.ru/news/document/264724> (дата обращения: 12.05.2026).
14. Данные о предпринимателях региона на Ozon // Министерство экономического развития Новосибирской области. URL: <https://econom.nso.ru/news/5292> (дата обращения: 12.05.2026).
15. Материалы о фулфилмент-центре Ozon в регионе // Правительство Новосибирской области. URL: <https://www.nso.ru/page/46560> (дата обращения: 12.05.2026).

ФЕНОМЕН «ДОМАШНИХ КОНДИТЕРСКИХ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: НЕФОРМАЛЬНЫЙ СЕКТОР КАК ФАКТОР РИСКА ИЛИ ПОДУШКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?²⁴

Анализируется двойственная природа домашних кондитерских в российских мегаполисах. Обосновывается, что, с одной стороны, они выступают значимым эпидемиологическим риском из-за отсутствия санитарного контроля, с другой – выполняют функцию неформальной «подушки» продовольственной безопасности, оперативно замещая официальный сектор в периоды экономических шоков. Сделан вывод, что запретительные меры неэффективны, а рациональной альтернативой является внедрение упрощенных добровольных стандартов для интеграции микропроизводств в правовое поле.

Ключевые слова: социальные сети, продовольственная безопасность, эпидемиологические риски, городская антропология, микропредприятия.

A. N. Khmyl

Irkutsk State University, Irkutsk

THE "HOME BAKERY" PHENOMENON ON SOCIAL MEDIA: INFORMAL SECTOR AS A RISK FACTOR OR A FOOD SECURITY CUSHION?

The article analyzes the dual nature of home-based pastry shops in Russian megacities. It argues that, on the one hand, they pose a significant epidemiological risk due to the lack of sanitary control, and on the other hand, they serve as an informal "food security cushion," quickly replacing the formal sector during periods of economic shocks. The article concludes that prohibitive measures are ineffective, and a rational alternative is to implement simplified voluntary standards to integrate micro-enterprises into the legal framework.

Keywords: social networks, food security, epidemiological risks, urban anthropology, and microenterprises.

В последние десятилетие российское сегментированное пространство социальных сетей в особенности визуально-ориентированные платформы, оказалось перенасыщено предложениями от так называемых «домашних кондитерских». В рамках современной экономической социологии и городской антропологии данный термин обозначает микропредприятия, которые функционируют вне правового поля официальной регистрации: без контрольно-кассовой техники, санитарных книжек и помещений, прошедших государственные проверки [1]. Типичный пример – кухня типовой квартиры в многоквартирном доме, где жилец изготавливает на заказ капкейки, чизкейки или многоярусные торты. Учитывая затяжной экономический спад, снижение реальных располагаемых доходов населения и непостоянность цен на продукты питания в сетевом ритейле. Данный формат превратился из маргинального хобби в полноценный структурный элемент системы продовольственного обеспечения мегаполисов. Однако суть заключается в двойственной природе этого явления. С одной стороны, неформальный сектор традиционно ассоциируется с множеством рисков (отсутствие гарантий безопасности сырья, нарушение температурных режимов хранения, налоговая эрозия), а с другой – в периоды внешних шоков и разрывов логистических цепочек именно «домашние кондитерские» оперативно заполняют нишу доступных десертов и базовой выпечки. Выполняя функцию амортизатора, т. е. неформальной «подушки» продовольственной безопасности на уровне локальных сообществ [1; 3].

Для начала необходимо обратиться к структурным предпосылкам роста данного сегмента, которые подробно разбираются в работах по неформальной экономике [1]. Согласно обобщенным данным, опубликованным в ряде отраслевых обзоров за последние пять лет. Подавляющее большинство инициаторов домашнего кондитерского дела составляют женщины в декретном отпуске, студенты дневных отделений, а также люди, чья официальная занятость по разным причинам оказалась недоступна или экономически невыгодна. Низкий порог входа на рынок – минимальный набор бытовой техники, форма для выпечки и доступ

²⁴ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

к интернету – создает иллюзию простого старта. Однако именно эта легкость порождает главный фактор риска. Судебная практика и отчёты Роспотребнадзора показывают: кишечные инфекции от кондитерских изделий чаще всего связаны с продукцией из домашних кухонь, а не из лицензированных цехов. Актуальность этой проблемы подтверждается и инцидентами в крупнейших мегаполисах. Например, в Москве в феврале 2025 г. два человека обратились за медицинской помощью после употребления домашней выпечки, в начинке которой были обнаружены посторонние предметы, напоминающие шарики ртuti. В обычной квартире сложно разделить сырые и готовые продукты. Температура хранения кремовых изделий (от +2 до +6 °C) в бытовом холодильнике постоянно сбивается из-за соседства с обычной едой. Нет журнала бракеража, медосмотров и контроля сроков годности сырья. Поэтому каждая партия домашнего торта или пирожного может быть опасной. Государство проверяет такие случаи, но только после жалоб. Деньги переводят на карты физлиц, доказательства собрать трудно. Эффективность надзора низкая. Домашние кондитерские – реальный риск для детей, пожилых и аллергиков. Но было бы неверно видеть в этом только нарушение санитарных норм. Во время ограничений 2020–2021 гг. многие официальные кафе закрылись. А домашние производители, наоборот, быстро подстроились. Объявления о свежих круассанах и эклерах из соседней квартиры стали появляться в районных чатах гораздо чаще. Так домашняя выпечка превратилась в способ прокормиться в обход крупных сетей. Конечно, продовольственная безопасность страны – это запасы зерна и консервов. Но если смотреть на уровень обычной семьи, то соседская выпечка помогает разнообразить питание. Когда в магазине резко дорожают масло или мука, домашний кондитер повышает цену медленнее. У него нет расходов на аренду, коммерческую коммуналку, зарплату персоналу и налоги. Поэтому его продукция остаётся доступной для людей с невысокими доходами. Так подушка продовольственной безопасности получает простое экономическое объяснение. Для значительной части горожан заказ десерта или хлеба в неформальной кондитерской становится не роскошью, а более экономным способом закрыть базовую потребность в калорийной и комфортной пище, нежели поход в сертифицированную кофейню. Важно подчеркнуть, что масштаб и соотношение рисков и выгод от домашних кондитерских значительно варьируются в зависимости от региона. Если для Москвы и Московской области характерна высокая плотность производителей и активный платёжеспособный спрос, что потенциально увеличивает оба аспекта феномена. Для Воронежской области подобная статистика и аналитика в открытых источниках практически отсутствуют. Можно предположить, что в регионах с более низкими доходами (как Воронежская область) «подушечная» функция (доступность еды) будет перевешивать фактор риска. Тогда как в столичном регионе на первый план выходят риски, связанные с анонимностью и высокой плотностью застройки. Дальнейшие исследования этого регионального аспекта представляются крайне необходимыми.

Однако оценивая соотношение между функцией амортизации и функцией риска, необходимо обратиться к психологии и поведенческой экономике. В многочисленных монографиях по пищевому поведению отмечается устойчивый когнитивный феномен: еда, приготовленная «как для себя» или для семьи, воспринимается обывателем как априори более полезная и безопасная, чем конвейерное промышленное производство [2]. Социальные сети в данном случае выступают мощным катализатором этой иллюзии. Фотографии «уютных» завтраков, «натуральных» ингредиентов без использования химических обозначений в составе (вроде «без пальмового масла» или «без консервантов») и возможность в любой момент написать производителю в мессенджер создают у заказчика ложное чувство контроля [2; 5]. Фактически парадокс заключается в том, что подушечная функция здесь имеет во многом символическую природу. Потребитель готов мириться с отсутствием официальной гарантии качества именно потому, что доступен прямой канал связи с исполнителем. Можно лично «пожаловаться» или сделать замечание, что психологически комфортнее, чем безличная система обратной связи крупного супермаркета. Этот социальный капитал доверия, построенный на репутации внутри локального онлайн-сообщества [5]. Отчасти компенсирует отсутствие формальных сертификатов. Но, как показывают описания реальных случаев

отравлений в региональных СМИ, это доверие хрупкое. Громкий инцидент способен подорвать репутацию целого микрорайона. Однако со временем спрос восстанавливается, что свидетельствует о неискоренимости потребности в таком формате.

В конечном счете, синтезируя имеющиеся в научной литературе подходы, приходится признать, что феномен домашних кондитерских одновременно выступает и как фактор риска и как неформальная подушка продовольственной безопасности. В работах по институциональной экономике это противоречие объясняется феноменом «институциональной недостаточности». Государственные механизмы контроля плохо приспособлены к точечным микропроизводствам, рассредоточенным по жилому фонду [5]. С одной стороны, в повседневной рутине именно отсутствие прозрачности делает эту подушку «дырявой». Пациенты инфекционных отделений в городских больницах время от времени оказываются жертвами именно домашних десертов, о чем свидетельствуют эпидемиологические отчеты [3]. С другой стороны, в критических ситуациях (например, при ажиотажном спросе на базовые продукты или локальных сбоях поставок) этот сектор демонстрирует удивительную результативность. В реальной жизни можно наблюдать, как в предпраздничные дни, когда официальные кондитерские расписывают заказы за две-три недели, домашние производители берут на себя избыточный пиковый спрос. Обеспечивая население ритуальными десертами (свадебными и юбилейными тортами) в сжатые сроки. Более того, в ситуации дефицита отдельных видов сырья в розничных сетях, например, определенных сортов сливок или глазури, перетёк запасов нередко осуществляется именно через сообщества домашних кондитеров [5], которые, закупая продукты оптом или впрок, перераспределяют их в виде готовых изделий.

В заключении, несмотря на очевидные эпидемиологические риски, запретительная политика и попытки тотального подавления неформального сегмента не приносят ожидаемого эффекта [1]. Что подтверждается как историческим опытом борьбы с теневой экономикой, так и современными наблюдениями за социальными сетями. Как пишут авторы работ по продовольственному регулированию, покупатель в спальном районе едва ли откажется от заказа домашнего чизкейка в пользу официального, если официальная цена в два раза выше, а доставка длится втрое дольше. Следовательно, единственным рациональным путем, обсуждаемым сегодня в академических кругах, является не ужесточение репрессивных мер, а разработка механизмов добровольной интеграции. Предлагается создание упрощенного санитарно-гигиенического стандарта для домашних производств (так называемый «микросертификат»). Он включает обязательства по раздельному хранению, ведению минимального учета и сдаче анализов персоналом при минимальной административной нагрузке. Только когда такая неформальная «подушка» получит правовое признание и базовый уровень контроля, она перестанет быть фактором хронического риска. Превращаясь из стихийного явления в управляемый элемент локальной продовольственной устойчивости.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.
2. Кочеткова Е. А. Пищевое поведение в цифровую эпоху: социальные сети и практики потребления // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 92–101.
3. Шевелева С. А. Микробиологические риски при производстве пищевой продукции в не бытовых условиях // Вопросы питания. 2020. Т. 89, № 2. С. 44–51.
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон № 52-ФЗ : принят Гос. Думой 30 марта 1999 г. : одобрен Советом Федерации 31 марта 1999 г.). М. : Кодекс, 2020. 95 с.
5. Сообщество домашних кондитеров России. URL: <https://homebaked.ru/forum/> (дата обращения: 01.05.2026).

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ДИЗАЙНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ²⁵

Отмечено, что в условиях усиливающегося экологического кризиса и роста общественного запроса на устойчивое потребление промышленный дизайн перестаёт быть исключительно эстетической и функциональной практикой, приобретая выраженное экологическое измерение. Обосновано, что современные маркетинговые коммуникации всё чаще интегрируют принципы экологичности в визуальные и продуктовые стратегии брендов, что напрямую влияет на формирование потребительского выбора и доверия. При этом недостаточная разработанность социологического анализа взаимосвязи экологичного промышленного дизайна и коммуникационных практик бизнеса делает данную тему особенно значимой для академического рассмотрения.

Ключевые слова: экологичный промышленный дизайн, устойчивое развитие, маркетинговые коммуникации, потребительское поведение, экологическая ответственность, брендинг.

G. P. Gorbunov

Irkutsk State University, Irkutsk

ECO-FRIENDLINESS OF INDUSTRIAL DESIGN AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF MODERN MARKETING COMMUNICATIONS

In the context of an escalating environmental crisis and a growing public demand for sustainable consumption, industrial design is no longer limited to aesthetic and functional practice, increasingly acquiring a pronounced ecological dimension. Modern marketing communications more and more often integrate principles of eco-friendliness into the visual and product strategies of brands, which directly influences the formation of consumer choice and trust. At the same time, the insufficient development of sociological analysis of the relationship between eco-friendly industrial design and business communication practices makes this topic particularly significant for academic study.

Keywords: eco-friendly industrial design, sustainable development, marketing communications, consumer behavior, environmental responsibility, branding.

Промышленный дизайн давно перестал быть чисто утилитарным направлением – он становится важной частью общения бренда с потребителем. Дизайн товаров во многом формирует потребительские предпочтения: продукты проектируются не только для выполнения функций, но и оказывают влияние на психофизическое состояние человека, на его вкусы, мировоззрение, эстетические и даже этические идеалы. В этой связи экологичность промышленного дизайна – т. е. ориентация на минимизацию вреда окружающей среде в процессе разработки и производства изделий – становится не просто «модной темой», а реальным фактором конкурентоспособности. Современные потребители требуют от компаний больше, чем раньше: по данным Nielsen, уже свыше 80 % людей по всему миру хотят, чтобы бизнес проявлял большую экологическую ответственность. Социальные запросы и растущая экологическая грамотность заставляют дизайнеров и маркетологов находить новые подходы – и именно эко-дизайн продукции лежит в основе современных маркетинговых коммуникаций [3].

Под устойчивым (или экологичным) дизайном понимают проектирование объектов, при котором минимизируется негативное воздействие изделий на окружающую среду на всех этапах их жизненного цикла. Современная социология определяет устойчивый дизайн как направление, «характеризующееся минимизацией воздействия изделий/продуктов дизайна на окружающую среду на всех стадиях дизайнерской деятельности». Связанный с ним термин эко-дизайн обычно означает то же самое: ключевым принципом является защита природы на всём жизненном цикле продукта (от добычи сырья до утилизации). Это направление отвечает на принцип экологии, формулируемый ещё с 1960-х гг., – сохранить природу параллельно с развитием производства. Однако традиционный промышленный дизайн,

²⁵ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

сформировавшийся в эпоху массового потребления, часто игнорирует эти противоречия: классический дизайн «не готов к решению противоречий, связанных с проблемой сохранения экономического роста и увеличивающейся при этом нагрузкой на окружающую среду». Ситуация требует смены парадигмы: «устойчивый дизайн становится важным элементом системы устойчивого развития» и воплощает новые концепции безотходного производства и циркулярной экономики [1].

Экологические принципы проникли в промышленный дизайн самых разных отраслей. Социологи отмечают, что практики «зелёного» проектирования активно применяются в предметном и промышленном дизайне: в их числе концепция «от колыбели до колыбели» (cradle-to-cradle) Браунгарта и МакДонуха, предполагающая создание системы производства, снижающей токсичные выбросы и уменьшающей объём отходов. При этом в тренде упор на треугольник «3R» – сокращение (reduce), повторное использование (reuse) и переработка (recycle) материалов. Например, в практической плоскости появляются кресла из переработанных бутылок или смартфоны с корпусами из вторичного алюминия (в рамках новых регламентов ЕС по экодизайну) [4]. Экодизайн ставит во главу угла удовлетворение потребностей людей при сохранении экологического баланса, и это находит отражение в новых стандартах упаковки, материалов и форм продуктов. Одновременно сами по себе экологичные решения в изделиях начинают коммуникационно акцентироваться – понятно, что переработанная упаковка, биоразлагаемый пластик или энергосберегающий модуль становятся частью имиджа товара.

Сдвиг потребительского поведения, в свою очередь, диктует задачи маркетологам. Социологические опросы показывают, что забота об экологии входит в число приоритетов покупателей: еще в 1992 г. более 80 % респондентов в разных странах указывали экологические проблемы как важные. Современные исследования лишь подтверждают этот тренд. По данным PwC (2024), почти 85 % потребителей уже ощущают на себе последствия климатических изменений и всё активнее выбирают устойчивое потребление. Не удивительно, что более 80 % покупателей заявляют готовность платить больше за товары, произведённые по экологичным стандартам (хотя фактически средняя надбавка в развитых странах оценивается примерно в 9–10 %) [8]. В сегменте молодёжи эти запросы особенно выражены – уже около 70 % пользователей поколения Z учитывают экологичность бренда при покупке. Во многих исследованиях отмечается: спрос на эко-товары и биоразлагаемые продукты стабильно растёт, а компании, инвестирующие в «зелёные» технологии, часто получают и реальные экономические дивиденды. Например, в 2000–2005 гг. в России более половины респондентов были готовы переплачивать за экологичные изделия, а мировой рынок «чистой» продукции к 2015 г. оценивался в триллионы долларов. Задача маркетинга – довести эту информацию до сознания целевой аудитории: покупатель хочет видеть подтверждение заявленных экологических характеристик (пресертификация углеродного следа, наличие переработанных материалов в конструкции, биоразлагаемую упаковку) и положительно реагирует на такие атрибуты.

Таким образом, маркетинговые коммуникации строятся вокруг этих экологических историй. Продукт с «зелёной» меткой легче завоевывает доверие: люди охотно следят за брендами, которые подчёркивают низкий углеродный след или дополняют дизайн информацией об устойчивом происхождении материалов. Тренд устойчивого маркетинга наглядно проявляется во всём комплексе коммуникаций – от рекламы и PR до digital-акций. К примеру, в социальных сетях активно продвигаются новшества «умного дизайна»: почти половина покупателей уже приобретают товары прямо через соцсети, а две трети узнают о новых брендах через влиятельных блогеров и посты с экологическим контентом. Рост экотренда также стимулирует выпуск рассказов в СМИ и рекламных роликов о переработке, походах на вторичное сырьё, отказе от «одноразовой пластмассы». Даже ретейл «старой формации» меняет кампании: как сообщали Perfect Raise и Direkt Ink, современные упаковки стремятся к минимализму, и этому свойству уделяется ключевое внимание в презентациях продукции.

В России и в мире появляются примеры, когда экологичный промышленный дизайн становится частью УТП. Так, многие мебельные бренды акцентируют внимание на нату-

ральных материалах и безотходном производстве, а автоиндустрия разрабатывает корпуса из переработанных пластмасс или вторичного алюминия. Крупные международные компании (например, H&M, Nike, Unilever) уже доказали, что эко-инициативы улучшают восприятие бренда и приносят лояльность клиентов. К тому же государственные регламенты – такие как Европейский регламент по экологическому дизайну (ESPR) – формируют общие стандарты, заставляя производителей пересмотреть линейки и коммуникационные послания. Российскому бизнесу это тоже выгодно: упоминание эко-атрибутов укрепляет репутацию и открывает доступ к государственным «зелёным» программам поддержки [5].

Таким образом, экологичность промышленного дизайна оказывается не только социально значимой, но и экономически оправданной стратегией. Она даёт новые темы для диалога с потребителем и фактически становится частью современного маркетингового языка. Научные исследования последних лет подтверждают эту тенденцию: устойчивый дизайн и связанные с ним принципы «зелёного маркетинга» всё более прочно вплетаются в стратегии продвижения. Устойчивый дизайн становится «условием перехода к практике... дизайна как индустрии». Одновременно социальные исследования показывают, что интерес потребителей к экологичным товарам растёт и требует адекватного отклика со стороны коммуникаций [6].

Таким образом, экологичность промышленного дизайна выступает «движущей силой» современных маркетинговых коммуникаций. Выводы традиционных и новых исследований говорят о том, что промо-материалы, реклама и PR всё чаще делают акцент на переработке, ресурсосбережении и безопасности продуктов. Именно эти аспекты позволяют брендам эффективно взаимодействовать с сознательным потребителем и выделяться на фоне конкурентов. В конечном счёте эко-дизайн демонстрирует, как гармонизация производства с природой даёт дополнительные коммуникационные возможности – и это становится одним из ключевых факторов развития маркетинга сегодня.

Литература

1. Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
3. Моллаев М. Современный цифровой маркетинг // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 53–56.
4. Спиридонова Г. В., Мрочко В. Л. Цифровой маркетинг и специфика его применения в B2B-секторе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1. С. 93–103.
5. Колокольцева Т. Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4. С. 13–17.
6. Морозова О. Н. Особенности интернет-коммуникации: определение и свойства // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 5. С. 150–158.
7. Торгунакова Е. В., Торгунаков Е. А. Разработка и эффективное использование комплекса маркетинговых коммуникаций // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 3. С. 281–288.
8. Шарипова В. А., Елинсон М. А., Исакова О. С. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 210–214.
9. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект : сб. ст. / ред. Н. А. Андрамонова. Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2004. С. 63–67.
10. Вдовина М. В. Проблемы развития цифрового взаимодействия // Горизонты гуманитарного знания. 2021. № 4. С. 71–85.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ
В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ РЫНКА ТРУДА²⁶**

Рассматриваются профессионально-образовательные стратегии российской молодежи в условиях трансформирующегося рынка труда. На основе анализа экспертных оценок и результатов авторского массового опроса исследуются внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование и реализацию данных стратегий, а также выявляются основные тенденции изменения положения молодежи на рынке труда.

Ключевые слова: молодежь, профессионально-образовательные стратегии, рынок труда, внешние факторы, внутренние факторы, трудоустройство.

D. V. Khomenko

Irkutsk State University, Irkutsk

**VOCATIONAL AND EDUCATIONAL STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH:
THE INFLUENCE OF EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS
IN A CHANGING LABOR MARKET**

This article examines the vocational and educational strategies of Russian youth in a transforming labor market. Based on the analysis of expert assessments and the results of the author's mass survey, the article explores the external and internal factors that influence the formation and implementation of these strategies, and identifies the main trends in the changing position of young people in the labor market.

Keywords: youth, vocational and educational strategies, labor market, external factors, internal factors, employment.

Современный рынок труда демонстрирует беспрецедентную динамику: трансформация индустриальных укладов, цифровизация экономики, геополитические изменения и социально-экономические последствия формируют новый ландшафт занятости. В этих условиях российская молодежь оказывается на пересечении двух сложных систем – стремительно меняющейся среды профессиональных требований и внутренней ценностной нестабильности, свойственной периоду взросления. Выбор профессионально-образовательной траектории сегодня перестал быть линейным актом «школа – вуз – работа на всю жизнь». Он превратился в многовариантную стратегию управления неопределенностью, где молодой человек вынужден одновременно просчитывать риски (внешние факторы) и прислушиваться к собственным ресурсам и ограничениям (внутренние факторы).

Традиционные модели профориентации, основанные на стабильных профессиональных картах, не работают в ситуации, когда профессия может устареть быстрее, чем завершится обучение. Молодежь ищет ответы на вопросы: «Где окажется востребованным мой диплом через 4–5 лет?», «Стоит ли инвестировать в долгое образование или выбрать краткосрочные курсы?», «Какую роль играют личные качества, когда рынок меняется каждые полгода?»

Цель данной статьи – выявить взаимосвязь между внешними и внутренними факторами, формирующими современные профессионально-образовательные стратегии российской молодежи. Понимание динамики необходимо для академической социологии, для практиков – от разработчиков образовательных стандартов до HR-специалистов и самих молодых людей, строящих свою карьеру в эпоху турбулентности.

Автором был проведен массовый опрос. Была подтверждена актуальность данной работы. В настоящее время наблюдается период кардинальной социокультурной трансформации российского общества, который оказывает влияние на все, без исключения, сферы жизнедеятельности, в том числе и на профессионально-образовательные стратегии молодежи.

²⁶ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

Особую важность на современном этапе приобретает проведение оценки этого влияния на молодежь, так как именно она служит фундаментом для формирования устойчивого общества и кадрового потенциала страны.

Финансовая нестабильность (46,1 %) и недостаток материальных ресурсов оказывают самое сильное негативное влияние на реализацию профессионально-образовательных стратегий молодежи. Это может быть связано с низкими заработными платами, проблемами с трудоустройством, высокими ценами на жильё, а также с недостаточной государственной поддержкой.

Респонденты отмечают, что среди внутренних факторов, влияющих на реализацию профессионально-образовательных стратегий, наиболее значимыми являются способности и склонности к определенным видам деятельности (36,0 %), желание самореализоваться (31,0 %), а также боязнь ошибиться с выбором профессии (30,3 %) и стремление к профессиональной стабильности (30,3 %). Личные интересы и увлечения отметили 27,3 % опрошенных. Психологическая готовность к конкуренции на рынке труда оказалась наименее значимым внутренним фактором (12,7 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что внутренняя мотивация молодежи сочетает как самореализационные устремления, так и защитные стратегии, направленные на минимизацию рисков (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С какими внутренними вызовами сталкивается молодежь при реализации профессионально-образовательных стратегий?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %	Доля респондентов, %
1	Личные интересы и увлечения	82	16,0	27,3
2	Способности и склонности к определённым видам деятельности	108	21,1	36,0
3	Желание самореализоваться	93	18,1	31,0
4	Боязнь ошибиться с выбором профессии	91	17,7	30,3
5	Стремление к профессиональной стабильности	91	17,7	30,3
6	Психологическая готовность к конкуренции на ранке труда	38	7,4	12,7
7	Затрудняюсь ответить	8	1,6	2,7
8	Другое (в том числе: трудоустройство, стабильность)	2	0,4	0,7
	Всего	513	100,0	171,0

По мнению опрошенных, внешние факторы играют существенную роль в выборе профессии и образования. Наиболее значимыми оказались: возможность последующего трудоустройства (37,6 %), наличие бюджетных мест в вузах (36,6 %), уровень заработной платы в профессии (32,2 %) и престиж профессии в обществе (32,5 %). Востребованность профессии в условиях автоматизации и ИИ отметили 24,4 % респондентов. Таким образом, молодежь ориентируется прежде всего на текущую конъюнктуру рынка, а не на долгосрочные технологические тренды (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие внешние факторы в наибольшей степени влияют на выбор молодежью профессии и образования?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, %	Доля респондентов, %
1	Уровень заработной платы в профессии	98	19,7	32,2
2	Престиж профессии в обществе	96	19,3	32,5
3	Наличие бюджетных мест в вузах	108	21,7	36,6
4	Возможность последующего трудоустройства	111	22,3	37,6
5	Востребованность профессии в условиях автоматизации и ИИ	72	14,5	24,4
6	Затрудняюсь ответить	10	2,0	3,4
7	Другое (в том числе: трудоустройство, свободный график)	2	0,4	0,7
	Всего	497	100,0	167,4

Оценка молодежью собственного положения на рынке труда является неоднозначной. На вопрос «Изменилось ли положение молодежи на рынке труда?» 34,3 % респондентов ответили «Да, изменилось», 21,7 % – «Скорее да, чем нет», 23,4 % – «Скорее нет, чем да», 14,3 % – «Нет, не изменилось», 6,3 % затруднились с ответом. Таким образом, более половины опрошенных (56,0 %) фиксируют изменения, преимущественно позитивные, значительная доля (37,7 %) не видит существенных изменений или оценивает их негативно. Это свидетельствует о фрагментации восприятия рынка труда в молодежной среде (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Изменилось ли положение молодежи на рынке труда?»,
в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, %
1	Да, изменилось	103	34,3
2	Скорее да, чем нет	65	21,7
3	Скорее нет, чем да	70	23,4
4	Нет, не изменилось	43	14,3
5	Затрудняюсь ответить	19	6,3
	Всего	300	100,0

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что профессионально-образовательные стратегии современной российской молодежи формируются под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. К основным внутренним факторам респонденты относят способности, желание самореализации, а также боязнь ошибки и стремление к стабильности. Среди внешних факторов доминируют прагматические критерии: возможность трудоустройства, наличие бюджетных мест, уровень зарплаты и престиж профессии. При этом оценка собственного положения на рынке труда у молодежи неоднородна: чуть более половины отмечают позитивные изменения, тогда как более трети не видят улучшений.

Для успешной реализации профессионально-образовательных стратегий молодежи необходимо создать комплексную систему поддержки, направленную на повышение финансовой стабильности, расширение возможностей для профессионального роста, улучшение жилищных условий и совершенствование государственной политики с учетом мнения самой молодежи. Важно обеспечить адресность и эффективность мер поддержки, чтобы молодые люди могли в полной мере реализовать свой потенциал и внести вклад в социально-экономическое развитие страны. Без целенаправленной и эффективной поддержки молодежи невозможно обеспечить устойчивое развитие и процветание России в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Азизова Н. Н. Социальный статус молодой семьи в условиях современной России. Саранск, 2022. 20 с.
2. Акунина Ю. А., Ванина О. В. Технология личного брендинга в процессе подготовки современных специалистов социально-культурной сферы // Приоритеты социально-культурного образования в условиях модернизации российского общества : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию факультета соц.-культур. деятельности, 28 окт. 2009 г., Москва / науч. ред. Н. Н. Ярошенко, Г. Н. Новикова, Е. В. Чижикова. М. : МГУКИ, 2009. С. 129–136.
3. Деметьева И. Ф. Первые годы брака: проблемы становления молодой семьи. М., 1991.
4. Райгородский Д. Я. Психология семьи: учебное пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. Самара : БАХРАХ-М, 2020. 752 с.
5. Резник Т. Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности // Личность. Культура. Общество. 2000. № 2. С. 40–59.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ СОХРАНЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ И ЭКСПЕРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ²⁷

Рассматриваются концепты сохранения репродуктивного поведения населения России в условиях демографического кризиса. Анализируются ограничения существующей государственной политики и обосновывается необходимость внедрения цифровых и экспертных технологий как инструментов адресного воздействия на рождаемость.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, демографическая политика, рождаемость, цифровые технологии, вспомогательные репродуктивные технологии, репродуктивное здоровье.

A. V. Shatokhina

Irkutsk State University, Irkutsk

CONTEMPORARY CONCEPTS FOR PRESERVING REPRODUCTIVE BEHAVIOR AMONG THE RUSSIAN POPULATION: ON THE NEED TO IMPLEMENT DIGITAL AND EXPERT TECHNOLOGIES

This article examines concepts for preserving reproductive behavior among the Russian population in the context of a demographic crisis. It analyzes the limitations of existing state policy and justifies the need to introduce digital and expert technologies as tools for targeted influence on fertility.

Keywords: reproductive behavior, demographic policy, fertility, digital technologies, assisted reproductive technologies, reproductive health.

Демографическая ситуация в современной России остаётся одной из наиболее острых социальных проблем. По данным Росстата, показатель рождаемости на 1000 чел. населения по состоянию на июнь 2023 г. составил 8,50 – это на 2,3 % ниже аналогичного периода предыдущего года; устойчивое снижение не прерывается с 2016 г. и за этот период составило около 35 % [1].

Репродуктивное поведение как социологический феномен охватывает установки, мотивы и практики, связанные с принятием решений о деторождении. Это не только медицинский или демографический вопрос. В него вплетены социально-экономические условия, ценностные ориентиры семьи, институциональная среда [3]. Государственная политика в данной сфере долгое время строилась преимущественно на финансовых стимулах: материнский капитал, единовременные пособия, льготная ипотека. Всплеск рождаемости в 2007–2015 гг. был зафиксирован, но устойчивым он не оказался.

О. Н. Калачикова и А. В. Короленко в исследовании 2018 г., проведённом на материалах мониторинга репродуктивного потенциала Вологодской области, выявили, что matrimoniaльные установки по-прежнему выступают значимым фактором принятия решений о деторождении даже в условиях трансформации брачного института [4]. Авторы применили метод «деревя» принятия решений и показали: вероятность реализации репродуктивных намерений у состоящих в незарегистрированном браке существенно ниже, чем у официально женатых. Это эмпирически верифицированный результат, а не умозрительный вывод.

Снижение рождаемости в России имеет многофакторную природу. С медицинской точки зрения ключевую роль играет ухудшение репродуктивного здоровья населения: рост бесплодия, снижение репродуктивной функции у мужчин и женщин практически во всех возрастных группах. По некоторым оценкам, женщин репродуктивного возраста в России насчитывается около 38,8 млн чел., однако среди них фиксируется устойчивое ухудшение репродуктивного здоровья [5].

²⁷ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

Отдельного внимания заслуживает тренд на откладывание деторождения. Средний возраст матери при рождении первого ребёнка в России неуклонно растёт: по данным Росстата, с начала 1990-х до середины 2010-х гг. он увеличился примерно на 3–4 года. Это означает, что в системе репродуктивных установок всё большую роль играют образовательные и карьерные мотивы, связанные с «отложенным материнством». Данный феномен характерен для всего постсоветского пространства и в целом для урбанизированных обществ с высоким уровнем женской занятости. Вместе с тем откладывание деторождения объективно сужает репродуктивный потенциал женщины, что делает вопрос медицинской и технологической поддержки деторождения всё более острым.

Цифровизация открывает принципиально новые возможности для мониторинга, сопровождения и стимулирования репродуктивного поведения. Условно можно выделить несколько направлений их применения. Первое – диагностическое: телемедицина, мобильные приложения для отслеживания репродуктивного здоровья, цифровые платформы для ранней диагностики бесплодия. Второе – информационное: онлайн-платформы для консультирования по вопросам планирования семьи, просвещения в области контрацепции и репродуктивного выбора. Третье – административное: цифровые реестры, агрегирующие данные о репродуктивном здоровье на региональном уровне, и аналитические системы для оценки эффективности демографической политики.

Показательным примером является пилотный проект, запущенный с 1 сентября 2023 г. в Новгородской, Пензенской и Тамбовской областях. Он предусматривает межведомственное взаимодействие по выработке комплекса мер поддержки рождаемости, включая создание благоприятной среды для семей с детьми [1]. При этом важно, что проект имеет элементы мониторинга эффективности – т. е. заложен механизм обратной связи, позволяющий корректировать меры в режиме реального времени. Это, собственно, и есть элемент цифровой управленческой логики, хотя полноценного цифрового сопровождения пилот пока не предполагает.

Однако цифровизация репродуктивной сферы имеет ряд ограничений. Одно из них связано с цифровым неравенством. Жители сельских территорий и малых городов не всегда имеют доступ к цифровым сервисам и необходимой инфраструктуре. Ещё одна проблема касается защиты персональных данных. Информация о репродуктивном здоровье относится к особо чувствительным сведениям, поэтому её сбор и обработка требуют особой осторожности. Кроме того, существует психологический барьер. Некоторые люди воспринимают цифровое сопровождение вопросов рождения детей как вмешательство государства в личную жизнь.

Под экспертными технологиями в данном случае можно понимать систему профессиональной помощи, которая включает медицинское, психологическое и социальное сопровождение человека на разных этапах репродуктивного пути. Речь идёт о диагностике фертильности, подготовке к беременности, наблюдении во время неё и поддержке после родов. Такой подход не должен рассматриваться как патернализм. Его цель состоит в том, чтобы дать человеку больше информации и возможностей для осознанного выбора.

Важное место в этой системе занимают вспомогательные репродуктивные технологии, включая ЭКО, ИКСИ и донорство гамет. Сегодня они применяются всё шире, однако их использование продолжает вызывать общественные споры [5].

Таким образом, поддержка репродуктивного поведения в России требует комплексного подхода. Демографическая политика должна сочетать разные меры. Цифровые и экспертные технологии не должны заменять традиционные инструменты. Их задача – дополнять эти меры и делать поддержку более доступной. Для развития такого подхода нужны новые исследования. Также важно внедрять подобные решения в регионах и среди разных социальных групп.

Литература

1. Актуальные решения по поддержке рождаемости: семейная политика // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/149964/> (дата обращения: 06.05.2026).
2. Сакевич В. И., Денисов Б. П., Ривкин-Фиш М. Непоследовательная политика в области контроля рождаемости и динамика уровня аборт в России // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 461–476.
3. Архангельский В. Н. и др. Рождаемость и репродуктивное поведение // Государственное управление и устойчивое развитие. М.: Изд-во МГОУ, 2019.
4. Калачикова О. Н., Короленко А. В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 109–121.
5. Богомягкова Е. С., Ломоносова М. В. Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства // ЖССА. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vspomogatelnye-reproduktivnye-tehnologii-k-voprosu-o-novyh-formah-sotsialnogo-neravenstva> (дата обращения: 06.05.2026).

УДК 316.772.4

Ю. Ш. Габдулхакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК²⁸

Рассматриваются процессы формирования молодежной культуры в Иркутской области под влиянием государственной языковой и культурной политики, а также цифровизации. Особое внимание уделяется молодежному сленгу как маркеру идентичности и основания для типологизации молодежного сообщества. На основе эмпирических данных выделяются характеристики молодого поколения.

Ключевые слова: молодежная культура, молодежный сленг, цифровизация, межпоколенческая коммуникация, Иркутская область.

Yu. Sh. Gabdulkhakova

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF YOUTH CULTURES IN THE IRKUTSK REGION: THE ROLE OF LANGUAGE PRACTICES

The article examines the processes of formation of youth culture in the Irkutsk region under the influence of state language and cultural policy, as well as digitalization. Special attention is paid to youth slang as a key marker of identity and a basis for the typologization of youth communities. Based on empirical data, the types of youth associations are distinguished, differing in dominant cultural practices.

Keywords: youth culture, youth slang, digitalization, intergenerational communication, Irkutsk region.

Развитие молодежных культур в Иркутской области представляет собой сложный процесс, определенный взаимодействием глобальных тенденций, региональной специфики и целенаправленной государственной политики. Анализ данного процесса позволяет выявить устойчивые типы культурных практик и сообществ, формирующихся в молодежной среде. Государственная политика в сфере культуры, национальных отношений и языковой нормы создает институциональные рамки для его развития. Так, в рамках реализации государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Иркутской области» на 2019–2025 гг., в 2023 г. проводился мониторинг охвата школьников мероприятиями, ориентированными на сохранение языкового многообразия и знаний о национальной культуре, а также учитывалось количество социологических исследований в данной сфере [4]. В свою очередь, это имеет отношение к культуре языка, существующей непосредственно в коммуникативной составляющей.

²⁸ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

Параллельно на федеральном уровне осуществляется работа по укреплению статуса русского литературного языка как государственного. Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 1102-р утверждает список нормативных словарей, справочников и грамматик, размещаемых в открытом доступе в Национальном словарном фонде [1]. Это политика по поддержке языковой нормы существует во взаимодействии с реальными языковыми практиками молодежи, для которых характерно использование сленга и конструирование собственных коммуникативных кодов.

Также можно сказать о влиянии на молодежный досуг, оказываемый проектом государственной программы Иркутской области «Развитие культуры» на 2024–2030 годы» [4]. Ключевым мероприятием программы является создание виртуальных концертных залов на базе организации культуры для трансляции культурных событий. Эта цифровизация культурного пространства способствует расширению доступа молодежи к культурному контенту, в том числе из удаленных территорий, создает техническую основу для формирования и функционирования виртуальных сообществ по интересам. Именно развитие цифровых технологий и распространение интернет-коммуникации формируют новую социокультурную реальность [2]. В цифровом обществе блогосфера также меняет все традиционные представления о процессах социализации молодого поколения. Через блогосферу молодежь быстрее входит во взрослую жизнь, опережая старшее поколение в адаптации к цифровой среде, что видоизменяет межпоколенческую коммуникацию. Меняются и способы передачи культурных норм: в процессе социализации молодые люди ориентируются не столько на опыт предыдущих поколений и традиционные институты, сколько на мнение блогеров [3].

Стоит отметить, что сленг играет ключевую роль в молодежной культуре и цифровой коммуникации, как подтвердили данные собственного исследования. Как показало распределение ответов на вопрос «Можно ли назвать употребление молодежного сленга одной из ключевых характеристик культуры молодого поколения?», положительное отношение к признанию сленга ключевой характеристикой демонстрирует абсолютное большинство респондентов: по 41,2 % ответили «Да, можно» и «Скорее да, чем нет», и лишь 4,4 % выбрали вариант «Нет, нельзя». Это свидетельствует о широком признании сленга в качестве значимого культурного маркера внутри самой молодежной среды. Среди функций молодежного сленга абсолютное большинство респондентов (51,5 %) считают доминирующей эмоционально-экспрессивную функцию; также отмечаются идентификационная (14,7 %), оценочная (8,8 %) и дифференцирующая (8,8 %). При ответе на вопрос «Почему молодежный сленг следует рассматривать ключевой характеристикой культуры молодого поколения?» 26,7 % ответов указали на последствия цифровизации, 25,0 % – на сленг как маркер идентичности, 18,3 % – как ответ на темп жизни, 12,5 % – как инструмент солидарности и протеста. Подтверждая роль сленга как способа самовыражения в группах, 66,7 % опрошенных выбрали варианты «Да, напрямую выполняет эту задачу» (29,4 %) и «Скорее да, чем нет» (36,8 %), тогда как лишь 5,9 % посчитали его простым подражанием моде.

Таким образом, молодежная культура Иркутской области формируется под влиянием государственной языковой и культурной политики, а также цифровизации. Языковые практики, развивающиеся на пересечении государственной политики, цифровой среды и потребностей самовыражения молодежи, во многом определяют облик современной молодежной культуры.

Литература

1. Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 30.04.2025 № 1102-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/158922/> (дата обращения: 29.04.2026).
2. Габдулхакова Ю. Ш. Молодежный сленг и его социокультурная доминанта // Рубинштеневские чтения : материалы научно-практической конференции STUDIUM-XIV, Иркутск, 20 ноября 2025 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. С. 163–165.
3. Грабельных Т. И., Багрий Е. И., Мохрякова Е. А. Трансформация пространств самопрезентации молодежи в цифровом обществе // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 16–20.
4. Официальный портал Правительства Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru> (дата обращения: 29.04.2026).

ЗНАЧЕНИЕ ОХОТЫ ДЛЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ ИРКУТСКОГО РЕГИОНА: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ²⁹

Обосновывается необходимость создания цифровой платформы охотничьей культуры Иркутской области как инструмента устойчивого развития местных сообществ и коренных малочисленных народов. Раскрывается специфика трансформации роли охоты и ключевые проблемы отрасли. Ключевыми функциями онлайн-платформы может быть: сохранение культурного наследия, коммерциализация традиционных промыслов и обеспечение прозрачного диалога между охотниками, наукой и властью.

Ключевые слова: местные сообщества, охота, охотничья культура, цифровая платформа, традиционное природопользование, коренные малочисленные народы, регион.

Е. V. Shevtsova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE IMPORTANCE OF HUNTING FOR LOCAL COMMUNITIES OF THE IRKUTSK REGION: AN INNOVATIVE ASPECT

The article substantiates the need to create a digital platform for the hunting culture of the Irkutsk region as a tool for sustainable development of local communities and indigenous peoples. It analyzes the transformation of the role of hunting and the key problems of the industry. The proposed online platform aims to preserve cultural heritage. The key features of the online platform may include the preservation of cultural heritage, the commercialization of traditional crafts, and the provision of a transparent dialogue between hunters, science, and the government.

Keywords: local communities, hunting, hunting culture, digital platform, traditional nature management, indigenous peoples, region.

Для местных сообществ Иркутской области, особенно в удаленных районах, охота является не просто традиционным занятием, а основой существования, важнейшим источником пропитания и неотъемлемой частью многовекового уклада жизни. Согласно Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1216-р), охотничье хозяйство – это сфера деятельности по сохранению и использованию охотничьих ресурсов, созданию инфраструктуры, а также по производству и продаже продукции охоты. Россия обладает уникальным ресурсным потенциалом: площадь охотничьих угодий составляет около 1,5 млрд га, что значительно превосходит мировые показатели. Экологическая емкость позволяет увеличить численность диких копытных в 6 раз, а водоплавающей дичи – в 4 раза. Однако фактическая численность охотничьих животных в России остается крайне низкой [3].

Общая площадь охотничьих угодий Иркутской области – 70,06 млн га, из которых 27,92 млн га общедоступны, а 42,14 млн га закреплены за 120 охотпользователями. Несмотря на значительные ресурсы, существуют проблемы, что обуславливает актуальность создания платформы охотничьей культуры [4].

Содержание этих проблем включает несколько аспектов. Первый – дисбаланс при цифровизации: с 2025 г. введен электронный охотничий билет через «Госуслуги», но сельские охотники и представители КМНС уступают городским в оперативности. Второй – браконьерство: в 2024 г. в Иркутской области выявлено свыше 1000 нарушений, возбуждено 12 уголовных дел, предъявлено исков на 5 млн руб. Общероссийский ущерб от незаконной добычи оценивается в 18 млрд руб. в год. Как показал опрос «Значение охоты для местных сообществ Иркутского региона», проведенный лично автором, наиболее острыми проблемами эксперты назвали браконьерство 27,8 %, сокращение охотничьих угодий 22,2 % и старение охотников с отсутствием преемственности среди молодежи 22,2 %. Среди основных трудностей охотников выделены: излишнее регулирование, сложности с получением разре-

²⁹ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

шений в «глубинке», нестабильность законодательства, нехватка угодий, а также снижение доступности охоты для малообеспеченных групп.

Ключевая проблема, объясняющая низкую численность животных при огромном потенциале, была проанализирована А. А. Данилкиным: отечественные охотоведы и охотники так и не научились грамотно работать с популяциями диких копытных. Г. Г. Собанский характеризует ситуацию как результат бездумного, варварского отношения, при котором человек выступает самым необузданным хищником [1]. Существует также проблема утраты культурного наследия – уникальных таежных знаний, этики, обрядов, которые остаются несистематизированными.

Традиционно охота воспринималась исключительно как промысел – способ добычи мяса и пушнины. Однако в современном мире ее роль трансформировалась. Сегодня функции охоты – это социальная, экологическая и культурная, причем значение последней для сохранения идентичности локальных сообществ становится ключевым. Если в прошлом основным стимулом была добыча продукции, то с развитием общества на первый план вышло социальное значение. Для миллионов охотников-любителей это сегодня способ рекреации, единение с природой, психологическая разгрузка, возможность отойти от городской среды. Однако иной смысл охота имеет для коренных малочисленных народов. Для эвенков, тофаларов она никогда не сводилась только к добыче ресурсов. Охота для них это образ жизни, основа мировоззрения и неразрывная связь экономического выживания с социальной организацией общины. Не менее важна и экологическая составляющая. Рациональное природопользование веками отточенное коренными народами способствует поддержанию здорового состояния популяций диких животных. Регулируемая охота предотвращает дисбаланс популяций, которые подвержены резким колебаниям численности. Таким образом, грамотное управление охотничьими ресурсами становится инструментом сохранения биоразнообразия [5].

Охотничье хозяйство – специфическая отрасль сельского хозяйства, которая обеспечивает потребности населения в охотхозяйственной продукции, удовлетворяет экономические, социальные и духовные потребности охотников и участвует в регулировании природно-экологического равновесия на основе рационального использования и воспроизводства ресурсов охотничьих животных [5].

Постоянные трансформации социально-экономической действительности требуют оперативных решений, особенно в контексте устойчивого развития регионов. Таким оперативным решением может стать онлайн-платформа для активизации экономического потенциала охотничьей культуры и поддержки местных сообществ, включая коренные малочисленные народы Иркутской области [2].

Существо проекта «Платформа охотничьей культуры Иркутской области» заключается в создании цифровой платформы для активизации экономического, социального и культурного потенциала охоты и традиционного природопользования. Проект поможет в развитии цифровых, правовых и предпринимательских компетенций местных сообществ и КМНС, позволит объединить потребности охотников, общин, экспертов и органов власти. Отличительная особенность – предоставление коренным жителям пространства для демонстрации своего уклада: продвижение и продажа уникальной продукции, приглашение гостей для развития этно- и экотуризма, создание устойчивых источников дохода.

Как показал опрос «Значение охоты для местных сообществ Иркутского региона», проведенный лично автором, 83,3 % респондентов подтвердили потребность в создании общедоступного информационного портала об охотничьих ресурсах, правилах и культуре охоты. Наиболее полезной информацией эксперты посчитали: площадку для диалога между охотниками, учеными и властью – 41,7 %, актуальное законодательство – 16,7 %, карты охотничьих угодий – 16,7 %. Также востребованы данные о численности и квотах, календарь охот и биотехнических мероприятий.

Научно-практическое значение проекта заключается в том, что впервые для Иркутской области разрабатывается инновационный проект онлайн-платформы охотничьей культуры, синтезирующей информационно-аналитические, коммерческие, коммуникационные и

просветительские функции в единой цифровой экосистеме. Практическая значимость – создание действенного инструмента для повышения прозрачности охотхозяйственной деятельности, коммерциализации продукции традиционных промыслов, сохранения нематериального культурного наследия и налаживания конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами.

Таким образом, проект по разработке информационной платформы охотничьей культуры Иркутской области, действующей на основе цифровой модели взаимодействия между местными охотничьими сообществами, органами государственной власти, охотпользователями и туристическими организациями – поможет в сохранении традиционных знаний и культурного наследия, обеспечит прозрачность распределения лицензий, позволит учесть реальные потребности сельских охотников, представителей КМНС и всех заинтересованных сторон в системе охотничьего хозяйства региона. Учитывая, что 83,3 % опрошенных видят потребность в таком ресурсе, а наиболее востребованной функцией является диалоговая площадка, разработка платформы становится не просто инновационным, а социально востребованным инструментом устойчивого развития Приангарья.

Литература

1. Данилкин А. А. Динамика населения диких копытных России: гипотезы, факторы, закономерности. М. : Т-во науч. изд. КМК, 2009. 310 с.
2. Кудашкин В. А. Трансформации традиционного природопользования коренных малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края 1920–2000-е гг. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 1. С. 89–98.
3. О Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1216-п // ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70588184/> (дата обращения: 03.05.2026).
4. Оценка воздействия на окружающую среду. Лимит добычи охотничьих ресурсов на 2026–2027 годы // Официальный портал Иркутской области. URL: https://irkobl.ru/sites/ozm/inf_oh_pol/obyavl!/OBOC%2520Лимит%2520добычи%25202026–2027%2520 (дата обращения: 03.05.2026).
5. Сухомиров Г. И. Жизнь и научная деятельность (автобиография). Иркутск : Иркут. ГАУ, 2024. 67 с.

УДК 792.03(47)

Е. В. Шевцова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ³⁰

Обосновываются проблемы развития театрального искусства коренных народов России: отсутствие устоявшейся драматургической традиции, языковой барьер и сокращение зрительской аудитории, кадровый дефицит. На примере Дальнего Востока показаны причины неудач попыток создания национальных театров. Рассматриваются успешные практики государственной поддержки и частные инициативы.

Ключевые слова: театральное искусство, национальные театр, коренные народы, языковой барьер, кадровый дефицит, государственная культурная политика.

E. V. Shevtsova

Irkutsk State University, Irkutsk

INDIGENOUS THEATRE ARTS IN RUSSIA: AN EXPERT ANALYSIS OF DEVELOPMENT ISSUES

The article analyzes the development challenges of indigenous theatre arts in Russia, including the lack of an established dramatic tradition, language barriers, declining audiences, and personnel shortages. Using the example of the Far East, the reasons for the failure of attempts to establish indigenous theatres are discussed. Successful examples of state support and private initiatives are discussed.

Keywords: theatrical art, indigenous theatre, indigenous peoples, language barrier, personnel shortages, state cultural policy.

³⁰ Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных.

Согласно Конституции РФ, культура играет основополагающую роль в сохранении самобытности народов, проживающих на территории страны, а государственная культурная политика понимается как совокупность принципов и норм, которыми государство руководствуется в своей деятельности по развитию и распространению культуры. В условиях полиэтнического состава населения России эти программные установки приобретают особую значимость. Национальный театр, характеризующийся использованием родного языка, обращением к произведениям национальных авторов и применением специфических приемов, сложившихся в процессе эволюции театральной культуры конкретного народа, сталкивается с комплексом проблем [4].

Как показывает анализ развития театрального искусства на Дальнем Востоке России, в 1930-е гг. в регионе успешно работало пять национальных театров – китайские, корейский, еврейский и нанайский, однако к концу 1940-х гг. все они были закрыты по политическим причинам, несмотря на восторженные отзывы зрителей [4]. Попытки возрождения этих коллективов в 1960-е и 1990-е гг., включая нанайский театр в селе Найхин, корейский театр «ВЗЕН» на Камчатке и аборигенный театр «Бури» в Хабаровске, завершились самоликвидацией спустя несколько лет [2]. Причина заключается в том, что коренные малочисленные народы Дальнего Востока длительное время не имели письменности и развитой драматургии, а театр в европейском понимании не является универсальной формой художественной культуры [5]. Именно поэтому у коренных народов успешно существуют танцевальные и песенные коллективы, органичные их традиционной культуре, а попытки создать драматический театр систематически терпят неудачу. Что касается европейского театрального искусства в Еврейской автономной области, его развитие затруднено минимальной численностью еврейского населения – по данным переписи 2020 г., евреи составляют лишь 0,6 % от общего количества населения автономии, а театр «Когалет» ставит спектакли в основном на русском языке [3]. Серьезной проблемой остается языковой барьер и сокращение зрительской аудитории, владеющей родным языком: директора национальных театров Калмыкии, Чувашии и Марий Эл констатируют, что молодежь не говорит на родном языке, средний зритель национального театра – люди старше 55 лет, а театры вынуждены ставить двуязычные спектакли. Хакаский театр «Читиген» существует в режиме постоянных гастролей по отдаленным деревням, где язык сохраняется в быту, но при показе в Москве отсутствие субтитров делает вербальную ткань спектакля малодоступной для большинства зрителей.

Наряду с этими трудностями в России существуют успешные примеры государственной поддержки театрального искусства на региональном уровне, которые демонстрируют альтернативные модели развития. Федеральный приоритетный проект «Культура малой родины», реализуемый с 2017 г., на примере Иркутской области показывает, что целенаправленное финансирование позволяет муниципальным театрам обновлять оборудование и ставить новые спектакли. В 2018 г. финансирование для театров Приангарья было увеличено до 7 млн руб. на каждый театр, что позволило Братскому драматическому театру поставить «Балладу инвалидной улицы» и «Остров сокровищ», Черемховскому театру – комедию «Женитьба Белугина», а Усть-Илимскому театру – «До третьих петухов» Шукшина и «Каштанку». Братский театр кукол «Терлямы» получил возможность поставить эвенкийские сказки, что является прямым обращением к фольклору коренного населения региона [4]. В 2019 г., объявленным годом театра, из областного бюджета были выделены субсидии на конкурсной основе для десяти проектов, включая хореографическую сюиту «Свадебный обряд бурят Прибайкалья» ансамбля «Ангара» и образовательный проект «Я сибирской породы» по произведениям сибирских писателей. Наиболее показательным событием, демонстрирующим как потенциал, так и сохраняющиеся сложности, стал Театральный проект «Необъятное Море-Далай», организованный Фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» в Иркутске в октябре 2025 г. [7]. Одиннадцать театров из Иркутской области и Бурятии представили спектакли по мифам и преданиям коренных народов байкальского региона – бурят, русских, эвенков, тофаларов и сойотов. Бурятский театр драмы поставил спектакль в сотрудничестве с режиссером-китайкой Ланьбо Цзяо о цене нарушения древних запретов, Братский драматический

театр создал «Дело Гэсэра» – постановку о том, как советская власть боролась с мифологическим эпосом, а Черемховский театр также обратился к теме противостояния мифологии и идеологии. Иркутский ТЮЗ представил историю сибирского разбойника Данило Горкина, а театр кукол «Аистенок» – легенду об охотнике Хоридое и девице-лебедь Хун-Шубуун. Проект демонстрирует запрос на этническую тематику в театре и потенциал международной ко-продукции. Кадровый дефицит, особенно технических специалистов, остается острым. Зарплата артиста в Калмыкии – 18–20 тыс. руб., федеральных программ закрепления кадров культуры нет, за исключением Башкортостана и Татарстана.

При творческих успехах и точечной поддержке проблемы: утрата языка, разрыв традиции, кадровый голод – ставят под угрозу главную функцию национальных театров – быть живым носителем языка и культурного кода. Необходимы новые подходы к подготовке кадров с механизмом закрепления в регионах и реально работающая гастрольная сеть.

Литература

1. Балашов Д. М. О народной драме // Русский фольклор. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 3–16.
2. Воскресенская К. «Бури» в переводе с нанайского – боевой лук // Дальний Восток. 2016. № 1. С. 216–219.
3. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2026).
4. В Усть-Илимске в рамках партпроекта поставили спектакль «Каштанка». 19 ноября 2018. // Единая Россия. URL: <https://er.ru/activity/news/v-ust-ilimske-v-ramkah-partproekta-postavili-spektakl-kashtanka> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Гамалей С. Ю. Национальные театры в культурном пространстве Дальнего Востока России в начале XXI века // Сервис PLUS. 2025. Т. 19, № 3. С. 42–49.
6. Давыдова И. С. Фольклорный театр как форма сценического воплощения фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Культура и искусство. 2023. № 4. С. 260–268.
7. 11 спектаклей по фольклору Байкала покажут в Иркутске: 21 окт. 2025 г. // Культура 38. URL: <https://culture38.ru/novosti/11-spektaklej-po-folkloru-bajkala-pokazhut-v-irkutske/> (дата обращения: 11.05.2026).

УДК 383.612

А. В. Шеметов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

МЕТАФОРЫ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ФИЛЬМАХ³¹

Рассматривается позитивная метафорика государственной и публичной службы в современных российских фильмах. Материалом анализа выступают картины «Время первых» (2017), «Салют-7» (2017), «Огонь» (2020), «Майор Гром: Чумной Доктор» (2021) и «Нюрнберг» (2023). На основе когнитивно-дискурсивного подхода к метафоре выявлены модели, в которых власть представлена не как закрытая бюрократическая вертикаль, а как форма ответственности, координации и защиты. Показано, что в положительно окрашенном кинематографическом образе государственный служащий чаще всего наделяется функциями проводника, спасателя, организатора коллективного действия, защитника правопорядка и хранителя исторической памяти. Делается вывод, что такие образы формируют альтернативу устойчивому стереотипу чиновника как равнодушного администратора и переводят разговор о власти в плоскость служения обществу.

Ключевые слова: государственная служба, публичная власть, политическая метафора, российское кино, образ чиновника, служение, ответственность.

A. V. Shemetov

Irkutsk State University, Irkutsk

METAPHORS OF POWER OF CIVIL SERVANTS IN CONTEMPORARY RUSSIAN FILMS

The article examines positive metaphors of state and public service in contemporary Russian films. The analysis focuses on *The Spacewalker* (2017), *Salyut-7* (2017), *Fire* (2020), *Major Grom: Plague Doctor* (2021) and *Nuremberg* (2023). Drawing on a cognitive-discursive approach to metaphor, the article identifies models in which power is

³¹ Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент О. А. Поллошкевич.

represented not as a closed bureaucratic hierarchy, but as responsibility, coordination and protection. It is shown that a positively marked cinematic image of a public servant is usually built through the roles of guide, rescuer, organizer of collective action, defender of public order and keeper of historical memory. The article concludes that such images offer an alternative to the stereotype of an indifferent bureaucrat and shift the discussion of power toward the idea of service to society.

Keywords: civil service, public authority, political metaphor, Russian cinema, image of an official, public service, responsibility.

Тема власти в российском кино часто связывается с недоверием, коррупцией, насилием или отчуждением человека от государственных институтов. Такой ракурс понятен: конфликт между гражданином и системой легко превращается в драматургический двигатель, а отрицательный образ чиновника позволяет быстро обозначить социальную проблему. Однако современное кино не исчерпывается только критической интонацией. Наряду с фильмами, где власть выступает как давление, существуют картины, в которых государственная служба показана через мотивы ответственности, взаимной поддержки, профессионального долга и общественной пользы. Именно эта более позитивная линия представляет интерес, поскольку она позволяет увидеть не только то, как экран разоблачает власть, но и то, как он заново собирает представление о служении. Как формируются образы героев, которые формируют морально-этический костяк современного общества, формируют ориентиры развития всего общества [8].

В настоящей статье под государственными служащими понимаются не только гражданские чиновники в узком административном смысле. Такой подход был бы слишком тесным для анализа кино, где власть редко сводится к должностной инструкции. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» относит к системе государственной службы гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов [1; 7]. В кинематографе же образ публичной власти часто воплощают полицейские, спасатели, военные, работники государственных штабов, судебно-правовые представители, а также персонажи, действующие от имени государственных институтов [3; 4]. Поэтому в статье рассматривается широкий экранный тип государственного служения: не «чиновник за столом», а человек, которому поручено действовать в интересах общества.

Методологически работа опирается на представление о метафоре как о способе организации восприятия. Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что метафоры не являются только украшением речи: они структурируют мышление и задают рамки практического действия [6]. В политической коммуникации эта идея особенно важна, поскольку образы власти определяют ожидания граждан от государства. Н. Д. Арутюнова рассматривала метафору как механизм смыслового переноса, который позволяет говорить о сложном через знакомое [2]. А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов применили подобный подход к русской политической метафорике, а А. П. Чудинов развил когнитивно-дискурсивное изучение политической метафоры [5; 9]. Для анализа кино это означает следующее: важно рассматривать не только отдельные реплики персонажей, но и визуальные ситуации, жанровые схемы, сюжетные роли, через которые власть становится понятной зрителю.

Материалом статьи стали пять российских фильмов 2017–2023 гг.: «Время первых», «Салют-7», «Огонь», «Майор Гром: Чумной Доктор» и «Нюрнберг». Они различаются по жанру: историко-космическая драма, фильм-катастрофа, спасательная драма, супергеройский детектив и историко-правовая драма. Тем не менее их объединяет одно обстоятельство: положительный смысл государственной службы раскрывается не через декларацию, а через ситуацию предельного испытания. Персонаж, связанный с государством, становится значимым тогда, когда необходимо не просто обладать властью, а принять ответственность за других (табл.).

Материал анализа и основные метафорические модели

Фильм	Тип публичной службы	Позитивная метафора	Смысл модели
«Время первых» (2017)	Космическая программа, военная и инженерная система	Власть как стартовая площадка	Государство создает условия для риска, научного прорыва и коллективного достижения
«Салют-7» (2017)	Штаб, космонавты, инженерные службы	Власть как спасательный штаб	Служба проявляется в координации, доверии к профессионалам и ответственности за жизнь
«Огонь» (2020)	Спасатели и пожарные	Служащий как щит	Власть становится видимой через физическую защиту людей и готовность идти в опасность
«Майор Гром: Чумной Доктор» (2021)	Полиция, правоохранительная служба	Порядок как навигация	Положительный герой удерживает границу между правосудием и самосудом
«Нюрнберг» (2023)	Военная комендатура, правовая и дипломатическая миссия	Власть как хранитель памяти	Государственная служба связывается с судом, исторической ответственностью и защитой правды

Первая метафорическая модель может быть обозначена как «государственная служба – стартовая площадка». Она наиболее отчетливо проявляется в фильме «Время первых». Картина посвящена первому выходу человека в открытый космос и строит конфликт вокруг соединения личной храбрости, технического риска и государственной задачи [6]. В такой логике власть не изображается как внешняя сила, механически отдающая приказы. Она скорее похожа на инфраструктуру старта: есть люди, расчеты, испытания, штабные решения, дисциплина и вера в возможность прорыва. Государство здесь не заменяет героя, но делает его действие возможным.

Важно, что позитивность этой модели не означает беспроблемности. В фильме присутствует напряжение между риском и обязанностью, между осторожностью и необходимостью результата. Но именно это напряжение делает метафору убедительной. Если отрицательный образ власти часто строится на безличном приказе, то в «Времени первых» государственная задача становится пространством общего труда. Служащий или представитель государственного института существует не ради демонстрации статуса, а ради подготовки события, которое превосходит отдельную биографию. Власть метафорически превращается в площадку, с которой человек может «подняться» выше собственных возможностей.

Эта модель важна и потому, что она соединяет вертикаль и горизонталь. С одной стороны, космическая программа невозможна без централизованного решения и жесткой ответственности. С другой стороны, успех зависит от команды: инженеров, военных специалистов, врачей, конструкторов, руководителей полета. Визуально подобные фильмы часто показывают власть через переговоры, схемы, приборные панели, командные комнаты, тревожные лица людей, которые не находятся в кадре героического полета, но несут свою часть ответственности. Метафора старта тем самым расширяет образ государственной службы: служить – значит готовить условия, в которых чужой подвиг становится возможным.

Близкая, но более кризисная модель возникает в фильме «Салют-7». Его сюжет связан со спасательной экспедицией к неуправляемой орбитальной станции и с опасностью, требующей одновременно мужества и точного расчета [7]. Здесь власть предстает как «спасательный штаб». В центре оказывается не торжественный момент достижения, а ситуация, когда система должна быстро реагировать на угрозу. Позитивная метафора строится на способности государственного механизма не только контролировать, но и спасать.

В негативных изображениях бюрократии штаб часто ассоциируется с задержкой, формальными согласованиями и страхом принятия решения. В «Салюте-7» штабная логика

получает другой оттенок: она связана с собранностью и распределением ответственности. Герой в космосе действует не один, но и штаб не подавляет его волю. Экранная власть становится формой связи между теми, кто находится в опасности, и теми, кто остается на Земле. Поэтому центральной метафорой оказывается не «пирамида», а «связь»: государственная служба удерживает людей в общем контуре действия.

Позитивность этой модели проявляется в доверии к профессионалам. Государственная система в фильме вынуждена принимать решения при нехватке информации, и именно поэтому особое значение получает человеческая компетентность. Служащий или руководитель здесь ценен не тем, что занимает должность, а тем, что умеет услышать специалиста, соотнести риск и цель, взять на себя последствия решения. Такой образ власти сближает ее с медицинской или спасательной практикой: она не просто управляет процессом, а борется за сохранение жизни, техники и коллективного достоинства.

Еще более наглядной является метафора «служащий – щит», представленная в фильме «Огонь». Картина Алексея Нужного рассказывает о пожарных и спасателях, которые оказываются в ситуации лесных пожаров и угрозы для жителей [8]. В отличие от космических драм, где государственная служба часто скрыта за приборами и штабами, здесь публичная функция выражена телесно. Герой буквально входит в опасное пространство между стихией и людьми. Власть в таком случае перестает быть абстрактной. Она приобретает лицо, голос, усталость, ожоги, страх и готовность продолжать работу.

Метафора щита положительна, но не примитивна. Щит – это не нападение, а защита. Он не обещает абсолютной безопасности, но принимает первый удар. В этом смысле экранный спасатель отличается от традиционного чиновника: его полномочие подтверждается не кабинетом, а действием. В фильме «Огонь» важна не только индивидуальная храбрость, но и командность. Один человек не способен остановить стихию, поэтому государственная служба показана как группа, где каждый зависит от другого. Публичная власть здесь не выглядит холодной системой; она становится солидарным телом, которое закрывает собой граждан.

Такая модель особенно значима для восприятия государственных служащих, потому что она возвращает слову «служба» прямой смысл. Служить – значит быть там, где большинство людей объективно не может находиться: в огне, на границе катастрофы, в зоне паники. В позитивной метафорике спасательной драмы власть получает моральное основание не из статуса, а из готовности принять риск за других. Поэтому подобные фильмы могут работать против распространенного недоверия к государственным институтам: они показывают, что за учреждением или ведомством стоят конкретные люди, для которых обязанность не является пустой формулой.

Другой тип положительной метафорики возникает в фильме «Майор Гром: Чумной Доктор». Его жанр отличается от реалистической социальной драмы: это супергеройский детектив, основанный на комиксах. Но именно поэтому картина интересна для анализа образа власти. Главный герой – майор полиции Игорь Гром, противостоящий человеку, который объявляет себя очистителем города и начинает вершить самосуд [9]. В таком конфликте государственная служба представлена через метафору «порядок – навигация». Полицейский герой не просто ловит преступника; он удерживает общество от соблазна заменить право местью.

В фильме есть очевидное напряжение между личной силой героя и институциональными правилами. Гром действует импульсивно, временами нарушает привычные процедуры, но его положительная функция раскрывается в сравнении с антагонистом. Чумной Доктор тоже говорит языком справедливости, но превращает ее в спектакль наказания. Поэтому полиция как государственная служба получает значение не только силового органа, но и границы. Она обозначает различие между правосудием и расправой. Власть в этой модели – не карающий кулак, а система координат, без которой город теряет направление.

Слово «навигация» здесь важно. Современный городской мир в фильме наполнен медиашумом, социальным раздражением, неравенством и желанием мгновенной расправы. В этой среде государственный служащий оказывается не идеальным бюрократом, а человеком, который должен восстановить маршрут к законности. Он может ошибаться, быть резким,

конфликтовать с начальством, но его функция состоит в защите общей рамки. Позитивная метафора полиции в таком жанре строится не на безупречности персонажа, а на том, что он отказывается подменить право личной ненавистью.

Пятая модель связана с фильмом «Нюрнберг», в котором действие разворачивается вокруг Международного военного трибунала после окончания Второй мировой войны [10]. В отличие от «Огня» или «Майора Грома», здесь государственная власть показана не через немедленное спасение или задержание преступника, а через длительную работу суда, памяти и исторического свидетельства. Позитивная метафора может быть определена как «власть – хранитель памяти». Государственная служба становится механизмом, который должен не позволить преступлению раствориться в забвении.

Эта модель важна для понимания символической стороны власти. Правовой институт не только наказывает виновных, но и создает публичное знание о совершенном зле. В фильме служащие, военные представители и участники советской миссии действуют в пространстве, где юридическая процедура соединяется с моральной необходимостью. Власть получает легитимность не потому, что она сильна, а потому, что она удерживает память о жертвах и переводит травматический опыт в язык доказательства, приговора и исторической ответственности.

В «Нюрнберге» положительный образ государственного служащего связан с дисциплиной слова. Если в спасательной драме герой действует телом, а в полицейском детективе – расследованием, то здесь он действует документом, свидетельством, процедурой. Такая метафора менее зрелищна, но не менее значима. Она показывает, что государственная власть может быть не только оперативной, но и мемориальной: ее задача состоит в сохранении границы между фактом и ложью, между правосудием и мстостью, между исторической памятью и политическим удобством.

При сопоставлении выбранных фильмов можно выделить один общий признак позитивной метафоры. Во всех выбранных фильмах, власть редко показывается как право на комфорт. Напротив, государственный служащий помещается в ситуацию риска: космос, авария, пожар, преступность, послевоенный суд. Чем выше опасность, тем заметнее, что полномочие требует личной цены. Такая логика меняет привычную оппозицию «власть – привилегия» на «власть – ответственность».

Более убедительным является другой вывод: современное российское кино ищет такие ситуации, в которых государственная служба может быть увидена как общественно необходимая. Критика бюрократии остается возможной, но она не отменяет ценности профессионального служения. Даже положительные герои не всегда свободны от ошибок, резкости, внутреннего конфликта или институционального давления. Их позитивность проявляется не в безупречности, а в способности действовать в пользу других, когда отказаться было бы проще.

С этой точки зрения метафора власти государственных служащих в выбранных фильмах постепенно смещается от вертикали к ответственности. Власть уже не только «наверху» и не только «над» гражданином. Она может быть «рядом» – как спасатель, который идет в огонь; «между» – как полицейский, удерживающий границу между городом и хаосом; «перед» – как космический штаб, открывающий путь к новому; «после» – как суд, который не дает преступлению исчезнуть из памяти. Такое разнообразие пространственных метафор делает образ службы более объемным.

Можно также отметить, что положительные фильмы о государственной службе часто используют мотив наставничества. Опытный герой передает новому участнику не только профессиональный навык, но и понимание меры ответственности. В «Огне» это заметно в отношениях старшего и молодого спасателя; в космических картинах – в взаимодействии командиров, инженеров и экипажа; в полицейской истории – в связке героя и более мягкого, морально чувствительного напарника. Через наставничество власть перестает быть только приказом и становится обучением ответственности.

Позитивные метафоры, выявленные в статье, можно свести к пяти основным формулам: государство как стартовая площадка, власть как спасательный штаб, служащий как шит, порядок как навигация, правосудие как хранение памяти. Все они различны, но объединены

тем, что выводят государственную службу из сферы формального администрирования. Служащий в этих моделях не просто выполняет инструкцию, а связывает личное действие с общественным смыслом. Поэтому кинематографический образ власти оказывается не только политическим, но и этическим.

Для российского зрителя такая метафорика имеет дополнительное значение. Она предлагает говорить о государстве не только языком страха или раздражения, но и языком доверия, которое должно быть заслужено. Это доверие не возникает автоматически из должности. Его создают поступки, компетентность, готовность к риску, уважение к процедуре и способность помнить о человеке.

Следовательно, анализ фильмов «Время первых», «Салют-7», «Огонь», «Майор Гром: Чумной Доктор» и «Нюрнберг» показывает, что современное российское кино способно представлять власть не только как аппарат управления, но и как форму общественной ответственности. В этих картинах государственный служащий выступает спасателем, координатором, защитником порядка, участником правового восстановления и хранителем исторической памяти. Именно через такие метафоры власть приобретает положительное значение: она становится не самоцелью, а способом служения людям.

Литература

1. Ардашев Р. Г., Маслодудова Н. В. Романтизация криминальных сериалов среди молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 2024. С. 217–221.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Баев П. А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
4. Баев П. А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 48–52.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю. М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Полюшкевич О. А. Духовно-идеологические основы формирования мировоззрения через патриотический кинематограф // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., Махачкала, 2022. С. 278–282.
8. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Официальный сайт Президента России. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/19524> (дата обращения: 19.04.2026).
9. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

УДК 331.5-053.81(47)

Е. В. Шуваева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ПОДДЕРЖКА³²

Статья посвящена анализу самозанятости как потенциальной стартовой площадки для молодежного предпринимательства в России. Рассматривается противоречие между массовым ростом числа самозанятых среди молодых людей и отсутствием устойчивого перехода этой категории к полноценной предпринимательской деятельности. На основе анализа официальных статистических данных, научных исследований и экспертных оценок выявляются ключевые институциональные барьеры, препятствующие трансформации самозанятости в инструмент развития молодежного бизнеса: социальная незащищенность, процедурные ограничения и дефицит предпринимательского образования.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональную деятельность, молодежь, институциональные барьеры, мотивация молодежи, гибкие формы занятости.

³² Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабелных.

SELF-EMPLOYMENT AS A STARTING POINT FOR YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA: INSTITUTIONAL BARRIERS AND SUPPORT

The article is devoted to the analysis of self-employment as a potential starting point for youth entrepreneurship in Russia. The contradiction between the mass growth of the number of self-employed among young people and the lack of a sustainable transition of this category to full-fledged entrepreneurial activity is considered. Based on the analysis of official statistical data, scientific research, and expert assessments, the article identifies key institutional barriers that hinder the transformation of self-employment into a tool for developing youth business: social insecurity, procedural restrictions, and a lack of entrepreneurial education.

Keywords: self-employment, professional income tax, youth, institutional barriers, youth motivation, and flexible forms of employment.

Самозанятость в России за последние годы превратилась из экспериментального налогового режима в устойчивый социально-экономический институт, активно осваиваемый молодежью. По данным Федеральной налоговой службы, к началу 2026 г. общее число самозанятых достигло 15,2 млн чел., а их совокупный доход превысил 3 трлн руб., увеличившись на 38,6 % по сравнению с предыдущим годом [5]. Возрастная структура этого сектора демонстрирует особенно высокие темпы роста: за четыре года число самозанятых в возрасте 14–17 лет выросло в двадцать раз, а в группе 18–22 года – в семь раз. Согласно данным мониторинга НИУ ВШЭ, доля молодежи 18–22 года среди самозанятых и предпринимателей без наемных работников достигла 13,5 %, что означает почти двукратное увеличение за год [8]. Данная динамика порождает вопрос: представляет ли собой массовый переход молодежи в самозанятость осознанную предпринимательскую стратегию, формирующую основы для будущего бизнеса, либо это вынужденная адаптация к нестабильности рынка труда, не имеющая долгосрочных предпринимательских последствий?

Мотивы регистрации молодых людей в качестве самозанятых неоднородны. Результаты опросов указывают на такие ключевые факторы, как гибкий график работы, возможность удаленной работы и стремление к самореализации. Однако за этими формулировками часто скрывается отсутствие альтернатив на традиционном рынке труда.

Автором было проведено пилотажное исследование среди экспертов Иркутской области в рамках исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Иркутского государственного университета в мае 2026 г., из них были представители от органов государственной власти Иркутской области, общественного контроля, общественной экспертизы (Общественной палаты Иркутской области), от высших учебных заведений, бизнеса, от органов местного самоуправления г. Ангарска.

В ходе исследования были выявлены причины, по которым молодежь выбирает самозанятость. Так, экспертам был задан вопрос: «Что, на взгляд эксперта, побуждает молодежь оформлять самозанятость и работать «на себя»?». С результатами можно ознакомиться на рисунке.

Анализ экспертных оценок, представленных на рис., позволяет выделить ведущие детерминанты, побуждающие молодежь к переходу в самозанятость. Наиболее значимый фактор – потребность в автономии. Эксперты отмечали стремление к свободному графику. Это подтверждает приоритет гибкости и контроля над своей занятостью для современной молодежи (17,0 %). Второй фактор (13,6 %) – возможность совмещения с учебой или другой работой, что позволяет интегрировать самозанятость в текущий график без сильной смены уклада своей жизни. Третий – это невозможность найти работу на традиционном рынке труда с достойной зарплатой (11,4 %). Это вынужденный фактор: не высокие зарплаты стимулируют поиск альтернативных доходов. Самозанятость здесь – это адаптивная стратегия в условиях ограничений наемного труда.

В диапазоне 8,0–9,1 % расположились такие факторы как пример успешных друзей/блогеров (9,1 %), низкая налоговая ставка и семейные обстоятельства (по 8 % каждый).

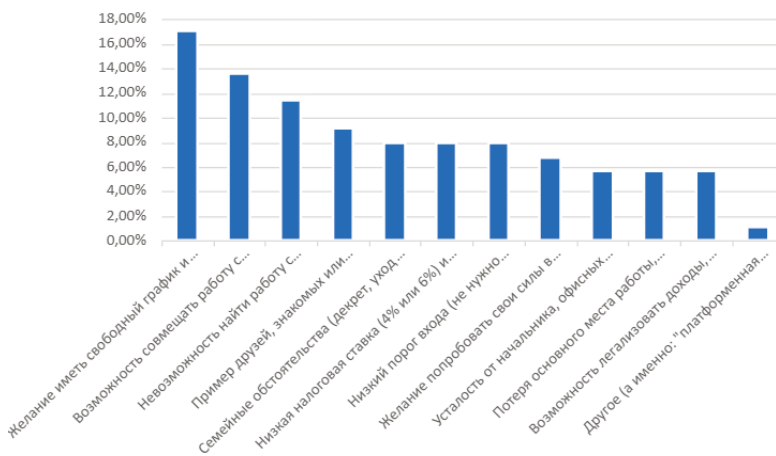

Рис. Распределение ответов на вопрос: «Что, на взгляд эксперта, побуждает молодежь оформлять самозанятость и работать «на себя»?»

Меньше всего эксперты указывали на вариант «Желание попробовать свои силы в предпринимательстве без больших рисков». Это позволяет предположить, что для большинства экспертов самозанятость молодежи не является полноценной предпринимательской карьерой (6,8 %). Факторы легализации доходов (5,70 %), вынужденной адаптации после потери работы (5,70 %) и усталости от корпоративных правил (5,70 %) замкнули рейтинг, что говорит о меньшей распространенности кризисных или протестных мотивов по сравнению с позитивными или инструментальными. Единичное упоминание «платформенной экономики» (1,10 %) указывает на наличие у некоторых экспертов более широкого структурного видения, но не является доминирующим.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН Сергей Смирнов рассматривает массовый выбор молодежью самозанятости как проявление трансформации модели занятости: «Что такое средний класс? Прежде всего, это возможность самостоятельно принимать решения. И выбор сегодняшних молодых людей в пользу формата самозанятости, т. е. кардинально большей свободы и гибкости, не может не радовать» [9]. Данное экспертное мнение отражает ценностную тенденцию стремления к автономии и неприятия жесткой иерархии. Однако оно не снимает вопроса об институциональном обеспечении этой «свободы». Отсутствие социальных гарантий, доступа к кредитам и обучающих программ может превращать самозанятость из добровольного выбора в вынужденную форму выживания. Следовательно, при фиксации ценностного сдвига необходимо различать краткосрочную легализацию доходов и долгосрочное предпринимательское становление. Именно здесь возникают главные институциональные барьеры.

Первый барьер – социальная незащищенность самозанятых. Неосуществление обязательных отчислений в Социальный фонд лишает молодых людей права на оплачиваемый больничный, декретные выплаты и формирование страховой пенсии. Запущенная с 2026 г. система добровольных взносов является прогрессивным шагом, однако для лиц с нерегулярным доходом дополнительное финансовое бремя становится серьезным препятствием. До преодоления данного разрыва самозанятость сохраняет для молодежи характер нестабильной формы занятости, не обеспечивающей устойчивого старта. Второй барьер имеет процедурную природу. Несмотря на законодательное разрешение регистрироваться в качестве самозанятого с 14 лет, техническое воплощение данного права сопряжено с трудностями. Исследование М. В. Чудиновских и соавторов показывает, что только 15,7 % опрошенных облада-

ют официальным статусом самозанятых, а в качестве главных препятствий респонденты указывают нестабильность дохода и отсутствие социальных гарантий [4]. Кроме того, приложение «Мой налог» не оснащено встроенным функционалом для получения родительского согласия, что для несовершеннолетних порождает значительные бюрократические сложности. Третий барьер – отсутствие института предпринимательского образования. Российская образовательная система не готовит к ведению реального бизнеса. Молодой человек может обладать высокими профессиональными навыками (дизайн, программирование, репетиторство), но не иметь знаний о маржинальности, управлении денежными потоками, правовых рисках и маркетинге. Как отмечается в исследованиях Н. П. Касаткиной и Н. В. Шумковой, самозанятость снижает напряженность на региональных рынках труда и служит инструментом сдерживания миграции [2]. Однако данная функция является социальной, а не предпринимательской. Без встраивания финансовой и бизнес-грамотности непосредственно в цифровую среду (например, в приложение «Мой налог») массовый переход самозанятых в категорию устойчивых малых предприятий маловероятен.

Государственная поддержка самозанятых характеризуется парадоксальными тенденциями. Согласно исследовательскому мониторингу Фонда «Общественное мнение» (ПРИМ), лишь 40 % самозанятых ощущают поддержку со стороны государства, при этом 61 % опрошенных не осведомлены о существующих мерах поддержки [7]. Среди осведомленных респондентов эффективность этих мер оценивают положительно 42 %, отрицательно – 37 %. Наиболее востребованными мерами являются льготная аренда помещений (40 %), бесплатные консультации в центрах «Мой бизнес» (30 %) и образовательные услуги (28 %) [7]. Эти данные свидетельствуют о том, что самозанятые, переходящие от уровня «работы на себя» к масштабированию деятельности, сталкиваются с теми же проблемами, что и малый бизнес: нехватка ресурсов, знаний и инфраструктуры. Механизм социального контракта, позволяющий получить до 350 тыс. руб. на открытие дела, является успешным, но ограничен по охвату и не интегрирован в логику поэтапного перехода от самозанятого к индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу. Макроэкономическая ситуация (высокая ключевая ставка, сжатие спроса) дополнительно ограничивает доступность кредитов для микробизнеса.

В итоге можно сказать, что самозанятость в России – это эффективный старт: она легализует доходы и прививает начальные навыки предпринимательской работы, но не дает инструментов для ускорения и масштабирования. Чтобы этот институт начал по-настоящему давать толчок молодежному предпринимательству, нужна серьезная перестройка. Молодежь – это главный двигатель гибкой экономики, и то, как государство сумеет направить ее энергию в системное русло, определит будущее российского малого бизнеса.

Литература

1. Анисимова Т. Г., Маршак А. Л. Молодежная самозанятость: мотивация и социальное самочувствие // Неформальная занятость в России и Монголии в современных условиях : монография / науч. ред. З. Т. Голенкова, отв. ред. Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 84–94.
2. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 2. С. 158–174.
3. Названа причина, по которой российская молодежь идет в самозанятые // Urban News. 2026. 14 янв. URL: <https://urban-news.ru/2026/01/14/nazvana-prichina-po-kotoroj-rossijskaya-molodezh-idet-v-samozanyatyae/> (дата обращения: 12.05.2026).
4. АСИ поможет снять барьеры для молодых предпринимателей // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/news/193551/> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Предприниматели России: исследовательский мониторинг (ПРИМ) // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Рабцевич А. А. Методические подходы к оценке развития молодежного предпринимательства в регионе: применимость налоговой статистики // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 3. С. 597–611.
7. Российские студенты нашли удобный способ трудоустройства // Utrou.ru. 2026. 3 марта. URL: <https://utrou.ru/news/economics/2026/03/03/1569548.shtml> (дата обращения: 09.05.2026).
8. Данные по налогу на профессиональный доход за 2025 год // Федеральная налоговая служба. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
9. Самозанятость как вектор будущего: взгляд изнутри студенческой среды / М. В. Чудиновских, Н. В. Сербина, Ю. В. Гудошникова, Я. А. Янова // Фундаментальные исследования. 2025. № 6. С. 24–31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ON THE AUTHORS

Абрахматова Гульнара Абрайкуловна – ассоциированный профессор Высшей школы «Международные отношения и дипломатия» Университета Туран, кандидат философских наук, ассоциированный профессор.
E-mail: abrahmatova-g@mail.ru

Абросимова Евгения Игоревна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: jenifrya@gmail.com

Адилов Айбек Насырович – начальник отдела организации научной работы Академии МВД Кыргызской Республики имени Э. А. Алиева, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: ibek2000@mail.ru

Айченшева Ролана Петровна – заместитель начальника отдела Обособленного подразделения Северо-Кавказстата по Карачаево-Черкесской республике.
E-mail: rolana_p@mail.ru

Алексеева Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: e.alekseeva1808@gmail.com

Андриянова Татьяна Владимировна – профессор кафедры социологии факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор социологических наук, доцент.
E-mail: andriyanova.tv@gmail.com

Андрос Ирина Александровна – специалист медицинского центра ООО «Экомедсервис», доктор социологических наук, доцент.
E-mail: androsita@tut.by

Антонова Наталья Леонидовна – профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Апанина Алена Владимировна – аспирант 1-го года обучения направления подготовки 5.7.7. Социальная и политическая философия кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: aapanina7@gmail.com

Аббакумова Алёна Александровна – свободный исследователь, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Ардашев Роман Георгиевич – начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, доктор философских наук, кандидат юридических наук.
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Атаган Дина Арноевна – магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальных технологий социологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
E-mail: atagyan2016@mail.ru

Багатюк Даниил Дмитриевич – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» факультета управления и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
E-mail: danilbagatyuk@yandex.ru

- Баев Павел Анатольевич** – доцент кафедры социологии и психологии ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: bayev.pa@mail.ru
- Басва Елена Святославовна** – председатель правления Самарской городской общественной организации «Исследовательская группа "Свободное мнение"», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: baeland@mail.ru
- Банадыев Сергей Дмитриевич** – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: banadysev@gmail.com
- Бельский Александр Михайлович** – руководитель Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси, кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: alexanderbelski@ya.ru
- Блишунев Данил Андреевич** – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры политических наук и социологии Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: blishunov19@mail.ru
- Болотин Иван Валерьевич** – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственно-муниципальное управление» кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: bolotin_iv@bk.ru
- Бубнова Екатерина Александровна** – ассистент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
E-mail: Bubnovakatia@gmail.com
- Буня-Борисова Наталья Юрьевна** – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: bunjua.borisova@gmail.com
- Бухарова Екатерина Анатольевна** – преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: k.buharowa@yandex.ru
- Валеева Марина Владимировна** – старший научный сотрудник научной лаборатории «Лаборатория наукометрии», доцент кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук.
E-mail: m.v.shcherbakova@urfu.ru
- Ватолина Екатерина Викторовна** – доцент кафедры регионоведения Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: elesnikovskaya@gmail.com
- Вяхтина Маргарита Анатольевна** – профессор кафедры менеджмента и цифрового маркетинга АНО ВО Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», доктор экономических наук, доцент.
E-mail: mavahtina@yandex.ru
- Ворожцов Александр Михайлович** – начальник кафедры тактико-специальной подготовки ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: kis1976@inbox.ru
- Воронцовская Людмила Григорьевна** – заведующий сектором социально-демографической политики центра человеческого развития и демографии ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», магистр управления и экономики.
E-mail: Lu7y@mail.ru
- Галкина Наталья Анатольевна** – ведущий специалист-эксперт отдела статистики населения и здравоохранения Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат) (г. Пермь).
- Гамерник Екатерина Вячеславовна** – главный специалист ОГКУ «Аппарат Общественной палаты Иркутской области», магистр социологии.
E-mail: katty.gam@mail.ru

Гирко Анастасия Александровна – главный специалист-эксперт отдела сводных статистических работ и общественных связей Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области, аспирант направления подготовки 5.5.3. «Государственное управление и отраслевые политики» кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: tretyakova-girko@mail.ru

Гладких Сергей Сергеевич – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры политических наук и социологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

E-mail: serg.gladkix@mail.ru

Гольцова Евгения Викторовна – декан социального факультета Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доцент кафедры социальной философии и социологии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: jeny1963@bk.ru

Гончар Олег Николаевич – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры политических наук и социологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

E-mail: olegnikolaevich43@gmail.com

Грабельных Татьяна Ивановна – заведующая кафедрой социальной философии и социологии, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», доктор социологических наук, профессор.

E-mail: tagr@bk.ru

Грабельных Павел Иванович – свободный исследователь, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

Гребенкина Людмила Васильевна – главный специалист-эксперт отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области (Ростовстат).

E-mail: 61.grebenkinalv@rosstat.gov.ru

Григорьева Екатерина Анатольевна – доцент кафедры математических методов и информационных технологий в экономике Института управления, экономики и финансов ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ekaterina_kazan@mail.ru

Грошева Надежда Борисовна – директор Байкальской международной бизнес-школы (института) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», доктор экономических наук, доцент.

E-mail: nadusha_i@mail.ru

Данилов Александр Николаевич – заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси.

E-mail: a.vitebsk55@gmail.com

Деренко Николай Васильевич – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы (института) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат физико-математических наук, доцент.

E-mail: nv@derenko.ru

Дмитриева Анастасия Алексеевна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: dmitrieva880@mail.ru

Дмитриева Юлия Николаевна – старший научный сотрудник лаборатории экономической и социальной географии Института географии имени В. Б. Сочавы СО РАН, кандидат географических наук.

E-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

Донских Никита Игоревич – свободный исследователь, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nika_dons@mail.ru

Дудочников Алексей Игоревич – старший преподаватель кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: dudochnikov@yandex.ru

Жабуровская Ангелина Александровна – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры политических наук и социологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: AngelGryber@mail.ru

Жербакова Майна Геннадьевна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zherbakova.m@mail.ru

Журавлева Анастасия Андреевна – аспирант 1-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nastya_lyalikova@mail.ru

Зайковская Анастасия Александровна – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: dmitrieva_aa@mail.ru

Затонацкий Алексей Юрьевич – старший преподаватель кафедры общевоенной подготовки Военного учебного центра при ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
E-mail: a.iu.zatonatsky@urfu.ru

Зырянов Владимир Викторович – доцент кафедры социальных технологий социологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: vvzyryanov@gmail.com

Зотов Виталий Владимирович – профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор.
E-mail: om_zotova@mail.ru

Иванченко Наталья Николаевна – заместитель руководителя Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области (Ростовстат).
E-mail: 61.ivanchenkonn@rosstat.gov.ru

Изатулина Полина Сергеевна – заместитель директора МКУ Ангарского городского округа «Центр поддержки общественных инициатив», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: polina-zinina@mail.ru

Каблукова Валерия Евгеньевна – свободный исследователь, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lordbest13@gmail.com

Какаулин Сергей Петрович – начальник управления промышленности Министерства экономического развития и промышленности Иркутской области, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: kspmail@mail.ru

Каримова Регина Мажитовна – начальник отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, кандидат социологических наук.
E-mail: mreginam@mail.ru

Каширихина Алёна Евгеньевна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: alyonaf2002@bk.ru

Кизилова Анна Евгеньевна – ведущий экономист Управления Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу.

E-mail: Anny46@mail.ru

Киселёв Юрий Анатольевич – доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.

E-mail: yurii54irk@gmail.com

Кобец Максим Александрович – руководитель Военного учебного центра ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет».

E-mail: maksim-kobets@mail.ru

Кобизь Татьяна Николаевна – доцент кафедры социальной работы социологического факультета ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: tatlukina@list.ru

Корелин Михаил Николаевич – преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, лаборант научно-исследовательской части ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: korelinmn@mail.ru

Коробкова Анастасия Александровна – магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры политических наук и социологии Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

E-mail: Stnk27@bk.ru

Кравченко Андрей Олегович – магистрант 2-го курса направления подготовки «Демографическая политика региона и социальная аналитика» кафедры социологии и технологий ГМУ Школы государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВО «Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

E-mail: kao211102@mail.ru

Кривошеев Владимир Вениаминович – профессор Высшей школы философии, истории и социальных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени И. Канта», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

Кружкова Яна Алексеевна – старший преподаватель кафедры сервиса и сервисных технологий факультета бизнес-коммуникаций и информатики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: krushkova@yandex.ru

Кувалдин Сергей Юрьевич – свободный исследователь, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: s.kuvaldin@mail.ru

Кузьмина Елена Сергеевна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: kuzelenas@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: nak-2023@mail.ru

Кульминская Алина Владимировна – доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: a.v.kulminskaja@urfu.ru

Кульченко Анастасия Викторовна – старший методист ГАУ ИО «Центр оценки профессионального мастерства, квалификации педагогов и мониторинга качества образования», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: 26081981@list.ru

Курбанов Артур Хусайнович – профессор кафедры материального обеспечения командного факультета тыла и железнодорожных войск ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

E-mail: kurbanov-83@yandex.ru

Куриленкова Ольга Александровна – начальник управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям, член государственной аттестационной комиссии по направлениям подготовки 39.03.01 и 39.04.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: o.kurilenkova@yandex.ru

Лай Юньцзян – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» отдела экономической социологии Института социологии НАН Беларуси.

E-mail: sasha-lai@mail.ru

Лапина Анна Викторовна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.

E-mail: tolstikova_av@list.ru

Левченко Илья Евгеньевич – профессор кафедры прикладной социологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: i.e.levchenko@urfu.ru

Легостаева Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления Института сервиса и отраслевого управления ФГБОУ ВО «Гоманский индустриальный университет».

E-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

Леминев Михаил Валерьевич – старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», майор полиции, магистр социологии.

E-mail: leminov.mv@mail.ru

Лещенко Ярослав Александрович – ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований», доктор медицинских наук, профессор.

E-mail: yaleshenko@gmail.com

Либенсон Игорь Рувимович – доцент кафедры «Финансовый и стратегический менеджмент» ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: liben59@inbox.ru

Лобовикова Елена Александровна – заведующая кафедрой гуманитарных, социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: lobovikova@yandex.ru

Лопатина Виктория Рауфовна – доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук.

E-mail: viktoria.khafizova@urfu.ru

Лоскутникова Наталья Альбертовна – главный специалист-эксперт отдела статистики населения и здравоохранения Федеральной служб государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат).

E-mail: 59.LoskutnikovaNA@rosstat.gov.ru

Луговой Андрей Викторович – магистрант 2-го курса направления подготовки 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью» кафедры общественных связей Института социального инжиниринга ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева».

E-mail: myiphonese_94@mail

Любержев Павел Павлович – аспирант 3-го года обучения направления подготовки 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы кафедры социальной философии и социологии ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: 98lpp@mail.ru

Максимов Влада Михайловна – заместитель директора Байкальской международной бизнес-школы (института) ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по учебной работе.

E-mail: maksimovavm@mail.ru

Малаканова Ольга Александровна – доцент кафедры социологии и культурологии социологического факультета ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: malakanova.oa@ssau.ru

Мананникова Юлия Владимировна – директор Центра научно-аналитического сопровождения региональной системы оценки качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: konsalt-m@list.ru

Манзанова Надежда Юрьевна – начальник отдела организации и проведения переписей и обследований Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).
E-mail: manzanas@yandex.ru

Маслова Елена Владимировна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: m.elena.vl@mail.ru

Маслодудова Наталья Владимировна – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

Матвеева Елена Викторовна – профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», доктор политических наук, доцент.
E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Матвеева Ольга Алексеевна – старший специалист 3 разряда отдела статистики предприятий, региональных счетов, ведения Статистического регистра и общероссийских классификаторов Управления Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому Автономному округу.
E-mail: 29.matveeva0a@rosstat.gov.ru

Машинская Дарья Александровна – ведущий специалист-эксперт административного отдела Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области.
E-mail: 55.mashinskaiada@rosstat.gov.ru

Мелконян Мари Артаковна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: marimelkonyan262003@mail.ru

Мельникова Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры церковно-практических и общегуманитарных дисциплин РО – ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».
E-mail: i-leka-i@mail.ru

Меньшикова Анна Андреевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Института интегративного здравоохранения ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет», кандидат философских наук.
E-mail: wqrwqrwqrwqrwqr@mail.ru

Молчанова Вера Алексеевна – доцент кафедры мировой экономики и финансового менеджмента Института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова», кандидат экономических наук, доцент.
E-mail: Molchanova_VA@mail.ru

Мухамедова Людмила Леонидовна – главный специалист по кадрам ГАУ «Иркутский областной многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: mlluda@rambler.ru

Мыльникова Яна Владимировна – специалист-эксперт отдела статистики сельского хозяйства и окружающей природной среды Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике в г. Ижевск (Удмуртстат).
E-mail: 18.mylnikovaia@rosstat.gov.ru

Мятникова Ирина Владимировна – заведующий сектором информационного и аналитического обеспечения Центра оперативных исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси.
E-mail: mivmiv84@yandex.ru

Назаретян Вараздат Гришаевич – профессор кафедры педиатрии № 1 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор.
E-mail: htpkr@mail.ru

- Назаретян Петр Вараздатович** – доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат культурологии.
E-mail: ktrmagnit@mail.ru
- Найденова Людмила Ивановна** – профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор социологических наук, профессор.
E-mail: linajdenova@yandex.ru
- Наумова Анастасия Александровна** – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nastya_deluca@mail.ru
- Нелобова Ольга Валентиновна** – свободный исследователь, соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ne17608a@yandex.ru
- Неруш Владимир Витальевич** – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: vladimir.nerush@mail.ru
- Никитина Елена Витальевна** – главный специалист-эксперт отдела сводных статистических работ и общественных связей Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва.
E-mail: lena.nikitina@mail.ru
- Нуруллина Эльмира Ринатовна** – доцент кафедры социологии, политологии и права ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: elmiranur10@yandex.ru
- Павлова Ксения Михайловна** – педагог-психолог МАУ ДПО «Центр развития образования» МО г. Братска, магистр социологии.
E-mail: scro-pavlova@mail.ru
- Палашенко Егор Викторович** – ассистент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: upalashchenko@mail.ru
- Панфилова Анна Олеговна** – доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: panfilova.ao@dvfu.ru
- Партихлаев Вячеслав Викторович** – штатный лама местной религиозной организации «Религиозное объединение буддистов Дацан Гунзэчойнэй г. Санкт-Петербурга».
E-mail: dzimba@mail.ru
- Пивень Сергей Николаевич** – доцент кафедры церковно-практических и общегуманитарных дисциплин РО – ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: piven_sn@mail.ru
- Пинигин Иван Евгеньевич** – аспирант 4-го года обучения направления подготовки «Социологические науки» кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».
E-mail: iz_tyumeni@inbox.ru
- Половкина Эльвира Анасовна** – доцент кафедры математических методов и информационных технологий в экономике Института управления, экономики и финансов ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат экономических наук, доцент.
- Полушкович Оксана Александровна** – доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: okwook@mail.ru
- Полякова Виктория Владимировна** – заведующая кафедрой прикладной социологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: Vika.Polyakova@urfu.ru
- Попов Максим Юрьевич** – старший преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», магистр социологии.
E-mail: PopovMU-13.02@yandex.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук фармацевтического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава России, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: 900320@mail.ru

Потехина Екатерина Сергеевна – учитель-дефектолог МБДОУ города Иркутска детский сад № 162, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: katyapotekhina@mail.ru

Причислых Татьяна Александровна – консультант отдела реализации государственных программ управления экономического обеспечения министерства по молодежной политике Иркутской области, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Kapa4evat@yandex.ru

Пугач Виктория Федоровна – профессор кафедры ЮНЕСКО по сравнительным исследованиям качества высшего образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», старший научный сотрудник, доктор социологических наук, профессор.
E-mail: vfpugach@mail.ru

Пятков Матвей Олегович – аспирант 2-го года обучения направления подготовки 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы» кафедры политических наук и социологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: m-tv@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат философских наук, доцент.
E-mail: eresh80@mail.ru

Румянцев Игорь Викторович – преподаватель Военного учебного центра имени дважды Героя Советского Союза генерала армии А. П. Бедобородова при ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», майор.
E-mail: voecentre@isu.ru

Саблина Наталья Александровна – доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат социологических наук.
E-mail: nsablina@bk.ru

Сакович Анжела Юрьевна – доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: anzhele_sakovich87@mail.ru

Салтыкова Юлия Анатольевна – доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента Байкальской международной бизнес-школы, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук.
E-mail: sokolk@mail.ru

Селянин Максим Николаевич – магистрант 2-го курса направления подготовки «Государственно-муниципальное управление» кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: max.selyanin2012@yandex.ru

Сигачева Елена Геннадьевна – руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).
E-mail: 38.00.sigachevaeg@rosstat.gov.ru

Смирнов Алексей Евгеньевич – профессор кафедры философии и социальных коммуникаций факультета экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова», доктор философских наук, доцент.
E-mail: aesmir@mail.ru

Талалова Юлия Алексеевна – свободный исследователь, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: genevieve03@mail.ru

Тарасова Анна Николаевна – доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат социологических наук, доцент.
E-mail: a.n.tarasova@mail.ru

Тимошин Владимир Александрович – адъюнкт отдела организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров Вольского военного института материального обеспечения ФГКВОВ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации.

Турсунгалиева Лейла Маулетжановна – помощник директора ООО «Сервисный центр СБМ» ОП г. Иркутск, магистрант 1-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: leila.tursungalieva@yandex.ru

Удалых Станислав Кузьмич – советник Иркутского регионального отделения Российской академии естественных наук, кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ysk2.irk@yandex.ru

Фурсова Ирина Александровна – специалист по кадрам МКУ Ангарского городского округа «Центр поддержки общественных инициатив», магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: fursovaia@yandex.ru

Хименес Кинтеро Янекса Миллею – аспирант 3-го года обучения кафедры прикладной социологии ФГАОВ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

E-mail: jimenez.yanexa@mail.ru

Цветкова Ирина Викторовна – профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – профессор кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», доктор политических наук, доцент.

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Чумлякова Дарья Владимировна – заместитель начальника отдела статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат), кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: 72.ChumliakovaDV@rosstat.gov.ru

Чуркина Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры менеджмента и агробизнеса факультета технологического предпринимательства ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецкого», кандидат экономических наук.

E-mail: Ekaterina-bobren@mail.ru

Чучелов Виктор Иванович – учредитель Общественного объединения правоохранительной направленности «Отряд содействия полиции “Тигр”», советник Губернатора Пензенской области по вопросам социально-экономического развития.

E-mail: tnrodina14@yandex.ru

Шарафутдинов Рустам Ильфарович – специалист-эксперт отдела сводных статистических работ и общественных связей Управления Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат).

E-mail: 72.sharafutdinovri@rosstat.gov.ru

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – главный научный сотрудник Центра сравнительных политических исследований Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор.

E-mail: mukash2424@gmail.com

Шелегова Ирина Егоровна – начальник отдела статистики строительства, инвестиций и жилищно-коммунального хозяйства Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва.

E-mail: irinashel05@gmail.com

Шилова Анна Эдуардовна – доцент кафедры менеджмента и агробизнеса факультета технологического предпринимательства ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В. Н. Полецкого», кандидат экономических наук.

E-mail: shilova.anna2014@yandex.ru

Шинкевич Владимир Ефимович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор социологических наук, доцент.

E-mail: vlashink@yandex.ru

Яблонская Анна Евгеньевна – доцент кафедры мировой экономики и финансового менеджмента ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова», кандидат экономических наук, доцент.

E-mail: ann_yabl@list.ru

Ярцева Юлия Романовна – старший специалист 1 разряда отдела по обеспечению работы постоянных комитетов и комиссий Управления документационного обеспечения аппарата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант 2-го курса направления подготовки 39.04.01 «Социология» кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: yarceva.02@bk.ru

Янков Юрий Петрович – начальник экспертного управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, член государственной аттестационной комиссии по направлениям подготовки 39.03.01 и 39.04.01 Социология Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат экономических наук.

E-mail: up.yankov@gmail.com

СВЕДЕНИЯ О МОЛОДЫХ АВТОРАХ

Базилиян Елизавета Евгеньевна – студент 2-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: bazilianliza@yandex.ru

Бакулина Виктория Игоревна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: morlanna@yandex.ru

Башаров Антон Иванович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: toni.basharov.06@mail.ru

Беспалова Кристина Сергеевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: k.bespalova2006@mail.ru

Боева Елизавета Алексеевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

E-mail: boewa.elizaveta2014@yandex.ru

Бондарева Светлана Анатольевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: bondareva.s.a88@yandex.ru

Бондарь Михаил Николаевич – студент 2-го курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика» Института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова».

E-mail: mikhail.bondar.1414@mail.ru

Борисова Елизавета Валерьевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского».

E-mail: elizaveta_b1@icloud.com

Буянтуева Цырена Жаргаловна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: tsyrena.b@yandex.ru

Васильчук Виктория Александровна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: irina.vailchuk4@yandex.ru

Вовиков Иван Евгеньевич – студент 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: vanja.vovikov@gmail.com

Волчек Екатерина Ивановна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».

E-mail: Happy.katya19@yandex.ru

Габдулхакова Юлия Шамильевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: julia8zu@gmail.com

Габидуллин Тимур Радикович – студент 2-го курса направления подготовки «Экономика» Института управления, экономики и финансов ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: 07101973leisan@gmail.com

Голобородько Анастасия Никитична – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: goloborodkonastia.2005@gmail.com

Горбунов Георгий Павлович – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: asapferb141@gmail.com

Давыдова Дарья Андреевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: davidovvaa12@gmail.com

Душутин Максим Васильевич – студент 2-го курса направления подготовки «Таможенное дело» факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения».
E-mail: Zxcasdqwert121@gmail.com

Жаргалова Дари Дугаровна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: dari.zhargalova@mail.ru

Зайцева Екатерина Александровна – студент 2-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ezaytseva94@gmail.com

Зырянов Игорь Юрьевич – студент 3-го курса направления подготовки 41.03.05 «Международные отношения» Института мировой экономики и международных отношений ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», -го курсант Военно-учебного центра имени дважды Героя Советского Союза генерала армии А.П. Белобородова при ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: igor.zyryanov.05@bk.ru

Коробейникова Дарья Александровна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: korobeynikova.dashulya06@mail.ru

Ильин Дмитрий Константинович – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: yoyopololo47@gmail.com

Котоманов Никита Владимирович – студент 3-го курса направления подготовки 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» Института юстиций ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
E-mail: mr.kotomanov@yandex.ru

Лазарева Анастасия Андреевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lazarevanastya03@mail.ru

Лака Ксения Вячеславовна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: senya.laka@mail.ru

Латыпов Тимур Ирекович – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: 2004_timur_2004@mail.ru

Лаукканен Олеся Сергеевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: Laukkanen05@inbox.ru

Ленартович Милана Сергеевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lenartovichmilana@gmail.com

Лошакова Наталия Витальевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: loshakova04@list.ru

Лях Алексей Русланович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: alexlyah337@gmail.com

Лучезаров Антон Николаевич – студент 1-го курса направления подготовки «Православная теология» РО – ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».
E-mail: antonluchezarov@yandex.ru

Малетина Мирослава Сергеевна – студент 1-го курса направления подготовки 31.05.01 «Лечебное дело» лечебного факультета ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет».
E-mail: maletinamiroslava@yandex.ru

Малыхина Дарья Андреевна – студент 5-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
E-mail: dashaxiaomi00@mail.ru

Малышев Вячеслав Геннадьевич – студент 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: avalasus@yandex.ru

Мамбетказиев Данил Максатбекович – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: danilmambetkaziev30@gmail.com

Медведева Маргарита Юрьевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: rita.medvedeva.004@mail.ru

Мусарова Милана Садыкжановна – студент 1-го курса направления подготовки 31.05.01 «Лечебное дело» лечебного факультета ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет».
E-mail: vip.musarova@mail.ru

Моксоева София Антоновна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: moksoeva2002@gmail.com

Нурутдинова Лина Сергеевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: nurutdinova2003@mail.ru

Овечкин Роман Алексеевич – студент 2-го курса направления подготовки «Менеджмент» Байкальской международной бизнес-школы (института), студент 1-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: romanovechkin@list.ru

Остапчук Виктория Андреевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского».
E-mail: vicky0508200448@gmail.com

Пахорукова Дарья Михайловна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: zabolotnyaya_dasha@mail.ru

Петренко Алина Алексеевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: alinck97.kim@yandex.ru

Пешкова Алена Борисовна – студент 2-го курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: peshkova.alena@internet.ru

Повар Мария Сергеевна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.
E-mail: maria.povar06@gmail.com

Пурушенова Карина Юрьевна – студент 2-го курса направления подготовки «Туризм» факультета бизнес-коммуникаций и информатики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: Karinabaidanova27@gmail.com

Рахуба Екатерина Александровна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ekaterinarahuba68@gmail.com

Седых Зоя Александровна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: z.o.n.i.c.h@yandex.ru

Семейкина Мария Сергеевна – менеджер по сопровождению продаж ООО «Региональный дом рекламы», студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: mariaseimeikina89@gmail.ru

Сибгатуллин Булат Айратович – студент 2-го курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика» Института управления, экономики и финансов ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: sibgatullinbulat97@gmail.com

Скорова Елизавета Сергеевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» факультета философии и социологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».
E-mail: elisabetaskorova@yandex.ru

Сokolova Анастасия Владимировна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: sav.2302.s@gmail.com

Татаринев Яков Михайлович – студент 3-го-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: striymudrec@gmail.com

Фадина Татьяна Андреевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: fta2005irk@gmail.com

Хмыль Алина Николаевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: alinahmyl@yandex.ru

Хоменко Дарья Владимировна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: homenkodv26@mail.ru

Хуснутдинова Альбина Ханифовна – студент 2-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
E-mail: husnutdinovaallbina@gmail.com

Цыганова Александра Андреевна – студент 2-го курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика» Института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова».
E-mail: tsyganova.asya@inbox.ru

Шамкова Екатерина Алексеевна – студент 1-го курса направления подготовки «Православная теология» РО – ДОО ВО «Кузбасская православная духовная семинария Кемеровской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».
E-mail: e_shamkova@vk.com

Шатохина Алёна Витальевна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: ashatokhina11@gmail.com

Шевцова Елизавета Владимировна – студент 3-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: shevtsova-liza05@mail.ru

Шеметов Антон Викторович – студент 4-го курса направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: shemetovav@mail.ru

Шуваева Елена Валерьевна – студент 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология» Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет».
E-mail: lenashuvaeva21@gmail.com

ЭКСПЕРТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

ISBN 978-5-9624-2495-8

Переводчик-корректор **Е. В. Ватолина**
Translator-proofreader E. V. Vatolina

*Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнение редакционной коллегии может
не совпадать с позицией авторов.*

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2026. Поз. 48
Уч.-изд. л. 71,2

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 03.06.2026
Тираж 13 экз. Объем 28,8 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	OC Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или OC Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше